

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

COLUMBIA LIBRARIES OFFSITE

1002378574

1428

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

GENERAL LIBRARY

БЫТЬ

ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ.

Сочиненіе

Ф. Ф. ВЕЛИШСКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО

**ЧЛЕНОВЪ КІЕВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ОБЩЕСТВА КЛАССИЧЕСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ**

подъ редакціей

И. Я. РОСТОВЦЕВА.

**СОЧИНЕНІЕ ЭТО УДОСТОИЛОСЬ ОДОБРЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. НАР.
ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССИИ.**

П Р А Г А.

ТИПОГРАФІЯ И. МИЛИТКІЙ И НОВАКЪ.

1878.

DE
71
.V4417

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начало предлагаемому сочиненію положили археологическія разсканія, произведенныя авторомъ въ теченіе 1863/4 года въ Италіи, въ особенности же въ Римѣ, Неаполѣ и Помпеяхъ; впоследствии на досугъ, насколько это позволяло учительское званіе автора, они дополнены были свѣдѣніями какъ изъ произведеній древнихъ авторовъ, такъ и изъ относящейся сюда литературы новыхъ писателей, и наконецъ во многихъ частяхъ были провѣрены вторичнымъ путешествіемъ на классической Востокъ въ 1872 году.

Относительно пользы сочиненій, въ которыхъ въ легкой и общедоступной формѣ излагаются важнѣйшія стороны быта древнихъ Грековъ и Римлянъ, авторъ не считаетъ нужнымъ здѣсь распространяться, такъ какъ это ясно и всѣми признано.

Одноименное нѣмецкое сочиненіе Гуля и Конера „Das Leben der Griechen und Römer“ (вышедшее первымъ изданіемъ въ 1861 году въ Берлинѣ) служило автору указаніемъ во многомъ и вообще образцомъ; но плана и распредѣленія матеріала въ томъ видѣ, какъ это представляетъ названное сочиненіе, авторъ по нѣкоторымъ причинамъ не держался. У Гуля и Конера содержаніе сочиненія раздѣлено на двѣ части: въ первой представленъ образъ жизни Грековъ, во второй Римлянъ. Хотя такой способъ изложенія имѣетъ многія преимущества, тѣмъ не менѣе автору предлагаемой книги казалось еще болѣе удобнымъ изобразить всѣ

*

явленія греческой и римской жизни параллельно; ибо между греческою и римскою жизнью такъ много точекъ соприкосновенія и такъ много сходства, что знакомство съ тою и другою при близкомъ и одновременномъ сравненіи становится для читателя болѣе легкимъ. Такого способа изложенія требуетъ и самое свойство матеріала. Такъ храмы римскіе, которые первоначально отличались отъ греческихъ, строились въ позднѣйшія времена по греческому образцу; римскій домъ устраивался и украшался съ конца 2го стол. до Р. Хр. на греческій ладъ; гимназіи, портики, гипподромы, стадіи, театры — все это, за незначительными исключеніями, устраивалось у Римлянъ по образцамъ греческимъ; домашняя утварь того и другого народа имѣетъ столько сходства, что иначе и нельзя говорить о ней, какъ параллельно; воспитаніе, съ тѣхъ поръ какъ Римляне стали сталкиваться съ Греками, все болѣе и болѣе приравнивалось къ греческому; музыкальные инструменты, устройство театра и многіе другіе предметы, какъ увидитъ читатель, тождественны съ греческими, такъ какъ они получили примѣненіе и распространеніе между Римлянами подъ вліяніемъ Грековъ. Это сознавали и издатели упомянутаго нѣмецкаго сочиненія, какъ видно изъ того, что, отступивъ отъ принятаго плана, они говорятъ о нѣкоторыхъ предметахъ совмѣстно, напр. о сосудахъ, о корабляхъ, о музыкальныхъ инструментахъ и пр.

Кромѣ того настоящее сочиненіе отличается отъ одноименнаго нѣмецкаго сочиненія еще и въ другомъ отношеніи. Нѣмецкіе писатели поставили себѣ задачею изобразить жизнь Грековъ и Римлянъ на основаніи античныхъ вещественныхъ памятниковъ (nach antiken Bildwerken), авторъ же настоящаго труда, наоборотъ, изображаетъ жизнь обоихъ народовъ по письменнымъ памятникамъ, и лишь для большей ясности представленія прибавляетъ, гдѣ только возможно, рисунки. Такимъ образомъ явилась возможность изобразить и нѣкоторыя стороны общественной жизни (сюда относятся статьи о деньгахъ, о торговлѣ, о жрецахъ, о военномъ дѣлѣ и др.), что казалось автору необходимымъ; тогда какъ нѣмецкіе писатели при своей точкѣ зрѣнія или только поверхностно коснулись мно-

гихъ сторонъ жизни обоихъ народовъ, или, по недостатку вещественныхъ памятниковъ, совсѣмъ пропустили ихъ, или напротивъ того, вслѣдствіе изобилія многихъ памятниковъ, какъ напр. въ отдѣлѣ архитектуры, изложили этотъ отдѣлъ черезчуръ обширно. Поэтому также авторъ издаваемой книги ограничилъ объемъ отдѣла объ архитектурѣ только 10 печатными листами, считая это достаточнымъ, хотя на нѣкоторыхъ частяхъ, въ видахъ большей основательности изложенія, онъ остановился долѣе, чѣмъ требовалъ и самый предметъ, напр. на описаніи греческаго и римскаго дома. Сокративъ такимъ образомъ архитектурный отдѣлъ, авторъ получилъ возможность болѣе подробно поговорить о семейной жизни, въ особенности о воспитаніи, и не только греческомъ, но и римскомъ, о которомъ нѣмецкіе вышеупомянутые писатели почти совершенно умолчали, и т. д.

Наконецъ отличіе этой книги отъ одноименной нѣмецкой заключается еще и въ томъ, что она снабжена значительнымъ числомъ цитатъ изъ древнихъ писателей. Авторъ, имѣя въ виду читателей, коимъ сочиненія греческихъ и римскихъ писателей доступны, счелъ удобнымъ и цѣлесообразнымъ помѣщать цитаты изъ этихъ сочиненій, и притомъ, такъ какъ книга его назначена преимущественно для учениковъ гимназій, прежде всего изъ сочиненій писателей, читаемыхъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ-то изъ Гомера, Геродота, Платона, Ксенофонта, Цицерона, Ливія, Горация и Тацита — обращая вниманіе, конечно, болѣе всего на Гомера; затѣмъ онъ приводитъ цитаты изъ Павсанія, Полибія, Светонія, изъ *Scriptores Historiae Augustae*, изъ Марціала, Плинія, Лукіана и др.; наконецъ онъ помѣщаетъ еще и другія цитаты, именно такія, которыми поясняются нѣкоторыя стороны античной жизни, или менѣе извѣстныя, или особенно замѣчательныя въ какомъ нибудь отношеніи.

Главнымъ источникомъ при составленіи этой книги послужила автору конечно вспомогательная литература, которая, благодаря всестороннему изслѣдованію классическихъ древностей, до того богата, что писателю весьма трудно основательно познако-

миться даже только съ частью ея произведеній. Въ этомъ отношеніи авторъ пользовался сочиненіями Беккера, Германа, Марквардта, Моммсена, Овербека, Фридендра, Форбигера, Рюстова и Кёхли. Курціуса, а также словарями Рича (Riche) и Сальо (Saglio: Dictionnaire des antiquités grecques et romaines) и нѣкоторыми другими болѣе или менѣе извѣстными сочиненіями. Но не смотря на богатство этой литературы, въ подробностяхъ существуютъ еще относительно многихъ вещей разногласія и ошибки, такъ что новому писателю представляется довольно много случаевъ для поправокъ и самостоятельныхъ изслѣдованій.

Итакъ, стараясь собрать воедино важнѣйшія свѣдѣнія по этому предмету и избѣгая по возможности уже прежде замѣченныхъ недостатковъ своихъ предшественниковъ, а также обращая вниманіе, на сколько возможно, на классическіе источники и присоединивъ нѣкоторыя свои изслѣдованія: авторъ предлагаемаго сочиненія питаетъ надежду, что книга его въ настоящее время можетъ удовлетворить той цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду при ея составленіи, именно, что она облегчитъ для учащагося юношества пониманіе античной жизни, уясняя ее словомъ и изображеніемъ, и кромѣ того вообще не безъ удовольствія и пользы можетъ быть прочитана всякимъ образованнымъ человѣкомъ.

Въ какой мѣрѣ удалось ему достигнуть этой цѣли, пусть судить благосклонный читатель. Но что, не смотря на все стараніе и усиліе, книга не окажется безъ недостатковъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Итакъ, да будетъ она принята съ такимъ же снисхожденіемъ, съ какою любовью къ дѣлу и желаніемъ доставить пользу она была написана! —

Книга эта встрѣтила, вѣкорѣ послѣ изданія ея въ Прагѣ, похвальный отзывъ въ Россіи, въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ (№ 7, Іюль 1876); въ особенности признано практическое преимущество ея предъ вышеупомянутымъ нѣмецкимъ сочиненіемъ, такъ какъ она удовлетворяетъ потребностямъ русскихъ гимназій и при сравнительной краткости болѣе обширно изображаетъ важнѣйшія стороны античной жизни. При этомъ высказано

было желаніе увидѣть скорѣе переводъ ея на русскій языкъ для пользы какъ воспитанниковъ гимназій, такъ отчасти студентовъ университета и всей образованной публики.

Послѣ этого Кіевское отдѣленіе общества классической филологіи и педагогики, обсудивъ въ своемъ засѣданіи пользу, какую можетъ принести изданіе этого сочиненія для русскаго юношества, приняло рѣшеніе перевести его на русскій языкъ съ тѣмъ, чтобы авторъ взялъ на себя изданіе его.

Когда затѣмъ подъ редакцію Окружнаго Инспектора Кіевского учебнаго округа и вмѣстѣ предсѣдателя названнаго общества И. Я. Ростовцева сдѣланъ былъ переводъ гг. членами общества, авторъ приступилъ къ печатанію его въ Прагѣ въ октябрѣ 1877 года и, не смотря на большое разстояніе мѣста печатанія и мѣста редакціи, окончилъ все изданіе въ теченіе года.

При переводѣ этой книги на русскій языкъ переводчики старались близко держаться къ подлиннику, а при изданіи ея авторъ, на сколько представлялась къ тому возможность, дѣлалъ поправки и добавленія въ самомъ текстѣ и въ рисункахъ. Такимъ образомъ русскій переводъ является вторымъ распространеннымъ и вообще исправленнымъ изданіемъ чешскаго оригинала. Не смотря на возможную тщательность работы, все таки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются недосмотры: они объясняются какъ трудностью самаго дѣла, такъ въ особенности трудностью печатанія въ иностранной типографіи.

Какъ только напечатана была первая часть книги, авторъ позволилъ себѣ послать ее на обсужденіе Ученому Комитету Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Петербургѣ, при обязательномъ посредствѣ предсѣдателя его А. И. Георгіевскаго. Ученый Комитетъ, удостоивъ книгу благопріятнаго отзыва, опредѣлилъ „одобрить ее для ученическихъ и фундаментальныхъ бібліотекъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также, по совершенномъ окончаніи изданія, и для раздачи преуспѣвающимъ ученикамъ.“

Въ заключеніе авторъ считаетъ своимъ долгомъ выразить искреннюю признательность Г. Окружному Инспектору И. Я. Ростов-

цеву за трудное дѣло редакціи и корректуры, а также Г. преподавателю Кіевской 1^й гимназіи А. О. Поспишилю за то многообразное участіе, какое онъ принималъ въ изданіи какъ своею помощью въ дѣлѣ редакціи и корректуры, такъ и составленіемъ указателей. Кромѣ того авторъ не можетъ не поблагодарить Н. П. Апраксина, который съ рѣдкимъ усердіемъ во все время изданія наблюдалъ на мѣстѣ за исправностью корректуръ и печати, а также Г. С. Анненкова, который въ бытность свою въ Прагѣ нѣкоторое время оказывалъ свое содѣйствіе въ этомъ случаѣ.

ПРАГА, 1 октября 1878.

Ф. Велишскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый.

I. Богослужебныя постройки.

	Стр.
1. Греческіе храмы древнѣйшихъ временъ. — Храмъ на горѣ Охѣ	3—4
2. Греческіе храмы историческихъ временъ. — Дорійская колонна, іонійская колонна, коринѣская колонна	5—8
3. Надстолпіе дорійскаго храма, надстолпіе іонійскаго храма, надстолпіе коринѣскаго храма. — Крыша храма. — Крашенныя части храма	8—11
4. Храмъ между выступами („in antis“), храмъ двупертный. — Храмъ съ колоннадою впереди, храмъ съ колоннадою съ двухъ сторонъ; периптеръ (аѣинскій Парѣеонъ), храмъ двукрылый; псевдопериптеръ, псевдодиптеръ	11—16
5. Круглыя храмы, двойныя храмы (Эрехѣеонъ); храмы для тайныхъ обрядовъ	16—18
6. Храмы открытыя (ὑπαίθροι). — Храмъ Зевса въ Олимпіи	18—20
7. Статуи боговъ и жертвенники. — Статуя Аѣины и Зевса (работы Фидіа)	20—23
8. Окрестности и ограды (периболы) храмовъ. — Аѣинскіе Пропілеи	23—27
9. Римскіе храмы. — Храмъ капитолійскаго Юпитера. — Колонны римскихъ храмовъ; сложная колонна. — Надстолпіе. — Римско-дорійскій стиль. — Простиль. — Храмы со сводами (Панѣеонъ Агриппы)	27—34
10. Окрестность (периболь) римскаго храма	34—35

II. Общественныя зданія.

11. Происхожденіе греческихъ театровъ	35—36
12. Форма и положеніе греческихъ театровъ	36

	Стр.
13. Части греческаго театра. — Мѣсто для зрителей (ярусы, керкиды, сидѣнья). — Театръ въ Мегалополь, въ Сегестѣ, въ Помпеяхъ, въ Аѳинахъ. — Оркестръ. — Сцена. — Одеонъ	36—44
14. Римскій театръ. — Савеа, оркестръ, сцена. — Геркуланскій театръ, т. въ Аспендѣ, т. Помпея, т. Марцелла, т. Бальба	44—48
15. Амфитеатръ. — Амфитеатры въ Помпеяхъ, въ Полѣ, въ Путеолахъ, въ Капуѣ. — Амф. Флавіевъ въ Римѣ. Лагерный амфитеатръ	49—52
16. Гипподромъ и стадія. — Гипподромъ въ Олимпіи. Мессенская стадія. — Стадія въ Кибирѣ	53—56
17. Циркъ и римская стадія. — Циркъ Максентія, ц. въ Константинополѣ; Circus Maximus; циркъ Фламинія. — Навмахія	56—60
18. Палестра и гимназія Грековъ. — Части гимназій. Эфесская гимназія	60—63
19. Римскія термы. — Помпейскія термы: frigidarium, caldarium, tepidarium, потовая баня; гардеробная. Термы Каракаллы въ Римѣ	63—71
20. Греческія агоры. — Римскій форумъ. — Помпейскій форумъ. — Императорскія площади. Торговые рынки	71—77
21. Портнки. — Римскія базилики	77—80
22. Присутственные мѣста и мѣста народныхъ собраній въ Аѳинахъ и въ Римѣ	80—82
23. Греческія стѣны; римскія стѣны. — Помпейскія стѣны. — Греческія ворота: фигалійскія, мигенскія (львиныя). — Римскія ворота. — Греческія и римскія башни	83—87
24. Греческія дороги. — Римскія дороги: ихъ начало и устройство. — Помпейскія улицы. — Мильные столбы. — Греческіе и римскіе мосты (мостъ Кесаря черезъ Рейнъ). — Мосты въ Римѣ	87—91
25. Греческія гавани. — Римскія гавани; гавань императора Клавдія въ Остіи. — Римскіе каналы; главный каналъ въ Римѣ. — Римскіе водопроводы. — Водочистительные резервуары. — Древнія колодезныя постройки. — Греческіе водопроводы	91—98

III. Частныя постройки.

Стр.

26. Греческій домъ героическихъ временъ. — Греческій домъ древнѣйшихъ историческихъ временъ. — Греческій домъ позднѣйшихъ историческихъ временъ. Устройство и обстановка греч. дома позднѣйшихъ временъ . . . . . 98—106
27. Римскій домъ. — Атрій. Виды атривъ. — Таблинъ. — Перистиль. — Планъ малаго дома. — Домъ „Пансы“ въ Помпеяхъ. — Вестибуль, входъ, двери и способъ запиранія ихъ; ключи. — Атрій дома Пансы; устройство атрива вообще. — Устройство таблина, перистила. — Помѣщенія около перистилей: спальни, столовня, залы, гостинныя; картинныя галлерей, библіотеки и бани. — Лавки и мастерскія. — Наемныя квартиры. — Верхніе этажи римскихъ домовъ. Верхній этажъ геркуланскаго дома. — Окна римскихъ и помпейскихъ домовъ. — Крыша. — Домъ трагическаго поэта въ Помпеяхъ. — Расписываніе стѣнъ (роды живописи). — Устройство потолка и пола; мозаическіе полы. — Способъ отопленія . . . . . 106—130
28. Сравненіе греческаго дома съ римскимъ . . . . . 130—131
29. Исторія частной архитектуры въ Италіи. — Дворцы въ Римѣ. — „Золотой домъ“ Нерона . . . . . 131—134
30. Имѣнія въ деревнѣ: хозяйственныя постройки; скотоводство; разведеніе хлѣбныхъ растеній, виноградной лозы, маслины. — Малыя сельскія хозяйства. — Полевая работа. — Земледѣльческія орудія 134—139
31. Виллы. — Вилла Гадриана подъ Тибуромъ. — Вилла Плинія въ Лаврентѣ . . . . . 139—145
32. Греческіе сады. — Римскіе сады (фруктовые, цвѣтныя); теплицы. — Римскіе парки . . . . . 145—149
33. Греческія гробницы. — Гробницы высѣченныя въ скалѣ. — Гробницы со стѣлами, съ колоннами и досками. — Гробницы на земной поверхности: надгробные столбы и памятники. — Надгробные памятники въ Аѳинахъ. — Храмовидныя гробницы въ Лигіи. — Мавзолей. — Почетные памятники . 150—156
34. Римскія гробницы. — Гробницы Сципіоновъ и На-

зоновъ. — Гробницы со сводами и нишами для урнъ. — Виды гробницъ. — Кладбища въ Римѣ, въ Помпеяхъ. — Императорскія гробницы въ Римѣ. — Почетные памятники. — Почетные столбы. — Триумфальныя арки: Тита, Севера и Константина въ Римѣ 156—164

Отдѣлъ второй.

I. Домашняя утварь.

35. Мебель для сидѣнія у Грековъ и Римлянъ . . . . . 166—170
 36. Мебель для лежанія у Грековъ и Римлянъ. — Кровати, софы; столовыя софы . . . . . 170—174
 37. Столы. — Столы для выставки драгоценныхъ вещей 174—176
 38. Сундуки и лари . . . . . 176—177
 39. Сосуды для храненія жидкостей. — Сосуды для смѣшиванія вина съ водою. — Сосуды для разливки и черпанія жидкостей. — Сосуды для питья. — Кухонная и банная посуда . . . . . 177—188
 40. Расписанныя вазы старѣйшаго и позднѣйшаго фазона. — Матеріаль для изготовленія мелкой посуды. — Стекланные сосуды. Сосуды изъ мирры . . . . . 188—195
 41. Корзинки 195
 42. Факелы, лампы, висячія лампы, канделябры. Лампадаріи. Свѣчи. Фонари . . . . . 195—200
 43. Дѣленіе дня и ночи. — Гномонъ. — Клепсидра. — Солнечныя часы . . . . . 201—205

II. Одежда и наряды.

44. Нижняя одежда: греческіе хитоны. — Римскія туники; стóла . . . . . 206—212
 45. Верхняя одежда: греческій гиматіонъ. — Греческія хламиды. — Трибонъ, пеплосъ, двойная хлайна. — Римская тога. — Римская тога древнѣйшаго покроя; вышитая тога. — Палла и ея покррой. — Кноаредская палла. — Каракалла. — Далматика. — Римскіе плащи (lacerna, sagum, paludamentum, paenula, laena, trabea). — Synthesis. — Брюки . . . . . 212—224

46. Матерія одежды. — Цвѣтъ и украшенія одежды. —
Пряденъе, вышиваніе, тканье, шитье . . . . . 224—228
47. Головные покровы. — Шляпы, вуали, платки. —
Уборка волосъ. — Прическа и головные уборы рим-
скихъ женщинъ . . . . . 228—234
48. Греческая обувь. — Римская обувь. — Перчатки . 234—238
49. Украшенія: кольца, драгоцѣнные камни. — Зеркала;
притиранья. — Туалетныя принадлежности. —
Жезлы и палки . . . . . 238—245

III. Пища, итье и купанье.

50. Пища и итье Грековъ. — Симпосіонъ. — Грече-
скія вина. — Сисситіи Спартанцевъ. — Застоль-
ныя забавы . . . . . 245—258
51. Римскій обѣдъ. — Пиръ Трималхіона. — Римскія
кушанья: рыбы, ракушки, птицы, четвероногія;
овощи, стручковые плоды, фруеты; приправы; пе-
ченье. — Обычай при попойкахъ. — Вина; искус-
ственные напитки. — Застольныя забавы . . . . . 258—273
52. Греческія бани. — Цѣлебныя воды. — Римскія бани;
плата за входъ, время купанья; жизнь въ термахъ.
— Упражненія и игры въ термахъ. — Ходъ ку-
панья въ термахъ. — Умывальныя и косметическія
средства. — Роскошь въ термахъ. — Минеральныя
воды (теплыя и морскія) . . . . . 273—283

IV. Семья и ея члены.

53. Греческій бракъ. — Положеніе женщины въ домѣ
въ героическія времена. — Положеніе женщины
въ домѣ у Аттіковъ. — Положеніе женщины у
Грековъ . . . . . 283—291
54. Дѣло воспитанія у Грековъ: школьное обученіе,
музыкальный курсъ, гимнастика; школы софистовъ,
реторовъ и философовъ. — Воспитаніе въ Спартѣ.
— Воспитаніе аѳинскихъ и спартанскихъ дѣвушекъ 291—304
55. Римскій бракъ. — Положеніе женщины у Римлянъ 304—310
56. Дѣло воспитанія у Римлянъ въ древнѣйшія времена,
въ позднѣйшія времена. — Дѣтскія игры и забавы.
— Patria potestas. — Дѣло воспитанія у Римлянъ
при императорахъ . . . . . 310—319

	Стр.
57. Рабы у Грековъ. — Положеніе рабовъ у Грековъ	319—324
58. Рабы у Римлянъ. — Занятія рабовъ у Римлянъ (греческія и римскія повозки; гостинницы). — Рабы-распорядители (ordinarii). — Положеніе рабовъ у Римлянъ: наказанія и награды	324—342
59. Римскіе кліенты	342—345

V. Ремесла, промыслы и торговля.

60. Взглядъ Грековъ на платную работу. — Греческія ремесла	345—348
61. Взглядъ Римлянъ на платную работу. — Римскія ремесла: цехи, лавки; ремесла занимающіяся постройкою и отдѣлкою жилищъ, изготовленіемъ мебели, посуды, одежды, обуви, украшеній и приготвленіемъ пищи. Остальныя ремесла	348—359
62. Врачебное искусство у Римлянъ и Грековъ	359—362
63. Книжное дѣло у Римлянъ: диптихи, папирусъ, бумага; свитки, футляры. — Библіотеки (геркуланскіе свитки). — Распространеніе книгъ. — Книгопродавцы, цѣны книгъ; гонорарій. — Книжное дѣло у Грековъ	362—371
64. Торговля у Грековъ	371—374
65. Римская торговля: хлѣбомъ, скотомъ, виномъ, масломъ, солью, строительными матеріалами, сырьемъ, металлами, мануфактурными произведеніями. — Дежежная торговля	374—383
66. Греческія деньги древнѣйшихъ временъ. — Серебряныя эгинскія и аттичскія монеты. — Греческія серебряныя и золотыя монеты. — Персидскій дарикъ. — Мѣдная монета. — Обзорніе обыкновенныхъ греческихъ монетъ	383—388
67. Мѣдныя римскія деньги древнѣйшихъ временъ. — Серебряныя и золотыя римскія деньги. — Греческія деньги въ Римѣ. — Обзорніе римскихъ монетъ при императорахъ	388—395
68. Греческія мѣры емкости; обзорніе аттичскихъ мѣръ емкости жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ. — Греческія мѣры длины; обзорніе ихъ. — Римскія мѣры емкости; обзорніе ихъ. — Римскія мѣры длины; обзорніе ихъ. — Мѣры плоскости; обзорніе ихъ	395—400

69. Греческія и римскія мѣры вѣса. Безмены и гири . 400—403
70. Греческіе трехгребные корабли (тріеры). — Устройство кораблей: палуба, носъ, корма, снасти, якори, весла; гребцы; способъ гребли. Размѣры кораблей. — Римскіе военные и транспортные корабли. — Время мореплаванія; скорость хода кораблей . . . . . 403—414

VI. Богослуженіе, праздники и игры.

71. Греческія жертвоприношенія: возліаніе, кровавая жертва; жертвы гадательная, клятвенная и умилоствительная. — Жертвенники и алтари . . . . . 414—422
72. Греческіе жрецы и ихъ помощники . . . . . 422—424
73. Римскія жертвоприношенія: кровавая жертва, тройная жертва; жертвоприношенія подземнымъ богамъ. — Жертвогадатели. — Жертвоприношенія домашнимъ богамъ и богамъ-охранителямъ. — Жертвенники и алтари. — Жертвенная утварь . . . . . 425—433
74. Римскіе жрецы: понтифики, жертвенный царь, фламинны, Весталки, коллегія пятнадцати (Сивиллины книги), коллегія семи эпулоновъ; авгуры, саліи, феціалы, куріоны; общества жрецовъ . . . . . 434—451
75. Греческіе праздники: панаѳеней, элевсиніи, діонисіи, ленеи . . . . . 451—456
76. Греческія театральныя игры; театральныя машины, костюмы; маски, одежда . . . . . 456—463
77. Музыкальные инструменты . . . . . 463—472
78. Общегреческіе праздники: олимпійскіе (стадія и гипподромъ); пивѣйскіе, исемійскіе, немейскіе . . . . . 472—481
79. Римскіе праздники: происхожденіе игръ, число и роды ихъ . . . . . 482—486
80. Ристанія въ циркѣ. — Гимнастическія состязанія . 486—493
81. Театральныя игры: ателлана, мимъ, пантомимъ, мимологическая пирриха. — Актеры. — Публика. — Порядокъ въ театрѣ. — Сценическое устройство; костюмы актеровъ . . . . . 493—509
82. Происхожденіе гладіаторскихъ игръ. — Общества гладіаторовъ. — Вооруженіе гладіаторовъ. — Состязанія гладіаторовъ . . . . . 509—524

	Стр.
83. Звѣринныя травы	524—526
84. Навмахіи	526—528
85. Капитолійское состязаніе	528

VII. Военное дѣло.

<u>86.</u> Вооруженіе Грековъ въ героическія времена, въ позднѣйшія времена. — Боевыя колесницы	529—542
87. Вооруженіе Римлянъ	543—551
<u>88.</u> Устройство греческаго войска въ героическія времена	551—552
<u>89.</u> Устройство аттическаго войска	552—555
<u>90.</u> Устройство наемныхъ войскъ	555—557
<u>91.</u> Построеніе войска, походъ, устройство лагеря	557—561
<u>92.</u> Устройство спартанскаго войска	561—564
93. Устройство македонскаго войска	564—566
94. Устройство римскаго войска при царяхъ, во времена республики (Камиллъ, Марій)	567—572
95. Устройство римскаго войска при императорахъ	572—576
96. Знаменоносцы и военныя знамена	576—578
97. Построеніе войска	578—582
98. Походъ. — Устройство римскихъ лагерей. — Служба и жизнь въ лагерѣ	582—590
99. Жалованье римскихъ солдатъ. — Санитарное дѣло у Римлянъ	590—592
100. Дисциплина въ римскомъ войскѣ: наказанія и награды; вѣнки	592—597
101. Триумфъ. — Овація	597—605
102. Военныя машины: осадныя орудія, метательныя орудія	605—610

VIII. Погребальныя обычаи и обряды.

<u>103.</u> Греческія похороны въ героическія времена. — Похороны въ позднѣйшія времена (въ Аттікѣ). — Кенотафін. — Похороны спартанскихъ царей	611—620
104. Римскія похороны простыя, торжественныя. — Способъ погребенія. — Поминальные обряды. — Обогащеніе	620—628
Греческій указатель	629—639
Латинскій указатель	640—654
Русскій указатель	655—668
Опечатки и исправленія	669—670

Греки и Римляне принадлежать къ народамъ древности, болѣе другихъ одареннымъ творческими способностями. Поэтому изученіе жизни этихъ народовъ представляетъ особенный интересъ. Интересъ этотъ еще болѣе увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что культура древнихъ Грековъ и Римлянъ послужила основой культуры ново-европейскихъ народовъ, такъ что, не смотря на большое различіе нашей цивилизаціи отъ цивилизаціи древнихъ классическихъ народовъ, все таки мы можемъ найти много сходства въ характерѣ этихъ цивилизацій. Имѣя это въ виду, мы намѣрены въ этомъ сочиненіи изобразить главнѣйшія стороны быта древнихъ Грековъ и Римлянъ, и при томъ не отдѣльно того и другаго народа, а для большей ясности и удобства въ совокупности, сопоставляя отдѣльныя явленія внѣшней жизни обоихъ народовъ и сравнивая ихъ между собою. Для большей наглядности представленія, мы присоединимъ къ описываемымъ нами предметамъ, на сколько это возможно будетъ, также рисунки ихъ, сдѣланные или непосредственно по дошедшимъ до насъ отъ этихъ народовъ вещественнымъ памятникамъ, или по ихъ изображенію. Большая часть этихъ рисунковъ и именно тѣ изъ нихъ, оригиналы которыхъ находятся въ Римѣ, въ Неаполѣ, Помпеяхъ, Афинахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, тщательно сравнены нами съ теми послѣдними и потому за вѣрность ихъ мы вполне ручаемся.

Въ архитектурѣ Греки и Римляне достигли величайшихъ успѣховъ; поэтому мы и остановимся прежде всего на ихъ архитектурныхъ произведеніяхъ и, такъ какъ постройки Грековъ и Римлянъ служили или для цѣлей религіозныхъ, или для потребностей общественной и частной жизни, то мы скажемъ 1. о постройкахъ богослужебныхъ, 2. о публичныхъ зданіяхъ и 3. о частныхъ постройкахъ.

І. Богослужебныя постройки.

Греческіе храмы.

1. Въ древнія времена у Грековъ, подобно тому какъ и у другихъ народовъ индоевропейскаго происхожденія, не было никакихъ особыхъ храмовъ; мѣстопребываніемъ боговъ считались рощи, холмы (такъ въ особенности стали извѣстными Олимпъ и Парнасъ), скалы, пещеры, гроты, источники и деревья. Чтобы предохранить такое священное мѣсто отъ всякаго оскверненія, отдѣляли его и ближайшую окрестность отъ остальной мѣстности межою и называли *τέμενος* (отъ *τέμνω* рѣжу, дѣлю). Храмы въ такихъ мѣстахъ стали воздвигаться только тогда, когда духъ Грековъ, освободившись отъ впечатлѣній, которыми сковала его окружающая природа, создалъ себѣ новыхъ, самобытныхъ, человѣкообразныхъ боговъ. Когда стали представлять себѣ божество въ формѣ идоловъ, то сама собою возникла мысль устроить и для боговъ прочныя и достойныя жилища; и тогда начали строить храмы (*ναός* = жилище), которые, вслѣдствіе постепеннаго усовершенствованія, съ одной стороны споспѣшествовали развитію искусствъ, съ другой же сдѣлались центромъ, къ которому устремлялись взоры какъ благодетельныхъ вѣрующихъ, такъ и гениальныхъ художниковъ.

Уже Гомеръ упоминаетъ о дѣйствительныхъ храмахъ, но на основаніи его словъ нельзя еще ясно представить себѣ ихъ форму. Такъ онъ говоритъ о богатомъ храмѣ Аѳины въ Аѳинахъ въ Ил. II. 549. о каменномъ порогѣ Аполлонова храма въ Дельфахъ Ил. IX. 404 и Од. VIII. 80, о храмахъ у Феаковъ Од. VI. 10; болѣе ясное понятіе о храмѣ даетъ намъ поэтъ въ Ил. VI. 298—311, рассказывая о томъ, какъ въ Илионѣ Гекуба, по приказанію Гектора, отправи-

лась для принесенія жертвы въ храмъ Аѳины, какъ жрица Феано отворила двери храма и затѣмъ положила прекрасный покровъ на колѣни богини. Въ Од. III. 274 и XII. 347 говорится о многихъ драгоцѣнныхъ подаркахъ, приносимыхъ въ храмы богамъ. Поэтъ упоминаетъ также о рошѣ, окружавшей храмъ Посейдона въ Онхестѣ

Ил. II. 506 и о жертвенникѣ (собств. храмѣ) Аѳродиты въ Пафѣ Од. VIII. 363. Что храмы были крытые, видно изъ Ил. I. 39.

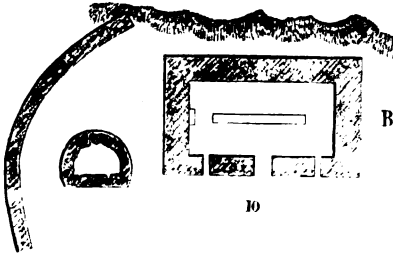

Рис. 1. Планъ весьма древняго храма на горѣ Охѣ.

маемому за храмъ богини Геры. Зданіе это (рис. 1.) занимаетъ пространство 42×25 футовъ, построено изъ продолговатыхъ большихъ каменныхъ глыбъ и покрыто выдающимися впередъ плитами, такъ что часть конька ($20 \times 1,7$ футовъ) остается непокрытою

Древнѣйшіе храмы были, по всей вѣроятности, совершенно простые дома, какъ можно судить по зданію, открытому на островѣ Эвбеѣ (на крутомъ склонѣ горы Охи, нын. св. Ильи) и справедливо, какъ кажется, принимаемому за храмъ богини Геры.

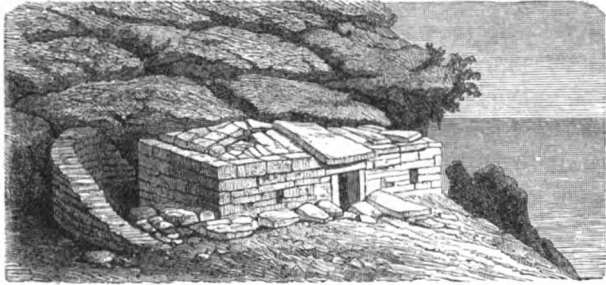

Рис. 2. Видъ того же храма (рис. 1.).

(рис. 2.) — первый примѣръ открытаго храма. Входъ, находящійся посреди двухъ узкихъ оконъ, имѣлъ въ вышину $6\frac{2}{3}$ фута, въ ширину 4, и былъ покрытъ большою плитою; внутри изъ западной стѣны выдается камень, который, можетъ быть, служилъ ижедесталомъ статуѣ. Съ этой же самой западной стороны зданіе обнесено извнѣ полузругомъ стѣною съ цѣлю, теперь для насъ непонятною.

Хотя позднѣйшіе храмы по своему великолѣпію и отступаютъ отъ прежней простоты, тѣмъ не менѣе основная форма ихъ осталась

неизмѣнною; она состояла въ четырехугольномъ продолговатомъ святилищѣ (cella); разныя видоизмѣненія ея произошли оттого, что снаружи къ этому святилищу стали пристраивать новыя части храма.

Извѣстно, что святилище древняго храма не служило сборнымъ мѣстомъ для богомольцевъ, но однимъ лишь хранилищемъ идола божества; поэтому имѣлось въ виду не столько расширеніе или видоизмѣненіе этого главнаго и существеннаго отдѣленія храма, сколько то, чтобы снабдить храмъ еще мѣстомъ, гдѣ хранились бы въ безопасности вещи, относящіяся къ храму (но не принадлежащія святилищу), а также располагать мѣстомъ, гдѣ въ непогоду могли бы имѣть убѣжище богомольцы, совершающіе богослуженіе внѣ святилища (какъ напр. жертвоприношенія, жертвенныя пиршества).

2. Эти двѣ главныя потребности преимущественно побуждали Грековъ къ построенію все лучшихъ и богатѣйшихъ храмовъ; наиболѣе содѣйствовало украшенію греческихъ храмовъ сооруженіе совершенно отдѣльныхъ колоннъ (*κίον, στῦλος, columna*), лучшей и прекраснѣйшей архитектурной подпоры. Благодаря этому главному украшенію, а также искусно и геніально сформированному надстолпю, греческіе зодчіе уже въ половинѣ 5-го стол. до Р. Хр. возвели постройку храмовъ на такую степень красоты и совершенства, что обезпечили своему народу безсмертную славу какъ въ исторіи искусствъ вообще, такъ въ архитектурѣ въ особенности.

Прежде чѣмъ перечислимъ и опишемъ различныя виды и формы греческихъ храмовъ, мы должны остановиться нѣкоторое время на ихъ колоннахъ и надстолпяхъ, такъ какъ ими обуславливаются различныя архитектурныя ордена. Уже въ половинѣ 7-го стол. (хотя происхожденіе ихъ и древнѣе) упоминается о двухъ родахъ колоннъ: дорійской и іонійской; въ послѣдствіи, въ 4. столѣтіи до Р. Хр., когда греческое зодчество отступило отъ своей прежней строгости и чистоты, къ этимъ двумъ колоннамъ присоединилась еще третья, коринтская.

Дорійская колонна получила свое названіе отъ Дорянъ, которые, хотя и не сами создали ее, а заимствовали основную форму ея изъ египетскаго зодчества, все таки раньше другихъ Грековъ начали употреблять ее въ Кипрѣ и нѣкоторыхъ другихъ островахъ. Дорійская колонна состоитъ только изъ двухъ частей: 1. изъ сильнаго, невысокаго (вышиною отъ 5 до 6 нижнихъ діаметровъ) стержня (рис. 3.), который, нѣсколько (на $\frac{1}{148}$ вышины) утолщающаясь къ срединѣ (*ἐντρασις, adiectio, Vitr.*), какъ бы для обозна-

ченія того напряженія, которое требуется для поддержанія лежащей на немъ тяжести, кверху слегка суживается, другимъ же болѣе толстымъ концомъ своимъ опирается прямо на стилобатъ, какъ бы выростая изъ него; поверхность его для большей живости (происходящей отъ игры свѣта и тѣни) изрыта вертикальными желобками, такъ наз. ложками (*ράβδος, ξυστήρις, stria*, обыкн. 20),

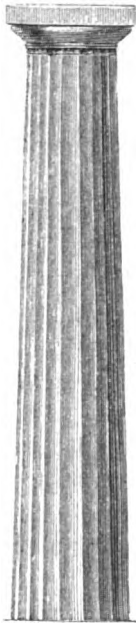

Рис. 3. Образецъ дорійской колонны (изъ Пареекона).

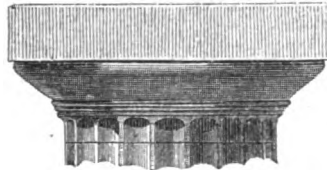

Рис. 4. Капитель той же колонны.

тянущимися снизу вверхъ и оставляющими между собою острыя ребра; 2. изъ капители (*κεφάλαιον, ἐπίκρανον, κιονόκρανον, capitulum, capitellum*, рис. 4.), самой про-

стой изъ капителей всѣхъ стилей; въ ней можно различать три части: а) повязку (*ὑποτραχήλιον*), состоящую изъ нѣсколькихъ (3) колецъ (*annuli*), которыя какъ бы связываютъ верхнюю часть изрытаго стержня; б) эхинъ (*ἐχίνοσ*), т. е. сплюснутый, болѣе широкою частью обращенный вверхъ сильно выпуклый, какъ бы отъ лежащей на немъ тяжести, валь; с) абакъ (*ἄβαξ, abacus*), т. е. четырехугольную плиту одинаковой вышины и ширины съ эхиномъ, на которой покоится горизонтальная балка, такъ наз. архитравъ.

Ионійская колонна (рис. 5.), указывающая своими древнѣйшими такъ наз. протоіонійскими формами на ассирійское и вавилонское происхожденіе, отличается отъ дорійской легкостью и стройностью, соотвѣтственно болѣе подвижному характеру Іонянъ, благодаря которымъ она достигла высшей степени художественнаго усовершенствованія. Въ ней слѣдуетъ различать три части, а именно: 1. стержень, который тоньше дорійскаго (вышиною въ 8 нижнихъ діаметровъ), кверху менѣе суживается и выделобенъ такимъ образомъ, что ребра жолобовъ похожи на узкія дорожки; 2. капитель (рис. 6.), которая гораздо роскошнѣе и искуснѣе дорійской; главную и характеристическую часть ея составляютъ живописныя завитки (*κάλχη, volutae*), занимающіе мѣсто абака и свѣшивающіеся (какъ бы подъ вліяніемъ тяжести архитрава) чрезъ эхинъ, который

меньше и украшенъ полуовальнымъ поясомъ; на завиткахъ лежитъ тонкая плита (abacus), на которой покоится архитравъ. Съ этимъ двумъ частямъ присоединяется 3. новая часть, база (*βάσις*, *spira*), состоящая изъ квадратной подставки (*πλίνθος*) и двухъ или нѣсколькихъ глубокихъ жолобовъ, раздѣленныхъ тонкими круглыми

Рис. 6. Капитель іонійской колонны (изъ Эрехоэйона).

палочками (*τρόχιλος*); надъ ними находится валигъ (*torus*), сильно выпуклый (*ἐκφορά*, *proiectura*), какъ бы подъ вліяніемъ тяготеющаго на немъ стержня. Но обыкновенно дается этой колоннѣ аттическая база (*βάσις ἀττικουρῆς*), которая имѣетъ только одинъ, но весьма глубокий и потому отгнѣненный жолобъ (отсюда *σκοτία*, *scotia*) и два валига, одинъ подъ жолобомъ, а другой (менѣе выпуклый, но болѣе красивый) надъ жолобомъ (*torus superior*), служащій непосредственно подставкою стержню.

Коринская колонна по формѣ базы и стержня примыкаетъ къ іонійской колоннѣ, отличаясь отъ нея болѣе всего капителью (рис. 7.), имѣющею видъ раскрытой чаши, состоящей изъ листьевъ аканѳа, надъ которыми выдается другой, вырастающій изъ того же основанія, рядъ такихъ же листьевъ съ двойными стеблями на каждомъ углу; внутренніе изъ этихъ стеблей закручиваются другъ къ другу и поддерживаютъ цвѣтокъ или релей (*flor*), внѣшніе же тянутся вверхъ и подъ тяжестью абака свертываются въ завитки (*helices*), составляя такимъ образомъ углы ка-

Рис. 5. Образецъ іонійской колонны (остатокъ храма у Илесса въ Аѳинахъ).

пители. Абакъ нѣсколько вырѣзанъ по сторонамъ вглубь и не имѣетъ угловъ, которые срѣзаны косо внизъ.

Само собою разумѣется, что огромный стержень колонны не могъ быть сдѣланъ изъ одной цѣльной массы, но состоялъ изъ нѣсколькихъ жерновыхъ камней или барабановъ (*σφόνδυλοι*); такъ напр. стержни колоннъ храма Зевса Олимпійскаго въ Аѳинахъ состоятъ изъ 17 жернововъ. Желобленіе колонны было предпринимаемо (за исключеніемъ нижняго и верхняго барабановъ) только тогда, когда соединеніе отдѣльныхъ частей было уже окончено.

3. Въ этихъ различныхъ формахъ колоннъ выразилось, какъ уже выше сказано, различіе характера древне-греческаго стиля вообще. Это же различіе обнаружилось кромѣ колоннъ также и въ надстолніи храмовъ.

Рис. 7. Образецъ коринтской капители (изъ памятника Лисикрата въ Аѳинахъ).

Надстолніе дорійскаго храма (рис. 8.), кажется, домашнаго эллинскаго происхожденія, и по видимому сложилось изъ деревянныхъ частей; въ составъ его входятъ: 1. эпистиль или архитравъ (*ἐπιστύλιον*, epistylum), состоящій изъ четырехугольныхъ, гладко обтесанныхъ брусковыхъ камней, лежащихъ на абакѣ и тянущихся съ одной колонны на другую;

2. фризъ (*θρίγξος*, *ξωφόρος*) почти одинаковой вышины съ архитравомъ; въ немъ слѣдуетъ различать: а) триглифы (*τριγλυφοί*), т. е. продолговатая доски, изрытыя каналами (*γλυφίς*, *canaliculus*, собственно двумя цѣлыми каналами по срединѣ и двумя полуканалами по бокамъ), образующими три бедра (*μηρός*, *femur*); триглифы прикрывали первоначально отрѣзы поперечныхъ бревенъ, выходящихъ изъ стѣнъ святилища къ архитраву; б) метоны¹⁾, т. е. промежутки, находящіеся между триглифами, собственно

¹⁾ Отъ *μετόπη* (*ἀπή* = отверстие) промежутки, какъ свидѣтельствуется объ этомъ Витрувій (IV. 2. 4. ed. Rose et Müller), а не отъ *μέτροπον*.

отверстія, которыя оставались, когда надстолпіе было еще деревянное, между поперечными балками, поддерживающими потолокъ святилища¹⁾, и въ послѣдствіи были закладываемы плитами и украшаемы рельефными изображеніями. Фризь отдѣленъ во всю длину свою отъ эпистилия узкою, нѣсколько выдающеюся впередъ доскою, къ которой внизу подъ каждымъ триглифомъ прикрѣплена планочка (с, *ταῖνία*, *regula*), съ такъ наз. каплями (*σταγόνες*, *guttae*), по одной подъ каждымъ каналомъ и бедромъ триглифа (обыкновенно шесть);

3. корона или главный карнизъ (*γεῖσον*, *corona*), т. е. балка, сильно выдающаяся наружу и внизу косо срубанная, на нижней поверхности которой надъ триглифами, а иногда также надъ метопами (какъ на рис. 8.) находятся такія же, какъ внизу, планочки съ зубчатыми зарубками (*d*, *mutuli*, *viae*), подобно каплямъ подъ триглифами; ими обозначались косые нѣкогда надрѣзы кровельныхъ балокъ. Надъ короною поднимается волнисто вырубанная доска (*f*, отсюда *κυματίον*, *sima*, гусекъ), имѣющая въ себѣ по обѣимъ продольнымъ сторонамъ крыши водосточные желоба, заканчивающіеся обыкновенно надъ каждою колонною львиною головою.

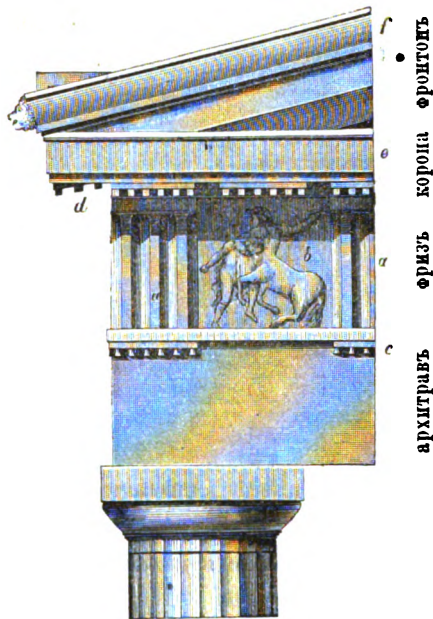

Рис. 8. Образецъ дорійскаго стиля (изъ Партеона въ Афинахъ).

Надстолпіе іонійскаго храма (рис. 9., стр. 10.) имѣеть:

1. архитравъ, состоящій изъ трехъ горизонтальныхъ поясовъ (*fascia*); лежащую на немъ карнизною доскою (*a*), украшенною полуovalнымъ поясомъ и жемчужнымъ кольцомъ (*ἀστράγαλος*, *astragalus*, см. рис. 10.), весьма искусно обозначается соприкосновение архитрава съ тяготящимъ на немъ

¹⁾ Память объ этихъ отверстіяхъ сохранилась до 5 стол. до Р. Хр., какъ видно изъ 113-го стиха Эврипидовой Ионгеніи въ Тавридѣ.

2. Фризомъ, который не прерванъ метонами и триглифами, но представляетъ одну сплошную поверхность, украшенную часто рельефными изображениями. Надъ фризомъ находится

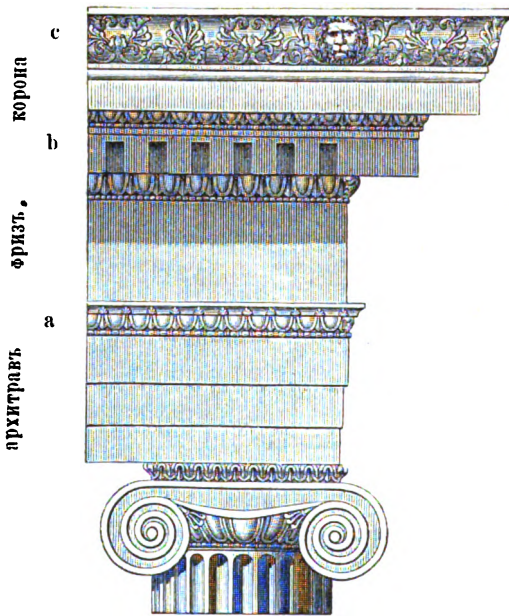

Рис. 9. Образецъ іонійскаго стиля (изъ храма Алены Полиады въ Пріенѣ).

3. корона, состоящая изъ нѣсколькихъ досокъ, поднимающихся одна надъ другою подъ прямымъ угломъ и отдѣленныхъ одна отъ другой жемчужнымъ кольцомъ или полуovalнымъ поясомъ, или же обоими вмѣстѣ; нижняя доска (б) не срезана, какъ у дорійской колонны, но имѣетъ внизу малыя, продолговатыя, выдолбленныя углубленія, образующія такъ наз. зубы (*denticuli*). Верхняя доска короны имѣетъ тоже волнообразную вырѣзку, и кромѣ того богато украшена.

Надстолпіе коринтскаго храма, сохранившееся только въ римскомъ подражаніи, не представляетъ никакихъ характеристическихъ особенностей, такъ какъ оно похоже или совершенно на іонійское надстолпіе, или же на іонійское, соединенное съ дорійскимъ. Это

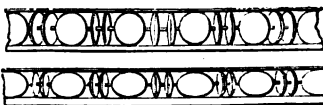

Рис. 10. Образецъ жемчужнаго кольца.

надстолпіе отличается большимъ богатствомъ пластическихъ украшеній; такъ карнизъ его украшенъ или зубами или волнисто вырѣзанными внизу брусками съ розетками въ остающихся между ними промежуткахъ, или же обоими вмѣстѣ.

Крыша греческаго храма была двускатная, низкая (въ особенности у дорійскаго храма), состоящая изъ мраморныхъ плитъ; на обѣихъ фасадныхъ сторонахъ она оканчивалась весьма искусно сдѣланнымъ треугольнымъ карнизомъ (*ἀετός, ἀέτωμα, aquila*), который украшенъ былъ наверху и по концамъ бедеръ фигурами, взятыми

обыкновенно изъ царства растений или животныхъ (*ἀκρωτήριον*), на внутренней же площади своей, составляющей чело или фронтонъ храма (*τύμβανον*), изящными рельефными изображеніями. — Кромѣ рѣзныхъ и скульптурныхъ украшеній надстолпіе и фронтоны греческихъ храмовъ покрывались также пестрыми красками, а именно триглифы голубою, метоны (собственно только грунтъ рѣзбы) бурою красною, капли и мутулы красною, тимпанъ темнокрасною и корона бурожелтою. Фризъ іонійскаго надстолпія обыкновенно не былъ покрашенъ, но былъ покрытъ надписями и позолоченными щитами. Колонны тоже не были крашены. По причинѣ косвеннаго тяготѣнія тяжелыхъ крышъ, колонны не стояли перпендикулярно, но были немного наклонены внутрь; очевидно, зодчіе старались достигнуть того, чтобы направленіе равнодѣйствующей силы тяжести надстолпія и крыши совпало съ направлениемъ оси колоннъ.

Рис. 11. Храмъ „in antis.“

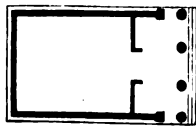

Рис. 12. Храмъ съ колоннадою впереди.

Рис. 13. Храмъ съ колоннадою съ двухъ сторонъ.

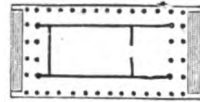

Рис. 14. Храмъ круглоапсертный.

Вмѣсто колоннъ греческіе зодчіе употребляли въ качествѣ подпоръ храмовыхъ притворовъ иногда также женскія фигуры, такъ наз. каріатиды, какъ это видно на рис. 23., представляющемъ храмъ Эрегея въ аѳинскомъ Акрополѣ. Мужскія фигуры употреблялись чаще въ зодчествѣ римскомъ, хотя тоже по примѣру Грековъ (*telamones, atlantes*).

4. Ознакомившись съ главными характеристическими особенностями греческихъ архитектурныхъ орденовъ, мы опишемъ теперь разныя формы греческаго храма, возникшія отъ различнаго употребленія колоннъ. Въ самой простой формѣ представляется намъ храмъ тогда, когда на мѣсто одной фасадной стѣны святилища поставлены двѣ колонны, поддерживающія надстолпіе и крышу; продольныя стѣны въ этомъ случаѣ оканчиваются пилястрами. Такой храмъ назывался у Грековъ *ἐν παραστάσιν*, у Римлянъ *in antis*, „между выступами или пилястрами.“ Само собою разумѣется, что недостающая передняя стѣна должна была быть замѣнена другою, такъ какъ внутренность храма не могла оставаться открытою; и такъ храмъ былъ перегороденъ поперечною стѣною

и такимъ образомъ раздѣленъ на двѣ части (рис. 11.), храмъ въ тѣсномъ смыслѣ или святилище (*ναός, μέγαρον*), гдѣ стояла статуя божества, и меньшее отдѣленіе, притворъ или паперть (*πρόναος* или *προόδομος*), которое обнесено было между колоннами рѣшеткою и служило хранилищемъ для храмовой утвари и священныхъ приношеній. Если подобнымъ образомъ и съ такою же цѣлью устроенъ притворъ также съ задней стороны храма (*ὑπιστόδομος, posticum*), то является двойной храмъ *ἐν παραστάσιν*, двунапертный; такой храмъ открытъ напр. въ Элевсинѣ.

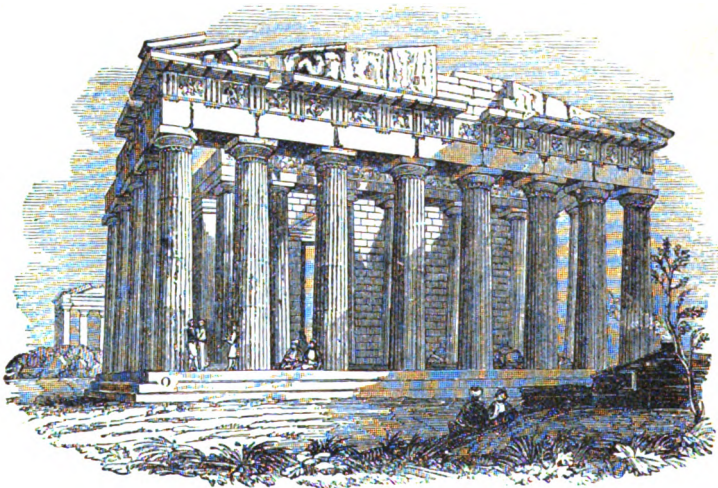

Рис. 15. Видъ афинскаго Парѳенона съ сѣверозападной стороны.

Въ нѣкоторыхъ храмахъ описеодомъ составлялъ особое отдѣленіе за целою, въ которомъ хранилась не только старая храмовая утварь, но также письменные документы и деньги, общественныя и частныя, какъ напр. въ афинскомъ Парѳенонѣ (см. ниже рис. 16. D); задній портикъ, обнесенный рѣшеткою, служилъ въ этомъ случаѣ только мѣстомъ для выставки драгоценной утвари и архитектурныхъ украшеній, какъ собственный притворъ.

Если представимъ себѣ, что колонны, которыя у храма предъидущей формы стоятъ между передними выступами (*antae*) боковыхъ стѣнъ, поставлены рядомъ передъ антами, такъ что на нихъ покоится и надстолиіе, распростирающееся впередъ чрезъ святилище, и крыша, то получимъ

2. новую форму храма, называемаго *ναὸς πρόστυλος*, храмъ съ колоннадою впереди или простилъ (рис. 12.; образецъ такого храма представляетъ небольшой сохранившійся іонійскій храмъ въ сицилійскомъ Селинунтѣ). Очевидно, что на этой формѣ храма греческіе зодчіе не могли остановиться. Первый шагъ, который заставила ихъ сдѣлать симметрия, привелъ ихъ

3. къ формѣ храма съ колоннадою съ двухъ сторонъ, что ясно обозначается названіемъ *ναὸς ἀμφιπρόστυλος*, т. е. храмъ имѣющій съ обѣихъ фасадныхъ сторонъ портики (рис. 13.); таковъ небольшой храмъ Безкрылой Побѣды (*Νίκη ἄπτερος*)¹⁾, находящійся

С

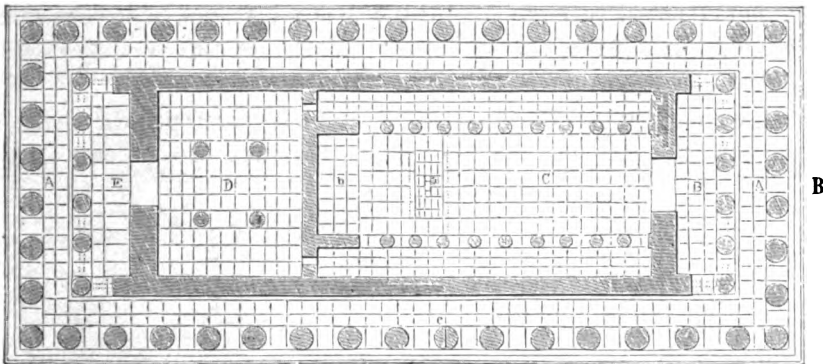

Рис. 16. Планъ Парфенона, дополненный на основаніи новыхъ изслѣдованій (Уссингомъ).

по правую сторону лѣстницы, ведущей къ Пропилеямъ и аѳинскому Акрополю (ср. также планъ Акрополя рис. 29. D).

4. Когда такимъ образомъ храмъ уже съ обѣихъ фронтовъ былъ окруженъ рядами колоннъ, проще и послѣдовательнѣе всего было окружить его со всѣхъ сторонъ колоннами. Сдѣлавъ это, Греки достигли самой совершенной формы храма, формы, которая, удовлетворяя вполнѣ эстетическому вкусу, получила наибольшее пространство (въ особенности въ дорійскомъ стилѣ). Храмъ, окруженный вокругъ рядомъ колоннъ, называется *ναὸς οἶκος περίστυλος*, или также *περίπτερος* (кругопапертный, рис. 14.), отъ *περὶ* крыло (флигель), какъ называлась окраина крыши, простирающаяся по обѣимъ боковымъ сторонамъ храма надъ колоннами и прикрывающая собою пространство между стѣнами и колоннами.

¹⁾ Собственно Побѣдоносной Аѳины „*Ἀθηνᾶ Νίκη*.“

Отъ соединенія послѣдней формы съ предъидущими возникаютъ разные виды периптера, смотря по тому, сдѣлался ли имъ простой храмъ *ἐν παραστάσει* (какъ напр. одинъ изъ селинунтскихъ храмовъ), или же двойной (какъ напр. такъ наз. храмъ Ѳесея, *Θησεῖον*, одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ Аѳинъ), храмъ объ одной колоннадѣ (какъ опять другой изъ селинунтскихъ храмовъ), или же о двухъ колоннадахъ. Образцомъ этой послѣдней формы периптера служитъ знаменитый и превосходный храмъ Аѳины-Дѣвы въ аѳинскомъ Акрополѣ, оконченный въ 438 году до Р. Хр. послѣ десятилѣтней работы Иктиномъ и Калликратомъ. Онъ сооруженъ изъ лоснистаго пентелійскаго мрамора на площади, возвышающейся надъ остальною мѣстностью на три большія ступени, простирается въ ширину на 101 футъ, въ длину на 227 футовъ и имѣеть по 8 колоннъ съ фронтовъ и по 17 по бокамъ.

На фронтонахъ его помѣщались скульптурныя работы знаменитѣйшаго ваятеля Фидія и его учениковъ: такъ изображены были

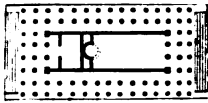

Рис. 17. Храмъ двукрылый.

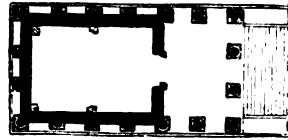

Рис. 18. Псевдопериптеръ (Fortuna virilis въ Римѣ).

посредствомъ весьма выпуклой рѣзьбы на восточномъ фронтонѣ рожденіе Аѳины, на западномъ — побѣдоносный конецъ состязанія Аѳины съ Посейдономъ за господство надъ Аттикою, на метопахъ — сраженіе Кентавровъ, Гигантовъ и др.; наконецъ на фризѣ, тянущемся вокругъ зданія, представлены были различныя сцены изъ торжественнаго хода въ панаѳенейскій праздникъ. Въ средніе вѣка Парѳенонъ былъ преобразованъ въ христіанскую церковь и впоследствии въ турецкую мечеть, и хотя потерпѣлъ въ 1687 году, во время осады Аѳинъ Венеціанцами, весьма значительныя поврежденія отъ взрыва брошенной въ него бомбы, все таки возбуждаетъ еще и теперь величественными и прекрасными своими развалинами величайшее удивленіе. Видъ его представляетъ намъ рис. 15., изображающій нынѣшній западный (задній) фасадъ его, и рис. 16., гдѣ начертанъ основательно дополненный его планъ. Мы видимъ здѣсь: колоннаду А, за нею возвышается на двѣ ступени притворъ В, за притворомъ слѣдуетъ святилище С (получившее отъ

стофутовой длины древнѣйшаго храма названіе *ἐκατόμπεδον*), раздѣленное двумя рядами колоннъ на три корабля съ подмостками для почетныхъ мѣстъ (а, *προεδρία*) предъ статуею Афины (b); за святилищемъ находится другое меньшее отдѣленіе (*ἀπισθόδομος*) D, о которомъ упомянуто уже выше (на стр. 12), и наконецъ задній притворъ E, соответствующій переднему B.

Если представимъ себѣ периптеръ, окруженный вокругъ двумя рядами колоннъ, то возникнетъ новая,

5-ая форма храма, называемаго *ναὸς δίπτερος*, храмъ двукрылый, т. е. окруженный со всѣхъ сторонъ двойною колоннадою (*πτέρωμα, πτερόν*) или двойнымъ портикомъ (рис. 17.). Таковъ былъ знаменитый храмъ Артемиды въ Эфесѣ, построенный въ іонійскомъ стилѣ и своими размѣрами далеко превосходившій Парѳенонъ; остатки его, покрытые наносами рѣки Каистра, недавно открыты Wood'-омъ; таковъ былъ и не менѣе знаменитый храмъ Аполлона

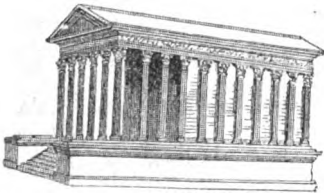

Рис. 19. Видъ храма въ Nimes.

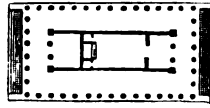

Рис. 20. Псевдопериптеръ.

Дидимскаго близъ Милета и храмъ Зевса Олимпійскаго въ Афинахъ, громаднѣйшій во всей Греціи, отъ котораго осталось теперь 16 колоннъ и нѣкоторыя части развалившейся ограды.

Кромѣ этихъ мы должны упомянуть еще о двухъ формахъ храмовъ, отличающихся, какъ показываетъ уже само названіе ихъ, отъ предъидущихъ двухъ формъ (периптера и диптера) только тѣмъ, что колонны, окружающія храмъ, не самостоятельны, а лишь кажущіяся; а именно:

б. псевдопериптеръ (*ψευδοπερίπτερος*), т. е. храмъ, который повидимому окруженъ колоннами, но на самомъ дѣлѣ не имѣетъ ихъ; вмѣсто нихъ выдаются наружу изъ стѣнъ храма полуколонны, соответствующія по своимъ размѣрамъ и по своему размѣщенію самостоятельнымъ колоннамъ предхрамія. Храмы этой формы встрѣчаются у Грековъ весьма рѣдко, но у Римлянъ довольно часто. Какъ образецъ мы представляемъ здѣсь планъ (рис. 18.) храма Фортуны въ Римѣ (*Fortuna virilis*), и видъ (рис. 19.) храма

сыновой Агриппы, Гаія и Луція въ Nimes, называющагося теперь „Maison carrée.“

Почти такое же отношеніе существуетъ между 7. псевдодиптеромъ (*ψευδοδίπτερος*) и диптеромъ; у псевдодиптера нѣтъ одного ряда колоннъ, именно внутренняго; но портикъ не суженъ, а остается на столько широкимъ, что можно бы помѣстить въ немъ и другой, внутренній рядъ колоннъ (рис. 20.). Такую форму имѣлъ напр. изъ дорійскихъ — наибольшій селинунтскій храмъ, а изъ

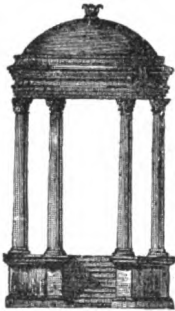

Рис. 21. Видъ круглаго храма.

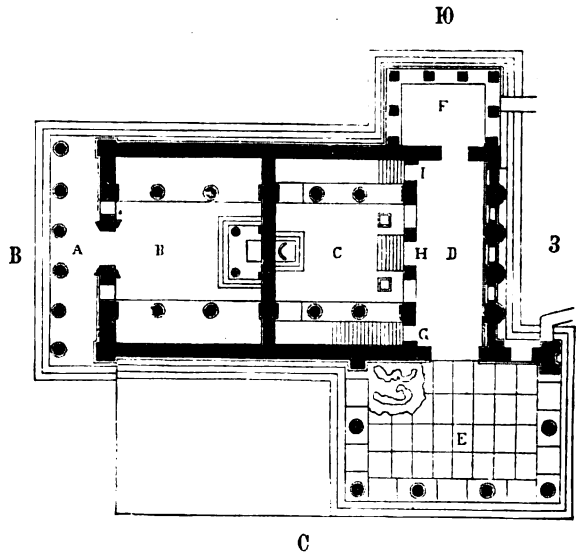

Рис. 22. Планъ Эрехейона въ афинскомъ Акрополѣ.

іонійскихъ — храмъ Артемиды въ Магнесіи при Меандрѣ и храмъ Афродиты въ Афродисіи.

Кромѣ того дѣлятся храмы также по числу (всегда четному) стоящихъ впереди колоннъ, и называются: *tetrastylus* (четыреколонный), *hexastylus* (шестиколонный), *octastylus* (восьмиколонный), *decastylus* (десятиколонный), *dodecastylus* (двѣнадцатиколонный).

5. До сихъ поръ мы разсматривали храмы, имѣвшіе форму продолговатаго четырехугольника, длина котораго приблизительно вдвое больше ширины. Отъ этой, у Грековъ самой обыкновенной, формы отступаютъ слѣдующіе храмы:

1. круглые храмы, которые, хотя и появились кое-гдѣ въ Греціи, тѣмъ не менѣ слѣдовъ никакихъ по себѣ не оставили,

такъ что нельзя сказать о нихъ ничего опредѣленнаго. Рис. 21. сдѣланъ по описанію Витрувія (IV. 8, 1 и VII. init), указывающаго на храмъ Вакха на островѣ Теосѣ, какъ на образецъ такого храма;

2. двойные храмы (*ναοὶ διπλοῖ*), имѣвшіе два святилища, обыкновенно отдѣленные одно отъ другого поперечною стѣною (изрѣдка находящіяся одно надъ другимъ), изъ которыхъ каждое хранило въ себѣ идолъ другого божества. Сюда слѣдуетъ отнести прекрасный, до 1687 года (ср. стр. 14.) совершенно уцѣлѣвшій, храмъ іонійскаго стиля, самый сложный изъ всѣхъ греческихъ храмовъ, называемый обыкновенно Эрехейонъ (рис. 22.), храмъ, въ которомъ поклонялись въ двухъ святилищахъ преимущественно двумъ

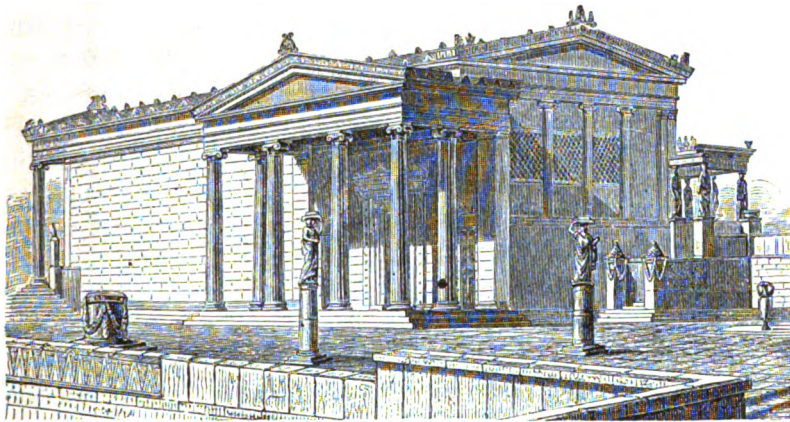

Рис. 23. Видъ Эрехейона съ сѣверозападной стороны.

древне-аттическимъ богамъ-покровителямъ: Аѳинѣмъ Поліадѣ и Посейдону Эрехею, а кромѣ этихъ также Пандросѣ, дочери Кекропа. Святилище (или целла) Аѳины (В), гдѣ хранился палладіумъ, было обращено къ востоку, имѣя впереди шестиколонный притворъ (А); святилище Посейдона (С) было обращено къ западу; къ нему примыгало святилище Пандросы (D), соединенное съ нимъ тремя входами (G, H, J). Въ святилище Пандросы и Посейдона входили чрезъ іонійскій шестиколонный притворъ (Е), въ восточномъ углу котораго до сихъ поръ видны подъ вымощеннымъ поломъ глубокія, неправильныя пробонны, сдѣланныя, по преданію древнихъ, Посейдоновымъ трезубцемъ. Съ южной стороны ведетъ въ оба святилища другой небольшой притворъ (F), устроенный на высокой террасѣ, потолокъ котораго (не имѣющій крыши) подпирается шестью каріатидами.

Рис. 23. представляетъ намъ видъ Эрехоейна, начертанный и почти совершенно вѣрно дополненный по многимъ его остаткамъ.

3. Кромѣ упомянутыхъ храмовъ, служившихъ однимъ лишь мѣстопребываніемъ боговъ, встрѣчаются у Грековъ еще другіе храмы, которые служили мѣстомъ собранія для народа при отправленіи таинственныхъ мистерій, и поэтому отличались отъ прочихъ храмовъ своимъ устройствомъ. Святилище такихъ храмовъ, называвшихся по своему назначенію *μέγαρα τελεστήρια* (храмы для совершенія тайныхъ обрядовъ), было устроено такимъ образомъ, что

могло не только вмѣщать въ себѣ цѣлую толпу участниковъ, но также служить для отправленія разныхъ религіозныхъ обрядовъ, между прочимъ также для мимико-драматическихъ представленій отдѣльныхъ событій изъ жизни боговъ. Таковъ былъ знаменитый большой храмъ элевсинскій, отъ котораго не осталось почти никакихъ слѣдовъ. Храмы этого

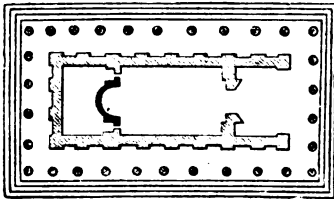

Рис. 24. Храмъ съ тайнымъ отдѣленіемъ.

рода имѣли также тайныя отдѣленія (*ἄδυτον*, „святая святыхъ“), находящаяся или за святилищемъ или подъ нимъ, подобно храмамъ съ прорицалищами. Рис. 24. представляетъ намъ планъ дорійскаго храма, остатки котораго еще въ 16 вѣѣ находились близъ Марцеллова театра въ Римѣ; за абсидою ¹⁾ видна „святая святыхъ.“

6. Греческій храмъ, съ различными формами котораго мы познакомились, не имѣлъ никакихъ оконъ. ²⁾ Да и не нужно было ему много свѣта, какъ видно изъ того, что мы сказали выше о его назначеніи; таинственный полумракъ, окружавшій входящихъ въ него богомольцевъ, не мало способствовалъ къ возбужденію въ нихъ религіознаго чувства. Однако же совершенно безъ свѣта храмъ не могъ быть. Въ храмахъ меньшихъ размѣровъ достаточно было свѣта, проходившаго чрезъ двери; въ большихъ храмахъ понадобилось устроить особеннымъ образомъ крышу храма, а именно: въ серединѣ ея надъ святилищемъ оставлено было большое отверстіе, вслѣдствіе чего значительная часть святилища оставалась

¹⁾ Абсида есть полукруглое углубленіе, которымъ оканчивалась четырехугольная комната и которое образовывало то, что обыкновенно называется алтаремъ.

²⁾ Впрочемъ у древне-греческаго храма, которому дорійское надстолпіе обязано своимъ происхожденіемъ, были окна, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ метопы.

непокрытою; поэтому такой храмъ назывался открытымъ (*ναὸς ὑπαίθριος*). ¹⁾

Въ святилищѣ такихъ храмовъ помѣщались два ряда колоннъ, одинъ по правую, другой по лѣвую сторону — параллельно съ боковыми стѣнами; на этихъ колоннахъ покоились верхнія, меньшія колонны съ галереями, на которыя поклонники бога всходили изнутри храма по особой лѣстницѣ, чтобы свободно смотрѣть отсюда на изображеніе бога, для чего они совершали часто далекія путешествія. Какъ примѣръ такого храма можно привести храмъ Аполлона-Вспомогателя (*Ἐπιχοῦριος*) въ Бассахъ, близъ Фигаліи въ Аркадіи, до сихъ поръ существующій и похожій на аѳинскій

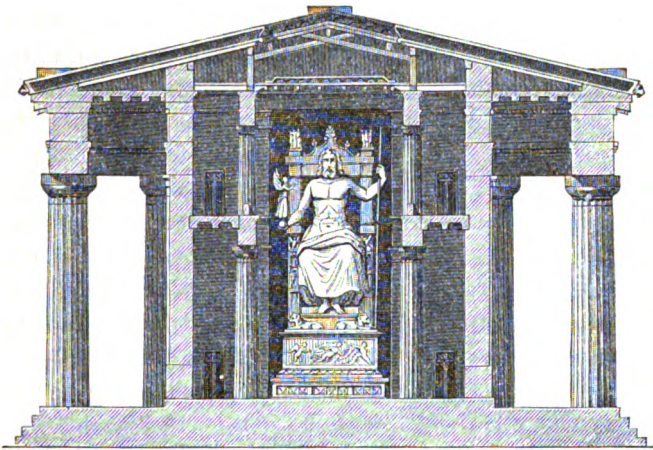

Рис. 25. Поперечный разрѣзъ храма Зевса въ Олимпіи.

Пароенонъ; далѣе главный храмъ Посейдона въ Пестѣ (Paestum), большею частью и до нынѣ уцѣлѣвшій; таковъ былъ также храмъ Зевса въ Олимпіи, построенный элидскимъ архитекторомъ Либономъ и сдѣлавшійся извѣстнымъ въ особенности по прекрасному произведенію Фидія, статуѣ изъ слоновой кости и золота, представляющей Зевса на тронѣ (см. стр. 22.). Отъ этого храма остались однѣ лишь развалины, которыя, хотя и до сихъ поръ подробно не осмотрѣны, все таки при помощи описанія, оставленнаго намъ Павсаніемъ, даютъ возможность составить себѣ понятіе о его перво-

¹⁾ Можетъ быть, что такъ устранились крыши не только по аналогіи съ частными домами, но и по причинѣ громадности храмовъ, затруднявшей верхнюю настилку ихъ.

начальномъ видѣ. По словамъ Павсанія (V. 10, 3 итд.) это былъ храмъ дорійскаго стиля (хотя, судя по нѣкоторымъ остаткамъ его, не такой совершенной отдѣлки какъ Парѳенонъ), кругонапертнѣй, имѣющій въ вышину (до фронтона) 85, въ ширину 119, въ длину 288 футовъ. Крыша состояла изъ мраморныхъ плитъ, отдѣланныхъ на подобіе кирпича. На каждомъ углу крыши стоялъ (на треножнѣ) позолоченный котелъ, а на верху фронтона позолоченная Ника и подъ нею золотой щитъ съ головою Горгоны; также эпистиль былъ кругомъ украшенъ 21 позолоченными щитами, подаренными римскимъ полководцемъ Мумміемъ послѣ того, какъ онъ разбилъ Ахайскій союзъ и разрушилъ Коринѣ. На переднемъ фронтонѣ помѣщались барельефы, изображавшіе состязаніе Пелопса съ Ойномаемъ на колесницахъ, работы Пайонія изъ Менды; на заднемъ — представленъ былъ Алкаменомъ бой Ланиоовъ съ Кентаврами во время свадьбы Пейриооя. Надъ дверями передняго и задняго притворовъ изображены были подвиги Геракла. Внутри храма находились колонны, и на нихъ утверждена была галлерея съ портикомъ; съ нея можно было смотрѣть на изображеніе бога. На крышу вела витая лѣстница. Рис. 25., представляющій разрѣзъ этого храма, дѣлаетъ нагляднымъ его устройство; здѣсь видны: внѣшнія колоннады, внутри три корабля, раздѣленные на два яруса, и статуя бога, сидящаго на тронѣ въ задней части средняго корабля.

7. *Статуи боговъ и жертвенники.* Самую важную изъ всѣхъ принадлежностей храма составляла статуя бога, которому посвящены были мѣсто и зданіе; безъ статуи храмъ не имѣлъ бы никакого значенія для богомольцевъ. Хотя статуй нельзя считать въ числѣ архитектурныхъ памятниковъ, но за неимѣніемъ другого болѣе удобнаго случая, мы кратко поговоримъ о нихъ въ этомъ мѣстѣ. Идолъ божества имѣлъ въ древнѣйшія времена весьма простую форму; это былъ простой камень или деревянный столбъ; иногда достаточно было растущаго дерева для чувственнаго представленія чловѣка, поклоняющагося своему богу (такъ напр. въ Спартѣ идолъ Діоскуровъ состоялъ изъ двухъ столбовъ, соединенныхъ перекладиною; точно также и въ другихъ мѣстахъ). Многіе изъ такихъ идоловъ были, по всей вѣроятности, аэроліи и уважались древними, какъ унавніе съ неба.

Хотя подобныя символическіе знаки не перестали служить предметомъ поклоненія и до позднѣйшихъ временъ, тѣмъ не менѣе уже издревле стали придавать такому столбу или камню форму бога, которая соотвѣтствовала представленію его поклонниковъ.

Такимъ образомъ стали обозначать прежде всего голову и верхнюю часть тѣла съ присоединеніемъ къ ней рукъ, остальная же часть тѣла оставалась въ первоначальной формѣ круглаго или четырехугольнаго столба; таковы напр. извѣстные гермы (*Ἑρμαῖ*), т. е. идолы, посвященные богу Гермесу, которые ставились на публичныхъ мѣстахъ не только для украшенія, но и для другихъ практическихъ цѣлей (въ видѣ жежевыхъ или мильныхъ камней и т. под.). Затѣмъ выдѣлены были изъ тѣла и остальные члены его, такъ что идолы приняли совершенное подобіе живыхъ людей. Наконецъ чрезъ большой промежутокъ времени появились художники Фидій, Миронъ, Поликлитъ и др., изъ которыхъ самый знаменитый Фидій оставилъ произведенія недосыгаемой красоты, статуи, въ которыхъ божеская природа словно слилась съ человѣческою; лучшія изъ нихъ, сдѣланныя большею частью изъ металла и слоновой кости, это — статуя Аѳины, поставленная въ аѳинскомъ Парѳенонѣ, и превосходнѣйшая статуя верховнаго бога въ олимпійскомъ храмѣ. — Колоссальная статуя Аѳины, имѣвшая въ вышину ок. 40 футовъ, представляла богиню стоящую на огромномъ, весьма искусно украшенномъ пьедесталѣ; лицо, шея, руки и ноги были изъ слоновой кости, длинная мантия, которую можно было снять (какъ у большей части древнихъ статуй), и прочія части были изъ золота. Вся статуя отличалась необыкновенною тщательностью отдѣлки какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ; низкій шлемъ украшенъ былъ наверху сфинксомъ, символомъ глубокой мудрости, на выпуклостяхъ — рельефными изображеніями грифозъ, служившихъ символомъ бдительности и осмотрительности; щитъ, на которомъ свободно покоилась лѣвая рука богини, и подъ которымъ въ безопасности скрывался змѣй Эрихтоній, символъ туземнаго аттическаго населенія, былъ украшенъ на внутренней сторонѣ изображеніями борьбы Гигантовъ, а на внѣшней выпуклой сторонѣ изображеніями сраженія Амазонокъ съ Аѳинянами; даже на краяхъ сандалій были изображенія боя Кентавровъ. Въ правой рукѣ богиня держала вмѣсто копья, которое стояло подлѣ щита, прислоняясь къ ея лѣвому плечу, богиню Побѣды (Никю), вышиную въ 6 футовъ, которая была обращена къ богинѣ и подавала ей золотой вѣнокъ.

Статуя Зевса Олимпійскаго изображала верховнаго бога въ томъ величественномъ и могущественномъ видѣ, въ какомъ Греки представляли себѣ его со временъ Гомера, воспѣваемаго его такъ (Ил. I. 528—530):

„Рекъ, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями:
Быстро власы благовоныя вверхъ поднялись у Кронида
Окрестъ безсмертной главы; и потрясъ Олимпъ многохолмный.“

Богъ сидѣлъ на прекрасномъ тронѣ изъ кедроваго дерева, обдѣланномъ эбеномъ (чернымъ деревомъ) и украшенномъ драгоценными камнями и рѣзбою, подобно пьедесталу. Лицо, въ которомъ пылали глаза изъ драгоценныхъ камней, грудь, руки и ноги были изъ слоновой кости; плащъ, охватывавшій лѣвое плечо и нижнюю часть тѣла, былъ изъ пестро эмалированнаго золота; волосы, увѣнчанные зеленою оливковою вѣтвью, и борода были изъ чистаго золота; изъ того же самага металла сдѣлана была и богиня Побѣды (Ника), которая стояла на правой рукѣ его, обращенная къ нему, и держала въ своихъ рукахъ побѣдную повязку (*ταινία*); въ лѣвой рукѣ бога находился жезлъ, обитый разными металлами и украшенный наверху золотымъ орломъ. Статуя съ пьедесталомъ имѣла въ вышину 44 фута. — И такъ не удивительно, что храмъ, хранившій въ себѣ такой образъ отца боговъ, служилъ предметомъ славы и радости для всѣхъ Грековъ, и что тотъ, кто не видалъ Олимпійскаго Зевса, считался несчастнымъ. О силѣ впечатлѣнiя, какое производило это величайшее произведение греческой пластики, свидѣтельствуютъ слѣдующiя слова Діона Хрисостома: „Кто, сокрушенный духомъ, станетъ предъ этимъ образомъ, тотъ забудетъ обо всемъ, что огорчаетъ и терзаетъ чело-вѣческую жизнь.“ (XII. 400 R.)

Статуи боговъ помѣщались, какъ уже выше сказано, въ святилищѣ на мѣстѣ, весьма тщательно огороженномъ, всегда противъ входа у задней стѣны подъ особымъ навѣсомъ (если храмъ былъ открытый, какъ на рис. 26.), иногда также въ нѣкоторой нишѣ (хотя иногда ставили ихъ и подъ открытымъ небомъ, въ особенности статуи героев). Статуя бога обращена была лицомъ къ востоку, т. е. въ ту сторону, которая считалась у Грековъ благопріятною; поэтому входъ и собственный фасадъ храма находились на этой сторонѣ.

Предъ статуею бога внутри святилища находился во всякомъ храмѣ алтарь, назначавшiйся для безкровныхъ жертвъ (*ιερά* или *θυωρός τράπεζα*) и сдѣланный обыкновенно изъ камня. Драгоценная храмовая утварь, равно какъ и болѣе мелкiя приношенiя по случаю торжества были выставляемы на особыхъ столахъ. Кромѣ алтаря находился предъ храмомъ подъ открытымъ небомъ (прямо противъ лица бога, видимаго чрезъ высокiя двери храма) жертвенникъ

(βαμός, θυτήριον), который въ древнѣйшія времена представлялъ собою земляную насыпь, впоследствии же сооружался изъ камня, отличаясь изящною отдѣлкою и искусственными украшеніями. Онъ состоялъ изъ фундамента (*κορηίς*) и стоящаго на немъ стола; къ обѣимъ этимъ частямъ, которыя иногда были весьма объемисты и высоки, вела особая лѣстница. Такъ напр. жертвенникъ предъ храмомъ Зевса въ Олимпіи возвышался надъ фундаментомъ, имѣвшимъ 130 футовъ въ объемѣ, на 23 фута.

8. *Окрестности и ограды (перiboldы) храмовъ.* Почва, на которой стоялъ храмъ, была священна; поэтому ее окружали вездѣ, гдѣ только не мѣшала сама мѣстность, крѣпкою оградой, и такимъ образомъ удаляли отъ всякаго внѣшняго мірскаго шума; такое

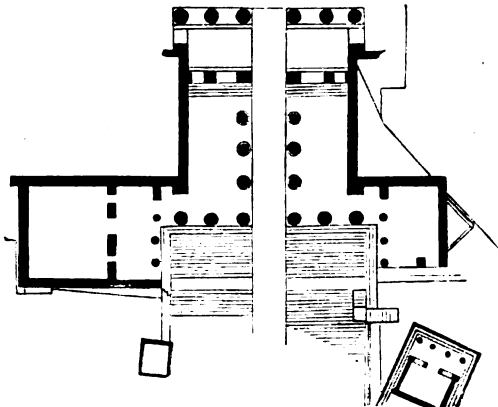

Рис. 26. Планъ афинскихъ Пропилеевъ.

мѣсто называлось *περίβολος*, окрестность или ограда. Въ оградѣ находились кромѣ разныхъ торжественныхъ приношеній, которыхъ нельзя было помѣстить въ другомъ мѣстѣ, священные памятники, какъ-то: деревья, источники, камни, статуи, маленькія часовенки (*ναΐσχοι*) съ алтарями. Особымъ естественнымъ украшеніемъ такихъ мѣстъ служили рощи и сады. — Понятно, что и входъ въ столь важное мѣсто долженъ былъ быть устроенъ достойнымъ образомъ. Начало входа положено тѣмъ, что въ отверстіяхъ стѣны, окружавшей священную окрестность или перiboldъ, устроены были двери приличныхъ размѣровъ и съ подобающими украшеніями; впоследствии, когда строились уже великолѣпные храмы, мѣсто простаго входа заняли пышныя ворота, украшенныя, подобно самимъ храмамъ, многими колоннадами.

Такия ворота назывались пропилеями (*προπύλαια*); изъ нихъ самыя замѣчательныя были пропилеи, вводившіе въ аѳинскій Акрополь и называвшіеся по преимуществу Пропилеями.

Главную часть этого великолѣпнаго сооруженія, построеннаго на западномъ склонѣ къ городу архитекторомъ Мнесикломъ (отъ 436 до 431) во времена Перикла, составляетъ большой четырехугольникъ (рис. 26.), съ правой и лѣвой стороны обведенный стѣнами, спереди и сзади открытый колоннадами и внутри раздѣленный на двѣ части поперечною стѣною, въ которой находятся

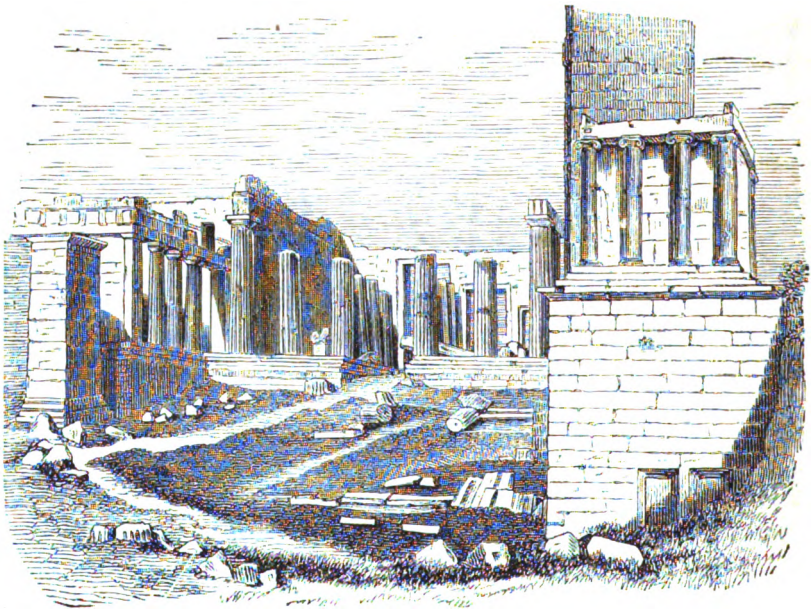

Рис. 27. Пропилеи аѳинскаго Акрополя въ нынѣшнемъ состояніи.

съ каждой стороны по два дверныхъ отверстія съ пятымъ большимъ посрединѣ. Самыя двери, закрывавшія нѣкогда эти входы, были деревянныя, украшенныя рѣзбою и позолоченныя. Передняя большая зала раздѣлена шестью іонійскими колоннами, стоящими въ двухъ рядахъ, на три корабля и, въ сравненіи съ меньшею заднею залою, понижается на нѣсколько ступеней.

Къ этой главной части примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ два низшихъ флигеля, изъ которыхъ лѣвый украшенъ былъ внутри картинами, а правый служилъ мѣстомъ склада для разной праздничной утвари. Въ оба флигеля вела огромная мраморная лѣст-

нища, идущая отъ подошвы горы и раздѣленная вдоль посрединѣ довольно широкою дорогою, сдѣланною въ скалѣ изъ попережъ изрытыхъ плитокъ; по ней во время Панаѳенеевъ двигалась въ торжественномъ шествіи колесница съ пышнымъ покровомъ (пеплосъ), посвящавшимся богинѣ. — Рис. 27. изображаетъ Пропилеи въ нынѣшнемъ ихъ состояніи съ небольшимъ храмомъ Ники на террасѣ по правую сторону и съ средневѣковою башнею за храмомъ;

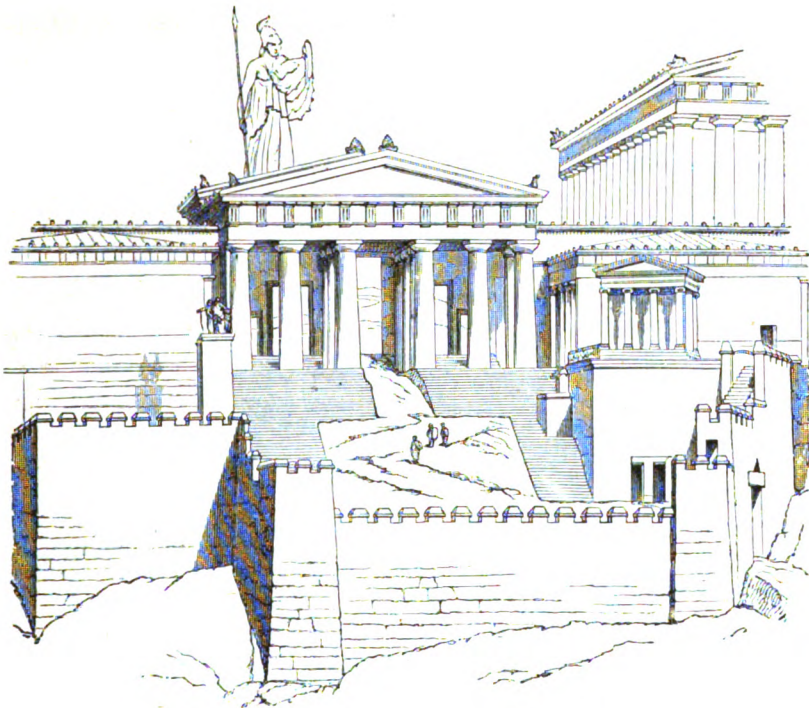

Рис. 28. Видъ древнихъ Пропилеевъ (по начертанію Пенроза).

рис. 28. представляетъ древніе Пропилеи (съ мѣдною статуею Аѳины-Защитницы и съ Парѳенономъ позади), а именно въ томъ видѣ, въ которомъ начерталъ ихъ Penrose на основаніи замѣчательныхъ трудовъ Ross'a и въ особенности Beulé.¹⁾

¹⁾ Постройка Пропилеевъ стоила 2012 талантовъ (т. е. до 3 милліоновъ рублей; въ наше время она обошлась бы конечно въ нѣсколько разъ дороже). 0 великолѣпія и богатствѣ Пропилеевъ и всего Акрополя еще во 2 вѣкѣ по Р. Хр. свидѣтельствуетъ Павсаній I. 22 итд.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ другому, представимъ себѣ еще разъ изящный греческій храмъ. Черезъ пышные пропилеи мы входимъ въ священное мѣсто, отдѣленное периболомъ отъ остальнаго свѣта и людскаго движенія. Посреди зеленыхъ садовъ и благовоющихъ роцъ поражаетъ насъ божье жилище, окруженное изящными памятниками искусства и драгоценными приношеніями نابожныхъ богомольцевъ. Огромныя ступени возвышаютъ его надъ землею, жилищемъ смертныхъ; симметрически разставленныя стройныя колонны поднимаются къ синему южному небу, подпирая

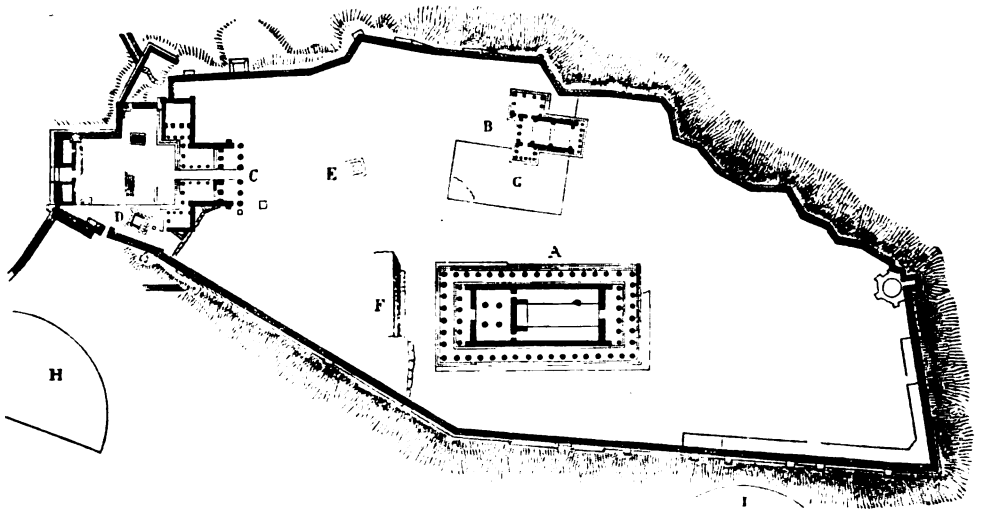

Рис. 29. Планъ афинскаго Акрополя.

А Пареонъ.
В Эрехейонъ.
С Пропилей.

Д Храмъ Побѣды.
Е Пьедесталь статуи Афины.
F Ступени въ скалѣ.

G Терраса полигонная.
H Одеонъ.
J Театръ Діонисовъ.

своими нарядными капителями красивую крышу, искусные фронтоны которой красуются бѣлыми рѣзными работами, удачно представляющими цѣлыя сцены изъ отечественныхъ сказаній. Вообразимъ себѣ, что стѣны, колонны, надстолиіе и фронтоны, да и самая крыша, сдѣланы изъ бѣлаго мрамора, блескъ котораго въ надлежащихъ мѣстахъ ослабленъ (см. стр. 11.) темными красками; вообразимъ себѣ фризъ, украшенный выпуклою рѣзбою или блестящей позолоченными щитами; вообразимъ себѣ множество статуй, стоящихъ съ обѣихъ сторонъ у входа въ притворъ, красующагося дорогими изображеніями, праздничными приношеніями и драгоценною утварью,

далѣе — богатство, представляющеея нашимъ глазамъ чрезъ открытыя двери изъ внутренняго святилища, изъ коего глядитъ великій богъ, любуясь жертвою, приносимою ему извнѣ на просторномъ жертвенникѣ жрецомъ отъ имени всего собравшагося народа въ то время, какъ вокругъ слышны священныя пѣсни вдохновеннаго поэта — и мы должны сознаться, что не могло быть другого момента, который въ большей степени возбуждалъ бы душу Грековъ къ набожности и наполнялъ бы ея справедливою гордостью.

Въ заключеніе ради обзора мы представляемъ здѣсь на рис. 29. планъ всей священной окрестности Акрополя.

Римскіе храмы.

9. Римляне въ древнія времена не до такой степени, какъ Греки, чувствовали потребность строить особыя жилища для помѣщенія боговъ; ибо они не считали своихъ боговъ за воплотившіяся существа, за идеальныхъ людей, какъ Греки, но поклонялись имъ болѣе разумно, представляя себѣ въ нихъ охранителей всякихъ человѣческихъ отношеній и образецъ всѣхъ добродѣтелей, названія которыхъ обыкновенно переносились и на боговъ. — Но если уже и въ древнія времена все таки встрѣчаются у Римлянъ, кромѣ идоловъ, также и жилища боговъ, то первоначальная цѣль ихъ была другая, можетъ быть и болѣе важная, о которой Греки не знали; а именно: они служили птицегадалицами (*auguracula*), т. е. мѣстомъ, особенно устроеннымъ для наблюденія полета птицъ, такъ какъ преимущественно этимъ способомъ Римляне съ давнихъ поръ старались узнать волю боговъ, чтобы руководствоваться ею во всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ.

Для такого наблюденія первоначально достаточно было обозначить квадратное пространство и, такъ какъ оно было священно, огородить его надлежащимъ образомъ; мѣсто такое называлось *templum*, слово, которымъ впоследствии обозначалось жилище божества, устроенное по уставу птицегаданія.

Изъ этого устава вытекаютъ главныя отличія древне-римскаго храма отъ греческаго; а именно:

1. Основная форма римскаго храма — или правильный квадратъ или четырехугольникъ, близко подходящій къ квадрату.

2. Храмъ былъ обращенъ или, по древнему этрусскому обычаю, отъ сѣвера къ югу, или же, чаще всего, по домашнему обычаю,

въ ту сторону горизонта, гдѣ полагали преимущественное пребываніе бога, которому храмъ посвящался. Для этой цѣли римскіе архитекторы раздѣляли горизонтъ на 16 сторонъ (по $22\frac{1}{2}^\circ$). Отсюда дѣлается яснымъ, почему входы римскихъ храмовъ обращены въ разныя стороны. Каждый храмъ былъ раздѣленъ поперечною стѣною на двѣ части, заднюю — *pars postica*, въ которой хранился идолъ божества, и переднюю — *pars antica*.

По этрусскому образцу устроенъ былъ на западной вершинѣ Капитолія извѣстный народный римскій храмъ, который, будучи основанъ уже во времена царей, оконченъ былъ только въ первые

Рис. 30. Храмъ капитолійскаго Юпитера по начертанію Канины.

годы республики и впоследствии нѣсколько разъ сгоралъ и снова былъ воздвигаемъ съ новымъ великолѣніемъ (Суллою, Веспасіаномъ и Домиціаномъ). Онъ имѣлъ три святилища: въ среднемъ хранилась статуя Юпитера, по правую руку Юнона, по лѣвую Минерва. Рис. 30. представляетъ видъ этого храма, начертанный Каниною (Capina) по описанію Діонисія Галикарнасскаго и по нѣкоторымъ этрусскимъ памятникамъ. Онъ имѣлъ съ фронта три ряда колоннъ (по шести въ каждомъ), съ боковыхъ сторонъ по два ряда. Таковъ былъ первоначально также храмъ Согласія (*Concordia*) у подошвы Капитолія.

Но когда впоследствии, вопреки всѣмъ препятствіямъ, съ непреодолимою силою стало распространяться у Римлянъ и проникать во всѣ области ихъ жизни образованіе греческое, тогда, ко-

нечно, подверглись этому вліянію и произведенія зодчества, тѣмъ сильнѣе, что даже самая римская религія, будучи бѣднѣе греческой, стала черпать новыя силы изъ богатыхъ источниковъ родственной ей греческой религіи. — И подобно тому, какъ старыя италійскіе боги должны были наконецъ уступить греческимъ богамъ, къ которымъ все съ большимъ пристрастьемъ склонялись уже и безъ того колебавшіеся въ вѣрѣ Римляне, точно такъ и старыя формы храмовъ наконецъ (въ послѣднія времена республики) совершенно замѣнились формами греческими, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ формы, съ которыми мы познакомились у Грековъ, вошли въ употребленіе и у Римлянъ, въ особенности же псевдопериптеръ, который у Грековъ такъ рѣдко встрѣчается. Однако не смотря на все пристрастіе Римлянъ къ греческимъ образцамъ, греческіе храмы не могли обойтись и безъ болѣе или менѣе важныхъ измѣненій, происшедшихъ отчасти отъ вліянія характера мѣстности, отчасти отъ естественнаго стремленія создать новыя формы.

О колоннахъ, о которыхъ болѣе обширно сказано при греческихъ храмахъ, мы должны вообще замѣтить, что кромѣ этрусской колонны, похожей на дорійскую, но гладкой и болѣе простой, заимствованной Римлянами отъ Этрусковъ (которые въ свою очередь, по всей вѣроятности, приняли ее отъ Грековъ), и бывшей въ древнія времена въ исключительномъ употребленіи, усвоены были ими греческія колонны всѣхъ трехъ стилей. Изъ этихъ колоннъ дорійская и іонійская, въ сравненіи съ греческими образцами, не представляютъ никакого усовершенствованія, скорѣе упадокъ искусства; за то коринѣская колонна, убранство и великолѣпіе которой болѣе всего удовлетворяли римскому вкусу, достигла еще болѣе великолѣпія тѣмъ, что на нижніе два ряда аканѣовыхъ листьевъ ея капители поставленъ іонійскій эхинъ, украшенный овальнымъ поясомъ и сильно выдающимися на углахъ завитками (рис. 31.). Такая колонна называется римскою, или сложною (*columna composita*). Прочія различія колоннъ состоятъ въ томъ, что стержень остается обыкновенно гладкимъ; если же имѣетъ жолобы (какъ въ іон. и кор. стиляхъ), то это бываетъ только въ верхней части его; кромѣ того база принимаетъ форму высокаго подстолпія.

Надстолпіе массивнѣе и бѣднѣе рѣзбою, точно такъ и фронтонъ; ¹⁾ исключеніемъ служитъ одно лишь коринѣское над-

¹⁾ Кромѣ указанныхъ нами различій, были въ римскомъ зодствѣ еще другія весьма разнообразныя, изящныя и неизящныя, особенности отдѣльныхъ

столпіе, фризь котораго богато украшенъ непрерывными выпуклыми рѣзными работами, изображающими жертвенную утварь, вѣнки, алтари, канделябры и т. под., какъ напр. фризь храма Антонина и Фаустины на форумѣ въ Римѣ.

Рис. 31. Образецъ сложной капители изъ императорскихъ построекъ на Палатинѣ въ Римѣ.

уже самъ по себѣ образовывалъ рядомъ своихъ колоннъ нѣкоторую антику и могъ сдѣлаться еще болѣе похожимъ на древне-римскіе храмы, когда этомъ рядъ колоннъ былъ подвинутъ на одну, или нѣсколько колоннъ далѣе впередъ, такъ что заднее отдѣленіе храма

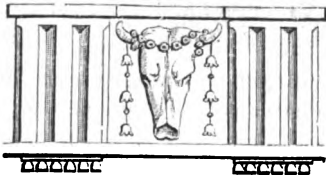

Рис. 32. Часть фриза изъ дорійскаго храма при форумѣ въ Римѣ (теперь несуществующаго) по Лабакку.

не очень отличалось своею величиною отъ передняго отдѣленія, и ведущія въ него двери находились почти въ центрѣ всего храма. Римляне до того полюбили эту форму, что простиль съ далеко впередъ выступающимъ притворомъ можетъ считаться затипъ римскаго храма въ противоположность греческому и этрусскому. Эту форму имѣютъ три храма на римскомъ форумѣ, а именно: храмъ Сатурна, Веспасіана, Антонина и Фаустины; таковъ былъ и (первоначально въ этрусскомъ стилѣ построенный) храмъ Согласія (Concordia) на скатѣ Капитолійскаго

Метопы дорійскаго стиля бываютъ или просты, или-же украшены фигурами жертвеннаго прибора, или звѣриныхъ головъ (*бувокраіион*, рис. 32.).

Не смотря на все это, Римляне создали особый римско-дорійскій стиль, соединивъ съ этрусскою колонною нѣкоторыя части дорійскаго надстолпія (рис. 33.).

Изъ всѣхъ греческихъ храмовъ ни одинъ не имѣлъ формы болѣе пригодной для римскихъ потребностей, какъ храмъ съ колоннадою впереди (*prostylos*), который

частей колоннъ, какъ это видно въ помпейскихъ постройкахъ; мы умалчиваемъ о нихъ, отсылая читателей къ сочиненію О в е р б е к а : *Ромрејі ІІ² р. 127—137.*

холма съ шестиколоннымъ притворомъ (который, впрочемъ, былъ уже святилища). Такую-же форму имѣетъ храмъ Кесарей Гаія и Луція въ французскомъ городѣ Nimes изъ временъ Августа, извѣстный подъ названьемъ „Maison carré,“ о которомъ мы упомянули выше (см. стр. 15.); притворъ этого храма выдвигается впередъ на три колонны, продолженіе которыхъ составляютъ полуколонны, примыкающія къ боковымъ стѣнамъ (псевдонериптеръ). Изъ другихъ особенностей римскихъ храмовъ должно замѣтить еще ту, что римскіе храмы покоились на громадныхъ платформахъ (stylobata), возвышавшихся надъ почвою прямо, подобно фундаменту, а не ступенями, какъ у Грековъ, такъ что спереди понадобилась уже особая лѣстница, ведущая къ храму; другая особенность римскихъ храмовъ состоитъ въ томъ, что на заднюю сторону храма не было обращено особеннаго вниманія, такъ какъ она или примыкала къ другимъ постройкамъ или къ стѣнѣ перибола, или же была оставляема голою.

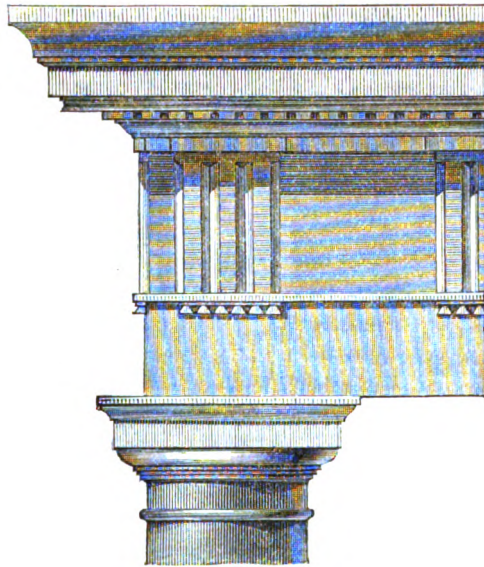

Рис. 33. Образецъ римско-дорійскаго стиля (изъ Марцеллова театра въ Римѣ).

Самое важное видоизмѣненіе испытали греческіе храмы у Римлянъ отъ снабженія ихъ сводомъ, заимствованнымъ у Этрусковъ, и получившимъ весьма широкое примѣненіе у Римлянъ, строившихъ искуснымъ образомъ сначала коробовые своды ¹⁾, впоследствии также стрѣльчатые ²⁾, и круглые и полукруглые. Своды встрѣчаются въ римскихъ храмахъ не на ихъ наружной сторонѣ

¹⁾ Коробовымъ сводомъ называется сводъ полуциркулярный, т. е. дугообразное продолженіе вверхъ двухъ параллельныхъ продольныхъ стѣнъ.

²⁾ Стрѣльчатымъ сводомъ называются два коробовые свода, взаимно перекрывающіеся.

(по крайней мѣрѣ рѣдко), а только внутри, покрывая достойнымъ и изящнымъ образомъ святилище.

Интересными примѣрами храмовъ съ коробовымъ сводомъ внутри служатъ: роскошный храмъ солнца въ сирійскомъ гор. Гелиополѣ (Бальбекѣ) изъ временъ императора Каракаллы и знаменитый двойной храмъ Венеры и Ромы въ Римѣ между форумомъ и амфитеатромъ — по своимъ колоннамъ псевдодинтеръ. У этихъ храмовъ сохранена основная форма четырехугольная.

Если прикрыть сводомъ храмъ, основная форма котораго круглая, возникаетъ круглый сводъ, или куполъ. Храмы съ куполами, стоявшіе также, какъ и предыдущіе, на громадной платформѣ,

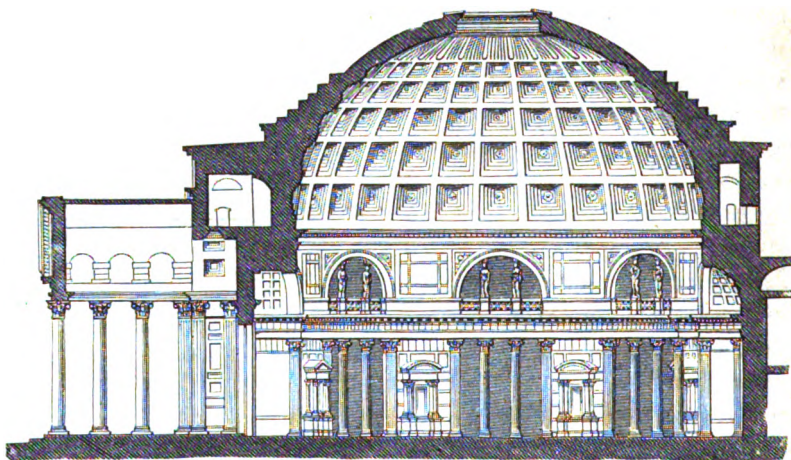

Рис. 34. Разрѣзъ Пантеона Агриппы въ Римѣ.

на которую съ передней стороны вела лѣстница, были или моноптеры, или периптеры, смотря по тому, окружали ли колонны (образующія въ этомъ случаѣ полный кругъ) одинъ лишь идолъ божества безъ святилища, или же святилище (въ этомъ случаѣ конечно круглое) со скрытымъ внутри идоломъ божества. Отъ первыхъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ, кромѣ свѣдѣнія, доставленнаго намъ Витрувіемъ и упомянутого нами выше (на стр. 16. рис. 21.); отъ послѣднихъ дошли до насъ нѣкоторые остатки, какъ напр. обломки девятнадцати колоннъ изъ такъ наз. храма Геркулеса — Побѣдителя, близъ Тибра, на древнемъ воловьемъ рынкѣ (forum boarium) въ Римѣ, происходящіе изъ перваго столѣтія по Р. Хр., и остатки отъ прекраснаго круглаго храма въ Тиволи (древнемъ

Тибурѣ), основаннаго, или по крайней мѣрѣ построеннаго при Гадрианѣ, и посвященнаго по всей вѣроятности Вестѣ.

Къ упомянутымъ двумъ родамъ круглыхъ храмовъ присоединимъ наконецъ еще третій родъ храмовъ, которые не окружены колоннами и спереди имѣютъ выступающій притворъ съ колоннами, подобно четырехугольнымъ храмамъ.

Самый знаменитый этого рода памятникъ есть наиболѣе уцѣлѣвшій римскій храмъ Панеонъ (рис. 34.), стоящій почти въ центрѣ древняго Марсова поля. Этотъ храмъ, построенный, по надписи на фронтонномъ фризѣ, въ 25 году до Р. Хр. М. Агриппою, другомъ, а впослѣдствіи затѣмъ Августа, долженъ былъ составлять заднюю часть (laticonium) смежныхъ съ нимъ бань, но во время

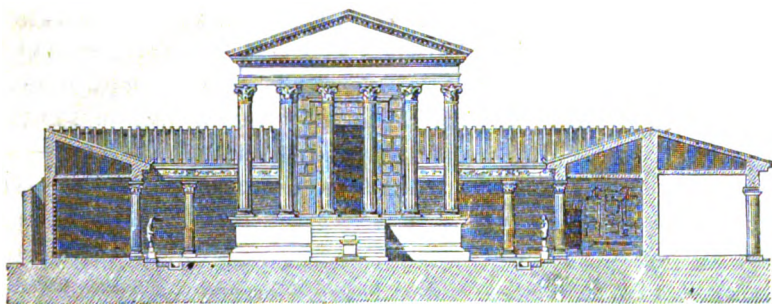

Рис. 35. Дополненный чертежъ храма Венеры и окрестности его въ Помпеяхъ.

строения онъ былъ снабженъ притворомъ и обращенъ сначала въ храмъ Юпитера Мстителя (Jup. Ultor), а потомъ въ храмъ „всѣхъ боговъ.“ Въ 608 году онъ былъ освященъ Бонифаціемъ IV. и названъ Sancta Maria ad Martyres. Теперь называютъ его S. Maria della Rotonda по главной части его, т. е. круглому основанію, діаметръ котораго имѣетъ 137 футовъ (не считая стѣнъ, имѣющихъ въ толщину 20 футовъ); онъ имѣетъ кромѣ входа 7 большихъ, частью полукруглыхъ, частью четырехугольныхъ, нишъ вышиною въ 33 фута, въ коихъ стояли статуи боговъ (такъ кромѣ Юпитера, статуи Марса, Венеры и обоготвореннаго Кесаря), и между этими нишами еще 8 меньшихъ, затѣмъ надъ первымъ надстолюпиемъ еще 12 другихъ нишъ для остальныхъ боговъ. Огромный куполь, высота котораго равна діаметру основанія, украшенъ 140 кассетонами (т. е. досками, имѣющими въ серединѣ углубленіе), которые, поднимаясь пятью кругами (въ каждомъ по 28) къ вершинѣ, уменьшаются и перспективно косятся; чрезъ отверстіе, оставленное въ серединѣ вершины

и имѣющее въ діаметрѣ около 40 футовъ, проникаетъ свѣтъ, магически озаряющій внутренность храма. Великолѣпный притворъ, возвышающійся на двѣ ступени (прежде на шесть) надъ остальною мѣстностью, обнесенъ спереди рядомъ 8 огромныхъ гладкихъ гранитныхъ колоннъ съ мраморными капителями коринтскаго стила, и раздѣленъ внутри четырьмя рядами, состоящими каждый изъ двухъ колоннъ и одной пилястры одного и того же стила, на три корабля съ коробовымъ сводомъ, изъ коихъ оба побочные оканчиваются нишами, назначенными нѣкогда для статуй Августа и Агриппы, средній же ведетъ въ храмъ.

Что касается до остальнаго устройства римскихъ храмовъ, то намъ остается только кратко замѣтить, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы находимъ окна, которыхъ не было въ греческихъ храмахъ; такъ напр. въ храмѣ, принимаемомъ за храмъ Сивиллы, и въ названномъ выше храмѣ Весты въ Тиволи и въ храмѣ Солнца въ Пальмирѣ.

10. *Окрестность (периболъ) римскаго храма.* Римскіе храмы позднѣйшаго времени сходились съ греческими еще и въ томъ

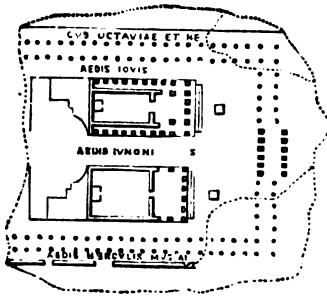

Рис. 36. Храмъ Юпитера и Юноны съ портикомъ Октавіи по капитолійскому плану. ¹⁾

отношеніи, что были обнесены — насколько это допускала мѣстность — особо оградой и такимъ образомъ отдѣлены отъ остальнаго міра. Такою оградой первоначально служила простая стѣна, образовывавшая вокругъ храма нѣчто въ родѣ двора; но мало по малу къ этой стѣнѣ стали пристраивать тѣнистую галерею съ колоннами, какъ это видно у храма наз. Венеринымъ въ Помпеяхъ (рис. 35.), или же портикъ о двухъ (или нѣсколькихъ) рядахъ колоннъ, каковъ напр. портикъ, окружавшій священное пространство храма

Юпитера и Юноны въ Римѣ, построенный Августомъ и названный имъ въ честь сестры его Октавіи „porticus Octaviae“ (рис. 36.). Самымъ обширнымъ дворомъ отличался въ римскія времена такъ наз. храмъ Солнца въ Пальмирѣ, славномъ нѣкогда городѣ въ плодородномъ оазисѣ сирійской степи, находящійся теперь въ развалинахъ. Квадратный дворъ его имѣлъ кругомъ до трехъ тысячъ ко-

¹⁾ О капитолійскомъ планѣ смотри ниже примѣчаніе, сдѣланное къ рис. 49. стр. 48.

лоннѣ и былъ обнесенъ высокою стѣною, около которой тянулась вокругъ галерея, имѣвшая со стороны входа одинъ рядъ колоннъ, съ остальныхъ же трехъ сторонъ два ряда.

Столь-же великолѣпна, хоть и не столь обширна, была ограда храма Солица въ древнемъ Геліополѣ (Бальбекѣ), имѣвшая двое воротъ и состоявшая изъ двухъ дворовъ (одного — шестиугольнаго и другого — четырехугольнаго).

Наконецъ замѣтимъ, что впечатлѣніе, производимое храмомъ, могло быть усилено иногда также и искусно устроенными платформами; въ особенности тогда, когда храмъ былъ основанъ на мѣстѣ отлогомъ, можно было устроить террасы и только на нихъ воздвигнуть собственно храмъ, какъ это видно у храма Фортуны въ Пренестѣ, который доходилъ до половины горы, возвышавшейся надъ городомъ.

II. Общественныя зданія.

Греческій театръ.

11. Драма, благодаря которой греческая поэзія достигла высшей степени совершенства, выросла, какъ извѣстно, на религіозной почвѣ, происшедши изъ обрядовъ и праздниковъ въ честь Бакха, которымъ въ свою очередь она впоследствии послужила лучшимъ украшеніемъ. И подобно тому какъ начала комедіи должно искать въ такъ наз. маломъ Діонисовомъ праздникѣ, такъ трагедія развилась изъ лирическаго диѳирамба, которымъ Греки въ порывѣ восторга въ праздникъ Ленеевъ въ смѣлой стихотворной формѣ прославляли похождение Бакха, подателя вина. Пѣсню эту пѣли при музыкѣ и пляскѣ сначала жрецы, впоследствии цѣлый хоръ, устроенный и подготовленный специально для этой пѣли; пѣніе было поочередное (антистрофическое), что дѣлало его до нѣкоторой степени драматическимъ; однако чисто драматическій элементъ введенъ въ пѣсню только въ Аттікѣ — тѣмъ, что предводитель хора сталъ объяснять и расширять нѣкоторыя части пѣсни разсказами, изъ которыхъ, послѣ введенія сперва одного, впоследствии двухъ и наконецъ трехъ актеровъ, возникла существенная часть драмы — діалогъ, тогда какъ лирическіе хоралы, какъ по своей обширности, такъ и по своему значенію, все болѣе и болѣе отступали на задній планъ.

Если принять во вниманіе ту любовь, съ какою Греки относились къ неимоვნно-быстро совершенствовавшейся трагедіи, считавшейся драгоценнѣйшимъ плодомъ поэзіи и приносившей безсмертное имя ея творцамъ, то мы не станемъ удивляться, что и мѣстопребываніе трагедіи, театръ, устраивалось съ болѣею пышностью и великолѣпіемъ, чѣмъ всѣ прочія общественныя зданія. Эти слова конечно имѣютъ силу только относительно позднѣйшихъ театровъ, назначавшихся для драматическихъ представленій; древніе же театры, встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи, построены были по всей вѣроятности до возникновенія и развитія драмы для торжественныхъ пѣснопѣній въ честь бога Діониса. Но такъ какъ изъ этого пѣнія развилась, какъ уже сказано, трагедія, лучшее созданіе эллинскаго гения, то вполне естественно, что она навсегда примѣстилась именно въ театрѣ. Кромѣ трагедій театръ служилъ мѣстомъ для различныхъ процессій, публичныхъ объявленій и народныхъ собраній.

12. *Форма и мѣстность.* Такъ какъ назначеніе театра состояло главнымъ образомъ въ томъ, чтобы возможно больше народа удобно могло смотрѣть на игры, которыя (въ отличіе отъ игръ въ стадіи и гипподромѣ) происходили на одномъ и томъ же мѣстѣ, то Греки старались устроить сидѣнья такимъ образомъ, чтобы каждому зрителю приходилось смотрѣть въ одно и тоже мѣсто съ разстоянія по возможности одинаковаго. Поэтому основною формою всѣхъ театровъ служилъ полукругъ (больше 180°) или большой круговой сегментъ. Мѣстомъ для театра избирали обыкновенно склоны горъ и дѣлали въ нихъ, начиная отъ подошвы, въ концентрическихъ кругахъ вверхъ углубленія для сидѣній, которыя при скалистой почвѣ были выдолблены прямо въ скалѣ, или же, если почва была рыхлая, сдѣланы изъ дерева, въ позднѣйшія времена всегда изъ камня; на равнинѣ же устраиваема была сцена. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ природа не представляла или совсѣмъ, или отчасти такихъ удобствъ, склонъ горы былъ замѣняемъ огромною насыпью (единственнымъ примѣромъ такого устройства въ Греціи служитъ мантинейскій театръ и въ Малой Азіи алабандскій), или же какимъ нибудь другимъ образомъ пособляла рука человѣка. — Совершенно изъ камня строились театры только во времена послѣ Александра и то прежде всего въ малоазійскихъ городахъ.

13. *Части театра.* Древніе театры, пока они не сдѣлались мѣстопребываніемъ драматической музы, состояли, какъ видно изъ предъидущаго, только изъ двухъ частей: изъ мѣста, выровненнаго

для пляски хора, въ центрѣ котораго стоялъ алтарь того бога, въ честь котораго совершался праздникъ (обыкновенно алтарь Діониса) и изъ театра въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. мѣста, назначеннаго и устроеннаго для зрителей.

Но послѣ того какъ допущены были въ театрѣ (какъ и вполнѣ подобало имъ по ихъ происхожденію и значенію) драматическія игры, представлявшіяся вначалѣ (Оесписомъ, первымъ изобрѣтателемъ ихъ) на подвижныхъ деревянныхъ подмосткахъ: тогда эти двѣ первыя части оказались уже недостаточными и возникла надобность присоединить къ нимъ новое зданіе, которое съ одной стороны по причинѣ своего художественнаго устройства пригодно было для драматическихъ представлений, съ другой стороны достойнымъ и надлежащимъ образомъ замыкало все зданіе театра; кромѣ того трагедія усовершенствовавшись получила уже на первыхъ порахъ такое значеніе въ жизни Грековъ, что можно было предпринимать постройки большихъ театровъ.

Первый такого рода каменный (большую частью входившій въ скалу Акрополя) театръ былъ аѳинскій, посвященный Діонису и находившійся въ священной оградѣ храма того-же бога (отсюда *τὸ ἐν Διονύσου θεάτρον* или *τὸ Διονύσου θεάτρον*). Постройка этого театра началась въ 500 году до Р. Хр., когда прежній деревянный обрушился; въ скоромъ времени онъ былъ начерно окончень, такъ что можно было давать въ немъ драматическія представленія; окончателно же онъ отстроенъ былъ только подъ управленіемъ оратора Ликурга между 344—322. Говорятъ, что этотъ театръ могъ вмѣстить въ себѣ до 30.000 зрителей. Въ нынѣшнемъ видѣ своемъ онъ относится ко времени Гадріана, который поправилъ его и раздѣлилъ на 13 клинообразныхъ частей. Положеніе этого театра прекрасное; расположенный на юго-восточномъ скатѣ Акрополя, онъ представлялъ видъ на большую часть города, простиравшуюся подъ нимъ по обѣ стороны. По своему устройству онъ сдѣлался образцомъ для всѣхъ остальныхъ греческихъ театровъ. Въ этомъ, равно какъ и во всѣхъ позднѣйшихъ театрахъ, слѣдуетъ различать три части, а именно:

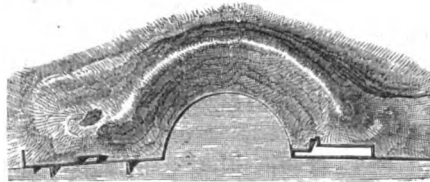

Рис. 37. Планъ театра въ Мегалополѣ.

1. Театръ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ или мѣсто для зрителей (*κοίλον*, cavea), состоящее изъ множества рядовъ сидѣній, поднимающихся вверхъ въ видѣ ступеней концентрическими все бѣльшими и бѣльшими полукругами. Ряды эти обыкновенно были обнесены съ внѣшней стороны наверху стѣною, образовавшею

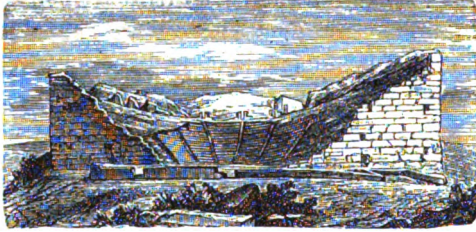

Рис. 38. Остатки театра въ Сегестѣ.

послѣдній полукругъ (или же, по Витрувію, колоннадою, заступавшею мѣсто простой стѣны и имѣвшею въ акустическомъ отношеніи важное значеніе); по обимъ же концамъ, обращеннымъ къ сценѣ, они всегда оканчивались отвѣсною стѣною, превышающею сидѣнья и постепенно поднимающеюся вверхъ. Обѣ эти стѣны стояли въ одной прямой линіи или подъ тупымъ угломъ; первое мы видимъ у мегалопольскаго театра въ Аркадіи (рис. 37.) и у театра въ Сегестѣ (рис. 38.), которые кромѣ того показываютъ намъ, какимъ образомъ пользовались мѣстностью, составляющею или склонъ горы или скалу, послѣднее же мы встрѣчаемъ у большей части театровъ.

Въ малыхъ театрахъ сидѣнья поднимались вверхъ одно за другимъ безпрерывно, образуя одинъ ярусъ; въ большихъ театрахъ

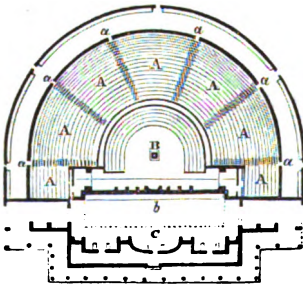

Рис. 39. Планъ греческаго театра въ Помпеяхъ.

они раздѣлены были или однимъ, или двумя параллельными поясами (*διαζώματα*, *κατατομαί*, praescinctiones) на два или на три яруса (*ζῳναί*, *maeniana*); иногда такой корридоръ окружалъ также найвысшій рядъ сидѣній, замыкая собою мѣста для зрителей. Устройство ярусовъ необходимо было въ особенности въ театрахъ позднѣйшихъ, не устраиваемыхъ при горѣ, въ которые входили извнѣ по корридорамъ, ведущимъ въ названные поясы;

но пока сидѣнья располагались на естественныхъ возвышеніяхъ (какъ въ значительномъ большинствѣ греческихъ театровъ), зрители поднимались на свои мѣста по лѣстницамъ только изъ оркестра. Изъ

поясовъ равно какъ и изъ оркестра зрители расходились по низкимъ ступенямъ (*κλίμακες*, *scalae*), раздѣлявшимъ въ видѣ радиусовъ ряды сидѣній на клины (*κερκίδες*, *cunei*). Число рядовъ этихъ ступеней (приходившихся по двѣ на вышину одного сидѣнья) въ греческихъ театрахъ было обыкновенно четное, въ римскихъ нечетное, тогда какъ число клинообразныхъ отдѣленій было обратное. Въ театрахъ о нѣсколькихъ ярусахъ эти лѣстницы были расположены или въ прямыхъ линияхъ, или прерывались съ каждымъ ярусомъ; въ нѣкоторыхъ театрахъ число ихъ въ верхнихъ ярусахъ было вдвое больше, чѣмъ въ нижнемъ.

На рисункѣ 39., представляющемъ планъ греческаго театра въ Помпеяхъ, мы видимъ оркестръ съ оймелою В въ срединѣ (о немъ будетъ сказано далѣе) и четыре полукруглыя ступени, которыя гораздо шире и ниже остальныхъ, вслѣдствіе чего и не ведутъ къ нимъ никакія лѣстницы. Такое устройство объясняется римскимъ обычаемъ, въ силу котораго оставляемы были для должностныхъ и знатныхъ лицъ самыя лучшія мѣста въ театрѣ, между тѣмъ какъ у Грековъ, по крайней мѣрѣ въ древнія времена, не было подобнаго строгаго дѣленія, хотя и у нихъ нижнія ступени предназначались исключительно для жрецовъ, чиновниковъ и судей-критиковъ (*βουλευτικόν*, см. ниже: Театральныя игры). За этими четырьмя ступенями идетъ кругомъ первый ярусъ, на который публика входила по нѣсколькимъ ступенямъ съ обѣихъ сторонъ сцены и расходилась изъ него по шести лѣстницамъ (aaa . . .) въ семь клинообразныхъ отдѣленій (AAA . . .) втораго яруса, чтобы сѣсть на мѣстахъ, которыя были отдѣлены одно отъ другаго только бороздами. Надъ сидѣньями втораго яруса поднимался, наконецъ, третій корридоромъ отдѣленный ярусъ о четырехъ ступеняхъ, на который всходили извнѣ по корридорамъ, составляющимъ вмѣстѣ съ тѣмъ шесть выходовъ для средняго яруса, тогда какъ изъ перваго яруса выходили черезъ оркестръ.

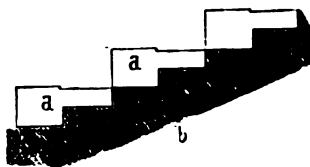

Рис. 40. Сидѣнье и лѣстница изъ театра въ Акрахъ (въ Сициліи).

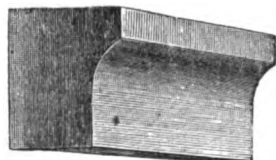

Рис. 41. Сидѣнье изъ театра въ Мегалополѣ.

Рис. 42. Сидѣнье изъ театра въ Спартѣ.

Сидѣнья (*ἑδῶλια*, *gradus*) были такъ устроены, что задняя половина ихъ, нѣсколько выдолбленная, служила помѣщеніемъ для ногъ зрителямъ высшаго ряда, какъ это видно на рис. 40., гдѣ *а а* означаетъ разрѣзъ сидѣній, а *б б* разрѣзъ лѣстницы; болѣе узкія сидѣнья имѣли такія углубленія съ передней стороны внизу, такъ что можно было отодвинуть туда ноги (рис. 41.); наконецъ, у нѣкоторыхъ сидѣній такія углубленія находились съ обѣихъ сторонъ (рис. 42.). По словамъ Витрувія сидѣнья должны

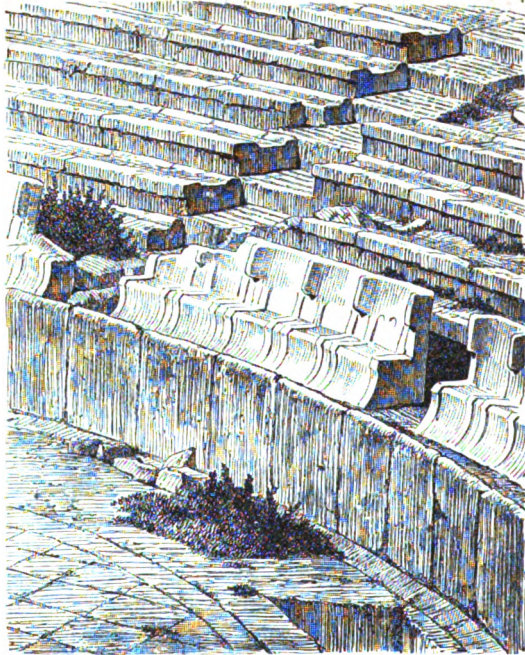

Рис. 43. Видъ части Діонисова театра въ Аѣнахъ.

были быть не выше полутора футовъ и не шире трехъ футовъ; тѣмъ не менѣе, по крайней мѣрѣ въ греческихъ театрахъ, они бывають обыкновенно и ниже и уже. Печетныя мѣста были конечно удобнѣе, какъ это показываетъ рис. 43., изображающій часть Діонисова театра, хотя и они были, въ сравненіи съ нашими креслами, нѣсколько тѣсны. Излишне было бы упоминать о томъ, что представлялось каждому брать съ собою въ театръ для бѣльшаго удобства подушки и мягкіе ковры.

2. Ровное пространство внизу, отдѣленное отъ мѣстъ зрителей высокою террасою, составляло такъ наз. оркестръ (*ὄρχήστρα*), т. е. мѣсто, назначенное для пляски и движеній хора (оно называлось также *κονίστρα*, оттого-ли, что при собраніяхъ народа посыпалось пескомъ, или же можетъ быть и оттого, что пляска хора происходила первоначально на обыкновенной почвѣ подъ открытымъ небомъ). Въ серединѣ этого пространства стояла четырехугольная дощатая еимела (*θυμέλη*), возвышавшаяся на нѣсколько ступеней, первоначально алтарь Бакха, откуда хоръ начиналъ свои танцы; на ней стоялъ предводитель хора, а иногда также и музыкантъ. Такъ какъ оркестръ назначенъ былъ для пляски, то вокругъ еимелы его настилали дощатымъ поломъ, на которомъ начертаны были линіи, показывавшія хоревтамъ опредѣленныя позиціи; но при драматическихъ представленіяхъ, при которыхъ хоръ не только исполнялъ пляски, но и входилъ въ разговоры съ находящимися на сценѣ лицами, оркестръ долженъ былъ возвышаться надъ уровнемъ театра, для чего между сценою и еимелою устраивались подмостки, на которые настилали полъ. Эта возвышенная часть оркестра называлась сценическимъ оркестромъ или оркестромъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Хоръ выступалъ на этотъ оркестръ, вошедши прежде побочнымъ входомъ (*πάροδος*) въ конистру и, если нужно было, могъ взойти съ него даже на самую сцену, которая была еще немного выше.

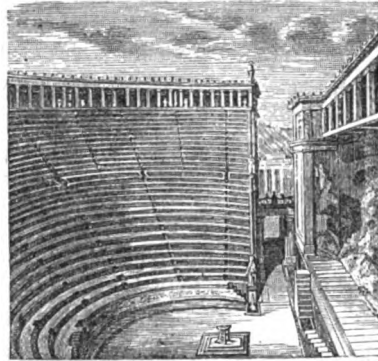

Рис. 44. Греческій театр по Страку.

3. Третья существенная часть театра есть сцена (*σκηνή* = палатка, называвшаяся такъ можетъ быть оттого, что въ древнія времена актеры давали свои представленія на крытыхъ подвижныхъ подмосткахъ, подобныхъ тѣмъ палаткамъ, въ которыхъ совершались праздники Бакха). Находясь въ уровнѣ перваго ряда сидѣній, сцена образовывала длинный, но не глубокой (въ помпейскомъ театрѣ 118×21 футъ), отдѣльный четырехугольникъ, и состояла изъ двухъ частей: изъ авансены (рис. 39. б) съ дощатымъ поломъ, съ которой говорили актеры (*προσκήνιον*, *proscenium*, также *λογεῖον*, *pulpitum*), и изъ задней или собственной сцены (*σκηνὴ* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, с),

которая въ древнѣйшія времена была объ одномъ ярусѣ; со временъ Эсхила она состояла изъ нѣсколькихъ ярусовъ (*ἐπισκήνια*) и была одной вышины съ остальнымъ театромъ. Ее устраивали совершенно архитектурнымъ образомъ, снабжая колоннами, карнизомъ и т. п. и украшая также статуями; представляла же она обыкновенно въ трагедіи царскій дворецъ съ пятью (или тремя) выходами: средній изъ этихъ выходовъ изображалъ царскія ворота (*valvae regiae*), ближайшіе къ нему два боковые выхода, назначенные для остальныхъ актеровъ, вели въ гостинныя комнаты (*hospitalia*), соединенныя съ царскимъ покоемъ; изъ послѣднихъ двухъ выходовъ (*aditus, itinera*), находившихся по обѣимъ боковымъ сторонамъ авансены, въ параскеніяхъ — одинъ показывалъ дорогу въ городъ, другой за городъ. Если были только три выхода, то приходившіе изъ города и изъ-за города выступали тѣми входами, которыми входилъ и выходилъ хоръ. Кто приходилъ съ лѣвой стороны (отъ зрителей), тотъ приходилъ изъ-за города, кто съ правой, тотъ приходилъ изъ города или гавани.

Необходимое дополненіе сцены составляло пространство подъ нею (*ὑποσκήνιον*), и отчасти также (въ большихъ театрахъ) флигели, примыкавшіе подъ прямымъ угломъ къ обѣимъ боковымъ сторонамъ сцены (*παρασκήνια*). Послѣдніе назначались для актеровъ, ихъ костюма, масокъ и разныхъ машинъ, подобно помѣщеніямъ за главною сценою, называвшимся по лат. *postscenium*; гипоскеній же, занимавшій все пространство подъ сценою, служилъ мѣстомъ для помѣщенія разныхъ машинъ, посредствомъ которыхъ являлись изъ подземелья на сцену боги и опять исчезали и пр. Сверху сцена была покрыта чѣмъ-то въ родѣ навѣса, прикрывавшимъ собою опускной потолокъ, откуда спускались летательныя машины; подобнымъ образомъ покрыты были всѣ боковыя помѣщенія (*παρασκήνια*), тогда какъ передняя сцена (*λογεῖον*) и мѣста для зрителей оставались не покрыты, такъ что, въ случаѣ дурной погоды, публика должна была или разойтись, или же (какъ въ малоазійскихъ, а впоследствии также въ аѳинскихъ театрахъ) искать убѣжища въ портикахъ за театромъ и въ притворахъ близкихъ храмовъ. Для полноты представленія о театрѣ мы помѣщаемъ здѣсь (рис. 44.) видъ греч. театра съ боку по начертанію Страка.

Упомянувъ объ одномъ родѣ сценическихъ машинъ, мы позволимъ себѣ кратко сказать объ остальныхъ приспособленіяхъ греческой сцены. Иногда нужно было, чтобы съ переменною дѣйствія перемѣнялась и декорация главной сцены; для этой цѣли предъ

неподвижную каменную стѣною могла быть поставлена другая раскрашенная стѣна (*scena ductilis*), которая въ свою очередь также могла замѣняться иною. О такой пережвѣ задней сцены можно судить напр. по Софоклову Эанту, гдѣ сцена сначала представляет греческій лагерь, подъ конецъ же трагедіи пустынный берегъ Геллеспонта; эти подвижныя стѣны можно было вдвигать справа и слѣва отъ середины, какъ кажется, за особую стѣну, примыкающую къ задней части зданія. Что касается до боковыхъ декораций, то

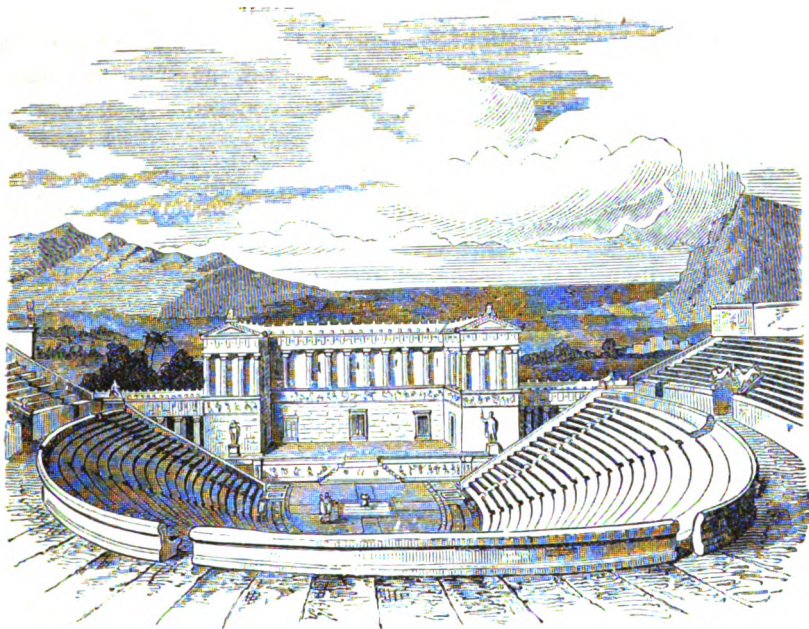

Рис. 45. Видъ театра въ Сегестѣ (дополненный Стракономъ).

по обѣимъ сторонамъ вмѣсто нашихъ кулисъ стоялъ такъ назыв. *περίακτος* (*periactus, versura*), т. е. трехугольная пирамида (*τρίγωνος*), вращавшаяся на оси, стороны которой были различно раскрашены. Поворотомъ обонхъ этихъ періактовъ на 120° , находившимся всегда въ связи съ пережвною задней декорациію, означалось, что дѣйствіе происходитъ въ другомъ мѣстѣ (*scena versilis*). Имѣла-ли древне-аттическая сцена также занавѣсъ или нѣтъ, на это нѣтъ никакихъ данныхъ; впоследствии упоминается о занавѣсахъ словами *αὐλαία, παραπέτασμα*.

На подобіе театра устроенъ былъ одеонъ (*φδελιον*), съ тѣмъ лишь различіемъ, что онъ былъ гораздо меньше и всегда крытый. Первый одеонъ, сдѣлавшійся, какъ относительно своего назначенія, такъ и относительно своего устройства, образцомъ для всѣхъ позднѣйшихъ, построенъ былъ Перикломъ для музыкальныхъ состязаній въ Панаѳенейскій праздникъ. Всякій сколько нибудь значительный городъ имѣлъ кромѣ театра также и одеонъ. Самый роскошный одеонъ въ древности находился въ Аѳинахъ (см. рис. 29. Н) подъ Акрополемъ, построенный въ 160-мъ году по Р. Хр. Геродомъ.

При этой статьѣ мы представляемъ перспективный видъ театра въ Сегестѣ (рис. 45).

Римскій театръ.

14. Объ устройствѣ римскаго театра намъ остается сказать немного, такъ какъ онъ похожъ былъ во всѣхъ частяхъ своихъ на греческій театръ. Латинскія названія, которыми Римляне означали

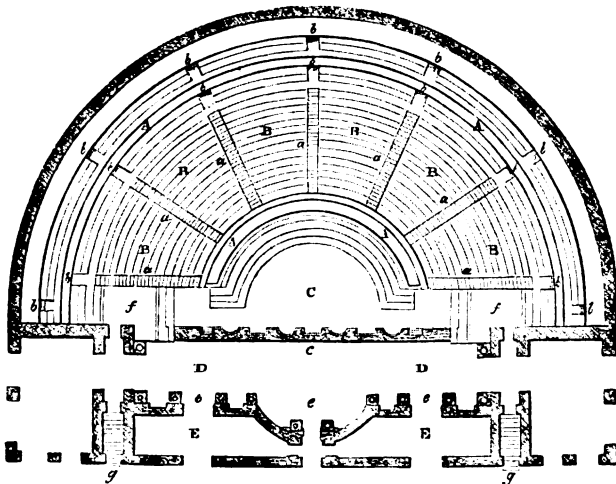

Рис. 46. Планъ геркуланскаго театра.

части своихъ театровъ, нами приведены выше рядомъ съ греческими, такъ что не нужно болѣе перечислять этихъ частей; мы укажемъ только на нѣкоторыя особенности, которыми римскій

театръ отличался отъ греческаго, и скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи его постройки.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что римскіе театры (въ отличіе отъ греческихъ) обыкновенно не прилегали своими сидѣньями къ естественнымъ склонамъ горъ, но строились на равнинѣ въ видѣ огромныхъ каменныхъ или мраморныхъ зданій съ поднимающимися вверхъ рядами сидѣній. Основу цѣлаго зданія составляли крѣпкія стѣны, направляющіяся въ видѣ радіусовъ къ центру оркестра;

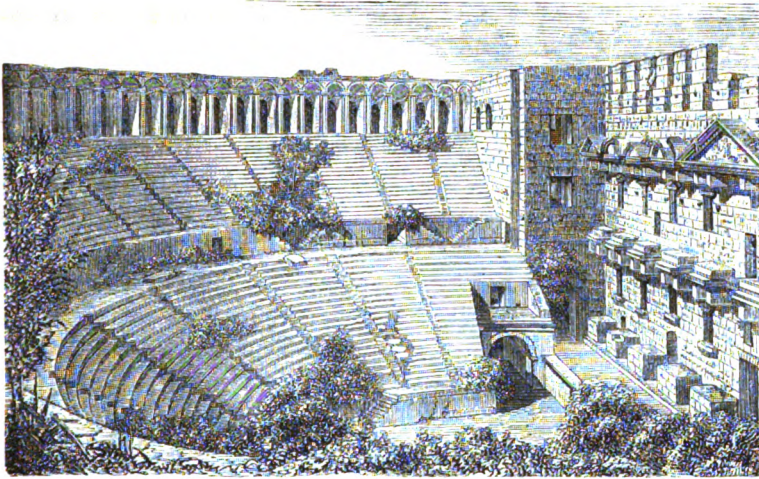

Рис. 47. Видъ театра въ Аспендѣ.

между ними находились входы, ведущіе со всѣхъ сторонъ въ отдѣльные ярусы; ко входамъ же вели лѣстницы изъ внѣшнихъ портиковъ театра. Для нагляднаго представленія мы помѣщаемъ здѣсь планъ геркуланскаго театра (рис. 46.) и внутренность театра въ Аспендѣ (рис. 47.).

1. *Cavea* часто заканчивалась надъ послѣднимъ рядомъ сидѣній не одною лишь простою стѣною, а колоннадою, крыша которой была одной вышины со стѣною сцены, какъ это видно у аспендскаго театра. Кромѣ того надъ зрительскими мѣстами растягивали большіе пологи (*velum*), для чего къ стѣнѣ надъ верхнимъ рядомъ сидѣній (*summa cavea*) прикрѣплялись бревна ¹⁾, къ которымъ эти пологи привязывали особые служители (иногда матросы).

¹⁾ Что эти бревна прикрѣплялись къ внутренней сторонѣ стѣны, а не къ внѣшней, гдѣ они не имѣли бы достаточной опоры, это понятно само по

Утверждаютъ, что Римляне заимствовали это устройство отъ Кампановъ, и какъ во всемъ, такъ и въ этомъ были необыкновенно расточительны, употребляя самыя дорогіе пологи. Число клинообразныхъ отдѣленій (cunei) бывало обыкновенно четное, тогда какъ число лѣстницъ, образующихъ эти отдѣленія было нечетное (въ греческихъ театрахъ наоборотъ). Ярусы отдѣлены были одинъ отъ другого высокими поясами по причинѣ строгаго дѣленія публики на классы, о чемъ еще будетъ рѣчь впереди (рис. 48.).

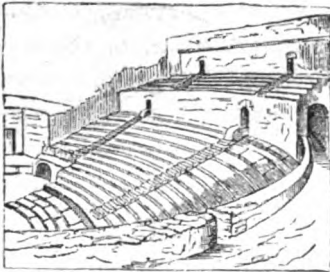

Рис. 48. Видъ ярусовъ и поясовъ въ большомъ помпейскомъ театрѣ.

2. Оркестръ былъ меньше, потому что никакихъ плясокъ въ немъ не происходило; по этой причинѣ въ немъ

помѣщались (какъ въ нашемъ партерѣ) кресла для сенаторовъ. Фимелы конечно не было.

3. Сцена была глубже, примыкая къ рядамъ сидѣній, которыя образовывали полукругъ, не превосходящій 180°, и была гораздо ниже, чтобы можно было видѣть её изъ оркестра; сверху же она была покрыта крышею. Задняя часть ея была устроена почти также, какъ и у Грековъ, съ тою лишь разницею, что ее богато украшали колоннами (отъ которыхъ на рис. 47. видны еще пьедесталы) и статуями. Для объясненія плана, представляемаго намъ рис. 46., мы прибавляемъ еще слѣдующее: cavea раздѣлена двумя поясами A, A на три отдѣленія или яруса (ima, media, summa); ff суть особыя помѣщенія, въ греческихъ театрахъ никогда не встрѣчающіяся, которыя справедливо принимаются за ложи, назначавшіяся для высокопоставленныхъ лицъ; къ каждой изъ нихъ ведетъ изъ портика особый корридоръ g g. Такія ложи видны также въ аспендскомъ театрѣ (рис. 47.) возлѣ авансцены ¹⁾. Низкая

себѣ, и подтверждается кромѣ того также большимъ помпейскимъ театромъ (Overbeck, Romp. I. 151); тѣмъ не менѣе остается загадочнымъ, какимъ образомъ огромная тяжесть пологовъ, напр. въ обшкрныхъ амфитеатрахъ, могла удержаться въ серединѣ, если только не стояла здѣсь въ видѣ подпоры высокая мачта, о которой, впрочемъ, нигдѣ не упоминается.

¹⁾ Что такія ложи въ римскихъ театрахъ оставлены были для лицъ самыхъ знатныхъ, это явствуетъ изъ того событія, о которомъ упоминаетъ Suet. Nero cap. 26. Светоній называетъ эту ложу pars proscenii superior.

стѣна с называется *pulpitum* (*proscenii*), D есть авансцена, *proscenium*, E мѣсто за сценою, *postscenium* (см. стр. 41.).

Занавѣсъ была двоякаго рода:

а) главная (*aulaeum*), которая при началѣ представленія опускалась въ глубокую прорѣзь, сдѣланную въ передней части сцены, а при концѣ представленія опять поднималась (отсюда выраженія „*aulaea premuntur*“, „*tolluntur*“ означаютъ начало и конецъ представленія. *Hor. epist.* II, 1, 189, и въ особенности *Ovid. Met.* III. 111—114).

б) Другая занавѣсъ (называвшаяся *siparium*) употреблялась, кажется, при перемѣнахъ и растягивалась съ обѣихъ сторонъ на подобіе нашихъ занавѣсей.

Наконецъ мы припоминаемъ, что къ греческимъ театрамъ въ Малой Азіи, а также въ собственной Греціи пристраивались вблизи портики (*στοαί*) и базилики (*Plin. ep. ad Traj.* 38.), гдѣ зрители могли найти убѣжище отъ дождя; таковъ былъ портикъ Эвмена возлѣ Діонисова театра въ Афинахъ. Съ подобнымъ устройствомъ театровъ мы встрѣчаемся впоследствіи и въ Римѣ, какъ напр. въ театрѣ Помпея. Упоминаютъ также о кедровой крышѣ надъ зрительскими мѣстами въ одеонѣ Герода Атика (см. стр. 44.).

Въ Римѣ построенъ былъ первый постоянный каменный театръ Помпеемъ въ 55-мъ году до Р. Хр.; до этого времени, а именно съ 191-го года до Р. Хр., дозволено было строить для сценическихъ игръ только временные деревянные театры, въ числѣ которыхъ были нѣкоторые весьма роскошные, какъ напр. театръ, сооруженный для нѣсколькихъ-дневныхъ представленій Маркомъ Скавромъ въ 52-мъ году до Р. Хр., вмѣщавшій въ себѣ до 80 тысячъ зрителей, и имѣвшій сцену, украшенную 360 колоннами и 3000 бронзовыхъ статуй. Отъ Пом-

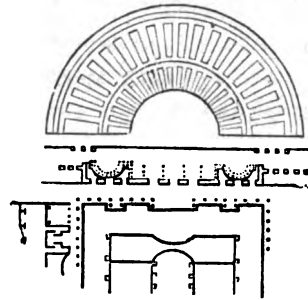

Рис. 49. Театръ Помпея по капитолійскому плану.

Рис. 50. Театръ Марцелла въ Римѣ.

пеева театра уцѣлѣли только немногіе остатки; но по чертежу его, находящемуся въ капитолійскомъ планѣ,¹⁾ мы можемъ сдѣлать себѣ о немъ довольно точное представленіе. На рис. 49. видно, что онъ былъ раздѣленъ поясомъ на два яруса и наверху снабженъ галлереею (а также небольшими храмами Венеры и Викторіи, которые на планѣ не обозначены); сцена была украшена множествомъ колоннъ, за сценою же были портики съ многочисленными статуями, служившими мѣстомъ для развлеченій, а иногда также для защиты публики отъ дождя. О торжественномъ открытіи его см. Cic. ep. ad fam. VII. 1.

Другой театръ, построенный въ 13-мъ году до Р. Хр. Августомъ (и названный по имени племянника его Марцелловымъ), сохранился отчасти до сихъ поръ въ новѣйшихъ постройкахъ на площади Montanara, принадлежащихъ Орсинамъ; о наружномъ видѣ его на рис. 50. можно сказать только то, что онъ имѣлъ три яруса великолѣпныхъ колоннъ, изъ которыхъ нижнія принадлежатъ до-рійскому стилю, среднія (наиболѣе уцѣлѣвшія) іонійскому, верхнія же (теперь уже совершенно исчезнувшія) коринтскому. Въ этомъ же году былъ построенъ также третій театръ Бальба. — Что касается до вмѣстительности, то театръ Помпея занимаетъ первое мѣсто (для 40 тысячъ), театръ Бальба второе (для 30 тысячъ), а Марцелла третье (для 20 тысячъ).

Изъ большаго числа другихъ театровъ наиболѣе уцѣлѣлъ аспендскій театръ въ Памфиліи, внутренность котораго на рис. 47. представляетъ великолѣпный видъ, и оранжскій (Orange) театръ въ южной Франціи.

---

¹⁾ Капитолійскій планъ, изъ котораго мы уже выше (стр. 34) представили одинъ чертежъ, былъ найденъ при Піѣ IV-мъ (въ 16. стол.) за храмомъ Козмы и Даміана близъ древняго форума; это изображеніе Рима изъ временъ Септімія Севера, состоящее изъ множества мраморныхъ плитокъ, на которыхъ нарисованы красною и черною краскою планы римскихъ зданій. Много частей этого плана потеряно, но онъ дополненъ опять по снимку, который сдѣлалъ для себя находчикъ тотчасъ послѣ того, какъ онъ его нашелъ. Со временъ Бенедикта XIV всѣ плитки вдѣланы въ стѣны корридоровъ капитолійскаго музея. Для римской топографіи этотъ планъ даже и въ теперешнемъ неполномъ видѣ во многихъ отношеніяхъ весьма важенъ.

Амфитеатръ.

15. Если представимъ себѣ, что два равныхъ театра безъ сцены соединены вмѣстѣ такъ, что боковыя стороны или крыла ихъ (cornua) соприкасаются и оркестры ихъ образуютъ одно сплошное пространство, то возникнетъ амфитеатръ (*ἀμφιθέατρον*, amphitheatrum); это какъ-бы двойной театръ, который служилъ Римлянамъ мѣстомъ, гдѣ представлялись звѣринныя травли (venationes) и гладиаторскія игры (ludi gladiatorii). Кажется, что Римлянамъ пришла мысль постройки новаго рода театральныхъ зданій, Грекамъ совершенно неизвѣстнаго, вслѣдствіе неслыханнаго и въ самомъ дѣлѣ чуждаго отважнаго предпріятія народнаго трибуна Г. Скрибонія Куріона, который, желая чѣмъ нибудь особеннымъ расположить къ себѣ римскую толпу, соорудилъ въ 50 году до Р. Хр. (на деньги Кесаря) два деревянныхъ театра, побоившихся на огромныхъ валахъ, при помощи которыхъ можно было обратить оба театра одинъ къ другому такъ, что они составляли одинъ громадный амфитеатръ. Поутру ихъ разводили и давали въ нихъ сценическія игры, по полудни же обращали ихъ со всею публикою одинъ къ другому, и въ возникшемъ, по устраненіи сценъ, амфитеатрѣ происходили гладиаторскія игры (Plin. XXXVI. 15. 117.). Постоянное (хотя только деревянное) и въ первый разъ амфитеатромъ названное зданіе построилъ, говорятъ, Кесарь въ 46 г. до Р. Хр. для звѣриной травли (Dio Cassius XLIII, 22); немного спустя послѣ него въ 29 г. Статилій Тавръ, другъ Августа, соорудилъ каменный амфитеатръ (вѣроятно только съ каменнымъ фундаментомъ); но ни отъ того ни отъ другаго не осталось (послѣ пожара при Неронѣ) никакихъ слѣдовъ. Изъ Рима эти зданія распространились рано по всей Италіи и по всей имперіи; даже меньшіе города строили ихъ съ большою роскошью, какъ напр. Помпей, имѣвшіе при 20-тысячномъ населеніи амфитеатръ для 15 тысячъ зрителей, въ который стекались къ представленіямъ конечно и жители сосѣднихъ мѣстечекъ. Основная форма амфитеатра была всегда овальная (эллиптическая); наружная сторона его раздѣлена была на ярусы и надлежащимъ образомъ украшена. Въ видѣ примѣра мы пред-

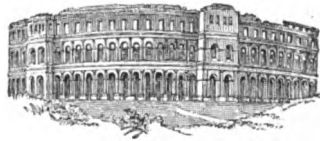

Рис. 51. Наружный видъ амфитеатра въ Полѣ.

ставляемъ на рис. 51. наружный видъ амфитеатра въ Полѣ въ Истрии, хорошо сохранившагося до настоящаго времени, а на рис. 52. внутренний видъ амфитеатра въ Помпеяхъ, гдѣ въ срединѣ внизу мы видимъ арену, т. е. кругло-продолговатую площадь, назначенную для сраженія и при играхъ усыпаемую пескомъ (arena), кругомъ же возвышающіяся дуги мѣсть для зрителей. Болѣе подробное представленіе объ амфитеатрѣ даетъ разрѣзъ и чертежъ одной части амфитеатра въ Полѣ на рис. 53. Изъ внутренняго корридора нѣсколько ступеней ведутъ на podium A, гдѣ находятся почетныя мѣста для императора (или намѣстника его), для императорской

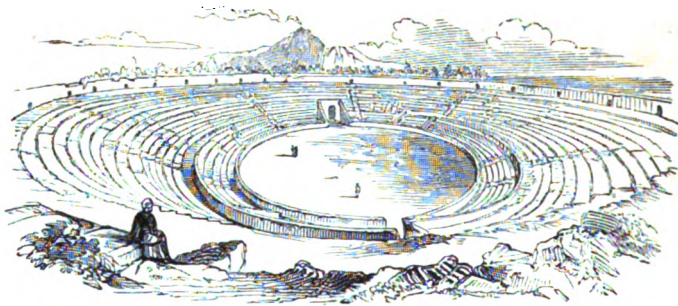

Рис. 52. Видъ амфитеатра въ Помпеяхъ.

фамиліи, высшихъ должностныхъ лицъ и т. д.; они возвышаются надъ ареною на 9—10 футовъ и обнесены для безопасности перилами. Изъ нижняго вишняго корридора ведетъ лѣстница въ первый ярусъ (1. cavea prima) и клинообразныя отдѣленія его черезъ отверстія, обозначенныя въ высокой отвѣсной стѣнѣ В (balteus); подобнымъ образомъ ведутъ лѣстницы во второй (2) и третій (3) ярусъ, равно какъ и на крытую галерею D, съ которой смотрѣли на игры женщины.

Съ нижнею частью амфитеатра подъ ареною мы можемъ всего лучше ознакомиться въ донныѣ сохранившемся амфитеатрѣ въ ПUTEОЛАХЪ (Pozzuoli) близъ Неаполя. Здѣсь подъ ареною находятся просторныя корридоры, которые по снятіи досокъ съ отверстій, видныхъ (числомъ около 60) на площади арены, достаточно освѣщались, такъ что гладіаторы могли здѣсь упражняться. Подобныя корридоры находятся также и въ амфитеатрѣ въ Капуѣ. Дикихъ звѣрей, предназначавшихся для травли, держали въ клѣткахъ подъ подіумомъ, откуда выпускали ихъ наверхъ на арену черезъ отверстія въ подіумѣ. Кромѣ того въ корридорахъ подъ подіумомъ находились жилища для сторожей и караульныхъ, а также spoliarium, куда

уносили убитыхъ гладіаторовъ, чтобы снять съ нихъ оружіе. Два главныхъ входа вели на арену по направленію главной оси (см. рис. 52.).

Самый знаменитый изъ всѣхъ амфитеатровъ былъ такъ наз. амфитеатръ Флавіевъ, извѣстный теперь подъ именемъ Колизея (Colosseum, по итал. Coliseo), находившійся въ центрѣ города между Целиемъ и Веліею на мѣстѣ, занятомъ нѣкогда частью Золотого дома Нерона; замѣчательные остатки его составляютъ предметъ всеобщаго удивленія. Большой діаметръ эллипсиса имѣеть 597, меньшій 475 футовъ; внутри онъ имѣлъ кромѣ возвышеннаго и перилами

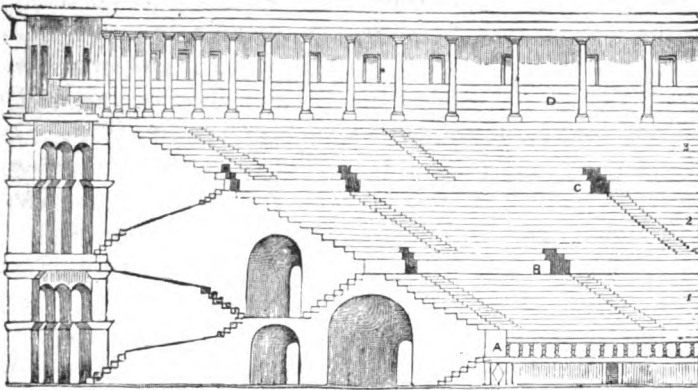

Рис. 53. Разрѣзъ амфитеатра въ Полѣ.

огороженнаго подіума, гдѣ предъ первымъ рядомъ сидѣли члены императорской фамиліи, высшіе сановники и Весталки, еще три яруса, отдѣленные одинъ отъ другаго стѣнами (balteus), которыя были выше обыкновеннаго, съ 87000 мѣсть для зрителей; надъ этими ярусами красовалась прекрасная открытая галлея, предназначенная для женщинъ, какъ въ упомянутомъ выше поланскомъ амфитеатрѣ (рис. 53. D). Отвѣсная внѣшняя стѣна, вышиною въ 162 фута, состоитъ изъ трехъ ярусовъ открытыхъ корридоровъ о 80 аркахъ, изъ которыхъ первый украшенъ дорійскими, второй іонійскими, третій коринѣскими полуколоннами; четвертый же ярусъ, представляющій собою закрытый корридоръ, освѣщаемый одними лишь окнами, расчлененъ коринѣскими пилястрами; зрительскія мѣста этого яруса могли быть сдѣланы только изъ дерева. ¹⁾

¹⁾ О массѣ употребленнаго здѣсь дерева свидѣтельствуетъ между прочимъ и то обстоятельство, что, когда по словамъ Діона Кассія (LXXVIII, 26) въ Колизей ударила молнія, только съ большимъ трудомъ можно было потушить пожаръ.

Изъ корридоровъ вели къ отдѣльнымъ поясамъ вверхъ лѣстницы, въ такомъ количествѣ (76 кромѣ четырехъ главныхъ) и притомъ такъ отлично устроенныя, что 87000 зрителей (которыхъ могъ вмѣстить въ себѣ амфитеатръ) могли выйти скорѣе, чѣмъ въ 5 минутъ (отсюда и характеристичное названіе ихъ vomitoria). Постройку этого зданія началъ Веспасіанъ послѣ страшной Іудейской войны, воспользовавшись для этого двѣнадцатю тысячами приведенныхъ сюда Евреевъ; окончена же была она только при Домиціанѣ (въ 80 г. по Р. Хр.), поглотивъ огромныя суммы денегъ.¹⁾ Арену можно было въ случаѣ надобности покрыть водою изъ близкихъ водоемовъ на Целии, такъ что представлялась возможность давать на ней также и любимыя Римлянами морскія сраженія (naumachiae, см. стр. 59.); однако кажется, что эти представленія могли имѣть мѣсто только до времени устройства подъ ареною корридоровъ, т. е. приблизительно до половины 2го столѣтія. Колизей былъ нѣсколько разъ поправляемъ до 6го столѣтія; послѣднее представленіе, о которомъ упоминается, происходило въ немъ въ 523 году.

Кромѣ амфитеатра Флавіевъ былъ въ Римѣ еще другой — лагерный или военный амфитеатръ (amphitheatrum castrense), вчетверо меньше перваго; значительные остатки его, входящіе отчасти въ стѣну авреліанову, видны за Латеранскимъ храмомъ. Травли, происходившія въ этомъ амфитеатрѣ, были меньшаго размѣра.

Знаменитѣйшіе амфитеатры въ Италіи, которые по своей величинѣ почти равняются римскому амфитеатру Флавіевъ и довольно хорошо сохранились до нашего времени, — такъ что, взятыя вмѣстѣ, вообще даютъ намъ почти полное представленіе объ устройствѣ этого рода построекъ, — находятся въ ПUTEОЛАХЪ, Капуѣ и Веронѣ. Кромѣ Италіи наиболѣе уцѣлѣвшіе амфитеатры находятся въ ПОЛѢ и въ НИМѢ (Nimes, древ. Nemausus) во Франціи.

---

¹⁾ Чтобы читатель имѣлъ хоть нѣкоторое понятіе о громадности этого зданія, мы укажемъ на то обстоятельство, что въ теченіе времени сдѣланы изъ него три дома (папская канцелярія, венеціанскій и фарнезскій дворцы) и осталось всетаки еще больше, чѣмъ половина всей постройки, такъ что одинъ только матеріалъ этого зданія, по мнѣнію архитектора Тоссо, стоилъ бы въ наше время около 9 милліоновъ рублей (Friedländer Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms II. 153.).

Гипподромъ и стадія.

16. Въ театрѣ Греки состязались за пальму первенства прекрасными произведеніями музыки и драматической поэзіи. Но кромѣ этихъ состязаній у нихъ уже съ давнихъ временъ украшеніемъ праздниковъ служили еще другія состязанія, которыя тоже весьма важны, такъ какъ въ нихъ показывали они тѣлесную силу и ловкость, приобрѣтаемая ими съ самаго дѣтства полезными упражненіями въ палестрахъ и гимназіяхъ.

Состязанія, происходившія на колесницахъ или на лошадяхъ, имѣли мѣсто въ гипподромахъ (*ἵπποδρομος*, ристалище); состязанія пѣшія — въ стадіяхъ (*στάδιον*, поприще).

Гипподромъ (конское ристалище, circus) въ древнѣйшія времена былъ устроенъ весьма просто (какъ видно изъ Гомера, Ил. XXIII, 326 и слѣд.). Всякое ровное пространство могло служить мѣстомъ для ристалища, въ особенности если оно было окружено съ обѣихъ сторонъ, или по крайней мѣрѣ съ одной, отлогимъ холмомъ, съ котораго зрители удобно могли бы смотрѣть на состязаніе. Это имѣлось въ виду при устройствѣ древнѣйшаго изъ постоянныхъ гипподромовъ въ Олимпіи, который можетъ служить намъ образцомъ. Рис. 54. представляетъ чертежъ его по коньектурѣ Visconti, сдѣланный отчасти по описанію Павсанія (VI. 20), отчасти также по незначительнымъ его остаткамъ. Лѣвая сторона его окружена была отлогимъ, низкимъ холмомъ; съ другой же стороны сдѣлана была особая насыпь (*χωμα*), замыкавшая одинъ конецъ ристалища въ видѣ дуги, тогда какъ другой конецъ былъ закрытъ оградой (B), за которою находился портикъ (*στοά* C), называвшійся Агнаптовымъ. Ограда эта, изъ которой выѣзжали наѣздки (отсюда и названіе ея *ἄφεισις*, выпускъ, выѣздъ), состояла изъ множества сараевъ (*οἰκήματα*, carceres 1, 2, 3, 4), построенныхъ въ видѣ корабельнаго носа (отчего и называется середина B *ἔμβολον*) по двумъ загнутымъ линіямъ, длиною каждая въ 400 греч. футовъ, чтобы такимъ образомъ выиграть мѣсто. Передаютъ, что это устройство изобрѣлъ архитекторъ Клеойтъ аѳинскій.¹⁾ Наѣздикамъ назначались мѣста по жребію, и чтобы никто не былъ впереди другого, выѣздъ ихъ

¹⁾ Болѣе правдоподобнымъ намъ кажется такое устройство аѳеисиса, чтобы мета F находилась въ одинаковомъ разстояніи отъ обѣихъ побочныхъ сторонъ его, что могло быть только тогда, когда аѳеисисъ былъ косою, какъ въ римскихъ циркахъ (ср. рис. 57. А А.).

совершался слѣдующимъ образомъ: каждый сарай былъ огражденъ канатомъ (*καλώδιον, ὑσπληγξ*); по данному знаку (въ Олимпіи вылеталъ изъ глинянаго жертвенника (А) большой металлическій орель, поднимаясь посредствомъ извѣстнаго механизма вверхъ до такой высоты, что можно было видѣть его всѣмъ зрителямъ; въ это же время металлическій дельфинъ, находившійся на вершинѣ угла выѣзда В, падалъ внизъ), опускались прежде всего канаты предъ

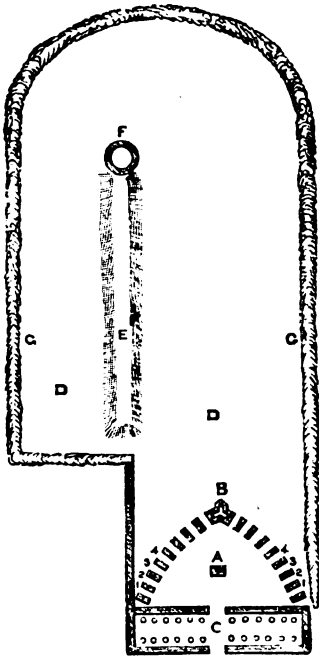

Рис. 54. Гипподромъ въ Олимпіи.

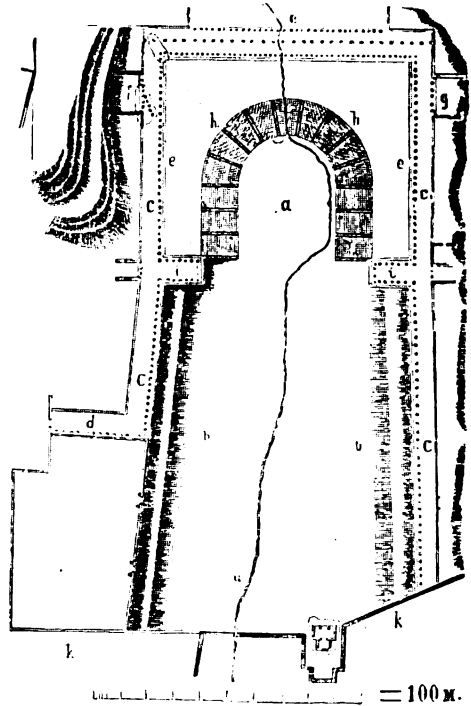

Рис. 55. Планъ мессенской стадіи.

послѣдними двумя сараями (1, 1), а когда лошади подѣзжали къ ближайшимъ двумъ сараямъ (2, 2), то опять здѣсь опускались канаты, и тогда ѣхали уже четыре колесницы въ одной линіи, и такимъ образомъ это продолжалось до конца выѣзда, гдѣ уже всѣ становились въ одну прямую линію. Когда колесницы миновали пространство D (*δρόμος*), возницы должны были довео обогнуть цѣль F (*σῆμα, νόσσα, καμπτήρ, meta*), которая состояла изъ круглаго возвышенія (по преданію это былъ первоначально алтарь какаго либо героя), называвшагося возницами вообще *ταράξιππος* (конесму-

титель), потому что въ немъ заключалась самая большая опасность для лошадей и колесницъ. Подобная мета находилась вѣроятно также близъ карцеровъ — предѣла бѣга; на этой послѣдней, какъ кажется по неясному описанію Павсанія, стояла мѣдная статуя Гипподамен, махавшей побѣдителю вѣнкомъ въ награду. Можно почти навѣрно предполагать, что между обѣими метами была нѣкоторая насыпь (Е), раздѣлявшая ристалище вдоль на двѣ половины, подобно римской *spina* (о которой будетъ рѣчь впереди, стр. 57.).

Подобнымъ образомъ, какъ гипподромъ, устроена была и *стадія* (или поприще), съ тою лишь разницею, что она, сообразно своему назначенію, была и короче и уже гипподрома. Обыкновенная длина ея, сдѣлавшаяся впоследствии также мѣрою длины вообще, имѣла 600 греч. футовъ (такъ что 40 стадій = 1 милѣ). Для устройства стадій пріискивали пригодное мѣсто посреди двухъ отдѣльныхъ

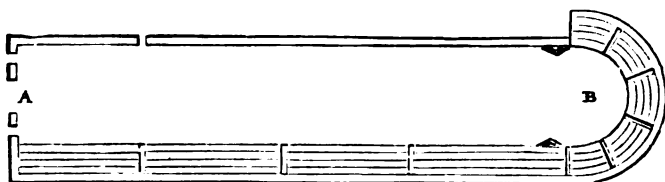

Рис. 56. Стадія въ Кибирѣ.

склоновъ; гдѣ не было такого мѣста, тамъ устраивали сидѣнья для зрителей на насыпи (*χωμα*) или же на большихъ каменныхъ террасахъ. Рис. 55. представляетъ планъ мессенской стадіи. Арена этой стадіи (а а), по которой теперь течетъ ручей, простирается посреди двухъ отлогихъ, но не совсѣмъ параллельныхъ склоновъ (b b), которые удобно устроены были для зрителей; только въ концѣ сдѣланы были полукругомъ каменные сидѣнья (h h), получившія отъ своей формы названіе праці (*σφενδονη*, *funda*) и назначавшіяся для знатнѣйшей публики, между прочимъ также для судей состязаній; ибо здѣсь оканчивались бѣги, а нѣкоторыя состязанія, какъ панкратіонъ (см. ниже), происходили только въ этомъ мѣстѣ. Что касается до остальнаго устройства стадіи, то мы указываемъ еще на колоннаду (с с с), которая окружала сверху все пространство, простираясь на правой сторонѣ до городскихъ стѣнъ (k), на другой же сторонѣ вслѣдствіе неудобствъ мѣстности только до склона при d; она была на верхнемъ концѣ великолѣпно устроена а отчасти также удвоена, ограждая здѣсь четырехугольное пространство е е. Входы въ эту стадію были, по видимому, при

f и g; другіе входы шли черезъ двойную галерею. Зданіе, входящее въ городскую стѣну, кажется, древній храмъ, который оставался здѣсь, какъ видно, и послѣ. Въ этомъ концѣ находились, какъ можно предполагать, карцеры.

Проще и меньше была стадія въ Кибирѣ (нын. Буразъ) въ Ликии (рис. 56.), лѣвую сторону которой образуетъ насыпь съ каменнымъ фундаментомъ, тогда какъ правая сторона вмѣстѣ съ круглымъ изгибомъ примыкаетъ къ горѣ, въ склонѣ которой вырыты 21 рядъ мѣстъ для зрителей, раздѣленныхъ на клины, и подобно тому, какъ въ мессенской стадіи, концентрически обращенныхъ къ В въ пращѣ (*σφενδούνη*). — Кромѣ того всякая стадія имѣла на своемъ ровномъ концѣ ограду (тоже называвшуюся *ἄφρασις*), отъ которой бѣгъ начинался, оканчиваясь у обоихъ выступовъ предъ полукругомъ, а по срединѣ кромѣ двухъ главныхъ столбовъ имѣла еще третій, раздѣлявшій цѣлое поприще на двѣ половины; отъ нихъ не сохранилось ничего, такъ какъ они были изъ дерева. При двойномъ бѣгѣ бѣгуны должны были обогнуть задній столбъ (*κύσσα, τέμα* и т. д.), имѣвшій надпись *κάμψον* (повороты!), между тѣмъ какъ остальные два столба поощряли бѣгуновъ словами: *ἀρίστευε* (держиись!) и *σπεῦθε* (спѣши!). Къ болѣе позднему времени относятся стадіи круглыя на обоихъ концахъ, какъ напр. стадія въ Афродисіи въ Каріи. Въ стадіяхъ, простиравшихся между склонами горъ, часто были подземные входы, какъ напр. въ стадіи въ Аѣннахъ.

Римскій циркъ и стадія.

17. Римскій циркъ, *circus*, похожъ былъ по своему основному плану на греческій гипподромъ. Какъ образецъ мы представляемъ на рис. 57. планъ цирка Максентіева близъ древней Анціевой дороги, верстахъ въ двухъ на югъ отъ Рима, по остаткамъ котораго и теперь еще лучше всего можно судить объ устройствѣ римскихъ ристалищъ, а на рис. 58. — развалины константинопольскаго цирка (нын. площадь *atmeidan*), оставшіяся въ данномъ видѣ еще въ 15. стол. до взятія города Турками. Циркъ Максентіевъ есть продолговатый параллелограмъ, замыкающійся въ одномъ концѣ полукругомъ, а въ другомъ дугообразнымъ, нѣсколько косо идущимъ изгибомъ; въ этомъ концѣ помѣщался рядъ двѣнадцати сараевъ или карцеровъ (обыкновенно ихъ было 14) для колесницъ и лошадей (А А), перерываемый по срединѣ большими торжествен-

ными воротами (H, porta rotarum); по сторонамъ возвышались башневидныя постройки, а на крышѣ карцеровъ устроенъ былъ балконъ съ перилами для знатныхъ зрителей и музыкантовъ. Это все вмѣстѣ Римляне называли *orridum*.

Упомянутая дугообразная сторона цирка имѣла косое направление для того, чтобы разстояніе всѣхъ карцеровъ отъ мѣста E,

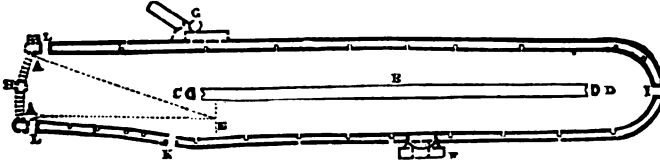

Рис. 57. Планъ Максентіева цирка.

откуда собственно начинались скачки, было одинаково. Ристалище окружено было съ трехъ сторонъ сидѣньями, похожими на сидѣнья въ театрѣ, и ложами для знатнѣйшихъ зрителей (F, G); по срединѣ его вдоль проходила стѣна, *spina B* (названная такъ по аналогіи съ хребтовой костью), длиною въ 20, вышиною въ 6 футовъ, укра-

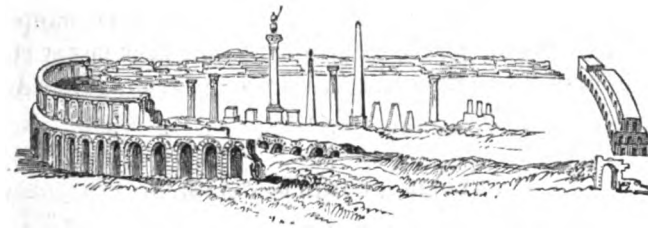

Рис. 58. Развалины константинопольскаго цирка изъ 15 столѣтія.

шенная обыкновенно обелисками (рис. 59.), различными столбами, статуями боговъ, императоровъ и даже побѣдоносныхъ наѣздниковъ, и алтарями; по обоимъ концамъ спины возвышались на полукруглыхъ фундаментахъ, отдѣленныхъ отъ нея небольшимъ промежуткомъ и имѣвшихъ въ себѣ пустое пространство (быть можетъ для судей), двѣ меты (*meta prima C*, *meta secunda D*), состоявшія изъ трехъ коническихъ столбовъ (рис. 60), обитыхъ иногда позолоченною бронзою, которые нужно было обогнуть наѣздникамъ. Прѣзды обозначались металлическими или мраморными дельфинами въ одномъ концѣ спины (*delphinogum columbae*) и яйцами (*ova curticulogum*) въ другомъ (рис. 61. и 62.), а именно такъ, что послѣ каждаго

проѣзда снималось, кажется, по одному дельфину и по одному яйцу¹⁾, пока не оканчивались всё семь проѣздовъ.²⁾ Противъ уже упомянутыхъ торжественныхъ воротъ, которыми проходила процессія предъ началомъ игръ, находились въ серединѣ круглаго конца ристалища триумфальныя ворота (porta triumphalis) I, чрезъ которыя побѣдитель, сопровождаемый радостными криками толпы, удалялся изъ цирка; кромѣ того были еще третьи ворота (porta libitinensis) K, которыми выносили мертвыхъ и раненыхъ, и двое другихъ воротъ L L, которыми наѣзники въѣзжали въ циркъ въ карцеры. На рис. 58. мы ясно видимъ эти карцеры, но безъ воротъ по сре-

Рис. 59. Обелискъ
изъ цирка.

Рис. 60. Мета.

Рис. 61. Колонны
съ дельфинами.

Рис. 62. Колонны
съ яйцами.

динѣ, которыя здѣсь были по видимому сбоку; далѣе мы видимъ одни боковыя ворота (на рис. 57. L), по срединѣ ристалища спину съ обелисками и колоннами, и часть внѣшнихъ галлерей.

Для нагляднаго представленія фасада оппидума можетъ служить рис. 63., дополненный по цирку Максентіеву, и рис. 64., изображающій нѣсколько карцеровъ по барельефамъ въ британскомъ музеѣ.

Въ Римѣ было нѣсколько цирковъ; изъ нихъ самый замѣчательный и самый обширный былъ circus maximus въ долиніѣ между Палатиномъ и Авентиномъ, основанный Тарквиніемъ Прискомъ и въ теченіи времени (такъ какъ онъ былъ изъ дерева) постоянно поправляемый, а также расширяемый, пока наконецъ при Домиціанѣ и Траянѣ, будучи весь построенъ изъ камня, достигъ высшей степени великолѣпія. Имѣя въ длину болѣе 2000 и въ ши-

¹⁾ Такъ по аналогіи заключаемъ мы изъ словъ Павсанія VI. 20, 12, гдѣ при началѣ скачекъ дельфинъ εἰς ἴδαφος πίπτει (ср. стр. 54.).

²⁾ Дельфины и яйца имѣютъ отношеніе къ покровителямъ этихъ игръ, Нептуну и Диоскурамъ.

рину около 400 футовъ, онъ могъ вмѣстить въ себѣ до 200.000 сидѣній. ¹⁾ Въ настоящее время нѣтъ отъ него почти никакихъ остатковъ.

Второй по времени былъ циркъ Фламиніевъ (построенный въ 221 г. до Р. Хр.) у Капитолія близъ Тибра; онъ назначенъ былъ для игръ въ честь подземныхъ боговъ (ludi Taurii) и для плебейскихъ скачекъ; во время имперіи это различіе совершенно исчезло.

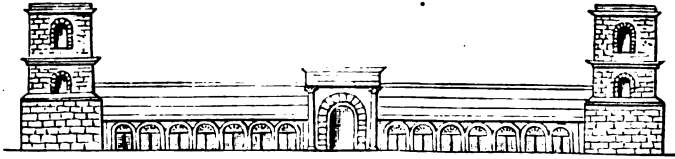

Рис. 63. Фасадъ амфитеатра Максентіева цирка.

Циркъ Нероновъ (основанный еще Калигулою) стоялъ на мѣстѣ нынѣшней церкви св. Петра и ватиканскаго дворца.

Четвертый циркъ (планъ котораго представленъ на рис. 57.) былъ построенъ въ двухъ верстахъ отъ города при Анпіевой дорогѣ Максентіемъ, но не будучи, какъ кажется, окончательно

Рис. 64. Карцеры по барельефу въ британскомъ музеѣ.

Рис. 65. Навмахія по монетѣ Домиціана.

отстроены, онъ запустѣлъ скоро послѣ того, какъ Константинъ въ 311 г. завладѣлъ Римомъ и поправилъ большой циркъ. Игры въ большомъ циркѣ продолжались до 6 столѣтія.

Подобно циркамъ устроено было морское ристалище или навахія (naumachia); это было зданіе, окружавшее иску-

¹⁾ Извѣстія древнихъ о числѣ зрителей не согласны, колеблясь между 150 и 250 тысячами.

ственный водоемъ, съ сидѣньями и галлереями для зрителей, какъ показываетъ рис. 65., сдѣланный по монетѣ императора Домиціана. Подобно тому какъ въ циркѣ происходили скачки и травля звѣрей, здѣсь давались морскія сраженія, впрочемъ не всегда только кажущіяся. Первую такую, хотя и временную, постройку соорудилъ Кесарь въ 46 году на Марсовомъ полѣ. - Каменная навмахія построена была во 2. году по Р. Хр. Августомъ въ кесаревыхъ садахъ на правомъ берегу Тибра подъ Яникуломъ, гдѣ по случаю освященія храма Марса Мстителя 30 кораблями представлено было сраженіе между Греками и Персами; другая построена была Домиціаномъ подъ Ватиканомъ (Suet. Dom. 4, 5; Dio Cassius LXVII., 8).

Stadiu римскія были устроены совершенно такъ, какъ и греческія; онѣ соединялись обыкновенно съ термами (см. ниже).

Палестра и гимназія Грековъ.

18. Палестра и гимназія составляютъ какъ-бы переходъ отъ предыдущихъ зданій къ тѣмъ, о которыхъ намъ приходится говорить теперь; ибо въ нихъ, какъ выше замѣчено, Греки уже съ дѣтства упражнялись для того, чтобы въ стадіяхъ и гипподромахъ предъ всею Греціею состязаться за масличную вѣтвь, считавшуюся высшею наградою для человѣка. Впрочемъ не одна масличная вѣтвь подстрекала Грековъ къ этимъ упражненіямъ, но и общее убѣжденіе, что въ однихъ лишь палестрахъ и гимназіяхъ, безпрестаннымъ и разумнымъ упражненіемъ не только тѣло пріобрѣтаетъ силу и ловкость, но укрѣпляется также и духъ, и что такимъ образомъ человѣкъ достигаетъ совершенства. На этомъ убѣжденіи основывается важное значеніе этихъ учреждений, вслѣдствіе котораго они и сдѣлались средоточіемъ общественной жизни Грековъ. Граждане посѣщали эти увеселительныя мѣста, чтобы или любоваться на игры молодежи, или же самимъ принимать въ нихъ участіе. По своему первоначальному назначенію палестры и гимназіи не иное что, какъ мѣста, пригодныя для гимнастическихъ упражненій, на сколько эти послѣднія не совершались публично.

Палестра (*παλαίστρα*, состязалище) было первоначально мѣсто, гдѣ мальчики упражнялись въ борьбѣ и боѣ. Древнѣйшія палестры мы должны представлять себѣ устроенными очень просто, уже потому, что онѣ принадлежали частнымъ лицамъ; наиболѣе пригоднымъ для нихъ оказывалось мѣсто открытое, окруженное дере-

вьями и находящееся вблизи какого нибудь ручья. Только впоследствии, когда гимнастическія упражненія стали все болѣе и болѣе распространяться и совершенствоваться, увеличена и палестра; когда же стали пристраивать къ ней также дворы съ открытыми пространствами, то возникла

гимназія (*γυμνάσιον*), отличающаяся отъ палестры и по устройству и по мѣсту. Въ простѣйшей формѣ она состояла изъ открытаго, портикомъ окруженнаго двора, въ которомъ могли происходить бѣганье и прыганье, и изъ крытыхъ помѣщеній, находившихся въ серединѣ его, въ которыхъ происходила борьба. Но скоро, по упомянутымъ уже причинамъ, гимназіи значительно увеличились и украсились. Будучи снабжены крытыми и открытыми пространствами, тѣнистыми корридорами, просторными портиками, банями и всякаго рода другими помѣщеніями, служащими для отдыха и подкрѣпленія тѣла или для комфорта, или же наконецъ для научныхъ цѣлей, онѣ сдѣлались необходимою потребностью, такъ что не было ни одного города безъ гимназій; большіе же города имѣли ихъ по нѣскольку. Въ Афинахъ во время Сократа были три самыя главныя гимназіи: Ликей (*Λύκειον*)¹⁾, Академія (*Ἀκαδημία*) и Киносаргъ (*Κυνοσαργῆς*); всѣ онѣ, по словамъ Дикеарха (или Аеенея), имѣли тѣнистые парки и дуга (*πάντα κατάδευδρά τε καὶ τοῖς ἐδάφεσι ποάδῃ*). Впоследствии число ихъ было значительно.

Главныя части этихъ гимназій были слѣдующія:

1. *Эфебеюнз* (*ἔφηβεῖον*), комната, назначенная для упражненій юношей (*ἔφηβοι*);
2. *бани* (*βαλανεῖον*), а именно какъ холодныя (*λουτρόν*), такъ и теплыя съ сухимъ отдѣленіемъ для потѣнія (*πυριότηριον*), которыми могли пользоваться не только воспитанники, но вообще всѣ посѣтители гимназій;
3. *гардеробная* (*ἀποδυτήριον* т. е. раздѣвальня);
4. *мазальня* (*ἐλαιοθήσιον*), гдѣ намазывались масломъ;
5. *песочная* (*κονιστήριον*), гдѣ борцы обсыпались мелкимъ пескомъ (*ἀφή*) для того, чтобы крѣпче схватить и держать другъ друга;
6. *мячевая* (*σφαιριστήριον*), гдѣ играли въ мячъ и *мѣшечная* (*κώρουκεῖον*), гдѣ происходили упражненія съ мѣшкомъ (*κώρουκος*), и
7. *корридоры* (*δρόμοι*), крытые и непокрытые, для прогулокъ и бѣганья. Особый родъ корридоровъ въ роскошно устроенныхъ гимназіяхъ составляютъ такъ наз. *ξυστοί* (собственно полированные корри-

¹⁾ Отсюда происходятъ новѣйшія названія гимназій и лицей — заведеній, назначенныхъ конечно только для учебныхъ занятій.

доры, отъ $\xi\acute{\epsilon}\omega$) ¹⁾, т. е. крытые корридоры на подобіе стадій (porticus stadiatae), съ возвышеніями по обѣимъ сторонамъ для прогулокъ, (Хен. Оес. XI. 15) и съ низкимъ пространствомъ въ серединѣ для зимнихъ упражненій. Между обоими крестами находились иногда большіе сады съ аллеями и площадками (*δρομοί, παραδρομίδες, xusta*), гдѣ тоже можно было, когда позволяла погода,

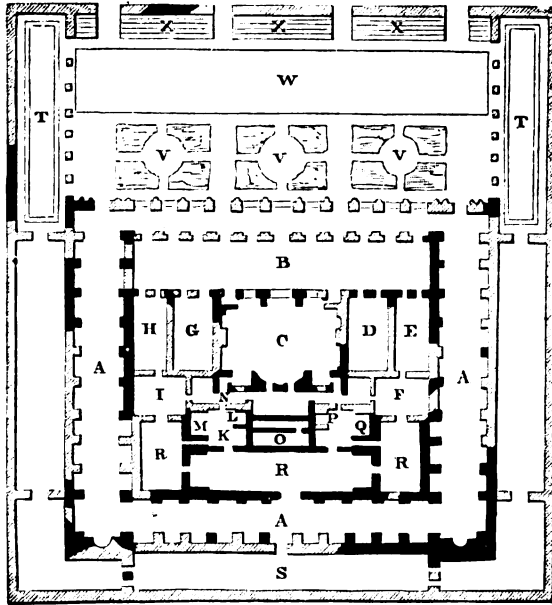

Рис. 66. Планъ эфесской гимназіи.

дѣлать упражненія; за ними простиралась обыкновенно стадія съ мѣстами для зрителей. Все пространство окружено было портиками, которые были снабжены сидѣньями и расширены экедрами (exedrae), т. е. крытыми или открытыми помѣщеніями, имѣвшими иногда видъ полукруга, въ которыхъ преподавали и бесѣдовали философы и риторы. Эти портики бывали на одной сторонѣ двойные, такъ что во внутренней части ихъ можно было укрѣпиться отъ дождя.

¹⁾ Ср. $\xi\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\iota\ \alpha\acute{\iota}\theta\lambda\omicron\nu\sigma\alpha\iota$ у Гом. Толкованіе Витрувія (V. 11, 4) „haec autem porticus $\xi\upsilon\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ apud Graecos vocitatur, quod athletae per hiberna tempora in tectis stadiis exercentur,“ основывается на нѣкоторомъ *hysteron proteron*; Витрувій имѣеть въ виду, если не ошибаемся, употребительное тогда названіе атлетовъ „*xustici*.“

Римскій архитекторъ Витрувій даетъ (V. 11) указанія относительно устройства гимназій; на основаніи этихъ указаній, равно какъ и на основаніи плана эфесской гимназіи (рис. 66.), которая, хотя и относится къ римскимъ временамъ (Гадріана?) ¹⁾, но безъ сомнѣнія приспособлена была къ греческимъ нравамъ и требованіямъ, мы составимъ себѣ, на сколько возможно будетъ, понятіе о греческихъ гимназіяхъ. Если войти въ пространство ея съ южной стороны у Х Х, мы находимъ здѣсь прежде всего оба креста (Т Т) съ стадіею W (гдѣ происходили обыкновенно состязанія атлетовъ) и садами для гулянья (*παράδρομίδες* V V V, у Римлянъ по Витрувію *х у s t a*). Далѣе мы находимъ двойной корридоръ — собственно фасадъ гимназіи — открытый на югъ, внутренняя часть котораго (В) давала совершенно безопасное убѣжище отъ непогоды. Этотъ корридоръ соединенъ съ простыми, главную часть окружающими съ трехъ сторонъ корридорами (А А А), которые служили мѣстомъ для бесѣдъ философовъ, реторовъ и др. и по этой же самой причинѣ снабжены были сидѣньями и большими экседрами, которыя здѣсь видны въ обоихъ углахъ. Къ корридору В примыкаетъ большая зала, эфебейонъ (С), главное мѣсто для упражненія юношей; возлѣ нея съ одной стороны мѣшечная (D) и песочная (E), а съ другой мазальня (G). Остальныя помѣщенія: Н, I, К, L, М, N, O, P, Q заключаютъ въ себѣ бани (о назначеніи каждого изъ этихъ помѣщеній въ отдѣльности ничего нельзя сказать); помѣщенія R, R, R очень пригодны были для игръ, такъ что среднее, кажется, могло служить мячевою.

Римскія термы (бани).

19. Такое-же значеніе, какъ гимназіи у Грековъ, имѣли безъ сомнѣнія, хотя это и не такъ очевидно, термы у Римлянъ. Онѣ похожи на гимназіи уже тѣмъ, что, возникнувъ изъ частной потребности, сдѣлались общественными учрежденіями и изъ незначительныхъ въ началѣ строеній мало по малу расширились разными роскошными постройками до того, что въ позднѣйшія времена служили, какъ гимназіи у Грековъ, необходимыми и страстно посѣ-

¹⁾ Такъ можно судить по теперешнему ея виду; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя части постройки показываютъ, что она основана гораздо ранѣе, а именно приблизительно въ 3. стол. до Р. Хр.

щаемыми сборными мѣстами для Римлянъ и должны были находиться во всякомъ сколько нибудь значительномъ городѣ. Кромѣ бань, потребность въ которыхъ у древнихъ въ южномъ климатѣ была гораздо больше, чѣмъ у насъ, термы снабжены были залами для философскихъ бесѣдъ, картинною галлереею, библіотекою, комна-

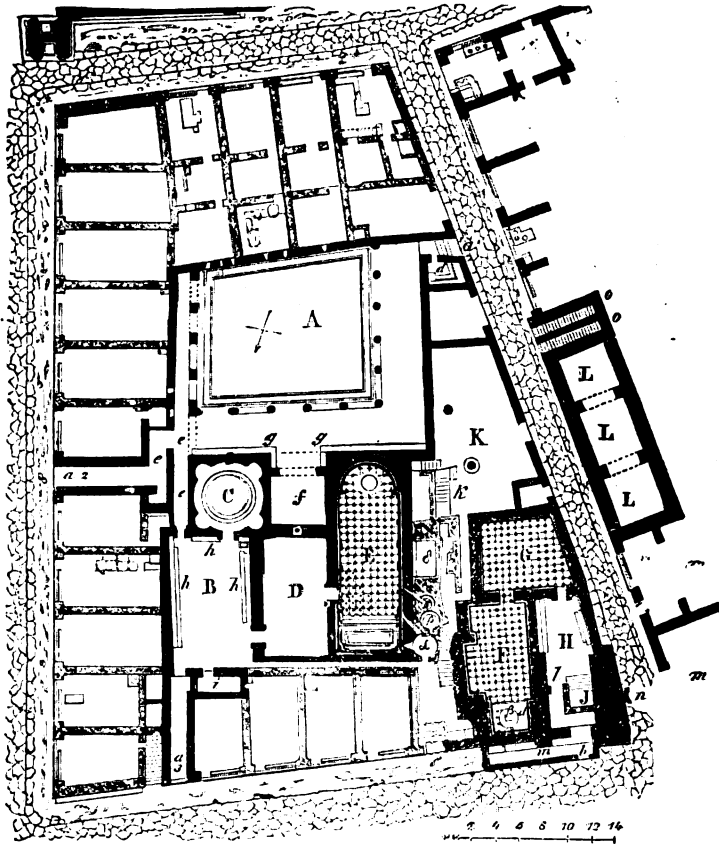

Рис. 67. Планъ меньшихъ помпейскихъ термъ.

тами для игръ и тѣлесныхъ упражненій, крытыми корридорами для бѣганья и прыганья, тѣнистыми аллеями, однимъ словомъ всею, что могло доставлять многочисленнымъ посѣтителямъ тѣлесное или духовное удовольствіе. Это конечно относится главнымъ образомъ только къ публичнымъ термамъ. — Однако не смотря

на все сходство между римскими термами и греческими гимназіями ¹⁾, первыя все таки во многомъ отличаются отъ послѣднихъ. Различіе это вытекаетъ изъ различнаго первоначальнаго назначенія ихъ: въ термахъ бани составляли часть главную, гимнастическія же помѣщенія дѣло постороннее; ибо Римляне, укрѣпляя и упражняя съ древнѣйшихъ временъ свои физическія силы на войнѣ, никогда не занимались гимнастикой систематически такъ, какъ Греки, и поэтому въ термахъ, хотя и устраивали ихъ на подобіе греческихъ гимназій, не отвели для нея перваго мѣста (главнымъ образомъ также по тѣмъ причинамъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже въ статьѣ о воспитаніи Римлянъ). Объ устройствѣ этихъ великолѣпныхъ зданій, вмѣсто которыхъ въ древнія времена мы находимъ у Римлянъ простыя бани или ванны (*lavatrina*) возлѣ кухни въ частныхъ домахъ, мы можемъ представить себѣ довольно ясный образъ по обѣимъ термамъ, вырытымъ изъ мусора въ Помпеяхъ и почти совершенно уцѣлѣвшимъ (планъ старшихъ изъ нихъ по открытію, но не по происхожденію, равно какъ и виды нѣкоторыхъ частей ихъ, мы представляемъ здѣсь на нѣсколькихъ рисункахъ), далѣе по остаткамъ термъ Каракаллы и Діоклетіана въ Римѣ.

Помпейскія термы (рис. 67.) ²⁾ окружены со всѣхъ сторонъ улицами и имѣютъ съ трехъ сторонъ внизу магазины. Онѣ раздѣлены на двѣ части: мужескія бани (стѣны которыхъ на планѣ означены сплошь черною краскою) и женскія бани (съ стѣнами темнѣе шрафированными). Мужескія бани имѣютъ три входа, изъ которыхъ два (*a*¹, *a*²) ведутъ къ перистилю (*A*), снабженному съ одной стороны каменными скамейками *g g*, а изъ этого въ экседру (гостиную) *f*, гдѣ предъ купаньемъ и послѣ купанья гости могли бесѣдовать, третій же (*a*³) ведетъ прямо въ гардеробную *B*.

Въ этихъ термахъ мы встрѣчаемъ важнѣйшія части, изъ которыхъ вообще термы состояли; онѣ слѣдующія:

1. *Hypocaustum* (нагрѣвальня) посрединѣ между мужескими и женскими банями съ топкою внизу *a* (*hypocaustis*, *praefurnium*, *προπυρεῖον*), изъ которой горячій воздухъ распространялся подъ полами банныхъ комнатъ, утвержденные на столбахъ (*pilae*) вышиною

¹⁾ Поэтому нѣкоторые писатели называютъ термы также гимназіями, какъ напр. Діонъ Кассій термы Агриппы (LIII. 27) и Нерона (LXI. 21), а Тацитъ послѣднія (Ann. XIV. 47).

²⁾ Большія помпейскія бани указываютъ на болѣе древнее происхожденіе въ особенности тѣмъ, что съ ними еще соединены гимнастическія помѣщенія по образцу греческихъ.

въ два фута (*suspensurae*), и посредствомъ трубъ (*tubi, tubuli*) проводилась вверхъ прямо въ бани. Вода разной теплоты проводилась въ бани трубами изъ трехъ большихъ котловъ, помѣщенныхъ надъ печью одинъ надъ другимъ такъ, что въ нижнемъ (β) была горячая вода, въ среднемъ (γ) умеренно-теплая, а въ верхнемъ (δ) холодная. Кромѣ того эти котлы были соединены между собою та-

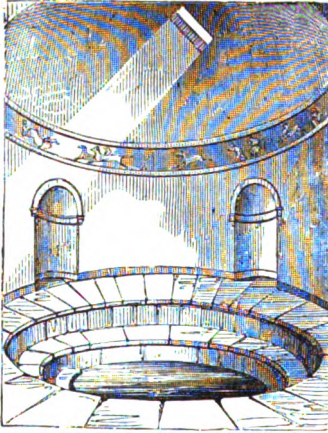

Рис. 68. Холодная баня (*frigidarium*) помпейскихъ термъ.

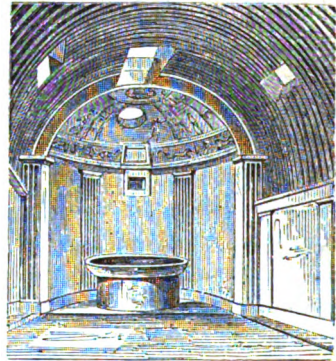

Рис. 69. Часть жаркой бани (*caldarium*) тѣхъ-же термъ.

кимъ образомъ, что, когда выходила горячая вода, котель наполнялся умеренно-теплой водою изъ другого котла, а этотъ опять холодной водою изъ третьяго.

2. *Бани* состояли обыкновенно изъ трехъ помѣщеній, называвшихся по разной температурѣ воды. Они слѣдующія: *frigidarium* С съ холодной баней; *caldarium* Е, залъ наполненный горячимъ воздухомъ, съ жаркою баней; тутъ спереди находился продолговатый бассейнъ съ горячей водою (*calida piscina*), въ срединѣ пространство для сухой потовой бани, а позади, въ нишѣ, ванна (*labrum*), въ которой окачивались холодною водою.

Въ обѣихъ названныхъ баняхъ были скамьи и стулья по сторонамъ и въ нишахъ (*scholae*). Рис. 68. изображаетъ *frigidarium* съ бассейномъ (*piscina*) для холодной воды, а рис. 69. заднее отдѣленіе жаркой бани (*caldarium*) съ большою ванною посрединѣ для холодной воды.

Теридаріумъ D, умеренно-теплый залъ для легкой испарины; здѣсь тѣло пришедшаго извнѣ готовилось къ сильному жару

горячей бани, или же послѣ нея простывало. Такимъ образомъ тотъ, кто желалъ употребить горячую баню, долженъ былъ здѣсь раздѣться и, по возвращеніи отъ натирателѣй (*unctores*), дать себя намазать масломъ, для чего и находились тутъ шкафы для одежды и другія нужныя для этого принадлежности. Рис. 70. представляетъ намъ *tepidarium* изъ тѣхъ-же помпейскихъ термъ; это мѣсто убрано самымъ роскошнымъ образомъ: коробовой сводъ одѣтъ штукатуркою съ картинами на цвѣтныхъ поляхъ, стѣны выкрашены въ красный цвѣтъ, карнизъ подпертъ теламонами, между которыми находились шкафы для платья и проч.; тутъ же при открытіи най-

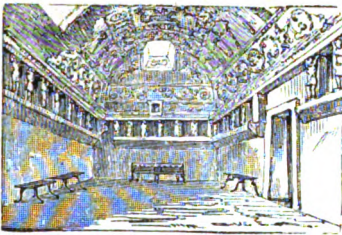

Рис. 70. Умѣренно-теплый залъ (*tepidarium*) помпейскихъ термъ.

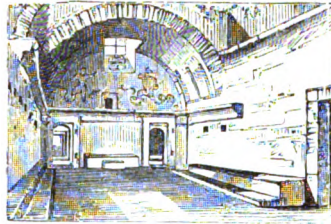

Рис. 71. Раздѣвальный залъ (*apodyterium*) помпейскихъ термъ.

дены были въ задней части три бронзовыя скамейки (*bisellia*) и очагъ (*focus*), какъ это видно на рисункѣ. Свѣтъ проникаетъ сверху черезъ окно.

Болѣе роскошныя термы, а именно публичныя, имѣли также особую 3. *потовую баню* (*sudatorium, laconicum*)¹⁾ съ горячимъ воздухомъ, устроенную по образцу греческой; это былъ круглый залъ съ куполомъ, освѣщаемый свѣтомъ, проникавшимъ внутрь сверху черезъ окно.²⁾ Особеннымъ образомъ устроенное отопленіе приспособлено было къ тому, чтобы возвышать температуру воздуха до тѣхъ поръ, пока не наступало потѣніе, а при помощи круглой крыши (*clipeus*), которою открывалось и закрывалось отверстіе въ сводѣ, можно было по желанію опять понижать температуру воздуха. Въ помпейскихъ термахъ особой потовой бани не было.

¹⁾ Эта баня, бывшая съ давнихъ временъ въ употребленіи у Грековъ, называлась у нихъ *πυριατήριον*. Геродотъ называетъ ее *ἐλληνική πυρῖη*; названіе „*laconicum*“ появилось въ Италіи тогда, когда этотъ родъ бань вошелъ въ употребленіе въ Римѣ (можетъ быть только по инициативѣ Агриппы; см. Діона Кассія III. 27). Паровыхъ бань древніе не знали.

²⁾ Кромѣ того бани освѣщались по хѣрѣ надобности многочисленными лампами; такъ въ однихъ помпейскихъ термахъ ихъ найдено около 1000.

4. Кромѣ того болѣе роскошныя и болѣе обширныя термы имѣли свою *гардеробную* или *раздѣвальню* (apodyterium), гдѣ особый служитель (capsarius) вѣшалъ или укладывалъ въ шкафѣ платье гостей и смотрѣлъ за нимъ. Этотъ залъ, обозначенный на планѣ буквою В, представленъ на рис. 71. — Женское отдѣленіе термъ, обозначенное на томъ-же планѣ, имѣетъ такія-же помѣщенія, какъ и мужское, съ тою лишь разницею, что оно менѣе и бѣднѣе убрано. Изъ улицы ведутъ ворота b въ комнату въ родѣ передней со скамейками m, а изъ этой двери l въ гардеробную Н, часть которой занимала холодная баня (frigidarium) J; съ гардеробною соединена умѣренно-теплая баня G, а съ этою жаркая баня F съ такою-же ванною для холодной воды β, какъ въ мужской потовой банѣ.

5. Наконецъ въ богато устроенныхъ термахъ были также *натиральни* (unctorium, elaeothesium), гдѣ предъ состязаніемъ мазали тѣло масломъ и посыпали пескомъ, и *чистильни* (destrictaria), гдѣ тѣ, которые принимали участіе въ упражненіяхъ и состязаніяхъ, прежде чѣмъ купались, очищали свое тѣло (destringere, ἀποξύνειν) отъ песка и всякой нечистоты щеткою. Наконецъ въ роскошныхъ термахъ не было недостатка ни въ залахъ для научныхъ бесѣдъ (экседры), ни въ залахъ для игры въ мячъ, ни въ кснстахъ (porticus stadiatae) для зимнихъ упражненій, ни въ мѣстахъ для прогулокъ (huraethroae ambulationes, *парадроміδες*, ср. стр. 62.), ни въ стадіяхъ, ни наконецъ даже въ лавкахъ и гостинницахъ.

Въ Римѣ первыя термы построилъ въ 24. году до Р. Хр. Агриппа за Панеэономъ, который первоначально долженъ былъ составлять одну часть ихъ (ср. стр. 33.). Съ этихъ поръ императоры и богатые частные люди уже постоянно строили термы, такъ что въ 4 столѣтіи ихъ насчитывалось болѣе 800. Изъ нихъ нѣкоторыя отличались такими размѣрами и такою роскошью, что мы едва бы повѣрили извѣстіямъ древнихъ, еслибы уже самыя остатки ихъ въ Римѣ не приводили насъ въ изумленіе; ибо, дѣйствительно, нельзя не придти въ изумленіе, когда мы видимъ эти, не скажу стѣны, а скалы, снесенныя сюда силами сверхъ-человѣческими и поднимающіяся къ небу, и сообразимъ, что въ этихъ-то развалинахъ найдены самыя изящныя произведенія скульптуры, служащія теперь украшеніемъ итальянскихъ музеевъ, не говоря уже о множествѣ роскошныхъ колоннъ, дорогаго мрамора, огромныхъ ваннъ, сосудовъ и др. украшеній. До насъ дошли значительные остатки отъ троекъ термъ, а именно: отъ термъ Тита на эсвиллин-

скомъ холмѣ, затѣмъ отъ самыхъ обширныхъ термъ, выстроенныхъ Діоклетіаномъ, частью на квиринальскомъ холмѣ, частью на виминальскомъ, главную залу которыхъ (tepidarium) знаменитый Микель-Анджело обратилъ въ церковь S. Maria degli Angeli, сохранивъ такимъ образомъ ее отъ разрушенія. Но наиболѣе остатковъ дошло

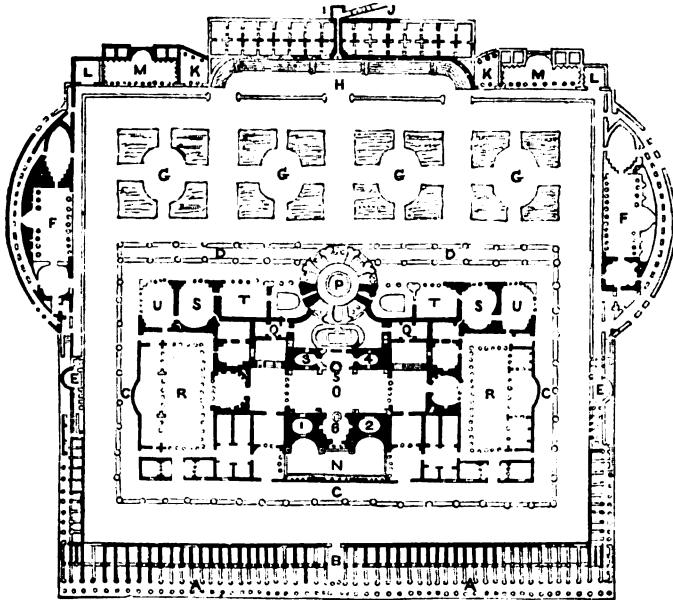

Рис. 72. Планъ термъ Каракаллы (thermae Antoninianae) въ Римѣ.

до насъ отъ такъ называемыхъ термъ Каракаллы. Это термы, внутреннюю и главную часть которыхъ выстроилъ Антонинъ Бассіанъ (Каракалла), внѣшнюю же Элагабалъ и Александръ Северъ (или Децій) при Аппіевой дорогѣ, недалеко отъ нынѣшнихъ воротъ св. Себастіана. На рис. 72. мы представляемъ планъ ихъ, замѣчая, что сохранившіяся до сихъ поръ части обозначены на немъ сплошною черною краскою.

За обширнымъ портикомъ (А А), тянущимся по обѣимъ сторонамъ входа (В) вдоль названной дороги, находятся многочисленныя комнаты съ отдѣльными банями (solia), каждая съ малою гардеробною впереди; меньшія такія комнаты тянутся по обѣимъ боковымъ сторонамъ до Е Е, гдѣ находятся экседры. Подобныя же, но большія залы, предназначавшіяся для духовныхъ развлеченій

находятся въ обѣихъ полукруглыхъ, изъ квадрата сильно выдающихся пристройкахъ (F F), которыя состоятъ каждая изъ двухъ комнатъ по сторонамъ, изъ одной большой комнаты съ колоннами по серединѣ и изъ корридора позади.

Въ заднемъ отдѣленіи термъ находится стадія (H), а за нею постройки для храненія и очищенія воды (piscinae limariae), съ главнымъ водоемомъ (I), въ который ведетъ водопроводъ (J). Помѣщенія, находящіяся направо и налѣво отъ стадіи (K K, L L, M M), безъ сомнѣнія были соединены съ нею, но назначеніе ихъ теперь нельзя съ точностью опредѣлить. Между этою заднею стороною внѣшняго квадрата и среднимъ зданіемъ были сады съ мѣстами для прогулокъ (hypoethrae ambulationes) и для игръ (G G G G) и двойная колоннада (D D), дополненная въ чертежѣ по коньктурѣ и по аналогіи съ эфесскою гимназіею. Остальныя же три стороны обнесены только простою колоннадою (C C C), тоже дополненною по коньктурѣ архитектора Пардини.¹⁾

Если войдемъ въ пространство средняго зданія, занимающаго площадь въ 730 футовъ длины и 375 футовъ ширины, мы найдемъ въ залѣ N бассейнъ для холодной воды, занимающей все пространство ея; это такъ наз. frigidarium (или natatio). Залъ этотъ былъ покрытъ сводомъ, поддерживаемымъ восемью большими колоннами, и соединенъ былъ колоннадою по правой и лѣвой сторонамъ съ комнатами, гдѣ хранилось платье и находилась прислуга. Средній залъ O есть знаменитая cella tepidaria; пространство это, имѣющее 183 × 73 футовъ, было покрыто смѣлымъ стрѣльчатымъ сводомъ, покоившимся на восьми огромныхъ гранитныхъ колоннахъ; стѣны, за исключеніемъ нишъ съ бѣлыми мраморными статуями, одѣты были плитками изъ полированнаго краснаго порфира; на полу изъ дорогаго пестраго мрамора разставлены были для удобства гостей многочисленныя мраморныя кресла (sella balnearis), число которыхъ во всѣхъ банныхъ помѣщеніяхъ (не исключая самого бассейна) доходило до 1600.²⁾ Обѣ продольныя стороны этой залы имѣли каждая по три выступа, изъ которыхъ круглые (1, 2, 3, 4) заклю-

¹⁾ Намъ впрочемъ кажется это неправдоподобнымъ, потому что должны были бы остаться слѣды отъ нея. Что касается пустаго пространства въ углахъ, то Форнари (Pianta della città di Roma 1864), предполагаетъ, что здѣсь находились четыре огромные фонтана.

²⁾ Олимпіодоръ у Фотія. Изображеніе ихъ представлено ниже между сидѣльями.

чали въ себѣ углубленные резервуары (descensiones) съ теплою водою, въ обоихъ же среднихъ помѣщались двѣ круглыя порфировыя вазы (5, 6), вмѣсто ваннъ (labrum), огромной величины, съ холодной водою. Возлѣ этой залы находятся съ обѣихъ узкихъ сторонъ подобныя же меньшія залы съ бассейномъ для теплой воды въ срединѣ. Изъ остальныхъ банныхъ помѣщеній можно принять Q Q за водоемы, P за caldarium и laconicum, а пространство, находящееся между ними, за топку (praefurnium). Въ ротондѣ P, служившей потовой банею, находились кругомъ по сторонамъ резервуары съ горячей водою, а въ срединѣ бассейнъ съ холодной водою.

Пространства R R, раздѣленные, подобно базиликамъ, двумя рядами колоннъ на три корабля (218 × 135 фут.), могли служить въ ненастную погоду мѣстами для состязаній, въ особенности главный средній корабль, почва котораго понижалась на двѣ ступени. ¹⁾ Галерея верхняго этажа, слѣды котораго найдены были также надъ банными постройками, и въ которомъ помѣщались библиотеки и пинакотеки, давала зрителямъ свободный видъ на всѣ названныя части и залы термъ. Нѣкоторыя изъ ближайшихъ помѣщеній по всей вѣроятности назначены были для игръ въ мячъ (sphaeristerium); залы же U U, S S, T T служили, какъ кажется, только для потребностей атлетовъ а именно — фригидаріемъ, элеооесіемъ и конистеріемъ. О громадности термъ свидѣлствуютъ извѣстія древнихъ, по которымъ 3000 лицъ могли въ одно и то-же время свободно въ нихъ купаться и проводить время; термы Діоклетіана были еще больше.

Греческія агоры и римскіе форумы.

20. Какъ гимназіи и термы изъ первоначальныхъ простыхъ сдѣлались необыкновенно роскошными, точно то-же случилось, хотя гораздо раньше, и съ мѣстами, въ которыхъ древніе собирались для важныхъ совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ, а также для торговли; такое именно назначеніе имѣли у Грековъ ἀγορά, у Римлянъ forum.

Агора имѣла у Грековъ гораздо большее значеніе, чѣмъ у

¹⁾ Онъ соответствуетъ таковымъ-же помѣщеніямъ эвесской гимназіи (см. рис. 66. TT). Что это въ самомъ дѣлѣ были ξυστοί, показываютъ мозаическія изображенія атлетовъ на полу экседры на югозападной сторонѣ, сохранившіяся до сихъ поръ.

насъ площадь; это было мѣсто, служившее не только средоточіемъ торговли, но также центромъ общественной, религіозной и политической жизни, которая, какъ извѣстно, у древнихъ не заключалась въ закрытыя мѣста, какъ въ наше время. Такимъ образомъ агора уже въ гомерическое время составляла собою центръ города, находясь обыкновенно у крѣпости или царскаго дворца (Ил. II. 788), или же, въ приморскихъ городахъ, на берегу моря (Од. VI. 266. и XVI. 361.); къ ней направлялись всѣ улицы и дороги. Тутъ стояли обыкновенно древнѣйшіе и знаменитѣйшіе храмы, тутъ находились каменные сидѣнья, устроенныя для публичныхъ совѣщаній и судебныхъ разбирательствъ (Ил. XVIII. 497., Од. VIII. 16.). Основная форма древнихъ агоръ, какъ можно предполагать, была неправильна, потому что мѣста для нихъ напередъ не назначались; но въ городахъ позднѣйшихъ временъ, и то главнымъ образомъ въ іоническихъ городахъ Малой Азіи и ихъ колоніяхъ, соблюдалась при устройствѣ площадей форма правильная. Онѣ представляли форму болѣе или менѣе близкую къ квадрату, который окруженъ былъ (не рѣдко двойными) портиками, одно-этажными и двухъ-этажными, поддерживающими иногда на своихъ плоскихъ крышахъ крытыя галлерей для прогулокъ, какъ напр., прекрасная площадь на островѣ Делосѣ. Великолѣпна была также площадь въ Афинахъ. ¹⁾

Такое-же, и еще большее значеніе имѣли римскіе форумы, съ утра наполнявшіеся народомъ, приходившимъ сюда для торговли и по тяжбымъ дѣламъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ знаменитый Римскій форумъ (forum romanum), служившій не только центромъ города Рима, но также центромъ всей римской имперіи, центромъ всего древняго міра. Онъ находился въ долинь, простирающейся отъ капитолійскаго холма на юго-востокъ къ выступу Палатина, Велии, имѣя въ длину 690 футовъ, въ ширину у Капитолія 208, у Велии 120 футовъ. Въ теченіи времени около форума было сооружено много великолѣпныхъ зданій, въ особенности подъ конецъ республики, и онъ самъ украшенъ былъ многочисленными статуями знаменитыхъ мужей. — По важности всего мѣста мы представляемъ здѣсь планъ форума вмѣстѣ съ окружающими его со всѣхъ сторонъ постройками, о которыхъ упомяномъ отчасти въ этомъ мѣстѣ, отчасти въ послѣдствіи. Видъ форума

¹⁾ Мѣстоположеніе и форма афинской агоры до сихъ поръ не опредѣлены во всѣхъ частяхъ своихъ съ такою точностью, чтобы можно было представить здѣсь вѣрное изображеніе ея.

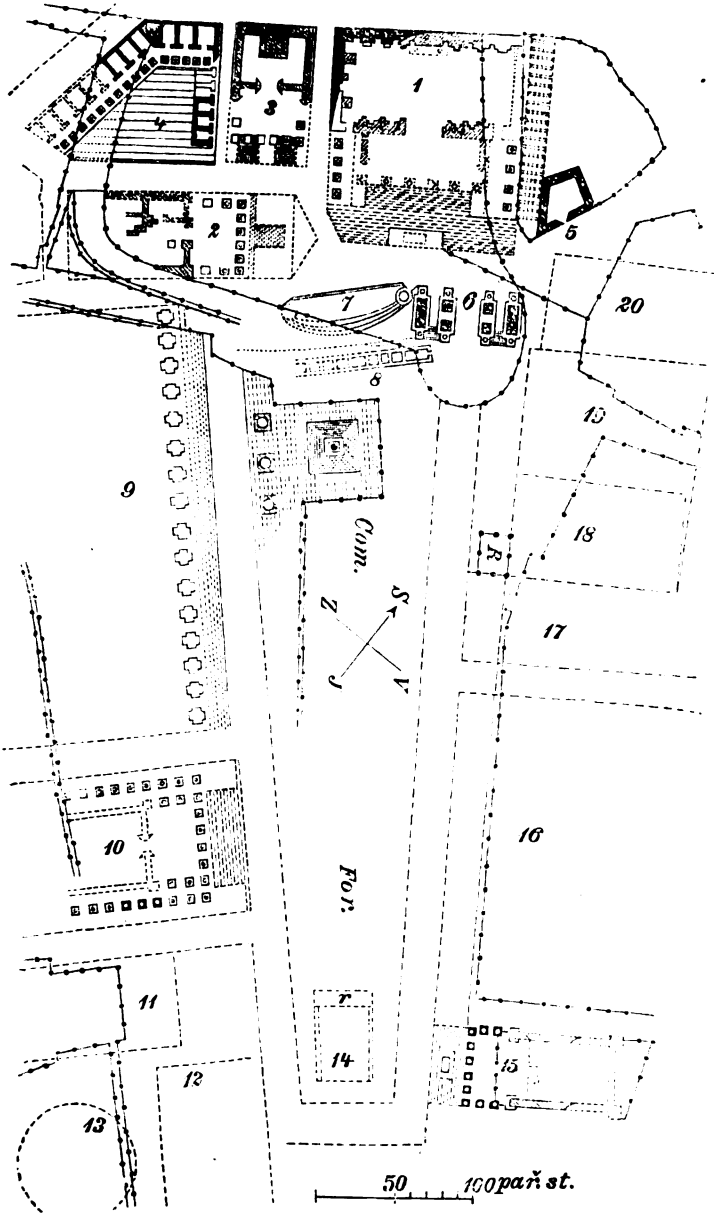

Рис. 73. Планъ Римскаго форума изъ императорскихъ времянь.

постоянно измѣнялся, въ особенности въ послѣднія времена республики; поэтому мы представляемъ на планѣ видъ его во времена имперіи, изъ которыхъ и сохранилось до нашего времени наиболѣе памятниковъ. Съ юго-западной стороны форумъ былъ окруженъ во всю длину сначала рядами тавернъ, или лавокъ, называвшихся въ отличіе отъ тавернъ, построенныхъ въ послѣдствіи на противоположной сѣверо-восточной сторонѣ, *tabernae veteres* (мѣсто же вообще *sub veteribus*), тогда какъ послѣднія названы были *tab. novae* (*sub novis*). Пока на форумѣ давались сценическія и гладіаторскія игры, эти таверны и плоскія крыши ихъ служили пригодными мѣстами для зрителей; въ послѣдствіи, когда начали строить базилики, эти таверны были мало по маду уничтожаемы, пока въ концѣ республики совершенно не исчезли съ форума. Изъ публичныхъ зданій на этой сторонѣ (а именно нѣсколько выше надъ собственнымъ форумомъ на палатинскомъ склонѣ) стояли такъ наз. *Regia* или *Atrium Vestae* (12) съ близкимъ круглымъ храмомъ той-же богини (13), затѣмъ храмъ близнецовъ Кастора и Поллукса (*templum Castorum* 10), который покоился на платформѣ, возвышавшейся на 20 фут., имѣя притворъ о 16 великолѣпныхъ колоннахъ вышиною въ 40 футовъ, а вокругъ святилища 28 другихъ колоннъ, образовывавшихъ открытый корридоръ (*prostylos peripteros*). Къ этому храму примыкала узкая сторона Юліевой базилики (9, см. ниже стр. 79.), затѣмъ слѣдовалъ (на капитолійскомъ склонѣ) храмъ Сатурна (2) съ притворомъ о 10 колоннахъ изъ сѣраго и красноватаго гранита, далѣе храмъ „боговъ совѣтниковъ“ (4, *Dii Consentes*) съ залами для полицейскихъ чиновниковъ (*Schola Xantha*), послѣ храмъ Веспасіана (3) и Согласія (1), въ которомъ нѣкогда засѣдалъ римскій сенатъ, и который украшенъ былъ внутри многочисленными статуями боговъ и полубоговъ. На сѣверо-восточной сторонѣ сохранились только два зданія, а именно тюрьма (5, *carcer Mamertinus*) и въ другомъ концѣ храмъ Фаустины (15, т. е. *Antonini et Faustinae*). Между обоими зданіями въ мѣстахъ, обозначенныхъ только по своднымъ извѣстіямъ древнихъ, нѣкогда стояли: *Curia Hostilia* (18) съ ораторскою каедрою (*R, rostra vetera*) древняго Рима, сенакуломъ и *graecostasis*’омъ (17, см. *curia* стр. 81.), и базилики Эмілія Павла (16) и Порція Катона (20). Въ концѣ республики появились здѣсь по мѣстамъ другія постройки, какъ напр. *curia Julia* на мѣстѣ древней Гостиліевой (19).

Изъ остальныхъ зданій мы назовемъ еще храмъ обоготвореннаго Кесаря (14, *Heroon Caesaris*) съ ораторскою каедрою импе-

раторскаго Рима (г) въ юго-восточной сторонѣ форума и арку Септимія Севера (б) на капитолійскомъ склонѣ, чрезъ которую вела вверхъ на Капитолій священная дорога (sacra via), шедшая нѣкогда по другой сторонѣ форума (sub veteribus).

Этотъ Римскій форумъ имѣлъ форму неправильную; равно какъ и другіе римскіе древніе форумы. Но подобно тому какъ у Грековъ

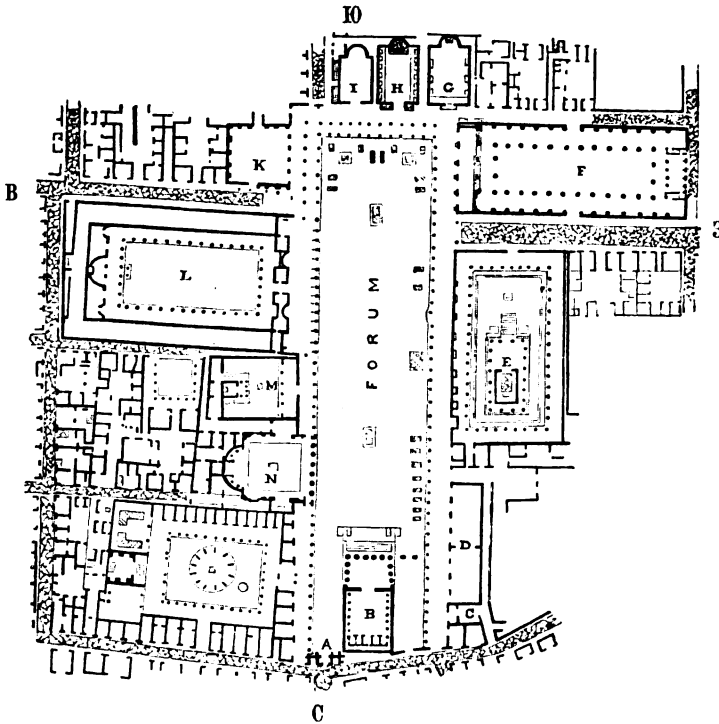

Рис. 74. Планъ форума въ Помпеяхъ.

агоры въ позднѣйшее время отличались правильностью, точно также правильными устраивались и позднѣйшіе римскіе форумы, размѣръ которыхъ со всею окрестностью могъ быть опредѣленъ уже напередъ. Основное пространство (area) представляло обыкновенно продолговатый четырехугольникъ (не квадратъ, какъ у греческихъ агоръ), окруженный портиками (прилежащими къ публичнымъ зданіямъ); колонны этихъ портиковъ разставлены были далеко одна отъ другой и поддерживали еще одинъ, верхній этажъ съ колоннами, въ просторныхъ залахъ котораго устроены были мѣняльниа давки (tabernae argentariae). Такимъ образомъ устроенъ

былъ форумъ засыпаннаго лигурскаго города *Veleia*, а также великолѣпный форумъ въ Помпеяхъ, о которомъ мы поговоримъ болѣе подробно, такъ какъ онъ сохранился и при томъ съ обрестностью.

Форма этого форума (рис. 74.) продолговатый четырехугольникъ, имѣющій отъ арки *A* до конца противулежащаго портика 525 футовъ въ длину и (со включеніемъ портика) 150 футовъ въ ширину. Онъ былъ вымощенъ нѣкогда большими мраморными плитами и украшенъ многочисленными статуями, отъ которыхъ остались на мѣстѣ только базы (означенныя и на рисункѣ). Кругомъ тянулся портикъ дорійскаго стиля съ верхнимъ этажемъ (какъ кажется, іонійскаго стиля). Главнымъ входомъ въ это пространство служила арка (*foris*) *A* возлѣ храма (Юпитера) *B*; кромѣ того были еще два другіе входа съ другой стороны того-же храма. Съ западной стороны къ форуму прилегаютъ слѣдующія помѣщенія: общественная тюрьма *C* (такъ можно судить по найденнымъ здѣсь скелетамъ съ оковами на ногахъ), зала на пилястрахъ *D*, храмъ коринтскаго стиля *E* съ оградой (см. рис. 35.) и базилика *F*. Южную сторону занимаютъ три помѣщенія (*G*, *H*, *J*) почти одинаковой формы; это большія колоннадами и картинами украшенныя залы съ нишами позади. Кажется, что это были три судебныя палаты (*curiae*). Изъ построекъ на восточной сторонѣ слѣдуетъ назвать пространное зданіе *L* съ галлереею вокругъ и абсидею позади, воздвигнутое богатою жрицею Цереры, Эвмахию, и служившее вѣроятно мѣстомъ для торга матеріями; далѣе зала *N*, гдѣ по всей вѣроятности происходили собранія городского совѣта (*decuriones*), и наконецъ храмъ Весты или пританей (обыкн. пантеонъ) *O* съ галлереею вокругъ круглаго, на 12 пилястрахъ покоящагося моноптера и мѣняльными лавками съ фасадной стороны.

Мы должны упомянуть здѣсь особо объ императорскихъ площадяхъ въ Римѣ, которыя съ одной стороны удовлетворяли увеличивавшимся общественнымъ потребностямъ, съ другой же служили прекрасными памятниками своихъ строителей. Эти площади, похожія на роскошныя храмовыя окрестности съ святилищами внутри, были, кромѣ Кесаревои, слѣдующія: *forum Augusti*, *Vespasiani*, *Nervae* (другое названіе ея *f. transitorium* или *Palladium*). Но самая обширная и самая роскошная площадь была Траянова (*f. Trajani*), заключавшая въ себѣ базилику, бібліотеку, храмъ, огромный витой столбъ, триумфальную арку и пр. Находясь на сѣверо-восточной сторонѣ Римскаго форума, отъ котораго отдѣлялъ ихъ только рядъ базиликъ, всѣ онѣ образовывали сплошную

массу зданій столь великолѣпную и громадную, что ничего подобнаго не создалъ ни одинъ другой народъ. Объ обширности ихъ мы можемъ судить еще и теперь по немногимъ остаткамъ на самомъ мѣстѣ.

Кромѣ упомянутыхъ площадей встрѣчаются въ Римѣ и въ большихъ италійскихъ городахъ еще особые рынки, назначенные исключительно для разной торговли; это такъ наз. *fora venalia*. Такъ напр. въ Римѣ упоминаются: *forum boarium* (воловій рынокъ), *f. suarium* (свиной рынокъ), *f. olitorium* (зеленой рынокъ) и т. д. Это были пространства, окруженныя лавеами и портиками, какъ видно на рис. 75., сдѣланномъ по древней римской картинѣ.

Рис. 75. Видъ воловьего и зеленого рынковъ въ Римѣ.

Портикъ и базилика.

21. Къ публичнымъ постройкамъ и мѣстамъ, въ которыхъ собирался народъ, должно отнести также портикъ и базилику.

Портикъ (*στοά*, *porticus*), сѣнь съ колоннами, былъ соединяемъ, какъ мы уже не рѣдко видѣли, очень часто съ публичными зданіями, какъ напр. храмами, гимназіями, агорами; онъ служилъ также самостоятельнымъ украшеніемъ публичныхъ мѣстъ. Подъ тѣнистымъ кровомъ его происходили бесѣды ученыхъ и совѣщанія гражданъ, на скамейкахъ его отдыхали ежедневно сотни праздныхъ людей ¹⁾. Самый знаменитый изъ такихъ портиковъ находился въ Римѣ на Марсовомъ полѣ; это такъ называемый портикъ Октавіи (см. стр. 34.), выстроенный послѣ 23. года до Р. Хр. императоромъ Августомъ; онъ соединенъ былъ съ бібліотекой и украшенъ многими изящными картинами.

Простой портикъ обнесенъ былъ съ одной стороны колоннами, съ другой стѣною, украшенною иногда большими картинами,

¹⁾ Сюда должно отнести и леску (*λέσχη*), о которой упоминается уже въ Одиссѣи XVIII. 328; это было, по словамъ Эвстація, зданіе съ открытою галлереею, встрѣчавшееся въ особенности въ іонійскихъ городахъ и служившее мѣстомъ для бесѣдъ (какъ въ средне-вѣковыхъ италійскихъ городахъ такъ наз. *casina dei nobili*), а также убижищемъ для бѣдныхъ и нищихъ (см. Одиссею.)

какъ напр. портикъ афинской площади, на стѣнѣ котораго между прочимъ изображены были: взятіе Трои, сраженіе Афинянь подь предводительствомъ Theseя противъ Амазонокъ, марафонская битва и т. д.; отсюда и названіе его *στοὰ ποικίλη* т. е. пестрый, разрисованный портикъ. Если находился подобный рядъ колоннъ также съ другой стороны стѣны, то возникалъ двойной портикъ (*στοὰ διπλή*), крыша котораго подпиралась иногда вмѣсто стѣны третьимъ рядомъ колоннъ, такъ что портикъ состоялъ собственно изъ двухъ просторныхъ кораблей. Если нужно было болѣе мѣста, портикъ могъ

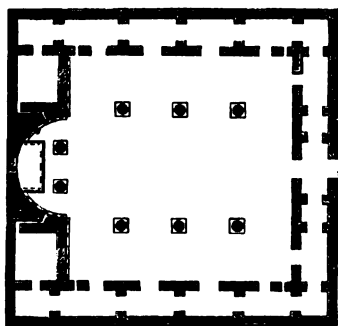

Рис. 76. Планъ отрикольской базилики.

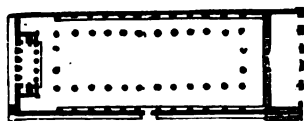

Рис. 77. Планъ помпейской базилики.

стороны на наши ратуши, съ другой на биржи. По формѣ своей базилика состояла обыкновенно изъ трехъ кораблей, изъ которыхъ самый широкій, средній, оканчивался иногда на одной или на обѣихъ узкихъ сторонахъ дугою, такъ наз. абсидою (*ἀψίς*), въ коей устроено было четырехугольное или полукруглое возвышеніе (*tribunal*) съ мѣстами для судей. Если не было абсиды, трибуналъ былъ устраиваемъ въ одномъ или въ обѣихъ концахъ и отдѣляемъ рѣшеткою. Образцомъ меньшей трехъ-корабельной базилики представляется намъ отрикольская базилика. Основная форма ея (рис. 76.) составляетъ противъ обыкновенія почти квадратъ; въ абсидѣ на возвышенномъ

быть расширенъ и внутри раздѣленъ (вмѣсто одного) двумя рядами колоннъ на три корабля. Въ Пирее былъ портикъ даже съ пятью рядами колоннъ (*στοὰ μακρά*). Изъ этихъ построекъ развились, какъ кажется,

римскія базилики, получившія свое названіе отъ царскаго портика въ Афинахъ (*στοὰ βασιλεια* или *βασιλική*), гдѣ архонтъ басилевсъ предсѣдательствовалъ въ судѣ.

Базилики были общественныя зданія, служившія мѣстомъ для гласныхъ судовъ и для торговли, послѣ того какъ форумъ по своей ограниченности оказался недостаточнымъ для возраставшихъ потребностей. Такимъ образомъ онѣ похожи по своему назначенію съ одной

мѣстѣ стоитъ судебный столъ и по сторонамъ каменныя возвышенія для сидѣній. Къ абсидѣ принадлежали и для судебной цѣли служили также оба боковыя помѣщенія. Съ остальныхъ трехъ сторонъ корабля окружены были галлереями на пилястрахъ (сгуртоporticus). О трехъ корабляхъ и двухъ абсидахъ была великолѣпная базилика, основанная Максентіемъ и отстроенная Константи-

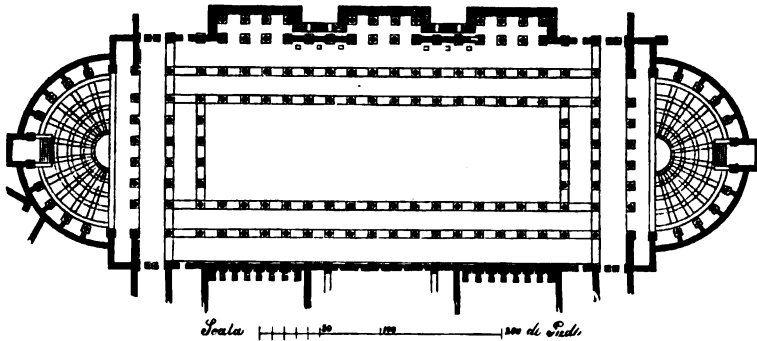

Рис. 78. Планъ Траяновой базилики въ Римѣ.

номъ въ Римѣ, гдѣ до сихъ поръ видны большія развалины ея между древнимъ храмомъ Венеры и Ромы и нынѣшнею церковью св. Козьмы и Даміана у Велли близъ древняго форума. Подобная же базилика, хотя и меньшаго размѣра и безъ абсиды, найдена въ Помпеяхъ (рис. 77.).

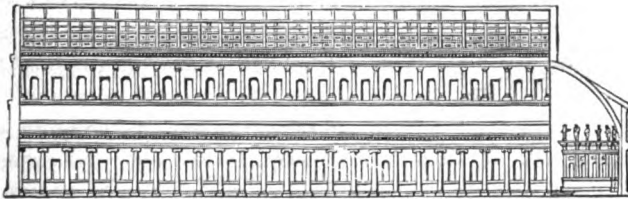

Рис. 79. Разрѣзъ древней веронской базилики (дополненный Arnaldi'емъ).

Но были также базилики объ одномъ только кораблѣ и другія, болѣе роскошныя, о 5 корабляхъ, какъ базилика, выстроенная Кесаремъ при Римскомъ форумѣ (basilica Julia) между храмомъ Діоскуровъ и Сатурна. Она имѣла въ длину болѣе 300 футовъ, и окружена была двойною двухъ-этажною колоннадою, верхній этажъ которой также былъ устроенъ для прогулокъ; въ срединѣ простор-

наго двора можно было въ одно и то-же время производить судъ въ четырехъ мѣстахъ.

Кромѣ этой самая знаменитая въ Римѣ въ послѣдствіи была базилика, построенная Траяномъ (bas. Ulpia), замѣчательная своею металлическою крышею, форма которой видна изъ обломковъ капитолійскаго плана Рима и изъ остатковъ, сохранившихся до настоящаго времени. Она имѣла пять кораблей и двѣ просторныя абсиды (рис. 78.). Внутренній видъ базилики съ галлереями для зрителей представляетъ намъ разрѣзъ древней веронской базилики, дополненный Arnaldi'емъ (рис. 79.). Базилики были совершенно крытыя и освѣщались окнами. Первую базилику въ Римѣ за куріею близъ форума (см. планъ форума 20.) построилъ Маркъ Порцій Катонъ на государственныя деньги въ 184. году до Р. Хр.; съ теченіемъ времени здѣсь появилось 22, по другимъ даже 29 базиликъ.¹⁾

Присутственныя мѣста и мѣста народныхъ собраній.

22. Уже выше, говоря о греческихъ агорахъ, мы упомянули, что на нихъ происходили публичныя совѣщанія и другія общественныя дѣла. Но если площадь была слишкомъ шумна и наполнена посѣтителями, то нужно было отвести для этой цѣли особое мѣсто; такъ устроенъ былъ въ Афинахъ извѣстный Пинкесъ,²⁾ холмъ, лежащій противъ Акрополя и называвшійся также Музейонъ, отлогій склонъ котораго, возвышаясь отъ берега Илисса и древней афинской площади мало по малу до высоты 470 футовъ, служилъ весьма удобнымъ мѣстомъ для собранія народа. Совѣтъ (*βουλή*) имѣлъ свои засѣданія на площади въ особомъ зданіи, называвшемся

¹⁾ Когда при Константинѣ христіанская религія сдѣлалась государственною, базилики обращаемы были въ христіанскія церкви, отчасти по причинѣ ихъ обширности, отчасти потому, что абсида, отдѣленная отъ остальнаго пространства, очень удобно могла вмѣстить въ себѣ главный алтарь, тѣмъ болѣе, что посредствомъ триумфальной арки отдѣлили ее еще болѣе отъ кораблей. Когда затѣмъ начали строить новыя храмы, основной планъ базилики былъ удержанъ съ незначительными измѣненіями навсегда.

²⁾ Ошибочно обозначали до сихъ поръ этимъ именемъ небольшой холмъ, лежащій противъ Ареопага и служившій, по новымъ изслѣдованіямъ, для жертвоприношеній Зевсу (*Zeus Ἱφιστος*); возвышеніе, которое принимали прежде за ораторскую кафедру (*βήμα*), не что иное какъ древній жертвенникъ (E. Curtius Topogr. v. Athen стр. 16.). Но и относительно Музейона вопросъ, кажется, еще не рѣшенъ окончательно.

βουλευτήριον; члены же дѣйствующей комиссіи, извѣстные подъ именемъ *протаυеіς*, оставались цѣлый день въ смежномъ зданіи, такъ наз. пританеѣ (*протаυеіον*), имѣвшемъ большой залъ, украшенный статуями боговъ, славныхъ героевъ и государственныхъ мужей. Подобныя пританеи встрѣчались и въ другихъ греческихъ городахъ.

Если уже Грекамъ нужны были особыя присутственные мѣста, то тѣмъ болѣе нуждались въ нихъ Римляне, правители столь огромной имперіи, судьбы которой они должны были рѣшать. Римскіе граждане собирались для совѣщаній на форумѣ и на Капитоліи, а для выборовъ на Марсовомъ полѣ (см. *septa*); сенатъ же имѣлъ засѣданія въ куріи Гостилія на форумѣ (см. выше), впоследствии въ куріяхъ Помпея и Кесаря.

Такъ какъ всѣ эти куріи исчезли вмѣстѣ съ республикою, то намъ нельзя представить достаточно вѣрнаго ихъ описанія. О древнѣйшей Гостиліевой куріи намъ извѣстно только то, что поднимались къ ней со стороны комиціи вверхъ по многимъ ступенямъ, и что она состояла изъ передней комнаты и присутственной залы и соединена была съ такъ наз. сенакуломъ (*senaculum*), гдѣ сенатъ собирался предъ засѣданіемъ, и съ *graecostasis* ома, т. е. пріемною для иностранныхъ пословъ. За основную форму этой куріи, равно какъ и всѣхъ другихъ подобныхъ зданій, должно принять форму просторной залы, каковую имѣло и святилище храма Согласія (*Concordia*), въ коемъ тоже, какъ и въ другихъ храмахъ, иногда происходили засѣданія римскаго сената.

Квесторы отправляли свою должность въ храмѣ Сатурна на форумѣ, въ подземныхъ склепахъ котораго хранилась государственная казна (*aerarium publicum*). Въ священной залѣ Свободы (*atrium Libertatis*) отправляли свою должность цензоры, тогда какъ преторы засѣдали на своихъ деревянныхъ трибуналахъ сначала на комиціи и форумѣ подъ открытымъ небомъ, а впоследствии, какъ уже выше нами замѣчено, въ базиликахъ. Трибуны и подчиненные имъ (въ позднѣйшее время) эдилы отправляли свою должность въ архивѣ (*tabularium*) на Капитоліи, сооруженномъ въ 78мъ году до Р. Хр. Квинтомъ Лутациемъ Катуломъ, гдѣ хранились также списки гражданъ и находилось присутственное мѣсто для наблюденія за правильностью мѣръ и вѣсовъ. Зданіе это, построенное изъ пеперина ¹⁾ въ дорійскомъ стилѣ, простиралось между обѣими вершинами капитолійскаго холма надъ храмами Согласія и Веспасіана, имѣя

¹⁾ Пеперинъ (по итал. *peregino*) вулканическій туфъ въ албанскихъ горахъ.

со стороны форума рядъ аркадъ, видныхъ еще теперь, хотя и застроенныхъ новымъ дворцомъ (del Senatore).

Говоря о куріяхъ, мы должны упомянуть еще о томъ, что этимъ именемъ обозначались также общія залы, въ коихъ собирались кружки патриційскихъ семействъ (curiae) для совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ, или для празднованія религіозныхъ праздниковъ, происходившаго подъ руководствомъ жреца куріона (curio), для чего такія куріи и были соединяемы съ божицею (sacellum) квиритской Юноны, покровительницы древнихъ семей.

Весь римскій народъ, когда долженъ былъ исполнять свои гражданскія обязанности, собирался въ просторныхъ мѣстахъ, называемыхъ *комиціями* (comitia), именемъ которыхъ обозначались и самыя собранія. Такимъ комиціемъ служила сѣверозападная половина римскаго форума. Впослѣдствіи римскіе граждане, раздѣленные Сервіемъ на центурии, собирались для исполненія своихъ политическихъ обязанностей на Марсовомъ полѣ, гдѣ для надлежащаго раздѣленія классовъ при подачѣ голосовъ устроены были деревянныя ограды, такъ наз. *овчарня* (ovile), обращенныя впослѣдствіи Кесаремъ въ мраморныя (septa marmorea), объ устройствѣ которыхъ намъ ничего не извѣстно, исключая того, что они занимали, должно быть, большое пространство; ибо въ позднѣйшее время давались въ нихъ гладіаторскія и морскія представленія. Во время Марціала находился здѣсь (а именно, какъ кажется, только въ фасадномъ портикѣ, обращенномъ къ широкой улицѣ, *via lata*) базаръ, гдѣ торговали изящною утварью, посудой и рабами (Mart. IX., 59; X., 80).

Къ публичнымъ зданіямъ принадлежало еще такъ наз. *diribitorium* на Марсовомъ полѣ, великолѣпное зданіе, соединенное по всей вѣроятности съ названною оградой (septa), гдѣ счетчики голосовъ (diribitores) принимали и считали голоса, и наконецъ *villa publica* (общественный домъ) на томъ-же полѣ, въ которой производился цензъ римскихъ гражданъ.

Охранныя постройки : греческія и римскія стѣны, ворота и башни.

23. Стѣны можно безспорно считать первымъ произведеніемъ архитектурнаго искусства, потому что потребность въ нихъ была самою первою и самою необходимою; ибо какъ отдѣльному чело-вѣку прежде всего нужно было укрываться отъ вреднаго вліянія климата, такъ опять цѣлымъ общинамъ нужно было предохранять свои сборныя мѣста отъ всякихъ опасностей — крѣпкою стѣною.

Поэтому-то древнѣйшими памятниками архитектурѣ и служатъ остатки стѣнъ. Въ Греціи сохранились этого рода памятники изъ самыхъ древнихъ временъ; они называются по древнѣйшему населенію Греціи стѣнами Пеласговъ. Греки называли ихъ обыкновенно киклопскими, приписывая происхожденіе ихъ сверхъ-человѣческимъ силамъ великановъ-киклоповъ. Въ особенности замѣчательны тиринскія стѣны въ Пелопоннесѣ, сложенныя изъ многогранныхъ большихъ каменныхъ глыбъ безъ цемента, промежутки которыхъ выложены щебнемъ. Болѣе совершенною отдѣлкою отличаются не далеко отъ первыхъ находящіяся микенскія стѣны (рис. 80.), которыя тоже состоятъ изъ многогранныхъ каменныхъ глыбъ, но обтесанныхъ и прилегающихъ одна къ другой; подобныя стѣны находятъ въ Аргосѣ, Платеяхъ, Иеакѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Кромѣ такихъ стѣнъ встрѣчаются у Грековъ уже въ древности еще стѣны изъ горизонтальныхъ каменныхъ слоевъ, слагавшихся сначала изъ не совсѣмъ правильныхъ (не одинаковаго размѣра) каменныхъ глыбъ, какъ это видно напр. у львиныхъ воротъ въ Микенахъ, (такой родъ строенія называли *pseudisodotum*, *pseudisodoton*, т. е. неравносложнымъ, см. ниже рис. 84.), впоследствіи — изъ совершенно правильныхъ четырехугольныхъ камней. Послѣдній способъ строенія стѣнъ принятъ былъ при всѣхъ важнѣйшихъ постройкахъ позднѣйшихъ временъ. На древнѣйшія греческія стѣны похожи были древнѣйшія италійскія, которыми обружали не только города, но также священныя мѣста и мѣста, въ которыхъ хранились казны

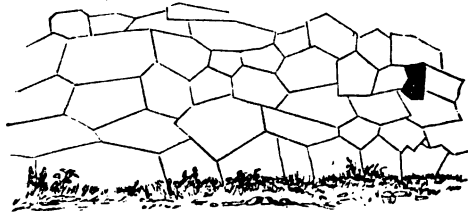

Рис. 80. Образецъ киклопской постройки микенскихъ стѣнъ.

нибудь сокровища. Способъ строенія стѣнъ совершенствовался у Римлянъ тѣмъ-же самымъ путемъ, какъ и у Грековъ.

Самое важное примѣненіе получали стѣны конечно при укрѣпленіи городовъ и крѣпостей. Намъ нельзя не упомянуть въ этомъ мѣстѣ о томъ, что у Римлянъ при основаніи города обозначеніе направленія стѣнъ его сопровождалось особымъ обрядомъ. Запрягнувъ въ плугъ быка и корову, они вели кругомъ борозду, которую перерывали, приподнимая плугъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны были

Рис. 81. Часть стѣнъ и стѣнная башня въ Помпеяхъ.

Рис. 82. Зубцы помпейскихъ стѣнъ.

находиться ворота. Форма города предпочиталась по всей вѣроятности четырехугольная, какою имѣлъ и древній Римъ (*Roma quadrata*) на Палатинѣ.

Городскія стѣны строились такимъ образомъ, что дѣлали и утрамбовывали сперва насыпь, которую затѣмъ обносили съ обѣихъ сторонъ крѣпкою стѣною изъ четырехугольныхъ камней или кирпича; внутренняя изъ этихъ двухъ стѣнъ была выведена выше съ тою цѣлью, чтобы она въ случаѣ, еслибы взята была внѣшняя, могла служить новой преградой для непріятеля.

Верхъ городскихъ стѣнъ снабженъ былъ зубцами (*ἔπαλξις*, *pinna*, зубчатая окраина съ вырѣзанными бойницами, — изобрѣтеніе, какъ передаютъ, Архимеда), а кромѣ того также башнями, которыя соединены были посредствомъ корридора съ стѣнами.

Рис. 81. представляетъ намъ одну стѣнную башню въ Помпеяхъ и разрѣзъ соединенной съ нею стѣны. Рис. 82. представляетъ окраину тѣхъ-же стѣнъ съ зубцами вышиною въ 4 фута, выступающими внутрь на три фута для охраны защищающихъ.

Всякое мѣсто, обнесенное стѣною, должно было находиться въ соединеніи съ своею окрестностью посредствомъ какого нибудь отверстія въ стѣнѣ, которое, если было большое, называлось воротами (*πύλη, πύλαι*), если малое, — балиткою (*πυλίς, πυλίδες*). Въ крѣпостяхъ, основанныхъ на горахъ или утесахъ, достаточно было часто однихъ воротъ, но болѣе обширные и знаменитые города должны были имѣть ихъ нѣсколько (такъ напр. Гомеръ называетъ

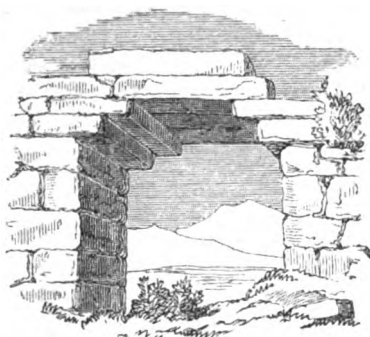

Рис. 83. Фигалійскія ворота
(въ Аркадіи).

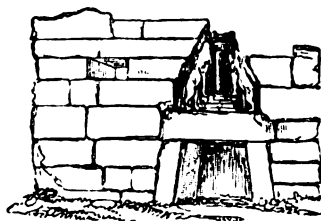

Рис. 84. Львинныя ворота
въ Микенахъ.

египетскія Фивы, славившіяся могуществомъ и богатствомъ, стовратными *ἐκατόμυλοι*, Ил. IX., 383.). — Изъ всѣхъ городскихъ воротъ одни обыкновенно были главныя (*μεγάλαι πύλαι*), какъ напр. Дипилонъ въ Афинахъ. Въ древнія времена ворота были очень просты, какъ это видно на тиринескихъ воротахъ, острая арка которыхъ образовалась постепеннымъ сближеніемъ камней одного съ другимъ, пока они не соединялись наверху; или же на фигалійскихъ воротахъ въ Аркадіи (рис. 83.), гдѣ лежатъ наверху только два камня.

Съ теченіемъ времени стали строить ворота болѣе искусно, а именно сначала такимъ образомъ, что на два перпендикулярные, иногда также наклонные каменные косяка сверху положенъ былъ ровный длинный камень. Примѣромъ могутъ служить такъ наз. „львинныя ворота“ въ Микенахъ (рис. 84.), состоящія изъ двухъ каменныхъ дверныхъ косяковъ, наклоненныхъ одинъ къ другому, на которыхъ покоится третій огромный камень въ 15 футовъ длины; чтобы чрезчуръ не обременить воротъ, оставленъ надъ ними пустой промежутокъ въ видѣ треугольника, въ который заложена каменная доска съ рельефнымъ изображеніемъ двухъ львовъ, опирающихся передними ногами на базу, на которой стоитъ столбъ.

Замѣчательнаго усовершенствованія достигли ворота только у Римлянъ, которые, благодаря своему умѣнью строить своды, могли покрывать красивою аркою и болѣе широкія отверстія. Самая простая и самая обыкновенная форма римскихъ воротъ состоитъ изъ одной арки; рѣже встрѣчаются ворота съ двумя проходами, какъ напр. прекрасныя ворота въ Римѣ, извѣстныя подъ именемъ porta maggiore, въ которыхъ сходились двѣ дороги (via Labicana и via Praenestina), и арки которыхъ служили вмѣстѣ съ тѣмъ подпоркою для двухъ водопроводовъ (aqua Claudia и Anio novus), проходившихъ сверху чрезъ аттикъ. Чаше встрѣчаются ворота съ тремя проходами, изъ которыхъ средній, служащій для проѣзда, бываетъ выше и шире обоихъ побочныхъ, назначенныхъ для пѣшеходовъ. Для удобнѣйшей обороны ворота имѣли или зубцы, или башни, и закрывались или крѣпкими створами, или опускаемою рѣшеткою, или же другого рода запоромъ.

Почти всѣ стѣны, которыми обводили города, были снабжены для болѣе удобной обороны башнями, служившими прежде всего для укрѣпленія воротъ.

Образецъ простѣйшаго вида башенъ представляютъ намъ опять таки египетскія стѣны; это не что иное, какъ круглыя или четырехугольныя выступы стѣнъ, съ которыхъ можно было защищающимъ отражать непріятеля по разнымъ направленіямъ. Однако не только на стѣнахъ городовъ, но иногда также на уединенныхъ скалахъ и холмахъ строили башни сторожевыя, въ особенности часто на берегахъ острововъ; въ нихъ находили островитяне убѣжище отъ морскихъ разбойниковъ (на островѣ Кеосѣ находится напр. четырехугольная башня о 4 этажахъ и съ зубцами наверху). Съ тою-же цѣлю ограждали такія башни еще укрѣпленнымъ дворомъ.

Говоря о греческихъ башняхъ, мы упомянемъ наконецъ еще о зданіи, которое, хотя и носитъ названіе башни, все-таки было построено совершенно другимъ образомъ и для другой цѣли Андроникомъ изъ Кирры въ 1 стол. до Р. Хр., и служило украшеніемъ новой афинской агоры; это такъ наз. башня вѣтровъ, весьма искусно сдѣланная, восьмиугольная, снабженная двумя небольшими портисами, внутри которой находились водяные часы, а наверху на крышѣ поворачивалась мѣдная статуя Тритона, указывающаго жезломъ направленіе вѣтровъ, которые были изображены въ барельефахъ на восьми доскахъ фриза.

Римскія башни не отличались значительно отъ греческихъ, развѣ только тѣмъ, что онѣ были прочнѣе греческихъ отъ употребленія при ихъ строеніи сводовъ.

Греческія и римскія дороги и мосты.

24. Первые дороги или шоссе, кажется, строили Греки въ болотистыхъ странахъ, такъ что онѣ служили съ одной стороны плотинами (*χάματα, γέφυραι*), а съ другой путями сообщенія, какъ напр. широкая насыпь, проходившая черезъ копейское болото въ Беотіи, и другая подобная близъ Тегей въ Аркадіи. Также къ крѣпостямъ вели особыя дороги.*

Прѣзжія дороги (*ἀμαξιτοί*), должно быть, существовали у Грековъ уже въ древнія времена, ибо уже въ Одиссеѣ упоминается о поѣздѣ на колесницѣ изъ Пилоса въ Спарту (Од. III. 481 и слѣд.); упоминается также о дорогѣ изъ Аѳинъ въ Дельфы и изъ Фивъ туда-же (Aeschyl. Eum. 13. Soph. Oed. Tug. 787 *σχιστή ὁδός*). При устройствѣ дорогъ имѣлись въ виду главнымъ образомъ религіозныя цѣли, а именно то, чтобы по нимъ какъ можно удобнѣе могли проходить торжественныя процессіи, направляшіяся отъ одного мѣста къ другому, для чего и была устроена на дорогѣ для торжественной колесницы особая колея, двойная или простая, съ поворотами въ извѣстныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ возникла напр. священная дорога, шедшая изъ Аѳинъ къ Элевсину и многія другія дороги, слѣды которыхъ видны до сихъ поръ въ Греціи. Другія цѣли были торговыя, хотя въ этомъ отношеніи, путемъ сообщенія служило преимущественно море.

Иначе было у Римлянъ, которые именно въ этомъ родѣ построекъ выказали замѣчательную практичность и превзошли Грековъ.

Уже самое возникновеніе дорогъ вызвано житейскими потребностями, ибо когда Римляне начали расширять свое владычество, они думали прежде всего о томъ, какъ бы всего скорѣе и всего удобнѣе отправить нужное войско въ данное мѣсто. Итакъ они строили дороги, которыми вмѣстѣ съ тѣмъ также поддерживалась торговая и духовная связь съ великимъ центромъ имперіи, Римомъ. Такимъ образомъ возникла подъ конецъ самнитскихъ войнъ первая и знаменитѣйшая искусственная дорога, *via Appia*, начатая цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ въ 312 г. до Р. Хр.; она вела изъ

Рима черезъ помптинскія болота сначала до Капуи, впоследствии до Беневента въ Самнии, и наконецъ при Августѣ продолжена была до портового города Брундузія. Нѣсколько лѣтъ спустя проведена была дорога въ сабинскій край къ Фуцинскому озеру (позднѣе *via Valeria*) и другая въ Умбрию до Ариминія (позднѣе *via Flaminia*). Когда римское владычество расширилось внѣ Италіи, устраиваемы были съ большими издержками военныя дороги также въ провинціяхъ, изъ которыхъ многія сохранились до настоящаго времени.

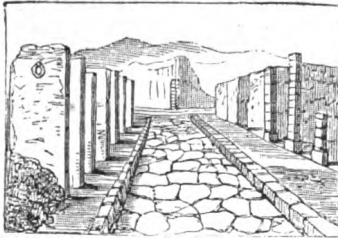

Рис. 85. Видъ дороги и тротуара въ помпейской улицѣ.

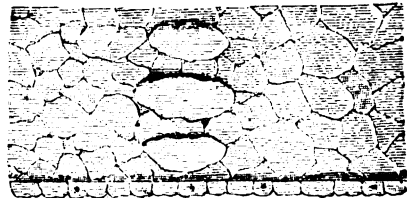

Рис. 86. Видъ помпейской мостовой съ переходными камнями.

Если римскія дороги отличаются отъ греческихъ уже по своему назначенію, то еще болѣе отличаются онѣ отъ нихъ своимъ устройствомъ.

Римляне, не обращая вниманія на характеръ мѣстности, пролагали дороги, по возможности, прямыя и съ большою рѣшительностью и твердостью преодолевали все препятствія природы, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ огромныя каменныя плотины, устроенныя въ болотистыхъ мѣстахъ и на склонахъ горъ, а также подземные ходы (напр. туннель подъ горою между Путеолами и Неаполемъ, такъ наз. пещера *Posilippo*).

Что касается до технической стороны устройства римскихъ дорогъ, то ихъ усыпали пескомъ или хрящемъ (*glarea*), или же мостили камнемъ, а именно по срединѣ обыкновенно известковыми полигонами (*silex*) съ поверхностью гладкою и нѣсколько выпуклою для того, чтобы могла стекать вода; кромѣ того подъ шоссеымъ полотномъ находились еще отводные каналы для полевой воды. Срединя такого шоссе (*agger*) окаймлена была по обѣимъ сторонамъ тротуарами (*margo*, *strepido*)¹⁾ изъ болѣе мягкаго камня, напр. туфа, обнесенными иногда, смотря по надобности, каменною стѣ-

¹⁾ По Ливію XLI. 27. Римляне начали окаймлять дороги тротуарами въ 174 году до Р. Хр.

ною. Въ городахъ устраивались такіе тротуары (margines) всегда по обѣимъ сторонамъ улицъ (рис. 85.), а такъ какъ они были значительно возвышены, то въ извѣстныхъ мѣстахъ выдавались изъ мостовой нѣкоторые камни, служившіе для удобнаго перехода на другую сторону улицы. Такъ это видно по крайней мѣрѣ еще и теперь на улицахъ въ Помпеяхъ (рис. 86.).

Разстояніе отъ главныхъ мѣстъ обозначалось (со временъ Гракховъ) на дорогахъ каменными мильными столбами (milliarium, рис. 87.), поставленными на тротуарахъ на разстояніи тысячи римскихъ шаговъ (= 5000 футовъ) одинъ отъ другого; подлѣ нихъ же устроены были сидѣнья для отдыха. Главнымъ мильнымъ камнемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторымъ центромъ всѣхъ дорогъ, расходившихся во всѣ стороны изъ Рима, служилъ такъ наз. золотой мильный камень (milliarium aureum), — конусъ, обитый позолоченною бронзою и поставленный Августомъ; круглая база этого камня нѣсколько лѣтъ тому назадъ была найдена близъ арки Септимія Севера (см. планъ форума рис. 73. 7) ¹⁾.

Рис. 87. Мильный столбъ, найденный близъ Рима.

Въ мѣстахъ, гдѣ дорога должна была идти черезъ рѣку или оврагъ, понадобились мосты.

У Грековъ мосты вѣроятно были большею частью деревянные; такъвъ былъ напр. мостъ, построенный во время пелопоннеской войны и соединявшій Эвбею съ Элладою, между Авлидою и Халкидою.

Каменныхъ большихъ мостовъ Греки не могли строить до тѣхъ поръ, пока не узнали сводовъ; малые же каменные мосты строили они почти такъ-же, какъ и ворота (см. выше), т. е. выдвигали наружу камни и соединяли ихъ плитою или бревномъ, когда верхніе слои достаточно сблизились другъ съ другомъ.

Такихъ мостовъ изъ древнѣйшихъ временъ сохранилось нѣсколько въ Пелопоннесѣ; напр. мостъ близъ древней Спарты, ведшій черезъ рѣку Эвротъ, и мостъ, ведшій черезъ Памись, между древнимъ Пилосомъ и Меоною.

Гораздо большимъ совершенствомъ отличались, какъ видно

¹⁾ Нѣчто подобное было и въ Греціи, по крайней мѣрѣ въ Атикѣ; здѣсь означали разстояніе отъ жертвенника двѣнадцати боговъ (на площади) посредствомъ гермовъ.

уже изъ предъидущаго, римскіе мосты. Встрѣчаются конечно и у нихъ деревянныя мосты, ¹⁾ построенныя на сваяхъ (какъ напр. древнѣйшій мостъ въ Римѣ, *pons sublicius*) или на каменныхъ пилястрахъ съ деревянною настилкою (какъ напр. Траяновъ мостъ черезъ Дунай), но чаще всего они все-таки употребляли каменные

¹⁾ Считаемо умѣстнымъ упомянуть здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ о деревянномъ мостѣ, искусно построенномъ Кесаремъ черезъ Рейнъ, конструкція котораго по описанію самого Кесаря (В. G. IV, 17) въ сущности была слѣдующая:

Бревна въ полтора фута толщиною (*tigna, sesquipedalia, a*), внизу заостренныя и соразмѣрныя съ глубиною рѣки, вбиты были попарно, на разстояніи двухъ футовъ одно отъ другого, въ дно рѣки посредствомъ бабъ (*fistulae*),

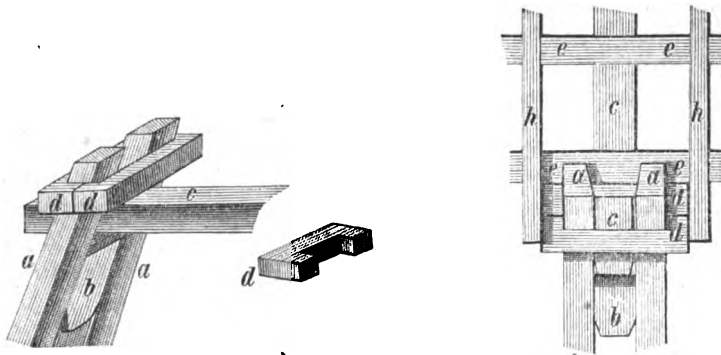

Рис. 88. Видъ сруба Кесарева моста со стороны и сверху.

не отвѣсно, какъ обыкновенно вбиваются сваи, а наклонно, и то одинъ рядъ по теченію рѣки, а другой, ниже, противъ теченія, на разстояніи сорока футовъ отъ перваго. Каждая пара этихъ свай соединена была сверху (вставленною) перекладиною (*trabes, quibus tigna inter se iungebantur, b*); на эту перекладину между верхними концами свай положено было бревно въ два фута толщиною (*trabes bipedales, c*) и болѣе 40 футовъ длиною; для прочности соединены были оба выдающіеся конца свай двумя крѣпкими (по всей вѣроятности деревянными) скобами (*fibulae, d*), такъ что скрѣпленные ими сваи держались тѣмъ крѣпче, чѣмъ сильнѣе былъ напоръ воды.

На сооруженныя такимъ образомъ главныя части моста положены были (въ длину моста) поверхъ поперечныхъ бревенъ длинныя брусья (*materia directa, e*), поперекъ которыхъ густо настланы были толстыя шесты въ ширину моста (*longurii, h*), а эти покрыты фаншиникомъ (*crates*).

Сверху того, для большей прочности моста, внизу его спереди вбиты были въ дно рѣки другія сваи, наклонно противъ теченія (*sublicae*), такъ что ими подпирались мостовыя сваи; а въ нѣкоторомъ разстояніи выше моста вбиты были въ рѣку еще отвѣсныя сваи, которыя должны были служить отпоромъ и предохранять мостъ отъ поврежденія въ томъ случаѣ, еслибы варвары, намѣреваясь разрушить мостъ, стали спускать по рѣкѣ стволы деревьевъ или суда.

мосты со сводами. Римляне умѣли перебрасывать своды даже черезъ самыя широкія рѣки; но не только черезъ рѣки, а также черезъ долины и ложбины тянулись знаменитые путеводы (віадукты), какъ напр. путеводъ, построенный, какъ кажется, Гаіемъ Гракхомъ черезъ глубокую ложбину предъ древними Габіями, состоящій изъ семи арокъ длиною въ 296 футовъ, и сохранившійся до настоящаго времени, и много другихъ.

На сколько важнымъ и священнымъ дѣломъ считали Римляне проведеніе мостовъ черезъ рѣки и въ особенности черезъ Тибръ, это видно изъ того, что забота о надлежащихъ мостахъ поручена была первоначально знаменитѣйшей священнической коллегіи понтификовъ (о чемъ свидѣтельствуеть ¹⁾ самое названіе pontifex, „мостодѣй,“ мостостроитель).

По своему устройству мосты похожи были на шоссе; по обѣимъ сторонамъ находились тротуары, конечно съ перилами (pluteus), а на одномъ или на обоихъ концахъ или же на срединѣ ворота.

Изъ многочисленныхъ римскихъ мостовъ, уцѣлѣвшихъ до нашихъ временъ, мы назовемъ только два самыя прекрасныя въ Римѣ, а именно: мостъ, построенный въ 62 г. до Р. Хр. Луціемъ Фабриціемъ и ведущій отъ Марцеллова театра двумя арками на тибрскій островъ (ponte de' quattro Capì), и затѣмъ великолѣпный мостъ Эліевъ (pons Aelius), состоящій изъ 6 (прежде изъ 7, трехъ большихъ и четырехъ малыхъ) арокъ, посредствомъ котораго Гадріанъ соединилъ свой Мавзолей (нын. крѣпость св. Ангела) съ Марсовымъ полемъ (нын. ponte S. Angelo).

Гавани и водопроводы.

25. Занимаясь уже съ давнихъ поръ мореплаваніемъ, Греки должны были искать такихъ мѣстъ, гдѣ съ одной стороны они могли бы въ безопасности скрыть свои корабли отъ бури и нападений враговъ, съ другой же стороны — выгружать и нагружать товары. Природа дала имъ достаточное количество такихъ мѣстъ въ столь разнообразно изрѣзанномъ побережьи, отчего Греки и употребляли названіе бухты λιμήν для означенія гавани, такъ какъ для того, чтобы сдѣлать гавань безопаснѣе, приходилось только

¹⁾ По объясненію Моммзена, впрочемъ сомнительному.

кое-гдѣ расширить и укрѣпить бухту. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ оказывалась необходимость въ искусственной постройкѣ, Греки всегда подчинялись природѣ мѣстности и руководствовались ею; искусственныя постройки такого рода были не что иное, какъ стѣны, вдающіяся въ море, или плотины, закрывающія съ трехъ сторонъ гавань. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достаточно было только одной стѣны, какъ напр. въ мееонской гавани въ Мессеніи, въ другихъ входили въ море двѣ стѣны, закрывающія внутреннюю гавань, какъ напр. въ коринеской гавани Кенхреяхъ и въ аеинскомъ Пиреѣ, въ иныхъ же работою человѣческой руки возникли знаменитыя сложныя гавани, какъ напр. родосская гавань, состоявшая собственно изъ четырехъ гаваней. Входъ въ важныя гавани охраняли башни,

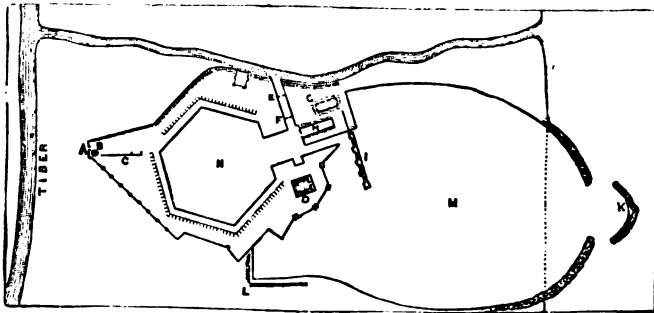

Рис. 89. Гавань императоровъ Клавдія и Траяна въ Остіи.

которыя могли въ случаѣ надобности соединяться крѣпкими цѣпями для того, чтобы воспрепятствовать входу непріятельскихъ кораблей. Для безопасности были устраиваемы также маяки, изъ которыхъ самый знаменитый находился въ родосской гавани и имѣлъ видъ металлической статуи вышиною въ 107 футовъ, вылитой въ 278 году до Р. Хр. Харетомъ и извѣстной подъ именемъ родосскаго Колосса (См. Plin. XXXIV. 18.).

Въ наиболѣе важныхъ гаваняхъ находились верфи (*νεώριον*), магазины для хлѣба и товаровъ, залы для выставки товаровъ (биржи), какъ напр. *δεδύμα* въ аеинской гавани Пиреѣ, судебныя палаты, жилища мѣстной полиціи и пр.

Сравнительно съ Греками Римляне обнаруживаютъ гораздо болѣе самостоятельности въ устройствѣ гаваней. Гдѣ находилось мѣсто, само собою образующее гавань, они конечно охотно пользовались имъ; но гдѣ не было удобнаго мѣста, а гавань была нужна, тамъ, не щадя ни труда, ни издержекъ, они сами

создавали то, въ чемъ отказала имъ природа. Но мало того, что Римляне строили весьма удобныя и безопасныя гавани на ровныхъ и неудобныхъ побережьяхъ, они устраивали даже въ самомъ морѣ предъ гаванями небольшіе острова для защиты ихъ отъ напора волнъ. Такъ укрѣплена была гавань, построенная императоромъ Траяномъ въ Центумцеллахъ (нын. *Civita Vecchia*), равно какъ и самая большая этого рода и самая прочная гавань въ Остіи, построенная императоромъ Клавдіемъ, къ коей императоръ Траянъ присоединилъ другую, внутреннюю, гавань, вырытую на сушѣ. Рис. 89. представляетъ планъ ея, сдѣланный итальянскимъ архитекторомъ Лабаккомъ въ 16 стол., когда эта гавань еще не была совсѣмъ покрыта и уничтожена болотомъ и наносами.

Предъ входомъ въ внѣшнюю гавань (М), удерживала напоръ волнъ плотина К, подобно такой-же плотинѣ (J) предъ внутренней гаванью (N); съ правой стороны входа находились рынокъ G, окруженный магазинами, и верфь H, съ лѣвой жилище завѣдующаго портомъ D. Для небольшихъ судовъ, входившихъ во внутреннюю гавань (N) изъ Тибра, проведенъ былъ каналъ отъ рукава рѣки съ двумя мостами E и F. Кромѣ того найдены были здѣсь остатки отъ водопровода С и отъ храма В; затѣмъ таможня близъ канала и ряды магазиновъ, окружавшихъ гавань, а также стѣны, обозначенныя на рисункѣ черточками; слѣды такихъ-же магазиновъ найдены при L во внѣшней гавани Клавдія. Внутренняя гавань закрыта была вся стѣною съ однимъ входомъ у воротъ А. — Виды римскихъ гаваней съ изображеніемъ какъ выше поименованныхъ, такъ и другихъ великолѣпныхъ зданій мы находимъ въ большомъ количествѣ на помпейскихъ картинахъ. Для привязыванья кораблей въ пристани или вбивали рядъ столбовъ, или укрѣпляли въ стѣнѣ кольца (*ansae*). Столко же геніальности и необыкновенной энергіи, какъ при возведеніи вышеописанныхъ построекъ, обнаружили Римляне и въ постройкахъ, служащихъ для отвода и доставки воды. Въ этомъ отношеніи они совершали дѣла истинно великія. Такъ они не только осушили отчасти помптинскія (собственно пометійскія) болота и обратили въ поля низменности рѣки По, но и прежде всего самый городъ Римъ сдѣлали удобообитаемымъ, устройвъ въ немъ цѣлую систему каналовъ (*cloacae*), посредствомъ которыхъ они самымъ лучшимъ и самымъ искуснымъ образомъ отводили какъ воду, собирающуюся между холмами, такъ и всѣ городскія нечистоты въ главный каналъ (*cloaca maxima*), а посредствомъ этого въ рѣку. Основаніе главнаго канала, имѣющаго ширины 20 футовъ

и вышины первоначально $10\frac{1}{2}$ футовъ, приписываютъ уже Тарквинію Приску; впоследствии онъ былъ укрѣпленъ пристроенными къ нему сбоку подпорными стѣнами (*anterides*, рис. 90.), такъ что имъ пользуются еще и теперь. Другія подобнаго рода великолѣпныя постройки — это такъ наз. *emissaria*, водосточные каналы, посредствомъ которыхъ выпускали изъ озеръ лишнюю воду съ тою цѣлью, чтобы или предотвратить наводненіе, или пріобрѣсть новую пахатную почву. Каналы этого рода тѣмъ удивительнѣе, что они проходятъ даже черезъ скалистую почву горъ,

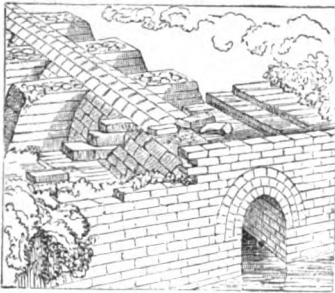

Рис. 90. Выходъ главнаго римскаго канала (сѣваса maxima) въ Тибръ.

Рис. 91. Часть водопровода императора Клавдія въ Римѣ.

какъ напр. до сихъ поръ сохранившійся водосточный каналъ албанскаго озера (*Lacus albanus*), устройство котораго Ливій приписываетъ Камиллу, или каналъ велинскаго озера въ сабинской области, устроенный въ 290 году до Р. Хр. Маніемъ Куріемъ Дентатомъ и еще теперь составляющій благодѣяніе для всей окрестности.

Но самый великолѣпный изъ всѣхъ — это каналъ, которымъ уходила лишняя вода изъ фуцинскаго озера въ области древнихъ Марсовъ въ рѣку Лиръ (*Garigliano*); онъ имѣлъ въ длину 2225 саженой и на половину своей длины проходилъ черезъ скалистую гору (называемую теперь *monte Salviano*). По извѣстіямъ древнихъ писателей, этотъ каналъ построенъ былъ въ 52 году по Р. Хр. императоромъ Клавдіемъ послѣ одиннадцатилѣтней работы 30 тысячъ рабочихъ.¹⁾

¹⁾ Это былъ величайшій тунель, уступающій въ настоящее время только Сенісскому. Наполненный съ теченіемъ времени наносами, онъ былъ въ новѣйшее время послѣ разныхъ неудачныхъ попытокъ нѣсколько продолженъ и

Не меньшаго удивленія заслуживаютъ тѣ постройки, которыя, наоборотъ, снабжали какое нибудь мѣсто нужною водою; это — водопроводы, *aquaeductus* (*ὕδραγωγεία*).

Устройство ихъ было слѣдующее: если на довольно высокомъ мѣстѣ открывали обильный источникъ, то прежде всего дѣлали тамъ углубленіе въ видѣ большаго водоема, куда собиралась вода; изъ этого водоема вели воду въ собственному водопроводу или подземными трубами (деревянными, глиняными, свинцовыми) или водоотводными каналами (*specus*), вырытыми въ скалѣ, а въ мягкой почвѣ выложенными камнемъ и покрытыми сводомъ, при чемъ въ разныхъ мѣстахъ на извѣстномъ разстояніи дѣлаемы были особыя отверстія (*puteus*) для воздуха, чтобы вода оставалась чистою и свѣжею; или же вели ее надземными каменными водопроводами съ непромокаемою штукатуркою внутри и съ отверстіями для воздуха сверху. Надземные водопроводы покоились на стѣнахъ, которыя вездѣ, гдѣ нуженъ былъ проходъ, поднимались вверхъ въ видѣ сводчатыхъ арокъ, какъ напр. водопроводъ Клавдіевъ, часть котораго съ открытымъ каналомъ наверху изображена на рис. 91.; эти арки образовывали или одинъ, или нѣсколько ярусовъ, такъ что становилось возможнымъ вести водопроводы также черезъ рѣки въ видѣ мостовъ и устраивать по нимъ дорогу.

Римскіе водопроводы простирались въ длину часто на много миль, и во многихъ мѣстахъ поднимались вверхъ на много футовъ. Такъ водопроводъ *Anio novus* имѣлъ вышины 113 футовъ; водопроводъ же у древняго Немауса (*Nîmes*) во Франціи поднимается еще и теперь двумя ярусами арокъ до высоты 156 футовъ подъ именемъ *pont du Gard*; таковы также сеговійскій и таррагонскій водопроводы въ Испаніи.

Кромѣ того водопроводы имѣли, гдѣ это оказывалось нужнымъ, особыя водоемы для очищенія воды (*piscinae limariae*) и въ концѣ особый гидравлическій приборъ для удобнаго распредѣленія воды по городу. Это производилось, какъ кажется, обыкновенно при помощи трехъ резервуаровъ (*castella*), изъ которыхъ одинъ заключалъ въ себѣ воду, предназначавшуюся для публичныхъ колодцевъ (*numphaea, lacus*) и водометовъ (*munera*, по Фронтину), другой заключалъ въ себѣ воду для бань, а третій для частныхъ домовъ; иногда водопроводы служили, смотря по качеству воды, исключительно для той или

расширенъ, отъ чего и озеро на половину уменьшилось; все устройство это стоило 20 милліоновъ лиръ (5 милліоновъ рублей).

другой цѣли (см. Фронт. 90—93). Нѣкоторые водочистительные резервуары, въ особенности тѣ, которые находятся въ мѣстахъ для купанья, поражаютъ до сихъ поръ своимъ великолѣпиемъ; напр. „piscina“ въ ПUTEОЛАХЪ, въ особенности же такъ наз. „piscina mirabile“ около Бай (близъ села Bauli), занимающая обширное пространство съ углубленіемъ посрединѣ и сводомъ, покоящимся на 48 пилястрахъ (рис. 92.). Менѣе великолѣпный, но за то вполне сохранившійся и лучше всего объясняющій водочистительное устройство есть водоемъ, устроенный для воды „Virgo“ въ Римѣ у подошвы древняго „садоваго холма“ (collis hortorum), нын. monte Pincio (рис. 93.).

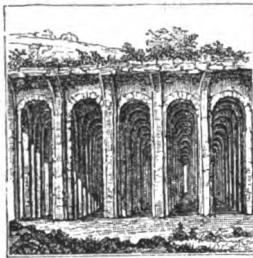

Рис. 92. Водоемъ около Бай.

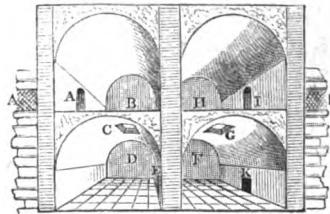

Рис. 93. Водочистительный резервуаръ водопровода Агриппы въ Римѣ.

Изъ водопровода А вода текла въ сводъ В, и отсюда чрезъ отверстіе С въ сводъ D, гдѣ грязь уже нѣсколько усаивалась; въ большемъ размѣрѣ это происходило въ другомъ сводѣ F, соединенномъ съ предыдущимъ посредствомъ отверстія Е. Когда же послѣдній наполнялся водою, то она выходила уже чистою чрезъ отверстіе G въ сводъ H, а изъ этого далѣе въ водопроводъ J. При K былъ водоспускъ (cataracta), посредствомъ котораго чрезъ нѣкоторое время выпускали отстоявшуюся грязь въ каналы.

Первый водопроводъ (Aqua Appia) построенъ былъ въ 312 году до Р. Хр. цензоромъ Анніемъ Клавдіемъ, тѣмъ самымъ, который построилъ также первую римскую дорогу; онъ проходилъ подъ землею около 1½ мили и въ одномъ Римѣ тянулся около 300 футовъ на аркахъ. Другой, начатый цензоромъ Маніемъ Куріемъ Дентатомъ въ 273 году „на счетъ добычи, отнятой у Пирра,“ велъ воду изъ окрестности Тибура (Anio vetus) большею частью подъ землею. Третій (Aqua Marcia), сооруженный въ 146 году снабжалъ Римъ водою изъ разстоянія около 7 миль, и утверждался на протяженіи 1½ мили на аркахъ. Четвертый (Aqua Tepula) былъ основанъ въ 127 году и въ 35 году соединенъ Агриппою съ водою

Юліевою. Шестой (Aqua Virgo) построилъ тотъ-же Агриппа для снабженія водою своихъ термъ (см. стр. 68.). Этою-же превосходною водою до сихъ поръ снабжается большая часть Рима, лежащая на лѣвомъ берегу Тибра (нын. Fontana Trevi). Августомъ была проведена въ Римъ альсіетская вода; другіе водопроводы въ 9 миль длиною были сооружены Калигулою и Клавдіемъ; изъ нихъ два устроены были на аркахъ. Изъ разстоянія 11 миль ведена была въ Римъ вода Anio novus на аркахъ, поднимавшихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до высоты 113 футовъ. Эти девять водопроводовъ имѣлъ Римъ въ концѣ 1 вѣка по Р. Хр. (въ концѣ 3 вѣка ихъ было четырема болѣе), по свидѣтельству Секста Юлія Фронтина, который завѣдывалъ ими, и предъ глазами котораго ежедневно протекало въ Римъ около $5\frac{1}{2}$ милліоновъ ведеръ чистой воды. Забота объ исправномъ веденіи всѣхъ относящихся сюда дѣлъ принадлежала въ Римѣ большому числу чиновниковъ.

Въ заключеніе этой статьи считаемъ удобнымъ упомянуть еще о постройкахъ, которыми Греки и Римляне снабжали источники водъ. Въ Греціи это было нѣчто въ родѣ сводовъ, состоящихъ изъ свѣшивающихся наружу камней (*θόλοι*); многія изъ этихъ построекъ сохранились до настоящаго времени, и по формѣ своей совершенно похожи на тахъ наз. *тесавры* (*θησαυροί*) въ Микенахъ, въ Беотіи и въ другихъ мѣстахъ, за которые нѣкоторые и принимали ихъ.

Изъ римскихъ вполне аналогичныхъ построекъ сохранился тускулскій колодезь, а другой на capitoлийскомъ склонѣ въ Римѣ, который уже до республики (говорять, Сервіемъ Тулліемъ ¹⁾) былъ обращенъ въ мѣсто казни и соединенъ съ двумя находившимися надъ нимъ тюрьмами; до настоящаго времени уцѣлѣли только мѣсто казни (*carcer inferior*) и надъ нимъ тюрьма съ боробовымъ сво-

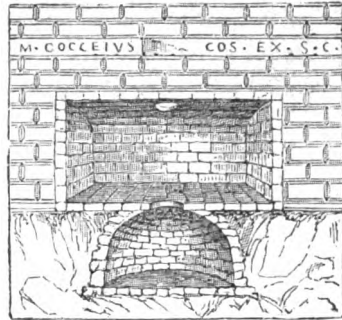

Рис. 94. Подкапитолійское Tullianum (подвѣшная тюрьма).

¹⁾ Отсюда, говорятъ, происходитъ и названіе тюрьмы (мѣста казни) Tullianum; но кажется, что правдоподобнѣе другое объясненіе, по которому tullianum значитъ вообще источникъ.

домъ, какъ видно на рис. 94. (Положеніе этой постройки обозначено на рис. 73., 5.).

Греки изъ всѣхъ родовъ этихъ построекъ, на сколько намъ извѣстно, сооружали болѣе всего водопроводы, не обращая никакого вниманія на дороги и каналы; но и водопроводовъ они никогда не строили такъ много и въ такихъ размѣрахъ, какъ Римляне. Такъ въ новѣйшее время открытъ на остр. Кеосѣ подземный водопроводъ (съ водоемомъ); въ Афинахъ же видно много слѣдовъ древнихъ водопроводовъ, изъ которыхъ нѣкоторые еще и теперь снабжаютъ городъ водою изъ окрестныхъ горъ.

III. Частныя постройки.

Греческій домъ.

26. Какъ у другихъ народовъ, такъ и у Грековъ первыя устроенныя человѣческою рукою жилища были очень просты и бѣдны; и прошло много времени, пока они научились строить такія жилища, какія описываютъ намъ пѣсни Гомера. Наболѣе подробно описанъ домъ Одиссея; поэтому, руководясь этимъ описаніемъ, мы представимъ изображеніе княжескаго дома *героическихъ* временъ, на сколько это вообще возможно сдѣлать.

Домъ Одиссея (рис. 95.) былъ извнѣ обведенъ высокою стѣною, снабженною нѣкотораго рода зубцами и столь широкою, что можно было по ней ходить. Съ одной узкой стороны находились въ ней большія, двустворчатыя ворота (*θύραι δικλίδες*), запиравшіяся изнутри посредствомъ засова; возлѣ нихъ по обѣимъ сторонамъ тянулись снаружи каменные скамейки (какъ и предъ дворцемъ Нестора, Од. III. 406), гдѣ мужчины собирались для бесѣды (Од. XVI. 343). Эти ворота вели во дворъ (*αὐλή*),¹⁾ который заключалъ въ себѣ

¹⁾ Этотъ портикъ (по крайней мѣрѣ съ двухъ сторонъ) окруженный дворъ и за нимъ находящееся обширное жилище составляютъ существенную часть греческаго дома; онъ подвергся нѣкоторому видоизмѣненію у болѣе зажиточныхъ Юннѣ въ послѣдствіи (см. ниже), когда расширили его еще однимъ небольшимъ дворомъ, къ чему не мало способствовало, по нашему мнѣнію, и то, что женщины и семьи гораздо болѣе, чѣмъ когда-либо въ прегнія времена, устранены были отъ жизни общественной.

иногда хлѣвы, сарай и жилища для челяди (с, с, d, d). Дворъ занималъ пространство, имѣвшее со стороны воротъ и предъ фасадомъ собственаго дома крытые портики (*αἴθουσα*, а, а), изъ которыхъ послѣдній назывался также преддоміемъ (*πρόδομος*, Od. IV. 297 и 305). Сюда выходили покои, въ которыхъ ночевали гости; здѣсь-же, въ домѣ Одиссея, находилась высокая спальня (*θάλαμος ὑψηλός*) Телемаха (Od. I. 425), на мѣстѣ открытомъ (*περικείμεται ἐνὶ χώρῳ*), съ котораго представлялся видъ на городъ и гавань, ибо поэтъ воображаетъ себѣ домъ Одиссея лежащимъ на возвышенномъ мѣстѣ. Кромѣ того здѣсь были бани, ручныя мельницы и кладовая (*θήλος*), имѣвшая, по всей вѣроятности, круглую форму. Посреди двора стоялъ алтарь Зевса (b). Особенно пространнѣе представляетъ себѣ поэтъ это преддоміе во дворцѣ Пріама (Ил. VI. 242—250).

Изъ преддомія велъ просторный корридоръ (*πρόθυρον*, Od. XVIII. 101) въ собственный домъ (*δῶμος, δάματα, μέγαρον*), передняя часть котораго составляла большую мужскую залу (*μέγαρον* и *δάμα*); это была самая главная и поэтому самымъ роскошнымъ образомъ устроенная часть дома (α). Въ домѣ Одиссея порогъ двери, ведшей изъ корридора въ мужскую залу, сдѣланъ былъ изъ ясеневаго дерева, а косяки изъ

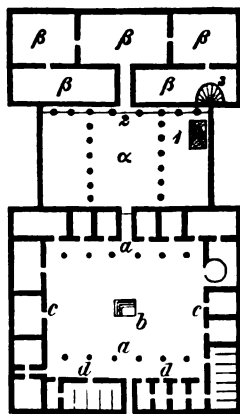

Рис. 95. Планъ героическаго дома.

На сколько названныя части жилого дома существенны, явствуетъ также изъ описанія лагерной хижины Ахиллеса подъ Троею, которую поэтъ не можетъ себѣ представить безъ двора и портика, Ил. XXIV. 448—453; 673 и 644; безъ двора не можетъ быть и пещера Киклопа. Такимъ образомъ домъ этого времени состоялъ изъ двора и изъ мужской и женской залы, на что указываютъ и слова поэта: *θάλαμος καὶ δάμα καὶ αὐλή*, Ил. VI. 316, или: *μέγαρον (= θάλαμος) καὶ δάμα καὶ αὐλή*, Od. XXII. 494. Портить вокругъ двора носилъ названія *αἴθουσα* (доп. *στοά*), т. е. освѣщаемый солнцемъ (въ противоположность жилищу, которое было покрыто и поэтому тѣнисто, *μέγαρον σιόεντα*), *ἐρι(γ)δουπος*, т. е. громко звучащій по причинѣ естественной акустической своей особенности, и *ξιστή*, полированный (Ил. VI 243, XX. 11), потому что сдѣланъ былъ изъ полированныхъ камней. Преддоміемъ, *πρόδομος*, называлась собственно та часть портика, которая примыкала къ фасадной сторонѣ дома; впрочемъ названіе это употребляется и сямекдохически для обозначенія цѣлаго портика, напр. Ил. XXIV. 673 и 644, подобно словамъ *αὐλή*; *δάμα*, обозначающимъ иногда цѣлый домъ.

кипариснаго; два ряда деревянныхъ колоннъ раздѣляли ее на три корабля, поддерживая высокій потолокъ (отсюда названіе *θάλαμοι ὑφόροφοι*) изъ сосновыхъ балоковъ; кромѣ того на задней сторонѣ находился, какъ кажется, на колоннахъ нѣкоторый пристѣнокъ (2) въ родѣ галлерей (*μεσόδομαι*). (Еще бѣльшимъ убранствомъ отличается эта зала въ домѣ царя Феаковъ, Од. VII. 88—102.) Сюда собирались мужчины для забавъ и нирѣшествъ, какъ напр. женихи Пенелопы; поэтому здѣсь былъ также очагъ (1) для приготовления пищи (особой кухни тогда еще не было), тутъ-же стояли кратеры для вина и приборы для освѣщенія (см. ниже). Дымъ выходилъ черезъ отверстіе въ потолокъ, (черезъ которое проникалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дневной свѣтъ)¹⁾, вслѣдствіе чего зала покрывалась копотью (*μέλαθρον, μέγαρον αἰθαλόεν*, Ил. II. 415 и Од. XXII. 239). Впрочемъ и женщины имѣли свободный входъ въ эту залу; сюда является Пенелопа, чтобы поговорить съ женихами, или съ неузнаннымъ еще Одиссеемъ; сюда является Гелена, желая выслушать разговоръ своего мужа съ гостями; здѣсь около очага сидитъ супруга Алкиноя, Арета (Од. I. 330; XIX. 53; IV. 121; VI. 305).

Изъ мужской залы вела другая, противоположная дверь въ женскія комнаты (β). Здѣсь находилась прежде всего комната, въ которой хозяйка вмѣстѣ съ служанками ткала и прядла, и которая носила разныя названія (то *μέγαρον*, то *θάλαμος*), далѣе спальня хозяйина и хозяйки (*θάλαμος*), комнаты незамужнихъ еще дочерей и находящихся въ домѣ служанокъ, а также, какъ кажется, бани для женщинъ, подобно мужскимъ банямъ — въ преддоміи.

Въ домѣ Одиссея надъ этимъ отдѣленіемъ находился еще верхній этажъ (*ὑπερώϊον*, поздн. *ὑπερφῶν*), куда вела особая лѣстница (3) изъ мужской залы, и гдѣ Пенелопа проводила большую часть времени, а также спала (Од. I. 328; II. 358; XVI. 449); внизу же устроенъ былъ подвалъ, въ которомъ, по словамъ поэта, находились сундуки, наполненные металломъ и драгоценною одеждою, затѣмъ вино, масло и запасы муки (Од. II. 337).

Изъ историческихъ временъ до персидскихъ войнъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ устройствѣ греческаго дома; и даже изъ временъ послѣ персидскихъ войнъ дошло до насъ только весьма немного и при томъ весьма незначительныхъ извѣстій, памятниковъ же изъ этого

¹⁾ Имѣлъ ли кромѣ того героическій домъ окна, или вообще какія нибудь отверстія по сторонамъ для свѣта, изъ стихотвореній Гомера не видно.

періода не сохранилось почти никакихъ, такъ что мы не можемъ опредѣлить и описать устройство греческаго дома, столь важнаго для ознакомленія съ жизнью Грековъ, съ тою точностью, какъ это можно сдѣлать при римскомъ домѣ.

Должно полагать, что домъ этого времени состоялъ изъ тѣхъ-же самыхъ главныхъ отдѣленій, которыя, какъ мы выше видѣли, были необходимы и для героическаго дома. Дворъ (*αὐλή*) сохранилъ вообще ту же форму, которую имѣлъ и прежде; онъ окруженъ былъ крытыми и на колоннахъ покоившимися корридорами (*περιστύλιον*), изъ которыхъ были входы въ разныя комнаты (*δωμάτια, οἰκήματα*, вообще *τὰ περίστυρα*), каковы: мужская зала и вмѣстѣ съ тѣмъ столовая (*ἀνδρών*), гостиная (*ἐξέδρα*), спальня (*κοιτών*), кладовыя (*ἀποθήκαι, ταμεία*), мастерскія рабовъ (*ταλασιουργικοὶ οἶκοι, ἰστῶνες*) и пр.

Въ этотъ дворъ (рис. 96. с) входили съ улицы или прямо черезъ наружную дверь (*αὐλειος θύρα*), или черезъ корридоръ (*διάθυρα, θυρών* и *πυλών*, b), въ которомъ находилась дверь, отворявшаяся обыкновенно внутрь. Спереди этого корридора устраивалось нерѣдко преддверье, открытое къ улицѣ и покоящееся на нѣсколькихъ колоннахъ (*πρόθυρον, προπύλαιον*, a). По сторонамъ корридора находились въ нѣкоторыхъ домахъ конюшни, хлѣвы и жилище привратника (*θυρωρεῖον*, β) и какого нибудь слуги (κ, κ), иногда также лавки и мастерскія (2, 3, 4, 5, 6). На задней сторонѣ двора, противъ входа, находилась мѣсто корридора открытая спереди зала (f) между двумя пилестрами, такъ наз. *προστάς* или *παραστάς* и *πιστάς* (стало быть, она соотвѣтствуетъ *πρόδομος* героическаго дома); будучи обращена обыкновенно къ югу, она была и выше и глубже для того, чтобы могла зимою долѣе освѣщаться солнцемъ, а лѣтомъ быть прохладною. ¹⁾

Возлѣ этой залы были двѣ главныя спальни (*θάλαμος* и *ἀμφιθάλαμος*, g, g) для всего семейства; за нею же помѣщались комнаты, въ которыхъ жила хозяйка съ дѣтьми и служанками (h, h, h, h). Дверь (d), ведущая сюда изъ большой залы, называлась „заднею

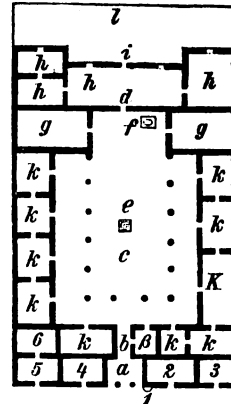

Рис. 96. Планъ греческаго дома древнѣйшихъ историческихъ временъ.

¹⁾ Xen. Memorab. III. 8. 9.

μέταυλος).⁴ За домою простирался садъ (1), куда вела садовая дверь (*θύρα κηπάα*, i). Итакъ это главное отдѣленіе дома исключительно предназначалось для семейной и частной жизни, о которой приходилось заботиться главнымъ образомъ женщиной, мужъ же, если не оставался постоянно въ публичныхъ мѣстахъ, куда обыкновенно была главнымъ образомъ направлена его дѣятельность, могъ довольствоваться помѣщеніями, назначавшимися для жены и семейства. Для гостей и знакомыхъ достаточно было помѣщеній вокругъ двора (*ἀνλή*).

Объ остальномъ устройствѣ остается замѣтить слѣдующее. Предъ домою возлѣ преддверья находилось изображеніе Аполлона Агіея (покровителя дорогъ, 1) въ видѣ столба или конуса, или изображеніе Гермеса (*Ερμῆς προπύλαιος*)¹⁾, и ящикъ Гекаты (*Εκάτη προθυριδία*); на дворѣ стоялъ алтарь Зевса покровителя дома (*Ζεὺς ἔρκειος*, e), въ нѣкоторыхъ другихъ помѣщеніяхъ статуйки отцовскихъ боговъ (*θεοὶ πατρῶν*), а въ кладовой статуйки боговъ, подателей благъ (*θ. κτήσιοι*, дор. *πάσιοι*); въ главной же залѣ (пастадѣ, f) находился посрединѣ, въ память прежняго очага, круглый жертвенникъ Гестіи, около котораго собирались всѣ домашніе, господа и рабы, и который служилъ всегда прекраснымъ символомъ домашняго единенія.

Въ позднѣйшія времена, приблизительно съ 4го столѣтія до Р. Хр., появляются уже большіе и болѣе роскошные дома. Какъ прежде, во время полнаго расцвѣта греческаго могущества, нужды государства и общественнаго блага стояли выше интересовъ отдѣльныхъ лицъ и семейнаго блага, вслѣдствіе чего и постройки, служащія для общественныхъ цѣлей, на которыя не щадили никакихъ издержекъ, далеко превосходили частныя постройки: такъ въ свою очередь упадокъ общественной жизни и выдвинувшіяся на первый планъ личныя нужды имѣли естественнымъ послѣдствіемъ то, что частныя дома стали строиться все съ болѣе увеличивающимся комфортомъ и великолѣпіемъ. Относительно частныхъ построекъ 5го вѣка знаменательны слова Демосоена (*περὶ συντ.* §. 29, Becker), говорящаго, что дома Θεμιστοкла, Аристиды, Мильтіады и Кимона не красивѣе сосѣднихъ домовъ и т. д. Что, однако, еще въ первой половинѣ 4го вѣка частныя зданія не вы-

¹⁾ Изображеніе Гермеса находилось иногда также внутри, *ἐν τῇ ἀνλή*. (Luc. Navig. 20.)

давались передъ общественными зданіями, можно заключить изъ словъ Дикеарха (или скорѣе Аѳеня), говорящаго, что аѳинскія улицы столь кривы и тѣсны, а дома столь малы и некрасивы, что иностранецъ, очутившись невзначай въ городѣ, справедливо могъ бы усумниться, находится ли онъ въ нѣкогда славныхъ Аѳинахъ; но сомнѣніе его исчезнетъ, когда онъ увидитъ чудесныя общественныя зданія, какъ напр. прекраснѣйшій на свѣтѣ одеонъ, театръ, храмъ Аѳины и др. Не такъ было уже во второй половинѣ этого-же столѣтія, какъ свидѣтельствуеъ Демосѳенъ (Olynth. III. §. 29. и *περὶ συντ.* §. 30.), говоря, что многіе построили себѣ частныя дома болѣе великолѣпныя, чѣмъ общественныя, а именно тѣ лица, которыя прежде занимали какую нибудь должность въ государствѣ. Но, не смотря на все это, издержки на постройку лучшаго дома въ то время не превышали двухъ талантовъ, составляя сумму отъ 3 до 120 минъ, т. е. приблизительно 70—2500 рублей; эта сумма, въ сравненіи съ нынѣшнею цѣною домовъ, конечно весьма незначительна.¹⁾ Впрочемъ мы не должны забывать, что именно Аѳиняне обращали вниманіе болѣе на свои деревенскія жилища, чѣмъ на городскія, и что поэтому первыя и были роскошнѣе послѣднихъ.

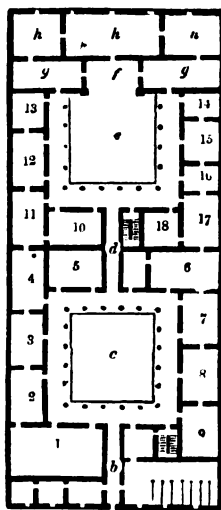

Рис. 97. Планъ греческаго дома позднѣйшихъ временъ (по Беккеру).

Итакъ посмотримъ, какъ былъ устроенъ домъ этого времени (рис. 97.). На внутренней сторонѣ, тамъ, гдѣ прежде были только залы и комнаты для хозяйки и семейства, устроенъ былъ другой дворъ (e, иногда также, смотря по свойству мѣста для постройки, съ боку перваго двора), такъ что такой домъ состоялъ изъ двухъ перистилей.

¹⁾ Эта низкая цѣна объясняется, конечно, еще и тѣмъ, что работа и строевой матеріалъ были дешевы, а также тѣмъ, что высокіе дома вообще не строили. Строили изъ камня, который находился въ Атикѣ въ большомъ количествѣ, но еще чаще изъ дерева, при чемъ оставшіеся между бревнами (положенными крестъ-на-крестъ) промежутки выполняли нежженымъ кирпичемъ, отъ чего строеніе было, по ихъ мнѣнію, прочнѣе, чѣмъ изъ мягкаго камня. Аѳины имѣли во время процвѣтанія 10.000 домовъ, вѣроятно со включеніемъ въ это число всѣхъ сикойкій (ср. ниже римскій домъ, стр. 105 прим.).

Новый этотъ дворъ, отдѣленный отъ перваго заднею дверью (*θύρα μέταυλος*), которую послѣ стали называть совершенно справедливо среднею (*θ. μέσσυλος*, d), служилъ въ этомъ случаѣ исключительно центромъ семейной жизни и состоялъ подъ управленіемъ хозяйки, называясь постоянно женскимъ дворомъ (*γυναικωνῆτις*). Здѣсь находились подъ надзоромъ хозяйки запасы для пряденья и тканья, кладовыя съ съѣстными припасами, а въ болѣе богатыхъ домахъ также кухня (*ἀπτάνιον*) со всею посудою. Въ меньшихъ или въ пользовавшихся меньшимъ мѣстомъ домахъ это отдѣленіе находилось въ верхнемъ этажѣ (какъ иногда и въ героическія времена). Первый же дворъ (с), находившійся не рѣдко, какъ уже сказано, также рядомъ съ женскимъ и поэтому имѣвшій отдѣльный входъ съ улицы, сдѣлался въ данномъ случаѣ исключительнымъ мѣстопребываніемъ мужчинъ, гостей и мужской прислуги и назывался поэтому мужскимъ дворомъ (*ἀνδρωνῆτις*) по преимуществу и отличался всегда болѣе роскошною обстановкою (*Vitr. VI. 10.*). Сюда приходила, если не было гостей, конечно, также хозяйка съ дѣтьми.

Послѣ того, что замѣчено нами о домѣ на рис. 96., намъ остается добавить только немного къ плану Беккера (рис. 97.). Спереди направо обозначены конюшни, налѣво лавки; залы и комнаты мужскаго двора обозначены цифрами 1—9, женскаго двора цифрами 10—18, и буквами тѣми-же, какъ и одинаковыя помѣщенія на рис. 96.

Остается сказать еще о строеніи и обстановкѣ домовъ. Дома обыкновенно имѣли крыши плоскія (*οροφοὶ ἐνεπίπεδοι*), такъ что можно было ходить по нимъ, но также и двускатныя; строили дома или изъ камня съ верхомъ изъ жженаго, иногда только высушеннаго кирпича и дерева, или же совершенно изъ дерева (какъ въ Спартѣ). Стѣны имѣли съ наружной стороны бѣлую, иногда также пеструю штукатурку (*κοιλίαια*). О внутреннемъ крашеніи стѣнъ у насъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній; мы знаемъ только, что росписываніе комнатъ (*οἰκημάτων γραφαί*) введено было въ Аѳинахъ любившимъ роскошь Алкивіадомъ, воспользовавшимся для этой цѣли Агаархомъ, живописцемъ театральныхъ декораций. Въ позднѣйшія времена, послѣ Александра, попадаются извѣстія о комнатахъ, выложенныхъ золотомъ и слоновою костью, и о мозаическихъ полахъ (*λιθόστρωτα*), между тѣмъ какъ первоначально въ комнатахъ только утрамбовывали почву (*κορδουβαλλῶδες πέδον*). Роскошь въ этомъ отношеніи достигла высшей степени у Римлянъ.

Воздухъ и свѣтъ проникали во всѣ комнаты обыкновенно изъ дворовъ. Окна (*θυρίδες*); какъ кажется, въ нижнихъ комнатахъ обыкновенно не было; онѣ освѣщались свѣтомъ, проникавшимъ чрезъ двери изъ открытаго двора, хотя и здѣсь упоминается объ окнахъ въ видѣ затворяемыхъ отверстій надъ дверями (*φωταγωγοί* т. е. *θύραι*, Luc. Symp. 20.); въ верхнемъ этажѣ (*ὑπερφῶν, διήρες στéρος*¹⁾), выдававшемся иногда въ улицу и опиравшемся на деревянные столбы (*γρεισίποδες*), и только рѣдко занимавшемъ все пространство нижняго этажа, окна, конечно, были необходимы. Иногда верхній этажъ заключалъ въ себѣ также комнаты для найма и былъ соединенъ посредствомъ отдѣльной лѣстницы (*ἀναβαθμοί*) съ улицею (ср. ниже стр. 110 и 119: *senaculum* римскаго дома).

Двери (*θύραι*), кромѣ приведенныхъ наружныхъ и столь-же важныхъ среднихъ, были, по всей вѣроятности, только въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ хранились болѣе драгоценныя вещи; въ другихъ мѣстахъ достаточно было, какъ и теперь еще на востокѣ, занавѣсей (*παραπετασμα* и *αὐλαία*), бѣлыхъ или цвѣтныхъ и узористыхъ. Двери открывались обыкновенно внутрь; упоминается также о дверяхъ съ двумя замками, такъ что, когда изнутри было заперто, то и снаружи какой нибудь знакомый или сосѣдъ могъ запереть и просунуть ключъ (*βαλανάγρα*) чрезъ отверстіе (*ὀπή*) внутрь. Если двери были заперты, то приходящій стучалъ (*κρούειν, κόπτειν*) прикрѣпленною снаружи колотушкою (*ῥόπτρον, κόραξ*) для того, чтобы привратникъ (*θυρωρός*) отперъ. Нѣкоторые дома имѣли еще задній входъ, ведшій изъ дома въ другую сторону (подобно римскому постигу), откуда и названіе ихъ *ἀμφίδυροι*.

Дома отапливали въ древнѣйшія времена разводя огонь на очагѣ, при чемъ дымъ выходилъ чрезъ отверстіе въ потолокъ, какъ уже нами замѣчено выше (стр. 100) при описаніи дома Одиссея; впоследствии, когда устраиваемы были особыя кухни, появились также дымовыя трубы (*καπνοδόχη*, Arist. Vespaе 147 и 142). Въ комнатахъ для умѣреннаго отапливанія употребляли котлы съ угольемъ (*ἀνθράκια, ἔσχαρια, πύραυνοι*) и подвижныя печки, какія мы встрѣ-

¹⁾ Устройство верхняго этажа въ позднѣйшія времена вообще не отличалось отъ устройства подобныхъ частей помпейскаго дома, на описаніе котораго мы и обращаемъ вниманіе читателей. Упоминаемыя иногда *συνουκίαι* не что иное, какъ отдѣльныя части дома (квартиры), какія должно иногда понимать и подъ римскими *insulae* (см. ниже рим. домъ, стр. 120 прим.).

тимъ ниже и въ римскомъ домѣ (стр. 130.). Наконецъ заботились и о томъ, чтобы въ домѣ былъ колодезь или цистерна (*лаккос*) и погребъ (*ὑπόγειον*); устраиваемо было поодаль и отхожее мѣсто (*ἀπόλατος, κοπρών*).

РИМСКІЙ ДОМЪ.

27. Каково было въ главныхъ чертахъ устройство римскаго дома, въ этомъ не можетъ быть болѣе никакого сомнѣнія съ тѣхъ поръ, какъ изъ-подъ пепла началъ возникать городъ Помпей, погибшій, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими го-

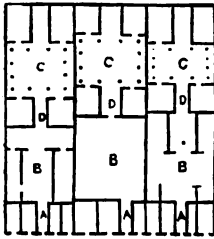

Рис. 98. Римскіе дома по капитолійскому плану.

родами (въ числѣ которыхъ самый знаменитый былъ Геркуланъ) въ 79 году по Р. Хр. отъ изверженія вулкана Везувія. Но такъ какъ онъ не былъ, подобно Геркулану, покрытъ лавою, а лишь дождемъ пепла и легкимъ мусоромъ, и кромѣ того не имѣетъ надъ собою никакихъ новыхъ селеній, то не представляется особенно труднымъ открыть зданія и погребенное въ нихъ прошедшее этого города.

Хотя раскопки, дѣлаемыя здѣсь уже съ 1748 года, производились до недавняго времени не совсѣмъ основательно и медленно, такъ что и теперь еще болѣе половины города остается подъ мусоромъ, тѣмъ не менѣе для изслѣдователей древности уже достигнуты неопѣнимые результаты. Судя по многочисленнымъ открытымъ въ этомъ городѣ домамъ, болѣе богатый римскій домъ (по крайней мѣрѣ въ позднѣйшія времена) состоялъ изъ трехъ главныхъ частей: атрія, таблина и перистилия. Что же касается до сходства, по крайней мѣрѣ въ главныхъ частяхъ, римскаго дома съ помпейскимъ, то оно подтверждается нѣкоторыми чертежами римскихъ домовъ изъ капитолійскаго плана (смъ рис. 98.), гдѣ ясно обозначены atrium (B), tablinum (D) и peristylum (C).

1. *Атрій* (atrium — зала италійскаго происхожденія) составлялъ, какъ кажется, вмѣстѣ съ примыкавшими къ нему комнатами древне-италійскій домъ, на что указываетъ уже самое названіе, означающее мѣсто черное (*ater*), закоптѣлое отъ дыма изъ очага, который, какъ извѣстно, служа центромъ домашней жизни, долженъ былъ находиться въ главной части дома. Атрій былъ первоначально

ничто иное, какъ крытая изба, можетъ быть, съ отверстіемъ въ потолкѣ для дыма (ср. *meuroon* героическаго дома, стр. 100.), который, впрочемъ, могъ выходить и чрезъ дверь, какъ мы это видимъ до сихъ поръ въ жилищахъ сабинскихъ горцевъ или въ простыхъ хатахъ Мазуровъ и Малороссовъ (ср. черная изба). Этою-то избою и ограничивалось древнее жилище Италійцевъ, равно какъ и впоследствии жилища бѣдныхъ,¹⁾ тогда какъ богатые различнымъ образомъ обставляли ее и прибавляли къ ней другія помѣщенія.

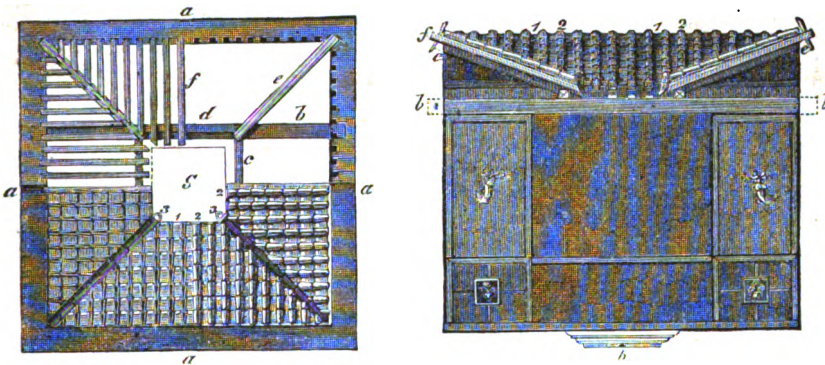

Рис. 99. Крыша и разрѣзъ этрусскаго атрія.

Атріѣ позднѣйшихъ временъ есть пространство, покрытое только по сторонамъ крышею, обращенною внутрь (рис. 99.), такъ что посрединѣ ея образуется четырехугольное отверстіе, такъ наз. *compluvium* (g). Подъ этимъ отверстіемъ посрединѣ пола находится неглубокій резервуаръ (въ Помпеяхъ не глубже 3 футовъ) одной величины съ отверстіемъ, такъ назыв. *impluvium* (h), для храненія дождевой воды, текущей сюда чрезъ отверстіе.

Крыша его устроена была слѣдующимъ образомъ: на стѣнахъ (a) покоились два главныя бревна (*trabes*, b), а на этихъ двѣхъ переключинки (*trabeculae*, *tigilli*, c); къ угламъ же имплевія наклонялись водосточныя переключины (*tigna colliciarum*, e). На эти бревна и переключины пришивали рѣшетины (*carpoeoli*, f). Крышу покры-

¹⁾ Отсюда дѣлается яснымъ, почему еще въ позднѣйшія времена слово *atrium* употребляется въ значеніи жилища, напр. *atrium regium* то-же что *regia*; *atria duo in lautumiis* (которые въ 184 году вмѣстѣ съ нѣсколькими магазинами купилъ Катонъ, чтобъ здѣсь построить базилику Liv. XXXIX. 44); *atrium publicum in Capitolio* (Liv. XXIV. 10.).

вали плоскими черепицами (1, *tegulae*), выдающиеся и смежные края коихъ соединяли желобчатыми черепицами (2, *imbrices*); въ четырехъ же углахъ надъ водосточными бревнами помѣщались желобчатая черепицы (*imbrices colliciatum*, 3), образующія желобъ для стока воды (рис. 100. и 101.). Концы водосточныхъ желобовъ украшались фигурами изъ жженой глины, представлявшими или звѣринныя пасти, или безобразныя маски (рис. 102.)

Этотъ простой атрій называется этрусскимъ, *atrium tuscanicum*¹⁾. Дополненный чертежъ его представляетъ намъ рис. 103. (ср. ниже рис. 122.). Атрій, крыша котораго покоилась на четырехъ колоннахъ, стоящихъ на углахъ имплевия, назывался четырехколоннымъ, *atrium tetrastylum*; изображение его см. на рис. 104., сдѣланномъ по одному помпейскому дому. Атрій

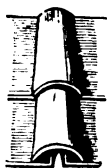

Рис. 100. Плоскія черепицы, соединенныя желобчатыми.

Рис. 101. Водосточныя желобчатыя черепицы.

Рис. 102. Конецъ водосточнаго желоба.

болѣе пространный, и слѣдовательно съ большимъ числомъ колоннъ (въ Помпеяхъ 12—16) вокругъ имплевия, назывался коринтскимъ, *atrium corinthium* (рис. 105.).

Это три самыя обыкновенныя вида атриевъ. Встрѣчаются еще *atrium displuviatum*, крыша котораго не наклонялась къ имплевю, а къ стѣнамъ дома, такъ что дождевая вода отводилась желобами (рыннами); отверстіе же комплевия защищало отъ дождя небольшой навѣсъ, подобно занавѣси, которою каждый имплевій защищался отъ солнца; наконецъ *atrium testudinatum* съ такою-же настилкою, но безъ имплевия, при чемъ свѣтъ проникалъ въ него, какъ кажется, черезъ окна, находившіяся по сторонамъ

¹⁾ Подъ конецъ республики атрій мало по малу принялъ форму каведія (о которомъ см. Varro L. L. V. 161); поэтому Витрувій, говоря о каведіи (VI. 3), относитъ устройство его также къ атрію, тогда какъ древнее *caaedium* совершенно умѣстно и цѣлесообразно замѣнила роскошная *cella*, называемая у Римлянъ обыкновенно *peristylum*, *peristylum*, или по латыни *porticus*.

подъ крышею, или же въ самой крышѣ, если это было возможно. ¹⁾ Изъ приведенныхъ видовъ атріевъ самые поздніе суть опять-таки атріи на колоннахъ (*tetrastylum* и *corinthium*).

2. *Таблинъ* (*tablinum* — архивный покой или кабинетъ) имѣетъ такое-же значеніе, какъ простада (см. стр. 101.) греческаго дома.

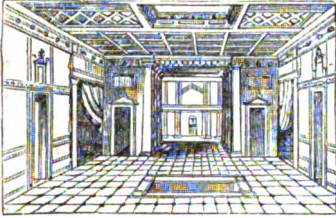

Рис. 103. Чертежъ этрускаго атрія (дополненный).

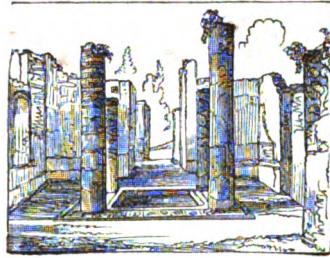

Рис. 104. Атрій о четырехъ колоннахъ.

Это небольшая, съ двухъ сторонъ (между атріемъ и перистилемъ, см. рис. 108. D) открытая комната, первоначально жилище домохозяина, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ время, принималъ гостей, и откуда могъ обозрѣвать весь домъ. Здѣсь въ древнія времена, если хозяинъ занималъ общественную должность, хранился

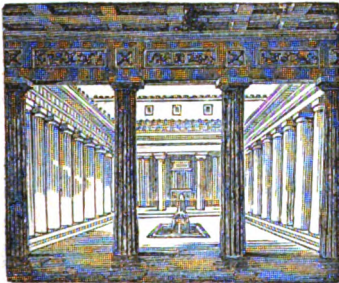

Рис. 105. Видъ коринтскаго атрія.

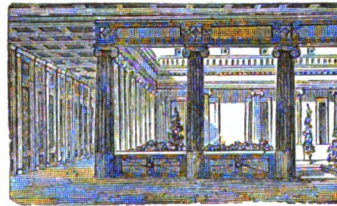

Рис. 106. Видъ перистіля.

официальный архивъ, *tabulae*, откуда уже древніе производили названіе *tablinum*. Таблинъ закрывался или подвижными досками, или занавѣсами и коврами, что и было необходимо, если онъ не долженъ былъ сдѣлаться проходною комнатою. По одному или по обоимъ бокамъ его находился корридоръ (*fauces*), соединявшій атріи съ перистилемъ.

¹⁾ Т. е. если наверху не было комнатъ. *Vitr.* VI. 3.

3. *Перистиль* (peristylum или вообще porticus), болѣе новое, заимствованное отъ Грековъ заднее отдѣленіе дома, есть дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ колоннами (рис. 106., откуда и греческое названіе *περίστυλον*), который, составляя болѣе семейное отдѣленіе дома, не всегда устраивался столь правильно и столь роскошно, какъ предъидущія части. Въ помпейскихъ домахъ онъ имѣетъ форму атрия, съ тою лишь разницею, что отверстіе для воздуха и солнца гораздо больше, и слѣдовательно также и колонны, окружающія его пространство, многочисленнѣе. Въ древнѣйшія времена, когда атрия еще похожи были болѣе на избы, нежели на большія залы, это заднее отдѣленіе составляло собственный дворъ и называлось *саvum aedium* или *саv aedium*. Среди его былъ нерѣдко водоемъ (*piscina*) съ водометомъ и садикъ (*viridarium*), если онъ не находился за нимъ; около перистилия располагались комнаты для семейства, а за нимъ или также надъ нимъ другія помѣщенія (*сенасула*) для прислуги и вообще для домашнихъ нуждъ, иногда также для найма. Портить перистилия въ болѣе роскошныхъ домахъ (во время имперіи) защищался отъ неблагоприятной погоды окнами, вставленными между колоннами (*specularia*, Plin. Ep. II. 17.) и лѣтотъ закрывавшимися отъ солнца занавѣсями.

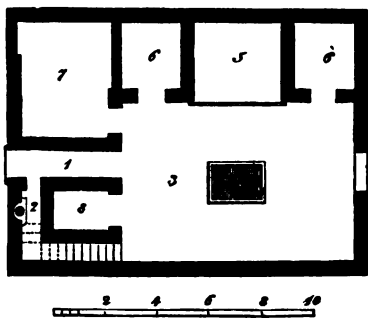

Рис. 107. Планъ малаго дома въ Помпеяхъ.

Обозначивъ такимъ образомъ главныя части римскаго дома, мы помѣстимъ здѣсь для болѣе нагляднаго представленія прежде всего планъ малаго помпейскаго дома (рис. 107.), а затѣмъ планъ одного изъ самыхъ большихъ домовъ и объяснимъ ихъ читателямъ, дополняя то, чего здѣсь не увидимъ, чтобы по устройству одного дома они могли составить себѣ вѣрное понятіе и о прочихъ.

Первый изъ нихъ (рис. 107.) очень простъ; онъ состоитъ изъ атрия (3), въ которомъ находится неглубокій комплувій (4), и нѣсколькихъ другихъ помѣщеній, какъ-то: залы (5), двухъ спаленъ (6, 6), столовой (7) и кухни (8). Верхній этажъ, куда вела лѣстница изъ корридора (1) возлѣ отхожаго мѣста (2), состоялъ изъ четырехъ комнатъ.

Первый изъ нихъ (рис. 107.) очень простъ; онъ состоитъ изъ атрия (3), въ которомъ находится неглубокій комплувій (4), и нѣсколькихъ другихъ помѣщеній, какъ-то: залы (5), двухъ спаленъ (6, 6), столовой (7) и кухни (8). Верхній этажъ, куда вела лѣстница изъ корридора (1) возлѣ отхожаго мѣста (2), состоялъ изъ четырехъ комнатъ.

Рис. 108. представляет намъ планъ дома эдила Пансы въ Помпеяхъ (такъ обыкновенно называютъ его по надписи, найденной у входа); это такъ наз. *insula*, т. е. домъ, окруженный со всѣхъ сторонъ улицами, и одинъ изъ самыхъ громаднѣхъ, хотя размѣры его (100 × 200 футовъ до сада М) не очень значительны.

Изъ улицы, чрезъ небольшое *vestibulum* (обозначенное на планѣ выступами стѣны предъ А), внутреннй порогъ котораго выложенъ мозаическимъ *SALVE*, мы входимъ въ переднюю (*ostium*, А), откуда открытый или одною лишь занавѣсью закрытый входъ ведетъ въ атрій (В). *Vestibulum* (= внѣшнее пространство, преддверье), здѣсь едва замѣтное, въ знатныхъ домахъ въ то время, когда клиентство имѣло нѣкоторое значеніе, составляло важную часть преддомія, занимая предъ самымъ входомъ въ атрій значительную часть того пространства, которое въ нашемъ планѣ выполняетъ передняя А вмѣстѣ съ сосѣдними лавками 1, 1, такъ что съ обѣихъ сторонъ ограничивалось выступами дома. Оно возвышалось надъ улицей обыкновенно на нѣсколько ступеней и, кажется, иногда было даже покрыто и украшено добытымъ оружіемъ, статуями (иногда также бронзовою четвернею лошадей), а если домохозяинъ занималъ высшую должность, то и пучками прутьевъ (*fascēs*). Здѣсь клиенты ждали до тѣхъ поръ, пока не были допускаемы предъ лицо своего патрона.

Въ домахъ обыкновенныхъ гражданъ, равно какъ и въ муниципіяхъ, конечно, не нужно было такого вестибула, и поэтому это пространство употребляли для другихъ цѣлей, обыкновенно для устройства лавокъ (какъ въ нашемъ домѣ), которыя или отда-

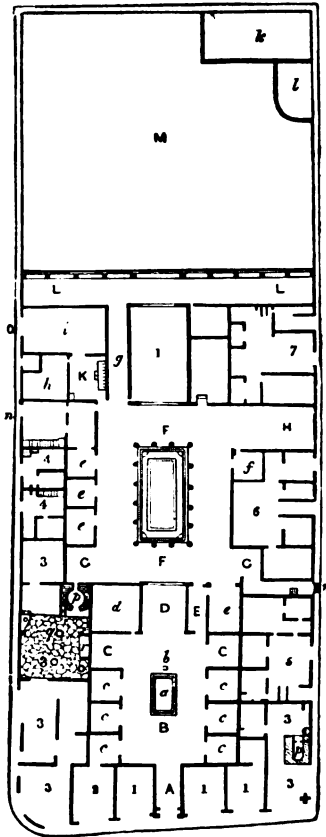

Рис. 108. Планъ дома Пансы въ Помпеяхъ.

вались въ наймы, или же самъ домовладѣлецъ производилъ въ нихъ торговлю (вѣроятно произведеніями своихъ полей, виномъ, масломъ и пр.) при помощи своего раба (*dispensator*), или же, если онъ былъ ремесленникъ, продавалъ въ нихъ свои издѣлія; послѣднее происходило въ нашемъ домѣ въ лавкѣ 2, о чемъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что эта лавка соединена съ атриемъ посредствомъ комнаты с.

Прежде чѣмъ станемъ разсматривать атрій, ознакомимся еще съ устройствомъ входа, называвшагося вообще *ostium*; для нагляднаго представленія мы помѣщаемъ здѣсь нѣсколько допол-

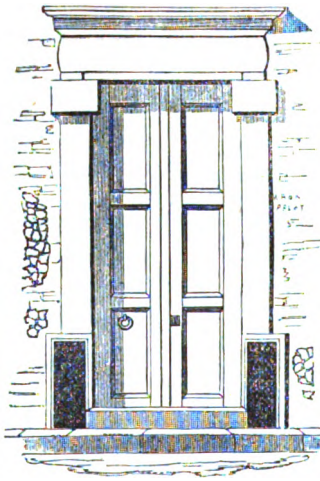

Рис. 109. Дверь (*ianua*) помпейскаго дома.

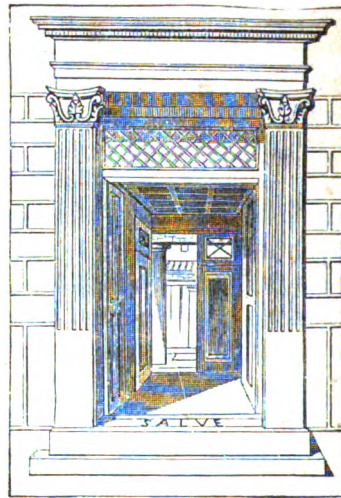

Рис. 110. Видъ (дополненный) входа одного помпейскаго дома.

ненный чертежъ входа одного помпейскаго дома (рис. 110.), гдѣ мы видимъ тотъ-же корридоръ, который въ планѣ обозначенъ буквой А, съ наружною дверью, отворенною внутрь, и съ полуотворенною дверью, ведущею въ атрій. Такимъ образомъ *ostium* тоже, что *πρόθυρον* въ греческомъ домѣ (см. стр. 101).

Дверь (вообще *ianua*, рис. 109.) была, какъ здѣсь, обыкновенно двустворчатая (*fores*, въ противоположность широкимъ, часто складнымъ воротамъ, *valvae*, храмовъ и дворцовъ); въ лавкахъ состояла изъ раздвижныхъ досокъ. Она обыкновенно дѣлалась изъ дерева, иногда обивалась металломъ или вылаживалась слоновою костью, и отворялась внутрь посредствомъ крючьевъ (*sa-*

(lines), находившихся чаще всего въ порогѣ (limen) и притолокѣ (limen superum), сдѣланныхъ изъ мрамора, изъ котораго въ богатыхъ домахъ дѣлались также и косяки (postes). Двери были не во всѣхъ внутреннихъ комнатахъ, потому что достаточно было, какъ еще и теперь на югѣ въ домахъ Турокъ и Арабовъ, однихъ лишь занавѣсей (velum cubiculare). Наружная дверь оставалась днемъ обыкновенно незамкнутою, такъ какъ привратникъ (ianitor) сидѣлъ или въ передней, или въ своей боковой камерѣ (cella ostiaria), такъ что могъ или немедленно доложить о приходѣ гостя, или же незваннаго далѣе не пускать, для чего онъ и былъ вооруженъ

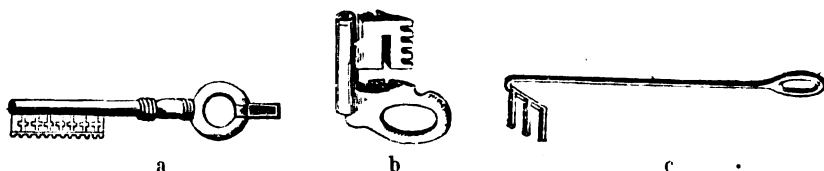

Рис. 111. Помпейскіе ключи.

тростью (virga). Если случалось, что дверь была заперта, то приходившій стучалъ колотушкою (malleus) или кольцомъ, укрѣпленными при двери (приличные люди это дѣлали всегда, даже въ томъ случаѣ, когда дверь не была заперта на замокъ, въ особенности высшіе чиновники, за которыхъ, конечно, это дѣлали ликторы палкою).

Дверь запиралась или посредствомъ задвижекъ, или на замокъ. Обыкновенныя задвижки (pessuli) засовывали отвѣсно въ притолоку и порогъ, по одной за каждую половину дверей; другія (sera) засовывали поперекъ въ косякъ; иногда мѣсто ихъ заступали желѣзные запоры (geragula), висящіе на скобахъ, вдѣланныхъ въ стѣну, и засовываемые въ кольца, прикрѣпленныя къ дверямъ.

Ключи, которыми отпирали двери съ вѣшной и внутренней стороны, равно какъ и замки, были или желѣзные, или бронзовые; ихъ сохранилось большое число въ Помпеяхъ (теперь они находятся въ неапольскомъ музеѣ). Въ большей части ихъ мы не замѣчаемъ большаго отличія отъ обыкновенныхъ нашихъ замковъ и ключей, нѣкоторые же совершенно разнятся отъ нашихъ. Для примѣра мы помѣщаемъ здѣсь (рис. 111.) изображенія трехъ ключей, изъ которыхъ оба меньшіе (a, b) служили для отпиранія меньшихъ замковъ, третій же, длинный (c) для отпиранія замковъ съ крючьями.

По причинѣ ненадежности рабовъ прилагали также печати къ кладовымъ и погребамъ.

Атріѣ (В) вышеупомянутаго дома Пансы есть обширная (47' × 31') зала этрусскаго стиля (*tuscanicum*, см. стр. 108) съ неглубокимъ импльвіемъ (а), за которымъ стоитъ пьедесталь или алтарь (b) домашнихъ боговъ (*lares*); по сторонамъ расположены небольшія комнаты (*cubicula* с, с, с) и такъ называемые флигели (*alae* С, С), которые, составляя часть атрія, были совершенно открыты въ него, тогда какъ названныя комнаты закрывались со стороны атрія дверями (или занавѣсами), освѣщаясь черезъ отверстіе надъ дверями свѣтомъ изъ атрія. Полъ атрія и боковыхъ залъ и комнатъ его какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ лучшихъ помпейскихъ домахъ вполне соотвѣтствовалъ южному климату и дѣлался изъ плитокъ часто весьма дорогой мозаической работы. Какъ видно изъ помпейскихъ домовъ, атріѣ съ теченіемъ времени весьма измѣнился. Въ древнеримскія времена въ атріѣ находился общій очагъ, на которомъ варили и приносили жертвы, и общій столъ; здѣсь ткали и пряли жены съ рабынями; здѣсь принимали кліентовъ и выставляли на убранномъ одрѣ покойниковъ; здѣсь находилась касса домохозяина и *lectus genialis*. Изъ всего этого въ этихъ атріяхъ не осталось уже ничего, что напоминало бы прежнюю жизнь, исключая иногда (какъ въ описываемомъ нами домѣ) очага, гдѣ ларамъ и пенатамъ приносили въ жертву вино и омііамъ, хотя и очагъ былъ обыкновенно переносимъ въ перистиль (см. ниже); вслѣдствіе чего произошло, что атріѣ впоследствии устраивались такъ, какъ мы это видимъ напр. въ Помпеяхъ, а именно съ пространнымъ отверстіемъ (*комплувіемъ*), утверждавшимся на колоннахъ, тогда какъ въ прежнее время, какъ уже выше замѣчено, они гораздо болѣе походили на крытыя избы (съ малымъ отверстіемъ для дыма и дневнаго свѣта). Одни славныя изображенія предковъ (*imagines maiorum*) не уступили нововведеніямъ и до сихъ поръ занимаютъ свои мѣста, конечно только въ домахъ римской знати, а не у муниципальных гражданъ. Во флигеляхъ (*alae*) атріевъ стояли на стѣнахъ храмовидные шкафы (рис. 112.), въ которыхъ помѣщались деревянные бюсты съ восковыми расписанными масками (сдѣланными по гипсовымъ слѣпкамъ съ лица покойника)¹⁾, расположенные и соединенные линіями такъ, что представляли цѣлую родословную, при чемъ на каждомъ изъ нихъ была надпись (*titulus*), гласившая объ имени, достоинствахъ и дѣлахъ

¹⁾ Plin. Н. Н. XXXVI. 12. 153.

покойника. Въ праздники шкафы отворялись (отсюда: *imagines aręige*, Flav. Vorisc. Tac. 19) и изображенія предковъ уграпались вѣнками; при томъ особенныя почести были оказываемы изображеніямъ бывшихъ триумфаторовъ. О томъ, какъ употребляли эти бюсты при похоронныхъ процессіяхъ, см. ниже статью о римскихъ похоронахъ. Богачи, которые не могли выставить длинной родословной, вѣшали на стѣнахъ своихъ атривъ серебряныя и бронзовыя медальоны или круглыя щитки (*clipeatae imagines*) съ рельефными изображеніями знаменитыхъ мужей, императоровъ и т. д. (рис. 113.); граждане же, которые не могли пользоваться дорогими украшеніями атривъ, позволяли себѣ по крайней мѣрѣ помѣщать рисунки одного изъ такихъ бюстовъ, какъ мы это видимъ обыкновенно въ Помпеяхъ.

Рис. 112. Шкафъ съ восковымъ бюстомъ.

Рис. 113. Бюстъ на щитѣ (*clipeata imago*).

Таблинъ (D) нашего дома имѣетъ бѣлый мощный полъ съ черною окраиною, согласно, какъ кажется, существовавшему въ Помпеяхъ обычаю; онъ совершенно открытъ въ атрій и перистиль, возвышаясь надъ ними на двѣ ступени. Таблинъ бываетъ устроенъ обыкновенно самымъ роскошнымъ образомъ; не только стѣны украшены картинами, о родѣ которыхъ мы скажемъ ниже, но и полъ выложенъ мозаическою работою.

Это помѣщеніе, будучи совершенно открыто въ атрій и отдѣлено отъ него одною лишь занавѣсью, можетъ считаться продолженіемъ его; но и отъ перистилия оно не было отдѣлено особою дверью, а только занавѣсью или легко устранимою перегородкою. Не смотря на это, таблинъ все таки не служилъ проходною комнатою, потому что, какъ уже выше нами замѣчено (см. стр. 109), по обѣимъ сторонамъ его обыкновенно шли корридоры (*fauces*) въ перистиль. Въ нашемъ планѣ ведетъ туда только одинъ корридоръ (E), между тѣмъ какъ съ другой стороны таблина находится комната, вымощенная бѣлымъ мраморомъ (d), перегороденная со стороны перистилия только низкою стѣною, и такимъ образомъ какъ бы къ нему относящаяся.

Перистиль (F, F) есть пространный портикъ, аналогичный съ атривомъ (B), только обширнѣе (60' $\times$ 40') и открытѣе его, съ водоемомъ (*piscina*) въ 6 футовъ глубины и небольшоимъ дворомъ

посрединѣ. Спереди онъ расширенъ двумя флигелями (G, G) и небольшою комнатою e, въ которую ведетъ главный входъ изъ перистилля, кромѣ другого болѣе узкаго входа изъ корридора E: это повидимому каморка для дворника (atriensis) или втораго привратника (ostiarus), который легко могъ смотрѣть отсюда за заднимъ входомъ (posticum, при m). Съ лѣвой стороны перистилля идутъ три комнаты (cubicula e, e, e), съ правой — столовая (triclinium) H, съ небольшою комнаткою f для прислуги, музыкантовъ или другихъ людей, которые увеселяли пирующихъ (Vitr. VI. 10). На задней сторонѣ двѣ ступени ведутъ чрезъ широкую дверь въ главную залу дома (oecus) J съ окномъ, выходящимъ въ галерею (porticus, crypta) LL, въ которую можно было войти корридоромъ g какъ изъ

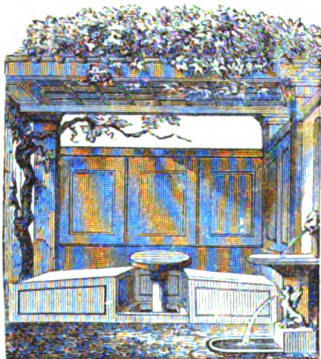

Рис. 114. Лѣтняя столовая (triclinium) съ каменными ложами изъ „Актеонова“ дома въ Помпеяхъ.

спальни (какъ и при атрии), называвшіяся по главному своему назначенію cubicula (иногда также dormitoria, впослѣдствіи и diaetae), а именно лѣтнія (aestiva) и зимнія (hiberna); съ болѣе просторными изъ нихъ соединены были альковы (zothecae) для кровати и переднія (procoetones) для слугъ. 2. Столовые (triclinia), устроенныя часто для болѣе, чѣмъ для трехъ столовыхъ софъ (см. lectus), помѣщавшихся иногда на каменныхъ возвышеніяхъ; онѣ, такъ же какъ и cubicula, двоякаго рода: зимнія, доступныя солнцу, и лѣтнія, не на солнечной сторонѣ.¹⁾ Рис. 114. представляетъ

¹⁾ Сверхъ того Витрувій (VI. 7.) говоритъ также о весеннихъ (tr. verna) и осеннихъ (autumnalia) столовыхъ, обращенныхъ къ востоку для того, чтобы не мѣшало пополуденное солнце.

намъ небольшую лѣтнюю столовую съ каменными софами и двумя водометами. 3. Залы (оесі) разныхъ стилей, простыя коринтскія о четырехъ колоннахъ и болѣе того, или болѣе изящныя египетскія, раздѣленныя двумя рядами колоннъ на три корабля съ возвышающеюся серединою, какъ въ базиликахъ, или же наконецъ кизикенскія, входящія обыкновенно глубоко въ садъ, съ окнами, идущими до пола, такъ что съ трехъ сторонъ представлялся свободный видъ на зелень. И эти залы служили для римскихъ богачей столовыми, въ особенности при пирахъ. 4. Гостиныя (exedrae), комнаты, доступныя солнцу и широко открытыя въ перистиль, съ каменными сидѣньями вокругъ (ср. экседры гимназій и термъ). Полы гостиныхъ и столовыхъ бывають весьма изящны; упомянемъ только о славной мозаической работѣ, украшавшей полъ экседры одного помпейскаго дома (носящаго теперь названіе Casa del Fauno) и изображающей побѣду Александра надъ Даріемъ въ битвѣ при Иссъ. Произведеніе это отличается такимъ совершенствомъ концепціи и техники, что изъ всей древности мы не имѣемъ ничего болѣе изящнаго въ этомъ родѣ; работа же до того тонка, что на каждый квадратный дюймъ приходится по 150 разноцвѣтныхъ маленькиихъ кубиковъ. Будучи открыто въ 1831 году, оно только и дало вѣрное понятіе о высокой степени развитія античной живописи. 4. Картинная галлерей (pinacotheca), конечно только въ богатѣйшихъ домахъ и только въ послѣднее время республики, когда Римляне стали заботиться болѣе о своемъ частномъ, нежели объ общественномъ блескѣ; ихъ устраивали на сѣверной сторонѣ, чтобы солнце не портило красокъ. Картины были писаны на деревянныхъ доскахъ (tabulae), которыя или вѣшали на стѣнахъ, или вдѣлывали въ стѣны, хотя упоминается также о живописи на полотнѣ (in textili, Cic. Ver. IV., 1.). 5. Точно также и библіотеки (bibliotheca, см. ниже книжное дѣло у Римлянъ) находились только въ богатѣйшихъ домахъ. 6. Бани (balinea) въ позднѣйшее время рѣдко находились въ частныхъ, и притомъ только въ самыхъ богатыхъ домахъ и при виллахъ; въ городахъ, даже незначительныхъ, этой необходимой потребности удовлетворяли публичныя бани (см. ниже).

Посрединѣ перистилия мы встрѣчаемъ очень часто резервуары или piscины, а сверхъ того иногда также небольшой садикъ (viridarium), въ особенности если при домѣ не было другого; въ домѣ же Пансы имѣется за портикомъ LL особый садъ М для разведенія (какъ подтверждается грядами, которыя были

найлены при открытіи) овощей, который орошался изъ резервуара К водою, протекавшей изъ ямы l, куда вели ее посредствомъ свинцовыхъ трубъ¹⁾. Также и въ изящнѣйшемъ помпейскомъ домѣ (casa del Fauno) за перистилемъ находится садъ, окруженный двухъ-этажною галлереею (о 44 колоннахъ) и образующій еще другой перистиль.

Такимъ образомъ мы прошли помѣщенія нижняго этажа, гдѣ жилъ хозяинъ съ семействомъ; но сверхъ того въ нижнемъ, а также

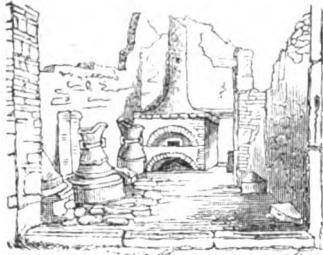

Рис. 115. Пекарня въ домѣ „Паисы“ въ Помпеяхъ.

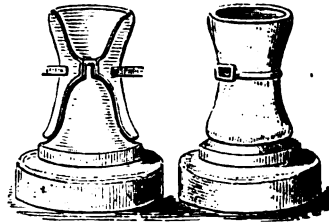

Рис. 116. Два жерновыхъ камня изъ того-же дома.

и въ верхнемъ этажѣ того-же дома находятся разныя торговныя лавки (tabernae) и комнаты, которыя домовладѣлецъ отдавалъ въ наймы, и которыя поэтому не имѣли никакого сообщенія съ домомъ (cenacula meritoria). О помѣщеніяхъ на фасадной сторонѣ (1, 1, 1, 2) мы уже упомянули на стр. 111 и 112. Отдѣленія 3 3 3 3. идущія на лѣвой сторонѣ до перистыля, заключаютъ въ себѣ цѣлый пекарный заводъ; переднія изъ нихъ служили, какъ кажется, лавками, среднее, означенное на планѣ, какъ помость, есть мельница съ толчею (pistrinum), съ тремя круглыми ручными мельницами (moetrinae, molaе), съ доскою для приготовленія тѣста на каменномъ фундаментѣ (r), съ резервуаромъ для воды въ лѣвомъ углу и съ печью p (въ нашемъ чертежѣ по ошибкѣ открыто въ перистиль). Должно замѣтить, что въ древнія времена какъ мельницы²⁾, такъ и печь составляли необходимую принадлежность домашняго хозяйства; ибо хлѣбъ пекли дома, какъ было въ обычаѣ и внослѣдствіи еще въ богатѣйшихъ домахъ и въ де-

¹⁾ При нѣкоторыхъ римскихъ дворцахъ бывали также парки, что особенно возвышало ихъ цѣну. Такъ напр. Аттікѣ имѣлъ на Квириналѣ домъ съ паркомъ (Согр. Нер. Att. 13.).

²⁾ Уже Витрувій упоминаетъ также о водяныхъ мельницахъ.

ревнѣ, тогда какъ бѣдные люди въ городѣ покупали его у пекарей. Помѣщаемъ здѣсь на рис. 115. изображеніе этой пекарни и мельницы въ теперешнемъ ихъ состояніи, а на рис. 116. изображеніе двухъ жерновыхъ камней, изъ которыхъ лѣвый представленъ въ разрѣзѣ, такъ что изъ него легко можно узнать устройство обоихъ жернововъ, верхняго (catillus) и нижняго (meta), правый же изображенъ въ профиль.

Подобнымъ образомъ торговыми лавками служили, какъ кажется, и помѣщенія 4, 4, къ которымъ принадлежали комнаты въ верхнемъ этажѣ, на что указываетъ лѣстница, ведущая изъ лавокъ вверху. Помѣщенія (3, 3) на правой сторонѣ дома, гдѣ находился покрытый сводомъ очагъ (p) и возлѣ него резервуаръ для воды, могли служить лавкою и гончарною мастерскою. Остаются на этой сторонѣ еще три помѣщенія (5, 6, 7), каждое о нѣсколькихъ комнатахъ; это были квартиры наемщиковъ (inquilini). Хотя комнаты эти очень тѣсны, но жильцы, ихъ занимавшіе, были, кажется, не бѣдны; это видно изъ того обстоятельства, что въ комнатахъ № 7 найдены четыре женскихъ скелета съ золотыми драгоценностями и серебряными монетами. — Прежде чѣмъ снизу взойдемъ въ верхній этажъ, упомянемъ еще о погребѣ помпейскаго дома. Собственно погребовъ (hypogaea, arogaea) въ нашемъ смыслѣ въ Помпеяхъ не было; для древнихъ достаточно было полуподземныхъ, къ сѣверу расположенныхъ холодныхъ избъ, гдѣ хранились въ пескѣ амфоры съ виномъ.

Верхній этажъ (tabulatum), устроенный обыкновенно только надъ перистилемъ, а иногда (если это было возможно) также надъ атриемъ, заключалъ въ себѣ главнымъ образомъ спальни для семейства и прислуги (cellae familiares, familiaricae), а также столовая, отчего верхнія комнаты и называются вообще *senacula*; сверхъ того здѣсь находились, какъ уже выше нами замѣчено, также комнаты для найма, соединенныя съ нижними лавками. Верхній этажъ выступалъ иногда въ видѣ крытыхъ балконовъ (maenianum)¹⁾ далеко на улицу и имѣлъ часто плоскія крыши (solaria, какія еще и теперь въ обычаѣ въ южной Италіи), украшенныя цвѣтами и деревьями, посаженными или въ горшкахъ или въ насыпанной здѣсь землѣ. Наемные римскіе дома (insulae) имѣли

¹⁾ Нерѣдко упоминаемыя pergulae суть, подобно maeniana'мъ, верхніе выступы или вышки дома; однако это названіе носятъ также нижнія избы и лавки, выступающія нѣсколько на улицу (Plin. Н. Н. XXXV., 10, 36).

нѣсколько этажей, одинъ надъ другимъ, въ которыхъ вели лѣстницы отчасти изнутри, и, для удобства жильцовъ, отчасти также извнѣ. ¹⁾ Эти высокіе дома назывались *turres* (ср. греч. *πύργοι*); верхніе этажи ихъ строились легкіе, только изъ дерева, на что указываетъ уже самое названіе ихъ *tabulata, contignationes*.

Рис. 117. Разрѣзъ одного геркуланскаго дома.

Для нагляднаго представленія верхняго этажа, мы помѣщаемъ здѣсь (рис. 117.) разрѣзъ одного геркуланскаго дома, сдѣланный тотчасъ послѣ открытія, потому что гнилая верхняя часть его немедленно должна была быть снята. Мы видимъ здѣсь разрѣзъ атрия (А), между колоннами котораго найдены были желѣзныя

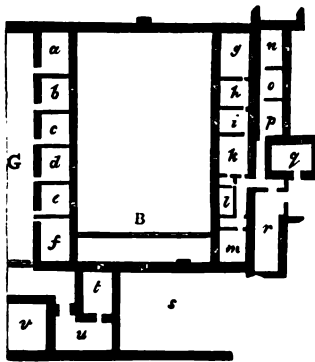

Рис. 118. Планъ верхняго этажа геркуланскаго дома (на рис. 117.).

проволоки и кольца для привѣшиванія занавѣсей. Надъ крышею атрия (В) поднимался верхній этажъ, планъ котораго прилагается (рис. 118.). Этотъ этажъ заключалъ въ себѣ 12 комнатъ (*сепасула, а-т*), изъ которыхъ 6 имѣли выходъ на террасу въ садъ G; окна же всѣхъ комнатъ выходили въ атрий, какъ это видно и въ разрѣзѣ. Другой рядъ меньшихъ комнатъ (п-г) имѣлъ окна, выходившія на улицу. Остальныя комнаты (s-v) были отдѣлены отъ предъидущихъ, по всей вѣроятности, женскою половиною. Окна подъ крышею атрия, какъ видно, обращены внутрь, такъ вообще было и во всѣхъ комнатахъ, въ которыхъ жили домашніе; были, однако, хотя и рѣдко, также окна, выходящія на улицу. Въ томъ именно и заключается самая главная разница между нашимъ домомъ и древнимъ, что нашъ домъ

обращены внутрь, такъ вообще было и во всѣхъ комнатахъ, въ которыхъ жили домашніе; были, однако, хотя и рѣдко, также окна, выходящія на улицу. Въ томъ именно и заключается самая главная разница между нашимъ домомъ и древнимъ, что нашъ домъ

¹⁾ И эти отдѣльныя части дома носили названіе *insulae* (то-же, что у Грековъ *συνικία*). Отсюда дѣлается яснымъ, почему въ Римѣ упоминается о 1780 домахъ при 44000 инсулъ. Подобнымъ образомъ теперь считаютъ въ Неаполѣ болѣе 40,000 номеровъ (В. Gallus II° 178).

открытъ болѣе наружу, такъ что самыя главныя части его обращены на улицу, тогда какъ римскій домъ сосредоточивался внутрь и отдѣлялся отъ вишняго свѣта. Здѣсь удобно будетъ сказать нѣсколько словъ объ устройствѣ оконъ позднѣйшихъ временъ, потому что въ древности, за недостаткомъ прозрачной матеріи, вообще довольствовались одними лишь небольшими отверстиями. Окна были или въ родѣ жалюзи, или въ родѣ нашихъ оконъ съ деревяннымъ (или металлическимъ) переплетомъ и съ листами изъ слюды (*lapis specularis*) или также изъ стекла; въ Помпеяхъ найдено по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ (напр. въ загородной виллѣ, *villa suburbana* и т. д.) стекляныя окошки изъ литаго крѣпкаго и матоваго стекла, что вполне согласно съ развитіемъ приготовленія стекла

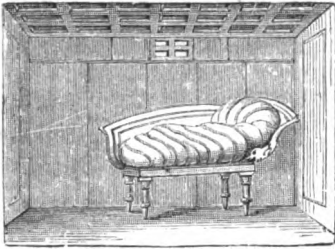

Рис. 119. Комната (*cubiculum*) съ окошкомъ.

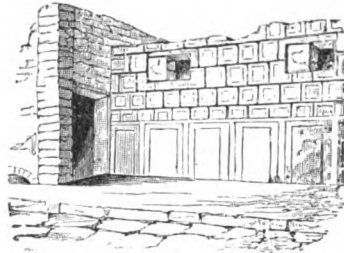

Рис. 120. Два окна на улицу въ домѣ трагическаго поэта.

во времена имперіи (см. ниже).¹⁾ Само собою разумѣется, что такія окна были только въ богатѣйшихъ домахъ; бѣдные люди довольствовались какою нибудь другою сколько нибудь прозрачною матеріею, какъ напр. пузыремъ или густою плетенкою. Рис. 119. взятый изъ ватиканскаго Вергилія, представляетъ намъ небольшую спальню съ рѣшетчатыми окнами (*fenestrae clathratae*), а рис. 120. — окна на улицу въ домѣ трагическаго поэта въ Помпеяхъ. Размѣръ послѣднихъ 2×3 фута; по сторонамъ видны еще рамы, въ которыя, когда нужно было отворить окна, засовывали ставни.

Наконецъ обратимъ вниманіе еще на крышу. Она была, какъ уже выше нами замѣчено, обыкновенно плоская, но иногда также, подобно нашимъ, двускатная (*pectinata*) съ фронтонами съ обѣихъ узкихъ сторонъ, ровными, безъ углубленія по срединѣ (въ про-

²⁾ Еще въ XIV вѣкѣ не пользовались подобнымъ удобствомъ даже короли въ своихъ дворцахъ.

живописность крышъ храмовъ и царскихъ дворцовъ); другого рода крыши имѣли скать въ четыре стороны, *tectum testudinatium*. Крыша въ древнія времена дѣлалась изъ соломы и драни, *scandula* (такъ было въ Римѣ до 3 стол. до Р. Хр.), впоследствии изъ кирпича, о которомъ мы упомянули выше на стр. 108, на дворцахъ же и храмахъ — изъ мѣди.

Ознакомивъ читателя съ устройствомъ всѣхъ частей дома, мы добавимъ еще кое-что о нѣкоторыхъ украшеніяхъ и убранствѣ комнатъ, представляя еще на рис. 121. планъ, а на рис. 122. довольно вѣрно дополненный видъ внутренней части одного изъ наиболѣе изящно убранныхъ помпейскихъ домовъ, о которомъ по

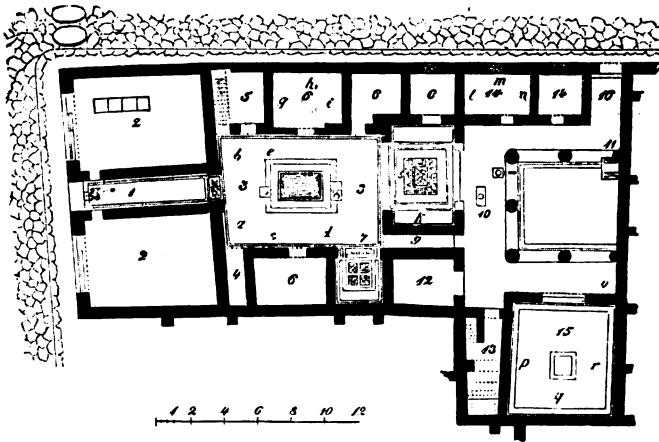

Рис. 121. Планъ дома трагическаго поэта въ Помпеяхъ.

разнымъ, хотя и недостаточнымъ даннымъ, думали, что онъ принадлежалъ какому нибудь поэту, почему и называютъ его обыкновенно домомъ трагическаго поэта. Спереди мы видимъ на планѣ по обѣимъ сторонамъ входа (1) торговыя лавки (2), затѣмъ атрий (3), выложенный бѣлымъ мраморомъ, съ небольшимъ импльвиемъ, а за этимъ колодезь, съ круглымъ небольшимъ барьеромъ (*puteal*) на подобіе алтаря; часто вмѣсто колодца находился въ атриіи освѣжающій водометъ (рис. 123.), какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ помпейскіе дома (ср. Verg. VIII. 22). Помѣщенія вокругъ атрия суть: *latrina* (4), каморка для слуги (5), комнаты и спальни для гостей (6).

Стѣны атрия и смежныхъ комнатъ украшены картинами въ разноцвѣтныхъ поляхъ, изъ которыхъ видна одна справа (при d,

представляющая Хрисеиду, уводимую на корабль, по Гом. Ил. I. 310). Таких картинъ было ¹⁾ здѣсь на стѣнахъ атрія болѣе десяти; изъ нихъ самыя замѣчательныя представляютъ Ахилла, выдающаго Брисеиду посламъ Агамемнона (при с, по Гом. Ил. I. 345 и слѣд.), и Зевса съ Герою (при а, по Гом. Ил. XIV); изъ менѣе знаменитыхъ назовемъ еще картины „Фриксъ и Гелла“ (при h) и „Похищеніе Европы“ (при g).

Съ правой стороны атрій расширенъ однимъ флигелемъ (ala, 7) съ красивою мозаикою изъ черныхъ и бѣлыхъ частичекъ. Входъ въ перистиль на нашемъ изображеніи граверъ оживилъ слугою,

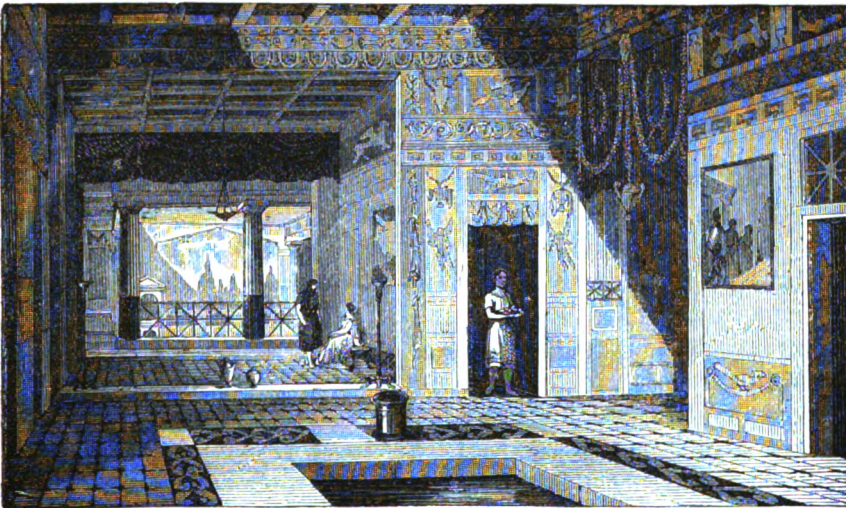

Рис. 122. Внутренность дома трагического поэта въ Помпеяхъ.

приходящимъ оттуда, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы подать что нибудь освѣжительное лицамъ, бесѣдующимъ въ таблинѣ (8), изъ коихъ сидящая на ереслѣ госпожа повидимому пришла съ визитомъ. Правая стѣна таблина (при k), гдѣ мы видимъ обоихъ бесѣдующихъ, украшена незначительною картиною, представляющею Адмета и Алкестиду, полъ же — превосходною мозаическою работою, такъ наз. „театральною репетиціею“ (рис. 124.), объясненіе которой мы даемъ ниже въ статьѣ о театральныхъ костюмахъ. Черезъ не закрытый на рисункѣ таблинѣ

¹⁾ Лучшія картины и мозаики были срѣзаны со стѣнъ и вынуты изъ пола и взяты въ неапольскій музей.

виденъ позади перистиль (10), а въ лѣвомъ углу небольшая часовенка домашнихъ боговъ (11, *sacragium*, *laragium*), составлявшая необходимую принадлежность всякаго дома; въ ней

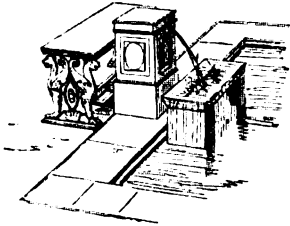

Рис. 123. Водометъ изъ атрія дома „Нерендъ“ въ Помпеяхъ.

стояли статуйки даровъ и пенатовъ и нѣкоторыхъ другихъ божествъ, преимущественно почитаемыхъ семействомъ.¹⁾ Въ комнатахъ, выходящихъ въ перистиль (на нашемъ рисункѣ не видныхъ; это: спальня 14, столовая зимняя 12 и лѣтняя 15), находятся тоже картины; изъ нихъ замѣчательна въ особенности одна на задней стѣнѣ перистіля, при о. не столько по своей технике, сколько по своей композиціи; это „жертвоприношеніе Ифигеніи въ Авлидѣ“, которое, безъ сомнѣнія, сдѣлано въ подражаніе картинѣ Тиманеа. Упомянемъ наконецъ объ остальномъ устройствѣ римскихъ домовъ; прежде всего обратимъ вниманіе на

1. стѣны комнатъ, залъ, портиковъ и т. д. Штукатурку сначала просто бѣлили; только подъ конецъ республики начали выкладывать стѣны мраморными плитами (*crustae*, см. исторію архитектуры стр. 132.) и украшать въ особенности живописью, которая замѣняла древнимъ не только наше раскрашиванье комнатъ и обои, но обыкновенно также наши стѣнные картины. Усовершенствованная техника прибавила къ четыремъ колерамъ, которые употребляли при своихъ произведеніяхъ знаменитые греческіе живописцы, какъ напр., по словамъ Цицерона (*Brut.* 18), Апеллесъ, (эти колера были: бѣлый мелосскій, *cerussa*; красный каппадокійскій, *rubrica*, *minium*; желтый аттичeskій, *sil* и черный, *atramentum*) еще нѣсколько другихъ (какъ-то: зеленый, *chrysocolla*; пурпуровый, *purpurissum*; кубовый, *indicum*; синій, *caeruleum* изъ Александріи или Путеоль). Картины писали:

1. на свѣжей штукатуркѣ (*al fresco*, *in udo tectorio*), состоящей изъ нѣсколькихъ, къ поверхности все болѣе тонкихъ слоевъ. и притомъ довольно толстой, такъ что, когда верхній слой былъ уже расписанъ, нижніе, еще сырые слои, испаряясь, придавали верхней краскѣ нѣкотораго рода тонкую глазурь и прочность, благо-

²⁾ *Laragium maius* и *secundum* были у Александра Севера; въ первомъ онъ помѣстилъ *divos principes sed optimos electos et animas sanctiores, in quis Apollonium . . . Christum, Abraham et Orpheum, ac maiorum effigies, въ послѣднемъ — Вергилія, Платона, Цицерона, Ахилла et magnorum virorum* (*Ael. Lampr. Alex. Sev.* 29. и 31.).

даря которымъ эта краска не терѣла даже отъ обтиранія стѣнъ губками и возбуждаетъ еще и теперь наше удивленіе ¹⁾; этотъ способъ писанія красками, напр. въ Помпеяхъ, самый обыкновенный. Другой способъ живописи это 2. а *tempera*, когда расписывали сухую или первымъ способомъ уже окрашенную стѣну красками, разведенными съ липкою массой, чему примѣровъ встрѣчаемъ въ Помпеяхъ довольно мало. 3-ій способъ, такъ наз. энкавстика, состоятъ въ живописи красками, смѣшанными съ клеємъ или воскомъ, и разведенными какимъ нибудь жидкимъ масломъ; такія краски накладывали на стѣны при помощи горячаго желѣза, наводя притомъ посредствомъ того-же прибора и разныя тѣни; слѣды

Рис. 124. Театральная репетиція (мозаической работы).

этой живописи, бывшей въ употребленіи у древнихъ только на деревѣ, незамѣтны на стѣнахъ въ Помпеяхъ. ²⁾ Что касается до способа расписыванія стѣнъ, то мы находимъ, что онѣ раздѣлены обыкновенно на три полосы, изъ которыхъ нижняя темна, верхняя (фризъ) свѣтла, средняя же представляетъ собою большія поля чередующихся цвѣтовъ, напр. краснаго и чернаго, краснаго и желтаго, бураго и желтаго и т. д., отдѣленные одно отъ другого арабесками. Эти поля составляли фонъ и были украшаемы картинами всеѣхъ тѣхъ родовъ живописи, которые перечисляетъ Витрувій (VII. 5).

¹⁾ Объ этой техникѣ говорить, какъ основательный знатокъ, Витрувій (VII. 3, 5—11) и послѣ него Анонимъ (*De div. fab. arch* XXII.) и Палладій (I. 15.).

²⁾ Overbeck *Pompeji* II² 180—183. Это подтверждается и новѣйшими изслѣдованіями живописца О. Доннера (см. введеніе къ сочиненію Helbig'a: *Untersuchungen über die Campanischen Wandmalereien*).

Тут кромѣ украшеній, составляющихъ подражаніе мраморнымъ плиткамъ и карнизамъ, мы находимъ: 1. архитектурные виды, т. е. стѣны, портики и т. д.; 2. драматическія сцены — трагическія, комическія и сатирическія; 3. ландшафты (topia, рис. 125.), какъ-то: гавани, мысы, берега, рѣки, водопроводы, храмы, рощи, холмы, стада съ пастухами и пр. (изобрѣтателемъ ландшафтной живописи былъ по Плинію, Н. Н. XXXV. 37., S. Tadius, ¹⁾ жившій при Августѣ); 4. мегалографію, т. е. историческую живопись. Картины послѣдняго рода въ Помпеяхъ самыя драгоценныя и самыя разнообразныя; онѣ представляютъ боговъ, сцены изъ богатыхъ греческихъ мифовъ и сказаній, въ особ. изъ Иліады и Одиссея, какъ

Рис. 125. Образчикъ ландшафтной живописи въ Помпеяхъ.

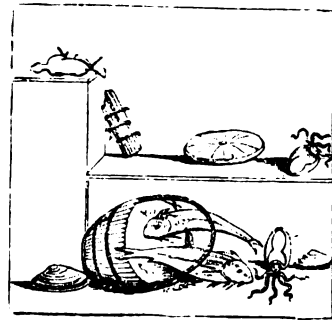

Рис. 126. Образчикъ жанра въ Помпеяхъ.

мы уже видѣли въ домѣ описанномъ выше (стр. 123). Вообще же наиболѣе извѣстны изображенія танцовщицъ. Кромѣ этихъ приведенныхъ Витрувіемъ родовъ живописи, мы встрѣчаемъ здѣсь еще такъ наз. genre (*óαπογραφία*, рис. 126.) ²⁾, представляющій сцены изъ домашней жизни и съѣстные предметы (рыбъ, овощи, домашнихъ птицъ и т. д.).

Кромѣ живописи, стѣны, особенно атривей, украшали еще рельефными изображеніями (*clipeatae imagines*) ³⁾; см. выше атрій

¹⁾ По правдоподобию чтенію Ulrichs'a и L. Jan-a (изд. Тейбнера), вмѣсто прежняго Ludius по рук. Бамб.

²⁾ Цицеронъ (Att. XV. 16) означаетъ этимъ словомъ также предметы, приведенные подъ № 3.

³⁾ О подобныхъ выпуклыхъ изображеніяхъ, вдѣлываемыхъ въ стѣны, какъ-то, говоритъ Цицеронъ (Att. I. 10.). Въ Помпеяхъ найдены были также картины, писанныя первоначально на доскахъ изъ толченаго мрамора и гипса и послѣ вдѣлываемыя въ стѣны. (Helbig, Wandgem. Campaniens I.XIV. и т. д.).

стр. 115. Картинами на деревѣ (*tabulae*) украшали, но ихъ слишкомъ высокой цѣнѣ, обыкновенно только храмы и публичныя зданія, богатые же люди помѣщали ихъ только въ пинакотекахъ. Кромѣ картинъ украшали стѣны также зеркалами, что, однако, вошло въ обычай только впоследствии, во времена имперіи.

2. Потолокъ, состоявшій первоначально изъ простыхъ балокъ, положенныхъ одна возле другой, и обшитый досками, принялъ болѣе изящную форму, когда балки начали класть однѣ поперекъ другихъ, отчего образовывались квадратныя углубленія (*lacunaria*) или кассетоны, послѣ искусно вырѣзываемые и выкладываемые; эту форму принялъ впоследствии также каменный потолокъ и сводъ

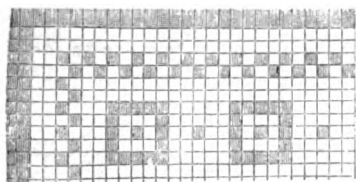

Рис. 127. Помостъ изъ кубиковъ (*pavimentum tessellatum*).

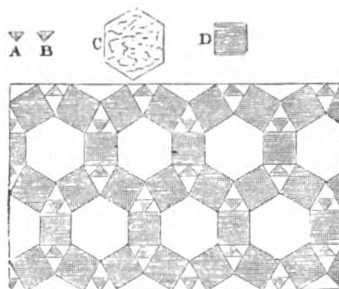

Рис. 128. Образчикъ рѣзного помоста (*p. sectile*).

(послѣднее мы встрѣчаемъ напр. въ Панѳеонѣ, стр. 33.). Золото и слоновую кость употребляли для этой цѣли во времена имперіи и въ частныхъ домахъ, тогда какъ предъ тѣмъ, со времени разрушенія Карѳагена, золотили только потолоки храмовъ, а именно впервые капитолійскаго. — О столовыхъ римскихъ богачей говорится, что въ нихъ потолоки иногда устраивались такъ, что ихъ вдругъ, сверхъ ожиданія пирующихъ, можно было раскрывать и черезъ нихъ на обручахъ спускать духи и вѣнки (см. ниже, въ статьѣ о римскомъ пирѣ, Петроніево описаніе Трималхіонова пиршества); говорится также и о нѣсколькихъ подвижныхъ потолокахъ, которые мѣнялись во время пира (*Sen. Ep. 90., Suet. Nero 31.*). Подобно стѣнамъ и потолоку, стали съ теченіемъ времени роскошно украшать также

3. полъ. Первоначально дѣлали полъ просто изъ утрамбованной глины (но никогда изъ деревянныхъ досокъ); впоследствии стали примѣшивать къ глинѣ, прежде чѣмъ трамбовали ее, также куски кирпича (*opus signinum*); наконецъ настилали весь полъ кир-

ничемъ и лещадками (pavimentum testaceum), или же наконецъ, мраморными плитками (solum marmoreum), а именно — или квадратными, разнообразно составляемыми, то большими (opus quadratarium), то меньшими (pav. tessellatum, рис. 127.) или рѣзными, треугольными и шестиугольными (opus sectile, pav. sectile). Прекрасный образецъ послѣдняго рода пола даетъ рис. 128., гдѣ треугольниками (А, В) сдѣланы изъ серпентина, шестиугольниками (С) изъ разноцвѣтнаго мрамора, а четырехугольниками (D) изъ краснаго порфира. Изъ однихъ лишь треугольничковъ составленъ порогъ рис. 129. Особенный, весьма искусный родъ рѣзнаго помоста былъ такъ наз. александрійскій полъ

Рис. 129. Порогъ изъ рѣзнаго помоста.

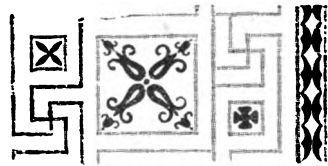

Рис. 130. Образецъ мозаическаго, такъ наз. александрійскаго пола въ Помпеяхъ.

(opus alexandrinum), образчики котораго составлены были изъ двухъ цвѣтовъ на бѣломъ фонѣ, напр. чернаго и краснаго, какъ мы видимъ это въ одномъ помпейскомъ домѣ (см. рис. 130.).

Полы, мощеные по одному изъ упомянутыхъ здѣсь образцовъ, встрѣчаются почти во всѣхъ помпейскихъ домахъ. Изыщнѣе были мозаические полы, состоявшіе изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ частичекъ мрамора, стекла и даже дорогихъ камней, которыя вставляли въ мастику, а когда эта отвердѣвала, то ихъ шлифовали; изъ нихъ же нерѣдко составляли картины весьма искусной работы. Этотъ способъ мощенія называется у Грековъ, у которыхъ онъ впервые появился (будучи принесенъ къ нимъ изъ Азіи) во времена Александра В., *λιθόστρωτον*, у Римлянъ же, заимствовавшихъ его, по свидѣтельству Плинія, отъ Грековъ въ I-ю столѣтію до Р. Хр., носить названіе *opus musivum*, *op. vermiculatum* (т. е. состоящій какъ будто изъ однихъ лишь червячковъ). Нѣкоторые предметы этой „каменной живописи“ мы здѣсь приводимъ на рисункахъ, а именно: цѣпную собаку у входа дома „трагическаго поэта“ (см. рис. 131., на планѣ при 1), далѣе голубку (рис. 132.) работы, впрочемъ, не особенно тонкой, наконецъ вѣнокъ, сложенный изъ разныхъ плодовъ, цвѣтовъ и двухъ трагическихъ масокъ (рис. 133.), превосходной

работы: Другіе предметы, представленныя такимъ-же образомъ, суть: состязанія атлетовъ, ристанія въ циркѣ, музыкальные инструменты и проч.

До какой степени совершенства древніе дошли въ этой области искусства, объ этомъ свидѣтельствуютъ упомянутыя выше (стр. 117 и 123) мозаическія работы: театральная ренетиція и битва при Исѣ. Древніе упоминаютъ съ величайшею похвалою о двухъ мозаическихъ произведеніяхъ въ пергамскомъ дворцѣ работы художника Соса, а именно о „неметеной залѣ“ (*οἶκος ἀσάρωτος*),

Рис. 131. Цѣпная собака мозаической работы (изъ кубиковъ) въ помпейскомъ домѣ.

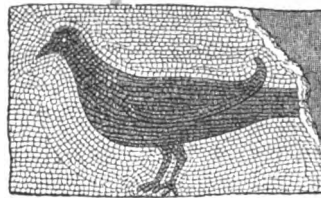

Рис. 132. Образчикъ работы изъ кубиковъ.

названной такъ потому, что художникъ изобразилъ въ ней куски и крохи, разбросанныя по столовой, и затѣмъ о „голубкахъ“, сидящихъ на краю блюда, наполненнаго водою, изъ которыхъ одна, нагибаясь, чтобы напиться, затѣняла воду своей головою, тогда какъ другія двѣ грѣлись на солнцѣ. Въ оригиналѣ эти мозаики до насъ не дошли, а сохранились только двѣ копія съ послѣдняго

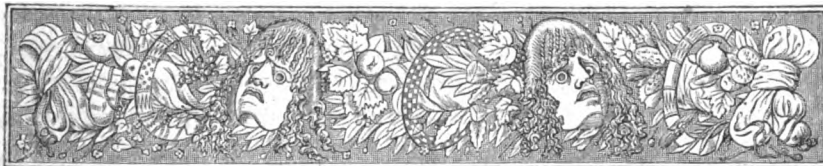

Рис. 133. Кубическій порогъ изъ атрія „Фаунова“ дома въ Помпеяхъ.

произведенія, одна изъ бывшей виллы Гадріана у Тибура (теперь она въ капитолійскомъ музеѣ), а другая въ Помпеяхъ. Мы должны еще замѣтить здѣсь, что мозаическими работами изукрашены въ Помпеяхъ не только полы, но и ниши часовенекъ (или лараріевъ) и колодцевъ, иногда также колонны, въ послѣднія же времена имперіи даже стѣны и своды; такъ сохранились нѣкоторыя мозаики изъ христіанскихъ временъ въ древнѣйшихъ римскихъ

перквахъ, напр. въ триумфальной аркѣ амвона въ базиликахъ св. Павла „за стѣнами“ (за воротами св. Павла, прежде остійскими) и въ S. Maria Maggiore изъ V столѣтія.

Въ концѣ этой статьи объ устройствѣ римскаго дома мы должны упомянуть также о томъ, какъ производилась топка. Первоначально, какъ выше сказано, топили и варили въ атрии на очагѣ, при чемъ дымъ выходилъ черезъ дверь и отверстіе въ потологѣ. Когда же домъ расширился (и кухня изъ атрия перенесена была въ заднюю часть дома), тогда должны были подумать объ удобномъ нагрѣваніи его, не столько въ южной Италіи (и конечно также въ Греціи и Сициліи), сколько въ средней и сѣверной. Въ Помпеяхъ напр. мы встрѣчаемъ печи съ дымовыми трубами только въ баняхъ (въ префурній, откуда разводили теплый воздухъ во всѣ стороны посредствомъ трубъ) и въ пекарняхъ, но въ частныхъ домахъ нигдѣ не найдено ни печей, ни дымовыхъ трубъ, потому что въ тамошнемъ умѣренномъ климатѣ зимою достаточно было или солнечной теплоты, приобрѣтаемой въ жилыхъ комнатахъ удобнымъ ихъ расположеніемъ противъ солнца, или же — въ нѣкоторые особенно холодные дни — нагрѣванія посредствомъ подвижныхъ бронзовыхъ или желѣзныхъ печекъ (изображеніе ихъ см. при кухонной посудѣ), въ которыхъ, во избѣжаніе дыма, топили древеснымъ углемъ. Но такъ какъ дымовыя трубы были извѣстны древнимъ (это видно въ Помпеяхъ), то мы можемъ смѣло утверждать, что древніе, гдѣ оказывалось это нужнымъ, какъ напр. въ средней и сѣверной Италіи, пользовались ими для проведенія дыма изъ очага также въ комнатахъ, еслибы даже писатели ничего не упоминали объ очагахъ съ дымовыми трубами (такъ напр. Светоній: Vitellius, 8). Кромѣ того, во времена имперіи, комнаты отоплялись иногда также теплымъ воздухомъ (какъ и бани), проводимымъ изъ нижней печи (hypocaustum, см. бани стр. 65) посредствомъ трубъ подъ полами (suspensura) и въ стѣны (Plin. Ер. II. 17.).

28. Когда такимъ образомъ мы ознакомились съ устройствомъ греческаго и римскаго дома, не будетъ бесполезно сравнить ихъ между собою и съ нашимъ нынѣшнимъ домомъ и прибавить нѣсколько словъ объ исторіи архитектуры частныхъ построекъ у Римлянъ, причемъ намъ представится удобный случай упомянуть, въ видѣ добавленія, въ нѣсколькихъ словахъ о постройкѣ дворцовъ въ послѣднія времена республики и при императорахъ.

Греческій и римскій дома имѣютъ между собою сходство въ томъ, что тотъ и другой состоятъ изъ частей (обычн. двухъ), расположенныхъ

одна за другою, около которыхъ находятся всё остальные помѣщенія, съ тою лишь разницею, что эти двѣ части въ греческомъ домѣ — два перистиля или дворика, тогда какъ въ римскомъ домѣ одна изъ нихъ — атрий, Грекамъ совсѣмъ неизвѣстный; далѣе они сходны въ томъ, что части дома помѣщаются обыкновенно внизу (за исключеніемъ наемныхъ домовъ, *insulae*, въ большихъ городахъ) и не поднимаются вверхъ въ видѣ этажей; наконецъ еще и въ томъ, что передняя половина римскаго дома отведена для мужчинъ и гостей, задняя же для жены и семейства, хотя у Римлянъ это отдѣленіе мужской части отъ женской не столь строго, какъ у Грековъ. Этимъ же всѣмъ древній домъ отличается и отъ нашего, а сверхъ того еще и болѣшимъ числомъ отдѣльныхъ помѣщеній. Такъ напр. извѣстный намъ домъ Пансы въ Помпеяхъ имѣетъ на пространствѣ въ 200 футовъ длины и 100 футовъ ширины 60 (!) разныхъ помѣщеній, тогда какъ нынѣшній архитекторъ, сообразуясь съ нашими потребностями, могъ бы устроить ихъ не болѣе 20. Причины этого должно искать въ томъ, что Римлянинъ отводилъ мѣста наиболѣе для открытаго двора (перистиля) и атрия, на собственныя же комнаты, въ которыхъ онъ, какъ уже выше замѣчено, проводилъ только очень мало времени, какъ можно меньше.¹⁾ Наконецъ греческій и римскій дома отличаются весьма сильно отъ нашего своею внутреннею сосредоточенностью, о чемъ мы упомянули уже выше на стр. 121, а поэтому конечно и фасадною стороною. Фасадъ, на который при лучшихъ домахъ въ наше время всегда обращаютъ нѣкоторое вниманіе, въ частномъ древнемъ домѣ не составлялъ предмета особенной заботы архитектора (хотя и здѣсь онъ не всегда оставался безъ украшеній, состоявшихъ напр. въ пилястрахъ и крашенныхъ поляхъ стѣнъ), такъ что снаружи онъ представляется намъ сплошною стѣною, только изрѣдка имѣющею оконныя отверстія.

29. Въ исторіи (частной) архитектуры въ Италіи различаютъ 4 періода. 0 первомъ періодѣ, когда первобытный способъ строенія не подчинился еще никакому чужому вліянію, мы знаемъ только то, что зданія были бѣдныя, соломой покрытыя хижины (*tuggia*), формы можетъ быть круглой. Во второмъ періодѣ, какъ въ храмовыхъ зданіяхъ, такъ и въ частныхъ постройкахъ замѣтно вліяніе этрусское, и поэтому отчасти также греческое (ибо

¹⁾ Это имѣетъ силу, насколько можно судить по имѣющимся у насъ даннымъ, также относительно построекъ римскихъ вельможъ, которые всегда обращали вниманіе болѣе на обширныя атрия, перистиля, портики и т. д., нежели на жилия комнаты.

Этруски уже рано учились у Грековъ), которому впрочемъ Римляне подчинялись и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ (Liv. I. 8.). Тѣмъ не менѣе и въ этомъ періодѣ жилища отличались еще своею прежнею простотою; не строили ни изъ камня, ни изъ обожженного кирпича, а такъ какъ толщина стѣнъ не должна была превышать $1\frac{1}{2}$ фута, то строенія были и не высоки. Только тогда, когда Римляне подверглись въ культурѣ вліанію Грековъ, когда узнали и снесли въ Римъ богатство всего востока, они начали послѣ роскошныхъ публичныхъ построекъ, какъ-то : храмовъ, базиликъ, театровъ и т. д., строить также частныя великолѣпныя дома. Это — начало третьяго періода и относится къ 1-ому столѣтію до Р. Хр.; характеризуется же этотъ періодъ расширеніемъ дома частями, заимствованными до нѣкоторой степени ¹⁾ изъ греческаго дома, а также бѣльшимъ великолѣпіемъ, но ни въ какомъ случаѣ еще не пышностью и не роскошью. Первый, который украсилъ (ок. 92 года до Р. Хр.) атрій своего дома на Палатинѣ 6 мраморными колоннами, былъ Луцій Крассъ; но это было тогда въ обычаѣ только при храмахъ, такъ что въ глазахъ „старо-римлянъ“ подобная „роскошь“ сдѣлалась предметомъ порицанія, которому подвергся Крассъ отъ оратора М. Брута, назвавшаго его насмѣшливо „палатинскою Венерою.“

Въ то-же самое время (ок. 80 г. до Р. Хр.) цѣна прекраснѣйшихъ дворцовъ въ Римѣ, какъ напр. упомянутого Крассова на Палатинѣ, простиралась до 300,000 руб. Съ этого времени число ихъ стало съ ужасною быстротою увеличиваться, такъ что, по свидѣтельству Плинія (XXXVI. 109), дворецъ Лепида, который по его словамъ въ 78 году былъ прекраснѣйшимъ въ Римѣ, ок. 44 г. уступалъ болѣе чѣмъ ста другимъ дворцамъ. Съ этого времени начинается четвертый періодъ римской архитектуры, отъ Кесаря до 69го года по Р. Хр.; онъ характеризуется высшею роскошью, доходящею иногда до крайняго безразсудства. Отъ 74 до 44 г. Римъ велъ безпрестанно наступательныя войны съ богатѣйшими странами востока и запада; тогда-же высшія военныя и гражданскія должностныя а также и многія частныя лица награбили себѣ огромныя богатства, на которыя они и стали строить роскошныя зданія. — Мамурра, бывший легатъ Кесаря въ Галліи, имѣлъ уже во всемъ домѣ колонны изъ зеленого каристійскаго мрамора (по итал. cipollino), онъ же первый покрылъ стѣны мраморными плитами. Само собою разумѣется, что цѣна мѣсть и домовъ значительно возвысилась; такъ напр. Цицеронъ

¹⁾ См. на стр. 140. замѣченное нами о каведін и перистилѣ.

купили свой домъ на Палатинѣ, бывшій не изъ числа лучшихъ, за 200.000 рублей.¹⁾ Что же касается до издержекъ на публичныя постройки, то достаточно будетъ указать, въ видѣ примѣра изъ этой переходной эпохи, на одинъ лишь форумъ Кесаря (это храмъ Венеры-родительницы съ принадлежащею къ нему окрестностью), для сооруженія котораго нужно было купить нѣсколько домовъ почти за 6 милліоновъ руб. Послѣ сраженія при Акція (31 г.) роскошь въ строеніяхъ еще болѣе увеличилась. Для украшенія половъ и стѣнъ привозили разноцвѣтные мраморы со всѣхъ концовъ міра;²⁾ обширные атріи покоились на огромныхъ колоннахъ, отверстія ихъ и перистилей закрывались пурпуровыми пологами; въ перистилахъ разводили цѣлыя рощи кустарниковъ и цвѣтовъ (Нор. Epist. I. 10, 22), въ между столпій ихъ, равно какъ и атріевъ, помѣщали ряды статуй; но главнымъ украшеніемъ дворцовъ служили огромные сады и парки, портики и бани. Въ дворцахъ римскихъ богачей однѣ бани обходились нерѣдко въ 35.000 рублей³⁾, портики же еще дороже. При Неронѣ роскошь достигла высшей степени и обнаруживалась въ особенности въ употребленіи стекла, серебра, золота и драгоценныхъ камней для декоративныхъ цѣлей. До безконечной роскоши доходили наконецъ безмысленныя постройки Калигулы и главнымъ образомъ Нерона. „Золотой домъ“ послѣдняго простирался отъ Пала-

¹⁾ Интересны нѣкоторыя данныя относительно наемной платы. Сулла занималъ около 100 года нижній этажъ за 150 рублей (3000 сест.); въ верхнемъ этажѣ того-же дома жилъ богатый вольноотпущенникъ за 110 рублей. 50 лѣтъ спустя (56 г.), Маркъ Целій платилъ за квартиру въ одномъ наемномъ домѣ Клодія довольно незначительную, по словамъ Цицерона (pro Cael. VII. 17), сумму 600 рублей. (Въ Римѣ наемная плата была вчетверо больше, чѣмъ въ деревнѣ.) Платить за квартиру только 430 рублей считалось при Тиберіи недостойнымъ сенатора (Vellej. Paters. II. 10, 1). Люди бѣдные жили иногда на чердакахъ (habitare sub tegulis, какъ извѣстный Орбилій. Suet. gram. 9). Такіе наемные дома строились, по причинѣ дороговизны мѣста, вверхъ, чтѣ при частныхъ землетрасеніяхъ, въ особ. же при наводненіяхъ и вообще непрочности построекъ, бывало причиною многихъ несчастій, такъ что Августъ опредѣлилъ вышину дома въ 70 рим. футовъ, а Гадріанъ наконецъ въ 60, на которые все еще приходится 3—4 нашихъ этажа.

²⁾ Въ какомъ размѣрѣ это происходило, можно еще теперь, послѣ 18 столѣтій, составить себѣ понятіе въ Римѣ, гдѣ наткнешься повсюду на колонны и плитки и безчисленные обломки самыхъ разнообразныхъ и изящныхъ мраморовъ. Въ складѣ мраморовъ, открытомъ недавно въ гавани Тибра подъ Авентиномъ, найдено 1000 (!) сортовъ камня и мрамора.

³⁾ См. Seneca, Epist. 86.

тина до Эсквилина и заключалъ въ себѣ прудъ, парки, лѣски съ разными звѣрями, виноградники и т. д. Величина его была такъ громадна, что внутри простирались тройные перистилии отъ тысячъ колонн¹⁾; вестибулъ самъ былъ такъ высокъ, что въ немъ могла стоять его статуя вышиною до ста футовъ. Передаютъ, что нѣкоторыя комнаты и сѣни дворца этого тирана выложены были золотомъ, драгоценными камнями и даже жемчугомъ, что потолки ихъ блестяли разными работами изъ слоновой кости, и что онѣ украшены были картинами и статуями, собранными изъ всей Греціи. На дальнѣйшую постройку пожертвовалъ еще Оеонъ до 4 мил. р., послѣдующіе же императоры, Вителлій, Веспасіанъ и Титъ, какъ мѣсто, такъ и матеріалъ этого дома употребили для собственныхъ построекъ. Изъ позднѣйшихъ временъ одинъ лишь Домиціанъ построилъ себѣ роскошный палатинскій дворецъ²⁾, что подтверждаютъ нѣкоторыя недавно открытыя части его.

Имѣнія въ деревнѣ и постройки въ нихъ.

30. Уже выше (стр. 102.) мы замѣтили, что напр. въ Аттікѣ въ періодъ полного разцвѣта народныхъ силъ горожане болѣе заботились о своихъ деревенскихъ жилищахъ, нежели о городскихъ; однако до насъ не дошло ни скольконибудь подробнаго описанія этихъ жилищъ въ литературѣ, ни архитектурныхъ остатковъ. За то мы можемъ представить довольно вѣрное изображеніе римской виллы, основываясь не только на множествѣ свѣдѣній, но и на архитектурныхъ памятникахъ.

Деревенскія жилища Римлянъ были двоякаго рода, а именно: 1. сельскія виллы (*villae rusticae*) при деревенскихъ имѣніяхъ (*praedia rustica*) и 2. городскія виллы (*villae urbanae*), болѣе или менѣе обширныя, при которыхъ хозяйство было дѣломъ постороннимъ. Кромѣ того богатые Римляне имѣли виллы

¹⁾ Такъ понимаемъ мы мѣсто у Светонія, Nero 31. „*tanta laxitas, ut porticus triplices miliarias haberet.*“ Думать о какомънибудь портикѣ, тянущемся вокругъ дома или передъ нимъ, какъ это обыкн. дѣлаютъ, есть мнѣніе по многимъ причинамъ ложное. Что касается до значенія слова *miliariae*, ср. Jul. Capitol. Gord. tres 82. *basilicae centenariae tres* — что можно относить только къ колоннамъ; кто объясняетъ футами, тотъ не принялъ во вниманіе, что базилика въ 100 футовъ длины равнялась-бы длинѣ атрия любого дворца.

²⁾ Statius Ital. Silvae IV. 2. 18—31.

также близъ города, называя ихъ подгородными (*villae suburbanae*, или просто *suburbana*).

Во времена древней простоты имѣнія въ деревнѣ состояли главнымъ образомъ только изъ хозяйственныхъ построекъ, въ которыхъ подъ однимъ кровомъ жили и хозяинъ, занимавшійся лично земледѣлемъ, съ семействомъ, и рабы. Когда же въ послѣдствіи деревенская жизнь строго отдѣлилась отъ городской и Римлянинъ, расширивъ свое владычество, сталъ заниматься преимущественно политикою и военнымъ дѣломъ, тогда имѣнія управлялись и воздѣлывались посредствомъ рабовъ, и такимъ образомъ, по причинѣ рѣдкаго пребыванія владѣльца въ своемъ имѣніи, рядомъ съ хозяйственными постройками появились еще господскія, которыя, при значительномъ и постоянно увеличивающемся въ римскихъ семействахъ богатствѣ, занимали въ болѣе живописныхъ краяхъ большія пространства, такъ какъ съ жилыми домами въ ущербъ полеводству соединяли обширные парки и звѣринцы.

Устройство порядочнаго сельскаго хозяйства было приблизительно слѣдующее: Тотчасъ въ началѣ находится жилище управителя (*villicus*), для того, чтобъ онъ могъ видѣть, кто входитъ и выходитъ; здѣсь-же большая и высокая людская, гдѣ подъ его надзоромъ и вмѣстѣ съ нимъ рабы имѣютъ общій столъ, для котораго экономка въ опредѣленномъ для каждаго количествѣ отпускаетъ припасы изъ имѣющихся запасовъ; въ этой избѣ зимою при свѣтѣ очага происходятъ предъ расвѣтомъ различныя работы; здѣсь-же находятся маслобойные и виноградные прессы (*torcularia*), а именно маслобойни всегда въ свѣтлыхъ помѣщеніяхъ, чтобы при работѣ не нужно было контящихъ лампъ и лучинъ, такъ какъ „отъ дыма масло портится“; далѣе здѣсь находятся погреба для вина и оливковаго масла (*cellae vinariae et oleariae*), для вина болѣе холодные съ ѣверной стороны, а для масла болѣе теплые съ южной. Вокругъ двора (*chors, cors*) расположены конюшни (*equilia*), коровники (*bovilia*), овчарни (*ovilia*), свинушники (*suilia*), и жилища рабовъ; по срединѣ же колодезь для скота и птицы. Вокругъ другого двора находятся житницы (*horrea*), сѣновалы (*foenilia*), мельницы (*pistrina*); если же такого двора нѣтъ, то эти постройки отнесены далѣе отъ главнаго зданія, чтобы опасность отъ огня была меньше. Амбары (*granaria*) и вообще хранилища для зерна и стручковыхъ плодовъ находятся на чердакахъ и въ верхнихъ этажахъ (*in tabulatis*).

Въ этихъ-то имѣніяхъ, которыя по размѣру (если только они не состояли изъ пастбищъ) подходили къ отдѣльнымъ фермамъ нынѣшнихъ крупныхъ имѣній, держали изъ домашняго скота болѣе всего овецъ — ради шерсти, сбытъ которой былъ въ Италіи весьма значителенъ, затѣмъ свиней, въ особенности въ сѣверной Италіи и Луканіи, и гораздо менѣе коровъ и быковъ (мясо которыхъ тогда не употреблялось въ пищу въ такой мѣрѣ, какъ теперь), затѣмъ лошадей, муловъ, ословъ. Сверхъ того держали въ имѣніяхъ множество куръ и другихъ птицъ, и притомъ такихъ, какихъ мы теперь обыкновенно не держимъ въ хозяйствѣ (*rusticatio villatica*); однако это дѣлалось только во времена увеличивающагося лакомства, при чемъ держать рѣдкихъ птицъ обходилось часто весьма дорого. Изъ дикихъ звѣрей держали оленей, козудъ и черную дичь въ звѣринцахъ, огороженныхъ или каменною стѣною, или дубовымъ частоколомъ (*roboraarium*). Упоминаютъ также о пчеловодствѣ въ ульяхъ (*alvearia*), дававшемъ большіе доходы. Изъ хлѣбныхъ растений знали и разводили Римляне, а раньше ихъ также Греки: пшеницу (*πυρός*, *triticum*), ячмень (*κριθή*, *hordeum*), полбу (*ἀδάρη*, *ador*, *far*; также *ξεία*, *ξείά*) и просо (*κέρχρος*, *μείλινη*, *panicum*, *miliun*). Ржи они не знали; овесъ же, хотя уже разводился у сѣверныхъ народовъ, росъ тогда въ Греціи и въ Италіи только въ дикомъ видѣ, такъ что напр. Теофрастъ причисляетъ его наравнѣ съ костеремъ къ травамъ дикимъ и необлагороженнымъ (*βρόμος καὶ αἰγίλαψ* (костеръ) . . . ἄγρι' ἄτα καὶ ἀνήμερα)¹⁾. О яровой пшеницѣ упоминаетъ впервые тотъ-же Теофрастъ, такъ что, кажется, до него извѣстна была только озимая пшеница. Изъ огородныхъ растений извѣстны были: горохъ, бобы и чечевица (*φακή*, *lens*). Относительно уборки хлѣба мы знаемъ уже изъ Гомера (см. напр. прекрасное описаніе жатвы въ Ил. XVIII. 550—560), что жали его серпами и клали въ ряды (*ὄγμος*) пряжеми (*δράγματα*), а затѣмъ связывали посредствомъ перевесель (*ἐλλεδανοί*). Зерна, вытоптанная изъ хлѣба запряженными волами, чистили вѣялкою (*λιμητήρ*). Въ Италіи употребляли для этой цѣли также молотило (см. ниже). Далѣе Гомеръ говоритъ также еще о томъ, что поля вспахивали нѣсколько разъ, что оставляли ихъ подъ паръ, удабривали и орошали (Ил. XVIII. 542., Од. V. 127.

¹⁾ Просо было принесено въ Италію въ 1 стол. до Р. Хр. вѣроятно изъ Индіи; кукуруза же и рисъ только въ новыя времена въ концѣ 15го и въ началѣ 16го столѣтія, первая изъ Америки, послѣдній изъ Индіи.

XVII. 297). О томъ же, что уже у Грековъ было простое плодo-перемѣнное полеводство, свидѣтельствуеъ Свидя.

Къ хозяйству принадлежало разведение виноградной лозы и маслины. Въ Греціи разводили и воздѣлывали виноградную лозу уже съ незапамятныхъ временъ, производя происхождение ея отъ бога Діониса. Разведение ея считаетъ поэтъ за признакъ образованности (Гом. Од. IX. 110) и даетъ острову Сиріи (*Συρίη*), изобиловавшему плодами этого растенія, похвальный эпитетъ *οἰνοπληθής* (Од. XV. 406). О сортахъ греческаго вина см. ниже греческій пиръ. Виноградную лозу разводили или на особыхъ загонахъ (*vinea, vineum, οἰνόπεδον*) въ грядахъ, привязывая ея къ тычкамъ (Гом. *κάμαξ*), или же (въ Италіи) между рядами вязовъ, къ которымъ привязывали (*maritare*) ея, какъ и теперь еще въ Италіи обыкновенно дѣлаютъ. Въ такой-то виноградной рощѣ (*arbustum*) можно было сѣять и хлѣбъ. О сортахъ италійскаго вина см. ниже римскій пиръ.

Не менѣе важно было разведение маслины. Греки приписывали происхождение этого пріятнаго и весьма полезнаго дерева богинѣ Аѳинѣ и отдали его подъ покровительство ея и Зевса. Аттика извлекала изъ него, равно какъ и изъ смоковницы¹⁾, наибольшій доходъ, и извѣстно, что масличные сады (*μορταί, oliveta*) находились подъ охраною особыхъ строгихъ законовъ. Въ Италію маслина принесена была по преданію только во времена Тарквиніевъ (Varro R. R. I. 41) и разводилась здѣсь между хлѣбомъ, но въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій распространилась такъ, что доставляла хозяевамъ, какъ и виноградная лоза, гораздо большій доходъ, чѣмъ хлѣбъ.

О малыхъ сельскихъ хозяйствахъ и ихъ устройствѣ мы не имѣемъ много свѣдѣній, потому что изъ римскихъ писателей (людей знатныхъ) никто не обращалъ на нихъ особеннаго вниманія. Устройство небольшихъ имѣній, хотя въ маломъ размѣрѣ, но вообще было похоже на устройство крупныхъ имѣній. Главная разница состояла лишь въ томъ, что хозяинъ нерѣдко долженъ былъ работать самъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, не будучи въ состояніи пріобрѣсть себѣ рабовъ. Но именно это и было причиною того, что малое хозяйство, не будучи въ состояніи соперничать въ дешевизнѣ продуктовъ съ большими имѣніями, работавшими посредствомъ многочисленныхъ ра-

¹⁾ Въ наше время смоковница въ Атикѣ уже не расводится, только маслина начинаетъ мало по малу занимать свое прежнее мѣсто.

бовъ, и въ особенности вслѣдствіе неблагоразумія римскаго правительства, наполнявшаго Италію хлѣбомъ, привозимымъ въ видѣ податей изъ нѣкоторыхъ странъ Азіи, изъ Сициліи и впоследствіи изъ Египта, все болѣе и болѣе исчезало и поглощалось большими имѣніями, которыя, вмѣсто прибыльнаго полеводства, въ горныхъ мѣстностяхъ устраивали почти исключительно только выгонныя хозяйства (*saltus, pascuа*).

Полевая работа производилась отчасти скотомъ, отчасти невольниками. На 240 югеровъ Катонъ считаетъ нужнымъ имѣть три пары воловъ; ословъ употребляли для развозки навоза. Лошадей въ плугъ древніе не запрягали. Главный надзоръ надъ рабами большаго имѣнія (*familia rustica*) имѣлъ названный уже *villicus*, который отвѣчалъ хозяину за расходы и доходы. Ему помогала экономка (*villica*), иногда жена его и также, какъ и онъ, рабыня, которая смотрѣла за кухней, кладовою, курятниками и голубятнями. Собственно рабочими были пахари (*bubulcus*) а также пастухи овецъ, свиней, ословъ и т. д. На 240 югеровъ Катонъ считаетъ достаточнымъ имѣть 3 пахарей, 5 работниковъ и 3 пастуховъ. Гдѣ были виноградники, тамъ нужно было и больше работъ. Для спѣшной работы, напр. во время жатвы или собиранія винограда, нанимали работниковъ, или же сосѣди помогали другъ другу своими рабами. Кромѣ того случалось нерѣдко, что продавали виноградъ на кустахъ и маслину на вѣтвяхъ. — Рабы, которые провинились въ чемъ нибудь, или относительно которыхъ можно было опасаться, что они убѣгутъ, работали на поляхъ скованные; наказаніе это сдѣлалось впоследствіи, при большомъ множествѣ рабовъ и часто повторявшихся между ними бунтахъ, почти обычаемъ и увеличивалось жестокимъ хозяиномъ или его управителемъ еще тѣмъ, что по окончаніи полевыхъ работъ рабовъ запирали въ тѣсный смиренный домъ (*ergastulum*).

Изъ земледельческихъ орудій самое важное значеніе имѣлъ плугъ (*ἄροτρον, aratrum*); поэтому онъ заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія. Уже Гомеръ знаетъ болѣе искусственную форму плуга, характеризуя его, въ отличіе отъ первообразной сохи, эпитетомъ *πηκτόν* „крѣпко сложенный.“ Первобытную соху (*αὐτόρουρον ἄροτρον*), изготовленную изъ березы или ели съ загнутымъ и заостреннымъ корнемъ, можно было употреблять только тамъ, гдѣ плодородная мягкая почва нуждалась только въ легкомъ разрыхленіи, какъ это бываетъ еще и теперь въ Кампаніи. Болѣе сложный плугъ (рис. 134.), въ составъ котораго входили подошва (*ἔλυμα,*

dentale), лемешъ (*vuis, vomer*), ручка (*ἐχέτλη, stiva*), и градиль (*γύης, burga, buris*), допускалъ болѣе мелкое и болѣе глубокое паханіе (*κατὰ βάθους ἀροῦν*); градиль служилъ вмѣстѣ и дышломъ, ибо за него тащила плугъ пара воловъ. Упомянется также о плугѣ на колесахъ (*plaustraratrum*, рис. 135.), градиль коего покоился между двумя колесами на оси, отъ которой выходило дышло — стало быть этотъ плугъ похожъ до нѣкоторой степени на нашъ. Употребляли его въ сѣверной Италиі.

Рис. 134. Плугъ по магнесійскому барельеу (въ Фессалиі).

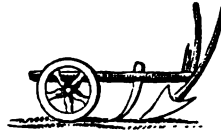

Рис. 135. Плугъ на колесахъ съ острымъ ножомъ предъ лемешомъ.

Другія земледѣльческія орудія были: борона (*ossa, crates*), нолольная кирка (*irpex*), двузубая кирка (*bidens*), широкая кирка для окапыванія виноградной лозы (*ligo*), совершенно похожая на ту, которую теперь употребляютъ на югѣ, лопаты (*pala, rutrum*), садовничій ножъ (*falx vinitoria*), серпъ для срѣзыванія хлѣба (*falx*) и молотило (*tribulum*) для хлѣба, состоявшее изъ толстой доски съ зубьями внизу, на которой стоялъ работникъ и гналъ по распростертому хлѣбу запряженную пару быковъ. Наконецъ употребляли зубчатый катокъ (*cylindrus*) для разбиванія глыбъ и уравненія почвы.

31. Городскія виллы (*villae urbanae*), имѣя назначеніе соединять городскую жизнь съ деревенскимъ комфортомъ, строились конечно во всѣхъ главныхъ частяхъ вообще сходно съ римскимъ домомъ, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что здѣсь строеніе по собственному вкусу Римлянина простиралось свободно на большемъ пространствѣ и было болѣе правильно, не будучи стѣсняемо ограниченностью мѣста, какъ въ городѣ.

Въ послѣднее время республики такія городскія виллы возникли въ большомъ количествѣ на прекрасныхъ холмахъ албанскомъ, тибурскомъ, сабинскомъ и Алгидѣ; даже живописный въ то время берегъ Аніона застроенъ былъ виллами, простиравшимися отъ Тибура до Тибра. Подъ конецъ республики избирали также болѣе отдаленныя мѣста во всей Италиі на сѣверѣ и на югѣ, въ особенности въ Кампаніи. Цицеронъ, который не былъ изъ числа самыхъ

богатыхъ, имѣлъ нѣсколько виллъ, изъ которыхъ онъ любилъ больше всего тускульскую; ее-то онъ и украшалъ, какъ мы знаемъ изъ писемъ его, по возможности дорогими памятниками искусствъ, въ особенности скульптуры. Великолѣпны были виллы Лукулла, Помпея, Гортензія, Метелла и др. въ байской бухтѣ, отъ которыхъ до сихъ поръ еще видны нѣкоторые развалины. Въ началѣ имперіи (послѣ сраженія при Акціи) роскошь увеличилась и въ этого рода строеніяхъ и дошла до крайнихъ предѣловъ въ постройкахъ Гадріана близъ Тибура. Уже Горацій жалуется (Carm. II. 15.) на то, что скоро роскошныя зданія оставляютъ мало мѣста для плуга, что вездѣ будутъ видны искусственные пруды обширнѣе дукринскаго озера и одинокій платанъ превзойдетъ вязы (т. е. паркы вытѣснятъ виноградники), а на мѣстѣ масличныхъ садовъ возникнутъ увеселительныя парки и т. д. Въ другомъ мѣстѣ онъ опять говоритъ о томъ, какъ самоувѣренные господа міра, недовольствуясь сушею, занимаютъ даже море своими постройками (Carm. III. 24. 3., Epist. I. 1. 83.; также Ov. Am. III. 126.); о чемъ по истеченіи 18 вѣковъ ясно свидѣтельствуетъ неапольская бухта, въ особенности окрестности Сорренто и ПUTEОЛЬ, а также берега Лация близъ Остіи и Антія и т. д. Наконецъ высоколѣпныя римскіе вельможи любили и такія мѣстности, гдѣ почва и мѣстоположеніе представляли почти непреодолимыя препятствія, ища славы именно въ томъ, чтобы за много милліоновъ пріобрѣсти мѣсто для постройки. Таковую виллу, построенную богатымъ puteольскимъ обывателемъ Полліемъ Феликсомъ въ Сорренто, описываетъ намъ Статій (Silvae II. 2. 52. и слѣд.) слѣдующимъ образомъ: „Тамъ, гдѣ теперь видишь равнину, была гора, тамъ, гдѣ ходишь подъ крышею, была пустыня; гдѣ видишь высокія деревья, не было и земли . . .“ О дальнѣйшемъ же устройствѣ онъ говоритъ: „У самаго моря стоитъ теплая баня, зданіе съ двумя куполами, затѣмъ храмъ Нептуна и Геркулеса; крытая аллея ведетъ отъ города Сорренто до виллы, изъ многочисленныхъ покоевъ которой представляются разнообразнѣйшіе виды на море и острова . . . Но болѣе всего выдается одинъ флигель, изъ котораго открывается видъ черезъ заливъ на Неаполь; украшено же это отдѣленіе виллы разноцвѣтнымъ дорогимъ мраморомъ изъ Греціи, Малой Азіи, Нумидіи и Египта. Повсюду изысканныя картины и статуи древнихъ художниковъ, представляющія полководцевъ, поэтовъ и философовъ.“

Но еще роскошнѣе была вилла Манилія Вониска въ Тибурѣ, восхваляемая тѣмъ-же поэтомъ (Silvae I. 3.). Эту прелестную, по

причинѣ близости къ Риму и въ то-же время уединенности особенно цѣннѣющую (вспомни оды Горація!) мѣстность, которая еще до настоящаго времени сохранила незначительный остатокъ древней своей красоты въ чудныхъ водопадахъ Аніона и пріятной свѣжести долины, полюбилъ императоръ Гадріанъ до того, что построилъ здѣсь великолѣпную виллу, имѣющую въ окружности почти двѣ мили.

Посѣтивъ Грецію и Египеть, Гадріанъ представилъ здѣсь въ копіи самыя интересныя зданія этихъ странъ и даже нѣкоторыя замѣчательныя мѣстности, какъ дѣйствительныя, такъ и баснословныя. Нѣкоторыя изъ построекъ, о которыхъ вкратцѣ упоминаетъ Спартіанъ (Vita Hadr. 26.), можно узнать въ громаднѣхъ развалинахъ.

У нынѣшняго входа мы видимъ прежде всего театръ, изъ котораго ясно видны авансцена и ряды сидѣній; отъ остальныхъ двухъ театровъ, изъ коихъ одинъ былъ собственно одейонъ, остались лишь незначительныя слѣды. Нѣсколько далѣе мы видимъ двойной портикъ, находившійся по обѣимъ сторонамъ средней довольно высокой и въ срединѣ прорѣзанной дверями стѣны; это по всей вѣроятности постройка, представлявшая извѣстный аѳинскій живописный портикъ (см. стр. 78) и упоминаемая Спартіаномъ; къ нему примыкаетъ круглая какая-то постройка, можетъ быть „пританей,“ и развалины какой-то базилики. Далѣе мы идемъ мимо двухъ храмовъ (Венеры и Діаны?) къ развалинамъ стадіи и затѣмъ на большую площадь, на которой стоитъ рядъ комнатъ (называемый обыкновенно *cento camere*), принимаемый не безъ основанія за квартиры тѣлохранителей, ибо ближайшія развалины огромнаго квадрата построекъ безспорно принадлежатъ самому дворцу. Последній имѣлъ, какъ кажется, два этажа. О великолѣпіи его можно судить по нѣкоторымъ штукатурнымъ рельефамъ въ нижнихъ корридорахъ и по мраморнымъ плиткамъ, которыми украшены и выложены были своды и стѣны. Далѣе ясно видны также остатки термъ, огромнаго зданія съ куполомъ наверху; остальные развалины въ ихъ окрестности можно принимать за древній Лицей и Академію, о которыхъ упоминаетъ тотъ-же Спартіанъ. И фантастическій Адъ, который Гадріанъ, чтобы ничего не пропустить, устроилъ тоже, узнаемъ мы въ подземныхъ корридорахъ, о размѣрѣ которыхъ (1450 × 360 футовъ) мы можемъ судить еще и теперь, хотя только небольшая часть ихъ сохранилась необрушившеюся. Труднѣе узнать египетскій Канопъ и ессалійскія Темпы. Первый археологи находятъ въ развалинахъ круглаго зданія посреди небольшой долины, въ ко-

торыхъ открыты были нѣкоторые обломки статуй египетскаго стиля, весьма любимаго Гадріаномъ, послѣднія же показываютъ на восточной сторонѣ виллы, хотя ручей, протекающій здѣсь, незначителенъ и характеръ почвы измѣнился въ теченіе вѣковъ до того, что представленныя здѣсь Темпы опустѣли точно такъ-же, какъ и вессалійскій образецъ ихъ, не напоминая намъ нисколько красоты прославленной всею древностью долины.

Сюда, въ эту виллу, Гадріанъ снесъ настоящія сокровища пластическихъ искусствъ; и не смотря на то, что уже Каракалла

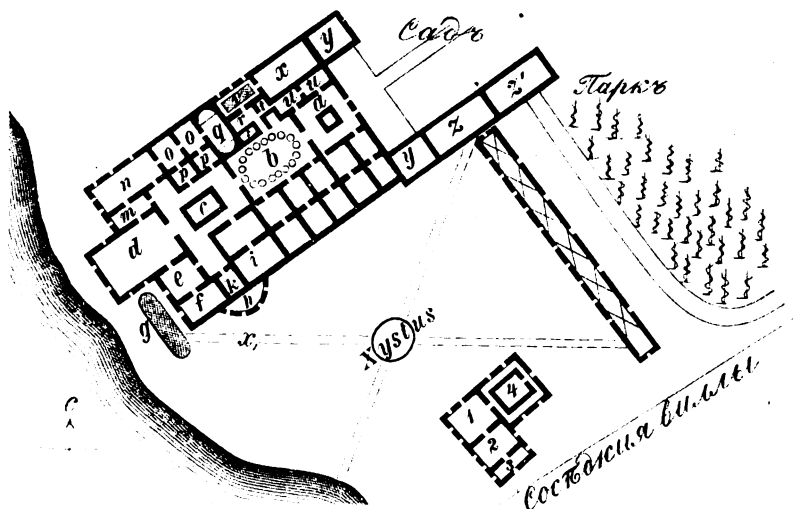

Рис. 136. Планъ земной виллы Плинія въ Лаврентѣ.

для украшенія своихъ термъ, а впоследствии, въ общіе художественныя работы время, Константинъ для той-же цѣли взялъ отсюда самыя лучшія произведенія, и наконецъ Тотила и Агстольфъ опустошили и разрушили ее, здѣсь найдено все таки отъ начала XVI столѣтія до нашего времени много прекрасныхъ и архитектурныхъ остатковъ и статуй, служащихъ теперь не послѣднимъ украшеніемъ италійскихъ музеевъ. Отсюда взять напр. умирающій Галлъ, медіцейская Венера, голова Медузы въ Неаполѣ, капитолійскія голубки (стр. 129) и пр., такъ что мы справедливо удивляемся художественному движенію, вызванному этимъ императоромъ-художникомъ, который помимо монументальныхъ зданій, воздвигнутыхъ имъ въ Римѣ (какъ храмъ Венеры и Ромы, мавзолей, мостъ черезъ Тибръ), въ Аѳинахъ (Аѳины Гадріана!, храмъ олим-

пійскаго Зевса) и въ другихъ городахъ Италіи, успѣлъ соорудить такую „частную“ постройку, что любая новѣйшая вилла англійскихъ вельможъ, хотябы и равнялась ей по своимъ размѣрамъ, все таки, что касается до богатства художественныхъ произведеній, не можетъ выдержать съ нею никакого сравненія.

И вилла Гордіановъ, построенная въ 3 столѣтіи по Р. Хр. на дорогѣ въ Пренестъ, была великолѣпна, имѣя въ тетрастилѣ (т. е. перистилѣ) съ каждой стороны по 50 драгоценныхъ колоннъ, три базилики о 100 колоннахъ и бани такія, какихъ, за исключеніемъ столицы, говорятъ, не было на свѣтѣ (Jul. Capit. Gord. 32.).

Самое лучшее понятіе о римской виллѣ средняго разряда даетъ намъ описаніе зимней виллы Плинія Младшаго въ Лаврентѣ, сдѣланное имъ самимъ въ письмѣ къ другу Галлу (II. 17.), изъ котораго мы и извлекаемъ для своей цѣли болѣе существенное и наглядно представляемъ ее на планѣ (рис. 136.)¹⁾. Она была расположена на морскомъ берегу болѣе чѣмъ въ трехъ миляхъ отъ Рима. „Тотчасъ спереди,“ говоритъ Плиній, „находится простой, но не бѣдно обставленный атрій (а); затѣмъ корридоръ на колоннахъ, идущій кругомъ (b) въ видѣ буквы О, ограничивающій небольшую, но пріятную площадку; онъ даетъ отличное убѣжище отъ непогоды, ибо защищенъ окнами (между колоннами) и еще болѣе свѣшивающеюся крышею. Противъ середины его находится веселый дворикъ (саваedium, c) и затѣмъ доволь но красивая столовая (triclinium, d), выходящая на берегъ и, если югозападный вѣтеръ волнуетъ море, омываемая уже ослабленными послѣдними волнами. Она имѣетъ со всѣхъ сторонъ или складныя двери или окна не меньше дверей²⁾, и такимъ образомъ съ боковъ и фасада смотритъ какъ бы на три моря; окна задней стороны выходятъ на дворикъ, корридоръ и окруженное имъ пространство, затѣмъ идетъ опять корридоръ, далѣе атрій, лѣса и отдаленныя горы (т. е. албанскія

¹⁾ Чертежъ виллы сдѣлали мы только по описанію; хотя размѣра виллы и пространственнаго отношенія ея частей Плиній не опредѣляетъ, но это могло быть сдѣлано на основаніи помпейскаго дома и тѣхъ указаній, которыя даетъ намъ о нихъ Витрувій (VI. 3—5). Такимъ образомъ вѣрность чертежа есть только относительная, какъ напр. выше планъ греческаго дома. Мы предпочли скорѣе подвергнуться упреку въ невѣрности рисунка, чѣмъ довольствоваться однимъ лишь описаніемъ, оставя дѣло для читателя непонятнымъ. Чертежи, предложенные Гиртомъ (tab. XXIX.) и Шинкелемъ (Architekten-Album, Berlin 1862, томъ 7.), по нашему мнѣнію, невѣрны; чертежъ Канины намъ не извѣстенъ.

²⁾ Это такъ наз. oculus syzicenus (см. выше стр. 117 и Vitruv. VI. 5).

и далѣ сабинскія съ Тибуромъ). Съ лѣвой стороны этой столовой двѣ комнаты (e, f), изъ которыхъ одна просторная (e), другая (f) меньшая, доступная восточному и западному солнцу. Обѣ, вмѣстѣ со столовою, образуютъ уединенный, уютный уголокъ (g), едущаѣй зимою пріютомъ и мѣстомъ для гимнастики. Къ нему примыкаетъ полукруглая комната въ видѣ абсиды (h), одна которой доступна зимнему солнцу отъ восхода его до заката; въ ней помѣщается небольшая библіотека, состоящая изъ нѣсколькихъ отборныхъ, самыхъ распространенныхъ книгъ. Съ этими комнатами соединена спальня (i) посредствомъ нагрѣвальной комнатки (k), изъ которой нагрѣтый воздухъ низовою печью (см. hypocaustum) по надобности разводится трубами въ разныя стороны. Въ остальной части этого флигеля помѣщаются квартиры рабовъ и вольноотпущенниковъ. Съ другой стороны примыкають къ столовой одна меньшая красивая комната (m) и другая большая (n), которая можетъ служить и обѣденною залою (cenatio) и сіяетъ отъ свѣта солнца и блеска моря; далѣ идутъ двѣ комнаты (o, o) съ двумя передними (p, p), холодная баня съ двумя въ нишахъ помѣщающимися резервуарами (q), мазальня (r) съ топкою (hypocaustum, s), собственная банная нагрѣвальня (proprigeum, см. стр. 65), красивая теплая ванна (calida piscina, v), изъ которой плавающій видитъ море, затѣмъ мячевая (x) и еще двѣ искусно отдѣланныя комнатки (u, u). Наконецъ по обѣимъ сторонамъ дома башни (y, y) съ комнатами въ нижнемъ и верхнемъ этажахъ; за одною изъ нихъ находится кладовая и амбаръ (z, z'). Внизу послѣдняго (z') устроена столовая съ видомъ на садъ и тротуаръ (gestatio), который окружаетъ ее. Тротуаръ окаймленъ самшитомъ или розмариномъ (ros marinus); съ внутренней стороны его простирается виноградникъ. Въ остальной части сада прекрасно растутъ туовыя и фиговыя деревья. Изъ заднихъ же двухъ комнатокъ есть видъ на предоміе виллы (vestibulum) и на другой простой и не устроенный садъ. Отсюда (отъ названной столовой) тянется крытый корридоръ (cryptoporticus) съ окнами, которыхъ на югозападной сторонѣ вдвое болѣе, чѣмъ на противоположной, и которыя сообразно съ вѣтромъ отворяются въ ту или въ другую сторону; предъ криптопортикомъ простирается благоухающій фіалками цвѣтникъ (xystus) на солнечномъ мѣстѣ, ибо портикъ увеличиваетъ отражающуюся отъ него теплоту солнца. Но еще пріятнѣе этотъ корридоръ лѣтомъ, ибо въ до-полуденное время онъ даетъ прохладу своею тѣнью ксисту, въ послѣ-полуденное же время тротуару и ближайшей части парка,

будучи самъ болѣ всего тѣнистъ, когда солнце въ полдень стоитъ надъ его крышею. „Въ концѣ ксита и корридора ¹⁾ стоитъ бесѣдка (horti diaeta),“ описываетъ Плиній дальше, „мое любимое мѣстечко; вѣдь я самъ построилъ ее. Здѣсь есть комнатка, лежащая на солнцѣ (heliosaminus, 1), съ видомъ съ одной стороны на кситу, съ другой на море; затѣмъ комната, изъ которой черезъ окно отерывається видъ на море, а черезъ дверь на крытый корридоръ (2); за нею находится небольшой кабинетъ (zotheca, 3) весьма искусной и красивой отдѣлки, который, смотря потому, закрыты ли двери занавѣсками или не закрыты, можетъ быть соединенъ съ комнатою или отдѣленъ отъ нея. Въ немъ есть мѣсто для дивана и двухъ кресель; и такъ, если лежишь на диванѣ, то имѣешь у ногъ море, у головы лѣса, за спиною виллы. Съ этими комнатами соединенъ покоинокъ „ночи и сна“ (4). Сюда не проникаютъ ни голоса прислуги, ни шумъ моря, ни гулъ бури, ни свѣтъ молніи, ни даже день, если окна не открыты; и причина этого столь тихаго уединенія та, что между комнатами и садомъ находится корридоръ, въ пустомъ пространствѣ котораго теряется всякій звукъ. Къ этому покоинку примыкаетъ маленькая нагрѣвальня, изъ которой, по мѣрѣ надобности, теплый воздухъ или проводится черезъ малое отверстіе, или въ ней задерживается. — Когда я удаляюсь въ эту бесѣдку, мнѣ кажется, что я даже не въ своей виллѣ; она доставляетъ мнѣ большое удовольствіе въ особенности въ сатурналіи, когда остальная часть дома оглашается ликованіями и радостными криками этихъ дней; ибо тогда и я не мѣшаю веселости моихъ людей, и они не мѣшаютъ моимъ занятіямъ.“

Греческіе и римскіе сады.

32. Мы имѣли уже слѣчай упомянуть о садѣ выше, въ статьѣ о домѣ и виллѣ (стр. 117, 137), но болѣе подробное и связанное описаніе его оставили на конецъ настоящаго отдѣла, считая садъ, если не необходимымъ, то по крайней мѣрѣ пріятнымъ и полезнымъ дополненіемъ человѣческаго жилища и, слѣдовательно, не мало-важнымъ мѣриломъ культурнаго развитія его владѣльцевъ. И здѣсь мы будемъ держаться историческаго пути и поговоримъ сначала о греческихъ, а затѣмъ о римскихъ садахъ.

¹⁾ Читаемъ: In capite xysti deinceps et cryptoporticus horti diaeta est, amores mei.

Самое древнее свѣдѣніе о садахъ мы встрѣчаемъ въ стихотвореніяхъ Гомера. Въ этомъ отношеніи величайшею славой пользуется садъ Алкиноя, царя Феаковъ, изъ описанія котораго, хотя и во многихъ частяхъ идеальнаго, мы можемъ все-таки судить о дѣйствительности, подавшей поводъ къ оному. Садъ Алкиноя простирался (Од. VII. 112. слѣд.) внѣ двора, близъ воротъ, на пространствѣ четырехъ десятинъ, былъ окруженъ заборомъ и орошался двумя источниками; въ немъ росли груши, яблоны, гранаты, фіги и маслины, плоды которыхъ, по словамъ поэта, никогда не исчезали съ деревьевъ и не переставали на нихъ рости;

„Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойное лѣто
Видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣялъ
Теплый зефиръ, заражая одни, наливая другіе;
Груша за грушею, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквою,
Гроздь пурпуровый за гроздомъ смѣнялись тамъ созрѣвая.“

Такимъ образомъ мы можемъ навѣрно утверждать, что садоводство ограничивалось въ древнѣйшія времена, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, разведеніемъ фруктовъ (и винограда); разведеніе овощей, о которыхъ, за исключеніемъ лука, въ поэмахъ Гомера нигдѣ нѣтъ рѣчи, а также конечно цвѣтовъ относится къ болѣе позднимъ временамъ. Однако уже въ 5 столѣтіи до Р. Хр. послѣднее должно было быть распространено вообще по Греціи, какъ можно заключать изъ Аристофана, говорящаго о „благонныхъ садахъ“ (Aves, 1066.). Конечно, думать здѣсь, о какомънибудь искусствѣнномъ садоводствѣ трудно, ибо цвѣты разводились въ фруктовыхъ садахъ, а именно тѣ роды, которые по тогдашнему обычаю необходимы были для вѣнковъ при пирахъ, похоронахъ и разныхъ торжествахъ, какъ-то: роза, фіалка, левкой (*λευκόιον*), лилія, гіацинтъ, шафранъ и петрушка. Нѣкоторые, можетъ быть болѣе дорогіе роды цвѣтовъ, разводились также въ глиняныхъ сосудахъ (*ἐν ὀστράκοις*). Описаніе такого смѣшаннаго сада, за неимѣніемъ болѣе подробныхъ о немъ свѣдѣній, мы здѣсь помѣщаемъ: „Есть у меня собственною рукою посаженный садъ и въ немъ все, что родится въ теченіи года въ свое время: весною — роза, лилія, гіацинтъ и оба рода фіалокъ, лѣтомъ макъ, груши (дикія, *ἀχράδες*) и яблоки всѣхъ родовъ, теперь виноградъ, фіги, гранаты и зеленныя миртовыя ягоды.“ Садами славились Беотія, Сикіонъ, Феры и пр.

Большіе успѣхи въ садоводствѣ сдѣлали Римляне, и свѣдѣнія о нихъ многочисленнѣе и подробнѣе. Будучи большими любителями

цвѣтовъ, Римляне устраивали сады при каждомъ домѣ, если это хоть сколько нибудь оказывалось возможнымъ, такъ какъ отъ этого цѣна дома, по крайней мѣрѣ въ Римѣ, вдвое увеличивалась; даже перистилы и крыши (какъ упомянуто выше на стр. 117 и 119) мы встрѣчаемъ усаженными садами. Въ мѣстахъ же, гдѣ они не были стѣснены пространствомъ, какъ напр. въ деревнѣ, устраивали не только фруктовые сады, но также сады для одного лишь удовольствія, настоящіе парки.

Въ какомъ размѣрѣ разводились фруктовые сады (pomaria) въ 1 столѣтіи до Р. Хр. въ Италіи, объ этомъ свидѣтельствуютъ слова Варрона (R. R. I. 2.): „Не усѣяна ли вся Италія деревьями, такъ что кажется, будто это одинъ садъ?“ Почти тоже говоритъ и Цицеронъ (de sen. 16.), именно: „земледѣльцы сами называютъ садъ вторымъ окорокомъ (т. е. второю доходною частью хозяйства).“ Такимъ образомъ облагороженіе фруктовыхъ деревьевъ достигло уже тогда высокой степени. ¹⁾

Изъ фруктовыхъ деревьевъ распространены были уже во 2 стол. до Р. Хр. яблонь, груша, фи́га, гранатъ (*βοιά*, malum punicum), айва (m. cotoneum, *κιδώνιον*). Изъ яблокъ самыя дорогія были скороспѣлыя медовыя (melimela), и самыя крѣпкія америнскія (Amerina). Изъ грушъ (которыхъ уже Плиніи насчитываетъ до 30 сортовъ) самыя вкусныя были крустуминскія и фалернскія, затѣмъ сирійскія и такъ наз. кулачныя (pignus volentium) и фунтовыя (p. librale). Изъ фигъ уже во время Варрона разводились въ Италіи нѣкоторые заморскіе сорта. Слива, каштанъ, орѣхъ и миндаль начинаютъ распространяться только въ 1 стол. до Р. Хр. (происходя изъ Арменіи и Понта), и сушеніе ихъ вошло въ обычай, хотя еще и привозили сушеные изъ Понта. Черешня (облагороженная) принесена была только около половины этого-же столѣтія Лукулломъ; еще позднѣе были принесены персикъ (malum Persicum) и абрикосъ (malum graecum, Armeniacum). Цитронъ горькій (citrus medica) укоренился въ Италіи только въ 3 столѣтіи по Р. Хр., не смотря на то, что первыя попытки разведенія его относятся ко временамъ Плинія ²⁾.

¹⁾ Wüstemann: Unterhaltungen aus der alten Welt für Garten- und Blumenfreunde.

²⁾ Апельсинъ горькій и лимонъ принесены въ Италію только въ 11-омъ вѣкѣ; сладкій апельсинъ (по итал. agancio) только въ 16 стол. изъ Португаліи, куда привезенъ былъ изъ Китая (отсюда и называется одинъ большой сортъ его въ южной Италіи „portogallo“), и малый тонкокожій мандаринъ оттуда-же

Овощные и цвѣточные сады первоначально не были устранимы отдѣльно, такъ какъ разведеніе овощей и цвѣтовъ имѣло довольно мѣста въ фруктовыхъ садахъ. Въ окрестностяхъ Рима могло быть иначе, ибо большой сбытъ тѣхъ и другихъ долженъ былъ сдѣлать изъ разведенія овощей и цвѣтовъ самостоятельную отрасль промысла. Упомянется также о подвижныхъ парникахъ для разведенія огурцовъ, любимыхъ Тиберіемъ (Plin. N. N. XIX. 5. 23.). Объ овощахъ см. ниже: ниръ.

Цвѣты были искусственно размножаемы и облагораживаемы не въ такомъ количествѣ, какъ въ нынѣшнемъ садоводствѣ. Какъ главныя украшенія садовъ упоминаются, кромѣ розы, фіалки и остальныхъ выше въ греч. саду названныхъ цвѣтовъ, еще нарцисъ, касатикъ, амарантъ и разноцвѣтный макъ. Больше другихъ разводилась, и особыми торговцами продавалась въ Римѣ и его окрестностяхъ роза, такъ какъ сбытъ ея на вѣнки для украшенія храмовъ, алтарей и въ особенности пирующихъ постоянно увеличивался; но это относится не столько къ центифоліи, которая по причинѣ своего вѣса оказывалась менѣе пригодною, сколько къ болѣе легкой милетской розѣ „цвѣта огненнаго, не болѣе какъ двѣнадцатилиственной“ (Plin. N. N. XXI. 4.).

Въ императорскія времена упоминается также о стеклянныхъ теплицахъ (*specularia*), гдѣ отчасти нѣжныя чужестранныя цвѣты охранялись отъ болѣе суроваго римскаго климата (котораго иногда даже не могло выносить лавровое дерево и погибало отъ морозовъ), отчасти зимою разводились домашніе цвѣты (а также скороспѣлые овощи, какъ напр. виноградъ и арбузы). Такимъ образомъ римскіе богачи, презирая искусственные цвѣты, пріобрѣтали въ срединѣ зимы, когда и два раза въ годъ цвѣтущая роза въ Пестѣ отцвѣтала, вѣнки изъ цвѣтовъ „тепличныхъ“ (*festinatae coronae*, Mart. XIII. 127). Но такъ какъ роскошный императорскій Римъ нуждался въ гораздо большемъ количествѣ цвѣтовъ, чѣмъ можно было готовить выше означеннымъ образомъ, то ихъ привозили

въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Эти историческія свѣдѣнія подтверждаетъ еще и то интересное обстоятельство, что въ мозаическихъ фестолахъ въ Помпеяхъ мы видимъ изображеніе всякаго рода фруктовъ, только не лимона и апельсина, хотя ихъ золотой и свѣже-зеленый цвѣтъ въ особенности должны были обращать вниманіе художника. Не смотря на все это, Овербекъ говоритъ, что онъ видѣлъ въ трехъ мѣстахъ (изъ которыхъ онъ приводитъ только одно; см. Pomp. II° 193 и прим. 72) между нарисованными фруктами „wenn nicht Alles trägt“ также апельсинъ, что положительно не вѣрно.

изъ Египта, который благодаря умѣренности своего климата во всё времена года производилъ въ большомъ количествѣ розы, левкои и другіе въ другихъ мѣстахъ только временные цвѣты (Athen. V. 25.).

Подъ конецъ республики мы встрѣчаемся съ начатками и искусственнаго садоводства. Первое свѣдѣніе о немъ мы имѣемъ изъ Цицерона (Ep. ad Quint. fr. III, 1. 2.). Это было конечно уже искусство, и оно состояло въ томъ, что такой садовникъ (*topiarius*), сверхъ ухода за деревьями и цвѣтами, водилъ по стѣнамъ и вилъ вокругъ стволовъ платановъ и вокругъ колоннъ портиковъ плющъ, самшитъ и акантъ, покрывалъ бесѣдки и галереи виноградною лозою, каймилъ дорожки и тротуары кипарисомъ и густыми кустарниками и т. д. Изъ этихъ начатковъ развились въ императорскія времена увеселительные сады и обширные парки. Части этихъ парковъ были слѣдующія: 1. Ксесты (*xysti*) или цвѣтники, простиравшіеся обыкновенно около самаго зданія, въ которыхъ ряды цвѣтовъ (*ageolae*) раздѣлены были деревьями и кустарниками, подстриженными на подобіе различныхъ геометрическихъ фигуръ, или же поднимались въ видѣ террасъ (*pulvini*), закрытыхъ зеленью (*gradata buxus*). 2. *Gestationes* (и *deambulationes*), т. е. дорожки, окаймленныя обыкновенно чащами самшита, кипариса и розмарина, подстриженныхъ то въ видѣ ступеней, то опять, по испорченному тогдашнему вкусу (какъ въ прошломъ столѣтіи), въ видѣ разныхъ фигуръ столбовъ, пирамидъ, буквъ, и даже звѣрей. Упоминается также о неестественномъ изуродованіи платановъ и кипарисовъ и разведеніи ихъ въ видѣ карликовъ. Другая часть парка былъ 3. гипподромъ, довольно обширное и для прогулокъ на колесницахъ или на лошадяхъ устроенное пространство, какъ показываетъ уже самое названіе, имѣвшее форму цирка, гдѣ вмѣсто спины и сидѣній стояли ряды тѣнистыхъ платановъ, высокихъ кипарисовъ и другихъ деревьевъ. Для оживленія этихъ парковъ устраивали прекрасныя и великолѣпныя водометы (*fontes surgentes*), въ которые проводили воду посредствомъ трубъ иногда даже съ большаго разстоянія, вырывали большіе водоемы и проводили черезъ нихъ ручьи и источники; наконецъ для той-же цѣли ставили въ нихъ статуи, напр. металлическія фигуры звѣрей и т. д. (Mart. III. 19.).

Гробницы и надгробные памятники у Грековъ.

33. У Грековъ считалось священнымъ долгомъ заботиться о надлежащемъ погребеніи умершаго. О добросовѣстномъ исполненіи этого долга свидѣтельствуютъ многочисленныя и разнообразныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и искусно отдѣланныя гробницы.

Конечно мы должны и здѣсь, такъ-же какъ при другихъ постройкахъ, отличать древнѣйшій и позднѣйшій періодъ, и повторить, что въ древнѣйшія времена гробницы были просты и менѣе искусно отдѣланы, нежели въ позднѣйшія времена. Первоначально достаточно было Грекамъ, равно какъ и другимъ народамъ, для погребенія останковъ дорогаго покойника небольшой ямы, на которую насыпали изъ земли или изъ камня могилу (*χωμα, κολῶνη, τύμβος*) ¹⁾, служившую умершему вмѣстѣ и памятникомъ. Такъ навѣрно было и въ то время, которое описали намъ стихотворенія Гомера, напр. Ил. VII. 85. слѣд.; иногда вокругъ могилы сажались деревья, Ил. VI. 419. Такія могилы можно еще теперь видѣть на берегахъ Геллеспонта, и есть преданіе, что въ нѣдрахъ ихъ скрываются останки славныхъ героевъ троянской войны: Ахилла, Патрокла, Эанта и др. Упоминаютъ, что и на мараонскомъ полѣ есть могилы павшихъ здѣсь храбрыхъ сыновъ Греціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются могилы, окаймленныя внизу каменною стѣною (*κρηπίς*) для того, чтобы земля не обрушивалась.

Иногда, въ особенности въ скалистыхъ странахъ, мѣстомъ погребенія служатъ пещеры или естественныя, или сдѣланныя человѣческими руками. Множество такихъ гробницъ, въ которыя спускались внизъ по лѣстницамъ, находится на греческихъ островахъ. Весьма часто онѣ устроены также надъ землею въ косогорѣ, и входъ въ нихъ украшенъ искусно сдѣланнымъ фасадомъ, представляющимъ фасадъ деревянныхъ жилыхъ домовъ или храмовъ. Такія гробницы не рѣдки въ Ликии; изъ нихъ мы представляемъ здѣсь (на рис. 137.) одну, сдѣланную въ скалѣ близъ Миры, въ которой не только фасадъ сруба, но и внутренность отдѣланы по аналогіи съ жилымъ домомъ, и сверхъ того стѣны

¹⁾ Этотъ способъ погребенія мы встрѣчаемъ въ древнѣйшую пору у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Ср. Я. Э. Воцеля: Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности (въ переводѣ Н. П. Задеракаго), стр. 489 и слѣд.

скалы украшены полувыпуклыми (расписанными) изображеніями. Въ этомъ замѣчается греческое вліяніе на домашнее искусство Ликійцевъ, которое въ свою очередь развилось, какъ кажется, изъ египетскихъ образцовъ.

Подобныя гробницы въ скалахъ встрѣчаются на Кипрѣ и въ особенности въ древней Киренѣ (на сѣверномъ побережьи Африки), гдѣ онѣ устроены въ террасахъ скалъ и почти вездѣ украшены портиками. Какой живописный видъ представляютъ эти гробницы, можно судить по рисункамъ, здѣсь помѣщеннымъ, изъ которыхъ рис. 138. изображаетъ гробницу на Кипрѣ, имѣющую форму двора, окруженнаго колоннами, а рис. 139. цѣлый рядъ киренскихъ гробницъ. Въ доказательство того, что при всѣхъ этихъ постройкахъ видно египетское вліяніе, мы помѣщаемъ на рис. 140. фасадъ гробницы въ скалѣ близъ Beni-Hassan (др. Nus) въ среднемъ Египтѣ изъ конца 3-го тысячелѣтія до Р. Хр. по Ленсію (ср. еще стр. 5).

Но мало того, что Греки строили гробницы; они снабжали ихъ, изъ благодарности къ своимъ милымъ въ подземномъ царствѣ, также алтарями и другими памятниками, изъ которыхъ чаще всего встрѣчаемъ, уже Гомеромъ (Ил. XI. 371., XVI. 675 и т. д.) упоминаемые столбы (*στῆλαι*) въ позднѣйшемъ, намъ извѣстномъ, видѣ каменныхъ пилеастровъ, украшенныхъ наверху красивыми пальметтами или щитками (*ἐπίθημα*, рис. 141. и 142.), или въ видѣ

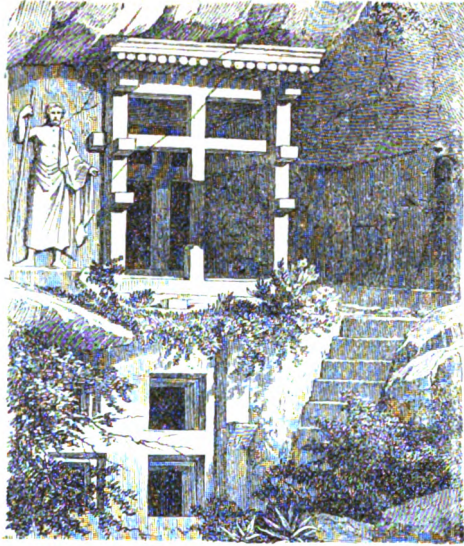

Рис. 137. Гробница въ скалѣ у Миръ (въ Ликіи).

Рис. 138. Гробницы на островѣ Кипрѣ.

храмовыхъ фасадовъ съ вырѣзаннымъ именемъ или также съ выпуклымъ изображеніемъ (*εἰκών*)¹⁾ покойника, затѣмъ дѣйствительныя колонны (*κλώνες*), или только простыя на гробъ положенныя каменные доски (*τράπεζαι*), и наконецъ статуи покойниковъ, которыя ставили или въ гробницахъ, или надъ гробницами.

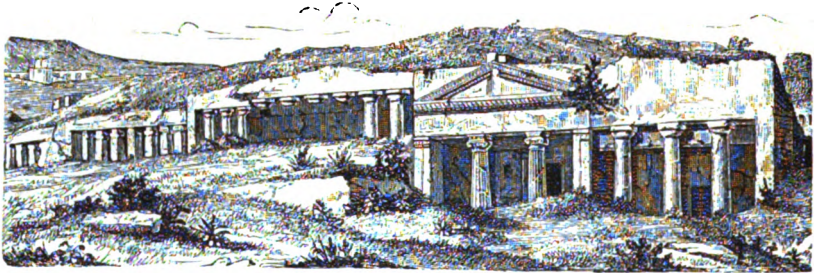

Рис. 139. Кладбище близъ древней Кирены въ Африкѣ.

Наконецъ устраивали гробницы на земной поверхности, или высѣкая ихъ совершенно въ скалѣ (въ скалистыхъ странахъ, именно въ Ликіи и на Родосѣ) на подобіе четырехугольных пилястровъ²⁾ или часовень, или же строя

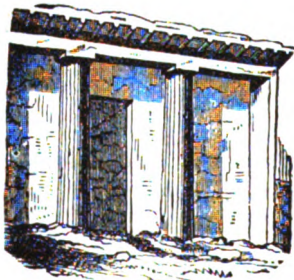

Рис. 140. Гробница въ скалѣ въ Beni-Nassan въ Египтѣ.

ихъ изъ камня то въ видѣ четырехугольных пирамидъ (какихъ нѣсколько найдено въ Арголидѣ), то въ видѣ конусовъ. Такимъ образомъ, не будучи скрыты въ нѣдрахъ земли, онѣ живо напоминали роднымъ того, останки котораго онѣ хранили. Но если такія гробницы должны были поддерживать и прославлять память объ умершемъ и у другихъ, чужихъ людей (а не только у родныхъ), то необходимо было дать имъ форму болѣе видную, сдѣлать ихъ бросающимися въ глаза памятниками. Такъ было въ позднѣйшія времена, когда скульптурное и архитектурное искусства находились въ эпохѣ процвѣтанія; тогда гробницы были украшаемы изображеніемъ покойника въ какой нибудь особенно

¹⁾ Самая замѣчательная и особенно важная для исторіи искусствъ, это стела Аристонинова изъ перваго періода персидскихъ войнъ въ Аеинахъ.

²⁾ Къ такимъ принадлежитъ важный для исторіи искусствъ пилястръ Гарпій, найденный у Ксанеа въ Ликіи и хранящійся теперь въ британскомъ музеѣ.

знаменательный или критический момент его жизни. Такъ напр. рис. 143. представляет надгробный памятник мореплавателя, сидящаго на морском берегу предъ кораблемъ, рис. 144. дѣвушку, находящуюся въ послѣдній разъ въ средѣ семейства, и рис. 145. мать, прощающуюся съ своею дочерью.

Рис. 141. Надгробный столбъ (στῆλη), по рисунку на вазѣ.

Рис. 142. Надгробный столбъ безъ верхушки, по рисунку на вазѣ.

Правда, въ Афинахъ было положено строить памятники не дороже такихъ, какіе могутъ быть кончены въ три дня десятью мастерами; но оказывается, что уже въ 4 столѣтіи воздвигались

Рис. 143. Надгробный памятникъ, открытый на островѣ Делосѣ.

Рис. 144. Надгробный памятникъ греческой дѣвушки.

роскошные памятники, которые украшались рѣзными работами и живописью. Это подтверждаютъ нѣкоторыя фамилыя гробницы, открытыя недавно близъ Дипила, которыя почти все украшены трогательными сценами изъ жизни покойниковъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно запечатлѣвшихся въ нашей памяти, мы упо-

мянемъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ. Молодая Аѣинянка, сидя на крестѣ, прощается съ мужемъ Діономъ и подаетъ ему руку, онъ же смотритъ на нее съ смущеннымъ отъ горя лицомъ. Молодая Поликсена въ послѣдній разъ нагибается къ своему сыну, который не догадывается, почему печалится подлѣ стоящая воспитательница его. На другомъ памятникѣ мы опять видимъ Протоною, печально смотрящую на дочь Эвболину и на мужа Онесима, который въ грусти стоитъ поодаль, подперши голову

Рис. 145. Надгробный памятникъ Фрасиклеи въ Аѣинахъ.

Рис. 146. Надгробный памятникъ Дексилея близъ Дипила въ Аѣинахъ.

лвою рукою. Въ особенности выдается въ ряду этихъ памятниковъ гробница Дексилея, сына Лисаніева, навшаго въ битвѣ предъ Коринеомъ въ 334/3 году. Онъ представленъ въ видѣ всадника, бросающагося на нѣшаго непріятеля, опрокинутого конемъ (Рис. 146.). Это рельефъ превосходной работы. Демосѣенъ говоритъ также о памятникѣ одной госпожи, который стоилъ болѣе 2 талантовъ (2500 рублей; Dem. *κατὰ Στεφάνου* §. 79.).

Гробницы имѣли различные виды, чаще всего видъ храмовъ (*ναΐδια*). Это объясняется тѣмъ, что умершіе находились у Грековъ въ большомъ почетѣ и считались иногда даже полубогами (героями, откуда онѣ и носятъ названіе *ἡρώα*); общее же ихъ названіе „памятники“ (*μνηματα, σημεῖα* и *μνηεῖα*). Прекрасные остатки храмовидныхъ гробницъ найдены близъ Ксанеа въ Ликіи. Рис. 147. даетъ намъ видъ одного памятника, многочисленныя остатки котораго находятся теперь въ британскомъ музеѣ. Высой фундаментъ окружаютъ два пояса съ выпуклою

рѣзбою. Гробница сама сдѣлана на подобіе храма іонійскаго стиля, окруженнаго вокругъ колоннадою, фризъ и фронтоны котораго изукрашены рельефами. На эту гробницу похожъ памятникъ близъ Цирты (рис. 148.), состоящій изъ трехъ частей, а именно: изъ фундамента, изъ собственной гробницы и изъ храма дорійскаго стиля безъ святилища. Въ особенности великолѣпенъ былъ, по мнѣнію древнихъ, такъ наз. Мавзолей, причисляемый древними къ „семи

Рис. 147. Гробница у Ксанва въ Ликии (дополненная по Фалькнеру).

чудесамъ свѣта.“ Это былъ надгробный памятникъ, воздвигнутый въ Галикарнассѣ карійскому царю Мавзолу (377—353) его супругою Артемисіею. Этотъ памятникъ украшенъ былъ на четырехугольномъ фундаментѣ многочисленными рельефами и въ особенности отличался тѣмъ, что на 36 коринтскихъ колоннахъ, окружавшихъ его святилище (cella), покоилась пирамида (!) о 24 ступеняхъ, на вершинѣ которой стояло замѣчательное пластическое произведеніе — четверня, управляемая царемъ, стоящимъ на колесницѣ. Памятникъ имѣлъ 140 футовъ вышины и столько-же въ окружности: (Plin. Н. Н. XXXVI. 4, 9). Онъ пользовался славою по скульптурнымъ работамъ знаменитыхъ въ то время художниковъ Скопаса, Бриаксиса, Тимофея и Леохареса.

Если случалось иногда, что родные или сограждане умершаго не имѣли его останковъ, а между тѣмъ все таки хотѣли увѣковѣчить память его, то ставили ему

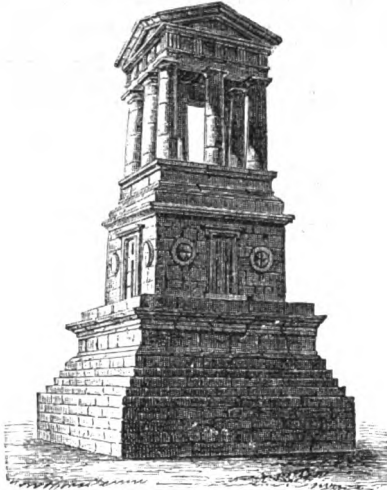

Рис. 148. Римскій памятникъ близъ Цирта (Константины).

памятникъ, который называли *κενοτάφιον* (пустой гробъ). А отъ кенотафія уже только одинъ шагъ къ почетнымъ памятникамъ, которые Греки сооружали въ честь знаменитыхъ мужей, въ особенности такихъ, которые прославились въ публичныхъ состязаніяхъ, гимнастическихъ или музыкальныхъ. Самые обыкновенные памятники этого рода состояли изъ столбовъ, снабженныхъ простою надписью и поддерживающихъ или статую героя или другую вещь его напоминающую, или наконецъ металлическіе треножники, какъ знакъ побѣды. Ве-

либолѣпень былъ памятникъ Лисиграта въ Афинахъ, поставленный имъ въ память славной побѣды, которую онъ одержалъ при помощи составленнаго имъ отряда мальчиковъ въ 335 году, и извѣстный подъ именемъ „Диогенова фонаря.“

Гробницы и надгробные памятники у Римлянъ.

34. Способы устройства римскихъ гробницъ были тѣже, что и у Грековъ; должно замѣтить только, что у Римлянъ въ древнѣйшія времена, по древне-италійскому обычаю, какъ кажется, клали мертвыхъ непосредственно въ землю и покрывали ихъ дерномъ, и что другимъ способамъ погребенія они научились впоследствии у сосѣдей Этрусковъ, а также у Грековъ.

Въ Италіи сохранились знаменитые остатки гробницъ или подземныхъ (напр. въ древнемъ Caere въ Этруріи), или высѣченныхъ въ скалѣ и снабженныхъ подходящимъ фасадомъ (напр. въ Norchia, Castell d'Asso), или насыпанныхъ на подобіе кургановъ. Римляне, слѣдуя примѣру Этрусковъ, устраивали въ древнѣйшія времена свои гробницы тоже подъ землей, и то всего чаще въ ка-

комъ нибудь холмѣ, который въ такомъ случаѣ превращался въ пещеру, какъ напр. гробница Циціоновъ при Аппіевой дорогѣ въ Римѣ (недалеко отъ термъ Каракаллы). Эта гробница въ высшей степени замѣчательна найденными въ ней саркофагами семьи Циціоновъ, изъ коихъ въ особенности останавливаетъ наше вниманіе тотъ, который скрывалъ въ себѣ останки Л. Корнелія Циціона Барбата (консула въ 298 г. до Р. Хр.), съ надписью, важною и въ лингвистическомъ отношеніи. Изображеніе его даетъ намъ рис. 149; онъ сдѣланъ изъ пеперина въ стилѣ отчасти дорійскомъ, отчасти

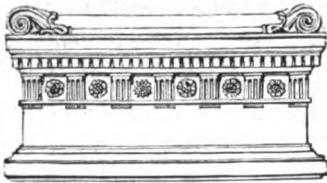

Рис. 149. Саркофагъ Циціона Барбата въ ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

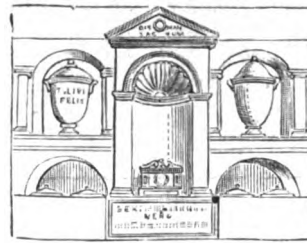

Рис. 150. Внутренность римской гробницы съ нишею для саркофага и другими, меньшими для урнъ.

іонійскомъ, и такимъ образомъ служитъ древнѣйшимъ доказательствомъ греческаго вліянія на римское искусство. Подобнымъ, но болѣе правильнымъ образомъ устроена и гробница Назоновъ при Фламиніевой дорогѣ.

Гробницы позднѣйшихъ временъ суть помѣщенія со сводами, въ стѣнахъ которыхъ находятся иногда большія ниши для саркофаговъ, такъ наз. *cineraria*, а возлѣ нихъ другія болѣе многочисленныя меньшія ниши — *loculi* (рис. 150), въ которыя вдѣлывались урны (*ollaе*), обыкновенно по двѣ, съ пепломъ тѣхъ, имя которыхъ вырѣзано было на каменной доскѣ надъ нишей или также подъ нею (рис. 151); иногда ставили ихъ просто въ ниши и на пристѣнкахъ въ гробницахъ. Последнее мы видимъ на рис. 152., представляющемъ внутренность помпейскихъ гробницъ и сдѣланномъ по надгробному памятнику Неволен Тихи, изображеніе котораго см. ниже на рис. 154.

Такія гробницы съ нишами назывались *columbaria* (голубятни); онѣ были или меньшія фамиліяныя (*sepulcrum familiare*) для членовъ семейства, къ которому принадлежали также вольноотпущенники, или большія общія (*sepulcrum commune*), нерѣдко съ нѣсколькими сотнями нишъ. Последнія устраивали или

богатыя частныя лица, имѣвшія такъ много вольноотпущенниковъ, что не доставало для нихъ мѣста въ фамильной гробницѣ, какъ напр. императоры, или частныя предприниматели, продававшіе бѣднымъ людямъ мѣста въ гробницѣ; чаще же всего устраивали себѣ общія гробницы члены многочисленныхъ обществъ въ Римѣ (*societates, sodalitates*).¹⁾ Одна такая общая гробница, открытая у бывшихъ номентанскихъ воротъ (нынѣ *porta Pia*) въ Римѣ, содержала нѣсколько сотъ нишъ, изъ коихъ каждая устроена

Рис. 151. Урны въ нишахъ.

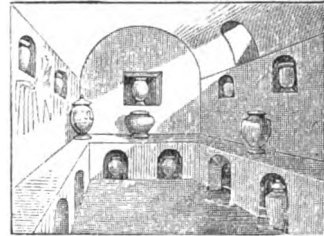

Рис. 152. Внутренность фамильной гробницы Неволеи Тихи въ Помпеяхъ.

была для двухъ урнъ; еще больше гробница, которую при Аппіевой дорогѣ устроила, кажется, своимъ вольноотпущенникамъ Ливіа, супруга Августа. Наконецъ устраиваемы были общія гробницы для бѣдныхъ общинами и филантропами.

Гробницы, устраиваемыя на поверхности земли, были зданія, сдѣланныя изъ камня по всѣмъ архитектурнымъ правиламъ. Эти гробницы, смотря по различной состоятельности владѣльца и различному вкусу строителя, имѣютъ разнообразный видъ. Такъ на четырехугольномъ фундаментѣ встрѣчается въ одномъ мѣстѣ постройка коническая, въ другомъ цилиндрическая, въ третьемъ башневидная; даже пирамида, подобная египетскимъ, до сихъ поръ подымается въ Римѣ у воротъ св. Павла надъ гробомъ Цестія.

Чаще всего встрѣчается, также какъ и у Грековъ, форма храмовая. Внутри эти гробницы имѣютъ саркофаги и ниши для урнъ подобно подземнымъ гробницамъ, но сверхъ того сюда, какъ въ жилище умершаго, помѣщали всѣ тѣ предметы, которые могли служить живому для украшенія или комфорта и удовольствія, какъ-то: платье, драгоценности, (для дѣтей) игрушки, статуйки боговъ, жерт-

¹⁾ Общія гробницы имѣютъ еще теперь отдѣльныя общества въ Италіи, напр. въ Неаполѣ, Болоньи, такъ что и бѣдному можно такимъ образомъ приобрести себѣ приличную гробницу.

венный приборъ, лампы, которыя зажигали въ нѣкоторые дни, и т. д. Надъ собственнымъ гробомъ или возлѣ него находятся въ богатыхъ гробницахъ помѣщенія, гдѣ родные умершаго собирались въ извѣстные дни для поминальнаго празднества; иногда здѣсь устраивался и триkliniй для поминальнаго обѣда (*cenae funebres*); бывало при нихъ и жилище (*taberna*) для какого нибудь вольноотпущенника, который смотрѣлъ за памятникомъ и всѣмъ тѣмъ, что принадлежало къ нему, какъ напр. сады, портики, колодцы, цистерны и т. д. (*custodia sepulcra*).

Что касается до мѣста, то гробницы встрѣчаются чаще всего близъ дорогъ, чтобы быть на глазахъ у живыхъ. Такъ въ Римѣ въ особенности *via Appia*, самая многочисленная изъ всѣхъ римскихъ дорогъ, была украшена по обѣимъ сторонамъ гробницами. Подобнымъ же образомъ тянулись, какъ можно судить по развалинамъ, памятники на протяженіи 5 верстъ вдоль древней латинской дороги

Рис. 153. Помпейскія гробницы вдоль геркуланской дороги.

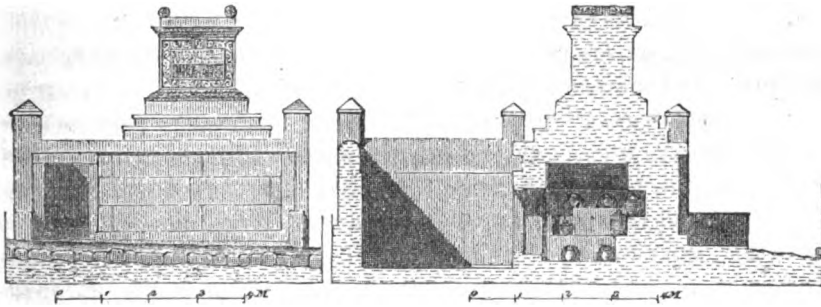

Рис. 154. Гробница Неволея Тиха въ Помпеяхъ.

отъ Рима къ Албану. Интересно тоже одно кладбище въ Помпеяхъ, которое простирается по обѣимъ сторонамъ геркуланской дороги предъ воротами того-же имени и заключаетъ въ себѣ большею частью почетные памятники, поставленные заслуженнымъ мужамъ отъ общины. Рис. 153. представляетъ намъ изображеніе правой стороны помпейскаго кладбища по направленію къ городу, а рис. 154. одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ въ видѣ алтаря, который, какъ видно изъ надписи, приказала поставить еще при жизни Неволея Тиха себѣ и Л. Мунатію Фаусту, равно какъ и

всѣмъ своимъ вольноотпущенникамъ и вольноотпущенницамъ. Необыкновенную форму имѣютъ гробницы, устроенныя на подобіе полукруглыхъ сидѣній и находящіяся съ лѣвой стороны близъ городскихъ воротъ, изъ которыхъ двѣ не покрыты, а одна, видъ коей представленъ на рис. 155., покрыта полукуполомъ на подобіе абсиды; внутреннія стѣны послѣдней украшены были нѣкогда живописью.

Если эти гробницы отличаются одна отъ другой уже по формѣ, то тѣмъ болѣе онѣ стали отличаться отдѣлкою и роскошью со временъ имперіи, т. е. съ тѣхъ поръ, когда и великолѣпные

Рис. 155. Гробница изъ помпейскаго кладбища, имѣющая форму ниши покрытой полукуполомъ.

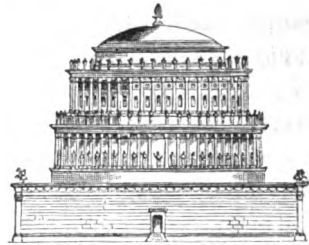

Рис. 156. Видъ Гадріанова Мавзолея по Лабакку.

дворцы вельможъ стали затмѣвать жилища обыкновенныхъ гражданъ. Не могъ же властелинъ цѣлаго народа довольствоваться обыкновенною гробницею. Итакъ уже Августъ построилъ для себя и своихъ потомковъ гробницу необыкновенныхъ размѣровъ, съ паркомъ и аллеями вокругъ, стѣны которой стоятъ до сихъ поръ. Но еще болѣе роскошную гробницу воздвигъ впоследствии на правомъ берегу Тибра императоръ Гадріанъ, на подобіе выше упомянутого (стр. 155) намятника царя Мавзола (хотя въ архитектурномъ отношеніи далеко выше его), названную по его имени Mausoleum Hadrianum, громадная стѣны которой обращены въ панскую крѣпость, извѣстную подъ именемъ замка св. Ангела. Круглое зданіе этой гробницы, поднимающейся вверхъ на огромномъ квадратномъ фундаментѣ, окружено было, подобно периптеру, колоннами о нѣсколькихъ ярусахъ и весьма многочисленными статуями, и покрыто сверху куполомъ. Рис. 156. представляетъ ее наглядно по начертанію архитектора Лабакка изъ 1588 года, сходящемуся съ изображеніями ея на монетахъ и съ описаніемъ Прокопія (который рассказываетъ о бросаніи статуй съ этого памятника на Готовъ, осаждавшихъ Римъ).

Изъ меньшихъ памятниковъ, которые ставили Римляне или на гробахъ, или также вмѣсто гробницъ, мы должны назвать гермы, простые пиластры, сверху на половину закругленные на подобіе разсѣченной человѣческой головы, и такъ наз. циппы, четырехугольные или круглые пиластры, похожіе на жертвенникъ, которые употребляли иногда вмѣсто гробницъ такимъ образомъ, что верхнюю часть ихъ можно было снять, и въ отверстіяхъ, выдолбленныхъ подъ нею, сохранять пепель умершаго.

Наконецъ намъ остается поговорить о памятникахъ,

которые публично ставили въ честь лицъ, оказавшихъ какія нибудь услуги государству. Изъ памятниковъ въ тѣсномъ смыслѣ (въ обширномъ смыслѣ памятникомъ можетъ называться всякая постройка) самые знаменитые суть почетные столбы и арки. Древнѣйшими остатками почетныхъ столбовъ, которые мы встрѣчаемъ также у Грековъ, можно считать столбы, украшенные корабельными носами (*columnae rostratae*) въ честь побѣдителей въ морскихъ сраженіяхъ. Первый былъ поставленъ на Римскомъ форумѣ Г. Дулію въ память побѣды его надъ Карфагенянами въ 261 году до Р. Хр. и снабженъ надписью, перечисляющею взятые корабли и полученную добычу. Его позднѣйшая копія хранится теперь въ капитолійскомъ музее (рис. 157.). Изъ позднѣйшихъ столбовъ самый замѣчательный есть до сихъ поръ сохранившійся столбъ Траяна, служащій украшеніемъ форума того-же имени. Онъ имѣетъ вмѣстѣ съ базою и капителью 92, а вмѣстѣ съ огромнымъ кубическимъ фундаментомъ 109 рим. футовъ вышины ¹⁾, и состоитъ изъ мраморныхъ улиткообразныхъ глыбъ (отсюда *columna cochlys*), которые украшены на поверхности искусно сдѣланными рельефами,

Рис. 157. Столбъ Дулія, украшенный корабельными носами (columna rostrata).

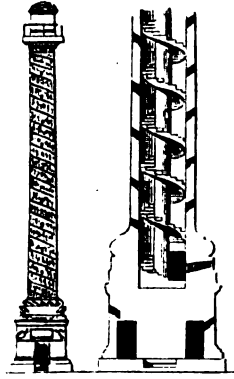

Рис. 158. Витой столбъ (*columna cochlys*) Траяна у форума его въ Римѣ.

¹⁾ Такова была, какъ видно изъ надписи, высота квиринальскаго выступа, который нужно было снять, чтобъ Траянъ могъ имѣть мѣсто для постройки своего форума.

представляющими сцены из Траянова похода против Даковъ (съ 2500 человѣческими фигурами). Капитель его поддерживала на цилиндрическомъ вышиною въ 8 футовъ пьедесталѣ позолоченную бронзовую статую императора, замѣненную теперь статуей св. Петра. До этого пьедестала вьется вверхъ внутри столба улиткообразная лѣстница, освѣщенная небольшими отверстіями въ завиткахъ. Видъ и разрѣзъ его представлены на рис. 158. На него похожъ, тоже сохранившійся (на площади Colonna), въ 100 рим. футовъ вышиною столбъ императора М. Аврелія Антонина, украшенный такимъ-же рядомъ сценъ изъ похода его противъ Маркоманновъ; сцены эти также выпуклой, но не столь совершенной работы, какъ на столбѣ Траяна. Наверху его находится теперь статуя св. Павла (на мѣстѣ прежней статуи императора), къ которой тоже ведетъ внутри витая лѣстница.

Почетныя арки или ворота встрѣчаются у Римлянъ довольно часто, и такъ какъ онѣ ведутъ свое начало отъ тріумфа, великолѣпнѣйшей изъ всѣхъ торжественныхъ римскихъ процессій, которая должна была не только одинъ разъ пройти чрезъ эти ворота, но и остаться на всегда въ памяти народа и такимъ образомъ увѣковѣчить славу тріумфатора, то они и называются по преимуществу тріумфальными или побѣдными (arcus triumphales), хотя иногда строились также въ память другихъ заслугъ. ¹⁾ О происхожденіи ихъ говоритъ Ливій (XXXIII. 27), что Л. Стертиній былъ первымъ, который изъ военной добычи, взятой въ Испаніи (въ 196 году до Р. Хр.), построилъ въ Римѣ двѣ арки на воловьемъ рынкѣ и одну въ циркѣ и украсилъ ихъ золотыми статуями. Только тогда, когда разрушенъ былъ Карфагенъ, и когда вслѣдствіе веденныхъ въ Азіи войнъ скопились въ Римѣ громадныя богатства и стали возникать роскошныя постройки (см. стр. 132), временныя арки, покрывавшія своими сводами дорогу, по которой направлялась процессія въ Капитолій, оказались для тріумфаторовъ недостаточными, такъ что они стали строить для увѣковѣченія ихъ имени великолѣпныя памятники изъ мрамора, украшенные рельефами, представляющими ихъ военные подвиги. Однако въ большомъ количествѣ онѣ возникли только во время императоровъ, и притомъ не только въ Римѣ, но и въ другихъ городахъ. Наиболѣе построено было ихъ въ честь

¹⁾ Такъ напр. Августу въ Арминіѣ (нынѣ Rimini) за его заслуги относительно Фламиніевой дороги, Траяну въ Беневентѣ за заслуги относительно Аппіевой дороги, и въ Анконѣ за возобновленіе гавани; Гадриану въ Аеинахъ за его заслуги относительно этого города и т. д.

Августа, Траяна и Гадриана. Въ Римѣ до сихъ поръ стоитъ шесть императорскихъ арокъ, изъ коихъ мы упомянемъ о трехъ самыхъ замѣчательныхъ и представимъ изображенія двухъ самыхъ громаднѣхъ. Во всѣхъ этихъ аркахъ обнаруживается характеръ римскаго народа, создавшаго ихъ. Находясь на открытыхъ мѣстахъ, онѣ отличаются простыми, но красивыми сводами своихъ проходовъ, коихъ бываетъ или одинъ или три; изъ нихъ средній больше двухъ

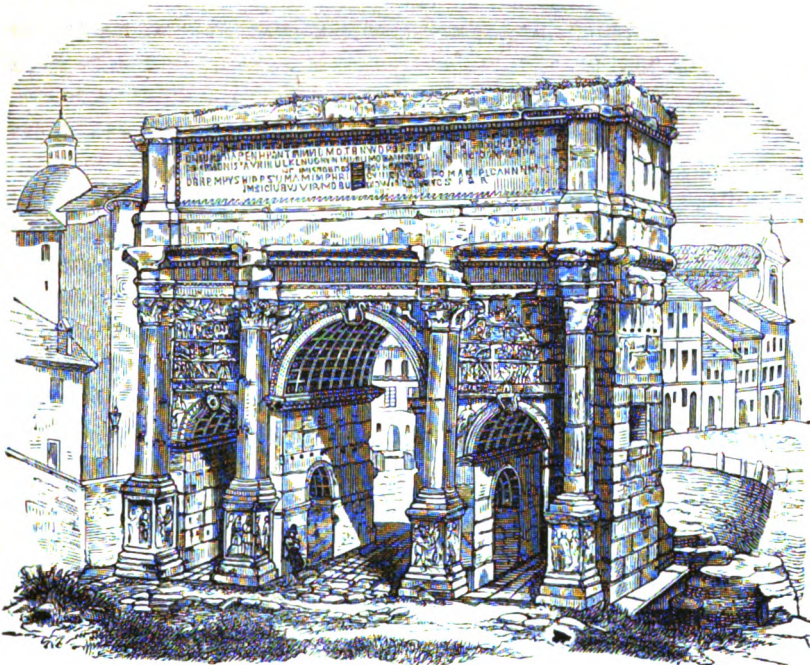

Рис. 159. Триумфальная арка императора Септимія Севера на capitoлийскомъ склонѣ въ Римѣ.

остальныхъ. Фасады ихъ украшены колоннами или полуколоннами, поддерживающими балку, на которой покоится еще одинъ невысокій ярусъ, такъ назыв. аттикъ; на немъ стояла обыкновенно металлическая четверня вмѣстѣ съ статуей побѣдоносца. Итакъ мы видимъ здѣсь римскій сводъ въ самомъ гармоническомъ соединеніи съ греческими колоннами. Пустыя поля съ фасада и внутри воротъ бывають украшены рѣзбою и рельефами искусной работы. Для примѣра триумфальной арки объ одномъ проходѣ мы приводимъ прекрасную мраморную арку Тита (arcus Titi) въ Римѣ на великомъ холмѣ недалеко отъ южнаго конца форума, поставленную

сенатомъ и городомъ Римомъ въ память известной побѣды Тита въ иудейскую войну. Прекрасныя барельефы, которыми украшены внутреннія стѣны, представлены будутъ ниже при описаніи триумфальнаго шествія. Примѣромъ арки о трехъ проходахъ служитъ арка Септимія Севера (рис. 159) и арка Константина между Паластиномъ и Целиемъ. Первая поставлена была на государственный счетъ императору Септимію Северу и сыну его Каракаллѣ въ 203 году по Р. Хр. Она сдѣлана, за исключеніемъ фундамента, изъ пентелійскаго мрамора. Коробовые своды проходовъ украшены розеттами въ красивыхъ углубленіяхъ. Обѣ фасадныя стороны раздѣлены четырьмя желобчатыми колоннами съ капителями сложнаго стилиа съ подходящими возлѣ нихъ пиластрами; въ обоихъ поляхъ по сторонамъ мы видимъ барельефы, представляющіе сцены изъ похода Севера противъ Персѣевъ и Арабовъ; эти сцены однако утомляютъ глаза своею многочисленностью и вообще свидѣтельствуютъ объ упадкѣ искусства. Выше въ художественномъ отношеніи арка Константина, составленная изъ разобранной арки Траяна, которая украшала некогда изящный форумъ этого императора, и, за исключеніемъ прибавленій изъ временъ Константина внизу на фундаментахъ, не имѣетъ себѣ равной ни относительно своего строенія, ни относительно скульптурныхъ украшеній (рис. 160).

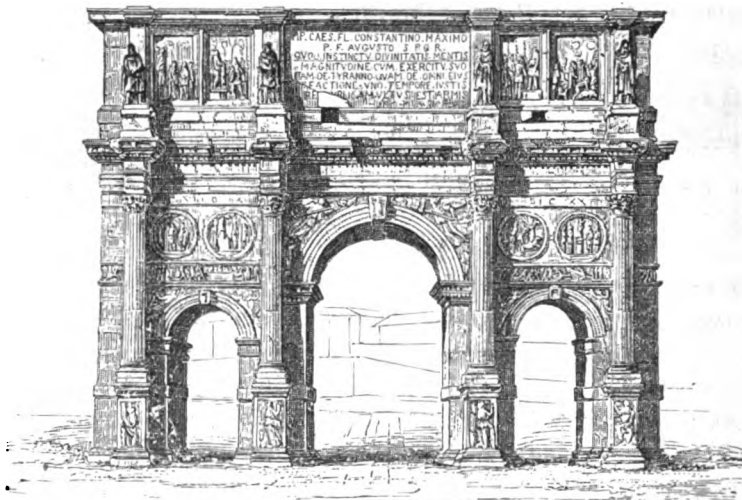

Рис. 160. Триумфальная арка императора Константина въ Римѣ.

Описавши важнѣйшія постройки Грековъ и Римлянъ, посмотримъ теперь, каковъ былъ образъ ихъ жизни, нуждами которой обусловлено самое существованіе построекъ, прослѣдимъ эту жизнь и въ мирное и въ военное время, прослѣдимъ ее отъ колыбели до могилы.

Намъ придется возвращаться къ описаннымъ нами выше постройкамъ, но уже какъ къ предметамъ извѣстнымъ: мы войдемъ опять въ домъ, посѣтимъ гимназіи и термы, зайдемъ и въ цркъ и въ стадію, въ театръ и амфитеатръ, побываемъ въ храмахъ и направимся, наконецъ, къ могиламъ, но уже только съ той цѣлью, чтобы во всѣхъ этихъ мѣстахъ наблюдать за обстановкою жизни Грековъ и Римлянъ.

Подобное распредѣленіе матеріала, по нашему мнѣнію, не послужитъ въ ущербъ дѣлу, такъ какъ, описавши сначала постройки одну за другою, мы, такъ сказать, систематически рассмотримъ рядъ предметовъ, имѣющихъ весьма важное значеніе для пониманія духа и потребностей жизни древнихъ Грековъ и Римлянъ. Намъ теперь легче будетъ прослѣдить духъ и потребности античной жизни, такъ какъ не нужно будетъ прерывать разсказа описаніемъ построекъ, которому посвящена уже значительная часть нашего труда.

I. Домашняя утварь.

35. Мы начнемъ съ древнѣйшей и необходимѣйшей для чело-
вѣка постройки, съ его жилища. Оно должно защищать чело-
вѣка отъ вреднаго вліянія извнѣ. Но одной этой защиты не достаточно.
Человѣкъ имѣеть еще много различныхъ потребностей. Желая сдѣ-
лать свою жизнь пріятною, онъ долженъ былъ позаботиться также
и объ удовлетвореніи этихъ потребностей. Уставши отъ хожденія
или стоянія, чело-вѣкъ оглядывается, гдѣ бы присѣсть; прекративъ,
послѣ захода солнца, дневную работу, онъ ищетъ, гдѣ бы лечь.
Эти нужды рано побудили чело-вѣка къ изготовленію мебели для
сидѣнія и лежанія, которую онъ разставилъ въ своемъ домѣ и внѣ
его. Самая насущная физическая потребность, именно потребность
питья и ѣды, навела его на изготовленіе различной посуды. По-
смотримъ же, какъ Римляне и Греки удовлетворяли этимъ и дру-
гимъ подобнымъ житейскимъ потребностямъ.

Мебель для сидѣнія.

Прежде чѣмъ начнемъ говорить о той или другой мебели, за-
мѣтимъ вообще, что устройство греческаго и даже римскаго дома
было, сравнительно съ нашимъ, гораздо проще; но за то всякая
утварь этихъ народовъ изяществомъ формы вообще далеко прево-
сходила нашу обыкновенную утварь. Такъ классической вѣкъ при-
давалъ прекрасный видъ и форму даже предметамъ, предназна-
ченнымъ для ежедневнаго употребленія, не забывая при этомъ даже
о мелочахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно замѣтить, что между греческой и рим-
ской утварью существуетъ сходство, или правильнѣе: римская
утварь носить на себѣ несомнѣнные признаки подражанія грече-
скимъ образцамъ. Впрочемъ, до насъ не дошло почти никакой
греческой утвари, и намъ приходится знакомиться съ нею только
по изображеніямъ, сохранившимся на вазахъ, и по скульптурнымъ

памятникамъ; римской же утвари сохранилось очень много и въ Помпеяхъ, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ жили Римляне, но деревянная утварь конечно сохранилась только въ весьма незначительномъ количествѣ.

У Грековъ различаютъ трехъ родовъ стулья; всѣ эти три рода оставались у нихъ постоянно въ употребленіи со времени, описываемаго въ Гомеровыхъ пѣсняхъ.

Это были:

а) Дифръ, *δίφρος*, низкій, легкій стульчикъ безъ спинки (табуретъ) съ четырьмя или отвѣсными или крестообразно въ видѣ Х соединенными ножками, таеъ что его можно было складывать

Рис. 161. Складной стулъ (*δίφρος ὀκλαδίας*), по изображенію на вазѣ.

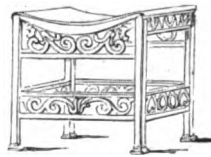

Рис. 162. Согнутый стулъ (*sella*) изъ бронзы, по помп. оригиналу.

и удобно было носить съ собою (*δίφρος ὀκλαδίας*). Ножки у дифра были или прямыя, или согнутыя, и искусно вырѣзывались или вытачивались; сидѣнье дѣлалось изъ ремней (рис. 161).

б) *Κλισμός* или *κλιτήρ* и *κλισίη*, стульчикъ, отличавшійся отъ предъидущаго тѣмъ, что у него для удобства была согнутая спинка.

в) *Θρόνος*, кресло, составляющее во многихъ отношеніяхъ прямую противоположность дифру: оно было высоко, тяжело, со спинкой, достигающей или до половины спины, или до головы сидящаго или даже и выше, съ ручками (*ἀγκῶνες*) по обѣимъ сторонамъ, служащими опорой для рукъ. На креслѣ сидѣли (уже и во время Гомера) князья; въ частномъ домѣ мѣсто на немъ принадлежало хозяину или почетному гостю, а въ присутственныхъ мѣстахъ судьямъ и начальникамъ города; въ храмахъ служило оно сѣдалищемъ боговъ (сравни рис. 25 и 166). Отсюда понятно, почему кресла, исключая домашнихъ, дѣлались изъ мра-

мора и изготовлялись искуснѣе всѣхъ другихъ стульевъ. Вышину кресла ясно опредѣляетъ на всѣхъ изображеніяхъ приставленная къ нему спереди скамеечка (подставка — греч. *θροῖνος*, атт. *ὑποπόδιον*). Она иногда прикрѣплялась къ креслу.

Для большаго удобства на сидѣнья всѣхъ этихъ стульевъ клались подушки, которыя въ свою очередь покрывались коврами, а на спинки ихъ — мягкія покрывала.

У Римлянъ мы встрѣчаемъ почти тѣ-же роды стульевъ, такового устройства и съ тѣми-же украшеніями:

а) Sella; это слово служило вообще названіемъ для всякаго рода стульевъ, но обыкновенно означало тоже самое, что и греческій

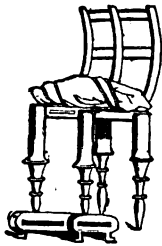

Рис. 163. Стулъ (cathedra), по изображенію въ Помпеяхъ.

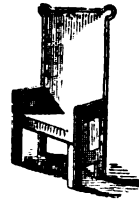

Рис. 164. Кресло (solium), по изображенію въ ватик. рукоп. Вергилія.

δίφρος. Это былъ стулъ, употреблявшійся преимущественно ремесленниками, солдатами, въ школахъ и хозяйствахъ. Искусно сдѣланныя бронзовыя селлы съ удобно вогнутымъ сидѣньемъ представляетъ намъ рис. 162. ¹⁾

б) Cathedra представляла *κλισιός* съ согнутой, весьма удобной спинкой, безъ ручекъ; рис. 163. Этотъ мягкій стулъ предназначался сначала только для женщинъ (Нор. Sat. I. 10, 91) и больныхъ, но впослѣдствіи и для мужчинъ, а въ школахъ для учителей (откуда теперешнее названіе известной классной мебели).

Совершенно похожее на греческій *θρόνος* и по устройству и по употребленію было

с) римское *solium* (рис. 164), которое иногда имѣло осо-

¹⁾ Что это былъ столикъ для жертвоприношеній (*anclabris*), какъ думаетъ Ричъ, трудно согласиться, такъ какъ этому назначенію не соответствуетъ ни незначительная его вышина (8 дюймовъ!), ни ширина (около 7 дюймовъ).

бенную, тяжелую подставку (scamnum, scabellum). На немъ сидѣлъ въ Римѣ pater familias, когда по утрамъ принималъ своихъ кліентовъ (Cic. Legg. I. 3, 10). Украшенные и драгоцѣнные кресла посвящались въ храмахъ богамъ и были похожи на тронъ Венеры, представленный по геркуланскому изображенію на рис. 165, или на

Рис. 165. Кресло Венеры (solium Veneris), по геркул. изображенію.

Рис. 166. Кресло Цереры (?), по мраморному ориг. въ Парижѣ.

мраморный столикъ (рис. 166), принадлежавшій по всей вѣроятности одному изъ храмовъ Цереры.

d) Чисто римскому обычаю обязана своимъ началомъ такъ называемая sella curulis (рис. 167.), стульчикъ безъ спинки, съ ножками, переложенными на подобіе раскрытыхъ коленъ и внизу

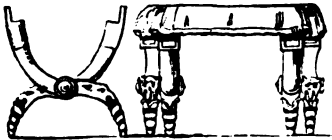

Рис. 167. Sella curulis, по оригиналу изъ Геркулана.

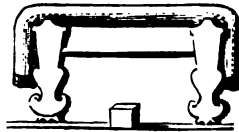

Рис. 168. Bisellium, по помпейскому барельефу.

загнутыми; въ древнія времена онъ дѣлался изъ слоновой кости, позже изъ мѣди. На него имѣли право садиться (кромѣ царей до республики и императоровъ послѣ нея) только высшіе сановники. ¹⁾

¹⁾ Консулы, преторы, курульскіе эдилы, цензоры, praefectus urbis; изъ экстраординарныхъ: диктаторъ, magister equitum (decemviri и tribuni militum consulari potestate); изъ жрецовъ только: pontifex maximus и sacerdotes Augustales.

е) Подобнымъ почетнымъ сѣдалищемъ, которое принадлежало къ знакамъ отличія и присвоено было заслуженнымъ чиновникамъ, жрецамъ и т. д. вѣдѣ Рима, было bisellium, стулъ длиною въ два сидѣнья безъ спинки (рис. 168).

Рис. 169. Купальный стульчикъ (sella balnearis) изъ термъ Каракаллы.

f) Sella balnearis (рис. 169) служила для удобства купающихся въ термахъ, какъ было сказано на стр. 70.

g) Subsella (scamna) были подвижныя скамейки, обыкновенно безъ спинки, назначавшіяся для большого числа лицъ; онѣ стояли въ мѣстахъ, назначенныхъ для судопроизводства, совѣщаній, въ баняхъ и т. п., дѣлались изъ дерева, иногда изъ бронзы. Къ этому-же разряду мебели принадлежали hemicyclia, крѣпкія, круглыя скамейки, помѣщавшіяся въ публичныхъ мѣстахъ, назначенныхъ для гуляній, въ садахъ и т. д.

Мебель для лежанія.

36. Если мы представимъ себѣ греческій диванъ значительно продолженнымъ, то получимъ обыкновенное греческое ложе, κλίνη. Иногда у него были крестообразно соединенныя ножки, и въ такомъ случаѣ можно было его складывать и переносить; такимъ было, по всей вѣроятности, гомеровское ложе δέμνια (въ Одиссеѣ). Бровати съ прямыми ножками были снабжены спинкой, большею частью только въ головахъ (ἀνάκλιτρον), а иногда и въ ногахъ

Рис. 170. Низкая кровать на тесьмахъ (κράββατος, grabatus).

(κλίνη ἀμφικέφαλος) и позади; въ последнемъ случаѣ онѣ очень походили на наши диваны. — Дѣлались такого рода кровати или софы изъ дерева, преимущественно изъ явора (σφένδαμνος), или изъ самшитоваго дерева (πύξος), впоследствии изъ бронзы; у нѣ-

которыхъ изъ нихъ отдѣльныя части, особенно ножки, дѣлались изъ болѣе драгоценнаго матеріала, напр. изъ слоновой кости или серебра, и были искусно и богато разукрашены.

Болѣе простыя кровати носили названія: σκίμπος, ἀσκάντης и κράββατος (отсюда происходитъ и русское названіе кровати); онѣ были низки, напр. ложе Сократа (см. Платоновъ діалогъ Про-

tagoras, pag. 310). Постель помѣщалась на тесьмахъ или на четырехъ свинченныхъ доскахъ или перекладинахъ (рис. 170.). Самый простой видъ постели представляла собой *χαμείνια*, предназначенная для рабовъ и бѣдняковъ, совсѣмъ низкая, состоявшая изъ одной подстилки (*στιβάς*) и рогожи (*ψάθιον*).

Въ древнія времена стлались постели (по описанію Гомера) слѣдующимъ образомъ: на доски кровати клали овчины (*κάεα*), на нихъ мягкіе шерстяные покровы или нѣчто въ родѣ одѣялъ (*ρήγεια*), а эти послѣднія покрывались льняными простынями (*λίνοιο ἄστων*, П. IX. 661) или шерстяными коврами (*τάπης*, Od. IV. 298); спящіе прикрывались плащами (*χλαῖναι*). Бѣдные спали

Рис. 171. Спальное ложе (lectus cubicularis), по древнему барельефу въ Римѣ.

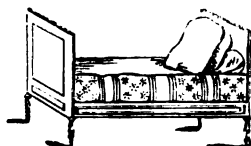

Рис. 172. Небольшое ложе для отдыха и занятій (lecticula lucubratoria), по помпейскому изображенію.

на одной овчинѣ или подстилкѣ, равно какъ и солдаты въ лагерѣ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ роскоши и изнѣженности, клали на тесьмы (атт. *κειρίαι*) матрацъ, набитый шерстью или пухомъ (*κνέφαλον*, *τυλεῖον*) съ льняной или шерстяной наволокой, а на него простыню (*ὑπόστρωμα*, *ἐπίβλημα*, *περίστρωμα* и т. д.); прикрывались лѣтомъ одѣялами (*ἐνευναῖα* или *ὑπανυχένια στρώματα*), а зимой овчинами и мѣхами. (Смотри ниже греческія похороны: ложе Архемера).

Такимъ образомъ были устроены не только кровати, но и кушетки въ общественныхъ залахъ, на которыхъ Греки, лежа на боку, проводили время въ чтеніи, письмѣ или размышленіи ¹⁾, а впослѣдствіи, приблизительно съ конца 6 вѣка до Р. Хр., и обѣдали (между тѣмъ какъ въ прежнія времена за обѣдомъ сидѣли). Скамеечки, образующія ступеньки къ кушеткѣ, были сравнительно длиннѣе, чѣмъ у кресла. — На этихъ кушеткахъ помѣщались, обык-

¹⁾ Письменныхъ столовъ не знали ни Греки, ни Римляне.

новенно, два, рѣдко три лица, которыя опирались лѣвымъ плечомъ на подушки (*проскеφάλαιον*), покрытыя обыкновенно пестрой матеріей.

Римское ложе, *lectus*, было совершенно сходно съ греческимъ, только во времена императоровъ отличалось большимъ изяществомъ; оно дѣлалось изъ дерева и украшалось слоновою костью, черепахою, серебромъ и золотомъ (*lectus eboratus, testudineus, inargentatus, inauratus*), или же было советѣмъ изъ бронзы, а въ императорскія времена нерѣдко даже изъ серебра. Постель устраивалась въ позднѣйшія времена слѣдующимъ образомъ: На матрацы (*torus*), номѣщавшіеся на тесьмахъ (*fasciae, institae*), протянутыхъ

Рис. 173. Столовая софа (*lectus tricliniarius*) для двухъ лицъ.

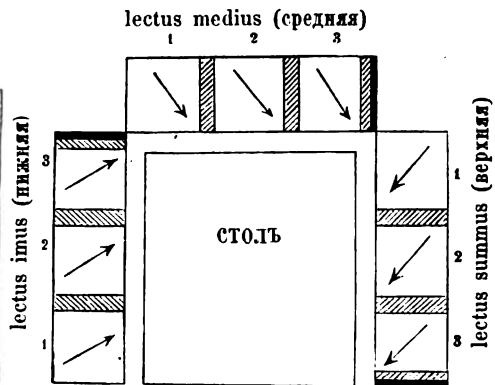

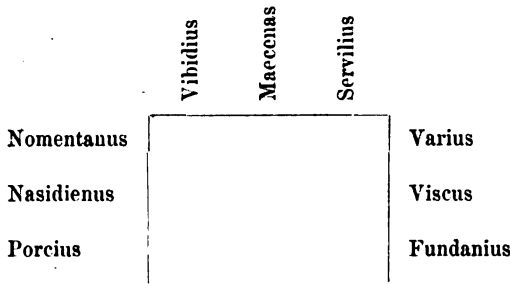
Рис. 174. Столовая софы (*lecti tricliniariae*) для девяти лицъ.

черезъ станокъ ложа, клались изголовки (*culcita, cervical*); тѣ и другіе въ позднѣйшія времена набивались обыкновенно шерстью, пухомъ и волосомъ; на нихъ клались покрывала (*vestes, stragulae*, у богачей нерѣдко пурпуровыя и шелковыя), и наконецъ подушка (*pulvinus*) и одѣяло (*opertorium*). Такого-же рода (только со спиною въ головахъ и съ боковою доскою) было ложе, на которомъ Римляне спали (*lectus cubicularis*, рис. 171.), а также софа, на которой Римляне, не зная, подобно Грекамъ, письменныхъ столовъ, отдыхали и занимались (*l. lucubratorius, lecticula lucubratoria*, Suet. Aug. 78; рис. 172.), и на которой мужчины возлежали во время обѣда (*l. tricliniarius*, обѣденная или столовая софа). Объ этой послѣдней мы подробнѣе поговоримъ ниже. Греческій *σκήπτρον* получилъ у Римлянъ во времена императоровъ, на оборотъ, значеніе изящнаго ложа „*scimprodiū*.“ Особый родъ низкаго ложа

составлялъ такъ наз. lectus punicanus. Ложе завѣшивалось тонкою сѣтчатую матерію, которая защищала избѣженныхъ людей отъ комаровъ и мухъ (culicare conopium, conopium).

Lectus tricliniarius была широкая, въ головахъ возвышенная софа, предназначавшаяся, обыкновенно, для трехъ человѣкъ, которые, лежа на ней рядомъ другъ подлѣ друга, лѣвою рукою опирались на отдѣляющія ихъ низкія подушки, а правою брали кушанья. Рис. 173. представляетъ намъ такую софу для двухъ человѣкъ, великолѣпно убранную, съ закрытымъ коврами (togalia) станкомъ и притомъ наглядно объясняетъ тотъ обычай, по которому женщины за столомъ сидѣли на нижнемъ краю софы.

Обыкновенно ставились въ столовой три такихъ софы (triclinium, отсюда и называлась столовая triclinium) по римскому

обычаю для девяти пирующихъ. Ихъ число должно было равняться числу музъ. Софы ставились такимъ образомъ, что онѣ образовывали три стороны четырехугольника; четвертая сторона оставалась открытой для доступа къ столу рабовъ, прислуживавшихъ и приносившихъ кушанья (рис. 174.). Мѣста пирующихъ обозначены на рис. стрѣлками, отдѣляющія пирующихъ низкія подушки штрихами, а спинки (plutei) на концѣ каждой софы толстыми линиями. Средняя изъ этихъ софъ называлась lectus medius, надлѣво отъ этой (со стороны пирующихъ) находился lectus summus, а направо lectus imus; находящіяся на каждой софѣ три мѣста назывались: locus summus (1), locus medius (2), locus imus (3). Lectus medius и summus назначались для гостей; изъ нихъ lectus medius для самыхъ почетныхъ гостей, lectus imus для хозяина, его жены и сына, если они находились за столомъ, или для вольноотпущенниковъ.

Самымъ почетнымъ мѣстомъ было locus medius (или inferior) in medio (lecto), потомъ locus imus in medio, носившій названіе

consularis потому, что, если присутствовал консуль, то онъ сидѣлъ на немъ, съ тою цѣлю, чтобы онъ, въ случаѣ надобности по службѣ, могъ безпрепятственно оставить обѣдъ. Ближайшее къ этому мѣсто — locus summus in imo — принадлежало хозяину. Образцемъ пира съ подобнымъ описанному нами расположеніемъ пирующихъ можетъ намъ послужить извѣстный пиръ, описанный Горациемъ (Sat. II, 8), данный въ честь Мецената Насидіеномъ Руфомъ. Размѣщеніе гостей во время этого пира см. на стр. 173.

Уже во времена республики устраивались въ одной столовой по три триklinія и даже больше того. Когда вошли въ употребленіе круглыя столы, то и софы ставились въ полукругъ на подобіе греческой буквы С (= Σ), или дѣлались полукруглой формы, вслѣдствіе чего и назывались „sigma“ или „stibadia“, хотя, какъ кажется, предназначались для меньшаго числа лицъ, напр. для шести или семи (потому-то и назывались hexaclinon, heptaclinon). Почетныя мѣста здѣсь были на концахъ (cornua), главнымъ образомъ на лѣвомъ.

Чаще всего встрѣчаются (по крайней мѣрѣ въ Помпеяхъ) въ спальняхъ и столовыхъ (рис. 114) каменныя кушетки, на которыя оставалось только положить подушки и ковры.

Столѣ.

37. Столы у древнихъ не были въ такомъ употребленіи, какъ у насъ, такъ какъ они предназначались единственно для того, чтобы на нихъ во время пира а также и въ другое время ставить посуду. Греческіе столы (*τράπεζαι*) по формѣ своей ничѣмъ не отличались отъ нашихъ столовъ: въ древнія времена они были четырехугольныя на четырехъ ногахъ (откуда названіе *τράπεζαι* = *τετράπεζαι*) или круглыя и овальныя на трехъ, нѣсколько позже также и на одной ногѣ. Греческіе столы отличались отъ нашихъ тѣмъ, что были гораздо ниже соразмѣрно низкимъ софамъ, на которыхъ лежали пирующие.

У Римлянъ въ задѣ, назначенной для пира, кромѣ четырехугольнаго, впослѣдствіи большей частью круглаго, а иногда имѣвшаго видъ полумѣсяца (*mensa lunata*) на подобіе стибадія, главнаго стола на трехъ ногахъ, стоявшаго по серединѣ триklinія, было нѣсколько другихъ малыхъ и подвижныхъ, четырехугольных или круглыхъ столовъ, тоже на трехъ ногахъ (*mensa tripes*), и

столь-же низкихъ, какъ и главный столъ; они ставились возлѣ софѣ (рис. 175.; сравни рис. 173.). Въ кухняхъ употреблялись четырехугольные столы для посуды (*mensae vasariae, urnariae.*)¹⁾

Что касается матеріала и виѣшней отдѣлки, то уже греческіе столы въ этомъ отношеніи отличались большимъ великолѣпіемъ. Ножки къ нимъ изготовлялись весьма искусно не только изъ дерева (по большей части явора), но также изъ бронзы, или даже изъ дорогихъ металловъ и слоновой кости. Римскіе столы были еще роскошнѣе. Трудно повѣрить, сколько издерживали на нихъ Римляне. Верхнія доски, четырехугольные или круглыя (*orbis*), приготовлялись изъ отдѣльныхъ цѣльныхъ кусковъ самаго дорогаго дерева, именно мавританскаго цитра (*thuia cypressiodes, θυία, θύον*).

Рис. 175. Объединенный столикъ (*mensa tripes*), по помпейскому изображенію.

Въ этомъ деревѣ высоко цѣнилось красивое и разнообразное расположеніе жилокъ и точекъ, которое и теперь придаетъ особенную цѣнность доскамъ орѣховаго и еще больше полисандроваго дерева. Цицеронъ, напр., когда-то купилъ подобную цитровую доску для стола за миллионъ сестерцій (около 50,000 рублей серебромъ). Къ столь цѣнной доскѣ придѣлывалась не менѣе цѣнная ножка изъ слоновой кости (*τραπέζαι ἐλεφαντόποδες*), откуда такіе столы назывались „*monopodia*.“

Чаще всего употреблялось цитровое дерево (по причинѣ высокой его цѣнности) на доски (*laminae*) большихъ столовъ, помѣщавшихся преимущественно въ триkliniяхъ. Изъ предосторожности эти столы покрывались скатертями изъ пушистой матеріи (*gausarae*) и такою-же матеріей обтирались. Столы небогатыхъ людей дѣлались изъ обыкновеннаго буковаго дерева съ ножками изъ жженой глины (*Mart. II. 43, 10*).

Кромѣ того Римляне для выставки драгоценныхъ приборовъ (*exponere argentum*), какъ-то: чашекъ, блюдцевъ и т. п., употребляли небольшіе столики, доски которыхъ, обыкновенно четырехугольныя съ возвышенными немного краями, дѣлались изъ мрамора, иногда изъ серебра и даже изъ золота (*abaci, cartibula*). Изображеніе одного такого стола помѣщено на стр. 124 (рис. 123.). Сюда по всей вѣроятности принадлежитъ такъ называемый *trapezo-*

¹⁾ Лавки торговцевъ, напр. фруктами, птицею, рыбою, лавки мясниковъ и мѣняльщики назывались тоже *mensae*.

phorum (Cic. Fam. VII. 23), цѣна котораго зависѣла отъ того, на сколько искусно сдѣлана его ножка (рис. 176.).

Подобное назначеніе имѣли и столы, называвшіеся дельфійскими (mensae delphicae), дѣлавшіеся изъ бронзы или изъ мрамора на подобіе треножника. Доски ихъ или плоскія или съ углубленіемъ помѣщались на трехъ, обыкновенно звѣрообразныхъ ногахъ изъ такого-же матеріала. Въ Помпеяхъ найдено нѣсколько такихъ мраморныхъ и бронзовыхъ столиковъ. Рис. 177. представляетъ намъ маленькій такого рода столикъ изъ мрамора; рис. 178. такой-же столикъ изъ бронзы. Описаніе ихъ, при ясномъ и отчетливомъ изображеніи, считаемъ лишнимъ.

Рис. 176. Великолѣпно отдѣланный столикъ для выставки вещей (trapezophorum), снятый съ глиняной лампы.

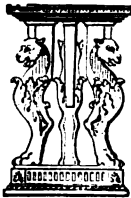

Рис. 177. Столикъ изъ мрамора для выставки вещей (delphica).

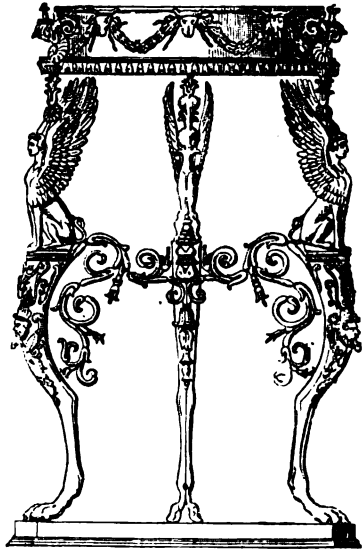

Рис. 178. Столикъ изъ бронзы для выставки вещей (delphica), по помп. ориг.

Сундуки и лари.

38. О сундукахъ и комодахъ для храненія платья упоминаетъ уже Гомеръ, называя ихъ *φοριαμός*, *χηλός* (*λάρναξ*, ларь, ящикъ для орудій Геэста, Ил. XVIII. 413); опредѣленія *καλή* (прекрасный), *δαιδαλέη* (искусный) показываютъ, что уже въ тѣ

времена этого рода домашняя утварь не была лишена украшений (накладокъ, рѣзбы, гвоздиковъ и т. п.), которыми отличаются, какъ это видно изъ изображеній на древнихъ памятникахъ, всѣ болѣе позднія хранилища какъ одежды, такъ и всякихъ драгоценностей, сосудовъ, книгъ, рукописей и т. п. Самымъ замѣчательнымъ былъ ящикъ Кипсела (Pausan. V. 17—19), сдѣланный изъ кедроваго дерева и украшенный рельефами, вырѣзанными отчасти изъ того же самаго дерева, отчасти изъ золота и слоновой кости. Кипсель велѣлъ изготовить этотъ ящикъ около 750 года до Р. Хр., а двѣсти лѣтъ спустя онъ украшалъ описеюдомъ храма Геры въ Олимпіи.

Упоминаются еще въ позднѣйшія времена особаго рода шкафы для платья, носившіе названіе *καυδύτινες* (по всей вѣроятности персидскаго происхожденія) и вѣшалки (*ἱματιοφορίδες*).

Сундуки и лари въ древнѣйшія времена (по Гомеру, Од. VIII. 443 и Геродоту, III. 123) запирались вообще искусственными узлами, или шнурками, концы которыхъ запечатывались глиною или воскомъ, вполнѣдствіи же и у Грековъ, и у Римлянъ небольшими замками.

У Римлянъ были такіе-же лари и сундуки (*arcae*) для храненія одежды (*arca vestiaria*) и денегъ (отсюда *arca* значитъ касса, наличныя деньги, *ex arca solve* платить наличными деньгами); эти послѣдніе были или цѣликомъ изъ металла, или изъ дерева и только окованы желѣзомъ (*a. ferrata*) и снабжены металлическими украшениями (*crustae*). Были еще у Римлянъ небольшія коробочки (*capsae, capsellae, scrinia*) и футляры (*thecae*). Въ болѣе позднія времена встрѣчались у нихъ шкафы (*armaria*) съ полками (*loculamenta foruli*) для разныхъ драгоценныхъ приборовъ, для книгъ, изображеній предковъ и т. п.

Домашняя посуда.

39. Греки, особенно заботясь о своихъ умершихъ, заботились и объ ихъ гробницахъ, ставя въ нихъ сосуды, принадлежавшіе покойному или такіе, приношеніемъ которыхъ желали показать особенное къ нему почтеніе. И въ этихъ хранилищахъ, куда не могла проникнуть хищная рука человѣка, опустошающая жилища живыхъ, сохранилось для болѣе позднихъ поколѣній немалое число древне-греческихъ сосудовъ какъ въ самой Греціи, такъ и въ южной Италіи, такъ что можно теперь представить ихъ описаніе по

дѣйствительнымъ памятникамъ, а не по однимъ только изображеніямъ. Эти памятники еще важнѣе тѣмъ, что многочисленныя прекрасныя изображенія, украшающія ихъ поверхность, значительно способствуютъ къ ознакомленію съ античной жизнью, объясняютъ многія неизслѣдованныя еще ея стороны.

Мы обратимъ вниманіе главнымъ образомъ на форму сосудовъ, изъ которой болѣе или менѣе будетъ видно и ихъ назначеніе; а такъ какъ Римляне большую часть самыхъ употребительныхъ сосудовъ заимствовали у Грековъ, то мы поговоримъ о греческихъ и римскихъ сосудахъ одновременно и присоединимъ, на сколько намъ это извѣстно, и ихъ изображенія. Названія ихъ мы приведемъ

Рис. 179. Изображеніе глиняной бочки или кади (*πίθος*, *dolium*).

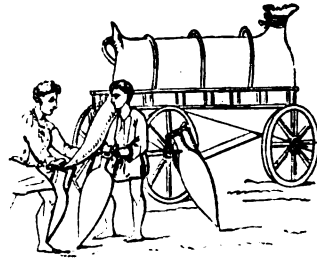

Рис. 180. Разливка вина изъ кожанаго мѣха (*culcus*) въ амфоры, по помпейскому рисунку.

конечно не всё; у Грековъ и Римлянъ ихъ было гораздо болѣе, но относительно многихъ изъ нихъ намъ теперь неизвѣстно, какіе именно сосуды ими обозначались. Между многочисленными античными сосудами можно различать слѣдующіе роды:

1. Сосуды для храненія жидкостей (преимущественно воды, вина, масла); 2. для смѣшиванія вина съ водой; 3. для черпанія и разливанія жидкостей; 4. для питья; 5. кухонные и столовые сосуды; 6. купальные сосуды.

1. Къ сосудамъ перваго рода слѣдуетъ причислить наибольшій изъ всѣхъ сосудовъ, по величинѣ своей похожій на наши бочки и кади, именно греческій *πίθος*, сосудъ глиняный, безногій, съ широкимъ отверстіемъ вверху, внизу остроконечный или плоскій (рис. 179.).

У Римлянъ сосуды или бочки подобной величины назывались *dolia*. Величайшій изъ сохранившихся такого рода сосудовъ имѣетъ въ вышину 4' 4", въ діаметрѣ 2' 2"; толщина его стѣнки

3" ¹⁾). Меньшіе сосуды въ томъ-же родѣ назывались *seriae* и *cupae*. *Dolia*, хорошо внутри вымазанныя смѣсью смолы и воска, зарывались въ холодныхъ, полуподземныхъ ямахъ и погребкахъ, глубоко въ песокъ и наполнялись виномъ. Греческіе *στάμνος* и *βίκος*, въ которыхъ хранилось не только вино и масло, но и винныя ягоды, а также соленья и маринатъ, походили съ виду на *πίθος*, но были нѣсколько меньшаго размѣра.

Если нужно было сохранить вино на продолжительное время, то его разливали въ амфоры (*ἀμφορεύς*, *amphora*). Сосудъ этотъ снабженъ былъ двумя ручками, такъ что можно было взять его съ двухъ сторонъ и носить (отсюда и самое названіе); по формѣ

Рис. 181. *Cadus* (*κάδος*), по оригиналу, найденному въ Римѣ.

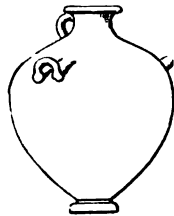

Рис. 182. *Urna* (*ὑδρία*), по греч. барельефу.

Рис. 183. *Sitella*, ведро для воды, по помпейскому оригиналу.

амфоры были продолговаты, болѣе или менѣе выпуклы, съ сравнительно тонкимъ горлышкомъ и небольшимъ отверстіемъ; внизу онѣ иногда имѣли подставку, но большею частію были остроконечны и въ такомъ случаѣ зарывались обыкновенно въ землю или песокъ, или опирались о стѣны. (Рис. 180., сравн. рис. 208 а, в). Подобнаго рода сосуды употреблялись для хранения масла, преимущественно же для хранения вина, при чемъ горлышко амфоры затыкалось пробкой (*cortex*, *suber*, *obturaculum*) и сверхъ того замазывалось смолой или гипсомъ (*oblinere*, *gypsare*). Иногда на амфорѣ дѣлалась надпись (*amphorae litteratae*), или, если амфора была стеклянная (во времена

¹⁾ Въ послѣднее время Шлиманъ открылъ въ мѣстности бывшей Трои (въ верхнемъ слое, греческомъ) подобныя сосуды 6—7 футовъ вышины и до 3 ф. ширины. Нѣкоторые изъ этихъ сосудовъ находятся теперь въ турецкомъ музее, прежней базиликѣ св. Ираны, въ Константинополѣ. Были изготовляемы бочки и гораздо большихъ размѣровъ; такъ напр. Гелліасъ въ Акрагантѣ имѣлъ въ своихъ погребахъ глиняныя бочки въ 100 амфоръ. Не удивительно поэтому, что въ такихъ бочкахъ помѣщались иногда и люди (Діогенъ, бѣдные люди въ Афинахъ во время пелопоннесской войны).

императоровъ), на ея горлышко вѣшался ярлычекъ (tessera, nota, pittacium), на которомъ было написано, сколько содержится въ амфорѣ вина, какого это вино сорта и котораго оно года. Въ Помпеяхъ и другихъ мѣстахъ найдено очень много амфоръ.

Сосуды, похожіе на амфоры, въ которыхъ, какъ и въ амфорахъ, хранилось масло, вино, винныя ягоды, соленая рыба и другіе съѣстные припасы, были *ὄρη*, ога, и *κάδος*, cadus (рис. 181.). Какъ мѣра (греческая) вина *κάδος* вмѣщалъ въ себѣ больше, чѣмъ амфора.

Къ разсматриваемому отдѣлу сосудовъ принадлежатъ также сосуды въ родѣ нашихъ кувшиновъ (*ὑδρία*, urna, другое названіе

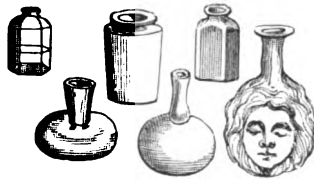

Рис. 184. Римскія бутылочки и баночки (ampullae), по оригиналамъ, найденнымъ въ Римѣ.

Рис. 185. *Κρατήρ*, crater, по бронзовому оригиналу въ Помпеяхъ.

κάλις, рис. 182.; на нее, кажется, походить и *κρωσσός*). Они были снабжены обыкновенно горлышкомъ, двумя небольшими ручками для подниманія и, сверхъ того, еще третьей ручкой посрединѣ для разлива. — Ихъ употребляли Римляне и Греки также для хранения пепла усопшихъ и для жеребьевъ при голосованіи. Сосуды эти носили или на головѣ, подкладывая подъ нихъ (какъ и теперь это тамъ дѣлается) мягкую подстилку (*argulus, cesticulus*), или на плечахъ. Для ношенія воды служили еще другіе сосуды меньшихъ размѣровъ (*urceus aquarius* и *urceolus*) съ одной ручкой. Для той-же цѣли употреблялся *situlus* (тоже *situla* или *sitella*); изображеніе его на рис. 183. сдѣлано по бронзовому оригиналу, найденному въ Помпеяхъ.

Λάγυνος, λάγηνος, lagoena, былъ кувшинъ для вина съ продолговатымъ горлышкомъ и одной ручкой, который употреблялся на питейныхъ домахъ вмѣсто вывѣски, а также за столомъ; поэтому такой кувшинъ и назывался вообще *vas vinarium*. *Κόθων* былъ полевой кувшинъ для чистой воды. *Βομβύλιος* была небольшая баночка, изъ которой вода вытекала только по каплямъ. *Λίχνυθος* была очень распространенная и извѣстная уже во времена Гомера бутылка;

форма ея въ разныя времена была различна, но всегда она была снабжена узкимъ горлышкомъ, черезъ которое выливалось очень медленно масло, которымъ намазывались въ баняхъ или палестрахъ и кропили могилы. ¹⁾ Лекнеювъ Римляне не знали; у нихъ сосуды, похожіе на наши бутылочки и баночки для масла и духовъ, обыкновенно съ продолговатымъ горлышкомъ и узкимъ отверстіемъ, назывались *ampullae*. Нѣсколько такихъ бутылочекъ изображено на рис. 184.

Кромѣ оны (*ὄληη*), форма которой намъ хорошо не извѣстна, употреблялся для масла и мази такъ назыв. *alabastrum*

Рис. 186. *Λεβης* (лохань) и *guttarium* (кружка), по изображенію на Гордіановой монетѣ.

Рис. 187. *Κύαθος, simpululum*, по изображенію на южно-италійской вазѣ.

(*ἀλάβαστρον*), сосудъ цилиндрической, къ горлу суженный (см. рис. 208. q, s). Нѣкоторые сосуды большихъ размѣровъ для вина имѣли иногда видъ мѣха (*ἀσκός, δορός, uter* и *culeus*); употреблялись они, какъ и теперь въ южныхъ и восточныхъ странахъ, для переноски вина. Они дѣлались изъ козьей, свиной или бычачей кожи, были крѣпко сшиты (отсюда у Гомера *εὐραφής*) и отличались иногда значительной величиной. Одинъ изъ такихъ сосудовъ, равно какъ и отверстіе, черезъ которое въ него вливалась жидкость, и другое (*luga*), черезъ которое она выливалась, представлены на рис. 180. Впослѣдствіи Римляне стали, кажется, употреблять вмѣсто мѣховъ и глиняныхъ сосудовъ также деревянныя бочки (*cupae*). О нихъ

¹⁾ Погребальныя бутылки (лекнею) были часто покрыты изображеніями похоронныхъ сценъ. Въ греческихъ могилахъ, въ Атикѣ, находится очень много неразрисованныхъ лекнеювъ, имѣющихъ иногда только нѣсколько дюймовъ высоты; также часто встрѣчаются преимущественно на Кипрѣ упомянутые выше *βομβύλια*, сдѣланные изъ вѣжной, хрупкой массы.

упоминается уже въ 1-мъ стол. по Р. Хр. Изображенія ихъ на Траяновой колоннѣ напоминаютъ наши бочки.

2. Для смѣшиванія вина съ водой употреблялись исключительно кратеры (*κράτηρ*, crater, mistarius), большія чаши (рис. 185.), въ которыя наливалось сначала вино (*ὑποχεῖν*), а потомъ вода (*ἐπιχεῖν*); подъ эти кратеры ставились табы (*ὑποκράτηρον*) для того, чтобы вино при черпаніи не текло на полъ. Чистое вино приносилось въ табъ называемомъ акратофоръ, сосудъ большихъ размѣровъ, значительно выпукломъ, съ крѣпкой подставкой, съ широкимъ отверстіемъ и двумя ручками по обѣимъ сторонамъ (для переноски). *Φυκτήρ* (*βαύκαλις*, gillo), сосудъ, о которомъ часто упоминается, служилъ для охлажденія жидкостей.

Рис. 188. Carchesium, *καρχήσιον*, по изображенію въ Цестиевой пирамидѣ.

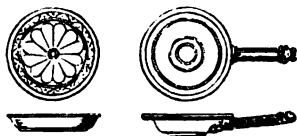

Рис. 189. Paterae, *φιάλαι*, по помпейскимъ бронз. оригиналамъ.

3. Для черпанія и разлива жидкостей, въ особенности вина, употреблялись кружки. Кружка съ одной ручкой и носкомъ, употреблявшаяся для разлива вина, называлась *οἰνοχόη*, *χοῦς*, *ἐπίχυσις*, guttus; такая-же кружка, употреблявшаяся для разлива масла въ лампы, называется *ἀρύταινα*. Кружка, изъ которой до начала пира и послѣ него лили надъ доханью (*λέβης*, lebes) на руки пирующихъ воду, называлась *πρόχους*, gutturnium (рис. 186.). На наши чашки походила *κοτύλη* (*κότυλος*), cotyla (cotula), сосудъ съ двумя ручками, употреблявшійся также какъ единица мѣры; большое сходство съ нашей разливальной ложкой имѣлъ *κύαθος*, с у а т h u s (simpulum)¹⁾, снабженный одной, поднимающейся вверхъ, обыкновенно отвѣсной ручкой, чтобы черпающій не замочилъ рукъ. На рис. 187. представлена вакханка, переливающая этимъ сосудомъ вино изъ кратера въ чашку (по изображенію на греко-италійской вазѣ); тамъ-же направо изображенъ (по бронзовому оригиналу, найденному въ этой вазѣ) тотъ-же приборъ

¹⁾ Cyathus = uncia, слѣдовательно ок. 1/2 чарки; cotyla = 6 cyathi, т. е. приблизительно 2 чарки.

въ большемъ видѣ. На него походила *οὐνήρουσις*. Другихъ сосудовъ, которые употребляли Римляне за столами (и въ кухнѣ) для черпанія и разливки воды и для мѣры вина, и которые назывались *matella, matellio, futis*, мы не можемъ точно описать.

4. Сосуды, предназначавшіеся исключительно для питья (*ποτήρ, ποτήριον, rosulum*), были слѣдующіе: *Καρχήσιον, carchesium*, продолговатый, ко дну суживающійся сосудъ, съ двумя до дна достигающими ручками; у Римлянъ онъ употреблялся преимущественно при жертвоприношеніямъ (Verg. Aen. V. 77). Сосудъ этотъ представленъ на рис. 188. (по изображенію въ могильномъ памятникѣ эпулона Г. Цестія). Далѣе, *φιάλη*, у Римлянъ *patena*, сосудъ безъ ручекъ и ножки, имѣющій видъ мелкаго блюда,

Рис. 190. Чаша для питья, *σχύφος, scyphus*, по оригиналу изъ жженой глины.

Рис. 191. Чаша для питья, *κάνθαρος, cantharus*, по ориг. изъ жженой глины.

съ выпуклостью посрединѣ дна, иногда снабженный рукояткой, какъ видно изъ рис. 189., снятаго съ бронзовыхъ оригиналовъ, найденныхъ въ Помпеяхъ. *Κύμβιον (κύμβη), cymbium*, чаша, похожая на маленькую лодочку, называвшаяся также *scaphium* или *gaulus*. *Κύλιξ, calix* (имѣющій видъ нашей церковной чаши), съ двумя ручками и ножкой, самая обыкновенная чаша для питья. *Σχύφος, scyphus*, чаша болѣе вмѣстительная, чѣмъ предъидущая (и потому впоследствии встрѣчающаяся обыкновенно при изображеніяхъ Геркулеса), высокая съ плоскимъ, иногда вогнутымъ дномъ, съ двумя ручками, приерѣпленными къ самому краю сосуда (рис. 190.). Она была въ большомъ употребленіи и о ней упоминается уже у Гомера (Од. XIV. 112).¹⁾ *Κάνθαρος, cantharus* была чаша съ довольно длинной ножкою и длинными круглыми ручками; обыкновенно встрѣчается при изображеніяхъ Діониса (рис. 191.).

Кромѣ того Греки, а по ихъ примѣру и Римляне, имѣли обыкновеніе пить изъ роговъ (*κέρας, cornu* и *ῥυτόν, rhytium*), дѣлавшихся весьма искусно изъ глины или металла, которые обык-

¹⁾ Изъ сосудовъ для питья встрѣчаются у Гомера *δέπας* бокаль, *δέπας ἀμφικύπελλον* двойной бокаль, *κισσύριον* бокаль изъ плывцеваго дерева, *ἄλεισον* сосудъ для возліяній, кромѣ того *κοτύλη, φιάλη, σχύφος*.

новенно оканчивались головой какогонибудь звѣря. Въ этой головѣ находилось отверстіе съ клапаномъ, черезъ которое выпускалась жидкость въ чашу или прямо въ ротъ. Рис. 192. представляетъ различные роды этихъ сосудовъ, начерченныхъ по оригиналамъ преимущественно изъ терракотты (рѣже изъ металла), найденнымъ въ греческихъ могилахъ и носящимъ названія по тѣмъ звѣрямъ, головы которыхъ они собою представляютъ: олень (*ἔλαφος*, a), грифъ (*γρύψ*, b), волкъ (*λύκος*, c), змѣя (*ὄφις*, d), мулъ (*ἡμίονος*, e) и т. д. (О способѣ питья см. рис. 173. на стр. 172).

Рис. 192. Рога для питья (*κέρας, ῥυτόν, cornu*).

Рис. 193. Переносный поваренный приборъ, *αὐθέρης, athersa*, по помпейскому оригиналу.

Большинство названныхъ сосудовъ — греческаго происхожденія, что показываютъ самыя названія ихъ. Материаломъ для изготовленія всѣхъ этихъ сосудовъ служила обыкновенно глина (иногда и дерево), почему и впоследствии, когда, въ 3мъ вѣкѣ до Р. Хр., стали употребляться металлы, осталось однакожь названіе *κέραμος* (= глиняная сосуда) даже и для металлическихъ сосудовъ.

5. Отъ кухонной греческой посуды (*σκεύη σιτοποιικὰ καὶ ὀποποιικὰ, τὰ ἀμφὶ τραπέζας*) сохранилось только нѣсколько штукъ, остальное все исчезло съ исчезновеніемъ самихъ жилищъ. Главный кухонный сосудъ, *χύτρα* (*chytra*), похожій на нашъ горшокъ или имѣлъ три ножки, или былъ совершенно безъ ножекъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ имѣлъ вогнутое дно и ставился на особый треножникъ (*χυτρόπους, λάσανον*). — Встрѣчающіеся у Гомера *τρίποδες*, въ которыхъ согрѣвали воду, были, по всей вѣроятности, сосуды подобнаго-же рода. Такого-же рода былъ треножный котелъ, носившій названіе *λέβης* (*lebes*), дѣлавшійся изъ мѣди, иногда изъ

серебра и золота и приносившіяся въ даръ храмамъ и мѣстопробываніямъ оракуловъ (ср. рис. 186.).

Гораздо больше найдено кухонной и столовой посуды у Римлянъ (*vasa coquinaria, v. mensalia*). Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести помпейскій поваренный приборъ (*authersa, αὐθέρης*, собств. самоваръ), представленный на рис. 193. по оригиналу, сдѣланному изъ бронзы

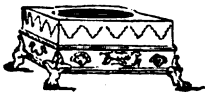

Рис. 194. Переносная жаровня, foculus, по помпейскому оригиналу.

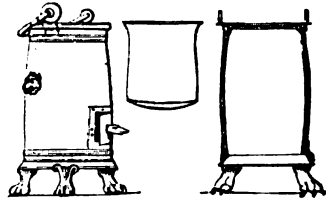

Рис. 195. Переносная печь, focus, по помпейскому оригиналу.

на подобіе римской крѣпости съ башнями и зубцами. Посрединѣ его кладлись горячія уголья, надъ которыми можно было на треножнѣ варить; въ то-же время въ двойныхъ стѣнкахъ его нагрѣвалась вода, которая выпускалась потомъ черезъ кранъ. Съ какою роскошью устрои-

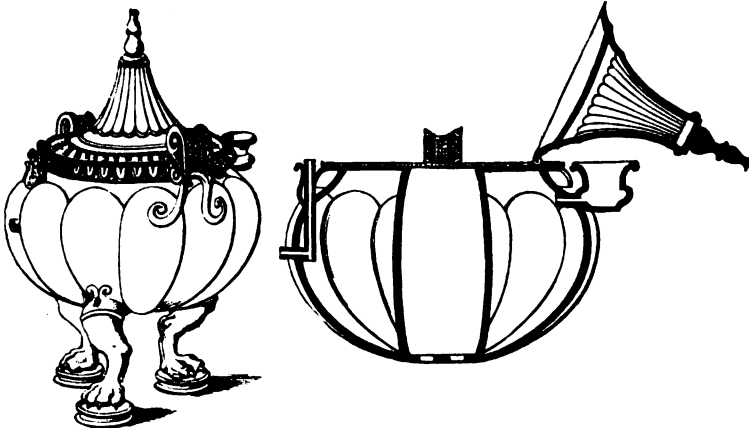

Рис. 196. Сосудъ для приготовленія горячаго вина, calda, по помп. оригиналу.

вались такіе приборы, можно узнать у Цицерона (*Rosc. Am. c. 46*). Подобнаго рода приборы, а также жаровни (*foculi, αὐθέραια, ἔσχαρία*) и переносныя печи (*κάννοι, πυγυίς*), которыя мы здѣсь помѣщаемъ (рис. 194. и 195.), были вполнѣ достаточны для отопленія комнатъ въ юж-

ной Италии и Греции. Для согревания и сохранения теплоты кушаний при их переноскѣ Римляне употребляли другіе приборы, одинъ изъ которыхъ представленъ въ разрѣзѣ и въ профилѣ на рис. 195. Черезъ дверцы этой печи вкладывались горячія уголья внутрь, и на нихъ

Рис. 197. Котелокъ, ahenum, по помпейскому оригиналу.

Рис. 198. Котель для варенія, λεβης, по греч. барельефу.

Рис. 199. Котелокъ, ahenum, по помпейскому оригиналу.

опускался котель съ кушаньями. Отверстіе для воздуха украшено львиной головою. Здѣсь можно упомянуть также о прекрасномъ сосудѣ для приготовления горячаго вина (calda, смѣсь вина, меду и воды, рис. 196.), латинское названіе котораго до сихъ поръ неизвѣстно; изъ греческихъ названій подходитъ къ нему ближе всего *θερμαντήρ* (Pollux X. 66). Какъ видно, этотъ бронзовый со-

судъ ближе всего подходитъ въ нашемъ самовару; устройство его лучше всего видно изъ приложеннаго съ правой стороны рис. его разрѣза. Въ среднее большое, пустое пространство, снабженное внизу рѣшеткою, клались горячія уголья, при помощи которыхъ нагрѣвался напитокъ, находящійся вокругъ этого пространства; черезъ проведенную съ лѣвой стороны горизонтальную трубку онъ выливался, между тѣмъ

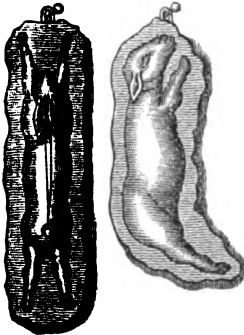

Рис. 200. Формы для папшетоуъ, по помпейскимъ оригиналамъ.

Рис. 201. Ложка съ остроконачной ручкой (cochlear).

какъ черезъ отвѣсную, соединенную съ предъидущей, трубочку вы-

ходилъ нарѣ. Съ правой стороны черезъ отверстие, имѣвшее видъ чаши, прибавлялась жидкость, такъ какъ сосудъ былъ совершенно закрытъ сверху крышкой, исключая отверстія надъ пространствомъ для угольевъ.

Сюда-же относятся различныя котлы (ahena), снабженныя всегда или ручкой для вѣшанія надъ огнемъ (рис. 197. и 198.),

или ножками для того, чтобы можно было поставить их надъ угольями (рис. 199.), или же особыми треножниками. Круглая форма ихъ доказываетъ, что древніе варили непосредственно надъ огнемъ или угольями. Далѣе сюда принадлежатъ горшки (ollae, cucumae, cassabi, coculi) съ ручками и крышками (testum, testu), советѣмъ похожіе на наши горшки, и горшечки (hirneae); кромѣ того сосуды, совершенно похожіе на наши кастрюли (sartago, *τήρανον*, фр. casseroles), красивыя лопатки какъ для углей, такъ и для сажанія и выниманія печеній, сковороды для яицъ (apalare) и различныя формы для паштетовъ (рис. 200.), ложки похожія на наши (ligula) и другія поменьше съ остроконечной ручкой для разбиванія яицъ и выниманія устрицъ (cochlear, рис. 201.), чумички (trua, trulla, *τρονήλης*), цѣдилки (colum).

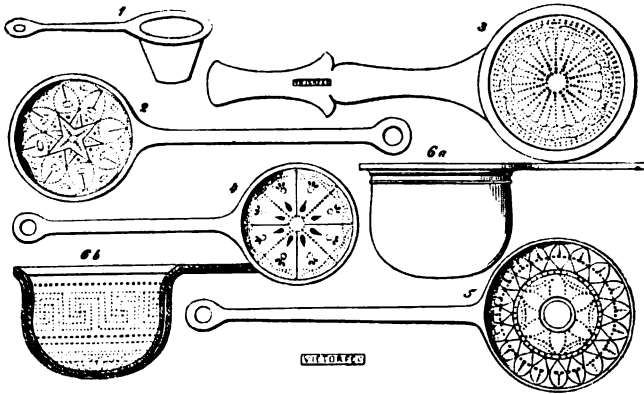

Рис. 202. Римскіе кухонные сосуды, по помпейскимъ оригиналамъ.

Рис. 202. представляетъ намъ (по помпейскимъ оригиналамъ): чумичку (1), нѣсколько цѣдилокъ (2, 3, 4, 5), дырочки которыхъ представляютъ прекрасныя формы, одну съ именемъ ея мастера (Victor fec.), и наконецъ цѣдилку для вина (*ἡθμός*, colum pivarium, 6 b), помѣщавшуюся обыкновенно въ сосудѣ такой-же формы (6 a), такъ что, послѣ налитія въ сосудѣ вина и вынутія оттуда цѣдилки, въ немъ оставалась чистая жидкость, которая затѣмъ вливалась въ кратеръ. Если вино нужно было охладить, то въ цѣдилку клали снѣгъ, отчего она и получила свое названіе colum pivarium. Воронки (infundibulum), сито для муки (cribrum), ступка (mortarium, *ἄλμος*) съ пестомъ (pistillum, *ὑπερον*), вертелы (veru), рашперы (craticula), мельнички для перцу (moletrina), глубокія блюда съ крышкою, въ которыхъ иногда и варились кушанья (patinae, patellae, рис. 203.), небольшія мелкія

блюда, на которыхъ подавали кушанья (*catinum, circulus, discus, lanx*, рис. 204.). Въ домахъ знатныхъ людей употреблялись для той-же цѣли и большія блюда, которыя ставились на подставки, имѣвшія видъ этажерокъ (*repositoria*). Далѣе слѣдуютъ солонки (*salinum*) обыкновенно серебряныя, небольшіе графинны для уксуса (*acetabulum*); большія и маленькія тарелки (напр. десертныя, *ragopsis*) и многіе другіе сосуды. Всѣ эти сосуды, преимущественно глиняные, а часто и металлическіе, стали предметами роскоши, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Рис. 203. Глубокое блюдо греческой работы (*patina, λεκάνη*).

Рис. 204. Столовое блюдо, *catinum*, по древнему римскому изображенію.

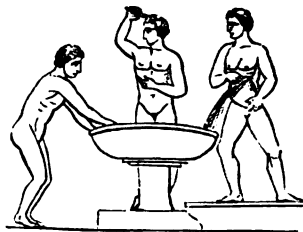

Рис. 205. Ванна для умыванья (*λουτήρα, labrum*), по изображенію на глиняной вазѣ.

6. Для умыванья и купанья употреблялись въ древнія времена ванны или лохани, каменные или металлическія (*ἀσάμινδοι*, упоминаемыя уже у Гомера), или котлообразныя широкіе большіе сосуды, подпиертыя одной или нѣсколькими ножками (*λουτήρες, λουτήρια, labrum*, рис. 205.). Въ купальняхъ встрѣчались большія каменные ванны, которыя могли вмѣстить нѣсколько человѣкъ (*κολυμβήθρα, πύελος, μάκτρα*); онѣ или вырубались въ скаль или выкладывались камнемъ. Для обливанія купающихся холодной водой рабы употребляли шайки (*ἀρύταινα*). См. главу о купаніи.

40. Перечисливъ главные изъ извѣстныхъ намъ сосудовъ, мы не можемъ не обратить вниманія и на *материалъ*, изъ котораго они дѣлались, а также и на *способъ ихъ изготовленія*.

Самымъ обыкновеннымъ матеріаломъ была гончарная глина (*ῥῆ κεραμίτις*), которая въ изобиліи находилась вблизи Афинъ. Изъ этой красноватой, иногда и желтоватой, глины гончары дѣлали сосуды на гончарномъ кругѣ (*τροχὸς κεράμειος*), изобрѣтеніе котораго относится къ доисторическимъ временамъ; потомъ они покрывали ихъ глазурью, а затѣмъ сушили въ печи. Желая изобразить на нихъ что нибудь, они дѣлали грифельмъ контуръ и натирали его краснымъ,

или темнокоричневымъ лакомъ, оставивъ фонъ изображенія краснымъ или желтымъ; или наоборотъ, натирали фонъ черной краской, оставивъ очертанія красными. Потомъ они заканчивали изображеніе, добавляя на немъ необходимыя детали. Другими красками, какъ то — темнокрасной, фіолетовой и бѣлой, они натирали изображеніе послѣ вторичнаго обжиганія. По рисункамъ на этихъ сосудахъ, свидѣтельствующимъ о хорошемъ вкусѣ древнихъ Грековъ, даже низшаго класса, а именно ремесленниковъ, изготовителей этихъ сосудовъ, не смотря на недостатокъ письменныхъ памятниковъ, можно опредѣлить время, въ которое сосуды были сдѣланы. Древнѣйшими считаются тѣ сосуды, у которыхъ рисунки черные или темные на красномъ фонѣ. Такіе сосуды бывають обыкновенно поменьше, нѣсколько сплюснутые; изображенія на нихъ отличаются грубой, топорной, архаической отдѣлкой; сюжеты для этихъ

Рис. 206. Греческіе сосуды изъ жженой глины старѣйшаго вѣсана (изъ южно-италійскихъ гроблицъ).

изображеній берутся изъ царства растений и животныхъ. Большимъ совершенствомъ отдѣлки отличаются тѣ сосуды, гдѣ встрѣчаются фигуры получеловѣческія, даже фигуры героевъ и нѣкоторыя сцены, взятая изъ охотничьей жизни; еще разнообразіе бывають изображенія на болѣе позднихъ сосудахъ, для которыхъ сюжеты взяты изъ мифологіи, троянскихъ и еиванскихъ сказаній и прямо изъ жизни. Но и тутъ черты тѣла бывають не вѣрны, въ особенности черты лица, всегда представляемаго въ профиль, а также ногъ и рукъ; складки платья дѣлались неискусно и композиція фигуръ вообще не совершенна. Образцы сосудовъ древнѣйшаго времени представляетъ намъ рис. 206.

Къ болѣе позднему времени относятся сосуды съ болѣе свѣтлыми рисунками (природнаго цвѣта глины) на черномъ фонѣ. Эти сосуды отличаются отъ предъидущихъ какъ болѣе изящной и легкой формой, такъ и, въ особенности въ дальнѣйшемъ своемъ

развитіи (отъ половины пятаго до начала третьяго вѣка), живымъ, красивымъ рисункомъ и весьма удачною композиціей фигуръ; сюжеты для этихъ рисунковъ были заимствуемы изъ греческой мифологіи, обогащенной и обработанной какъ лирической, такъ и драматической поэзіей. Скоро, впрочемъ, наступилъ упадокъ этого хорошаго стиля (въ началѣ 3го вѣка), вызванный чрезмѣрнымъ изобиліемъ деталей, слишкомъ большимъ числомъ украшеній, пестротой и дисгармоніей красокъ. Но изящество формы этихъ сосудовъ не исчезло даже и въ это время, о чемъ свидѣтельствуетъ

Рис. 207. Греческіе сосуды изъ жженой глины новѣйшаго фасона (изъ южно-италійскихъ гробницъ).

большое число вазъ, найденныхъ въ южно-италійскихъ гробницахъ. Нѣсколько такихъ сосудовъ представлено на рис. 207. Между ними отличаются прекрасной формой два амфоровидные сосуда (а, с), изъ которыхъ второй — крышкою своею и длиннымъ горломъ походитъ на панаэнейскія амфоры (т. е. на тѣ амфоры, которыя, послѣ наполненія ихъ масломъ, давались побѣдителямъ на панаэнейскихъ играхъ), изящный кратеръ (b), канеаръ съ большими ручками (e); тутъ-же изображена и некрасивой формы кружка (d). Большіе сосуды подобнаго рода не употреблялись для практическихъ цѣлей, а служили скорѣе украшеніемъ жилищъ, какъ предметы, получаемые въ награду при состязаніяхъ, и клались вмѣстѣ съ мертвымъ

тѣломъ въ гробницу, гдѣ до сихъ поръ ихъ находятъ въ большомъ количествѣ.

Такіе глиняные сосуды изготовлялись въ древнія времена большею частью въ Аѣнахъ (есть экземпляры 11го вѣка), въ Коринѣхъ, потомъ на Эгинѣ, въ Лакедемонѣ, Авлидѣ, Беотіи, на Самѣ, Тенедѣ и въ Книдѣ, откуда, какъ предметы торговли, распространялись не только по Греціи, но и по другимъ странамъ. Въ южной Италіи, въ греческихъ колоніяхъ, производство такихъ сосудовъ тоже достигло значительной степени развитія и совершенства и сдѣлало извѣстными въ этомъ отношеніи многіе южноиталійскіе греческіе города. Въ неапольскомъ музеѣ хранится нѣсколько тысячъ прекрасныхъ вазъ и другихъ глиняныхъ сосудовъ, найденныхъ въ южноиталійскихъ могилахъ.¹⁾

Римляне подобныхъ расписанныхъ сосудовъ никогда не употребляли ни для практическихъ цѣлей, ни для украшенія жилищъ или гробницъ.

Сосуды меньшихъ размѣровъ дѣлались у Грековъ и Римлянъ, которые придерживались греческихъ образцовъ, изъ болѣе рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ камней, металла и стекла и отличались отъ глиняныхъ только тѣмъ, что украшались не рисунками, а пластическими, рельефными изображеніями.

Бутылки для масла и мазей, а также малые сосуды для питья дѣлались Греками весьма искусно изъ бѣлаго, нѣжнаго алебастра (отсюда и названіе одного рода сосудовъ), изъ драгоцѣннаго, изъ разнородныхъ слоевъ сложеннаго сардоника, агата, чистаго и бѣлаго хрустала (*vasa acentata* = безъ пятенъ; *impuncta*, *Apul.*) и янтара.

Другіе сосуды для питья и нѣкоторые сосуды большихъ размѣровъ, въ особенности кратеры, котлы, блюда, купальныя ванны, далѣ сидѣнья, столики (*trapezophori*), дѣлались изъ мрамора, порфира или изъ металла, отличались прекрасной рѣзной работой и назначались весьма часто для украшенія жилищъ, для подарковъ въ храмы, для наградъ за побѣды въ состязаніяхъ и т. п.

¹⁾ То, что прежде говорили объ этрусскихъ вазахъ, основано было по большей части на недоразумѣніи. Этрурія находилась въ постоянной связи съ Греціей и Южной Италіей, начиная съ древнѣйшихъ временъ, и найденныя въ Этруріи вазы или греческой работы старѣйшаго фасона, или мѣстнаго издѣлія, фабрикованныя на древне-греческій ладъ и въ то время, когда Греки давно уже довели это искусство до высокой степени совершенства.

Греки, а впоследствии и Римляне предпочитали, какъ матеріаль для этихъ предметовъ, бронзу: изъ нея можно было дѣлать удивительно изящные предметы, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ сосуды, найденные въ Помпеяхъ. Особенно высоко цѣнилась коринѣская бронза, составъ которой былъ тайной уже для древняго міра; знатоки были того мнѣнія, что настоящій коринѣскій сосудъ (*vas corinthium*) можно узнать по особенному запаху окисленной бронзы (*aerugo nobilis*). Сосуды, дѣлавшіеся изъ драгоценныхъ металловъ, вошли въ употребленіе въ началѣ втораго вѣка (до 3ей пунической войны); а между тѣмъ еще въ 256 г. П. Корнелій

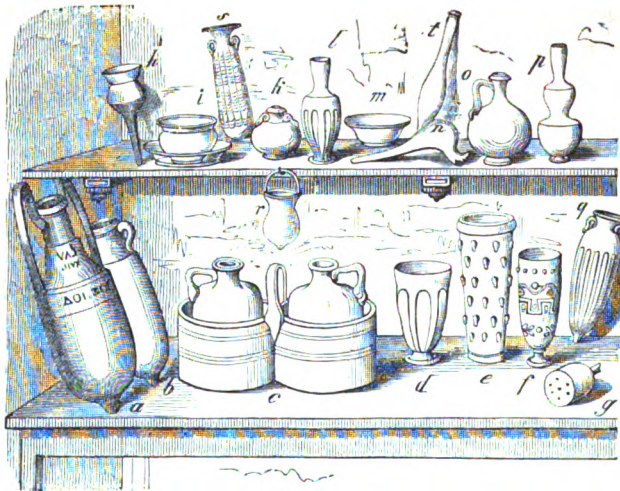

Рис. 208. Сосуды изъ стекла и жженой глины, по помпейскимъ оригиналамъ.

Руфинъ исключенъ былъ изъ сената за то, что имѣлъ серебряные сосуды, вѣсъ которыхъ равнялся 10 фунтамъ ¹⁾. И впоследствии серебряные сосуды рѣдко являлись на столѣ; это доказывается тѣмъ фактомъ, что когда послѣ 2ой пунической войны нѣкоторые сенаторы угощали въ Римѣ карфагенскихъ пословъ, то у всѣхъ этихъ сенаторовъ употреблялись одни и тѣже серебряные сосуды. Въ болѣе позднія времена они, конечно, совершенно замѣнили собою древне-римскіе глиняные сосуды. Серебряныя блюда вѣсили отъ 100 до 250 и даже 500 фунтовъ (римскихъ) серебра. Изъ серебра дѣлалась не только столовая, но и

¹⁾ Римскій фунтъ (*libra*) = 0,8 русскаго фунта.

кухонная посуда. Золотые сосуды были въ употребленіи сначала только при императорскомъ дворѣ. По эдикту Тиберія частныя лица имѣли право употреблять золотые сосуды лишь при жертвоприношеніяхъ; только Авреліанъ разрѣшилъ общее ихъ употребленіе. По своей отдѣлкѣ сосуды были гладкія — *ruca*, и *caelata*, съ выпуклыми украшеніями, массивными или дутыми, иногда припаянными.¹⁾ Къ концу эпохи императоровъ вошли въ употребленіе по большей части серебряные или золотые сосуды, украшенные, иногда словно усѣянные драгоценными камнями, (*vasa gemmis distincta*), такъ что золото считалось второстепенной частью, или же наконецъ сдѣланные изъ однихъ лишь драгоценныхъ камней или камней, спаянныхъ между собою золотомъ (*potoria gemmata*, *λιθοκόλλητα*, *χρυσοκόλλητα*).

Стекланные сосуды (*ἐκπέματα ὑάλινα*, *ἢ ὕαλος*, *calices vitrei*) Греки стали употреблять только въ болѣе позднія времена.²⁾ Фабрикаціи стекла они научились у Египтянъ, которымъ она была уже извѣстна почти за 1800 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Въ римскія времена эта фабрикація процвѣтала главнымъ образомъ въ Александріи, откуда издѣлія изъ стекла развозились по всему міру. Во времена императоровъ существовали въ Италіи (главнымъ образомъ въ Кампаніи и Римѣ), и даже въ Галліи и Испаніи мастерскія, въ которыхъ фабриковалось значительное количество стекланныхъ сосудовъ. Изъ числа этихъ сосудовъ сохранилось въ Помпеяхъ много стакановъ, бутылокъ, чашекъ, мисокъ и т. п. изъ обыкновеннаго бѣлаго или цвѣтнаго стекла. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей представлены на рис. 208. Мы видимъ здѣсь, кромѣ двухъ амфоръ изъ жженой глины (а, b), двѣ стекланныя бутылки (с) въ глиняныхъ подставкахъ (*incitega*) и похожую на нихъ банку (о) безъ подставки, еще двѣ бутылки (l, p), баночки для масла и духовъ k, q, s, изъ которыхъ s сдѣлана изъ цвѣтнаго стекла съ волнистыми украшеніями, ливерь, воронку и употреблявшуюся съ подобной-же цѣлью корзинку (n, h, r), три стакана (d, e, f) съ припаянными украшеніями и наконецъ двѣ миски (i, m).

¹⁾ Толстые массивные припаянные рельефы назывались *emblemata* (*emblemata infigere*), тонкіе — *crustae* (*crustas illigare*).

²⁾ Впервые упоминается о стекланныхъ сосудахъ у Аристофана (Acharn. 73). До этого времени употреблялось стекло (*λίθος χυτί*) для украшенія; такъ изъ стекла дѣлались напр. серьги (Herod. II. 69).

Кромѣ того сохранилось нѣсколько стекланныхъ сосудовъ, украшенныхъ разноцвѣтными рельефами, отлитыми вмѣстѣ съ сосудами ¹⁾; и такъ искусно отдѣланныхъ, что они до сихъ поръ служатъ предметомъ величайшаго удивленія; какъ напр. ваза (изъ гробницы Александра Севера, 222—235), находящаяся въ британскомъ музеѣ, вышиною въ 10 футовъ и сдѣланная изъ темнобураго, прозрачнаго стекла съ рельефнымъ изображеніемъ изъ бѣлаго матоваго стекла (какъ бы изъ сардоника) и представляющая свадьбу Пелея съ Ѳетидой. Другая, не менѣе цѣнная ваза найдена была въ 1834

Рис. 209. Амфора изъ синяго стекла съ рельефами молочнаго цвѣта, найденная въ Помпеяхъ.

году въ одной гробницѣ въ Помпеяхъ (рис. 209.); на ней на прозрачномъ темносинемъ фонѣ находятся рельефы молочнаго цвѣта, представляющіе собираніе винограда геніями. Высоко цѣнились бокалы изъ чистаго хрустала (*calices cristallini*), и еще большіе бокалы изъ стекла съ отливками (*s. allassontes, versicolores*), фабрикованные въ Египтѣ во времена Гадріана (*Flav. Vop., Saturn. 8*).

Но самыми рѣдкими, а поэтому и самыми дорогими изъ всѣхъ римскихъ сосудовъ были тѣ сосуды, которые дѣлались изъ мирры (*μυρρίνα*, по всей вѣроятности плавиковый шпатъ, хрупкій, тусклый минераль съ отливомъ); они извѣстны были подъ названіемъ *vasa mirrhina* или *mirrhea*. Первый подобнаго рода сосудъ (бокаль) былъ принесенъ въ Римъ Помпеемъ, взятый имъ изъ сокровищницы Митридата; съ этого времени подобные сосуды постоянно привозились съ востока въ Римъ и очень высоко цѣнились. Неронъ,

¹⁾ Древніе знали всѣ способы технической обработки стекла: выдуваніе, литье и рѣзбу.

напр., купилъ одинъ такой бокаль за миллионъ сестерцій (55.000 руб.). Поэтому они часто поддѣлывались изъ стекла съ отливами.

41. Изъ плетеныхъ корзинокъ, о которыхъ мы тутъ встаети скажемъ, извѣстны: *κάλαθος*, *καλαθίς*, *salathus*, высокая корзина для пряжи (при тканіи) или для цвѣтовъ и фруктовъ; *κανοῦν*, *canistrum*, упоминаемая уже въ гомеровскихъ пѣсняхъ, низкая, круглая или овальная корзина съ ручками (для хлѣба и пирожного или для жертвенныхъ даровъ, см. Гом. Од. III. 440). Неся на головахъ такого рода корзины, знатныя аѳинскія дѣвушки ходили во время панаѳенейскихъ и Діонисовыхъ праздниковъ по городу въ торжественной процессіи и потому назывались *κανηφόροι*. На рис. 210. (ср. рис. 232.) изображена дѣвушка съ такой корзиной на головѣ. *Σπυρίς*, *sporta*, низкій коробъ съ ручками, преимущественно для рыбы, которая ловилась также посредствомъ верши — кузова, плетенаго изъ ситника или прутьевъ (*κύρτος*, *passa*). Наконецъ нельзя не упомянуть о корзинахъ, плетеныхъ такъ плотно (*τάλαρος πλεκτός*), что въ нихъ можно было держать жидкости, какъ напр. окисшее молоко (Гом. Од. IX. 247).¹⁾

Рис. 210. Канефора, по греческой статуѣ.

Приборы для освѣщенія.

42. Въ древнѣйшія времена, какъ изображаетъ ихъ Гомеръ, комнаты освѣщались огнемъ, разводимымъ на сковородкахъ (*λαμπτήρες*) при помощи маленькихъ кусковъ сухихъ дровъ (Од. XVIII. 307). Огонь поддерживался черезъ подкладываніе лучинъ (*δᾶδες*); золу ссыпали служанки на полъ (Од. XIX. 63). Подъ золой сохранялись раскаленные угли для разведенія новаго пламени. Такой способъ поддержанія огня оставался долго не только у Грековъ, но и у Римлянъ. Было еще особаго рода средство для добыванія огня (*πυρεῖον*), которое состояло въ томъ, что одинъ кусокъ дерева всверливался быстро и сильно въ другой на подобіе бурава, и такимъ образомъ добывался огонь. Кромѣ ламптеровъ, которые служили также и для согрѣванія, мы встрѣчаемъ у Гомера

¹⁾ Подобныя непроницаемыя корзины употребляемы у Кафровъ.

еще *λύχνος* (Од. XIX. 34), переносный свѣтильникъ для горящихъ лучинъ (сравни Од. VII. 101).

Въ болѣе позднія времена вошли въ употребленіе у Грековъ и Римлянъ, въ особенности внѣ дома, факелы (*δαῖδες*, taedae), дѣлавшіеся обыкновенно изъ сосновыхъ лучинъ, связываемыхъ лыкомъ, камышомъ или папирусомъ (отсюда *δαίαι* = связки), или изъ виноградной коры (*λοφνίς*). Употреблялись еще и смоляные факелы (*φανός*, *φανή*, fax), т. е. плотныя связки лучинъ, намоченныя смолой, живицей или воскомъ, и опускаемыя въ металлическія ножны, снабженныя снизу миской (*χύτρα*), а подѣ ней руююткой. Такого

Рис. 211. Лампа съ однимъ фитилемъ (lucerna monomuxos).

Рис. 212. Лампа съ двумя фитилями (lucerna dimuxos).

Рис. 213. Лампа съ несколькими фитилями (lucerna polymuxos).

рода были, по всей вѣроятности, тѣ факелы (*λαμπάδες*), которые употребляли въ Афинахъ юноши при состязаніяхъ въ бѣгѣ (*λαμπαδηδρομία*). Если рукоятки были длиннѣе и были снабжены снизу ножкой или подставкой, такъ что ихъ можно было ставить, то онѣ походили на наши подсвѣчники и назывались *λαμπτήρες* или *λυχνούχοι*. Изъ нихъ образовались впоследствии у Римлянъ большія подставки для лампъ, такъ наз. канделябры, о которыхъ рѣчь впереди.

Когда Греки стали употреблять лампы (*λύχνος*, lucerna), нельзя съ точностью опредѣлить; въ 5 вѣкѣ до Р. Хр. лампы употреблялись уже повсюду¹⁾ въ Греціи, а скоро послѣ того распространились повсюду и въ Италіи, такъ какъ онѣ удовлетворяли одной изъ самыхъ необходимыхъ потребностей человеческой жизни. Много такихъ лампъ найдено особенно въ (каменныхъ) гробницахъ, куда онѣ клались родственниками вмѣстѣ

¹⁾ Общее ихъ употребленіе доказывается, по нашему мнѣнію, словами Геродота (VII. 215): *περὶ λύχνων ἀφάς* = когда лампы зажигаются, т. е. въ сумерки. Ср. Arist. Nubes 56.

съ другими вещами (что вошло въ употребленіе вълѣдствіе обычая зажигать въ извѣстные дни свѣтильники надъ могилами), а также въ баняхъ.

Дѣлались лампы изъ глины, а именно большею частью изъ такъ называемой терракотты, краснобурой, или красной, или желтоватой, или же изъ металловъ (у Римлянъ чаще всего изъ бронзы, иногда даже изъ серебра и золота), при чемъ не только верхняя ихъ часть, но и рукоятка, которой онѣ обыкновенно снабжались, пріятно ласкали глазъ своими малыми, часто весьма искусно

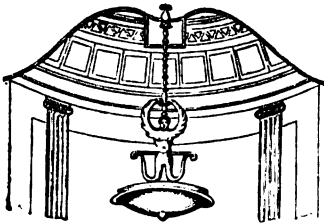

Рис. 214. Висячая лампа (*lucerna pensilis*, по античному изображенію въ Римѣ).

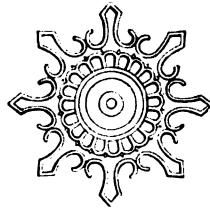

Рис. 215. Верхняя часть мраморной висячей доски (*lucernuchus pensilis*) для восьми лампъ, по мрам. ориг. въ Римѣ.

сдѣланными рельефами, представлявшими звѣрей, цвѣты, мифологическія, военныя и др. сцены. Въ этомъ отношеніи особенно отличались тѣ лампы, которыя вмѣстѣ съ другими вещами посылались, по римскому обычаю, друзьямъ и знакомымъ въ подарокъ къ новому году (*strena*). На этихъ лампахъ дѣлались подходящія къ случаю надписи.

Формы лампъ были различны. Чаще всего встрѣчались лампы въ формѣ полушарія съ двумя отверстіями, однимъ по срединѣ резервуара для масла (*discus*, *discus*), чрезъ которое (*stoma*, *infundibulum*) вливалось масло, а другимъ, носообразной формы (*μυκτήρ*, *μύξα*, *nasus*), на краю резервуара, гдѣ помещался фитиль (*θραυλλίς*, *ἐλλύχνιον*, *elychnium*), дѣлаемый изъ сердцевины тростника или растительныхъ волоконъ (*φλομός*), какъ напр. изъ льна, конопли, панируса. Второю составною частью подобной небольшой лампы была красивая рукоятка (*ansa*).

Если лампа имѣла только одно отверстіе для фитиля, то она называлась *monomuxos*, *monoluchnis* (рис. 211.); если она имѣла два такія отверстія, то называлась *dimuxos* (рис. 212.) и т. д., если же она имѣла ихъ нѣсколько, иногда даже 12 и 14, то называлась *polymuxos* (рис. 213.).

Изъ того, что было сказано о лампахъ, видно, что древніе въ способѣ освѣщенія не достигли высокой степени совершенства, такъ какъ большей интенсивности свѣта они достигали увеличеніемъ числа фитилей, не зная тѣхъ удобствъ, какими пользуемся мы при употребленіи нашихъ лампъ. Для очистки фитиля употреблялись, какъ и у насъ, особые щипцы, для вытаскиванія его крючекъ (*acus*), прикрѣпляемый къ лампѣ цѣпочкой (см. рис. 212.).

Лампы обыкновенно помѣщались на столикахъ; но если ими нужно было освѣтить большую комнату, онѣ привѣшивались къ потолку на цѣняхъ или непосредственно, какъ видно изъ рис. 214., или

Рис. 217. Высокій канделябрь.

Рис. 216. Лампа на низкомъ канделябрѣ.

Рис. 218. Развѣтвленный канделябрь.

посредствомъ какой нибудь изящно отдѣланной доски, къ вырѣзнымъ краямъ которой ихъ прикрѣпляли (рис. 215.). Лампы послѣдняго рода Римляне кажется называли *lucernae* по преимуществу (*Verg. Aen. I. 730*). Иногда лампы ставились съ вышеуказанной цѣлью на *candelabra* (*candelabrum*), о которыхъ выше было упомянуто. Эти канделябры были сначала просты, но рано они стали служить, вслѣдствіе своей изящной формы, виднымъ украшеніемъ комнатъ богачей. Рѣдко низкіе, какъ на рис. 216., они имѣли обыкновенно треножную подставку, надъ которой подымался столбикъ 3—5 фут. вышины (*luxilla*, *scapus*) въ видѣ колонны, оканчивавшейся капителью, на которой помѣщалась (обыкновенно, не непосредственно, а при посредствѣ какой нибудь вставленной части, представляющей чаще всего цвѣточную чашечку) круглая доска (*pinacium*, *superficies*) для лампы или чашки (рис. 217.). Столбикъ канделябра былъ часто украшаемъ фигурами звѣрей (такъ напр. кунницы или кошки, ползущей за голубями, сидящими на краю доски и т. п.), или же самъ представлялъ какую нибудь фигуру; иногда столбикъ этотъ

развѣтвлялся на подобіе дерева и имѣлъ двѣ доски или болѣе того (рис. 218.); иногда онъ былъ устроенъ такъ, что можно было подымать и спускать лампу. Канделябры обыкновенно были бронзовые (у бѣдныхъ людей деревянные) и могли быть переносимы съ одного мѣста на другое. Но тѣ, которые должны были оставаться постоянно на одномъ мѣстѣ, дѣлались изъ мрамора, отличались значительной величиной и имѣли сверху вмѣсто доски углубленія для смолы, дегтя и т. п. Такого рода канделябры помѣщались

Рис. 219. Большой канделябръ изъ мрамора, по античному мрамор. ориг.

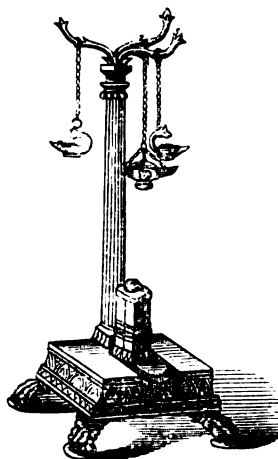

Рис. 220. Столбъ для привѣшанія лампъ, по помпейскому бронз. ориг.

обыкновенно предъ храмами, на площадяхъ и предъ дворцами римскихъ вельможъ. Такого рода изящно отдѣланный канделябръ, столбикъ котораго поддерживается атлантами, представленъ на рис. 219.

Отъ канделябровъ нужно отличать лампадаріи (итальянское названіе, у Римлянъ они назывались *l u c h n i c h i*). Это были столбы, капители которыхъ оканчивались нѣсколькими прекрасно отдѣланными вѣтвями; на концахъ этихъ вѣтвей вѣшались на цѣпочкахъ лампы. Рис. 220. представляетъ намъ одинъ изъ такихъ красивыхъ столбовъ,

найденныхъ въ Помпеяхъ и Геркуланѣ. Столбъ этотъ украшенъ бороздами, капитель его оканчивается тремя вѣтвями; подставка, на которой находится домашній жертвенникъ, украшена серебряными рельефами и помѣщается на четырехъ тигровыхъ ногахъ. Самые изящныя лампадаріи дѣлались на Эгинѣ и въ Тарентѣ. По свидѣтельству Варрона, у Римлянъ, еще до изобрѣтенія лампъ, были въ употребленіи особеннаго рода свѣчи: большія восковыя (*funalia cerea*), малыя восковыя (*candelae cereae*) и салныя (*sebaceae*), съ фитилемъ изъ пакли (*stuppa*) или изъ сердцевины тростника (*scirpus*). Впрочемъ свѣчи эти, такъ какъ Римляне не знали способа ихъ фабрикаціи посредствомъ формъ, никогда не были въ такомъ употребленіи, какъ лампы, хотя и эти послѣднія, какъ было сказано, недостаточно освѣщали великолѣпныя римскія жилища и покрывали копотью даже самые дорогіе предметы.

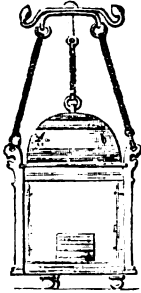

Рис. 221. Фонарь (*laterna*), по оригиналу, найденному въ Геркуланѣ.

Сверхъ того упоминается еще о фонаряхъ въ Афинахъ (*λυχνούχος, laterna*), дѣлавшихся изъ прозрачнаго рога (*κεράτινος φωσφόρος*) и употреблявшихся главнымъ образомъ внѣ дома (какъ прежде факелы).¹⁾ Въ Помпеяхъ (и Геркуланѣ) найдены бронзовые фонари, имѣющіе видъ цилиндра съ крышкой сверху, изъ которыхъ свѣтъ проходилъ черезъ тонкій рогъ, пузырь (или стеклянную стѣнку). Такого рода фонарь представляетъ намъ рис. 221.; внутри внизу помѣщена лампа, сверху въ крышкѣ нѣсколько отверстій для свободнаго доступа воздуха и для выхода дыма.

Такъ какъ мы выше сказали, что копоть отъ лампъ покрывала въ атріяхъ, столовыхъ и другихъ комнатахъ всякую утварь, мраморныя колонны, лоснистую штукатурку и стѣнныя картины, то теперь ктати будетъ сказано, какимъ образомъ производилось чищеніе этихъ предметовъ. Чистились они губкой (*spongia*, самая

¹⁾ О ночномъ освѣщеніи улицъ упоминается впервые лишь въ 4 вѣкѣ по Р. Хр., именно объ освѣщеніи улицъ Антиохіи. Экстраординарное освѣщеніе, т. е. иллюминація, не было и въ Римѣ необыкновеннымъ явленіемъ; такъ напр. весь городъ былъ освѣщенъ лампами и факелами въ честь Цицерона послѣ открытія имъ заговора Катилины, и потомъ онъ весьма часто освѣщался во времена императоровъ.

лучшая привозилась изъ Антифеда въ Ликии), которую для очистки возвышенныхъ мѣстъ, какъ напр. потолковъ, рабы привязывали на палки. Такихъ щетокъ, какъ наши, древніе не знали; метлы (scorae) дѣлались изъ прутьевъ дикаго мирта, тамариска и т. п., у богачей иногда изъ пальмовыхъ листьевъ.

Средства для опредѣленія времени (часы).

43. Въ хозяйствѣ нашихъ временъ, даже въ самомъ простомъ домѣ, необходимымъ предметомъ домашняго обихода считаются часы. Въ этомъ отношеніи древніе не имѣли даже приблизительно такого удобства, какимъ пользуемся мы. Нашей задачей будетъ изложить въ этой статьѣ, какимъ образомъ древніе раздѣляли время и чѣмъ его опредѣляли въ своихъ занятіяхъ дома и внѣ его.

По словамъ Геродота (II. 109) Греки заимствовали средства для измѣренія времени у Вавилонянъ.¹⁾ Это сдѣлано Анаксимандромъ около 500 г. до Р. X. До этого времени Греки раздѣляли дневное и ночное время различно, конечно различая въ нихъ только главныя части. Во время, описываемое Гомеромъ, день раздѣлялся на двѣ или на три части: время до полудня и по полудни, или утро, полдень и вечеръ (Ил. XXI. 111). Подобнымъ образомъ раздѣлялась и ночь (Ил. X. 252). Болѣе точнымъ образомъ опредѣляли дневное время по общеизвѣстнымъ занятіямъ, происходившимъ въ опредѣленные часы дня; такъ напр. говорили: время, когда „мужъ дровосѣкъ начинаетъ обѣдъ свой готовить“ вмѣсто „полдень“ (Ил. XI. 86), или когда солнце клонится „къ порѣ, какъ воловъ распрягаютъ“ вмѣсто „къ вечеру“ (Ил. XVI. 779).

Впослѣдствіи различались четыре времени дня: утро (*πρωί*), время до полудня (*περὶ ἀρορὰν πλήθουσαν*), полдень (*τῆς μεσημβρίας*) и время по полудни (*περὶ δέιλην*), иногда и сумерки (*περὶ δέιλην ὀψίαν*). Ночь дѣлилась на три части: вечеръ (*ἔσπερος*), полночь (*μέσαι νύκτες*) и разсвѣтъ (*ὄρθρος*), иногда еще ранній

¹⁾ Вотъ его слова: „съ полушаріемъ, стрѣлкой и двѣнадцатью частями дня Греки познакомились у Вавилонянъ.“ О вѣрности его сообщенія свидѣтельствуеетъ и то, что Евреи изъ того-же источника познакомились съ солнечными часами гораздо раньше. О нихъ говорится уже въ 7 стол. во времена Исаи (XXXVIII, 8) слѣдующее: „Вотъ я возвращу назадъ на десять ступеней тѣнь, которая прошла по ступенямъ Ахазовымъ. И возвратилось солнце на десять ступеней по ступенямъ, по которымъ оно ходило.“

разсвѣтъ (*ὄρθρος βαθύς*). По военному обычаю ночь дѣлилась на четыре (или пять) стражи (*φυλακαί*). Выраженіемъ: „*περὶ ἀγορὰν πλήθουσιν*“ (когда наполняется площадь) означался приблизительно нашъ 10-й часъ утра; выраженіемъ: „*περὶ λύχνων ἀφάς*“ (когда зажигаются лампы) означалось время послѣ заката солнца. Эти опредѣленія времени не потеряли, какъ это обыкновенно бываетъ, своего значенія въ средѣ простаго народа даже тогда, когда уже давно вошли въ употребленіе упомянутыя выше вавилонскіе снаряды для измѣренія времени.

Одинъ изъ этихъ снарядовъ назывался *γνώμων* (стрѣлка), другой *πόλος* (полушаріе).

Гномонъ состоялъ изъ перпендикулярной 6 футовъ длины палки (*στοιχείον*), которая бросала тѣнь на сдѣланный въ скалѣ полукольцо, раздѣленный на равныя части, каждая величиною въ одинъ футъ; длина этой тѣни опредѣляла извѣстное время дня. Такъ у Аристофана (Ессл. 652) Праксагора говоритъ: „Твое дѣло будетъ отиравиться къ вкусному обѣду, когда тѣнь палки будетъ равняться десяти футамъ.“ Такимъ образомъ съ точностью опредѣлялось подвечернее время обѣда. Время купанья опредѣлялось (еще въ позднія времена во 2 вѣкѣ по Р. Хр.) напр. такъ: „когда тѣнь гномона будетъ шести футовъ“ (Лис.), чтó было около полудня. Очевидно, что при посредствѣ такого гномона нельзя было достигнуть ни точнаго раздѣленія дня на 12 равныхъ частей, ни того, чтобы оно имѣло одинаковое значеніе въ теченіе цѣлаго года. Въ силу послѣдняго обстоятельства, гномонъ скоро сталъ замѣняться полушаріемъ (*πόλος*) — болѣе удобными, настоящими солнечными часами, при чемъ все таки и онъ еще долго оставался въ употребленіи. Гномоны, предназначаемые для общественнаго употребленія, ставились на площадяхъ и въ другихъ часто посѣщаемыхъ мѣстахъ. *Πόλος* былъ несомнѣнно извѣстенъ уже во времена Аристофана и Геродота (слѣдовательно въ концѣ 5 вѣка до Р. Хр.). Описаніе и изображеніе его помѣщены ниже.

Въ пасмурные и дождливые дни ни гномонъ, ни полоса конечно не приносили никакой пользы. Это обстоятельство повлекло за собою изобрѣтеніе в о д я н ы хъ часовъ (*κλεψύδρα*). Часы эти извѣстны были уже въ 5 вѣкѣ; тогда употреблялись они при публичныхъ судебныхъ разбирательствахъ; ими опредѣлялось время, назначаемое ораторамъ той и другой стороны для произнесенія рѣчей (отсюда обороты: *πρὸς τὸ αὐτὸ ὕδωρ εἰπεῖν*, т. е. въ тотъ же промежутокъ времени, или *ἐν τῷ ἐμῷ ὕδατι* въ назначенный для

меня промежутки времени и др.). Первоначальную форму клепсидры можно себѣ представить по описанію Аристотеля, который при помощи этого снаряда объясняетъ нѣкоторыя явленія, происходящія отъ давленія воздуха. Это былъ шаръ съ трубкою (*αὐλός*) сверху и нѣсколькими маленькими дырочками (*τροπήματα*) снизу на подобіе сита (*ἤθμός*). Въ то время клепсидра еще не дѣлалась изъ стекла, и по формѣ называлась „*κώδεια*, маковка“. — Когда шаръ наполнялся водою до верхняго отверстія, и отверстіе это хорошо закупоривалось пробкой, такъ чтобы вода не могла испаряться, то клепсидра ставилась такъ, что вода могла понемногу просачиваться черезъ сито, что совершалось, смотря по величинѣ шара и ситка, въ разные промежутки времени. Но и употребленіе клепсидры сопряжено было со многими неудобствами, такъ какъ вслѣдствіе различной своей плотности вода неодинаково текла лѣтомъ и зимою.

Римляне по словамъ Плинія (Н. Н. VII. 60) познакомились съ солнечными часами, именно съ выше упомянутымъ полосомъ, только въ 293 году, по всей вѣроятности тогда, когда сражались въ южной Италіи; но по свидѣтельству Варрона подобнаго рода часы попали въ руки Римлянъ, какъ добыча, только въ 263 году при взятіи ими Катаны въ Сициліи и были поставлены въ Римѣ. Хотя часы эти вслѣдствіе того, что Римъ лежалъ по крайней мѣрѣ на 210—240 верстѣ западнѣе и на 9° сѣвернѣе, невѣрно опредѣляли время, тѣмъ не менѣе Римляне употребляли ихъ, говорятъ, въ продолженіе 99 лѣтъ, пока цензоръ Кв. Марцій Филиппъ въ 164 г. не поставилъ возлѣ нихъ другіе, болѣе точные часы. Очевидно, что до этого времени отдѣльныя части дня не могли быть точно опредѣляемы. Плиній говоритъ, что „въ XII таблицахъ упоминается только о времени восхода и захода солнца и что черезъ нѣсколько лѣтъ былъ прибавленъ полдень, который провозглашался служителемъ консула въ то время, когда солнце стояло между куріей и ораторской каедрой.“ По военному обычаю Римляне раздѣляли ночь на четыре стражи (*in quatuor vigiliis*), считая по 3 часа въ каждой стражѣ.

Водяные часы принесъ въ Римъ цензоръ Сципіонъ Насика въ 159 году до Р. Хр. Это была безъ сомнѣнія уже двойная клепсидра, усовершенствованная механикомъ Ктесибіемъ (жившимъ во 2 вѣкѣ до Р. Хр.), имѣвшая видъ песочныхъ часовъ и опредѣлявшая протекшіе часы при помощи скалы. Разумѣется, что эти усовершенствованные и потому болѣе удобные часы, особенно

съ того времени, когда они стали дѣлаться изъ стекла, получили большое употребленіе въ домашнемъ хозяйствѣ. Цицеронъ (Fam. XVI. 8, N. D. II. 34) называетъ ихъ также *solaria* (по аналогіи съ солнечными часами). Единственное неудобство при ихъ употребленіи заключалось въ томъ, что часы не могли быть ими одинаково точно опредѣляемы лѣтомъ и зимою, такъ какъ отдѣльныя части дня (12) лѣтомъ были длиннѣе, зимою короче, а части ночи наоборотъ лѣтомъ короче, а зимою длиннѣе. Это неудобство старались устранить тѣмъ, что клепсидру съ большимъ отверстіемъ вѣшали въ воронку съ меньшимъ отверстіемъ, вслѣдствіе чего уменьшалось количество вытекающей воды. Для измѣренія одинаковыхъ частей времени можно было съ удобствомъ употреблять

Рис. 222. Солнечные часы (*solarium*), по серебряному оригиналу.

Рис. 223. *Solarium* (также *scaphium* и *hemisphaerium*), изъ Равенны.

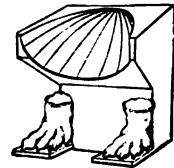

Рис. 224. *Solarium* (*hemicyclium*), найденное близъ Тускула.

простую клепсидру (напр. въ судѣ, лагерѣ); по количеству вытекшихъ клепсидръ легко опредѣлялись одинаковые промежутки времени. Такъ Плиній (Epist. II. 11) говоритъ о 16 (по другому чтенію о 24) клепсидрахъ, изъ которыхъ вода вытекала въ продолженіе 5 часовъ. — Въ общественныхъ мѣстахъ, напр. у храмовъ, въ театрахъ, въ циркѣ, настрадахъ, термахъ, базиликахъ, на площадяхъ и у гробницъ, употреблялись только солнечные часы. Формы солнечныхъ часовъ, имѣвшихъ вообще видъ полушарія, были различны. Для наглядности прилагаемъ на рис. 222. солнечные часы, имѣющіе видъ сердца, найденные въ древнемъ Антиіи. Подобной же формы часы съ удобной и искусной подставкой изображены на рис. 223 и 224. Кромѣ того были у древнихъ небольшіе висячіе солнечные часы для путешествій (*solaria viatoria pensilia*). Такіе часы, представляющіе видъ задней четверти свинины, найдены въ 1755 году въ Геркуланѣ. Римскіе богачи имѣли также

слугу, который долженъ былъ смотрѣть за часами и сообщать своимъ господамъ каждый протекшій часъ. Августъ возобновилъ старую систему опредѣленія времени при помощи гномона, поставивши на Марсовомъ полѣ обелискъ въ 120 футовъ вышины и означивъ металлическими бороздами на мостовой скалу для бросаемой имъ тѣни.

Въ Афинахъ, на площади въ особенномъ для этой цѣли построенномъ и до сихъ поръ сохранившемся зданіи, о которомъ мы говорили на стр. 86, стояли водяные часы съ искуснымъ механизмомъ. Это были часы, которые подробно описываетъ Витрувій (IX. 9, 4 и слѣд.); система колесъ, при помощи которыхъ стрѣлка показывала часы, приводилась въ движеніе давленіемъ воды.

II. Одежда и наряды.

44. Познакомившись съ обстановкою греческаго и римскаго дома, обратимся къ самимъ ихъ обитателямъ и посмотримъ, какъ они, слѣдуя разнымъ требованіямъ природы, одѣвали и украшали свое тѣло. Греческая одежда была сравнительно съ нашей проста. Греки (и Римляне) довольствовались самою необходимою и незатѣливою одеждою; она не только не стѣсняла членовъ ихъ тѣла, укрѣпленнаго и закаленнаго постоянными упражненіями или войною, но даже не вполне, на сколько это позволяло приличіе, покрывала ихъ. Такъ одѣваться заставляли Грековъ не только южный теплый климатъ, но и чувство умѣренности, проявлявшейся во всей ихъ жизни.

Мы въ такомъ-же порядкѣ станемъ описывать одежду, въ какомъ описывали утварь. Раздѣливъ всю одежду на категоріи сообразно съ ея употребленіемъ, мы опишемъ и представимъ ее въ рисункахъ, и наконецъ вератцѣ коснемся способовъ ея изготовленія и украшенія.

Вся греческая и римская одежда раздѣляется на два главныхъ рода: нижнюю, которой покрывалось тѣло, *ἐνδύματα*, *indutus* (*vestimenta clausa*), и верхнюю, которая набрасывалась на нижнюю (а иногда и на голое тѣло), *ἐπιβλήματα*, *περιβλήματα*, *amictus*.

Нижняя одежда.

Важнѣйшею нижнею одеждою у Грековъ былъ *χιτών*, у Римлянъ *tunica*. Простой хитонъ, извѣстный вообще подъ именемъ дорійскаго, въ своемъ первоначальномъ видѣ состоялъ изъ четырехугольнаго, $3\frac{1}{2}$ футовъ длины и 3 футовъ ширины, куска тканой шерстяной матеріи. Матерія эта складывалась въ длину вдвое и надѣвалась затѣмъ такъ, что черезъ сдѣланное сверху въ перегибѣ отверстіе просовывалась рука, напр. лѣвая; оба верхніе конца матеріи застегивались на правомъ плечѣ или застѣжкой, или пуговкой, остальная же ея часть оставалась несоединенной, такъ что правую сторону тѣла легко можно было открыть. Если же

Рис. 225. Хитонъ съ двумя рукавами (*χιτών ἀμφιάσχαλος*), по изображенію на Траяновомъ столбѣ.

Рис. 226. Хитонъ съ однимъ рукавомъ (*χι. ἑτερομάσχαλος*), срисованный съ древней статуи.

и съ этой стороны матерія сшивалась, тогда этотъ короткій хитонъ походилъ отчасти на теперешнюю женскую рубашку. Не сшитый хитонъ, „*χιτών σχιστός*“ раздѣленный, „съ разрѣзомъ“, носили обыкновенно молодые Дорянки. Обыкновенный хитонъ съ короткими, только верхнюю часть руки прикрывающими рукавами носили какъ нижнюю одежду свободные граждане; поверхъ его Греки надѣвали гиматіонъ, а Римляне тогу (см. ниже). Такой хитонъ назывался *χι. ἀμφιάσχαλος* (съ двумя рукавами, рис. 225). Былъ еще хитонъ съ однимъ рукавомъ, *χι. ἑτερομάσχαλος*, который носили рабы и рабочіе; онъ покрывалъ только лѣвое плечо и верхнюю часть лѣвой руки, оставляя незакрытой правую руку,

необходимую для работы, и половину груди (рис. 226.); особый вид этого хитона была такъ наз. *ἐξωμίς* (exomis), предоставлявшая наибольшую свободу въ движеніи, такъ какъ концы ея были связаны только на лѣвомъ плечѣ (рис. 227.). Хитонъ безъ рука-

Рис. 227. Хитонъ, незакрывающій плечъ (*χ. ἐξωμίς*), изъ ватяк. рукописи Вергилія.

Рис. 228. Хитонъ безъ рукавовъ (*χ. ἐπωμίς*), срисованный съ древней статуи въ Римѣ.

вовъ, застегнутый на обоихъ плечахъ, но вполне не прикрывающій ихъ, назывался *ἐπωμίς* (рис. 228.).

Длина хитоновъ была различна. Доране носили короткій, доходившій только до колѣнъ, который принять былъ и въ Афинахъ;

Рис. 229. Длинный хитонъ (*χ. ποδήρης*), по мраморному барельефу.

Рис. 230. Длинный хитонъ (*χ. ποδήρης*), срисованный съ греческой статуи.

Рис. 231. Хитонъ съ длинными рукавами (*χ. χειριδωτός*), срисованный съ древней статуи.

Юняне и Аѳиняне до временъ Перикла носили длинный (*χ. ποδήρης, ὀρθοστάδιος*) полотняный хитонъ съ доходившими до локтей (рис. 230.) рукавами, иногда разрѣзанными и соединенными тесьмой или пуговками (сравни рис. 244.). Такого рода хитонъ

составлялъ обыкновенную одежду знатныхъ женщинъ въ Греціи и Италиі. Иногда рукава такого хитона доходили до кисти руки (χ. χειριδωτός, tunica manicata, рис. 231.; ср. рис. 229.). Мужчины,

исключая Іонянъ¹⁾, не носили его раньше 3 стол. по Р. Хр. Точно также и двойной хитонъ (διπλοῦδιον) былъ исключительно женскою одеждою; покрой его и способъ надѣванія такіе-же, какъ и у римской паллы, о чемъ будетъ сказано впереди. Хитонъ подвязывался поясомъ (ζώνη, у аттическихъ женщинъ ζώνιον, στρόφιον, singulum), или высоко подъ самой грудью (рис. 233., χ. ὑψίζωνος), или (при длинномъ іонійскомъ хитонѣ) нѣсколько ниже надъ бедрами (рис. 234.). Въ послѣднемъ случаѣ опоясываніе дѣлалось весьма искусно, такъ что хитонъ глубокими складками (κόλποι) опускался съ обѣихъ сторонъ черезъ поясъ.

Образцы прекрасныхъ, роскошныхъ скла-

Рис. 232. Длинный хитонъ съ глубокими складками, по канефорѣ Эрехейона въ Аѣнахъ.

Рис. 233. Высоко опоясанный хитонъ (tunica), срисованный съ греческой статуи.

Рис. 234. Низко опоясанный хитонъ (tunica), по изображенію на вазѣ.

докъ сохранились на нѣкоторыхъ статуяхъ изъ пареонскаго фронтона (стр. 14), хранящихся теперь въ британскомъ музеѣ, и на красивыхъ фигурахъ (канефорахъ, каріатидахъ), которыя подпираютъ южный притворъ Эрехейона (ср. рис. 23.). Одинъ такой хитонъ представляетъ намъ рис. 232.

¹⁾ Іонійскій хитонъ доходилъ до пятокъ, и поэтому Іоняне называются уже у Гомера Ἴόνες ἄλμητόνες (Ил. XIII. 685).

Къ этому нарядному способу опоясыванія относятся эпитеты, которые употребляетъ Гомеръ, говоря о женщинахъ: *εὖζωνοι* (прекрасно опоясанныя), *βαθύκολποι*, *βαθύζωνοι* (съ глубокими складками, низко опоясанныя).

Хитонъ носили мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки. Женщины носили иногда даже два хитона, одинъ на другомъ, при чемъ нижній былъ длиннѣе верхняго. Тотъ, кто носилъ только одинъ хитонъ, назывался *μονοχίτων*¹⁾ (у Римлянъ *tunicatus*); кто носилъ верхнее платье безъ хитона, назывался *ἀχίτων*.

Римская туніка (*tunica*) вполнѣ напоминала собою греч. хитонъ. Въ длину она достигала у мужчинъ обыкновенно до икръ, подвязывалась, также какъ и хитонъ, поясомъ; въ особенности она выпускалась далеко надъ поясомъ (*alticinctus*, рис. 235.) у рабочихъ,

Рис. 235. Выпущенная надъ поясомъ туніка, срисованная съ древней статуи.

Рис. 237. Образецъ широкой полосы на персидской саранидѣ, по помпейской мозаикѣ.

Рис. 236. Неподпоясываемая туніка (*t. recta*) по древней картинѣ.

и была или безъ рукавовъ, или съ рукавами, короткими или длинными. Была еще особаго рода туніка длинная, тѣсная, нестягиваемая поясомъ, слѣд. безъ всякихъ складокъ; ее надѣвали римскія дѣвѣи въ день совершеннолѣтія и въ день свадьбы; называлась она *tunica recta* (вѣроятно тоже, что у Грековъ *χιτών ὀρθοστάδιος*). Рис. 236. представляетъ намъ такую туніку по древнему изображенію. Туніка была домашнею одеждою женщинъ и мужчинъ; внѣ дома носили ее граждане и воины подъ тогой, воины же впоследствии также подъ плащемъ.

¹⁾ У Гомера *μονοχίτων*. Одинъ хитонъ безъ гиматія считался неполнымъ одѣяніемъ, особенно въ публичномъ мѣстѣ, точно также какъ у Римлянъ одна туніка; скорѣе считалось достаточнымъ одно верхнее платье (гиматіонъ или трибонъ).

Такъ называемая *tunica praetexta*, полосотая тунника, была принадлежностью высшихъ должностей, а именно: тунника съ широкой пурпуровой полосой, идущей по срединѣ одежды внизъ отъ подбородка (*clavus latus*, *t. laticlavica*, рис. 237.)¹⁾, носилась сенаторами (*Hor. S. I. 6, 28*) и опускалась ниже обыкновенной (*Quint. XI. 3, 139*); тунника съ одной или двумя узкими такими полосами (*clavus angustus*, *tunica angusticlavia*, рис. 238.) носилась всадниками (*Vel. Pat. II. 88, 2*). У женскихъ тунникъ полоса эта называлась *patagium*; отсюда *t. patagiata* (рис. 239.). Упоминается еще *tunica palmata*, украшенная тунника триумфатора, такимъ же образомъ вышитая какъ и *toga picta* и *palmata*.

У болѣе позднихъ писателей временъ императоровъ встрѣчается еще особый родъ тунники, такъ называемая *paragauda*. Она украшалась пришиваемыми къ ней (парчевыми) полосами и,

Рис. 238. Тунника съ узкими полосами (*t. angusticlavia*).

Рис. 239. Тунника съ пурпуровой полосой (*patagium*), по древней картинѣ.

Рис. 240. *Paragauda*, по древней стѣнной тинѣ въ Римѣ.

смотря по ихъ числу, называлась *p. monoloris*, *diloris* — *penteloris*, т. е. съ одной, двумя — пятью полосами. Кажется, что такая именно тунника изображена на древней картинѣ, найденной въ Римѣ вблизи Латерана, по которой и сдѣланъ рис. 240.

Подобно греческимъ и римскія женщины, уже во время Плавта, носили иногда двѣ тунники, одну на другой (нижняя называлась *t. interior*, *interula*; верхняя, нѣсколько короче нижней, *indusium* или *supragum*), и даже больше того. Носили и мужчины по нѣсколькx

¹⁾ Такъ какъ римскаго изображенія подобной полосотой тунники не имѣется (на статуяхъ полоса не могла быть означена), то на рис. 237. представлена иноземная одежда, въ существенномъ, какъ кажется, совершенно тождественная съ *t. praetexta*.

туникъ; напр. Августъ носилъ зимою четыре тунники (Suet. Aug. 82). Рис. 241. представляетъ намъ женщину, одѣтую въ двѣ тунники (съ плащемъ), изъ которыхъ нижняя длиннѣе верхней и снабжена длинными рукавами, верхняя же короче и снабжена короткими

Рис. 241. Нижняя и верхняя тунники, по римскому барельефу.

Рис. 243. Нижняя тунника, по римскому барельефу.

Рис. 242. Нижняя и верхняя тунники, по помпейской картинѣ.

рукавами. Рис. 242. представляетъ Хрисеиду (по помп. картинѣ), одѣтую тоже въ двѣ тунники. На рис. 243. изображена обыкновенная нижняя тунника, совершенно похожая на нашу женскую рубаху.

Рис. 244. Римская стола, по мраморному барельефу.

Рис. 245. Римская стола со шлейфомъ (instita), по живописи въ Титовыхъ термахъ.

Иногда женщины надѣвали верхнее платье, которое было длиннѣе и имѣло болѣе складокъ, чѣмъ нижнее. Оно называлось *stola* (στολή) и надѣвалось совершенно такъ, какъ спитый женскій хитонъ (рис. 244.). Если нижняя тунника имѣла рукава, то стола была безъ рукавовъ и стягивалась поясомъ подъ самой

грудью. Непремѣнною принадлежностью стопы была такъ называемая *instita*, пришитая или притканная къ нижнему ея краю оборка (Hor. Sat. I. 2, 29 и 99), иногда составлявшая нѣчто въ родѣ шлейфа (рис. 245.).

Верхняя одежда.

45. Самой обыкновенной верхней одеждой Грековъ былъ *ιμάτιον* (*palium*), который вмѣстѣ съ хитономъ составлялъ полное ихъ одѣяніе. Это былъ плащъ четырехугольной (*τετράγωνον ἱμ.*), продолговатой формы, который набрасывался такимъ образомъ, что спускался внизъ отъ шеи своей широкою стороною. Сначала перебрасывался одинъ его конецъ черезъ лѣвое плечо и придерживался лѣвой рукой; затѣмъ остальная часть его обвивалась отъ лѣвой стороны къ правой вокругъ спины, правой руки и груди, и конецъ ея перебрасывался назадъ черезъ лѣвое плечо. Это называлось

Рис. 246. Гиматіонъ, срисованный со статуи Аристиды въ фризской коллекціи въ Неаполѣ.

Рис. 247. Гиматіонъ, вполне прикрывающій тѣло, по изображенію на глиняной вазѣ.

Рис. 248. Гиматіонъ, вполне прикрывающій тѣло, по изображенію на вазѣ.

одѣваться направо (*ἐπὶ δεξιὰ ἀναβάλλεσθαι*). Такимъ образомъ все тѣло было закрыто и только правая рука отчасти оставалась свободной, какъ это видно изъ рис. 246.; иногда же и она закрывалась, какъ это видно изъ рис. 247. и 248. (*ἐντὸς τὴν χεῖρα ἔχειν*). Последнее считалось въ древнѣйшія времена признакомъ приличія и скромности (ср. Dem. *περὶ παραπρεσβ.* 251), въ особенности для юношей. Греки надѣвали гиматіонъ еще и такъ, что пере-

брасывали его отъ лѣваго плеча не черезъ правое, а подъ мышку правой руки, оставляя ее непокрытой и свободной; этотъ способъ одѣванія считался болѣе изящнымъ, и потому часто встрѣчается на изображеніяхъ. Приличный гиматіонъ долженъ былъ спускаться ниже колѣнъ, но не доходить до лодыжекъ; если онъ былъ длиннѣе, особенно же, если волочился, то это считалось неприличнымъ (Dem. п. паракр. 314 и Plato Alcib. I. pag. 122 с). Женщины надѣвали гиматіонъ вообще такимъ-же образомъ; но въ деталяхъ допускали отступленія по собственному вкусу. Чтобы гиматіонъ не спадалъ съ плечъ, и чтобы складки его красиво ложились одна

Рис. 249. Плащъ застегнутый на правомъ плечѣ, по изображенію на вазѣ.

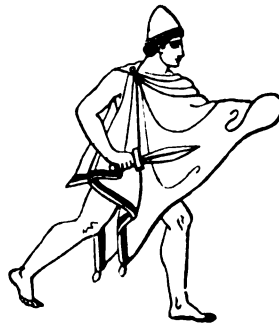

Рис. 250. Плащъ застегнутый на правомъ плечѣ, по изображенію на вазѣ.

возлѣ другой, къ концамъ его пришивались кисточки съ небольшими свинцовыми шариками (рис. 249.).¹⁾ Само собою разумѣется, что для искуснаго надѣванія этого плаща необходимы были навыкъ и ловкость, которою жители южныхъ странъ могутъ похвалиться и въ наше время.

Плащъ меньшаго размѣра назывался хламида (*χλαμύς*, макед. происхожденія). Хламиду набрасывали или на лѣвое плечо, такъ что она закрывала лѣвую руку, при чемъ концы ея соединялись на правомъ плечѣ застежкой, вслѣдствіе чего правая рука оставалась совершенно свободной (рис. 249. и 250.), или же набрасывали ее на оба плеча, что имѣло мѣсто въ особенности при

¹⁾ Концы и кисточки эти назывались *κρονίδες*, *lacinia*. Они ясно видны на рис. 249—252. Точно также и Римляне имѣли обыкновеніе привѣшивать подобныя шарика къ своимъ тогамъ и даже къ туникамъ (см. ниже рисунокъ, помѣщенный между рисунками панцирей и представляющей статую молодого Бальба).

верховой ѣздѣ (рис. 251.), или наконецъ застегивали ее на груди (рис. 252.). Плащъ этотъ, въ нижніе углы котораго тоже зашивали тяжести, употреблялся обыкновенно въ дорогѣ и на войнѣ; онъ также служилъ въ Аѳинахъ со временъ Перикла верхнею одеждою для тѣхъ, которые вышли изъ дѣтскаго возраста, т. е. для т. н. эфебовъ (*ἔφηβοι*).

Такимъ-же короткимъ плащемъ (*μετρία ἐσθής*) былъ *τριβων* или *τριβώνιον* (что собственно значить обношенное платье). У Дорянъ его носили вообще всѣ юноши и мужи, а у другихъ племень, кромѣ бѣдныхъ (его постоянно носилъ напр. Сократъ, а по его

Рис. 251. Аѳинскій эфебъ на лошади одѣтый въ плащъ, по парескионскому фризъ.

Рис. 252. Плащъ застегнутый на груди, по изображенію на вазѣ, представляющему воина.

примѣру Циники и Стоики) еще и тѣ, которые, подражая Дорянамъ, не носили обыкновенно никакого хитона. Трибонъ состоялъ изъ куска матеріи, похожаго по покрою на гиматіонъ, но нѣсколько меньшаго по объему. Иногда онъ могъ быть раздѣленъ на двѣ половины (Luc. Тох. с. 30). Въ заключеніе упомянемъ еще о героическомъ плащѣ (*χλαῖνα*), плотномъ и толстомъ одѣялѣ, въ которое кутались зимой.

Словомъ *πέπλος* (*πέπλον*) означалось вообще длинное верхнее ¹⁾ женское платье, которое мы подробно опишемъ вмѣстѣ съ римскою наллою, отъ которой оно ничѣмъ не отличалось; въ частности же словомъ этимъ означались тѣ извѣстные покровы, которыми укра-

¹⁾ Поэтому Гомеръ называетъ троянскихъ женщинъ *ἐλεσίπεπλοι* „длинно-одежными.“ Ил. VI. 442 и въ другихъ мѣстахъ.

шались въ праздники статуи богинь. Такъ напр. пепломъ назывался большой, великолѣпно вышитый покровъ, который въ Афинахъ въ панаѳенеи возили (см. панаѳенеи) въ процессіи въ видѣ распостертаго паруса и потомъ надѣвали на статую Аѳины въ Парѳенонѣ, а также покровъ, который женщины приносили въ Олимпіи въ даръ Герѣ и т. д. Къ другому роду верхняго женскаго платья принадлежала такъ наз. *διπλοῖς* (т. е. *χλαῖνα*), носимая на подобіе шали (рис. 253.), и похожій на нее *κροκωτός* (шафрановый), названный такъ вѣроятно по своему цвѣту. О хлайнѣ упоминаетъ уже Гомеръ (*δίπλαξ χλαῖνα*, Ил. III. 126, и у мужчинъ Од. XIX. 241, 226).

Рис. 253. Двойная хлайна, по изображенію на вазѣ, представляющему Геру.

Рис. 254. Свободная тога со складками (*fusa*) спереди, срисованная съ римской статуи.

Рис. 255. Свободная тога со складками (*fusa*) сзади, срисованная съ римской статуи.

Самой главной верхней одеждой Римлянъ была *toga* (*τήβεννα*, *τηβεννίς*), платье, если не чисто римское (по мнѣнію самихъ Римлянъ оно этрускаго происхожденія), то во всякомъ случаѣ весьма давно идлучившее у нихъ права гражданства (и потому слово *togatus* означаетъ Римлянина въ противоположность Греку, который назывался *palliatus*).

Тоба болѣе позднихъ временъ, которую стали носить во времена Августа и къ которой мы преимущественно обратимся, значительно отличалась своей формой отъ греческаго гиматія; она дѣлалась не изъ четырехугольнаго, а изъ продолговатаго, сшитаго обыкновенно изъ двухъ частей (*plagulae*) куска матеріи около 15 футовъ длины и 10 футовъ ширины. Надѣвалась она слѣдующимъ образомъ: прежде всего она складывалась въ длину по-поламъ, потомъ лѣвый конецъ ея перебрасывался черезъ лѣвое плечо напередъ, такъ что кончики касались земли (рис. 254. 1), остальная

же часть одежды обвивалась около тѣла подъ правой мышкой (какъ у гр. гиматія) черезъ грудь, и конецъ ея перебрасывался черезъ лѣвое плечо такъ, что достигалъ до лодыжекъ (рис. 255.).

Уже самое складываніе и перегибаніе этой овальной одежды требовали нѣкотораго искусства; ибо она не перегибалась по срединѣ, такъ что края ея не совпадали, но нижняя (болѣе широкая) половина достигала своимъ краемъ до голеней, а иногда и ниже (рис. 254. 3, *ima toga*), верхняя же (меньшая) половина краемъ своимъ касалась колѣнъ (2), что было весьма красиво. Та часть тоги, которая шла изъ-подъ мышки правой руки черезъ грудь, у древнихъ

Рис. 256. Тога, опоясанная лѣвымъ своимъ концомъ (*sinctus Gabinus*), по изображенію въ ватиканской рукописи Вергилія.

Рис. 258. Тога древнѣйшаго покроя, по этрусскому рѣзаному изображенію на геммѣ.

Рис. 257. Тога древнѣйшаго покроя, срисованная съ бронзовой этрусской статуи.

малыхъ тогъ была прямо натянута и прилежала тѣсно къ тѣлу, но у свободной тоги (*toga fusa*) она образовывала красивыя складки (такъ наз. *sinus*), а именно: верхнія подъ правой рукою, происшедшія оттого, что роскошное платье, идя отсюда вверхъ къ лѣвому плечу, должно было сгибаться (рис. 254., 4), и нижнія, нѣсколько меньшія, но за то болѣе красивыя, образовывавшіяся на колѣняхъ (*Quint. XI. 3, 141*; рис. 254., 2). Когда трудъ расположенія складокъ былъ оконченъ, то вытягивался лѣвый нижній конецъ тоги, который, какъ было сказано, спущенъ былъ вначалѣ съ лѣваго плеча, и вытянутая часть опускалась черезъ *sinus* (рис. 254., 5); этотъ конецъ назывался *umbo* или *podus*.

Такъ-какъ въ количествѣ и искусномъ расположеніи складокъ заключалась вся красота тоги, то Римляне обращали на это особенное вниманіе. Рабы должны были часто уже вечеромъ готовить складки для слѣдующаго утра, при чемъ имъ помогали какіе-то

приборы изъ досокъ. Свинцовыя гирьки, зашитыя въ концахъ тоги, должны были удерживать тогу, какъ и греческій гиматіонъ, въ первоначальномъ ея положеніи. Очевидно, что одѣвшись въ тогу, нельзя было быстро двигаться, что, впрочемъ, гармонировало съ серьезностью всей вообще гражданской жизни Римлянъ. На войнѣ, гдѣ прежде, чѣмъ вошло въ употребленіе *sagum*, тоже носили тогу, опоясывались тѣмъ концомъ ея, который обыкновенно перебрасывался черезъ лѣвое плечо. Это опоясываніе называлось *cinctus Gabinus*. Въ позднѣйшее время подобнымъ образомъ одѣвались въ тогу при исполненіи нѣкоторыхъ праздничныхъ обрядовъ, въ осо-

Рис. 259. Тога этрускаго покроя, срисованная съ бронзовой этрусской статуи.

Рис. 260. Тѣсная тога (t. restricta), срисованная съ древней статуи въ Венеціи.

Рис. 261. Свободная, но не широкая тога, по римскому барельефу.

бенности религіозныхъ, при чемъ еще передній конецъ тоги клался на голову, какъ это можно видѣть на рис. 256.

Въ древнія времена тога была меньшаго размѣра и носилась иногда и на голомъ тѣлѣ (безъ туники), какъ это дѣлалъ напр. Катонъ Старшій. — Описавши тогу болѣе позднихъ временъ, мы постараемся теперь, при помощи четырехъ изображеній, сообщить кое-что и объ этой тогѣ древней формы. Выше (см. стр. 215) было сказано, что тога была этрускаго происхожденія. Поэтому, чтобы представить ея первобытную форму, мы должны обратиться къ этрускимъ произведеніямъ этого рода. На рис. 257. мы замѣчаемъ полукруглое платье, которое, по мнѣнію Діонисія Галика. (*Ant. Rom.* III, 61), представляетъ видъ древнѣйшей тоги. Правый конецъ этого платья набрасывался на правое плечо такъ, что плотно прилегалъ къ нему, потому конецъ этотъ протягивался подъ бородой и перебрасывался черезъ лѣвое

плечо, такъ что закрывалъ обѣ руки, какъ это видно изъ рис. 258. Иногда правый конецъ тоги перебрасывался черезъ лѣвое плечо такимъ образомъ, что правая рука оставалась свободной, что изображаетъ рис. 259.

Впослѣдствіи (по всей вѣроятности подъ конецъ республики) на это платье шло уже больше матеріи эллиптическаго покроя, но все еще далеко не столько, сколько нужно было для свободной тоги со складками (*toga fusa*), описанной нами выше. Способъ надѣванія этой средней тоги былъ тотъ-же, что у греческаго гиматія или у палліа, съ которымъ она можетъ быть сравниваема. Подобнаго рода тога, въ противоположность тогѣ свободной, называлась, по свидѣтельству Светонія (Aug. с. 73), тогой тѣсной,

Рис. 262. Тога вышитая, по древнимъ диптихамъ.

Рис. 263. Палла, наброшенная на подобіе гиматія, срисованная съ древней статуи.

t. restricta. Различіе между средней тогой и палліемъ заключалось только въ томъ, что первая, по своему эллиптическому покрю (форма палліа былъ продолговатый четырехугольникъ), образовывала болѣе складокъ и менѣе прилегалъ къ тѣлу. Тогу эту представляетъ намъ рис. 260. На изображенной здѣсь тогѣ мы замѣчаемъ какъ-бы начало пазухи со складками, еще короткой и неглубокой (*sinus perquam brevis*, Quint. XI. 3, 137), въ которую клали обыкновенно правую руку (*brachium veste continebatur*, *ibid.* 138; ср. стр. 212). Въ такомъ положеніи мы должны представлять себѣ римскихъ ораторовъ во времена республики. Образецъ свободной, но все еще не широкой и безъ роскошныхъ складокъ тоги представляетъ намъ рис. 261.

Тогу имѣли право носить только римскіе граждане; въ публичныхъ мѣстахъ эта одежда для нихъ была даже обязательна. Сципіонъ, напр., подвергался упрекамъ за то, что надѣвалъ греческое

платье (Liv. XXIX. 19; ср. Tac. Ann. II. 59); даже во времена Цицерона подобный поступок Рабирія Постума считался нарушением римскаго достоинства, преступленіемъ (Cic. p. Rabir. Post. 10 и 11). Лишившіеся права гражданства и изгнанники теряли въ тоже самое время и право носить тогу (jus togae, Plin. Ep. IV. 11). Римскіе мальчики и дѣвочки носили тогу съ пурпуровой каймою (toga praetexta), которая впоследствии, когда мальчики вступали въ юношескій возрастъ (т. е. когда имъ исполнялось 16, поздѣе 15 лѣтъ), а дѣвочки выходили за-мужъ, замѣнялась бѣлой тогой (t. virilis, pura или libera).

У мужей тога съ пурпуровой каймой (praetexta) служила знакомъ высокой должности, ее носили диктаторы, консулы, преторы,

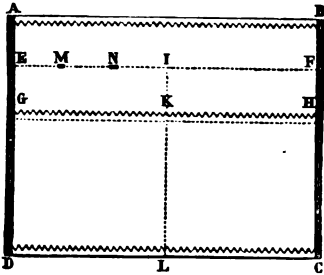

Рис. 264. Образецъ покроя паллы.

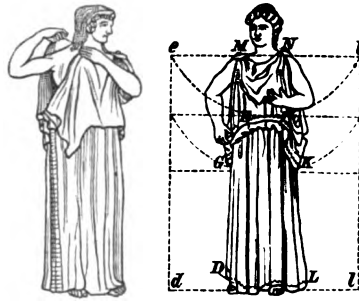

Рис. 265. Палла, срисованная съ древней бронзовой статуи въ Неаполѣ.

курульскіе эдилы и нѣкоторые жрецы. Одѣяніемъ триумфатора (рис. 262) служила *toga picta* (вышитая), подобнымъ же параднымъ одѣяніемъ были *tunica* и *toga*¹⁾ *palmata* (съ вышитыми пальмовыми вѣтвями), выдаваемыя передъ шествіемъ триумфаторамъ изъ капитолійскаго храма (отсюда *capitolina palmata*).

Подобно тому, какъ мужчины носили внѣ дома тогу, римскія женщины надѣвали поверхъ туники паллу (Hor. Sat. I. 2, 99), длинное платье (Verg. Aen. XI. 576), доходившее иногда до лодыжекъ и состоявшее обыкновенно изъ одного куска матеріи на подобіе тоги или греческаго гиматія, что бывало особенно тогда, когда нижнимъ платьемъ служила стола, слѣдов. у матронъ (сравни рис. 244.). Надѣвалась палла такъ-же, какъ и греческій гиматіонъ (рис. 263.); иногда впрочемъ (напр. при жертвоприношеніяхъ) ею покрывали

¹⁾ У Марціала мы читаемъ въ VII. 3, 8. *toga palmata*; но у Script. Н. А. напр.: Jul. Cap. Gord. tres c. 4. *tunica palmata, toga picta*, или Ael. Lampr. Alex. Sev. c. 40. *togam pictam . . . de Jovis templo sumptam accipit*.

голову, или обвивали ее около тѣла ниже плечъ. Были паллы, состоявшія изъ двухъ кусковъ, передняго и задняго, соединенныхъ на плечахъ. Они или свободно опускались внизъ, или прижимались къ тѣлу поясомъ. Это дѣлалось слѣдующимъ образомъ: подходящая матерія въ видѣ продолговатаго четырехугольника ABCD (рис. 264.) складывалась такъ, что точка А совпадала съ точкой G, точка В съ точкой H. Одѣвающійся надѣвалъ на себя сложенную такимъ образомъ матерію такъ, что одною половиною DEIL покрывалась грудь, другою CFIL — спина; на плечахъ, при посредствѣ застежекъ, въ точкахъ M и N обѣ эти половины соединялись, послѣ чего черезъ отверстіе NI просовывалась лѣвая рука,

Рис. 266. Palla citha-goedica, срисованная съ ватиканской статуи.

Рис. 267. Каракаллы, срисованныя съ бронзовыхъ ліонскихъ статуй.

Рис. 268. Далматика, по изображенію въ ватиканской рукописи Вергилія.

такъ что часть матеріи между NIK спереди и сзади подъ мышкой (рис. 265. справа) и несоединенные концы съ правой стороны (рис. 265. слѣва) сами по себѣ опускались, оставляя правую сторону, гдѣ сходились края CF и DE, открытою, вслѣдствіе чего необходимо было прикрѣплять эти концы поясомъ надъ бедрами. Эти края всегда почти сшивались до бедръ (vestimentum clausum), вслѣдствіе чего такое платье надѣвалось черезъ голову. Какъ видно, эта одежда соответствуетъ двойному хитону и пеплу, и заключаетъ въ себѣ собственно двѣ части, одну нижнюю въ родѣ простой туники, другую наброшенную сверху въ видѣ небольшого плаща. Соответственно этому и называется она tunico-pallium, tunica palliolata. Носили ее обыкновенно молодыя женщины. Верхняя наброшенная часть называлась у Грековъ *διπλοῖδιον*; иногда, какъ кажется, надѣвалась она на простой хитонъ. Это представляетъ намъ рис. 232. помѣщенный выше.

Особаго рода одежду, невѣрно называвшуюся паллою, носили киевареды, когда они выступали публично (*vestis citharoedica, habitus citharoedicus*). Римскіе поэты одѣвали въ эту одежду своихъ боговъ и богинь, предсказателей и героевъ. Подобнаго рода паллу представляетъ намъ рис. 266., изображающій Аполлона-киевареда. Это собственно длинная туника со складками внизу и съ рукавами (*t. manicata*).

Palla gallica отличалась отъ римской и покроемъ и величиною; она представляла собственно тѣсный, короткій, не достигающій до колѣнъ хитонъ съ рукавами, разрѣзанный спереди и сзади до бедеръ (рис. 267.). Эта одежда называлась по гальски каракалла. Императоръ Антонинъ Бассіанъ, сынъ Септимія Севера, полу-

Рис. 269. Лацерна, по изображенію на Траяновомъ столбѣ.

Рис. 270. Лацерна съ опущеннымъ капюшономъ, по помпейскому изображенію.

Рис. 271. Пенула съ капюшономъ, по помпейскому изображенію.

чилъ названіе Каракаллы за то, что при вступленіи на престоль раздавалъ народу подобное платье (продолженное до лодыжекъ, *caracalla talaris, Antoniniana*).

Уже при первыхъ императорахъ мужчины перестали носить неудобныя и сравнительно дорогія тоги, а женщины приличныя столы и красивыя паллы, такъ что Августъ вынужденъ былъ приказать эдиламъ, чтобы они не допускали по крайней мѣрѣ на форумъ (къ судопроизводству и публичнымъ дѣламъ) и въ циркъ къ играмъ тѣхъ, кто одѣтъ былъ въ лацерну (см. ниже), а не въ тогу (*Suet. Aug. 40*). ¹⁾

¹⁾ Чтеніе *in foro circave* не вѣрно; нужно читать *in foro circove*; сравни *Ael. Lamp. Commodus c. 16 contra consuetudinem paenulatos iussit spectatores non togatos ad munus convenire*.

При императорскомъ дворѣ, равно какъ и въ театрахъ въ присутствіи двора, тога оставалась до позднихъ временъ (до 3го в.) такъ сказать форменнымъ и единственно приличнымъ платьемъ. Наконецъ тога служила одеждой кліентовъ, въ которой они посѣщали и сопровождали своихъ патроновъ (Mart. IX. 100; X. 96). При Тиберіи сенатомъ назначенъ былъ штрафъ матронамъ, если онѣ будутъ замѣчены на улицѣ безъ тоги. Но начиная со временъ Коммода, тога и стола стали совсѣмъ выходить изъ употребленія и ихъ мѣсто заняла т. наз. далматика (dalmatica), т. е. собственно длинная туника съ широкими рукавами, употреблявшаяся какъ верхнее платье, и колобій (colobium, отъ греч. *κολοβός*, изувѣченный, окороченный), т. е. недлинная туника съ короткими рукавами, какъ мы выше видѣли на рис. 225.,

Рис. 272. Военный плащъ (paludamentum), по изображенію на Траяновомъ столбѣ.

Рис. 273. Пенула съ капишономъ сзади, срисованная со статуи, представляющей Меркурія, и простая пенула спереди, срисованная съ древней статуи.

Рис. 274. Брюки (bracae) римскаго воина времени Константина, по изображенію на аркѣ того-же имп. въ Римѣ.

употреблявшаяся какъ нижнее платье. Далматика дѣлалась изъ бѣлой шерсти и украшалась двумя пурпуровыми полосами; ее представляетъ рис. 268., по изображенію изъ ватик. рукоп. Вергилія.¹⁾

Мѣсто греческой хламиды занимали у Римлянъ слѣдующіе плащи: lacerna, sagum, paludamentum и raenula.

Лацерна (по всей вѣроятности галльскаго происхожденія, ср. Cic. Phil. II. 30) былъ плащъ обыкновенно изъ болѣе тонкой матеріи, иногда великолѣпно выкрашенной, имѣвшій видъ продолговатаго четырехугольника; раскрытый спереди, онъ застегивался

¹⁾ Одежды эти стали употребляться впоследствии въ римско-католической церкви, какъ церковныя облаченія, принятыя первыми папами. Съ теченіемъ времени форма ихъ немного измѣнилась, въ особ. форма далматик.

подъ подбородкомъ и стягивался поясомъ (рис. 269.). Римляне стали носить его (сверху тоги или тунки), начиная съ конца республики; во времена императоровъ онъ сдѣлался обыкновеннымъ верхнимъ платьемъ гражданъ и солдатъ (Suet. Aug. 40). Часто этотъ плащъ снабжался капишономъ (cucullus, cucullio), который или пришивался къ нему, или пристегивался, и могъ набрасываться на голову (Cic. Phil. II. 31; ср. Hor. Sat. II. 7, 55). Рис. 270. изображаетъ намъ подобный капишонъ (вмѣстѣ съ лацерной), опущенный назадъ (срав. Cic. *ibid.*). Капишонъ присоединялся также и къ другимъ плащамъ, напр. къ сагу и пенулѣ (рис. 271.) Sagum (кельтскаго происхожденія) — солдатскій плащъ, который былъ нѣсколько короче лацерны и дѣлался изъ болѣе грубой матеріи. Paludamentum — сначала одежда обще-солдатская, а впоследствии исключительно принадлежавшая главнымъ начальникамъ арміи и дѣлавшаяся изъ болѣе тонкой матеріи бѣлаго или пурпуроваго цвѣта, со многими складками.

Эти плащи надѣвались и застегивались на правомъ плечѣ, какъ греческая хламида, съ которой они имѣли много сходства. Рис. 272., представляющій императора Траяна (по изображенію на столбѣ, названномъ по его имени Траяновымъ, см. стр. 161), даетъ намъ понятіе объ этомъ плащѣ и о способѣ его употребленія. Кромѣ того въ дорогѣ, а въ случаѣ ненастной погоды и въ самомъ городѣ Римляне носили плащъ, извѣстный подъ именемъ paenula (φαινώλης), дѣлавшійся или изъ грубой шерсти (Mart. XIV. 145), или изъ кожи (Mart. *ibid.* 130); его носили сверху тоги или тунки.

Плащъ этотъ, достигавшій до колѣнъ, былъ безъ рукавовъ и имѣлъ отверстіе, черезъ которое просовывалась голова (рис. 273. съ лѣвой стороны), такъ что тотъ, кто его надѣвалъ, казался какъ-бы оплетеннымъ или окутаннымъ (paenula paene irretitus говоритъ Цицеронъ, Mil. 20). Иногда онъ былъ съ одной стороны снизу до половины тѣла разрѣзанъ, такъ что его легко можно было набрасывать на плечо, какъ это видно изъ рис. 273. (съ правой стороны).

Древне-римскій плащъ изъ грубой ворсистой матеріи, въ который, какъ Гомеръ въ хляину, одѣвали римскіе поэты героевъ (напр. Verg. Aen. IV. 262), назывался laena. Древняго происхожденія былъ также плащъ, называвшійся „trabea“. По немъ шли, какъ кажется, пурпуровыя полосы (trabes), и его носили когда-то цари, а впоследствии, при торжественныхъ шествіяхъ, всадники

(Тас. Ann. III. 2). Для авгуровъ онъ всегда служилъ одѣянiемъ при исполненiи обрядовъ, подобно тому, какъ для главнаго жреца Юпитера (flamen Dialis) — laena.

Во времена императоровъ за обѣдомъ употреблялась особеннаго рода одежда (vestis senatoria), называвшаяся синѳесисъ (synthesis). Богачи имѣли цѣлыя гардеробы этой одежды различныхъ цвѣтовъ. Въ заключенiе необходимо упомянуть еще о томъ, что тѣ римскія войска, которымъ приходилось воевать съ сѣверными народами подъ холоднымъ небомъ, начали, впрочемъ только со времени императора Александра Севера, носить широкіе брюки (brassae, рис. 274.), употреблявшіеся до того времени только варварами и присылаемыми ими Римлянамъ вспомогательными войсками.

Матерія и приготовленіе одежды.

46. Матерія, изъ которой приготовлялась греческая и римская одежда (исключая кожаной), ткалась у Грековъ изъ шерсти (особенно у Дорянъ для одежды мужчинъ) или изъ льна (преимущественно у Ионянъ, начиная уже съ героическихъ временъ); у Римлянъ изъ тѣхъ-же продуктовъ, съ тою лишь разницею, что полотно довольно поздно вошло у нихъ въ общее употребленіе.¹⁾ Тога же всегда дѣлалась изъ льняной матеріи. Выборъ сорта матеріи для тоги зависѣлъ отъ времени года и погоды: на зиму тога дѣлалась изъ толстой и плотной матеріи (t. pinguis, densa), на лѣто изъ болѣе тонкой и гладкой (t. gasa); но и въ послѣднемъ случаѣ она была довольно тяжела, такъ что Марціалъ называетъ ее „sudatrix“. У Грековъ лѣтняя одежда называлась вообще *θερίστριον*.

Кромѣ шерсти и льна, женскія одежды ткались изъ особенной матеріи, называвшейся биссошь. Словомъ этимъ иногда обозначался особый сортъ шерсти, а иногда какая-то другая ткань.²⁾

¹⁾ Полотняныя туники (t. lineae, linteae) вошли въ общее употребленіе у Римлянъ не раньше начала 3 в. по Р. Хр.; нѣсколько позднѣе поверхъ этихъ туникъ стали надѣвать еще шерстяныя туники. Женщины стали употреблять полотняныя платья навѣрно уже со временъ республики (Plin. H. N. XIX. 1). Во времена Діоклетіана фабрикація полотна была очень распространена; въ его эдиктѣ перечислено до 21 сорта полотна.

²⁾ Геродотъ употребляетъ слово *βύσσος*, говоря о матеріи, которою Египтяне обвивали свои муміи (II. 86). Эта матерія, которую прежде считали бумажною, теперь принимается за полотняную. Becker Charikles III. 187.

На биссъ похожи были очень тонкія, почти прозрачныя (въ родѣ нашей кисеи) волокна, приготовлявшіяся изъ особаго рода льна на островѣ Аморгѣ, откуда они и назывались *ἀμόργινα*.

Тонкая иностранная матерія, первоначально по всей вѣроятности льняная, впоследствии также бумажная, называлась синдонъ (*σινδών*) и привозилась, судя по названію ея, изъ Индіи.

Шелкъ, привезенный въ болѣе позднія времена изъ Азіи (отъ Китайцевъ, Seres, откуда *sericum*), сначала въ Грецію, а затѣмъ въ Италію, нашелъ въ этой послѣдней такой пріемъ, что уже во времена Варрона (въ I вѣкѣ до Р. Хр.) женщины дѣлали свои стѣлы изъ чистой шелковой матеріи. Со временъ императоровъ не только женщины, но и мужчины носили сначала полушелковыя (*subserica*), а потомъ ¹⁾ и чисто шелковыя платья (*holoserica*), не смотря на то, что они обходились очень дорого. Еще при Аврелианѣ (въ 3мъ вѣкѣ) фунтъ шелку стоилъ фунтъ золота.

Шелкъ привозился изъ Азіи въ Европу или въ видѣ уже готовой ткани, или какъ необработанный еще продуктъ (въ коконахъ, *βομβύκιον*, отсюда *bombycinae vestes*), и здѣсь уже сучился и теался. Этимъ занимались прежде всего на островѣ Косѣ, гдѣ изготовлялись особенно тонкія и прозрачныя платья, *εἴματα διαφανῆ*, *Coae vestes* (Hor. Sat. I. 2, 101), въ которыя одѣвались танцовщицы въ мимахъ.

Обыкновенный цвѣтъ греческой одежды вообще, а въ особенности верхней и праздничной, былъ бѣлый. Въ позднѣйшее время мужчины (особенно Юняне) стали носить также темныя и пестрыя плащи и хитоны, между тѣмъ какъ женщины гораздо раньше одѣвались въ пестрое платье.²⁾ Однимъ Спартанцамъ запрещено было ношеніе пестраго платья, исключая краснаго военнаго плаща.

Бѣлый цвѣтъ одежды преобладалъ и у Римлянъ. Тога по закону должна была быть бѣлаго цвѣта, за исключеніемъ только траурной тоги и тоги темнаго цвѣта (*toga pulla, sordida*), которая дѣлалась изъ натуральной коричневой и черной шерсти и носилась рабами и простолюдинами (*turba pullata*).

¹⁾ По свидѣтельству Элія Лампрідія Гелиогабалъ „*primus Romanorum holoserica veste usus fertur, cum iam subsericae in usu essent.*“ (Heliog. 26).

²⁾ Очень интересныя и поучительныя въ этомъ отношеніи вазы, найденныя въ греческихъ гробницахъ, такъ какъ изображенное на нихъ платье рисовало, безъ сомнѣнія, съ натуры. Приведемъ нѣсколько образцовъ: желтый хитонъ и темный гиматіонъ съ бѣлой каймою; бѣлый хитонъ съ рукавами и красный хитонъ; красный хитонъ съ желтой каймою; коричневый мужскій хитонъ и т. п.

Во времена императоровъ мужчины, а женщины даже раньше ихъ, стали носить цвѣтныя платья, или одноцвѣтныя, напр. алыя (vestes coccineae), зеленныя (prasinae), свѣтлозеленныя (galbinae), желтныя (luteae), а въ особенности голубыя и пурпуровыя ¹⁾, или (по крайней мѣрѣ во времена Плинія) узорчатныя и клѣтчатныя (vestimenta versicoloria). Шерсть, изъ которой дѣлались ткани, обмывалась въ пурпуровую краску, добываемую изъ сока различныхъ раковинъ Средиземнаго моря (murex и purpura). Самымъ моднымъ изъ разнообразныхъ пурпуровыхъ цвѣтовъ былъ фиолетовый (ianthinum или violaceum); самымъ дорогимъ, хотя и отличавшимся неприятымъ запахомъ, былъ яркй тирскй пурпуръ, приготовлявшйся изъ дважды окрашенной шерсти (bis tinctus, δὶβαφος); фунтъ его стоилъ 1000 денариевъ (около 220 рублей), въ десять разъ дороже перваго. — Извѣстно, что Юлй Кесарь первый сталъ носить пурпуровую тогу; послѣ него надѣвать такую-же имѣли право только нѣкоторые сановники; женщинамъ же всегда, съ небольшими впрочемъ исключенiями, позволялось носить пурпуровое платье. Тоги или плащи изъ настоящаго дорогаго пурпура, носившаго въ послѣдствii названiе blatta, никто, кромѣ императора, не имѣлъ права надѣвать.

Рис. 275. Узорчатый хитонъ, по изображенiю на южно-италiйской вазѣ.

Платье у Грековъ и Римлянъ украшалось не только полосами (ῥάβδοι, clavi), о которыхъ мы выше уже говорили, но и клѣтчатными узорами (vestis laculata у Исидора), вытканными или вышитыми цвѣтами, звѣздочками и т. п. (χιτῶνες κατὰστικτοί, ve-

¹⁾ На помпейскихъ изображенiяхъ встрѣчаются весьма часто тунники и паллы голубаго и фиолетоваго цвѣта.

stes acu pictae, phrygiae), бахромою (*κροσσοί*, fimbriae) и наконечъ каймами или бордюрами (limbus, *παρυφή*, logum, ср. рис. 161. и 240.). Украшениями изобиловала преимущественно женская одежда. Въ этомъ отношеніи наибольшею нестротою отличались хитоны греческихъ женщинъ въ южной Италіи, какъ объ этомъ свидѣтельствуя изображенія на южно-италійскихъ вазахъ. Для наглядности мы помѣщаемъ на рис. 275. изображеніе Медин на одной изъ этихъ вазъ.

Что касается, наконецъ, приготовленія и чистки одежды, то дѣломъ этимъ, какъ извѣстно намъ уже изъ Гомера, занимались у Грековъ (какъ и у нашихъ предковъ) женщины. Онѣ ткали одежду, какъ напр. жена Гектора Андромаха, Пенелопа, Гелена. Въ каждомъ домѣ, куда только вводитъ насъ Гомеръ, мы застаемъ хозяйку съ рабынями за пряжей или тканьемъ. При пряденьи употреблялась короткая пряслица (*ἡλακάτη*) изъ легкаго тростника. Держа ее въ лѣвой рукѣ, пряха наматывала сученую нитку на (металлическое) веретено (*ἄτρακτος*, *κλωστήρη*). Запасъ хорошо расчесанной шерсти (*ἔρια ξαίνειν*, *διαξαίνειν*) или льнянаго прядива она имѣла подъ рукой въ корзинкѣ (*κάλαθος*, *τάλαρος*). Вышиванье (позд. *ποικιλική*) производилось, судя по изображеніямъ на древне-греческихъ вазахъ, подобно тому какъ у насъ, въ пальцахъ.

Тканье происходило на станкѣ (*ἰστός*), отличающемся отъ нашего тѣмъ, что основа находилась въ отвѣсномъ, а не горизонтальномъ положеніи, и что вслѣдствіе этого женщина при тканіи должна была, перебрасывая челнокъ (*κανών*), ходить отъ одного конца станка къ другому (отсюда *ἰστόν ἐποίχεσθαι*). Такъ было сначала и у Римлянъ (Liv. I. 57); но впоследствии мы встрѣчаемъ у нихъ, — кромѣ рабовъ и рабынь, занимавшихся часто въ особо-устроенныхъ для этого помѣщеніяхъ (*textrinae*) не только тканьемъ, но и шитьемъ платья (*vestiarii*, *paenularii*), — цѣлыя корпораціи ткачей (*collegium textorum panni*), и рядомъ съ ними множество корпорацій валяльщицъ (*fullones*). Эти послѣдніе чистили платье, выколачивая его, тонча и стирая въ водѣ, смѣшанной съ селитрой и мочей, бѣлили его при посредствѣ сѣрнаго пара, потомъ расчесывали щетками и гладили особенными прессами; такъ какъ шерстяное бѣлое платье не всякій могъ чистить. Все это довольно наглядно представлено на рисункахъ въ помпейской валяльницѣ (*fullonica*). Само собою разумѣется, что шерстяное платье, вычищенное такимъ образомъ, теряло прежній блескъ, и потому напр. тогда, три раза чищенная, считалась изношенной.

Шитья при одеждѣ древнихъ требовалось мало; покрой одежды, какъ мы видѣли, былъ весьма простъ; кусокъ тканой матеріи надѣвался цѣликомъ, такъ что оставалось только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кое-что сшить. У Римлянъ въ позднѣйшее время этимъ занимались рабы и рабыни (*vestifici, sarcinatrices, vestispicae*).

Головные покровы и уборка волосъ.

47. Греки ходили обыкновенно съ непокрытой головой; а прикрывали ее шапкой или шляпой только тогда, когда имъ приходилось оставаться на воздухѣ болѣе продолжительное время, напр. въ дорогѣ, на охотѣ и т. д.

Шапка, называвшаяся *κυνῆ*, *galerus*, (дѣлавшаяся первоначально изъ собачьей кожи, откуда и ея названіе, впоследствии изъ всякой другой кожи) имѣла видъ полушарія и была безъ полей; между тѣмъ

Рис. 276. Войлочная шапка (*πίλος*), по изображенію на геммѣ.

Рис. 277. Фригійская митра, по помп. изображенію, представляющему Париды.

Рис. 278. Персидская митра, по помп. мозаикѣ (изъ битвы Александра).

какъ войлочный *πίλος*, *πίλωτόν*, *pileus* (рис. 276.), имѣлъ полуовальную или коническую форму, а иногда и небольшія поля. Отъ него нѣсколько отличалась такъ называемая фригійская шапка или митра (*maeonia mitra*, Verg. Aen. IV. 216), о которой мы скажемъ нѣсколько словъ, такъ какъ съ нею мы встрѣчаемся и въ классической литературѣ и въ пластическомъ искусствѣ на изображеніяхъ Троянцевъ. Она походила на нашъ спальный колпакъ съ согнутой впередъ верхушкой и завязывалась подъ подбородкомъ, обыкновенно при помощи пришитыхъ къ ней ленточекъ (*redimiculum*), какъ это можно видѣть на рис. 277. Персидская митра, отъ которой, какъ кажется, происходятъ теперешніе восточные тур-

баны, была болѣе сложная шляпа, состоявшая изъ большаго куска матеріи, которою обвивалась голова и закрывался затылокъ и горло (рис. 278.).

Шляпа, носившая названіе *πέτασος* и перенесенная въ Грецію изъ Фессаліи и Македоніи, была очень низка, и обыкновенно съ широкими круглыми или, какъ видно изъ пареонскихъ рельефовъ (рис. 251), четырехугольными опущенными внизъ полями, и имѣла ремешекъ, при помощи котораго прикрѣплялась подъ подбородкомъ или перевѣшивалась назадъ, когда ее сбрасывали съ головы. Носили эту шляпу обыкновенно при хламидѣ (рис. 279.). На нее походила другая шляпа, такъ наз. *κασία*, тоже македонскаго происхожденія. Шляпы дѣлались обыкновенно изъ войлока,

Рис. 279. Петасъ, по изображенію на южно-италійской вазѣ.

Рис. 280. Вуаль (*καλύπτρα*) греческихъ женщинъ, по статулкѣ изъ жженой глины.

откуда и общее ихъ названіе *πίλος*. Цвѣта шляпы были или бѣлаго, или коричневаго (напр. у моряковъ, *causia ferruginea*); въ Македоніи красная *κασία* служила знакомъ особеннаго отличія. И у древнихъ почтеніе выражалось сниманіемъ шляпъ (Plin. H. N. XXVIII. 17, см. Becker Charikles III. 214).

Греческія женщины еще меньше мужчинъ нуждались въ головныхъ покровахъ, такъ какъ онѣ рѣдко выходили изъ дому. Дома и въ городѣ онѣ издревле покрывали голову и закрывали лице (за исключеніемъ глазъ) вуалемъ (*κρήδεμνον*, *καλύπτρα*, *κάλυμμα*, рис. 280.), который густыми складками ниспадалъ на шею и спину; при разговорѣ онъ поднимался (лѣвой) рукой (Од. I. 334). Кромѣ вуаля, иногда голова покрывалась частью верхней одежды, которая съ этой цѣлью набрасывалась на голову, или большимъ пестрымъ платкомъ, который обматывался около головы и подбородка (*μίτρα*,

mitra, рис. 281.), или подобнымъ же небольшимъ платочкомъ, прикрывавшимъ только волосы (*митріонъ*, *mitella*, рис. 282.) и т. п. Отправляясь въ дорогу, женщины, подобно мужчинамъ, надѣвали легкой петасъ. Такъ Исмена представлена (*Soph. Oed. Col. 313*) съ „бросающей тѣнь ессалийской шляпой“ на головѣ. Позднѣе женщины носили еще плетеную шляпу, называвшуюся по своей куполообразной формѣ *θολία* (*πέτασος θολοειδής*).

И Римляне, за исключеніемъ людей изнѣженныхъ, которые всегда носили шляпы (*Suet. Aug. 82*), только тогда покрывали голову, когда, напр. во время путешествія, имъ приходилось продолжительное время оставаться подъ палящими лучами солнца, или тогда, когда на дворѣ стояла дурная погода. Въ этихъ случаяхъ они надѣвали греческій пилей (*pileus* или *pileum*), или петасъ,

Рис. 281. Головной платокъ греч. женщинъ (*митра*), по мраморному греч. бюсту.

Рис. 282. Головной платочекъ греч. женщинъ (*митріонъ*), по мраморному греч. бюсту.

или кавсію, или капишонъ (*cucullus*, ср. рис. 271. стр. 221); но нерѣдко они довольствовались тѣмъ, что набрасывали на голову — мужчины часть тоги, а женщины часть паллы, или надѣвали митру, которая удерживала въ порядкѣ причесанные волосы. Съ подобной цѣлью употреблялся и вуаль (*rica*). Это было продолговатое покрывало, часто окаймленное бахрамою; оно прикрѣплялось на верхушкѣ головы и спускалось внизъ то спереди, то сзади, служа болѣе украшеніемъ головы, чѣмъ ея защитою. Впрочемъ его употребляли главнымъ образомъ только при религіозныхъ обрядахъ; одна лишь супруга верховнаго жреца Юпитера (*flamen Dialis*) носила его постоянно. Рис. 283. представляетъ намъ такой вуаль на статуѣ жрицы Исиды. Меньшіе головные платки (*ricinium*), напоминающіе наши, римскія женщины стали носить съ того времени, когда вошла въ употребленіе палла, и то только при похоронахъ и во время траура, закрывая ими головы и перебрасывая затѣмъ одинъ конецъ ихъ чрезъ лѣвое плечо (рис. 284). Брачный вуаль (*hammeum*) былъ бурокраснаго цвѣта и

длиннѣе другихъ. Способъ его ношенія представляетъ намъ рис. 285.

Тому, что Греки и Римляне могли ходить съ непокрытой головой, немало содѣйствовала густота и изобиліе волосъ, которые у Грековъ считались главнымъ украшеніемъ тѣла (у Гомера Греки называются *καρχημοβώντες* — кудрявые). И боговъ они представляли себѣ съ густыми длинными кудрями, напр. Зевса (Ил. I. 529), Аполлона (Ил. XX. 39), Посейдона и т. д. Особенно же восхищались русыми волосами. Такіе волосы приписываются поэтами нѣкоторымъ героямъ подѣ Тройей, напр. Ахиллесу, Менелая, который всегда называется русымъ (*ξανθός*), а изъ богинь Деметрѣ (Ил. V. 501).

Рис. 283. Вуаль (*stola*), по мраморной ватиканской статуѣ.

Рис. 284. Головной платокъ (*strepium*), по древне-римскому изображенію.

Рис. 285. Брачный вуаль (*stemma*), по рим. барельефу.

Въ древнія времена Спартанцы не стригли волосъ, начиная уже съ юношескихъ лѣтъ; а какъ они заботились о своихъ волосахъ, объ этомъ свидѣтельствуемъ напр. Геродотъ (VII. 208, 209), который рассказываетъ, что лазутчикъ Ксеркса видѣлъ Спартанцевъ предѣ рѣшительнымъ сраженіемъ причесывающими и украшающими свои волосы. Въ Афинахъ до персидскихъ войнъ волосъ не стригли, завивая ихъ на макушкѣ въ узелъ (*κροτύλος*, рис. 286.), который скрѣпляли шнилькой (Thuc. I. 6). Подобной прически придерживалось часто и пластическое искусство, особенно при изображеніи Аполлона (напр. бельведерскаго) и Вакха. И послѣ персидскихъ войнъ, когда у мальчиковъ, вступающихъ въ юношескій возрастъ, стали стричь волосы, мужчины (исключая рабовъ, нѣкоторыхъ софистовъ и циниковъ) носили не короткіе (исключая времени траура), а только нѣсколько подрѣзанные волосы, и немало заботились о ихъ прическѣ. Женщины въ особенности умѣли причесывать и украшать свои волосы очень искусно и красиво, то спу-

ская ихъ косами внизъ по шеѣ (чѣмъ особенно отличаются женщины у Гомера, именуемыя имъ *εὐπλόκαμοι* — прекрасно-косатя), то завивая ихъ на темени, или на затылкѣ и соединяя различнымъ образомъ шпильками (*βελόνη*) и повязками (*ταυρία*, рис. 287., 288. и 289.), или же собирая ихъ въ сѣтку (*κεκρῦφαλος*, рис. 290.).

Неестественный, принятый впоследствии и римскими женщинами, обычай красить волосы въ золотистый цвѣтъ (*ξανθίζεσθαι*) появляется у Грековъ уже въ 5 вѣкѣ до Р. Хр., а позднѣе и употребленіе париковъ изъ чужихъ волосъ (*πενήκη, φενάκη, galerus*).

Мужчины тоже не мало заботились о своей бородѣ, которую они только подрѣзывали, и цырюльня (*κουρείον*) уже тогда служила

Рис. 286. Волосы, свитые въ узелъ (*κροβύλος*), по бронзовой геркуланской статуѣ.

Рис. 288. Локоны, связанные повязкой, по бронзовому геркуланскому бюсту.

Рис. 287. Локоны (*κόρυμβος*) скрѣпленные повязками, по помпейскому изображенію.

центромъ всякихъ интересныхъ городскихъ новостей и сплетней. Болтливымъ цырюльникамъ (*κουρείς ἀδόλεσχοι καὶ λάλοι*) жилось хорошо, особенно въ болѣе позднее время, послѣ Александра, когда Греки стали брить бороды, что прежде считалось позорнымъ. Только софисты да хвастливые стоики составляли въ это время исключеніе; за то ихъ длинная борода (*πῶρον βαθύς*) сдѣлалась общимъ посмѣшищемъ.

Римляне носили длинные волосы и бороды до конца 3 вѣка до Р. Хр. Только въ 300 году впервые появились въ Римѣ цырюльники, пришедшіе изъ Сициліи, которые и стали заводить тамъ свои цырюльни (*tonstrinae*). Съ того времени Римляне стали подрѣзывать свои волосы ножницами (*forfex*) и завивать ихъ завивальными щипчиками (*calamister, calamistrum*), а бороды брили бритвой (*novacula*), при чемъ по обычаю, заимствованному у Грековъ, торжественно приносили въ жертву богамъ первые волосы дѣтей и волосы съ первой бороды юношей (Suet. Nero c. 12, 34). Затѣмъ до 40 лѣтъ мужчины обыкновенно не брили бородъ, а только заботливо

подрѣзывали ихъ; отпускали бороду (*barbam promittere*) еще въ знакъ траура не только частнаго, но и общественнаго, политическаго. Такъ было до Гадриана, при которомъ снова начали постоянно носить бороду; это продолжалось до временъ Константина. Потомъ бритые опять вошли въ обычай. Если уже мужчины такъ заботились о своихъ волосахъ, завивали ихъ и натирали масломъ (*Cic. p. Sestio 8, 18, coma calamistrata*; онъ же въ рѣчи *in Pison. 11, 25; pro Rosc. Am. 46, 135*), а во времена императоровъ носили

Рис. 289. Волосы, обвитые повязками (прическа Весталки, по монетѣ).

Рис. 290. Волосы, собранные въ сѣтеу (*κεκρῦφαλος, reticulum*), по помп. изображенію.

даже парики (*capillamentum, galerus, cogymbion*), то что сказать о женщинахъ тѣхъ временъ, когда Римъ сдѣлался средоточіемъ моды, какъ теперешній Парижъ? Римскіе писатели много говорятъ о томъ, какъ изобрѣтательны были въ прическахъ ихъ соотечественницы. Въ болѣе древнее время волосы римскихъ женщинъ или просто,

Рис. 291. Волосы, сложенные въ конусообразный пучекъ (*tutulus*), по геркуланскому рисунку.

Рис. 292. Волосы, заплетенные въ косы и расположенные вѣнкомъ вокругъ головы, по изображенію на геммѣ.

или въ видѣ локоновъ спускались сзади головы, или сплетались въ кружокъ на маковѣ (у жены верховнаго жреца Юпитера и у нѣкоторыхъ другихъ женщинъ въ коническій пучекъ, *tutulus*, рис. 291.), или искусно связывались на затылкѣ посредствомъ повязокъ (*fasciae, taeniae*) и скрѣплялись шпильками (*acus crinalis*);

во времена же императоровъ римскія женщины съ величайшимъ усиліемъ стали придавать прическѣ самыя причудливыя, чуть не каждую минуту перемѣнявшіяся формы, для чего употреблялись и чужіе волосы. Примѣромъ можетъ служить прическа Плотины, супруги Траяна, представленная на рис. 292., гдѣ для безчисленнаго множества косъ (anuli) едвали хватило бы собственныхъ волосъ владѣтельница ихъ. Особенно цѣнились русые волосы, въ изобиліи привозившіеся въ Римъ изъ Германіи (Ovid. Am. I. 14, 45; A. A. III. 165). Собственные черные волосы Римлянки (подобно своимъ землячкамъ позднѣйшихъ временъ, венеціанскимъ, неаполитанскимъ и другимъ дамамъ XV и XVI в.) окрашивали въ свѣтло-русый цвѣтъ посредствомъ какого-то щелочнаго мыла (spuma Batava, caustica, pilae Mattiacaе).¹⁾ Для нагляднаго ознакомленія съ различными искусными и неискусными прическами могутъ служить коллекціи бюстовъ въ различныхъ музеяхъ, особенно въ римскомъ (капитолійскомъ) и въ неапольскомъ. У нѣкоторыхъ бюстовъ головы снабжены даже такою прическою, которая снимается. Вотъ до какой степени подчинялись требованіямъ моды!

Обувь.

48. Греки дома ходили босые. Только выходя изъ дому, они надѣвали обувь (такъ у Гомера привязываютъ къ ногѣ *πέδιλα*); но вошедши въ домъ, они сейчасъ ее сбрасывали. Самой древней и простой обувью были подошвы (*ὑποδήματα*, обыкновенно кожаныя, иногда пробковыя), которыя прикрѣплялись къ ногѣ однимъ или двумя ремешками, связывавшимися или скрѣплявшимися на верхней части ступни. Множествомъ ремешковъ, переплетавшихся по всему подъему ноги выше лодыжекъ, отличались сандаліи (*σάνδαλον*), которые снабжались иногда каблучками и широкимъ ремнемъ надъ пальцами (*ξύρον*), или пришитыми съ обѣихъ сторонъ кусками кожи, соединявшимися на подъемѣ и закрывавшими часть ноги; такіе сандаліи походили отчасти на наши туфли (рис. 293.) и употреблялись только женщинами. Болѣе сложныя подошвы (*κρηπίδες*, *crepidae*) снабжены были по обѣимъ сторонамъ ступни и около пятки особой плетеною оторочкою; чрезъ нее продѣвали

¹⁾ За *Mattium* обыкновенно принимаютъ нынѣшній Марбургъ, но Кипертъ полагаетъ, что это нынѣшній Маденъ у Гуденберга.

укрѣпленный между первыми двумя пальцами ремень, который и связывался надъ косточками (рис. 294.). Оторочка замѣнялась иногда кожей, которая скрѣплялась надъ пальцами широкоимъ, а надъ подъемомъ ноги узкимъ ремешкомъ (рис. 295.).

Крепида была исключительно греческою обувью, равно какъ и хламида исключительно греческою одеждою; кто одѣвался въ

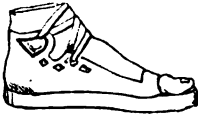

Рис. 295. Крепида (*κρηπίς*) съ толстыми подошвами, по греческой статуѣ.

Рис. 293. Сандалий (*σάνδαλον*), по помпейскому рисунку.

Рис. 294. Крепида (*κρηπίς*), по греческой статуѣ.

эту последнюю, тотъ употреблялъ и крепиды. У мужчинъ обувь эта была снабжена толстою, обыкновенно подбитою гвоздями, подошвою, въ особенности у воиновъ, преимущественно македонскихъ.

Къ башмагамъ, дѣлаемымъ на колодкѣ (*ὑπόδημα κοιλόν*), принадлежали такъ называемыя *ἐμβάδες*, которыя завязывались на верхнемъ концѣ подъема. Это была грубая мужская обувь, осо-

Рис. 296. Эмбриды (*ἐνθρομίδες*), по геркуланской бронзовой статуѣ.

Рис. 297. Элегантный охотничій сапогъ (*cothurnus*).

Рис. 298. Простые охотничьи сапоги (*cothurnus*), по римской мраморной статуѣ.

бенный родъ которой представляетъ лаконскій (красный) башмакъ и кожаные, снабженные ремнями, башмаки крестьянъ и пастуховъ, такъ называемыя *καβατῖναι*. Другой родъ грубой высокой крестьянской обуви представляли башмаки, называемыя *ἀρβύλαι*, или юмористически *πηλοπατίδες*. Кожаные или войлочные ботинки съ отверстиемъ для пальцевъ, плотно стягиваемыя шнуромъ и до-

стигающія до икръ, носили названіе эндромидъ (*ἐνδρομίδες*); употреблялись онѣ охотниками и состязателями въ бѣгѣ, и потому пальцы ноги оставались свободными (рис. 296.).

Изъ остальныхъ многочисленныхъ родовъ обуви приведемъ еще слѣдующіе: военные сапоги — *ἐμβάται*, и другіе введенные Ификратомъ, вѣроятно съ голенищами; котурны (*κόττοροι*, надѣвавшіеся на обѣ ноги и называвшіеся такъ по траг. котурну), высокіе сапоги, въ родѣ эндромидъ, отличавшіеся отъ этихъ послѣднихъ только тѣмъ, что покрывали всю ногу; они были или элегантные (рис. 297.), какъ мы ихъ видимъ на статуяхъ Артемиды, Гермеса,

Рис. 299. Низкій башмакъ (*soccus*), по древнему рисунку.

Рис. 300. Мужскіе башмаки (*calcei*), по помпейскимъ рисункамъ.

Рис. 301. Башмаки патриціевъ (*calcei patricii*), по рим. статуямъ.

Діониса, Ромы и нѣкоторыхъ императоровъ, или простые (рис. 298.); элегантные желтые дамскіе башмаки (*βαυκίδες*), и похожіе на нихъ сикіонскіе башмаки. ¹⁾ Обувь дѣлалась главнымъ образомъ изъ кожи, но также изъ войлока, подобно шляпамъ. Цвѣтъ обуви, какъ видно изъ предъидущаго, былъ различный, большею же частью черный. Чистилась и намазывалась обувь чѣмъ-то въ родѣ нашей ваксы (*μηλαυτηρία*) при помощи губки (*Arist. Vesp. 600*). Носить починенные или подбитые гвоздями башмаки считалось унижительнымъ.

Римляне, не имѣвшіе привычки ходить босикомъ, носили дома подошвы съ ремнями (*soleae, sandalia*) и туфли (*socci*, рис. 299.). При обѣдѣ эта обувь снималась (*demere soleas* — сѣсть за столъ, *poscere soleas* — встать изъ-за стола). Носить публично подошвы или туфли считалось неприличнымъ точно также, какъ носить туннику вмѣсто тоги. Поэтому вмѣстѣ съ тогой надѣвали высокіе кожаные башмаки (*calceus*, рис. 300.), доходящіе иногда до икръ (а иногда и выше) и связываемые спереди ремнями. Формой и цвѣтомъ обуви этого рода отличались римскія сословія одно

¹⁾ Знакомые съ тогдашними строгими понятіями о красотѣ (*γυνή καλή τε μεγάλη τε, κάλλος τε καὶ μέγεθος*) не будутъ удивляться, что греческія дамы для возвышенія своей осанки носили обувь съ высокими каблуками (*Xen. Oecon. X. 2*).

отъ другого. Такъ красный или фиолетовый башмакъ, доходящій до икръ, связанный спереди элегантными ремешками, служилъ отличительнымъ признакомъ патриційскаго происхожденія (*calceus patricius*). Онъ назывался вообще *mulleus* (по цвѣту рыбы *mullus*) и носился курульскими чиновниками, принадлежавшими по происхожденію къ патриціямъ (рис. 301.). Второе мѣсто занималъ такъ называемый сенаторскій башмакъ (*calceus senatorius*), по формѣ, кажется, не отличавшійся отъ предъидущаго; на его подъемѣ переплетались крестообразно четыре ремня (*corrugiae*), которые обматывались потомъ около ноги до самыхъ икръ; цвѣта онъ былъ чернаго

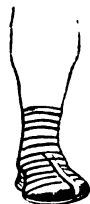

Рис. 302. Солдатскій сапогъ (*saliga*), по Траяковой колоннѣ.

Рис. 303. Женскіе башмачки (*calceoli*), по помп. рисункамъ.

и украшался на подъемѣ серебрянымъ полумѣсяцемъ (*lunula*). Отсюда выраженіе: „*calceos mutare*“ значить тоже что сдѣлаться сенаторомъ. О башмакахъ сословія всадниковъ намъ ничего не извѣстно.

Самымъ грубымъ башмакомъ, дѣлавшимся изъ невыдѣланной кожи (отсюда *setosus*, *villosus*), былъ „*pero*“, доходившій до косточекъ, а иногда и выше, и связывавшійся здѣсь ремнемъ. Такой формы сапоги, только нѣсколько повыше, носились охотниками и солдатами до сотника вѣлжительно, почему и назывались они *caligae militares*. На подъемѣ и на нижней части голени они привязывались ремнями; подошвы подбивались обыкновенно гвоздями (рис. 302.). Крестьяне носили еще деревянные башмаки (*sculpropeae*). — Женскіе башмаки (называемые обыкновенно *calceoli*), дѣлались изъ мягкой бѣлой, красной, желтой и темнозеленой кожи (*aluta*, *Flav. Vor. Augel. c. 49*), и различнымъ образомъ украшались (иногда жемчугомъ и драгоценными камнями). На рис. 303. представлено нѣсколько образцовъ женской обуви по помпейскимъ изображеніямъ. Высокую обувь, нѣсколько напоминающую наши чулки, въ верхней части прекрасно украшенную, которая встрѣчается на помпейскихъ изображеніяхъ, слѣдуетъ считать за *fascia pedulis* (*ποδεῖον*); она получила, по нашему мнѣнію,

свое начало отъ бинтовъ (*tibialia* и *feminalia*), которыми больные и изнѣженные люди обвязывали не только голени, но даже иногда и ляшки (*Suet. Aug.*, 82). О фасціяхъ возницъ см. ниже въ статьѣ о состязаніяхъ въ циркѣ.

О перчаткахъ (*χειρίδες*, *manicae*) упоминается уже въ Одиссеѣ (XXIV. 230), какъ о средствѣ, предохраняющемъ руки отъ шиповъ. У Римлянъ о нихъ часто упоминается какъ о средствѣ, предохраняющемъ руки отъ холода. Такъ напр. секретарь Плинія пишетъ на пути въ перчаткахъ (*Plin. Ep. III. 6, 15*).

Украшенія и предметы туалета.

49. Человѣкъ не довольствуется тѣмъ, что-бы одѣть свое тѣло соотвѣтственно погодѣ и приличію, онъ старается вмѣстѣ съ тѣмъ и украсить его на столько, на сколько того требуетъ вкусъ. Если подобное стремленіе замѣчается у всѣхъ вообще народовъ (иногда, конечно, оно выражается нѣсколько страннымъ образомъ), то можно ли удивляться, замѣтивъ его у греческаго народа, который особенно отличался своимъ вкусомъ, или у народа римскаго, его ученика!

Прежде всего заботились объ украшеніи главнѣйшей и возвышенной части тѣла, головы. Кромѣ природнаго ея украшенія, волосъ, о которыхъ мы выше говорили, самымъ натуральнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ обыкновеннымъ украшеніемъ ея служили у Грековъ и у Римлянъ вѣнки, сплетаемые изъ цвѣтовъ и листьевъ различныхъ растеній. Вѣнки издревле употреблялись въ Греціи и при радостныхъ и при печальныхъ празднествахъ. Ими украшали свои виски и приносящіе жертву и пирующие; ими украшались и архонты и ораторы; ими награждались и побѣдители въ состязаніяхъ и заслуженные граждане. Въ болѣе позднее время люди перестали довольствоваться тѣмъ, что давала имъ на вѣнки природа, и стали замѣнять пестрые цвѣты — золотомъ.

Наиболѣе распространены были уже у Грековъ, а еще болѣе въ послѣдствіи (приблизительно около 3 вѣка до Р. Хр.) у Римлянъ, вѣнки, которыми покрывали свои головы пирующие (*coronae convivales*), и которые дѣлались обыкновенно изъ розъ, фіалокъ, мирта, сельдерея и плюща; украшались такими вѣнками при попойкахъ, потому что считали ихъ средствомъ противъ опьянѣнія. Такихъ вѣнковъ было нѣсколько родовъ: *coronae sutiles* (вѣнки

шивные, т. е. такіе, цвѣты и листья которыхъ привязывались къ тесьмѣ или лентѣ), с. *rastriles* или *plectiles* (вѣнки, сплетенные изъ цвѣтовъ съ стебельками или изъ вѣтвей); с. *longae*, *ὑποθυμίδες*, длинныя вѣнки, спускающіеся ниже груди (рис. 304.; срав. Cic. Verr. II. 5, 11; Ovid. Fasti II. 739). О вѣнкахъ, какъ военныхъ отличіяхъ, мы будемъ говорить послѣ.

Кромѣ вѣнковъ, греческія и римскія женщины вилетали въ свои волосы еще красивыя повязки, изъ которыхъ наиболѣе извѣстна греческая *σφενδώνη*, повязка, походящая на прашу, часто

Рис. 304. Длинный вѣнокъ (*corona longa*), по древней рѣзбѣ изъ слоновой кости, во Флоренціи.

Рис. 305. Налобникъ (*ἄμψυξ, frontale*), по рисунку на вазѣ.

Рис. 306. Коронка (*στέφανη*), по помпейскому изображенію.

украшавшаяся золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями; своей высокою и широкою серединою она или выдѣлялась изъ волосъ на подобіе діадемы, или же удерживала задніе волосы (*ὀπισθοσφενδώνη*). Ее представляетъ выше помѣщенный рис. 292. и затѣмъ рис. 308., на которомъ изображена украшенная ею Юнона. Ничѣмъ она не отличалась отъ налобника или начельника (*ἄμψυξ, frontale*, рис. 305.), о которомъ упоминается уже у Гомера. Другого рода женскимъ украшеніемъ была коронка (*στέφανη*), представленная на рис. 306. Кромѣ того, женщины украшали свои волосы нитками жемчуга и собирали ихъ въ сѣтки, по большей части весьма искусно сплетенныя изъ золотой канители, которыя прикрѣпляли шпильками (*acus crinales*) обыкновенно изъ слоновой кости. Шпильки эти, подобно различнымъ другимъ украшеніямъ, находятся въ древнихъ гробницахъ и въ Помпеяхъ, и часто обращаютъ на себя вниманіе своей прекрасной отдѣлкой (см. ниже рис. 309. g). Кромѣ шпилекъ упоминается еще (у Гомера) о красивыхъ серьгахъ (*ἐρματα*, вполнѣдствіи *ἐνώτια, ἑλλόβια, ἐλικτήρες*), о цѣпочкахъ или шейныхъ повязкахъ (*ὄρμοι*, вполнѣд-

ствіи *περιδέραια*) и о прекрасно отдѣланныхъ застѣжкахъ (*περόναι*, Од. XIX. 226—231).

Всѣ эти украшения, и въ болѣе позднія времена еще въ ббльшихъ размѣрахъ, употреблялись особенно у *Римлянъ*. Серьги римскихъ женщинъ (*inaures*) отличались самыми разнообразными формами. Въ Помпеяхъ чаще всего встрѣчаются серебряныя и золотыя серьги, имѣющія видъ маленькихъ полусферіевъ. Наиболѣе красивы серьги, имѣющія видъ большихъ капель (*stalagmium*), особенно если онѣ состоятъ изъ жемчужинъ (одной или нѣсколькихъ, *unio*, *margarita*, рис. 307.). Такія серьги стоили неимовѣрно дорого. Такъ напр. жемчужныя серьги, которыя Кесарь подарилъ матери

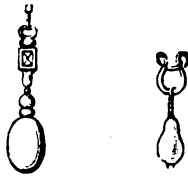

Рис. 307. Римскія серьги изъ жемчужинъ.

Рис. 308. Ожерелья (*μάννοι*, *monilia*), по помп. изображеніямъ.

Брута, стоили 6 милліоновъ сестерціевъ (около 300.000 рубл.). На шеяхъ Римлянокъ красовались ожерелья и цѣпочки (*monilia*, *catellae*, *μάννοι*) различныхъ видовъ изъ серебра, жемчуга и драгоценныхъ камней. На рис. 308. сверху изображена Юнона съ ожерельемъ изъ золотыхъ звѣздъ и жемчужинъ, снизу — фигуры двухъ танцовщицъ, изъ коихъ одна имѣетъ на шеѣ жемчужную нитку, а другая цѣпочку изъ жемчужинъ и золотыхъ колокольчиковъ.¹⁾

Руки греческихъ и римскихъ дамъ украшались блестящими браслетами или запястьями (*ψέλια*, *armillae*, *bracchialia*), представлявшими собой весьма часто змѣю, и потому вообще называвшимися *ὄφεις* — змѣи; ноги выше косточекъ (особенно у танцовщицъ) украшались золотыми кольцами (*πέδαί χρυσαί*, *περισκέλιδες*, *περισφύρια*).

¹⁾ Римскіе знатные мальчики носили на золотыхъ цѣпочкахъ (а вообще свободные на кожаныхъ) такъ называемую булду, золотой медальонъ съ амулетомъ противъ дурнаго глаза и чаръ; переставали носить этотъ медальонъ вмѣстѣ съ *toga praetexta*. Въ болѣе позднія времена это украшеніе носили и взрослые, особенно триумфаторы.

Не лишнимъ считаемъ сообщить нѣкоторыя цѣны уборовъ. Такъ уборъ матери Алевивіада, Дейномахи, стоилъ 50 минъ (около 1200 руб.). Но уборъ этотъ покажется недорогимъ, если сравнить его стоимость со стоимостью уборовъ женъ и любовницъ римскихъ вельможъ, напр. Лолліи Павлины, супруги Калигулы, уборъ которой стоилъ 2 слишкомъ милліона руб. Въ Помпеяхъ и Геркуланѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ найдено значительное количество античныхъ украшеній и драгоценностей; они и до сихъ поръ служатъ образцами для нашихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ.

Кольца, о которыхъ Гомеръ нигдѣ ничего не говоритъ, Греки стали носить приблизительно съ начала 6 вѣка до Р. Хр., заимствовавъ ихъ, по всей вѣроятности, у восточныхъ народовъ, гдѣ (какъ напр. у Вавилонянъ и Египтянъ) употребленіе ихъ распространено было съ незамятныхъ временъ. Первоначально носили ихъ только съ практической цѣлью, какъ печати (*σφραγίς*). Кольца дѣлались сначала изъ обыкновенныхъ металловъ и не украшались камнями (*ἄψηφοι*); впоследствии же они дѣлались изъ драгоценныхъ металловъ и украшались очень искусно отдѣланными камнями (чаще всего ониксомъ). Скоро стали они употребляться какъ украшеніе и носились обыкновенно на четвертомъ пальцѣ (*παράμεσος*) лѣвой руки. Люди, слишкомъ занятые собою, носили много колець; но это считалось не совсѣмъ приличнымъ. Само собою разумѣется, что и женщины украшали свои руки кольцами (изъ янтаря, слоновой кости и т. п.).

Римляне въ древнія времена носили, по этрусскому обычаю, желѣзные кольца и употребляли ихъ тоже только для печатанья; носить золотыя кольца ¹⁾ (безъ камней) имѣли право только сенаторы и всадники (*jus anulī aurei*). Рассказываютъ, что Сципіонъ Африканскій Старшій первый сталъ носить кольцо, украшенное драгоценнымъ граненымъ камнемъ. ²⁾ Впоследствии стали носить по нѣсколько перстней, украшенныхъ драгоценными камнями, съ вырѣзанными на нихъ изображеніями лицъ и разныхъ другихъ предметовъ. У людей, не обладавшихъ изящнымъ вкусомъ, руки были почти покрыты множествомъ перстней, такъ что Квинтиліанъ

¹⁾ О важности перстней съ печатью см. Liv. XXVII. 28; о множествѣ колець см. тамъ-же XXIII. 12.

²⁾ По своей цѣности, драгоценные камни слѣдовали одиѣ за другимъ въ слѣдующемъ порядкѣ: алмазь, смарагдъ, берилъ, опалъ и сардониксъ.

предписываетъ напр. оратору, чтобы онъ не обременялъ рукъ перстнями и чтобъ ни въ какомъ случаѣ они не переходили за средніе сгибы пальцевъ (Quint. XI. 3, 142). Уже въ концѣ республики изготовлялись для хранения перстней особые футляры и даже шкатулки для цѣлыхъ ихъ коллекцій (dactyliothecae).

Здѣсь кстати упомянуть еще о прекрасныхъ рѣзныхъ камняхъ, выпуклыхъ (*ἐκτυπα*, *gemmae caelatae*, по итал. *cameo*), или выдолбленныхъ (*ἀνάγλυφα*, *gemmae sculptae*, по итал. *intaglio*), известныхъ теперь подъ общимъ именемъ „геммъ“; они вставлялись для украшения въ застѣжки, поясы, оружіе и сосуды изъ драгоценныхъ металловъ.

Застѣжки и пряжки (*fibulae*), употреблявшіяся для застегиванія платья и поясовъ, дѣлались въ болѣе позднее время исключи-

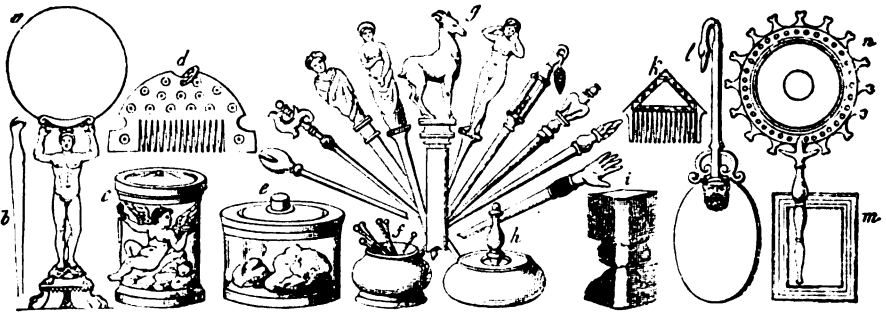

Рис. 309. Туалетныя принадлежности, по помпейскимъ оригиналамъ.

тельно изъ драгоценныхъ металловъ, серебра и золота, и украшались часто драгоценными камнями. Форма ихъ была различна.

Греческія и римскія женщины, при своей страсти къ нарядамъ и украшениямъ, не могли, конечно, обойтись безъ зеркала. Впрочемъ у Грековъ употреблялись только ручныя зеркала (*ἐνοπτρον*, *κάτοπτρον*), дѣлавшіяся изъ блестящаго, заполированного металла (обыкн. изъ мѣди, но также изъ серебра), круглой формы съ элегантною рукояткою, представляющею чаще всего Афродиту, богиню красоты. На нихъ походили римскія зеркала (*speculum*), иногда четырехугольной формы, которыя украшались на оборотной сторонѣ, по этрусскому обычаю, чеканною работою (рис. 309. а, l, m, n) и дѣлались сначала изъ смѣси олова и мѣди, а внослѣдствіи также изъ чистаго серебра съ вызолоченной оборотной стороной. Само собою разумѣется, что подобныя зеркала были чрезвычайно дороги; но еще дороже были большія стоячія зеркала (*specula totis corporibus*

ragia), о которых, равно какъ и о стѣнныхъ зеркалахъ, упоминается во время первыхъ императоровъ и позже. Плиніи упоминаетъ еще и о стеклянныхъ зеркалахъ, изобрѣтенныхъ Финикиянами. При помощи зеркалъ греческія женщины (вѣроятно по обычаю, перешедшему къ Грекамъ съ Востока), а по ихъ примѣру и римскія, расписывали свои щеки румянами и подкрашивали рѣсницы и брови. Обычай этотъ, не одобравшійся впрочемъ разумными мужьями¹⁾, сообщалъ лицу греческихъ женщинъ и дѣвицъ ту свѣжесть, которой у нихъ не доставало вслѣдствіе постоянного затворничества. Для этой цѣли употребляли бѣлила (*ψιμύδιον*, *cerussa*), киноварь (*μύλτος*, *minium*), добываемую изъ морскаго мха (*φῦκος*, отсюда лат. *fucus*, румяны), и нѣсколько другихъ растительныхъ веществъ; брови подкрашивали сажею (*μέλαν*, *ασβόλος*) или порошкомъ изъ сурьмы (*στίμι*, *στίμις*); мѣста подъ глазами подкрашивали (*ὑποράφειν*, *ὑπαλείφειν*) красноватой краской, носившей на-

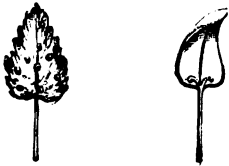

Рис. 310. Вѣера (*φιλίδες*, *flabella*), по помп. и стабійскимъ рисункамъ.

Рис. 311. Платокъ (*sudarium*), по помпейской статуѣ.

званіе *ἀνδρείκελον*. Въ изобиліи употреблялись Греками и Римлянами благовонныя мази и масла (*ἔλαιον ἑδανόν*, *τεθρασμένον* упоминается уже у Гомера, Ил. XIV. 172), а именно: нардовыя (мазь и масло), розовыя, шафранныя, косатиковыя, маіоранныя и т. п. За нихъ платились часто значительныя суммы денегъ; приготовленіемъ ихъ прославились Делось, Коринѣъ, Родось, Телось и др.

Хранились духи и притиранья въ разныхъ коробкахъ (*vasa unguentaria*). На рис. 309. изображены двѣ такія коробочки; одна (е) изъ прозрачнаго стекла съ двумя кусками румянъ и бѣлилъ, другая (с) изъ слоновой кости, украшенная выпуклымъ изображеніемъ Амура.

¹⁾ Xen. Oecon. X. 2.

На томъ-же рисункѣ изображены три гребешка (*κτείς*, *pecten*), изъ коихъ два бронзовые (*d*, *k*), а одинъ, частый, изъ слоновой кости (*i*); затѣмъ ухочистка (*ἀγορλοφίς*, *auriscalprum b*), нѣсколько шишекъ (*g*) изъ слоновой кости, и наконецъ двѣ маленькія коробочки, изъ коихъ одна (*h*) вѣроятно служила хранилищемъ для болѣе нѣжной мази или для перстней, а другая (*f*) для булавокъ, которыя и нарисованы тамъ по предположенію. Завивальныя щипцы, употреблявшіеся древними для завивки волосъ (*καλαμίς*, *calamister*, *calamistrum*), ничѣмъ не отличались отъ нашихъ.

Римскія женщины, въ особенности позднѣйшаго времени, еще и другими средствами возстановляли утраченную свѣжесть цвѣта

Рис. 312. Жезль (*σκῆπτρον*), по рисунку изъ ват. Вергилія.

Рис. 314. Римскій императорскій жезль, съ колонны Антонина.

Рис. 313. Римскій обыкновенный жезль (*scipio*), по геммѣ.

своего лица и чистили зубы зубнымъ порошкомъ (*dentifricium*, Mart. XIV. 56), а иногда и замѣняли ихъ искусственными.

Въ заключеніе должно замѣтить, что аѳинскія и римскія женщины защищались отъ солнечныхъ лучей и дождя складными зонтиками (*σκιάδειον*, *umbella*, *umbraculum*), похожими на наши, которые носились или ими самими, или ихъ служанками; охлаждались вѣерами (*ρίπίδες*, *περίνας*, *flabellum*, рис. 310.), имѣющими видъ раскрашенныхъ листьевъ или сдѣланными изъ павлиньихъ перьевъ; утирали вспотѣвшее лицо платкомъ (*sudarium*, *ορατήριον*, *καψιδρωτίον*, рис. 311.), который употреблялся и мужчинами, особенно со временъ Авреліана (Flav. Vor. Aurel. с. 48). Мужчины, кромѣ того, уже съ древнихъ временъ (можетъ быть по восточному обычаю, Her. I. 195) употребляли палки (*βακτηρία*, тоже *σκῆπτρον*, *baculus*, или длинныя, для опоры тѣла, или короткія), часто согнутыя сверху. Особенно распространено было ношеніе палокъ въ Спартѣ, хотя упо-

треблялись онѣ и въ другихъ мѣстахъ. Отъ этихъ палокъ слѣдуетъ различать *σηπτρον*, *scaertum*, жезлъ, палку болѣе длинную (рис. 312.), которая издревле служила знакомъ царской и судебной власти и жреческаго (Ил. I. 15), пророческаго (Од. XI. 91) и герольдскаго (Ил. VII. 277) достоинства. Въ древнія времена она давалась герольдами ораторамъ, когда эти послѣдніе хотѣли обратиться къ собранію съ рѣчью.

Изъ этого длиннаго жезла образовался болѣе поздній короткій посохъ (*scirio*), который носили въ Римѣ сначала цари, а впоследствии и консулы и полководцы, и которымъ римскій сенатъ награждалъ за особыя заслуги иностранныхъ государей (рис. 313.).

Триумфаторскій и императорскій жезлъ, который употреблялся триумфаторами при триумфальномъ шествіи, а впоследствии сталъ носиться и императорами, отличался отъ упомянутаго выше короткаго жезла тѣмъ, что украшенъ былъ золотымъ орломъ (рис. 314.).

III. Пища, питье и купанье.

50. Ознакомившись въ нѣсколькихъ выше помѣщенныхъ статьяхъ съ домашней обстановкой, одеждой и съ другими предметами, нужными для защиты и украшенія тѣла, мы, прежде чѣмъ начнемъ описывать домашнюю жизнь, поговоримъ сначала о самыхъ существенныхъ нуждахъ тѣла, т. е. о пищѣ, питьѣ, и прибавимъ еще нѣсколько словъ о купаніи, которое Греки и Римляне считали въ гигиеническомъ отношеніи необходимой потребностью, такъ-же какъ пищу и питье.

Кушанья и напитки Грековъ.

Въ героическія времена Греки ѣли обыкновенно два раза въ день, а именно: въ полдень (*δειπνον*) и около заката солнца по окончаніи дневной работы (*δούρον, δούρα*); упоминается, впрочемъ, также о раннемъ завтракѣ до начала работы (*ἄριστον*, Од. XVI. 2, Ил. XXIV. 124). Для празднованія извѣстныхъ дней и событій устраивались пиры (*δαις, δαίτες*), напр. при жертвоприношеніяхъ,

для привѣтствія дорогаго гостя, при обрученіи (Од. IV. 3), или даже большія пиршества (*ελλαπίνη*). Кромѣ того упоминается еще о пизнигѣ, т. е. обѣдѣ, устраивавшемся на общій счетъ (*ἔρανος*, Од. I. 226, XI. 415).

Хотя Греки въ героическія времена, описываемыя въ Гомеровыхъ поэмахъ, были склонны къ пирамъ, тѣмъ не менѣе они умѣли облагораживать ихъ умѣренностью и духовными развлеченіями. Къ послѣднимъ принадлежало пѣніе, музыка и танецъ, „украшенія пира“ (*ἀναθήματα δαιτός*, Од. I. 152); поэтому на пирѣ всегда присутствовалъ пѣвецъ (*αἰοιδός*), который воспѣвалъ „славные подвиги мужей“ (*κλέα ἀνδρῶν*, Од. I. 73) и все, что своей новизной болѣе всего могло занимать слушателей (Од. I. 351 и слѣд.), и при томъ такъ, какъ ему положилъ на душу Зевсъ и какъ его научили Музы и Аполлонъ (Од. I. 348; VIII. 64, 488); пѣлъ же онъ подъ рѣзкіе звуки форминги (см. ниже), „милой собесѣдницы пира“ (Од. VIII. 99), данной ему самимъ богами (Од. XVII. 271). Въ этомъ смыслѣ и говоритъ Одиссей (IX. 5 и слѣд.), что великая нашему сердцу утѣха

Видѣть, какъ цѣлой страной обладаетъ веселье; какъ всюду
Сладко пируютъ въ домахъ, пѣснопѣвцамъ внималъ; какъ гости
Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ и мясомъ
Пышно покрытыми; какъ изъ кратеръ животворный напитокъ
Льетъ виночерпій и въ кубкахъ его опѣненныхъ разноситъ.
Думаю я, что для сердца ничто быть утѣшнѣй не можетъ.

(Жуковский.)

Обычай и правила пировъ были просты. Сначала омылись руки водою (*χέρωνιψ*), которую служанки или глашатаи наливали изъ кружекъ (*πρόχους*) надъ лоханью (*λέβης*); затѣмъ ставили на столъ плетенныя корзинки съ хлѣбомъ, и кравчій (*δαιτρός*) разрѣзывалъ мясо (иногда это дѣлалъ самъ хозяинъ), которое раздавалось гостямъ въ равныхъ порціяхъ, исключая знатныхъ лицъ, которымъ предлагались большія порціи (какъ напр. Эанту, Ил. VII. 321, длинная спина быка). Послѣ ѣды столы устранились и совершалось возліаніе (*σπονδή*), а за тѣмъ приступали къ питью вина, которымъ между тѣмъ служители наполнили до краевъ (*κοῦροι δὲ κρητῆρας ἐπεστήσαντο ποτοῖο*) большія чаши (*κρατήρ*); изъ этихъ черпали его (*ἀφύσσειν*, вѣроятно тѣмъ-же самымъ сосудомъ, какъ и впослѣдствіи, см. *κύαθος*) виночерпій или чашники (*οἰνοχόος*), разливали въ бокалы и подносили (обыкновенно съ правой стороны) гостямъ. При семъ мы не должны забывать, что поэтъ

описываетъ только пиры князей, и что столъ простаго народа былъ гораздо проще.

Изъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ упоминаются слѣдующіе. Мука пшеничная (*ἀκτή*) и ячменная (*ἄλφι, ἄλφιτα*), изъ которой пекли хлѣбъ (*ἄκρος* и *σῖτος*, пшеничный *πύρονον*), и которой посыпали мясо на вертелѣ. Главной пищей героевъ и царей этихъ временъ служила свинина, баранина, говядина (также мясо олене и дикой козы), жарившіяся всегда надъ углемъ на вертелѣ; упоминаются также гуси.

Особенно питательной пищей считался (костяной) мозгъ, *μυελός*; такъ напр. говорится о маленькомъ Астіанактѣ, сынѣ Гектора, что его кормили (костянымъ) мозгомъ и жирной бараниной; поэтому и употреблялось это слово вообще для означенія питательной пищи. О козьемъ желудкѣ, начиненномъ кровью и кусочками сала, сжаренномъ надъ углемъ, упоминается въ Од. XVIII. 44. Рыбы, какъ кажется, въ это время не ѣли, развѣ только въ случаѣ крайней нужды (Од. IV. 368; XII. 331); за то употребляли въ пищу устрицы. Изъ прочихъ съѣстныхъ припасовъ упоминаются: сыръ (*τυρός*), стручковые плоды (бобы и горохъ, *κύαμοι, ἐρέβινθοι*); изъ овощей одинъ только лукъ (*κρόμμυον*); изъ фруктовъ груши (*ὄρχνη*), яблоки (*μηλον*), винныя ягоды (*σῦκον*), виноградъ (*βότερος*), гранаты (*φοιά, φάά*), масличныя ягоды (*ἐλάλη*). Что приправою служила соль (а именно: морская соль), видно изъ Ил. IX. 214; Од. XI. 123 и XXIII. 270. — Какъ напитокъ употребляли молоко (коровье, овечье и козье) и вино, смѣшанное съ водою, но большей части темное (*αἶθος*). О томъ, сколько воды примѣшивалось къ вину, нигдѣ не упоминается; но кажется, что воды брали всегда больше, чѣмъ вина; и потому у Гомера вино пьютъ не только мужчины, но и женщины (Од. VI. 77; XIII. 57) и даже дѣти (Ил. IX. 489; XXII. 494). Иногда употребляли болѣе крѣпкое вино съ меньшей примѣсью воды (напр. Ил. IX. 203 у Ахилла въ честь прибывшаго къ нему посольства); цѣльное вино (*ἄκρατος*) употребляли только при возліаніяхъ и при сожиганіи труповъ.

Отъ этой древне-греческой простоты Греки въ слѣдующія историческія времена долго не отступали, такъ что еще во время Геродота (въ 5 вѣѣ до Р. Хр.) столъ у Грековъ былъ простой, ибо въ нищу употребляли преимущественно овощи и не знали никакихъ десертовъ (*ἐπιφορήματα*); потому-то еще въ 4 вѣѣ до Р. Хр. комическій поэтъ Антифанъ (Аеен. IV. 130) съ насмѣшкой говоритъ о Грекахъ, называя ихъ *μικροτάπειοι* (имѣющіе бѣдный

столъ) и *φυλλοτροφῶνες* (питающіеся листьями). Самые умѣренные изъ греческихъ племенъ были Спартанцы, объ общихъ столахъ (*συσσίτια*) которыхъ будемъ говорить ниже. Сицилійскіе Греки, напротивъ, болѣе другихъ заботились о богатомъ и роскошномъ столѣ. Въ этомъ отношеніи ближе другихъ къ нимъ стояли Беотійцы и Коринѣяне; среднее мѣсто занимали жители Аттики, и по этой причинѣ мы и опишемъ болѣе подробно ихъ кушанья и пиры, имѣя о нихъ наиболѣе свѣдѣній и въ литературѣ.

Утренняя закуска (*ἀκράτισμα*) Атиковъ состояла изъ хлѣба, который макали въ цѣльное вино (*ἄκρατος*); за завтракомъ (*ἄριστον*)¹⁾, который соотвѣтствовалъ римскому *grandium*, они ѣли, кромѣ холодныхъ, также теплыя кушанья; главный столъ, обѣдъ (*δειπνον*), былъ вечеромъ, какъ римская *cena* (только, какъ кажется, еще нѣсколько позже). Такіе обѣды они въ особенности любили, если они были общіе, что случалось довольно часто въ богатыхъ домахъ по случаю семейныхъ праздниковъ, какъ-то: въ дни рожденія (*δ. γενέθλιον*), по поводу свадьбы (*δ. γαμικόν*), отъѣзда или возвращенія друзей, въ честь драматическому побѣдителю или побѣдителю въ состязаніяхъ, при похоронахъ и т. д.; кромѣ того были въ обычаѣ (особенно у молодыхъ людей) обѣды складчиною (*συμβολή*, *δ. ἀπὸ συμβολῶν*), устраиваемые или на общій счетъ, или же изъ кушаний, приносимыхъ участниками (обыкновенно въ корзинахъ, откуда и названіе *δειπνον ἀπὸ σπυρίδος*) въ какое нибудь опредѣленное пріятное мѣсто. Такимъ образомъ эти обѣды похожи на пикники (*ἔβρανοι*) героическихъ временъ.

На общій обѣдъ приглашала (*καλεῖν*) друзей и знакомыхъ обыкновенно самъ хозяинъ; но хорошіе знакомые могли приходиться на обѣдъ и безъ приглашенія, особенно на вторую часть его, т. е. на попойку (*συμπόσιον*); подобнымъ образомъ гость имѣлъ право приводить съ собою на обѣдъ другаго, незванаго гостя (*σκή, ἡμβρα*), откуда развился обычай, по которому на обѣдъ являлись докучливые паразиты. На обѣды приходили послѣ купанья, въ нарядной одеждѣ, а если было далеко (напр. изъ Аѳинъ въ Пирей), то ѣхали или верхомъ, или на повозкѣ. Приличіе требовало не приходиться ни слишкомъ рано, ни слишкомъ поздно; въ послѣднемъ случаѣ опоздаващаго не дожидались (*Plato, Symp. 174, e*). У пришедшихъ гостей рабы снимали обувь (*ὑπολύειν*) и умывали

¹⁾ Еще у Ксенофонта (*Anab. IV. 5, 13*) *ἄριστον* есть первое кушанье, какъ у Гомера.

ноги (*ἀποτίθειν*); затѣмъ они располагались ¹⁾ (см. стр. 171 и 172) по два (иногда по три) на мѣстахъ, назначенныхъ имъ хозяиномъ.

Послѣ этого слуги наливали воду на руки (*ὕδωρ κατὰ χεῖρας ἐδόθη*) и подавали полотенца (*χειρόμακτρον*) для ихъ вытиранія. Скатерти и салфетки не были въ употребленіи; а такъ какъ кушанья брали рукою безъ вилокъ и ножей (для жидкихъ кушаній конечно употреблялись ложки, см. стр. 186), то во время обѣда очищали руки хлѣбнымъ мякишемъ (*ἀπομαρδαλία, ἀπομαρδαλίς*), который бросали потомъ собакамъ, или же нарочно для этой цѣли приготовленнымъ тѣстомъ.

Обѣдъ готовилъ поваръ (*μάγειρος*) съ многочисленными слугителями. Столъ накрывалъ *τραπέζοποιός* (*τραπέζοκόμος*); гостямъ-же прислуживали рабы хозяина (какъ напр. у Агаѳона, въ извѣстномъ „Пирѣ“ Платона), а въ болѣе позднія времена также присутствовавшіе рабы самихъ гостей (Luc. Hermot. 11 и чаще въ Symp.). При большихъ пирахъ подавался (конечно только въ болѣе позднія времена) и списокъ кушаньямъ (*γραμματίδιον*). Подъ конецъ пира предлагалось каждому изъ гостей на тарелку по кусочку отъ каждаго блюда (*τὸ ἐντελὲς δεῖπνον*); гостинецъ этотъ гость (или его рабъ) завязывалъ въ имѣвшійся у него для этой цѣли платокъ (*ὀρθόνη*) и уносилъ съ собою домой (Luc. Symp. с. 38).

Обѣдъ состоялъ изъ трехъ перемежныхъ блюдъ (у Римлянъ *fercula*), которыя назывались общимъ именемъ *πρῶται τράπεζαι* (первые столы) и состояли изъ растительныхъ и мясныхъ кушаній (особенно рыбныхъ), и изъ десерта (*δεύτεραι τράπεζαι*), т. е. фруктовъ и разныхъ лакомствъ (*τραγήματα*).

Изъ кушаній первое мѣсто занимало у Грековъ мучное кушанье, которое и называлось кушаньемъ (*σίτος*) по преимуществу, между тѣмъ какъ всѣ прочія кушанья составляли у нихъ *ὄψον* (первоначально, конечно, все то, что варилось и жарилось, отъ *ἔψω*). Муку, которую готовляли изъ поджаренныхъ зеренъ въ ступкахъ или въ ручныхъ, а впослѣдствіи и въ большихъ мельницахъ, употребляли такъ, что изъ пшеничной муки пекли хлѣбъ (*ἄρτος*), изъ ячменной же (большею частью въ видѣ крупы, *ἄλφιτα*) дѣлали тѣсто (*μάζα*), которое сушили и употребляли для каши.

¹⁾ Въ героическія времена за столомъ еще сидѣли; когда именно вошло въ обычай лежать за столомъ, не извѣстно; но во всякомъ случаѣ это случилось еще до персидскихъ войнъ, ибо послѣ нихъ, даже въ Спартѣ, вообще за столомъ лежали. На Критѣ сохранился древній обычай навсегда.

Каша служила ежедневной пищей для бѣдныхъ, тогда такъ хлѣбъ подавался на столъ богачей. Сортовъ хлѣба было нѣсколько: прѣсный (*ἄζυμος*) и квасной (*ζυμίτης*); пшеничный худшаго сорта (*αὐτόπυρος*) и лучшаго сорта (*σητάνειος*). Хлѣбъ пекли на вертелѣ или въ печи; въ первомъ случаѣ онъ назывался *δβελίας*, во второмъ — *κριβανίτης*. Пирогы (*τηγαλίτης*) начинались творогомъ и пеклись на листахъ. О пирожномъ смотри ниже.

Изъ растительныхъ кушаній употребляли болѣе легкіе и мягкіе овощи (*λάχανα*), какъ-то: мальву (проскурнякъ, *μαλάχη*), салатъ (*θριδάξ*), капусту (*ράφανος*), а также, конечно, грибы (*μύκητες*), трюфели (*ύδνα, οἶδνα*), масляниыя ягоды въ разсолѣ (*ἄλιμη*) и каперсы (*κάππαραι*). Стручковые плоды и болѣе простые овощи составляли обыкновенный столъ и столъ бѣдныхъ. Изъ мясныхъ кушаній болѣе всего любили и считали лакомствами: зайца (*λαγώς*), обыкновеннаго и сѣраго дрозда (*κίχλη*), преимущественно же морскую рыбу (менѣе прѣсноводную, исключая угря изъ Копайдскаго озера) подъ вкуснымъ соусомъ; затѣмъ черепаху, раковъ, устриць. Болѣе обыкновеннымъ блюдомъ было мясо изъ выше упомянутыхъ (стр. 247) домашнихъ и дикихъ звѣрей, которое тогда не только жарили на вертелѣ, но также варили и жарили на оливковомъ маслѣ (замѣнявшемъ у Грековъ наше коровье масло¹⁾), какъ и теперь у жителей юга); свинина солилась и коптилась (*κωλήνες τεταριχευμένοι* = ветчина, Pol. VI. 52), а изъ крови ея, смѣшанной съ кусками сала и крупой, дѣлались колбасы (*ἀλλᾶς*, собственно колбаса съ чеснокомъ, Schol. ad Arist. Equites v. 161); болѣе простой и дешевой пищей служили соленья, привозившіяся изъ Понта, сардинки (*ἀφύη* или *ταρίχη, ταριχεύματα* по преимуществу) и т. д.

Послѣ первой части обѣда, во время которой не пили, умывали руки (*ἀπονίψασθαι*) и пили за здоровье (*ποτήριον ὑγείας*), или въ честь добраго демона (*ποτήριον ἀγαθοῦ δαίμονος*) цѣльное вино изъ назначавшихся для этой цѣли бокаловъ (*μετάνιπτρον, μετανιπτρίς*). Послѣ этого століеки (*τράπεζαι, τριπόδες*), стояшіе по одному передъ каждымъ гостемъ или каждой софой, устранились, кости и крошки съ пола сметались, и совершалось общее возліаніе (*σπονδαί*) изъ смѣшаннаго уже вина, обыкновенно изъ трехъ кратеровъ: первое возліаніе дѣлалось въ честь олимпійскимъ богамъ, второе въ честь героямъ и третье въ честь Зевсу-Охранителю, и пѣлась пѣсня (*παίαν*) подъ звуки кларнета. Затѣмъ слѣдоваль

¹⁾ Ἐλαϊον ἐκ γάλακτος, Авеней X. 67.

десертъ (*δεύτεραι τράπεζαι*), послѣ котораго приступали къ самой главной части обѣда, къ общей попойкѣ (*συμπόσιον*); почему обѣдъ и называется вообще *συμπόσιον*. Объ этомъ мы поговоримъ ниже, теперь же упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ о десертѣ.

Въ древнѣйшія, болѣе простыя времена (до Аристофана) десертъ назывался *τραγήματα, ἐπιφορήματα* ¹⁾, и вообще выбора при немъ не было особенно большаго; упоминаются: сыръ, масляныя ягоды, винныя ягоды (также сухія, *ισχάδες*), орѣхи, миндаль, каштаны и въ особенности соль, которую употребляли для возбужденія жажды (*ἄλα λείχειν*), прибавляя къ ней также иногда благовонныя вещества (*ἄλας ἡδυσμέναι*; то-же было и у Римлянъ, Plin. XXXI. 7, 41), и наконецъ тминъ (*κύμινον*). Впослѣдствіи изобрѣтательность поваровъ увеличила выборъ десертныхъ закусокъ различными родами пирожнаго (посыпаннаго сыромъ, *τετυρωμένοι πλακοῦντες*, или макомъ, *μηκωνίδες ἄρτοι*, особенно медоваго, *διὰ μέλιτος ἐφθού*, сесамоваго, *σησαμίται* и т. д.; Аѳен. III и XIV). Сверхъ того привозились разныя закуски изъ-за границы, напр. вкусный сицилійскій сыръ, финики изъ Египта и Сиріи, и (для лакомствъ) даже сушенныя винныя ягоды изъ Родоса, хотя Аттика давала превосходныя винныя ягоды.

Симпосіонъ былъ обыкновенно соединяемъ съ обѣдомъ, составляя его главную часть; но не рѣдко онъ устраивался и отдѣльно отъ обѣда съ присоединеніемъ къ нему различнаго рода увеселеній (состоявшихъ въ бесѣдѣ, музыкѣ, танцахъ, игрѣ и шуткахъ). Греческая литература сохранила намъ пять описаній симпосіа (изъ нихъ самое знаменитое принадлежитъ Платону, хотя оно наименѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности): два изъ 4 вѣка до Р. Хр. (Платона, Ксенофонта), остальные же изъ трехъ слѣдующихъ одинъ за другимъ вѣковъ, одно (Плутарха) изъ 1го, второе (Лукиана) изъ 2го, третье (Аѳенея) изъ 3го вѣка по Р. Хр.

Если симпосіонъ былъ особенно торжественный, то раздавались вѣнки изъ сельдерея, фіаловъ и розъ (которыми украшали не только голову, но также шею и грудь), благовонныя мази и масла (*χρίματα ἀμφοσιόδια*), напр. мирра, и въ залѣ зажигался ладонъ (Ксенофанъ у Аѳен. XI. 7); затѣмъ, послѣ совершенія выше упомянутыхъ обрядовъ, пили (*προπίνειν*) хозяинъ за здоровье гостей,

¹⁾ Позднѣйшія названія десерта суть: *ἐπιδόρπια, ἐπιδορπίσματα, ἐπιδορπιοτράπεζαι, ἐπίδεικνα, ἐπαίκλια, νωγαλεύματα* и т. д.

а эти за здоровье одинъ другаго, принимая наполненные бокалы изъ рукъ молодыхъ слугъ (*οἰνοχόοι, οἰνηροὶ θεράποντες*). Пили или въ известномъ порядкѣ, или же каждый пьющій назначалъ самъ того, кто долженъ былъ пить послѣ него. Пили за здоровье (*φιλοτησίας προπίνειν*), употребляя слова „*ζήσειας*“ (многая дѣта) „*χαῖρε, χαῖρε καὶ πίε*“ (здравствуй, здравствуй и пей) и т. д., при чемъ (не согласно съ нашимъ обычаемъ) тотъ, за здоровье котораго пили, долженъ былъ выпить поданный бокалъ. Но обыкновенно изъ числа участниковъ избирался распорядитель или царь пира (*ἄρχων τῆς πόσεως, συμποσίαρχος, βασιλεύς*), въ особенности, когда молодые люди устраивали пиеникъ; симпосіархъ опредѣлялъ и способъ и мѣру питья, руководилъ всѣми увеселеніями и наказывалъ всякое нарушеніе порядка. Греки не имѣли обыкновенія пить цѣльное вино, считая такое питье варварскимъ и даже вреднымъ (см. Герод. VI. 84). Но и питье вина, смѣшаннаго на половину (*ἴσον ἴσῳ*) съ водой, считалось неумѣреннымъ ¹⁾; за то выпивали болѣе такимъ образомъ смѣшаннаго вина, когда собирались питухи и симпосіархъ назначалъ усиленное питье (*πίνειν πρὸς βίαν*), или когда пили наперерывъ. Въ этомъ отношеніи достигли высокой степени мастерства особенно Афиняне, у которыхъ считалось честнымъ дѣломъ выпить большой бокалъ однимъ духомъ ²⁾ (*ἀπνευστί, ἀμυστί πίνειν*), такъ что Римляне называли такой способъ питья греческимъ (*graeco more bibere*). Но не смотря на это, рѣдко встрѣчаются примѣры низкаго пьянства и обжорства. Это, по видимому, объясняется тѣмъ, что Греки смѣшивали вино съ водою, и что другихъ хмельныхъ напитковъ или вообще не знали, или по крайней мѣрѣ не употребляли (напр. пальмоваго вина изъ Азіи, Нег. I. 193; или ячменнаго напитка изъ Египта, Нег. II. 77), имѣя дома достаточное количество дешеваго вина; это тѣмъ болѣе удивительно, что Греки далеко не такъ строго, какъ мы, опредѣляли понятіе о томъ, что въ этомъ отношеніи прилично, или неприлично; такъ напр. даже самъ Платонъ въ

¹⁾ Обыкновенно части вина относились къ водѣ какъ 1 : 2 или 2 : 3; смѣсь 1 : 3 рекомендуется Гесіодомъ (Ерга 596), но вообще считалась слабой (*ὑδαρής*, водяной) и только нѣкоторыя, особенно крѣпкія вина смѣшивались въ этой пропорціи (*πολυφόρος οἶνος*). Вода для этой цѣли употреблялась холодная, дѣломъ даже со льдомъ, который, впрочемъ, клали и въ вино; любимыи напитокъ составляло также вино, смѣшанное съ горячей водою.

²⁾ Это имѣло мѣсто только послѣ продолжительнаго питья, когда начали пить изъ бокаловъ, содержавшихъ 20 киаовъ (ок. 3/4 штофа; ср. стр. 182 прим.).

своихъ „Законахъ“ (I. pag. 637) не считаетъ неприличнымъ пьянство во время празднествъ подателя вина, Діониса. Въ Спартѣ же и на Критѣ подобнаго рода попойки запрещались.

Забавы, которыя, кромѣ бесѣды, заключались главнымъ образомъ въ игрѣ на флейтѣ (кларнетѣ), въ мимическихъ танцахъ, въ представленіяхъ фокусниковъ и въ различныхъ общественныхъ играхъ (см. стр. 254), пройдя всѣ ступени веселья, обращались обыкновенно въ необузданный разгулъ; разгулявшіеся кутили (*κομισταί*) поздно вечеромъ отправлялись съ музыкой въ домъ того или другаго гражданина, о которомъ знали, что у него гости (см. Plat. Symp. с. 30); но случалось не разъ, что такихъ гостей не выпускали.

Здѣсь кстати будетъ сказать о разныхъ сортахъ вина, какъ выше мы говорили о кушаньяхъ. Греки не были въ питьѣ вина до такой степени разборчивы, какъ Римляне, и потому не знали столько сортовъ его. Самое лучшее было, кажется, оасійское (о которомъ часто упоминаетъ Аристотель), лесбійское и наксійское; прамнейское вино (получившее это названіе, по всей вѣроятности, отъ горы Прамны на островѣ Икаріи), которое славилось уже въ древнія времена (у Гомера *πράμνειος οἶνος*), Аттики находили теркеимъ (*αὐστρηρός*). Южно-италійскія вина Греки узнали и стали употреблять только въ 2 вѣкѣ по Р. Хр.

По цвѣту вина различались бѣлыя (*λευκός*), желтыя (*κιθρός*) и темныя (*μέλας*). Эти вина часто смѣшивались или одно съ другимъ, или (при пересылкѣ) съ морскою водою. Кромѣ того, подмѣшивались къ винамъ пряности (*τρίμμα*) и медь, а въ болѣе позднія, изнѣженные времена (вѣроятно подъ римскимъ вліяніемъ; см. ниже стр. 272) также благовонныя масла, напр. мирра (*μυρρίνης οἶνος, μυρρίνης*). Упоминается еще „самотоѣ“ (*πρότροπος, aushruch*), т. е. чистое вино, вытекающее само собою прежде давленія винограда, и вареный виноградный мустъ (*ἔψημα οἴνου, σίραιον*), похожій на римскія sapa и defrutum (см. ниже). Особенно высоко цѣнилось старое вино; столѣтнихъ винъ, какія пили римскіе вельможи, едва-ли знали Греки; напротивъ, они довольствовались часто, какъ кажется, даже не перебродившимъ виномъ. О сосудахъ, въ которыхъ вина сберегались, смотри стр. 178 и 179.

Общіе обѣды Спартанцевъ, такъ называемыя сисситіи, фейдитіи (*συσσίτια, φειδίτια*), имѣли высшую, политическую цѣль; ибо Спартіатъ долженъ былъ чувствовать себя даже за обѣдомъ болѣе членомъ государства, чѣмъ членомъ семьи. По

этой причинѣ всякій взрослый Спартавецъ (достигшій двадцатилѣтняго возраста) обязанъ былъ обѣдать за какимъ нибудь общимъ мужскимъ столомъ (*σκηνή*) внѣ дома, бывъ къ нему допущенъ рѣшеніемъ старшихъ товарищей (которыхъ при каждомъ столѣ полагалось 15). Для покрытія издержекъ каждый (исключая обоихъ царей, получавшихъ все отъ общины) обязанъ былъ ежемѣсячно вносить опредѣленное количество съѣстныхъ припасовъ и денегъ. Кушанья были просты; самымъ обменовеннымъ служила извѣстная черная похлебка, т. е. кровавой супъ, сваренный изъ свинины съ примѣсю уксуса и соли (*αίματία, βαφα*), изъ котораго каждому предлагалась извѣстная мѣра; кромѣ того каждый получалъ вино и ячменнаго хлѣба, сколько угодно; десертомъ служили: сыръ, масляныя и винныя ягоды. Кромѣ того дозволено было каждому участнику дѣлиться съ остальными товарищами дичью (дичь, въ особенности черную, въ большомъ количествѣ доставляли лѣса на Таигетѣ), птицею или рыбою. Подобнаго рода рѣдкости подавались подъ конецъ обыкновеннаго обѣда. Во время праздниковъ, напр. въ Гіакинтіи, Карнеи и т. д., устраивали и Спартацы болѣе великолѣпныя какъ публичныя, такъ и домашніе пиры (*κοπίδες*) съ жертвоприношеніями.

Забавы во время пира устраивались или 1) самими гостями, какъ напр. пѣнье, загадки, игры, или 2) нанятыми для этой цѣли людьми, какъ напр. игра на кларнетѣ и китарѣ, фокусы и шутки. Самою благородною забавою считалось пѣніе; и самыми любимыми пѣснями были такъ называемыя „*σκολιά*“ (кривыя, т. е. не поочередныя пѣсни), получившія названіе отъ того, что ихъ пѣли не по порядку, въ какомъ сидѣли участники пира, а такъ, что тотъ, кому поющій собесѣдникъ подалъ миртовую вѣтвь, долженъ былъ или окончить начатую пѣсню, или затянуть другую, или же импровизовать новую. Кромѣ сколій задавались и загадки (*αἰνίγματα, γρίφοι*), какихъ множество приводитъ Аэней (X. р. 448 слѣд.). Кто не рѣшилъ загадки, тотъ долженъ былъ выпить однимъ духомъ извѣстное количество вина; въ противномъ случаѣ онъ получалъ установленную награду, которая состояла въ вѣнкахъ, лентахъ, пирогахъ и т. д. — Одною изъ самыхъ любимыхъ игръ былъ такъ называемый *κότταβος*. Извѣстны два способа этой игры: *δι' ὀφθαλμῶν* и *κ. κατακτός*. Первый способъ состоялъ въ томъ, что глубокой сосудъ наполнялся водою и на ея поверхность кладлись небольшія пустыя миски (*ὀξύβαφα κενά*); въ нихъ старались выплеснуть (*λαταρεύειν κότταβους*, Luc. Lexiph. 3) изъ бокаловъ остатки (*λάταρες*)

вина или другаго напитка такъ, чтобы онѣ погрузились въ воду. Другой же, для насъ нѣсколько темный способъ, отличался отъ перваго тѣмъ, что миски (*πλάστιγγες*) висѣли на подобіе вѣсовъ на подставкѣ (*χάραξ, λυχνίον*); задача заключалась въ томъ, что миска, падая вслѣдствіе выплеснутой въ нее жидкости, должна была удариться о металлическую фигурку (*Μάνης*), стоящую подъ нею въ извѣстномъ разстояніи, или свободно, или, для увеличенія трудности игры, въ сосудѣ, подъ водою. Погруженіе въ первомъ, и звукъ во второмъ случаѣ считались оракуломъ любви. Особенной ловкости пальцевъ требовала игра, извѣстная подъ названіемъ *χαλκισμός*. Она заключалась въ томъ, что (Pollux IX. 118) монету, приведенную (тремя) пальцами въ круженіе, нужно было вдругъ однимъ пальцемъ такъ остановить, чтобы она не упала на плоскую сторону. Сюда принадлежатъ и *μαντελισμός* (id. IX. 118), игра, которая до сихъ поръ въ Греціи въ ходу. Она состояла въ томъ, что двойной ремень свертывался въ плоскій клубокъ, который послѣ того, какъ въ него былъ воткнутъ колокъ (*πατάλιον*), опять развертывался; если колокъ завязъ между обоими ремнями, то игра была выиграна; въ противномъ случаѣ колокъ долженъ былъ при развертываніи клубка выпасть, и игра была проиграна.

Особенною игрою, требующей нѣкотораго напряженія ума, была такъ наз. *πεττεία*, о которой упоминается уже въ Одиссеѣ, какъ о развлеченіи жениховъ Пенелопы (Од. I. 107, *πεσσοῖσι θυμὸν ἔτερπον*); впрочемъ, мы не можемъ сказать о ней ничего опредѣленнаго. Изъ болѣе позднихъ временъ намъ извѣстны два способа этой игры: одинъ заключался въ томъ, что оба играющіе имѣли на пяти линіяхъ по пяти камешковъ, изъ которыхъ лежащій на средней линіи (*ἰερά γραμμῆ*) могъ быть двинутъ только въ крайнемъ случаѣ; но о ходѣ и правилахъ этой игры мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній. Второй способъ уже болѣе извѣстенъ; онъ назывался *πόλεις* по отдѣльнымъ, раскрашеннымъ полямъ на доскѣ и походилъ такимъ образомъ на игру въ шахматы или шашки (Poll. IX. 98). Камешки, которыхъ было всего 60, назывались *κύνες*; они подвигались или впередъ (*φέρειν, θέσθαι τὴν ψῆφον*), или принимались назадъ (*ἀναθέσθαι*), или передвигались (*μετατιθέναι, μεταπεττεύειν*) одинъ черезъ другой; камешекъ, очутившійся между двумя чужими, былъ взятъ. Играющій старался воспрепятствовать своему противнику въ дальнѣйшихъ движеніяхъ. Впрочемъ игра эта, какъ видно изъ Платона (Polit. p. 292 e, и Respubl. II. p. 374 c), была не легка.

Азартная игра въ кости или кубы (*куβεία*), не смотря на то, что она происходила главнымъ образомъ въ особенныхъ, для этой цѣли устроенныхъ игорныхъ помѣщеніяхъ (*куβεία, σκιραφεία*), была въ ходу тоже при попойкахъ. По этой причинѣ мы и поговоримъ о ней въ этомъ мѣстѣ, и, такъ какъ она такимъ-же самымъ образомъ игралась и у Римлянъ, то присоединимъ и латинскія названія.

Игральныя кости или кубы (*κύβοι, tesseræ*) имѣли, какъ и теперь, на всѣхъ шести сторонахъ очка: 1, 2, 3, 4, 5, 6. Два или три такихъ куба играющій бросалъ въ продолговатый, внутри изрытый бороздами сосудъ, называемый башней (*πύργος, turricula* или *fritillus, φιδός* и т. д.); затѣмъ, перемѣшавъ, выкидывалъ ихъ на доску (*ἄβαξ, τηλία, alveus, tabula aleatoria*); эта доска имѣла 3 или 4 фута длины и 3 фута ширины и снабжена была возвышенными краями. Каждый ударъ (*βόλος, iactus*) имѣлъ свое названіе; такихъ названій грамматики приводятъ 64.

Самымъ счастливымъ считался ударъ, когда всѣ три кости показывали число 6 (*τρίς ἕξ, senio*). Эта игра въ Римѣ всегда запрещалась за исключеніемъ Сатурналій, во время которыхъ напр. даже самъ Августъ игралъ въ кости съ семействомъ и родственниками (*Suet. Aug. c. 71*); за то тѣмъ болѣе играли въ кости тайно, не смотря на всѣ запрещенія, въ харчевняхъ (*porinae*), при чемъ происходили большія мошенничества. Во времена императоровъ, изъ которыхъ многіе сами были страстные игроки, играли въ кости совсѣмъ публично.

Болѣе любимую игрою была игра въ бабки (*ἀστράγαλοι, tali*). Первоначально при ней употреблялись бабки (*tali*) овецъ или другаго скота, впоследствии же стали дѣлать ихъ также изъ металла или слоновой кости. Эти бабки имѣли очка только на четырехъ сторонахъ (рис. 315.), а именно: на двухъ широкихъ (выпуклой *πρηνής, planus* и оборотной, выдолбленной *ὑπτία, suppus*). и на двухъ узкихъ, одной съ небольшимъ углубленіемъ *χίον*, а другой, равной *κῶρον*. На нашемъ рисункѣ видны двѣ стороны, спереди широкая выпуклая, *πρηνής* и сверху *κῶρον*; на (обѣ) хребтообразныя узкія стороны бабка немогла пасть, и потому только упомянутыя четыре стороны обозначались очками, а именно: *χίον* — однимъ, *κῶρον* — шестью, *πρηνής* — тремя, *ὑπτία* четырьмя. Для игры обѣ закладъ употреблялись четыре такія бабки, такъ что можно было сдѣлать 35 различныхъ ударовъ, цѣны и названія которыхъ были точно опредѣлены. Самымъ удачнымъ ударомъ

считался тотъ, когда каждая бабка падала на другую сторону ¹⁾, такъ что выходили очки 1. 3. 4. 6. (*Αφροδίτη, Venus, iactus venereus*); самымъ неудачнымъ считался тотъ, когда всё бабки пали на узкую ровную сторону 1. 1. 1. 1. (*κύων, canis*); иные удары назывались напр. *Στησίχορος, Ἀλέξανδρος, ἔφηβος* и т. д.; нѣкоторые имѣли особенное значеніе, напр. *Εὐριπίδης = 40*.

Бабки употреблялись то же для забавы: *τρόπα, πενταλιθίζειν*, къ которымъ мы еще вернемся ниже. — Сюда можно кстати присоединить еще игру, до сихъ поръ весьма распространенную въ Италіи и извѣстную подъ названіемъ „mora“ (*far alla mora*). Эта

Рис. 315. Видъ бабки, по бронзовому оргг., и игра въ бабки, по геркуласкому изображенію.

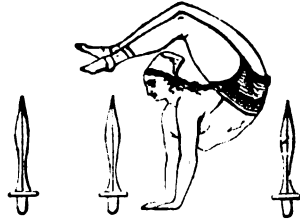

Рис. 316. Кувырканье черезъ мечи, по изображенію на греч. вазѣ.

игра означалась въ древности словами *δακτύλων ἐπάλλαξις*, по лат. *miscage*, и состояла въ томъ, что играющій долженъ какъ можно скорѣе угадать число пальцевъ, которые другой быстро разжималъ и сжималъ.

Для развлеченія гостей занимались не только шуты и остряки (*γελωτοποιοί*), но и цѣлыя толпы мимиковъ (*μίμοι, προδείκται*), фокусниковъ (*θαυμαστοποιοί*) и людей, занимавшихся разными головоломными и опасными искусствами (*ἐκκλώμενοι καὶ στρεβλούμενοι*); эти лица уже тогда, на ряду съ комедіантами, дававшими представленія съ подвижными куклами (*νευροσπάσται*) и съ укротителями звѣрей, во время греческихъ праздниковъ доставляли публикѣ удовольствіе. Такъ напр. на пирѣ, описываемомъ Ксенофонтомъ, танцуютъ рабъ съ рабыней подъ надзоромъ своего „патрона“, какого-то Сиракузянина. Весьма распространена была пляска на вертящемся гончарномъ кругѣ (*τροχός*) или кувырканье колесомъ, или различные жонглерскіе фокусы, какъ напр. черпаніе вина ногами или под-

¹⁾ Слѣдовательно очки считались на нижнихъ сторонахъ, а не, какъ при предъидущей игрѣ, на верхнихъ. См. Marquardt V. 2 стр. 430 прим. 3731 и стр. 433 прим. 3743.

хватываніе мячииковъ. Подобнаго рода фокусы становились страшными, если они производились юношами и дѣвушками между мечами, поставленными остриемъ вверхъ (*εις μαχαίρας κνβιστᾶν*, Хер. ib. VII. 3. См. рис. 316.).

Къ любимымъ удовольствіямъ, о которыхъ мы удобнѣе всего можемъ упомянуть здѣсь, принадлежали бои пѣтуховъ и перепеловъ (*ἀλεκτρούων καὶ ὀρνύων ἀγῶνες*), которые устраивались въ Афинахъ послѣ персидскихъ войнъ не только частнымъ образомъ, но и публично, по причинѣ, какъ говорятъ, примѣрной храбрости этихъ птицъ, возбуждающихъ воинственность. Поэтому пѣтухи, особенно танагринскіе и родосскіе, пользовались старательнымъ уходомъ. Передъ боемъ давали имъ чеснокъ и къ ногамъ привязывали металлическія шпоры (*πλήκτρον, κέντρον*), и, снарядивъ ихъ такимъ образомъ, ставили на круглые столы съ высокими краями, держа пари при этомъ на большія суммы денегъ. Подобнымъ образомъ устраивались и бои перепеловъ; упоминаются даже особенные дресировщики этихъ птицъ.

Кушанья и напитки Римлянъ.

51. Общеупотребительной пищей латинскихъ народовъ была въ древнѣйшія времена густая каша (*puls*) изъ полбы (*far, adon*), которая и впослѣдствіи служила пищей бѣдныхъ; кромѣ нея употреблялись болѣе простые овощи, какъ капуста (*olus*), лукъ (*caere*), чеснокъ (*allium*), порей (*porrum capitatum*), въ особенности же свекла (*beta*) и стручковые плоды (*legumina*), между тѣмъ какъ мясо употреблялось рѣдко ¹⁾. При этой простотѣ не было надобности въ особенномъ поварѣ; только въ томъ случаѣ, когда устраивался какой нибудь пиръ, нуждающіеся въ поваряхъ отправлялись на мясной (*macellum*) или овощной рынокъ (*forum olitorium*), гдѣ нанимали ихъ у ихъ господъ на извѣстное время. Но пекарей въ Римѣ не было еще въ началѣ 2 стол. до Р. Хр.; ибо печеньемъ хлѣба занимались въ каждомъ хозяйствѣ женщины и рабыни (какъ и еще позднѣе въ деревняхъ). Въ Плавтовыхъ комедіяхъ находимъ мы много данныхъ для изображенія жизни этихъ

¹⁾ Какая простота соблюдалась напр. въ домѣ Катона, видно изъ того, что онъ ѣлъ тѣ-же кушанья, что и его рабы, и что не позволялъ издерживать больше 30 ассовъ (60 коп.) въ день. Не такъ было въ Римѣ впослѣдствіи.

временъ; между прочимъ изъ нихъ узнаемъ, что римскіе повара достигли довольно значительной степени совершенства въ приготовленіи лакомствъ. Но послѣ окончанія войнъ противъ Антиоха въ Греціи и Азіи, гдѣ Римляне познакомились съ утонченностью восточной жизни, явились нововведенія какъ относительно времени ѣды, такъ относительно числа и качества кушаній. Прежде Римляне ѣли только два раза въ день, а именно за завтракомъ (ientaculum) хлѣбъ съ виномъ или солью, молоко, яйца, маслины, сыръ, изюмъ и т. д., а за обѣдомъ (сена), около полудня (hora VI—VII) вышеупомянутыя болѣе питательныя кушанья; впоследствии же ѣли они еще третій разъ, а именно послѣ трехъ часовъ пополудни (hora IX). Этотъ третій столъ скоро сдѣлался главнымъ и сталъ называться сена, тогда какъ прежній второй получилъ названіе prandium (или также merenda). Prandium, соотвѣтствующее нашему мясному завтраку, состояло изъ теплыхъ и холодныхъ блюдъ и остатковъ (reliquiae) отъ обѣда (сена) предшествовавшаго дня. Впоследствии прибавлены были ракушки, рыба, овощи, фрукты и изъ напитковъ mulsum, вино и преимущественно calda (см. стр. 186). Но умѣренные люди довольствовались, даже и въ болѣе позднія времена, однимъ только прандіемъ, какъ напр. Плиній старшій (Plin. Epist. III. 5, 10). Главнымъ столомъ во всѣ времена была сена (подобно какъ у Грековъ *δειπνον*), которая послѣ пополуденнаго отдыха и слѣдовавшаго за нимъ купанья происходила не всегда днемъ (cenare de die, особенно зимой), но также вечеромъ и продолжалась нерѣдко до утра (cenare in lucem).

Сена состояла изъ трехъ частей: 1) закуски (gustatio, promulsis), 2) собственной цены (caput cenae) съ многими переѣмами (fercula, missus), и 3) изъ десерта (mensae secundae).

Закуска состояла изъ кушаній, которыя имѣли цѣлью скорее возбудить аппетитъ, чѣмъ утолить голодъ, напр.: салата (lactuca), яицъ, разныхъ ракушекъ (cochleae) и рыбъ подъ пикантнымъ соусомъ. При закускѣ пили mulsum (см. ниже), почему эта часть цены называлась также promulsis.

Главная часть цены состояла въ древнія времена республики изъ двухъ переѣмъ, позднѣе обыкновенно изъ трехъ, а при большихъ пиршествахъ даже изъ семи. Эти переѣмы назывались также сена prima, altera, tertia и т. д.

За десертомъ (mensae secundae) подавали печенье (bellaria), свѣжіе и сушеные фрукты, и искусно приготовленныя лакомства (impromenta или epidipnides).

Обѣдъ, происходившій въ описанномъ порядкѣ, начиная отъ яицъ и кончая фруктами (отсюда поговорка *ab ovo usque ad mala*). назывался правильнымъ, *sena recta*¹⁾; отъ него отличалась *sportula* или *sportella*²⁾, скромный обѣдъ, состоявшій изъ немногихъ, большею частью холодныхъ кушаній; онъ устраивался обыкновенно для кліентовъ, иногда же и для простаго народа.

Чтобы удовлетворить всеѣмъ этимъ требованіямъ, необходимо было держать многочисленную прислугу и много поваровъ, опытныхъ не только въ приготовленіи вареныхъ и жареныхъ кушаній, печенья, паштетовъ и конфектъ, но и въ умѣннн сервировать столъ. Въ богатыхъ домахъ были слѣдующіе служители: *obsonator* (кухмистеръ), *coquus* (поварь), а если ихъ было нѣсколько, то и главный поварь (*archimagirus*), булочники (*pistores siliginarii*), кондиторы (*pistores dulciarii*), пекари, готовящіе печенья, приготавливаемые на молокѣ (р. *lactarii*), распорядитель при столѣ (*structor*), который могъ также исполнять обязанность форшнейдера (*scissor, carptor, diribitor*). За устройствомъ столовой смотрѣлъ *tricliniarcha* или *lectisterniator* (приводившій въ порядокъ диваны) съ многочисленною прислугою (*cubicularii, камердинеры*). На сколько низко цѣнился поварь въ прежнія времена (*vilissimum antiquis mancipium, Liv. XXXIX. 6*), на столько дорого платили за него впослѣдствіи. Противъ роскоши и неестественной расточительности издавались и возобнов-

¹⁾ Карточку кушаній для обыкновеннаго обѣда даетъ намъ Марціалъ X. 48. Закуска: малява, кочаный салатъ, мелкій лукъ, мята, рыба, приправленная рукою и обложенная разрѣзанными яйцами, вымя подъ пикантнымъ соусомъ (*gagum, см. ниже*). Цена: барашекъ, пироги, бобы, цицленокъ и окорокъ. Десертъ: яблоки.

У Макробія сохранилась (*Saturn. III. 13*) карточка обѣда (*sena aditialis*), устроеннаго по случаю вступленія понтифика Лентула въ должность Марсова жреца (*flamen*) около 70 года до Р. Хр. Она заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

Закуска: морской ежъ, сырыя устрицы, ракушки двухъ сортовъ, дрожъ со спаржей, кормленая курица, рагу изъ устрицъ и ракушки, черные и бѣлые каштаны; потомъ опять ракушки и другія черепокожія, бекасы, лопатки козули и дикаго кабана, домашняя птица, жареная въ тѣстѣ, съѣдобная пурпуровая улитка.

Цена: свиное вымя, голова дикаго кабана, рагу изъ рыбъ, рагу изъ вымени, утки, дикія утки съ фрикассе, зайцы, жареная домашняя птица, мучное кушанье, пицентскіе сухари. О десертѣ Макробій ничего не говоритъ.

²⁾ Названіе это происходитъ отъ корзинокъ (*sportulae; spartium* родъ лыка), въ которыхъ подавались порціи. Когда при Нерояхъ вмѣсто кушаній стали раздавать деньги, то и для этихъ подарковъ осталось названіе *sportulae*.

лялись цензорами строгіе законы (въ теченіе 130 лѣтъ восемь разъ), но напрасно.

Изъ всѣхъ описаній римскихъ пировъ, какія только дошли до насъ, болѣе другихъ отличается точностью описаніе Трималхіонова пира, принадлежащее Петронію (Sat. 31—70). Описаніе это, хотя и заключаетъ въ себѣ много смѣшнаго и преувеличеннаго, но тѣмъ не менѣе оно вообще хорошо знакомитъ насъ какъ съ роскошью, такъ и съ застольными обычаями римскаго общества.

Трималхіонъ, происходя изъ незнатнаго рода, нажилъ вслѣдствіе стеченія различныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ огромное богатство, но сохранилъ прежнюю грубость и пошлость, которія видны во всѣхъ его дѣйствіяхъ. — Когда гости уже принялись за закуску, явился онъ, несомый рабами, въ столовую и усѣлся, противъ всѣхъ правилъ приличія, на первомъ мѣстѣ. Голова его была какъ-то странно закутана въ пурпуровое покрывало, шея обмотана множествомъ платковъ; подъ подбородкомъ привязана была салфетка¹⁾, украшенная пурпуровыми полосами и драгоцѣнной бахромой, а руки были обременены многочисленными кольцами и великолѣпными браслетами. На подставкѣ, назначенной для закуски, стоялъ осель изъ коринтской бронзы; съ боковъ его свѣшивались двѣ корзинки съ бѣлыми и черными маслинами; на спинѣ находились двѣ серебряныя мисы (на краяхъ которыхъ означено было имя Трималхіона и всѣ серебра); на нихъ лежали жареныя сони въ меду съ макомъ. На серебряномъ рашперѣ лежали теплыя колбасы, а подъ рашперомъ сирійскія сливы съ гранатовыми сѣмечками²⁾. Когда еще продолжалась закуска, принесена была на подносѣ корзинка, въ которой сидѣла деревянная курица съ оттопыренными какъ у насѣдки крыльями; при звукахъ музыки подошли два невольника, стали шарить въ гнѣздѣ и, доставая оттуда павлиньи яйца³⁾, раздавали ихъ гостямъ. Трималхіонъ, замѣтивъ это, сказалъ: „Друзья, я велѣлъ посадить курицу на павлиньи яйца и боюсь, что они уже насижены; но тѣмъ не менѣе, попробуемъ, можно ли ихъ еще употребить. За тѣмъ мы получили каждый по ложкѣ, вѣсомъ не менѣе полуфунта серебра, и стали разбивать яйца, сдѣланныя изъ гу-

1) Салфетки (шарра) гости обыкновенно приносили съ собою; столовыя скатерти (mantele, mantelium) вошли въ употребленіе только въ позднѣйшія времена, а именно впервые, кажется, при Гадриалѣ.

2) Похожія на горячій уголь.

3) Особенное лакомство того времени. См. ниже стр. 266 о птицеводствѣ.

стаго тѣста ¹⁾). Я чуть-чуть было не бросилъ свою порцію, такъ какъ мнѣ показалось, что въ яйлѣ уже есть цыпленокъ; но услыхавъ, какъ одинъ старый собутыльникъ сказалъ: „въ этомъ, должно быть, скрывается что нибудь хорошее,“ я сталъ далѣе осматривать скорлупу и нашелъ въ ней жирнаго бекаса въ желткѣ съ перцомъ. Когда всего этого отвѣдалъ и Трималхіонъ, и когда по его приказанію во второй разъ стали подавать *mulsum*, вдругъ музыка подала сигналъ и хоръ поющихъ невольниковъ быстро сталъ убирать посуду, на которой была подана закуска. При этой суматохѣ случайно упала на полъ серебряная тарелка, которую невольникъ и поднялъ. Замѣтивъ это, Трималхіонъ велѣлъ наказывать раба пощечиною и опять бросить тарелку. Вскорѣ послѣ того вошелъ въ столовую камердинеръ и вымелъ эту посуду вмѣстѣ съ другимъ соромъ. Затѣмъ явились два эіопскихъ длинноволосыхъ невольника съ небольшими мѣхами, похожихъ на тѣхъ, которые въ амфітеатрѣ кропятъ песокъ, и стали лить намъ на руки вино, такъ какъ воды намъ никто не подаль. ²⁾ Сейчас послѣ этого принесены были стеклянныя амфоры, весьма тщательно залитыя гипсомъ съ надписью наверху: „фалернское опиміанское столѣтнее.“ Послѣ небольшого промежутка, во время котораго серебряный автоматъ, представляющій человѣческой остовъ, напомнилъ пирующимъ о кратковременности жизни съ тою цѣлью, чтобы они тѣмъ усерднѣе пили, наступила собственно цена. Она началась рядомъ кушаній, отличавшихся новизной обстановки. На кругломъ подносѣ нарисованы были кругомъ знаки зодіака и надъ каждымъ изъ нихъ поставлено было распорядителемъ соответствующее знаку кушанье, напр. надъ знакомъ тельца — кусокъ говядины, надъ ракомъ — кружокъ раковъ, надъ львомъ — африканскія фиги, надъ стрѣльцомъ — заяцъ и т. д. Посрединѣ лежалъ кусокъ зеленого дерна, и на немъ медовый сотъ. Египетскій невольникъ разносилъ на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ, при чемъ громко пѣлъ пронзительнымъ голосомъ. Гости, по приглашенію Трималхіона, уже готовы были приняться за эти, мѣсколько простыя, по его мнѣнію, кушанья, какъ вдругъ, танцую подъ звуки музыки, подскочили четыре невольника, сняли верхнюю часть подноса и подъ нею на другомъ подносѣ оказалась домашняя птица, свиное вымя и заяцъ, съ крыльями на по-

¹⁾ Ложки съ остроконечной ручкой, см. стр. 145.

²⁾ Руки умывали передъ ѣдой и послѣ нея, по той причинѣ что подобно Грекамъ вылокъ не употребляли (См. стр. 249).

добіе пегаса. На углахъ изъ четырехъ фигуръ Марсіа сочился на рыбы, плававшія въ эвритѣ ¹⁾, приправленный перцемъ рыбный соусъ. Послѣ этого рабы вошли и стали завѣшивать диваны спереди коврами, которые затканы были узорами, изображавшими охотничьи тенета и охотниковъ, стоящихъ на сторожѣ съ кольями и другими охотничьими принадлежностями ²⁾. И прежде чѣмъ мы могли узнать, что все это значить, послышался извнѣ столовой страшный шумъ; въ залу вбѣжали спартанскія собаки и стали бѣгать около стола. Въ этотъ моментъ принесли доску, на которой лежалъ огромный кабанъ со шляпой на головѣ ³⁾; на его клыкахъ висѣли двѣ корзины, сплетенныя изъ пальмовыхъ вѣтвей, изъ которыхъ одна наполнена была финиками, а другая еванскими орѣхами. Чтобы разобрать кабана не явился прежній форшнейдеръ, а рослый, бородатый мужчина, одѣтый охотникомъ. Охотничьимъ ножомъ онъ разрѣзалъ бокъ вепря, и оттуда вылетѣли дрозды, которыхъ птицеловы ловили заранѣе приготовленными сѣтками.... Когда столы при звукахъ музыки были вытерты ⁴⁾, въ столовую приведены были три украшенныхъ повязками и колокольчиками вепря, изъ которыхъ одного *nomenciator* назвалъ двухлѣтнимъ, другого трехлѣтнимъ, а третьяго старикомъ. Тогда Трималхіонъ спросилъ: „какого изъ нихъ желаете немедленно видѣть на столѣ сжареннымъ?“ И не ожидая отвѣта, приказалъ повару заколотъ самаго старшаго изъ нихъ... За тѣмъ поваръ отвелъ это живое жаркое въ кухню и не много спустя принесенъ былъ на столъ вепрь, но гораздо ббльшій. И когда пирующие удивлялись такой быстротѣ, говоря, что даже пѣтухъ не могъ быть сваренъ въ столь короткое время, Трималхіонъ, всматриваясь внимательно въ вепря, сказалъ: „Что же это? вѣдь онъ не выпотрошенъ!“ Тогда поваръ взялъ ножъ, разрѣзалъ съ испуганнымъ видомъ его брюхо, откуда высыпалось множество колбасъ и карбонадовъ.... Вдругъ затрепещалъ потолокъ и столовая задрожала къ общему испугу гостей, ничего не предвидѣвшихъ; черезъ отверстие разступившагося потолка спускается огромный обручъ, увѣшанный

¹⁾ Это было углубленіе, идущее кругомъ по краямъ подноса, на подобіе эврипа въ циркѣ.

²⁾ Вѣроятно съ тѣмъ, чтобы все напоминало охоту. Эти ковры вѣшались внизу софъ въ видѣ занавѣсей. См. рис. 173, стр. 172.

³⁾ Подобно вольноотпущенному, потому что наканунѣ онъ остался нетронутымъ сытыми гостями.

⁴⁾ Это дѣлалось гавсапой, грубой косматой матеріей.

золотыми вѣнками и алебастровыми баночками, наполненными духами, изъ коихъ всякій могъ взять домой сколько угодно.

Послѣ этого Трималхіонъ приказалъ подавать десертъ. Поэтому невольники приняли всѣ столы и принесли другіе, посыпали полъ опилками, окрашенными шафраномъ и сурикомъ и порошкомъ изъ слюды. Для десерта поданы были дрозды съ начинкой изъ изюма и орѣховъ, гранаты, утыканные миндалями на подобіе шиповъ, тагъ что походили на ежей; за тѣмъ слѣдовало диковинное блюдо — на видъ откормленный гусь, а вокругъ него рыбы и птицы различныхъ породъ. Тогда сказалъ Трималхіонъ: „Все это приготовилъ мой поваръ изъ свинины, — если хочешь, то онъ тебѣ приготовитъ изъ солонины голубя, изъ окорока горлицу, изъ воловьей ноги курицу!“ — Въ это время вошли два невольника съ двумя глиняными кувшинами, ссорившіеся между собою. Негодуя на безстыдство пьяницъ, мы, всматриваясь, однакожъ замѣтили, говорить рассказчикъ, что изъ разбитыхъ кувшиновъ сыплются устрицы и ракушки, которыя ловилъ на блюдо другой невольникъ и подавалъ гостямъ. Въ то-же самое время поваръ принесъ дымившіяся улитки на серебряномъ рашперѣ . . . Наконецъ кудрявые мальчики, принеся въ котелѣ благоуханныя мази, стали мазать ноги гостей и, возложивши на ихъ головы вѣнки, подлили нѣсколько мази въ винныя сосуды и въ лампы. — —

Прибавимъ еще, что пиръ начинался молитвою, и что послѣ главной части пира на миссахъ (*patellae*) приносили ларамъ въ жертву кушанья, посыпанныя соленой мукой (*mola salsa*). Какъ изъ всего описанія пира видно, блюда не подавались каждое отдѣльно, а ставились на столъ на особыхъ подносахъ (*repositorium*) разомъ всѣ кушанья одной пережвы, при чемъ гостямъ прислуживали невольники. — О столовой мебели мы говорили уже выше.

Между кушаньями у Римлянъ первое мѣсто занимали рыбы, изъ которыхъ нѣкоторые роды теперь по большей части намъ уже не извѣстны, какъ *lacertus*, *maena*, *subium* (рыба соленая), *sepiola*, *lepas*, *mugilis* и *mullus minor* (барвена), которыхъ ловили въ довольно большомъ количествѣ; ихъ употребляли и менѣе богатые, большинство же родовъ рыбъ доступно было, по дороговизнѣ своей, только гастрономамъ. Самая рѣдкая и потому самая дорогая рыба была краснородка (*mullus barbatus*); четырефунтовая покупалась за 1000 сестерцій (50 руб.), а шестифунтовая уже за 5000 сестерцій (400 руб.); за ней слѣдуетъ извѣстная *mugaena* (морской угорь) изъ сицилійскаго пролива и изъ Тартесса; далѣе *rhombus* (кам-

бала), самый вкусный изъ окрестностей Равенны; менѣе цѣнились *conger* и *anguilla* (обыкновенный угорь), *lurus* (морская щука), самый вкусный изъ Тибра (*inter duos pontes*), куда онъ приходилъ изъ моря; *accipenser* или *elops* (вѣроятно осетръ), самый лучший былъ изъ окрестностей Родоса и считался въ болѣе древнія времена главнымъ украшеніемъ пира. Кромѣ рыбы любимымъ кушаньемъ служили черепокожія, напр. *murex* (съѣдобная улитка) изъ окрестностей Бай, *peloris* (родъ раковины), *echinus* (морской ежъ), *pecten* (гребень) и т. п.; дороже цѣнились ракушки (*cochleae*), которыя содержались въ особыхъ помѣщеніяхъ (*cochlearia*) и особенно устрицы (*ostreae*), уже тогда служившія главнымъ лакомствомъ для гастрономовъ; лучшія устрицы получались отъ цирцейскаго мыса и изъ Лукринскаго озера вблизи Бай, впоследствии привозились изъ Брундусія, Тарента, даже изъ Кизика и Британніи. Римскіе богачи, для того чтобы во всякое время имѣть достаточное количество рыбъ и черепокожихъ, съ большими издержками устраивали въ своихъ виллахъ водоемы и бассейны (*piscinae*, *vivaria piscium*, садки), куда по надобности проводилась вода или морская или прѣсная (*salsae et dulces aquae*). Первый, устроившій подобнаго рода бассейны, былъ Луцій Мурена; великолѣпные бассейны устроены были Лукулломъ, проводшимъ въ нихъ морскую воду черезъ гору; славилась также находившіяся при Баяхъ piscina Гортенсія, который до того занятъ былъ муренами, что смерть одной изъ нихъ горько оплакивалъ.¹⁾ Бассейны для искусственнаго разведенія устрицъ (*ostrearum vivaria*) первый, говорятъ, устроилъ гастрономъ Сергій Ората, а бассейны для ракушекъ Фульвій Лупинъ. Устрицы или употреблялись сырыя (*ostreae crudeae*), или же изъ нихъ готовилось особое кушанье (*patina ostrearum*).

Кромѣ свѣжихъ рыбъ употреблялись и соленныя, которыя подъ греческимъ названіемъ *τάριχος* доставлялись обыкновенно въ глиняныхъ сосудахъ въ Путеолы и Римъ изъ Понта и устьевъ русскихъ рѣкъ и отъ береговъ Испаніи и Сардиніи; солились преимущественно осетры и различные роды тунцевъ или тумаконъ. Соленая рыба употреблялась вообще какъ закуска (*gustatio*, *entrée*); поэтому она или приправлялась оливковымъ масломъ, уксусомъ, горчицей, или варилась въ винѣ и т. д.

¹⁾ То, что теперь въ развалинахъ селенія Bauli принимаютъ за piscinam, былъ безъ сомнѣнія бассейнъ прѣсной воды для питья, равно какъ и хорошо сохранявшаяся piscina въ сосѣднихъ Путеолахъ (Pozzuoli). См. стр. 96.

Наконецъ сюда принадлежать еще различныя сорты пикантныхъ соусовъ, называемыхъ вообще *garum* (*γάρον*). Настоящее *garum*, которое лучше всего приготовлялось въ Новомъ Кареагенѣ, дѣлалось изъ внутренностей макрели (*scomber*, по *Plin. Н. Н. XXXI. 94*), которыя клались въ сосуды и солились, или варились на умѣренномъ огнѣ до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ не образовывалась каша. Каша эта процѣживалась черезъ густое ситко; вытекшая черная жидкость называлась *garum* (*αἰμάτιον γάρον*), а густая оставшаяся въ ситѣ каша — *alec* (*alex*). Другого рода рыбный соусъ, приготовлявшійся подобнымъ образомъ изъ тумаковъ (*thynnus*), назывался *muria* (*ἄλιμη*)¹⁾, а осадка его — тоже *alec*. Въ домашнемъ хозяйствѣ *alec* приготовлялось изъ обыкновенныхъ рыбъ. *Garum* служило соусомъ для различныхъ кушаний и смѣшивалось еще съ виномъ, оливковымъ масломъ, уксусомъ или водою. Игра²⁾ не была совершенно неизвѣстна; но такъ какъ скорая доставка при тогдашнихъ неудобствахъ сообщенія по климатическимъ причинамъ была невозможна, то употребленіе ея не могло распространиться по Италіи.

Изъ птицъ на римскій столъ подавались даже такія, какія теперь совсѣмъ не употребляются въ пищу, какъ напр. павлинь, аистъ, красный гусь (*phoenicopterus*) и журавль; аистъ и журавль впрочемъ подавались на столъ еще и въ средніе вѣка. Гортенсій первый велѣлъ готовить для роскошнаго стола невкусныхъ, но за то весьма дорогихъ павлиновъ (павлинь стоилъ тогда болѣе 10 руб., яйца продавались по 1 руб. штука); его примѣру стали слѣдовать другіе, и въ числѣ ихъ даже умѣренный Цицеронъ. Позднѣйшіе гастрономы съ особеннымъ удовольствіемъ ѣли языки этихъ птицъ. Лакомыми блюдами считались также дрозды (*turdus*), продававшіеся во время Варрона по 3 динарія (ок. 60 коп.), бекасы (*ficedula*), куропатки (*perdix*), рябчики (*attagen*), черные дрозды (*merula*, *turdus*) и горлицы (*turtur*). Употреблялись въ пищу и пѣвчія птицы, впрочемъ весьма рѣдко, особенно въ до-императорскія времена, да и впослѣдствіи въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ теперь въ Италіи.

Изъ домашнихъ птицъ слѣдуетъ упомянуть прежде всего о фазанахъ (*phasianus*), которыхъ держали въ болѣе отдаленныхъ

¹⁾ *Muria* назывался также жертвенный разсолъ, употреблявшійся Весталками.

²⁾ *Τῶν ἰχθύων καὶ τὰρίχων αἶ* (Аелеей III. 93).

частяхъ дворовъ при загородныхъ домахъ ¹⁾ (*intra septa villae*), какъ нерѣдко дѣлается и теперь; ибо прирученіе ихъ нельзя было довести до такой степени, до какой оно доводилось по отношенію къ остальной дворовой птицѣ. Далѣе слѣдуютъ разнаго рода куры ²⁾: большія родосекія, нумидійскія или перловыя и др., затѣмъ утки, гуси (гусиная печенка, *iesur anseris*, уже тогда считалась лакомствомъ), голуби; послѣднихъ Римляне особенно любили. ³⁾ Какъ для рыбъ и черепокожихъ Римляне устраивали садки, такъ для домашней птицы они устраивали въ своихъ имѣніяхъ особыя курятники и клѣтки (*avium vivaria, aviaria, ornithones*), въ которыхъ держали не только обыкновенную домашнюю птицу и вышеупомянутыхъ фазановъ, но также и дикихъ птицъ, какъ-то: куропатокъ, перепеловъ, рябчиковъ, бекасовъ, сѣрыхъ и черныхъ дроздовъ и т. п. О томъ, какъ выгодно было такое содержаніе птицъ, можно судить по извѣстію Варрона (*R. R. III, 2. 15*), говорящаго, что изъ одной виллы продано въ теченіе года 5000 дроздовъ по 3 денарія (болѣе чѣмъ на 3000 руб.)! М. Авѣдій Лукронъ, который, по словамъ Колумеллы (*VIII. 11*), первый сталъ разводить павлиновъ, продавалъ ежегодно яицъ и птенцовъ на 60.000 сест., т. е. получалъ до 3000 руб. ежегоднаго дохода!

Изъ четвероногихъ животныхъ чаще всего лакомилась зайцами (*Mart. XIII. 92*), которыхъ разводили въ особыхъ звѣринцахъ (*leporarium*); затѣмъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, оленями, ланями и козулями. Далѣе упоминаются: кроликъ изъ Балеарскихъ острововъ, который до того иногда размножался тамъ, что уничтожалъ всю жатву (такъ случилось однажды при Августѣ), соя (*glis*), содержавшаяся въ особу для того устроенныхъ мѣстахъ (*gligarium*), затѣмъ барашекъ (самымъ вкуснымъ считался амбракійскій) и теленокъ (*assum vitulinum* — любимое кушанье Цицерона). Самымъ главнымъ кушаньемъ былъ дикій и домашній кабанъ, изъ котораго, по словамъ Плинія (*H. N. VIII. 51, 77*), приготовлялось до пятидесяти различныхъ блюдъ. На столъ богачей кабанъ подавался обыкновенно цѣлымъ, такъ же какъ и поросенокъ (*porcellus lactens*); приготовленіе его было различно и обходилось такъ дорого, что Марціалъ напр., боясь расходовъ на

¹⁾ Александръ Северъ держалъ даже на палатинскомъ холмѣ не только фазановъ, но и куропатокъ (*Ael. Lampr. Alex. S. 41*).

²⁾ О каллунѣ (*sapo*) упоминаетъ Марціалъ (*III. 58*) и другіе.

³⁾ Тотъ-же Александръ Северъ держалъ, говорятъ, на палатинскомъ холмѣ до 20.000 голубей (*Ael. Lampr. Alex. S. 41*).

приправы, пикантные соусы и фалернское вино, отослалъ назадъ полученнаго имъ въ даръ кабана (Mart. VII. 27). Самыми любимыми частями домашней свиньи были: вымя (*sumen porcæ*), задняя часть головы (*sinciput*), печень, которая, по свидѣтельству М. Апиція, отъ извѣстнаго способа кормленія получала особенную величину и пикантный вкусъ, желудокъ (*abdomen*) и окорока (*perna*, *petasio*, *petaso*, лучшіе изъ предъ-альпійской Галліи и изъ Испаніи)¹⁾. Бромъ того изъ потроховъ, при помощи пряныхъ кореньевъ, приготавливались разнаго рода колбасы (*farcimen*): кровяная (*botulus*), ливерная (*tomaculum*), которыя горячими разносились продавцами (Mart. I. 41, 9), какъ кажется, въ маленькихъ переносныхъ печкахъ, и наконецъ копченныя сосиски (*hillae*), привозившіяся въ Римъ изъ Луканіи и Галліи.

Изъ овощей болѣе другихъ употреблялись кочанный салатъ (*lactuca capitata*, Колумелла упоминаетъ пять сортовъ его), капуста обыкновенная (*olus*) и кудрявая (*brassica*, по Катону — лучшая зелень), съ большимъ успѣхомъ разводившаяся въ Ариціи, въ окрестностяхъ Кумъ и Помпей, рѣпа (*rapa*) и брюква (*pari*), приготавливаемая съ солью, горчицею и уксусомъ, артишоки (*cardui*), спаржа (*asparagi*, лучшая изъ Равенны), тыквы (*cucurbita*), арбузы и дыни (*melopepones*) съ уксусомъ и перцемъ, огурцы (*cucumeres*), шавель (*lapathus*, *rumex*), мальва (*malva*), чеснокъ, лукъ, порей (см. стр. 258.), мелкій лукъ (*porrum sectile*); изъ грибовъ (*fungi*): моховики (*fungi suilli*), бѣлые грибы (*boleti*), печерицы (*fungi pratenses*) и трюфели (*tubera*), за исключеніемъ черныхъ, которые неизвѣстны были Римлянамъ.

Стручковые плоды, составлявшіе главную пищу крестьянъ и вообще бѣдныхъ людей²⁾, употреблялись богатыми Римлянами только въ древнѣйшія времена республики; въ городахъ продавали (по 2 коп. за порцію) вареный горохъ (*cicer fervens*, *terpidum*) и волчій бобъ (*lupini*).

Изъ фруктовъ на римскій столъ подавались всѣ тѣ роды,

¹⁾ Изъ вымени и окорока съ примѣсью фазаньяго мяса и тонкаго печенья лакомка Элій Веръ сталъ впервые готовить рагу, получившее юмористическое названіе „*tetrapharmacopon* — четверное лекарство“ и составлявшее любимое кушанье Гадриана (Ael. Spart. Hadr. 21; Helius 5).

²⁾ Какъ и теперь еще въ Италіи, особ. въ южной части ея и на островахъ, гдѣ въ каждомъ трактирѣ за незначительныя деньги можно получить сколько угодно вареныхъ бобовъ; ихъ ѣдятъ даже самые бѣдные люди, заправляя винограднымъ мустомъ.

какіе давало тогдашнее садоводство (см. стр. 147), и кромѣ того маслины (*olivae*), и виноградъ, бывшіе предметомъ особенной заботливости; виноградъ подавался на столъ большею частью твердокожій (*duracinae*), а для этой цѣли оставляли его подолѣе на виноградной лозѣ, или же сушили на подобіе теперешняго малажскаго (*uvae marcentes*, Mart. V. 78); подавались еще финики (*palmulae*) изъ Сиріи и Египта и печеные каштаны (*castanae tostae*).

Полнаго рисунка римскаго пира, хотя всего болѣе можно было ожидать этого, не нашлось до сихъ поръ ни одного ни въ Помпеяхъ, ни въ другихъ мѣстахъ. За то нерѣдко встрѣчается между помпейскими и геркуланскими картинами жанръ, представляющій

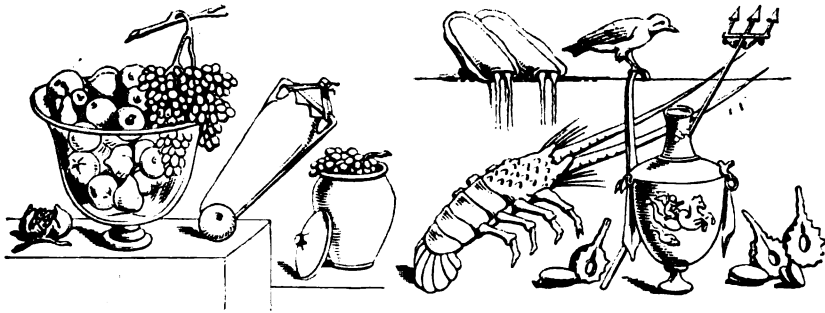

Рис. 317. Разные съѣстные припасы, по помпейскому изображенію.

въ живописныхъ группахъ разные съѣстные предметы. На такихъ картинахъ видны груши, яблоки, гранаты, фиги и виноградъ, часто въ стеклянныхъ сосудахъ, вареные фрукты, разные звѣри, рыбы, обыкновенныя изъ черепокожихъ и ракушекъ, хлѣбы, пирожки, овощи (спаржа!) и т. п. Для нагляднаго представленія этихъ предметовъ мы помещаемъ здѣсь рис. 317. и отсылаемъ читателя къ рис. 126., помещенному на стр. 126.

Изъ приправъ извѣстны были древнимъ: оливковое масло (*oleum*, лучшее изъ Венафра и Тарента), служившее не только приправою къ кушаньямъ (коровье масло, *butyrum*, употреблялось лишь въ видѣ лекарства), но и для приготовления впрокъ овощей; медъ (*mel*), лучшій изъ Аттики (гиметтскій) и Сициліи (гibleйскій), сыръ (*caseus*, напр. *lunensis*, въ видѣ большихъ хлѣбовъ, Mart. XIII. 30), соль, уксусъ и (нѣсколько поздыѣ) перецъ. Рано вошли въ употребленіе сѣмена нѣкоторыхъ домашнихъ растений, какъ-то: укропа (*anethum*), аниса (*anesum*), волошкаго

укропа, горчицы, кишнеца, маіорана (*origanum*); къ нимъ присоединились впослѣдствіи сельдерей (*apium*) и петрушка (*petroselinum*) изъ Македоніи, тминъ (*carum*) изъ Каріи, тимьянъ изъ Фракіи, а въ императорскія времена также индійскія коренья, какъ напр. инбирь (*zingiber*), корица (*cinnamomum*) и др. Кромѣ того Римляне умѣли готовить впрокъ разные фрукты и овощи (*condire, servare, conditura*), кладя ихъ въ глиняные сосуды и обвязывая кожей (*pelliculare*).

Печенье и лакомства. Римскіе хлѣбы были низки, съ надрѣзами на верхней сторонѣ, какъ это видно изъ рис. 318., представляющаго нѣсколько штукъ хлѣба, найденныхъ въ одной

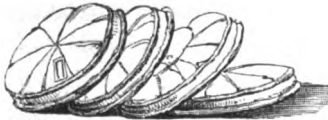

Рис. 318. Видъ хлѣбовъ, найденныхъ въ Помпеяхъ.

помпейской лавкѣ и имѣющихъ 8 дюймовъ въ діаметрѣ и два дюйма вышины. Лучшимъ сортомъ хлѣба считался пшеничный (*p. siligineus*) бѣлый (*candidus, mundus*) хлѣбъ; средній сортъ носилъ названіе *secundus, secundarius* (любимый хлѣбъ Августа, Suet.

76); черный ячменный хлѣбъ (*hordeaceus, furfurosus*) назывался плебейскимъ, грубымъ, солдатскимъ (*castrensis*). По способу печенія хлѣбъ назывался печнымъ (*furnaceus*), или подзольнымъ (*subcinerarius*, т. е. печеный подъ горячимъ пепломъ). Другіе роды хлѣба (какъ *clibanitius, speusticus, artopticus*) представляли собою разные виды нашихъ булокъ. *Panes Picentes* были, по всей вѣроятности, сухари, что можно заключить изъ эпиграммы Марціала XIII. 47.

Placentarii готовили многочисленные роды пирожнаго въ различныхъ, иногда весьма искусныхъ формахъ, какъ напр. въ видѣ поросятъ (*porcelli*), птицъ, комичныхъ фигуръ и т. п., употребляя при этомъ изюмъ, орѣхи, миндаль, медъ и т. п.; такое пирожное раздавалось гостямъ за столомъ и бралось ими въ видѣ гостинцевъ (*apophoreta*) домой. Это тонкое печенье, равно какъ и конфеты (*crustulum, dulcia*), готовили *lactarii, crustularii, libarii* и *dulciarii* (раз. *pistores*).

Римляне (вопреки греческому обычаю) не отдѣляли питья отъ ѣды, хотя и у нихъ собственно попойка начиналась только послѣ главной части обѣда, за десертомъ, или же поздно вечеромъ, отдѣльно отъ обѣденнаго стола; нерѣдко она происходила и не въ томъ домѣ, гдѣ былъ обѣдъ, а въ другомъ. Такая попойка называлась *comissatio* (отъ греч. *καμος*) и устраивалась совершенно

на греческій ладъ (græco more bibere, pergræcari), т. е. употреблялись при ней вѣнки (вошедшіе, впрочемъ, въ обычай только подъ конецъ 3 стол. до Р. Хр., и первоначально служившіе, какъ кажется, предохранительнымъ средствомъ отъ опьянѣнія) изъ зеленыхъ листьевъ (плюща, сельдерея) или фіалокъ, розъ и лилій, иногда также искусственные — изъ тонкихъ крашеныхъ роговыхъ лепестковъ (разные виды вѣнковъ см. на стр. 238), а также употреблялись и разныя благовонныя мази. Если попойка устраивалась въ складчину, то избирался магистръ или распорядитель (magister bibendi, arbiter bibendi, rex), обязанность котораго была у Грековъ и Римлянъ одинакова. Количество выпиваемаго вина опредѣлялось распорядителемъ при посредствѣ кіаовъ (см. стр. 182). При заздравныхъ тостахъ выпивали въ одинъ приѣмъ (propinare) не болѣе десяти такихъ кіаовъ; иногда выпивали столько кіаовъ, сколько буквъ заключало имя того, за чье здоровье провозглашался тостъ (nomen bibere). Тосты сопровождались словами: „bene tibi,“ „bene te,“ пили также за общее здоровье всѣхъ гостей (Plaut. Stich. V. 4. 27 [708]).

Прежнія застольныя забавы, какъ пѣніе пѣсенъ въ честь знаменитыхъ предковъ (Cic. Tusc. IV. 2, 3), со временемъ исчезли; даже умныя бесѣды сдѣлались рѣдкими; точно также чтеніе вслухъ стиховъ (*ἀκροάματα*) особыми чтецами или актерами (lector, lyristes, comoedus, Plin. Ep. IX. 17) подъ конецъ республики не вездѣ уже находило себѣ мѣсто. Въмѣсто всего этого мы встрѣчаемъ чувственныя забавы, доставляемыя пѣвцами и пѣвицами, музыкантами и танцовщицами (особ. испанскими), мимистами и фокусниками; а если ихъ не было, то играли въ кости. Объ этихъ забавахъ мы отчасти упомянули уже выше, говоря о греческомъ пирѣ (стр. 254), отчасти упомянемъ ниже, сказавъ прежде еще о напиткахъ.

Хотя у римскихъ писателей встрѣчаются названія различныхъ напитковъ, какъ: *zythum, samum, cerevisia* изъ пшеницы или ячменя и всякіе роды муста и меда (*cydoneum, hydromeli*), тѣмъ не менѣе Римляне и вообще Италійцы по преимуществу пили свое превосходное вино, предоставляя названные напитки тѣмъ странамъ, которыя ихъ приготовляли. Римляне, какъ и Греки, пили смѣшанное вино (*dilutum*); пить цѣльное вино (*merum bibere*) считалось великой неумѣренностью; даже питье мало смѣшаннаго вина (*meracius libere*) было неприлично. Вино смѣшивалось, какъ и у Грековъ, не только съ холодною водою (которую лѣтомъ охлаждали льдомъ), но и съ горячею, причѣмъ подмѣшивали медъ и пряности.

Последняя смесь — единственный горячий напиток Римлянъ — называлась *calda*, была въ большомъ употребленіи и приготовлялась въ особыхъ сосудахъ (см. стр. 185). Искусству приготовления вина научились Римляне у южно-италійскихъ Грековъ и скоро превзошли въ немъ своихъ учителей. Уже въ древности упоминается восемьдесятъ мѣстъ, доставлявшихъ отличное вино; изъ нихъ около шестидесяти находилось въ Италіи. Лучшія италійскія вина (по Плинію XIV. 6) были: сетинское, цекубское (до Нерона), далѣе фалернское, албанское, соррентское и массикское; затѣмъ слѣдовали: *panmartinum* изъ окрестностей Мессаны, *trifolinum* изъ Камнани; низшими сортами считались: темное ватиканское, веіентское и др. Изъ заморскихъ винъ (*transmarina*) Плиній (I. 1.) находитъ лучшими еасійское, хіосское, лесбійское, сикіонское и кипрское. Предъ разливкою вина въ сосуды для перевозки, сосуды эти вымывались морскою водою, и къ вину примѣшивалось нѣсколько воды. По цвѣту различалось бѣлое и красное вино (*album*, *atrum* и *russum*).

Старыя вина такъ высоко цѣнились, что иногда предпочитались молодымъ лучшимъ сортамъ. Само собою разумѣется, что покупщики часто бывали обманываемы. Молодое, не перебродившее вино называлось *mustum*, испорченное *varra*. Не смотря на такое разнообразіе винъ, римскіе бражники расточительныхъ императорскихъ временъ не довольствовались чистымъ виномъ; они подмѣшивали къ нему для пикантнаго вкуса и букета благовонныя и горькія вещества, какъ алоэ, розу, мирту, можжевелникъ, фіалку, лавровыя листья, полынь и т. п. (Ael. Lampr. Heliog. 19), даже жидкія масла, напр. нарды, мирру, или же пили вино изъ такихъ сосудовъ, въ которыхъ прежде находились упомянутые предметы.

Кромѣ того приготовлялись еще искусственныя вина (*vina fictitia*), которыя употреблялись главнымъ образомъ за завтракомъ (*prandium*) и за закускою. Сюда относятся: вино изъ сушеннаго винограда (*passum*), сваренные мусты (на $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{2}$, или на $\frac{1}{3}$) *defrutum*, *сагоenum*, *сара* (у Грековъ см. стр. 253), и вино изъ виноградныхъ выжимокъ, *lora*. Самымъ употребительнымъ изъ искусственныхъ винъ было вино медовое, *mulsum* (*οὐνόμελι*), темнокраснаго цвѣта; приготовленіе его было различное (Columella XII. 41). Брали для этого свѣжій лучшій мустъ (самотокъ) и медъ, или же фалернское или другое хорошее вино и медъ, и смѣшивали ихъ въ отношеніи 4 : 1. Нѣчто подобное представляло *melilites*. Напиткомъ рабовъ, а иногда также и солдатъ была вода, смѣшанная съ укусомъ (*posca*).

Кромѣ забавъ, упомянутыхъ при описаніи греческаго пира, игръ въ кости (*tesserae*) и бабки (*tali*), у Римлянъ были между прочимъ въ обичаѣ еще двѣ нѣсколько извѣстныя намъ игры, а именно: *ludus latrunculorum* ¹⁾ (*ad latrunculos ludere*) и *ludus duodecim scriptorum*. Первая нѣсколько похожа на нашу игру въ шахматы: каждый изъ двухъ играющихъ старался нанести поражение (*ad incitas redigere* = довести до состоянія неподвижности) своему противнику посредствомъ фигурокъ (числомъ ок. 30; онѣ назывались *mandrae*, пѣшки, и *latrones*, офицеры), передвигаемыхъ по клѣтчатой доскѣ на подобіе того, какъ это дѣлается при нашей шахматной игрѣ; побѣдитель дѣлался королемъ (*imperator*). Вторая изъ названныхъ игръ состояла въ слѣдующемъ: на доскѣ, раздѣленной двѣнадцатю параллельными линіями и одною поперечною на 24 поля, играли при помощи 15 бѣлыхъ и 15 черныхъ камешковъ, которые, смотря по удару костей, располагались (*dare calculum*) такъ, что изъ нихъ составлялась извѣстная фигура. Была еще забава, состоявшая въ метаніи жребіевъ (*sortes*); ее особенно любилъ Августъ. Пирующіе покупали за одинаковую (небольшую) цѣну запечатанные жребіи (*Suet. Aug. 75*), заключавшіе въ себѣ выигрыши большой и очень малой цѣнности. Примѣръ такой „лотереи“ приводитъ біографъ Геліогабала (*Ael. Lampr. 22*), указывая при этомъ на смѣшныя крайности жребіевъ, напр. десять верблюдовъ и десять мухъ; десять фунтовъ золота и десять яицъ и т. д.

Купанье.

52. Выше мы уже упомянули о томъ, что бани составляли существенную часть греческихъ гимназій (стр. 61), и что въ подобныхъ римскихъ постройкахъ, т. е. въ термахъ, онѣ заняли даже первое мѣсто. Но и помимо гимназій, въ каждомъ греческомъ городѣ были общія публичныя бани, доступныя за небольшую плату (*βαλανεία δημόσια*), однѣ для мужчинъ, другія для женщинъ; были также и частныя бани (*β. ιδιωτικά*) при домахъ богатыхъ людей.

Предпославъ это, мы расскажемъ по имѣющимся у насъ даннымъ о томъ, какъ пользовались съ древнѣйшихъ временъ Греки своими банями.

¹⁾ *Latrunculi* — dimin. отъ *latrones*, отъ греч. *λάτρον*, плата; отсюда *latrones* = наемные солдаты. Римляне понимали это слово иначе (*Ов. А. А. II. 206 sqq.*).

Въ героическія времена купанье было дѣломъ не ежедневной, а случайной, хотя и весьма важной, потребности или обмыться, или послѣ трудныхъ занятій или послѣ дороги отдохнуть отъ усталости; потому-то гостямъ прежде всего и предлагались ванны. Одни лишь изнѣженные Феаки купались ежедневно. Въ это время купались вообще только въ холодной и умѣренно-теплой водѣ, при чемъ теплая вода изъ котла лилась черезъ голову сидящаго въ холодной водѣ (Од. X. 360). Гомеровскіе герои и послѣ морскаго купанья берутъ дома ванны (Ил. X. 572). Послѣ купанья обыкновенно намазывались масломъ, иногда даже благовоннымъ.

Отъ этой простоты Спартанцы никогда не отступали; ихъ молодежь, купааясь ежедневно въ холодномъ Эвротѣ (*ψυχρολουτείν*), только нѣсколько разъ въ годъ могла брать домашнія ванны. Въ другихъ греческихъ общинахъ соблюдали эту простоту только люди, ведшіе болѣе суровый и простой образъ жизни, какъ напр. Сократъ въ Аѣнахъ, и соблюдали даже тогда, когда вошли во всеобщее употребленіе горячія и потовыя бани. Это, судя по тому, что уже Геродотъ говоритъ о потовой банѣ, какъ о дѣлѣ общеизвѣстномъ, называя ее просто греческою (IV. 75; ср. стр. 67), случилось не позже 6 столѣтія.

Греческія бани позднѣйшихъ временъ въ значительной степени отличались отъ римскихъ термъ не только по своему архитектурному устройству, но и по способу купанья, въ которомъ Греки до-императорскихъ временъ ¹⁾ обнаружили далеко не такую роскошь и утонченность, какъ Римляне. Въ аѣнскихъ баняхъ 5 и 4 столѣтій не было обширныхъ бассейновъ холодной и теплой воды для плаванія (*nataiones*), а были только простыя, обыкновенные круглыя чаны (*λουτήρες*, см. рис. 205.), водою изъ которыхъ окачивали и омывали тѣло (это подтверждается остатками пластическаго искусства), или большія ванны, въ которыхъ можно было сидѣть. Устройство потовой бани было тоже очень просто; сидѣли или лежали въ особыхъ, обыкновенно металлическихъ, отдѣленіяхъ, раздѣленныхъ одно отъ другого рѣшетками. Эти отдѣленія съ теплымъ воздухомъ устроены были на подобіе ваннъ и помещались въ зданіи съ круглыми сводами (*θόλος* и *κάμινος*), сверху снабженномъ закрывавшимся отверстіемъ (*ὀμφαλός*). Когда купающійся достаточно вспотѣлъ, тогда банщикъ (*βαλανεύς*) или его

¹⁾ Въ императорскія времена роскошь и утонченность въ этомъ случаѣ проникли также и въ Грецію, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Лукіанъ (*Hippias* с. 5).

помощники (*παραχῦται*) окачивали его голову холодною водою изъ шайки (*ἀφύταινα*). О томъ, что Грекамъ извѣстна была также дѣша (*κροννός*), можно судить по изображенію одной такой дѣши на вазѣ (см. Becker, Charikl. III. 77 и Saglio: Dictionnaire des Ant. Greques et R. 650).

Относительно другихъ удобствъ слѣдуетъ замѣтить, что въ этихъ обменовенныхъ аеинскихъ баняхъ еще въ 4 стол. не было ни особой раздѣвальной (какъ въ термахъ и гимназіяхъ), ни особаго гардеробщика, такъ что каждый купающійся долженъ былъ самъ заботиться о своемъ платьѣ; за то всякое воровство, совершенное въ этомъ мѣстѣ, наказывалось съ особенною жестокостью. Натиральня, конечно, составляла непремѣнную принадлежность каждой бани, ибо Греки никогда не оставляли бани не намазавши тѣла, по древнему обычаю, масломъ. Изъ умывальныхъ и косметическихъ средствъ (*δύμματα* и *τρίμματα*), употребляемыхъ въ баняхъ, упоминаются: щелокъ (*κονία*), алкали (*νίτρον, χαλαστραῖον*), валяльная глина (*ῤῥῆ κινωλία*), впоследствии также нѣкоторыя, впрочемъ неизвѣстныя, пасты (*σμήγματα*, особый родъ мыла). Естественное масло смѣшивалось въ позднѣйшее время (какъ у Римлянъ) съ различными духами. Всѣ эти предметы, равно какъ и утиральникъ, а въ случаѣ надобности также скребницу, посѣтитель носилъ съ собою, или же ими снабжалъ его банщикъ за умѣренную плату. Скребница (*στλεγγίς, ξύστρα, strigilis*) походила на римскую, разные виды которой представлены ниже на рис. 320.

Временемъ купанья, когда оно сдѣлалось ежедневною потребностью, было время передъ обѣдомъ (*δείπνον*). Лукіанъ называетъ еще и полуденное время (см. стр. 202); изнѣженные люди купались нѣсколько разъ въ день. Публичныя бани служили не только мѣстомъ купанья, но (особенно зимою, когда нѣкоторыя части ихъ отапливались) и пріютомъ для бѣдныхъ и разныхъ праздныхъ людей (которыхъ, однако, часто разгонялъ банщикъ); тогда онѣ становились мѣстомъ бесѣдъ, предметомъ которыхъ служили ежедневныя новости, и другихъ забавъ.

Кромѣ упомянутыхъ бань, Греки часто пользовались также цѣлебными водами, особенно теплыми (*ξέον ὕδωρ*), называвшимися вообще гераклеяскими (*Ἡράκλεια λουτρά*). Онѣ были или сѣрныя, или солено-сѣрныя, иногда также желѣзистыя¹⁾; кислыхъ

¹⁾ Германнъ (въ Hermann Gr. Alt. III² p. 14) и за нимъ Штаркъ (по Фидлеру) утверждаютъ, что Греція не имѣла желѣзистыхъ водъ; но новѣйшіе путеше-

водъ не было. Самыя знаменитыя сѣрныя теплыя воды находились въ Эдепсѣ на Эвбеѣ (противъ Ѳермопиль); онѣ имѣли для Грековъ императорскихъ временъ такое-же значеніе, какое Бани для Римлянъ. Плутархъ хвалитъ хорошее устройство этихъ теплицъ, изобиліе при нихъ сѣстныхъ припасовъ (въ особенности рыбъ и звѣрей), достаточное для публики, сходявшейся сюда со всѣхъ сторонъ для леченія или для забавы. Уже Сулла пользовался ими два раза, какъ средствомъ противъ подагры. Плиній говоритъ о свойствахъ этихъ водъ покрывать предметы известковою накипью (корочу). Второе по важности мѣсто занимали Ѳермопильскія воды (отъ которыхъ получили свое названіе Ѳермопилы); далѣе были теплыя воды въ Элидѣ и въ другихъ мѣстахъ. Наиболѣе изобиловала многочисленными горными источниками и великолѣпно устроенными купальнями Іонія, о чемъ свидѣлствуютъ Страбонъ и Павсаній.

Римляне считали купанье, какъ уже сказано, необходимою гигиеническою потребностью; поэтому бани уже рано составляли во всякомъ домашнемъ хозяйствѣ предметъ особенной заботы; въ деревенскихъ имѣніяхъ онѣ доступны были даже челяди. Эти домашнія бани (lavatrina) были во времена республики очень просты, даже, напр., бани въ виллѣ Сципіона, которыя, по словамъ Сенеки (Sen. Ep. 86), были „тѣсны, темны и вмѣсто оконъ имѣли, по старинному обычаю, лишь маленькія отверстія.“ Такою-же простотою отличались и публичныя бани (balnea, изъ греч. βαλανείον, v. publica) въ тѣ времена, когда эдилы сами наблюдали не только за порядкомъ въ нихъ, но и за температурою; ибо позволено было пользоваться, какъ кажется, только холодными и умѣренно-теплыми (а никакъ не горячими, какъ впоследствии) банями. Но эта простота временъ Катона и Фабія, о которой въ выше указанномъ мѣстѣ говоритъ Сенека, мало по малу уступила мѣсто богатству и роскоши; стали воздвигаться великолѣпныя термы, съ устройствомъ которыхъ мы познакомились выше. Въ императорскія же времена и на баняхъ отразилась чрезмѣрная роскошь: удовольствіе, получаемое въ нихъ, доведено было до крайней утонченности.

Такъ какъ архитектурное устройство бань извѣстно намъ изъ

стевеники нашли въ нынѣшнихъ эдепскихъ водахъ (Lipsos) много желѣза, которое вѣроятно было въ нихъ и въ древности. Этими водами пользуются еще и теперь, но самымъ первобытнымъ способомъ.

выше описанныхъ помпейскихъ и римскихъ термъ, то здѣсь достаточно будетъ упомянуть лишь о томъ, какъ Римляне пользовались банями. Со времени Агриппы, который первый завѣщалъ свои бани и соединенный съ ними паркъ въ даръ римскому народу, римскіе вельможи, въ особенности же высшія должностныя лица и императоры, старались пріобрѣсть и удержать расположеніе столичной толпы не только великолѣпными играми, состязаніями, звѣриными травлями и раздачею хлѣба и денегъ, но также и сооруженіемъ роскошныхъ бань, которыми публика могла пользоваться или бесплатно, или же за плату весьма незначительную. Такимъ образомъ скоро послѣ термъ Агриппы, которыя далеко не удовлетворяли общественнымъ потребностямъ, оба сына его (Гай и Луцій) соорудили новыя термы за Эсквилиномъ; еще болѣе великолѣпныя термы построилъ Неронъ недалеко отъ Панеона, позднѣе Титъ въ Каринахъ, а послѣ него строили термы Траянъ (рядомъ съ Титовыми), Коммодъ, Каракалла, Децій, Діоклетіанъ и наконецъ Константинъ. Такимъ образомъ въ началѣ 4 стол. по Р. Хр. было въ Римѣ десять большихъ публичныхъ термъ и кромѣ того нѣсколько сотъ (см. стр. 68) меньшихъ ¹⁾, въ томъ числѣ также много частныхъ, нерѣдко очень роскошныхъ, и такихъ, которыя отдавались въ наемъ (*balnea meritoria*); послѣднія, впрочемъ, не пользовались хорошою славою. Итакъ видно, что достаточно позаботились объ удовлетвореніи нуждъ полутора-милліоннаго ²⁾ населенія императорскаго Рима. Какъ было въ Римѣ, такъ было и въ другихъ римскихъ городахъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что постройки послѣднихъ не могли равняться съ императорскими сооруженіями въ Римѣ. Мы познакомились уже съ помпейскими термами, которыя устроены были для небольшого провинціального города довольно роскошно; сохранились остатки отъ термъ также и во многихъ другихъ провинціальныхъ городахъ, свидѣтельствующіе нерѣдко о большомъ ихъ великолѣпшіи.

Платою за входъ въ бани была $\frac{1}{4}$ асса (*quadrans*, т. е. $\frac{1}{40}$ денарія, на наши деньги ок. $\frac{1}{2}$ коп.), деньги дѣйствительно весьма незначительныя, даже для самаго бѣднаго человѣка. Это-то и послужило причиною, почему многіе купались чаще, чѣмъ было нужно.

Обыкновенно Римлянинъ купался одинъ разъ въ день

¹⁾ По „*Curiosum Urbis Romae*“ даже 952.

²⁾ *Becker-Marquardt* III. 1, 101.

въ то именно время, когда, окончивъ свои общественныя или частныя дѣла, онѣ шель обѣдать, т. е. около VIII—IX час. (по нашему 2—3 час. пополудни); если же обстоятельства позволяли, то купались также и предъ завтракомъ (prandium), ок. V (по нашему 10—11 утра). Гастрономы и люди изнѣженные купались предъ каждою ѣдою, а нѣкоторые, безъ всякой надобности, даже четыре раза и пять разъ въ день.

Такимъ образомъ термы открыты были ежедневно по меньшей мѣрѣ отъ V до X час. Но весьма возможно, что онѣ доступны были и раньше V^{го} часа (именно холодное отдѣленіе); послѣ же

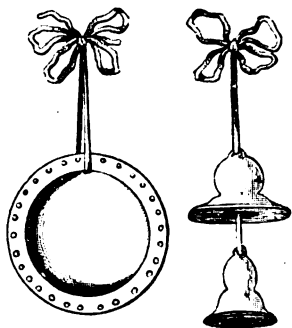

Рис. 319. Банные звонки, по старому рисунку.

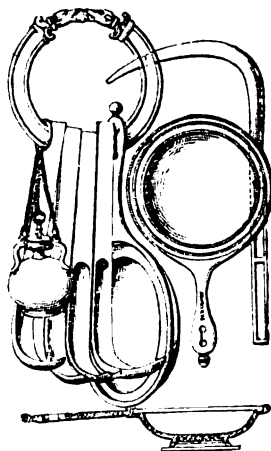

Рис. 320. Банная принадлежность, по ориг. въ Помпеяхъ.

X часа онѣ не оставались долго открытыми, по крайней мѣрѣ вечеромъ онѣ всегда были закрыты. Со времени императора Александра Севера (съ начала 3 стол. по Р. Хр.) термы открывались и освѣщались на нѣкоторое время также и ночью.

Чтобы ознакомиться съ жизнью въ термахъ, посмотримъ, что происходило въ нихъ во время купанья. Прежде чѣмъ подавался банный звонкомъ (aes thermaeum, рис. 319.) знакъ, что горячія и потовыя бани готовы, публика гуляла и развлекалась въ портникахъ, которыми снабжены были даже малыя термы (см. рис. 67. перистиль А съ экседрою f), или въ платановыхъ, сосновыхъ и кипарисныхъ садахъ, орошаемыхъ водометами (см. чертежъ термъ Каракаллы на рис. 72. G G G G); или же любовалась состоя-

заніями атлетовъ, происходившими то подъ открытымъ небомъ, то въ крытыхъ помѣщеніяхъ (см. рис. 72. RR), или, наконецъ, сама принимала участіе въ легкихъ, большею частью діететическихъ упражненіяхъ; гимнастическія упражненія дѣлали не только юноши (это, конечно, обычай императорскихъ временъ), но также и взрослые люди. Римляне не занимались гимнастикой въ такой мѣрѣ и такъ систематически, какъ Греки; они пользовались ею не болѣе какъ на столько, на сколько она укрѣпляла тѣло будущаго ратника или сообщала ему ловкость и твердую позитуру. Отсюда дѣлается яснымъ, почему въ состязаніяхъ, занимавшихъ въ греческихъ гимназіяхъ первое мѣсто, Римляне сами никогда не принимали участія, и почему такія гимнастическія состязанія, происходившія въ термахъ (гдѣ и устроены были для нихъ очень удобныя помѣщенія; см. стр. 71), или въ особыхъ стадіяхъ, не только удерживали названіе *ludi graeci*, но большею частью и происходили между греческими атлетами, о чемъ см. ниже *agon* въ Римѣ.

Изъ любимыхъ Римлянами упражненій въ термахъ самыми обыкновенными были: упражненіе съ гириями, фехтованье съ деревяннымъ мечомъ и тяжелымъ плетенымъ щитомъ противъ деревяннаго столба (*palus, stipes*), наконецъ игра въ мячъ, происходившія въ просторныхъ залахъ, такъ наз. сферистеріяхъ, которыми снабжены были не только всѣ римскія термы (см. стр. 71), но и частныя постройки римскихъ вельможъ въ деревняхъ (см. рис. 136. g). Игрою въ мячъ забавлялись даже мужи почтенные по своему возрасту и положенію; такъ напр. ее очень любили Катонъ Старшій, строгій понтификъ Сцевола, Августъ, Александръ Северъ и др. Поэтому не будетъ неумѣстно, если мы передадимъ здѣсь то, что намъ извѣстно объ этой игрѣ. Мячи (*pilae*) были или одноцвѣтные (зеленые, *prasinae*, синеватые, *vitreae* и т. д.), или сшитые изъ разноцвѣтныхъ кусковъ, притомъ или легкіе, наполненные воздухомъ — *folles* (баллоны), или тяжелые, набитые перьями — *raganicae* (деревенскіе); мячи обыкновенной величины назывались *pilae* по преимуществу. Играли въ подачку (*datatim ludere*), когда одинъ изъ играющихъ (*pilicreperus*) бросалъ мячъ вверхъ или вдаль, при чемъ другой ловилъ его и бросалъ назадъ; если же было трое играющихъ, то они становились треугольникомъ и быстро подавали мячъ первый второму, второй третьему и т. д.; эту игру называли *pila trigonalis*, или просто *trigon* и *trigonaria*. Играли еще въ подбивку (*expulsim*), при чемъ играющій рукой (кулакомъ или локтемъ) подбивалъ мячъ на лету, и въ подхватъ

(*gaptim*). Последняя игра состояла, какъ кажется, въ томъ, что подбрасывали вверхъ нѣсколько мячей, и каждый играющій долженъ былъ поймать одинъ изъ нихъ, откуда и греческое названіе этой игры *hagpastum*.

Какъ только раздавался выше упомянутый банный звонокъ, игры прекращались (*Redde pilam; sonat aes thermarum. Mart. XIV. 163*), и каждый отправлялся въ раздѣвальню (рис. 67. В и рис. 72. обѣ стороны при N), гдѣ при помощи особаго служителя (*capsarius*) или собственнаго раба раздѣвался и оставлялъ платье, а затѣмъ шелъ въ *tepidarium* (рис. 67. D) или (въ большихъ термахъ) въ особую натиральню, куда между тѣмъ рабъ приносилъ бѣлье (*lintea*) и банныя принадлежности (*instrumenta balneatoria*), чтобы ими или сейчасъ (если посѣтитель былъ потнымъ и хотѣлъ употребить холодную баню), или послѣ купанья въ холодной и теплой водѣ хорошо вытереть тѣло посѣтителя и намазать его масломъ. Принадлежности эти представлены на рис. 320., по оригиналамъ, найденнымъ въ помпейскихъ термахъ. На упругомъ бронзовомъ кольцѣ, соединяющемся посредствомъ двухъ змѣиныхъ головъ, грызущихъ яблоко, повѣшено нѣсколько штукъ уже не разъ упомянутыхъ скребницъ (*strigilis, στλεγγίς*), которыя употреблялись для очищенія тѣла отъ пыли и грязи послѣ состязанія, а также для натиранія кожи предъ купаньемъ; онѣ похожи на длинные серпы, имѣющіе на своей внутренней сторонѣ углубленія, въ которыя, если водили скребницы острую гранью по тѣлу, собиралась нечистота, и затѣмъ легко оттуда устранилась. Кромѣ того здѣсь на цѣпочкѣ виситъ выпуклый сосудъ для масла (*ampulla*) изъ бронзы; у богачей такой сосудъ былъ изъ стекла, алебаstra и золота. Наконецъ мы видимъ здѣсь плоскій сосудъ съ ручкою (онъ представленъ направо съ внутренней стороны, а внизу въ разрѣзѣ), при помощи котораго купающійся въ горячей банѣ (рис. 67. E и рис. 69.) обливалъ свое тѣло холодною водою изъ резервуара. Натираніе и намазываніе тѣла было дѣломъ или собственнаго раба, или баннаго служителя, такъ наз. *tractator'a* (натиральщикъ).

Кому изъ посѣтителей не нуженъ былъ отдыхъ, тотъ отправлялся изъ гардеробной прямо въ холодную баню (*frigidarium*), состоявшую въ малыхъ термахъ изъ небольшого бассейна съ холодною водою (какъ напр. въ помпейскихъ термахъ, рис. 67. С и рис. 68.), а въ большихъ термахъ изъ обширнаго бассейна, приспособленнаго для плаванія, откуда и названіе его — *natatio* (см. рис. 72. N). Кто же усталъ передъ тѣмъ отъ игры или другихъ

занятій, тотъ отдыхалъ предъ горячею или потовою банею въ тепидаріи.

Римлянинъ употреблялъ въ баняхъ, какъ уже сказано, много масла, главнымъ образомъ для того, чтобы уменьшить сильное потѣніе предъ горячею банею, или же прекратить его послѣ купанья; но эта цѣль сдѣлалась постороннею для римскихъ франтовъ, которые ощущали постоянную потребность въ благовонномъ маслѣ и благовонныхъ мазяхъ, надушая ими даже платье. Сенека жалуется (Ер. 86), что нѣкоторые избѣженные франты душатся два и три раза въ день, чтобы не потерять запаха. Были и такіе, которые наливали духи даже въ ванны, въ которыхъ купались. Изъ многочисленныхъ извѣстныхъ Римлянамъ родовъ духовъ дороже всего цѣнилось нардовое (*nardinum*) и шафрановое (*crocinum*) масло. Были въ ходу также душистые конфеты или пилюли, употреблявшіяся для того, чтобы придать дыханію пріятный запахъ. Мыло (*sapo*), галльское изобрѣтеніе, вошло въ употребленіе въ Римѣ лишь въ 1 стол. по Р. Хр.; передъ тѣмъ (а бѣдные также и послѣ) употребляли при мытьѣ бобовую муку (*lomentum*); кромѣ того извѣстны были разнаго рода пасты (*smegma*). Для крашенія волосъ служила уже упомянутая (стр. 234) батавская щелочь; волосы на тѣлѣ сводили посредствомъ венецкой глины „*lutum venetum*.“ Всѣ эти косметическія средства въ изобиліи продавались въ самыхъ термахъ особыми парфюмерами (*unguentarii*, *myrporolae*), имѣвшими здѣсь свои лавки.

О томъ, что римскія термы въ достаточной мѣрѣ снабжены были всѣми средствами для духовныхъ развлеченій, сказано уже выше (на стр. 64); если къ этому прибавимъ, что въ такой-же мѣрѣ заботились и объ удовлетвореніи тѣлесныхъ потребностей, ѣдѣ и питьѣ, разные кондиторы, пекари, винопродавцы и трактирщики, а также кругомъ ходящіе разношники, которые, на распѣвъ, восхваляли свои товары и предлагали ихъ посѣтителямъ, — то не останется уже ничего, чѣмъ могли бы мы пополнить представляемую нами картину жизни въ римскихъ термахъ.

Римскіе богачи пользовались публичными термами, конечно, только рѣдко (исключая случая, о которомъ упоминаетъ Plin. Ер. II. 17, 36), имѣя большею частью свои собственныя бани, устроенныя со всѣмъ комфортомъ и великолѣпіемъ въ домахъ и въ виллахъ (см. стр. 133 и 144). Сенека порицаетъ (Ер. 86) роскошь, которая въ императорскія времена сдѣлалась обыкновенною въ этого рода постройкахъ, говоря, что въ его время „во избѣжаніе прослыть

бѣднымъ, никто не строитъ бань иначе, какъ со стѣнами, выложенными александрійскимъ и нумидійскимъ мраморомъ, съ помостомъ, украшеннымъ мозаической живописью, съ бассейнами, выложенными египетскимъ мраморомъ — явленіе нѣкогда рѣдкое даже въ храмахъ — и съ серебряными богатыми кранами. А что скажемъ, говоритъ онъ далѣе, про термы вольноотпущенниковъ? Сколько тутъ статуй, сколько колоннъ, ничего не подпирающихъ, а поставленныхъ только для украшенія, изъ одной лишь роскоши! Какія тутъ массы воды, съ шумомъ текущей по ступенямъ!“ Мало того, римскія избѣженныя дамы, по словамъ Плинія, имѣли бани, выложенныя даже серебромъ!

Римляне въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ Греки, пользовались минеральными водами, теплыми и холодными, найдяши-мися въ Италіи въ большомъ количествѣ. Самыми любимыми водами богатыхъ Римлянъ были байскія, процвѣтавшія уже въ концѣ республики. Вода байскихъ теплицъ была сѣрная, мутная, бѣловатая (*albulae calidae*); ею пользовались, по словамъ Светонія (Aug. 82), такимъ-же образомъ, какъ и холодною морскою водою, „*periculum causa*.“ Она содержала въ себѣ въ разныхъ мѣстахъ (по Плинію Н. N. XXXI. 2, 2) сѣру, соль, селитру, натръ и т. д.

Любимыми банями были также паровыя сѣрныя бани, которыми Римляне пользовались или тутъ-же на мѣстѣ, въ пещерахъ (одна такая естественная паровая баня находится напр. близъ дороги, недалеко отъ байскихъ развалинъ, и называется тамошними жителями „*bagno di Negone*“; Неаполитанцы пользуются ею до сихъ поръ), или же проводили паръ въ банныя постройки посредствомъ трубъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что Римляне посѣщали Бани и ихъ окрестности не только изъ-за теплицъ и морскаго купанья, но также ради забавы и развлечения; ибо все побережье отъ Мисена и Путеоль до Неаполя и отсюда вдоль бухты до Соррента, отличаясь предестнымъ мѣстоположеніемъ, славилось кромѣ того необыкновенною умѣренностью климата; поэтому собирались сюда и поселялись въ этихъ мѣстахъ римскіе вельможи, воздвигая здѣсь великолѣпныя виллы (см. стр. 140), а за ними проникло сюда все то, чѣмъ изобилуютъ нынѣшніе большіе города съ цѣлебными водами. Благодаря всему этому Бани сдѣлались средоточіемъ крайней роскоши и расточительности.

Кромѣ байскихъ водъ, упоминаются подобныя воды еще и въ другихъ мѣстахъ Кампаніи, напр. въ Неаполѣ, въ Синуэссѣ и т. д. Были такія воды и въ остальной Италіи, напр. въ южной Этруріи близъ города Caere (*Phoebi vada*), въ Клуцин (холодныя — *aquae*

Clusinae), въ долині рѣки Клитумна (Plin. Ep. VIII. 8), въ Габіяхъ близъ Рима (холодныя сѣрныя для нитя и купанья, Strab. V. 3; ср. Hor. Epist. I. 15, 9) и въ другихъ мѣстахъ.

Внѣ Италіи извѣстны были (въ императорскія времена) теплыя минеральныя источники во всѣхъ странахъ римской имперіи, напр. на Рейнѣ — *Aquae Mattiacae* (Wiesbaden), *aquae Aureliae* (Baden-Baden), и много другихъ даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ, какъ напр. *aquae Tibilitanae* у подошвы горы Атланта въ Африкѣ и *aquae Herculis* близъ Мегадіи въ Трансильваніи.

IV. Семья и ея члены.

Бракъ и положеніе женщины у Грековъ.

53. Въ героическое время, какъ изображаетъ его *Гомеръ*, родители ищутъ жениха для дочери, и послѣдняя подчиняется ихъ волѣ, обыкновенно даже и не зная своего будущаго супруга. Болѣе свободы при выборѣ жены предоставляется жениху, но и онъ иногда получаетъ ее по выбору родителей. Первой заботой жениха (*νυμφίος*) было расположить къ себѣ подарками родителей невесты и ея родственниковъ. Онъ давалъ за невесту (*νύμφη*) (по общему восточному обычаю) свадебныя дары (*ἔδνα*), и такимъ образомъ какъ бы покупалъ ее; дары эти, смотря по состоянію жениха, были то больше, то меньше. Ифидамантъ (Ил. XI. 244) напр. далъ за жену 100 быковъ и 1000 овецъ и козъ. Впрочемъ женихъ могъ достигъ той-же цѣли и благодаря личнымъ качествамъ, какъ напр. храбрости. Съ другой стороны обычай требовалъ, чтобы и родители невесты снаряжали дочь приличнымъ приданымъ (тоже называвшимся *ἔδνα*).

День свадьбы праздновался пиромъ, главнымъ образомъ на счетъ жениха. Невѣста, одѣтая въ самыя лучшія одежды, принимала вмѣстѣ съ своими подругами участіе въ этомъ пирѣ и дарила жениха и его друга платьемъ, которое она еще до замужества приготовила для этой цѣли (Од. VI. 28); за пиромъ слѣдовали танцы, пѣніе и музыка. Вечеромъ при свѣтѣ факеловъ женихъ въ сопровожденіи друзей и другихъ молодыхъ людей, которые пѣли свадебныя пѣсни (*ὕμναιος*) и устраивали веселыя танцы,

отводилъ невѣсту въ домъ своихъ родителей, или вообще въ тотъ домъ, гдѣ онъ располагалъ жить съ женой и будущимъ семействомъ; невѣста была въ это время подъ покрываломъ ¹⁾. Иногда женихъ оставался на житѣе и у родителей невѣсты, если у нихъ не было собственныхъ сыновей.

Даже въ *позднѣйшія времена* браку не предшествовало непременно знакомство молодыхъ людей (хотя бывало и иначе), и онъ заключался по волѣ родителей. Взглядъ древнихъ на бракъ былъ лишенъ всякаго романтизма. Главнымъ образомъ имѣлось въ виду равенство общественнаго и имущественнаго положенія. Въ Атикѣ, по крайней мѣрѣ, только бракъ между гражданиномъ (*ἀστός*) и гражданкой (*ἀστική*) считался вполне законнымъ; напротивъ бракъ иностранца (*ξένος*) или иностранки (*ξένη*) съ аттической гражданкой или гражданиномъ не получалъ санкціи закона, и дѣти отъ такого брака считались незаконнорожденными (*νόθοι*).

Обрученіе (*ἐγγύσις*) происходило на основаніи договора (*ἐγγύη*), въ которомъ точно опредѣлялось приданое невѣсты, (*προίξ, φερνή*), состоявшее частью въ наличномъ капиталѣ, частью въ платьѣ и драгоценностяхъ, частью въ рабахъ, и имѣвшее цѣну по крайней мѣрѣ десятой части имѣнія ея отца; въ случаѣ развода мужъ долженъ былъ возвратить приданое въ цѣлости родителямъ невѣсты, и потому съ своей стороны при заключеніи брака обезпечивалъ его своимъ имѣніемъ. Приданое, которое, какъ мы видѣли, не требовалось непременно въ героическій періодъ, стало необходимою во времена позднѣйшія (уже до Солона), такъ какъ положеніе жены, не принесшей приданого, не считалось у Аѳинянъ обезпеченнымъ, почему случалось нерѣдко, что аѳинская община, или нѣсколько богатыхъ гражданъ, сложившись, давали приданое дочерямъ мужей, оказавшихъ услуги отечеству. Но съ другой стороны и жениться на богатой было неудобно, потому что въ такомъ случаѣ мужъ легко дѣлался зависимымъ отъ жены въ домашней жизни; поэтому былъ обычай жениться на ровнѣ (*γαμεῖν ἐκ τῶν ὁμοίων*).

¹⁾ Обычай этотъ имѣетъ очень древнее происхожденіе; на востокѣ мы встрѣчаемся съ нимъ съ незапамятнаго времени до настоящаго; такъ было и у древнихъ Грековъ и Римлянъ. На древность его ясно указываетъ и этимологія словъ *νόθος*, *nupta*, т. е. закрытая покрываломъ. Что такъ было и въ славянской древности, видно изъ этимологіи слова невѣста, т. е. невѣдомая; ибо и у нашихъ предковъ женихъ вводилъ невѣсту закрытою покрываломъ изъ отцовскаго дома и не зналъ ея прежде.

Возрастъ брачущихся не опредѣлялся греческими законами; но, кажется, дѣвушки не выходили за-мужъ ранѣе 15, а молодые люди не женились ранѣе 20 лѣтъ. Хотя Платонъ (и прежде его уже Гесіодъ) требоваль тридцатилѣтняго возраста для жениха и шестнадцатилѣтняго для невѣсты (Legg. VI. 785 b); но по аттическому обычаю дѣвицы весьма рано выходили за-мужъ и за людей не очень молодыхъ.

По смерти мужа жена могла вступить въ новый бракъ; но долгое вдовство пользовалось почетомъ. Иногда и послѣдняя воля умирающаго назначала женѣ будущаго мужа.

Разводъ дозволялся только по уважительнымъ причинамъ, при чемъ мужъ могъ отослать отъ себя (*ἐκπέμπειν, ἔκπεμψις*) жену, а жена оставить (*ἀπολείπειν, ἀπόλειψις*) мужа. Однако это было предосудительно для мужа и еще болѣе для жены.

Свадьба, происходившая въ Атикѣ обыкновенно въ свадебный мѣсяцъ гамеліонъ (зимой), посвященный Герѣ, или по крайней мѣрѣ при полнолуніи, начиналась жертвоприношеніями и очистительными обрядами. Изъ первыхъ главнѣйшими были тѣ, которыя отецъ невѣсты совершалъ въ честь Зевса Совершителя (*Ζεὺς τέλειος*), Геры Совершительницы (*Ἥρα τελεία*) и Артемиды, а также и другихъ божествъ, покровительствующихъ юности, особенно нимфъ. Эти жертвоприношенія (*προγάμια, προτέλεια*) совершались съ различными символическими обрядами утромъ въ день свадьбы. Послѣ нихъ совершалось брачное омовеніе, для котораго вода бралась изъ близкихъ рѣкъ и источниковъ, въ Аѳинахъ изъ источника Калпирон (*Ἐννεάκρονος*).

Потомъ въ домѣ невѣсты, который внутри и снаружи былъ украшенъ зеленью (лавровыми и масличными вѣтвями), на счетъ ея родителей, справлялся свадебный пиръ (*θοῖνη γαμική, γαμοδαΐσια*); на немъ были родственники и гости обоихъ половъ. Невѣста подъ покрываломъ сидѣла среди женщинъ (Luc. Symp. с. 8).

Вечеромъ женихъ въ бѣлой одеждѣ и съ вѣнкомъ на головѣ (какъ и его друзья) отводилъ невѣсту, которая была одѣта въ самое дорогое платье, домой, или пѣшкомъ, или же, если можно было, отвозилъ ее въ колесницѣ, запряженной мулами или ослами (иногда и лошадьми). Подъ звуки кларнетовъ и киваръ пѣлась свадебная пѣсня (*ὕμναιος*), и женихъ, взявъ къ себѣ въ колесницу невѣсту вмѣстѣ съ шаферомъ (*παρανύμφιος*), медленно ѣхалъ домой; за колесницею шла мать невѣсты съ факеломъ, зажженнымъ на домашнемъ очагѣ. — Передъ дверьми женихова дома, который

также былъ украшенъ вѣтвями и вѣнками, ожидала невѣсту, съ факеломъ въ рукѣ, будущая свекровь и вводила ее въ домъ (Eug. Med. 1027). При этомъ употреблялись нѣкоторые символическіе обряды, именно: невѣста (очевидно въ знакъ ея будущихъ домашнихъ занятій) несла сковороду (*φύρετρον*) и сито (*κόσμιον*); и какъ у насъ иногда въ новобрачныхъ бросаютъ овсомъ и просомъ, такъ у Грековъ невѣсту осыпали въ новомъ домѣ градомъ лакомствъ. Этотъ обрядъ имѣлъ тотъ смыслъ, что невѣсту признавали членомъ семьи и участницею домашняго очага. Въ Беотіи сжигали дышло у свадебной колесницы какъ бы для того, чтобы невѣста не ушла отъ жениха. Свадебный пирогъ (изъ сесама и меду), который ѣли новобрачные и гости, и айва имѣли также символическое значеніе, а подобнымъ образомъ и нѣкоторые другіе обычаи и обряды.

Не смотря на то, что заключеніе брака основывалось на нѣкотораго рода торгѣ, тѣмъ не менѣе въ семьѣ героическаго періода царствовало равенство обоихъ супруговъ; ихъ раздѣляли только законъ природы и различіе занятій. Супружество, какъ видно вездѣ изъ пѣсень Гомера, находится подъ покровительствомъ боговъ; они счастливаютъ жизнь супруговъ и благословляютъ ихъ потомствомъ. Вотъ какими красками поэтъ рисуетъ идеаль семейной жизни:

— — Несказанное тамъ водворяется счастье,
Гдѣ единодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,
Мужъ и жена.

(Од. VI. 182—4).

Образецъ совершенныхъ супружескихъ отношеній поэтъ рельефно представилъ въ Гекторѣ и Андромахѣ, Одиссеѣ и Пенелопѣ и т. п. О взаимной любви супруговъ говорятъ и слова, которыя Гомеръ влагаетъ въ уста Ахиллеса (Ил. IX. 342), что „каждый разумный мужъ любитъ и бережетъ свою жену.“ И едвали можетъ быть что нибудь возвышеннѣе тѣхъ словъ, которыя произноситъ Гекторъ при разлукѣ съ Андромахой (Ил. VI. 450—5):

Но, не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
Трои, Пріама родителя, матери дряхлой Гекубы,
Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
Кои лягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
Сколько твое! — какъ тебя Аргивлянинъ мѣдью покрытый
Слезы лиющую, въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу.

Какъ у нашихъ предковъ въ древнее время главнымъ занятіемъ жены было ткать, прядь и одѣвать семейство, и какъ это до сихъ поръ бываетъ у народовъ, стоящихъ на низшей степени развитія, — такъ и Гомеръ занятія женщины рисуетъ слѣдующими словами Гектора къ Андромахѣ:

Шестуй, любезная, въ домъ; озаботься своими дѣлами;
Тканьемъ, пражей займись, приказывай женамъ домашнимъ
Дѣло свое исправлять.

(Ил. VI. 490—3).

За такими-же работами мы находимъ и царскую дочь Андромаху, жену троянскаго царевича:

Ткала одежду она въ отдаленнѣйшемъ теремѣ дома,
Яркую ткань, и цвѣтныя по ней разсыпала узоры.

(Ил. XXII. 440 сл.)

Подобнымъ образомъ ея прекрасная невѣстка, Гелена „въ кругѣ сидѣла домашнихъ женъ руководѣльницъ, и славныя имъ назначала работы“ (Ил. VI. 324) и сама вмѣстѣ съ ними прядла шерсть.

Это занятіе не менѣе тѣлесной красоты украшаетъ женщину и доставляетъ ей почетъ (Ил. I, 115). О необыкновенной ловкости греческихъ женщинъ въ этихъ работахъ мы опять узнаемъ изъ Гомера, который такъ воспѣваетъ Гелену, ткавшую на большомъ станѣ:

Свѣтлый двускладный (ткала) покровъ, образуя въ ономъ сраженія,
Подвиги коихъ Троянъ и мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ.

(Ил. III. 125—6).

Нечего удивляться тому, что эти занятія были почетны даже для рукъ царевенъ, если сама богиня Афина, „своими руками сработала пышно узорный покровъ“ (Ил. V. 734 сл.). Эта богиня была самою главною покровительницей женскихъ работъ. Къ послѣднимъ, кромѣ пряденья и тканья, принадлежали также чистка и стирка платья (Ил. XXII. 157), чѣмъ занимались даже и женщины царскаго рода, какъ напр. Навсикая (Од. VI. 25, 86). Кромѣ того обязанностью жены было смотрѣть за дѣтьми и готовить для нихъ незатѣйливыя кушанья того времени, въ чемъ, если она имѣла большое семейство, помогали ей слуги.

Описанный кругъ занятій женщина не оставляетъ и въ позднѣйшія времена. Въ Атикѣ на рукахъ жены все хозяйство:

она заботится о дѣтяхъ, прядеть, тчетъ, приготовляетъ пищу и наконецъ, въ случаѣ болѣзни, ухаживаетъ за мужемъ, дѣтьми и рабами. Конечно въ богатыхъ семьяхъ жена не лично занималась всѣмъ этимъ, а только наблюдала за рабынями и рабами. Такимъ образомъ заботы по дѣламъ хозяйства большею частью лежали на женѣ, тогда какъ мужъ весь свой досугъ посвящалъ государственнымъ дѣламъ.

Итакъ прославленное Гомеромъ искусство женщинъ въ рукодѣльяхъ мы находимъ и въ Аттікѣ; доказательствомъ этому можетъ служить та знаменитая одежда богини Аѣины (*πέπλος*), которую въ каждый пятый годъ общество знатныхъ аѣинскихъ женщинъ дѣлало для статуи богини въ Парѣенонѣ, и на которой изображались сраженія боговъ съ Гигантами и портреты гражданъ, оказавшихъ особенныя услуги отечеству. Въ подобную же искусно сотканную одежду женщины одѣвали въ Олимпіи статую Геры, а въ Аргосѣ статуи Геры и Артемиды, которыя, такъ-же какъ и Аѣина, считались покровительницами женскихъ работъ и домашняго хозяйства; поэтому пластическое искусство и изображало ихъ нерѣдко съ веретеномъ, очевидно слѣдуя въ этомъ поэтамъ, которые придаютъ этимъ богинямъ эпитетъ „съ золотымъ веретеномъ“ (*χρυσήλακτος*), ясно указывающій на отношеніе этихъ богинь къ женскому рукодѣлію. (О пряденіи и тканіи см. стр. 227).

Греческія и именно аттическія понятія о приличіи не дозволяли хозяйкѣ, даже въ присутствіи мужа, быть за столомъ съ гостями и участвовать въ разговорѣ, хотя въ другое время она могла быть вмѣстѣ съ дѣтьми и мужемъ въ переднемъ отдѣленіи дома (см. стр. 104). Выходить изъ дому женщина не смѣла, развѣ только въ дни извѣстныхъ торжествъ и процессій, на представленія трагедій (рѣдко комедій) и на похороны близкихъ родственниковъ; но и въ этихъ случаяхъ знатныхъ женщинъ сопровождали служанки. Послѣдствія такой полузатворнической и неподвижной жизни конечно должны были сказываться на свѣжести и красотѣ женщинъ, и этому приходилось помогать румянами и бѣлилами (см. стр. 243). Само собою разумѣется, что положеніе женщинъ бѣднаго класса было гораздо свободнѣе, какъ это видимъ и теперь на востокѣ; тѣмъ не менѣе удаленіе отъ общественной жизни аѣинскихъ женщинъ нельзя никакъ ставить на одну доску съ гаремнымъ затворничествомъ. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что, при многихъ исключеніяхъ въ хорошую сторону, положеніе женщины въ обществѣ въ позднѣй-

шія времена было гораздо стѣсненнѣе, чѣмъ въ древнѣйшія, о которыхъ мы знаемъ изъ поэмъ Гомера. Причиною этого было, конечно, то, что воспитаніе женщины оставалось почти постоянно въ первобытной простотѣ, между тѣмъ какъ мужчина уже съ дѣтства становился участникомъ того прогресса, къ которому давали толчекъ взаимныя сношенія и дѣятельная политическая жизнь. Такимъ образомъ, именно во время полнаго разцвѣта политической и интеллектуальной жизни произошла чувствительная разница въ положеніи обоехъ половъ, довольно печальная по своимъ послѣдствіямъ.

Положеніе женщины въ Спартѣ (по причинамъ, которыхъ мы коснемся ниже въ статьѣ о воспитаніи) было свободнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь въ Греціи. Эта свобода слишкомъ ярко сказывалась и на одеждѣ Спартанокъ, за что онѣ и подвергались порицанію со стороны другихъ греческихъ женщинъ. Не смотря на это, стройный станъ и бодрый видъ спартанскихъ женщинъ признавались повсюду въ Греціи; отсюда видно, что этимъ преимуществамъ придавалось Греками дѣйствительное и большое значеніе.

Замѣтивъ выше, что относительно положенія женщины были счастливыя исключенія, свидѣтельствующія о болѣе свободномъ и отрадномъ положеніи ея въ домашней жизни, мы не можемъ не представить здѣсь интересной картины того, какъ мужъ могъ иногда руководить дальнѣйшимъ развитіемъ молодой неопытной жены.

Молодой почтенный Афинянинъ Исхомахъ женился на дѣвупкѣ изъ зажиточнаго семейства, которой едва минуло 15 лѣтъ. Она хорошо была знакома и съ кухней и съ женскими работами, но притомъ была проста и неопытна. Поэтому Исхомахъ рѣшился образовать молодую жену такъ, чтобы она могла быть достойною хозяйкою дома. Для достиженія успѣха въ задуманномъ дѣлѣ, онъ вмѣстѣ съ нею принесть жертву богамъ и потомъ началъ объяснять ей, что ихъ общая обязанность — всѣми силами беречь и увеличивать то имущество, которое составляетъ ихъ общее достояніе.

„Какимъ же образомъ я могла бы помогать тебѣ въ этомъ? Что я могу дѣлать? Вѣдь все въ твоихъ рукахъ. Мое дѣло, говорила мнѣ мать моя, быть вѣрною тебѣ и благоразумной.“

„Но вѣдь то-же самое и мнѣ говорилъ мой отецъ,“ сказалъ Исхомахъ: „но я думаю, что обязанность умнаго мужа и умной жены — какъ можно лучше распорядиться тѣмъ имуществомъ, которое есть у нихъ, и потомъ честно стараться о приобрѣтеніи другого.“

„Итакъ, что по твоему мнѣнію должна я дѣлать, чтобы увеличить его?“

„Старайся какъ можно лучше дѣлать то, къ чему боги дали тебѣ способность, и что предписываетъ законъ.“

На вопросъ ея, что же именно отъ нея требуется, Исхомахъ объясняетъ, что задача ея такая-же, какъ у матки въ ульѣ; т. е. не только ухаживать за дѣтьми, но и распредѣлять работу между рабочими и наблюдать за ними, для того чтобы сохранять и благо-разумно употреблять въ домѣ то, что добываетъ мужъ; ибо заслуга жены въ этомъ случаѣ никакъ не меньше заслуги мужа. Далѣе, по словамъ Исхомаха, пріятнымъ занятіемъ жены должно быть учить рабынь тканью и домашнимъ работамъ, и такимъ образомъ дѣлать ихъ для себя вдвое болѣе полезными; притомъ она должна награждать прилежныхъ и наказывать лѣнивыхъ. Послѣ того Исхомахъ, желая испытать ее, прибавилъ, что едва ли будетъ пріятно для нея ухаживать въ случаѣ болѣзни за тѣмъ или другимъ изъ прислуги. Но, когда молодая жена съ рѣшительностью утверждала, что ей не можетъ быть непріятно все то, что располагаетъ къ ней прислугу, Исхомахъ, видимо восхищенный такимъ отвѣтомъ жены, нарисовалъ предъ ней картину ихъ будущаго счастья. Онъ рассказываетъ, что если она будетъ такимъ образомъ дѣйствовать, то найдетъ себѣ въ немъ постоянного помощника и навсегда сохранитъ за собою авторитетъ въ домѣ; что, чѣмъ болѣе она будетъ хлопотать по дому и за дѣтьми, тѣмъ незамѣнимѣе станетъ для него, потому что продолжительное счастье человѣка обуславливается не столько его тѣлесною красою, сколько нравственными качествами. Хозяйка должна быть душою дома, она должна распредѣлять все, давать всему свое мѣсто. За тѣмъ Исхомахъ объясняетъ, какая польза произойдетъ отъ этого; онъ обходитъ съ нею хозяйство, и показываетъ, гдѣ должны лежать съѣстные припасы, гдѣ нужно ставить вина, гдѣ все прочее, относящееся къ хозяйству: жертвенные приборы, женскіе наряды и украшенія праздничныя и будничныя, мужское платье, ковры для мужскихъ и женскихъ комнатъ, станъ для тканья и прялка, кухонная и банная посуда, столовые приборы праздничные и будничные и т. д.

Все это должно быть пересчитано и отдано на руки прислуги хозяйкою; она должна время отъ времени удостовѣряться въ исполненіи заведеннаго порядка и кромѣ того постоянно то смотрѣть за отмѣривающею муку ключницею, то принимать участіе въ приготовленіи и печеніи хлѣба, потому де, что такое движеніе весьма полезно и для здоровья тѣла.

Наконецъ онъ не преминулъ напомнить и о томъ, чтобы она,

оставивъ существующій обычай, не бѣлилась и не румянилась (см. стр. 243), и не носила башмаковъ съ высокими каблукками, такъ какъ ему наиболѣе нравится природная красота и натуральный ростъ жены. (Хен. Оес. VII.—X.)

Воспитаніе и обученіе у Грековъ.

54. Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ изъ героическаго періода объ этомъ предметѣ, очень скудны; однако они достаточны для того, чтобы составить себѣ о немъ нѣкоторое представленіе.

Новорожденный, которому отецъ нарекалъ имя и такимъ образомъ признавалъ своимъ, весьма часто (по крайней мѣрѣ въ зажиточныхъ семействахъ) поручался кормилицѣ (*τιθήνη, τροφός*) и потомъ надолго оставался на ея попеченіи. Систематическаго обученія наукамъ и искусствамъ въ тотъ вѣкъ не знали. Мать и рабыни были для дѣвочки единственными наставницами въ томъ, чего требовало отъ нея тогдашнее время: въ приготовленіи платья (какъ мы уже выше замѣтили), знакомствѣ съ кухней и уходѣ за дѣтьми. Итакъ взрослая дѣвушка приучалась къ пряденью и тканью, чтобы, вышедши за мужъ, она могла или сама, или съ помощью рабынь одѣвать семейство. Другихъ свѣдѣній о воспитаніи и образованіи женщинъ того отдаленнаго времени нѣтъ, исключая нѣкоторыхъ религіозныхъ, переходившихъ изъ рода въ родъ въ видѣ преданія (Ил. VI 298 и сл.).

О взросломъ мальчикѣ заботится отецъ и иногда приставляетъ къ нему благовоспитаннаго юношу изъ знакомаго, но бѣднаго, или постигнутаго несчастіемъ семейства, который въ качествѣ компаньона (*θεράπων*) долженъ былъ служить на словахъ и на дѣлѣ примѣромъ для мальчика.

Изъ примѣровъ же и изъ собственнаго житейскаго опыта долженъ былъ мальчикъ учиться и впоследствии; это рельефно выражается словами Нестора: „*ἐπεὶ πρότερος γενόμην καὶ πλείονα οἶδα* — я прежде родился и (потому) знаю больше.“ Начатки систематическаго обученія замѣтны только въ обученіи пѣнію, музыкѣ (игрѣ на *формингѣ*) и врачебной наукѣ, т. е. знанію цѣлебныхъ силъ нѣкоторыхъ травъ, чему напр. училъ Хиронъ Ахиллеса.

Изъ историческихъ временъ мы имѣемъ довольно обиль-

ныя свѣдѣнія, и потому представимъ болѣе полную картину воспитанія, какъ это требуетъ и самое дѣло.

Новорожденное дитя тотчасъ купали и новивали пеленками (*σπάρανα*); на пятый день приносили очистительную жертву богамъ, и бабка или другія женщины обносили его кругомъ домашнего очага и натирали очистительными снадобьями; торжество обнесенія (*ἀμφιδρόμια*) оканчивалось въ тотъ день (*δρομιάμιον ἡμέρα*) общимъ пиромъ всѣхъ присутствующихъ. На десятый (или седьмой) день послѣ рожденія праздновалось нареченіе имени (*ὄνομαθεσία, ἡ δεκάτη*) новорожденному, съ установленными для этого жертвами въ честь Аполлона, Артемиды, нимфъ, рѣчныхъ боговъ — хранителей юности. Отецъ давалъ имя въ честь ближайшихъ родственниковъ, или друзей, или въ память какихъ нибудь важныхъ событій жизни, или наконецъ въ честь боговъ и героевъ. День опять оканчивался пиромъ, устроеннымъ для родственниковъ и знакомыхъ, при чемъ гости (по крайней мѣрѣ въ позднѣйшія времена) дарили новорожденного игрушками, а роженицу разрисованными вазами. Если новорожденный былъ мальчикъ, то двери дома украшались масличнымъ вѣнкомъ, если дѣвочка, то шерстянымъ; первый былъ символомъ гражданской храбрости, второй женскаго трудолюбія.

Въ ближайшій праздникъ апатурій (*ἀπατούρια*) новорожденного вносили въ списки фратрій (*φράτορες, φρατρίαί*), общество, соединенныхъ общимъ культомъ; это похоже на наши записи въ метрическую книгу. Этотъ день (*ἡμέρα κουρεῶτις*) тоже праздновался особымъ жертвоприношеніемъ (*κουρεῖον*).

Забота о питаніи (*τροφή*) ребенка принадлежала матери или кормилицѣ (*τίτθη*, у Гом. *τιθήνη*); поручать ребенка кормилицѣ вошло въ обычай въ позднѣйшія времена, особенно въ іонійскихъ государствахъ. Она качала его въ висячей корзинкѣ (*λίκνον*) или въ низкой колыбели (*σκάφη*)¹⁾, или же, держа на рукахъ, указывала его разными убаюкиваньями (*βαυκαλήματα, καταβαυκαλήσεις*); послѣ отнятія отъ груди ребенка кормили обыкновенно медовою кашею. Считаемъ нелишнимъ упомянуть въ этомъ-же мѣстѣ еще о дурной привычкѣ нянекъ застрачивать дѣтей разными пугалами, буками (каковы были *Μορμῶ, Λαμία, Γελλάῶ, Ἀκκῶ, Ἀλφιδῶ, Ἐμπούσα, Γοργῶ*); а также о нѣкоторыхъ суевѣріяхъ,

¹⁾ Первое извѣстіе о колыбели встрѣчается у Плуларха „*ἐνκίνητον κλινίδιον*, подвижная постелька“.

какъ чары, дурной глазъ, противъ которыхъ ребенка должны были охранять навѣшанные на него талисманы (*προβασκάνια*).

Изъ разнообразныхъ дѣтскихъ игрушекъ (*παίγνια*) упоминаются: хлопунька (*πλαταγή*), телѣжки (*ἀμαξίδες*), домики и лодки изъ кожи, игрушки, представляющія звѣрей: черепахи, зайцы, утки, обезьянки съ дѣтенышами; затѣмъ куклы (*κόραι, κοροκόσμια*) изъ воску, гипса или обожженной глины, и солдатки изъ того-же матеріала. Все это постоянно было въ продажѣ. Подрослія дѣти забавлялись мячемъ (*σφαῖρα*), обручами (*τροχός*), волчкомъ (*στρόμβος*), качались на качеляхъ (*αἰώρα*) или играли „въ царя“ (*βασιλίνδα*), въ „четъ и нечетъ“ (*ἀρτιάζειν*), въ жгутъ (*σχοινοφιλίνδα*), въ орлянку (*στρεπτινδα*) — какъ и у насъ играютъ въ народѣ, бросая монету вверхъ и приговаривая: „орель иль решетка?“ — въ жмурки (*χαλκῆ μυῖα*), въ горѣлки (*ἀποδιδρασκίνδα*); играли въ ямеу („лунку“, *τρόπα*), попадая въ нее бабками, желудями и т. п., угадывали „сколько“ у другаго (орѣховъ или бобовъ) въ рукѣ (*ποσίνδα*); особенно любимой была игра въ пять камешковъ (*πεντάλιθα, λιθίδια*), похожая на нашу „въ корольки“, и состоявшая въ томъ, что пять камешковъ клали на обратную сторону руки, подбрасывали вверхъ и ловили (см. стр. 257). Кромѣ того кормилицы и няньки забавляли дѣтей разсказами сказокъ и басенъ (*γραῶν, τιτθῶν μῦθοι*), напр. Эзоповыхъ и т. д.

До 6 лѣтъ мальчиковъ воспитывали дома вмѣстѣ съ дѣвочками. Съ этого времени ¹⁾ для мальчика начиналось общее воспитаніе внѣ дома, въ школѣ (*διδασκαλεῖον*) и въ палестрѣ (*παιλαίστρα*), куда и откуда его провожалъ дядька, выбираемый изъ рабовъ, и притомъ безъ особенной разборчивости (*παιδαγωγός* = провожатая, водитель дѣтей); этотъ дядька долженъ былъ кромѣ того учить мальчика благоприличію (*εὐκοσμία*) — какъ онъ долженъ держать себя дома и внѣ дома, и оставался при мальчикѣ до зрѣлаго возраста (Luc. Symp. 29).

Школы въ Греціи были частныя; надзоръ государства за школами (исключая гимнастики) ограничивался только нравственной стороною (Aesch. in Timarch. §. 8—12). Обществу всецѣло принадлежалъ выборъ школъ, такъ что оно могло посылать дѣтей къ тѣмъ или другимъ учителямъ. Впрочемъ, школы не были постояннымъ учрежденіемъ; обученіе нерѣдко происходило просто

¹⁾ Платонъ (и Аристотель) желалъ, чтобы обученіе грамотѣ начиналось съ 10 лѣтъ (Legg. p. 794).

на улицѣ (Dio Chrys. XX. 9). 0 платѣ за ученіе не извѣстно ничего опредѣленнаго, хотя до насъ дошло много извѣстій о неудовольствіяхъ, которыя происходили при расплатѣ родителей учениковъ съ учителями. Занятія начинались рано утромъ (Thuc. VII. 29). Предметы обученія были слѣдующіе: 1) чтеніе, письмо и отчасти счетъ (*γραμματική*), 2) музыка (*μουσική*), 3) гимнастика (*γυμναστική*).

Чтенію ¹⁾ и письму обучали совмѣстно, и лишь только первыя трудности были побѣждены, дѣти обращались къ Гомеру, который всею древностью считался неисчерпаемымъ источникомъ всѣхъ познаній и религіозныхъ и гражданскихъ, а затѣмъ къ Гезіоду, Теогииду и изреченіямъ Солона; многое изъ этихъ писателей оставалось въ памяти на цѣлую жизнь (ср. Plat. Protag. p. 326). Для письма употребляли дощечки (*πίνακες*, *πίνακια*, *πυξία*, *δέλτοι* и *κηρία*), сильно натертыя воскомъ (*μάλθη*); на нихъ писали острымъ концемъ палочки (*γραφεῖον*, *στῦλος*) изъ металла или слоновой кости, а другимъ, плоскимъ концемъ затирали, если что было невѣрно написано, и сглаживали опять воскъ на дощечкѣ. Двѣ такія дощечки, соединенныя или просто, или при помощи складныхъ деревянныхъ досокъ, назывались *δελτίον δίπτυχον* или просто *δίπτυχον*; если же ихъ было болѣе, то онѣ назывались *πολύπτυχοι δέλτοι*. Само собою разумѣется, что такія дощечки, на которыхъ записанное легко уничтожалось, употреблялись только для обыденныхъ надобностей; если записанное должно было служить надолго, то требовался болѣе прочный матеріалъ. Такимъ образомъ съ развитіемъ письма вошелъ въ употребленіе папирусъ (*βύβλος*), египетское растеніе, изъ котораго Египтяне приготовляли свою бумагу съ незапамятныхъ временъ, и который получилъ распространеніе у Грековъ только со временъ Псамметиха (съ 6 стол.); до того времени, по свидѣтельству Геродота, Греки писали на дубленыхъ шкурахъ овецъ и козъ (*διφθέραι*, Herod. V. 58). ²⁾ Усовершенствованіе въ

¹⁾ Читать учили по складамъ. Аэней X, 49 приводитъ примѣры: *βῆτα ἄλφα* — *βα*, *βῆτα εἰ* — *βε* и т. д.

²⁾ Письмена Греки приняли отъ своихъ учителей Финикіянъ (какъ эти послѣдніе отъ Египтянъ), о чемъ свидѣлствуютъ уже самыя названія буквъ (ср. *ἄλφα* адефъ, *βῆτα* бетъ, *γάμμα* гиммель, *δέλτα* дельтъ и т. д.). Но такъ какъ греческій языкъ фonetически очень разнится отъ финикійскаго, то значеніе финикійскихъ буквъ должно было измѣниться у Грековъ; такъ, финикійскимъ согласнымъ пришлось служить для передачи греческихъ гласныхъ *α*, *ε*, *η*, *ι*, *ο*. Долго существовалъ и финикійскій способъ письма справа налѣво, пока наконецъ чрезъ смѣшанное письмо — одна строка слѣва направо, другая слѣдую-

выработкѣ и приготовленіи такихъ шкуръ въ царствованіе Эвмена II (197—158 до Р. Хр.) въ Пергамѣ привело къ изобрѣтенію пергамента (*περγαμίνη*, charta pergamena). Чернила (*τὸ μέλαν*) готовились изъ какого-то чернаго красильнаго вещества и хранились въ чернилицѣ (*μελανοδόχον*), которая закрывалась крышкою, а иногда имѣла кольцо, при помощи котораго ее носили на поясѣ. Перомъ служилъ мемфисскій, кидскій и аналитскій камышъ (*κάλαμος*), очищенный и разщепленный, подобно нашему гусиному перу. ¹⁾ Объ этомъ будетъ подробнѣе сказано въ статьѣ о книжномъ дѣлѣ у Римлянъ. — Счету учились въ началѣ играючи и наглядно при помощи яблокъ и т. п.; потомъ считали по пальцамъ (*πεμπάζεσθαι*), или раскладывали на дощечкахъ (*ἄβακες*) камешки (*ψῆφοι*), которые, смотря по мѣсту, имѣли разное знаменованіе. См. ниже воспитаніе у Римлянъ.

Научившись грамотѣ, мальчики около 13 года начинали проходить музыкальный курсъ въ школѣ китариста (*ἐν κιθαριστοῦ*), гдѣ учились играть на лирѣ ²⁾ и подѣ ея аккомпаниментъ пѣть важныя и строгія пѣсни дорійскаго стиля, сочиненныя знаменитыми мелическими поэтами; и это дѣлалось не только въ виду практическихъ цѣлей, чтобы принимать участіе въ музыкальныхъ состязаніяхъ (*ἀγῶνες μουσικῆς*), въ религіозныхъ народныхъ торжествахъ, въ драматическихъ или хорическихъ играхъ (въ особ. у Дорянъ и Эолянъ), или чтобы пѣть при домашнихъ забавахъ напр. на пиршествахъ и т. п.; но главнымъ образомъ при этомъ имѣлись въ виду и важныя педагогическія цѣли, чтобы, по словамъ Платона (*Protag. pag. 326 a*), „пріучивъ свою душу къ риѣму и гармоніи, исполнить ее кротости, созвучія и согласія, а чрезъ то доставить ей пользу въ словѣ и дѣлѣ; потому что и вся жизнь человѣческая имѣетъ нужду въ риѣмѣ и гармоніи.“ Эти принципы касательно

щая справа надѣво, третья опять слѣва и т. д. (*βουστροφιδόν*) — не перешли къ письму слѣва направо; на вазахъ еще въ 6 стол. до Р. Хр. попадается старинный способъ письма. Писали всегда прописными буквами и безъ всякихъ знаковъ препинанія и ударенія (означеніе послѣдняго введено только александрійскими учеными для удобства иностранцевъ).

¹⁾ Последнее упоминается только въ 6 стол. по Р. Хр. у короля Теодориха анонимомъ Valesii и потомъ Изидоромъ (*Origg. VI. 13*); но оно уже изображено на столбѣ Гадриана и Антонина (въ рукахъ богини побѣды) въ 2 стол. по Р. Хр.

²⁾ Въ Беотіи любимымъ инструментомъ была флейта, т. е. кларнетъ, въ Спартѣ форминга. Игра на струнномъ инструментѣ, не сопровождаемая пѣніемъ,

музыки существовали (начиная съ Солона) только до конца Пелопоннесской войны. О музыкальныхъ инструментахъ см. ниже.

Одновременно съ душевнымъ образованіемъ, а частью также послѣ него шло усердное занятіе гимнастикой. Въ этомъ случаѣ Греки руководились съ одной стороны упомянутымъ уже принципомъ, что душевное образованіе и развитіе достигается лучше всего въ здоровомъ тѣлѣ и только при этомъ главномъ условіи, съ другой же стороны и тою цѣлью, чтобы тѣло, какъ вторая равноправная часть человѣка, достигало всестороннѣйшаго и свободнѣйшаго развитія, и такимъ образомъ во всѣхъ явленіяхъ жизни человѣка проявлялся греческій идеалъ тѣлеснаго и душевнаго совершенства (*καλοκάγαθία*). Итакъ задачей гимнастики было придать тѣлу гибкость, крѣпость и стройное развитіе всѣхъ членовъ, развить въ молодежи чувство тѣлесной красоты и благородство, пробудить въ ней храбрость, силу и энергію, которая, вмѣстѣ съ обдуманностью и скромностью, готовятъ въ юношѣ дѣятельнаго слугу отечества въ мирѣ и на войнѣ и предохраняютъ его отъ душевнаго отупѣнія въ старости.

Отсюда мы легко поймемъ, почему государство считало для себя крайне важнымъ, чтобы гимнастика находилась подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Поэтому занятіе гимнастикою какъ въ Афинахъ, такъ и въ Спартѣ велось по предписаніямъ, установленнымъ законамъ, за исполненіемъ которыхъ смотрѣли особые чиновники и учителя.

Начало гимнастическихъ упражненій находимъ еще въ героическій періодъ. Память о павшихъ герояхъ и почитаніе боговъ сопровождалось играми, въ которыхъ сила и гибкость тѣла стояли на первомъ планѣ. Такъ въ честь Патрокла (Ил. XXIII. 683 и сл.) были устроены игры, которыя состояли главнымъ образомъ въ кулачномъ боѣ, борьбѣ, бѣгѣ, бросаньи копій и дисковъ; но все это не имѣло системы и не преслѣдовало опредѣленныхъ цѣлей, что явилось гораздо позднѣе, а именно, какъ кажется, въ началѣ 6 стол., не задолго до Солона. Къ этому времени появились такъ наз. состязалища (*παλαίστρα*), гдѣ мальчики занимались гимнастикой подъ руководствомъ учителей (*γυμνάσται*) и ихъ помощниковъ (*παιδοτρίβαι*). Это были люди знакомые съ діететикою и нѣсколько

называлась *κιδαριστική* или *ψιλή κιδάρσις*, игра въ соединеніи съ пѣніемъ *κιδαρφοδική*; игра на духовомъ инструментѣ безъ пѣнія *αὐλητική* или *ψιλή αὐλησις*, въ соединеніи съ пѣніемъ — *αὐλοδική*.

съ медицинскою наукою (Plat. Protag. 313. d.); они были вмѣстѣ и хозяевами этихъ заведеній, которыя, какъ и прочія школы, были частными учрежденіями ¹⁾, но стояли подѣ контролемъ государства.

Гимнастическій курсъ въ палестрѣ дѣлился на 3 возраста (*πρώτη, δεύτερα, τρίτη ηλικία*), и продолжался отъ 10 до 16 лѣтъ.

Начиная съ 16 лѣтъ, юноши (съ этого времени они назывались *ἔφηβοι*, хотя законъ признавалъ ихъ зрѣлыми только съ 18 лѣтъ) посѣщали вмѣстѣ съ взрослыми общественныя заведенія, такъ наз. гимназіи (*γυμνάσιον*), которыя содержались или государствомъ или богатыми частными лицами. Здѣсь они продолжали гимнастическія упражненія уже самостоятельно, безъ помощи учителей, но всегда подѣ надзоромъ особыхъ смотрителей (*σφρονοισταί*, которыхъ въ Афинахъ было 10, по числу филъ). Последніе наблюдали за порядкомъ и были подчинены особымъ чиновникамъ, такъ наз. гимнасіархамъ ²⁾. Въ Афинахъ было нѣсколько гимназій. См. стр. 61.

Гимнастика, какъ предметъ воспитанія, имѣла цѣлью стройное развитіе всего тѣла; поэтому занимались ею не для того, чтобы достигнуть совершенства въ какомъ нибудь специальномъ родѣ упражненій, но чтобы приготовиться къ общественнымъ состязаніямъ (*ἀγωνιστική*), которыя происходили во время національныхъ греческихъ праздниковъ. Впрочемъ эти состязанія подали поводъ къ злоупотребленіямъ гимнастикой и положили начало хвастливому искусству атлетовъ (*ἀθλητική*), которое получило особое развитіе въ македонскій періодъ. Тогда гимнастика перестала быть образовательнымъ средствомъ, а стала самою цѣлью.

¹⁾ Плату за ученіе иногда вносили впередъ и сразу за весь курсъ; она была достаточно высока, напр. по Аеенею XIII. 47 одна мина, т. е. болѣе 24 руб. (а если принять во вниманіе нымѣшнюю цѣнность денегъ сравнительно съ цѣнностью ихъ у древнихъ, то до 70 руб.).

²⁾ Въ императорскія времена упоминаются слѣдующія названія этихъ блюстителей порядка въ гимназіи: *κοσμητής* (распорядитель), *ἀντικοσμητής* (заступающій мѣсто распорядителя) и два *ὑποκομηταί* (помощники распорядителя). Впрочемъ устройство гимназій этого времени нельзя считать тождественнымъ съ древне-аттической гимнасіархіею (какъ дѣлаетъ это напр. Копперъ), принадлежавшею къ такъ наз. литургіямъ, т. е. государственнымъ повинностямъ, которыя состояли въ томъ, что гражданинъ бралъ на себя устройство нѣкоторыхъ общественныхъ празднествъ и увеселеній, какъ напр. бѣгъ съ факелами (*λαμπηδρομία*), который въ Афинахъ бывалъ 5 разъ въ годъ (и, начиная съ 4 стол., происходилъ иногда также на лошадяхъ, *λαμπὰς ἀφ' ἵππων*).

Въ кругъ гимнастическаго искусства входили слѣдующія пять состязаній (*πένταθλον*, пятиборье): бѣгъ (*δρόμος*)¹⁾, прыжокъ (*ἄλμα*), борьба (*πάλη*, *παλαιμοσύνη*, *καταβλητική*), бросаніе диска и конья (*δισκοβολία*, *ἀκοντισμός*). Объ этихъ пяти родахъ состязаній мы подробнѣе будемъ говорить послѣ; здѣсь замѣтимъ только, что юноши болѣе всего занимались борьбою (отсюда и слово *παλαίστρα*), какъ самымъ полезнымъ упражненіемъ для развитія тѣла; позднѣе къ ней присоединилось фехтованье (*όπλομαχία*).

Во время упражненій раздѣвались и натирали тѣло масломъ (отсюда *ἀλείφεσθαι* тоже что *γυμνάζεσθαι*); кромѣ того при борьбѣ насыпали тѣло мелкимъ пескомъ (*κόνις*, *ἀφή*), преимущественно египетскимъ, чтобы, какъ говоритъ Лукіанъ (Anach. 29), уменьшалась скользкость и потѣніе. Послѣ упражненій тѣло чистилось (*ἀποξύνεσθαι*) серебряницею (см. стр. 280) и обмывалось въ холодной ваннѣ (*λουτρόν*). Въ роскошно устроенныхъ гимназіяхъ для всѣхъ этихъ операций имѣлись особыя помѣщенія (о нихъ см. стр. 61—63).

Къ упомянутымъ выше упражненіямъ присоединялось нѣсколько иныхъ, простыхъ упражненій; въ этихъ послѣднихъ принимали участіе не только молодые, но и взрослые посѣтители гимназій, которымъ врачи рекомендовали ихъ, какъ полезную діететическую мѣру. Самыми распространенными изъ нихъ были упражненія съ мячемъ (*σφαῖρα*) и мѣшкомъ (*κώρυκος*). Игрѣ въ мячъ училъ въ мячевой залѣ гимназіи (*σφαιριστήριον*, *σφαιρίστρα*) особый учитель (*σφαιριστικός*). Мячи дѣлались изъ разноцвѣтной кожи и пабивались шерстью, пухомъ или фиговыми зернами; были однако также большіе, пустые мячи. Изъ игръ, о которыхъ упоминають древніе (Eustath. ad Odys. VIII. 376), мы назовемъ слѣдующія: *σφαῖρα*²⁾ *οὐρανία* (метаніе вверхъ), *ἀπόρραξις*, лат. *expulsim ludere* (отбивка), *φαινίνδα* (когда цѣляютъ въ одно мѣсто, а бросаютъ въ другое). Въ этихъ играхъ могло участвовать сколько угодно лицъ (одинъ, двое и болѣе). Въ любимой спартанской игрѣ *ἐπίσχυρος* или *ἐφηβική* принимали участіе непременно нѣсколько человѣкъ. Играющіе дѣлились на двѣ равныя партіи линіею (*σκήρον*) изъ камешковъ; подобнымъ образомъ на извѣстномъ разстояніи съ обѣихъ сторонъ проводилась граница, за которую не имѣли права пере-

¹⁾ Особый его видъ, такъ наз. *ἀπλίτης δρόμος*, бѣгъ въ шлемѣ, въ поножахъ и со щитомъ, считавшійся отличнымъ средствомъ для укрѣпленія тѣла юношей.

²⁾ Въ гимназіяхъ въ эту игру играли и молодые и взрослые, и женщины и дѣвушки. О древности ея свидѣтельствуеъ уже Гомеръ (Od. VI. 100).

ступать ни та, ни другая сторона. Мячъ, положенный на среднюю линію, бросался однимъ изъ играющихъ въ сторону противниковъ, которые должны были его поймать, не переступая проведенной за ними границы. — Игра съ мѣшкомъ (*κωρυκομαχία*, *κωρυκοβολία*) происходила въ мѣшечной залѣ (*κωρυκείον*, стр. 61); мѣшокъ прикрѣплялся къ потолку и спускался до живота упражняющагося. Упражнение состояло въ томъ, что мѣшокъ сильно раскачивался обѣими руками, и потомъ ловко отталкивался или руками или грудью. (Luc. Lexiph. 5.) Для болѣе слабыхъ его наполняли или фиговыми зёрнами или мукою, для болѣе сильныхъ пескомъ.

Мальчикъ, прошедшій до 16 года выше описаннымъ образомъ курсъ грамоты, музыки и гимнастики, считался въ глазахъ всѣхъ (особенно Афинянъ и Ионянъ) кончившимъ свое воспитаніе (*πεπαιδευμένος*).

Въ продолженіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ до законнаго совершеннолѣтія, подростающій (*μελλέφηβος*) юноша приготавливался къ военной службѣ и служилъ въ летучихъ отрядахъ аттической пограничной стражи (*περίπολοι*).

Слѣдуетъ однако замѣтить, что такое полное образованіе получали только дѣти зажиточныхъ гражданъ, между тѣмъ какъ бѣдные рано должны были браться за какое нибудь практическое занятіе (Plut. Solon 22) и ограничиваться только самыми необходимыми познаніями; но невѣроятно, чтобы большое число свободныхъ Атиковъ оставалось безъ образованія, такъ какъ афинскіе законы требовали, чтобы каждый отецъ-гражданинъ отдавалъ своихъ дѣтей учиться „музыкѣ“ (т. е. не только музыкѣ въ нашемъ смыслѣ, но и чтенію и писанью) и гимнастикѣ (Plato, Crito pag. 50 d), съ другой же стороны законъ не обязывалъ дѣтей, которымъ родители не дали надлежащаго воспитанія, кормить послѣднихъ въ старости (Plut. Solon 1. 1.).

Въ другихъ греческихъ государствахъ (за исключеніемъ Спарты, а частью и Беотіи), даже въ незначительныхъ (Thuc. VII. 20; Athen. VIII. 50), навѣрно встрѣчались школы съ подобнымъ же курсомъ ученія; но афинскія школы на столько превосходили всѣ другія, что изъ другихъ греческихъ городовъ и областей родители нерѣдко отправляли своихъ дѣтей для воспитанія въ Афины. Начиная съ 4 стол. до позднихъ временъ имперіи пребываніе въ Афинахъ было почти необходимымъ условіемъ для полученія высшаго философскаго и риторическаго образованія.

Въ вѣкъ Перикла, съ появленіемъ софистовъ наступила въ Аѳинахъ рѣзкая, какъ политическая, такъ и нравственная пере-мѣна; либеральное, но подчасъ и легкомысленное направленіе этого времени отразилось и на образованіи. Это прежде всего сказалось на подрастающей молодежи, которая, получивъ старинное аѳинское образованіе (а иногда вовсе пренебрегая имъ ради охоты и верховой ѣзды), пошла слушать уроки софистовъ.

Эти уроки (*ἐπιδείξεις*) первоначально касались грамматики (какъ *ὀρθοέπεια* Протагора, *ὀνομάτων διαίρεσις* Продика), реторики (Горгій!) и объясненія поэтовъ (*κριτικὴ*), и скептическимъ отноше-ніемъ къ предмету чрезвычайно пагубно вліяли на знатную аѳинскую молодежь.¹⁾ Изъ этихъ начатковъ быстро развились школы реторовъ и философовъ.²⁾ Послѣдніе ввели въ кругъ философской науки, особенно по почину Платона, новые научные предметы, на которые до тѣхъ поръ мало обращали вниманіе³⁾, а именно: арифметику (*λογισμοί, λογιστικὴ*), геометрію (*γεωμετρία, μετροπικὴ*) и астрономію (*ἀστρονομία*). Къ нимъ присоединились впоследствіи географія и этнографія (*γεωγραφία, γῆς περίοδοι*), для изученія которыхъ вспомогательнымъ средствомъ служили карты (*πίνακες*, ср. Suet. Dom. c. 10 orbis terrae in membrana depictus); наконецъ, съ развитіемъ рисованія и живописи (*γραφικὴ*) на дощечкахъ изъ самшита (in buxo, Plin. XXXV. 10, 36 [77]), возникъ тотъ кругъ всесторонняго образованія (*ἐγκύκλιος παιδεία*), который перешелъ отъ Грековъ къ Римлянамъ и оставался въ Европѣ до 18 стол.⁴⁾

¹⁾ Софисты учили или въ гостепріимныхъ домахъ аѳинскихъ богачей, или у себя на дому, за очень большую плату. Такъ, говорятъ, Протагоръ за цѣлый курсъ ученія потребовалъ 100 мнѣй, т. е. ок. 2480 руб., и соразмѣрную съ этимъ сумму за отдѣльные уроки. Такимъ образомъ онъ приобрѣлъ (Plato, Menon раг. 91 d) больше денегъ нежели Фидій . . . и десять другихъ ваятелей вмѣстѣ. Ср. Plato, Protag. 310 e; Laches 186 c.

²⁾ Первыми по времени изъ реторовъ открыли школы въ началѣ 4 стол. Лисій и Исократъ, оба послѣ Пелопоннеской войны. Изъ философовъ первый Платонъ открылъ школу въ Академіи. Плата за полный курсъ реторики у Исократа доходила, говорятъ, до 1000 драхмъ (болѣе 240 рублей); рассказываютъ, что онъ выучилъ 100 учениковъ.

³⁾ Важны и до сихъ поръ примѣнимы слова Исократа о важномъ значеніи этихъ предметовъ для формальнаго образованія (*περὶ ἀντιδόσεως* §. 261—267, ed. Becker).

⁴⁾ По мнѣнію Грековъ юношамъ слѣдовало посѣщать и сценическія представленія. Такъ говоритъ Солонъ у Лукіана (Anach. 22): „Мы видимъ юношей

Въ эпоху распространенія эллинизма въ гимназіяхъ обучали, кромѣ гимнастики, и наукамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ интересныя надписи изъ Пергама, Сеста, Бизига и др. Такъ на одной пергамской надписи упоминается гимназія, состоящая подъ начальствомъ гимнасіарха, эфебарха и письмоводителя (*γραμματεύς*), лицъ, выбранныхъ общиною и подвѣдомственныхъ общинному правленію; кромѣ того гимназіи имѣли также фундуши. Приѣмъ въ гимназію происходилъ не иначе какъ по экзамену. Ученики пользовались достаточною независимостью и нѣкоторыми почетными правами, и образовывали нѣчто въ родѣ особыхъ корпорацій. На одной такой надписи перечислено 85 эфевовъ. — Тоже самое относится и къ эфесской гимназіи. Въ Сестѣ одинъ покровитель молодежи основалъ даже 6 гимназій. Ученики ихъ и одеждою не отличались отъ аѳинскихъ эфевовъ; всѣ они носили хламиду и по всей вѣроятности также, какъ и въ Аѳинахъ, македонскія шляпы, такъ наз. петасы.

Воспитаніе въ Спартѣ было суровѣе и уже, нежели въ Аѳинахъ; это происходило отчасти отъ суроваго характера Дорянъ, отчасти отъ особаго строя спартанскаго государства, этой военной общины, господствовавшей надъ многочисленными подданными и рабами. Направляя одностороннимъ образомъ все свое вниманіе на развитіе тѣлесной силы и ловкости, Спартанцы никогда не достигали того цѣльнаго умственнаго и тѣлеснаго совершенства (*καλοκαγαθία*), которое въ Атикѣ считалось цѣлью чело-вѣческаго существованія и состояло въ гармоническомъ развитіи души и тѣла.

Уже надъ новорожденнымъ государство въ лицѣ старѣйшинъ той или другой филы рѣшало вопросъ, общааетъ ли дитя здороваго гражданина, и потому стоитъ ли воспитанія; въ противномъ случаѣ его безжалостно бросали на произволь судьбы въ Тайгетѣ. До семи лѣтъ ребенокъ оставался при матери; но его здѣсь не нѣжили и не баловали, а подготавливали мало по малу къ тому трудному воспитанію, которое начиналось для него съ семи лѣтъ. Тогда-то мальчикъ особымъ чиновникомъ, называвшимся педономомъ (*παιδονόμος*), приписывался къ группѣ (*ἴλη*) дѣтей его возраста; здѣсь старшій группы (*ἱλαρχος*), болѣе взрослый товарищъ и въ то же время учитель, руководилъ дѣтьми въ занятіяхъ гимнастикой. Нѣсколько такихъ группъ составляли большую группу,

даже въ театрѣ, и воспитываемъ ихъ на комедіяхъ и трагедіяхъ, чтобы они, видя славные подвиги и пороки предковъ, первымъ подражали, а послѣднихъ избѣгали.“

которую Спартанцы называли стадомъ (*βοῦα*), и которая состояла подъ надзоромъ особаго руководителя (*βουάτωρ*). За порядкомъ и дисциплиною наблюдали педономы и ихъ помощники (такъ наз. *βίδαιοι*); они имѣли при себѣ всегда особыхъ лицъ для наказанія дѣтей (*μαστιγοφόροι*). Кромѣ того каждый спартанскій гражданинъ имѣлъ полное право при случаѣ наблюдать за дѣтьми, учить ихъ и даже наказывать.

При гимнастикѣ мальчики, также какъ и въ Афинахъ, отдѣлялись отъ юношей; тѣ и другіе упражнялись въ извѣстныхъ уже пяти родахъ упражненій (*πένταθλον*). Кулачный бой и панкратионъ здѣсь запрещались строже, чѣмъ гдѣ нибудь. Кромѣ названныхъ упражненій практиковался также военный танецъ (*πυρρόρηγν*).

Самая одежда и пища имѣли цѣлью закалить будущаго гражданина спартанскаго. Молодые люди ходили всегда съ непокрытою головою безъ обуви, а съ 10го года, даже зимою, безъ хитона, въ одномъ лишь плащѣ (*tribων*), который долженъ былъ притомъ служить имъ на цѣлый годъ. Спали они на сѣнѣ или соломѣ, безъ ковровъ и одѣялъ; а послѣ 15го года, по весьма понятной причинѣ, еще на болѣе жесткой постели изъ тростника (*σίδη*, откуда самое названіе ихъ *σιδεῦναι*). Пища ихъ была не только проста, но даже недостаточна, такъ что побуждала мальчика къ тайному и хитрому воровству; но на это смотрѣли какъ на особый видъ упражненій въ ловкости и находчивости, столь необходимыхъ для будущаго воина; потому-то и наказывали въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда воръ по своей неосторожности попадался на мѣстѣ преступленія.

Наконецъ упоминается еще одно средство для того, чтобы закалить будущаго воина, или лучше, провѣрить, на сколько закаленъ мальчикъ, средство по нашимъ понятіямъ насильственное и жестокое, именно извѣстное сѣченіе дѣтей (*διαμαστιγώσις*), которое ежегодно происходило передъ жертвенникомъ Артемиды Орѣи (можетъ быть какъ воспоминаніе о прежнихъ человѣческихъ жертвахъ). Всякое проявленіе боли въ этомъ случаѣ считалось позорнымъ, и потому мальчики скорѣе переносили жесточайшее сѣченіе и — если вѣрить древнимъ — иногда даже умирали подъ ударами, чѣмъ обнаруживали оцущеніе боли.

Вслѣдъ за воспитаніемъ въ гимнастикѣ слѣдовало обученіе музыкѣ на четырехструнной китарѣ (*φόρμιγξ*), на сколько это необходимо было для аккомпанированія при пѣсняхъ, хоровыхъ пляскахъ и пѣаняхъ. Во время праздниковъ составлялись хоры

изъ мальчиковъ, мужей и старцевъ, и пѣлись антистрофическія пѣсни. Плутархъ (Лус. 21) оставилъ намъ отрывокъ одной такой характеристической пѣсни; хоръ старцевъ пѣлъ:

„Мы въ молодости были витязями храбрости.“ —

Ему отвѣчаетъ хоръ мужей:

„А мы теперь такіе; кому угодно, изволь, — докажемъ на дѣлѣ.“

А имъ хоръ дѣтей поеть:

„Наше время впереди и мы превзойдемъ васъ.“

Обученіе наукамъ, какъ не нужное, по мнѣнію Спартанцевъ, для высшаго душевнаго образованія, предоставлено было вполне усмотрѣнію частныхъ лицъ и (за немногими исключеніями) было весьма недостаточно, такъ какъ оно удовлетворяло только самымъ необходимымъ практическимъ потребностямъ; посему въ глазахъ прогрессивныхъ Аѳинянъ Спартанцы всегда оставались людьми необразованными. За то Спартанцы придавали большое значеніе тому образованію, которое дается жизнью; и потому при смеситіяхъ и при другихъ случаяхъ юношей допускали къ разговорамъ о военныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ каждый Спартанецъ являлся учителемъ молодежи. Отсюда и произошло извѣстное, прославленное всею древностью уваженіе спартанскихъ юношей къ старшимъ и ихъ приличное и скромное поведеніе.

На 18 году, когда молодые люди въ Аѳинахъ дѣлались полноправными гражданами, Спарта еще не выпускала молодежи изъ своего непосредственнаго надзора и держала ихъ подъ своимъ руководствомъ до 30 лѣтъ. Отъ 18 до 20 года ихъ, кажется, употребляли для тайныхъ наблюдательныхъ экскурсій по странѣ (за періойками и гелотами, *κρυπτεία*); 20ти лѣтъ, они въ качествѣ новобранцевъ (*εἰσρετες*) поступали въ войско, а если не было войны, оставались дома и сообща занимались гимнастикой въ двухъ группахъ по возрасту (*πρωτεῖραι* и *σφαιρεῖς*); это продолжалось до 30 года, когда каждый Спартанецъ, если только имѣлъ къ этому возможность, обязанъ былъ завести себѣ собственное хозяйство.

Образованіе аѳинскихъ дѣвушекъ обыкновенно ограничивалось умѣньемъ читать и писать, и то вѣроятно только въ томъ случаѣ, если онѣ имѣли грамотныхъ матерей. Въ благородныхъ же семействахъ дѣвушки получали иногда и высшее образованіе, т. е. учились музыкѣ, пѣнію и танцамъ, но лишь на столько, на сколько это было необходимо при религиоз-

ныхъ обрядахъ во время извѣстныхъ празднествъ. Все остальное воспитаніе дѣвушки ограничивалось тѣснымъ домашнимъ кругомъ и состояло въ общеніи съ матерью, съ служанками, родственниками и подругами. Строгія понятія Аѳинянъ о приличіи и цѣломудріи не позволяли дѣвушкамъ посѣщать никоду внѣ дома; мало того, приличіе даже требовало, чтобы дѣвушка какъ можно меньше видѣла, какъ можно меньше слышала и еще меньше желала знать (Xen. Oecon. VII. 4). Эти аттическія воззрѣнія требовали отъ дѣвушки еще и того, чтобы она, исключая случаевъ крайней необходимости, не оставляла женской половины дома (*γυναικωνίτις*).

Въ Спартѣ воспитаніе дѣвушекъ покоилось на другихъ основахъ. Ксенофонтъ говоритъ (Resp. Lac. I. 4), что „Ликурзь учредилъ гимнастику, состязанія въ бѣгѣ и силѣ въ одинаковой мѣрѣ для мужчинъ и женщинъ.“ Отсюда видно, что дѣвушки въ этомъ отношеніи были сравнены съ мальчиками, хотя о занятіяхъ дѣвушекъ мы знаемъ очень мало опредѣленнаго. По другимъ свѣдѣніямъ, ихъ учили пѣнію и танцамъ, что было важно для религіозныхъ цѣлей. Вообще законодатель Спарты имѣлъ въ виду, чтобы не только храбростью мужчинъ, но и свѣжестью и силою женщинъ готовить здоровое молодое поколѣніе, въ которомъ такъ нуждалась небольшая числомъ воинственная спартанская община. — Прочіе Греки несочувственно относились къ этому способу женскаго воспитанія и находили въ свободѣ и простотѣ, которыя отличали молодыхъ Спартанокъ передъ застѣнчивыми и скромными ихъ сверстницами, напр. аѳинскими, нѣкоторую распущенность и дерзость. Научное образованіе, которому, какъ мы видѣли, Спартанцы не придавали большаго значенія при воспитаніи мальчиковъ, относительно дѣвушекъ совсѣмъ пренебрегалось.

Бракъ и положеніе женщины у Римлянъ.

55. Обрученіе (*sponsalia*) дѣтей родители заключали не рѣдко уже во время ихъ дѣтства, всегда въ присутствіи свидѣтелей (*sponsors*); но это обрученіе не имѣло такой обязательной силы, какъ у Грековъ, и могло быть нарушено даже одной стороною. Женихъ (*sponsus*) или отецъ его давали при этомъ невѣстѣ (*sponsa*) желѣзный перстень (*anulus pronubus*) и нѣкоторые другіе подарки. Все это сопровождалось широмъ, устраиваемымъ для ближайшихъ родственниковъ и свидѣтелей.

Прежде чѣмъ описывать свадьбу, намъ необходимо сказать въ нѣсколькихъ словахъ о бракѣ. Римское право признавало первоначально два рода брака, а именно: *matrimonium iustum*, *legitimum* (бракъ полный, законный) и *matrimonium non iustum* (бракъ неполный); первый, удовлетворяя вполнѣ всеѣмъ религіознымъ и политическимъ требованіямъ, получалъ санкцію религіи и имѣлъ полное гражданское значеніе; второй, не удовлетворяя вполнѣ всеѣмъ условіямъ, не получалъ санкціи религіи и, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ и имѣлъ значеніе передъ закономъ, тѣмъ не менѣе не обезпечивалъ за семействомъ тѣхъ правъ, которыя давало *matrimonium iustum*.

Matrimonium iustum могло заключаться двоякимъ образомъ. Жена или освобождалась изъ-подъ власти отца или опекуна и переходила во власть мужа (*conventio in manum mariti*), или же оставалась и послѣ подъ опекою отца или лица, заступавшаго его мѣсто. Законный бракъ заключался при самыхъ торжественныхъ религіозныхъ обрядахъ, носившихъ названіе конфарреаціи (*confarreatio*, происхожденія, кажется, сабинскаго); ее совершалъ верховный жрецъ (*pontifex maximus*) и фламинъ Юпитера (*flamen Dialis*) въ присутствіи десяти свидѣтелей. Новобрачные при этомъ сѣдали пирога изъ полбы (*far*, ζεῶν, откуда и названіе обряда), принося часть его въ жертву. Въ древнѣйшія времена этотъ обрядъ соблюдался большею частью при бракахъ патриціевъ; впослѣдствіи онъ вышелъ изъ употребленія и оставался обязательнымъ только для патриційскихъ жрецовъ. Во времена республики главнымъ обрядомъ при заключеніи брака была символическая купля (*coemptio* — происхожденія, по всей вѣроятности, латинскаго); будущій супругъ покупалъ жену (съ ея же согласія) за извѣстную символическую плату¹⁾ у ея родителей, и такимъ образомъ получалъ ее въ свою полную власть. Далѣе бракъ считался законнымъ въ силу *usus*, т. е. давности, когда женщина жила въ теченіи цѣлаго года съ мужчиною и притомъ не была въ отлучкѣ болѣе трехъ сутокъ; но эта форма брака не получила распространенія и рано вышла изъ обычая. Четвертый видъ законнаго брака (происхожденія, можетъ быть, этрусскаго) основывался на договорѣ, по которому жена не переходила во власть мужа, но оставалась самостоятельною и свободно распоряжалась своимъ имуществомъ (конечно подъ надзоромъ отца или опекуна).

¹⁾ По *Gai Inst. I. 113* женихъ бросалъ на вѣсы присутствовавшаго при этомъ вѣсощика (*libripens*) сестерцій, что очевидно должно было служить напоминаніемъ, что въ древности жены дѣйствительно покупались.

По римскому праву женѣ, бывшей въ такомъ замужествѣ, принадлежало лишь только названіе ихог, но иногда — *mater familias*. Во времена императоровъ этотъ видъ брака былъ самый частый.

Условія, при которыхъ могло состояться *matrimonium iustum*, были слѣдующія: во 1хъ, обѣ стороны должны были имѣть право законнаго супружества (*connubium*); поэтому бракъ допускался только между римскими гражданами, а не между гражданами съ одной стороны и рабами и вольноотпущенниками или иностранцами съ другой; во 2хъ, вступающіе въ бракъ должны были быть совершеннолѣтними, *puberes* (женихъ не моложе 14, невѣста не моложе 12 лѣтъ); въ 3хъ, брачущіеся не могли быть близкими родственниками (бракъ между родственниками въ первой и второй степени всегда запрещался, въ третьей степени то запрещался, то дозволялся). Наконецъ требовалось согласіе родителей (или опекуновъ и дѣдовъ), а также взаимное согласіе брачущихся.

Matrimonium non iustum (разумъ, въ юридическомъ смыслѣ, въ нравственномъ отношеніи оно считалось безукоризненнымъ) заключалось въ древнѣйшія времена, пока еще плебей не пользовались правомъ *connubii*, между патриціями и плебеями, а впослѣдствіи въ томъ случаѣ, когда жена не была римскою гражданкою.

Супружество между рабами и рабынями называлось *contubernium* (сожительство).

Разводъ (*divortium*, если происходилъ по требованію обѣихъ сторонъ; *repudium* — если одной) былъ при концѣ республики и позднѣе весьма частымъ явленіемъ, но во всякомъ случаѣ происходилъ не иначе, какъ по рѣшенію родственниковъ той и другой стороны. Въ древнѣйшія времена это случалось рѣдко, рѣже всего при бракѣ черезъ *confarreatio*; въ послѣднемъ случаѣ при разводѣ происходилъ новый обрядъ *diffarreatio*. Браки жрецовъ были нерасторжимы. Разводъ при бракѣ, заключенномъ черезъ символическую куплю, сопровождался обратнымъ обрядомъ выкупа (*remancipatio*); расторженіе брака, состоявшагося вслѣдствіе *usus*, совершалось, кажется, только простымъ объявленіемъ о разводѣ.

Тѣ браки, при которыхъ жена не переходила во власть мужа, и наконецъ неполный бракъ расторгались чаще другихъ, и нерѣдко по самымъ ничтожнымъ причинамъ.

Расторженіе брака, если оно требовалось одною стороною, объявлялось устно въ присутствіи свидѣтелей (Августъ приказалъ, чтобы форму развода исполнялъ вольноотпущенникъ въ присутствіи семи свидѣтелей), или письменно. Если расходящіеся супруги не

могли согласиться насчетъ дѣла имѣнія, то дѣло рѣшалось судомъ, равно какъ и въ томъ случаѣ, когда та или другая сторона формально предъ судомъ требовала развода. За извѣстные проступки во время супружества судъ назначалъ денежное взыскаііе. По истеченіи одного года разошедшіеся супруги могли вступить въ новые браки на правахъ вдовцовъ.

Наканунѣ свадьбы (иногда это дѣлалось и ранѣе) невеста въ храмѣ Фортуны, покровительницы дѣвства (*F. virginalis*), снимала свою дѣвичью претексту (*toga praetexta*), складывала предъ домашними ларами свои игрушки и куклы и надѣвала длинную бѣлую тунику (*t. recta*, см. стр. 209).

Въ день свадьбы (его выбирали съ особенною внимательностію, такъ какъ напр. дни нѣкоторыхъ праздниковъ, всѣ календы, ноны, иды считались неблагоприятными днями въ настоящемъ случаѣ) въ атрій, великолѣпно, какъ и другія части дома, украшенный вѣнками и коврами, собирались родственники, знакомые и кліенты. Прежде этого уже были произведены авспиціи и наблюденія надъ внутренностями жертвенныхъ животныхъ.

Невеста была одѣта въ бѣлую длинную тунику, перехваченную ниже груди шерстянымъ шафраннаго (желтаго) цвѣта поясомъ (*singulum, zona*). Волосы, заплетенные въ шесть косъ и соединенные между собою шерстяными лентами такъ, что свободно спускались на шею, роскошно украшены были вѣнкомъ изъ розъ и миртовыхъ вѣточекъ; голову охватывало покрывало огненнаго цвѣта (*flammeum*, см. стр. 230), которое, спадая позади и по сторонамъ, вовсе не закрывало лица. На ногахъ были желтаго цвѣта башмаки, на шеѣ и рукахъ блестяиіи золотыя украшенія.

Рано являлся въ домъ невесты и женихъ, роскошно одѣтый, въ вѣнкѣ, сопровождаемый многочисленными друзьями. Послѣ того, какъ свадебный договоръ (*tabulae nuptiales, matrimoniales, dotales*) былъ написанъ, скрѣпленъ подписями и печатями 10ти свидѣтелей, и громко было произнесено взаимное согласіе жениха и невесты, одна изъ замужнихъ родственницъ, исполнявшая обязанность свахи (*pronuba*, какъ бы заступавшая Юнону, покровительницу брака), брала невесту за руку, подводила къ жениху и въ его руку владывала руку невесты. Молодые сажались на стулья, покрытые шкурою только что предъ тѣмъ убитой овцы. Тогда мальчикъ подъ звуки кларнета разводилъ огонь на домашнемъ алтарѣ въ атрій, а жрецъ клалъ на костеръ внутренности жертвеннаго животного и, произнося установленную молитву, ходилъ кругомъ алтаря, имѣя

его по правую руку; за нимъ троекратно обходили алтарь новобрачные, при чемъ невеста бросала въ огонь ладонь и лила вино. По окончаніи этого жертвоприношенія присутствующіе привѣтствовали новобрачныхъ словомъ: *feliciter* (т. е. *eveniat vobis*), и затѣмъ справлялся свадебный пиръ (*cena nuptialis, epulae geniales*), обыкновенно продолжавшійся до сумерекъ. Тогда поднимались изъ-за стола, и наступалъ моментъ введенія невесты изъ-подъ отцовскаго крова (*deductio*, отсюда выраженіе *uxorem ducere*, т. е. *domum*). Не хочется ей переступить родной порогъ, и она бросается въ объятія матери, но жениху удается вывести невесту изъ дому; здѣсь ожидаютъ ее громкія привѣтствія собравшейся толпы. За тѣмъ открывается шумное шествіе: впереди несутъ факелы, за ними идутъ музыканты, далѣе невеста съ подругами и за нею женихъ въ сопровожденіи друзей; къ шествію присоединяются любопытные изъ зрителей, и всѣ поютъ старинную свадебную пѣсню (*Fescennini versus, Fescennina*) съ повторяющимся припѣвомъ: *talassio, talassio!* (точное значеніе этого припѣва потерялось уже въ древнѣйшее время, но очевидно онъ заключалъ что-то привѣтственное). Невесту вели два красивыхъ юноши (въ позднѣйшее время ее несли на носилкахъ), а третій несъ предъ нею факель; за ней несли прялку и веретено (*colus et fusus*), украшенныя пестрыми лентами. Женихъ по дорогѣ бросалъ публикѣ, именно молодежи, деньги и орѣхи.

Такъ процессія доходитъ до дома жениха, который также убранъ вѣнками и коврами. Невеста мазетъ масломъ и обвѣшиваетъ шерстяными лентами (*vittae laneae*) верей своего новаго жилища, чтобы снискать благосклонность пенатовъ мужа, и за тѣмъ вносится подругами чрезъ порогъ въ домъ. Здѣсь въ атриіи сваха кропитъ невесту святою водою и произноситъ предъ домашними богами молитву о счастіи новобрачныхъ; послѣдніе свадебными факелами зажигаютъ огонь на очагѣ, и сваха отводитъ невесту во внутренніе покои. На другой день молодая хозяйка приноситъ первую жертву новымъ пенатамъ, при чемъ устраивается небольшой пиръ (*repotia*), на который приглашаютъ только нѣкоторыхъ друзей.

Положеніе женщины у Римлянъ въ цвѣтущее время республики было гораздо почетнѣе, чѣмъ у Грековъ. Хотя по закону она и была подчинена мужу, но считалась полноправною

госпожею въ домѣ, и отъ нея преимущественно зависѣло веденіе домашняго хозяйства. Поэтому и называли ее не только домашніе, но и мужъ почетнымъ именемъ *domina* (госпожа). Она не заперта, какъ у Грековъ, въ заднихъ комнатахъ (*γυναικωνῆτις*); для нея открытъ весь домъ; она принимаетъ визиты своихъ родственниковъ или въ таблинѣ, или въ собственныхъ комнатахъ около перистила (см. стр. 110 и 116), въ задней части дома, и присутствуетъ также во время приѣма гостей мужемъ. Обѣдаетъ она вмѣстѣ съ мужемъ, тогда какъ дѣти ѣдятъ за особымъ столикомъ. Работы по кухнѣ предоставлены прислугѣ. Занятія жены сосредоточиваются на тканьи и пряденьи вмѣстѣ съ служанками и уходѣ за дѣтьми, которыя приблизительно до 10 года остаются единственно на ея попеченіи. Какъ благотворно матери въ хорошихъ семействахъ вліяли на воспитаніе дѣтей, на это, кромѣ многочисленныхъ свидѣтельствъ, указываютъ слова: *in gremio matris educari* (быть воспитаннымъ на лонѣ матери); Цицеронъ и другіе писатели употребляютъ эти слова въ смыслѣ: получить самое тщательное воспитаніе. Отсюда понятно и вліяніе матери на взрослыхъ дѣтей, какъ Волумніи на Коріолана, Корнелии на Граховъ и т. п.

О важномъ значеніи хозяйки въ домѣ говоритъ и то обстоятельство, что во время женскаго праздника матроналій, 1го марта, и въ день ея рожденія все семейство приноситъ ей подарки съ поздравленіями. Правда, при воспитаніи женщинъ у Римлянъ въ это время преслѣдовались самыя необходимыя практическія цѣли; но вѣдь и образованіе мужчины не заходило въ то время особенно далеко.

Выходя изъ дома, въ приличной одеждѣ (*stola matronalis*), Римлянка непременно встрѣчала должное почтеніе со стороны прохожихъ; даже на судѣ нельзя было дотронуться до нея, хотя бы это требовалось юридическими обычаями (напр. *auriculam tangere*). Она свободно посѣщаетъ храмы, театры, бываетъ на пирахъ, присутствуетъ на судѣ въ качествѣ свидѣтеля, и отъ своего имени ходатайствуетъ предъ судомъ за близкихъ ей лицъ.

Главная забота римской женщины по домашнему хозяйству — одѣвать семью. Въ хорошихъ семействахъ такъ было до конца республики и даже послѣ. Извѣстно напр., что дочери и внучки Августа очень усердно занимались пряденьемъ и тканьемъ, и императоръ носилъ туніки и тоги только ихъ рукодѣля. Такія качества въ женщинахъ не только уважали при жизни, но прославляли и послѣ ихъ смерти. На римскихъ надгробныхъ памятникахъ часто встрѣчается названіе умершей *рукодѣльницы* и

(lanifica), домохѣдкой (domiseda, или напр. „domum servavit, lanam fecit“); нѣрѣдко попадаетъ и символъ женскаго занятія — ткацкой станокъ.

Воспитаніе и обученіе у Римлянъ.

56. Послѣ рожденія дитяти отецъ, взявъ (tollere, suscipere) его на руки, признавалъ своимъ (законъ давалъ отцу право отказаться отъ урода-дитяти, и умертвить его). Въ девятый день отъ рожденія (nundinae) мальчика и въ восьмой, если новорожденный былъ дѣвочка, дома или въ храмѣ приносилась очистительная жертва (lustratio, dies lustricus) и нарекалось имя (nominalia, dies nominum); день обанчивался пиромъ. Нарезаемое имя было такъ наз. праепомен¹⁾ (предъ-имя), которое соотвѣтствуетъ нашему личному имени, даваемому при крещеніи. Такихъ именъ у Римлянъ было не болѣе 30; изъ нихъ нѣкоторыя постоянно преобладали въ однихъ патриційскихъ родахъ, другія въ другихъ; такъ было и у образовавшейся впоследствии римской знати (nobilitas). Менѣе однообразія наблюдалось въ предъ-именахъ женщинъ.

Чтобы предохранить ребенка отъ волшебства (fascinum), совершалось много обрядовъ въ честь божествъ-охранителей младенцевъ; такими считались Levana, Vagitana, Cunina, Potina, Edusa, Nundina. Для той-же цѣли служили и другія суевѣрные средства; напр. на шею ребенку вѣшали такъ наз. булду (bulla), состоявшую у бѣдныхъ изъ кожанаго, у богатыхъ изъ золотаго ящичка съ амулетомъ (praebium). Такія буллы носили только дѣти сво-

¹⁾ Какъ: Gaius, Gnaeus, Marcus, Publius. Дочери звались обыкновенно родовымъ именемъ (nomen gentilicium): Tullia, Cornelia, Calpurnia, Pomponia и т. д. Если въ семействѣ было двѣ дочери, то прибавлялось maior (старшая) и minor (младшая); если болѣе, — Tertia, Quarta (Quartilla), Quinta (Quintilla). Nomen gentilicium у мужчинъ вполне соотвѣтствуетъ нашимъ фамиліямъ, какъ: Tullius, Cornelius, Calpurnius, Pomponius. Кромѣ того было еще третье имя, такъ наз. cognomen (семейное имя); имъ отличались отдѣльныя семейства (familia, stirps) въ родѣ (gens); такъ, къ роду Корнеліевъ принадлежали изъ патриційскихъ семействъ: Сципіоны, Суллы, Руфины и др., изъ плебейскихъ: Долабеллы, Лептулы, Цетегы и т. д. Иногда лицу придавалось еще четвертое имя, такъ наз. agnomen (прозваніе), какъ: Africanus, Asiaticus, Parthicus и т. д., за особенные подвиги, или, когда cognomen не было достаточно для указанія семейства извѣстнаго лица.

бодныхъ гражданъ (*ingenui*), мальчики до зрѣлаго возраста, а дѣвочки до замужества. Обычай этотъ сохранялся до 3го стол. по Р. Хр.

Внесеніе новорожденнаго въ списки въ томъ видѣ, какъ оно дѣлалось и у Грековъ (см. стр. 292), впервые установлено было въ Римѣ императоромъ М. Антониномъ и происходило у завѣдующаго казначействомъ (*profiteri natos liberos apud praefectos aerarii Saturni*); до того времени отецъ только заявлялъ цензору о числѣ и возрастѣ своихъ дѣтей, и это вносило въ ценсорскіе списки.

Во время императоровъ вошло въ обычай о выдающихся семейныхъ событіяхъ (бракъ, разводъ и пр.) объявлять въ народномъ дневникѣ (*acta populi diurna*), соответствующемъ нашимъ „вѣдомостямъ“.

Въ древнія времена дѣти получали физическое и умственное воспитаніе въ отцовскомъ домѣ главнымъ образомъ отъ матери, которая съ особенною старательностью выбирала нянекъ и кормилицъ. Отсюда извѣстное выраженіе *in gremio matris educari* (быть воспитаннымъ на лонѣ матери). Государство, предоставивъ отцу неограниченныя права надъ дѣтьми (*patria potestas*, см. стр. 317), не вмѣшивалось прямымъ образомъ и въ воспитаніе; только въ случаяхъ вреднаго вліянія семейной обстановки оно въ лицѣ ценсора могло парализовать дурное направленіе въ воспитаніи. Въ семейной средѣ дитя рано усвоивало старо-римскія добродѣтели — почтеніе къ богамъ и законамъ, скромность въ рѣчахъ и дѣлахъ, послушаніе, честность, умѣренность и трудолюбіе. „Принимаетъ ли домохозяинъ рано по утру въ атрии, сидя въ креслѣ, кліентовъ и выслушиваетъ ихъ нужды; отворяетъ ли онъ во время празднествъ и похоронъ шафы съ восковыми изображениями славныхъ предковъ; идетъ ли рѣчь о великихъ дѣлахъ славнаго прошлаго; поется ли застольная пѣснь о славѣ героевъ и могучихъ дѣятеляхъ римской исторіи: всегда тутъ присутствуютъ дѣти-сыновья, и здѣсь-то впечатлительный ихъ умъ запасается здоровыми задатками на цѣлую жизнь.“ — Дѣти присутствуютъ и при общемъ обѣдѣ, сидя за отдѣльными столиками, или прислуживая родителямъ. Дочери прядутъ, ткуютъ и вяжутъ вмѣстѣ съ матерью; сыновья пашутъ, сѣютъ и жнутъ вмѣстѣ съ отцемъ; у него-же учатся ѣздить верхомъ, плавать, владѣть оружіемъ, а также начаткамъ чтенія, письма и счета.

Но такъ какъ отецъ не всегда могъ быть руководителемъ въ послѣднемъ случаѣ, то приходилось обращаться къ учителямъ. Въ богатыхъ домахъ учителемъ бывалъ знающій грамоту рабъ, не

то — дѣти ходили въ школу (*ludus litterarius*), въ первый разъ упоминаемую подъ 449 г. до Р. Хр. Здѣсь въ полуоткрытой сѣни (*pergula*) какого нибудь зданія, или въ приспособленномъ для того дощатомъ помѣщеніи (*taberna*), или даже прямо на улицѣ (*in triviiis*, отсюда уже Квинтиліаномъ упоминаемая *trivialis scientia*) учитель (*litterator, ludi magister*) изъ вольноотпущенниковъ училъ читать, писать и считать. Такія школы были частнымъ, отъ государства независимымъ учрежденіемъ и содержались на плату за ученіе, вносившуюся родителями въ продолженіе восьми мѣсяцевъ (отъ іюля до октября включ. продолжались вакаціи, на время которыхъ школы въ деревняхъ и элементарныя школы въ Римѣ бывали закрыты). Читать учили по буквослагательному методу (*Quintil. I. 1, 26*), какъ и у Грековъ (см. стр. 294). Для облегченія изученія азбуки давали иногда дѣтямъ буквы, сдѣланныя въ большомъ видѣ изъ слоновой кости (*eburneae litterarum formae, Quintil. ibid.*).

Писать учили на навощенныхъ дощечкахъ (о нихъ см. главу о книжномъ дѣлѣ) съ прописей (*puerile praescriptum, Sen. Ep. 94; litterae praeformatae, Quint. V. 14, 31*), при

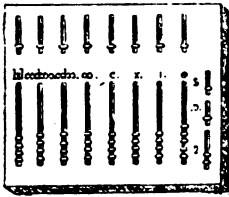

Рис. 321. Счетная доска (*abacus*) по древнему оригиналу.

чемъ учитель водилъ рукою ученика. Квинтиліанъ совѣтуетъ для приобрѣтенія твердой руки, чтобы буквы какъ можно лучше вырѣзывались въ (металлическихъ?) доскахъ, и чтобы ученикъ, вода стилемъ по углубленіямъ вырѣзанныхъ буквъ, такимъ образомъ набивалъ себѣ руку (*I. 1, 27*).

Счету учились (какъ и у Грековъ) двоякимъ образомъ: по пальцамъ и при помощи особыхъ дощечекъ съ камешками (*abacus, calculi*). Рис. 321. представляетъ такую счетную доску, называемую обыкновенно Пизагоровою. Она имѣетъ вверху восемь небольшихъ углубленій и въ каждомъ изъ нихъ по одному подвижному камешку, внизу же восемь другихъ, болѣе длинныхъ углубленій, изъ которыхъ 7 имѣютъ по четыре камешка, а одно шесть; наконецъ, съ боку находятся еще три небольшихъ углубленія, изъ которыхъ два имѣютъ по одному камешку, а одно два камешка. Между нижними углубленіями I означаетъ единицы, X десятки, С сотни и т. д. до миллионѣвъ. Камешекъ верхняго углубленія умножалъ каждый камешекъ нижняго углубленія на пять; это означалось на дощечкѣ тѣмъ, что подвигалось изъ нижняго углубленія вверхъ столько камешковъ, сколько

ихъ нужно было умножить. Камешки въ углубленіи θ означаютъ каждый $\frac{1}{12}$ единицы (или асса), а камешки въ углубленіяхъ съ боку означаютъ $\frac{1}{2}$ унціи, *semuncia* (.S.), $\frac{1}{4}$ унціи, *sicilicus* (.S.) и $\frac{1}{3}$ унціи, *duella*, *duae sextulae* (.Z.).

Кромѣ того ученики заучивали наизусть (по всей вѣроятности уже при обученіи письму) законы XII таблицъ и записки, сдѣланныя подѣ диктовку учителя (*dictata magistri*, *Hor. Ep. I. 18, 13*).

Занятія въ школахъ (какъ и у Грековъ) начинались рано поутру (въ короткіе дни даже при лампахъ). Мальчики не были отдѣлены отъ дѣвочекъ. Дѣти являлись въ школу съ дощечками для письма и съ сумкой подѣ мышкой лѣвой руки (*laevo suspensi loculos tabulamque lacerto*, говоритъ Горацій, *Sat. I. 6, 76*). Смысловей зажиточныхъ родителей провожалъ въ школу рабъ (*custos*), а дѣвочекъ няня (*nutrix*). Заботливыя мамы заранѣе присылали въ школу лакомства и разныя печенья (*crustula*), которыя и служили для учителя средствомъ приманки дѣтей въ школу (*Hor. Sat. I. 1, 25*). Для взрослыхъ учениковъ лакомства смѣнялись розгой (*ferula*); къ этому средству учителя прибѣгали очень часто (см. напр. *Hor. Epist. II. 1, 70* и *Mart. IX. 68*). Много голосовъ раздавалось противъ розги (какъ и позднѣе возставалъ противъ нея Квинтиліанъ, I. 3), но она продолжала царить въ школахъ.

Этимъ ограничивался кругъ ученія въ древнѣйшія времена республики (для описанія его мы, по необходимости, должны были пользоваться свидѣтельствами, относящимися къ концу республики); но съ тѣхъ поръ какъ Римляне, завоевавъ южную Италію, познакомились съ греческою жизнью, кругозоръ ихъ значительно расширился, и они стали мало по малу чувствовать недостатки существующаго у нихъ способа воспитанія. Такимъ образомъ обученіе перешло (сначала только въ нѣкоторыхъ семействахъ, вскорѣ же, по примѣру Эмилиа Павла) сплошь да рядомъ къ учителямъ - Грекамъ (*grammaticus*, по лат. собств. *litteratus*) и состояло не только (какъ бывало прежде) въ практическомъ изученіи греческаго языка, но и въ чтеніи и объясненіи греческихъ поэтовъ (преимущественно Гомера) и прозаиковъ; къ этому присоединялось и изученіе произведеній молодой римской литературы, каковы были: *Одиссея* въ переводѣ Ливія Андроника (ок. 240 до Р. Хр.), *Невіевы* (*Bellum Punicum*) и *Эннїевы* (*Annales*) поэмы и драмы, а въ послѣдствіи, и сочиненія Цицерона, Вергилія, Горація и др. поэтовъ. При этихъ объясненіяхъ ученики получали свѣдѣнія по мѣтологіи, исторіи, географіи, метрикѣ, а въ заключеніе также по

реторикѣ. При концѣ республики послѣдній предметъ получилъ особенно важное значеніе, по своему объему значительно расширился и мало по малу выработался въ самостоятельную науку, преподаваемую особыми учителями, такъ наз. реторами (*rhetoꝛ*), выбиравшимися сначала конечно только изъ Грековъ (и притомъ обыкн. изъ рабовъ). При сильномъ вліяніи греческой культуры конечно ближайшею задачею было усвоить греческій языкъ уже въ самомъ юномъ возрастѣ. Мало по малу и стариннаго римскаго надзирателя (*custos*) смѣнилъ греческій педагогъ ¹⁾, а няню, провожавшую дѣвочекъ въ школу, рабыня-гречанка, что-то въ родѣ нашей гувернантки. Кромѣ педагога за дѣтьми богатыхъ родителей въ школу слѣдоваль и такъ наз. *carparius*, носившій ихъ сумку съ учебными принадлежностями. Въ этихъ высшихъ грамматическихъ школахъ (*scholae*) ученики дѣлились на группы по познаніямъ. Во времена Августа упоминаются и награды; ими служили какія нибудь старинныя или рѣдкія книги (*Suet. de ill. gr. c. 17*). Кромѣ большихъ вакацій ученіе прекращалось на болѣе или менѣе продолжительное время въ сатурналии — сначала на 1, позднѣе на 3 или даже на 7 дней, въ квинкватрїи (въ честь Минервы отъ 19 до 23 марта) на 5 дней, во время сбора винограда, а также конечно въ торжественные дни, которыхъ въ Римѣ было не мало. Учебный годъ начинался въ мартѣ послѣ квинкватрїи (можетъ быть вслѣдствіе стариннаго обычая, ибо гражданскій годъ начинался нѣкогда съ марта). При вступленіи въ школу ученики приносили учителю подарки (*minerval*).

Музыка, пѣніе и танцы во время республики у Римлянъ были исключены изъ школы, какъ неприличныя занятія. Причину этого нужно видѣть въ томъ обстоятельствѣ, что эти искусства стали извѣстны Римлянамъ не въ то время, когда они еще имѣли глубокое образовательное значеніе, а во время упадка нравственности и свободы, отразившагося конечно и на нихъ самихъ.

Игры и забавы римской молодежи не отличались существенно отъ греческихъ (см. стр. 293). У римскихъ дѣтей находимъ также строеніе домиковъ, ѣзду въ колясочкахъ и на коникахъ, кублы (*rupi, pupae*), игры съ камешками, съ волчкомъ, обручемъ. Пѣтъ недостатка въ забавахъ и другого свойства. Наигравшись до-сыта, дѣти собирались около бабушки или старой рабыни и заслушивались ея

¹⁾ Римское названіе собственно *pedisequus puerorum*; греческое названіе *paedagogus* попадаетъ только подъ конецъ республики.

сказокъ, нерѣдко начинавшихся подобно нашимъ: „жили-были царь да царица.“ Молодое воображеніе живо переносилось въ чарующій міръ чудесъ. Вотъ молодая царевна, такая прекрасная, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать; она младшая дочь; сестры ненавидятъ и преслѣдуютъ ее за красоту; она все терпитъ и наконецъ находитъ своего красавца жениха, обращеннаго чародѣйствомъ въ дракона; но до этого она много видѣла горя, много исполнила трудныхъ работъ, наложенныхъ на нее злою мачихою, и могла исполнить ихъ только при помощи волшебной силы: то муравьи помогаютъ ей, когда она должна до вечера собрать большую кучу разсыпанныхъ зеренъ, то волшебный камень шепчетъ ей, какъ добыть для злой мучительницы шерсть съ златорунныхъ овецъ, то, когда она задумалась, какъ достать воды изъ колодца, охраняемаго дракономъ, откуда ни возьмись, сизый орелъ несетъ цѣлое ведро той заколдованной воды (Апулей).

Больше взрослые играли въ горѣлки, въ цари, въ воеводы, въ судьи; но самую любимую, особенно во время сатурналій, была игра въ орѣхи; разстаться съ орѣхами (*nuces relinquere*), какъ у насъ „разстаться съ куклами“, говорилось о тѣхъ, для кого миновалъ прелестный возрастъ забавъ и игръ.

Было много родовъ этой игры, довольно занимательныхъ. Одинъ состоялъ въ томъ, чтобы на 3 орѣха, положенные другъ подле друга, положить четвертый, не разстроивъ первыхъ; съумѣвшій это сдѣлать выигрывалъ всѣ четыре. Другой видъ игры состоялъ въ томъ, что нѣсколько орѣховъ клали въ одной линіи и потомъ старались попасть въ нихъ орѣхомъ, пущеннымъ съ наклонной дощечки ¹⁾. Иной разъ чертили треугольникъ и дѣлили его на части нѣсколькими параллельными линіями; поперекъ этихъ линій нужно было прокатить орѣхомъ какъ можно далѣе, и притомъ такъ, чтобы орѣхъ остановился въ треугольникѣ; иначе пускавшій орѣхомъ проигрывалъ. Кромѣ того кидали орѣхи въ ямки (лунки) или въ какой нибудь сосудъ (подобно греческой игрѣ *τρόπα*), играли въ „четъ и нечетъ“ (*par impar*), или ассомъ въ орлянку, или угадывали „сколько“ въ какой рукѣ (греч. *ποσίνδα*). Объ игрѣ въ мячъ (*pila*) мы упоминали уже у Грековъ (стр. 298), гдѣ она была въ числѣ гимнастическихъ упражненій; въ Римѣ игра въ мячъ

¹⁾ Краткое описаніе обоихъ этихъ способовъ, равно какъ и другихъ здѣсь упомянутыхъ видовъ игры въ орѣхи, находится въ элегіи „Nux“ (орѣхъ), обыкновенно приписываемой Овидію.

была въ ходу только между взрослыми и по причинамъ чисто діететическимъ, именно предъ купаньемъ, въ особыхъ для этого устроенныхъ залахъ (sphaeristeria); поэтому мы и коснулись ея въ статьѣ о купаньи (см. стр. 279).

Изъ другихъ уже болѣе гимнастическихъ игръ и забавъ самыми распространенными между римской молодежи были: бѣгъ въ запуски (cursus), прыганье (saltus) въ даль и въ высоту, борьба (luctatio), кулачный бой (pugilatio), бросанье копій (hastilia iacere), упражненія съ оружіемъ, при чемъ мечъ замѣняла тяжелая палка (vectis, clava), и наконецъ ѣзда верхомъ (equitatio) и плаванье (natatio). Во всемъ этомъ Римляне упражнялись (по староримскому обычаю) умѣренно и на сколько было необходимо для укрѣпленія тѣла. Какой нибудь системы въ веденіи упражненій не преслѣдовалось. Еще менѣе имѣлись въ виду виртуозность въ гимнастикѣ и атлетизмъ, до которыхъ спустилась въ эпоху упадка гимнастика у Грековъ. Поэтому отъ Грековъ Римлянами принято было одно лишь упражненіе съ дискомъ, между тѣмъ какъ палестра, которая служила (стр. 279) діететическимъ приготовленіемъ къ банямъ и такимъ образомъ располагала къ изнѣженности, не была посѣщаема римскою молодежью. ¹⁾ Такъ по крайней мѣрѣ было до Августа, когда отмѣнена была всеобщая воинская повинность, и вмѣстѣ съ тѣмъ для большинства римскихъ гражданъ первоначальная цѣль гимнастики, какъ подготовки къ военной службѣ, потеряла свое значеніе.

Когда молодому Римлянину исполнилось 17²⁾ (подъ конецъ республики только 16) лѣтъ, ученіе его кончалось (даровитые и любознательные молодые люди конечно продолжали и послѣ заниматься риторическою наукою или въ Римѣ, или въ Афинахъ), и на него въ знакъ совершеннолѣтія (pubertas) надѣвали мужскую тогу (toga virilis) Это обыкновенно происходило 17 марта, въ ирраздникъ, называемый „liberalia“, и притомъ слѣд. образомъ: предъ изображеніями домашнихъ боговъ (lares) юноша снималъ съ себя знаки дѣтства (insignia pueritiae) — обшитую пурпуромъ тогу (toga praetexta) и буллу, и надѣвалъ узкую долгую одежду (tunica recta), а поверхъ ея мужскую тогу, безъ пурпуровой обшивки (toga pura, t. virilis); затѣмъ, совершивъ жертвоприношеніе домашнимъ богамъ, онъ, въ

¹⁾ Частныя палестры (и гимназіи) при виллахъ римской знати встрѣчаются уже во времена Цицерона. Cic. ad Att. I. 8, 9 и 10. Ср. стр. 144.

²⁾ По Liv. XXII. 57.

знакъ того, что вступаетъ въ общественную жизнь (*tirocinium fori*), отцемъ или опекуномъ, въ сопровожденіи родственниковъ и друзей, отводился на форумъ (*deducitur in forum*), а оттуда на Капитолій, гдѣ въ архивѣ (см. стр. 81) трибунъ вносилъ его въ списки гражданъ. Жертвоприношеніемъ (какъ кажется на алтарѣ богини Юности, ага *Juventatis* (?)) и угощеніемъ знакомыхъ заканчивалось торжество дня. Съ этого момента молодой Римлянинъ въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи считался полноправнымъ гражданиномъ и долженъ былъ отбыть воинскую повинность. Дѣти римской знати обыкновенно поступали въ качествѣ новобранцевъ (*tirones*) на годъ подъ начальство какаго нибудь полководца, и въ когортѣ его приготавливались къ офицерскому чину. Чувствовавшіе же призваніе къ юридической и вообще гражданской дѣятельности, обращались къ какому нибудь извѣстному государственному дѣятелю и, присматриваясь къ его политической и судебной дѣятельности (отсюда *forum attingere, in forum venire*), сами практически совершенствовались на избранномъ ими поприщѣ. Конечно это было возможно въ томъ лишь случаѣ, когда политическія обстоятельства позволяли на время уклониться отъ военной службы. Во всякомъ случаѣ и по наступленіи самостоятельности, какъ уже было замѣчено выше, Римляне не бросали окончательно занятія философіею или краснорѣчіемъ. Для этой цѣли они (по завоеваніи Греціи) путешествовали обыкновенно въ Аѳинны и иногда долго оставались тамъ, какъ это напр. извѣстно объ Атикѣ, Цицеронѣ и его сынѣ, Бибулѣ, Ацидинѣ, Мессалѣ, позднѣе о Гораціи, Овидіи и многихъ другихъ.

Здѣсь не мѣшаетъ остановиться на отношеніи дѣтей къ родителямъ, чтобы понять въ истинномъ свѣтѣ ту полноправность и самостоятельность, которую получалъ молодой Римлянинъ, надѣвъ мужскую тогу (*toga virilis*). По римскому праву отецъ имѣлъ неограниченную власть надъ жизнью и смертью своихъ дѣтей, даже совершеннолѣтнихъ и пользующихся всеми гражданскими правами. Эта власть (*patria potestas*) прекращалась только тогда, когда отецъ или добровольно отказывался отъ нея, или лишался ея по какой нибудь законной причинѣ. Отказаться отъ правъ надъ сыномъ отецъ могъ, или позволивъ другому гражданину усыновить его (въ такомъ случаѣ *patria potestas* сполна переходила къ усыновившему), или посредствомъ эманципаціи, которая состояла въ томъ, что отецъ (только для вида) три раза продавалъ сына выбранному имъ довѣренному лицу (*pater fiduciarius*), общав-

шему каждый разъ послѣ покупки возвращать сына настоящему отцу; этимъ обходили старинный законъ, гласившій, что сынъ, трижды проданный отцомъ, считается свободнымъ. По закону терялъ отецъ права надъ сыномъ тогда, если онъ самъ или сынъ лишился права гражданства, или сынъ дѣлался жрецомъ Юпитера (*flamen Dialis*), а надъ дочерью, когда она выходила за-мужъ и переходила во власть своего мужа (см. стр. 305). Такой жестокой, несправедливый и неестественный законъ (такъ какъ онъ и взрослыхъ людей не выпускалъ изъ-подъ отцовской власти) въ дѣйствительной жизни постоянно умѣрялся общественнымъ мнѣніемъ и обычаемъ, которые напр. предписывали отцу особенно важные проступки дѣтей судить предъ цѣлымъ родомъ, и наконецъ еще тѣмъ, что излишнюю жестокость отца могъ покарать цензоръ. Впрочемъ иногда такая жестокость отца предупреждала только (и дѣлала ужъ невозможнымъ) наказаніе, угрожавшее сыну со стороны закона (напр. въ случаѣ государственной измѣны, нарушенія военной дисциплины и т. д.). Во 2 стол. по Р. Хр. *patria potestas* потеряла свое значеніе.

Во времена имперіи кругъ школьнаго ученія (*ἐγκύκλιος παιδεία*) расширился прибавленіемъ музыки и геометріи, которыя еще во времена Цицерона (*Cic. Tusc. I. 2, 4*) не были учебными предметами. По Квинтилиану прежде всего долженъ учить *litterator* чтенію, письму и счету, за нимъ *grammaticus* (греческій и латинскій) грамматикъ, т. е. знанію частей рѣчи (*I. 4* и т. д.), правильному ихъ употребленію, знанію прямого и переноснаго значенія словъ, этимологіи и правописанію, далѣе *musicus* — музыкъ¹⁾, но не театральной, а героической (*I. 10, 31*), геометръ геометріи и актеръ (*comaedus*) декламации и жестикуляціи, крайне необходимымъ для будущаго оратора; курсъ весь заканчиваютъ греческіе и римскіе риторы (*rhetores* и *oratores*), которые преподаютъ теорію краснорѣчія, а также практически упражняютъ своихъ слушателей, заставляя ихъ сочинять и произносить разнаго рода рѣчи, заключающія въ себѣ совѣтъ или возраженіе (*suasoria, controversia*).

Школы, какъ мы упомянули выше, у Римлянъ (какъ и у Грековъ) содержались частными лицами независимо отъ государства.

¹⁾ Пѣніе и танцы никогда не имѣли у Римлянъ того образовательнаго значенія, какъ напр. у Грековъ уже во времена Сократа; въ нихъ видѣли только предметъ удовольствія, и еще при Цицеронѣ заниматся ими взрослому Римлянину считалось неприличнымъ; только при Августѣ они дѣлаются предметомъ, достойнымъ изученія даже въ глазахъ знати (*Оч. А. А. III. 195; Hor. Sat. I. 9, 24*).

Только начиная со 2 стол. по Р. Хр. и правительство, и общество заботятся объ устройствѣ школъ, и учителя назначаются или правительствомъ, или общиною. Но такихъ учителей немного; большинство продолжаютъ содержать школы частнымъ образомъ. Учителя, получавшіе жалованье отъ правительства, пользовались кромѣ того еще и тѣмъ преимуществомъ, что свободны были отъ всякихъ государственныхъ повинностей.

Первыя каѳедры по римскому и греческому краснорѣчію учреждены были въ Римѣ императоромъ Веспасіаномъ; профессора получали до 100.000 сестерцій (ок. 4800 руб.), т. е. въ четверо болѣе, чѣмъ напр. военный трибунъ. Антонинъ Пій назначилъ учителей краснорѣчія и философіи во все провинціи (Jul. Capitol. Anton. c. 11). Въ Аѳинахъ учителя философіи получали до 10.000 драхмъ (Luc. Eun. 3).

Рабы.

57. Къ греческой и римской семьѣ должно причислить и рабовъ (*δοῦλοι, servi*). Греческій (и римскій) домъ не могъ обойтись безъ рабовъ; поэтому Аристотель напр. говоритъ, что „домъ въ полномъ видѣ составляютъ рабы и свободные.“

Мнѣніе о необходимости и нравственной непредосудительности рабства до того укоренилось въ греческомъ обществѣ и было признано всеми, что даже такимъ великимъ мыслителямъ, какъ Платонъ и Аристотель, никогда не приходило на мысль усумниться въ немъ. Напротивъ, и они были проникнуты тѣмъ горделивымъ національнымъ убѣжденіемъ, что Греки, превосходя во многихъ отношеніяхъ другіе народы, самой природою поставлены выше послѣднихъ и предназначены повелѣвать (или, какъ говоритъ поэтъ, „*βαρβάρων δ' Ἑλλήνας ἄρχειν εἰκός* — Грекамъ свойственно господствовать надъ варварами,“ и съ этимъ вполне согласенъ Аристотель). А если рабство было необходимо для древняго общественнаго строя и по понятіямъ людей того времени даже вполне естественно, то оно было оправдано и юридически.

Другое дѣло, когда и почему явилось рабство. Оно не было исконнымъ явленіемъ греческой жизни; это говоритъ Геродотъ (VI. 137), и съ этимъ согласны тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ изъ того времени, которое изображаютъ поэмы Гомера, когда положеніе раба вовсе не было такъ тяжело и безотраднo, какъ въ позднѣйшія времена.

Въ героическій періодъ рабами дѣлаются женщины и дѣти завоеванныхъ городовъ, а также похищенные (напр. на Лесбѣ, въ Эпирѣ, Сициліи, Сидонѣ и т. д.) и проданные на чужбину дѣвушки и мальчижи. Но покупаютъ ихъ и содержать только цари и князья; частные люди не имѣютъ рабовъ и употребляютъ при работѣ только временно нанятыхъ работниковъ (*θητες, ξηδοι*). Съ рабами обращались въ то время такъ мягко, какъ никогда послѣ. И одежда ихъ ничѣмъ не отличалась отъ одежды свободныхъ; рабни также опоясываются, какъ и свободныя, такъ-же носятъ на головѣ покрывало, какъ и тѣ, моются и натираются масломъ; госпожа вмѣстѣ съ ними сидитъ за работой, вмѣстѣ съ ними и забавляется, зоветъ ихъ милыми подругами. Въ домѣ Одиссея, по истребленіи жениховъ рабни наряжаются и пляшутъ вмѣстѣ съ свободными. Царевна (Навсигая) моетъ бѣлье съ рабынями, съ ними ѣсть и играетъ въ мячъ.

Происхожденія рабства, кажется, должно искать въ грабительскихъ и военныхъ походахъ древнѣйшаго времени, подобныхъ тѣмъ, которые описываетъ намъ Гомеръ; во время ихъ наравнѣ съ другой добычею захватывали людей (чаще всего женщинъ и дѣтей) и, приводя домой, заставляли работать (потому-то и употребляетъ Гомеръ для означенія всякаго рода прислуги чаще всего слово *δμῶς*, т. е. покоренный); иногда ихъ отпускали за выкупы, а иногда тутъ-же продавали на сторону. Послѣ, когда греческія племена окончательно усѣлись на своихъ мѣстахъ, и походы прекратились, а услуги рабовъ между тѣмъ стали необходимыми въ хозяйствѣ, пришлось обратиться къ другому способу добыванія рабовъ: ихъ стали покупать въ чужихъ, варварскихъ земляхъ. Но кромѣ того не потерялъ силы и прежній обычай, по которому взятые на войнѣ дѣлались рабами (*δορυάλατοι*); впрочемъ Греки, уже рано проникнутые чувствомъ національнаго единства, обыкновенно удерживали въ рабствѣ только полоненныхъ варваровъ, а соплеменникамъ позволяли выкупаться. — Рабство за долги, имѣвшее значеніе только временной подчиненности, было уничтожено Содономъ. — Такимъ образомъ большинство рабовъ были купленные (*ἀργυρωνητοί*). Родившіеся въ домѣ рабы назывались *οἰκῶτριβες* (домородные, дѣти ихъ *οἰκωτρίβαιοι*).

Число рабовъ ¹⁾ сравнительно съ числомъ свободныхъ въ гре-

¹⁾ Рабъ по отношенію къ свободному (*ἐλεύθερος*) и къ своему господину (*δεσπότης*) назывался *δοῦλος* (отъ *δέω*?) или *ἀνδράποδον* т. е. купленный; въ

ческихъ государствахъ было громадно. Въ Атикѣ напр., по свидѣтельству Деметрія Фалерійскаго (ок. 317—307 г. до Р. Хр.), они въ 20 разъ превышали число гражданъ (рабовъ 400.000, гражданъ 21.000). Коринѣ и Эгина имѣли почти по полу милліону рабовъ.

Извѣстная часть такого числа рабовъ принадлежала государству, другая частнымъ лицамъ.

Греки, а именно Атики, которыхъ мы и имѣемъ главнымъ образомъ въ виду, употребляли рабовъ для всѣхъ занятій и работъ, исключая письмоводства. Такъ прежде всего они составляли домашнюю прислугу. Изъ нихъ были: ключникъ (*ἐπίτροπος, ταμίας*) и ключница (*ταμία*), которые (впрочемъ подъ главнымъ надзоромъ хозяйки дома) завѣдывали хозяйственными припасами, дядька (*παιδαγωγός*), кормилица и няня (*τίτην, τροφός*), спутники (*ἀκόλουθοι*), которые сопровождали господина внѣ дома для разныхъ услугъ, а также рабыни, слѣдовавшія за хозяйкою внѣ дома и прислуживавшія ей дома въ комнатахъ и при одѣваніи (*κοιμώτριαι*); были еще другія обязанности, которыя исполняли рабы: одинъ покупалъ на рынкѣ съѣстные припасы (*ἀγοραστής*), другой носилъ воду (*ὕδροφόρος*), третій былъ виночерпиемъ (*οἰνοχόος*) и т. д.; заботы по приготовленію нужной одежды тоже лежали на рабахъ, и въ особенности на рабыняхъ (см. стр. 227). Другихъ рабовъ землевладѣльцы имѣли въ своихъ помѣстьяхъ; они зависѣли отъ управляющаго (*ἐπίτροπος*) тоже изъ рабовъ. Но самыми важными были рабы ремесленники. Ни одинъ свободный гражданинъ, по крайней мѣрѣ во времена процвѣтанія и могущества греческихъ республикъ, не занимался лично какимъ нибудь ремесломъ. Ремесла знали только рабы. Нѣкоторые граждане имѣли значительное число рабовъ, употребляя ихъ часто для оптоваго изготовленія разныхъ товаровъ, въ мастерскихъ (*ἐργαστήριον*), похожихъ до нѣкоторой степени на наши заводы. Такъ напр. отецъ Демосоена имѣлъ 30 рабовъ-ножевщиковъ (*μαχαίροποιοί*) и 20 столяровъ (*κλινοποιοί*); Тимархъ, извѣстный изъ рѣчи Эсхина, имѣлъ въ своей мастерской 10 саножниковъ. Иные граждане отпускали за извѣстную плату (*ἀποφορά*) своихъ рабовъ работать къ другимъ: такъ богатый Никій отпустилъ 1000 своихъ рабовъ на работу во еракійскіе золотые рудники. Отецъ Демосоена имѣлъ съ ножевщиковъ годового дохода болѣе 30 минъ (ок. 700 руб.), а со

болѣе мягкомъ смыслѣ (какъ домашняя прислуга) рабы назывались: *οἰκέται* челядь, *παῖς*, *παιδίον* мальчикъ, дѣвка, иногда также *θεράποντες*; *θεράπειναι*.

столярю 40 минъ, Тимархъ со своихъ сапожниковъ по 2 обола (8 к.) въ день съ каждаго и съ управляющаго ими по 3, Никій же получалъ чистаго дохода съ каждаго раба въ день по 1 оболу.

Число сельскихъ и ремесленныхъ рабовъ зависѣло отъ величины имѣнія и обширности извѣстнаго производства; не то было съ домашними рабами, число которыхъ зависѣло отъ богатства и пышности дома. Являются въ обществѣ въ сопровожденіи многочисленныхъ рабовъ считалось признакомъ богатства и наоборотъ. Жена Фокіона, вышедшая съ одной только служанкой, сдѣлалась предметомъ разсказовъ и разговоровъ на цѣлый городъ. Семейство Эхина состояло изъ 6 членовъ и имѣло 7 рабовъ — число, по понятіямъ современниковъ, не достаточное. Самое же большее число рабовъ доходило въ одной семьѣ до 50ти.

Государственные рабы (*οἰκέται δημόσιοι, δημόσιοι*) управляли низшія служебныя должности, въ качествѣ полицейскихъ, сторожей, сыщиковъ и палачей. Такихъ рабовъ въ Аѣинахъ напр. было до 1000, позднѣе до 1200. Положеніе ихъ было гораздо свободнѣе и самостоятельнѣе другихъ рабовъ; они могли пріобрѣтать имущество и до извѣстной степени даже имѣли право защищаться предъ судомъ.

Для покупки и продажи рабовъ въ Аѣинахъ (какъ и въ другихъ мѣстахъ) были особые рынки (называвшіеся *κύκλοι*), куда въ большомъ числѣ приводили рабовъ въ извѣстные торговые дни. Продаваемый подвергался тщательному осмотру, становясь для удобства покупателя на камень (отсюда *πρατὴρ λίθος*, ср. лат. выраженіе *de lapide emptus*); кромѣ того за неупомянутые при продажѣ недостатки продавецъ ручался на извѣстный срокъ, что ихъ не окажется въ рабѣ.

Цѣны рабовъ были различны, смотря по возрасту, способностямъ и тѣлесной силѣ. Самыми дешевыми были тѣ, которые годились только для поденныхъ, полевыхъ работъ и для обыкновенной домашней службы; дороже цѣнились ремесленники, а еще дороже тѣ, которыхъ можно было опредѣлить въ мастера и надсмотрщики другихъ. Цѣна простаго раба равнялась 2 минамъ и менѣе, ремесленника 6 минамъ и дороже, а надсмотрщика рудокопныхъ работъ Никій купилъ за 1 талантъ.

Положеніе тѣхъ рабовъ, которые только платили оброкъ господину, какъ упомянутые Никіевы, было гораздо лучше, чѣмъ служившихъ при домѣ, хотя послѣдніе кормились и одѣвались господиномъ, а тѣ этимъ не пользовались. Впрочемъ положеніе рабовъ

вообще въ Аѳинахъ было несравненно сноснѣе, чѣмъ въ Римѣ. Уже пріемъ раба въ домъ и угощеніе его лакомствами означало, что онъ долженъ сдѣлаться членомъ семьи, обѣдающимъ за ея столомъ и принимающимъ участіе въ жертвоприношеніяхъ и торжествахъ. Упоминается также о словоохотливой общительности аттическихъ рабовъ, противоположной молчаливому повиновенію рабовъ у Римлянъ; конечно первая происходила отъ гуманности, второе — отъ жестокости господъ (Plut. π. ἀδολ. 18). Извѣстны въ этомъ отношеніи слова Демосеена (Phil. III. 3), что въ Атикѣ рабы пользуются большею свободою рѣчи, чѣмъ граждане въ нѣкоторыхъ государствахъ. Но не смотря на все это, разстояніе между рабами и свободными было очень велико; достаточно вспомнить о тѣхъ взысканіяхъ и наказаніяхъ, которыя назначались за разныя провинности рабовъ и которыя даже по имѣнію самого Платона могли быть только тѣлесныя, а не нравственныя; а также о томъ, что противъ жестокости и явныхъ обидъ господина рабы не могли искать защиты закона. Единственное, что они могли въ этомъ случаѣ сдѣлать, это убѣжать въ храмъ Ѳесея или къ алтарю другого бога-покровителя; тогда самое большое удовлетвореніе для обиженнаго состояло въ томъ, что владѣльца законъ принуждалъ продать несчастнаго въ другія руки. Рабъ не могъ искать предъ судомъ, если былъ оскорбленъ кѣмъ нибудь другимъ; за него могъ искать только его господинъ. Не имѣя правъ, рабъ могъ свидѣтельствовать на судѣ не иначе, какъ подъ пыткой (*ἐκ τοῦ σώματος, ἐν τῷ δέσματι τὸν ἔλεγχον δίδοναι*).

Наказанія рабовъ, смотря по роду провинности, были различны. Кромѣ палки, ремня, бича, очень часто прибѣгали къ кандаламъ (*πέδαι*, болѣе тяжелые *ποδοκάκη*), или къ желѣзному обручу (*κλοιός, κλωός*), который надѣвали на шею и на руки, такъ что наказываемый долженъ былъ оставаться въ согнутомъ состояніи (отсюда *κρυφών*); но самымъ тяжелымъ наказаніемъ было задѣлыванье въ колоду (*ξύλον*) или однихъ только ногъ, или вмѣстѣ съ ногами рукъ и шеи. За побѣгъ, воровство и подобныя преступленія клалось клеймо на лобъ (*δοῦλος στιγματίας*). Смерти можно было подвергнуть раба только по рѣшенію суда; но если господинъ убивалъ его, то это не считалось преступленіемъ, и убійца только долженъ былъ очиститься извѣстными религіозными обрядами. Убійство чужаго раба обыкновенно считалось неумышленнымъ и сопровождалось только денежною пенею.

О поведеніи рабовъ и отношеніи ихъ къ господамъ

свидѣтельства въ цѣломъ далеко не въ пользу первыхъ; но мы не должны забывать, что это свидѣтельства только одной стороны. Мы читаемъ жалобы на испорченность, злонѣмѣнность и невѣрность рабовъ (впрочемъ съ исключеніями), но едва ли въ большинствѣ случаевъ не виноваты господа. Между ними и рабами никогда не было полнаго довѣрія; особенно послѣдніе бывали опасны въ военное время. Противъ ихъ заговоромъ главныхъ образомъ гарантировало господъ то обстоятельство, что рабовъ одного племени никогда не держали вмѣстѣ. Въ ожиданіи войны господа дѣлались снисходительнѣе къ рабамъ и обѣщаніемъ наградъ старались задобрить ихъ.

Высшей наградой для раба была свобода, которая давалась ему за какія нибудь признанія государствомъ заслуги, напр. военныя, или за открытіе нѣкоторыхъ преступленій. Владѣлецъ, терявшій при этомъ раба, вознаграждался государствомъ. Отпущенники (*ἀπελεύθεροι*) и послѣ продолжали оставаться подъ защитою прежнихъ господъ (а иногда и несли прежнюю службу у нихъ) и называться также *δοῦλοι* (но никогда *οἰκέται*). Въ случаѣ неисполненія всѣхъ обязанностей по отношенію къ господину, они подвергались суду (*δίκη ἀποστασίου*).

58. Какъ уже выше замѣчено, и римское хозяйство не могло обойтись безъ рабовъ; и здѣсь мы встрѣчаемъ тѣже мнѣнія о необходимости и законности рабовладѣнія, но уже съ громадною разницею: сознаніе въ неестественности этого явленія не чуждо римскому обществу. Происхожденіе рабства здѣсь было такое-же, какъ и въ Греціи; и здѣсь со временемъ рабы стали пріобрѣтаться главнымъ образомъ посредствомъ купли. Но какъ Римъ превзошелъ могуществомъ греческія республики, и въ рукахъ повелителей міра стали сходиться богатства всѣхъ частей свѣта, то и число рабовъ въ римскихъ семействахъ до того увеличилось, что Греція въ этомъ отношеніи далеко уступаетъ Риму. Грекъ, даже самый богатый, видѣлъ въ рабахъ прежде всего очень прибыльный капиталъ и старался эксплуатировать его, какъ могъ; только небольшая часть рабовъ оставлялась для домашнихъ услугъ и предназначалась увеличивать блескъ господскаго дома; Римлянинъ, напротивъ, чѣмъ былъ знатнѣе, тѣмъ менѣе думалъ извлекать доходъ изъ рабовъ, но пользовался ими только для удовлетворенія своихъ собственныхъ нуждъ: они работаютъ въ его деревенскихъ помѣстьяхъ, служатъ при его городскомъ домѣ и главнымъ образомъ при его особѣ, часто въ огромномъ множествѣ.

Прежде чѣмъ говорить о различныхъ классахъ римскихъ рабовъ, мы уномянемъ въ нѣсколькихъ словахъ о способахъ, которыми Римляне пріобрѣтали рабовъ.

Чаще всего рабами дѣлались плѣнники. Римскіе историки не разъ рассказываютъ о томъ, какъ всѣ жители завоеваннаго города брались въ плѣнъ и продавались побѣдителемъ (*sub corona vendere*, такъ какъ былъ обычай класть на головы несчастныхъ вѣнки). При такой продажѣ главными дѣятелями были (да иначе и не могло быть, напр. вдали отъ Рима) барышники, торговавшіе рабами (*mangones*), которые покупали ихъ цѣлыми толпами, приводили въ столицу и здѣсь продавали на рынкѣ (на форумѣ, позднѣе и въ септахъ, см. стр. 82). Тамъ выведенные на продажу рабы стояли на деревянныхъ подмосткахъ (*catasta*) съ ногами обѣденными гипсомъ, и съ дощечкою (*titulus*) на шеѣ, на которой значилось, какого рабъ происхожденія, здоровъ ли онъ, не подверженъ ли онъ какой нибудь болѣзни, не былъ ли онъ наказанъ за побѣгъ или своевольныя отлучки; за вѣрность этихъ данныхъ торговецъ долженъ былъ ручаться. Если же онъ не хотѣлъ или не могъ ручаться за раба, то надѣвалъ ему на голову шляпу, и рабъ въ такомъ случаѣ продавался безъ поруки (*pileatus*). Покупатели заставляли рабовъ для пробы прыгать, бѣгать и т. п., и вообще подвергали ихъ подробному осмотру.

Такъ продавались простые рабы. Рабы, которые отличались какими нибудь особенно важными преимуществами или познаніями, продавались болѣе частнымъ образомъ, въ тавернахъ, куда не проникалъ глазѣющій людъ, а только тѣ, кто дѣйствительно желалъ и могъ купить; въ нѣкоторые же отдѣленія допускались только завѣдомо богатые покупатели.

Цѣны лучшихъ рабовъ были очень высоки. Такъ у Горация (*Epist. II. 2, 5*) глашатай, выхвалявая раба, объявляетъ ему цѣну въ 8000 сестерцій (болѣе 400 руб.); другой рабъ проданъ былъ за 100.000 сест. (ок. 5500 р.); торговецъ Тораній продалъ, говорятъ, Антонію двухъ рабовъ за 10.000 руб. Упоминаются рабы даже каждый въ эту цѣну (*Mart. III. 62*) и еще дороже.

Наибольшій контингентъ рабовъ доставляла въ Римъ Азія, а именно Сирія, Лидія, Карія, Мизія, Фригія и Каппадокія; изъ нихъ нѣкоторые отличались особыми качествами, какъ напр. Сирійцы тѣлесной силой. Рабы изъ Грековъ, какъ самыя образованные, обыкновенно употреблялись въ качествѣ учителей. Во времена Цицерона начинается большой приливъ рабовъ изъ Германіи и Галліи; послѣдними пользовались главнымъ образомъ

при земледѣльческихъ работахъ. Для домашней прислуги Римляне предпочитали чернокожихъ (стр. 262). Наконецъ въ Римъ приводили рабовъ даже изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, Дакии, Скиѳіи, Месіи и Индіи. Италійцы, пока не получили права римскаго гражданства, могли служить рабами у римскихъ гражданъ (Cic. р. Cluent. с. 7), но римскій гражданинъ ни въ какомъ случаѣ; даже потерявъ право гражданства (напр. за уклоненіе отъ военной службы), онъ долженъ былъ быть проданъ за предѣлы Рима, а позднѣе за предѣлы Италіи (trans Tiberim). То-же дѣлалось и въ томъ случаѣ, если заимодавецъ продавалъ выданнаго ему головою должника.

Рабы, родившіеся въ домѣ своего господина отъ рабскаго супружества (contubernium), назывались *vernae* (также *vernaculi*), т. е. домашніе, домородные (у Грековъ *οἰκτοριβες*). Въ нихъ хвалять особенную смѣтливость и ловкость для службы въ домѣ, такъ какъ къ ней они приготавливались съ самаго дѣтства и могли хорошо изучить привычки и потребности своихъ господъ; но въ той-же мѣрѣ порицаются ихъ назойливость и дерзость, вошедшія въ пословицу (*vernarum licentia, dicta vernilia*).

Третій источникъ рабства было наслѣдство; положеніе рабовъ, пріобрѣтенныхъ чрезъ наслѣдство, по переходѣ ихъ къ новому господину, ни въ чемъ не измѣнялось.

Рабы, принадлежащіе одному господину, назывались собирательнымъ именемъ *familia*¹⁾ (изъ древняго *famulia*, челядь, по Павлу Діакону отъ осскаго *famel*, слуга). Во времена древней простоты, когда римское могущество еще не было значительно и частные люди не имѣли большихъ богатствъ, Римлянинъ довольствовался весьма немногими рабами; для личныхъ же услугъ ему ни въ какомъ случаѣ не нужно было болѣе одного²⁾. Но съ тѣхъ поръ (ср. стр. 135), какъ Римляне начали пріобрѣтать громадныя имѣнія (*latifundia*), а особенно когда начали воздвигать великолѣпныя постройки въ столицѣ, число рабовъ возрасло въ ужасающихъ размѣрахъ. Съ этого времени одни рабы исключительно работали въ деревенскихъ имѣніяхъ (*familia rustica*), другіе же составляли прислугу въ домѣ (*familia urbana*).

¹⁾ Рабъ назывался *servus* по отношенію къ свободному и къ своему господину (ср. *δοῦλος*), *mancipium* — какъ собственность господина (ср. *ἀνδράποδον*); болѣе мягкія названія: *famulus*, слуга (ср. *οἰκέτης, θεράπων*) и *puer*, малый (ср. *παῖς*).

²⁾ Изъ этихъ временъ и ведутъ свое происхожденіе имена рабовъ: *Gairop* (т. е. *Gai puer*, малый, рабъ *Gai*), *Lucipor*, *Marcipor*, *Publipor*, *Quintipor*.

Къ сельско-хозяйственнымъ рабамъ принадлежали все тѣ рабы, о которыхъ говорилось выше на стр. 135 и 138; затѣмъ тѣ, которые смотрѣли за садами и парками (стр. 147—149) или ухаживали за разнообразною птицею и другими предметами, снабжавшими столъ римскихъ гастрономовъ (стр. 265—268). Число этихъ рабовъ доходило у римскихъ богачей до многихъ тысячъ.

Для службы въ домѣ конечно не нужно было столько рабовъ, сколько въ сельскомъ хозяйствѣ. Еще въ концѣ 2 стол. до Р. Хр. М. Антоній имѣлъ для службы въ домѣ только восемь рабовъ; столько-же и Карбонъ въ нач. 3 стол. Въ лагерѣ Маній Курій (въ 3 стол.) обходился двумя рабами; съ тремя слугами отправлялся Катонъ въ качествѣ консула въ Испанію. Во времена Цицерона уже было иначе. Мы знаемъ напр. о поѣздѣ Клодія и Милона. Первый изъ нихъ ѣдетъ на конѣ, сопровождаемый 30^ю вооруженными рабами — и это уже было въ то время обычаемъ, замѣчаетъ Асконій; послѣдній ѣдетъ въ экипажѣ съ своей супругой въ сопровожденіи многочисленной толпы рабовъ (при томъ не должно забывать, что онъ отправляется только на короткій срокъ въ Ланувій, по дѣламъ службы), въ числѣ которыхъ были и гладиаторы и хоръ музыкантовъ его жены. Конечно не всякій могъ имѣть такую свиту, но приличіе требовало, чтобы знатный и занимающій общественную должность Римлянинъ появлялся не иначе, какъ въ сопровожденіи соотвѣтствующей его значенію толпы рабовъ (исключая кліентовъ). Такъ напр. Гораций считаетъ не совѣмъ приличнымъ, что преторъ Туллій возвращается изъ своей тибурской виллы въ сопровожденіи только 5 рабовъ (Sat. I. 6, 107, и т. д.); по его-же мнѣнію и въ незначительномъ хозяйствѣ необходимо держать по крайней мѣрѣ 10 рабовъ (Sat. I. 3, 12). Иначе и быть не могло, такъ какъ во всякомъ зажиточномъ римскомъ домѣ (какъ теперь у турецкихъ пашей) для каждаго рода службъ былъ особый слуга, и число ихъ иногда доходило до сотенъ, такъ что приходилось дѣлить ихъ для порядка на десятки (*decuriae*) съ десятниками (*decuriones*) во главѣ.

По роду службъ рабы составляли цѣлую скалу ступеней и подраздѣленій; каждый получалъ себѣ мѣсто по степени своихъ способностей. Но главнымъ образомъ домашніе рабы распались на два класса: *vulgares* (простые) и *ordinarii* (распорядители).

Къ классу простыхъ рабовъ относились: привратникъ (*ianitor*, *ostiarius*), обязанностей котораго мы уже коснулись выше

на стр. 113; комнатные слуги или камердинеры (*cubicularii*, а *cubiculo*), которые убирали комнаты и залы и докладывали о приходѣ гостей (во дворцахъ императоровъ вводили тѣхъ, которые желали имѣть аудіенцію, особые чиновники, *admissionales*, ab officio *admissionum*). Въ домахъ римской знати былъ кромѣ того особый рабъ-подсказчикъ или номенклаторъ (*nomenclator*), обладавшій счастливою памятью; обязанностью его было докладывать господину о кліентахъ, приходившихъ съ утреннимъ поздравленіемъ (*salutatio*); иногда кліентовъ было такъ много, что патронъ и половины не зналъ изъ нихъ, но номенклаторъ давалъ ему возможность вести себя относительно кліентовъ, какъ вполне извѣстныхъ лицъ. Номенклаторъ былъ неотлученъ при Римлянинѣ, когда послѣдній дѣлалъ отвѣтные визиты, или когда (во время республики), добиваясь должности, онъ долженъ былъ просить голоса за себя часто у незнакомыхъ ему гражданъ. Безъ номенклатора Римлянинъ выходилъ очень рѣдко, но никогда безъ нѣсколькихъ (или по крайней мѣрѣ одного) лакеевъ (*pedisequus*), которые постоянно были у него подъ рукою, чтобы или нести что нибудь (такъ напр., если шель въ баню, банныя принадлежности, если съ рынка, то какую нибудь поупеку), или свѣтить предъ господиномъ, когда онъ возвращался вечеромъ съ пира.

Сюда-же относятся и носильщики (*lecticarii*).

Вмѣсто нашихъ экипажей Римляне употребляли за городомъ, а позднѣе и въ городахъ преимущественно носилки (*lecticae*), которыя вообще восточнаго происхожденія. Онѣ обыкновенно были крытыя, съ занавѣсами (*velum*, *plagae*, *plagulae*), а въ позднѣйшія времена и съ окнами изъ прозрачной слюды (*lapis specularis*), внутри съ подушками и коврами. Впервые носилки въ Римѣ упоминаются въ концѣ 3 стол. до Р. Хр.; первоначально онѣ были дозволены только матронамъ, сенаторамъ и больнымъ, наконецъ, во времена императоровъ, вошли во всеобщее употребленіе. — Сидячія носилки (*sella gestatoria*, *fertoria*) устраивались короче, въ формѣ покойнаго кресла.

По числу нужныхъ носильщиковъ лектики назывались *hexaphoron* или *octophoron*. Ихъ носили при помощи двухъ шестовъ (*asserres*) на ремняхъ. Богатые имѣли для этой цѣли своихъ (во времена императоровъ одѣтыхъ въ красную ливрею) носильщиковъ, обыкновенно изъ сильныхъ рабовъ сирійскихъ, позднѣе галпадокійскихъ, и, когда выходили, то посылали напередъ другихъ рабовъ (*anteambulones*), которые осматривали дорогу и въ случаѣ много-

людства очищали путь для носилокъ; ихъ замѣняли иногда и бѣдные кліенты. Были также наемные носильщики, стоявшіе въ Римѣ въ разныхъ, для нихъ назначенныхъ мѣстахъ (*castra lectisagiorum*), какъ у насъ извозчики и посыльные.

Для дальней дороги Римляне употребляли также леткии, носимыя двумя мулами (*basterna*), и наконецъ колесницы. На послѣднихъ мы и остановимся теперь, и кстати упомянемъ также о ломовыхъ телѣгахъ, хотя эти послѣднія относятся собственно къ сельско-хозяйственнымъ снарядамъ (о которыхъ мы уже говорили выше, на стр. 138 и 139).

Повозки Римляне употребляли въ городѣ не иначе какъ для перевозки товаровъ и грузовъ; это могло происходить или рано

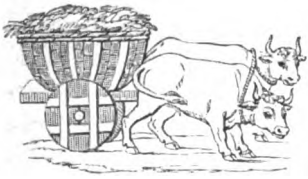

Рис. 322. Ломовая телѣга (*plaustrum*) съ кузовомъ, по римскому барельефу.

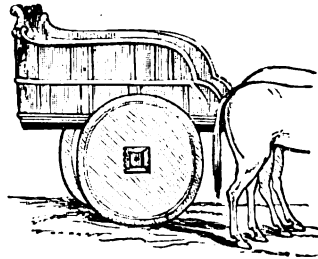

Рис. 323. Ломовая телѣга (*sarracum*), по изображенію въ Геркуланиѣ.

поутру, прежде чѣмъ площадь и улицы наполнялись народомъ, или же только послѣ 10го часа отъ восхода солнца. Исключеніе было только для подвоза матеріаловъ на общественныя постройки. Ъзда въ экипажахъ по городу запрещалась и дамамъ и мужчинамъ; запрещеніе это не падало только на триумфаторовъ во время триумфовъ, на высшихъ сановниковъ при ихъ выѣздахъ въ циркъ, и на жрецовъ (*rex sacrorum, flamines*), Весталокъ и матронъ во время празднествъ (*Liv. XLV. 1, V. 25, I. 21*; ср. *Tac. Ann. I. 15*). Если иногда позволялась ѣзда въ экипажахъ частнымъ лицамъ, то это происходило только съ согласія сената. Еще императоръ Клавдій издалъ приказъ, чтобы по италійскимъ городамъ ходили или пѣшкомъ, или же употребляли только носилки (*Suet. Claud. 25*). Впрочемъ уже одинъ видъ тѣсныхъ улицъ въ Помпеяхъ и глубокихъ выбоинъ въ шероховатой мостовой достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ легкихъ колесницахъ ѣздили по нимъ вообще весьма мало, и что подобная ѣзда и была бы не особенно пріятною для путешественника. Только въ 3 стол. по Р. Хр. (при Александрѣ Северѣ)

ѣзда въ экипажахъ позволена была высшимъ сановникамъ и сенаторамъ; но и тогда она не находила полнаго одобренія (Flav. Vopisc. Aurel. 5), пока наконецъ не вошла во всеобщую моду.

Ломовая телѣга (plaustrum, plostrum, рис. 322.) была о двухъ или о четырехъ колесахъ. Последнія были иногда цѣльныя, имѣя видъ большихъ круглыхъ тарелокъ (tympanum). Смотри по роду кладки телѣги бывали и вовсе безъ кузова (scirrea). Изъ нихъ упоминаются: *sarrasum*, телѣга для доставки большихъ грузовъ (рис. 323.); на ней поселяне въ Италіи перевозили полевые плоды, а также сами выѣзжали съ семействомъ; *carrus*, военная перевозная телѣга; *argera*, перевозная закрытая телѣга, и наконецъ *clabulare* (также *clavulare*) *vehiculum*, телѣга съ рѣшетчатымъ

Рис. 324. Телѣга съ рѣшетчатымъ кузовомъ (*vehiculum clabulare*), по изображенію въ Помпеяхъ.

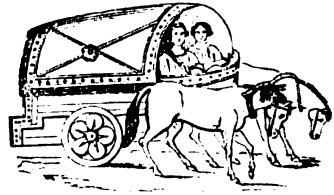

Рис. 325. Крытая повозка (*carpentum*), по этрусскому изображенію.

кузовомъ (рис. 324.), на которой перевозили хлѣбъ и другого рода грузы, а во время императоровъ также солдатъ. За городомъ и въ дорогахъ употреблялись повозки на двухъ и на четырехъ колесахъ. Къ первымъ принадлежали: *cisiium*, *essedum*, *carpentum*; къ последнимъ: *pilentum*, *covinus*, *raeda*, *carruca.*, *petorritum*.

Легкія некрытыя повозки на двухъ колесахъ для скорой ѣзды были *cisiium* и *essedum*, безъ существенной разницы между собою, нѣчто въ родѣ нашихъ кабриолетовъ (одноколокъ). Оба рода этихъ повозокъ, будучи гальскаго происхожденія, вошли въ употребленіе въ Римѣ въ I стол. до Р. Хр. (Cic. Phil. II. с. 24, и *pro Rosc. Am.* с. 7; Verg. Georg. III. 204 и т. д.). Подобная, но крытая (*currus arcuatus*) была повозка, представленная на рис. 325. и называвшаяся *carpentum*; ее употребляли римскія матроны съ давнихъ временъ (Ov. Fasti I. 619; Liv. V. 25 и I. 34), въ ней выѣзжали впослѣдствіи жены императоровъ въ циркъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ. Особый родъ такихъ повозокъ составляли

погребальныя колесницы (*carpentum funebre, pompaticum*), дѣлавшіяся, какъ показывается рис. 326., на подобіе надгробныхъ памятниковъ.

Рядомъ съ *carpentum* была въ употребленіи четырехколесная повозка, называемая *pileutum*, и по всей вѣроятности похожая на *carpentum* (Liv. V. 25); *sovinus*, бельгійская колесница, первоначально вооруженная серпами, приняла въ Римѣ форму легкой открытой спереди тележки безъ козелъ, такъ что сидящій на ней самъ правилъ лошадьми или мулами (Mart. XII. 24). *Raeda* (или *geda*), происхожденія, какъ говорятъ, галльскаго, была, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, объемистая, крытая колесница

Рис. 326. Погребальная колесница (*carpentum funebre*), по изображенію на римской монетѣ.

Рис. 327. Раеда, по изображеніямъ на Траяновомъ и Антониновомъ столбахъ.

Рис. 328. Сarruca, колесница знатныхъ Римлянъ времени императоровъ, по рук. „Notitia Imperii“.

въ двѣ или четыре лошади, въ которой было и мѣсто для багажа; она похожа на наши крытыя брички (Cic. p. Mil. X. 28, Iuven. III. 10). Рис. 327. представляетъ намъ ее въ томъ видѣ, какъ она возстановлена Гинцротомъ по изображеніямъ, находящимся на столбахъ Траяна и Антонина. *Carruca* (и *carrucha*, откуда итальянское *carrozza*) была красивая колесница, о которой упоминается въ первый разъ во времена императоровъ; въ ней могли быть устроены (на время дороги) и постели (*carruca dormitoria*). Рис. 328. представляетъ такую колесницу, дававшуюся отъ казны префекту Рима на случай ѣзды (по „Notitia Imperii“); на ней много металлических украшеній. Упоминается еще *petorritum*, также происхожденія галльскаго (*petoar* = *quatuor* и *rit* = *rota*), обыкновенная тележка для прислуги безъ особенныхъ украшеній и удобствъ.

Съ развитіемъ роскоши во время имперіи возрастало и украшеніе колесницъ всякаго рода. Болѣе всего украшали ихъ кузовъ (сарсусъ, *ploxenum*), притомъ не только слоновою костью, но и серебромъ и золотомъ. Марціалъ (III. 72) упоминаетъ о колесницѣ (*carruca*), цѣна которой равнялась цѣнѣ цѣлаго имѣнія.

Въ колесницы запрягали или лошадей, обыкновенно галльскихъ, малорослыхъ, но крѣпкихъ (*manni, mannuli* и *burgichi*), или муловъ. О способѣ запряжки мы будемъ говорить ниже при описаніи боевой греческой колесницы. — Римскіе богачи, совершая поѣздки, брали съ собою многочисленную прислугу, а также разныя кухонныя и столовыя принадлежности (такъ какъ гостинницы въ то время были недостаточны); кромѣ того они имѣли съ собою и особыхъ форрейторовъ, многочисленныхъ стремянныхъ и т. п.¹⁾ Не имѣвшій собственнаго экипажа или по чему нибудь не желавшій его употребить, безъ труда могъ нанять себѣ повозку (*caedae metitoriae*) не только въ Римѣ и другихъ городахъ, но даже на станціяхъ по главному шоссе, и ѣхать, перемѣняя, въ случаѣ надобности, экипажи. Что дѣйствительно такъ случалось, видно изъ *Cic. p. Rosc. Am. VII.* и *Suet. D. Julius c. 57.*²⁾ Путешественникъ, не имѣвшій по дорогѣ и вблизи ея знакомыхъ или не запасшійся рекомендаціями къ живущимъ при дорогѣ знакомымъ, по необходимости долженъ былъ останавливаться въ гостинницѣ (*taberna, deversorium, πανδοχεῖον*) или на постояломъ дворѣ (*stabula*). Хотя послѣднихъ во 2 стол. до Р. Хр. и было довольно много на главныхъ шоссеиныхъ дорогахъ, проведенныхъ чрезъ такія часто посѣщаемыя страны, какъ Италия, Греція, Азія и Египетъ, однако только очень немногіе изъ нихъ вполне удовлетворяли потребностямъ путешествующихъ. Такъ напр. упоминаются на Аппіевой дорогѣ *tabernae Caediciae, Tres tabernae* (тоже и названіе мѣста), на латинскомъ шоссе „расписанныя гостинницы“ и нѣсколько другихъ меньшихъ тавернъ, даже небольшія казенныя виллы (*mansiones*), арендаторы которыхъ обязаны были принимать бесплатно проѣзжающихъ чиновниковъ³⁾. Подобнымъ образомъ устраивались таверны и при имѣніяхъ, лежавшихъ на шоссе; въ нихъ продавалось

¹⁾ См. *Cic. p. Mil. c. 10, Suet. Nero c. 30.*

²⁾ Для чиновниковъ учреждены были во время императоровъ почты (*cursus publicus*) со скоростью 5 римскихъ миль (1 геогр. миля) въ часъ.

³⁾ Цѣны въ гостинницахъ въ первыхъ времена императоровъ приводитъ надпись, найденная въ Эсерніи (*Isernia*): *sextarius* (полштофъ) вина съ хлѣбомъ и закускою стоилъ 3 асса (= 6 коп.); сѣно для лошадей или муловъ 2 асса.

главнымъ образомъ вино. На вывѣскахъ ихъ рисовались фигуры орла, драконовъ, журавля, слона (въ Помпеяхъ), пѣтуха, грушеваго, оливковаго дерева и пр.; отсюда таверны и назывались: „у чернаго орла“, „у драконовъ“, „у большаго журавля“ и т. д.

Трактиры въ родѣ нашихъ кабаковъ и корчемъ, которые посѣщала низшій классъ народа, а иногда и богатые кутила ради попойекъ, игръ и т. п., назывались: *porinae*, *sauponiae*, *thermopolia*, *tabernae*, *vinariae*, *ganepae*; содержатели (*porae*, *sauprones*, *corones*) такихъ заведеній не пользовались репутаціей людей честныхъ вслѣдствіе разнаго рода мошенничествъ и обмановъ, совершавшихся въ ихъ заведеніяхъ.

Прибавимъ здѣсь еще нѣсколько словъ о греческихъ колесницахъ, а также о греческихъ гостинницахъ.

Легкая двухколесная повозка съ двухмѣстнымъ сидѣньемъ (ср. *cisium*) между колесами называлась *δίφρος*. Колесница большей величины на четырехъ колесахъ съ четырехугольнымъ кузовомъ (*ὑπερερίη*, Од. VI. 70) для глады называлась *ἄμαξα*; въ нее впрягали муловъ (отсюда у Гомера она и называется *ἡμιονείη*). Другой видъ четырехколесной повозки представляла *ἀπήνη*. Иногда на повозкѣ помѣщался особый ящикъ (*πέλιους*) для багажа, служившій вмѣстѣ и сидѣньемъ. Вообще наши свѣдѣнія о греческихъ колесницахъ, какъ героическаго, такъ и послѣдующаго времени чрезвычайно скудны. На вазахъ часто изображены колесницы, но это преимущественно военныя. Всѣ свѣдѣнія у писателей историческаго періода не даютъ возможности дополнить уже сказанное; развѣ только можно прибавить, что повозки бывали и крытыя. Эта скудость свѣдѣній объясняется небольшимъ употребленіемъ колесницъ, происходящимъ отчасти отъ неудобства дорогъ, отчасти и оттого, что, при болѣе удобномъ сообщеніи по морю, Греки въ колесницахъ почти никуда не выѣзжали, такъ что даже важныя посольства, какъ напр. извѣстное посольство изъ Аѳинъ къ Филиппу въ 346 г., совершали путь или пѣшкомъ, или верхомъ. Если же все таки въ Аѳинахъ и ихъ окрестностяхъ иногда упоминаются *ὄχημα* и *ζεύγος*, то это дѣлается не безъ нѣкоторой доли презрительности и порицанія. Въ 4 стол. запрещено было даже греческимъ матронамъ отправляться на элевсинскіе праздники въ колесницахъ.

Во время Полибія (2 стол. до Р. Хр.) путешественникъ въ богатой предъ-альпійской Галліи могъ получить за 1/2 асса (т. е. 1 коп.) въ день квартиру и столъ (Polyb. II. 15)

Исключеніе, конечно, составляли поѣздки при свадьбахъ. Въмѣсто повозокъ Греки употребляли муловъ, снабженныхъ удобнымъ сѣдломъ со спинкой (*ἀστράβη*, лат. *clitellae*).

Носилки (*φορείον*), которыя по восточному обычаю рано вошли въ употребленіе и у Грековъ, служили для потребностей женщины; мужчина, не рискуя прослыть изнѣженнымъ, могъ прибѣгнуть къ носилкамъ лишь въ случаѣ болѣзни. Только въ македонское время, при общемъ упадкѣ прежняго строя, носилки стали отличаться болѣе изящною отдѣлкою и входить во всеобщее употребленіе. Носильщиковъ (*φορειαφόροι*) было четверо.

Гостинницъ и заѣзжихъ дворовъ (*πανδοκεῖον, καταγώριον, κατάλυσις*) въ героическое время, вслѣдствіе недостатка частыхъ сношеній между жителями отдѣльныхъ областей, конечно не было; ихъ замѣняли связи гостепрѣимства (*ξενία*), переходившія въ семействахъ отъ отца къ сыну (Ил. VI. 215); права гостепрѣимства находились подъ покровительствомъ Зевса (*Ζεὺς ξείνιος* или *πρὸς Διὸς ἅπαντες ξεῖνοι*, Од. VI. 208), и считались священными всюду, гдѣ звучала греческая рѣчь. Условнымъ знакомъ гостепрѣимства служила дощечка, носившія названіе *σύμβολον* (*tessera hospitalis*).

Въ позднѣйшія времена, когда развилась торговля и взаимныя сношенія между греческими общинами усилились, особенно во время народныхъ праздниковъ, связи гостепрѣимства, хотя между знатыми и богатыми семействами оно и сохранило свое значеніе и охотно оказывалось даже незнакомымъ гостямъ (*ξενοδοκεῖν*), сдѣлались недостаточными, и гостепрѣимство, по необходимости, обратилось въ особый родъ промысла. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что Аѳиняне (и еще болѣе Спартанцы) безъ особенной надобности вообще не любили путешествовать за границу, и что для подобнаго путешествія нужно было имѣть нѣкотораго рода паспортъ, снабженный печатью (*σφραγίς*). Гостинницы и заѣзжіе дворы заводились на общественный счетъ (*δημόσια καταγώρια*) только въ городахъ и въ тѣхъ мѣстахъ, куда въ извѣстное время на праздники стекалось большое множество народа, какъ въ Олимпіи, Коринѣѣ и въ другихъ мѣстахъ (какъ и въ нашихъ святыхъ мѣстахъ). Содержаніе этихъ заведеній и въ Греціи считалось промысломъ нечестнымъ; ибо благородный образъ мыслей Грека не мирился съ профессіею мелкаго торгашества, происходящею въ помѣщеніяхъ, гдѣ иногда свивали себѣ гнѣзда самыя грустныя недуги общественной жизни. Въ гостинницахъ останавливались только иностранные; честные граждане изъ туземцевъ не посѣщали ихъ.

Теперь обратимся къ прерванному нами разсказу о вереницахъ рабовъ всѣхъ родовъ и пошибовъ, наполнявшихъ домъ богатаго Римлянина. За возницами, кучерами и форрейторами, слѣдуютъ рабы, служащіе для разнаго рода посылокъ; одни передаютъ письма (*tabellarii*), другіе устныя извѣстія (*nuntii, renuntii*), третьи зовутъ гостей (*vocatores*) и т. д. Далѣе идетъ цѣлая толпа рабовъ, изъ которыхъ одни готовятъ пищу и прислуживаютъ за столомъ (см. стр. 261), другіе завѣдуютъ столовой посудой (напр. *pueri ab auro escario, ab argento*), иные изготовляютъ одежду (см. стр. 227). Были рабы, которые помогали господамъ (особенно женщинамъ) одѣваться и наряжаться, какъ то: уборщицы и уборщики, фризеры, натиратели, мыльщики (*ornatrices, cosmetae, cini-fiones, unctores, perfusores, balneatores*) и др.

Но этимъ дѣло не оканчивалось: чудовищная роскошь, затрачивавшая неимоверныя суммы на ненужныя постройки и изощрявшая человѣческій умъ для удовлетворенія человѣческаго желудка (ср. стр. 132 и 259), избрѣла особый родъ услуги, необходимой Римлянину за столомъ (см. стр. 271.)¹⁾ Это были музыканты (*pueri symphoniaci*), услаждавшіе слухъ господъ, когда послѣдніе предавались удовольствіямъ желудка. Жена Милона (*Cic. p. Mil. c. 21*), уѣзжая только на короткое время изъ Рима въ Ланувій, не желала остаться безъ такого рода услугъ и везла съ собой музыкантовъ. Сюда-же принадлежали музыкантши (*psaltriae, sambucistriae*), пѣвчіе (*cantores*), плясуны и танцовщицы.

Всѣ эти развлечения, если и не безупречны, то понятны и, пожалуй, извинительны; но по меньшей мѣрѣ странно и возмутительно для чувства современнаго человѣка содержаніе Римлянами обезображенныхъ и (искусственнымъ образомъ!) изуродованныхъ дурачковъ и шутовъ (*moriones, fatui, fatuae*), глухія выходки которыхъ, чѣмъ были бессмысленнѣе, тѣмъ болѣе нравились суровому образу мыслей Римлянъ. Для насъ совершенно непонятно, почему за эти „*monstra naturae*“, какъ ихъ называетъ Августъ, платились такія огромныя суммы, какъ напр. 20.000 сест. (т. е. около 1000 р.), уплаченныхъ, по словамъ Марціала (*VIII. 13*), за одного такого уroda. Кромѣ того Римляне, и въ особенности ихъ женщины, любили карликовъ (*nanī, nanae, pumiliones*), обученныхъ танцамъ и фехтованію. У Юліи,

¹⁾ Ливій (*XXXIX. 6*) полагаетъ, что эта безумная роскошь началась въ Римѣ послѣ войны, веденныхъ имъ противъ Антиоха въ Азіи и Греціи.

внучки Августа, былъ карликъ ростомъ въ 3 фута и его прятали, какъ какую нибудь игрушку, въ особомъ ящикѣ.

Богатые Римляне держали при себѣ также акробатовъ и разнаго рода фокусниковъ, чтобы въ часы бездѣля забавляться ихъ представленіями. Такъ упоминаются канатные плясуны (funambuli, neugobatae, schoenobatae, *νευροβάται, σχοινοβάται*) и такъ наз. *retauristae*, выдѣлывавшіе разныя штуки на снарядѣ, называвшемся *retaurum*, устройство котораго подробно неизвѣстно; по всей вѣроятности (Manil. V. 434 etc.) это было вертящееся колесо, на которомъ фокусники поочередно кувырелись. Другіе выдѣлывали штуки по части эквилибристики, напр. держали на лбу шесть съ привязанными къ нему веревками, по которымъ мальчики то поднимались, то спускались, или же, поднявшись, становились наверху самаго шеста; были еще фокусники, которые въ одно время руками, ногами и локтями отбивали и ловили множество мячей, или выворачивали и растягивали свои члены, проглатывали ножи, мечи и пр.

Рабы, называемые *ordinarii*, пользовались лучшимъ положеніемъ въ домѣ. Ихъ употребляли для болѣе важныхъ услугъ, при исполненіи которыхъ помогали имъ другіе рабы. Въ случаѣ надобности они могли замѣщать себя другими рабами (*vicarii*); послѣдніе считались даже ихъ частною, господиномъ признанною собственностью (*peculium*), и за нихъ они должны были ручаться предъ своимъ господиномъ.

Между такими рабами въ богатомъ домѣ занималъ первое мѣсто *procurator*, главный управляющій дома и надсмотрщикъ за всѣми рабами въ домѣ. Ближайшимъ лицомъ къ нему былъ *dispensator*, который выдавалъ деньги, принималъ счета сдѣланнымъ расходамъ и уже непосредственно представлялъ ихъ господину, и такъ наз. *atriensis* въ родѣ дворецкаго (въ древнія республиканскія времена онъ былъ начальникомъ всѣхъ рабовъ), который стоялъ во главѣ многочисленныхъ комнатныхъ рабовъ (*subicularii*), смотрѣлъ за порядкомъ и чистотой залъ, комнатъ и всей мебели. Сюда-же принадлежали рабы, свѣдущіе въ наукахъ и врачебномъ искусствѣ, о которыхъ мы ниже будемъ говорить, а иногда также *paedagogus* (см. стр. 313), и наконецъ *cellarius* (называемый также *promus*, выдаватель), ключникъ, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи съѣстные припасы и напитки и дѣлалъ изъ нихъ ежедневныя выдачи, смотря по надобности, а остающееся сохранялъ.

Весьма важную роль въ жизни Римлянъ какъ частной, такъ и общественной играли *servi litterati*—грамотные рабы. Къ нимъ принадлежали чтецы (*anagnostae, lectores*) и писцы (*librarii, scribae*). Знатные Римляне пользовались услугами чтецовъ при всякомъ случаѣ: во время пира (см. стр. 271), во время купанья и въ дорогѣ¹⁾. Писцы по своимъ занятіямъ назывались: *librarii ab epistolis*, а *manu* (письмоводители, иногда особые для греческихъ и особые для латинскихъ писемъ), *librarii a studiis* (рабы, дѣлавшіе выписки изъ разныхъ книгъ для своего господина), *l. a bibliotheca* (библиотекари), *notarii* (секретари), *librarii a memoria* (рабы, на обязанности которыхъ лежало вести дневникъ господина), *l. a rationibus* (счетоводцы) и т. д.

Библиотеки составляли (какъ уже упомянуто на стр. 117) непрерывную принадлежность всякаго большаго римскаго дома; даже такіе люди, которые менѣе всего занимались литературой и наукой, и только выставляли себя какъ любителей книгъ, держали массу рабовъ, на обязанности которыхъ было переписывать выходящія книги, склеивать листы въ свитки, украшать и вообще въ порядкѣ держать книги. Всѣ эти рабы назывались *librarii* по преимуществу. О занятіи и роли ихъ мы упомянемъ подробнѣе ниже, въ особой статьѣ о книжномъ дѣлѣ.

Рабы у Римлянъ находились въ гораздо большемъ угнетеніи, чѣмъ у Грековъ. Римлянинъ считалъ раба такою-же частью имущества, какъ и всякую другую вещь, и поступалъ съ нимъ по произволу. Особыхъ законовъ для защиты рабовъ во время республики не было; только при императорахъ и преимущественно въ царствованіе Антонина Пія²⁾ рабамъ дозволено было жаловаться на своего господина городскому префекту, и казнить ихъ нельзя было безъ приговора судей. До того времени ничто не гарантировало сколько нибудь человѣческаго существованія этимъ людямъ кромѣ случайнаго гуманнаго характера господъ. Дѣйстви-

¹⁾ Плиній Старшій имѣлъ при себѣ даже въ дорогѣ писца, „*cum libro et pugillaribus, cuius manus hieme manicis muniebantur*“ (Plin. Ep. III. 5).

²⁾ Первый законъ для защиты рабовъ издакъ былъ уже раньше, какъ кажется, во время Нерона (*lex Petronia*); но до Гадриана и Антонина онъ не соблюдался строго. Между тѣмъ вліяніе философіи, громадныя пережбы въ общественномъ римскомъ строѣ и наконецъ введеніе христіанства до того смягчили прежнія, суровыя понятія Римлянъ о рабствѣ, что Константинъ могъ издать законъ, по которому убіеніе раба считалось наравнѣ съ човѣкоубійствомъ (*homicidium*).

тельно въ древній періодъ положеніе ихъ было болѣе или менѣе сносно. При простотѣ жизни того времени и небольшомъ числѣ рабовъ, они близко стояли къ господамъ, сидѣли у одного очага, ѣли за однимъ столомъ (сидя при этомъ вмѣстѣ съ дѣтьми на особыхъ скамейкахъ возлѣ столовыхъ софъ). Но эта простота исчезала по мѣрѣ того, какъ возрастало могущество Рима и увеличивалось богатство частныхъ лицъ. Рабы стали получать паекъ (*demensum*), т. е. известное количество припасовъ (обыкновенно на одинъ мѣсяць) — хлѣба (отъ 4 до 5 модіевъ), вина, масла, соли, уксуса, иногда и винныхъ ягодъ, оливъ и незатѣдливаго рыбнаго соуса (*alec*, см. стр. 266). Кромѣ пищи они получали отъ господина одежду и иногда по пяти денаріевъ деньгами въ мѣсяць. Если рабъ изъ ежемѣсячнаго своего оклада успѣвалъ сберечь что нибудь, то это служило основаніемъ его маленькаго частнаго капитала (*peculium*), который увеличивался вслѣдствіе добытыхъ съ согласія господина заработковъ и найденныхъ вещей, иногда до того, что дѣлался достаточнымъ для того, чтобы рабъ могъ купить себѣ свободу.

О презрительномъ отношеніи къ рабамъ свидѣлствуютъ самыя ихъ имена, небрежно дававшіяся по народностямъ, изъ которыхъ они происходили: *Cappadox*, *Geta*, *Paphlago*, *Phryx*, *Syrus*, *Pamphila*, *Lesbia*, *Phrygia*, *Thessala* и пр.; иногда въ насмѣшку называли рабовъ именами славныхъ царей и царицъ ихъ родины, какъ-то: *Priamus*, *Midas*, *Croesus*, *Achilles*, *Castor*, *Pollux*, *Semiramis*, *Arsinoe* и пр.; рѣже ихъ называли именами растений, цвѣтовъ, камней, какъ напр.: *Narcissus*, *Hyacinthus*, *Sardonyx* и пр. Римскія имена рабы носили чрезвычайно рѣдко.

Въ одеждѣ рабы не отличались ничѣмъ отъ бѣдныхъ гражданъ. Они носили, какъ и послѣдніе, короткую тунику съ рукавами (см. рис. 225.), сотканную изъ грубой шерсти, натурального, обыкновенно темнаго цвѣта; на тунику надѣвали въ случаѣ необходимости мохнатую пенулу (*paenula*, см. рис. 273.). Обuvi дома не носили; но занятые при хозяйствѣ имѣли на ногахъ грубые деревянные башмаки (*sculponeae*, см. стр. 237). Тѣ, которые у богатыхъ людей служили въ качествѣ камердинеровъ, прислуживали при обѣдахъ и прогулкахъ, — были одѣты приличнѣе, и не носили длинныхъ волосъ и отпущенныхъ бородъ, какъ простые рабы.

Наказанія рабовъ были почти всегда тѣлесныя (какъ и у Грековъ). Иногда домашняго раба, провинившагося, переводили въ деревню на тяжелыя полевыя работы; въ такомъ переводѣ заключалось уже весьма чувствительное наказаніе, особенно, если

ему назначалось работать въ оковахъ (*catenatus, compeditus*), или по окончаніи дневныхъ работъ проводить ночь въ тѣсномъ смиренномъ домѣ (*ergastulum*), какъ мы уже сказали на стр. 138. Наравнѣ съ этимъ наказаніемъ стояла тяжелая работа на мельницахъ (*pistrinum*). Самымъ обыкновеннымъ было наказаніе палкою (*fustis*), розгами (*virgae*, особенно вязовыми, *ulmeae*), ремнями или бичемъ (*loga, habena*). Болѣе жестокое наказаніе состояло въ томъ, что бѣглымъ рабамъ и ворамъ выжигалось на лбу клеймо въ видѣ буквы F (*fugitivus, fur*); такіе рабы назывались *stigmati, notati* (клейменные) или ироническимъ двусмысленнымъ именемъ *litterati* (грамотѣи), т. е. имѣющіе на лбу букву. Эти клейма оставляли по себѣ слѣды на всю жизнь, и не одинъ вольноотпущенный, сдѣлавшись впоследствии богатымъ человѣкомъ, старался устранить эти компрометирующіе знаки минувшей жизни накладываніемъ пластырей (*splenia, Mart. II. 29*). Тяжкимъ наказаніемъ служили еще такъ наз. вилы (*furca*), деревянная колода, составленная на подобіе обращенной буквы V (Λ); ее накладывали преступнику на шею и къ концамъ привязывали руки раба, а затѣмъ другой рабъ бичевалъ провинившагося и водилъ его кругомъ на публичномъ мѣстѣ.

Но самымъ жестокимъ наказаніемъ было распятіе на крестѣ (*crux*). Рабъ, осужденный на такую смерть, самъ несъ тяжелое бревно (*patibulum*) на мѣсто казни (которая совершалась въ Римѣ за эсквилинскими воротами), при чемъ палачи, погоняя, кололи и били его. На мѣстѣ казни руки преступника привязывали или прибавали къ бревну, а затѣмъ поднимали его (*in cruce[m] tollere, figere, agere*) на вкопанный въ землю столбъ, такъ что бревно и столбъ составляли букву T; наконецъ привязывали или прибавали къ столбу также ноги его. На дощечкѣ, прибитой сверху къ столбу, означалось преступленіе. На крестѣ несчастный погибалъ отъ голода и страданій; большою милостью считалось перебить ему кости и тѣмъ положить конецъ жизни. Трупъ не снимали съ креста, а оставляли на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно не распадался.

Этотъ страшный родъ наказанія постигалъ раба конечно только за самыя тяжкія преступленія; но въ одномъ случаѣ ему могли подвергнуться и менѣе виновные, именно, если рабъ убивалъ господина (что при жестокомъ обращеніи господъ не было рѣдкостью) и доказано было, что прочіе рабы этому не воспрепятствовали, или не хотѣли выдать преступника; въ такомъ случаѣ

рабамъ грозила крестная казнь, вслѣдствіе чего они и старались заблаговременно искать спасенія въ общемъ бѣгствѣ.

Но этимъ еще не исчерпывается вся тяжесть положенія раба у Римлянъ. Извѣстно напр., что лакомый Ведій Полліонъ приказалъ бросить въ бассейнъ, на съѣденіе муренамъ раба, который по неосторожности разбилъ драгоценную хрустальную вазу. Иногда, для потѣхи рабы назначались господами для звѣриной травли. Господа подъ сердитую руку часто уродовали и ужасно мучили рабовъ, и несчастному негдѣ было искать управы, пока не былъ изданъ упомянутый законъ Петронія (стр. 337 прим.).

Вообще знатные Римляне обращались съ рабами безчеловѣчно, надменно, деспотически. Характеристиченъ фактъ, передаваемый намъ Плутархомъ (*π. ἀδολ.* 18). Маркъ Писонъ не позволялъ рабамъ говорить, когда ихъ не спрашивали. Разъ какъ-то случилось, что онъ пригласилъ на обѣдъ Клодія и, когда тотъ долго не приходилъ, онъ спрашиваетъ раба, дѣйствительно ли онъ передалъ ему приглашеніе. Рабъ отвѣтилъ, что передалъ. Такъ почему же онъ не идетъ? „Потому что отказался,“ отвѣчаетъ рабъ, „А почему ты не сказалъ этого тотчасъ?“ — „Потому, что не былъ спрошенъ.“ По рассказамъ Сенеки (Ер. 47), никакъ не преувеличеннымъ, эта нѣмая служба доходила до того, что не рѣдко, когда рабъ случайно кашлялъ, чихалъ, вздыхалъ, его даже за это наказывали. Итакъ вовсе не удивительно, если Римлянинъ почти никогда не могъ рассчитывать на привязанность, любовь и вѣрность рабовъ; римская поговорка — „столько враговъ, сколько рабовъ,“ оправдывалась дѣйствительностью. Примѣры страшнаго проявленія этой ненависти какъ въ частной, такъ и въ государственной жизни нерѣдки въ римской исторіи. Такъ извѣстно напр., какъ тысячи рабовъ сдѣлали заговоръ противъ Римлянъ и ужаснѣйшимъ образомъ свирѣпствовали, пока почти совершенно не были истреблены римскими легіонами.

Правда, были и примѣры болѣе гуманнаго отношенія къ рабамъ, но, по свидѣтельству самихъ римскихъ писателей, такіе примѣры въ сравненіи съ тѣмъ, что мы сказали о положеніи рабовъ, были довольно рѣдки. Впрочемъ жестокое обращеніе съ рабами можетъ быть отчасти объяснено тѣмъ, что численность рабовъ далеко превышала численность господъ и, такъ какъ рабы въ нравственномъ отношеніи стояли далеко ниже своихъ господъ (причиною этого опять таки были сами господа), то ихъ можно было удержать въ повинновеніи только крайними мѣрами.

Высшей наградой для раба было отпущеніе на свободу (*manumissio*). Оно, чтобы получить законную силу, могло произойти однимъ изъ 4 способовъ. Самое торжественное изъ нихъ было отпущеніе, совершавшееся посредствомъ палки свободы (*manumissio vindicta*). Господинъ отправлялся съ своимъ рабомъ къ претору, гдѣ приглашенное для того лице (*asserter libertatis*, объявитель свободы), позже обыкновенно одинъ изъ ликторовъ, положивъ (въ знакъ права и власти) палку на голову раба, символически получало право собственности на него (отсюда и названіе палки *vindicta*) и произносило обычную при этомъ случаѣ формулу: *hunc ego hominem liberum esse aio* (утверждаю, что этотъ человѣкъ свободенъ). Послѣ того господинъ бралъ раба за руку и поворачивалъ его нѣсколько разъ, произнося: *hunc hominem liberum esse volo* (хочу, чтобы этотъ человѣкъ былъ свободенъ). Этимъ кончался обрядъ отпущенія. Затѣмъ преторъ утверждалъ отпущеніе и свидѣтели изъ вольноотпущенниковъ (*libertus*) поздравляли вновь отпущеннаго на волю слѣдующими словами: *cum tu liber es gaudeo* (радъ, что ты свободенъ). Потомъ отпущеннаго на волю стригли и брили (рабы носили длинные волосы и не смѣли бриться) и дарили въ храмѣ Фероніи войлочной шляпой (*pileus*), въ знакъ того, что теперь ему, какъ человѣку свободному, позволено покрывать свою голову (чего онъ обыкновенно не дѣлалъ, такъ какъ Римляне не имѣли обыкновенія ходить съ покрытой головою; см. стр. 230). Само собою разумѣется, что съ этого времени онъ могъ надѣвать и тогу. Эта церемонія отпущенія на волю мало по малу выходила изъ употребленія, и во времена императоровъ достаточно было, чтобы господинъ заявилъ предъ подлежащими властями, что онъ отпускаетъ такого-то на волю.

Второй способъ была такъ наз. *manumissio censu*, когда рабъ съ согласія и вѣдома господина составлялъ себѣ извѣстный капиталъ, и господинъ, отпустивъ его на волю, просилъ подлежащія власти внести его въ списокъ гражданъ. Но этотъ способъ отпущенія на волю, какъ кажется, существовалъ только до временъ Веспасіана.

Болѣе всего распространено было отпущеніе на волю по завѣщанію, *m. testamento*. Господинъ въ своей послѣдней волѣ постановлялъ (обыкновенно въ награду за хорошую службу), кто изъ его рабовъ долженъ быть отпущенъ тотчасъ по его смерти и кто его наслѣдникомъ. Въ послѣднемъ случаѣ рабъ долженъ былъ уплатить новому своему господину извѣстную сумму денегъ.

Самымъ обыкновеннымъ было отпущеніе въ присутствіи друзей (*inter amicos*). Господинъ въ присутствіи нѣсколькихъ знакомыхъ устно или письменно (*per epistolam*) объявлялъ раба свободнымъ. Наконецъ господинъ могъ только пригласить раба къ столу и отобѣдать съ нимъ (*per mensam*), и это уже значило, что онъ признаетъ его свободнымъ.

Вольноотпущенникъ (*libertus*)¹⁾ прибавлялъ къ своему имени родовое (а во время императоровъ также личное) имя своего господина (какъ это дѣлали вообще клиенты); онъ не разрывалъ связей съ господиномъ, но иногда продолжалъ и жить въ его домѣ, занимаясь прежней работой. По смерти ему было мѣсто въ фамильной могилѣ господина. Послѣдній былъ наследникомъ имѣнія вольноотпущенника, если тотъ умиралъ бездѣтнымъ; а если оставлялъ дѣтей, опекуномъ ихъ. Во время республики господинъ могъ даже наказывать вольноотпущенника. Но большею частью бывало и такъ, что вольноотпущенники на пріобрѣтенный ими въ дни рабства или даваемый господиномъ капиталъ самостоятельно вели торговлю, или занимались какимъ нибудь ремесломъ, причемъ они должны были часть своей прибыли отдавать своему бывшему господину.

Клиенты.

59. Описаніе домашняго быта Римлянъ было бы неполно, еслибы мы не упомянули о клиентахъ (*clientes*).

Прежде всего коснемся вкратцѣ происхожденія этого класса людей въ государственномъ строѣ Рима. Кромѣ главной составной части населенія римскихъ гражданъ (*populus*, который ведетъ свое происхожденіе отъ слитія, какъ полагають, трехъ національностей) поселялись въ Римѣ и его окрестности люди, принадлежавшіе по большей части къ ремесленному и земледѣльческому сословію, которые, отдаваясь въ вѣдѣніе военныхъ и другихъ соображеній подъ защиту и покровительство класса, несущаго воен-

¹⁾ Въ древнѣйшее республиканское время *liberti* назывались вольноотпущенники, *libertini* дѣти ихъ; впоследствии же *libertini* назывались вольноотпущенники вообще, какъ сословіе или классъ (*Suet. Claud. c. 24*), между тѣмъ какъ *libertus* назывался на волю отпущенный по отношенію къ своему бывшему господину, который былъ теперь его патрономъ.

ную службу, приходили въ зависимость отъ послѣдняго. Этого-то зависимый классъ римскаго общества и назывался *clientes* (послушные, покровительствуемые) въ противоположность покровительствующему классу, который назывался *patroni* (покровители, охранители). Само собою разумѣется, что патроны были первоначально патриціи. Но съ теченіемъ времени, послѣ того какъ плебеи мало по малу получили значеніе и, добывъ себѣ послѣ многихъ междоусобныхъ распрей право занимать наравнѣ съ патриціями разныя государственныя должности, разбогатѣли, — вмѣсто прежней родовой (патриційской) аристократіи явилась новая (чиновная) аристократія (*nobilitas*, знать). Съ теченіемъ времени увеличилось и число такихъ людей, которые, переселяясь въ Римъ, нуждались въ помощи и охранѣ и искали ея у вліятельныхъ лицъ, не обращая вниманія на то, принадлежать ли послѣдніе къ старой, или новой аристократіи; обѣднѣвшіе римскіе граждане также не брезгали покровительствомъ богатыхъ, вліятельныхъ людей; наконецъ возраставшее со дня на день число отпущенниковъ, переходившихъ подъ покровительство своихъ бывшихъ господъ, тоже немало увеличивало сословіе кліентовъ.

Отношенія между патрономъ и кліентомъ установились издавна и переходили изъ рода въ родъ. Патронъ обязанъ былъ помогать своему кліенту совѣтомъ и дѣломъ, заступаться за него на судѣ и въ этомъ случаѣ даже отдавать предпочтеніе кліентамъ предъ своими родственниками.

Взаимнъ того кліентъ долженъ былъ сопровождать своего патрона въ дорогѣ, слѣдовать за нимъ на войну, помогать въ случаѣ нужды патрону и его семейству матеріальными средствами и вообще всячески оказывать ему почтеніе (повсюду провожая его и каждое утро его навѣщая).

Но эти отношенія чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе теряли свой патриархальный характеръ и въ послѣднее время республики, а еще болѣе во время имперіи, совершенно измѣнились. Богатые приобрѣтали себѣ кліентовъ ради одного лишь внѣшняго блеска, чтобы, выходя изъ дому, можно было похвастаться своею вліятельностью. Но этихъ людей привязывали къ патрону большею частью только его щедрыя подачки; бѣдные же въ свою очередь выбирали себѣ въ патроны такихъ людей, отъ которыхъ можно было получить средства къ праздной жизни. Случалось и такъ, что бѣдные люди сопровождали то одного, то другого патрона (если это физически было возможно) и оставляли ихъ по собственному

усмотрѣнію. Такая праздная и продажная толпа собиралась въ Римъ со всѣхъ концовъ имперіи.

Между первыми обязанностями (*officia*) такихъ наемныхъ кліентовъ (которые стали называться *comites*, *anteambulones*, *togati*, *turba togata*, *t. salutatrix*) были утреннія поздравленія патрона (*salutatio matutina*) и сопровожденіе его при выходахъ (*anteambulatio*, *deductio*). До разсвѣта кліентъ, одѣтый въ тогу и не обращая вниманія ни на какую погоду, выходилъ изъ дому, чтобы, какъ можно раньше, явиться къ своему патрону, а если удастся, поспѣть еще ко второму и третьему. Въ вестибулѣ онъ долженъ былъ ожидать, пока не отворятъ дверей и не впустятъ его вмѣстѣ съ другими въ атрій; впускали же ихъ нерѣдко извѣстными партіями и отрядами, такъ что было нѣсколько „допусковъ, *admissiones*“. Поздравленія состояли изъ унижительныхъ и льстивыхъ привѣтствій: *ave domine*, *ave rex* (называть своего покровителя только „*patronus*“¹⁾), какъ въ древнія времена, считалось уже неприличнымъ) и сопровождались пожатіемъ, или (во времена послѣднихъ императоровъ) цѣлованіемъ руки. Приходъ кліентовъ происходилъ обыкновенно въ теченіе двухъ утреннихъ часовъ. Въ это время кромѣ кліентовъ являлись съ утреннимъ поздравленіемъ и другіе, движимые уже истиннымъ расположеніемъ и уваженіемъ; но, чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще такіе визиты дѣлались изъ одного только корыстолюбія. Тѣ изъ кліентовъ, которые при утреннемъ поздравленіи были приглашены, должны были сопровождать своего патрона въ этотъ день, когда онъ отправлялся (*opera togata*, служба въ тогѣ) или на форумъ (чтобъ рукоплескать ему, если онъ говорилъ рѣчь), или въ баню и вообще куда ему было угодно. Иногда патронъ посылалъ ихъ присутствовать при чтеніи (какъ тогда водилось) поэтическихъ и риторическихъ произведеній своихъ друзей, если самъ не желалъ томиться скукою и т. д.

Награда за всѣ эти услуги выдавалась къ вечеру въ вестибулѣ или атрій въ X часовъ. Въ древнія времена она состояла въ томъ, что патронъ приглашалъ своихъ кліентовъ къ столу; впоследствии, когда, по причинѣ многочисленности кліентовъ, это оказывалось невозможнымъ и неудобнымъ, каждому кліенту разда-

---

¹⁾ Названіе *patronus* употреблялось обыкновенно (уже во времена Цицерона) только вольноотпущенниками по отношенію къ своимъ бывшимъ господамъ.

вали кушанья въ корзинкѣ (sportula, см. стр. 260), наконецъ во время Нерона стали уже давать денежные подарки (исключая Домиціана, который опять завелъ выдавать кліентамъ кушанья), которые оставались въ обычаѣ и до позднѣйшаго времени.

Во время Марціала, который въ данномъ случаѣ служитъ намъ богатымъ источникомъ, обмененная sportula, даваемая, кліентамъ, состояла изъ 25 ассовъ (10 HS, т. е. въ это время, послѣ Домиціана, ок. 40 к.). Нѣкоторые, какъ кажется, выдавали и больше (sportula maior), напр. 3 денарія и больше того. Спортулу получалъ только тотъ, кто послѣ утренняго поздравленія сопровождалъ своего патрона въ тотъ день. На эти-то подарки бѣдные кліенты покупали себѣ пищу, одежду и нанимали квартиру (Mart. III. 30). Но такъ какъ спортула не выдавалась каждый день, а только въ нѣкоторые дни недѣли (исключая праздниковъ и семейныхъ торжествъ), то кліентамъ, жившимъ отъ такого невѣрнаго дохода, часто приходилось очень плохо.

V. Ремесла, промыслы и торговля.

Взглядъ Грековъ и Римлянъ на платную работу; описаніе нѣкоторыхъ родовъ ея.

60. По понятіямъ Грековъ, въ которыхъ, на сколько извѣстно, только подъ вліаніемъ востока (съ 7 и еще болѣе съ 5 стол.) начали обнаруживаться рѣзкія, въ гомерическія времена небывалыя противорѣчія, всякій личный трудъ, который оплачивался и служилъ средствомъ къ пропитанію, былъ дѣломъ предосудительнымъ. Въ особенности трудъ ремесленный, который приковывалъ занимающагося имъ къ мастерской и не позволялъ ему посвящать значительную часть времени общественнымъ дѣламъ и вообще проводить время такъ, какъ проводили его остальные свободные граждане на площади, въ гимназіяхъ, палестрахъ и т. д., считался у Грековъ, особливо у Аѳинянъ и Спартанцевъ, дѣломъ буднич-

нымъ и простымъ (*βάναντος*)¹⁾, тѣмъ болѣе, что ремесло, по мнѣнію Грековъ, не только вредно для тѣла, но притупляетъ и ослабляетъ также душу (Plat. Respubl. VI. p. 495, d, e). Вслѣдствіе такихъ воззрѣній случалось нерѣдко, что законодатели лишали ремесленное сословіе всѣхъ важнѣйшихъ гражданскихъ правъ. Въ Аѣинахъ, конечно, этого не было; но тѣмъ не менѣе и здѣсь художники, какъ напр. ваятели и живописцы, низводились къ разряду ремесленниковъ, если они работой рукъ своихъ (*ἀποχειροβίωτοι*) доставляли себѣ средства къ пропитанію. Въ Спартѣ ни одинъ свободный гражданинъ не занимался никакимъ ремесломъ; ремесла были дѣломъ періойковъ и рабовъ. Въ Аѣинахъ же, во время ихъ процвѣтанія, ремеслами занимались и свободные граждане, весьма впрочемъ немногіе, потому что они могли порядочно жить и безъ личнаго труда на средства, получаемыя ими отъ общины за исполненіе обязанностей по судебнымъ дѣламъ, выборамъ и т. д.; многочисленными ремеслами занимались рабы (см. стр. 321) а также метойки, т. е. иностранцы, жившіе въ Аѣинахъ и пользовавшіеся нѣкоторыми льготами.

Въ Аѣинахъ, помимо ремесленниковъ, работавшихъ лично, были еще нѣкотораго рода фабриканты, т. е. богатые граждане, часто сами не свѣдущіе въ ремеслахъ, содержавшіе на свои деньги различные заводы, гдѣ работали, подъ наблюденіемъ опытныхъ управляющихъ, многочисленныя рабы. Такъ, кромѣ примѣровъ, приведенныхъ на стр. 321, извѣстно, что демагогъ Клеонъ имѣлъ кожевенный заводъ, отецъ Исократы музыкальный, Софиллъ, отецъ Софокла, металлическій и т. д. Вести такимъ образомъ ремесло, конечно, не считалось предосудительнымъ, и если напр. Аристофанъ называетъ Клеона кожевникомъ, то онъ употребляетъ это слово не въ томъ значеніи, а въ видѣ насмѣшки.

Говорить подробно о всѣхъ ремеслахъ и занятіяхъ не наша задача. Достаточно будетъ, если мы перечислимъ главнѣйшія изъ нихъ, знакомящія насъ съ этою стороною античной жизни и ея развитія, и поговоримъ нѣсколько подробнѣе лишь о тѣхъ, которыя въ какомъ нибудь отношеніи для насъ особенно важны и интересны, какъ напр. врачебное искусство и книжное дѣло²⁾;

¹⁾ Слово *βάναντος*, говорятъ, означало первоначально работающаго при горнилѣ и закоптѣлаго (*βαῦνος-αῖω*, *βαῦνος* = *κάμινος*), затѣмъ вообще всякаго ремесленника, работающаго сидя (*ἐδραῖοι τεχνίται*).

²⁾ Греки не различали искусства и ремесла, называя то и другое *τέχνη*, такъ какъ оба они основываются на практическомъ знаніи, *ἐπιστήμη*.

но о послѣднихъ мы по возможности подробнѣе поговоримъ ниже, въ соответствующемъ отдѣлѣ о римскомъ бытѣ.

Дома и вообще жилища строили плотники (*τέκτονες* = производители, изготовители вообще) съ помощью каменщиковъ (*λιθολόγοι, οἰκοδόμοι*), каменотесовъ (*λιθοξόοι, λιθοργοί*) или кирпичниковъ (*πλινθευταί, πλινθοργοί*). Строительные мастера (*ἀρχιτέκτονες*) руководили болѣе обширными и искусными постройками; и если они были свободные люди (бывали между ними и рабы, Plat. *Egast.* p. 135, с), то брали на себя производство постройки за условленную плату и дѣлались такимъ образомъ предпринимателями построекъ или подрядчиками (*ἐργολάβοι, ἐργῶναι*).

Домашнюю утварь и посуду изготовляли гончары (*κεραμεῖς* и *χυτρεῖς*) и разные другіе мастера, извѣстные подъ общимъ названіемъ *χαλκεῖς* (мѣдники, называемые такъ по древнѣйшему металлу), какъ котельники и мѣдеплавильщики, между которыми наиболѣе славилась изготовители посуды изъ коринтской мѣди или бронзы (*χαλκώματα κορινθιοργῆ*, ср. стр. 192), бронзовыхъ подставокъ для дивановъ и ножекъ для столовъ (*aes Deliasum*, ср. стр. 170 и 175), далѣе серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера (*ἀργυροκόποι, χρυσοχόοι*), которые тѣ-же самые предметы, хотя и не въ такомъ размѣрѣ, дѣлали изъ серебра (даже диваны и столы) и изъ золота. Лампы изготовляли ламповщики (*λυχνοποιοί*) обыкновенно изъ глины, а также и изъ бронзы. Менѣе развито, хотя, судя по названіямъ, довольно развѣтвлено было столярное ремесло: такъ упоминаются изготовители дивановъ (*κλινοποιοί*), ящичковъ (*κιβώτοποιοί*) и др.

Изъ прочихъ ремесленниковъ, изготовлявшихъ остальные предметы домашняго обихода, орудія и оружіе, назовемъ: шорниковъ (*ἤνιοποιοί*), веревочниковъ (*σχοινιστρόφοι*) и ножевщиковъ (*μαχαίροποιοί*); кромѣ того упоминаются многочисленные инструментальные (*λυφοποιοί, ἀύλοποιοί, ἀύλοτρίται*, даже отдѣльных частей инструментовъ, какъ напр. *γλωττοποιοί*) и оружейные мастера; послѣдніе изготовляли щиты (*ἀσπίδοπηροί*), панцири (*θωρακοποιοί*), султаны (*λοφοποιοί*) и пр.

Одежду изготовляли большею частью дома (ср. стр. 288); но уже въ 4 стол. упоминаются ткачи (*ύφάνται*), изготовители пестрыхъ тканей (*ποικιλταί*), въ особенности въ Коринѣ, которые дѣлали ихъ для продажи; были также портные, изготовлявшіе отдѣльныя части одежды, какъ плащи (*χλαμνδοργοί, χλανιδοποιοί*), хитоны (*ἔξωμιδοποιοί*, въ особенности въ Мегарѣ), и ткачи жен-

скихъ платковъ (*σακχυφάρται*) и т. д. Ткани приготовляли и красили валяльщики (*γυναφεῖς*) и красильщики (*βαφεῖς*); красильное ремесло, въ особенности крашеніе въ пурпуровую краску, наиболѣе процвѣтало въ Милетѣ, на Хиосѣ, Кнеерахъ и въ Гермионѣ.

Сапожное ремесло (*σκητοτομία, σκητοτόμοι, σκντεῖς*) было одно изъ самыхъ распространенныхъ; при чемъ издѣлія нѣкоторыхъ городовъ особенно отличались, какъ напр. сикіонекія и амиклейскія. Что обувь дѣлали на колодкѣ (*καλόπους*), уже упомянуто нами выше (на стр. 235). Кожу для этого ремесла приготовляли кожевники (*βυρσοδέψαι, σκντοδέψαι*).

Люди, трудъ которыхъ шелъ на удовлетвореніе другихъ нуждъ тѣла и его украшеніе, упомянуты уже нами выше, какъ-то: цырюльники, парфюмеры и баньщики (см. стр. 232, 243 и 275).

Наконецъ мы должны упомянуть еще о тѣхъ занятіяхъ и промыслахъ, которые имѣли отношеніе къ съѣстнымъ припасамъ; ибо съ теченіемъ времени только самыя зажиточныя семьи могли доставлять себѣ болѣшую часть этихъ необходимыхъ вещей домашними, служебными силами. Такъ уже Фукидидъ и Ксенофонтъ упоминаютъ о выгодныхъ мукомольномъ (*ἀλφιτοποιία*) и пекарномъ (*ἀρτοποιία*) ремеслахъ, Аристофанъ — о пекарняхъ и крупичатыхъ лавкахъ, и даже о колбасняхъ. Повара и мясники (*μάγειροι* и *κρεοπῶλαι*) приготовляли кушанья по заказу и для публичной продажи.

61. Ремесло считалось и у римскихъ гражданъ нечестнымъ и недостойнымъ свободнаго человѣка занятіемъ. Цицеронъ напр. (de Off. I. 42) въ слѣдующихъ словахъ передаетъ взглядъ на это современныхъ ему Римлянъ: „Прежде всего неодобрительны тѣ занятія, которыя возбуждаютъ къ себѣ ненависть между людьми, какъ напр. занятія мытарей, ростовщиковъ. Недостойны и предосудительны занятія всѣхъ наемныхъ работниковъ, которымъ платятъ за физическій трудъ, а не за умственный; ибо уже одна плата служить для нихъ печатью рабства. Предосудительными слѣдуетъ считать занятія и тѣхъ, которые покупаютъ у торговцевъ, чтобы затѣмъ самимъ продавать въ раздробь; ибо они ничего не заработаютъ, если не станутъ обманывать, а ничего нѣтъ постыднѣе обмана. И всѣ ремесленники занимаются предосудительною работою; ибо мастерская не можетъ заключать въ себѣ ничего благороднаго (см. стр. 345). Менѣе всего можно одобрять тѣ занятія, которыя служатъ тѣлеснымъ удовольствіямъ:

Продавцы рыбы, мясники, повары, колбасники, рыболовы,

какъ говорить Теренцій. Къ этимъ прибавь, если угодно, парфюмеровъ, плясунуновъ и игроковъ въ кости. Напротивъ, тѣ занятія, которыя требуютъ большаго знанія или приносятъ значительную пользу, какъ напр. врачебное искусство, зодчество, обученіе различными наукамъ, честны для того сословія, которому они приличествуютъ. Торговля мелочная предосудительна; если же она производится оптомъ и въ большихъ размѣрахъ, когда отовсюду привозятъ множество товаровъ и снабжаютъ ими безъ обмана многочисленныхъ покупателей, тогда она не совсѣмъ достойна порицанія, и даже кажется вполне заслуживаетъ справедливой похвалы въ томъ именно случаѣ, если торговецъ, насытившись или лучше сказать удовольствовавшись прибылью, направится, какъ прежде изъ моря въ гавань, изъ гавани въ поля и имѣнія. Но изъ всего того, изъ чего можно извлекать какую нибудь пользу, нѣтъ ничего лучше, ничего плодоноснѣе, ничего пріятнѣе, ничего достойнѣе свободнаго человѣка, какъ земледѣліе.“

Такимъ образомъ благородный Римлянинъ занимался, кромѣ военныхъ и государственныхъ дѣлъ, сельскимъ хозяйствомъ, позднѣе также и литературою, а иногда даже оптовою торговлею, если онъ владѣлъ большимъ имѣніемъ. Ремеслами же и пластическими искусствами занимались только бѣдные люди, а чаще всего рабы и вольноотпущенники. О томъ, какъ мало государство заботилось о ремесленномъ сословіи, свидѣтельствуетъ уже первое намъ извѣстное римское устройство (называемое Сервіевымъ); оно даетъ ремесленникамъ только весьма незначительныя права, не признавая ихъ способными нести военную службу, особенно въ качествѣ тяжело вооруженныхъ. Знатные римскіе писатели съ презрѣніемъ говорятъ объ этомъ сословіи и самъ Ливій (VIII. 20), желая показать затруднительное положеніе римской республики во время войны съ Галлами, говоритъ, что консулъ Л. Эмилий Мамерцинъ (въ 328 г.) наскоро собралъ войско изъ ремесленниковъ, „людей менѣе всего годныхъ для военной службы.“ Тотъ-же Ливій ставитъ въ упрекъ консулу Варрону, что онъ происходилъ изъ незнатной семьи мясника.

Хотя сословіе свободныхъ ремесленниковъ было довольно многочисленно, но оно никогда не достигало въ Римѣ и въ Италіи такого значенія и могущества, какъ напр. въ средніе вѣка или даже въ наше время; ибо большая часть всякаго рода издѣлій или привозилась въ Италію изъ чужихъ краевъ, или изготовлялась рабами и вольноотпущенниками, съ которыми нельзя было съ успѣхомъ

соперничать свободному ремесленнику. Выше мы видѣли, что римскіе богачи имѣли между своими рабами значительное число ремесленниковъ, удовлетворявшихъ почти всеѣмъ потребностямъ домашняго хозяйства, начиная съ сапожниковъ, портныхъ и столяровъ до архитекторовъ, ваятелей и живописцевъ; въ деревняхъ они устраивали промышленные заводы: рудокопни, каменоломни, кирпичные заводы, гончарни, ткацкія, валяльни, гдѣ работали свои (а иногда и нанятые) рабы и вольноотпущенники.

Но и менѣе богатые люди, а также тѣ, которые, не имѣя большихъ имѣній, занимались какимъ нибудь доходнымъ ремесломъ, употребляли для этой цѣли рабовъ и вольноотпущенниковъ; такъ напр. оптовые торговцы имѣли приказчиковъ (*institores*), банкиры дѣлопроизводителей (*actores*), театральные антрепренеры актеровъ (*histriones*), устроители гладиаторскихъ игръ и др. гладиаторовъ, которыхъ за плату отпускали и въ другія руки, какъ напр. дѣлалъ Аттикъ (см. ниже §. 82), книжные торговцы письмоводителей (см. ниже). Нерѣдко случалось, что Римляне, подобно Грекамъ, отдавали за известную плату своихъ рабовъ въ услуженіе другому. Такъ напр. Катонъ имѣлъ раба, который, зная грамоту, зарабатывалъ деньги для своего господина. Вообще для всякаго дѣла можно было повсюду въ Римѣ нанять рабовъ: нѣкоторые владѣльцы подготовляли своихъ рабовъ специально для какого нибудь занятія.

Предпославъ это, мы упомянемъ о нѣкоторыхъ особенно важныхъ ремеслахъ и промыслахъ вообще. Картина, представляющая эту сторону жизни древнихъ Римлянъ, можетъ быть тѣмъ вѣрнѣе и полнѣе, что основывается на множествѣ свѣдѣній объ этомъ предметѣ въ литературѣ.

Въ древнія времена Римлянинъ, занимавшійся сельскимъ хозяйствомъ, приготавливалъ въ своемъ имѣніи все нужные для хозяйства предметы, какъ-то: съѣстные припасы, шерсть для одежды, кожу для обуви и все необходимое для постройки дома. Но этотъ первобытный образъ жизни не могъ долго продолжаться. Въ Римѣ уже рано наступила потребность болѣе совершеннаго и болѣе обширнаго ремесленнаго производства, чему доказательствомъ служатъ тѣ восемь ремесленныхъ цеховъ (*орificum collegia*), которые, по преданію, учредилъ Нума. Впрочемъ, самостоятельное развитіе этихъ цеховъ пріостановилось, какъ только римское господство расширилось и Римляне начали знакомиться съ обстановкой жизни болѣе образованныхъ народовъ. Тогда, въ ущербъ домашнему производству, стали привозить въ Римъ лучшія и болѣе изящныя

произведенія изъ чужихъ странъ, въ особенности изъ Греціи и Малой Азіи, а также позволять селиться въ Римѣ иностраннымъ ремесленникамъ и художникамъ. Вслѣдствіе этого римское производство и римская промышленность никогда не пользовались совершенной самостоятельностью, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, но за то получили такую обширность и такое разнообразіе, какъ ни въ какомъ другомъ городѣ древняго міра. Правда, упомянутые цехи (первоначально 8), заключавшіе (Plut. Numa 17.) въ себѣ изготовителей флейтъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, плотниковъ, красильщиковъ (валяльщиковъ), сапожниковъ, шорниковъ, кожевниковъ, кузнецовъ (жѣдниковъ) и гончаровъ, впоследствии умножившіеся появленіемъ многихъ другихъ мастеровъ, какъ напр. золотоплющителей, мясниковъ, гребцовъ, врачей и т. д., служили защитой и опорой для ремесленниковъ, но эта поддержка оказывалась недостаточною въ виду неограниченнаго и ничѣмъ не стѣсненнаго привоза заграничныхъ товаровъ, равно какъ и въ виду дешевизны совмѣстныхъ издѣлій (по крайней мѣрѣ въ значительномъ числѣ отраслей) рабовъ и вольноотпущенниковъ.

Что касается устройства названныхъ цеховъ, то, какъ намъ извѣстно, они имѣли свои сборныя мѣста (*curiae, scholae*), гдѣ члены ихъ собирались для совѣщаній, принимали новыхъ членовъ, исключали негодныхъ и устраивали въ нѣкоторые праздники общіе обѣды. Каждый цехъ имѣлъ свою кассу, изъ которой уплачивались расходы на похороны членовъ, и свое знамя (*vexillum*), съ которымъ онъ принималъ участіе въ публичныхъ шествіяхъ. Это послѣднее, какъ кажется, перешло отсюда на сѣверъ и сохранилось тамъ до настоящаго времени.

Помѣщенія, въ которыхъ ремесленники большею частью изготовляли и продавали свои издѣлія, назывались *tabernae* и строились изъ тонкихъ досокъ (откуда, по Фесту, и названіе ихъ отъ „*tabulae*“). Таковы были и впоследствии лавки небогатыхъ ремесленниковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ приведенный Марціаломъ указъ Домиціана, по которому эти лавки должны были быть сняты, какъ съуживающія форумъ и всѣ улицы. Названіе тавернъ носили также лавки, находящіяся въ нижнихъ этажахъ домовъ. Представленіе о нихъ даютъ намъ до сихъ поръ сохранившіеся помпейскіе дома. Это небольшія помѣщенія въ нижнемъ этажѣ, иногда соединенныя съ другимъ помѣщеніемъ нижняго или верхняго этажа (см. стр. 118 и 119). Входъ въ такія таверны тѣсенъ, но внутренность ихъ обыкновенно видна вся, такъ какъ наружная ея

стѣна, а если лавка находится на углу, то обѣ такія стѣны поднимаются только на нѣсколько футовъ въ вышину, походя на нѣкотораго рода перегородку, устроенную на подобіе стола или прилавка и часто обложенную мраморными досками. На ночь закрывали лавки при помощи дверей и подвижныхъ дощатыхъ загоронокъ¹⁾; за то тѣмъ болѣе привлекательный видъ представляли лавки днемъ, когда товары въ красивыхъ группахъ выставялись на показъ на ступенчатыхъ полкахъ и на каменномъ столѣ.

Вывѣски лавокъ помѣщались обыкновенно надъ входомъ или надъ пилястромъ и состояли изъ прилично и обще-вразумительно расписанныхъ щитовъ, дѣлавшихся обыкновенно изъ обожженной глины; нѣсколько такихъ вывѣсокъ сохранилось до сихъ поръ въ Помпеяхъ.

Говоря о римскихъ ремеслахъ въ отдѣльности, мы будемъ держаться того-же порядка, въ которомъ перечисляли выше греческія ремесла; но предварительно замѣтимъ, что по римскимъ воззрѣніямъ въ кругъ ремесленной работы входятъ и всякаго рода искусства, не исключая даже живописи и скульптуры, которыя у Грековъ все же находились въ большемъ почетѣ, такъ какъ онѣ развились изъ религіознаго культа и первоначально служили только для религіозныхъ цѣлей.

Постройки производилъ Римлянинъ или самъ при посредствѣ своихъ рабовъ, или при помощи договоренныхъ подрядчиковъ (*redemptores*). Всѣми относящимися сюда работами завѣдывалъ строительный мастеръ или архитекторъ (*architectus*), подъ надзоромъ котораго работали многочисленныя ремесленники, какъ-то: каменотесы (*lapidarii, marmorarii*, или также *sectores, serrarii*, потому что нѣкоторые роды камня и мрамора пилились), плотники (*fabri tignarii, tignuarii*), каменщики (*parietarii, structores*), кирпичники (*laterarii*), приготовлявшіе для постройки кирпичъ (*lateres*), котораго по Витрувію было три рода, а по позднѣйшимъ извѣстіямъ еще больше; величиною онъ былъ отъ 8—15□" и дѣлался различной толщины, смотря по тому, служилъ ли для крыши (*tegulae*, череницы, ср. стр. 108), или для мостовой (тоже *tegulae*).

Окончательную отдѣлку жилища производили: мостовщики и мозаисты (*pavimentarii, tessellarii*), которые выше означеннымъ образомъ (на стр. 127—129) настилали полы и покрывали

¹⁾ Overbeck Pomp. II² стр. 4.

стѣны мраморными плитами; штукатурышки (*tectores, albarii, gypsarii*), покрывавшіе стѣны и колонны (если онѣ были изъ кирпича) слоями тонкой штукатурки, въ особенности тогда, когда стѣны писцы (*pictores parietarii, coloratores*) должны были расписывать стѣны картинами (стр. 124—126); наконецъ потолоки, окна и двери дѣлали столяры, носившіе общее названіе *fabri intestinariii* (въ противоположность плотникамъ), но называвшіеся, смотря по роду работы, еще и особыми именами. Особенно искусной работы требовали изъ упомянутыхъ предметовъ наборные потолоки (*lacunaria, laquearia*, о которыхъ см. стр. 127), которые дѣлали такъ наз. *laquearii*, слѣдовательно люди свѣдущіе между прочимъ также въ токарной и въ скульптурной работѣ.

Мебель, какъ-то: стулья, диваны, кровати, столы, шкафы и сундуки изготовляли столяры, которые извѣстны были подъ разными названіями: *lectarii, armariarii, arcarii*; см. объ этомъ стр. 166—177. Но кромѣ дерева, часто весьма драгоценнаго (стр. 175), матеріаломъ для всякаго рода мебели служилъ также металлъ, т. е. бронза и серебро, а для нѣкоторыхъ предметовъ, какъ-то: стульевъ, столовъ, — и мраморъ (ср. рис. 166, 169, 177). Мраморную мебель изготовляли такъ наз. *marmorarii subaedani* (изготовители домашней утвари изъ мрамора), которые кромѣ того дѣлали канделябры, ванны, чаны, изящные сосуды для выставки, и разныя медкія архитектурныя украшенія.

Ремесленники этого разряда, называемые обыкновенно *inscriptores* и *scriptores* (оттого, что вырѣзывали надписи), дѣлали еще надгробные памятники, саркофаги, урны и т. д. Бронзовую мебель изготовляли такъ наз. мѣдники (*fabri aearii*), называвшіеся также литейщиками (*fatruarii, fusores*), оттого что они отливали свои произведенія; они же дѣлали для болѣе богатыхъ людей изъ того-же матеріала и лампы. Упоминается также и о приготовленіи въ Римѣ хорошей бронзы, особенно коринтской (см. стр. 192). Многіе изъ этихъ литейщиковъ изготовляли и статуи. Серебряную или посеребренную мебель изготовляли серебряники (*fabri argentarii*). Но всѣ эти ремесленники и еще многіе другіе по преимуществу занимались изготовленіемъ

домашней посуды, описанной нами по отдѣльнымъ разрядамъ выше, на стр. 177—200. Самую значительную часть ея изготовляли конечно литейщики мѣди; но лучшія издѣлія ихъ до вынутія изъ формы подвергались также чеканкѣ (*caelatura*), отъ чего получали гладкую и лоснистую поверхность.

Большую часть посуды для напитков и кушаній (*argentum escarium* и *potorium*), употреблявшейся римскими богачами, изготовляли серебряники, которые поэтому и назывались *argentarii vascularii* (изготовители посуды изъ серебра, ср. стр. 192); кромѣ этой посуды, они во времена императоровъ изготовляли также изящные сосуды для выставки (на абакахъ и дельфикахъ, стр. 175 и 176), кратеры, рукомойники, а также отчасти кухонную серебряную посуду. — Всѣ эти предметы чеканились, въ особенности, если предполагалось украсить ихъ выпуклыми работами; послѣднія или отливались, или выбивались вмѣстѣ съ сосудомъ посредствомъ молотка, или же наконецъ принаивались на сосудъ посредствомъ свинца (ср. стр. 193).

Какъ уже выше (стр. 191—193) нами замѣчено, посуду для напитков и кушаній изготовляли также золотыхъ дѣлъ мастера (*fabri aurarii*), которые принадлежали къ одному изъ древнѣйшихъ цеховъ въ Римѣ, состоявшему изъ римскихъ гражданъ. Кромѣ посуды, украшенной нерѣдко драгоценными камнями (стр. 193), они изготовляли главнымъ образомъ разныя золотыя и изъ драгоценныхъ камней украшенія, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Значительное число сосудовъ выдували и отливали стекольщики (*vitrearii*) изъ обыкновеннаго или разноцвѣтнаго стекла, которое полировали и часто украшали рѣзными фигурами, столь искусными и удивительными, что и теперь еще мы восхищаемся этого рода издѣліями (см. стр. 194). Самую искусною отдѣлкою отличаются сѣтчатые сосуды (*vasa diatreta*), т. е. сосуды, поверхность которыхъ изрѣзана на подобіе сѣтки, такъ что кажется, будто сосудъ вставленъ въ нее. Такихъ сосудовъ (чашъ) сохранилось въ коллекціяхъ шесть штукъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ остальномъ стеклянномъ производствѣ, заключавшемъ въ себѣ едва ли не всѣ отрасли нынѣшняго стеклодѣлія. Такъ, упоминаются стекляныя бусы, поддѣланные драгоценныя камни (которыми уже тогда обманывали неопытную публику) иногда съ выпуклыми (*cameo*) или вырѣзными украшеніями (*intaglio*), литые изъ нитевиднаго и различнымъ образомъ окрашеннаго стекла, наконецъ сосуды съ разноцвѣтными полосами. О томъ, что фабриковалось также обыкновенное оконное стекло, и что оно во времена императоровъ было довольно распространено, мы уже сказали выше на стр. 121.

Болѣе всего впрочемъ доставляло этихъ предметовъ гончарное ремесло (*figlina*); гончары (*figuli*) составляли одинъ изъ древ-

нѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ цеховъ въ Римѣ. По сортамъ различались издѣлія грубой работы (*opus doliare*), каковы были погребные сосуды (*dolia, cypae, amphorae*, стр. 179) и кухонная посуда, и издѣлія тонкой работы (*opus figlinum*), дѣлавшіяся изъ чистой глины (*argilla, creta figularis*). О родахъ и видахъ сосудовъ см. §. 39 и 40. Сосуды грубой работы были сѣрожелтаго цвѣта; изъ издѣлій тонкой работы сосуды для напитковъ и кушаній были алаго и темнокраснаго цвѣта всѣхъ оттѣнковъ, другіе сосуды сѣраго и чернаго цвѣта. Издѣлія краснаго и чернаго цвѣта украшались такъ-же, какъ и подобныя издѣлія литейнаго искусства, выпуклыми работами. Обширна была и фабрикація лампъ, которыя дѣлались изъ глины; верхняя и нижняя часть (см. стр. 197) приготавливались отдѣльно, послѣ чего обѣ части соединялись. Впрочемъ, упоминаются также лампы изъ бронзы, изъ алебаstra, стекла, золота, серебра и т. п. О разныхъ видахъ и украшеніяхъ глиняныхъ и бронзовыхъ лампъ см. стр. 197 и слѣд.

Кромѣ того, въ кругъ гончарнаго ремесла входило дѣланіе водопроводныхъ и теплопроводныхъ трубъ (послѣднія нужны были при отопляваніи посредствомъ воздуха), плитокъ и кубиковъ для помостовъ, архитектурныхъ украшеній, саркофаговъ и наконецъ статуй. Въ древнія времена статуи дѣлались почти исключительно гончарами; впослѣдствіи, когда греческое искусство проникло въ Римъ, гончарное ремесло ограничивалось только изготовленіемъ маленькихъ, часто расписанныхъ фигуръ (*sigilla*), которыя въ большомъ множествѣ раздавались во время сатурналій, и кромѣ того служили игрушками для дѣтей. О большой доходности этого ремесла мы имѣемъ много свѣдѣній. Такъ напр. извѣстно, что члены знатныхъ римскихъ семей и даже императоры и императрицы получали большіе доходы изъ гончарныхъ и кирпичныхъ заводовъ, въ которыхъ изготовляли множество разныхъ издѣлій для оптовой торговли.

Приготовленіемъ одежды занималось много ремесленниковъ, особенно въ позднѣйшія, императорскія времена, когда древняя простота въ одеждѣ уже болѣе не удовлетворяла потребностямъ любившаго роскошь общества, и домашнія силы вслѣдствіе этого оказывались недостаточными.

Самымъ обыкновеннымъ матеріаломъ для одежды служила шерсть, которую, прежде чѣмъ прясть, чистили и чесали щеткою (*pecten, ξάμιον*). Этимъ дѣломъ занимались (внѣ домашняго хозяйства) шерстобиты и шерсточесы (*lanarii*).

Ленъ приготавливали для пряжи такъ-же, какъ и мы (Plin. Н. N. XIX. 3, 16 и т. д.), т. е. его сначала сушили (*maceratur*), потомъ мяли (*stuppario malleo tunditur*) и чесали (*ferreis hamis pectitur*). Шелкъ привозился съ востока обыкновенно уже въ видѣ ткани, впоследствии впрочемъ и въ сыромъ видѣ, такъ что приходилось его мотать и прасть. Кромѣ этихъ матерій употребляли еще (хотя рѣдко) хлопчатую бумагу (*lana arborea*).

Крашеніемъ матерій, въ сыромъ ли видѣ (напр. шерсть, которую пряли и ткали только послѣ окраски), или въ пряжѣ и тканяхъ, занимались красильщики (*infectores, offectores*), называвшіеся по цвѣту, въ который красили, красильщиками въ фіолетовый цвѣтъ (*violarii*), въ восковой (*cerarii*), въ шафрановый (*crocotarii*), въ каштановый (*spadicarii*), въ огненный (*flammearii*) и въ пурпуровый (*purpurarii*). Минеральныхъ красокъ древніе Римляне не знали. О пурпуровой краскѣ и цвѣтѣ пурпуровой шерсти см. стр. 226.

Ткачи (*textores*) приготавливали ткани въ позднѣйшія времена на горизонтальномъ станкѣ и съ тѣми-же приемами, какъ и теперешніе, тогда какъ въ древнія времена римскія женщины, подобно греческимъ, ткали на вертикальномъ станкѣ (см. стр. 227). По матеріалу различались ткачи шерсти (*lanarii*) и ткачи полотень (*linteones*); кромѣ того были ткачи матерій съ пестрыми узорами (*polymitarii* — камчатные ткачи).

Наряду съ ткачами должно упомянуть о вышивателяхъ или золотошвеяхъ (называвшихся *phrygiones* потому, что это искусство фригійскаго происхожденія, и *plumarii* потому, что вышивали они подъ перья), которые на туникахъ и тогахъ (стр. 219) ткали и вышивали золотыми и др. нитками разнаго рода украшенія и кромѣ того изготовляли ковры, занавѣси и покрывающія (для дивановъ, стульевъ, подушекъ и т. п.) съ вытканными фигурами звѣрей и даже людей (мифологическихъ и историческихъ).

Однимъ изъ самыхъ важныхъ ремеслъ въ дѣлѣ приготавливанія одежды было сукновальное ремесло (*ars fullonia*), потому что большая часть одежды изготовлялась изъ шерсти. Занятіе вальщиковъ было двоякаго рода: они или подстригали новую матерію (*vestes rudes, de tela*), смотря по ея добротѣ и назначенію, или же, наоборотъ, растеребляли и ворсили (такъ матерія, которую ворсили съ одной стороны, называлась *gausara*, см. стр. 175, матерія, которую ворсили съ обѣихъ сторонъ — *amphimallia*, двуворсная), а иногда они мыли и гладили запачканное

платье, особенно тоги (см. стр. 227). Валяльщикова (fullones, lavatores, lotores) было много не только въ городахъ, но и въ деревняхъ (гдѣ держали ихъ богатые землевладѣльцы); они устраивали свои мастерскія (officinae) при рѣкахъ, ручьяхъ, водопроводахъ и т. п. Корпорации или цехи валяльщикова были необыкновенно многочисленны; покровительницею своего ремесла они считали Минерву, которой и посвящали 19мъ день марта.

И шитье одежды отдавалось въ позднѣйшія времена на сторону (прежде приготовлялась она дома, ср. стр. 227), особымъ портнымъ (sartores) и швеямъ (sarcinatrices), которые изготовляли ее или по заказу, или для продажи; въ послѣднемъ случаѣ портняжное ремесло становилось до нѣкоторой степени торговлею. Изготовители одежды этого разряда назывались *vestiarii* и продавали всѣ роды одежды (тоги, туники, пенулы, саги и т. д.) въ магазинахъ, или же держали особыхъ разнощиковъ, которые разносили товаръ по домамъ. Упоминаются также (во времена императоровъ) изготовители и продавцы исключительно того или другого рода одежды, напр. *paenularii*, *sagarii* и др.

Войлочные головные покровы, упомянутыя нами на стр. 228, дѣлали войлочники (*coactiliarii*). Какъ великъ былъ сбытъ ихъ издѣлій, видно изъ того, что войлочные шляпы и шапки были во всеобщемъ употребленіи во время путешествій и полевыхъ работъ, и также изъ того, что въ городахъ, по крайней мѣрѣ въ сатурналии, ни одинъ мужчина не смѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ дней выходить безъ шляпы, и наконецъ изъ того, что со времени Калигулы стали носить шляпы также въ театрахъ и при публичныхъ играхъ, для защиты лица отъ лучей солнца. Кромѣ шляпъ, эти ремесленники видѣлывали также войлочные подошвы и нѣкотораго рода повязки для ногъ (*fasciae crurales* или *tibialia*, *feminalia*, ср. стр. 238). Обыкновенно матеріаломъ для обуви служила кожа, которую видѣлывали кожевники (*coriarii*), и изъ которой дѣлали обувь сапожники и башмачники (*sutores*). Корпорация сапожниковъ, равно какъ и кожевниковъ, принадлежала къ древнѣйшимъ въ Римѣ и состояла изъ гражданъ; центромъ ея служилъ домъ сапожниковъ (*atrium sutorium*). Ремесломъ этимъ занимались въ особыхъ рядахъ (*sutrinae*), изготовляя отдѣльно солен или сандалии (*solearii*), башмаки (*calceolarii*), солдатскіе полу-сапоги (*caligarii*) и т. д., или только починая обувь (*sutor cerdo*).

Уборы и другіе предметы туалета изготовляли золотыхъ дѣлъ мастера (*fabri aurarii*) и токари (*tornatores*).

Сюда относится прежде всего изготовленіе перстней, колецъ и серегъ, въ чемъ римскіе золотыхъ дѣль мастера достигли такого совершенства, что даже современные намъ ювелиры могутъ многому у нихъ поучиться, особенно въ искусствѣ вправлять драгоценные камни и жемчугъ. Это подтверждаютъ еще и другіе уборы, которые въ большомъ количествѣ найдены были въ Помпеяхъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, и изъ которыхъ нѣкоторые нами представлены выше, на стр. 239 и 240.

Токари приготавливали большую часть изъ слоновой кости гребни, булавки, коробочки (см. рис. 309) и т. п. Кромѣ того они выкладывали и украшали комнаты (потолки и двери) и мебель (стулья и столы) пластинками и рѣзными работами изъ слоновой кости и т. п.

Изъ занятій, доставлявшихъ съѣстные припасы, первое мѣсто занимало земледѣліе, о которомъ мы говорили уже выше. Приготовленіемъ кушаній занимались большую часть дома. Но между земледѣліемъ и приготовленіемъ пищи есть еще цѣлый рядъ другихъ ремеслъ и промысловъ; о нихъ-то мы и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Мельники (molitores) образовали самостоятельную промышленную корпорацію только тогда, когда стали оптомъ приготавливать муку посредствомъ водяныхъ мельницъ, на что до конца 4 стол. по Р. Хр. нѣтъ положительныхъ данныхъ (хотя уже Витрувій знаетъ и описалъ водяную мельницу). До того времени мукомольное ремесло (если только не мололи муку дома) соединено было съ пекарнымъ (см. стр. 118). Последнее ремесло приобрѣло большое значеніе только при Августѣ; образовавшаяся въ это время корпорація (или цехъ) пекарей (corpus, collegium pistorum) впоследствии постоянно увеличивалась и пользовалась даже нѣкоторыми государственными льготами за услуги, которыя оказывала римскому правительству въ дѣлѣ раздачи бѣдному населенію печенаго хлѣба, замѣниваго въ 3 стол. прежній зерновой хлѣбъ. Въ 312 году по Р. Хр. въ Римѣ было 254 пекарни или хлѣбни (pistrina, officinae pistoriae). О доставкѣ зерноваго хлѣба заботились избранные для этого члены корпораціи; кассою корпораціи завѣдывали два квестора. О родахъ печенаго хлѣба и хлѣбопекахъ см. стр. 270.

Мясники (lanii, laniones) погупали скоть у землевладѣльцевъ и производили свое ремесло въ мясныхъ лавкахъ (tabernae macellariae, t. lanienae); они были обыкновенно изъ гражданъ. О сви-

нинѣ и приготовляемыхъ изъ нея разныхъ родахъ нищи см. стр. 268. Сюда должно отнести торговцевъ сырыми мясными припасами (какъ-то дичью, птицею и т. п.), извѣстныхъ подъ именемъ *macellarii*, и наконецъ торговцевъ сластями (*surrepinaarii*), заморскими съственными припасами и напитками, огородными растеніями (*leguminaarii*, *fabarii*) и фруктами (*romarii*).

Не маловаженъ былъ далѣе промыселъ рыбаковъ (*piscatores*), которые торговали разными родами своей и иностранной рыбы, свѣжей и соленой, а также продавали разные рыбные соусы. См. стр. 264—266.

Изъ прочихъ промышленниковъ назовемъ еще виноторговцевъ (*vinarii*), маслопромышленниковъ (*olearii*) и солепромышленниковъ (*salarii*).

Изъ остальныхъ ремесленниковъ, съ издѣліями которыхъ мы отчасти уже познакомились и отчасти еще познакомимся, слѣдуетъ упомянуть каретниковъ, шорниковъ, кузнецовъ, слесарей и оружейниковъ.

Каретное ремесло, какъ видно изъ того, что выше (стр. 329 и слѣд.) сказано о повозкахъ, было довольно обширно и во времена императоровъ даже очень развито. По разнымъ родамъ повозокъ каретники (*carpentarii*), кажется, носили имена — *caedarii*, *essedarii* и *cisiarii*; но свѣдѣнія объ этомъ не совсѣмъ ясны, потому что этими-же самыми именами означались и возницы.

Шорники не приводятся подъ какимъ нибудь общимъ именемъ, но различаются по отдѣльнымъ предметамъ своего мастерства, столь-же, впрочемъ, многочисленнымъ, какъ и въ наше время, каковы: сѣдла, узды, возжи, оглавли, бичи, попоны и т. д.

Съ издѣліями кузнецовъ (*fabri ferrarii*) и слесарей (*ferramentarii*) мы достаточно познакомились на стр. 113, 138 и 139. Издѣлія оружейниковъ будутъ описаны ниже въ статьѣ о вооруженіи и тамъ-же наглядно представлены на рисункахъ.

Остается сказать еще о двухъ занятіяхъ, представляющихъ для насъ немалый интересъ, именно: о врачебномъ искусствѣ и о книжномъ дѣлѣ.

62. Врачебнымъ искусствомъ занимались у Римлянъ первоначально Греки, а впослѣдствіи надежные рабы и вольноотпущенники греческаго происхожденія; свободный римскій гражданинъ

пренебрегаль этимъ искусствомъ точно такъ-же, какъ и всякимъ другимъ ремесломъ и вообще платною работою.

Къ врачу не-Греку римское общество относилось съ недоувѣ-
риемъ, хотя и Греки не прочь были воспользоваться своею извѣст-
ностью для чисто шарлатанскихъ цѣлей. Такъ Плиній говоритъ
(Н. Н. XXIX. 8, 17—18), что „даже уваженіемъ не пользуется тотъ,
кто занимается врачебнымъ искусствомъ не погречески, и что обще-
ство менѣе довѣряетъ лечебнымъ средствамъ и предписаніямъ
врачей, если понимаетъ ихъ (!). Отсюда и происходитъ то, что всякій,
кто выдаетъ себя за врача, находитъ вѣру, и что нѣтъ закона,
который караль бы за невѣжество врачей, учащихся изъ нашихъ
опасностей и приобрѣтающихъ практику изъ частныхъ случаевъ смерти,
и что одинъ врачъ остается безнаказаннымъ, если убьетъ человѣка.“¹⁾
Со временъ Кесаря кромѣ врачей-Грековъ стали поселяться въ Римѣ
и пользоваться всякаго рода привилегіями также и врачи изъ Египта.
При Неронѣ приняты были мѣры для организаціи сословія врачей.
Установлены были въ Римѣ и въ другихъ значительныхъ городахъ
должности обыкновенныхъ и главныхъ врачей (*archiatri*). Въ Римѣ
главные врачи были двухъ родовъ: придворные (*archiatri palatini*)
и народные (*archiatri populares*); послѣдніе по одному для каждой
трибы. Со временъ Антонина Пія каждому городу назначено было
имѣть извѣстное число врачей, которые избирались гражданами и
подвергались экзамену предъ комиссіею главныхъ врачей. Всѣ
они получали жалованье отъ общины и освобождались отъ всѣхъ
государственныхъ и общественныхъ повинностей; но за то должны
были даромъ лечить бѣдныхъ. Лечение внутреннихъ и наружныхъ
болѣзней обыкновенно соединялось въ одномъ лицѣ; не смотря на
это, упоминаются во времена имперіи также особые хирурги
(*medici vulnerum, vulnerarii, chirurgi*), глазные врачи (*medici ab oculis,*
ocularii), ушные (*auricularii*) и зубные врачи (послѣдніе также вета-
вляли искусственные зубы); упоминаются (на надписяхъ) и лекарки
(*medicae*), которыя, кромѣ повивальнаго искусства, занимались еще
леченіемъ женскихъ болѣзней. Помощниками врачей служили *iatra-*
liptae, tricatores (получившіе это названіе отъ того, что пользовали
больныхъ преимущественно посредствомъ мазанья и натиранья).
Болѣе знаменитые врачи посѣщали больныхъ въ сопровожденіи своихъ

¹⁾ Въ позднѣйшія времена было, конечно, издано много законовъ для за-
щиты общества въ подобныхъ случаяхъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ
многія мѣста дигестовъ.

помощниковъ, а также нерѣдко и большого числа учениковъ, что немало беспокоило больныхъ.

Лекарства приготавливали сами врачи и въ особыхъ лавкахъ или аптекахъ (*tabernae medicorum, medicinae*) продавали ихъ въ баночкахъ и коробочкахъ, снабженныхъ печатями и надписями. Въ числѣ лекарствъ были разные яды и противоядія и разныя шарлатанскія кашки. Въ Помпеяхъ открыты двѣ аптекарскія лавки; у одной изъ нихъ вывѣской служитъ изображеніе змѣи Эскулапа, держащей въ пасти сосновую шишку. Въ этихъ лавкахъ найдено много лекарствъ, хранящихся теперь въ неапольскомъ музеѣ; между ними есть такія, которыя находились нѣкогда въ жидкомъ состояніи, а теперь высохли. Кромѣ того найдено здѣсь много хирургическихъ инструментовъ, изъ которыхъ нѣкоторые похожи на нынѣшніе, что указываетъ на одинаковое ихъ употребленіе.

О прибыльности лекарскихъ занятій мы имѣемъ много свѣдѣній. Лейбъ-медики римскихъ императоровъ получали, сравнительно съ нашими, громадное жалованье. Такъ напр. Квинтъ Стертиній, лейбъ-медикъ нѣсколькихъ императоровъ, получалъ ежегодно 500.000 сест. (т. е. болѣе 20.000 рублей); иные же лейбъ-медики получали ежегодно до 600.000 сест. (25.000 руб.). Современникъ Плинія Старшаго Кринасъ, Грекъ изъ Массиліи, оставилъ по себѣ капиталъ въ 10 милліоновъ сест. (460.000 руб.) и почти столько-же пожертвовалъ еще при жизни на стѣны роднаго города.

Съ начатками врачебнаго искусства у *Грековъ* мы встрѣчаемся уже въ героическія времена; но врачи занимались въ то время только леченіемъ ранъ, употребляя при этомъ разныя цѣлительныя травы. Хотя по словамъ поэта

„Опытный врачъ драгоцѣннѣ многихъ другихъ человѣковъ,“

Ил. XI. 514.

всетаки занятіе ихъ считалось ремесломъ, наравнѣ съ искусствомъ предсказанія и плотничьимъ ремесломъ (Од. XVII. 383).

Сравнительно болѣшими познаніями въ лечебномъ дѣлѣ обладали жрецы Асклепія, въ храмы котораго стекалась масса больныхъ; пользуясь здѣсь банями, а также здоровымъ воздухомъ, больные дѣйствительно часто выздоравливали, хотя самое леченіе производилось сообразно съ истолкованіемъ жрецами сновидѣній, которыя снились больнымъ въ храмѣ бога Асклепія. Что при такомъ способѣ леченія суевѣріе и обманъ имѣли болѣе значеніе, чѣмъ знаніе, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Изъ такихъ

начатковъ рано развилось врачебное искусство, такъ что напр. въ Атикѣ уже въ 4 в. мы встрѣчаемъ даже народныхъ врачей (*δημόσιοι ἰατροί*), которые бесплатно лечили бѣдныхъ. Определенной платы за лечение (*μισθός, σωτήριον, ἰατρῆϊον*) вообще не было, такъ что приходилось напередъ условливаться относительно ея размѣра, а иногда и уплачивать ее. Нѣкоторые врачи поручали лечение бѣдныхъ людей особо для этого подготовленнымъ рабамъ. Многие изъ врачей имѣли свои особыя лечебныя залы (*ἰατρεῖα*), снабженныя нужными медицинскими аппаратами и лекарствами. Лекарства приготовлялись и продавались конечно самими врачами; вслѣдствіе этого случалось, что разные шарлатаны, выдавая себя за лекарей, обманывали и надували простой народъ. О положеніи греческихъ врачей въ Римѣ мы говорили выше.

Книжное дѣло у Римлянъ и Грековъ.

63. Навощенныя дощечки (изъ обыкновеннаго дерева, слоновой кости, цитра), о которыхъ мы выше упоминали (стр. 294), и Римляне употребляли для писемъ, замѣтокъ, счетовъ, чернового, а также въ школѣ (*tabellae, pugillares cerae*, т. е. ручныя дощечки, или вообще *cerae*; дощечки меньшаго размѣра назывались *codicilli*). Когда складывалось вмѣстѣ нѣсколько дощечекъ (*diptychi, triplices*, даже и *quinguplices, quintuplices cerae*), то для того, чтобы написанное на нихъ не стиралось, каждая изъ нихъ снабжалась деревянной рамкой, вслѣдствіе чего онѣ и не прилипали одна къ другой. Рис. 329. представляетъ намъ ручныя дощечки: слѣва въ два листа, справа — въ пять, а посрединѣ — въ три.

Въ болѣе позднее время дощечки эти дѣлались изъ пергамента (*pugillares membranei*, Mart. XIV. 7).

Рамки диптиховъ дѣлались часто изъ драгоценнаго матеріала, какъ напр. изъ слоновой кости, цитра и украшались искусной рѣзной работой. Высшіе сановники (консулы, преторы, эдилы и т. п.) посылали диптихи другъ другу въ подарокъ при своемъ вступленіи въ должность, отчего они и носили имена *diptycha consularia, praetoria, aedilia*. Сглаживаніе и поправки написаннаго на этихъ дощечкахъ дѣлались, какъ и у Грековъ, плоскимъ концемъ стила (рис. 330. с); отсюда выраженіе *oblinere* или *stilum vertere* = поправлять (Hor. Sat. I. 10. 72) и *litura* = поправка.

Если диптихи употреблялись для писемъ, то они обвязывались крестообразно веревочкой или крѣпкой нитью, и узелъ запечатывался (*obsignare*) или воскомъ, или печатной глиной (*cretula*), обменовенно при помощи кольца (*anulus*, а. *signatorius*, *sigillarius*, *σφραγίς*); запечатанное такимъ образомъ письмо снабжалось адресомъ. У богатыхъ Римлянъ, какъ уже выше было сказано (стр. 337), были для веденія переписки особые секретари (изъ невольниковъ или вольноотпущенниковъ) и письмоносители (*tabellarii*). — Для болѣе объемистыхъ сочиненій Римляне, какъ и Греки, употребляли въ болѣе позднія времена листы, приготовлявшіеся изъ папируса (*πάπυρος*, *βύβλος*), разводившагося въ египетской

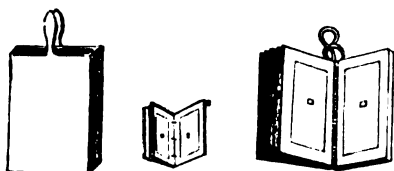

Рис. 329. Ручная дощечка, по помпейскому рисунку.

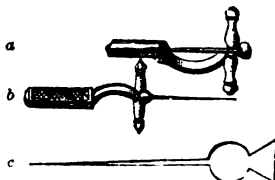

Рис. 330. Орудіе для письма (*γραφίον*, *stilus*), а закрытое, б открытое, в съ плоскимъ концомъ, по римскимъ оригиналамъ.

Дельтъ. Листы эти приготовлялись слѣдующимъ образомъ: стебель папируса разрѣзывался на куски, длиною отъ 6—13 дюймовъ; затѣмъ, по снятіи верхняго грубаго лыка (употреблявшагося обменовенно для грубыхъ плетеныхъ работъ), отдѣлялись одна отъ другой (Plin. Н. Н. XIII. 12) тонкія мочальныя кожицы (*philyrae*), изъ которыхъ среднія давали лучшую бумагу; потомъ эти кожицы переплетались одна съ другою на подобіе ткани и поливались водою изъ рѣки Нила, вслѣдствіе чего дѣлались мягкими и какъ бы склеивались¹⁾; наконецъ онѣ подвергались извѣстнаго рода мочень (*ablutio*), отъ которой становились бѣлыми, клейкими, гладкими и тонкими. Это дѣлалось не только въ Египтѣ, но во времена Августа въ большихъ размѣрахъ также и въ Римѣ, гдѣ существовало нѣсколько бумажныхъ фабрикъ, въ которыхъ обрабатывался привозимый туда сырой матеріалъ.

¹⁾ W. Wattenbach („Das Schriftwesen im Mittelalter. Leipzig 1871“) объясняетъ иначе, считая невѣрнымъ мнѣніе Плинія и слѣдовательно также Беккера (Gallus, II. 313 и Charikles, I. 282—6) и Марквардта (R. Alt. V. 2, 390) о кожицахъ стебля папируса.

Хорошая бумага была тонка, липка, бѣла, гладка (Plin. XIII. 12, 78), не жестка и непромокаема (*scabra et bibula*, Plin. Ep. VIII. 15). Различалось нѣсколько сортовъ бумаги, изъ которыхъ самыя лучшія были: *Augusta* (раз. *charta*) 13" длины ¹⁾, *Liviana* (названная такъ въ честь супруги Августа), *hieratica* (11" длины, прежде первый сортъ), *Fanniana* (10" длины, называвшаяся такъ по имени фабриканта Фаннія); *Corneliana* (по имени Корнелія Галла, 6й сортъ), *amphitheatrica* (по фабригѣ, находившейся вблизи амфитеатра, 9" дл.), *saitica* (менѣе 9") и самый низкій сортъ *emproetica* (купеческая бумага, только 6"), которая употреблялась для завертыванія товаровъ и т. п.

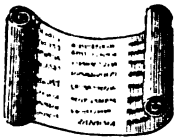

Рис. 331. Образецъ свитка со столбцами письма, по помпейской картинѣ.

Рис. 332. Книга изъ пергаментныхъ листовъ, по помпейской картинѣ.

Рис. 333. Чернилица и тростниковое перо, по помпейской картинѣ.

Писали обыкновенно на одной сторонѣ ²⁾ этихъ листовъ строчками (*versus*), образовывавшими столбцы (*columnae*, рис. 331.) отъ 4—6 дюймовъ (римскихъ, *digiti*) ширины, отдѣленныхъ одинъ отъ другого небольшими промежутками (*σείλις, σελίδιον*) и ограниченными (красными) линиями. Только для обыкновенныхъ записокъ или для упражненія дѣтей употребляли бумагу, исписанную уже на одной сторонѣ; вообще писалось съ обѣихъ сторонъ (*opisthographa*) только въ случаѣ крайней бережливости. Случалось, что по какой нибудь причинѣ написанное стиралось губкой, и бумага снова шла въ дѣло (*palimpsestus*) ³⁾. Стираніе частей написаннаго (*litura*) происходило обыкновенно для того, чтобы сдѣлать какія нибудь поправки. — Смотра по объему сочиненія, извѣстное количество листовъ бумаги напоминающихъ наши четвертушки, немного, впрочемъ, уже этихъ послѣднихъ, селенялись одинъ

¹⁾ Подразумѣваются римскіе *digiti*, которыхъ приходилось 16 на одну стопу.

²⁾ Вслѣдствіе липкости бумаги и свертыванія написаннаго въ свитки не удобно было писать на оборотѣ.

³⁾ Cic. ad Fam. VII. 18, 2; Martial. IV. 10.

съ другимъ краемъ въ полъ дюйма или въ дюймъ ширины (отсюда *paginae*, отъ *pango*, также *scheda*, *σχέδη*), а затѣмъ свертывались въ свитокъ.

Пергаментные листы (срав. стр. 295) не свертывались въ свитки, а складывались и переплетались на подобіе нашихъ книгъ. Впрочемъ пергаментъ употреблялся рѣдко, по причинѣ своей дороговизны.

Чернила (*atramentum librarium*) готовились изъ сажи съ примѣсью клея и были очень густы, чтобы не могли расплываться¹⁾. Кромѣ чернилъ, писали еще, какъ кажется, сепіей

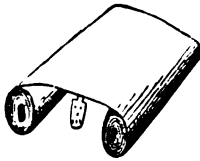

Рис. 334. Свитокъ съ привѣшеннымъ къ нему ярлыкомъ, по помпейской картинѣ.

Рис. 335. Лице, читающее свитокъ, по барельефу на римскомъ саркофагѣ.

(*Pers.* III. 12 и слѣд.). Вмѣсто нашего пера Римляне, подобно Грекамъ, употребляли (см. также стр. 295, прим. 1) тростникъ (*arundo*, *calamus*), очиненный особымъ ножикомъ (*scalprum librarium*). На рис. 333. изображено по помпейской картинѣ такое тростниковое перо вмѣстѣ съ чернилицей (*atramentarium*).

Всѣ эти приборы, равно какъ линейка и циркуль для измѣренія столбцовъ, хранились въ письменныхъ футлярахъ (*calamariae*, *graphariae thecae*, *Suet. Claud.* с. 35).

Когда писаніе известнаго сочиненія оканчивалось, обратная сторона хартиа натиралась, для предохраненія отъ моли, кедро-

¹⁾ *Plin.* XXXV. 6, 25. *Fit enim et fuligine pluribus modis, resina vel pice exustis.* Вотъ почему письма на геркуланскихъ папирусахъ, хранящихся въ неапольскомъ музеѣ, представляются на истлѣвшемъ черномъ грунтѣ выпуклыми и доснистыми, что единственно дѣлаетъ возможнымъ ихъ чтеніе.

вымъ масломъ (Hor. Ars poet. 331; Ov. Trist. III. 1, 13; *ἀλείφειν τῷ κρόκῳ καὶ τῇ κέδρῳ*, Luc. adv. ind. 16), а затѣмъ послѣднимъ краемъ она прикрѣплялась къ палкѣ, одинаковой съ ней длины, и наматывалась на нее. Отсюда книга называется *volumen*, и развернуть, читать, прочитывать книгу — *librum evolvere, pervolvere, revolvere, ἀνελάττειν*. Обыкновенно каждая книга (*liber*) образовывала отдѣльный свитокъ; большія книги часто состояли изъ двухъ или болѣе свитковъ. Читающій, держа въ правой рукѣ свитокъ, понемногу развертывалъ его (*ἐξείλειν*) лѣвой и затѣмъ медленно заворачивалъ прочитанное, такъ что книга при чтеніи оказывалась завернутой съ двухъ концовъ (*βιβλίον ἐς δύο συνεπιλημῆνον*, какъ говоритъ Luc., Imag. с. 9). Это представляетъ намъ

Рис. 336. Футляръ для свитковъ (*carpa*) и ключикъ къ нему, по помпейской картинѣ.

рис. 331. и особенно рис. 335., на которомъ мы видимъ читающаго свитокъ, взятый изъ вблизи стоящаго шкафа, гдѣ ихъ лежитъ еще нѣсколько. — Концы выше упомянутой палочки (по виду называвшіеся *umbilici, διφάλοι*) были или красные, или черные, или позолоченные; обѣ стороны свитка (*frontes* — чела) аккуратно срѣзывались (*circumcidere, περικόπτειν*), сглаживались немзой (*pumex*), а иногда (подобно обрѣзамъ у нашихъ книгъ) натирались краской. Въ видѣ украшенія прикрѣплялись къ обоимъ концамъ палочки такъ называемыя рожки (*cornua*), имѣвшіе видъ грушъ и дѣлавшіеся изъ слоновой кости и даже изъ золота (отсюда часто *umbilici* смѣшиваются съ *cornua*). Свитки клались въ пергаментные футляры (*membranae, διφθέραι, διφθέρας περιβάλλειν*), натертыя или пурпуромъ, или желтой краской (*lutum, lutea*); на футляръ приклеивался кусокъ бѣлой бумаги съ красной надписью (*titulus, index, σίλλυβος*), или же, если свитокъ не влагался въ футляръ, такой ярлычекъ привѣшивался къ нему (рис. 334., Tibullus III. 1, 9—14, Ov. Trist. I. 1, 5—10, Mart. III. 2, 11; см. рис. 334.). Для самыхъ драгоценныхъ книгъ футляры дѣлались изъ кипариса (Hor. A. P. 332). Кромѣ того книги украшались иногда изображениями писателей (Seneca de tranq. an. 9; Mart. XIV. 186). Наконецъ не лишне замѣтить о томъ, что Плиній (XXXV. 2, 11) упоминаетъ

даже объ иллюстрированномъ сочиненіи Варрона, называвшемся *Hebdomades*, которое состояло изъ 100 листовъ съ 7 изображеніями на каждомъ (Gellius N. A. III. 10).

Для библіотеки (*bibliotheca*) отводилось въ домѣ особое помѣщеніе (см. стр. 117), которое, по предписанію Витрувія, должно было быть обращено къ востоку ради утренняго свѣта; книги тамъ складывались въ шкафы (*armaria*). Если нужно было взять нѣсколько книгъ или въ дорогу, или въ судъ, или на ораторскую кафедру, или въ школу и т. п., то для этого употреблялись особые портфели (*sarsae, scrinia*, рис. 336.), запиравшіеся ключикомъ, изображеннымъ по бронзовому помп. оригиналу на рис. 336., и снабженные ремешкомъ или цѣпочкой для ношенія. У богачей назначались и для этого особые невольники. Домашнія библіотеки бывали нерѣдко очень богаты. Въ библіотекѣ геркуланскаго ученаго ¹⁾, помѣщавшейся въ маленькой комнаткѣ, находилось около 1800 свитковъ. Библіотека грамматика Эпафродита (который со времени Нерона приблизительно до 96 года преподавалъ въ Римѣ) состояла изъ 30.000, Саммоника Серена, наставника Гордіана Младшаго, даже изъ 62.000 свитковъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что во многихъ домахъ библіотеки служили только украшеніемъ и предметомъ удивленія, и что хозяинъ въ нихъ зѣвалъ, какъ пишетъ Сенека (*de tranq. an.* 9): вѣдь это бываетъ и въ наше время. Кромѣ частныхъ библіотекъ учреждаемы были и публичныя (обыкновенно при храмахъ). Первымъ, основаннымъ такую библіотеку въ залѣ храма Свободы (*Atrium Libertatis*)

¹⁾ Быть можетъ читателю будетъ пріятно, если мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ этихъ интересныхъ остаткахъ древней культуры. Они походятъ на обгорѣлыя небольшія круглыя полѣна съ жесткой поверхностью отъ 6—9 дюймовъ длины и 2—2½ дюйм. толщины въ діаметрѣ (рис. 337.). По причинѣ чрезвычайной ломкости истлѣвшей отъ жары бумаги, развертываніе ихъ сопряжено съ немалыми затрудненіями. Развертываніе это производится при помощи простаго прибора, который изобрѣлъ Piaggi. Приборъ этотъ состоитъ изъ прозрачной кожицы, обыкновенно смачиваемой, къ которой поемногу и по кусочкамъ липнетъ выше названная истлѣвшая бумага, при чемъ не смотря на всю осторожность образуются вслѣдствіе распадѣнія бумаги нѣкоторые пробѣды (*lacinae*). Самая длинная полоса развернутой такой бумаги имѣетъ 10 футовъ длины; на ней находятся столбцы въ 12" длины и 3" ширины по 40 строчекъ въ каждомъ. Большая часть развернутыхъ свитковъ — философскаго содержанія, преимущественно сочиненія эпикурейскаго философа Филодема.

Рис. 337. Связка истлѣвшихъ геркуланскихъ свитковъ.

на Авентинѣ былъ Азиній Полліонъ (онъ умеръ въ 4 году по Р. Хр.); послѣ него учредилъ двѣ такія бібліотеки Августъ, а именно: одну при храмѣ Аполлона на Палатинѣ (28 г.), другую на Марсовомъ полѣ при портикѣ Октавіи (33 г.), который окружалъ храмы Юпитера а Юноны (стр. 34.). Затѣмъ основывали публичныя бібліотеки Тиберій, Веспасіанъ, Домиціанъ; самую великолѣпную изъ нихъ основалъ Траянъ (*bibliotheca Ulpia*) при своемъ знаменитомъ форумѣ; здѣсь сохранялись книги (въ нумерованныхъ шкафахъ) еще до начала 4 вѣка по Р. Хр. Въ это время мы находимъ цѣлую коллекцію книгъ еще и въ термахъ Діоклетіана (*Scriptt. N. A. Flav. Vop. Tacitus, c. 8; Probus, c. 2*). Наконецъ Гадріанъ (?) основалъ бібліотеку при храмѣ capitoлийскомъ. По примѣру Азинія Полліона, который первый украсилъ свою бібліотеку портретомъ знаменитаго полистора Варрона, вошло въ обычай украшать бібліотеки статуями и бюстами (часто изъ драгоценнаго матеріала) а также портретами (*Plin. Epist. IV. 28*) знаменитыхъ писателей съ подходящими надписями. Такъ, многочисленностью статуй ораторовъ и ученыхъ отличалась вышеупомянутая бібліотека Траяна и др. Библіотеками завѣдывали особо избираемые для этого бібліотекари. Во время Публія Виктора (въ 4 в.) въ Римѣ было 29 публичныхъ бібліотекъ; были бібліотеки и въ другихъ большихъ городахъ, напр. въ Тибурѣ, Комѣ и т. д. (*Plin. Epist. I. 8, 2*).

Книги распространялись посредствомъ переписыванія. Богатые Римляне, какъ сказано выше (на 263 стр.), держали рабовъ и вольноотпущенниковъ, которые занимались склеиваніемъ (*glutinare*), украшеніемъ (*pingere*) и перепискою книгъ (*librarii*). Аттікъ, напр., имѣлъ такихъ либраріевъ значительное число; они переписывали сочиненія Цицерона и другихъ писателей, что приносило Аттіку, какъ видно по всему, немалые доходы. Такъ Цицеронъ (*ad Att. XIII. 44*), рассказывая о своей рѣчи за Лигарія, говоритъ: „Прикажи, пожалуйста, Фарнаку, Антею и Сальвію (это были самые любіе переписчики Аттіка), чтобы они устранили это слово ¹⁾ изъ всѣхъ переписанныхъ экземпляровъ.“ Въ другомъ

¹⁾ Т. е. L. Corfidius. Цицеронъ говоритъ о немъ въ своей рѣчи, какъ о живомъ челоѣкѣ, а между тѣмъ во время переписыванія этой рѣчи онъ уже умеръ.

письмѣ къ Аттику (XIII. 12, 2) упоминаетъ о томъ, что Атикъ выручилъ много денегъ за эту рѣчь: Для ускоренія работы писало обыкновенно нѣсколько писцовъ въ одно время подъ общую диктовку¹⁾, при чемъ употреблялись разнаго рода сокращенія и значки (notae, *σημεία*, sigla), носившіе названіе notae Tironianae, по имени своего, если не изобрѣтателя, то по крайней мѣрѣ усовершенствователя, Тирона, вольноотпущенника и друга Цицерона. Эти сокращенія и значки, употреблявшіеся сначала только писцами (notarii) въ сенатѣ и скорописцами (tachygraphi) въ публичныхъ судахъ, на обязанности которыхъ лежало въ сокращенномъ видѣ записывать рѣчи (notis excipere), скоро сдѣлались общимъ достояніемъ (Suet. Tit. 3) и употреблялись при писаніи и переписываніи вообще. Употребленіе этихъ сокращеній и знаковъ было тѣмъ выгодно, что книги могли переписываться такимъ образомъ быстрѣе и дешевле и потому дѣлались доступными болѣе широкому кругу читателей. Но съ другой стороны вслѣдствіе употребленія сокращеній происходило много ошибокъ, и переписанные экземпляры часто отступали отъ подлинника. Такихъ ошибокъ встрѣчалось много потому, что Римляне, равно какъ и Греки, до позднихъ временъ употребляли для письма неудобныя прописныя буквы (litterae quadratae), при чемъ ничѣмъ не отдѣляли другъ отъ друга словъ и предложеній (distinguere, interpungere, *στίξιν*). Позднѣе (во времена Августа?) Римляне стали употреблять и знаки препинанія, но въ недостаточномъ количествѣ.

Съ расширеніемъ римскаго владычества почти по всему вѣстному тогда міру стала чувствоваться потребность распространенія въ завоеванныхъ краяхъ литературныхъ произведеній, сдѣлавшихся вслѣдствіе спекуляціи предметомъ торговли. Предпримчивые люди стали, при помощи своихъ невольниковъ или (нанятыхъ) вольноотпущенниковъ, переписывать книги, покупаемыя у писателей; такіе люди назывались книгопродавцами (bibliopolae, librarii, *βιβλίων κάπηλοι, βιβλιοκάπηλοι*, Luc. adv. ind. 4 и 24). О подобныхъ книгопродавцахъ и ихъ лавкахъ (tabernae librariae) упоминаетъ Цицеронъ (Legg. III. 20, Philipp. II. 9). Гораций въ Epist. I. 20, 2 и Ars poët. 345 упоминаетъ о братьяхъ Сосіяхъ, у которыхъ продавались его стихотворенія. При первыхъ императорахъ книжная торговля значительно распространилась. Такъ упоминаются

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ несомнѣнная выгода такого способа переписыванія, цитуемое выше мѣсто изъ письма Цицерона къ Аттику и наконецъ ясное указаніе Плинія (Ep. IV. 7).

Атректъ, Секундъ и Трифонъ, какъ продавцы стихотвореній поэта Марціала; послѣдній также какъ продавецъ сочиненій учителя реторики Квинтиліана. Сенека (de benef. VII. 6) упоминаетъ еще о Дорѣ. Въ Римѣ, въ главныхъ городахъ провинцій также существовала книжная торговля. Такъ напр. Плиній пишетъ (Epist. IX. 11): „что и въ Лугдунѣ (теперешнемъ Лейденѣ) существуютъ книгопродавцы, я не думалъ; къ тѣмъ большому моему удовольствію я узналъ изъ твоего письма, что мои книжки и тамъ продаются.“ Книжныя лавки помѣщались въ Римѣ около Аргилета (противъ форума Кесаря), на форумѣ, а впослѣдствіи преимущественно въ сандаларской части (vicus sandalarius, regio IV). На косякахъ и створахъ дверей такой лавки или (если лавка находилась въ портикѣ) на колоннахъ (columnae, pilae) написано было, какія книги находятся внутри на полкахъ (nidi).¹⁾

Цѣны книгъ были довольно умѣренны, что конечно объясняется дешевизной бумаги²⁾ и главнымъ образомъ дешевизной работы невольниковъ. Такъ напр. первая книга эпиграммъ Марціала (въ изданіи Тейбнера почти два печатныхъ листа) стоила у Атректа пять денаріевъ (около 1 руб. 30 коп., Mart. I. 117), а его Есенія (теперь одинъ печат. листъ) всего четыре сестерція (около 20 коп.); говорятъ, что Трифонъ могъ продавать ихъ даже по два сестерція (id. XIII. 3). Но подобныя книги писались обыкновенно небрежно, во многомъ отступали отъ подлинника (Strabo XIII. p. 609), такъ что нерѣдко друзья писателя, купившіе такое изданіе его сочиненій, просили его потомъ пересмотрѣть рукопись и исправить ошибки (см. Plin. Ep. IV. 26). Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ переписчики работали съ неизвѣстной быстротою. Марціалъ напр. говоритъ (II. 1), хотя и съ преувеличеніемъ, что въ одинъ часъ писалось почти 550 гексаметровъ и пентаметровъ.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ о вознагражденіи писателей, гонораріи. Вознагражденія въ нашемъ смыслѣ у древнихъ не было уже по той причинѣ, что римскій законъ не ограждалъ литературной собственности. Тѣ Римляне, которые писали

¹⁾ Ср. Ног. Ars poët. 373, Sat. I. 4, 71; Mart. I. 117.

²⁾ Иначе стояло дѣло нѣсколькими столѣтіями раньше. Такъ за два свитка папируса — *χαρται δύο* — платили въ Аѳинахъ въ 407 г. до Р. Хр. 2 драхмы и 4 обола (около 60 коп.).

сочиненія, занимались этимъ не исключительно, но какъ дѣломъ второстепеннымъ, ради честолюбія и патріотизма, не ища въ этомъ источника доходовъ. Только о поэтахъ Плавтѣ и Статіи намъ извѣстно (у Gell. III. 3, Iuv. VII. 87), что они продавали свои комедіи для постановки ихъ на сценѣ. Но за подобныя пьесы платилось вознагражденіе только въ томъ случаѣ, если онѣ нравились публикѣ. Такимъ-же образомъ покупались преторами и мимическія пьесы (mimi, Ov. Trist. II. 508). Также извѣстно намъ, что въ болѣе позднія времена, если librarius хотѣлъ имѣть право на распространеніе какой нибудь книги, то долженъ былъ или разъ на всегда купить ее или одолжить за извѣстную сумму для переписки. Сумма эта по вышеизложенной причинѣ не могла никогда составить приличнаго вознагражденія за трудъ. Рѣдкимъ исключеніемъ была плата, предложенная Плинію Старшему (конечно не книгопродавцами) за менѣ чѣмъ 160 томовъ его записокъ. Плата эта равнялась 400.000 сестерціевъ (около 20 тысячъ руб.), тѣмъ не менѣ онъ ея не принялъ (Plin. Ep. III. 5, 17).

Хотя о *греческой* книжной торговлѣ мы и не имѣемъ такъ много извѣстій, тѣмъ не менѣ можемъ утверждать, что она уже въ раннее время достигла значительной степени развитія. Во время Платона и Аристофана существовала уже въ Атикѣ торговля рукописными произведеніями поэтовъ и философовъ; еще болѣе распространилась она при Александрѣ. Были тамъ и библіотеки (Хен. Мемор. IV. 2, 1). Такъ напр. значительныя по тому времени коллекціи книгъ имѣли архонтъ Эвклидъ, поэтъ Эврипидъ, позднѣе Апелликонъ изъ Тея (купившій библіотеки Аристотеля и Теофраста, которыя потомъ Сулла въ 86 г. увезъ въ Римъ). Говорятъ, что библіотеки назначенныя для общаго пользованія впервые основали въ Аѣинахъ Пизистратъ, а на островѣ Самѣ — Поликрать. Птолемиды Сотеръ и Филадельфъ основали знаменитую александрійскую библіотеку, устроивъ ее, какъ кажется (Strabo XIII. p. 609), по образцу библіотеки Аристотеля. Позднѣе потомки Аттала основали библіотеку въ Пергамѣ. Гадріанъ построилъ въ Аѣинахъ для публичной библіотеки великолѣпное зданіе (портикъ), украшенное стѣнной живописью, статуями и позолоченнымъ потолкомъ (Paus. I. 18, 9). Писались даже особыя сочиненія о веденіи книжнаго дѣла, какъ сочиненіе Артемона: *περὶ συναγωγῆς βιβλίων* (какъ собирать книги). Не рѣдко впрочемъ любители книгъ эксплуатировались ловкими обманщиками, которые снабжали ихъ поддѣльными книгами, выдававшимися за старыя, что случалось и съ Птолемидами и Атталидами.

Торговля и промышленность у Грековъ и Римлянъ.

64. Оптовая торговля никогда не ставилась на одну доску съ мелочной (*καπηλεία*) и считалась почтеннымъ, безупречнымъ занятіемъ. Въ героическія времена торговля находилась, вѣроятно по причинѣ недостаточнаго развитія мѣстнаго мореплаванія, въ рукахъ иностранцевъ, особенно Финикіянъ, которые славились нѣкогда, какъ мореплаватели (Од. XV. 415—484), и которые привозили въ Грецію драгоценные товары (Ил. XXIII. 743, Од. XV. 460), занимаясь при этомъ обманомъ и даже грабежами. Есть указанія и на то, что Греки и сами стали заниматься понемногу торговлей (Од. VIII. 159—164, III. 73).

Въ историческія времена мы замѣчаемъ, что торговля вслѣдствіе извѣстнаго географическаго положенія страны сосредоточилась исключительно на морѣ.¹⁾ Начало ей положено жителями Эгинны, скоро достигшими чрезъ это богатства и могущества. Вслѣдствіе этого торговля и торговцы въ Аѣинахъ (именно послѣ персидскихъ войнъ) сильно поддерживались законами. Такъ торговцы освобождались отъ военной службы, ихъ судебныя дѣла разбирались не въ обыкновенное назначенное время, а тогда, когда позволяли ихъ занятія. Тѣ, кто умышленно препятствовалъ торговцамъ въ ихъ занятіяхъ, подвергались строгимъ наказаніямъ; иностранные торговцы уравнивались въ этомъ отношеніи съ туземными и могли лично (въ другихъ случаяхъ это позволялось только атическимъ гражданамъ) защищать свои дѣла передъ судомъ. Кромѣ того развитію торговли способствовали хорошія гавани, которыя снабжались общинами вѣзмъ, чего требовали нужды и удобство торговцевъ (см. стр. 92). Само собой разумѣется, что общины вознаграждались за эти старанія надлежащей платой. Плата эта состояла изъ портовой данн (*ἑλλημένιον*) и различныхъ пошлинъ (*τέλη*), которыя равнялись $\frac{1}{50}$ (*πεντηκοστή*), $\frac{1}{20}$ (*είκοστή*) или даже $\frac{1}{10}$ (*δεκάτη*) стоимости товаровъ. Эту плату собирали обыкновенно (по крайней мѣрѣ въ Аѣинахъ) особые сборщики (*τελώναι*, иначе *ἑλλημενισταί*, *δεκατῶναι*, *είκοστολόγοι*, *πεντηκοστολόγοι*), которые имѣли право пересматривать товары и даже, если имъ казалось необходимымъ, вскрывать запечатанныя письма. Съ одной стороны

¹⁾ Греческое слово *ἑμπορος* (купецъ, торговецъ) означаетъ собственно мореплавателя (Од. II. 319).

это позволялось имъ потому, что нѣкоторые продукты запрещено было вывозить, съ другой стороны потому, что пошлины съ различныхъ ввозимыхъ товаровъ были различны. Извѣстно далѣе, что торговцы подвергались значительнымъ притѣсненіямъ и производу съ того времени, когда Аѳиняне, овладѣвъ Босфоромъ, стали взимать пошлины съ хлѣба, привозимаго съ понтійскихъ береговъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что торговля имѣла значительное вліяніе и на развитіе гражданской жизни. Предпримчивые граждане наживали при посредствѣ торговли богатства и пріобрѣтали такимъ образомъ въ общинѣ перевѣсъ надъ землевладѣльцами, вслѣдствіе чего въ Аѳинахъ, напр., сильно поддерживалось стремленіе, направленное къ измѣненію Солоновыхъ законовъ, и положено было основаніе могуществу демократической партіи.

Изъ ввозныхъ предметовъ первое мѣсто занималъ хлѣбъ, котораго Греція не производила столько, сколько его потреблялось. Въ особенности Аттика, не могшая доставить хлѣба даже для $\frac{1}{2}$ своихъ жителей, нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ, доставлявшемся изъ Египта, Сициліи и преимущественно изъ понтійскихъ странъ (южной Россіи). Изданъ былъ напр. законъ, по которому Аѳинянинъ не имѣлъ права заниматься доставкой хлѣба въ другія мѣста, и даже не могъ давать взаймы денегъ для торговли хлѣбомъ, если послѣдній не предназначался для города Аѳинъ. Далѣе, всякій нагруженный хлѣбомъ корабль, приставшій въ аттической гавани, обязывался продать $\frac{2}{3}$ груза въ Аѳины. Кромѣ того достаточно извѣстно изъ исторіи, что въ виду этой-же цѣли аѳинскіе политики не мало заботились объ удержаніи за собой пути въ плодородные понтійскіе края.

Кромѣ хлѣба, предметами ввоза были еще и другіе съѣстные припасы: стручковыя плоды, соленая рыба и соль изъ Понта. Изъ Азіи привозились нѣкоторые лучшіе сорта фруктовъ. Мази и ладонъ доставлялись изъ Аравіи; слоновая кость — изъ Ливіи и Азіи; мѣдь, желѣзо и олово — изъ Кипра и Синопа. Видное мѣсто занимала доставка въ Аттику строительнаго матеріала для кораблей отчасти изъ Эвбеи, преимущественно же изъ Македоніи, Кипра, Киликіи и др. мѣстъ, равно какъ и матеріала для канатовъ и парусовъ (пеньки, льна и нѣкоторыхъ волокнистыхъ растений), доставляемаго изъ Египта, Каріи, Колхиды и др. мѣстъ.

Изъ продуктовъ промышленности въ Грецію ввозились

сравнительно немногіе: Греки имѣли обыкновеніе ввозить только сырѣ, и то въ томъ случаѣ, если его не было въ Греціи, и обработывать его въ количествѣ достаточномъ не только для домашняго обихода, но и для вывоза. Какъ предметы ввоза по части обрабатывающей промышленности упоминаются персидскіе ковры и другія искусно сдѣланныя персидскія ткани, финикійскія пурпуровыя ткани и (позднѣе) шелковыя матеріи, и наконецъ стеклянныя чаши и украшенія (уже въ 5 вѣкѣ).

Вывозились изъ Греціи: изъ напитковъ и съѣстныхъ припасовъ главнымъ образомъ вино (въ понтіійскія страны, въ Иллирію, Египетъ, даже и въ Италію), масло, фиги (преимущественно аттичскія) и медъ (особенно славился гиметтскій); изъ ремесленныхъ издѣлій — преимущественно глиняные и металлическіе товары. Глиняная посуда, объ изготовленіи которой мы говорили на стр. 188—191, была особенно доходной статью греческой торговли, равно какъ и металлическая посуда и утварь. Славилась коринѣская (и халкидская) посуда изъ бронзы. Изъ металлическихъ издѣлій болѣе всего цѣнились лаконскіе ножи, аттичскіе панцири, беотійскіе шлемы и др. Также значителенъ былъ вывозъ шерстяныхъ матеріи, напр. изъ Милета и Сама, и болѣе тонкихъ изъ Коса и Аморга. Кромѣ того вывозилось много обыкновенной утвари и книгъ. Изъ минераловъ вывозился преимущественно разныхъ породъ мраморъ; изъ сырѣя — много шерсти.

65. Судя по вышеприведеннымъ (стр. 348) словамъ Цицерона, оптовая торговля не считалась неприличной и для римскаго гражданина, если только она была соединена съ земледѣліемъ и служила ему подспорьемъ. Въ первое время республики занятіе даже и такой торговлей запрещалось сенаторамъ; но взгляды на это дѣло съ теченіемъ времени измѣнились; уже Катонъ Старшій принималъ участіе въ морской торговлѣ. Когда же богатства Азіи и западныхъ странъ открылись для завоевательныхъ стремленій Римлянъ, не устояли ни сенаторы, ни многочисленное сословіе всадниковъ и стали принимать участіе въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, затрачивая на нихъ свои капиталы, нажитые знатно главнымъ образомъ при управленіи провинціями, а всадниками при арендованіи тамъ-же сборовъ пошлинъ и податей. Въ торговлѣ и денежныхъ операціяхъ Римляне достигли замѣчательныхъ результатовъ. Съ конца второй пунической войны Римъ постепенно становился на ряду съ Александріей центромъ всемірной торговли. Эта торговля была, конечно, почти исклю-

чительно морской, при чемъ гаванью служилъ сперва городъ Ostia, откуда по судоходной рѣкѣ Тибру товары везлись въ Римъ, а отсюда по той-же рѣкѣ и затѣмъ по Нарѣ и по шоссе въ Умбрию, Этрурию и въ землю Сабинянъ; позднѣе такую гаванью служилъ городъ Puteoli, и основанная Клавдіемъ неподалеку отъ Остіи гавань portus Augusti (см. стр. 92), расширенная впоследствии Траяномъ, и наконецъ основанная тѣмъ-же императоромъ гавань въ Центумцеллахъ (теперь Cività Vecchia). Кромѣ этихъ первостепенныхъ гаваней, было въ Италіи еще много другихъ, какъ напр. Ardea, Antium, Circei, Neapolis, Rhegium, Tarentum и Ancona. Такъ какъ въ концѣ республиканскаго періода корабли не могли съ полнымъ грузомъ проникать въ Остію, не говоря уже о Тибрѣ, то по крайней мѣрѣ половина груза перекладывалась на транспортныя суда, владѣльцы которыхъ впоследствии образовали въ Остіи пять обществъ (согрома *lepuncariozum*). Корабли, нагруженные драгоценными товарами, предпочитали хорошо защищенную путеольскую гавань. Въ Римѣ на лѣвомъ берегу рѣки Тибра подъ авентинской горой находилась пристань (*emporium*) съ устроенными послѣ 2ой пунической войны набережной, отъ которой шла внизъ лѣстница, и корабельными верфями; тамъ были также амбары (*horrea*) для склада провозимаго товара, которые съ теченіемъ времени постепенно увеличивались въ числѣ. Тутъ были и казенные хлѣбные амбары (*horrea publica*), бумажные амбары (*horrea chartaria*), амбары для храненія пряностей (*h. piperaria*) и много другихъ, именовавшихся по товарамъ или по именамъ построившихъ ихъ лицъ (*Seiana, Agrippiana, Germaniciana*). Мѣстомъ продажи товаровъ служили площади (*fora*) и базилики, о которыхъ мы уже упоминали выше (стр. 77 и 78). О распространеніи занятія торговлей въ самомъ городѣ Римѣ свидѣтельствуютъ имена нѣкоторыхъ частей города и улицъ: улица хлѣбопродавцевъ (*vicus frumentarius*), торговцевъ лѣсомъ (*v. materiarius*), стекольщиковъ (*v. vitrarius*) и т. п. Оптовая торговля производилась обществами акціонеровъ (*societates, collegia*). Такая организація оптовой торговли вызывалась во первыхъ тѣми опасностями, которымъ подвергалось тогдашнее мореплаваніе и со стороны самой стихіи и со стороны морскихъ разбойниковъ: понесенная потеря не такъ тяжело отзывалась на обществѣ, какъ на отдѣльныхъ лицахъ, — а во вторыхъ необходимостью затрачивать огромный капиталъ для сооруженія транспортныхъ судовъ на случай большой доставки казеннаго хлѣба, мрамора для роскошныхъ публичныхъ зданій и т. п.

Самымъ главнымъ предметомъ оптовой торговли былъ хлѣбъ, и торговцы хлѣбомъ (*negotiatores frumentarii*) назывались по преимуществу *negotiatores*. Вслѣдствіе дурнаго управленія и вслѣдствіе другихъ соціальныхъ причинъ Италия уже во 2 вѣкѣ не въ состояніи была производить необходимаго количества хлѣба (ср. стр. 137), и потому для удовлетворенія потребностей столицы и нѣкоторыхъ другихъ городовъ и областей требовалась доставка и иностраннаго хлѣба. Хлѣбъ (преимущественно пшеница, въ меньшей мѣрѣ полба и ячмень) привозился главнымъ образомъ изъ Сициліи, Малой Азіи и Египта. Такъ напр. при Августѣ въ Римъ ежегодно привозилось только изъ Египта 20 милліоновъ мѣръ (*modii*), которыхъ будто бы доставало лишь на 4 мѣсяца. Такъ какъ кромѣ того количества хлѣба, которое (во время Кесаря нѣсколько милліоновъ) раздавалось на счетъ казны 150 тысячамъ бѣдныхъ гражданъ, необходимы были большіе запасы хлѣба для остальнаго римскаго населенія (болѣе милліона) и для войска, расположеннаго въ различныхъ провинціяхъ, то оптовые торговцы скупали его въ упомянутыхъ странахъ и доставляли частью для продовольствія войска согласно заключенному съ казною договору, а отчасти для продажи въ Римѣ, которая во время императоровъ, при всеобщемъ народномъ бѣдствіи, регулировалась правительствомъ. По своей важности хлѣбная торговля особенно поддерживалась правительствомъ, и общества торговцевъ хлѣбомъ (*collegia negotiatorum*), коихъ при императорахъ существовало нѣсколько, пользовались немалыми льготами.

Пшеница во 2 и 1 в. до Р. Хр. продавалась въ Римѣ среднимъ числомъ по одному денарію (25 коп.) за модій (*modius* = 2½ гарнца). Во время войны съ Ганнибаломъ платили за модій 2½ ден., въ гражданскую войну 5, однажды во время неурожая при Августѣ — 5½ ден. За то въ урожайный 280^й годъ до Р. Хр. модій пшеницы стоилъ ⅓ денарія. Въ самой плодородной странѣ Италіи, теперешней Ломбардіи, во время Полибія модій пшеницы стоилъ только ⅓ ден. (срав. примѣчаніе на стр. 332).

Не менѣе важнымъ предметомъ оптовой торговли былъ скотъ. Въ большомъ количествѣ привозили его въ Римъ *negotiatores bovarii, porcinarii*, а для жертвенныхъ потребностей *victimarii*. Во времена императоровъ упоминаются общества торговцевъ свиньями (*conropa suariorum*), потребление которыхъ въ Римѣ и въ Италіи было очень распространено (срав. стр. 136 и 267).

Другими предметами оптовой торговли были: вино, масло

и соль. Хотя Италия производила много родовъ отличнаго вина, тѣмъ не менѣе римскіе гастрономы не довольствовались домашними винами, а потребляли множество заморскихъ, особенно греческихъ (см. стр. 272), малоазійскихъ и сирійскихъ. О распространѣніи этой отрасли торговли свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что одно отдѣленіе пристани въ Римѣ называлось винной гаванью (*portus vinarius*), и что для оптовой продажи назначена была особая площадь (*forum vinarium*). Но нельзя не замѣтить, что во времена императоровъ нѣкоторые лучшіе сорта италійскихъ винъ вывозились во все концы міра. Виноторговцы (*negotiatores vinarii*) соединены были императоромъ Александромъ въ организованныя общества.

Цѣны иностранныхъ и старыхъ италійскихъ винъ были въ Римѣ высоки. Интересный примѣръ цѣнъ вина представляетъ намъ Плиній (XIV. 56, по. правильному чтенію Марквардта, V. 2, 27). Цѣна амфоры олимпіанскаго вина 121 года до Р. Хр., которая въ то время могла равняться самое болшее 100 сестерціямъ, возвысилась при Калигулѣ (160 лѣтъ спустя!) до 1065 сест., и киаеъ такого вина (*uncia*, см. стр. 182) продавался по 2 сест. (10 коп.). О томъ, что вино, которое предполагалось долго сохранять, переливалось изъ глиняныхъ бочекъ (откуда молодое вино: *vinum doliare*) въ глиняныя амфоры, говорилось уже на стр. 179.

Масла добывалось въ Италиі очень много, не смотря на то, что масличное дерево сравнительно поздно освоилось съ италійскимъ климатомъ (см. стр. 137); нѣкоторые роды его высоко цѣнились, вслѣдствіе чего и вывозились за границу. Впрочемъ масло, употреблявшееся для натиранія тѣла послѣ купанья и для освѣщенія, ввозилось обмененно изъ-за границы, преимущественно изъ Африки. Значительна была также торговля медомъ, который замѣнялъ для древнихъ нашъ сахаръ; при чемъ большая часть его ввозилась извнѣ.

Торговля солью была обширна и оживленна, такъ какъ добываніе и потребленіе ея были весьма значительны. По Ливію (I. 33) царь Анкъ Марцій впервые сталъ заниматься добываніемъ соли изъ морской воды въ значительныхъ размѣрахъ, для чего устроилъ при Остіи солеварни (*salinae*). Каменную соль привозили въ позднѣйшія времена изъ соляныхъ копей Испаніи, Каппадокіи, Аравіи, Египта и другихъ странъ.

Второстепенными предметами торговли были строительные матеріалы. Строевою лѣсъ доставляли въ Римъ особые торговцы

(*negotiatores materiarii*) изъ Этрурии и Умбрии по рѣкѣ Тибру, но также изъ Малой Азіи (съ горы Иды и изъ Понта), а впоследствии и изъ Панноніи; дорогіе сорта его, употреблявшіеся на потолки и двери и т. п., а также для мебели, привозились изъ Мавританіи (см. стр. 175). Въ болѣе значительныхъ размѣрахъ доставлялся камень и кирпичъ. Впрочемъ обыкновенный камень, какъ туфъ (*tophis*), пеперинъ (*lapis piperinus*) и травертинъ (*lapis tiburtinus*), ломался недалеко отъ Рима, въ албанскихъ и тибурскихъ каменоломняхъ (какъ и теперь); а изъ отличной глины, находившейся въ его окрестностяхъ, выдѣлывался кирпичъ. Мрамора въблизи Рима не было, и потому этотъ строительный матеріалъ, употреблявшійся въ Римѣ въ такомъ количествѣ, какъ ни въ одномъ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ, долженъ былъ привозиться туда изъ-за границы. Ближайшія ломки бѣлаго мрамора находились у Луны въ Этрурии; но скоро онѣ перестали удовлетворять потребностямъ Римлянъ, такъ какъ добываемый здѣсь мраморъ былъ не особенно высокаго достоинства. Поэтому стали привозить мраморъ въ огромномъ количествѣ (ср. стр. 133, въ особ. прим. 2) изъ далекихъ странъ, какъ напр. изъ Атики (гиметтскій и пентелійскій), изъ острововъ (паросскій, оасійскій), изъ Эвбеи (съ зеленоватыми полосами, изъ Бариста, называемый теперь въ Италіи *cipollino*), изъ Тессаліи (зеленый съ сильнымъ блескомъ, теперь *verde antico*), изъ Лаконіи (зеленый серпентинъ и черный мраморъ, теперь *nero antico*), изъ Нумидіи (желтый, теперь *giallo antico*), изъ Фригіи (бѣлый съ фиолетовыми пятнами; по ломкѣ у Синнады онъ назывался у Римлянъ *Synnadicus*, т. *paonazzetto*), изъ Египта (красный и розовый порфиръ для колоннъ, ломки котораго находились во время императора Клавдія въ горахъ, наз. теперь „*Djebel dochan*“, горы дыма), и бѣлый какъ бы сложенный изъ хрустала и алмазовъ алебастръ (т. *alabastro fiorito*) и т. д. Уже изъ одного этого перечня родовъ мрамора и странъ его вывоза мы можемъ судить о томъ, какъ обширна была торговля этимъ продуктомъ, и какой требовался для нея капиталъ, особенно если мы примемъ во вниманіе, что для доставки большихъ глыбъ мрамора и цѣлыхъ гранитныхъ и порфировыхъ колоннъ необходимо было значительное число особо для этой цѣли построенныхъ кораблей. Торговцы, которые занимались закупкой и доставкой мрамора, назывались *redemptores* (поставщики).

Изъ сырыхъ матеріаловъ для одежды сама Италія давала значительное количество шерсти (ср. стр. 136), но тѣмъ не менѣе привозили ее также еще изъ Греціи, Малой Азіи, Галліи и

Испаніи. Менѣе привозили — по причинѣ менѣе значительнаго употребленія — льну, бисса, бумаги и шелку.

Кожу привозили въ Римъ изъ Кирены, Сициліи и Малой Азіи, позднѣе изъ Германіи и Британніи. При императорахъ привозилось въ Римъ также множество мѣховъ.

Обширна была также торговля папирусомъ, привозившимся въ большомъ количествѣ изъ Египта для фабрикаціи бумаги (см. стр. 363), а также торговля пряностями и нѣкоторыми благовонными веществами, особенно ладаномъ, котораго употреблялось огромное количество.

Торговля металлами была, конечно, также весьма значительна. Золото привозили изъ Азіи, Испаніи и Галліи; с серебромъ давали Испанія, Галлія, нѣкоторыя греческія страны, а позднѣе также Германія и Британнія; мѣдь (которой было много и въ самой Италіи) привозилась преимущественно изъ Кипра, отчасти также изъ Испаніи, Галліи, Германіи и др. мѣсть; олово доставляли касситеридскіе острова (вѣроятно нын. Сциллы) и Британнія; желѣзо получалось изъ острова Ильвы (нын. Эльбы) и почти изъ всѣхъ подвластныхъ Риму земель.

Наконецъ упомянемъ о торговлѣ всякаго рода драгоценными камнями, которая простиралась до самой Индіи, и о торговлѣ слоновію костью.

О торговлѣ невольниками, которая конечно была дѣломъ нечестнымъ, мы говорили уже выше, на стр. 325.

Остается еще сказать въ нѣсколькихъ словахъ о торговлѣ издѣліями изъ выше упомянутыхъ сырыхъ матеріаловъ. Въ этомъ отношеніи привозилось въ Римъ большое количество шерстяныхъ матеріи изъ-за границы, въ особ. изъ Греціи, шерстяныя пурпуровыя матеріи изъ финикійскихъ и сирійскихъ городовъ, не смотря на то, что онѣ приготовлялись и красились также и въ Римѣ (и въ другихъ мѣстахъ Италіи). Пестрые ковры привозились изъ Персіи и Вавилоніи. Полотно почти все привозилось изъ-за границы, преимущественно изъ Египта; точно также и тонкія особаго рода полотняныя матеріи изъ такъ наз. бисса. Ввозъ шелковыхъ матеріи достигъ значительныхъ размѣровъ во время имперіи (см. стр. 225). Изъ кожаныхъ издѣлій ввозились нѣкоторые роды обуви, а въ болѣе позднее время и значительное количество пергамента изъ Пергама (см. стр. 295). Послѣдній вслѣдствіе своей прочности все болѣе и болѣе входилъ въ употребленіе, какъ матеріаль для обмененныхъ книгъ (не для свитковъ). Объ обшир-

ности торговли обыкновенною бумагой, изготовлявшейся въ Римѣ изъ египетскаго папируса, свидѣтельствуеъ сказанное объ этомъ предметѣ на стр. 363.

Металлическія издѣлія изготовлялись въ большихъ размѣрахъ въ самомъ Римѣ отчасти мѣстными, отчасти иностранными ремесленниками; но тѣмъ не менѣе золотыя и серебряныя сосуды привозились также изъ Кипра и изъ Греціи. Бронзовая утварь доставлялась въ Римъ изъ Коринѳа, Эгины, Тарента (особенно канделябры) и Сиракузъ. Болѣе крупныя искусства издѣлія изъ этого металла отливались во времена республики почти исключительно въ Греціи, позднѣе конечно также и въ Римѣ, но греческими художниками.

Потребность въ желѣзныхъ издѣліяхъ была такъ велика, что во времена республики ихъ ввозилось огромное количество, а при императорахъ возникло много казенныхъ (собственно императорскихъ) заводовъ, изготовлявшихъ различныя вещи изъ желѣза (кромѣ Рима такіе заводы были еще въ Мантуѣ, Веронѣ, Арреціи, Сульмонѣ, Салернѣ).

Изъ глиняныхъ издѣлій, при значительномъ домашнемъ ихъ производствѣ, ввозились нѣкоторые болѣе изящныя роды греческой посуды (см. стр. 191). Изъ стеклянныхъ издѣлій, производство которыхъ особенно увеличилось въ Италіи при императорахъ, нѣкоторые все таки привозились изъ тѣхъ странъ, гдѣ это искусство получило начало, именно изъ Египта и Финикіи.

Наконецъ ввозилось въ Римъ и въ Италію въ особыхъ баночкахъ и коробочкахъ большое количество дорогихъ мазей и духовъ изъ всѣхъ почти восточныхъ странъ, а также и множество лекарствъ.

Кромѣ описанной оптовой торговли, въ которой до нѣкоторой степени принимали участіе римская знать, сословіе всадниковъ и наконецъ всѣ римскіе богачи, было еще два рода занятій, болѣе доходныхъ и потому заманчивыхъ, хотя и не совсѣмъ безупречныхъ, именно банкирство, которое въ провинціяхъ скоро обратилось въ разоряющее народъ лихоимство, и откупъ пошлинъ и другихъ государственныхъ доходовъ, который возбудилъ въ народѣ величайшую ненависть, такъ какъ сборъ податей сопряждался жестокостями.

Когда въ концѣ пуническихъ войнъ Римляне стали приводить въ прямую отъ себя зависимость одну за другой различныя страны, то въ Римѣ стали распространяться и упомянутыя

занятія. Различная цѣнность денегъ и недостатокъ въ удобныхъ денежныхъ единицахъ заставляли торговцевъ обращаться за помощью къ банкирамъ (*argentarii*). Недостатокъ въ деньгахъ вообще, ощущавшійся въ провинціяхъ, преимущественно во времена республики, когда намѣстники и откупщики государственныхъ доходовъ часто сообща обирали своихъ подданныхъ, заставляя какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя общины прибѣгать къ займамъ на большіе проценты, которые, несмотря на всѣ законы о лихоимствѣ, составляли не 12 со ста, что со временъ Суллы считалось обыкновеннымъ и законнымъ процентомъ (впрочемъ въ концѣ республики, когда въ Римѣ накопились огромные капиталы, проценты понизились до 6 со ста), а 24, 48 и даже 60. Нерѣдко знатный банкиръ или ростовщикъ испрашивалъ себѣ у сената т. н. *libera legatio*, право на званіе легата, чтобы подъ защитой этого званія удобнѣе заниматься своимъ дѣломъ и настойчивѣе собирать съ должниковъ деньги. При императорахъ провинціальное лихоимство было значительно ограничено, такъ какъ управленіе въ то время было болѣе сосредоточено и подлежало болѣе строгому контролю. Лучшимъ средствомъ противъ лихоимства, употреблявшимся впрочемъ уже и во времена республики, признавалось требованіе отъ банкировъ, чтобы они употребляли большую часть своего капитала на приобрѣтеніе недвижимаго имущества, преимущественно имѣній (*Suet. Tib.* 48). Но средство это мало помогало; напротивъ, если строго слѣдилось за его примѣненіемъ, оно приводило даже къ дурнымъ результатамъ. Такъ напр. при Тиберіи, когда послѣ возобновленія такого закона (изданнаго еще при Кесарѣ), вслѣдствіе внезапнаго недостатка въ наличныхъ капиталахъ, наступилъ всеобщій денежный кризисъ и безчисленное множество банкротствъ, то казна принуждена была выдать банкирамъ въ займы безъ процентовъ на три года 100 милліоновъ сестерціевъ (ок. 25 милліоновъ руб.). Постоянная возможность такого рода помощи, т. е. учрежденіе государственныхъ банковъ въ Италіи и провинціяхъ предотвратило бы повтореніе подобнаго зла; но подобныхъ учрежденій у Римлянъ не было (хотя Грекамъ, судя по надписямъ, они были извѣстны). Въ позднѣйшія времена имперіи книги банкировъ подвержены были государственному контролю, и лихоимство такимъ образомъ значительно ограничено.

Банкирскія книги, показанія по которымъ, какъ видно изъ словъ Цицерона (*pro Caec.* VI. 16—17), имѣли значеніе предъ судомъ, были трехъ родовъ. Въ кассовыхъ книгахъ (*codex accepti et ex-*

pensi) отмѣчались на одной страницѣ доходы, а на другой, противоположной, расходы съ обозначеніемъ дня и имени лицъ, къ которымъ они относились. Въ счетной книгѣ (codex rationum) словами „debet“, „credit“ банкирь отмѣчалъ суммы, данныя или полученныя взаймы. Въ третьей, записной, книгѣ (adversaria, ephemerides) дѣлались только временныя замѣтки, которыя потомъ (обыкновенно въ концѣ мѣсяца) переносились въ счетную книгу.

Знатный и богатый Римлянинъ не имѣлъ обыкновенія платить лично и наличными деньгами (domo, ex arca sua solvere), но выдавалъ особыя ассигновки (syngraphae), которыя реализировались у его банкира.

Самымъ доходнымъ дѣломъ, которымъ занимались римскіе богачи, преимущественно всадническое сословіе, было арендованіе отъ казны сбора пошлинъ и нѣкоторыхъ другихъ податей въ провинціяхъ. Съ этой цѣлью образовались своего рода акціонерныя общества (societates publicanorum), члены которыхъ, соразмѣрно съ вложеннымъ для какого нибудь предпріятія капиталомъ, пользовались меньшей или большей частью чистаго дохода.

Уполномоченный (manceps) отъ такого общества участвовалъ въ публичныхъ торгахъ, заключалъ съ цензорами сдѣлки, давалъ казнѣ гарантію, былъ однимъ словомъ отвѣтственнымъ лицомъ общества. Первое мѣсто между служащими при обществѣ занималъ дѣлопроизводитель (magister), который контролировалъ счета общества въ Римѣ, велъ корреспонденцію и имѣлъ своихъ помощниковъ въ провинціяхъ (pro magistro), гдѣ у каждаго подобнаго общества имѣлось значительное число сборщиковъ податей и смотрителей (обыкновенно изъ невольниковъ и вольноотпущенниковъ), которые были настоящими пьявками народа и своимъ безцеремоннымъ вымогательствомъ податей приводили какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ нерѣдко цѣлыя общины въ крайнее отчаяніе, особенно въ нѣкоторыхъ экстраординарныхъ случаяхъ, какъ напр. при взмысаніи военной контрибуціи, наложенной въ 84 году Суллою на малоазійскія общины. Эту контрибуцію общества откупщиковъ заплатили впередъ и затѣмъ, когда она по истеченіи 14ти лѣтъ увеличилась въ шесть разъ, они стали собирать ее съ такой жестокостью, что нѣкоторые родители принуждены были продавать своихъ дѣтей, многія общины свои драгоцѣнности, произведенія искусствъ и т. д., чтобы имѣть возможность выплатить числящійся за ними долгъ.

Впрочемъ это доходное занятіе не всегда обходилось безъ потерь. Мы имѣемъ много свѣдѣній о томъ, что откупщики,

вслѣдствіе недостаточныхъ средствъ къ защитѣ, много терпѣли отъ морскихъ разбойниковъ (какъ и торговля вообще), и, если въ какой нибудь провинціи происходило возстаніе или внезапная война, то на ихъ долю приходились огромные, въ нѣсколько милліоновъ, убытки, какъ напр. во время войны съ Митридатомъ (см. *Cic. pro lege Manilia* с. 6 и 7).

Греческія и римскія деньги.

66. Говоря о ремеслахъ и торговлѣ, мы не можемъ умолчать и о деньгахъ, этомъ главномъ двигателѣ всякаго ремесла и всякой торговли.

Въ древнѣйшій періодъ, о которомъ мы имѣемъ свѣдѣнія, Греки не знали денегъ. Въ стихотвореніяхъ Гомера цѣнность вещей опредѣляется посредствомъ скота. Такъ напр. поэтъ говоритъ, что золотое оружіе Главка стоило сто быковъ, а мѣдное оружіе Диомеда девять быковъ (Ил. VI. 236); большой треножникъ цѣнили Ахеяне въ двѣнадцать быковъ (Ил. XXIII. 703), рабыню въ двадцать (Од. I. 431) и т. д. Торговля была мѣновая. Такъ напр. Ахеяне покупаютъ (Ил. VII. 472 слд.) вино изъ Лемна за мѣдъ, желѣзо, кожи, за быковъ и рабовъ.

Золото и серебро, цѣну которыхъ хорошо знали и героическій вѣкъ, вѣсили, хотя въ стихотвореніяхъ Гомера слово *τάλαντον* упоминается только о „вѣсѣ“ золота, а не серебра (по видимому это дѣло случайное). Эта единица вѣса золота (*χρυσοῦ τάλαντον*) нигдѣ ближе не опредѣляется, такъ что мы не можемъ сказать о ней ничего точнаго; во всякомъ случаѣ она была, по Ил. XXIII. 269 (ср. еще IX. 122 и XVIII. 507), не велика, потому что два „таланта“ золота служатъ четвертою наградою, слѣдующею за мѣднымъ котломъ. По мнѣнію Герона гомерическій талантъ равнялся приблизительно 20 аттическимъ драхмамъ, что дѣйствительно весьма вѣроятно.

Талантомъ, бывшимъ въ ходу въ позднѣйшія, историческія времена, обозначался отчасти торговый вѣсъ (изъ греческихъ писателей впервые упоминаетъ о немъ Геродотъ, I. 50; II. 180; VI. 97 и въ др. мѣст.), который, впрочемъ, былъ не во всѣхъ мѣстахъ одинаковъ, а отчасти также монетная единица, стоимость которой первоначально соответствовала вѣсу. Талантъ, употреблявшійся (со временъ Солона) въ Атигѣ, равнялся 63 нашимъ фунтамъ;

эгинскій и торговый талантъ вѣсилъ 88 фунтовъ. Этотъ вѣсъ серебра дѣлился на 60 частей, носившихъ иноземное (вавилонское) ¹⁾ имя *μνέα*, атт. *μνᾶ* (у Римлянъ *mina*) и вѣсившихъ по 436 граммовъ. Денежная стоимость мины серебра была 24 серебряныхъ рубля; мина въ свою очередь дѣлилась на 100 частей, называвшихся *δραχμή* (*drachma*) ²⁾, такъ что одна драхма вѣсила 4,36 грамма и стоила 24 коп. сер. Наконецъ драхма дѣлилась на 6 оболовъ (*ὀβολός*) по 4 коп.

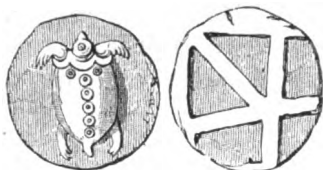

Рис. 338. Эгинскій двудрахмъ въ дѣйствительную величину, старинной чеканки.

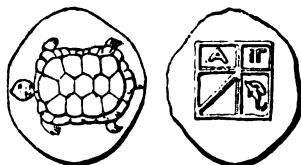

Рис. 339. Эгинская драхма въ дѣйствительную величину, позднѣйшей чеканки.

Говорятъ, что первый ввелъ въ Греціи монету аргосскій царь Фейдонъ (ок. 670 или 748), который сталъ чеканить ее на островѣ Эгинѣ. Какъ бы то ни было, но теперь уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эгинскія серебряныя драхмы представляютъ собою древнѣйшую греческую монету. На лицевой сторонѣ этой

¹⁾ Вообще полагаютъ, что Греки заимствовали новый „вѣсъ“ или талантъ черезъ Іонянъ отъ жителей Малой Азіи, гдѣ подъ конецъ 6 стол. до Р. Хр. вмѣстѣ съ распространеніемъ персидской власти вошелъ въ употребленіе вавилонскій вѣсъ. По Геродоту (III. 89) вавилонскій талантъ равнялся 70 или (по мнѣнію Воекн'а) правильнѣе 72 эвбейскимъ и столькимъ-же до-солоновскимъ (древне-аттическимъ) минамъ; и такъ какъ Соловъ уменьшилъ вѣсъ мины на 27%, такъ что 73 старыя мины дали 100 новыхъ, то эвбейскій и древне-аттичскій талантъ заключалъ въ себѣ (по Воекн-у) 8333 1/3 аттической драхмы, а вавилонскій талантъ, называвшійся въ Греціи эгинскимъ, 10.000 атт. драхмъ.

²⁾ Названія *δραχμή* и *ὀβολός* получили начало, какъ кажется, въ то давнее время, когда мѣновая торговля стала переходить въ денежную. *ὀβολός* (= *ὀβερός*) значитъ собственно „палочка, костылекъ“ изъ металла, а *δραχμή* (отъ *δράσσω*, ср. *δράγμα*) „горсть“ такихъ костыльковъ. Первоначально эти „костылька“ могли быть различной толщины; впоследствии же, когда былъ принятъ опредѣленный вѣсъ, установился и вѣсъ „оболовъ“. Хотя вещь, означавшаяся первоначально словами *ὀβολός* и *δραχμή*, съ теченіемъ времени существенно измѣнилась, тѣмъ не менѣе старыя названія остались; ср. напр. наши „копейка“, „рубель“, „полтина“, „гривеникъ“ и т. п.

монеты находится весьма выпуклое изображеніе черепахи; на оборотной же сторонѣ видны углубленныя неправильныя поля (рис. 338.), дѣлавшіяся такимъ образомъ, что круглый кусокъ серебра клали на форму съ соотвѣствующими названнымъ углубленіямъ возвышеніями и затѣмъ ударомъ молота выбивали сверху черепаху, а снизу упомянутыя углубленія. Съ развитіемъ искусства усовершенствовались и монетныя штемпели: черепаха на лицевой и углубленія на оборотной сторонѣ монеты; это видно напр. на монетѣ, представленной на рис. 339., гдѣ на оборотѣ выбитъ квадратъ (*quadratum incusum* у нумизматиковъ), раздѣленный на четыре

Рис. 340. Аттическая драхма, въ дѣйствительную величину.

Рис. 341. Аттическій тетрадрахмъ, въ $\frac{2}{3}$ дѣйств. величины.

поля, изъ которыхъ два носятъ надпись *ΑΙΓ*, третье заключаетъ въ себѣ изображеніе дельфина, а четвертое въ свою очередь діагонально раздѣлено на два меньшихъ треугольныхъ поля. Монеты эти отличаются значительною толщиною и имѣютъ по срединѣ углубленіе, потому что вслѣдствіе удара молота большая часть металла отходила отъ средины къ краямъ. Но этотъ недостатокъ скоро былъ устраненъ болѣе искусною чеканкою, такъ что попадаютъ эгинскія и аттическія монеты по срединѣ выпуклыя, а по краямъ сплюснутыя; наконецъ онѣ дѣлаются широкими и при томъ тонкими.

Аттическія драхмы отличаются отъ остальныхъ греческихъ монетъ прекрасною чеканкою. Лицевая сторона ихъ украшена головою Аѳины въ шлемѣ, оборотная — изображеніемъ совы, стоящей обыкновенно на панаэенейской амфорѣ (см. стр. 190), надписью (легендою) и вокругъ лавровымъ вѣнкомъ (рис. 340. и рис. 341.).

Эта аттическая драхма, вѣсившая 4,36 грамма и чеканившаяся изъ чистаго лавріонскаго серебра ¹⁾, служила основною атти-

¹⁾ Отъ лавріонскихъ рудниковъ (лежащихъ къ сѣверу отъ мыса Сулія) аѳинская община получала ежегоднаго дохода до 100 талантовъ серебра, изъ чего каждый гражданинъ получалъ по 10 драхмъ. Но уже во времена Демосеена

чекскою монетною единицею, подобно тому какъ позднѣе у Римлянъ *denarius* сдѣлался основною монетною единицею римскою. 100 драхмъ составляли одну мину (*μνᾶ*), а 60 минъ — одинъ талантъ (*τάλαντον*); какъ талантъ, такъ и мина были только счетныя суммы денегъ. Ходячею разнѣнною монетою служили драхма и ея кратныя величины: *δίδραχμον* (монета въ 2 драхмы), *τρίδραχμον* (монета въ 3 драхмы), *τετράδραχμον* (самая ходячая аттическая монета въ 4 драхмы, называвшаяся также статеръ) и *πεντάδραχμον* (монета въ 5 драхмъ); затѣмъ дробныя части драхмы, а именно: $\frac{1}{6}$ драхмы — оболъ (*ὀβολός* = 4 коп.), $\frac{2}{6}$ драхмы — *διώβολον* (монета въ 2 оболы), $\frac{3}{6}$ драхмы — *τριώβολον* (монета въ 3 оболы), $\frac{5}{6}$ драхмы — *πεντώβολον* (монета въ 5 оболы), $1\frac{1}{2}$ оболы — *τριημιώβολιον*; наконецъ дробныя части оболы: $\frac{3}{4}$ оболы — *τριημιόριον*, $\frac{1}{2}$ оболы — *ἡμιώβολιον* и $\frac{1}{4}$ оболы — *τεταρτημόριον*.

Золотыя монеты стали чеканиться въ Аѳинахъ (а также и въ другихъ греческихъ общинахъ) не ранѣе ¹⁾ македонскаго періода; если же все таки онѣ упоминаются, то слѣдуетъ подъ ними разумѣть кизикскіе статеры и персидскіе дарики. Золото добывалось Аѳинянами во Фракіи (*Σκαπτή ἕλη*) и сохранялось въ слиткахъ (*φθοῖδες*) въ государственной кассѣ для художественныхъ и религіозныхъ цѣлей. Однако и въ македонскій періодъ не было особой надобности чеканить золотую монету, потому что большое множество ея было въ ходу вслѣдствіе македонскихъ завоеваній.

Рис. 342. Золотая персидская монета (дарикъ), въ дѣйствительную величину.

Самыя древнія золотыя деньги, съ которыми Греки познакомились, были, говорятъ, лидійскія (ср. Herod. I. 94), чеканившіяся изъ бѣловатой смѣси серебра и золота (*λευκὸς χρυσός, ἤλεκτρον*), добывавшейся изъ рѣки Пантола. Но мы не имѣемъ о нихъ точныхъ свѣдѣній. Можетъ быть по ихъ образцу чеканились золотыя монеты въ Кизикѣ, Лампсакѣ, Фокеѣ и т. д., носившія въ Греціи названіе

этотъ доходъ сталъ меньше, и наконецъ, во 2 стол. по Р. Хр. (Pausan. I. 1. 1.) совсѣмъ прекратился, такъ что рудники были закрыты. Очищеніе серебра было весьма недостаточное, такъ что изъ накопленныхъ въ древности шлаковъ еще и теперь добываютъ серебро на много милліоновъ руб.

¹⁾ Подъ конецъ пелопонесской войны по видимому изъ нужды чеканились золотыя монеты, но изъ золота весьма низкаго качества, такъ что онѣ были въ весьма маломъ употребленіи (Arist. Ranae 719 и т. д.).

στατήρ. Кизикскіе статеры, бывшіе въ ходу въ Греціи, заключали въ себѣ, по словамъ Демосеена (*πρὸς Φορμ.* §. 24), 28 аттическихъ драхмъ, слѣд. 8^ю драхмами болѣе, нежели дарики. Но въ наибольшемъ ходу были въ Греціи македонскіе статеры, чеканенные Филиппомъ и Александромъ изъ 133 грановъ чистаго золота и сохранявшіе видъ и цѣнность свою до позднихъ македонскихъ временъ; въ римскую эпоху они назывались „золотыми Филиппа“ (*Philippii numi aurei*). Золото относилось къ серебру какъ 1 : 12 (по Геродоту какъ 1 : 13, по Демосеену какъ 1 : 14), а теперь относится какъ 1 : 15 ¹/₂.

Самую ходячую золотою монетою у Грековъ, особенно въ 4 стол. до Р. Хр., былъ персидскій дарикъ (*δαραϊκός*); онъ получилъ наибольшее распространеніе между Греками во времена Кира Младшаго, который этою монетою уплачивалъ жалованье наемнымъ греческимъ солдатамъ (*Хер. Анаб.* I. 3, 21 и во многихъ другихъ мѣстахъ), и въ позднѣйшія войны между Спартанцами и Персами въ Малой Азійи, а также вслѣдствіе торговли. На лицевой сторонѣ дарика было изображеніе персидскаго царя (первоначально, по всей вѣроятности, Дарія, откуда и названіе монеты „дарикъ“, ср. Геродотъ IV. 166) въ видѣ опустившагося на колѣни лучника (рис. 342.); оборотная сторона представляла такой-же выбитый квадратъ (*quadratum incusum*), какъ и эгинская драхма. По цѣнности дарикъ равнялся 20 аттическимъ драхмамъ сер. (и вѣсилъ двѣ драхмы), такъ что на одну мину шло 5, а на одинъ талантъ 300 дариковъ (Ксенофонтъ, *Анаб.* I. 7, 18, ставитъ 3000 дариковъ наравнѣ съ 10 талантами). Кромѣ того у Ксенофонта (*Анаб.* I. 3, 21) упоминаются еще полударики (*ἡμιδαραϊκά*). Позднѣе встрѣчаются и дробныя части золотого статера, изъ которыхъ самая меньшая равнялась 8 оболамъ.

Мѣдную или (собственно) бронзовую монету (у древнихъ не встрѣчается чистая мѣдь, но съ примѣсью 5%—12% олова) пытались ввести въ Аѳинахъ, вслѣдствіе крайняго недостатка въ деньгахъ, въ 406 году до Р. Хр., во время несчастной пелопоннеской войны; но она не получила ходу и должна была уступить мѣсто старой серебряной монетѣ. Только послѣ Александра Великаго вошла въ употребленіе въ Греціи и бронзовая монета, именно подъ вліяніемъ западныхъ италійскихъ и сицилійскихъ колоній, которыя приняли ее отъ Этрусковъ и Римлянъ. По этой монетной системѣ оболъ заключалъ въ себѣ 8 халкунтовъ (*χαλκούς*) по 7 лептъ (*λεπτόν*) въ каждомъ; подобнымъ образомъ изъ бронзы сталь

чеканиться и оболъ, а также всѣ части его, какъ *λεπτόν*, *χαλκοῦς* и *δίχαλκον* = $\frac{1}{4}$ оболы. Самою мелкою серебряною монетою сдѣлался послѣ того *τριώβολον*. Въ римскія времена Греки чеканили почти исключительно мѣдныя деньги, такъ какъ право чеканить серебряную и золотую монету римскіе императоры оставляли за собою. При Галліенѣ (260—268) было отнято у Грековъ и это право, и мѣдныя деньги чеканились на Востока въ одной лишь Александріи.

ОБОЗРѢНІЕ ОБЫКНОВЕННЫХЪ АТТИЧЕСКИХЪ МОНЕТЪ:

<i>λεπτόν</i>	<i>χαλκοῦς</i>	<i>δίχαλκον</i>	<i>ἡμιώβολιον</i>	<i>ὀβολός</i>
7 лептъ	2 халкунта	2 диалка	2 полуоболы	
<i>ὀβολός</i>	<i>διώβολον</i>	<i>τετράβολον</i>	<i>δραχμή</i>	<i>δίδραχμον</i>
2 оболы	2 діоболы	1½ тетроболы	2 драхмы	
<i>δίδραχμον</i>	<i>τετράδραχμον</i>	<i>χρυσοῦς</i>	<i>μνᾶ</i>	<i>τάλαντον</i>
2 дидрахма	5 тетрадрахмовъ	5 „золотыхъ“ (5 дариковъ)	60 минъ	
		25 тетрадрахмовъ		

67. Римляне производили слово *pecunia* (деньги) отъ *pecus* (мелкій скотъ, овцы), такъ какъ въ древнія времена въ Италиі такъ же, какъ и у другихъ народовъ индо-европейскаго происхожденія, первый шагъ отъ простой мѣны товаровъ къ торговлѣ посредствомъ опредѣленной единицы цѣны былъ сдѣланъ на основаніи цѣны головъ скота; что такъ было и у Грековъ, мы видѣли выше (см. стр. 383). Цѣна овцы относилась (по установленію въ 5 стол.) къ цѣнѣ быка какъ 1 : 10. Впослѣдствіи въ замѣнъ скота принято было болѣе удобное средство — мѣдь, которую вѣсили въ кускахъ отъ 2 фунтовъ до 2 унцій (*aes rude*). Къ этому времени относится выраженіе: *per aes et libram emere* и слово *stipendium* (*stips-pendo*). Но скоро появилась надобность снабжать эти куски мѣди извѣстными знаками, которые бы дѣлали излишнимъ взвѣшивание ихъ каждый разъ, а также въ другихъ отношеніяхъ обезпечивали покупателей и продавцевъ. Первый, положившій съ этой цѣлю знакъ на мѣдь (*aes signatum*), былъ, по римскому преданію, царь Сервій Туллій.

Куски этой „мѣченой“ мѣди отливались въ видѣ широкихъ слитковъ или кирпича. На древнѣйшихъ такихъ бронзовыхъ кирпичахъ изображенъ былъ иногда баранъ или кабанъ. Но, судя по начертаніямъ представленныхъ такимъ образомъ звѣрей, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что имѣемъ дѣло не съ оригиналами, а только съ ихъ копіями, сдѣланными въ позднѣйшія времена республики, и притомъ съ тою цѣлью, чтобы удобнѣе было хранить въ государственномъ казначействѣ большое количество мѣди опредѣленнаго вѣса въ меньшемъ пространствѣ.¹⁾ Такъ напр. бронзовый кирпичъ (рис. 343.) съ изображеніемъ быка, по вѣсу

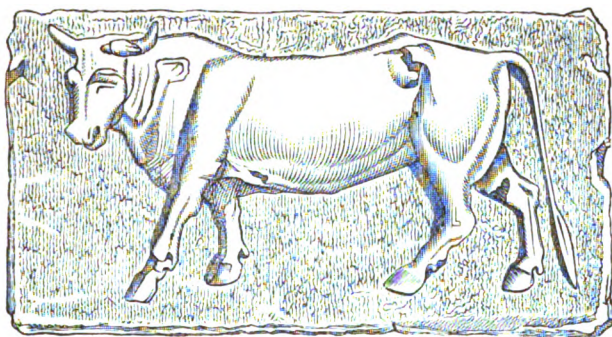

Рис. 343. Литой пяти-ассъ (quincussis) въ древнемъ видѣ „мѣченой бронзы“ (aes signatum), въ $\frac{1}{4}$ дѣйствительной величины.

равняющійся 5 римскимъ фунтамъ, не можетъ быть древнѣе 3го стол. до Р. Хр., а тѣмъ болѣе кирпичъ съ изображеніемъ слона (рис. 344.).

Деньги въ собственномъ смыслѣ появились въ Римѣ, на сколько намъ извѣстно, не раньше, какъ во время децемвировъ въ 5 стол. до Р. Хр., а именно, какъ кажется, благодаря греческому (аттическому) вліянію; и такъ какъ эти законодатели вообще подражали законамъ Солона, то и являлись въ ихъ время законы (въ особ. lex Julia Papiria 430 г.) совершенно подобныя тѣмъ, по которымъ всякая пеня уплачивалась не скотомъ (какъ положилъ Драконтъ), а металломъ. Потому-то древнѣйшія римскія мѣдныя монеты носятъ характеръ пластической техники временъ Перикла (не древнѣе). Онѣ чеканились изъ мѣди съ примѣсью $\frac{1}{2}$ олова и свинца, вѣсили 1 фунтъ (римскій фунтъ = 12 унціямъ = 84 золотникамъ или,

¹⁾ Lenormant, въ „Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines“ стр. 456.

по Моммзену, 327,43 грамма) и назывались просто „единицею, as“, ¹⁾ as libralis. Форма этихъ „фунтовыхъ ассовъ“ была круглая (съ діаметромъ въ $2\frac{1}{4}$ дюйма), выпуклая. На лицевой сторонѣ находилось правильно, хотя и грубо отлитое изображеніе двойной головы Януса, оборотная же сторона обыкновенно представляла носъ корабля или голову Меркурія (рис. 345.). Впрочемъ ни ассъ, ни части его, которыя по причинамъ практическимъ стали скоро чеканиться, не имѣютъ номинальнаго вѣса, а лишь 9—11 унцій. Половина асса, *semissis* (*semis*), вѣсила среднимъ числомъ 5 унцій и представляла на лицевой сторонѣ голову Юпитера,

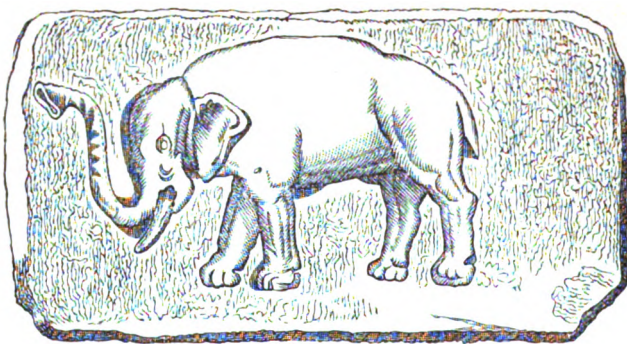

Рис. 344. Литой пяти-ассъ (*quincussis*) въ древнемъ видѣ „мѣченой бронзы“ (*aes signatum*), въ $\frac{1}{5}$ дѣйствительной величины.

Юноны или Минервы, на оборотѣ же носъ корабля, и кромѣ того на одной сторонѣ или на обѣихъ имѣла надпись S (*semis*; рис. 346.). *Triens* (треть асса) вѣсиль $3\frac{1}{3}$ унцій; для обозначенія цѣны чеканились на немъ 4 шарика (рис. 347.). *Quadrans* (четверть асса) вѣсиль $2\frac{1}{2}$ унцій и чеканился съ 3 шариками; самый обыкновенный штемпель его: голова Геркулеса, раскрытая рука (рис. 348.), корабельный носъ. *Sextans* (шестая доля асса) вѣсиль $1\frac{2}{3}$ унцій; цѣну его обозначали два шарика; кромѣ того на немъ изображались: *sacduceus* и скребница (*strigilis*, рис. 349.). Наконецъ *uncia* (двѣнадцатая доля асса) вѣсила только $\frac{5}{8}$ своего настоя-

¹⁾ Ср. санскр. *ayas*. Слово *as* или еще жило въ италійскомъ языкѣ, или же (и это болѣе правдоподобно) принято было изъ сицилійскаго греч. діалекта; по крайней мѣрѣ во всей римской монетной системѣ очевидно вліяніе сицилійскихъ Грековъ.

щаго вѣса. ¹⁾ Причины такого уменьшенія номинальнаго вѣса асса и его частей не извѣстны; можетъ быть при этомъ имѣлось въ виду сблизить на практикѣ римскую монетную систему, основаніемъ которой служила сицилійская, съ монетною системою средне-италійскою (этрусскою), которая была нѣсколько легче.

Мѣдныя деньги вытѣснены были серебряными въ 269 году до Р. Хр., когда Римляне, вступивъ въ близкія сношенія съ гре-

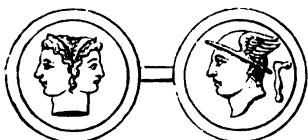

Рис. 345. Римскій ассъ, въ $\frac{1}{2}$ дѣйствительной величины.

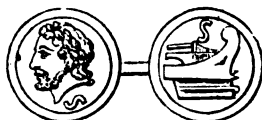

Рис. 346. Римскій полуассъ (semissis), въ $\frac{1}{4}$ дѣйствительной величины.

ческими южно-италійскими городами, узнали преимущество послѣднихъ передъ первыми (Liv. IV. 60) и въ войнахъ противъ Пирра приобрѣли въ Самніи и Тарентѣ богатыя средства для обильной чеканки серебряной монеты. Тогда-то установлены были три смотрителя монетнаго дѣла (triumviri monetales) и подъ ихъ надзоромъ чеканились первыя серебряныя деньги въ храмѣ Юноны (J. Moneta) на Капитоліи (отсюда названіе мо-

Рис. 347. Triens, въ $\frac{2}{3}$ величины.

Рис. 349. Sextans, въ $\frac{1}{6}$ величины.

Рис. 348. Quadrans, въ $\frac{1}{4}$ величины.

нета, которымъ уже во времена императоровъ стали обозначать деньги, въ особ. серебряныя). Въ основаніе положенъ былъ ассъ, при чемъ вѣсъ его уменьшенъ былъ съ (прежнихъ) 10 унцій на 4 унціи, и введена была новая монета, содержащая 10 ассовъ и называвшаяся поэтому denarius (т. е. denarius). Денарій соотвѣтствовалъ какъ по своей величинѣ, такъ и по своей цѣнности

¹⁾ Цѣнность мѣди древнѣйшихъ этихъ монетъ была бы, судя по нашимъ деньгамъ, приблизительно слѣдующая: ассъ (10 унцій) = ок. 15 копѣекъ, semis = $7\frac{1}{2}$ коп., triens = 5 коп., sextans = $2\frac{1}{2}$ коп., uncia = $1\frac{1}{4}$ коп.

аттической драхмѣ; онъ вѣсилъ 1 зол. 2 доли серебра (или 4,36 грамма) и имѣлъ цѣнность на наши деньги ок. 25 коп., равняясь 10 новымъ легкимъ ассамъ, т. е. 40 унціямъ мѣди. Пяти-ассовая монета, составлявшая половину денарія, называлась *quinarius*; монета, содержащая два съ половиною асса и составлявшая четверть денарія, называлась *sestercius* (= *semis tertius*); по своей цѣнности она равнялась первоначальному ассу. Эти монеты сдѣлались съ этого времени самыми ходячими, въ особенности сестерціи, которыми обозначались всѣ денежные суммы.

Форма денарія (рис. 350.) оставалась постоянно одна и та-же: онъ представлялъ на лицевой сторонѣ голову Рима со шлемомъ или голову Юпитера или Диоскуровъ со знакомъ X, а на

Рис. 350. Денарій съ изображеніемъ четверни, въ дѣйствительную величину.

Рис. 351. Денарій съ изображеніемъ пары лошадей.

Рис. 352. Пяти-ассовая монета (*quinarius*) или полуденарій.

оборотѣ — пару или четверню лошадей, отчего *denarius* и назывался *bigatus* (рис. 351.) и *quadrigatus* (рис. 350.). Квинарій (рис. 352.) имѣлъ на лицевой сторонѣ изображеніе головы Рима, Юноны и др. (обыкновенно со знакомъ Q или V), на оборотѣ же съ 104 года Викторію, почему онъ и назывался *victoriatu*s; со 2^й пунической войны до императорскихъ временъ квинаріевъ не чеканили. Сестерціи (рис. 353.) представлялъ на лицевой сторонѣ такія-же головы со знакомъ HS (т. е. *HS*, *duo semis*, два съ половиною). Съ теченіемъ времени цѣнность и значеніе этихъ серебряныхъ монетъ постоянно уменьшались, подобно тому, какъ уменьшались вѣсъ и цѣнность мѣдныхъ денегъ. Во вторую пуническую войну (217 до Р. Хр.), когда въ Римѣ былъ большой недостатокъ въ деньгахъ, денарій вѣсилъ только 88 долей серебра (или 3,90 грамма) и имѣлъ цѣнность 22½ коп. на наши деньги; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ уменьшенъ и вѣсъ асса до 1 унціи, такъ что на 1 денарій считалось уже 16 ассовъ. При Неронѣ курсъ серебряныхъ денегъ еще болѣе понизился; денарій въ то время равнялся по вѣсу 77 долямъ серебра (или 3,41 грамма) и

по цѣнности $18\frac{1}{2}$ коп., тогда какъ вѣсъ асса упалъ съ полъунціи (во время союзнической войны, 89 до Р. Хр.) на $\frac{1}{4}$ унціи. При Траянѣ ассъ вѣсилъ $\frac{1}{8}$ унціи, а при Трибонианѣ Галлѣ (251—253) уже $\frac{1}{12}$ унціи.

Между тѣмъ вслѣдствіе многихъ счастливыхъ войнъ государственная казна постоянно наполнялась золотомъ, и такъ какъ было дозволено имъ пользоваться только въ случаяхъ крайней нужды (отсюда *sanctius aerarium*), то изъ 4000 фунтовъ, бывшимъ въ 209 году до Р. Хр. образовался въ началѣ 1 стол. (т. е. въ 91 г. до Р. Хр.) капиталъ въ 1.620,829 фунтовъ золота; когда же эта масса золота вслѣдствіе галльскихъ войнъ увеличилась въ громадныхъ размѣрахъ, тогда Кесарь въ большей мѣрѣ, чѣмъ передъ тѣмъ, началъ чеканить золотыя деньги. Такимъ образомъ вошла въ употребленіе

Рис. 353. Серебряный сестерцій, въ дѣйствительную величину.

Рис. 354. Римскій „золотой“ Августъ, въ дѣйств. величину.

золотая монета, которая скоро (еще при Неронѣ) вытѣснила серебряную. Главная монета, чеканенная изъ золота, называлась *aureus* (т. е. *numus aureus* или *denarius aureus*, потому что онъ былъ одной и той-же величины съ серебрянымъ денаріемъ). Форма и величина „золотого“ видна изъ рис. 354., представляющаго ту монету изъ временъ Августа, которую, какъ видно изъ надписи на лицевой сторонѣ (носящей кромѣ того и изображеніе головы Августа) и по изображенію на оборотѣ, сенатъ и городъ Римъ велѣли чеканить въ память триумфа Августа. Вѣсъ золотого былъ первоначально 1 зол. 87 долей чистаго золота (8,18 грамма), равняясь 100 сестерціямъ или 25 денаріямъ (первоначальная цѣнность его ок. 6 р. 25 коп.); съ теченіемъ времени онъ все болѣе и болѣе терялъ вѣсъ и цѣнность, такъ что при Константинѣ вѣсилъ только 1 зол. 5,7 доли (4,55 грамма) и стоилъ около 3 р. 70 коп.

Серебряныя и мѣдныя деньги въ императорскія времена подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Сестерцій чеканился не изъ серебра, а изъ мѣди съ примѣсью олова, и, имѣя вѣсомъ 1 унцію, содержалъ 4 асса; но былъ больше серебрянаго сестер-

ція¹⁾. Точно также и къ серебру, изъ котораго чеканился денарій, вмѣсто 5% и 10% мѣди стали примѣшивать 15%, 20%, 30%, а при Септиміи Северѣ даже 50%—60% (такъ что на наши деньги онъ стоилъ только 10 коп. сер.); но при томъ постоянно считали 25 денаріевъ на одинъ aureus, такъ что наконецъ даже само государство не хотѣло принимать податей серебряною монетою и заставляло уплачивать ихъ золотомъ. Въ теченіе 3 стол. по Р. Хр. серебряныя деньги все болѣе и болѣе теряли цѣнность, такъ что наконецъ содержали только 5% серебра²⁾. Возникшія отсюда неурядицы и неудобства устранилъ наконецъ Діоклетіанъ тѣмъ, что далъ денарію тотъ вѣсъ, который онъ имѣлъ при Неронѣ, т. е. 77 долей.

Изъ иностранныхъ денегъ въ Римѣ наиболѣе были въ ходу греческія драхмы, которыя первоначально имѣли одинъ вѣсъ съ денаріями, но цѣнность нѣсколько меньшую, такъ что напр. Ливій (XXXIV. 52) на одинъ тетрадрахмъ считаетъ 3 денарія. Для денаріевъ императорскаго Рима это отношеніе, конечно, не имѣло мѣста. Кромѣ драхмъ часто упоминаются еще пергамскіе cistophori; это была серебряная монета, наиболѣе распространенная въ Малой Азіи, названная такъ потому, что на ея лицевой сторонѣ изображенъ былъ полуоткрытый вакхическій ящикъ съ находящеюся въ немъ змѣею; по своей цѣнности она равнялась въ Греціи 4 драхмамъ, а въ Римѣ во времена республики

¹⁾ Кромѣ него изъ мѣди продолжали чеканить: dupondius (монета въ 2 асса), ас, semissis и quadrans.

²⁾ Само собою разумѣется, что незначительная цѣнность денегъ вліяла на возвышеніе цѣны съѣстныхъ припасовъ, ремесленныхъ издѣлій и всякаго рода платы. Въ этомъ отношеніи преисъ-курантъ Діоклетіана даетъ намъ нѣкоторыя интересныя и поучительныя свѣдѣнія. Фунтъ (т. е. $\frac{1}{16}$ нашего фунта) говядины стоилъ 8 денаріевъ (такъ какъ вѣсъ денарія до монетной реформы понизился, какъ мы видѣли, до 10 части первоначальнаго значенія, то онъ стоилъ не болѣе 3 коп.), т. е. 24 коп.; фунтъ свинины 12 ден. = 36 коп.; 1 курица 60 ден. (1 руб. 80 коп.), 1 утка 40 ден. (1 р. 10 коп.), 1 откормленный гусь 200 ден. (6 руб.), 1 заяць 150 ден. (4 руб.); 1 секстарій (полупштофъ) вина 8 ден. (24 коп.). За пару сенаторскихъ башмаковъ платили 150 ден. (4 руб.), за женскіе башмаки 60 ден. (1 р. 80 коп.); за верхнее (шерстяное) платье 50 ден. (1 р. 50 к.). За одинъ день полевой работы кромѣ пищи платили 25 ден. (75 коп.), за 1 день плотничьей работы кромѣ пищи 50 ден. (1 руб. 50 коп.) и т. д. — Во времена Марціала (въ концѣ 1 стол.) простая темнокрасная лацерна стоила 3 денарія, т. е. $20 \times 3 = 60$ коп. (Mart. II. 43.)

3 денаріямъ. Третья монета была египетская. Египетскій (птолемейскій) талантъ равнялся по вѣсу аттическому; но такъ какъ при Тиберіи деньги чеканились изъ весьма легкаго серебра (такъ наз. латуни), то египетскій тетрадрахмъ стоилъ только одну драхму и слѣд. около $\frac{1}{3}$ денарія. Лучше были сирійскія монеты, изъ которыхъ напр. тетрадрахмъ равнялся 3 денаріямъ.

Изъ остальныхъ денегъ ходилъ въ Римѣ еще оболъ, имѣвшій цѣнность $1\frac{1}{2}$ асса.

ОБОЗРѢНІЕ РИМСКИХЪ МОНЕТЪ ВО ВРЕМЯ ИМПЕРІИ:

quadrans	semis (semissis)	as	(dupondius)	sestertius
2 квадраята	2 полуасса	2 асса	(2 дупондія)	(2 оболы)
quinarius	denarius	semaureus	aureus	
	(drachma)			
2 сестерція	2 квинарія	$12\frac{1}{2}$ денаріевъ	2 полузолотыхъ	
		(4 цестофора)		
		(4 тетрадрахма)		

Греческія и римскія мѣры.

68. По тѣмъ-же причинамъ, по которымъ мы выше говорили о деньгахъ, поговоримъ теперь кратко о греческихъ и римскихъ мѣрахъ и вѣсахъ.

Основною мѣрою емкости жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ служилъ у Грековъ *κύαθος* (см. стр. 182 прим.); 6 κύαθωνъ составляли *κοτύλη* (= 2,74 децилитра = 0,22 штофа = 0,08 гарнца). Дальнѣйшею мѣрою жидкостей служилъ *χοῦς*, содержавшій 12 котилъ (въ позднѣйшія, римскія времена былъ въ употребленіи также *ξέστης* = sextarius, содержавшій двѣ котилы); 8 хоевъ составляли амфору, а 12 — *μετρητής* (мѣру; онъ же назывался, хотя и невѣрно, *ἀμφορεύς* и *κάδος*), равнявшійся 39 литрамъ или 3,17 ведра. Дальнѣйшею мѣрою сыпучихъ тѣлъ служилъ *χοῖνιξ*, вмѣщавшій 4 котилы (или два позднѣйшіе *ξέστης*); 8 хойниковъ (32 котилы) со-

ставляли шестерикъ (*ἐκτεύς* = *modius*), 6 шестериковъ одинъ *μέδιμνος*, равнявшійся 52 литрамъ или почти 2 нашимъ четверикамъ (или одному пайку).¹⁾

ОБОЗРѢНІЕ ГРЕЧЕСКИХЪ (АТТИЧЕСКИХЪ) МѢРЪ ЕМКОСТИ ЖИДКИХЪ
И СЫПУЧИХЪ ТѢЛЪ:

<i>κύαθος</i>	<i>κοτύλη</i>	<i>χοῦς</i> (<i>ξέστης</i>)	<i>ἀμφορεύς</i>	<i>μετρητής</i>
6 кіафовъ	12 котилъ (2 котилы)	8 хоевъ	1¼ амфоры 12 хоевъ 144 котилы	

<i>κύαθος</i>	<i>κοτύλη</i>	<i>χοῖνιξ</i> (<i>ξέστης</i>)	<i>ἐκτεύς</i>	<i>μέδιμνος</i>
6 кіафовъ	4 котилы (2 котилы)	8 хойниковъ (32 котилы)	6 шестериковъ 48 хойниковъ 192 котилы	

Основною мѣрою длины у Грековъ, равно какъ и у другихъ народовъ, служила обыкновенная длина нѣкоторыхъ частей чело-вѣческаго тѣла. Такими мѣрами были: сажень (*δερυιά*, собств. обхватъ), дѣлившаяся на 6 стопъ (*πούς*); стопа, дѣлившаяся на 4 ладони (*παλαιστή*, *δοχηή* и *δῶρον*) или на 16 пальцевъ (*δάκτυλοι*); наконецъ локоть (*πῆχυς*)²⁾, заключавшій 1½ стопы (или 6 ладоней) и раздѣлявшійся на 2 пяди (*σπιθαμή*) по 12 пальцевъ въ каждой и равнявшійся 46 сантиметрамъ или 10⅓ вершка. Для измѣренія большаго разстоянія служили плеоръ (*πλέθρον*, изъ болѣе древняго *гомер. πέλεθρον*), заключавшій въ себѣ 100 стопъ, и стадія (*στάδιον* раз. *μέτρον*, т. е. установленная, опредѣленная мѣра, длина), заключавшая въ себѣ 600 стопъ. Стадія (первоначальная длина олимпійской стадіи, см. стр. 55) принята была Греками за единицу мѣры пути, подобно нашей верстѣ; она равнялась приблизительно 88 нашимъ саженямъ (184,97 метра).

¹⁾ Въ героической вѣкъ (въ стихотвореніяхъ Гомера) упоминаются только *χοῖνιξ* и *μέτρον*; вмѣстимость ихъ, однако, нигдѣ не опредѣляется. 0 котилъ (*κοτύλη* = чашка) упоминается какъ о небольшомъ сосудѣ для питья.

²⁾ У Гомера упоминаются *δερυιά*, *πέλεθρον*; а на существованіе словъ *δῶρον*, *πυγών* и *πῆχυς* указываютъ производныя отсюда прилаг. *πυγούσιος*, *ἐκκαίδεκάδωρος*, *ἐννεάπηχυς* и др.

акимъ образомъ наша верста = $5\frac{2}{3}$ греч. стадіямъ, геогр. миля = 40 греч. стадіямъ.

Сверхъ того упоминаются какъ мѣры пути персидскій парасангъ (*παρασάγγης* = 30 стадіямъ) и *σχοῖνος* (60 стадій).

ОБОЗРѢНІЕ ГРЕЧЕСКИХЪ ЛИНЕЙНЫХЪ МѢРЪ

(большихъ):

<i>πούς</i>	<i>πῆχυς</i>	<i>ὄργυιά</i>	<i>πλέθρον</i>	<i>στάδιον</i> (στάδιος)	<i>παρασάγγης</i> (σχοῖνος)
$\frac{1}{2}$ стопы	4 локтя 6 стопъ	$16\frac{2}{3}$ сажени 100 стопъ	6 плеорровъ 600 стопъ	30 стадій (60 стадій)	

(меньшихъ):

<i>δάκτυλος</i>	<i>παλαιστή</i>	<i>σπιθαμή</i>	<i>πούς</i>	<i>πυγών</i>
4 пальца	3 ладони 12 пальцевъ	$1\frac{1}{4}$ пяди	$1\frac{1}{2}$ стопы 20 пальцевъ	

Основною мѣрою плоскости служила стопа (*πούς*); $36\Box$ стопъ составляло шестистопіе (*ἑξαπόδιος*), 2500 — пашню (*ἄρουρα*), 10.000 — плеоръ (*πλέθρον*, ок. 220 квадр. саж.).

Основною римскою мѣрою жидкостей былъ quadrantal, названный вполслѣдствіи (по греч. *ἀμφορεύς*) amphora; онъ равнялся $\frac{2}{3}$ аттического метрета (*μετρητής*), слѣд. 26 литрамъ (т. е. приблизительно 2 нашимъ ведрамъ). Амфора раздѣлялась на 2 урны (*urna* = 13 литрамъ, т. е. одному ведру), или на 8 конгіевъ (*congius* = $3\frac{1}{4}$ литра), или на 48 секстаріевъ (*sextarius* = 0,54 литра, т. е. почти нашъ полуштофъ); секстарій заключалъ въ себѣ двѣ половины (*hemina* = $\frac{1}{4}$ литра), 4 четверти (*quartarius*), 8 осмушегъ (*acetabulum*) и 12 кіаѳовъ (*cyathus*).

Основною мѣрою сыпучихъ тѣлъ у Римлянъ служилъ *modius*, равнявшійся $\frac{1}{6}$ аттического медимна, т. е. $8\frac{2}{3}$ литра (или нашимъ $2\frac{1}{2}$ гарнцамъ); за исключеніемъ полумодія (*semodius*) названія и отношенія всѣхъ прочихъ мѢРЪ тѢ-же самыя, какъ и предыдущихъ.

ОБОЗРѢНІЕ РИМСКИХЪ МѢРЪ ДЛЯ ЖИДКИХЪ И СЫПУЧИХЪ ТѢЛЪ:

cyathus	acetabulum	hemina	sextarius
1 $\frac{1}{2}$ кіаа (quartarius)	2 четверти	2 половины	
(3 кіаа)	6 кіаавъ		
congius	urna	amphora	culleus ¹⁾
6 сектаріевъ	4 конгія	2 урны	20 амфоръ
cyathus	acetabulum	quartarius	hemina
1 $\frac{1}{2}$ кіаа	2 осмушки	2 четверти	
	3 кіаа	6 кіаавъ	
sextarius	semodius	modius	
2 половины	6 сектаріевъ	2 полумодія	

Въ заключеніе мы помѣщаемъ здѣсь (рис. 355.) изображеніе римскаго конгія, клейменаго по указаной капитолійской мѣрѣ, и относящагося ко временамъ Веспасіана. Буквы P. X. означаютъ „pondo decem“, 10 фунтовъ или $\frac{1}{8}$ амфоры. Видъ модія представленъ на рис. 356.

Рис. 356. Modius, по изображенію на лампѣ изъ жженой глины.

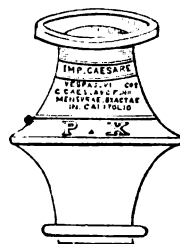

Рис. 355. Римскій „congius“, по мраморному оригиналу въ Римѣ.

Названія римскихъ линейныхъ мѣръ, такъ-же какъ и названія линейныхъ мѣръ греческихъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что мѣрою длины первоначально служила длина нѣкоторыхъ частей человеческого тѣла. Такъ digitus означалъ первоначально ширину одного пальца, palmus ширину ладони (= 4 digiti), pes длину

¹⁾ Culleus (culeus) есть собств. мѣхъ, въ коемъ перевозили жидкости въ большомъ количествѣ (ср. рис. 180).

мужской ноги (= 16 *digiti*, = 11 1/2 рус. дюймамъ), *cubitus* длину руки отъ локтя до конца средняго пальца (1 1/2 стопы), *passus* длину двойнаго шага (5 стопъ). Части стопы различали дробями по пальцамъ или по унціямъ (по аналогіи съ вѣсомъ); сложныя мѣры отъ стопы были кромѣ названнаго двойнаго шага *decempeda* (десятистопіе), *actus* (длина борозды, 120 стопъ), затѣмъ уже рано принятая греч. стадія (*stadium*, 600 греческихъ, 625 римскихъ стопъ) и *mille passus* (поздн. *miliarium*) = 1/5 геогр. мили = 1 2/3 версты.

ОБОЗРѢНІЕ РИМСКИХЪ ЛИНЕЙНЫХЪ МѢРЪ

(большихъ):

pes	cubitus	passus	decempeda	(actus)
1 1/2 стопы	3 1/3 локтя 5 стопъ	2 двойныхъ шага	12 десятистопій (5 бороздъ)	
	(<i>stadium</i>)		<i>mille passus</i>	
	625 римскихъ стопъ	8 стадій 4 1/2 бороздъ		

(меньшихъ):

uncia	palmus	pes
1 1/2 пальца (<i>digitus</i>)	3 унціи	4 ладони 16 пальцевъ

Мѣрою поверхности Римлянамъ служила квадратная стопа (*pes quadratus*, *p. constratus*). Для измѣренія большихъ плоскостей положено было въ основаніе квадратное десятистопіе, *decempeda quadrata* (или *scripulum*), т. е. 100 □ стопъ; 6 квадр. децемпедъ составляло одинъ *sicilicus* (600 □') или 1/48 югера (*iugerum*); 12 — одну семунцію (1200 □') или 1/24 югера; 24 — одну унцію (2400 □') или 1/12 югера; 48 — одинъ *sextans* (4800 □') или 1/6 югера; 72 — одинъ *quadrans* (7200 □') или 1/4 югера; 96 — одинъ *triens* (9600 □') или 1/3 югера; 144 — *actus, semis* (14400 □'), т. е. 1/2 югера; наконецъ 288 децемпедъ (28800 □ стопъ) составляло одинъ югеръ (= ок. 550 крадр. сажень нашей мѣры). Кромѣ того были: *heredium* (наслѣдственная доля) = 2 югерамъ, *centuria* = 100 гередіямъ и *saltus* (лѣсъ) = 4 центуріямъ = 800 югерамъ.

ОБОЗРѢНІЕ САМЫХЪ ОБЫКНОВЕННЫХЪ МѢРЪ ПЛОСКОСТИ:

decempeda quadrata sicilicus ($\frac{1}{48}$ югера)				semuncia ($\frac{1}{24}$)		uncia ($\frac{1}{12}$)	
6 децемпедъ				4 сицилика		2 полуунціи	
sextans		quadrans		triens		actus	
2 унціи	$1\frac{1}{2}$ секстанта	$1\frac{1}{2}$ квадранта	$1\frac{1}{2}$ триента				
iugerum			heredium		saltus		
2 акта		2 югера		100 гередій			

Греческія и римскія мѣры вѣса.

69. Основною единицею греческаго вѣса служилъ талантъ (*τάλαντον*), о которомъ мы говорили уже выше въ статьѣ о деньгахъ. Въ торговлѣ употребляли обыкновенно бѣльшій, эгинскій талантъ (въ 36 килограммовъ, т. е. почти 88 нашихъ фунтовъ), раздѣлявшійся на 60 минъ, 6000 драхмъ (1 драхма = 100 минъ) и 36.000 оболовъ (1 оболъ = 6 драхмамъ); этотъ эгинскій талантъ относился къ болѣе легкому аттическому вѣсу какъ 5 : 3, или правильнѣе какъ 7 : 5. Части драхмы были: *κεράτιον* = $\frac{1}{3}$ оболы, *θήρμος* = $\frac{2}{3}$ оболы, *χαλκοῦς* = $\frac{1}{6}$ оболы, и наконецъ *γραμμά* = 2 оболамъ (т. е. 1,46 франц. грамма).

ОБОЗРѢНІЕ МЕЛКИХЪ АТТИЧЕСКИХЪ МѢРЪ ВѢСА:

<i>ὀβολός</i>	=	$\frac{1}{6}$ драхмы	(0,728 грамма = 16,3 доли)
$\frac{1}{8}$	=	<i>χαλκοῦς</i>	(0,09 " = 2 долямъ)
$\frac{1}{3}$	=	<i>κεράτιον</i>	(0,24 " = 5,4 доли)
$\frac{2}{3}$	=	<i>θήρμος</i>	(0,48 " = 10,9 доли)
2 оболы	=	<i>γραμμά</i>	(1,45 " = 32,6 доли)

Основною римскою мѣрою вѣса служилъ фунтъ, *libra* (327,4 грамма или 0,8 рус. фунта); римскій фунтъ дѣлился на 12 унцій, изъ которыхъ составлялись другія части фунта, носившія отчасти названія соотвѣтствующихъ частей асса, какъ видно изъ нижеслѣдующаго обозрѣнія римскихъ мѣръ вѣса. Высшія, чѣмъ фунтъ, мѣры были: *dupondius* (2 асса), *tressis* (*tres asses*) — по-

nussis (3—9 ассовъ), decussis (10), bicessis, tricessis — centussis (20, 30—100); послѣдняя мѣра называлась также centumpondium. Но говорили также asses tres и т. д.

Дробная система унцій въ императорскія времена была пополнена нѣкоторыми заимствованными у Грековъ частями, изъ которыхъ мы приводимъ три.

ОБОЗРѢНІЕ МЕЛКИХЪ РИМСКИХЪ МѢРЪ ВѢСА :

uncia = $\frac{1}{12}$ асса	6 = semis (selibra), $\frac{1}{2}$ асса
$1\frac{1}{2}$ = sescuncia, $\frac{1}{8}$ асса ¹⁾	7 = septunx, $\frac{7}{12}$ асса
2 = sextans, $\frac{1}{6}$ асса	8 = bes, $\frac{2}{3}$ асса
3 = quadrans, $\frac{1}{4}$ асса	9 = dodrans, $\frac{3}{4}$ асса
4 = triens, $\frac{1}{3}$ асса	10 = dextans, $\frac{5}{6}$ асса
5 = quincunx, $\frac{5}{12}$ асса	11 = deunx, $\frac{11}{12}$ асса
$\frac{1}{2}$ унціи = semuncia	$\frac{1}{8}$ унціи = (drachma)
$\frac{1}{3}$ " = duella	$\frac{1}{24}$ " = scrip(tulum)
$\frac{1}{4}$ " = sicilicus	$\frac{1}{48}$ " = (obolus)
$\frac{1}{6}$ " = sextula	$\frac{1}{144}$ " = (siliqua = κεράτιον).

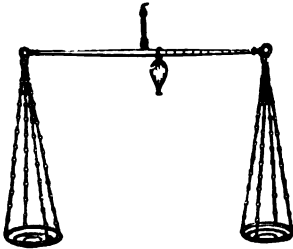

Рис. 357. Вѣсы (libra), по бронзовому помпейскому оригиналу.

Рис. 358. Коромысло вѣсовъ съ стрѣлкою (examen) и видообразною ручкою (agina), по бронзовому помп. оригиналу.

Въ заключеніе этой статьи мы упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ о римскихъ вѣсахъ и гиряхъ, такъ какъ тѣ и другія въ большомъ числѣ найдены въ Помпеяхъ.

¹⁾ Sescuncia = sesqui-uncia (полторы унціи); sextans = шестая доля; quadrans = numerus quadrans, четверть; triens = треть; quincunx = quinque unciae; septunx = septem unciae; bes (bessis) = duae [partes] assis (ср. bellum изъ duellum), или binae [partes] assis?; dodrans = de (asse) quadrans; dextans = de (asse) sextans; deunx = de (asse) uncia.

Двуплечіе вѣсы (*libra, σταθμός, τάλαντον*) похожи на наши обыкновенные вѣсы; они состоятъ изъ коромысла (*iugum*) съ привѣшенными къ обоимъ его концамъ чашками (*lances*) и изъ подвижной вилообразной ручки (*agina*) со стрѣлкою (*examen, ligula*), прикрѣпленную посрединѣ къ коромыслу (рис. 357. и рис. 358.). На рис. 357. одна половина коромысла раздѣлена на части (какъ на безменѣ) и снабжена гирею съ тою цѣлью, чтобы, не прибавляя новыхъ гирь, можно было опредѣлить тяжесть взвѣшиваемаго предмета; слѣдовательно, это обыкновенные вѣсы, соединенные съ безменомъ.

Безмень (*statera, lancula*) происхожденія гораздо позднѣйшаго, чѣмъ обыкновенные вѣсы. Устройство его видно изъ рис. 359.,

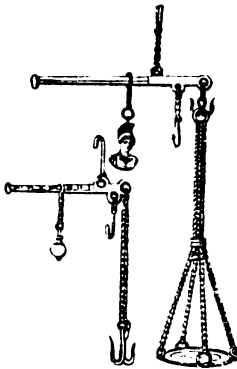

Рис. 359. Безмены (*lancula, statera*), по бронз. помп. ориг.

Рис. 360. Гиря (*aequipondium*) въ видѣ женской головы.

представляющаго два помпейскіе безмена. Онъ состоитъ изъ длиннаго коромысла, раздѣленнаго на двѣ неравныя части; длинное плечо его раздѣлено на равныя части по дуодецимальной системѣ; на короткомъ прикрѣпленъ или крюкъ, или чашка, или же крюкъ и чашка вмѣстѣ для предмета, который долженъ быть взвѣшенъ. Если для удобства привѣшивались гири въ двухъ мѣстахъ на короткомъ плечѣ, какъ напр. на безменахъ, представленныхъ на рис. 359., тогда дѣлались двѣ скалы, каждая съ одной стороны большаго плеча. Гиря (*aequipondium*) двигалась по длинному плечу коромысла, повѣшеннаго при помощи крюка (*ansa*) въ центрѣ тяжести. Помпейскіе безмены отличаются вообще изящною формою; въ особенности обращаютъ на себя вниманіе ихъ красивыя чашки и гири. Гири безменовъ имѣютъ форму груши; но весьма часто представляютъ также головы боговъ и людей. Такъ на

рис. 359. виденъ бюстъ Минервы; встрѣчаются также бюсты Меркурія, Бакха, императоровъ, и даже женщинъ (можетъ быть императриць), какъ напр. на рис. 360. Чашки бывають украшены или просто кругами, или барельефными изображеніями.

Греческіе и римскіе корабли.

70. Греческая и римская торговля сосредоточивалась почти исключительно на морѣ, вслѣдствіе чего корабли были однимъ изъ самыхъ необходимыхъ средствъ для ея веденія, и нѣтъ сомнѣнія, что первоначально они служили только для этой цѣли. Поэтому кстати, кажется, будетъ сообщить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о корабляхъ и затѣмъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ изъ нихъ, которые строились впослѣдствіи для военныхъ потребностей. Такимъ образомъ не будетъ надобности отдѣлять одинъ отъ другого тождественные въ сущности предметы.

Въ героическія времена постройка кораблей, хотя еще и недостаточно была усовершенствована, однакожь и тогда уже находилась на такой степени совершенства, которая предполагаетъ многолѣтнюю практику. Учителями Грековъ по части кораблестроенія были Финикіане, которые уже въ 13мъ вѣкѣ до Р. Хр. имѣли на островахъ и берегахъ эгейскаго моря свои колоніи, и вслѣдствіе этого часто сталкивались съ Греками. Воспріимчивые ученики въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ не только сдѣлались равными своимъ учителямъ, но даже превзошли ихъ. При посредствѣ мореплаванія Греки достигли съ одной стороны богатства, съ другой — высокой степени образованности и могущества.

Изъ греческихъ племенъ Іоняне наиболѣе содѣйствовали развитію мореплаванія, въ чемъ имъ помогало географическое положеніе ихъ страны въ такой мѣрѣ, какъ никакому другому народу.

Корабли, бывшіе въ употребленіи у Грековъ въ героическія времена, представляли собою мелкія транспортныя и грузовыя суда, приводимыя въ движеніе главнымъ образомъ веслами (20—52 гребцами), а иногда и парусами. Весла (*ἔρετρα*) привязывались ремнями (*τροπὸν δερμάτινοι*) къ колкамъ (*κλήιδες*, позднѣе *σκαλοί*). Къ мачтѣ (*ἰστός*), удерживаемой въ равновѣсіи двумя канатами (*πρότονοι*), привязанными къ носу и кормѣ, пригнѣплялся парусъ (*ἰστόν*), который управлялся поперечной райной (*ἐπίκριον*),

или, если судно было меньшаго размѣра (ср. Од. X. 32), просто веревкой, привязанной къ одной нижней его части (*πούς*). Направленіе давалъ кораблю кормчій (*κυβερνήτης*) при посредствѣ кормила (*οἰήιον, πηδάλιον*). Изъ прочихъ корабельныхъ принадлежностей заслуживаютъ упоминанія прежде всего канаты (*πείσματα*), которыми корабль привязывался къ какому нибудь предмету на берегу; такъ какъ онъ обращенъ былъ въ такомъ случаѣ къ берегу обыкновенно кормой (*πρὸ μῆνης*), то канаты эти также назывались *πρὸ μῆνησια* (*πρὸ μῆνης κάλωσ*). Вмѣсто нашихъ якорей употреблялись въ тѣ времена тяжелые камни (*εὐναί*), которые спускались въ море съ носа корабля. Что корабли тогдашніе были мелкодонны, видно изъ того, что они легко вытаскивались на берегъ и на время продолжительной стоянки подпирались балками или камнями (*ἔρματα*).

Эти мелкодонные корабли оставались въ употребленіи и въ послѣдствіи еще нѣсколько столѣтій, при чемъ постепенно увеличивались только ихъ размѣры. Такъ упоминаются корабли съ 20, 30, 50 и 100 веслами съ обѣихъ сторонъ (*εἰκόσοφοι, τριακόντοροι, πεντηκόντοροι, ἑκατόντοροι*).

Вслѣдствіе путешествій въ отдаленныя страны, частыхъ столкновеній между собою, и нерѣдкихъ нападений враговъ на родную страну, Грекамъ волей неволей приходилось позаботиться объ усовершенствованіи своихъ кораблей, чтобы съ одинаковымъ успѣхомъ можно было употребить ихъ и для защиты, и для нападенія. И вотъ они стали строить корабли болѣе высокіе и снабжать ихъ тремя рядами веселъ съ каждой стороны. Этому усовершенствованію содѣйствовалъ въ значительной степени опытъ, пріобрѣтенный въ персидскія войны.¹⁾

Первыми изъ Грековъ, пріобрѣвшими на морѣ нѣкоторое могущество, были Коринѳяне, потомъ Эгиняне, а послѣ персидскихъ войнъ до македонскаго періода рѣшающее значеніе на морѣ имѣли Аѳиняне. Около 490 г. до Р. Хр. послѣдніе имѣли только 50 военныхъ кораблей, но послѣ персидскихъ войнъ по совѣтуThemistocles число ихъ постоянно увеличивалось, такъ что въ продолженіе пятиде-

¹⁾ Персидскіе корабли строились Финикіянами и были много лучше греческихъ. Объ этомъ ясно говоритъ Геродотъ (VIII. 10), называя ихъ „лучше плывущими“ (*ἄμεινον πλωοῦσας*), чѣмъ греческіе, такъ какъ эти послѣдніе были тяжелѣе (*βαρύτεραι*, *ibid.* 60), т. е. при своихъ скромныхъ средствахъ Греки вѣроятно снабжали ихъ незначительнымъ числомъ гребцовъ.

сяти лѣтъ — до войны пелопоннеской — возрасло до 300, а позднѣе ихъ было еще больше.

Корабли съ тремя рядами весель, называвшіеся *τριήρεις* (трехгребные), оставались въ употребленіи, какъ единственные военные корабли, въ 5 вѣкѣ и во время пелопоннеской войны. Впослѣдствіи Греки научились у Кароагенянъ (въ Сициліи при Діонисіяхъ I и II) строить корабли съ четырьмя, пятью и шестью рядами весель съ каждой стороны (*тетρήρεις*, *πεντήρεις*, *ἑξήρεις*); эти корабли потомъ, со временъ Александра Великаго, почти исключительно употреблялись въ морскихъ войнахъ. Позднѣе строились

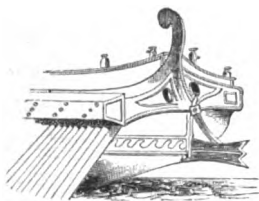

Рис. 361. Носъ корабля, по помпейской картинѣ.

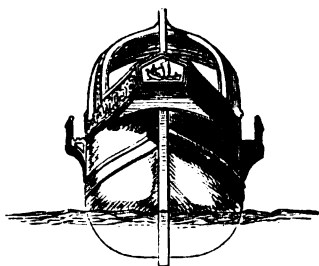

Рис. 362. Корма корабля, на основаніи комбинаціи по нѣск. памятникамъ.

корабли еще болѣе высокіе; такъ напр. въ битвѣ при Акціи были египетскіе корабли съ десятью рядами весель, а Деметрій Полиоркетъ имѣлъ корабли съ 15^ю и даже 16^ю рядами.

Для ознакомленія со способомъ постройки и вообще съ устройствомъ греческаго корабля лучшимъ образцемъ можетъ служить трехгребный корабль (*τριήρης*, *triremis*). При описаніи его устройства мы постараемся, на сколько намъ извѣстно, выяснить, въ чемъ заключается различіе между нимъ и обыкновеннымъ (торговымъ) кораблемъ, а такъ какъ римскіе корабли въ главныхъ чертахъ походили на греческіе, то мы тутъ-же присоединимъ и латинскія названія, на сколько они намъ извѣстны; краткое же изложеніе исторіи римскаго мореплаванія и нѣкоторыя другія данныя отнесемъ къ концу этой статьи.

Основной частью греческаго корабля былъ киль (*τρόπις*, *carina*), который у большихъ кораблей состоялъ изъ нѣсколькихъ, крѣпко соединенныхъ балокъ. Для защиты корабля отъ скаль и подводныхъ камней подъ килемъ помѣщалось еще одно толстое бревно (*χέλυσμα*), а надъ нимъ другое (*δρύορον*); къ послѣднему при-

крѣплены были боковыя (*ἐγκοιλία*, *costae* — кокоры), а къ самому гилю носовое (*στεῖρα*) и кормовое (*ἀσάνδιον*) бревна. Два послѣднія бревна были нѣсколько наклонены къ морской поверхности. Каждая пара противоположныхъ боковыхъ бревенъ соединялась сверху однимъ поперечнымъ (*στρωτήρ*); на эти послѣднія настилась палуба (*κατάστρωμα*, *constratum*), которая по обоимъ бокамъ огораживалась нѣсколько выдающимися перилами (см. ниже рис. 367.). Если корабль былъ высокій, то къ бокамъ подъ палубой прикрѣплялся еще одинъ рядъ поперечныхъ бревенъ (*ζυρόν*, *transtrum*), на которыя настился полъ; такъ образовывалась нижняя палуба, въ которую съ верхней палубы вело нѣсколько отверстій (какъ у нашихъ кораблей), а отсюда уже были ходы внутрь корабля (*κοῖλον*, *caernae*).

Рис. 363. Корабельный гребень (*ἀφλαστον*, *arlustre*), по древнему барельефу.

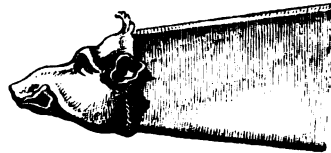

Рис. 364. Клювь корабля, по бронзовому оригиналу, найденному въ Генуѣ.

Носъ (*πρόρα*, *proga*) и корма (*πρύμνα*, *prupis*) у древнихъ кораблей были почти одинаковаго устройства, между тѣмъ какъ у теперешнихъ корма круглая, а носъ острый, въ чемъ и заключается существенное ихъ различіе. Для воспроизведенія полного вида корабля вещественные памятники дають намъ очень мало матеріала. По помпейской картинѣ (рис. 361.) мы можемъ представить себѣ носъ корабля; что же касается кормы, то на какомъ бы барельефѣ или изображеніи она ни находилась, нигдѣ она не изображается вполнѣ, а только въ главныхъ чертахъ, и то только съ одной стороны, вслѣдствіе чего изображеніе ея мы представляемъ по комбинаціи неапольскихъ археологовъ (рис. 362.), такъ какъ оно хорошо подходитъ къ тѣмъ даннымъ, которыя мы имѣемъ о кормѣ. Выступавшая за носъ и корму часть палубы называлась *κρίωμα* (бакъ, шканцы). Весь корабль извнѣ и изнутри обшивался досками (*σανίδες*); тамъ, гдѣ эти доски сходились одна съ другой, прибывались узкія планки (*νομεῖς*), особенно внѣ,

надъ водою. Подводная часть военныхъ кораблей для большей прочности обтягивалась нѣсколькими крѣпкими канатами, такъ наз. поясами (*ὑπόζωμα*, tormentum).

На кормѣ находилась будка для кормчаго, управлявшаго отсюда при помощи каната (*χαλινός*) двумя кормилами (*πηδάλιον*, gubernaculum), имѣвшими видъ большихъ лопатъ. Носъ и корма обыкновенно имѣли изогнутую оконечность. Къ верхней части кормы прикрѣплялось особаго рода украшеніе, такъ наз. *ἄφλαστον*, aplustre (рис. 363.), подъ нимъ помѣщалось другое (иногда позолоченное), въ видѣ гусиной шеи (отсюда *χηρίσκος*); между этими украшеніями находился шесть (*σπηλῖς*) для флага или какой нибудь фигуры, пред-

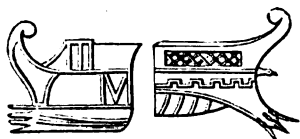

Рис. 365. Корабельные клювы, надводный и подводный, по римскимъ монетамъ.

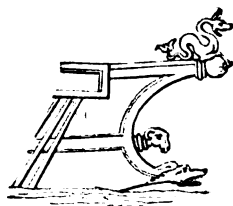

Рис. 366. Носъ корабля „Pistris“, по изображенію въ ватик. рук. Вергилія.

ставляющей собою обыкновенно то божество, подъ покровительствомъ котораго находился корабль (*tutela*). Такой эмблемой у Аттиговъ (*ἄττικὸν σημεῖον*) была фигура Аеины. На носу въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся бока корабля, утверждался какъ разъ надъ морскою поверхностью клювъ (*ἔμβολον*, rostrum) — крѣпкіе металлическіе зубы, укрѣпленные въ носовомъ бревнѣ, которые предназначались для того, чтобы пробить и потопить непріятельскій корабль.

Клювы римскихъ кораблей, о которыхъ часто упоминается у римскихъ авторовъ, и которые мы знаемъ лучше другихъ, были трехъ видовъ. Проще всѣхъ по виду былъ тотъ клювъ, употребленіе котораго напоминало собою употребленіе тарана (*aries*) при разрушеніи стѣнъ, и который былъ похожъ на этотъ послѣдній, какъ это видно изъ рис. 364., гдѣ клювъ представленъ по древнему римскому бронзовому оригиналу, найденному въ генуезской гавани. Нѣсколько иного вида клювъ представленъ нами на рис. 361. и (хотя менѣе ясно) на рис. 365. съ лѣвой стороны (*trifidum rostrum*, *tridentis*). Впослѣдствіи (при Августѣ) вошелъ въ употребленіе клювъ, изображенный на томъ-же рис. съ правой стороны,

острые зубцы котораго не выдавались надъ водою, какъ у двухъ прежнихъ, а были скрыты подъ водою, вслѣдствіе чего ихъ удары были для кораблей гораздо опаснѣе, такъ какъ за проломомъ слѣдовало сейчасъ же и потопленіе.

По обѣимъ сторонамъ клюва изъ боковъ корабля выдавались два толстыя подпертыя снизу бревна (по своему виду названныя *ἐπιπίδες*, наушники), предназначенныя для того, чтобы ослаблять наносимые непріятельскимъ кораблемъ удары. Въ нимъ же прикрѣплялись якорные канаты, которые высовывались извнутри корабля черезъ два отверстія, имѣющія видъ большихъ глазъ и называвшіеся поэтому *ὄφθαλμοί*. Оба эти отверстія изображены на помпейской картинѣ, по которой и сдѣланъ рис. 361. Наконецъ

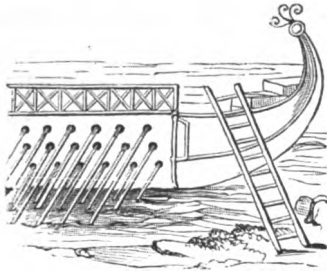

Рис. 367. Носъ трехгребнаго корабля, по ант. стѣнной картинѣ въ Римѣ.

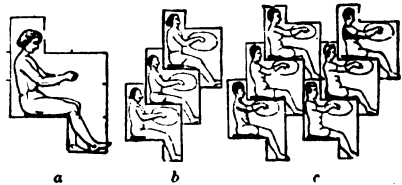

Рис. 368. Размѣщеніе гребцовъ въ трехгребномъ кораблѣ.

замѣтимъ, что носъ cadaго корабля снабжался особымъ, рѣзнымъ или живописнымъ знакомъ (*παράσημον*, insigne), которымъ одинъ корабль отличался отъ другого, и по которому они получали свое названіе, надписывавшееся тамъ-же на носу. Рис. 366. представляетъ намъ часть корабля, который по знаку своему (какой-то фигурѣ неизвѣстной намъ рыбы, носившей названіе *pistris* или *pristis*) назывался „Pistris“; онъ изображенъ здѣсь по рисунку въ ватиканской рук. Вергилія (Aen. V. 116). Вообще нужно замѣтить, что греческіе корабли всегда (а римскіе большею частію) носили имена существъ женскаго рода, преимущественно мифологическихъ.

Изъ верхнихъ частей корабля прежде всего слѣдуетъ упомянуть о мачтѣ (*ιστός μέγας*, *malus*), къ которой привѣшивались одинъ надъ другимъ два большихъ укрѣпленныхъ на райнахъ паруса (*ιστία μεγάλα*, *vela*). Надъ этими послѣдними помѣщался иногда третій парусъ, нѣсколько поменьше (*δόλων*, *dolon*), а на самомъ верху мачты (гдѣ иногда находился также марсъ, *καρχή-*

σιον, θωράκιον) развѣвались еще два маленькихъ, треугольныхъ паруса (*σίπαροι, supraga*). Сверхъ этой главной мачты у военного корабля (римскаго) было еще двѣ второстепенныхъ мачты: одна на носу, другая на кормѣ (*ἰστός ἀκάτειος*); на нихъ навѣшено было по два треугольныхъ паруса, которые въ случаѣ боковаго вѣтра можно было употребить для поворота корабле; они такимъ образомъ помогали кормилу. Отъ главной мачты шли крѣпкіе канаты къ носу (*πρότονοι*), къ кормѣ (*ἐπίτονοι*) и къ бокамъ (*κάλοι*) корабля, которые и удерживали ее въ равновѣсіи. Подобнымъ-же образомъ укрѣплялись канатами и обѣ второстепенныя мачты. Кромѣ названныхъ было еще много другихъ канатовъ, предназначавшихся для поднятія, раскладки и уборки парусовъ и т. п.

Канаты и паруса носили у тогдашнихъ моряковъ названіе висячихъ снарядовъ (*σκεύη κρεμαστά, снасти*).

На палубѣ, кромѣ значительнаго числа снарядовъ для защиты отъ солнечныхъ лучей, отъ волнъ и непріятельскихъ стрѣлъ, помѣщались якоря, лоты, шесты, лѣстницы и спасательныя лодки. Отъ солнца и падающихъ съ высоты стрѣлъ защищала расположенный надъ палубой навѣсъ (*κατάβλημα*); для защиты отъ стрѣлъ, падающихъ съ боковъ, натягивалась кругомъ корабля особая сѣтчатая ткань (*παράβλημα*). При большомъ волненіи моря весла (по крайней мѣрѣ нижнихъ рядовъ) снимались и весельныя отверстія покрывались извнѣ полосами непромокаемой ткани (*ὑπόβλημα*), чтобы вода не могла пробраться внутрь корабля.

Якоря (*ἄγκυραι, ancoraе*) болѣе позднихъ временъ въ общемъ походили на теперешніе, отличаясь отъ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что снабжались иногда ушками и снизу, что позволяло въ мелкихъ мѣстахъ забрасывать ихъ въ горизонтальномъ положеніи съ тѣмъ, чтобы зубцы ихъ тѣмъ вѣрнѣе врывались въ землю. Якорные канаты (*σχονία ἀγκύρεια, ancoralia, funes ancorales*) наматывались на воротъ (*στροφεῖον*), находившійся въ носу подъ палубой, откуда высовывали ихъ черезъ отверстія, изображенныя на рис. 361. Лотомъ (*βολίς, καταπερατήρ, perpendiculum*) назывался снарядъ, похожій съ виду на грушу, которымъ измѣрялась глубина моря. На каждомъ кораблѣ было по нѣсколько брюковъ (*κόρακες*) и шестовъ (*κοντοί*) а также лѣстницъ (*κλιμακίδες, scaelae*), употреблявшихся при выходѣ на берегъ (рис. 367.); они вѣшались на время плаванія вмѣстѣ съ канатами.

Весла (*ἔρετριόν, remus*) помѣщались съ обѣихъ сторонъ корабля, и всѣ ряды гребцовъ (*ἔρεται, remiges*), сколько бы ихъ ни

было, находились подъ палубой, ничѣмъ не отдѣляясь одинъ отъ другого; отъ нижней же палубы ихъ отдѣляли только рѣшетчатая стѣны (*διαφράγματα*). Въ подпалубномъ пространствѣ, между корабельной и рѣшетчатой стѣнами, рядами шли мѣста для гребцовъ (*ζυγά, transtra*); самый нижній рядъ мѣстъ находился ближе всего къ корабельной стѣнѣ, затѣмъ каждый высшій рядъ приходился рядомъ съ головами гребцовъ слѣдующаго низшаго ряда (рис. 368. b). Такимъ образомъ рукоятки весель высшаго ряда отстояли отъ рукоятокъ низшаго ряда только на 2 фута; онѣ были вообще короче весельныхъ лопастей, простиравшихся отъ боковъ корабля въ воду; для того, чтобы гребецъ могъ свободно владѣть весломъ, къ задней части рукоятки прикрѣплялась гири, уравновѣшивавшая тяжесть весла, такъ что гребцу оставалось только преодолѣть напоръ воды и треніе въ уключинѣ (*τροῖμα, columbarium*), которая выложена была металломъ; пропорція частей весла была 1 : 2 (въ слѣдствіи 1 : 3).

Гребцы каждаго ряда сидѣли въ одной линіи одинъ за другимъ (рис. 368. c), и весла находились одно отъ другого въ разстояніи 4хъ футовъ. Лавки гребцовъ высшаго ряда, находясь прямо надъ низшими, отступали отъ послѣднихъ на столько, сколько мѣста нужно было для головы гребца, т. е. на 1 футъ, какъ видно изъ рис. 368. a. Разрѣзъ пространства, занимаемаго однимъ гребцомъ, равнялся 8'.

Гребцы самаго низшаго ряда назывались *θαλαμίται*, среднего *ζυγῖται* и верхняго *θραυῖται*. Длина весель нижняго ряда на трехгребномъ кораблѣ, при трехфутовомъ разстояніи весельныхъ отверстій отъ морской поверхности, равнялась 7½ футамъ, среднихъ 10½ и верхнихъ 13½ и т. д. Такъ какъ разстояніе высшаго ряда отъ весла ближайшаго низшаго, измѣряемое вкось внутри корабля, равнялось 1¾ фута, а измѣряемое отвѣсно вѣнъ корабля, только 1¼ ф., то отвѣсная высота всѣхъ трехъ рядовъ равнялась 2½ футамъ: такимъ образомъ отвѣсное разстояніе третьяго ряда весель отъ морской поверхности равнялось 5½ футамъ. Какъ располагались весла съ внѣшней стороны трехгребнаго корабля, видно изъ рис. 367., сдѣланнаго по стѣнному изображенію, найденному въ Римѣ въ садахъ, принадлежавшихъ нѣкогда фарнезскому дворцу.

Въ каждомъ высшемъ ряду было обыкновенно двумя гребцами болѣе, чѣмъ въ ближайшемъ низшемъ; такъ напр. на трехгребномъ греческомъ кораблѣ валамитовъ съ каждой стороны было по 27, зигитовъ по 29 и еранитовъ по 31; слѣдовательно всѣхъ

гребцовъ вмѣстѣ было 174. Въ такой-же пропорціи было число гребцовъ на всякомъ многогребномъ кораблѣ. Чтобы всѣ гребцы гребли одновременно и не мѣшали одинъ другому, необходимъ былъ для общаго руководства извѣстный тактъ или приемъ. Для этой цѣли на каждомъ большомъ кораблѣ былъ начальникъ гребцовъ (*κλευστής*, *hortator*), который при помощи своихъ помощниковъ (*ἐπόπτης*) руководилъ греблю или посредствомъ подходящей пѣсни (*ὑποκέλευσμα*), которую всѣ гребцы подхватывали и пѣли, или (чаще всего) при посредствѣ такта, даваемого имъ особому музыканту (кларнетисту, *τριηραύλης*), подъ звуки инструмента котораго гребли гребцы. Кромѣ гребцовъ, на кораблѣ находились еще матросы (*ναῦται*, *nautae*), число которыхъ на трехгребномъ военномъ кораблѣ было обыкновенно 24, и морскіе солдаты (*ἐπιβάται*). Этыхъ послѣднихъ на греческомъ кораблѣ бывало гораздо меньше, чѣмъ въ послѣдствіи на римскихъ, такъ какъ цѣлью греческаго морскаго сраженія было сдѣлать посредствомъ быстрого маневра неприятельскій корабль негоднымъ къ бою. Это достигалось быстрымъ движеніемъ мимо него, при чемъ всѣ его весла переламывались, или ударомъ клюва, при чемъ корабль быстро тонулъ.

Корабли строились въ гаваняхъ на верфяхъ, гдѣ для cadaго военнаго корабля устраивался особый навѣсъ (*νεώσοικος*). Корабельный лѣсъ привозился большею частію изъ Фракіи и Македоніи. Размѣры кораблей были различны. Торговые и грузовые корабли (*φορταγωγοί*), которые болѣе другихъ должны были отличаться вмѣстительностью, строились такъ, что ширина ихъ равнялась даже $\frac{1}{4}$ длины. Ширина военныхъ кораблей, которые должны были отличаться быстротою хода, равнялась только $\frac{1}{8}$ и даже $\frac{1}{10}$ длины, почему они и называются длинными (*νῆες μακράς*, *naves longae*). Обыкновенный трехгребный корабль простирался въ длину на 155 футовъ, въ ширину на 14 футовъ; высота его надводной части равнялась 20, а подводной $8\frac{1}{2}$ фута; грузу подымалъ онъ 230 тоннъ (11,500 пудовъ). Пятигребный корабль имѣлъ, по изслѣдованіямъ Грасера, 175 футовъ длины, 18 ширины, 27 надводной и $11\frac{1}{2}$ подводной высоты; грузу подымалъ онъ 534 тонны (26,700 пудовъ).

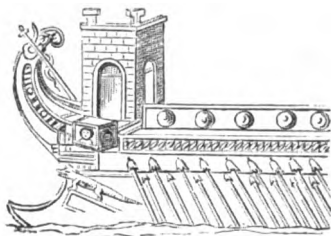

Рис. 369. Военный корабль съ башнею (*navis turrita*), по римскому барельефу.

Сами Греки опредѣляли грузъ каждаго корабля вѣсомъ таланта, напр. *ναῦς χιλιφόρος, μυριοφόρος* и т. д.

Римскій военный флотъ, какъ извѣстно, ведетъ свое начало со времени пуническихъ войнъ. Римляне, сознавая, что безъ кораблей нельзя съ успѣхомъ вести войны съ Карфагенянами, построили по образцу разбитаго бурей у бруттійскаго берега карфагенскаго корабля въ теченіи двухъ мѣсяцевъ 130 трех- и пятигребныхъ кораблей, неуклюжихъ еще и несовершенныхъ. Но, замѣтивъ скоро недостатки своихъ кораблей, они старались придать морскому сраженію характеръ сухопутнаго тѣмъ, что стали строить на своихъ корабляхъ охранныя перила и башни (отъ двухъ до четырехъ, *naves turritae*) съ дальнобойными орудіями, такъ чтобы можно было громить врага уже издали. Когда же они приближались къ нему, то притягивали его корабли при помощи крюковъ (*harpagones, manus ferreae*) на цѣпяхъ, бросаемыхъ въ снасти, и, переходя затѣмъ на корабли, рѣшали бой мечемъ. По этой то причинѣ число солдатъ на римскихъ корабляхъ (*milites classici, classarii*) далеко превышало число солдатъ на греческихъ корабляхъ; напр. на пятигребномъ римскомъ кораблѣ было 120 солдатъ. Военный корабль съ башней представленъ на рис. 369.

Перемѣна въ способѣ строенія военныхъ кораблей произошла послѣ сраженія при Акціи въ 31 году. Тяжелые многогребные греческо-египетскіе корабли много пострадали тамъ отъ легкихъ двухгребныхъ кораблей, посланныхъ на помощь Либурнами, народомъ, жившимъ тогда въ теперешней Далмаціи и Албаніи и славившимся мореплаваніемъ и морскимъ разбоемъ. Съ тѣхъ поръ строились по большей части длинныя корабли по либурнскому образцу (*Liburnae*), у которыхъ съ теченіемъ времени увеличилось число рядовъ весель. Для военныхъ цѣлей употреблялись также легкіе вѣстовые корабли (*naves speculatoriae, n. actuariarum*).

Транспортные и грузовые корабли (*naves onerariae*) особенно отличались большими размѣрами вслѣдствіе значительнаго развитія торговли. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны александрійскіе корабли. Такъ напр. общее удивленіе возбудилъ въ Аѳинахъ одинъ египетскій грузовой корабль (*Luc. de navig.*), имѣвшій 187 футовъ длины, болѣе 42 фут. ширины и столько же вышины; онъ приносилъ ежегоднаго дохода болѣе 12 талантовъ. Грузы онъ могъ поднимать приблизительно въ 1500 тоннъ (75.000 пуд.). Еще большихъ, сколько намъ извѣстно, размѣровъ былъ корабль „*Acatus*“, привезшій при Августѣ изъ Египта въ Остію обелискъ,

огромную массу папируса, перцу, полотна, 400 тысяч римских модіевъ хлѣба и 1200 пассажировъ. Но величайшій транспортный корабль нашего времени Great Eastern (Великій Востокъ) своими размѣрами далеко превосходитъ эти корабли. Онъ имѣетъ 707 футовъ длины, 86 фут. ширины и можетъ вмѣстить въ себѣ 27,000 тоннъ (137,000 пуд.) груза, или при 4000 пассажировъ еще болѣе 250,000 пудовъ груза. Обыкновенные почтовые пароходы равняются по своей величинѣ $\frac{1}{3}$ или по большей мѣрѣ $\frac{1}{2}$ упомянутаго корабля.

Въ заключеніе мы сообщимъ еще нѣсколько данныхъ о мореплаваніи.

Мореплаваніе у древнихъ ограничивалось обыкновенно только весною, лѣтомъ и осенью; къ зимѣ корабли отовсюду возвращались въ свои гавани, если только не предполагали зимовать въ чужихъ водахъ; зимою никто безъ особенной надобности не предпринималъ плаванія въ открытое море, такъ какъ въ это время особенно свирѣпствовали бережные разбойники, съ удобствомъ нападавшіе на потерѣвшіе крушеніе корабли и продававшіе людей въ рабство. Развитію мореплаванія вообще много препятствовали также нападенія морскихъ разбойниковъ, которые по временамъ до того размножились, что производили свои разбои при помощи значительнаго флота, о чемъ свидѣтельствуесть Цицеронъ въ извѣстной намъ рѣчи (pro lege Manilia). При императорахъ морское разбойничество было значительно ограничено.

Въ мартѣ мѣсяцѣ въ гаваняхъ на верфяхъ начинала снова кипѣть жизнь: корабли спускались опять въ воду (сравни Hor. carm. I. 4. Solvitur acris hiems — Trahuntque siccas machinae carinas). На сколько возможно было, корабли держались берега и плыли только днемъ; лишь около извѣстныхъ береговъ они плыли и ночью, какъ напр. изъ Путеоль въ Остію.

Изъ Рима (собственно изъ Остіи) въ Путеолы корабли приходили на третій день (теперь отъ устья Тибра до Неаполя пароходъ идетъ около 12 часовъ); въ Стабии на четвертый. Изъ Путеоль въ Александрію плаваніе, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, продолжалось, какъ говоритъ Плиній (H. N. XIX. 1), девять дней; теперь оно продолжается на пароходѣ всего четыре дня¹⁾.

¹⁾ Путеолы отстоятъ отъ Александріи 25 милями дальше, чѣмъ островъ Корфу, куда авторъ доѣхалъ изъ Александріи, при неблагопріятной погодѣ, въ $3\frac{1}{2}$ дня (84 часа).

Отправляясь изъ Италіи въ Грецію, выѣзжали обыкновенно изъ Брундусія, проѣзжали мимо Корциры, направляясь въ коринѳскій заливъ, а отсюда или сухимъ путемъ въ Аѳины, или моремъ (изъ Кенхрей) въ Пирей. Плаваніе отъ Брундусія до Корциры продолжалось 24 часа. По словамъ Ливія ¹⁾ флотъ Эмілія Павла совершилъ это плаваніе въ 9 часовъ, быстрота, конечно, необыкновенная, такъ какъ и теперь хорошему пароходу нужно не менѣе времени, чтобы проплыть это разстояніе. Объяснить эту быстроту можно только тѣмъ, что погода была крайне благопріятна, гребцы не были еще утомлены и гребли съ особеннымъ усердіемъ. Плывъ изъ Путеоль въ Коринѳ или въ Аѳины, проѣзжали мимо Тарента, направляясь въ коринѳскій заливъ (Пелопоннесъ обыкновенно не объѣзжался, какъ теперь, хотя и тогда это случалось), и плаваніе это продолжалось пять дней. Теперь изъ Аѳинъ въ Италію (въ Brindisi) можно мимо Пелопоннеса доплыть по большей мѣрѣ въ 3 дня. Пространство, проходимое кораблемъ въ сутки, равнялось среднимъ числомъ 1000 стадіямъ (25 геогр. миль), слѣдовательно скорость ихъ хода равнялась половинѣ средней скорости пароходовъ; при благопріятной погодѣ и при небольшомъ разстояніи она была вдвое больше и равнялась скорости пароходовъ. Иначе конечно было при неблагопріятной погодѣ и далекомъ пути; въ послѣднемъ случаѣ нельзя даже приблизительно сравнить древнія гребныя суда съ нашими пароходами.

VI. Богослуженіе, праздники и игры.

Греческія жертвоприношенія.

71. Жертвою и соединенною съ нею молитвою человѣкъ съ незапамятныхъ временъ приближался къ божеству во всѣхъ потребностяхъ и положеніяхъ жизни. Сознавалъ ли онъ, что оскорбилъ боговъ, онъ старался умилоствовать ихъ молитвою и дарами; нужна ли была ему ихъ помощь, онъ обращался къ нимъ

¹⁾ Liv. XLV. 41. „classem a Brundisio sole orto solvi, nona diei hora cum omnibus meis navibus Corcyram tenui.“

съ молитвами и жертвами просительными; достигалъ ли онъ наконецъ, чего просилъ, онъ не забывалъ ихъ молитвами и жертвами благодарственными.

Форма молитвъ въ героическій вѣкъ пріятно поражаетъ неподдѣльною простотою, съ какою проситель наивно напоминаетъ богу и причину, почему онъ ждетъ исполненія своей просьбы. Изъ множества такихъ прошеній приведемъ здѣсь въ примѣръ просьбу старика Хриса къ Аполлону:

Богъ сребролукій, внемли мнѣ: о ты, что хранящій обходишь
Хризу, священную Киллу, и мощно царишь въ Тефедосѣ,
Сминой! если когда я храмъ твой священный украсилъ,
Если когда предъ тобой возжигалъ и тучныя бедра
Козъ и тельцовъ, — услышь и исполни одно мнѣ желанье:
Слезы мои отомсти Аргивянамъ стрѣлами твоими!

Ил. I. 37—42. (Гнѣдичъ)

Предъ молитвою (а также и предъ жертвою) было въ обычаяхъ умывать или все тѣло, или однѣ только руки. Такъ извиняется Гекторъ Гекубѣ, говоря, что не прилично дѣлать Зевсу возліанія вина руками неумытыми (Ил. VI. 266—7). Такое-же очищеніе (*ἀπολούμινεσθαι*, поздн. *καθαρμοί*, *τελεταί*) совершалось и цѣлымъ войскомъ ахейскимъ (Ил. I. 313—314). И не только тѣло приносящаго жертву, но и одежда, и утварь жертвенная должна была быть чистою. Такъ облачается Пенелопа въ чистыя одежды, наѣбреваясь молиться и принести жертву богамъ для сохраненія сына; Ахиллесъ же очищаетъ кубокъ сѣрою и водою, прежде чѣмъ дѣлаетъ возліаніе изъ него Зевсу. Очищеніе дѣлалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ и окуриваніемъ сѣрою (*θεείον*, *θεείω* у Гом., поздн. *περιθειώσις*), которое въ древнія времена считалось удобнымъ средствомъ очищенія. Такъ Одиссей очищаетъ свой домъ, умертвивъ жениховъ.

При каждомъ храмѣ были, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшія времена, сосуды съ водою и кропила (*περιδραντήριον*), чтобы входящій, хотя символически, посредствомъ омоченія руки и окропленія могъ совершить тѣлесное очищеніе.

Молитвы совершались каждый стоя, съ непокрытой головой и держа руки обыкновенно воздѣтыми вверху; если же молитва обращена была къ Посейдону и къ нимфамъ, то руки держали въ горизонтальномъ положеніи. Съ опущенными руками молились только подземнымъ богамъ. При молитвѣ къ Эриніямъ, которая,

впрочемъ, всего одинъ разъ упоминается у Гомера (Ил. IX. 568), Алоей стоять на колѣняхъ и бить о землю руками, чтобы обратить ихъ вниманіе къ молитвѣ. Но вообще молитва съ колѣнопреклоненіемъ не упоминается и не изображается; только о просящихъ защиты (*ixétau*) говорится, что они на колѣняхъ обнимали статуи боговъ или держались за ихъ алтари.

Молитва и умиловительная жертва иногда завершались хвалебною пѣснью (пѣаномъ, *παῖνον*, поздн. *παῖνον*), которая первоначально пѣлась во славу могущества Аполлона, впоследствии — и другихъ боговъ. Желая, чтобы молитвы были дѣйствительнѣе, человекъ приносилъ въ наивности своей богамъ различные дары, о которыхъ онъ думалъ, что они будутъ имъ пріятны, — таково

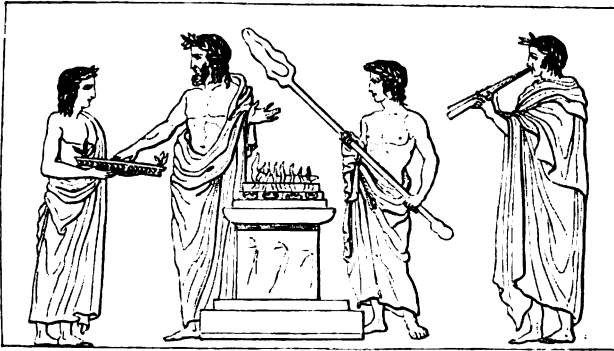

Рис. 370. Греческая жертва сожженія безкровная, по рисунку на вазѣ.

происхожденіе жертвъ. Ихъ можно различить въ древности греческой (и римской) четыре рода: Воскуреніе, которое, хотя и упоминается уже въ героическую эпоху (Ил. IX. 499; сравн. VI. 270), но получило весьма обширное примѣненіе лишь впоследствии: закигалось благовонное дерево туземное и привозное, и различныя пахучія вещества, какъ напр. мирра, кассія и ладонь (*θύος*). Воскуреніе обыкновенно соединялось съ жертвою сожженія, именно кровавою, вѣроятно для уменьшенія дурнаго запаха отъ сожигаемыхъ предметовъ. Второй родъ жертвы былъ подарокъ (*ἀνάθημα*) богу или мѣстопребыванію его, болѣе или менѣе цѣнный. Такъ напр. жрица Феоано кладетъ на колѣни статуи Аеинны красивый покровъ (Ил. VI. 302); Гекторъ общается Аполлону, что повѣситъ въ его храмѣ доспѣхи своего противника, если только побѣдитъ его въ поединкѣ

(Ил. VII. 82); Эгисей, добившись любви Клитемнестры, принесъ богамъ драгоцѣнности, золото, и ткани (Од. III. 274). Въ позднѣйшія времена богатые приносили въ даръ богамъ преимущественно драгоцѣнные треножки (*τρίποδες*) и статуи. Дары меньшей цѣнности и менѣе прочныя, какъ полевые плоды, фрукты, кушанья и т. п., предлагались богамъ или посредствомъ сожженія, или посредствомъ оставленія ихъ на алтаряхъ, откуда, нѣкоторое время спустя, ихъ брали жрецы. Въ нѣкоторые праздники не могли быть приносимы богамъ никакія другія жертвы кромѣ безкровныхъ. Рис. 370. изображаетъ намъ такую безкровную жертву сожженія. Жрецъ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ (какъ и всѣ присутствующіе) беретъ изъ корзины служителя дары для воскуренія (ладонь), чтобы бросить ихъ на огонь, который только что подоженъ другимъ служителемъ посредствомъ пакли, накрученной (?) на палку; музыкантъ (*σπονδαύλης*) сопровождаетъ священный обрядъ звуками двойнаго кларнета.

Иной родъ жертвы было возліяніе (*σπένδειν, σπονδή*) цѣльнаго вина, которое совершалось не только само по себѣ съ опредѣленною цѣлю, но и вообще при каждой жертвѣ сожженія, предъ каждымъ питьемъ (Ил. VI. 266) и всегда послѣ ѣды, а иногда и предъ отходомъ ко сну. Такъ дѣлаетъ возліяніе напр. Ахиллесъ Зевсу, когда отправилъ друга Патрокла на битву съ Гекторомъ, за счастливый исходъ боя (Ил. XVI. 230), и при томъ изъ особо назначенной для того чаши. То-же дѣлаютъ и Ахеяне за успѣхъ посольства къ Ахиллесу (Ил. IX. 171 и слѣд.). Обыкновенно возліяніе послѣ ѣды передъ питьемъ дѣлалось такъ, что изъ первой чаши немного вина въ честь боговъ выливалось на землю или на алтарь (ср. стр. 250). Нѣкоторымъ богамъ, напр. подземнымъ, нимфамъ, музамъ, Гелію и Діонису, дѣлалось возліяніе не изъ вина, а изъ смѣси воды и меда (*μελίκρατον*), или молока; нѣкоторымъ же совсѣмъ не дѣлалось.

Главными жертвами были кровавыя. Онѣ были различны, смотря по божеству, которому приносились; причины этого во многихъ случаяхъ, конечно, не извѣстны. Ясно, почему небеснымъ богамъ приносились жертвы бѣлой и свѣтлой масти, морскимъ и подземнымъ — черной, напр. Посейдону черный скотъ, Геѣ — черныя барашки; правдоподобно также и то, что вепрь напр. приносился въ жертву Деметрѣ, а козель Діонису потому, что оба вредятъ тѣмъ занятіямъ, которыя эти божества охраняютъ; Аѳинѣ же не смѣли приносить въ жертву козь оный потому, что онѣ

вредны оливомаъ. Самыми обычными кровавыми жертвами были: крупный рогатый скотъ, овцы, козы и вепри; приносили въ жертву также и лошадей (Посейдону, равно какъ и рѣчнымъ богамъ, иногда живыхъ, Ил. XXI. 131 и сл.), собакъ (Гекатѣ), позднѣе ословъ (Аполлону) и т. д. Число штукъ, смотря по состоянію приносящаго жертву, было различно. Въ поэмахъ Гомера упоминается отъ 12 до 100 штукъ скота, такъ наз. гекатомба (*ἑκατόμβη*) — слово, которымъ обозначалось каждое значительное число жертвенныхъ животныхъ, хотя бы оно далеко не доходило до ста.

Первоначально сожигается была вся жертва; но уже въ героическій вѣкъ стали сжигать въ честь боговъ лишь бедра и нѣкоторыя другія части, вѣруя, что мясной запахъ жертвы (Гом. *κνίσση*), восходящій вмѣстѣ съ дымомъ къ небу, особенно пріятенъ богамъ (Ил. I. 317; VIII. 549). Все же, что оставалось отъ жертвы, съѣдали сами приносители ея, такъ что каждая жертва соединялась съ пиромъ, какъ и наоборотъ — при каждомъ большомъ пирѣ часть убитаго животнаго отдавалась богамъ (отсюда слово *ἱερέειν* также значить вообще убивать).

Жертвенное животное должно было быть молодое (но взрослое), здоровое, безъ недостатковъ и (по возможности) не знавшее ярма (Ил. VI. 308). Только въ Спартѣ были въ этомъ отношеніи менѣе строги. Если жертва приносилась въ храмъ, то жрецу слѣдовало рѣшить вопросъ о ея пригодности, равно какъ и убѣдиться въ здоровьѣ животнаго.

Обряды, которые обыкновенно совершались при кровавыхъ жертвахъ и которые извѣстны намъ изъ Гомера, остались и въ позднѣйшія времена въ основѣ своей безъ измѣненій; поэтому мы представимъ тутъ болѣе подробное изображеніе жертвы по Од. III. 436 и сл. и по Ил. I. 458 и сл.

Тутъ художнику Несторъ, коней обуздалъ,
 Золота чистаго далъ; оковалъ онъ рога имъ телицы,
 Тщася усердно, чтобъ жертвенный даръ былъ угоденъ богинѣ.
 Воду имъ руки умытъ въ обложенной цвѣтами лозани
 Вынесъ изъ дома Аретосъ, въ другой же рукѣ онъ съ ячменемъ
 Коробъ держалъ; подошелъ Фразимедъ, ратоборець могучій,
 Съ острымъ въ рукѣ топоромъ, поразить изготовился жертву;
 Чашу подставилъ Персей. Тутъ Несторъ, коней обуздалъ,
 Руки умывши, ячменемъ телицу осмыналъ, и бросивъ
 Шерсти съ ея головы на огонь, помолился Аевнѣ;
 Слѣдомъ за нимъ и другіе съ молитвою телицу ячменемъ
 Такъ же осмынали . . . . .

Шея загнули назадъ, всёхъ зарѣзали, сняли съ нихъ кожу,
 Тучныя бедра отсѣкли, кругомъ обложили ихъ жиромъ,
 Жиръ же кроваваго мяса кусками покрыли; все вмѣстѣ
 Старецъ зажегъ на кострѣ и виномъ оросилъ искрометнымъ;
 Тѣ же приступили, подставивъ ухваты съ пятью остриями;
 Бедра сожегши и сладкой утробы вкусивъ, остальное
 Все раздробили на части: на вертелы вдѣвъ осторожно,
 Начали жарить; дожаривши, съ вертеловъ сняли и дѣло
 Кочивъ, обильно-богатый устроили пиръ; началось
 Тутъ пированье, и всё насладились пищею; когда же
 Былъ удовольствованъ голодь ихъ сладостно-вкусною пищею,
 Юпитера чашу до края наполнивъ виномъ благовоннымъ,
 Въ кубкахъ его разнесли, по обычаю справа начавши.

(Жуковскій)

Позлащать рога жертвы было при болѣе торжественныхъ
 жертвоприношеніяхъ въ обычаѣ и впоследствии; кромѣ того, го-
 лова ея обвивалась вѣнками и лентами. Если приносилась жертва
 небеснымъ богамъ, шея ея подымалась кверху и голова обра-
 щалась къ небу (какъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ), если же —
 подземнымъ, голова наклонялась книзу и кровь текла въ ямку
 (*ἐς βύθρον*). Послѣдній способъ, упоминаемый уже у Гомера, сохра-
 нялся вообще и позже при жертвоприношеніяхъ подземнымъ богамъ
 и героямъ, такъ что въ храмахъ, посвященныхъ этимъ божествамъ,
 находились ямки, выложенныя мраморомъ. Закаляли жертву болѣе
 крупную, ударяя ее въ затылокъ или остриемъ топора или нали-
 цею, и зарѣзывая ее; болѣе мелкія жертвы только зарѣзывались.
 Шерсть съ головы, которую здѣсь Несторъ бросаетъ въ огонь, раз-
 дѣлялась между присутствовавшими при жертвоприношеніи (Ил.
 III. 273) и бросалась ими въ огонь, равно какъ и толченныя ячмен-
 ныя зерна (*οὐλοχύται*), чѣмъ символически обозначалось участіе
 присутствовавшихъ въ совершеніи жертвы. Кровь, собранная въ чашу,
 выливалась вокругъ жертвенника. Лучшія части внутренностей,
 какъ-то: сердце, печенка, селезенка и легкія, зажаренныя, были
 съѣдаемы присутствующими, между тѣмъ какъ жертвенныя части
 сожигались на жертвенникѣ (а чтобы эти послѣднія съ трескомъ
 не разлетались въ огнѣ, мальчики придерживали ихъ вилами); жерт-
 венный пиръ начинался послѣ сожженія жертвенныхъ частей. Если
 жертва совершалась въ храмѣ, извѣстная часть ея принадлежала
 жрецамъ (*θεομορία*); остальное уносилось домой. Иногда жертвенный
 пиръ устраивался и дома.

Относительно времени жертвоприношенія слѣдуетъ замѣтить,

что для небесныхъ боговъ избиралась пора дополуденная, для подземныхъ — подвечерняя. Въ великія торжества, напр. въ Панаѳеней и др., приносились иногда въ жертву и гекатомбы, и угощаема была цѣлая община (*δημοδομία, ἐστίασις*). Нѣкоторыхъ жертвъ ѣсть люди не смѣли, и поэтому животное отдавалось богу цѣликомъ, или бросалось въ рѣку либо въ море (какъ напр. кони рѣчнымъ богамъ и Посейдону), или же всё части сожигались (*ὀλοκαύστων, ὀλοκαύματα*, всесоженіе), и пенель зарываемъ былъ въ землю или собирался въ ямку, въ которую, какъ мы замѣтили выше, выливалась кровь жертвы, что всегда было въ обычаѣ при жертвоприношеніяхъ подземнымъ богамъ, героямъ и покойникамъ (*ἐντέμνειν, ἐναρίζειν, ἔντομα, ἐναρίσματα*).

Рядомъ съ пиршествомъ упоминаются при жертвоприношеніяхъ общія молитвы (какъ напр. Од. III. 447), пѣніе (Ил. I. 472) и пляска (Ил. XVI. 183). Приносить жертву можно было всякому, и не было надобности въ особомъ жертвоприносителѣ; однако же упоминается уже въ героическій вѣкъ жертвоприноситель, называемый *θυοσκόος*, какой то предсказатель, прозрѣвавшій въ будущее по жертвенному пламени и дыму.

Жертвоприноситель и всё участвовавшіе въ жертвоприношеніи, омывши руки, увѣнчивали себѣ голову (это, впрочемъ, вошло въ обычай только въ историческія времена) вѣнками изъ вѣтвей обыкновенно того дерева, которое было посвящено богу, или обвязывали ее по крайней мѣрѣ шерстяными повязками. Преступники не имѣли права украшать себя этимъ вѣнкомъ; равнымъ образомъ не клали его на голову и тѣ, которые были въ траурѣ. При самомъ жертвоприношеніи необходимо было сохранять тишину и благоговѣніе, ибо священнодѣйствіе нарушалось всякимъ непристойнымъ словомъ и звукомъ (*δυσφημία*, Soph. Philoct. v. 10); поэтому предъ жертвоприношеніемъ жрецъ всегда обращался къ присутствующимъ со словомъ: *εὐφημεῖτε* — благоговѣйте!

Кромѣ только что упомянутыхъ жертвъ упомянемъ еще вкратцѣ о жертвахъ, приносившихся съ особыми, исключительными цѣлями, а именно о жертвахъ гадательной, клятвенной и умилостивительной.

Гадательною жертвою называлась такая, при совершеніи которой приносившій прежде всего имѣлъ въ виду изъ внутреннихъ жертвы получить какое нибудь указаніе на исходъ затѣяннаго предпріятія. Такія жертвы совершались всегда предъ битвой, и при томъ часто предъ самымъ ея началомъ, такъ что,

вслѣдствіе поспѣшности, вышеприведенные обряды обыкновенно не соблюдались, но жертва только закалалась, и внутренности ея осматривались. Спартанцы, предпринимая какой нибудь походъ, всегда брали съ собою запасъ жертвенныхъ животныхъ. Въ героическія времена этотъ родъ жертвы еще не встрѣчается; тѣмъ не менѣе кажется, что между Эллинами онъ происхожденія давняго и туземнаго, вѣроятно дельфійскаго. По крайней мѣрѣ мы видимъ его въ 6 вѣкѣ систематически учрежденнымъ и совершаемымъ особыми прорицателями (*μάντις*), которые съ этой цѣлью сопровождаютъ полководца въ походъ. Въ отношеніи гаданія важнѣйшими внутренностями были: печенки, именно мочки ихъ (*λοβοί*), которыя бываютъ различно развиты, и иногда совершенно отсутствуютъ, чему придавалось много значенія; печенки безъ мочежь (*ἄλοβα*, отс. *ἰερά ἄλοβα*) были зловѣщимъ предзнаменованіемъ (Xen. Hell. III. 4, 15; Plut. Ages. 9). Важны были также мѣста, гдѣ жилы входятъ въ печеньку, равно какъ краска и гладкость ея. Кромѣ печени наблюдались желчь, селезенка, легкія и сердце. Если предзнаменованія первой жертвы не были благоприятными, убивалась другая богамъ-спасителямъ (*θ. ἀποτρόπαιοι, σωτήρες*) и т. д., пока не добивались благоприятныхъ (*καλλιερεῖν*), или же на время отступали отъ задуманнаго предпріятія. Чтобы полководецъ не былъ обманутъ жрецомъ, надо было, чтобы и самъ онъ хоть нѣсколько былъ знакомъ съ искусствомъ прорицанія, и чтобы жрецъ вполне былъ подчиненъ ему. Самыми пригодными для этихъ гаданій былъ крупный и мелкій животными скотъ, обыкновенно взрослый, но иногда и не взрослый.

Менѣе важны, но все же тщательно наблюдаемы были многія другія примѣты, являвшіяся при жертвоприношеніяхъ, напр. вспуhalo ли жертвенное животное или нѣтъ, какъ горѣлъ огонь на жертвенникѣ, и подымался ли огонь и дымъ вверхъ или опускался внизъ и т. д. Такого рода гаданіе Греки называли *ἐμπυρομαντεία*.

Клятвенныя жертвоприношенія совершались для подтвержденія присяги, такъ какъ при жертвоприношеніяхъ вѣрили въ личное присутствіе боговъ; такія жертвы обыкновенно были безкровныя, въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ и кровавыя, напр. при государственныхъ договорахъ или въ нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлахъ. Присягающій касался приготовленныхъ къ соженію кусковъ жертвеннаго животнаго; при договорахъ обмазывали руки и оружіе въ его крови. Изъ клятвенной жертвы ничто не могло быть потреблено; поэтому приносились въ жертву и нѣкоторыя такія животныя, которыя въ пищу не употреблялись.

Умиловительныя жертвоприношенія, значеніе которыхъ состояло, какъ и у другихъ древнихъ народовъ, въ томъ, что боги вмѣсто крови виновныхъ людей принимали кровь убитаго животного, — совершались часто съ обрядами, напоминающими стародавній, вѣроятно изъ Финикіи проникшій въ Грецію обычай чело-вѣческихъ жертвъ¹⁾, и притомъ совершались онѣ всегда такъ, что изъ жертвы ничего неупотреблялось въ пищу. Человѣческія жертвы кое гдѣ сохранялись еще и во времена историческія; но для нихъ уже назначались только приговоренные къ смерти преступники. Въ болѣе же позднее время чело-вѣческихъ жертвъ мы уже вовсе не встрѣчаемъ: онѣ были уничтожены и замѣнены жертвоприношеніями животныхъ и разныхъ вещей, символически представлявшихъ въ этомъ случаѣ чело-вѣка.

О жертвенникахъ и алтаряхъ, на которыхъ совершались жертвы, мы упомянули, когда говорили о храмахъ. Къ этому прибавимъ, что, кромѣ храмовъ и ихъ окрестности, были жертвенники и въ другихъ мѣстахъ, какъ то на площадяхъ (напр. въ Афинахъ жертвенникъ двѣнадцати боговъ), въ присутственныхъ мѣстахъ, на вершинахъ горъ и наконецъ въ каждомъ большомъ домѣ алтарь Аполлона (около преддверья), Зевса, Гестіи и домашнихъ боговъ (ср. стр. 102); гдѣ не было мѣста, ограничивались нишами и шкафами съ бюстомъ или изображеніемъ божества. Само собою разумѣется, что домашніе алтари (а равно и алтари героевъ) не были такой величины и такого устройства, какъ алтари въ храмахъ; назывались они обыкновенно *ἑσχάραι* (очаги), а не *βωμόν*. Нѣкоторыя изображенія жертвенниковъ мы представимъ ниже, при описаніи римскихъ жертвоприношеній.

72. Такъ какъ жертва, важнѣйшій посредствующій актъ между богомъ и чело-вѣкомъ, могла совершаться кѣмъ бы то ни было, то и не было по греческимъ воззрѣніямъ никакой надобности въ особомъ жреческомъ сословіи. У Гомера каждый царь есть вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецъ.

Со временъ, изображенныхъ въ стихотвореніяхъ Гомера, *жрецы* являются единственно только въ качествѣ служителей какаго нибудь бога при его храмѣ; они совершали въ извѣстныя торжества въ честь бога молитвы и жертвы (откуда *ἀρητήρ* — проситель и *ἱερεὺς* — жертвоприношитель), а если приносилъ жертву кто нибудь изъ вѣрующихъ, то они при этомъ были его руководи-

¹⁾ Павсаній называетъ ихъ „жертвами чужими“ (*θν σία ξένη*, VII. 18, 8.

телями, наблюдая, чтобы все совершалось по установленному обряду правильно, за что имъ доставались извѣстныя выгоды и вознагражденія. Никакихъ другихъ обязанностей, какъ преподаваніе религіи и проповѣдь, они не имѣли, такъ какъ греческая древность этихъ обязанностей вообще не знала. Жрецы и жрицы нѣкоторыхъ божествъ носили также особыя названія, относящіяся къ содержанію обрядовъ.

Смотря по тому, былъ ли храмъ учрежденъ частными лицами или общиною, жреческій санъ былъ или наслѣдственный (обыкновенно въ родѣ основателя), или же избирательный, но такъ, что съ теченіемъ времени становился нерѣдко наслѣдственнымъ, переходя отъ отца къ сыну, или, если сына не было, то къ старшему въ родѣ. Иногда дѣло рѣшалось и жребіемъ. Упоминается также о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ жречество могло быть продано или куплено.

Для поступленія въ жреческую должность, которая была большею частію пожизненною, требовалось всегда право гражданства, безпорочность и тѣлесная безукоризненность; какихъ нибудь особыхъ познаній, кромѣ тѣхъ, которыя относились къ культу, и которыя были очень скромны, — не требовалось; на сословіе не обращали вниманія въ принципѣ, хотя въ государствахъ, устроенныхъ олигархически или вообще аристократически, предоставлялось это званіе большею частію лицамъ высшаго сословія. Что касается пола, то богослуженіе въ храмахъ нѣкоторыхъ божествъ совершалось также жрицами, а относительно возраста должно сказать, что нѣкоторыя богослуженія могли совершаться только молодыми людьми. Съ культомъ нѣкоторыхъ божествъ было соединено временное или пожизненное безбрачіе. Кромѣ того, различными культурами предписывались и разныя узаконенія о пищѣ; такъ напр. жрица Аѣины Полиады въ Аѣинахъ не имѣла права употреблять въ пищу козьяго молока и мяса.

Помощниками жрецовъ были: глашатаи (*κήρυκες, ἑροκήρυκες*), которые предъ нѣкоторыми народными празднествами оповѣщали „святой миръ“, предъ молитвами и жертвоприношеніями вызывали къ тишинѣ, а иногда подсказывали собранію вѣрующихъ также молитвы, тамъ же, гдѣ не было другихъ лицъ жреческаго сана, исполняли и другія службы. При богатыхъ храмахъ было много служителей: такъ упоминаются виночерпійи съ верховнымъ виночерпіемъ (*ἀρχινομοχόος*) — какъ помощники при возліаніяхъ, кадилъщики (*ἐπιθυσιατορες*) и различныя носильщики богослужебной

утвари (*ιεροφόροι*) при торжественныхъ процессіяхъ; наконецъ пѣвцы и пѣвицы, трубачи, кларнетисты и другіе музыканты.

Наконецъ упомянемъ объ одеждѣ и нѣкоторыхъ жреческихъ знакахъ отличія. Одежда была по закону бѣлаго цвѣта, который, по словамъ Платона, всего пріятнѣе богамъ, но также и пестрая, какъ напр. у жрецовъ Діониса, которые носили одежды шафраннаго цвѣта съ пестрыми узорами. Въ праздники нѣкоторые жрецы и жрицы надѣвали одежды, похожія на одежду статуи бога. Знакомъ отличія жреческаго сана былъ длинный жезлъ (см. стр. 190) и вѣнокъ изъ вѣтвей дерева, посвященнаго богу. Если можно было, жрецы имѣли свое жилище въ оградѣ храма или по крайней мѣрѣ недалеко отъ него, и содержались жертвенными дарами, которые въ нѣкоторыхъ храмахъ вообще были значительны, такъ какъ съ каждой жертвы имъ по праву принадлежала (по крайней мѣрѣ въ Атикѣ) четвертая часть потроховъ, часть мяса и кожа, равно какъ и денежное вознагражденіе за совершеніе жертвы и доставленіе нужныхъ для того дровъ и снарядовъ. Если храмъ имѣлъ частные доходы, то отъ нихъ жрецы получали извѣстную часть, служившую вмѣстѣ и вознагражденіемъ за управленіе храмовымъ имуществомъ, въ которомъ они должны были давать отчетъ. Дозказательствомъ важности жреческаго сана были переднія почетныя мѣста (*προεδρία*) въ театрѣ и при торжествахъ, освобожденіе отъ всѣхъ общественныхъ повинностей и военной службы, равно какъ и то, что въ нѣкоторыхъ государствахъ лѣтосчисленіе велось по годамъ службы верховнаго жреца. Нѣкоторые роды жречества придавали лицамъ особую святость. Въ большомъ почетѣ были жрецы нѣкоторыхъ знаменитыхъ оракуловъ. Въ другихъ отношеніяхъ жрецы были въ полномъ подчиненіи законамъ своего государства; такъ напр. предъ своимъ избраніемъ они подвергались соотвѣтствующему экзамену; а если управляли храмовымъ имуществомъ, то должны были, какъ было сказано, отдавать обществу отчетъ. Иерархическаго устройства между ними совсѣмъ не было.

Верховными жрецами въ давнія времена были греческіе цари, а послѣ уничтоженія царскаго достоинства, — должностныя лица, которые исполняли жреческія обязанности прежнихъ царей, нося иногда даже титулъ царя (*βασιλεύς*).

Этимъ должностнымъ лицамъ принадлежало право приносить жертвы отъ государства различнымъ богамъ и распорядиться празднествами въ дни, посвященные имъ, равно какъ и на судѣ разбирать всѣ дѣла, касающіяся культа. Въ Афинахъ первое въ

этомъ случаѣ мѣсто занималъ *ἄρχων βασιλεύς*, который распоряжался элевсинскими и ленеискими празднествами, анеестеріями и т. д.; рядомъ съ нимъ въ свою очередь нѣкоторыя религіозныя обязанности несли первый архонтъ и архонтъ-воевода.

Римскія жертвоприношенія.

73. Римскія жертвоприношенія, подобно греческимъ, были двоякаго рода: общественныя (*sacra publica*) и частныя (*s. privata*). Первые совершались отъ общины государственными жрецами по поводу важныхъ государственныхъ событій; послѣднія — отдѣльными лицами или семействами и родами.

Обряды при общественныя жертвоприношеніяхъ были такіе: Въ праздничной (обыкновенно бѣлой) одеждѣ, тихо и съ понижшею головою входили вѣрующіе, по возможности выкупавшись въ текучей водѣ, или по крайней мѣрѣ окропивъ себя водою изъ кропильницы (рис. 371.), находившейся въ притворѣ, и украсивъ свои головы вѣнками. Когда жертвоприношеніе должно было начаться, глашатай призывалъ народъ словами „*favete linguis*“ къ тишинѣ, такъ какъ по римскому (какъ и греческому, срав. стр. 120) обряду, жертвоприношеніе могло быть нарушено даже громкимъ разговоромъ.

Предъ изображеніемъ бога въ храмѣ жрецъ совершаетъ прежде всего молитву (*precatio*), стоя съ поднятыми кверху руками, и имѣя лице полузакрытое тогой (противъ греческаго обычая), чтобы въ глаза его не бросилось ничего, что могло бы нарушить набожное настроеніе; впрочемъ иногда онъ молился и съ колѣнопреклоненіемъ, касаясь руками алтаря. Окончивъ молитву, жрецъ вмѣстѣ съ народомъ отходитъ къ жертвеннику въ ограду храма (см. стр. 22), куда служитель (*pora*) со своими помощниками привелъ уже жертвенное животное.

Жертвами служатъ для боговъ только самцы, для богинь — самки, и бываютъ или большія, *victimae*, т. е. быки и коровы, или меньшія, *lactentes, hostiae*, т. е. овцы, телята, козы и поросята. Жертвенное животное должно быть безъ недостатковъ и вполне здоровое, почему и бываетъ сначала жрецами тщательно осмотрѣно. Для жертвоприношенія голова животного обвивается бѣлыми шерстяными лентами (*vittae*) и повязками (*infulae*, рис. 372), иногда рога его позолочиваются; затѣмъ ведутъ его на привязи

(которая, однако, не должна быть натянута такъ, чтобы приходилось тянуть животное силою — это означало бы несчастье) къ жертвеннику, тоже украшенному вѣнками и шерстяными повязками. Тутъ жрецъ начинаетъ освящать жертву. Онъ поливаетъ при звукѣ кларнета сначала голову ея смѣсью ключевой воды съ виномъ, самъ ее пробуетъ и даетъ пробовать присутствующимъ (*libatio*), сыплетъ на голову ея толченую поджаренную полбу съ солью (*mola salsa*, отсюда *immolare* тоже, что приносить жертву) и, выстригши часть волосъ ея на головѣ, бросаетъ ихъ въ огонь (*Verg. Aen. VI. 245*; ср. стр. 419); потомъ проводитъ ножомъ черту отъ лба наискось къ хвосту, и словами *macta est* оканчиваетъ посвященіе. Съ вопросомъ „*agone?*“ (начинать-ли мнѣ) приближается къ жрецу служитель, и когда тотъ словами „*hoc age!*“ (совершай это) даетъ

Рис. 372. Голова жертвы, обвитая шерстяными повязками (*infulae*), по рим. барельефу.

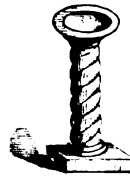

Рис. 371. Храмовая кропильница (*περιφαιτήριον, labrum?*) изъ Помпей.

Рис. 373. Либація предъ жертвоприношеніемъ, по изображенію на Траяновомъ столбѣ въ Римѣ.

согласіе, служитель топоромъ или жертвеннымъ молотомъ убиваетъ жертву; затѣмъ *cultrarius* разрѣзываетъ ея горло жертвеннымъ ножомъ. Кровь собирается въ чаши, и смѣшанная съ виномъ и солью возливается на жертвенникъ и вокругъ него. Жертва возлагается на жертвенный столъ (*anclabris*), поливается виномъ и посыпается ладаномъ, затѣмъ разрѣзывается, и длинными ножами (*secespitae*) осторожно вынимаются внутренности, вслѣдъ за чѣмъ жертвогадатели (*haruspices, extispices*) тщательно ихъ осматриваютъ; но объ этомъ будетъ сказано ниже.

Если все было найдено въ хорошемъ состояніи, жертвоприношеніе считалось благоприятнымъ (*litare*), и совершеніе обрядовъ продолжалось; въ противномъ случаѣ приводилось второе и третье животное (*succidanea hostia*), которыхъ при торжественныхъ жертвоприношеніяхъ всегда было наготовѣ нѣсколько (*Suet. D. Jul. c. 81.*).

Но при жертвоприношеніяхъ частныхъ лицъ и бѣдныхъ людей это не всегда было возможно, и Римляне прибѣгали въ этомъ случаѣ къ символическому жертвоприношенію, принося въ жертву фигуру животного, сдѣланную изъ тѣста либо изъ воска.

Между тѣмъ какъ жертвогадатели осматривали внутренности (см. стр. 430), жрецъ приносилъ ладонъ и жертвенный пирогъ (*libum*, изъ сыру, пшеничной муки, яицъ, масла и меду), сожигая то и другое на жертвенникѣ, при которомъ произошло закланіе. Рис. 373. представляетъ императора Траяна, совершающаго эту либацію.

Рис. 374. *Suovetaurilia* (тройная жертва), по римскому барельефу.

Рис. 375. *Suovetaurilia* (тройная жертва), по барельефу на Константиновой аркѣ.

Около него стоятъ при жертвенникѣ прислужникъ (*camillus*) съ ладонницею и кларнетистъ (*tibicen, spondaules*), который непременно бывалъ при каждомъ жертвоприношеніи.

Осмотрѣнныя и найденныя въ должномъ порядкѣ внутренности клались въ корзины, поливались виномъ, посыпались ладонемъ, обносились трижды вокругъ жертвенника и затѣмъ сожигались на немъ. Жрецъ призывалъ боговъ къ милостивому участію въ жертвоприношеніи, и если дымъ поднимался прямо вверхъ, не было сомнѣнія, что жертва пріятна богамъ. Священный обрядъ заканчивался такъ наз. *adoratio*. Жрецъ, обходя жертвенникъ съ поднятыми руками, прославлялъ боговъ и просилъ охраны ихъ и помощи; при этомъ онъ обращался сперва къ Янусу, затѣмъ къ богамъ, которымъ жертва приносилась, и наконецъ къ Вестѣ; потомъ, обернувшись вправо, кланялся народу и, положивъ палецъ правой руки на уста, садился.

Послѣ слѣдовавшей затѣмъ небольшой либациі народъ отпускался громкимъ „ilicet“ (т. е. i, licet = иди, можно).

Послѣ жертвоприношенія, если оно было частное, часто слѣдовала пирь. Мясо и жертвенные пироги (иногда и другія кушанья) съѣдались жертвоприносителемъ, его семьею и гостями. Если пира не было, мясо отдавалось жрецамъ и ихъ помощникамъ.

Самою торжественною общественною жертвою была гекатомба, часто совершаемая при триумфахъ (хотя и не приносилось непременно 100 штукъ скота), и рядомъ съ нею *suovetaurilia* (у Грековъ *τριτῦα*, ср. Гом. Од. XI. 131) приношеніе въ жертву быка, барана и кабана. Самою обычною была эта послѣдняя жертва тоже

Рис. 376. Алтарь пенатовъ при имплевіи въ обновленномъ атриіи дома Діоскуровъ въ Помпеяхъ.

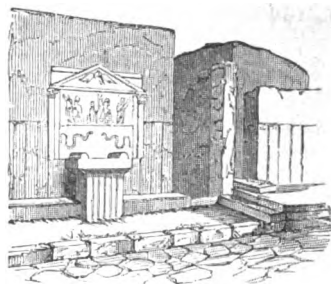

Рис. 377. Алтарь общественныхъ ларовъ (*lares publici*) на помпейской улицѣ.

при триумфахъ и по истеченіи каждаго *lustrum*, но также и въ другихъ случаяхъ, когда нужны были примиреніе и очищеніе.

Животныхъ вели въ процессіи вокругъ мѣста или собранія, которое подлежало очищенію, и затѣмъ приносили въ жертву. Рис. 374 изображаетъ намъ такую жертву въ обыкновенномъ видѣ. Болѣе торжественную изображаетъ арка Константина (нѣкогда Траяна) въ Римѣ (рис. 375.); на ней представленъ императоръ Траянъ, одѣтый въ тогу, и среди чиновниковъ и знаменосцевъ при звукѣ военныхъ трубъ приносящій жертву изъ вина и ладона, между тѣмъ какъ служители держатъ на готовѣ быка, барана и кабана.

При жертвоприношеніяхъ подземнымъ богамъ соблюдались въ нѣкоторыхъ подробностяхъ иные обряды. Жертвоприносители были одѣты въ черныя платья, и жертвенныя животныя были черной масти; при закланіи имъ держали головы, наклонивъ къ землѣ, и зарѣзывали ихъ снизу вверхъ; кровь сливали

въ приготовленную ямку (см. стр. 419) и всё части должны были сожигаться: ничто не шло въ пищу.

Что въ Римѣ во времена республики въ години необычайныхъ общественныхъ бѣдствій приносили умиловительныя человѣческія жертвы, объ этомъ свидѣтельствуетъ Ливій (XXII. 57), ясно впрочемъ замѣчая, что это обычай не римскій (*minime romanum sacrum*).¹⁾ Такія жертвы упоминаются иногда и въ императорскія времена (Suet. Aug. 75; Flav. Vop. Aurel. 20; Heliog. 18).

Кромѣ кровавыхъ жертвъ было много родовъ жертвъ безкровныхъ, состоявшихъ изъ вина, молока, меда, ладона, фруктовъ и печени. Съ упадкомъ римской религіозности кровавыя жертвы становились все болѣе и болѣе рѣдкими.

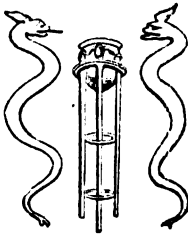

Рис. 378. Изображеніе генія-хранителя (*genius loci*), по картинѣ изъ Траяновыхъ термъ.

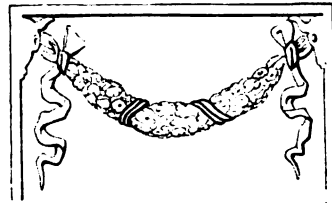

Рис. 379. Алтарный вѣнокъ, перевитый лентами, по римскому мраморному оригиналу.

Здѣсь встаетъ скажемъ нѣсколько словъ о жертвогадателяхъ и ихъ гаданіяхъ.

При каждомъ жертвоприношеніи, съ которымъ было соединено гаданіе по внутренностямъ убитой жертвы (*haruspicina*), а такимъ жертвоприношеніемъ была почти каждая большая кровавая жертва, исключая жертвъ умиловительныхъ, важную роль играли т. н. жертвогадатели, *haruspices*²⁾, *extispices*. Искусство это и истолкователи его были, по мнѣнію самихъ Римлянъ (Cic. Div. II. 23), происхожденія этрускаго; въ древнѣйшія времена по

¹⁾ Вѣроятно этрусскій, такъ какъ въ Этруріи человѣческія жертвы были обычнымъ явленіемъ.

²⁾ Древніе производили это слово отъ *haruga* (жертва) и *spicere* или *spicere*; производство же его отъ греческаго *ἱεροσκοπος* (или отъ *θεοτ. ἱεροσκοπος*), какъ противорѣчащее самому дѣлу, неправдоподобно.

крайней мѣрѣ они очень часто призывались въ Римъ изъ Этруріи, пока наконецъ не поселились тамъ (какъ и въ другихъ городахъ) навсегда. При императорѣ Клавдіи жертвогадатели составляли уже многочисленную коллегію (60), имѣя во главѣ своего начальника (*magister publicus*). Они упоминаются еще и во времена Гонорія (419 по Р. Хр.).

Для гаданія важнѣйшими внутренностями были (какъ и при подобномъ гаданіи греческомъ): печенка, желчь, легкія и сердце. Печенка раздѣлялась на двѣ стороны, т. н. дружественную (*familiaris*) и враждебную (*hostilis*), на что обращали вниманіе на войнѣ; главное же вниманіе обращали на мочки печенки, особенно на такъ назыв. головку (*caput*) ихъ. Не было этой „головки“, — это означало неудачу и несчастье; была она раздѣлена на двое, — разрывъ и вражду; если недоставало куска, или оказывалась какая нибудь рана или зарѣзъ (*fissum, limes*) между мочками, — перемѣну и переверотъ въ прежнемъ положеніи. Если замѣчался какой нибудь порокъ въ легкіяхъ, то надо было отложить предпринятое дѣло, а если совсѣмъ не было сердца (думали, что и такъ могло быть), то это грозило большимъ несчастьемъ. Кромѣ того жертвогадатели послѣ понтификовъ были главными заклинателями необычайныхъ чудесныхъ явленій (*procurare prodigia*). Вѣра въ знаніе этихъ гадателей была въ древнія времена всеобщаю; и хотя во времена Цицерона, по крайней мѣрѣ между просвѣщеннѣйшими, она уже значительно ослабѣла (*Cic. Div.* часто, см. въ особенности II. 24), тѣмъ не менѣе полководцы и впоследствии императоры пользовались на войнѣ ихъ предсказаніями.

Жертвоприношенія частныя (*sacra privata*), если были кровавыя, совершались вообще по тѣмъ-же предписаніямъ и съ тѣми-же обрядами, хотя съ меньшими расходами, какъ и жертвы общественныя. Но безкровныя жертвы были гораздо чаще. Приносило богамъ жертву или каждое частное лицо за себя, или приносилъ ее отецъ семейства (*pater familias*) за свою семью богамъ домашнимъ, или же наконецъ цѣлый родъ (*sacra gentilicia*) богу, покровителю рода, избирая въ жрецы (*flamen*) кого нибудь изъ своей среды.

Домашнихъ боговъ (*penates, dii patrii, domestici*), которыми римскому вѣрованію были души праотцевъ (*Verg. Aen.* III. 158 и 167), Римляне чтили нѣбогда при домашнихъ очагахъ, служившихъ вмѣстѣ и жертвенниками (какъ было первоначально и у Грековъ); они клали

туда часть каждаго кушанья и брызгали напитки и совершали при нихъ первую утреннюю и послѣднюю вечернюю молитву. Когда же, въ позднѣйшее время, римскій домашній бытъ и обстановка измѣнились, и очагъ былъ перенесенъ въ особую кухню (ср. стр. 114), домашнимъ богамъ стали ставить особые жертвенники или въ атрїи при импудвиі (слѣдовательно въ томъ мѣстѣ, гдѣ первоначально находился очагъ), или въ задней части дома, въ перистилѣ, гдѣ устраивались для нихъ часовенки или только ниши (aediculae, lararia, см. стр. 123, рис. 122), въ которыхъ помѣщались и ихъ статуйки металлическія, глиняныя и деревянныя. Такой алтарь, служившій для совершения возліаній, представляетъ намъ рис. 376. (и выше рис. 122.).

Часто встрѣчается скромный алтарь при самой стѣнѣ и за нимъ изображенія домашнихъ боговъ, нарисованныя на стѣнѣ, также какъ и статуи *cinctu gabino* (см. стр. 217). Но и кромѣ жилищъ, на улицахъ, преимущественно тамъ, гдѣ онѣ сходились, Римляне

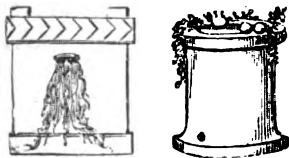

Рис. 380. Жертвенники для кровавыхъ жертвъ и возліанія, срисованные съ античной вазы и картины.

Рис. 381. Алтарь для кажденія, по античной картинѣ въ Римѣ.

ставили алтари охранительнымъ божествамъ (*lares publici, lares com-pitales, praestites*, по римскому вѣрованію души Ромула и Рема), которые, въ качествѣ охранителей города, чтились особыми празднествами (*compitalia*) дважды въ годъ; въ эти празднества навѣшивали на алтари шерстяныя куклы, чтобы, при помощи ихъ, несчастье миновало людей и постигало этихъ куколъ. И не только эти мѣста, но и вообще каждое другое имѣло своего духа охранителя (*genius loci*), изображавшагося въ видѣ змѣи, которая, живя въ земныхъ норахъ, удобно могла быть символомъ подземныхъ духовъ вообще, а слѣдовательно и даровъ (ср. Verg. Aen. V. 85 и

Serv. тамъ-же). Потому то, кромѣ изображенія ларовъ, встрѣчаются на этихъ алтаряхъ и рисунки змѣй, которые проходящимъ мимо всего лучше напоминали святость мѣста. За образецъ взяли мы одинъ помпейскій алтарь (рис. 377.); за нимъ на стѣнѣ сверху представлены изображенія ларовъ и подъ ними нарисованы двѣ змѣи, указывающія на то, что это мѣсто посвящено своему богу-хранителю. Иногда изображали самый алтарь въ формѣ треножника со змѣями подлѣ него, какъ на рис. 378.; такимъ способомъ Римляне поручали мѣсто покровительству общества.

Жертвенники и алтари по цѣли своей были довольно различны. Жертвенники для кровавыхъ жертвъ и жертвъ сожженія были бѣльшихъ размѣровъ, чѣмъ прочіе; точно также (какъ и у Грековъ) жертвенники при храмахъ боговъ бѣльше и красивѣе, чѣмъ алтари героевъ или боговъ домашнихъ и вообще низшихъ боговъ.

Въ этомъ отношеніи жертвенники и алтари различались словами: *aga*, *altar* (*altare*), *focus*, такъ, что *aga* означаетъ жертвенникъ вообще, *altare*, алтарь по преимуществу, возвышенный, а иногда въ видѣ особой ступени устроенный на первомъ (*aga*), предназначавшійся для жертвоприношеній небеснымъ богамъ (тогда какъ *aga* служила для всѣхъ вообще боговъ); напротивъ, *focus* (какъ и *ἑστία*, *ἑσχάρα*), на ряду съ собственнымъ своимъ значеніемъ (очагъ), означаетъ меньшій алтарь для домашнихъ боговъ, хотя латинскій языкъ и не дѣлаетъ тутъ строгаго различія (какъ свидѣтельствуяютъ сочетанія: *domesticae agae focique*, *agae focique*, *agae foci*, для означенія домашнихъ божествъ).

Форму жертвенники и алтари имѣли кубическую (и чаще всего продолговатую), круглую, а также многогранную. Они чаще всего дѣлались изъ мрамора, за исключеніемъ жертвенниковъ для кровавыхъ жертвъ, которые не могли быть, какъ само собою разумѣется, цѣликомъ изъ мрамора, но обладывались мраморомъ только боковыя ихъ стороны; украшены были рельефами, изображающими жертвенную утварь и черепа жертвенныхъ животныхъ, или выдолбленными вѣнками (*serta*), похожими на тѣ, которыми при жертвоприношеніяхъ увѣшивались виѣстѣ съ жертвою. Рис. 379 изображаетъ намъ одну сторону мраморнаго алтаря съ такимъ украшеніемъ. Верхняя доска жертвенника на многочисленныхъ памятникахъ имѣетъ небольшое углубленіе и по сторонамъ украшена красивыми завитками или снабжена выдающимися краями. Кромѣ того каждый жертвенникъ для

кровавыхъ жертвъ и жертвъ возліанія имѣлъ отверстіе, которымъ кровь и жидкость, изливаемая на жертвенникъ, вытекала сзади, какъ это видно на рис. 380., на которомъ вправо представленъ жертвенникъ по помпейской картинѣ, а влѣво — по изображенію на глиняной вазѣ; на послѣднемъ обозначена струя жидкости.

Алтари для жертвъ кажденія и безкровныхъ были конечно меньшихъ размѣровъ, какъ видно изъ рис. 381. и рис. 376. и 377., помѣщенныхъ выше; иногда они были переносные, имѣя форму треножниковъ (металлическихъ), какъ на рис. 375. и 378.; но часто очень искусно дѣлались изъ мрамора и металла, какъ показываетъ

Рис. 382. Алтарь въ формѣ дельфійскаго треножника, по мраморному оригиналу въ Римѣ.

Рис. 383. Шерстяная повязка (infula) съ лентами (vittae), по римскому барельефу.

рис. 382. Послѣдніе обыкновенно приносились въ видѣ подарка въ храмы и украшали залы римскихъ дворцовъ, не служа жертвеннымъ нуждамъ.

Утварь, употреблявшаяся при жертвоприношеніяхъ, была довольно многочисленна и изготовлялась совершенно согласно точнымъ предписаніямъ церковнаго обряда.

Сюда принадлежали: ладонница (асерга) и кадила (tugibulum), по формѣ и назначенію одинаковая съ кадилами, употребляемыми въ нашихъ храмахъ; жертвенная ложка (simpulum, simpurium) для вина при возліаніяхъ; узкогорлый сосудъ съ ручкой (guttus) и подобная ему деревянаго происхожденія обыкновенно глиняная capis, жертвенныя чаши (paterae), корзинки (corbes) для внутренностей (а когда еще внутренности, между тѣмъ какъ жертву клали на жертвенникъ, варились, то горшки, ollae extares); далѣе топоры и молотки (secures, bipennes, mallei); ножи длинные и широкіе (seces-pitae), короткіе ножи (cultri) и кропила (aspergillum); наконецъ

жертвенные столы (anclabris), на которыхъ убитыя животныя потрошились и четвертовались.

74. Упомянувъ о самой существенной части богослуженія, мы должны сказать также о *жрецахъ* (sacerdotes). Общественныя жертвы за римскій народъ совершали: 1. государственные жрецы (sacerdotes publici populi romani), къ которымъ принадлежало нѣсколько большихъ жреческихъ коллегій первоначально патриційскихъ, какъ-то: понтифики (pontifices) и принадлежащія къ ихъ коллегіи: rex sacrificulus, flamines и Весталки; коллегія десяти (позже пятнадцати) жрецовъ (X, XV viri sacris faciundis); коллегія семи эпулоновъ (VII viri epulones); птицегадатели (augures, послѣдніе, впрочемъ, жертвоприношеній не совершали, но только занимались гаданіемъ, и потому пользовались большимъ уваженіемъ); затѣмъ жрецы Марса и Квирина, такъ наз. саліи (salii); и, наконецъ, феціалы (fetiales); 2. жрецы для народныхъ жертвоприношеній (sacra popularia) и 3. жрецы и коллегіи для жертвоприношеній отдѣльныхъ родовъ (sacra gentilicia).

Названные государственные жрецы составляли коллегіи (collegia) и пополнялись посредствомъ выбора (cooptatio), для котораго нужно было, — по крайней мѣрѣ въ коллегіяхъ понтификовъ, авгуровъ, десяти жертвоприносителей и семи эпулоновъ, — подтвержденіе со стороны гражданъ, созванныхъ для этого въ комиціяхъ (с. tributa и calata). О способѣ избиранія верховнаго понтифіка и нѣкоторыхъ другихъ жрецовъ мы упомянемъ на своемъ мѣстѣ. Члены нѣкоторыхъ жреческихъ коллегій могли вмѣстѣ съ тѣмъ быть членами иныхъ коллегій (императоры бывали членами всѣхъ коллегій). Впрочемъ въ одной коллегіи не имѣли права засѣдать двѣ особы изъ той-же семьи; за то очень часто сыновья занимали жреческую должность по смерти отцовъ.

Пріемъ новаго члена въ жреческую коллегію всегда праздновался пиромъ (cena aditialis), въ которомъ принимали участіе и члены остальныхъ коллегій. Эти пиры были часты и прославились гастрономическою утонченностью (стр. 260 прим.). Отъ государства коллегіямъ жрецовъ отводились общинныя владѣнія (ager publicus), къ нимъ поступали денежныя пени, назначаемыя за религіозныя проступки; кромѣ того государство давало и содержало для нихъ всю многочисленную прислугу, состоящую отчасти изъ государственныхъ рабовъ, отчасти и изъ свободныхъ, каковы были: ликторы (о которыхъ скажемъ еще позже), пекари жертвенныхъ пировъ (fictores), прислужники при жертвахъ (porae, cultrarii, victi-

marii), музыканты (tubicines, при каждой жертвѣ, fidicines при обѣдѣ даваемомъ богамъ — lectisternia), „зватые“ (calatores), мальчики (и дѣвочки при жрицахъ) для подручныхъ услугъ (camilli, camillae), первоначально изъ патриційскихъ семей, которыхъ родители были еще въ живыхъ (patrimi et matrimi).

Кромѣ того жрецы имѣли еще многія другія преимущества: они были свободны отъ воинской повинности, отъ всѣхъ государственныхъ податей и не были обязаны принимать никакія должности. При играхъ и всѣхъ торжествахъ государство отводило имъ почетное мѣсто, а нѣкоторымъ, о коихъ будетъ сказано ниже, — и курульные кресла и пр. Всѣ жрецы безъ различія носили тогу, окаймленную пурпуромъ (t. praetexta, см. стр. 219), а на головѣ (по крайней мѣрѣ при жертвоприношеніяхъ) шерстяную повязку (infula), перевязанную лентами (vittae, см. рис. 383).

Понтифики ¹⁾ были изъ древнѣйшихъ римскихъ жрецовъ и относили учрежденіе свое ко временамъ Нумы. Закономъ Огулнѣвъ (300 г. до Р. Хр.) учреждены къ четыремъ патриційскимъ еще четыре мѣста плебейскія, число которыхъ Сулла увеличилъ до 15; и это число осталось законнымъ, хотя императоры и не всегда его сохраняли. Члены этой коллегіи выбирались пожизненно, первоначально посредствомъ кооптаціи, а впоследствии (съ 104 г. до Р. Хр.) въ трибутныхъ комиціяхъ. Верховный понтификъ (pontifex maximus) всегда впрочемъ избирался только въ трибутныхъ комиціяхъ. Въ позднѣйшія времена званіе верховнаго понтифика принимали на себя сами императоры. Сборнымъ мѣстомъ понтификовъ и вмѣстѣ жилищемъ верховнаго жреца служила regia, первоначально мѣстопребываніе римскихъ царей, у подножія Палатина подлѣ форума и вблизи храма Весты (который представлялъ собою общій очагъ римскаго государства), такъ какъ главнѣйшею обязанностію верховнаго жреца было наблюдать за обрядами, совершаемыми въ честь Весты, въ особенности же за священнымъ, вѣчнымъ огнемъ ея. Власть понтификовъ обнимала все римское богослуженіе и простиралась на всѣхъ въ немъ участвующихъ

¹⁾ Этимологія этого слова сомнительна. Этимологію Варрона: pontem facere (такъ какъ имъ была ввѣрена постройка и поправка древнѣйшаго моста черезъ Тибръ, моста на сваяхъ, pons sublicius) одобряетъ Моммсенъ, говоря, что понтифики были первоначально строители, которые знали тайну мѣры и счета. Этимологія Сцевола: posse-facere (sacrificare) реально болѣе пригодна, но формально невозможна. Новѣйшую этимологію см. у Marquardt'a IV. 186, pag. 10.

лицъ; имъ принадлежало право рѣшать, совершалось ли что нибудь правильно по религіозному обряду или нѣтъ, и въ случаѣ надобности назначать штрафы. При нѣкоторыхъ священнодѣйствіяхъ, какъ напр. при жертвоприношеніяхъ, совершаемыхъ въ честь боговъ отъ имени римской общины, при освященіи (*consecratio*) храмовъ, алтарей, статуй и пр., присутствіе ихъ было необходимо. Кромѣ того въ кругъ ихъ обязанностей входило веденіе римскаго календаря, т. е. установленіе, въ какой день пригодятся какіе праздники, и въ какіе дни можно заниматься гражданскими дѣлами (*dies fasti, dies nefasti*); на нихъ лежала и обязанность предотвращать слѣдствія грозныхъ, необычайныхъ явленій природы (*ostenta, portenta, prodigia*), т. е. устанавливать, какія жертвы и какимъ богамъ нужно приносить въ этихъ случаяхъ, — обязанности вообще нелегкія и требовавшія большихъ познаній. Наконецъ они исполняли также различныя важныя функціи при бракахъ, усыновленіяхъ, наслѣдствѣ и погребеніи. — Отличительнымъ знакомъ верховнаго понтифика была бѣлая барашковая шапка (*albugalerus*), а символомъ его званія, равно какъ и остальныхъ понтификовъ, — *simpulum* (см. стр. 182).

Коллегія понтификовъ, будучи высшимъ стражемъ римскихъ государственныхъ обрядовъ, смотрѣла за религіознымъ государственнымъ архивомъ, въ которомъ хранились: лѣтописи понтификовъ (*annales maximi*), т. е. веденныя рукою верховнаго жреца записки о важнѣйшихъ религіозныхъ событіяхъ; книги понтификовъ (*libri pontificii*) — перечни древнѣйшихъ узаконенныхъ религіозныхъ обычаевъ, и наконецъ записки о различныхъ постановленіяхъ коллегіи понтификовъ (*commentarii pontificum*).

Рядомъ съ этою главною коллегіею понтификовъ была еще коллегія понтификовъ низшихъ, *pontifices minores* (*Liv. XXII. 57*), т. е. писарей и помощниковъ и вообще какъ бы намѣстниковъ первыхъ, въ совѣтахъ и пиршествахъ которыхъ они и принимали участіе. Кромѣ Рима были понтифики и въ другихъ городахъ Лациі, а позже и во всей Италіи.

Верховному понтифику подчиненъ былъ (хотя по достоинству занималъ первое мѣсто между жрецами) жертвенный царь, (*rex sacrorum, rex sacrificulus*), — должность, учрежденная по изгнаніи царей вмѣсто верховнаго жреческаго сана, соединявшагося съ царскою властью въ одномъ лицѣ (какъ въ Аѳинахъ *ἄρχων βασιλεύς*). Жертвенный царь былъ всегда изъ патриційской семьи и избирался пожизненно по предложенію понтификовъ верховнымъ

понтификомъ въ комиціяхъ, имъ созываемыхъ (с. *calata*), послѣ чего происходила его инаугурація. Первоначально онъ былъ исключительно жрецомъ бога Януса, но совершалъ и другія жертвоприношенія, между которыми самымъ страннымъ было такъ наз. *regifugium* (бѣгство царей), праздновавшееся на комиціи 24 февраля: совершивъ жертвоприношеніе, жертвенный царь вдругъ пускался бѣжать, какъ-бы въ память бѣгства царей изъ Рима. Равнымъ образомъ и жена его (*regina sacrorum*) была причастна этой должности, отправляя нѣкоторыя жертвоприношенія.

Подъ властью верховнаго понтифика находились, хотя стоявшіе по своему достоинству выше его, однако имъ самимъ избираемые въ комиціяхъ (с. *calata*), инаугурованные и съ коллегіею понтификовъ соединенные жертвоприносители (*flamines*)¹⁾ главнѣйшихъ римскихъ боговъ: Юпитера (*flamen Dialis*), Марса (*fl. Martialis*) и Квирина (*fl. Quirinalis*). Первое мѣсто между ними занималъ жрецъ Юпитера, который ежедневно въ домъ своемъ (*domus flaminia*) на Палатинѣ приносилъ ему жертвы и ради этой священнѣйшей должности не смѣлъ покидать дома, кромѣ двухъ разъ въ годъ, и кромѣ того былъ ограниченъ въ своей свободѣ многими другими установленіями; такъ напр. кромѣ этой должности онъ не смѣлъ занимать никакой другой (что въ другихъ случаяхъ было въ обычаѣ и дозволено), не смѣлъ присягать, не смѣлъ видѣть какого нибудь человѣка связаннымъ или работающимъ; потому то, если ему надо было выйти, предъ нимъ шли ликторъ и глашатай и издалека обращали вниманіе каждаго работающаго на его приближеніе и вообще устраняли каждое препятствіе, и онъ самъ былъ снабженъ палкою (*commentaculum*), чтобы отгонять отъ себя ненадлежащихъ людей. Онъ не смѣлъ во все время своей должности снимать съ себя парадное платье, плотную шерстяную тогу (*laena*) и остроконечную бѣлую барашковую шапку съ кисточкой наверху (*albugaleus*), и если эта шапка случайно спала съ его головы, — онъ лишался своей должности. Наконецъ одежда его имѣла еще и ту особенность, что въ ней не должно было быть узловъ и слѣдовательно ничего сшитаго, почему она и была скрѣплена только застѣжками. Вслѣдствіе этихъ и подобныхъ причинъ случилось разъ, что эта жреческая должность не могла быть замѣщена цѣлыхъ

¹⁾ По этимологіи по всей вѣроятности (отъ *flage*, раздувать, зажигать) тоже что поджигатели (жертвъ). Древніе производили это слово отъ *filum* — тесьма (вокругъ головы), какъ-бы *flamines*.

75 лѣтъ, пока это удалось наконецъ Августу въ 11 г. до Р. Хр. Преимущества и почести, которыми онъ пользовался, были: курульное кресло (см. стр. 169), двуконная колесница, голосъ въ сенатѣ, наконецъ домъ его давалъ убѣжище преслѣдуемымъ (*asylum*). Братъ его, заключавшійся чрезъ конфарреацію (см. стр. 305), считался нерасторжимымъ, и если умирала жена, ему надлежало отказаться отъ должности. Супруга его (*flaminica*) бывала вмѣстѣ жрицею Юноны, и нѣкоторыя строгія постановленія касались и ея, именно предписанія относительно одежды и убранства. Одѣвалась она въ длинное платье, красно-желтый платокъ (*flammeum*) и вуаль съ бахрамою (*rica*, см. стр. 230); башмаки она могла имѣть только изъ кожи жертвеннаго животнаго или убитаго, но никакъ не издохшаго; волосы имѣла она собранныя въ пучекъ (*tutulus*, см. стр. 233) и переплетенные красною лентой.

Оба другіе жреца, Марсовъ и Квириновъ, имѣютъ положеніе гораздо болѣе свободное въ томъ отношеніи, что могутъ занимать въ то-же время по крайней мѣрѣ нѣкоторыя неполитическія должности; но и они не смѣютъ во все время службы своей покидать Римъ. Одежду и отличительные знаки они носили такіе-же, какъ и предъидущій фламинъ.

Кромѣ трехъ главныхъ фламиновъ (*fl. maiores*), которые были изъ патриційскаго рода и имѣли голосъ и мѣсто въ собраніи понтификовъ, было еще двѣнадцать фламиновъ низшихъ (*flamines minores*), но впослѣдствіи должность ихъ была уничтожена.

Фламины названныхъ главнѣйшихъ боговъ были какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ латинскихъ городахъ.

Обряды въ храмѣ Весты совершали дѣввы Весты, Весталки (*virgines Vestales, virgines Vestae*), состоявшія подъ надзоромъ понтификовъ, въ особенности же верховнаго понтифика. Установленіе ихъ Римляне приписывали царю Нумѣ; первоначально ихъ было четыре, впослѣдствіи шесть. Обязанностью ихъ было смотрѣть за священнымъ огнемъ, который возобновлялся на очагѣ богини Весты только однажды въ году, въ мартѣ мѣсяцѣ, треніемъ кусковъ дерева, и не допускать, чтобы онъ какимъ нибудь способомъ погасъ, затѣмъ ежедневно окроплять храмъ богини Весты водою, приносимую изъ источника Эгеріи, и украшать его лавровыми вѣтвями, молиться за благо римскаго народа и съ этою цѣлью приносить въ жертву богинѣ соленый рассоль (mugia) и толченую полбу, кромѣ того въ извѣстные дни исполнять многія другія священнодѣйствія и наконецъ охранять въ тайной цѣлѣ (*penus*

Vestae) знаменитый палладіумъ, т. е. древнюю статую богини Минервы, которую по римскому преданію нѣкогда Эней принесъ изъ Трои въ Италію.

Должность Весталокъ была не легка; поэтому нужно было, чтобы будущая жрица хорошо къ ней подготовилась. Выборъ Весталки происходилъ такимъ образомъ: верховный понтификъ, если надо было дополнить число Весталокъ, выбиралъ изъ предложенныхъ родителями для этой должности дѣвушекъ (онѣ должны были имѣть болѣе шести лѣтъ и менѣе десяти, притомъ безъ всякихъ тѣлесныхъ недостатковъ), числомъ двадцать; эти же вынимали жребіи въ комиціяхъ, собранныхъ верховнымъ понтификомъ (с. *calata*). Такую дѣвушку особою формулою наименовывалъ верховный понтификъ дѣвою Весты (*Vestalis capitur*), и чрезъ это она становилась изъятою изъ-подъ власти отца и своей семьи. Затѣмъ слѣдовала торжественная инаугурація: дѣвушка вводилась въ храмъ Весты, тутъ постригалась и облачалась въ одежду Весталокъ. Одеждою была длинная бѣлая стола и короткій холщевый нагрудникъ; на голову, обвитую лентами (рис. 384.), надѣвался бѣлый, окаймленный пурпуромъ платокъ, который подъ бородою скрѣплялся пряжкою (*suffibulum*). Здѣсь она оставалась тридцать лѣтъ, въ первыя десять лѣтъ подготовляясь къ своей священной службѣ, въ другія десять — самостоятельно ее исполняя, и въ третьи — обучая ей меньшихъ. Послѣ этого ей разрѣшалось (послѣ надлежащей эксаугураціи) выступить изъ ордена и возвратиться въ міръ, что впрочемъ, вслѣдствіе значительнаго возраста, рѣдко случалось, и Весталки оставались въ службѣ богини, пріобрѣтая въ награду за воздержаніе отъ брачной жизни слѣдующія права и преимущества: Не находясь ни подъ чьею опекою, онѣ могли свободно распоряжаться своимъ имуществомъ и дѣлать завѣщанія, а также давать на судѣ показанія безъ подтвердительной присяги и т. д. Оскорбленіе особы ихъ наказывалось смертію. Каждый долженъ былъ имъ оказывать почтеніе, и, по мановенію ликтора, которымъ всегда сопровождалась Весталка на улицѣ, издалека уступать дорогу, хотя бы то былъ и самъ консулъ; если встрѣчалась она случайно съ преступникомъ, котораго вели на казнь, онъ немедленно освобождался отъ наказанія. При всѣхъ публичныхъ играхъ (и пирахъ понтификовъ)

Рис. 384. Изображеніе Весталки, по античной модели.

имъ уступались самыя почетныя мѣста, и подобно фламинамъ онѣ пользовались правомъ ѣздить въ колесницѣ. Самыя большія почести оказывались верховной Весталкѣ (*Virgo Vestalis maxima*).

Но это почетное положеніе и священность особы не обезпечивали Весталкамъ безнаказанность. Неисправныя по должности подвергались даже тѣлеснымъ наказаніямъ, особенно если у которой нибудь погасалъ огонь на алтарѣ. Самое жестокое наказаніе постигало впрочемъ ту, которая нарушала данный обѣтъ цѣломудрія. По постановленію коллегіи понтификовъ и рѣшенію верховнаго понтифика ее выносили за „Холмовыя ворота“ (*porta Collina*) и на такъ наз. полѣ преступниковъ (*campus sceleratus*) заживо замуровывали въ гробницу.

Коллегія десяти или, какъ было съ конца республики, пятнадцати жрецовъ (*quindecimviri sacris faciundis*) была первоначально установлена царемъ Таревиніемъ (Гордымъ или Прискомъ) и состояла тогда только изъ двухъ членовъ изъ патриціевъ; но въ 367 г. число членовъ увеличено было до десяти; изъ нихъ половина избиралась изъ плебеевъ. Избраніе ихъ происходило въ трибутныхъ комиціяхъ, собиравшихся нарочно для этой цѣли. Коллегія эта была установлена для того, чтобы хранить въ тайнѣ Сивиллины книги, раскрывать ихъ (*adire*) по порученію сената въ чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ, постигающихъ государство, и найденныя въ нихъ обряды по своему усмотрѣнію совершать, а въ случаѣ надобности книги эти (ветхія) переписывать. Должность ихъ была пожизненная; пользовались они преимуществами жрецовъ вообще. Начальникъ ихъ, избираемый на годъ, назывался *magister*.

Происхожденія „Сивиллиныхъ книгъ“ надо искать во времена Солона въ Малой Азіи, при храмѣ Аполлона въ Гергиеѣ. Это былъ сборникъ греческихъ стиховъ (гексаметровъ), содержащихъ пророчества о невгодахъ и бѣдствіяхъ и вмѣстѣ дающихъ предписанія, какими обрядами и жертвами можно отъ нихъ уберечься или прекратить ихъ и умилостивить боговъ, которыхъ это касается. Всего чаще онѣ предписывали, конечно, умилостивительныя обряды въ честь Аполлона и другихъ греческихъ боговъ, равно какъ и малоазійской и дайскайской богини (*Mater Magna*), и такимъ образомъ онѣ сдѣлались причиной, что это чужое богослуженіе привилось въ Римѣ, и забота о немъ сдѣлалась второю главною обязанностью этой-же коллегіи. Сборникъ этотъ перешелъ вѣроятно изъ Кумъ малоазійскихъ прежде всего въ Кумы въ южной Италіи, оттуда въ Этрурію, и уже изъ послѣдней, по всей вѣроят-

ности при Таревиніи Гордомъ, въ Римъ (но не такъ, конечно, какъ говоритъ объ этомъ извѣстное сказаніе, см. напр. Gellius N. A. I. 19).¹⁾

Сохранялись эти книги въ capitoлійскомъ храмѣ, и когда тотъ въ 83 году вмѣстѣ съ книгами сгорѣлъ, сенатъ отправилъ нарочное посольство въ Малую Азію (въ Эриеры). Это посольство собрало здѣсь около тысячи стиховъ подобныхъ пророчествъ, которыя потомъ были дополнены многими другими, собранными по греческимъ островамъ и колоніямъ, и уложены въ новомъ capitoлійскомъ храмѣ, пока Августъ въ 12 г. до Р. Хр. не велѣлъ ихъ перенести въ роскошный храмъ Аполлона на Палатинѣ, гдѣ онѣ сохранялись до конца 4 вѣка по Р. Хр.

Подъ вліяніемъ Сивиллиныхъ книгъ введено было, какъ сказано, въ Римъ чужое богослуженіе, именно греческое, и такимъ образомъ рядомъ съ туземнымъ культомъ (*ritus Romanus*) отечественныхъ боговъ (*dii patrii*), который отправляли понтифики съ подчиненными имъ жрецами, возникъ чужой культъ, греческій (*ritus graecus*), чужихъ боговъ (*dii peregrini*), которымъ завѣдывали равнымъ образомъ члены коллегіи пятнадцати.

Изъ чужихъ божествъ главнѣйшія были: Аполлонъ, древнѣйшій храмъ котораго упоминаетъ Ливій въ 60 году послѣ изгнанія царей. По Сивиллинымъ книгамъ совершались въ честь Аполлона въ различныхъ случаяхъ: жертвоприношенія (*graeco ritu*), просительныя процессіи и такъ наз. лектистерніи, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько ниже (первая въ 397 г. до Р. Хр.), и игры (*ludi Apollinares*), которыя съ 208 года вслѣдствіе моровой язвы сдѣлались постоянными (*ludi stativi*) и состояли въ театральныхъ представленіяхъ, травляхъ, скачкахъ и, наконецъ, въ особенно славныхъ столѣтнихъ играхъ (*ludi saeculares*). Культъ первоначально туземной Діаны (= *Dea, Diva Jana*) былъ вытѣсненъ греческимъ культомъ Артемиды, равно какъ Цереры и Прозерпины, которыя первоначально у Римлянъ были только земными богинями. По крайней мѣрѣ въ 496 г. былъ посвященъ Церерѣ храмъ по указанію Сивиллы и установлены были въ циркѣ ежегодныя игры (*ludi Ceregis*). Равнымъ образомъ и культъ Аида (*Dis pater*) былъ введенъ въ Римъ и соединенъ съ культомъ Сатурна, равно какъ и культъ Меркурія, которому въ 495 году посвященъ былъ первый храмъ.

¹⁾ Что Этруски прежде Римлянъ познакомились съ греческою культурою, это несомнѣнно; а что вліяніе ея на Римъ первоначально шло черезъ Этрурію, это признаетъ, кромѣ другихъ, самъ Цицеронъ (*De republ.* II. 19, 34 и 21, 37).

И культъ Венеры былъ греческій (по туземному Венера первоначально была богинею растительности); кажется, что онъ появился въ первый разъ въ 217 г. послѣ битвы у тразименскаго озера, когда Сивиллины книги велѣли основать храмъ Венеры эриційской.

Культъ Эскулапа введенъ былъ въ Римѣ въ 293 г. во время моровой язвы въ третью войну съ Самнитами, равно какъ и культъ Геркулеса — въ концѣ 5го вѣка до Р. Хр. Наконецъ введенъ былъ въ Римѣ также культъ малоазійской богини идайской (*Mater Magna*) въ 204 г., такъ какъ по предсказаніямъ Сивиллы только тогда кароагенскій врагъ могъ быть изгнанъ изъ Италіи. Тогда съ великимъ торжествомъ привезенъ былъ символъ богини (каменный конусъ) въ Римъ, гдѣ ей построены былъ на Палатинѣ храмъ, и установлены ежегодныя игры (*Megalesia*). Жертвенные обряды постоянно совершали жрецы и жрицы изъ Фригіи; но надзоръ надъ ними имѣли тѣ-же жрецы, которые смотрѣли за Сивиллинными книгами.

Для умилостивленія боговъ во время какихъ нибудь бѣдствій Сивиллины книги устанавливали такъ наз. *lectisternium*, которое состояло въ томъ, что статуи боговъ клались на обѣденныя софы или ставились на подушки (*pulvinaria*) и имъ предлагали на убранныхъ столахъ изобильныя кушанья. По Ливію (V. 13) коллегія, о которой идетъ рѣчь (въ то время состоявшая только изъ двухъ жрецовъ), первое такое угощеніе боговъ совершала лѣтомъ 397 г. для прекращенія жестокой моровой язвы въ честь Аполлона, Латоны, Діаны, Геркулеса, Меркурія и Нептуна; тогда и всѣ граждане дѣлали то-же самое, угощая прохожихъ и незнакомыхъ, даже враговъ своихъ — при открытыхъ дверяхъ. Въ 217 г. до Р. Хр. послѣ пораженія Фламинія у тразименскаго озера (Liv. XXII. 10) угощали двѣнадцать боговъ три дня на шести софахъ (Юпитера и Юнону, Нептуна и Минерву, Марса и Венеру, Аполлона и Діану, Вулкана и Весту, Меркурія и Цереру). Этому угощенію предшествовала по закону просительная процессія (*supplicatio*), въ которой участвовало въ праздничной одеждѣ все населеніе, совершая во всѣхъ или только въ нѣкоторыхъ храмахъ молитвы и жертвоприношенія такъ, какъ предписывала коллегія пятнадцати жрецовъ, при чемъ также хоры изъ благородныхъ дѣвушекъ и мальчиковъ пѣли гимны.

Коллегія семи эпулоновъ (*septemviri epulones*) учреждена была въ 196 г. до Р. Хр. по предложенію трибуна Г. Лицинія Лукулла (чтобы облегчить понтификовъ). Въ то время эта коллегія состояла только изъ трехъ членовъ (*triumviri epulones*), которые

могли быть также изъ плебеевъ, и только позже она была увеличена до семи; въ императорскія времена число членовъ возрасло до десяти; тѣмъ не менѣе названіе *septemviri* удержалось и оставалось до 4го вѣка. Обрядовая служба эпулоновъ касалась капитолійскихъ божествъ, именно угощенія ихъ. Угощеніе въ честь Юпитера (*epulum Iovis*, никакъ не *lectisternium*) праздновалось на Капитоліи 14 ноября, и на другой день давались въ циркѣ такъ наз. плебейскія игры (*ludi plebei in circo*). Статуя Юпитера клалась на софу, статуи Юноны и Минервы ставились на стулья и на покрытые столы выставлялись обильныя кушанья; въ этомъ угощеніи принималъ участіе весь сенатъ. Но уже въ концѣ республики не обходилось ни одно большое торжество безъ угощенія народа и безъ угощенія сената на Капитоліи. Итакъ обязанность эпулоновъ была довольно трудная.

Авгуры ¹⁾, не будучи жрецами, не совершали никакихъ священнодѣйствій (*sacra*), о которыхъ заботились вообще понтифики. Они были только толкователями и хранителями древняго народнаго римскаго оракула, заключающагося въ священныхъ книгахъ (*libri augurales*), совершенно отличнаго отъ этрускаго и греческаго, и не относящагося къ изслѣдованію будущаго вообще, но только къ открытію божьей воли относительно какого нибудь предпріятія. Установленіе ихъ теряется въ сѣдой древности; уже древнее сказаніе объ основаніи Рима упоминаетъ о такихъ гаданіяхъ. Государственныхъ авгуровъ (*augures publici populi Romani*) было сначала только два (изъ патриційскаго рода); потомъ число ихъ увеличилось до четырехъ, а закономъ Огулнѣевъ (300 г.) къ четыремъ патриційскимъ присоединены были пять плебейскихъ; при Суллѣ ихъ было пятнадцать, а позже еще больше.

Первоначально члены этой коллегіи избирались царями, потомъ посредствомъ кооптаціи; позже (по закону Домиціеву 104 г. до Р. Хр.) по предложенію коллегіи они избираемы были въ собранныхъ комиціяхъ (*com. calata*) и получали инавгурацію. Должность ихъ была пожизненная и несмѣняемая; между собой они были всѣ равны. Доходы получали они изъ опредѣленныхъ, государствомъ для коллегіи назначенныхъ поземельныхъ участковъ.

Знакомъ отличія ихъ достоинства былъ жезлъ сверху загнутый и безъ сучьевъ, такъ наз. *lituus* (рис. 385.); одеждою же

¹⁾ Этимологія указываетъ на слова: *avis* и *gerere*, какъ уже объяснили древніе, что подтверждается и тѣмъ извѣстіемъ, что въ старое время говорили *auger*

тога, окаймленная пурпуромъ (praetexta), при наблюденіи знаменій натянута на голову (рис. 386.), и (по Сервію) короткій плащъ, тоже окаймленный пурпуромъ (trabea, см. стр. 223) и употреблявшійся, какъ кажется, только въ лагерѣ.

Главнѣйшими обязанностями авгуровъ были: 1. Птицегадательныя службы, которыя нужны были военачальнику, въ особенности въ позднѣйшее время, когда авгурская наука чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась болѣе сложною и болѣе обширною. Тогда то коллегія авгуровъ прикомандировывала къ полководцу, отправляющемуся на войну, кого нибудь изъ членовъ, чтобы тотъ былъ ему помощникомъ (in auspicio esse, in auspiciis adhiberi). Въ комиціяхъ они стояли обокъ консула или претора, возвѣщая въ случаѣ

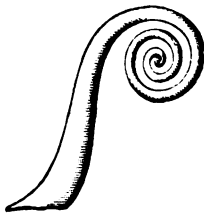

Рис. 385. Жезлъ авгура, по древне-римскому барельефу.

Рис. 386. Августъ съ кривымъ жезломъ, по Антониновой монетѣ.

надобности знаменіе, которое или вообще прерывало, или заставляло отложить предпріятіе (alio die); и это заявленіе (nuntiatio) предсѣдатель обязанъ былъ принять къ исполненію, въ противномъ случаѣ онъ подвергался проклятію (capital esto). Если же бывшаго знаменія авгуры не замѣтили, или если предсѣдатель не обращалъ вниманія на голосъ авгура, то это считалось промахомъ (vitium), и должностное отправленіе не имѣло значенія; и чиновникъ такимъ образомъ избранный (vitio creatus) не долженъ былъ вступать въ свою должность, если промахъ по запросу сената (referre, def. ad augures) признанъ былъ коллегіею авгуровъ.

Какъ важно было такое votum (responsum, decretum augurum), видно изъ того, что однажды и войско отказало въ послушаніи консулу, пренебрегшему онымъ (Liv. XLV. 12). Случалось конечно и то, что авгуры, пока избирались только изъ патриціевъ, пользовались своею властію въ ущербъ плебеевъ.

2. Инаугурація лицъ, которая нужна была нѣбогда царямъ, если они желали быть законно возведены на престолъ, впоследствии государственнымъ жрецамъ (*sacerdotes populi Romani*); когда же кто-либо слагалъ съ себя жреческую должность, то ему нужна была такъ наз. эксаугурація. Какъ первую, такъ и послѣднюю авгуры совершали подъ предѣдательствомъ верховнаго понтифика.

3. Инаугурація храмовъ и всѣхъ священныхъ мѣстъ, и даже городовъ. При закладкѣ храма или какого нибудь важнаго помѣщенія (напр. въ Римѣ куріи, ростры) нужна была инаугурація, а для отмычки ея опять нужна была эксаугурація; и та и другая происходили подъ предѣдательствомъ какого нибудь высшаго чиновника. О власти авгуровъ въ этомъ случаѣ см. *Cic. Off. III. 16, 66.*

4. Наконецъ авгуры устанавливали дни для нѣкоторыхъ подвижныхъ праздниковъ.

Кромѣ Рима всѣ значительнѣйшіе италійскіе города имѣли свои авгурскія коллегіи (*augures municipales*), и правила ихъ были довольно отличны отъ римскихъ, сохраняя древнѣйшіе мѣстные обычаи и преданія италійскихъ племенъ. Интересныя извѣстія объ авгурахъ городка Игубіа (*Gubbio*) въ Умбріи, — гдѣ, по словамъ Цицерона (*Divin. II. 33*), особенно процвѣтало авгурское искусство — даютъ тамъ-же найденныя мѣдныя доски (*tabulae Iguvianae*), относящіяся къ 4—2 в. до Р. Хр.

Прежде чѣмъ упомянуть о различныхъ родахъ авгурскаго гаданія, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о способѣ, какъ авгуры исполняли свои наблюденія.

Предъ разсвѣтомъ выходитъ авгуръ со свѣтильникомъ на мѣсто, пригодное для наблюденій, и кривымъ жезломъ своимъ раздѣляетъ мысленно мѣсто, на которомъ стоитъ, и часть горизонта, который съ своего пункта обозрѣть можетъ, на четыре части отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу; затѣмъ отдѣляетъ параллельными линіями квадратъ на горизонтѣ надъ собою и отбиваетъ подобный же квадратъ на землѣ, какъ священное мѣсто своего наблюденія (*templum*); тамъ, гдѣ линіи эти пересѣкаются (*decussis*), онъ ставитъ свою наблюдательную палатку и, помолясь богамъ, наблюдаетъ, будучи обращенъ къ югу, ту часть горизонта, которую онъ выдѣлилъ, не обращая вниманія на то, что происходитъ внѣ ея. Определенными знаменіями (*impetrata*), которыя болѣе всего годились для цѣлей авгура, были молніи или птицы; всѣ другія знаменія

были для него случайны (*oblativa*), которых онъ, если не желалъ, могъ не наблюдать. Для такого наблюденія всегда нужна была ясная и тихая погода.

Предвѣщательныхъ знаменій или авгуриій было пять родовъ. Перваго рода были т. н. небесныя знаменія (*coelestia auspicia*, *auguria*; *servare de coelo*, *ex coelo*), какъ-то: молнія, громъ и другія метеорологическія явленія. Молнія при ясной погодѣ была самымъ важнымъ знаменіемъ (*auspicium maximum*), и при томъ благоприятнымъ, если появлялась съ лѣвой стороны (*fulmina sinistra*), съ востока. Громъ и молнія при комиціяхъ были зловѣщимъ знаменіемъ и слѣд. прерывающимъ ихъ. Мѣсто, куда ударяла молнія, было у Римлянъ священнымъ. Освященіе его совершалъ авгуръ, принося въ жертву двухлѣтнее животное (*bidens*, откуда и мѣсто называлось *bidental*) для умилостивленія бога; мѣсто ограждалось стѣною въ видѣ обруба колодца (*puteal*), и носило надпись: „*fulgur conditum*“ (скрытая молнія).

Рис. 387. Священный обрубъ (*puteal*), по монетѣ рода Скрибоніева.

Всего чаще упоминается обрубъ Либонъ на Римскомъ форумѣ, который изображаетъ рис. 387., снятый съ монеты.

Другія предвѣщательныя знаменія были птичьи (*signa ex avibus*). Хотя наблюденіе за птицами было первоначально самою важною задачею авгуровъ, тѣмъ не менѣе оно въ городахъ выходило вслѣдствіе большихъ съ нимъ соединенныхъ трудностей изъ обычая, такъ что напр. при Цицеронѣ оно уже рѣдко дѣлалось.

Не все роды птицъ годились для наблюденія (*aves augurales*); при томъ никогда не наблюдались птицы и по полету и по голосу одновременно. Относительно полета были наблюдаемы птицы, называвшіяся *alites*: коршунъ, орелъ и ястребъ; и было важно, съ какой стороны она летитъ, какъ высоко, какъ быстро и т. д. Только по голосу (*oscines*) наблюдаемы были напр. воронъ, галка, сова, дятель и пѣтухъ; притомъ нужно было обращать вниманіе на силу, характеръ и быстроту голоса; такъ напр. можно было, по авгурескому ученію, у совы различать девять родовъ голоса. По полету и голосу наблюдаемы были: дятель, морской орелъ и др. Если авгуръ замѣчалъ благоприятное знаменіе, говорилось, что птицы „соизволяютъ“ (*addicunt*, *admittunt*), въ противномъ случаѣ онѣ „отказываютъ“ (*abdicunt*).“ Птицъ ради этихъ наблюденій римскіе птицегадатели по этрусскому обычаю, кажется, не выпускали.

Третій способъ птицегаданія, самый употребительный, какъ наиболѣе удобный въ военное время, было предсказываніе по клеванію священныхъ цыплятъ (*auspicia pullaria, auspicia ex tripudiis*)¹⁾. Когда надо было сдѣлать наблюденіе, ставилась клѣтка съ цыплятами наземь, на мѣсто, назначенное цыплятникомъ (*pullarius*), отворялась дверца и имъ давались въ пищу мучные шарики (*offa pultis*). Самымъ благоприятнымъ знаменіемъ было, если цыплята ѣли поспѣшно и такъ, что у нихъ пища часто выпадала изъ зобовъ (*tripudium solistimum*). Что это не всегда дѣлалось безъ обмана — легко предположить: къ поспѣшному пожиранію цыплята могли быть подготовлены голодомъ и наоборотъ можно было сдѣлать такъ, что они не желали ѣсть.

Четвертый родъ авспицій было наблюденіе четвероногихъ и пресмыгающихся (*pedestria auspicia*) въ окрестности какого нибудь храма; но онѣ употреблялись лишь изрѣдка и притомъ въ качествѣ случайныхъ (*oblativa*). Послѣ Цицеронова времени этотъ родъ авспицій прекратился совершенно.

Пятый родъ знаменій изъ явленій зловѣщихъ (*signa ex diris*) былъ всегда случайнымъ и прекращалъ предпринятое дѣло. Такихъ знаменій было почти безчисленное множество отчасти при самомъ наблюденіи въ священномъ мѣстѣ, напр. каждый случайный звукъ, нарушающій тишину, какъ паденіе какого нибудь предмета на землю, скрипъ кресла птицегадателя, глданіе мыши; отчасти предъ авспиціей и вообще предъ каждымъ дѣломъ; таковы напр.: зацѣплялся ли чиновникъ, выходящій за своимъ дѣломъ, правою ногою за какое нибудь препятствіе, попадался ли ему на пути какой нибудь звѣрь, напр. сука, волкъ, лисица или змѣя, или перелетала черезъ дорогу какая нибудь зловѣщая птица (*dira avis*) и пр. Впрочемъ всѣ эти предзнаменованія имѣли значеніе зловѣщихъ и сопровождались прекращеніемъ начатаго дѣла, но только въ томъ случаѣ, если авгуръ заявлялъ, что замѣтилъ ихъ.

Коллегія саліевъ (плясунговъ, отъ *salire*) учреждена была въ давнія времена (по римскому преданію при Нумѣ) въ честь бога Марса и имѣла свой храмъ и мѣстопребываніе на Палатинѣ (*salii Palatini*); впрочемъ рано уже присоединилась къ ней другая одинаковая съ нею по цѣли коллегія, учрежденная для служе-

¹⁾ Старинное слово *tripudium* объясняетъ Цицеронъ (*Div. II. 34, 72*) изъ *terra-pavire, terripavium*, изъ чего *t(er)ripudium*, паданіе пищи на землю. *Doederlein* отъ *terra-pedare* (πηδᾶν)? Другіе отъ *tri-podium* (*pes*). Можетъ быть въ авгускомъ языкѣ *tripudium* означало курицу?

нія воинственному сабинскому богу Квирину; она имѣла свое мѣстопробываніе на Квириналѣ (salii Quirinales). И та и другая состояла изъ 12 членовъ патриційскаго происхожденія, мужчинъ и мальчиковъ; во главѣ стоялъ начальникъ (magister), а важнѣйшею частію богослуженія распоряжались praesul (передовой плясунъ) и vates (пѣвецъ). Богослужебные обряды ихъ были такіе: Перваго марта отправлялись саліи въ храмъ Марса за тѣми 12 щитами, изъ которыхъ одинъ, по преданію (Plut. Numa 13., Ovid. Fasti III. 373. сл.), при царѣ Нумѣ во время большой моровой язвы упалъ съ неба и прекратилъ язву, и къ которому Нума велѣлъ сдѣлать другихъ 11 совершенно одинаковыхъ, чтобы тотъ небесный не могъ быть узнавъ и унесенъ. Тутъ наряжались они по предписаніямъ обряда въ вышитую пурпуромъ туніку, опоясывались металлическимъ поясомъ и надѣвали легкій панцирь; на голову надѣвали шлемъ съ острою оконечностью (арех), въ лѣвую руку брали короткій мечъ, а въ правую короткое копьё или жезль, и въ такомъ убранствѣ совершали процессію, танцуя подъ звуки трубъ (tuba) въ тактъ весьма древней пѣсни и при этомъ ударяя копьями о священные щиты, несомые прислужниками въ процессіи (рис. 388.). Эти процессіи совершались въ продолженіе нѣсколькихъ дней и оканчивались ежедневно блестящимъ пиромъ (dapes saliares) въ какомъ нибудь зданіи (mansio), принадлежащемъ обществу, гдѣ и щиты оставлялись на ночь.

Танецъ, тутъ происходившій, назывался tripudium, а старинныя пѣсни, которыхъ, по словамъ Квинтиліана, недостаточно понимали и сами саліи, назывались ахамента. Онѣ содержали прошенія къ богамъ Марсу, Янусу, Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ.

Саліи упоминаются еще въ 4мъ в. по Р. Х., но кажется, что стародавніе обряды уступили мѣсто служенію обоготворенныхъ кесарей.

Важную роль играла въ римской государственной жизни коллегія феціаловъ. Римляне не объявляли и не вели войны и не заключали мира безъ одобренія боговъ. Но чтобы все это дѣлалось въ надлежащемъ порядкѣ и справедливо, установлено было во времена царей общество феціаловъ, избираемое пожизненно изъ самыхъ почтенныхъ людей (число ихъ впрочемъ нигдѣ не опредѣляется), и имъ надлежало установить, какимъ образомъ должна быть объявлена война и заключенъ или прекращенъ миръ и договоръ, равно какъ и совершить все это самолично (что дѣйствительно очень часто дѣлалось, пока границы государства не перешли Италию).

Прежде чѣмъ объявлялась война, феціалы требовали вознагражденія (за понесенный убытокъ, за оскорбленіе посланниковъ и т. д., *res repetere*); этотъ обрядъ подробно описываетъ Ливій (I. 32). Если вознагражденіе не было дано въ срокъ 10—30 дней, дѣло представлялось сенату, и если сенатъ рѣшалъ начать войну, то отправлялся *fetialis* (такъ наз. *pater patratus*) на границу непріятельской земли и въ присутствіи по крайней мѣрѣ трехъ свидѣтелей объявлялъ войну и бросалъ туда окровавленное копье. Во времена позднѣйшія это дѣлалось въ Римѣ подлѣ храма Беллоны у военного столба (*columna bellica*) только символически. Если долженъ былъ быть заключенъ договоръ (*foedus*), вождь давалъ непріятельской сторонѣ личное ручательство (*sponsio*), и на основаніи его заключалось перемиріе; затѣмъ отправлялись послы въ Римъ, и когда условія мира были приняты, высланные феціалы заключали окончательно миръ или договоръ. Значеніе простаго ручательства и необязательность его см. у Ливія IX. 5—10; обрядъ при заключеніи договора у него-же I. 24.

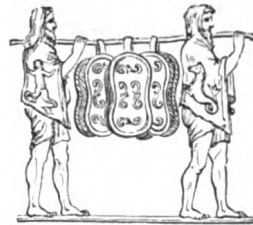

Рис. 388. Священные щиты (*ancilia*), несомые при процессіи саліевъ.

Ко второму классу жрецовъ принадлежали тѣ, которые завѣдывали общинными жертвоприношеніями, т. е. такими, которыя касались одной части общины, напр. членовъ одной куріи. Они были представителями курій (*curiones*) и жрецами ихъ, и совершали жертвы отъ общины. Куріоны были первоначально изъ патриційскихъ родовъ, впоследствии (въ 3 в. до Р. Хр.; Liv. XXVII. 8.) также изъ плебейскихъ; число ихъ было по числу курій 30, позже 35, и у каждаго былъ помощникъ, называвшійся *flamen*. Избирались они пожизненно куріями, инаугуровались и изъ среды своей выбирали верховнаго куріона (*curio maximus*). Каждая курія имѣла свое мѣсто для жертвъ и пиршествъ (*curia*, см. стр. 82). Пиршества эти отличались отъ гастрономическихъ пировъ саліевъ и понтификовъ простотою кушаній и всей обстановки, и сохраняли на себѣ печать стародавняго происхожденія, о которомъ свидѣлствуютъ также два главныя празднества: *forncalia*, праздникъ поджариванія полбы и *fordicalia*, празднество плодородія, на которомъ приносились въ жертву стельныя коровы.

Къ жрецамъ отдѣльныхъ родовъ принадлежали многочисленныя коллегіи или общества, *sodalitates*, какъ: *Luperci*, *sodales Titii*, *fratres arvales*, *sodales Augustales*.

Коллегія Луперковъ, происхожденіе которой теряется въ римской древности, и значеніе которой было темно уже и для древнихъ, избиралась первоначально изъ двухъ римскихъ патриційскихъ родовъ, Фабіевъ и Квинтиліевъ, впослѣдствіи — въ честь Г. Юлія Кесаря — и изъ рода Юліевъ. Число членовъ, выбираемыхъ пожизненно, было неопредѣленное, но значительное. Главною обязанностью ихъ была процессія въ праздникъ очищенія и умилостивленія, называемый *Lupercalia* и празднуемый въ честь Фауна-Луперка (и Юноны) ежегодно 15 февраля. Праздникъ начинался приношеніемъ въ жертву козы и собаки въ палатинской пещерѣ, называемой *Lupercal*; затѣмъ устраивался ширь, послѣ котораго подгулявшіе Луперки съ козьею кожей вокругъ бедръ и съ ремнями въ рукахъ, выкроенными изъ той-же кожи, бѣгали по улицамъ города и ударяли ими женщинъ, попадавшихся на встрѣчу. По этимъ ремнямъ, называемымъ „*februa*“, назывался день праздника *dies februatus* и мѣсяць *februarius*. По смерти Кесаря это празднество, вслѣдствіе какихъ то беспорядковъ, было прекращено, пока не возобновилъ его Августъ, и съ этого времени держалось до 494 г., когда епископомъ Геласіемъ I. вмѣсто него было установлено Срѣтеніе Господне.

Коллегія Тиціевъ (*sodales Titii*) вела происхожденіе свое отъ сабинскаго короля Тація; она учреждена была по всей вѣроятности для сохраненія сабинскихъ обрядовъ и пользовалась до временъ императорскихъ великимъ уваженіемъ.

Есть важнѣйшимъ и старѣйшимъ жрецамъ принадлежало земледѣльческое братство (*fratres arvales*), по римскому сказанію, установленное уже Ромуломъ, подъ именемъ земледѣльческихъ жрецовъ (*sacerdotes arvorum*) въ числѣ двѣнадцати. Пополнялись они кооптаціею и избирали начальника (*magister*) и намѣстника его (*pro magistro*) на годъ, затѣмъ одного фламينا и претора. Для услугъ при жертвоприношеніяхъ были при нихъ четыре мальчика изъ семей сенаторовъ; остальную службу исполняли многочисленные чиновники и прислужники. Самымъ блестящимъ образомъ проявлялась ихъ дѣятельность въ трехдневное празднество въ маѣ мѣсяцѣ, въ честь богини, называемой *Dia Dea* (которою считается *Ops*, жена Сатурна); оно праздновалось отчасти въ Римѣ въ домѣ магистрата безкровными жертвами и пиромъ предъ статуей богини, отчасти въ храмѣ и священнон рощѣ ея, находившихся въ одной милѣ за

городомъ при кампанскомъ шоссе — кровавыми умиловительными жертвами (двухъ поросятъ-сосунковъ и бѣлой коровы), равно какъ и конскими ристаніями въ тамошнемъ циркѣ. Въ императорскія времена арвальскимъ братьямъ принадлежало также торжественное провозглашеніе обѣтовъ (*nuncupatio votorum*) во здравіе и благо императора и его семьи.

Общество Августовыхъ жрецовъ (*sodales Augustales*) учреждено было сенатомъ въ 14 г. по Р. Хр. (*Tac. An. I. 54*) въ честь обоготвореннаго Августа. Состояло оно изъ 21 члена, выбираемыхъ по жребію изъ самыхъ знатныхъ людей, къ которымъ сверхъ этого числа присоединялись члены императорскаго рода. Во главѣ стояли три ежегодно избираемые начальники (*magistri*) и два пожизненные фламينا (*flamen Iulianus, Augustalis*, позднѣе также *Claudialis* и *Flavialis*). Главное мѣстопробываніе этого культа было не въ Римѣ (гдѣ были храмы Г. Юлія на форумѣ и Августа на Палатинѣ), но въ Бовиллахъ, откуда происходили Юліи. Общества Августовыхъ жрецовъ находились также во многихъ муниципіяхъ и колоніяхъ, гдѣ члены ихъ избирались декуріонами обыкновенно изъ богатыхъ отпущенниковъ. Впослѣдствіи возникли многочисленныя подобныя общества въ честь другихъ обоготворенныхъ императоровъ и императрицъ, изъ которыхъ впрочемъ многія рано прекратили свое существованіе.

Праздники и игры Грековъ.

75. Характеристическую черту религіи Грековъ составляютъ бодрость и веселость. Представляя себѣ боговъ вообще по аналогіи съ природою человѣка, Греки думали, что веселье и радость приносятъ удовольствіе и самимъ богамъ. Поэтому молитвы и жертвы ихъ соединены были часто съ пѣснопѣніемъ, танцами, торжественными процессіями, разными состязаніями и играми. Прекрасно выражается о цѣли греческихъ празднествъ Платонъ, говоря, что сами боги установили для смертныхъ празднества ради отдохновенія отъ трудовъ и присоединили къ нимъ Музъ, Аполлона и Діониса, чтобы облагородить души ихъ риемомъ и гармоніей. Потому де нужно употреблять такія пѣсни, танцы и игры, которые были бы не только цѣлесообразны, но и достойны боговъ. Что въ дѣйствительности первоначальную цѣль не всегда соблюдали, и что часто преобладала чувственная сторона надъ религіозною, это

лежитъ уже въ человѣческомъ характерѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что Исократъ прославляетъ благочестивую простоту предшествующихъ временъ, противопоставляя ее суетной пышности и безбожію своего времени.

Греческіе праздники (*ιερομηνία*) были очень многочисленны и продолжались одинъ или обыкновенно нѣсколько дней. Такіе дни были свободны отъ всякой работы и посвящались одному лишь богослуженію. Кромѣ того на время великихъ празднествъ установленъ былъ такъ наз. святой миръ (*ἐκχευίρα*), напр. въ великія злевсинія въ Атигѣ на два мѣсяца и на столько же въ меньшія мистеріи, подобнымъ же образомъ въ олимпійскія, дельфійскія и пр. празднества. Изъ великаго числа общественныхъ греческихъ празднествъ мы можемъ коснуться только нѣкоторыхъ, наиболѣе извѣстныхъ и важныхъ, и притомъ главнымъ образомъ аттическихъ, изъ остальныхъ — только четырехъ панелленскихъ. Самымъ великолѣпнымъ аттическимъ праздникомъ, о которомъ мы здѣсь скажемъ, были панаэнеи.

Панаэнеи праздновались первоначально въ память соединенія аттическихъ общинъ тесеемъ въ одно государственное цѣлое, а такъ какъ Аѣина въ аѣинскомъ Акрополѣ была его могущественной охранительницею, то и въ честь Аѣины. Праздновались онѣ ежегодно въ концѣ мѣсяца гекатомбеона (въ первой половинѣ августа) передъ самымъ новолуніемъ¹⁾. Кромѣ жертвоприношеній въ панаэнеи происходили въ древнѣйшія времена, о которыхъ мы имѣемъ извѣстія, ристанія въ колесницахъ и верхомъ; къ нимъ впоследствии присоединились гимнастическія состязанія. Пизистратиды усложнили ихъ еще чтеніемъ раясоводовъ и праздновали ихъ каждый пятый годъ съ особеннымъ великолѣпіемъ; эти то панаэнеи, въ отличіе отъ ежегодныхъ, назывались великими панаэнеями (*Παναθηναία τὰ μεγάλα*) и оставались въ неизмѣненномъ видѣ и по изгнаніи Пизистратидовъ. Дѣлами по устройству панаэнейскихъ торжествъ завѣдывали такъ наз. распорядители состязаній (*ἀθλοθέται*), всегда избираемые на четырехлѣтній періодъ.

Въ эпоху Перикла, когда достроенъ былъ храмъ Аѣины въ Акрополѣ, панаэнейскій праздникъ достигъ, подъ вліяніемъ этого мужа, полного своего блеска. Рядъ нѣсколько-дневныхъ (4—6 дневныхъ) празднествъ начинался съ добавленныхъ Перикломъ музы-

¹⁾ Только въ римскія времена — весной (кажется, въ мартѣ, какъ римскія квинкватріи въ честь Минервы).

кальныхъ состязаній (на китарѣ и кларнетѣ) въ построенномъ имъ одеоѣ (см. стр. 44) и съ хоромъ въ театрѣ; затѣмъ на другой день слѣдовали гимнастическія игры, а вечеромъ бѣгъ съ факелами (*λαμπάδδρομία*, *λαμπάς*). Побѣдители изъ участвовавшихъ въ этихъ состязаніяхъ юношей, мужей и стариковъ получали въ награду, если принимали участіе въ состязаніяхъ отъ себя лично, амфоры съ масломъ (панаѳенейскія амф., ср. стр. 190); если же они участвовали въ состязаніяхъ отъ имени филъ, то почетныя награды, которыя они оставляли въ храмѣ богини. Слѣдующій день праздновался ристаніями въ колесницѣхъ близъ Пирея и гонкою лодокъ передъ пирейскою гаванью. Побѣдителямъ въ этихъ состязаніяхъ давались денежные награды. Въ заключеніе всего празднества происходила великолѣпная панаѳенейская процессія, совершаемая въ день величайшаго праздника Аѳины, въ 28 день гекатомбеона; въ этой процессіи везли тотъ изящный покровъ (неплось, см. стр. 288), которымъ аѳинскія женщины и дѣвушки облачали статую Аѳины въ Парѳенонѣ. Въ этотъ день съ утра до восхода солнца собирались всѣ, долженствовавшіе участвовать въ процессіи, предъ Дипиломъ въ Керамейѣ. То были всѣ побѣдители въ состязаніяхъ предшествовавшихъ дней, между ними на первомъ планѣ китаристы и кларнетисты, и знатнѣйшіе Аѳиняне въ военномъ вооруженіи (преимущественно молодые всадники) верхомъ, на колесницахъ и пѣшкомъ, самые статные и наиболѣе величественные по наружности старцы съ оливковыми вѣтвями (*θαλλοφόροι*), всѣ съ вѣнками на головахъ и въ бѣлой одеждѣ; за ними — самыя красивыя аѳинскія дѣвушки (100 избранныхъ) съ корзинами на головахъ, наполненными жертвенною утварью (*κανηφόροι*, ср. стр. 208), а равно избранные юноши съ великолѣпною выставляемою на показъ утварью. За гражданами шли метойки, которые въ знакъ зависимаго своего положенія несли дубовыя вѣтви (посвященныя Зевсу-хранителю гостей), дочери и жены ихъ, которыя въ свою очередь несли для Аѳинянокъ зонтики и кресла (*σκιανηφόροι*, *διφροφόροι*). Въ процессіи участвовали также представители всѣхъ общинъ и подвластныхъ городовъ съ дарами, привезенными для богини, и много гостей, прибывшихъ издалека къ этому великолѣпному празднеству. Центръ процессіи составляли избранныя женщины и дѣвы аѳинскія, сопровождавшія колесницу, на которой былъ растануть въ видѣ корабельнаго паруса ¹⁾ великолѣпный неплось на мачтѣ съ поперечнымъ

¹⁾ Извѣстная панаѳенейская лодка является впервые въ праздникъ 134 г. по Р. Хр., устроенный Геродомъ Аттикомъ. До тѣхъ поръ упоминается только

шестомъ. Такъ двигалась процессія по площади и красивѣйшимъ улицамъ города, которыя отпущенники украшали дубовою зеленью; направляясь вверхъ къ Акрополю, и, обойдя его, процессія вступала Пропилеями въ священную ограду Пареенона (см. стр. 24—25); здѣсь шла по сѣверной сторонѣ храма къ восточному фасаду, гдѣ на жертвенникѣ приносилась жертва, пѣлись гимны и складывались великолѣпные дары въ храмѣ, статуя же богини облачалась въ пепелъ.

Послѣ панаэнея самымъ важнымъ аттическимъ праздникомъ — при томъ по этическому значенію величайшимъ изъ всѣхъ греческихъ праздниковъ вообще — были *элевсинія*, установленныя въ очень отдаленныя времена въ честь Деметры, Персефоны и Діониса и соединенныя съ мистеріями. Устройство этого праздника принадлежало архонту-царю и четыремъ старостамъ (*ἐπιμεληταί*), а также другимъ многочисленнымъ жрецамъ и служителямъ.

Кто желалъ быть посвященнымъ въ таинства элевсинскаго культа, заявлялъ объ этомъ мистагогу (*μυσταγωγός*) и, доказавъ, что онъ греческаго происхожденія (хотя въ видѣ исключенія таинства были доступны и знатымъ иностранцамъ, а позднѣе Римлянамъ вообще) и безпорочной жизни, принималъ былъ въ члены меньшихъ мистерій и получалъ отъ мистагога наставленіе во всемъ, что нужно было.

Кто же хотѣлъ сдѣлаться участникомъ въ великихъ мистеріяхъ (*ἐπόπτης* — очевидецъ), тотъ долженъ былъ получить болѣе основательную подготовку и ждать цѣлый годъ. Празднество этихъ великихъ мистерій приходилось въ мѣсяцъ боэдроміонъ (во 2 пол. сентября) и продолжалось 12 дней. Въ первый день собирались всѣ ординарные члены (отсюда день тотъ назывался *ἀγνοῖός*, собраніе) въ раскрашенномъ портикѣ на площади (см. стр. 78); на второй день они умывались морской водой, совершали очистительныя жертвоприношенія, а на четвертый или пятый день отправлялись съ миртовыми вѣнками на головахъ въ торжественной процессіи изъ Аѳинъ въ Элевсинъ по священной дорогѣ со статуей молодого Вакха (*Ίακχος*, котораго считали также за сына Персефоны) изъ храма его въ Аѳинахъ. Вмѣстѣ съ ними шла также многочисленная любопытная публика, такъ что процессія всегда состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. На этомъ пути было много храмовъ и меньшихъ святилищъ, подлѣ которыхъ процессія останавливалась

колесница съ мачтой и поперечнымъ шестомъ, что и было, вѣроятно, причиною замѣны колесницы лодкой.

и исполняла предписанные обряды, въ особенности когда приближалась уже къ элевсинской области; здѣсь находилось мѣсто, гдѣ Аидъ съ Персефоной спустился въ подземное царство, тамъ былъ храмъ героя Триптолема, который первый наставленъ былъ Деметрою въ земледѣліи, тамъ опять священное поле, на которомъ Триптолемъ посѣялъ первый ячмень, и алтарь, на которомъ онъ приносилъ жертву. Такъ достигала процессія, хотя начиналась она рано поутру и дороги не было больше двухъ миль, только вечеромъ въ Элевсинъ. На второй день и втеченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ дней совершались празднества въ храмѣ элевсинскихъ богинь, называемомъ *τελεστήριον* (см. стр. 18), и въ окрестности его, куда доступъ былъ только для посвященныхъ; среди обрядовъ упоминаются также посты въ память того, что Деметра, отыскивая дочь, съ горя въ продолженіе долгаго времени не знала ни пищи, ни питья. О сущности самыхъ мистерій свѣдѣнія очень скудны. Прежде всего показывали посвященнымъ старыя изображенія чтимыхъ здѣсь боговъ и священные останки, о которыхъ жрецы рассказывали старыя легенды (*ἱεροὶ λόγοι*), и хоры пѣли пѣсни; все это наглядно воспроизводилось и трогательными мимическими и драматическими представленіями, удовлетворявшими всея требованія тогдашняго искусства. Объ этическомъ значеніи этихъ мистерій изъ немногихъ данныхъ извѣстно то, что ими утверждалась вѣра въ жизнь и награду послѣ смерти и что дѣйствовали онѣ благотворно, давая вѣрующимъ утѣшеніе въ горѣ и тревоженіяхъ жизни. Потому то элевсинскія мистеріи въ позднѣйшее время, еще въ 4 вѣкѣ по Р. Хр., были въ великомъ уваженіи.

Менѣе великолѣпны, но для насъ болѣе интересны были два празднества, совершаемыя демами въ честь бога Діониса въ Атикѣ и въ Аѳинахъ, *διονισίи* и *лени*, такъ какъ изъ пѣсенъ, которыя при нихъ пѣлись, развились блестящія поэтическія творенія.

Діонисіи были въ Атикѣ двоякаго рода; одни (древнѣйшія) праздновались демами въ честь бога подателя вина (*Διονύσια τὰ κατ' ἀγρούς*, сельскія діонисіи) по окончаніи сбора винограда и приготовленія вина, въ мѣсяцъ посеїдеонѣ (въ концѣ декабря), процессіями, принесеніемъ въ жертву козловъ, танцами, пѣснями, различными играми и веселыми шутками.

Другія діонисіи, называемыя городскими и великими (*Διονύσια τὰ κατ' ἄστυ*), праздновались въ мѣсяцъ элафеболіонѣ (въ концѣ марта), во славу бога, воскресителя помолодѣвшей и весело развивающейся природы.

Въ промежутокъ времени между тѣми и другими былъ праздникъ ленеи (*Λήναια*), совершаемый въ Афинахъ въ мѣсяцѣ гамеліонѣ (въ концѣ января) съ тою-же цѣлью, что и сельскія діонисіи. Центромъ религіозныхъ обрядовъ былъ храмъ Діониса на южной сторонѣ у подошвы Акрополя, такъ наз. ленеонъ, при которомъ находился и театръ афинскій. Также и съ этимъ празднествомъ соединена была процессія по городу съ обычными забавными и остроумными шутками и богатое пиршество, на которое городъ поставлялъ мясо. Самыми торжественными были великія діонисіи, такъ какъ они совпадали съ самымъ благоприятнымъ временемъ, когда въ Афинахъ бывало больше всего иностранцевъ.

76. Во время этихъ празднествъ, т. е. ленеи и городскихъ діонисій, давались *театральныя игры*, о происхожденіи которыхъ мы упомянули на стр. 35 и 36; здѣсь мы скажемъ подробнѣе о представленіи ихъ на сценѣ.

Давались представленія въ ленеи и діонисіи всегда втеченіи нѣсколькихъ (обыкновенно трехъ) дней и притомъ поутру трагедіи и сатирическія драмы (тетралогіи), а пополудни — комедіи.

Постановка театральныхъ игръ принадлежала въ Афинахъ къ такъ наз. литургіямъ, т. е. къ такимъ обязанностямъ, которыя тогдашнее государство поочередно возлагало на отдѣльныя филы; эти въ свою очередь избирали гражданъ изъ самыхъ богатыхъ, къ коимъ поступали денежныя пожертвованія отъ остальныхъ гражданъ. Лица эти заботились обо всемъ устройствѣ представленія; а такъ какъ всего дороже стоила постановка хора, то и называлась эта обязанность вообще хорегіею (*χορηγία*), а руководитель всего дѣла хорегомъ (*χορηγός*). Поэтъ представлялъ свою пьесу архонту съ просьбою о дозволеніи представленія ея на сценѣ (*χορὸν αἰτεῖν*); если пьеса признана была удовлетворительною, поэту давался хоръ (*χορὸν δίδοναι*), и изъ числа гражданъ, изъявившихъ желаніе поступить въ актеры, избирались по жребію три (со временъ Эсхила), которыхъ поэтъ испытывалъ относительно голоса, и затѣмъ способнымъ раздавалъ роли.

Хорегъ, условившись съ поэтомъ, нанималъ особаго учителя актеровъ (если имъ не былъ самъ авторъ) и хоревтовъ (*χοροδιδάσκαλος* и *ὄρχηστροδιδάσκαλος*), и заказывалъ для принятой пьесы нужные костюмы, которые въ трагедіяхъ были очень дороги; кромѣ того онъ заботился во все время разучиванія пьесы о содержаніи и платѣ всѣмъ тѣмъ участникамъ въ представленіи, кто того желалъ. Кто изъ актеровъ особенно нравился публикѣ, впоследствии

набираемъ былъ и безъ испытанія и становился такимъ образомъ актеромъ по профессіи, такъ что поэты Эсхиль, Софокль, Эврипидъ и Аристофанъ, говорятъ, имѣли каждый своихъ выдающихся актеровъ; ихъ то они и имѣли въ виду, сочиняя свои произведенія. Актеры (*ὑποκριταί, ἄρωνισταί*) навывались по важности ролей: первымъ (*πρωταγωνιστής*), вторымъ (*δευτεραγωνιστής*) и третьимъ (*τριταγωνιστής*); четвертаго не было, и мѣсто его, въ случаѣ надобности, заступалъ какой нибудь статистъ (*καθὸν πρόσωπον*). Кромѣ высокаго роста требовались отъ актеровъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ громкій голосъ, который, впрочемъ, усиливали и искусственными средствами, какъ мы еще увидимъ ниже, ясная и правильная декламация и благородная, приличная, передающая въ главныххъ только чертахъ содержаніе піесы жестикуляція, которая должна была замѣнять собою мимику лица (которое закрыто было маскою).

Во время Демосеена труды хорега были облегчены тѣмъ, что обо всѣхъ дѣлахъ по постановкѣ піесы онъ не долженъ былъ хлопотать самолично, но могъ условиться относительно этого съ получившимъ тогда свое начало театральнымъ обществомъ, во главѣ котораго стоялъ въ Аѣинахъ верховный жрецъ Діониса; членами этого общества (*οἱ περὶ τὸν Διόνυσον τεχνῖται*) были поэты, музыканты (въ особенности китаристы), актеры, хореуты и дававшіе костюмы на прокатъ. Это общество (подобныя которому были въ значительнѣйшихъ греческихъ городахъ, какъ-то: въ Фивахъ, въ Аргосѣ, Неаполѣ и пр.) имѣло своего распорядителя или режиссера и собственное управленіе и давало представленія не только въ Аѣинахъ, но и въ другихъ мѣстахъ по заказу. Члены были свободны отъ военной службы и пользовались нѣкоторыми другими преимуществами.

Вознагражденіе знаменитымъ актерамъ было напр. въ эпоху Демосеена весьма порядочное. Такъ Полосъ получилъ за два дня 1 талантъ (*Plut. vitae X orat. Dem. X. p. 848*), а Аристодемъ столько-же за одинъ день (*Gell. N. A. XI. 9, 2*). Кромѣ того отличные актеры награждались золотыми вѣнками и деньгами. Для игры на чужбинѣ актерамъ дозволялось отпрапляться даже въ непріятельскія страны, и потому то имъ поручались иногда политическія посольства. Актерамъ мало даровитымъ, которымъ не доставалось такихъ наградъ, при ихъ рѣдкихъ выходахъ на сцену, жилось конечно не особенно хорошо, если не имѣли они другого какаго нибудь занятія, такъ какъ плата за одну піесу достигала только 7 драхмъ (*Luc. Isaromen. 29*). Знаменитые актеры были въ большомъ почетѣ, заурядные же — почти въ пренебреженіи (*Luc. Navig. 46*).

Наградю поэтамъ служилъ почетный плющевой вѣнокъ, которымъ, по рѣшенію музыкальныхъ судей, побѣдитель увѣнчивался на сценѣ предъ всей публикой; но рядомъ съ этимъ выдавалась, напр. въ Аѳинахъ во время процвѣтанія искусства, драматическому побѣдителю и значительная сумма изъ государственной казны.

Хоръ, нанятый хорегомъ, какъ мы сказали, обучался или самимъ поэтомъ, или особыми учителями и ихъ помощниками, въ домѣ хорега или въ нанятомъ для этой цѣли помѣщеніи. Нерѣдко случалось, что филы (или хореги), соревнуя между собою, соперничали одна передъ другой въ устройствѣ хоровъ и, чтобы превзойти одна другую, не жалѣли расходовъ ¹⁾. Хорегъ, котораго хоръ нравился больше другихъ, бывалъ награждаенъ вѣнкомъ и треножникомъ, на которомъ вырѣзывалось имя его и филы; треножники эти выставлялись на каменныхъ изящныхъ подставкахъ для памяти, такъ что со временемъ въ Аѳинахъ была окаймлена ими одна дорога на сѣверовост. сторонѣ Акрополя и потому называлась *ὁδὸς τριποδῶν* (дорога треножниковъ, см. стр. 156).

Хоръ въ трагедіи (со временъ Эсхила) состоялъ изъ 15 хоровцовъ, которые вступали въ оркестръ, раздѣлившись на пять или на три ряда, или же на два подухора. Одинъ изъ хоровцовъ былъ предводителемъ (*χορυφαῖος*) и управлялъ движеніями его и, если было нужно, велъ разговоръ за цѣлый хоръ съ лицами на сценѣ. Движенія и танцы хора были серьезнаго характера и производились подъ звукъ кларнетовъ, которые сопровождали также и пѣніе хора.

Въ театрѣ собиралась публика съ ранняго утра, такъ какъ игры начинались съ утра и длились цѣлый день. Порядокъ, который публика при этомъ соблюдала, кажется, былъ тотъ-же, что и при другихъ празднествахъ и собраніяхъ, т. е. публика занимала въ театрѣ свои мѣста по филамъ и демамъ ²⁾. У входовъ, которыхъ было нѣсколько, лексіархи (6) съ помощниками (30) раздавали входные знаки (*σύμβολον*), которые были свинцовые съ особыми помѣтками и надписями для каждой филы, величиною съ нашу

¹⁾ Расходъ на трагическій хоръ простирался отъ 1500 до 5000 драхмъ, на комическій — 1600. Впрочемъ комическій хоръ существовалъ только до конца 4го стол., такъ какъ далѣе никто не хотѣлъ содержать его.

²⁾ Въ театрѣ Діониса — 13 кевкядъ; столько именно при Траянѣ было и филъ (тремя больше, чѣмъ прежде, при Клизменѣ).

полукопѣйку. Внутри отбирали ихъ отъ публики служители, приставленные съемщикомъ театра (*θεατρώνης*), которому потомъ отъ общины выплачивалось за каждый по два обола. Впрочемъ, кромѣ обыкновенныхъ мѣстъ, почетнѣйшей публикѣ отводились болѣе удобныя мѣста подлѣ оркестра — (*προεδρία*). Передніе ряды проэдріи въ театрѣ Діониса въ Аѳинахъ предназначались, какъ можно видѣть по надписямъ на каменныхъ сидѣньяхъ (см. стр. 40), для верховнаго жреца Діониса-освободителя и для высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ должностныхъ лицъ¹⁾, затѣмъ для выдающихся частныхъ лицъ, которымъ за особыя заслуги (иногда и потомкамъ ихъ) такое мѣсто отводилось народнымъ собраніемъ. За ними были сидѣнья для жриць и другія для совѣта 500 (*βουλευτικόν*) и наконецъ для молодыхъ аѳинскихъ всадниковъ (*ἐφηβικόν*). На эти почетныя мѣста вводили демархи.

Публика одѣта была въ праздничныя (бѣлыя) одежды и вся безъ исключенія въ вѣнкахъ. Что даже на комедіяхъ могли присутствовать и присутствовали женщины, въ томъ нельзя сомнѣваться (Aristoph. Pax. 962 и сл.); но точно такъ же несомнѣнно и то, что порядочныя женщины комедій вообще не посѣщали. — За порядкомъ въ театрѣ наблюдали въ Аѳинахъ музыкальные судьи (*ἀγωνοθέται*, которыхъ было въ трагедіяхъ по десяти, въ комедіи по пяти), носившіе, въ знакъ своего званія и власти, жезлы (отсюда *ῥαβδοῦχοι*) и имѣвшіе подъ рукою известное число сторожей (*ὑπηρέται, μαστιγοφόροι*); и рассказываютъ, что неоднократно приходилось имъ наказывать нарушителей порядка и удалять ихъ изъ театра; ибо и аѳинская публика часто вела себя въ театрѣ шумно, свистя, шипя и топая до тѣхъ поръ, пока провалившася (*ἐκπίπτειν*) актера не прогоняла со сцены (*ἐκβάλλειν, ἐξαίρειν*).

Изъ театральныхъ снарядовъ, объ устройствѣ которыхъ мы, правда, мало знаемъ, особенно важенъ былъ дощатый срубъ (*ἐκκύλημα, ἐξώστρα*), на которомъ убитые, раненые и пр. изнутри выдвигались средними дверьми на сцену (какъ въ Эантѣ 344, Электрѣ 1466, Антигонѣ 1244 и пр.).

¹⁾ Такъ мы читаемъ надпись: *Ιερῆος Διονύσου ἀπελευθερῆος* на самомъ изыщомъ сидѣньи, украшенномъ гіератическими рельефами; на другихъ: *Ιερῆος Δημητρός καὶ Φερρφαττης* (sic), *Ιερ. Αἰδοφόρου*, *Ιερ. Ἀπόλλωνος Δαφνηφόρου*, *Ιερ. Ἡφαίστου*, *Ιερ. οὐρανιας Νεμέσεως* и т. д.; на мѣстахъ для должностныхъ лицъ: *στρατηγού, κήρυκος, ἄρχοντος, βασιλέως, πολεμάρχου* и т. д.

Со времени Эсхила употреблялись разныя подъемныя и летательныя машины (вообще *μηχανή*, отсюда *θεός ἐπί μηχανής*, *deus ex machina*), на которыхъ боги и полубоги вдругъ сверху спускались внизъ, подымались вверхъ и носились надъ сценой. О нихъ, кромѣ названій (какъ-то: *γέρανος*, *αἰώρημα*, *στροφεῖον*, *θεολογεῖον*) и общаго ихъ назначенія, мы ничего не знаемъ въ подробности. Точно также намъ не извѣстно устройство молниеносной (*κεραυνοσκοπεῖον*) и громоносной (*βροντεῖον*) машины.

Рис. 389. Актеръ, представляющій Геракла, по греческому барельефу.

Въ греческой трагедіи и въ комедіи вообще въ употребленіи были маски (*πρόσωπον*, *προσωπεῖον*); начала этого обычая должно искать въ разнообразныхъ перюдѣваніяхъ при отличавшихся нѣкоторою волюнтаріемъ празднествахъ Діониса (изъ которыхъ и развилось драматическое искусство). Такимъ образомъ выраженіе лица было вполне закрыто и замѣнялось стереотипностью; но „отъ этого древняя трагедія не страдала, такъ какъ мимика и не могла быть настолько сильна, чтобы вполне воспроизвести трагическаго героя и даже, при огромныхъ размѣрахъ античныхъ театровъ, быть видимой для большинства публики. Нестественная съ нашей точки зрѣнія стереотипность

чертъ не служила въ ущербъ греческой трагедіи; такъ какъ главные лица, изображаемыя въ ней, были вообще идеальными съ только слегка обозначенною человѣческою индивидуальностью, такъ что публика даже не вынесла бы индивидуальности актера. Далѣе, основное настроеніе этихъ преувеличенныхъ человѣческихъ характеровъ очень часто было таково, что оно хорошо ладило съ одинаковымъ выраженіемъ лица втеченіе всей драмы, напр. Орестъ Эсхила, Эантъ Софокла, Медея Эврипида. Наконецъ, въ случаѣ крайней необходимости, маска могла быть замѣнена другою; такъ напр. Эдинъ царь въ послѣднемъ дѣйствіи приходитъ въ другой маскѣ, чѣмъ въ предыдущихъ.“ Въ комедіи тоже нужны были маски, такъ какъ, по крайней мѣрѣ въ древней, выводились на сцену лица всѣмъ извѣстныя.

Но есть еще и другія причины, почему употреблялись такія маски. При обширности и открытости греческаго театра необходимо было усилить голосъ актеровъ искусственными средствами,

а это дѣлалось, какъ сообщаютъ древніе, именно посредствомъ большаго раскрытія рта этихъ масокъ. Далѣе, древніе хотѣли мифическихъ героевъ своихъ, какъ Геракла, Theseя, Агамемнона и пр., видѣть болѣе высокими по росту и болѣе грандіозными по тѣлосложенію, и посему актеры главныхъ ролей употребляли башмаки краснаго и бѣлаго цвѣта, снабженные пробковыми въ нѣсколько дюймовъ вышины подошвами, такъ наз. котурны (*κόθορνος*), оляповатость которыхъ прикрывало длинное платье (Luc. Somn. 29, ср. рис. 389., относительно ихъ формы ср. рис. 296.—8.), и кромѣ того искусственнымъ образомъ дѣлали себя полнѣе (*κόλπωμα*). Но соразмѣрность требовала, чтобы и лице было до извѣстной степени увеличено, что опять могло быть сдѣлано лишь посредствомъ маски; высокій лобъ ея обыкновенно украшался богатыми или, какъ говоритъ Лукіанъ, „взбитыми“

Рис. 390. Трагическія маски, по помпейскимъ рисункамъ.

Рис. 391. Трагическая маска съ хохломъ, по помп. рисунку.

волосами (*κόμη επίσειστος*; Luc. Somn. 26, рис. 390.), а иногда надъ нимъ возвышался особый хохоль (*δύκος, superficies*, рис. 391.). Кромѣ того и остальное тѣло увеличивалось фальшивою грудью и животомъ (*προστερνίδιον, προγαστρίδιον*; Luc. π. δρχ. 27). На рис. 390. и 391. изображены трагическія маски (*personae tragicae*); ихъ было у древнихъ, говорятъ, 25 родовъ, и притомъ особыя для стариковъ, юношей, женщинъ и рабовъ.

Маски комедіи отличались отъ предыдущихъ тѣмъ, что ротъ у нихъ былъ широко раскрытъ съ выраженіемъ насмѣшливой улыбки и что онѣ не имѣли хохловъ. На рис. 392. мы представляемъ двѣ по помп. рисунку, одну — старика, другую — молодой женщины, и на рис. 393. одну изъ такъ наз. нѣмыхъ (*persona muta*), которыя были употребляемы также статистами нѣкоторыхъ комедій Плавта и Теренція. Комическихъ масокъ Поллуксъ различаетъ 43 сорта различной формы, смотря по возрасту и состоянію. Техника мастеровъ этихъ масокъ (*σχευοποιί, позже προσωποποιί*) была, дѣй-

ствительно, замѣчательна, преимущественно въ изготовленіи комическихъ масокъ, которыя иногда представляли вѣрную карикатуру знакомыхъ личностей. Такъ было уже въ эпоху Аристофана, ибо до насъ дошло извѣстіе, что никто изъ аѳинскихъ изготовителей масокъ не хотѣлъ сдѣлать маску всемогущаго тогда демагога Клеона для комедіи Аристофана „Всадники“ изъ боязни Клеона. Обувь въ комедіи употребляли обыкновенную (*ἐμβάδες*) или выходили также босые.

Одежда актеровъ въ трагедіи была богатая и пышная, и покроемъ своимъ напоминала свое стародавнее праздничное происхожденіе. Хитонъ оставался всегда длинный (*χ. ποδήρης*, см. стр. 207) и вопреки общепринятому обыменовенію, очень пестрый;

Рис. 392. Комическія маски, по помпейскимъ рисункамъ.

Рис. 393. Маска „нѣмой“ особы, по помп. рисунку.

верхнія одежды (*ιμάτιον, χλαμύς* и *σύρμα*, см. стр. 212 и 213) были пурпуровыя или пестрыя и парчевыя (*χλαμύς, στολή χρυσόπαστος*, Лис. Ісагот. 29) и украшены такими же лентами. На историческую вѣрность въ костюмѣ не обращали вниманія; такъ напр. и Гераклъ выступалъ на сцену въ выше описанномъ костюмѣ; одна лишь дубина (и лукъ) служила его отличительнымъ признакомъ (см. рис. 389.). Точно также и одежда хора была самою блестящею и потому, какъ мы указали выше, постановка трагическаго хора принадлежала къ самымъ дорогимъ повинностямъ аттическихъ гражданъ, исключая тріерархін. Обыкновенныя лица, какъ-то: послы, воины, моряки и пр. являлись въ обыкновенной одеждѣ.

Одежда актеровъ древней комедіи была, правда, также пестрая, но покроя обыкновеннаго, иногда впрочемъ фантастическая съ разными смѣшными привѣсками для карикатуры, особенно у хоревтовъ. Такъ напр. Аристофанъ снабдилъ хоръ своей комедіи „Осы“ (*σφήκες*), представлявшій аѳинскихъ присяжныхъ, длинными стилями, высовываніе и засовываніе которыхъ напоминало жала осы; подобнымъ образомъ въ комедіи „Старость“ (*γῆρας*), какъ говоритъ одно извѣстіе, старость представлялась посредствомъ кожи, кото-

рую хоревты вдругъ сбрасывали съ себя и опять надѣвали и т. д. Въ сатирической драмѣ герои одѣты были, какъ въ трагедіи: старый Силень въ косматый хитонъ, а сатиры имѣли вокругъ бедеръ только козью или оленью шкуру. Рис. 394., сдѣланный по прекрасной помпейской мозаикѣ (стр. 125), представляетъ намъ учителя или поэта, разъясняющаго двумъ хоревтамъ ихъ сатирическія роли;

Рис. 394. Театральная репетиція, по помпейской мозаикѣ.

позади надѣво учится кларнетистъ музыкѣ, а направо другой актеръ надѣваетъ съ помощью слуги длинный хитонъ, между тѣмъ какъ на столѣ лежитъ его маска. Позднѣйшая греческая комедія пользовалась обыкновенной одеждой.

77. Греческое и римское богослуженіе сопровождалось, какъ мы уже не разъ упомянули, музыкою; ею же сопровождались и хоры въ трагедіи, и притомъ чаще всего игрою на кларнетѣ, но также на киварѣ. Итакъ остановимся въ этомъ мѣстѣ на *музыкальныхъ инструментахъ*.

Греки не знали смычковыхъ инструментовъ, а только струнные (*βραβνα κατὰ τεῖνόμενα*) и духовые (*ἐμπνευστά*); подобнымъ образомъ и Римляне, которые приняли ихъ отъ Грековъ. Потому то о музыкальныхъ греческихъ и римскихъ инструментахъ мы скажемъ одновременно.

Струнныхъ инструментовъ можно различать три главныхъ рода: лиру, кивару и арфу.

Происхожденіе лиры (*λύρα*) теряется въ греческой древности и приписывается богу Гермесу, который изобрѣлъ ее, натянувъ струны на скорлупу черепахи. Скорлупа черепахи оста-

лась пригоднымъ и красивымъ резонанснымъ основаніемъ (декою, *ἡχείων*) этого инструмента и въ тѣ эпохи, о которыхъ мы имѣемъ извѣстія; одна лишь отдѣлка его была усовершенствована. Два рога козы или антилопы вставлялись въ переднія природныя два отверстія скорлупы (рис. 395. а), образуя такимъ образомъ дужки лиры (*πήχεις, ἀγκῶνες, cornua*), и соединялись сверху поперечникомъ, струнникомъ (*ζυρόν, ζύγωμα*); къ послѣднему прямо (b) или при помощи болышекъ (*κόλλοπες, κόλλαβοι, с, е, h*) прикрѣплялись струны изъ кишекъ или жилъ (металлическихъ струнъ древніе не

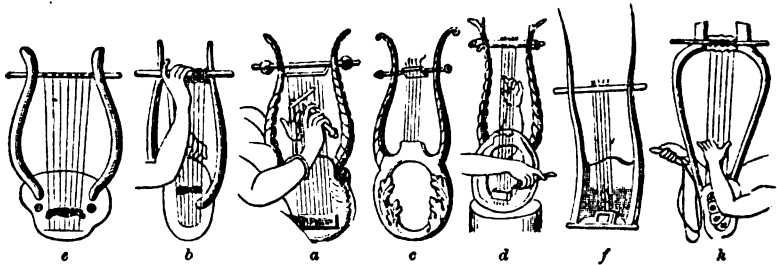

Рис. 395. Изображеніе лиръ, по рисункамъ на южно-италійскихъ вазакъ.

знали), которыя внизу привязывались къ ровной, плоской кобылкѣ (*ὑπολύριον, μαγᾶς*) такъ, что не касались плоской части скорлупы (а, d, f). Настроивали лиру посредствомъ ключа (*χορδοτόνον*). — При игрѣ употребляли не только пальцы, но и плектръ (*πλήκτρον, κροῦσμα, plectrum, pecten*) изъ дерева, слоновой кости и металла, и играли или вмѣстѣ и пальцами и плектромъ, или попеременно. Плектръ была не что иное какъ небольшой величины, на обоихъ концахъ плоская и заостренная палочка (а, d, h), или небольшая ложечка съ отверстіемъ, въ которое удобно вдѣвался палецъ правой руки, какъ можно видѣть на колоссальной статуѣ Аполлона киевареда въ неапольскомъ музеѣ.

Какъ отдѣльный видъ лиры или инструмента ей подобнаго упоминаются: барбитонъ (*βάρβιτον, βαρύμιτον*), инструмента большій обыкновенной лиры, низкаго звука, принесенный по преданію Терпандромъ изъ Лидіи въ Грецію (рис. 396.), далѣе *pectis* (*πηκτίς*) и *magadis* (*μάγαδις*) тоже лидійскаго происхожденія и наконецъ *ἐπιρόνειον*. О нихъ вообще извѣстно лишь то, что многострунную нектиду первая употребила въ дѣло поэтесса Сафо, что магада была съ двойною октавою о двадцати струнахъ, а эпигоніонъ — о сорока, и что при двухъ послѣднихъ плектръ не употреблялся.

Киеара (гом. *κίθαρις*, поздн. *κιδάρα*) или лютня отличалась от лиры, какъ кажется, тѣмъ, что не только дека, но и дужки ея были полныя; онѣ состояли изъ тонкихъ деревянныхъ или металлическихъ досокъ и различались по величинѣ (можетъ быть, это зависѣло отъ числа струнъ; ихъ первоначально было четыре, къ которымъ Терпандръ уже въ 7 стол. до Р. Хр. присоединилъ еще три) и по изяществу отдѣлки. Происхожденія она азійскаго; но мы видимъ ее и въ Греціи излюбленнымъ инструментомъ при музыкальныхъ состязаніяхъ, жертвоприношеніяхъ и торжественныхъ процессіяхъ. Какъ

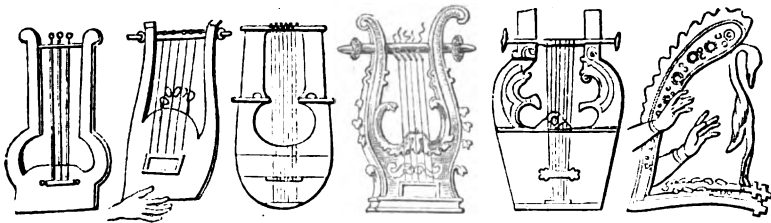

Рис. 397. Киеары. по рисункамъ на южно-италійскихъ вазахъ.

родъ (ббольшей) киеары надо считать и формингу (*φόρμιγγς*), такъ какъ въ ней упоминаются струнникъ, соединяющій дужки, колышки и резонансный ящикъ¹⁾ (*φόρ. γλαφυρή*, Од. XXIII. 144); бромъ того это подтверждается выраженіями *φόρμιγγι κιδαρίζειν* (Ил. XVIII. 570) и наоборотъ о киеарѣ *φορμίξειν* (Од. I. 155). Форминга, по пѣснямъ Гомера, есть инструментъ звучный (*λίγεια*) и любимый Греками и пѣвцами героической эпохи (напр. Ахилломъ Ил. IX. 186, Демодомомъ Од. VIII. 67) при воспѣваніи славныхъ дѣяній геройскихъ предковъ, особенно на пирахъ (ср. стр. 246) и во время празднествъ. Способъ употребленія лиры и киеары при игрѣ представляетъ намъ рис. 398., и еще нагляднѣе рис. 399., на которомъ мы видимъ киеару, переброшенную на ремнѣ черезъ плечо.

¹⁾ Это мнѣніе археологовъ мы можемъ подтвердить еще и слѣдующимъ. Пиндаръ называетъ формингу семизвучною (*ἑπτὰγλωσσοσ*, Нем. 5, 24) и разногласою (*ποικιλόγαρα*, Ол. 3, 8); такъ-же говоритъ Вергилій объ инструментѣ Орфей словами (Аен. VI. 646 и 647): *Obloquitur numeris septem discrimina vocum*; этотъ инструментъ раньше назвалъ онъ киеарой (тамъ-же 120). Но что киеара не могла значительно разниться отъ лиры, объ этомъ свидѣтельствуеетъ и Овидій, *Metam.* V. 112 и 118, гдѣ киеара поставлена наравнѣ съ лирой.

Третій родъ струнныхъ инструментовъ, подобный новѣйшимъ арфамъ, попадаетъ на греческихъ вазахъ. Это по всей вѣроятности тѣ инструменты, которые называются у Платона (Resp. III. 399, с.) тригонами $(\tau\rho\acute{\iota}\gamma\omega\nu\upsilon)$, по трехугольной формѣ, которую образуютъ или дека со струнникомъ и третьею дужкою или просто обѣ дужки (безъ струнника). Платонъ называетъ тригономъ (ibid.), какъ и пектиду, многострунными инструментами, что подтверждаетъ и изображеніе тригона на одной вазѣ, гдѣ такой инструментъ, ка-

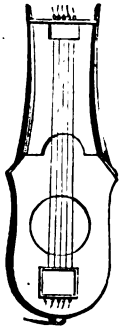

Рис. 396. Барбитонъ ($\beta\acute{\alpha}\rho\beta\iota\tau\omicron\nu$), по немецкому рисунку.

Рис. 398. Китаристка, по древне-римскому рисунку.

Рис. 399. Apollo citharodes, по античной статуѣ.

жется, имѣть два струнника. Съ нынѣшней арфой больше всего сходства имѣла египетская, у Римлянъ очень любимая самбука (sambuca, $\sigma\alpha\mu\beta\acute{\upsilon}\kappa\eta$).

Характеръ струнныхъ инструментовъ имѣлъ отгѣнобъ возвышеннаго спокойствія, укрощающаго всякія страсти.

Духовые инструменты Греки называютъ „трубчатыми“, $\alpha\upsilon\lambda\omicron\iota$, по основной ихъ формѣ. Инструментъ, который Греки называютъ $\pi\lambda\alpha\rho\acute{\iota}\alpha\nu\lambda\omicron\varsigma$, а Римляне — $tibia obliqua$, похожъ былъ на наши флейты и фаготы; въ нихъ дули сбоку (отсюда и названіе), прямо или при посредствѣ дульца (рис. 400. и 401.). Главнымъ представителемъ этого рода инструментовъ былъ гобой ($\alpha\upsilon\lambda\omicron\varsigma$, $tibia$), похожій на нашъ кларнетъ; онъ состоялъ, какъ и этотъ, изъ дульца съ однимъ или двумя язычками ($\gamma\lambda\omega\sigma\sigma\alpha\iota$) и изъ трубки ($\beta\omicron\mu\beta\nu\zeta$), снабженной тремя или четырьмя (позже еще больше) дырочками ($\tau\rho\acute{\eta}\mu\alpha\tau\alpha$, $\tau\rho\upsilon\pi\acute{\eta}\mu\alpha\tau\alpha$) и боковыми клапанами въ формѣ подвижныхъ колышковъ, и дѣлавшейся изъ разнаго матеріала — тростника, дерева, слоновой кости и очищенныхъ голенихъ костей различныхъ животныхъ (от-

сюда и названіе *tibia*). Укажемъ на нѣкоторые главные роды этого инструмента, представляя вмѣстѣ и ихъ изображенія.

Простѣйшій родъ его есть короткій, однотрубный гобой — *μόναυλος* (рис. 402., ср. рис. 227.), употреблявшійся въ Афинахъ при торжественной панаѳенейской процессіи, и похожій на него,

Рис. 400. Флейта съ дульцемъ сбоку, по ватиканскому барельефу.

Рис. 401. Меньшая флейта съ дульцемъ, по античной статуѣ въ британскомъ музеѣ.

только длиннѣе и потоньше его — римскій гобой, употреблявшійся при жертвоприношеніяхъ (*tibia longa*, рис. 403.). Болѣе искусно сдѣланъ былъ кривой гобой (*αὐλὸς ἔλνμος*, *tibia curva*, Verg. Aen. XI. 737; t. adunco cornu, Ov. Met. III. 533) съ воронкообразнымъ резонанснымъ концемъ (*κώδων*, рис. 404.); онъ дѣлался изъ буксоваго

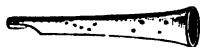

Рис. 402. Однотрубный короткій гобой, по рисунку изъ ват. Вергилія.

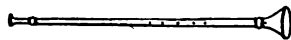

Рис. 403. Длинный гобой, по древне-римскому барельефу.

дерева и употреблялся при торжествахъ Кибелы или, какъ Римляне ее называли, Великой Матери (*Magna Mater*, см. стр. 442 и 485); по своему происхожденію онъ называется также фригійскимъ (*tibia Phrygia*).

Кромѣ того древніе употребляли духовые инструменты съ трубами отъ половины раздвоенными, какъ указываетъ изображеніе на одномъ древнемъ барельефѣ (рис. 405.); о нихъ впрочемъ другихъ свѣдѣній мы не имѣемъ.

Такъ наз. двойные гобои (*tibiae geminae*) были не что иное какъ двѣ трубки, въ которыя дулъ одинъ музыкантъ, какъ это видимъ на рис. 406., изображающемъ хоравла (*χοραύλης*), т. е. музы-

канта, который аккомпанировалъ пѣнію хора. Иногда обѣ трубы имѣли только одно общее дульце (рис. 407.). Изъ нихъ правая, т. е. та, на которой играли правой рукой и въ которую дули правой стороной губъ, называлась правою и мужской трубкой (t. dextra, *αὐλὸς ἀνδρῆϊος*, Герод. I. 17) и издавала низкіе тоны; другая же называлась лѣвой и женской трубкой (t. sinistra, *αὐλὸς*

Рис. 404. Кривой гобой, по древне-римскому барельефу.

Рис. 405. Музыкальный инструментъ съ двумя трубками, по древне-римскому барельефу.

γυναικῆϊος, Герод. тамъ-же), такъ какъ, будучи снабжена большимъ числомъ дырокъ (отсюда *αὐλὸς πολύτροπος*, t. multiforabilis у Апулея), она издавала высокіе тоны. Отсюда гобой низкаго строя назывался вообще правымъ (t. dextra), а высокаго — лѣвымъ (t. sinistra), и такъ какъ обыкновенно начинали играть на правомъ, то онъ и назывался t. incentiva (запѣвальнымъ), а лѣвый —

Рис. 406. Tibiae geminae, по античной статуѣ.

Рис. 407. Tibiae geminae, по геркуланскому рисунку.

t. succentiva (аккомпанирующимъ). Кромѣ того различались по числу дырокъ и слѣдовательно также по тону (и можетъ быть по длинѣ): tibiae pares (рис. 408.) и t. impares (рис. 409.), т. е. tib. pares dextrae, t. pares sinistrae, t. impares. Объ употребленіи ихъ см. стр. 509.

Характеръ названныхъ духовыхъ инструментовъ былъ сравнительно съ предъидущими страстный, дикій и воодушевляющій.

Еще должны мы коснуться прибора, который употребляли музыканты при продолжительной игрѣ, въ театрѣ и при жертво-

приношеніяхъ. Это былъ, какъ мы видимъ на рис. 410., особаго рода кожаный мундштукъ (*capistrum*, *φορβεία*) съ отверстіемъ для губъ; при помощи его звуки выходили полнѣе, яснѣе и вѣрнѣе.

Перечисливъ главные музыкальные инструменты, присоединимъ еще нѣкоторые простыя музыкальные инструменты, каковы: сиринга, волынка, гидравлическій органъ, кастаньеты и военныя

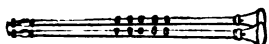

Рис. 408. Tibiae pares, по древне-римскому барельефу.

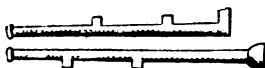

Рис. 409. Tibiae impares, по древне-римскому барельефу.

трубы. Простѣйшій родъ духовыхъ инструментовъ — пастушеская свирѣль, составленная изъ семи или девяти неодинаковыхъ соединенныхъ между собою кусковъ пустаго тростника и называвшаяся *σῦριγξ* (*arundo*, *fistula*). На памятникахъ пластическаго искусства мы находимъ ее въ рукахъ сатировъ и Пана, баснословнаго изобрѣтателя ея (Ov. Metam. I. 689—712). Рис. 411. изображаетъ намъ античнаго волынщика (*ἀσκαύλης*, *utricularius*) по одной бронзовой статуэткѣ.

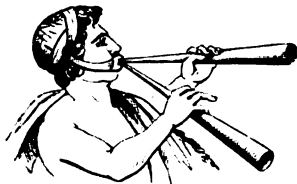

Рис. 410. Capistrum, по древне-римскому барельефу.

Рис. 412. Танцовка съ кастаньетами, по рисунку на вазѣ.

На томъ-же основаніи, что и сиринга, былъ устроенъ водяной органъ (*ὑδραυλος*, *organon hydraulicum*), изобрѣтенный Ктесибіемъ (см. стр. 203), подробно описанный ученикомъ его Герономъ, и усовершенствованный при Неронѣ, который былъ его любителемъ. По изображенію на двухъ монетахъ и одной мозаикѣ на подставкѣ стояло 7 или 8 трубъ; играли при помощи клавиатуры и воздухъ приводился въ движеніе давленіемъ воды. По Квинтиліану (IX. 4, 11) эта музычка была очень выразительна.

Къ шумнымъ инструментамъ, которые употреблялись преимущественно при оргіяхъ въ честь Діониса и Кибелы, принад-

лежать: а) гремушки (*κρόταλον*, crotalum и *κρούσματα*), сицилійское изобрѣтеніе, похожее на нынѣшніе кастаньеты (рис. 412.) и по своей цѣли; б) цимбалы (*κύμβαλον*, cymbalum), два металлических дутыя полушарія (рис. 413.), которыя вмѣстѣ съ кастаньетами употреблялись при веселыхъ танцахъ; с) еще шумнѣе былъ

Рис. 414. Тамбуринъ, по помпейской мозаикѣ.

Рис. 411. Игрокъ на волынкѣ, по бронз. античной статуѣ.

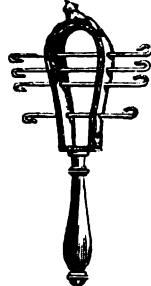

Рис. 415. Sistrum, по бронзовому оригиналу.

тамбуринъ или тимпанъ (*τύμπανον*, tympanum), полубубень такой же формы, какая и теперь употребляется на югѣ и востокѣ, съ излишкомъ увѣшанный погремушками, колокольчиками и для укра-

Рис. 413. Цимбалы, по помпейскому рисунку.

Рис. 416. Жрецъ Исиды, по помпейскому рисунку.

Рис. 417. Scabellum, по мраморной римской статуѣ.

шенія — ленточками. Рис. 414. изображаетъ намъ тимпаниста по одной прекрасной помпейской мозаикѣ, представляющей квартетъ, а именно: этого тимпаниста, мальчика съ монавломъ, дѣвушку съ двумя равными трубками и женщину съ цимбалами.

Наконецъ сюда относятся sistrum и scabellum. Sistrum (*σει-*

στρον, погремушки, рис. 415.) былъ инструментъ египетскаго происхожденія, употреблявшійся въ культѣ Исиды (рис. 416.), и съ нимъ въ послѣдствіи распространившійся также по Италіи; при потрясеніи имъ, металлическія палочки, свободно продѣтыя сквозь метал-

Рис. 418. Рогъ (*cornu*), срисованный съ арки Константина.

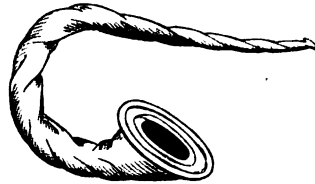

Рис. 419. Римская военная труба (*bucina*), по античному барельефу.

лическій (дугтый?) поясъ, издавали сильный дребезжащій звукъ. *Scabellum* (*τὰ κρούπαλα*, *κρούπεξα* и *κρουπέξια*, рис. 417.) былъ инструментъ, которымъ въ театрѣ обозначались конецъ и начало дѣйствія и отбивался тактъ; при пантомимахъ на немъ акомпан-

Рис. 420. Римская *bucina* древнѣйшая, по бронзовой статуэткѣ.

Рис. 421. Труба (*lituus*) римской конницы, по бронз. оригиналу.

нировали громкому пѣнію хора. Первоначально онъ дѣлался изъ дерева, а потомъ изъ металла. — Въ добавокъ скажемъ въ этомъ мѣстѣ еще о духовыхъ инструментахъ, которые употреблялись Греками и Римлянами для военныхъ цѣлей.

Простѣйшимъ военнымъ инструментомъ была труба (*σάλπιγξ*, *tuba*) прямая, длинная съ чашкообразнымъ натрубкомъ и расширеннымъ нижнимъ концомъ. Издавала она хриплые отрывистые звуки (*fractos sonitus*, Verg. Georg. IV. 72, ср. извѣстный стихъ Эннія: *At tuba terribili sonitu taratantara dixit*; и Serv. Aen. IX. 503). Гомеръ еще не упоминаетъ о ней, какъ о сигнальномъ инструментѣ въ бою, хотя и знаетъ ее (Ил. XVIII. 219). Впервые она является такимъ у Эсхила. Изобрѣтеніе ея приписывается Этрускамъ (Aesch. Eum. 567, Soph. Aiax 17, Verg. Aen. VIII. 526). Рядомъ съ кларнетомъ и ксарой она была употребительнѣйшимъ военнымъ и рели-

гіознымъ инструментомъ у Спартанцевъ. Римское согну было похоже на нашъ дѣсной рогъ; форму и употребленіе его можно видѣть на рис. 418., который представляетъ намъ трубача (cornicen), по аркѣ Траяна (Константина). Отъ него почти не отличался рогъ (*κέρας*), обычный у Грековъ, на которомъ трубачъ (поздн. *κερατ-αύλης*) подавалъ сигналы въ лагерѣ (Хен. Anab. II, 2, 4). Иного рода была согнутая труба (*bucina*, *βυκάνη*), употреблявшаяся въ римскомъ войскѣ (рис. 419.); отъ нея была отлична древнѣйшая, витая въ видѣ Тритоновой раковины, также называвшаяся *bucina* (рис. 420.). Загнвленный рожокъ римской конницы назывался *lituus*, по греч. *λίτυον* (рис. 421.), по нѣкоторому своему сходству съ авгурскимъ жезломъ.

78. Между общегреческими праздниками, развившимися съ теченіемъ времени изъ мѣстныхъ, самое важное мѣсто занимали празднества, происходившія въ Олимпіи, въ Элидѣ, въ роскошной рошѣ, по имени Альтисъ. *Олимпійскія* празднества первоначально совершались въ честь Зевса, и центромъ ихъ былъ храмъ его, позднѣе (съ 5 в.) украшенный произведеніями архитектурнаго и скульптурнаго искусства (ср. стр. 19 сл.). Но уже въ 9 вѣкѣ до Р. Хр., говорятъ, учреждены были на ряду съ храмовыми празднествами состязательныя игры въ стадіи, къ которымъ впоследствии (въ 7 в.) присоединились скачки и музыкальныя состязанія, и празднества эти достигли такой популярности между Греками, что они по нимъ вели свое лѣтосчисленіе. Учрежденіе олимпійскихъ игръ приписывали Ифиту, относя его къ 880 г. до Р. Хр., лѣтосчисленіе же начинали съ возобновленія ихъ въ 776 г. Съ этого времени совершались олимпійскія игры подъ управленіемъ элейской общины безъ перерыва каждый пятый годъ въ первое полнолуніе послѣ лѣтнаго солнцеповорота. Сюда стекалась публика послѣ 660 г. до Р. Хр. изъ всѣхъ греческихъ общинъ, а съ 620 г. также изъ греческихъ малоазійскихъ, сицилійскихъ и южно-италійскихъ колоній; самый блестящій періодъ ихъ относится къ 580—440 г. Еще въ римскія времена пользовались онѣ уваженіемъ, хотя ихъ политическое и соціальное значеніе, сравнительно съ прежнимъ, было уже незначительно, а въ 394 г. по Р. Хр. онѣ были совершенно прекращены, по распоряженію Феодосія.

Безчисленное множество народа (конечно только мужчинъ) жило во время празднествъ (6 дней) въ палаткахъ и шалашахъ, наскоро построенныхъ (см. стр. 334); представители греческихъ общинъ (*θεωροί*), приглашенные элейскими послами, и богачи жили

въ болѣе роскошныхъ домахъ внѣ священной рощи. Но не только жажда къ забавамъ и любопытство къ необыкновеннымъ зрѣлищамъ привлекали сюда отовсюду многочисленныхъ гостей, но сюда являлись также многіе и по торговымъ дѣламъ даже изъ отдаленныхъ странъ, такъ какъ здѣсь происходилъ весьма живой обмѣнъ всякаго рода товаровъ. Здѣсь выставлялись на показъ художественныя произведенія, здѣсь обнародывались договоры и подобныя важныя или же просто интересныя грамоты, здѣсь наконецъ читались труды ораторовъ, поэтовъ и философовъ.

Наибольшій интересъ и значеніе имѣли для значительнаго большинства тогдашняго общества и имѣють и для насъ состязанія въ стадіи и въ гипподромѣ; о нихъ то мы и скажемъ подробнѣе, пройдя молчаніемъ музыкальныя состязанія, о которыхъ дошли до насъ гораздо менѣе подробныя свѣдѣнія.

О желаніи участвовать въ общественныхъ состязаніяхъ въ стадіи (*ἀγῶνες γυμνασίου*) имѣли право объявлять судьямъ, установленнымъ для состязаній (*Ἐλλανοδίκαί*), только тѣ, которые могли подтвердить присягою свое греческое происхожденіе, чистоту нравовъ и (атлеты, Paus. V. 24, 9) не менѣе какъ десятилѣтній срокъ правильныхъ упражненій. Кто выступалъ въ первый разъ, тотъ, сверхъ того, долженъ былъ въ продолженіе 30 предшествующихъ дней обучаться въ Олимпіи; мальчики же должны были даже подвергаться испытанію.

Въ день состязанія отправлялись вышеупомянутые судьи (выбранные изъ элейскихъ филъ), одѣтые въ пурпуровыя одежды, послѣ торжественнаго жертвоприношенія, въ стадію, гдѣ занимали отведенныя для нихъ мѣста (ср. стр. 55, *σφενδόνη*). По знаку, данному трубою, глашатай вызывалъ состязателей и объявлялъ всему собранію ихъ имена; затѣмъ опредѣлялось жребіемъ, кто съ кѣмъ будетъ бороться. Состязанія происходили по группамъ (*τάξεις*), по три и по четыре; одежда и обувь не употреблялась, тѣло кромѣ того при борьбѣ натиралось масломъ и посыпалось мелкимъ пескомъ (см. стр. 298); побѣдители въ отдѣльныхъ группахъ должны были состязаться между собою, и кто одерживалъ верхъ надъ остальными, тотъ считался побѣдителемъ цѣлаго состязанія и въ тотъ день обменовенно уже не состязался. Бывали впрочемъ случаи, что нѣкоторые герои дня состязались также во второй разъ и снова выходили побѣдителями, напр. въ пентаэвлѣ и бѣгѣ. Всякая хитрость, насколько она не дозволялась законами состязанія (*νόμος ἐναγώνιος*), строго наказывалась, и состязатели

давали присягу, что они будутъ состязаться честно и не дозволять подкупать себя (Paus. V. 24, 9). За порядкомъ наблюдала подъ надзоромъ судей особая стража (*φαιβοῦχοι, ἀλύται*), которая могла преступниковъ наказывать даже палками (Герод. VIII. 59).

Побѣдителей (*ιερονίκαи*) вели судьи въ торжественной процессіи въ храмъ Зевса и здѣсь ихъ награждали въ древнѣйшія времена какою нибудь вещью реальной цѣны, въ позднѣйшія же вѣкомъ дикой оливою (*κότινος*), перевитымъ бѣлыми лентами. При этомъ пѣлись гимны въ честь Геракла и Юлая, богоподобныхъ учредителей этихъ состязаній. Пиршествомъ, устроеннымъ отъ элейской общины побѣдителямъ, и часто повтореннымъ этими послѣдними, оканчивалось празднество въ Олимпіи. Когда же побѣдитель возвращался въ свое отечество, ему на встрѣчу съ радостью выходила вся община, прославленная своимъ согражданиномъ предъ лицомъ всей Греціи, и провожала его, възвѣщающаго въ городъ въ пурпуровой одеждѣ на бѣлой четвернѣ, къ храму, гдѣ олимпійскій герой клалъ вѣнокъ на алтарь божества. Кромѣ того благодарная община награждала олимпійскаго побѣдителя еще тѣмъ, что освобождала его отъ всѣхъ государственныхъ повинностей, отводила ему на празднествахъ и въ театрѣ почетное мѣсто, давала денежную награду и даже (какъ напр. въ Афинахъ) содержала пожизненно въ пританеѣ и удостоивала статуи на общественныхъ мѣстахъ; знаменитѣйшіе поэты, какъ Пиндаръ и Симонидъ, многихъ побѣдителей прославили своими стихотвореніями. Статуи въ позѣ побѣдителя съ принадлежностями состязанія, напр. съ ручными гириями, дискомъ и т. п., или по крайней мѣрѣ металлическія надписи могли побѣдители или сами ставить себѣ, или ставили имъ почитатели и друзья въ Олимпіи въ священной рошѣ Альтидѣ для увѣковѣченія ихъ памяти.¹⁾

Еще во время Павсанія (во 2 стол. по Р. Хр.) стояло тамъ болѣе 230 бронзовыхъ статуй побѣдителей, которыя уцѣлѣли еще послѣ двухсотлѣтняго грабежа Римлянъ.

Но посмотримъ на самыя состязанія. Рядъ ихъ начинался съ бѣга, а именно сначала простаго (*στάδιον, δρόμος*), отъ одного конца стадіи до другого. Для мальчиковъ, которые съ 37 олим-

¹⁾ По Плинію Н. Н. XXXIV. 9, 16. статуи иконическія, т. е. вѣрно воспроизводящія лицо (ср. также Luc. pro imag. c. 11), ставились только тѣмъ, кто 3 раза одержалъ побѣду въ Олимпіи.

іады (632 г.) могли участвовать въ этомъ состязаніи, длина бѣга равнялась половинѣ или двумъ третямъ стадіи. Болѣе труднымъ былъ двойной бѣгъ (*διανλος*), когда состязатель, достигнувъ цѣли и повернувшись назадъ (*καμπή*), безъ отдыха пробѣгалъ ту-же дорогу обратно. Необыкновенной силы требовалъ продолжительный бѣгъ (*δολιχος*), когда состязатель долженъ былъ безъ остановки пробѣжать стадію туда и обратно (по различнымъ показаніямъ) шесть, десять и даже двѣнадцать разъ, что равнялось въ той-же послѣдовательности 36 мин., 1 часу и 1 часу и 12 мин. пути! Такое напряженіе могло, конечно, подорвать здоровье честолюбиваго побѣдителя навсегда, и даже прекратить жизнь его немедленно; такъ, говорятъ, Спартанецъ Ладасъ, кончивъ побѣдоносно *δολιχος*, палъ на землю мертвый (Paus. III. 21, 1). Въ 65 олимпіадѣ (520) введенъ былъ еще вооруженный бѣгъ (*οπλίτης δρόμος*), т. е. бѣгъ со щитомъ, въ шлемѣ и поножахъ, позднѣе только со щитомъ, а именнно сначала только простой, позднѣе и двойной.

О древности этого состязанія свидѣтельствуеъ описание его въ поэмахъ Гомера (Ил. XXIII. 754—783), у котораго обозначенъ и способъ состязанія, гдѣ не только ноги, но и руки играли важную роль (*γυῖα δ' ἔθηκεν ἔλαφρά, πόδας καὶ χεῖρας ὑπερθεῖν*).

Второй и самый любимый родъ состязанія была борьба (*πάλη*), требовавшая самага большаго упражненія. О древности ея свидѣтельствуеъ уже Гомеръ, подробно описывающій (Ил. XXIII. 700 сл.) борьбу между Эантомъ и Одиссеемъ. Въ позднѣйшее время борьба, составляя существеннѣйшую часть всей греческой гимнастики (отсюда и названіе *παλαίστρα*), изучалась систематически; но оба главные вида ея, которые мы знаемъ изъ Гомера, т. е. борьба стоя и лежа, удержались. При борьбѣ стоя (*πάλη ὀρθία, ὀρθή*) борцы приближались одинъ къ другому съ поднятыми руками, слѣдя взаимно каждый за предпринимаемыми движеніями другого и ловкими ухватами (*λαβαί*), либо неожиданнымъ поднятіемъ стараясь повалить противника на землю, что могло случиться также и посредствомъ поднятія (*ἀνατρέπειν*) или подбитія (*ὑποσκελίξειν*) его нога; если это не удавалось, то могъ обезсилить или поборотъ одинъ другого крѣпкимъ объятіемъ или свернутіемъ шеи (*ἄρχειν καὶ λυγίξειν, τραχηλίξειν*), либо наконецъ насильственнымъ выворачиваньемъ рукъ назадъ. Кромѣ этихъ главныхъ уловокъ позволялось еще много другихъ оборотовъ и хитростей, между которыми инья довольно насильственнымъ, напр. выворачиванье боль-

наго пальца. Кто' былъ поваленъ, могъ все таки вести борьбу и дальше (*ἀλίνδηςις, κύλισις*, поваленіе), пока наконецъ совершенно обезсилѣвалъ и объявлялъ себя побѣжденнымъ. При этомъ, конечно, очень способствовала противнику величина и вѣсъ тѣла при одинаковой ловкости. Но кто трижды подрядъ былъ поваленъ (*τριγυμός, τριάξαι, ἀποτριάξαι*), долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго состязанія. Рис. 422. представляетъ намъ послѣдній моментъ этой борьбы: одинъ изъ состязующихся, поваленный на землю, тщетно старается встать, тогда какъ побѣдитель тяжестью тѣла крѣпко пригнетаетъ его къ землѣ, уже схватилъ его правую руку и тѣмъ дѣлаетъ невозможною дальнѣйшую оборону. — Бѣгъ и

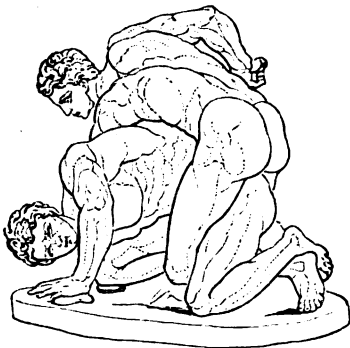

Рис. 422. Борьба, по мраморной античной группѣ во Флоренціи.

Рис. 423. Метатель диска (*δίσκοβόλος*), по ант. статуѣ въ Лондонѣ.

борьба въ ряду состязаній стояли на первомъ мѣстѣ и совершались отдѣльно. Когда же состязующіеся всѣ перебивали на аренѣ, и побѣда уже была рѣшена, тогда выступали тѣ, которые заявили желаніе участвовать въ пятиборьи.

Пятиборье (*πένταθλον*) состояло въ древнѣйшія времена (по пентаметру Симонида: *ἄλμα, ποδωκείην, δίσκον, ἄκοντα, πάλην*) изъ прыганья, бѣга, бросанія диска, бросанія копья и борьбы. Но кажется, что при публичныхъ состязаніяхъ въ Олимпіи бѣгъ и борьба опускались изъ пентааѣла, такъ какъ послѣдніе два рода совершались порознь, требуя каждый напряженія всѣхъ силъ. Впрочемъ понятно, что бѣгъ въ пентааѣлѣ не могъ принять такихъ размѣровъ, какъ самостоятельный, ибо мѣрой его была одна стадія; борьба же оставлялась подъ конецъ. Такъ какъ о бѣгѣ и борьбѣ мы уже сказали, то обратимся къ остальнымъ тремъ состязаніямъ, изъ которыхъ первое мѣсто въ пентааѣлѣ занимало, съ 18 олимпіады, пры-

ганье (*άλμα*) въ вышину, глубину и въ даль; при послѣднемъ видѣ его употреблялись также гири (*άλτηρες*, отъ *άλλομαι*) изъ камня или свинца, формы грушевидной (рис. 424.), или полуовальной съ подходящею рукояткой, которая впрочемъ уже Павсаній называетъ старинными (*άλτηρες αρχαίοι*), или же наконецъ такіа, какъ и наши. Руки, отягченныя гириями и вытянутыя горизонтально впередъ, при прыганьи (которое происходило съ разбѣгомъ или съ мѣста) быстро отбрасывались назадъ, съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ сообщить тѣлу нѣкоторый полетъ, и оно легче подавалось дальше. Мѣсто разбѣга (*βατήρ*) обозначалось или какой нибудь мѣткою, или же употреблялась для этого доска; цѣль обозначалась бороздой (*σκάμμα*), или же длина прыжка отдѣльныхъ состязателей всегда отмѣривалась. По словамъ древнихъ длина прыжка достигала пятидесяти греч. футовъ (15 метровъ!); и, если вѣрить Свидѣ, Кротонянинъ Фаиллъ прыгнулъ на 55 футовъ!

Бросаніе диска (*δισκοβολία*) было очень древняго происхожденія; оно упоминается уже въ поэмахъ Гомера. Дискъ, который употребляютъ герои для бросанія при выше упомянутыхъ играхъ (Ил. XXIII. 826 сл.), есть тяжелый кругъ изъ литаго желѣза (*αὐτοχώνος*) и называется *σόλος*. Въ позднѣйшія, историческія времена дискъ былъ изъ бронзы или другого матеріала (напр. камня, дерева), чечевицеобразно сплюснутый къ краямъ, цѣльный или съ отверстіемъ посрединѣ. Въ гимназіяхъ и палестрахъ онъ былъ различнаго вѣса, въ публичныхъ состязаніяхъ для всѣхъ одинаковый. На островѣ Эгинѣ былъ найденъ бронзовый дискъ съ діаметромъ 7·7", вѣсомъ около четырехъ фунтовъ. Бросали съ незначительнаго возвышенія или ступеньки (*βαλβίς*) въ даль опредѣленную, или какъ можно дальше; мѣсто перваго полета (*καταφορά*) отмѣчалось, безъ вниманія къ дальнѣйшему перекату. Способъ, которымъ происходило это бросаніе, мы узнаемъ обстоятельно изъ разсказа Статія (Theb. VI. 646—721), а также намъ изображаютъ его нѣкоторыя копіи знаменитой статуи Мирона (самая изящная во дворцѣ князя Массими изъ виллы Паломбара въ Римѣ), изъ которыхъ здѣсь представлена лондонская изъ брит. музея (рис. 423.). Состязующійся, взявъ дискъ какъ можно удобнѣе въ руку и въ подлокотникъ правой руки, поднимаетъ его назадъ какъ можно выше затѣмъ дѣлаетъ имъ нѣсколько полукруглыхъ размаховъ, при чемъ, для сохраненія равновѣсія, верхнюю часть тѣла косо наклоняетъ впередъ и лѣвую руку опираетъ о правое колѣно (это положеніе именно изображаетъ намъ рисунокъ) и наконецъ въ моментъ бро-

санія, чтобы придать диску полетъ, двигаетъ съ силою тѣло въ противоположную сторону и выпрямляетъ его. — Упомянутый выше Фаиллъ бросалъ, по тому-же Свидѣ, дискъ на 95 футовъ!

Искусство бросать копье (*ἀκοντισμός*) изучалось въ гимназіяхъ, преимущественно какъ военное упражненіе, важное для каждаго юноши; но имъ пользовались и при публичныхъ состязаніяхъ, гдѣ копье бросалось не только впередъ, какъ можно дальше, но, какъ кажется, и въ цѣль. Впрочемъ само собою разумѣется, что для простаго обученія не нужно было употреблять копья съ желѣзнымъ остриемъ, но достаточно было одного древка одинаковой величины и вѣса, что подтверждаютъ, кажется, и нѣкоторые рисунки на вазахъ.

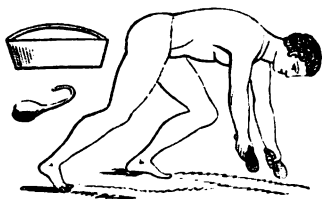

Рис. 424. Ручныя греческія гири, по рисункамъ на вазѣ.

Рис. 425. Кулачные ремни („муравей“), по рим. статуѣ.

Гимнастическія состязанія заключало *παγκράτιον*, соединеніе борьбы и кулачнаго боя вмѣстѣ. Въ немъ могли участвовать только самыя сильныя и ловкіе борцы. Принято было оно въ число агоневъ въ Олимпіи впервые въ 648 г. (33 ол.), хотя упоминается уже у Гесіода (*Scut.* 301) въ словахъ: *οἱ δ' ἐμάχοντο πύξ τε καὶ ἐλκηδόνι*. Послѣ 145 олимпіады (200 до Р. Хр.) вошло въ обычай панкратіе мальчишевъ и юношей до 18 лѣтъ (*Paus.* VI. 14, 1). Пока состязаніе шло стоя, дрались преимущественно кулаками; когда же борцы падали, преобладала борьба. Кулачный бой (*πύξ, πυγμή, πυγμαχία*) принадлежалъ навѣрно къ древнѣйшимъ греческимъ играмъ и забавамъ, такъ какъ и Гомеръ о немъ упоминаетъ, называя его (какъ и борьбу) труднымъ, тяжкимъ (*πυγμαχίη ἀλεγεινή*, *Ил.* XXIII. 653). Для усиленія ударовъ обвивали руки отъ запястья чрезъ ладонь ремнями, но такъ, что рука еще могла быть сжата въ кулакъ; эти ремни назывались мягкими (*μείλιχαι*, *Paus.* VIII. 40, 3), въ отличіе отъ болѣе твердыхъ и толстыхъ, которые впоследствии употребляли въ кулачныхъ бояхъ, и которые устраивались такъ, что

черезъ мягкіе ремни протянуть былъ поперекъ поверхъ руки еще другой острый ремень, или такъ, что ремни снабжались металлическими пуговицами или гвоздями; и это тяжелое и опасное приспособленіе называли шаромъ (*σφαίρα*) или юмористически муравьемъ (*μύρμηξ*, рис. 425.). При панкратіи нельзя было употреблять ремней, такъ какъ бой, какъ сказано, переходилъ въ борьбу. Главные моменты кулачнаго боя были: Оба противника, занявъ удобныя мѣста и стоя твердо на растопыренныхъ ногахъ, съ тѣломъ хотя наклоненнымъ, но съ шеей и головой отклоненными для обороны назадъ и нагнутыми влѣво, начинали или взаимно поражать другъ друга руками, или одинъ ограничивался одною лишь обороной, отражая удары противника и утомляя его. Удары падали преимущественно на верхнюю часть тѣла, именно на голову и всѣ ея части; больше всего страдали уши, лице и зубы. Крайности были ограничены такими предписаніями, по которымъ противники не смѣли другъ друга таскать, обхватывать или раскачивать, и пускать въ дѣло ноги (это все, однако, было дозволено въ борьбѣ); но не смотря на все это, кулачный боецъ рѣдко сохранялъ въ цѣлости уши и зубы. Бой возобновлялся съ промежутками до полного изнеможенія (*ἀπαγορεύειν*) одного или другого противника.

Иногда упоминается такъ наз. *ἀχροχειρισμός*, т. е. бой, въ которомъ противникъ держалъ противника только за концы пальцевъ (Paus. VI. 4, 1, 2).

Не менѣе любимы были скачки на колесницахъ и верхомъ (*ἀρῶν ἵππικός*) въ гипподромѣ (см. стр. 53 и 54), происходившія обыкновенно на второй день олимпійскаго праздника, къ которому онѣ присоединены были лишь съ 25 олимп. (680 до Р. Хр.), хотя происхожденія онѣ гораздо древнѣйшаго; упоминаются эти скачки и подробно описываются среди погребальныхъ игръ въ честь Патрокла, въ Илиадѣ (XXIII. 262—538). Желавшіе участвовать въ скачкахъ, пріѣзжали въ Олимпию цѣлымъ мѣсяцемъ раньше, и какъ лошади, такъ и наѣзники подвергались испытанію Гелландиковъ. Вслѣдствіе дороговизны только самые богатые изъ Грековъ могли содержать лошадей для ристаній; тѣмъ не менѣе въ Олимпіи всегда было большое число упряжей, потому именно, что не было надобности самому хозяину участвовать въ ѣздѣ, а награда все таки доставалась ему, такъ что и нѣкоторые цари, и даже дамы посылали на скачки своихъ лошадей. До 410 г. дозволено было состязаться только четвернямъ (*τέτταριππον*) взрослыхъ коней (*δρόμος*

ἵππων τελείων), потомъ допускались и пароконки (*συνωρίς*); ихъ выѣзжало изъ ограды всегда по четыре, по восьми, по десяти и болѣе. Съ 99 олимп. (384) состязались и жеребята (*πῶλοι*).

Ристалищныя колесницы похожи были, какъ можно судить по рисункамъ на вазахъ, вообще на героическія военныя колесницы, о которыхъ мы скажемъ ниже; онѣ тоже были на двухъ колесахъ, открыты сзади и очень легки.

Когда наѣздники вышеупомянутымъ (на стр. 54) способомъ выѣзжали изъ сараевъ, то они объѣзжали гипподромъ или одинъ разъ (что составляло, кажется, 4 стадіи), или два раза (8 стадій), или даже двѣнадцать разъ (24 ст.).

Самое опасное было огибаніе меты, такъ какъ наѣзднику грозила опасность удариться о нее колесницею, какъ изображаетъ напр. Софокль въ *Электрѣ* ст. 725—740

Держась прямо, безъ вреда себѣ
 Не разъ (Орестъ) проѣхалъ гипподромъ; затѣмъ
 Ужъ близкій къ цѣли, но неосторожно
 Вдругъ опустивъ¹⁾ бразды коня, что слѣва
 Скакалъ во весь опоръ, ближайшій къ метѣ,
 Ударился о мету колесницей:
 Сломалась ось; онъ падаетъ съ квадриги,
 Запутавшись въ браздахъ; но мчатся кони,
 Влекутъ несчастнаго по гипподрому.
 Народъ же весь, лишь только то замѣтилъ,
 Ужасный поднялъ вопль, оплакивалъ
 Судьбу его. Какое бѣдствіе
 Его постигло послѣ столь удачныхъ,
 Счастливыхъ подвиговъ! Но кони
 Все мчатъ его то вверхъ, то внизъ лицомъ.
 Вотъ наконецъ, и то съ большимъ трудомъ,
 Стремленіе коней остановили.
 Распутали его, но мертвъ онъ былъ,
 Обезображенъ кровью, такъ что уже
 Никто бъ другой и не призналъ его.²⁾

Ристаніе верхомъ (*ἵπποδρομία*) совершалось или на взросломъ конѣ (*ἵππος κέλης*), или на молодомъ (*κέλης πῶλος*); послѣдній способъ вошелъ въ обычай впервые въ 131 о.л. (256 до Р. Хр.).

¹⁾ Въ томъ мѣнѣн, что онъ уже обогнулъ мету.

²⁾ Переводъ Н. Котелова.

Иногда упоминается также ристаніе наѣздниковъ то садящихся, то слѣзающихъ (*ἀναβάτης, ἀποβάτης*); это ристаніе употреблялось въ особенности въ панаѳенейскихъ скачкахъ и состояло въ томъ, что кромѣ возницы стоялъ на колесницѣ наѣздникъ, который при послѣднемъ объѣздѣ соскакивалъ съ колесницы и нѣкоторое время бѣжалъ подлѣ нея и вновь вскакивалъ на нее, стараясь раньше другихъ доѣхать до цѣли.

Кромѣ олимпійскихъ должно коснуться еще трехъ большихъ народныхъ греческихъ празднествъ: пивійскихъ, исемійскихъ и немейскихъ.

Состязанія *пивійскія* совершались съ незапамятныхъ временъ въ честь бога Аполлона, въ криссайской равнинѣ подлѣ Дельфъ, подлѣ руководствомъ дельфійскихъ жрецовъ, и были исключительно музыкальныя. Въ 586 г. до Р. Хр. занялись устройствомъ ихъ амфиѳіоны и, соединивъ съ ними всѣ роды состязаній олимпійскихъ, назначили ихъ на третій годъ каждой олимпіады, на осень (въ мѣсяцъ наз. у Фокеянъ *букатіосъ* — пол. сентября и октября). Важнѣйшими изъ состязаній остались все таки музыкальныя. Въ остальномъ пивійскія состязанія были совершенно сходны съ олимпійскими. Побѣдители награждались лавровымъ вѣнкомъ.

Исемійскія игры совершались въ честь Посейдона каждый второй годъ, попеременно то лѣтомъ, то весной, въ сосновомъ лѣсу Посейдона близъ Коринѳа. И ихъ происхожденіе теряется во мракѣ древности, но окончательное устройство этихъ игръ, во всемъ схожихъ съ пивійскими, начинается въ 616 году до Р. Хр. Веденіе ихъ было въ рукахъ коринѳскихъ гражданъ. Въ награду побѣдителямъ давали вѣнокъ изъ сельдерея (ибо по преданію первоначально праздновалась ими память Меликертовой смерти), въ римскія же времена — вѣнокъ, свитый изъ сосновыхъ вѣтвей. Онѣ упоминаются еще во времена императора Юліана.

Немейскія игры праздновались каждый второй годъ въ честь Зевса въ немейской долинѣ близъ Клеонъ въ Арголідѣ. Начало ихъ, что подтверждаетъ и исторія, относится къ 51 ол. (572 до Р. Хр.); общегреческими сдѣлались онѣ только съ 70 ол. (496 до Р. Хр.). Управление ими находилось въ рукахъ Аргосцевъ, и въ императорскія времена онѣ праздновались даже въ Аргосѣ. Немейскія игры состояли изъ всѣхъ тѣхъ родовъ состязаній, какъ и олимпійскія.

Праздники и игры Римлянъ.

79. О нѣкоторыхъ римскихъ праздникахъ мы упомянули уже выше, описывая важнѣйшія коллегии и общества жрецовъ. Прибавимъ здѣсь еще кое-что о нѣкоторыхъ другихъ самыхъ важныхъ.

Празднованіе новаго года было одно изъ самыхъ веселыхъ и шумныхъ празднествъ. Было всеобщимъ обычаемъ — дѣлать и принимать къ наступающему году взаимныя поздравленія и посылать подарки (*strenae*), которыми первоначально были лакомства, какъ-то медъ, плоды и конфекты, означавшіе символически качество пожеланій; позже избирались для этого цѣнные предметы, преимущественно лампы съ подходящими къ этому дню надписями (ср. стр. 197) и медали. Жертвоприношенія и молитвы въ этотъ день совершались въ честь бога Януса.

Въ день новаго года также вступали торжественно въ должность консулы, что совершалось до позднихъ временъ имперіи съ большою пышностью. Въ сопровожденіи сенаторовъ, всадниковъ и прочаго народа отправлялись оба консула, каждый изъ своего дома (*deductio consulum*), въ Капитолій, гдѣ оба произносили молитвы и обѣты за благо народа, принося предъ храмомъ Юпитера бѣлыхъ быковъ; затѣмъ ихъ сопровождали въ курію или въ храмъ къ первому засѣданію сената; наконецъ въ Капитоліи они блестящимъ образомъ угощали сенаторовъ и другихъ государственныхъ чиновниковъ.

О празднествѣ очищенія въ февралѣ см. стр. 450. Перваго марта, которымъ нѣкогда начинался годъ, совершались процессіи салиевъ (см. стр. 448) и отправлялось празднество римскихъ матронъ (*matronalia*), а съ 19 по 23 такъ наз. *quinquatus*, праздникъ, посвященный Минервѣ, и празднуемый ремесленниками и вообще всѣми, занятія которыхъ стояли подъ охраной этой богини.

Послѣдній день этого праздника назывался *tubilustrium*, очищеніе трубъ, т. е. всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, употребляемыхъ при жертвоприношеніяхъ и другихъ религіозныхъ обрадахъ. Непосредственно за этимъ слѣдовало празднество въ честь Великой Матери (*Mater Magna*). Первоначально совершали его, какъ мы замѣтили на стр. 442, жрецы и жрицы изъ Фригіи, и римская публика не смѣла въ немъ участвовать, но при императорахъ съ участіемъ въ немъ римскаго общества оно превратилось въ распущенное и необузданное празднество. Кромѣ того

давались въ честь той-же богини, нѣсколько дней спустя, такъ наз. *Megalesia*, игры въ циркѣ и въ театрахъ.

Ближайшій къ этому праздникъ, празднуемый съ 28 апрѣля по 3 мая въ честь богини Флоры (*Iudi Florae*), отличался тоже распущенностью и необузданнымъ весельемъ, въ особенности вслѣдствіе пятидневныхъ театральныхъ игръ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Важнѣйшій праздникъ въ маѣ, совершаемый земледѣльческимъ братствомъ, мы описали выше на стр. 450.

Въ 9й день іюня приходилось празднество богини Весты (*Vestalia*), совершавшееся римскими матронами и дѣвушками, которыя толпами отпраплялись ко храму Весты, периболь котораго въ этотъ единственный день былъ доступенъ и мужчинамъ, тогда какъ женщинамъ дозволялось заглянуть даже во внутреннее святилище (*intimus penus Vestae*).

Проходя молчаніемъ многія другія римскія празднества, скажемъ еще нѣсколько словъ о заключительномъ годовомъ празднествѣ, о сатурналіяхъ (*Saturnalia*). Это празднество (о происхожденіи котораго различно думали, хотя вѣроятно, оно возникло въ память основанія храма Сатурна) напоминало Римлянамъ о той счастливой порѣ человѣческой жизни, когда, по сказаніямъ, правилъ въ Лации царь Сатурнъ, такъ что они считали нужнымъ возобновлять по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней память объ этомъ блаженномъ состояніи свободы и равенства. — Это былъ безъ сомнѣнія прекраснѣйшій римскій праздникъ. Цѣлую недѣлю (хотя собственно праздникъ длился только отъ 17 до 19 числа) отдыхали отъ всѣхъ труднѣйшихъ работъ и отъ всѣхъ ремесленныхъ и торговыхъ занятій. Особенно рабамъ предоставлялась въ эти дни полная свобода, и потому они одѣвались въ тоги и надѣвали на голову войлочныя шляпы (*pileus*) въ знакъ того, что они свободны, тогда какъ граждане оставляли въ сторонѣ стѣснительныя тоги, и въ эти нѣсколько дней всѣ, не исключая сенаторовъ и высокихъ чиновниковъ, ходили по домашнему. Что въ этотъ праздникъ также роскошнѣе ѣли и пили, разумѣется само собою. Было въ обычаѣ, что въ эти дни рабы ѣли за однимъ столомъ съ господами, и господа имъ прислуживали. Рядомъ съ ѣдой и питьемъ всѣ, безъ различія состоянія и возраста, смотрѣли игры и при томъ такія, которыя при другихъ условіяхъ не допускались. Часто совершались также ристанія въ циркѣ и гладіаторскія игры, благодаря чему веселье народа и оживленіе достигало своего апогея.

Потому то люди, любившіе спокойствіе, выѣзжали въ сатурналіи изъ города и проживали эти дни въ деревняхъ, хотя и тамъ было одинаково шумно (ср. Plin. Ep. II. 17; см. стр. 145). Послѣдній день сатурналіи занимаетъ праздникъ, называемый *sigillaria*, потому что въ этотъ день передъ Панеономъ и въ другихъ мѣстахъ продавались безчисленныя изображенія боговъ, людей, животныхъ и пр., либо испеченныя изъ тѣста, либо сдѣланныя изъ глины, воска, либо изъ металлическаго, часто дорогаго матеріала; ихъ покупали богаче и бѣдныя, смотря по вкусу и средствамъ, и ими взаимно обмѣнивались, преимущественно же родные дарили дѣтей.

Всѣ общественныя игры у Римлянъ первоначально соединены были съ жертвоприношеніями или другими религіозными обрядами; слѣдовательно назначеніе ихъ первоначально было богослужбное.

Какъ въ частной жизни Римлянинъ, желая выпросить себѣ у боговъ что нибудь благопріятное, или отвратить отъ себя съ помощью ихъ какое нибудь несчастье или грозящую, иногда и наставшую уже невзгду, по мѣрѣ силъ своихъ давалъ имъ обѣты: подобнымъ-же образомъ и консулы, военачальники и высшіе чиновники дѣлали обѣты богамъ за государство и его благо, чтобы напр. отвратить гнѣвъ ихъ въ губительныхъ болѣзняхъ или выпросить у нихъ счастливый исходъ трудной войны или отдѣльной битвы. Чаше всего дѣлались обѣты о постройкѣ храмовъ въ честь боговъ и о принесеніи имъ обильныхъ жертвъ; кромѣ того совершались публичныя игры для прославленія имени боговъ. Такія игры назывались играми по обѣту (*ludi votivi*) и давались или одинъ разъ, или же повторялись (смотря по обѣту, сдѣланному въ этомъ смыслѣ) въ годовщину того счастливаго событія, по поводу котораго онѣ были обѣщаны, и такимъ образомъ становились годичными и постоянными (*ludi annui, statii, ordinarii*), и день ихъ обозначался какъ праздникъ въ календарѣ. Издержки на такія игры конечно давали общины, а устройство и веденіе ихъ поручалось общиною въ древнѣйшія времена консуламъ, впослѣдствіи (послѣ 494 до Р. Хр.) курульнымъ и плебейскимъ эдидамъ подъ надзоромъ высшихъ чиновниковъ, а въ императорскія времена которому нибудь изъ преторовъ. Но назначенной государствомъ суммы обыкновенно не хватало, и эдилы, желая заискать у народа, прибавляли изъ собственныхъ средствъ, что впослѣдствіи съ избыткомъ умѣли вознаграждать въ качествѣ пропреторовъ и проконсуловъ провинцій. Государственный расходъ на публичныя игры простирался

въ 54 г. до Р. Хр. (по письму Cic. ad Quint. f. III. 9, 2) до 30 милліоновъ сестерціевъ (т. е. почти полтора милліона рублей); дѣйствительныя же издержки были въ два и въ три раза больше. Кромя того и частныя лица могли на собственный счетъ давать игры (*ludos edere*). Платы за входъ на игры, даваемыя отъ общины, никогда не назначалось; при частныхъ же, хотя плата по закону и дозволялась, но едва ли взималась.

Древнѣйшій родъ публичныхъ игръ были ристанія на колесницахъ и верхомъ, происходившія въ циркѣ или на Марсовомъ полѣ; установленіе этихъ игръ приписывается Ромулу (*consualia* и *equitia*). Къ ристаніямъ присоединены были съ 364 г. до Р. Хр. сценическія игры, при чемъ послѣдними празднество начиналось, а ристаніями заканчивалось. Годичныхъ праздниковъ во время республики было семь, а именно: 1) *ludi Romani*, *Magni*, учрежденные въ честь трехъ капитолійскихъ божествъ (съ 4 по 14 сентября); 2) *l. plebeji* въ память полученной равноправности народа (вслѣдствіе отхода его на Авентинскую гору, съ 4 по 17 ноября); 3) *l. Cereales* (въ честь Цереры, съ 12—19 апрѣля); 4) *l. Apollinares* съ 212 г., установленные въ слѣдствіе одного предсказанія въ честь Аполлона (ср. стр. 441) по объѣту за изгнаніе Ганнибала изъ Италіи и сдѣлавшіеся постоянными по случаю моровой язвы, бывшей въ 208 г. (съ 5 по 13 іюля); 5) *l. Megalenses* въ память прибытія Великой Матери (*Magna Mater*) въ 204 г. (ср. стр. 442), съ 4 по 10 апрѣля; 6) *Floralia* съ 28 апрѣля по 3 мая, и наконецъ 7) память побѣды Суллы съ 26 октября по 1 ноября. Всего было 66 дней праздничныхъ, изъ нихъ 14 такихъ, въ которые происходили ристанія. Къ этимъ годичнымъ праздникамъ, празднуемымъ публичными играми, присоединены были съ начала имперіи 10 дней (20—30 іюля) въ честь Венеры Родительницы и 2 дня въ честь Марса (12 мая и 1 августа) и праздникъ въ честь Августа (*Augustalia*) съ 3 по 12 октября.

Къ двумъ приведеннымъ родамъ игръ присоединились во время имперіи еще игры гладиаторскія (*l. gladiatorii*), поставленныя наравнѣ съ остальными играми, затѣмъ греческія игры, т. е. состязанія атлетовъ, и музыкальныя, которыя впервые ввелъ въ Римѣ Августъ, въ память своей побѣды при Акціи, и которыя со временъ Нерона повторялись чрезъ каждое пятилѣтіе, какъ *certamen quinquennale* до временъ Гордіана III (238—244 по Р. Хр.). Въ императорскія времена число годичныхъ и случайныхъ игръ значительно увеличилось; ибо, кромѣ дней издавна

праздновавшихся, сенатъ назначалъ праздничныя игры въ день рожденія императора и императрицы, въ память вступленія его на престоль или въ память его смерти; тоже самое дѣлали по своей волѣ и нѣкоторые императоры, преемники которыхъ въ свою очередь многое отмѣняли и измѣняли. Такъ напр. при императорѣ Маркѣ Авреліи всѣхъ дней, празднуемыхъ играми, было въ Римѣ 135, а въ 4 стол. даже 175, въ томъ числѣ 64 ристалищныхъ, 10 театральныхъ и 10 гладиаторскихъ. Кромѣ того было много праздничныхъ игръ чрезвычайныхъ, которыя продолжались иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. Такъ, Титъ въ 80 г. праздновалъ открытіе амфитеатра 100-дневными играми, Траянъ праздновалъ свою вторую побѣду надъ Даками въ продолженіе 123 дней. Такимъ образомъ праздники, первоначально устраиваемые въ честь боговъ, снизошли на степень развлеченій городской, все болѣе и болѣе грубѣющей публики. Когда на имперію со всѣхъ сторонъ напирала враги, императоры, при необходимости вести постоянныя войны, должны были заботиться ради домашняго спокойствія (кромѣ прокормленія) объ увеселеніи римской черни. Они дѣлали это также ради популярности, всходя на тронъ. Но въ какой степеніи и какъ явно выгазывались эти заискиванія у народа, объ этомъ мы не имѣемъ болѣе рельефнаго свидѣтельства, какъ слѣдующія слова изъ эдикта, посланнаго въ Римъ императоромъ Авреліаномъ (Flav. Vor. Firmus c. 4): „... Я сдѣлаю, чтобы Римъ не имѣлъ заботъ. Предавайтесь забавамъ, занимайтесь ристаніями. Насъ пускай занимаютъ общественныя нужды, васъ пусть интересуютъ развлеченія!“ . . . .

80. Древнѣйшія и, какъ сказано, выросшія на римской почвѣ забавы были *игры въ циркѣ*. О религіозномъ ихъ происхожденіи и о разныхъ видахъ ихъ мы упомянули уже во введеніи къ этому отдѣлу; поэтому здѣсь представимъ картину самыхъ игръ, какъ онѣ совершались въ императорскую эпоху въ Римѣ въ большомъ циркѣ, устройствѣ котораго, описанное выше на стр. 57 и сл., мы не должны при этомъ упускать изъ виду.

Еще до разсвѣта (торжественное открытіе ристаній начиналось рано) слѣшила любопытная и страстно любившая ристанія публика въ праздничномъ одѣяннн (мужчины въ тогахъ безъ плащей) въ циркъ и занимала мѣста. Мѣста были со временъ Августа распределены по должностямъ и сословіямъ; первые ряды мѣстъ надъ *rodium*омъ были отведены высшимъ сановникамъ, понтификамъ, Весталкамъ и сенаторамъ, за ними извѣстное число мѣстъ

было отведено (со временъ Перона, Тас. Ан. XV. 32) многочисленному сословію всадниковъ. Женны сидѣли только при этихъ играхъ вмѣстѣ съ мужьями. Такъ какъ, по причинѣ обширности цирковъ, въ нихъ нельзя было устраивать навѣсовъ, какъ это дѣлалось въ театрахъ, то для защиты отъ палящихъ лучей солнца мужчины являлись въ нихъ обыкновенно въ шляхахъ, а женщины съ зонтиками.

Но, прежде чѣмъ заглянемъ съ публикой въ циркѣ, выслушаемъ кое что о приготовленіяхъ и распоряженіяхъ, которыя прилежно дѣлаются тѣми, кто собирается принять дѣятельное участіе въ играхъ.

Подобно жрецамъ, художникамъ и ремесленникамъ, составлявшимъ отдѣльныя корпораціи (*collegia*), образовались въ Римѣ и между богатыми сенаторами и всадниками особыя общества или клубы (*factiones*) для систематическаго веденія ристаній верхомъ и на колесницахъ; каждый клубъ имѣлъ своего предсѣдателя (*dominus factionis*); съ этими-то обществами и должны были входить въ сношенія тѣ, кто желалъ участвовать въ ристаніяхъ. Каждое общество содержало и тщательно подготавливало для ристаній лошадей, имѣло въ услуженіи конюховъ и возницъ, разныхъ ремесленниковъ и даже врачей. Конюшни всѣхъ клубовъ находились подлѣ цирка и были великолѣпно устроены. Уже во время республики упоминаются два общества, а именно общество свѣтлыхъ или бѣлыхъ (*factio vitrea, albata*) и красныхъ (*f. russata*), названныя такъ по цвѣту туникъ. Позже возникли еще клубы зеленыхъ (*f. prasina*) и голубыхъ (*f. veneta*), которые впоследствии затмили оба предъидущіе. Домиціанъ присоединилъ къ этимъ четыремъ клубамъ (хотя не существовавшимъ постоянно) еще два, а именно клубъ золотыхъ и пурпуровыхъ (*f. aurati purpureique ranni*).

Соревнованіе между отдѣльными клубами не разъ вело къ спорамъ и настоящимъ схваткамъ (доказательства на это мы встрѣчаемъ часто у Светонія и у такъ наз. императорскихъ лѣтописцевъ), такъ какъ даже нѣкоторые императоры присоединались въ качествѣ членовъ къ тому или другому клубу, напр. Калигула — къ зеленому, Гальба — къ голубому и т. д. Что и вся публика по цвѣтамъ раздѣлялась на партіи и при этомъ вела себя страстно и очень бурно, само собою понятно. Лошадей для ристаній заботливо набирали преимущественно въ Каппадокіи (такъ напр. Гордіанъ въ началѣ 3 вѣка роздалъ клубамъ 200 отличныхъ каппадокійскихъ лошадей), въ Испаніи, Сициліи и Африкѣ, и соотвѣтственно цѣли обучали и ходили ихъ. Сумасшедшій Калигула дошелъ въ

этомъ до такой крайности, что наканунѣ ристаній, чтобы любимый конь его Incitatus спокойно почивалъ, обитателямъ всего окологда приказалъ сохранять глубочайшую тишину. Имена знаменитыхъ рысаковъ можно было предъ началомъ ристаній слышать на всѣхъ улицахъ (Luc. Nigrinos, 29), а за обѣдами не говорилось ни о чемъ другомъ, какъ о „зеленыхъ“ или „голубыхъ“ и ихъ лошадяхъ (Mart. X. 48), изъ которыхъ напр. Andraemon въ Римѣ былъ извѣстнѣе, чѣмъ самъ поэтъ Марціалъ! Побѣдоноснымъ лошадямъ давали также, какъ и состязателямъ въ скачкахъ, богатыя

Рис. 426. Состязатель въ скачкахъ, взявшій призъ, по ватиканской мраморной статуѣ.

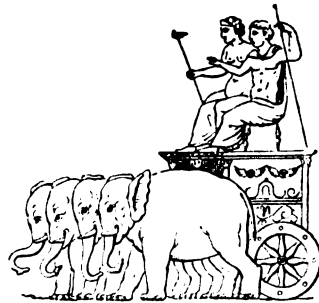

Рис. 427. Парадная колесница (tensa) со статуями боговъ, по монетѣ императора Нервы.

награды; такъ лошади Вера „Volucer“ (крылатый) выдано было только отъ общества зеленыхъ почти двѣ четверти червонцевъ, и та-же лошадь удостоилась золотой статуи, а впоследствии и надгробнаго памятника въ Ватиканѣ!

Состязателями въ скачкахъ (agitatores, celetizontes) и возницами (augigae) были первоначально, когда при играхъ была замѣтна еще религіозная цѣль, сами граждане; позже набирали для этого лишь людей изъ низшаго сословія, рабовъ и отпущенниковъ, но во времена имперіи возницами снова являлись люди знатные (при Калигулѣ даже нѣкоторые сенаторы). Наградой наѣзdnикамъ была пальмовая вѣтвь и деньги ¹⁾ (palma et brabeum), дорогія платья и статуи (рис. 426.) и великолѣпные надгробные памятники

¹⁾ Такъ наѣзdnикъ С. Appuleius Diocles, жившій около половины 2 стол. по Р. Хр. получилъ 92 приза (praemia maiora) отъ 30 до 60 тысячъ сестерціевъ, всего 3,710.000 сест., т. е. около 240.000 руб. (Friedl. Darstellungen a. d. Sttg. R. II. 376 сл.). Но и кромѣ того выплачивались отъ клубовъ знаменитымъ на-

съ похвальными надписями и перечисленіемъ всѣхъ одержанныхъ побѣдъ. Нѣкоторые удостоивались дружбы самихъ императоровъ.

Открытіе скачекъ (по крайней мѣрѣ въ болѣе важныя празднества, какъ-то: *ludi Romani*, *Megalenses* и пр.) начиналось шествіемъ (рота *circensis*), весьма похожимъ на триумфальное, которое выходило изъ Капитолія и спускалось чрезъ форумъ и Веллабрумъ въ цирку. Впереди ѣхали юноши изъ сословія всадниковъ на лошадяхъ, а за ними пѣшкомъ шли другіе въ большомъ числѣ; затѣмъ слѣдовали участники въ предстоящихъ скачкахъ на коняхъ и на колесницахъ; за ними музыканты съ короткими кларнетами и китаррами о семи струнахъ; далѣе группы танцоровъ — мужей, юношей и мальчиковъ — въ красныхъ туникахъ съ мечами за поясомъ и короткими копьями; каждая группа танцевала за предводителемъ свой танецъ (такъ наз. *пиррихи*, см. ниже), а за ними группа силеновъ, одѣтыхъ въ косматые хитоны и украшенныхъ пестрыми цвѣтами, и группа молодыхъ сатировъ, снабженныхъ козлиными кожами и ежевидными париками; эти шуты послѣ танцоровъ служили большою потѣхою для зрителей; потомъ шествовали жрецы съ жертвами, а за ними на роскошныхъ колесницахъ (*tensae*, рис. 427.) или на носилкахъ (*fercula*) везли и несли статуи боговъ (и императоровъ) изъ золота и слоновой кости; ихъ сопровождалъ консулъ (въ триумфальной одеждѣ) или (позже) императоръ со своимъ дворомъ (либо его представитель изъ самыхъ высшихъ сановниковъ, обыкновенно преторъ), должностныя лица, сенаторы, всадники, жреческія и прочія общества. Когда затѣмъ процессія въ циркѣ обошла спину съ метами, и жертва была принесена, тогда статуи ставились на подушкахъ, приготовленныхъ для этого на спинѣ, императоръ (если онъ велъ процессію) отправлялся въ ложу (*pulvinar*), устроенную со стороны Палатина для императорскаго двора и соединенную съ дворцемъ Тиберія, остальные же участники въ процессіи — на отведенныя для нихъ мѣста (публика часто уже на разсвѣтѣ занимала сидѣнья), и скачки тотчасъ начинались. Четыре колесницы (по одной, а иногда даже двѣнадцать — по три отъ каждого клуба) обыкновенно въ четыре лошади (*quadrigae*), иногда въ шесть и въ три (*seigues* и *trigae*), или (для начинающихъ

ѣздивкамъ огромныя деньги, такъ что напр. Ювеналь (VII. 112) доходы одного наѣздняка изъ клуба „красныхъ“ противопоставляетъ доходамъ цѣлой сотни адвокатовъ.

и болѣе слабыхъ возницъ) даже въ двѣ (*bigae*, рис. 429.)¹⁾ — въ порядкѣ, уже прежде установленномъ, выѣзжали изъ сараевъ на правую сторону цирка; какъ только опускался натянутый предъ сараями канатъ²⁾ — это дѣлалось по знаку, поданному бѣлымъ платкомъ, бросавшимся съ балкона надъ главнымъ входомъ въ циркъ надъ карцерами (см. рис. 57. Н) консуломъ, либо (во времена имперіи) преторомъ — спѣшили колесницы, стремясь каждая раньше другихъ доѣхать до нижней меты и, объѣхавъ ее какъ можно ближе, опередить соперниковъ; если это удается сразу при первомъ объѣздѣ, бѣгъ сокращается на нѣсколько локтей; если это удается и при второмъ объѣздѣ, то является уже надежда на побѣду; но и при третьемъ, четвертомъ и дальнѣйшихъ объѣздахъ надежный возница долженъ обращать вниманіе на меты,

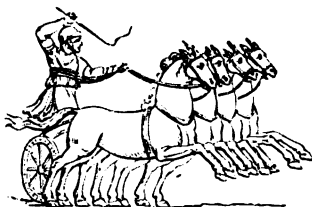

Рис. 428. Возница (*auriga*) съ четвернею, по античной лампѣ изъ жженой глины.

Рис. 429. Возница (*auriga*) съ парой лошадей, по античной лампѣ изъ жженой глины.

чтобы не задѣть ихъ колесомъ: иначе пропала побѣда. Малѣйшій толчокъ сбрасываетъ возницу съ легонькой, двухколесной открытой сзади колесницы, онъ опаздываетъ и терпитъ неудачу. Но не въ этомъ заключалась главная, могущая постигнуть его бѣда. Присмотримся къ одному возницѣ и его четвернѣ. Низкій гладкій шлемъ покрываетъ голову и защищаетъ нѣсколько лицо и лобъ (рис. 428. и 430.); платье его цвѣтное (по клубу, къ которому онъ принадлежитъ) и тѣсно прилегающая къ тѣлу туника, для того чтобы не мѣшать, привязана ремнями къ плечамъ и груди; подобнымъ

¹⁾ Самая лучшая лошадь въ четвернѣ всегда выбиралась въ дѣвья, ибо при объѣздѣ меты отъ ней зависѣло все.

²⁾ Въ эпоху Кассіодора (въ 5 стол.) былъ такой обычай, что колесницы выѣзжали изъ колюшенъ и становились на правой сторонѣ цирка обокъ съ верхней метою.

образомъ густая обвязка (*fascia*) охраняетъ голени и икры отъ удара и руки, чтобы онѣ легче выдерживали сильное треніе вожжей; вожжи онѣ держать обернутыми кругомъ тѣла, чтобы сильнѣе держать въ своихъ рукахъ несущихся близко другъ отъ друга во всю прыть лошадей (рис. 430. и 428.). Правда, это способствовало удержанію вожжей; но какъ было опасно, если возница, натгнувшись на мету, былъ сброшенъ съ колесницы! Тогда лошади потащили бы его за собою, еслибы ему не удалось во время перерѣзать ножемъ, заткнутымъ за поясъ, вожжей и такимъ образомъ спасти свою жизнь. Равнымъ образомъ и лошади имѣютъ предохранительные ремни надъ копытами, остриженные гривы, закрученные

Рис. 430. Возница (*auriga*) съ четвернею, по конс. диптихамъ.

Рис. 432. Волтижеръ (*desultor*), по лампѣ изъ женой глинны.

Рис. 431. Волтижеръ (*desultor*), по античному барельефу.

вверхъ и коротко подстриженные хвосты, а на лбахъ какія-то (металлическія) пластинки (рис. 430.).

Задача ристанія состояла въ томъ, чтобы каждая изъ четырехъ выпущенныхъ одновременно въ циркѣ колесницъ объѣхала семь разъ спину. Отдѣльные объѣзды, которые совершались безъ перерыва, обозначались для удобства и указанія зрителямъ, въ особенности же для публики, державшей большую часть высокія пари, сниманіемъ дельфиновъ и яицъ со столбовъ на спинѣ (см. стр. 58). Возница, первый достигшій въ седьмой обѣгъ бѣлой черты, вѣроятно насыпанной мѣломъ или известью, признавался побѣдителемъ, и этимъ оканчивалась скачка (*missus*). Длина пройденнаго пространства содержала 42 стадіи (*spina* = 3 стадіямъ), т. е. $1\frac{1}{20}$ географической мили, а время, нужное для этого, полчаса. Въ древнѣйшія времена совершалось обыкновенно лишь 10 миссовъ съ болѣе долгимъ антрактомъ послѣ

пятого, который занятъ былъ театральнымъ представленіемъ, требовавшимъ менѣе напряженнаго вниманія. Всего чаще выбирали для этой цѣли при Августѣ и первыхъ императорахъ извѣстный родъ бравурной костюмированной ѣзды (похожій на нын. карусель), иногда соединенной съ примѣрными состязаніями (*ludus Troiae, decursio*); совершали ее юноши изъ знатныхъ родовъ, раздѣленные на двѣ группы по возрасту. Иногда занимала этотъ антрактъ и травля дикихъ звѣрей (*africanarum venationes*), пока она не появилась въ амфитеатрахъ. Но со временъ Нерона скачки длились цѣлый день, и происходило 24, а въ дни особенно славные и достопамятные даже 36 и 48 миссовъ (Домиціанъ, по словамъ Светонія, далъ въ одинъ день 100 миссовъ, сокративъ число объѣздовъ одного мисса на пять).

Кромѣ скачекъ на колесницахъ упоминаются также скачки верхомъ и представленія волтижеровъ (*desultores*), которые либо на одной, либо на двухъ, иногда и на четырехъ лошадяхъ совершали опасную ѣзду (подобную той, которая происходитъ въ нынѣшнихъ циркахъ), вскакивая на полномъ ходу на лошадь либо перескакивая съ одной на другую, какъ изображаетъ рис. 431. по мраморному рельефу въ веронскомъ музеѣ, и рис. 432., сдѣланный по лампѣ изъ жженой глины.

Гимнастическія состязанія, которыя, какъ мы видѣли, занимали первое мѣсто между олимпійскими играми, проникли въ Римъ лишь поздно, когда гимнастическое искусство въ Греціи уже превратилось въ борьбу атлетовъ (ср. стр. 316), и назывались вообще греческими состязаніями (*certamen graecum*), такъ какъ и состязатели были обыкновенно Греки. Впервые совершались они въ Римѣ въ 186 г. до Р. Хр., по почину извѣстнаго грекофила М. Фульвія Нобиліора. Кажется, впрочемъ, что они не понравились; ибо до Августа упоминаются они лишь изрѣдка, напр. при Суллѣ въ 81 г., затѣмъ въ 58, 55 и 46 году. Августъ, очень покровительствовавшій этимъ состязаніямъ, установилъ въ честь побѣды своей при Акціи достопамятныя акційскія игры, происходившія въ Никополѣ (близъ Акція) каждый четвертый годъ; въ нихъ то состязанія атлетовъ и занимали первое мѣсто. Подобныя игры установлены были сенатомъ по тому-же поводу и въ честь Аполлона въ Римѣ (28 г. до Р. Хр.) и праздновались въ тѣ-же періоды въ стадіи на Марсовомъ полѣ, устроенной для нихъ еще при жизни Августа. Послѣ Августа упоминаются гимнастическія состязанія при Калигулѣ и Клавдіи. Неронъ придалъ имъ особенный блескъ;

онъ вновь установилъ* празднество (certamen Neroneum) по Августову образцу, присоединивъ къ играмъ еще „музыкальныя“ состязанія (въ пѣніи, музыкѣ, поэзи и ораторскомъ искусствѣ), въ которыхъ часто принималъ личное участіе; но скоро и это учрежденіе прекратило свое существованіе, ибо Римляне никогда не благопріятствовали гимнастическимъ состязаніямъ, какъ играмъ недостойнымъ и для юношества опаснымъ (ср. Plin. Epist. IV. 22). О способахъ борьбы и кулачнаго боя мы упомянули выше на стр. 475—479.

81. Древне-греческая трагедія (Эсхила, Софокла, Эврипида), а равно и комедія (политическая) никогда не имѣли мѣста на римской сценѣ.¹⁾ Ознакомились Римляне съ греческимъ искусствомъ черезчуръ поздно, только въ 3 вѣкѣ до Р. Хр. (черезъ Ливія Андроника), когда эти знаменитые роды греческой поэзи давно ужъ отцвѣли. Образцемъ для Римлянъ послужила новая комедія, которая получила развитіе черезъ Менандра, и въ которой выдвинулись въ Италиі Плавтъ и Теренцій. На той ступени, до которой довели комедію эти два важнѣйшіе римскіе драматическіе писателя, она стояла потомъ постоянно. Пьесы ихъ, хотя во многихъ отношеніяхъ довольно слабыя, давались въ Римѣ и внѣ Рима и Италиі еще во времена имперіи, но съ успѣхомъ все меньшимъ. Трагедіи посчастливилось еще менѣе. И роскошныя театры, которые возникли подъ конецъ республики (см. стр. 47 и 48), не въ состояніи были поднять клонящееся къ упадку драматическое творчество; и подобно тому какъ римская политическая жизнь, хотя во времена имперіи и получила внѣшній блескъ, но утрачивала внутреннюю силу и прежнее здоровое начало, точно также и серьезное драматическое искусство, постепенно понижается во внутреннемъ достоинствѣ, пока не исчезаетъ вполне въ половинѣ 1 в. по Р. Хр. всякая производительность въ трагедіи и комедіи. Последнимъ римскимъ поэтомъ, который увидѣлъ на сценѣ свои пьесы, былъ Л. Помпоній Бассъ при императорѣ Клавдіи (41—54). Что затѣмъ, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, еще было сочинено,

¹⁾ Отсюда объясняется и различіе между театральнымъ зданіемъ римскимъ и греческимъ, упомянутое выше на стр. 45—46; Римляне, не зная хора въ древней трагедіи и комедіи, не нуждались въ обширномъ оркестрѣ, и пользовались имъ какъ мѣстомъ для знатныхъ лицъ (см. ниже), вслѣдствіе чего, конечно, и сцена должна была сдѣлаться на половину ниже, чтобы тѣ удобно могли смотрѣть.

напр. трагедіи Сенеки, оставалось лишь близкою драмой. Причины усиливающегося равнодушія и неохоты къ важнѣйшему роду поэзіи — къ драмѣ, въ особенности же къ трагедіи — на лицо. Толпа, которую отупляли скачками, гладиаторскими играми и травлею звѣрей, развлеченіями самаго грубаго свойства и кровавою дѣйствительностью, не приносила съ собою большаго расположенія къ идеальному воспроизведенію личностей и отношеній, преимущественно древне-греческихъ, для чего, сверхъ того, ей недоставало и подготовительныхъ знаній; и такимъ обр. наслажденіе этими играми, немислимое безъ размышленія и безъ вниманія, было черезчуръ утомительно. Поэтому тѣ, кто давали драматическія игры (см. стр. 371), старались уже при концѣ республики заинтересовать простой народъ великолѣпіемъ внѣшней обстановки, чтобы чѣмъ нибудь наполнить неизбежно скучное время. Примѣромъ этому слова Цицерона въ письмѣ къ другу М. Марію (ad Fam. VII. 1): „Какое значеніе можетъ имѣть 600 муловъ въ Клитемнестрѣ, или 3000 кратеровъ въ Троянскомъ концѣ? Или различнымъ образомъ вооруженная пѣхота и конница въ иной (представляемой) битвѣ? Это, хотя и возбуждало большое удивленіе публики, но не доставило бы тебѣ никакого удовольствія.“ Такъ говоритъ Цицеронъ въ 55 г. до Р. Хр.; впрочемъ, уже очень немного лѣтъ спустя, Горацій (Epist. II. 187 сл.) жалуется, что и самыя образованныя классы ищутъ удовольствія во внѣшнемъ блескѣ и пустякахъ, а не въ художественныхъ качествахъ, смотря спокойно по четыре и больше часовъ на представляемыя на сценѣ битвы, триумфы съ вереницею всякаго рода повозокъ, на которыхъ везется военная добыча и т. д. При такомъ ходѣ дѣла совершилось то, что трагедія совершенно сошла со сцены, и мѣсто ея занялъ болѣе привлекательный пантомимъ. Комедія вытѣснялась болѣе грубыми фарсами ателланами и мимомъ, которые съ импровизованнаго сельскаго театра прокладывали себѣ дорогу на римскую сцену, пока не вытѣснили ее.

О греческихъ трагедіяхъ и комедіяхъ мы упомянули лишь на столько, на сколько это требовалось ихъ внѣшнею стороною, предоставляя внутреннюю ихъ сторону исторіи литературы и зная, что читателю онѣ извѣстны болѣе или, по крайней мѣрѣ, знакомство съ ними легче доступно; равнымъ образомъ мы пройдемъ молчаніемъ внутреннюю сторону римской трагедіи и комедіи. Но объ ателланахъ, мимахъ и пантомимахъ намъ слѣдуетъ сказать подробнѣе, отчасти потому, что виды этихъ драматическихъ пред-

ставленій, по внутреннимъ причинамъ, не извѣстны въ той-же мѣрѣ, а отчасти и потому, что это произведенія исключительно римскія и для изображенія римской жизни (даже внѣшней) весьма характеристичныя.

Atellana и *mimus* принадлежать къ самымъ низшимъ формамъ драматическаго искусства. Ателланы были грубымъ характернымъ фарсомъ съ постоянными четырьмя дѣйствующими лицами (масками); это были: *Pappus* или *Casnar*, старикъ, обыкновенно влюбленный; *Vucso*, болтунъ и обжора; *Massus*, глуповатый шутъ, и *Dorsennus*, горбатый шарлатанъ. Сначала представляли его любители, какъ веселую и рѣзвую импровизацію предъ публикой сельскихъ южно-италійскихъ мѣстечекъ¹⁾, откуда ателланы и ведутъ свое начало; позже — при Суллѣ — онѣ введены были Л. Помпоніемъ на римскую сцену, гдѣ актерамъ допускалось ихъ представлять въ качествѣ краткаго дивертиссента (*exodium*) при серьезныхъ драматическихъ пьесахъ, и только впоследствии на основаніи писанныхъ текстовъ (подобно сатирическимъ драмамъ послѣ древнегреческой трагедіи). Извѣстія объ этомъ родѣ драматическихъ произведеній очень скудны: они состоятъ преимущественно въ однихъ только именахъ пьесъ, изъ которыхъ можно узнать лишь кругъ предметовъ, дававшій матеріалъ для комическаго представленія. Это былъ преимущественно поселянинъ, на которомъ изощрялось городское остроуміе, на сколько можно судить изъ названій пьесъ: *Корова*, *Осель*, *Козленокъ*, *Вепрь*, *Деревенщина*, *Винодѣль*, *Дровосѣкъ*, *Курятникъ* и пр.; а равно и чужія народности, какъ-то: *Кампаны*, *заальпійскіе Галлы*, *Сирійцы*; и наконецъ различныя ремесла, занятія и празднества, каковы: *Рыбакъ*, *Хлѣбопекъ*, *Валальщикъ*, *Лѣкарь*, *Мытари*, *Солдаты изъ Пометіи*; *Свадьба*, *Первое марта*, *Massus солдатъ*, *Massus трактирщикъ*, *Vucso въ фехтовальной школѣ* и т. д. Большое сходство представляетъ этотъ фарсъ по своимъ грубымъ шуткамъ и карикатурной комичности съ нынѣшней южно-италійской „*comedia dell' arte*“, которая равнымъ образомъ имѣетъ четыре постоянныя дѣйствующія лица (по тому-же порядку: *Pantaleone*, *Arlecchino*, *Brighella* и *Dottore*); и такъ какъ послѣднюю можно прослѣдить до отдаленныхъ среднихъ вѣковъ, то весьма правдо-

¹⁾ По Диомеду грамматикъ первоначально будто-бы въ Ателлѣ, мѣстечкѣ Осковъ въ Кампаніи.

подобно, что въ ней донныѣ живеть еще древне-италійская *atellana*.

Въ гораздо бѣльшихъ размѣрахъ овладѣлъ съ теченіемъ времени сценой *mimus*, или обыкновенный фарсъ. Еще при Цицеронѣ (ad Fam. IX. 16) онъ давался во время антрактовъ (*embolium*) или въ видѣ дивертиссеента (*exodium*), подобно ателланамъ; но во времена имперіи сдѣлался, рядомъ съ пантомимомъ, самымъ обычнымъ театральнымъ развлеченіемъ.

Mimus развился изъ увеселительныхъ танцевъ, воспроизводившихся нѣкогда танцорами и танцовщицами въ праздники или позднѣе въ антрактахъ въ передней части сцены передъ занавѣсью подѣ звукъ кларнетовъ, и издавна соединявшихся съ шутивными разговорами. Изъ этого происхожденія его можно объяснить весь послѣдующій его характеръ. Въ роляхъ выступали постоянно и женщины, чего до тѣхъ поръ не было ни въ одномъ родѣ античной драмы; танцы, необузданное веселье и остроуміе остались существенною его частью; играли безъ масокъ и безъ всякой особой сценической обстановки и въ костюмахъ, сравнительно съ комедіей и особенно съ трагедіей, совершенно простыхъ; діалогъ былъ очень свободенъ и предоставлялъ актерамъ достаточно поводовъ къ различнымъ куплетамъ, сочиняемымъ иногда экспромптомъ, и къ современнымъ намекамъ, которыми *mimus* преимущественно отличался. При всей этой вольности, *mimus* имѣлъ опредѣленную, по современной комедіи выработанную основу, которой части были: *prologus*, гдѣ поэтъ говорилъ что нибудь или о своей особѣ, или о содержаніи пьесы, или иногда обращался съ просьбой къ публикѣ; *canticum*, или пѣсня *solo* съ подходящею жестикуляціею и *diverbiium*, или разговоры. И такъ было нѣсколько дѣйствующихъ лицъ; выступали иногда цѣлыя хоры, но главныя роли обыкновенно были въ рукахъ двухъ лицъ; это были: первый актеръ, *archimimus* или *actor mimi* по преимуществу, и глуповатый гологоловый шутъ (*stupidus*, *parasitus*, *morio* и *scurra*, *actor secundarum partium*). Сюжеты заимствовали авторы мимовъ (*mimographi*) изъ городской общественной жизни, воспроизводя и осмѣивая смѣшныя ея стороны (отсюда и имя *mimus*, родственное съ греч. *μῖμος* и *μῖμσις*). Не избѣгали впрочемъ и сюжетовъ изъ области міеологии; но стирали съ нихъ всякій идеализмъ, и боги съ богинями являлись въ мимахъ со всеми слабостями и недостатками обыкновенныхъ людей. Что въ этой низкой комедіи поэзіи не было,

свидѣтельствуеть Горацій (Sat. I. 10, 6) и Цицеронъ (ad Fam. XII. 18), который жалуется на себя въ слѣд. словахъ: „Я ужь до такой степени огрубѣлъ, что во время игръ нашего Кесаря слушалъ произведенія Лаберія и Публія“¹⁾.

Недостатокъ этотъ восполняемъ былъ для грубой публики циническими шутками и безнравственными и развращающими сценами (Ov. Trist. II. 497 слд.), которыя съ выведеніемъ на сцену голый дѣйствительности достигли своего апогея. Что напр. должны мы сказать о нравственномъ упадкѣ общества, которое переносило на сценѣ слѣдующее явленіе, упоминаемое серьезнымъ очевидцемъ Ювеналомъ (Sat. VIII. 187 слд.)? Фарсъ mimoграфа Лентула, который, по имени своего героя, назывался „Laureolus“, заканчивается распятіемъ на крестѣ героя, поставленнаго въ заглавіи пьесы. При Домиціанѣ эту роль играли преступники, и ихъ на самомъ дѣлѣ распинали на сценѣ и потомъ отдавали на растерзаніе медвѣдю.

Мы не знаемъ подробнаго содержанія ни одного фарса; сохранилось лишь немного отрывковъ и нѣсколько названій пьесъ; тѣмъ не менѣе по нимъ и по разсѣяннымъ въ литературѣ даннымъ можно составить понятіе о содержаніи нѣкоторыхъ фарсовъ, какъ и пытались многіе это сдѣлать. Такъ содержаніе вышеупомянутой разбойничьей пьесы „Laureolus“ было приблизительно слѣдующее: Хитрый рабъ убѣгаетъ отъ своего господина, поступаетъ въ шайку разбойниковъ и благодаря своей ловкости и заслугамъ становится ихъ предводителемъ; въ концѣ концовъ его схватываютъ и распинаютъ. Въ другомъ фарсѣ, очень популярномъ въ Римѣ во времена Ювенала, представленъ былъ глуповатый мужъ, котораго обманываетъ кокетливая жена. По названіямъ пьесъ можно до извѣстной степени судить о сферѣ, изъ которой заимствованъ сюжетъ. Такъ напр. Геллій (N. A. въ разныхъ мѣстахъ) приводитъ нѣсколько заглавій Лаберіевыхъ пьесъ, какъ-то: Restio (канатчикъ), Cophinus (корзина), Fullo (валяльщикъ), Staminariae (прахи), Compitalia (праздникъ въ честь ларовъ), Socomnemon (злопамятный) и т. д.

Языкъ мимовъ былъ конечно мало разборчивъ и изобиловалъ выраженіями обычнаго жаргона, изъ угожденія публикѣ, „засѣдавшей въ галлерей“ (verba ad summam caveam spectantia, по Sen. de tranq. an. 11; ср. Gellius N. A. XVI. 7). Таковы были и остроты, поясняемыя и наглядно представляемыя пошлыми жестами. Рядомъ

¹⁾ Два самые знаменитые того времени сочинители мимовъ.

съ этимъ въ мимахъ допускались конечно и разныя намеки, въ которѣхъ не щадили даже самыхъ высокопоставленныхъ лицъ. У Светонія и позднѣйшихъ лѣтописцевъ мы находимъ довольно много относящихся сюда извѣстій.

Pantomimus (ὄρχησις, ὄρχ. Ἰταλική) развился въ самостоятельный родъ драматическаго искусства въ Римѣ во времена Августа изъ трагедіи (и комедіи), а именно такимъ образомъ, что въ лирическихъ частяхъ ея танецъ хора отдѣлился отъ пѣнія, такъ что дѣйствіе, которое актеръ на сценѣ представлялъ мимическимъ „танцемъ“, т. е. разными тѣлодвиженіями (*κινήμασι*), рядомъ стоящій пѣвецъ пояснялъ словами (*ὑπάδειν*), а музыкантъ (на оймелѣ) аккомпанировалъ на кларнетѣ. Дальнѣйшій шагъ состоялъ въ томъ, что діалогическія части трагедіи отпали вполнѣ, и мѣсто ихъ заняли лирическія solo; затѣмъ весь актъ составлялся изъ этихъ лирическихъ solo. Отъ трагедіи (и ком.) эта новая драматическая форма отличалась еще и тѣмъ, что одинъ актеръ воспроизводилъ, или танцевалъ (отсюда : saltare tragoediam, Cuspora, Turnum и т. д. ; ὄρχεῖσθαι *Ἄπαντα* и т. д.) всѣ роли (мужскія и женскія), перемежая въ антрактахъ, по мѣрѣ надобности, костюмъ и маску (Luc. π. ὄρχ. 66). Рано впрочемъ пѣвецъ былъ замѣненъ цѣлымъ хоромъ, а къ кларнету присоединили лиру, китару, кимвалы и сиринги, такъ что образовался цѣлый шумный оркестръ, управлявшійся при помощи какого-то желѣзнаго прибора, приводимаго въ движеніе ногою (scabellum, рис. 417.). Такимъ образомъ римскій pantomimus былъ похожъ болѣе всего на нынѣшній пантомимный балетъ, съ тѣмъ только различіемъ, что дѣйствіе пояснялось, какъ уже сказано, однимъ актеромъ и сопровождалось не только музыкою, но и пѣніемъ. Въ художественномъ отношеніи онъ стоялъ выше, чѣмъ нынѣшній пантомимный балетъ.

Сюжеты пантомимовъ были почти всегда изъ миеовъ Эллады, лишь иногда историческіе. Богатый выборъ давали Гомеръ, Гесіодъ и особенно греческія (и римскія) трагедіи, которыя соотвѣтственно этой цѣли передѣлывались, т. е. дѣлалось изъ нихъ извлеченіе, родъ либретто, цѣна котораго не была значительна. Упоминаются и оригинальныя либретто (fabulae salticae, ἄσματα), выходившія изъ-подъ пера напр. Лукана, Статія и Овидія. О содержаніи ихъ мы имѣемъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія преимущественно изъ Лукіана (*περὶ ὄρχήσεως*), затѣмъ нѣкоторыя изъ Овидія, Светонія и др. Любимыми сюжетами были: Трагическія сцены изъ исторіи Атревевъ, бѣшенный Эантъ, бѣснующійся Гераклъ, Филоктетъ на

Лемнѣ, Ніоба, Гекторъ, Турнъ (по Вергилію), Дидона (по нему-же); но самыми любимыми сюжетами были все таки исторіи любовнаго содержанія, напр. Ахиллесъ и Брисеида, Ахиллесъ на Скирѣ, Іасонъ и Медея, Ариадна на Наксѣ и т. д. (Luc. *π.* *ὄρχ.* 36—61).

Посмотримъ теперь, какого рода былъ самый „танецъ“. Мы говорили, что одному актеру приходилось представлять послѣдовательно нѣсколько лицъ, по словамъ Лукіана — даже пять; но мало того: онъ долженъ былъ своею жестикуляціею и своею игрою обозначать еще и другія лица, одновременно, хотя только морально, выступающія на сцену, т. е. участвующія въ дѣйствіи и ходѣ драмы лишь по либретто. Такъ напр. актеръ или собственно танцоръ, представлявшій въ пантомимѣ Ахилла на Скирѣ въ женской одеждѣ, умѣлъ понятно для воображенія зрителей обозначить и остальныхъ прядущихъ дѣвушекъ, равно какъ и внезапное появленіе Одиссея между ними и игру на трубѣ Діомеда и т. д. Лукіанъ рассказываетъ въ упомянутомъ мѣстѣ (с. 63), что циническій философъ Деметрій не ставилъ высоко пантомимовъ потому де, что безъ звучной музыки и хороваго пѣнія танцоръ ничего не достигъ бы мимикой и безцѣльными движеніями туда и сюда. Знаменитѣйшій въ то время (при Неронѣ) пантомимный актеръ въ Римѣ (вѣроятно Парисъ Старшій), чтобы убѣдить философа въ невѣрности его мнѣнія, танцевалъ передъ нимъ „Венеру и Марса“ (по Od. VIII. 266 и слд.) безъ музыки и безъ пѣнія — такъ вразумительно, что Деметрій въ удивленіи вполне призналъ пантомимное искусство. Чтобы достигъ такихъ успѣховъ, актеру (всегда замаскированному, Luc. *π.* *ὄρχ.* 63 и 29) надо было владѣть многими важными средствами. То были прежде всего обдуманная и цѣлесообразная движенія руками, головою, ногами и поворотливость и гибкость всего тѣла, при помощи которыхъ онъ долженъ былъ возбуждать въ воображеніи зрителей надлежащія ощущенія и представленія. Въ этомъ актера поддерживали три обстоятельства: во первыхъ то, что жестикуляція его, какъ уже сказано, пояснялась текстомъ, хотя это пособіе при хоровомъ пѣніи было весьма незначительно; во вторыхъ то, что содержаніе пантомимовъ было вообще доступно, какъ взятое изъ мифологіи, и сравнительно болѣе образованной публикѣ (какою дѣйствительно и была публика, посѣщавшая пантомимы, сравнительно съ публикою, ходившею смотрѣть мимы) извѣстное изъ литературы и школы; третье же, самое главное, было то, что старо-римская мимика была въ высшей степени опредѣлена то есть принятыми и общепонятными выраженіями на столько

богата, что очень облегчала истолковательное искусство актера. Живая мимика и помыслы служить у Итальянцевъ замѣною словъ; а такъ было и въ римскія времена. Кто напр. въ современномъ Неаполѣ обратилъ вниманіе на ту живую жестикуляцію, съ которою издали ведутся нѣмые разговоры всѣми классами общества, не исключая даже толедскихъ дамъ на балконахъ, при чемъ огромную роль играютъ положеніе и число пальцевъ, повороты ладони и руки, тотъ долженъ вспомнить слова Квинтиліана, говорящаго, что „движенія рукъ по своему многочисленному разнообразію почти достигаютъ самой полноты словъ“, и для того не покажется страннымъ, что тотъ-же Квинтиліанъ говоритъ о выраженіяхъ пальцевъ въ двѣнадцать параграфѣхъ (XI. 392—404), хотя это касается лишь оратора, жестикуляція котораго гораздо скромнѣе, чѣмъ пантомимнаго актера, и при томъ почти исключительно ограничена рукою. Отсюда древніе часто упоминаютъ о „краснорѣчивыхъ“ и „всевыражающихъ“ рукахъ. А такъ какъ жестикуляція эта не была случайна, то значеніе ея на столько утверждалось и расширялось, благодаря частымъ театральнымъ зрѣлищамъ, среди публики, что по необходимости выработался традиціональный способъ представленія извѣстныхъ лицъ и актеръ въ главныхъ чертахъ долженъ былъ имъ руководиться. Но при этомъ случалось, какъ говоритъ Лукіанъ (тамъ-же, 80), что неискусные танцоры иногда забывались, представляя схожія сцены изъ другихъ пьесъ; такъ одинъ актеръ, который долженъ былъ представить Семелу, погибающую отъ молніи, воспроизводилъ Главку (изъ Эврипидовой Медеи, пожираемую жаромъ очарованной одежды). За это, конечно, ихъ осуждали; равнымъ образомъ образованные люди не хвалили и тѣхъ актеровъ, которые пересаливали въ своихъ жестикуляціяхъ (Luc. *ibid.* с. 83). — О сильномъ вліяніи пантомимной игры на зрителей см. тамъ-же с. 72 и 81.

При основательномъ образованіи и совершенствѣ въ сценическомъ искусствѣ пантомимическій актеръ долженъ былъ отличаться также и тѣлесной красотой, проявляющеюся среднимъ ростомъ и тѣлосложеніемъ, какъ гласитъ канонъ ¹⁾ Поликлита (Luc. *ibid.* 75); далѣе онъ долженъ былъ отличаться эластичностью и гибкостью всѣхъ членовъ, прелестью и граціозностью всѣхъ движеній; и всѣ эти свойства должны были поддерживаться упражненіями

¹⁾ Такъ называлась его бронзовая статуя, представляющая юношу, опирающагося на копье (*дорифорос*). Она считалась образцемъ (*канонъ*) надлежащихъ размѣровъ человѣческаго тѣла.

и соотвѣтственнымъ образомъ жизни. Актера, у котораго недоставало этихъ тѣлесныхъ качествъ, публика не терпѣла. Такъ однажды — прибавляетъ Лукіанъ — въ Антіохіи, когда актеръ малаго роста выступилъ, чтобъ танцовать „Гектора“, весь театръ въ одинъ голосъ закричалъ: „Ты Астіанаксъ, а гдѣ же Гекторъ?“ А въ другой разъ, когда въ свою очередь актеръ слишкомъ высокаго роста представлялъ Капанея, который собирался взять приступомъ ѳивекія стѣны, „перелѣзь“! закричали ему, „тебѣ не нужно дѣстницы.“

Изъ этого пантомима возникла позже, съ изгнаніемъ пѣнія и увеличеніемъ числа дѣйствующихъ лицъ, такъ наз. миѳологическая пирриха, которая вполне похожа была на нынѣшній балетъ. Первоначально пирриха былъ военный танецъ, производимый въ вооруженіи, и очень любимый напр. въ Спартѣ; но со временемъ форма ея значительно измѣнилась, такъ что отъ первоначальнаго характера едва ли многое уцѣлѣло. Мы по крайней мѣрѣ знаемъ, что уже при Августѣ пиррихи танцевались дѣтми и состояли изъ различныхъ позъ и эволюцій, при чемъ конечно и битвы могли быть представляемы при помощи деревяннаго оружія. Что удержала изъ этого миѳологическая пирриха, мы лучше всего увидимъ изъ предлагаемаго здѣсь описанія. Намъ изображаетъ ее Апулей (Metam. X. с. 30 и слѣд.), какъ кажется, по собственному наблюденію, рассказывая, какъ она нѣкогда давалась въ Коринѣхъ (городъ этотъ, вновь основанный Кесаремъ въ качествѣ римской колоніи, былъ во время Апулея, въ пол. 2 стол., первымъ портовымъ городомъ въ Греціи, и находился въ полномъ блескѣ своего процвѣтанія, но при этомъ, принимая нравы римской жизни, слылъ своею великою распущенностью). Была, говоритъ Апулей, деревянная гора, построенная по формѣ знаменитой горы Иды, воспѣтой Гомеромъ, изъ очень высокаго строеваго дѣса, поросшая кустарникомъ и деревьями и съ вершины разносящая обильныя струи. Нѣсколько козъ паслось на ней, и одинъ юноша въ иностранномъ плащѣ, спущенномъ съ бедеръ, и съ золотою тіарой на головѣ (рис. 274) представлялъ пастуха Париса. Приходитъ красивый русоволосый юноша, одѣтый только въ хламиду, которая спускается у него съ Плечь, — золотыя крылья на плечахъ и жезлъ съ кадупеемъ означаютъ Меркурія. Онъ подаетъ пастуху золотое яблоко и объясняетъ ему жестами, въ чемъ состоитъ воля Юпитера; затѣмъ снова уходитъ искусными танцевальными прыжками, какъ и пришель. За нимъ являются на сцену три дѣвушки. Первая, изобра-

жающая Юнону, съ бѣлою діадемою на головѣ и съ жезломъ (длиннымъ скиптромъ) въ рукѣ. Вторая представляетъ Минерву; на головѣ ея блестящій, оливковымъ вѣнкомъ украшенный шлемъ, въ рукѣ щитъ и копье, какъ знаки ея воинственнаго характера. За ними явилась третья дѣвушка необыкновенной красоты, одѣтая въ тонкое шелковое pallium голубаго цвѣта. Юнона, сопровождаемая Касторомъ и Поллукомъ, при звукѣ кларнетовъ, играющихъ юнійскую мелодію, умѣренными и серіозными жестами общается пастуху, что отдастъ ему владичество надъ цѣлою Азією, если онъ признаетъ за нею первую красоту (отдастъ ей золотое яблоко). Минерва, которую сопровождаютъ два вооруженныхъ воина, Terror (ужасъ) и Metus (страхъ), танцующіе съ обнаженными мечами подъ звуки военной дорійской мелодіи кларнета, возбуждающаго соединеніемъ низкихъ тоновъ съ высокими особенную энергію къ веселому танцу, ловкими и живыми жестами показываетъ Парису, что своею силою сдѣлаетъ его удалимъ и прославленнымъ войнами, если онъ признаетъ ее за самую красивую. Но вотъ выступила Венера, при явномъ расположеніи всей публики, на средину сцены, окруженная толпой прелестныхъ, полнолицыхъ, бѣлоснѣжныхъ мальчиковъ, которыхъ можно было принять дѣйствительно за слетѣвшихъ съ неба или вынырнувшихъ изъ моря Амуровъ. Крылышки, стрѣлки и прочее убранство вполне соответствовали ихъ красотѣ; кромѣ того они размахивали факелами, свѣтя своей повелительницѣ, какъ будто она готовилась къ свадебному торжеству. А за ними разсыпались по сценѣ молодыя красивыя дѣвушки, изображающія Граціи и Горь, которыя, благодаря свою богиню вѣнками и цвѣтами, переплетались въ очень искусный хороводъ. „При этомъ многотрубные (см. стр. 468) кларнеты начали наигрывать сладкую лидійскую мелодію. Между тѣмъ какъ они пріятно плѣняли сердца зрителей, Венера, гораздо болѣе привлекательная, спокойною и вольною поступью направлялась къ Парису; при этомъ спина ея отъ мягкихъ поворотовъ волнообразно изгибалась, голова постепенно склонялась; жестикуляція вторила плѣнительнымъ звукомъ кларнета; глаза ея то нѣжно смыкаясь, то грозно разкрываясь, выражали томленіе; иногда наказалось, что только „глаза плясали“. Представши предъ лице судьи Париса, она ясно показала движеніемъ руки, что, если ей будетъ имъ отдано предпочтеніе предъ остальными двумя богинями, она дастъ ему невѣсту особенной красоты и на нее похожую. Тутъ юноша охотно подаль дѣвушкѣ, въ знакъ ея побѣды,

золотое яблоко, которое держалъ въ рукѣ. Затѣмъ Юнона съ Минервой, выражая жестама печаль и злобу, уходятъ со сцены. Венера же торжествуетъ со всею своею свитою. Въ концѣ вырывается изъ вершины горы душистая шафранная влага (stocus) съ виномъ, и происшедшій отъ того мелкій дождикъ распространяетъ благовоніе по всему театру; затѣмъ гора вдругъ проваливается въ глубину.

Ради полноты намъ слѣдуетъ еще упомянуть о прочихъ, болѣе грубыхъ и чувственныхъ „зрѣлищахъ“, которыя, въ ущербъ драматическому искусству, чѣмъ дальше, тѣмъ больше занимали сцену римскихъ театровъ. Это были представленія канатныхъ плясуновъ (funambuli, neurobatae, oribatae), всякаго рода акробатовъ и фокусниковъ, которыхъ мы коснулись уже выше, говоря о рабахъ въ Римѣ (см. стр. 336); игры ихъ первоначально развлекали однихъ лишь пирующихъ, позже наполняли собою антракты при мимическихъ представленіяхъ въ театрѣ, пока наконецъ не сдѣлались равноправными съ ними; при позднѣйшихъ же императорахъ для отупѣвшей толпы онѣ сдѣлались самыми пріятными.

Актерами (histriones ¹⁾) были первоначально или рабы, или отпущенники; они соединялись въ особыя труппы (grex, caterva), подъ управленіемъ директора (dux gregis) или иногда перваго актера (actor primarium partium), который за плату давалъ представленія по заказу. Общественное положеніе ихъ, какъ людей несвободныхъ и живущихъ жалованьемъ, было, по римскимъ понятіямъ, нечестно, и они подчинялись, какъ мы увидимъ ниже, строгому полицейскому надзору; но талантливейшіе актеры сумѣли побороть этотъ предрасудокъ, какъ это вообще извѣстно о трагикѣ Эзопѣ и комикѣ Росціи. Плата актеровъ была первоначально довольно незначительна; но, когда впоследствии (приблизительно въ концѣ республики) публика стала болѣе благопріятно смотрѣть на театръ и начала интересоваться драматическими играми, тогда и для актеровъ настали лучшія времена. Достоверныя извѣстія о знаменитыхъ артистахъ и артисткахъ въ этомъ отношеніи очень интересны, въ особенности если сравнить ихъ съ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Объ актрисѣ Діонисіи говорятъ напр. Цицеронъ, что ея искусство даетъ ей не менѣе 200.000 сестерціевъ (т. е. ок. 4000 руб.) Извѣстный изъ Цицероновыхъ сочиненій Росцій получалъ за одинъ выходъ на сцену („разовыхъ“) 1.000 денаріевъ (ок. 250 руб.),

¹⁾ По Ливію (VII. 2), отъ этрусскаго *hister* = *ludio* (актеръ).

такъ что, по Плинію, годовой его доходъ равнялся полумилліону сестерціевъ (25.000 руб.); съ этимъ согласно извѣстіе Цицерона (pro Rosc. Com. VIII. 23), говорящаго, что Росцій въ десять лѣтъ приобрѣлъ 6 мил. сест. (300.000 руб.). Трагикъ Эзопъ, хотя самъ много проживалъ, тѣмъ не менѣе оставилъ еще 20 мил. сестерціевъ (1 милліонъ руб.).

Наибольшимъ расположеніемъ пользовались во время имперіи выдающіеся артисты пантомимовъ; нѣкоторые удостоивались даже благоволенія императорскаго двора и пользовались большимъ вліяніемъ. Такъ случалось, что тому, кто хотѣлъ добиться чего нибудь при дворѣ, нерѣдко приходилось добиваться дружбы этихъ людей; и наоборотъ, иногда впадалъ въ опалу тотъ, кто возбуждалъ кого нибудь изъ нихъ противъ себя. О Ювеналѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, что за оскорбленіе (Sat. VII. 90—92), нанесенное имъ одному вліятельному при дворѣ (Траяна) пантомимному актеру, онъ былъ отправленъ въ ссылку. И нѣтъ ничего удивительнаго, что замѣчательные пантомимисты въ Римѣ покупали дома, что въ честь ихъ сооружали статуи и намятники, и италійскія общины, не задумываясь, награждали ихъ почетнымъ гражданствомъ. — Въ 4мъ стол. по Р. Хр. въ женскихъ роляхъ пантомимовъ являлись также и женщины.

Въ началѣ, когда еще не было постоянныхъ театровъ, публика смотрѣла на простыя игры стоя и конечно безъ различія мѣста. Первое распредѣленіе мѣстъ упоминается въ 194 г. до Р. Хр., когда во временныхъ театрахъ переднія мѣста близъ сцены были отведены посредствомъ перилъ сенаторамъ. Вскорѣ затѣмъ пришлось отвести особыя мѣста всадникамъ и другимъ сословіямъ. Порядокъ же, который завелся при играхъ, даваемыхъ отъ казны въ постоянныхъ каменныхъ театрахъ, былъ слѣдующій: Первыя мѣста въ оркестрѣ (см. стр. 46) занимали сенаторы, а особую ложу (tribunal) на одной сторонѣ его преторъ, наблюдавшій за играми; напротивъ него (на другой сторонѣ оркестра) были назначены (Августомъ) мѣста Весталкамъ, среди которыхъ садилась и императрица, если посѣщала театръ. Четырнадцать рядовъ сѣдалищъ за оркестромъ отведены были многочисленному сословію всадниковъ (spectare ludos e quatuordecim); остальная же часть средняго яруса (media cavea) предоставлена была гражданамъ, военнымъ, знатымъ юношамъ (praetextati) и ихъ педагогамъ (обоимъ только по одной керкидѣ). Обыкновенная публика, по указу того же императора Августа, не имѣла права сидѣть въ среднемъ ярусѣ

(Suet. Aug. 44 sanxitque ne quis pullatorum media cavea sederet), но занимала самыя заднія мѣста (верхній ярусъ, *summa cavea*, *popularia*, подраз. *lota*); точно также и дамы, съ тою лишь разницею, что послѣднія сидѣли на особыхъ мѣстахъ.

Отдѣльныя мѣста не были нумерованы, а отдѣлены только желобками; потому-то на театральныхъ маркахъ (*tesserae*) обозначались только клины (керкиды) и ряды въ нихъ. Такъ обозначаетъ напр. первая изъ помѣщенныхъ здѣсь марокъ (рис. 433. а) 12 рядъ въ керкидѣ Эсхила (XII, по греч. *ΙΒ ΔΙΣΧΥΛΟΥ*), а вторая (b) только 11 (*ΙΑ*) полуокругъ (*ΗΜΙΚΥΚΛΙΑ*) и, слѣдовательно, имѣла

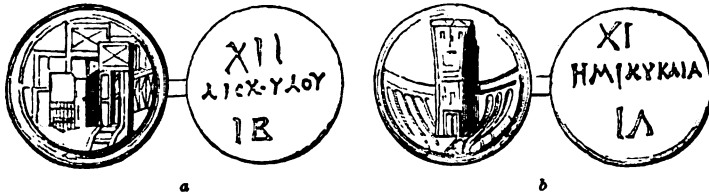

Рис. 433. Театральныя марки, по помпейскимъ оригиналамъ.

силу только для верхняго яруса (*summa cavea*), нераздѣленнаго на клинообразныя отдѣленія. Почетныя мѣста подлѣ оркестра не были (какъ показываютъ помпейскіе театры) раздѣлены на клины, и слѣд. не нужно было для нихъ особыхъ входныхъ марокъ. Что греческій обычай означать клины именами боговъ, героевъ и славныхъ мужей, сохранявшійся, какъ видно изъ найденныхъ марокъ, также въ Помпеяхъ, былъ принятъ и въ римскихъ театрахъ, — очень правдоподобно (Тас. Ann. II. 83).

По принятому и въ Греціи обычаю (см. стр. 40) въ театръ приносили съ собою подушки (*pulvinus*) и ковры, а подъ ноги скамеечки.

Объ одеждѣ мы говорили уже выше (стр. 221—2), замѣтивъ, что въ театръ надѣвалась одежда праздничная, т. е. мужчины должны были являться въ бѣлыхъ тогахъ (или по крайней мѣрѣ сбросить лацерну). Для защиты отъ солнца (подобно Грекамъ) мужчины имѣли шляпы (*causiae*), дамы — зонтики и вѣера. Со временъ Катутла (съ 78 г. до Р. Хр.) для удобства публики, если не было вѣтра, надъ театромъ растягивались наруса (см. стр. 45—46). Со временъ Помпея въ театръ проводили воду, и воздухъ охлаждался мелкимъ дождикомъ, позднѣе — даже благовоннымъ (объ этомъ упоминаетъ уже Овидій, A. A. I. 103; ср. стр. 503).

На мѣста вводили особые смотрители (dissignatores). Когда входила въ театръ высокопоставленная особа, напр. консуль или императоры и императорскіе принцы, ликторъ провозглашалъ „Смотрите!“, и публика вставала и рукоплесканіями проявляла радость по поводу ихъ прихода (Suet. D. Jul. 80 и Aug. 56); во время республики она дѣлала это любимымъ особамъ по своему собственному побужденію (ср. Cic. pro Sestio § 124). Кроме того удовольствіе проявлялось маханіемъ концами тоги (Ov. Am. III. 2, 73),

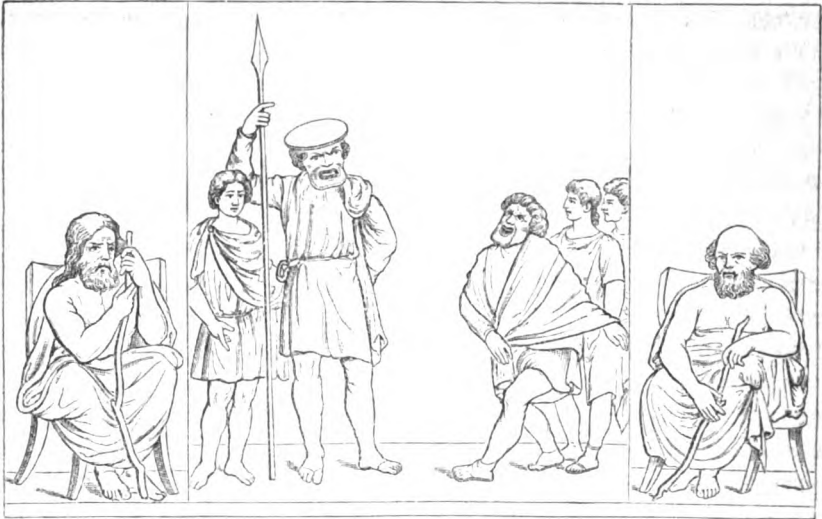

Рис. 434. Театральная сцена (комедія), по помпейской картинѣ.

позднѣе — платками (Fl. Vor. Aurel. 48). Но бывало и наоборотъ, что особы, вообще нелюбимыя, встрѣчаемы были крикомъ, шиканьемъ и свистаньемъ.

Публика сопровождала представленіе громкимъ заявленіемъ удовольствія и неудовольствія. Она свистѣла и шикала, если какая нибудь роль дурно исполнялась, и такимъ образомъ заставляла актера даже удалиться со сцены, и аплодировала, если актеръ нравился, и заставляла его повторять понравившіяся мѣста (revocare).

Надзоръ въ театрѣ имѣлъ преторъ съ ликторами (и нѣкоторыми особыми полицейскими служителями, какъ можно заключать по одному помпейскому рисунку, рис. 434.); у него подъ рукою была многочисленная военная стража, которая при обширности римскихъ театровъ (см. стр. 48) состояла изъ цѣлой когорты.

Первоначально актеры подвергались полицейскимъ взмсканіямъ за всѣ проступки, гдѣ-бы и когда-бы они ни совершались; Августъ ограничилъ это недостойное положеніе актеровъ тѣмъ, что только за проступки, совершенныя на сценѣ, они могли быть немедленно наказываемы тѣлесно. Такъ напр. по жалобѣ претора онъ велѣлъ въ атриіи своего дома публично высѣчь плетью отличнаго танцора пантомимовъ Гила. Съ какою строгостью онъ каралъ и меньшіе проступки — можно заключать изъ того, что (Suet. Aug. 45) онъ велѣлъ изгнать знаменитаго актера Пилада изъ Италіи единственно за то, что тотъ пальцемъ указалъ на зрителя и тѣмъ публично оскорбилъ, свистомъ заявлявшаго свое неодобреніе. Въ римскихъ театрахъ часто случались происшествія, требовавшія вмѣшательства стражи. Какъ были партіи въ циркѣ, которыя между собою соревновали и ссорились (см. стр. 487), такъ появились и партіи въ театрахъ между приверженцами (*fautores, στασιῶται*) отдѣльныхъ актеровъ (преимущественно танцоровъ любимыхъ пантомимовъ, *pantomimorum factiones*, Suet. Nero 16), хотя клубовъ, систематически устроенныхъ, не было. Безпорядки эти выходили обыкновенно отъ наемныхъ глажеровъ (*oregae theatrales*), и тѣ увлекали за собою прочую публику, которая держала сторону то того, то другого пантомимиста (ибо выступало обыкновенно нѣсколько пантомимистовъ, одинъ за другимъ, потому что всегда давалось нѣсколько пьесъ). Такія бури въ театрахъ упоминаются уже при Августѣ, 17 г. до Р. Хр., въ ббльшихъ размѣрахъ при Тиберіи, въ 15 г. по Р. Хр., и въ слѣдующемъ году, когда много воиновъ изъ стражи и одинъ сотникъ были убиты, и самъ трибунъ когорты былъ раненъ. По этому дѣлу шли разсужденія въ сенатѣ, и преторамъ дано было полномочіе наказывать нарушителей порядка въ театрѣ даже изгнаніемъ. Но неурядицы все таки повторялись, и Тиберій въ 23 г. въ сильномъ гнѣвѣ высказался въ сенатѣ за изгнаніе мимистовъ и пантомимистовъ, и потомъ уже никакими просьбами не могъ быть склоненъ къ отиѣнѣ этого приговора. Только преемникъ его, Калигула, дозволилъ имъ возвратиться, и при немъ, равно какъ при Клавдіи и Неронѣ, была полная свобода. Послѣдній даже устранилъ изъ театра когортную стражу „съ одной стороны потому, чтобы солдаты театальною вольностью не развращался, съ другой же потому, чтобы испытать, будетъ ли народъ спокойно держать себя безъ стражи“ (Тас. Ап. XIII. 24). Но тогда-то и пошли въ театрахъ настоящія сраженія, такъ что Неронъ однажды лично (Suet. Nero, 26), при всеобщей дракѣ, когда дѣло дошло до бро-

санія камнями и обломками стульевъ, съ вышины просценія, гдѣ, незамѣченный, присутствовалъ при представленіи (ср. стр. 46), бросалъ на головы публики камни и въ числѣ другихъ ранилъ претора. Поэтому стража была вновь заведена, но безпорядки происходили по прежнему, и пантомимы были снова запрещены. Съ той поры никто не упоминаетъ о подобныхъ мѣропріятіяхъ противъ пантомимистовъ, и писатели говорятъ только о томъ или другомъ ограниченіи театральной свободы до Гадріана; въ позднѣйшія времена въ одичавшемъ уже Римѣ царствовалъ полный произволь.

Рис. 435. Часть театральной сцены, по античному барельефу.

Рис. 436. Мимическій актеръ, по рѣзному камню.

Рис. 437. Мимическій актеръ, по рѣзному камню.

Сценическимъ устройствомъ римскій театръ не отличался отъ греческаго, и понятно само по себѣ, что Римляне пользовались (насколько была въ томъ надобность) всѣми тѣми приспособленіями и машинами, которыя извѣстны были и Грекамъ. Хоръ выступалъ ¹⁾ лишь тогда, когда давалась трагедія, и притомъ не въ оркестрѣ, гдѣ не было мѣста, а на сценѣ, на которой, кромѣ оймелы, былъ устроенъ еще одинъ алтарь бога, въ честь котораго давались представленія. О занавѣсахъ см. стр. 47.

Въ древнѣйшія времена играли безъ масокъ (*persona, larva*); лишь со 2 вѣка до Р. Хр., со временъ Теренція, начали употреблять

¹⁾ Хоръ не былъ многочисленъ и не имѣлъ того значенія, что въ древней греческой трагедіи. А что онъ иногда выступалъ и въ римской трагедіи (безъ сомнѣнія въ трагедіяхъ, переведенныхъ съ греческаго), объ этомъ свидѣлствуютъ напр. Cic. Rosc. Am. 24, 66; in Pison. 20, 46 и Hor. A. P. 193.

ихъ по причинамъ преимущественно практическимъ, чтобы голосъ былъ сильнѣе; ибо по другимъ причинамъ это требовалось менѣе, такъ какъ въ римскихъ театрахъ было большое число актеровъ. Котурны, длинныя одежды и другія туалетныя приспособленія употреблялись при представленіи трагедій. Въ комедіяхъ не требовалось никакого особеннаго устройства сцены, такъ какъ она представляла обыкновенно частное жилище. Точно также и актеры выступали въ обыкновенныхъ костюмахъ и въ низкой обуви (наз. *soccus*, см. рис. 299.); только лица (и то не всегда) закрывали масками, по возможности подходящими, хотя и въ карикатурѣ, къ характеру osoby. Рис. 435. даетъ намъ часть сцены изъ какой-то комедіи, гдѣ рабъ, котораго хотятъ бить плетью, старается задержатъ удары.

Мимическіе актеры носили пеструю одежду, составленную изъ разноцвѣтныхъ кусковъ (*centunculus*) и поверхъ ея короткій плащъ (*ricinium*) въ видѣ нѣкоторой мантиліи; башмаки ихъ были низкіе, какъ въ комедіи; отсюда мимическій актеръ называется также *planipes*. Масокъ или вовсе не употребляли, или — лишь такія, которыя всего лица не закрывали (рис. 436. и 437.). Такая-же была и одежда женщинъ, которыя выступали въ этихъ играхъ; при этомъ въ извѣстныхъ случаяхъ, напр. въ праздникѣ флоралій, костюмъ ихъ былъ нарядный и фривольный, особенно въ роляхъ танцовщицъ, что подтверждается рисунками такъ наз. помпейскихъ танцовщицъ. Костюмъ пантомимистовъ назывался также „*stocota*“, вѣроятно, по шафранному цвѣту его.

Изъ музыкальныхъ инструментовъ при трагедіяхъ и комедіяхъ употреблялись кларнеты. Музыкантъ, который аккомпанировалъ хору, назывался хоравломъ (см. рис. 406.). Изъ Теренціевыхъ дидаскалій мы знаемъ, что напр. его Эвнухъ (т. е. монологи въ немъ) аккомпанировался двумя низкими кларнетами (*tibiis duabus dextris*, см. стр. 468), Гецира — равными кларнетами (*modus fecit Flaccus Claudii, tibiis paribus*), а Форміонъ — неравными. Въ антрактахъ равнымъ образомъ играла музыка (*Plaut. Pseud. 573*).

82. *Гладиаторскія игры* получили свое начало отъ религіозныхъ обрядовъ, а именно отъ погребальныхъ жертвоприношеній, которыя обычны были въ Этруріи. Въ честь памяти усопшаго и для умиротворенія его души сначала приносились въ жертву надъ могилою непріатели, какъ бывало въ древнѣйшій періодъ и у Грековъ (ср. напр. жертвоприношеніе Ахилла надъ костромъ Патрокла, Гом. Ил. XXIII.); позднѣе эти жертвы вынуждены были

биться на смерть другъ съ другомъ. Такимъ образомъ произошло то, что религіозный моментъ исчезалъ, а на первый планъ выдвигался театральнй моментъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, когда такіе бои стали происходить въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, такъ что торжество не могло уже совершаться около могилъ, а на болѣе просторныхъ мѣстахъ.

Въ Римѣ первыя гладіаторскія игры упоминаются въ 264 г. до Р. Хр., когда Маркъ Брутъ и Децій Брутъ, въ память своего отца, выставили на форумѣ для борьбы три пары гладіаторовъ. Изъ этихъ незначительныхъ начатковъ развились тѣ гнусныя фехтовальныя игры, которыя по справедливости называютъ печальнѣйшимъ явленіемъ въ римской жизни и которыя служатъ свидѣтельствомъ безконечной глубины упадка, до которой способенъ низойти духъ человѣка. Мы изобразимъ, такъ какъ этого требуетъ наша задача, и эту темную сторону римской жизни, утѣшаясь при томъ тѣмъ, что читатель вынесетъ отсюда пріятное убѣжденіе относительно нравственной высоты нашей эпохи, основы которой положила христіанское ученіе о нравственности. Но съ другой стороны мы не можемъ не замѣтить, что и между болѣе благородными Римлянами гладіаторскія игры и соединенныя съ ними позже звѣринныя травли находили порицателей. Такъ напр. Цицеронъ говоритъ (Ер. Fam. VII. 1): „Какое можетъ быть удовольствіе для образованнаго человѣка видѣть, какъ терзаютъ слабого человѣка сильный звѣрь, или видѣть, какъ прекрасное животное прокалывается охотничьимъ копьемъ!“ И въ другомъ мѣстѣ (Tusc. II. 17) онъ называетъ гладіаторскія игры варварскими (допуская впрочемъ, что онѣ имѣютъ нѣкоторый смыслъ, когда гладіаторами являются осужденные на смерть преступники, такъ какъ возбуждаютъ въ зрителяхъ мужество въ отношеніи къ смерти и страданіямъ; ср. Liv. XLI. 20). Рѣшительно проклинаетъ это суровое развлеченіе Сенека (Ер. VII. 2). Но такіе голоса подымались лишь изрѣдка; ибо и просвѣщенные люди, какъ-то Плиній Младшій, Тацитъ, Маркъ Аврелій философъ и др., связанныя съ одной стороны предразсудкомъ о „простой крови рабовъ“ (Tas. Ann. I. 76), съ другой же стороны привыкшіе съ самой юности къ обычнымъ, изстари совершаемымъ жестокостямъ, не чувствовали въ полной мѣрѣ ихъ нравственнаго безобразія, хотя и признавали ихъ пагубное вліяніе.

Между Греками эти кровавыя игры никогда не находили широкаго распространенія, что, конечно, служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ болѣе мягкаго чувства Грековъ. Такъ напр. въ Антиохіи,

когда около 174 г. до Р. Хр. Антиохъ въ первый разъ заводилъ тамъ эти игры, народъ отнесся къ нимъ со страхомъ и ужасомъ (Liv. XLI. 20). А въ Афинахъ лишь во 2 вѣкъ по Р. Хр. шло дѣло о томъ, должно ли ихъ завести, или нѣтъ. И тутъ прекрасно выразился Демонакъ (Luc. Demon. с. 57), высказывая свое рѣшительное недовольство слѣдующимъ образомъ: „Не постанавляйте, Афиняне, этого прежде, чѣмъ уничтожите у себя алтарь Милосердія!“¹⁾. Тѣмъ не менѣе гладіаторскія игры проникли и сюда, какъ свидѣтельствуесть Діонъ Кассій (слѣдовательно еще въ томъ-же вѣкѣ), и позорили Діонисовъ (!) театръ, что случилось главнымъ образомъ вслѣдствіе соревнованія Афинъ съ развращеннымъ и оримляннвшимся Коринѳомъ, который былъ единственнымъ городомъ въ европейской Греціи, гдѣ находился и амфитеатръ.

Упомянувъ объ этомъ, возвратимся къ исторической части нашего изложенія. Кровавыя игры, данныя въ 264 г., такъ поправились, что въ 216 г. на форумѣ сражались между собою уже 22 пары рабовъ, а въ 200 г. даже 25 (все еще для прославленія памяти усопшихъ). Но съ этого времени гладіаторскія игры стали даваться вмѣстѣ съ другими играми по случаю разныхъ событій, какъ-то: триумфовъ, освященія храмовъ (!) и общественныхъ зданій и т. д., а богатыми и должностными лицами (особенно эдлами) даже въ видѣ изъявленія народу благодарности послѣ выборовъ, или же для снисканія расположенія народа предъ выборами (отсюда и названіе ихъ: *muneris gladiatoria*). Въ Кампаніи даже во время пировъ пирующіе увеселялись этимъ жестокимъ зрѣлищемъ, точно такъ-же какъ въ другихъ мѣстахъ смотрѣли на танцоровъ и фокусниковъ.

Хотя гладіаторскія игры имѣли въ Римѣ самую многочисленную публику, тѣмъ не менѣе не скоро стали строить для нихъ особыя зданія. Какъ мы замѣтили на стр. 49, первый рѣшился удовлетворить этой потребности Кесарь и за нимъ Статилій Руфъ; но самое большое и самое великолѣпное зданіе построили Флавіи (см. стр. 51—52), при открытіи котораго было затравлено по меньшей мѣрѣ 5.000 звѣрей. До постройки этого амфитеатра Флавіевъ гладіаторскія игры давались въ амфитеатрѣ Тавра и въ Септахъ (Suet. Calig. 18, см. стр. 82).

Выше мы замѣтили, что для гладіаторскихъ состязаній первоначально назначались плѣнные непріатели; но крокъ нихъ на-

¹⁾ Который стоялъ на агорѣ.

значались для этой цѣли и рабы и преступники, приговоренные къ смерти, которыхъ въ свою очередь манила сюда свобода, даваемая имъ въ награду за особенную храбрость и ловкость. Для защиты жизни рабовъ, которые съ теченіемъ времени между гладіаторами составляли большинство, изданъ былъ при Неронѣ законъ (lex Petronia, см. стр. 337), по которому господинъ не смѣлъ отдать раба на борьбу со звѣрями иначе, какъ въ наказаніе за тяжкое преступленіе и по приговору суда.

Но спросъ, такъ сказать, на гладіаторскихъ бойцовъ постоянно возрасталъ, особенно послѣ Августа и Тиберія, ограничивавшихъ эти игры, такъ что отпущенники и свободные люди за большія деньги и хорошее содержаніе шли въ наймы къ частнымъ предпринимателямъ; были даже примѣры, что нѣкоторые лица изъ всадническаго и сенаторскаго сословія становились страстными участниками этого нечестнаго занятія, такъ что къ искорененію его понадобились особыя законы.

Такия общества гладіаторовъ жили въ Римѣ и въ другихъ городахъ группами (familia), раздѣленными на декуріи, вмѣстѣ, и въ началѣ имперіи помѣщались въ особыхъ казармахъ ¹⁾ (ludi gladiatorii), обучаясь своему кровавому искусству у фехтмейстеровъ, lanistae, doctores, которые, какъ само собою разумѣется, по различнымъ родамъ гладіаторовъ были разные; такъ упоминается напр. doctor Thresum, d. secutorum, magister Samnitium и т. д. Новички учились сначала на деревянномъ столбѣ, употребляя рапиры, rudis (см. еще рис. 418.).

Если гладіаторъ дѣлался побѣдителемъ во многихъ состязаніяхъ, что подтверждалось за нимъ маленькими дощечками (tesserae

¹⁾ Домиціанъ построилъ четыре такихъ казармы, а именно: ludus magnus, l. gallicus, l. dasicus, l. matutinus. Въ нихъ содержалось обыкновенно до 2000 гладіаторовъ. Во главѣ управленія этими учреждениями стоялъ „procurator“, обыкновенно бывший военный чиновникъ, всего чаще — трибунъ. Кромѣ Рима подобныя гладіаторскія школы были отчасти въ Италіи (какъ-то въ Капуѣ, Равеннѣ и Пренестѣ), отчасти въ провинціяхъ. По случаю особыхъ празднествъ въ Римъ приглашались гладіаторы изъ провинцій. О томъ, какъ была устроена гладіаторская школа, мы можемъ судить по остаткамъ одной, открытой въ Помпеяхъ: это продолговатый четырехугольникъ, окруженный портикомъ; въ него открываются 66 малыхъ каморокъ безъ оконъ; подобнымъ же образомъ былъ устроенъ по всей вѣроятности и верхній этажъ. Дисциплина была, какъ и подобало надъ людьми грубыми и отовсюду набранными, очень сурова. Такъ какъ для хозяевъ важны были сила и здоровье бойцовъ, то послѣдніе были заботливо содержимы, употребляя пищу, сообразную занятію и назначенную врачами.

gladiatoriae), то онъ награждался почетною рапирою, которая, въ случаѣ еели онъ былъ рабомъ, становилась для него знакомъ данной свободы, или же былъ нанимаемъ за увеличенную плату (аустогаментум) къ дальнѣйшимъ боямъ или для обученія новичковъ. Наканунѣ боя гладіаторамъ и звѣрборцамъ давался „свободный пирь“, на который доступъ былъ свободенъ каждому.

Эти то труппы отдавались въ наймы богатыми содержателями, по имени которыхъ онѣ носили разныя названія. Такъ напр. изъ помпейскихъ надписей извѣстна намъ труппа Церіева (A. Suettii Cerii familia gladiatoria) и другая Амплиатова (N. Festi Ampliati familia glad.).

Гладіаторскіе бои были различны сообразно тому, сражались ли попарно либо въ большемъ числѣ, пѣшкомъ, что было всего обичнѣе, или верхомъ, и наконецъ сообразно тому, какимъ оружіемъ, отъ котораго и зависѣлъ самый способъ боя.

Оружіе гладіаторовъ отличалось отъ оружія воиновъ преимущественно наружными украшеніями, какъ мы сейчасъ покажемъ. Но кромѣ того было въ употребленіи вооруженіе, принадлежавшее первоначально тому или другому изъ побѣжденных народовъ; въ немъ являлись въ главныхъ пьесахъ нѣкоторые роды гладіаторовъ и носили поэтому и различныя названія. Такъ различаются между ними тяжеловооруженные именами Samnites (ср. Liv. IX. 40), Galli, Threces и т. д. Рядомъ съ копьями, мечами и щитами является кривой ножъ, трезубецъ и сѣтъ и какая-то веревка съ петлею (laquearii, при позднѣйшихъ императорахъ).

Наиболѣе отличались отъ военнаго вооруженія шлемы гладіаторовъ. Рис. 438. представляетъ намъ два такіе шлема, найденные въ Помпеяхъ; на нихъ похожи устройствомъ своимъ и остальные намъ извѣстные шлемы. Широкой налобникъ и назатыльникъ не прилегаютъ тѣсно къ головѣ и затылку, но выдвигаются далеко надо лбомъ и за затылкомъ; главнѣйшее же отличіе состоитъ въ придѣланномъ къ гладіаторскому шлему забралѣ. Оно состоитъ изъ четырехъ кусковъ: изъ двухъ пластинокъ нижнихъ — для охраны челюсти и бороды, и двухъ верхнихъ — для охраны верхней части лица; послѣднія снабжены отверстиями для глазъ.

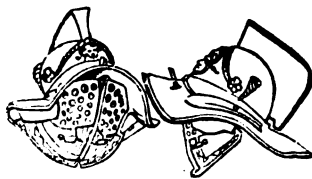

Рис. 438. Гладіаторскіе шлемы, по помпейскимъ бронзовымъ оригиналамъ.

Обѣ нижнія пластинки соединены со шлемомъ застѣжками, верхнія же отчасти придѣланы къ налобнику шлема, отчасти засунуты въ нижнія, какъ видно изъ рисунка.

Украшенія гладіаторскихъ шлемовъ были очень богаты во всѣхъ частяхъ, на налобникахъ, на козырькахъ и на гребняхъ. Такъ украшенъ гребень шлема, помѣщенного справа (на рисункѣ, по скромнымъ его размѣрамъ, это не могло быть хорошо обозна-

Рис. 439. Щитъ (galerus), по бронзовому помпейскому оригиналу.

Рис. 440. Наручень (brachiale), по помпейскому ориг.

Рис. 441. Гладіаторскія поножи, по помпейскому оригиналу.

чено), спереди усатымъ воиномъ выпуклой работы, по сторонамъ половынуковыми грифами и арабесками; налобникъ его украшенъ головою Медузы и какимъ то вѣнкомъ; козырекъ украшенъ лепестковою каймою, и равнымъ образомъ украшены и нижнія части забрала. Другіе шлемы отличаются еще болѣе обильными украшениями; такъ напр. налобникъ одного украшенъ сценами изъ завоеванія Трои въ прекрасныхъ рельефахъ, налобникъ другого сценами изъ битвъ и т. д. Кромѣ того эти шлемы бывали снабжены султанами, которые укрѣплялись въ отверстіи гребня (какъ видно ниже на рис. 451.), если только онъ не былъ украшенъ вышеупомянутымъ способомъ, или не заканчивался какою нибудь звѣриною фигурою; иногда съ каждой стороны налобника прикрѣплялся какой нибудь воронкообразный футляръ, въ который втыгали или султанъ, или перо, какъ мы видимъ это на шлемѣ, помѣщенномъ на рис. 438. справа (сравн. рис. 446.).

Другое, исключительно гладіаторамъ (а именно бойцамъ съ сѣтью, *retiarii*) принадлежавшее оружіе, былъ *galerus* (рис. 439.). Это — небольшой щитъ, который носили прикрѣпленнымъ къ дѣ-

вому плечу и кромѣ того привязаннымъ къ груди; онъ имѣлъ круглую выпуклость для лѣваго плеча и верхней части руки и выдающуюся окраину для защиты горла. Прочіе щиты были или круглыя пармы (рис. 442., 449., 450. слѣва), или малыя загнутыя и нѣсколько выпуклыя еракійскія пармы (рис. 445.—447.), или также большія четырехугольныя. И это вооруженіе было вообще въ изобиліи украшено металлическими рельефами. Третій родъ вооруженія, никогда не употреблявшійся воинами, были наручи, *brachiale*

Рис. 443. Гладіаторъ изъ Самнитовъ, по помпейскому барельефу.

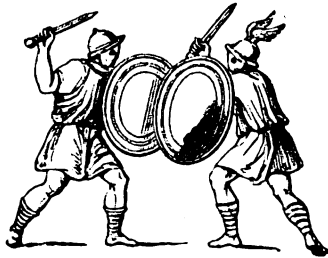

Рис. 442. Meridiani, по римской мозаикѣ.

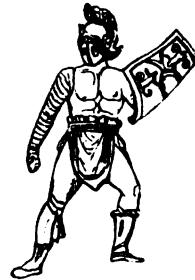

Рис. 444. Гладіаторъ изъ Самнитовъ, по помпейскому барельефу.

(рис. 440.), которые дѣлались изъ бронзы и охраняли правое плечо, подобно поножамъ, защищавшимъ ноги; это вооруженіе, а также поножи, которыя носили гладіаторы только на правой ногѣ (какъ римскіе тяжеловооруженные), отличаются преимущественно обильными украшениями (рис. 441.). Кромѣ того бойцы имѣли для защиты тѣла ремни надъ бедрами, служившіе вмѣстѣ съ тѣмъ и для привязыванія фартука, и въ особенности на правомъ плечѣ, носившіе названіе *manica*; это, кажется, было не болѣе, какъ замѣна упомянутого уже наручнѣя. Панцырей гладіаторы конечно употреблять не смѣли (кромѣ такъ наз. *гопломаховъ*).

Между оружіемъ наступательнымъ, которое употребляли исключительно только гладіаторы, мы находимъ еракійскій загнутый малый мечъ (*sica*), которымъ при состязаніяхъ были вооружены такъ наз. *ѳраки* (*Thracae*) и котораго остріе было обращено внутрь (рис. 445.), такъ что нанесенная имъ рана обратнымъ движеніемъ увеличивалась, и кромѣ того упомянутый уже *трезубецъ* (*fuscina*), оружіе бойцовъ, сражавшихся съ сѣтью (*retiarii*), въ которую старались запутать противника. Мечъ, который употребляли въ гла-

діаторскихъ состязаніяхъ, былъ тотъ обыкновенный — короткій и заостренный, какимъ была вооружена римская пѣхота, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ снабженъ былъ для защиты руки чашкою (ср. рис. 451.), которой у обыкновеннаго меча не было.

Обратимся теперь къ самимъ состязаніямъ. Съ ранняго утра того дня, который долженъ былъ ознаменоваться состязаніями, съѣхала публика наполнить помѣщенія обширнаго амфитеатра;

Рис. 445. Гладіаторъ изъ Фраковъ (Thraex), по лампѣ изъ жженой глины.

Рис. 446. Фракъ, ожидающій нападенія, по лампѣ изъ жженой глины.

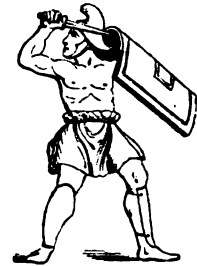

Рис. 447. Фракъ нападающій, по лампѣ изъ жженой глины.

ибо былъ нѣкоторое время обычай устраивать предъ гладіаторскими состязаніями звѣриня травля (venationes), а такъ какъ лучшее общество этихъ послѣднихъ не посѣщало, то и было установлено для нихъ время очень раннее. Но такъ какъ звѣриня травля происходили иногда послѣ состязаній, то мы упомянемъ о нихъ, что для насъ удобнѣе, подъ конецъ этой статьи. Если травля происходила передъ состязаніями, то къ полудню дѣлалась остановка, чтобы каждый могъ пойти домой пообѣдать; между тѣмъ оставшуюся публику забавляли особые бойцы, т. е. полуденники, *meridiani*, которыхъ, кажется, изображаетъ рис. 442. (Suet. Claud. 34). По Сенекаѣ (Ep. VII. 2) это были преступники, которые, не зная фехтовальнаго искусства, убивали другъ друга.

Посмотримъ сперва на публику, собравшуюся въ амфитеатрѣ Флавіевѣ, который мы и имѣемъ въ виду. На самыхъ нижнихъ мѣстахъ помѣщаются нѣсколько сотъ сенаторовъ, всѣ коллегіи жрецовъ и Весталки; въ центрѣ этого почетнаго круга, въ открытой ложѣ, сидитъ императоръ со всѣмъ дворомъ и иностранными посланниками или князьями, прибывшими въ Римъ ко двору импе-

ратора. Тысячи зрителей занимаютъ мраморныя сидѣнья среднихъ ярусовъ; дамамъ, которыя сидятъ въ циркѣ вмѣстѣ съ мужчинами, со временъ Августа отведено было при этихъ играхъ отдѣльное мѣсто въ высшихъ рядахъ. Римскіе граждане всѣ одѣты въ бѣлыя тоги (какъ при представленіяхъ въ театрѣ и въ циркѣ) и съ вѣн-

Рис. 449. Конные гладіаторы, по помпейскому барельефу.

Рис. 448. Гладіаторъ изъ Галловъ (мирмиллоновъ?), по римскому надгробному памятнику.

ками на головахъ. Самыя высшія мѣста занимаетъ множество бѣдняковъ въ рубищахъ и будничныхъ одеждахъ. Для защиты отъ палящихъ лучей солнца натанутъ очень большой пестрый навѣсъ, который мѣняющеюся тѣнью ослабляетъ преобладающую бѣлизну мрамора и одежды. Водометы выбрызгиваютъ въ высоту струи благовонныхъ жидкостей, охлаждая воздухъ и наполняя его пріятнымъ запахомъ (см. стр. 506). — Въ извѣстный часъ входили подъ предводительствомъ фехтмейстера (lanista) подъ звукъ музыки, сопровождавшей также и бои, назначенные для состязаній того дня гладіаторы въ полномъ вооруженіи на арену, чтобы представиться публикѣ.

Изъ многочисленныхъ родовъ гладіаторовъ назовемъ самыя обычныя, о которыхъ мы имѣемъ больше всего извѣстій, и кромѣ того представимъ и нѣкоторыя изображенія. Шли тутъ прежде всего Самниты (Samnites, рис. 443. и 444.)¹⁾, имѣющіе на голо-

¹⁾ Рисунки 443. и 444. и равнымъ образомъ 450., 451., 454., 455. и 456. сдѣланы по копіямъ, которыя Mazois и Millin сдѣлали по рельефамъ памятника Савра въ Помпеяхъ. Во многихъ частяхъ извѣстія о вооруженіи гладіаторовъ не

вахъ племѣ съ забраломъ и крыльями, въ лѣвыхъ рукахъ щиты на подобіе малаго *scutum*, на лѣвыхъ ногахъ поножи, на ляскахъ и на правомъ плечѣ крѣпкіе плетеные набедренники и наручи (*manica*) и въ правыхъ рукахъ короткіе мечи. За ними шли ряды высокихъ и сильныхъ ѳраковъ (*Thracae*, рис. 445., 446. и 447.), одѣтыхъ въ простой шлемъ съ перьями, съ ѳракійскимъ щитомъ, поножами и загнутымъ небольшимъ мечемъ; затѣмъ ряды *retiarii* въ, которые были въ простыхъ туникахъ и не имѣли ни шлемовъ, ни другого оборонительнаго оружія, а вмѣсто наступательнаго оружія — сѣть, легкій трезубецъ и малый мечъ; за ними шли ихъ противники въ бою, такъ наз. преслѣдователи (*se-*

Рис. 450. Распорядитель, отводящій мѣста двумъ гладіаторамъ, по рисунку на внутренней штукатуркѣ помпейскаго амфитеатра.

sutores), одѣтые въ гладкіе шлемы съ забраломъ, вооруженные небольшимъ щитомъ и мечемъ; названіе свое они получили отъ того, что преслѣдовали ретирарія, который, накинувъ сѣть на противника, промахнулся, — до тѣхъ чоръ, пока тотъ не овладѣвалъ сѣтью или пока не былъ нагнанъ и побѣжденъ. Далѣе шли такъ наз. м и р м и л л о н ы (*mirmillones*, *murmillones*), первоначально, по одной части вооруженія, называвшіеся Г а л л а м и (рис. 448.), о которыхъ у насъ нѣтъ ни надежнаго изображенія, ни извѣстій; знаемъ только, что они были тяжело вооружены и вмѣсто гребня имѣли на шлемѣ изображеніе рыбы. Мы не имѣемъ также изображенія и многихъ другихъ родовъ гладіаторовъ, каковы были *dima-*

сходятся съ этими рисунками, и, такъ какъ эти рельефы отъ времени сильно повреждены, нельзя ни подтвердить, ни отвергнуть точности упомянутыхъ рисунковъ.

chaeri (гладіаторы, вооруженные двумя мечами), hoplomachi (гл. въ полномъ вооруженіи), velites (легковооруженные), provocatores (дразнители) и т. д. Наконецъ вѣзжали на арену также бойцы на лошадахъ (gladiatores equestres) и на колесницахъ (essedarii). Первые (рис. 449.) вооружены были шлемомъ съ забраломъ, пармою и копьемъ, не имѣя ничего для защиты, кромѣ плетеныхъ изъ ремня наручей (manica). Последніе стояли на военной колесницѣ

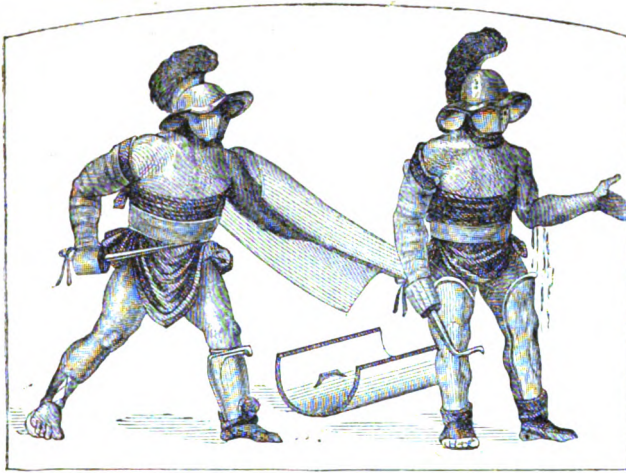

Рис. 451. Гладіаторы изъ Самнитовъ, по помпейской картинѣ.

британскихъ Галловъ, имѣя каждый при себѣ, какъ кажется, еще и возницу и дѣлая свои повороты (сравн. Caes. B. G. IV. 33) нерѣдко подъ тактъ музыки.

Чѣмъ значительнѣе было число гладіаторовъ, чѣмъ больше было разнообразія, — тѣмъ пріятнѣе было для зрителей. Въ состязаніяхъ, которыя устраивали императоры въ Римѣ, число ихъ доходило при Августѣ до 60 паръ, при Вителліи до 300, при Траянѣ — обыкновенно до 100. Если принять во вниманіе, что состязанія эти повторялись нѣсколько разъ въ годъ (ср. стр. 486) и что не только въ Римѣ, но и въ другихъ городахъ ¹⁾ устраивались они для народа также частными лицами, то мы ужаснемся,

¹⁾ Въ меньшихъ городахъ выступала двѣ, четыре пары, въ большихъ 20, 30 и даже 50 паръ; такъ напр. въ Помпеяхъ нѣкто A. Clodius Flaccus, когда сталъ вторично дуумвиромъ, выставилъ 30 паръ атлетовъ съ 5 парами гладіаторовъ, къ чему остальные товарищи его присоединили 35 паръ и звѣриную травлю.

какъ много ежегодно проливалось человѣческой крови. Вѣдь даже умѣренный въ другихъ отношеніяхъ императоръ Траянъ, за время четырехмѣсячныхъ празднествъ въ Римѣ, выставилъ на арену всего 10.000 гладіаторовъ (Dio Cass. LXVIII. 15). Въ послѣднія же времена имперіи гладіаторскіе бои совершенно похожи были на кровопролитныя битвы; такъ напр. при Гордіанѣ иногда сражалось до 500 паръ гладіаторовъ.

Лишь только процессія обошла арену и отдала должную честь императору или его намѣстнику (обыкновенно претору), преторъ (или распорядитель состязаній, *editor muneris, munerarius*)

Рис. 452. Бой гладіаторовъ (*secutor* и *retiarius*), по римской мозаикѣ.

Рис. 453. Бой гладіаторовъ (*secutor* и *retiarius*), по римской мозаикѣ.

осматривалъ оружіе, и когда осмотръ былъ конченъ, начинался пробный бой (*prolusio*) между Самнитами и Тираками при помощи тупаго оружія (*arma lusoria*) или копій (*ventilatio*, бросаніе и ловленіе копій). Этотъ пробный бой служилъ какъ бы подготовкой къ настоящему бою, который начинался по знаку, данному трубой, и происходилъ подъ звуки музыки и по установленной напередъ программѣ (*libellus*), въ безчисленныхъ экземплярахъ распроданной между публикой и содержавшей порядкомъ состязаній и имена прославленныхъ бойцовъ.

Такъ какъ, кромѣ нѣкоторыхъ извѣстій въ литературѣ, сохранились и нѣкоторые относящіеся сюда рисунки и барельефы (хотя послѣдніе въ наши времена сильно пострадали, какъ замѣчено выше, на стр. 517 въ прим.), то мы имѣемъ возможность представить различныя сцены изъ гладіаторскихъ боевъ болѣе наглядно.

Прежде всего каждому бойцу назначалось распорядителемъ положеніе и мѣсто, которое онъ не смѣлъ оставить, пока это допускалъ ходъ боя. Такой моментъ изображаетъ намъ рис. 450.

Влѣво отъ распорядителя, который длинной палкой указываетъ мѣста бойцамъ, стоитъ одинъ гладіаторъ, на половину вооруженный; недостаетъ ему еще шлема и меча, которые какъ разъ приносятъ двое слугъ. Вправо даетъ другой гладіаторъ рогомъ знакъ къ бою, въ то время какъ невдалекѣ двое слугъ держатъ приготовленные для него шлемъ и круглый щитъ. Въ глубинѣ сцены стоятъ двѣ статуи Побѣды.

Бои, которые затѣмъ завязались между разъярившимися гладіаторами, сдѣлаемъ наглядными прежде всего рис. 451., дѣлан-

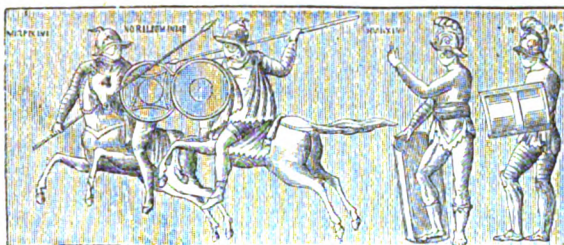

Рис. 451. Гладіаторскіе бои, по помпейскому барельефу.

номъ по помпейской картинѣ. Онъ представляетъ двухъ Самнитовъ въ рѣшительный моментъ. Гладіаторъ вправо, будучи раненъ въ лѣвую руку, такъ что долженъ былъ выпустить изъ нея щитъ, и имѣя кромѣ того мечъ, искривленный неудачнымъ ударомъ, отказался отъ боя и проситъ выпрямленнымъ пальцемъ (*verso pollice*) лѣвой руки о милости, которую распорядитель состязаній (въ Римѣ онъ обыкновенно предоставлялъ это право свое собравшейся публикѣ; во время имперіи это дѣлалъ всегда императоръ или его намѣстникъ) могъ дать ему сжатымъ кулакомъ (*presso pollice*). Если отказали ему въ милости (знакомъ отказа служила раскрытая ладонь), гладіаторъ долженъ былъ подставить свою шею подъ смертельный ударъ (*dare, praebere, porrigere iugulum*). Иногда, впрочемъ, такая отдача на милосердіе не была и дозволена, именно, если бой шелъ *sine remissione*, т. е. безъ перерыва до убіенія одного изъ бойцовъ; но этому обычаю Августъ старался положить конецъ. Побѣдитель получалъ въ награду или пальмовую вѣтку, или вѣнокъ украшенный лентами, или (при императорахъ) даже деньги; кто нѣсколько разъ отличился побѣдою, тотъ получалъ въ награду

тупую гладиаторскую рапиру (см. стр. 512) въ знакъ того, что навсегда освобождался отъ этого званія.

Впрочемъ, если какой нибудь гладиаторъ велъ себя нѣсколько трусливо и невоинственно, или, если онъ, будучи раненъ, проявлялъ излишнюю любовь къ жизни, то къ такому разъяренная публика не имѣла никакого состраданія. Напротивъ, битьемъ и поджиганьемъ принуждали его вновь вступать въ неравный бой, пока его не убивали. Въ антрактахъ рабы переметали напоенный кровью песокъ и насыпали новый. Павшихъ гладиаторовъ оттаски-

Рис. 455. Гладиаторскіе бои, по помпейскому барельефу.

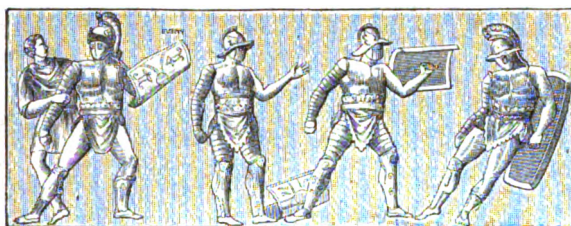
вали служители крюкомъ (*uncus*) въ такъ наз. раздѣвальню (*spoliarium*, см. стр. 50), гдѣ съ нихъ снимали платье и оружіе, а если они были еще при жизни — добывали.

Рис. 452. и 453. представляютъ намъ бои *retiari*евъ и *secutor*овъ по римской мозаикѣ (*villa Massimi*). По рис. 452. *retiarius* накиннулъ сѣть на своего противника, но, какъ видно, безъ успѣха, ибо тотъ бросается на *retiaria*, который, къ своему несчастію, накидывая сѣть, упалъ и выпустилъ трезубецъ. Выгоднѣе положеніе *retiaria* на рис. 453.; по видимому онъ удачно бросилъ сѣть, иначе едва ли бы отважился на рѣшительное нападеніе съ трезубцемъ. Бой, который ведется тутъ поодинокѣ, часто происходилъ толпами; такъ Светоній (*Calig. 30*) рассказываетъ, что однажды пять *retiari*евъ дрались съ пятью *secutor*ами и почти безъ боя были побѣждены; но, когда императоръ велѣлъ (вѣроятно за отсутствіе смѣлости или ловкости) заколоть ихъ, тогда одинъ *retiarius*, схвативъ трезубецъ, перебилъ всѣхъ пятерыхъ *secutor*овъ.

Наиболѣе сценъ изъ гладиаторскихъ боевъ представляетъ намъ надгробный памятникъ, обыкновенно называемый Скваровымъ въ

Помпеяхъ (ср. стр. 517); эти сцены мы и помѣщаемъ здѣсь въ нѣсколькихъ рисункахъ. Первая группа (рис. 454. а) представляетъ нерѣшительную стычку двухъ гладіаторовъ на лошадахъ, изъ которыхъ лѣвый, по надписи сверху, одержалъ уже 15 побѣдъ, правый — 11. Во второй группѣ (b) замѣчаемъ двоихъ почти одинаково одѣтыхъ гладіаторовъ; передній, раненый въ грудь (на маленькомъ рисункѣ это не видно), снялъ съ лѣвой руки щитъ и поднимаетъ ее съ просьбою о милости, спокойно ожидая, опершись на щитъ, своей участи; съ подобнымъ спокойствіемъ ожидаетъ

f

a

Рис. 456. Бой гладіаторовъ, по помпейскому барельефу.

окончательнаго рѣшенія и побѣдоносный противникъ его, стоящій за нимъ. Третья группа (рис. 455. c) гораздо оживленнѣе. Первый гладіаторъ, опытный боецъ, гордящійся, судя по надписи, 34 побѣдами, вотъ-вотъ готовъ уже нанести смертельную рану побѣжденному, который, хотя въ свою очередь тоже одержалъ уже 15 побѣдъ, но, раненый въ грудь, выпустилъ щитъ и копье, палъ на колѣно и поднимаетъ лѣвую руку, прося милости и боязливо оглядываясь на противника. Четвертая группа (d) состоитъ изъ четырехъ лицъ. Дѣйствіе тутъ происходящее, кажется, такое: Побѣжденнаго и не получившаго милости гладіатора побѣдоносный противникъ, лѣвшацъ (*scaeva*), добываетъ мечемъ, тогда какъ два трезубцемъ вооруженные служителя спѣшатъ сюда, чтобы оттащить свою жертву въ *spoliarium* (см. стр. 522); одинъ схватилъ уже несчастнаго за поясъ и наступилъ ему на ногу, чтобы содѣйствовать устраненію какой-бы то ни было попытки къ защитѣ. ¹⁾

¹⁾ Объясненіе Овербека (Ромрејі I² 176), который видитъ тутъ бой *secutor*овъ съ *retiari*ями, противорѣчитъ показанію Светонія (*Calig.* 30), такъ

Дѣйствию, представленное слѣдующею группою (e), не довольно ясно; видно только то, что побѣжденный гладиаторъ проситъ о милосердіи, въ то время какъ побѣдитель, по какой-то ясно не обозначенной причинѣ, оглядывается назадъ. Остаются у насъ на рис. 456. еще двѣ группы. Противники, изображенные здѣсь, отличаются только шлемами (если только рисунокъ вѣренъ). Въ первой группѣ (f) побѣжденъ болѣе простой гладиаторъ, одѣтый въ крылатый шлемъ, и проситъ милости; но противникъ его,

Рис. 457. Бой bestiariевъ со звѣрыми, по барельефу изъ Марцеллова театра.

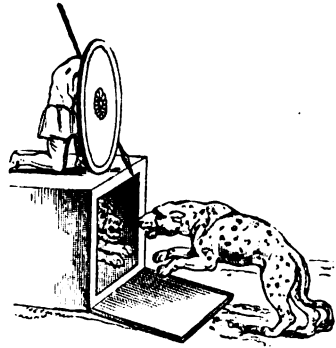

Рис. 460. Ловля леопарда въ кѣтку, по античному рисунку.

не ожидая рѣшенія, хочеть его заколотъ, чему, однако, помѣшала подоспѣвшій распорядитель. Во второй группѣ (h) побѣжденъ гладиаторъ съ болѣе роскошнымъ шлемомъ, будучи смертельно раненъ противникомъ. Итакъ онъ кладетъ свой щитъ за себя, чтобы на немъ, какъ было прилично доблестному бойцу, умереть спокойно и достойнымъ образомъ.

83. *Звѣринья травли* (venationes) вошли въ обычай въ 186 г. до Р. Хр. (Liv. XXXIX. 22) и первоначально совершались въ циркѣ, позже обыкновенно въ амфитеатрахъ. Онѣ состояли въ томъ, что или звѣри сами боролись между собою, или съ ними сражались люди, т. н. venatores, bestiarii (звѣрборцы). Эти bestiarii были двоякаго рода; одни такіе, которые добровольно посвящали себя этимъ

что мотивированное объясненіе у Guhl'a и Koner'a (стр. 726) является болѣе правдоподобнымъ, хотя нужно признаться, что о трезубцѣ, какъ оружіи служителей, мы ничего не знаемъ.

состязаніямъ и поэтому, подобно гладіаторамъ, упражнялись и воспитывались. Эти вступали въ бой достаточно вооруженными; но хуже приходилось тѣмъ, которые были приговорены для травли (ad bestias damnati), какъ напр. плѣнные, преступники — дѣйствительные или мнимые — (напр. христіане во время гоненій), ибо кромѣ ременныхъ поножей и наручей они имѣли для защиты одно лишь копье или мечъ.

Для травли употреблялись звѣри всякаго рода, преимущественно хищные, какъ-то: львы, тигры (хотя въ очень незначительномъ количествѣ и лишь съ 11 г. до Р. Хр.), леопарды, медвѣди и т. д. Помпей напр. устроилъ Римлянамъ въ циркѣ травлю

Рис. 458. Бой звѣрборца съ леопардомъ, по помпейскому барельефу.

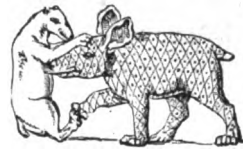

Рис. 459. Бой медвѣдя съ носорогомъ, по лампѣ изъ жженой глины.

500 львовъ (!), 18 слоновъ и 410 разныхъ другихъ дикихъ звѣрей (africanarum venatio); Августъ во 2 г. до Р. Хр., при торжествѣ освященія великолѣпнаго храма Марса Мстителя, между прочимъ — 200 львовъ. Калигула устроилъ травлю 400 медвѣдей и столькихъ-же разныхъ африканскихъ звѣрей. Кромѣ того во времена имперіи (начиная съ Августа) при травляхъ являются также бегемотъ, носорогъ, крокодилъ, рысь (изъ Галліи) и всякіе до тѣхъ поръ Римлянамъ неизвѣстные, со всѣхъ концовъ завоеваннаго міра привозившіеся звѣри. Меньшіе города, не имѣвшіе большихъ средствъ, должны были довольствоваться болѣе скромными травлями и дикими звѣрями болѣе обыкновенными. Такъ представляются намъ на томъ-же „Скавровомъ“ памятникѣ въ Помпеяхъ, на которомъ находятся выше приведенные гладіаторскіе бои, многочисленныя сцены травли звѣрей, какъ-то: бой съ медвѣдемъ и леопардомъ, волкомъ, съ дикимъ кабаномъ, быкомъ и, рядомъ съ этимъ, травля оленей, газели и зайцевъ собаками для развлечения.

Для изображенія борьбы bestiari'евъ мы выбрали часть рельефа (рис. 457.), сохранившагося въ Римѣ во дворцѣ Орсини, по-

строеномъ отчасти изъ остатковъ прежняго Марцеллова театра (ср. рис. 50). Этотъ рельефъ представляетъ намъ бой двухъ звѣроборцевъ съ медвѣдемъ и леопардомъ и, кажется, напоминаетъ травлю, которая дана была при открытіи театра и въ которой боролись между собою 600 дикихъ звѣрей. Онъ интересенъ тѣмъ, что изъ него съ одной стороны мы узнаемъ отчасти вооруженіе *bestiari'евъ*, которое состояло въ шлемѣ, щитѣ и заостренномъ мечѣ (и въ нѣкоторыхъ поножахъ для защиты ногъ, а также чешуйномъ панцирѣ), съ другой стороны — способъ, каковымъ содержались дикіе звѣри въ клѣткахъ (подъ амфитеатромъ), прежде чѣмъ попадали на арену. Подпруги, соединяющіяся на спинѣ и снабженныя кольцомъ, служили очевидно къ тому, чтобы звѣри могли быть прочно привязываемы и не повредили бы себѣ сильнымъ подергиваніемъ.

На помпейскихъ рельефахъ мы находимъ впрочемъ этихъ звѣроборцевъ въ другомъ вооруженіи; каждый имѣетъ только туннику, охранительныя ременные поножи и наручи на лѣвой рукѣ, тогда какъ правой направляетъ на звѣря мечъ или остроконечное копье. Такъ на рис. 459. сражающійся съ леопардомъ *bestiarius* держитъ кромѣ того платокъ въ лѣвой рукѣ, которымъ вѣвремя онъ долженъ быстро закрыть голову раздраженнаго и готоваго къ прыжку звѣря; этотъ способъ боя введенъ былъ впервые при императорѣ Клавдіи.

Въ заключеніе представляемъ бой между медвѣдемъ и носорогомъ по лампѣ изъ жженой глины (рис. 459.) и ловлю леопарда въ клѣтку съ помощью зеркала, по рисунку въ гробницѣ Насоновъ близъ Рима (рис. 460.).

Упомянуты также бои быковъ въ циркѣ, въ родѣ испанскихъ *toros*; роль испанскихъ пикадоровъ исполняли ловкіе ессалійскіе наѣзники. Упомянется наконецъ еще одинъ родъ травли, называемой тоже, хотя невѣрно, *venationes*, и происходившей тоже въ циркѣ. Въ циркѣ, который отъ поставленныхъ въ немъ деревьевъ былъ превращенъ въ лѣсъ, впускалось множество всякаго рода звѣрей, и тѣ отдавались зрителямъ на расхватъ. Такъ напр. *Probus* впустилъ въ циркѣ тысячу страусовъ, тысячу оленей, тысячу дикихъ кабановъ, ланей, дикихъ овецъ и т. д.

84. Кромѣ гладіаторскихъ боевъ и травли, въ амфитеатрахъ давались и битвы на корабляхъ, для чего на арену впускалась вода. Такъ Титъ въ 80 году представилъ въ амфитеатрѣ морское сраженіе между Корцирянами и Коринѣянами, а позже — Домиціанъ.

Впрочемъ для этихъ сраженій были устроены также особыя громадныя зданія (см. стр. 59—60), которыя, какъ и сраженія, назывались *naumachiae*. Первую навмахію въ углубленномъ для этого (но впослѣдствіи опять засыпанномъ) водоемѣ построилъ Кесарь въ 46 г. для ознаменованія своего триумфа. Въ ней представленъ былъ бой между тирскимъ и египетскимъ флотомъ (съ 2.000 гребцовъ), въ которомъ участвовало 1000 воиновъ. Позже употреблялись для этихъ сраженій гладіаторы, плѣнные и преступники, которые и стали называться *naumachiarii*, *naumachi*. Постоянную каменную навмахію построилъ Августъ подъ Яникуломъ, а за нимъ вторую — Домиціанъ подъ Ватиканомъ.

Въ первой изъ нихъ дана была Августомъ во 2 г. до Р. Хр. упомянутая выше (стр. 60) морская битва; во второй — Домиціаномъ, который хотѣлъ перещеголять брата своего Тита, и для котораго арена амфитеатра казалась недостаточною, давались довольно часто битвы, похожія на дѣйствительныя. При одной изъ такихъ „забавъ“ поднялась гроза съ ливнемъ, но никто не смѣлъ удалиться, такъ что многіе вслѣдствіе этого заболѣли и умерли.

Наибольшую морскую битву, но не въ навмахіи Августа, устроилъ императоръ Клавдій на Фуцинскомъ озерѣ при окончаніи дорогого стоившаго канала (см. стр. 94). Сражалось тутъ другъ противъ друга на каждой сторонѣ 50 трех- и четырехвесельныхъ кораблей, представляющихъ морскую битву Сицилійцевъ съ Родосцами (Dio Cass. LXV. 33). Около берега озера были плоты и на нихъ расположены были тысячи гвардейцевъ (пѣшихъ и конныхъ); кромѣ того разставлены были метательныя орудія, для того чтобы никто не могъ ускользнуть съ сражающихся кораблей; сзади, по той-же причинѣ, замыкали пространство, которое было довольно обширно для всевозможныхъ морскихъ сраженій, — матросы на крытыхъ корабляхъ. По знаку, который данъ былъ трубой нечаянно вынырнувшимъ изъ озера серебрянымъ тритономъ, корабли, на которыхъ находилось, говорятъ, 19.000 бойцовъ, исключительно гладіаторовъ и преступниковъ, направились другъ противъ друга и начали бой храбро и серьезно предъ глазами многихъ тысячъ зрителей, сошедшихся сюды изъ окрестныхъ городовъ и Рима и наполнившихъ всѣ крыши окрестныхъ зданій, и въ присутствіи императора, его супруги Агриппины (имѣвшей на себѣ роскошное золотомъ вытканное платье) и всего двора. Когда же послѣ состязаній пришлось отчасти выпустить озеро, замѣчено было, что водосточный каналъ вырытъ былъ недостаточно глубоко; поэтому его углубили

и, нѣкоторое время спустя, во второй разъ отпраздновали открытіе его гладіаторскими играми на плотахъ и мостахъ. Но въ этотъ разъ вода хлынула въ каналъ съ такою силою, что близъ устьевъ его разрушила нѣкоторыя части того зданія, въ которомъ послѣ боя происходило пиршество. Пирующіе перепугались и разбѣжались (Tac. Ann. XII. 56 и 57).

85. Изъ всѣхъ римскихъ игръ найдолѣе удержалось Домиціаномъ въ 86 г. по Р. Хр. учрежденное капитолійское состязаніе (agon Capitolinus), память о которомъ сохранилась до среднихъ вѣковъ и возобновлена была въ формѣ вѣнчанія знаменитыхъ итальянскихъ поэтовъ на Капитоліи (первымъ увѣнчанъ былъ Петрарка въ 1341 году) и въ другихъ итальянскихъ городахъ въ эпоху гуманизма. Поэтому мы упоминаемъ о немъ подъ конецъ этого отдѣла, хотя оно отчасти относится къ гимнастическимъ играмъ, описаннымъ на стр. 492. Главную часть его составляли „музическія“ состязанія — первоначально въ греческомъ и латинскомъ краснорѣчій и поэтическомъ искусствѣ, впоследствии — исключительно въ латинскомъ, равно какъ и состязанія въ музыкѣ и пѣніи.

Музыкальныя состязанія состояли изъ игры на киварѣ или простой, или соединенной съ пѣніемъ, и изъ игры на кларнетѣ, а также изъ чтенія или цѣлыхъ стихотвореній или отрывковъ изъ нихъ съ подходящимъ музыкальнымъ аккомпаниментомъ.

„Музическія“ состязанія эти совершались въ особомъ одеонѣ (ср. стр. 44), построенномъ архитекторомъ Аполлодоромъ, по приказу Домиціана на Марсовомъ полѣ; это зданіе вмѣщало 10—11 тысячъ душъ и еще въ 4мъ вѣкѣ по Р. Хр. считалось въ числѣ красивѣйшихъ римскихъ построекъ. Побѣдители въ этихъ состязаніяхъ, признанные особыми судьями, отводились на Капитолій (отсюда и названіе состязаній) и тамъ увѣнчивались изъ рукъ императора вѣнками, сплетенными изъ оливковыхъ и дубовыхъ листьевъ. Высшею наградою этою привлекаемы были въ столицу художники и поэты со всѣхъ концовъ имперіи.

VII. Военное дѣло.

Вооруженіе Грековъ.

86. *Героическій періодъ.* Оружіе, какъ извѣстно, раздѣляется на наступательное и оборонительное. Въ первомъ отношеніи гомеровское время знаетъ: копье, мечъ, лукъ и пращу, затѣмъ сѣкиру и палицу.

Копье (*ἔγχος, δόρυ*) состояло: а) изъ гладкаго древка, чаще всего ясеневаго (*μείλινον ἔγχος, μελίη*); б) изъ острія (*αἰχμή, ἀκωκή*), насаженнаго трубчатымъ концомъ своимъ (*αὐλός*) на верхній конецъ древка и прикрѣпленнаго особаго рода кольцомъ (*πόρκης*); в) изъ заостреннаго наконечника (*σαυρωτήρ, οὐρίαχος, позднѣе στύραξ*) съ противоположной стороны, чтобы втыкать копье въ землю (Ил. X. 153).

Герои Гомера обыкновенно имѣютъ два копья на случай, если одно неудачно будетъ брошено или сломается. При поединкѣ жребій рѣшается, кто первый долженъ пустить копье. Противникъ уклоняется отъ брошеннаго съ размаху копья, дѣлая быстрый скачекъ въ сторону, или подставляя щитъ, или же, если копье было пущено высоко, сгибаясь за щитъ. — На греческихъ вазахъ герои Гомера часто представляются съ двумя неравной величины копьями; это и есть вѣроятно такъ часто упоминаемые въ поэмахъ Гомера *ἄκοντες* (*δοῦπος ἀκόντων*). Послѣ копья употребляли въ дѣло мечъ (*ξίφος, ἄορ, φάσγανον*), который былъ короткій (около 18 дюймовъ), обоюдоострый (*ἄμφηκες*), съ ефесомъ (*κώπη*), на которомъ была маленькая поперечная пластинка (щечка, атт. *κνώδων, πτέρυξ*) безъ чашки или дужки (рис. 461.). Его носили у лѣваго бедра въ ножнахъ (*κολεός*), которыя висѣли на перевязи (*ἀορτήρ* и *τελαμών*), перекинутаю чрезъ плечо. Ефесъ, ножны и перевязь часто были отдѣланы золотомъ и серебромъ (Ил. XI. 29 слѣд.). Кромѣ меча у героя висѣлъ съ боку ножъ; его употребляли при жертвоприношеніяхъ (какъ Агамемнонъ, Ил. III. 271) и въ другихъ непредвидѣнныхъ случаяхъ (Ил. XI. 844). — Это оружіе всегда оставалось въ одномъ и томъ-же видѣ.

Лукъ (*τόξον*) состоялъ изъ двухъ гибкихъ частей (*πήχες*), въ видѣ двухъ дугъ, соединенныхъ перекладиною (рис. 462. а); онъ дѣлался обыкновенно изъ роговъ козерога, какъ видно изъ

Гомера (Ил. IV. 105 и слѣд.); а такъ какъ такой лукъ не натягивался по направленію простой дуги, но противъ направленія обоихъ изгибовъ, то онъ и называется *παλίνονα τόξα*¹⁾. Способъ натягиванія его представляетъ рис. 463., сдѣланный по изображенію на античной вазѣ въ Луврѣ. Тетива (*νευρή*) приготавливалась изъ высушенныхъ говяжьихъ кишечекъ; стрѣла (*οἰστός, ἰός* и *βέλος*) дѣлалась изъ тростника (*δούραξ*), или легкаго дерева около 2 футовъ длины, и имѣла на концѣ, прилежащемъ къ тетивѣ, вырѣзку (*γλυφίς*); для регулированія полета она снабжалась перьями,

Рис. 461. Древне-греческій мечъ, по изображенію на вазѣ.

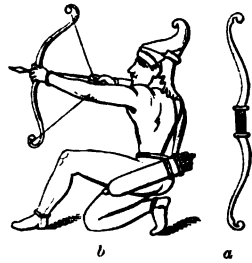

Рис. 462. Лукъ (а, по древне-греч. рис.) и Фригійскій лучникъ (b, по древне-греч. барельефу).

а остріе ея, длиною отъ 2 до 3 дюймовъ, зазубринами (*δῦκοι*). Воинъ носилъ стрѣлы на лѣвомъ плечѣ или на лѣвомъ боку въ колчанѣ (*φαρέτρα*, позднѣе *τοξοθήκη*, рис. 462. b), который обыкновенно закрывался крышкою (*παῖμα*). Лукъ или привязывали къ колчану, или носили его въ особомъ футлярѣ (*γωρντός*, Од. XXI. 54; ср. Ил. IV. 105), а иногда и въ колчанѣ вмѣстѣ со стрѣлами (рис. 464.). Хотя, какъ видно изъ Гомера, искусство стрѣлять изъ лука было не чуждо самимъ богамъ, напр. Аполлону (который имѣетъ эпитетъ „сребролукаго“, *ἀργυρότοξος*, и „славнолукаго“, *κλυτότοξος*), его сестрѣ Артемидѣ (сыплющей стрѣлы, „*λοχέαιρα*“) и героямъ: Гераклу, Эвриту, Тевкру, Меріону (Ил. XXIII. 855 сл.) и Локрамъ (Ил. XIII. 716), но тѣмъ не менѣе въ открытомъ бою, гдѣ рѣшали дѣло мечъ и копье, лукъ не считался почетнымъ оружіемъ, и даже самое названіе „лучника“ заключало въ себѣ нѣчто унижительное (Ил. IV. 242, XIV. 479 объ Аргосцахъ, Ил. XI. 385 о Парисѣ).

¹⁾ Изображеніе его встрѣчается очень часто на вазахъ. См. напр. Овербека „Atlas der griechischen Kunstmythologie“, tab. IV. 3 и tab. V. 4.

Праща (*σφενδόνη*) употреблялась въ эти времена очень рѣдко, и между греческими племенами только у Локровъ (Ил. XIII. 416); у Троянъ мы встрѣчаемся съ ней только однажды (*ibid.* 600). Также особнякомъ и случайно упоминается при нападеніи на корабли о сѣкирѣ (*ἀξίνη, πέλεκυς*, Ил. XIII. 612 и XV. 711); съ палицей (*κορύνη*), какъ оружіемъ, встрѣчаемся тоже одинъ разъ (Ил. VII. 141), и то не подъ Троей.

Оборонительное оружіе составляли: шлемъ, панцырь, поножи и щитъ. Въ качествѣ шлема очень часто упоминается такъ

Рис. 463. Лучникъ, натягивающій лукъ, съ античной вазы въ Луврѣ.

Рис. 465. Простой шлемъ, съ бронзовой статуйки.

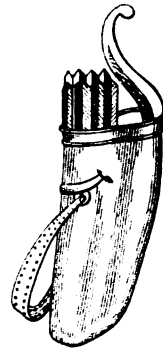

Рис. 464. Двойной кочанъ съ лукомъ и стрѣлами, по ант. барельефу въ Римѣ.

наз. *κυνέη*, собств. собачья шкура, т. е. головная покрывка изъ этого матеріала; но уже въ самое древнее время это слово утратило свой первоначальный смыслъ, и получило значеніе головного покроя вообще; поэтому и говорилось: *ταυρείη κυνέη* (шапка изъ воловьей кожи, *καταϊτυξ*, Ил. X. 258), *κ. αλγείη* (изъ козьей кожи), *κ. κτιδέη* (изъ хорьковой). То-же имя осталось и тогда, когда шлемъ стали дѣлать изъ металла (*κ. χαλκήρης, εὐχαλκος, χαλλοπάρηος, πάρχαλκος*), но еще безъ козырька и безъ султана на верху. За тѣмъ уже явилось названіе *κόρυς* (позднѣе *κράνος*). Шлемъ украшали обыкновенно дужка, или шинка (*κύμβαχος*) и султанъ (*λόφος*) изъ конскаго волоса, иногда окрашеннаго въ красный цвѣтъ (Ил. XV. 538). Отъ блеска мѣди шлема (*κ. παμφανόωσα, λαμπομένη, παναίθη*) герои часто носятъ эпитетъ „блестящій шлемомъ“ (шлемо-

блещущій, *κορυθαίολος*). Шлемы болѣе сложной формы имѣли металлическія пластинки съ обоихъ боковъ (нащечники) для защиты щекъ (*κόρυς χαλκοπάρηος*, Ил. XII. 183, Од. XXIV. 523, позднѣе *παράναθίδες*), а часто такія-же пластинки спереди и сзади, для защиты лица и затылка (отс. *κ. τετραφάληροι, τετράφαλοι* „четыребляшные“); иногда эти пластинки или бляхи были на столько велики, что при нахлобучиваніи шлема передняя бляха закрывала все лицо (въ видѣ нѣкотораго забрала), и герой смотрѣлъ черезъ продѣланныя противъ глазъ отверстія. Такой шлемъ назывался

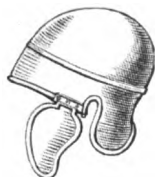

Рис. 466. Шлемъ съ нащечниками и назатыльникомъ (*κόρυς χαλκοπάρηος*), по бронз. ориг. изъ древне-греч. гробницы.

Рис. 467. Греческій шлемъ съ наличникомъ и султаномъ (Гом. *αὐλῶπις τρυφάλεια*), по изображеніямъ на вазахъ.

αὐλῶπις τρυφάλεια, шлемъ съ наличникомъ.¹⁾ Другое названіе шлема — *στεφάνη*, отъ той части, которая прикрываетъ затылокъ, и *πήληξ*, тяжелый металлическій шлемъ. — Шлемъ поддерживался подбородникомъ (*ὄχεύς*) изъ ерѣпкаго ремня. На рис. 465. мы видимъ т. наз. *καταῖτυξ*, обменованный кожаный шлемъ, на рис. 466. бронзовый шлемъ съ нащечниками и назатыльникомъ, на рис. 467. два шлема болѣе искусной формы съ низко опущенными краями и наличникомъ (*αὐλῶπις τρυφάλεια*). См. такой-же шлемъ на рис. 470.

Панцирь (*θώραξ*, позднѣе *θώραξ*) состоялъ изъ двухъ выпуклыхъ частей (*γύαλα*), застегивавшихся на плечахъ и съ боковъ, и отличался отъ позднѣйшаго панциря тѣмъ, что былъ короче, доходя только до бедръ, и былъ не такъ искусно сдѣланъ, чтобы плотно

¹⁾ По нашему мнѣнію *τρυφάλεια* есть сокращеніе изъ *τρυποφάλεια* (какъ *τράπεζα* вм. *τετράπεζα*, *ἀμφορεύς* вм. *ἀμφιφορεύς*, *τριανός* вм. *τριακοντάς*, *τέτρακμον* вм. *τετράδρακμον*, *παστάς* вм. *παραστάς*, ново-греч. *σαράκοντα* вм. *τεσσαράκοντα*), а это то-же, что *κ. τετραπημένη τὸς φάλους*, хотя конечно *τρυφάλεια* могло также произойти и прямо изъ *τρυ-φάλεια* (отъ *τρυά*); прилаг. *αὐλῶπις* (имѣющій просвѣты) ближе опредѣляетъ общее значеніе существительнаго, подобно тому какъ и *τετραφάληρος* (имѣющій 4 козырька) ближе опредѣляетъ значеніе сущ. *κινῆ ἀμφίφαλος* (Ил. V. 743 и XI. 41).

прилегать къ тѣлу, хотя на столько бывалъ приноровленъ къ туловищу воина (Ил. XV. 520), что панцырь одного не всегда приходился на другого (Ил. III. 333). Въ дельфійскомъ храмѣ Павсаній видѣлъ такой весьма древній панцырь, изображенный Полигнотомъ, и говорить о немъ (X. 26, 5) слѣдующее: „онъ состоитъ изъ двухъ металлическихъ частей, изъ которыхъ одной покрываются грудь и животъ, а другой спина; ихъ называли *γύαλα* (выпуклостами); одну надѣвали спереди, а другую сзади, и затѣмъ соединяли застежками (*περόναι*). Такой панцырь и безъ щита доста-

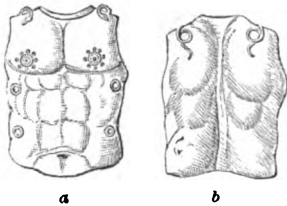

Рис. 468. Бронзовый панцырь, изъ греческой могилы близъ Песта.

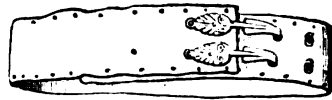

Рис. 469. Бронзовый поясъ (*ζωστήρ*), изъ греческой могилы близъ Песта.

точно, кажется, защищала тѣло.“ Къ этому описанію вполне подходит бронзовый панцырь, найденный въ греческой могилѣ весьма древняго времени близъ Песта; на рис. 468. видны обѣ его половины, передняя (а) и задняя (b); въ такихъ-же панцыряхъ герои изображаются на древнѣйшихъ греческихъ вазахъ (рис. 470.). У Гомера одѣты въ такой мѣдный панцырь лучшіе ратники Ахейянь, и называются поэтому „мѣднолатными“ (*χαλκοχίτωνες*)¹⁾, и отъ блеска латы (*θώρηξ παναίολος, ἀστερόεις, ποικίλος*) носятъ эпитетъ *αἰολοθώρηξ*, „блестящепанцырный“, какъ напр. Менесей (Ил. XVI. 173) и Антифъ (IX. 482). Панцыри царей кромѣ того часто поражали искусной работой (*πολυδαίδαλοι*). Панцырь охватывался на бедрахъ поясомъ (*ζωστήρ*); послѣдній былъ кожаный съ металлическими, иногда серебряными бляхами (а иногда и весь метал-

¹⁾ Это и есть, по нашему мнѣнію, правильное объясненіе этого эпитета, и имѣть основанія видѣть здѣсь кольчужчатую нижнюю одежду (рубашку), какъ это дѣлаетъ напр. Фридрейхъ на основаніи Арстарха; упоминаемый въ Иліадѣ (V. 113) *στρεπτός χιτών* вѣроятно то-же, что *θώρηξ*, какъ видно изъ стиховъ 99 и 189, или „вязаная рубашка.“ (См. схолія венеціанскаго кодекса къ данному мѣсту).

лическій, откуда эпитетъ ξ . *παναίολος*) въ видѣ нѣкотораго рода колецъ или пражекъ (*ὀχῆες*); онъ близко подходит къ поясу, представленному на рис. 469., который былъ найденъ въ той-же могилѣ близъ Песта. Къ поясу, именно къ его внутренней нижней сторонѣ, прикрѣплялось для защиты нижней части туловища такъ наз. *ζῶμα*; это было что-то въ родѣ фартука, состоявшаго изъ металлическихъ полосъ (атт. *πτέρυγες*), прикрѣпленныхъ къ гибкой вой-

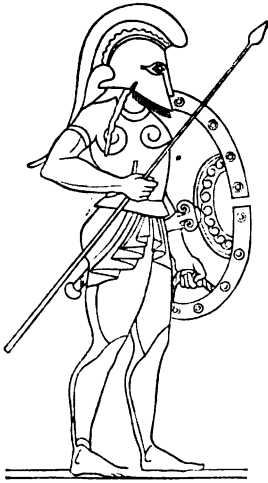

Рис. 470. Греческій гоуплитъ, по рисунку на греч. вазахъ.

Рис. 471. Греческій гоуплитъ (5 стол. до Р. Хр.), по рисунку на вазѣ.

лочной или кожаной подкладкѣ; подобнаго рода была и такъ наз. митра (*μίτρα*, Ил. IV. 132 сл. и 186—7). Подъ панцыремъ, поясомъ и митрой носили хитонъ (Ликійцы, не надѣвавшіе на хитонъ митры, называются въ Ил. XVI. 419 *ἀμιτροχίτωνες*). — Для большей наглядности мы присоединяемъ изображеніе (рис. 471.) вполне вооруженнаго война времени, хотя историческаго, но сравнительно очень древняго. Одинъ только Эантъ, Оилеевъ сынъ, и Амфій одѣты въ легкіе панцыри изъ нѣсколькихъ слоевъ полотна (*λίνοθώραξ*, полотнянопанцырный, Ил. II. 522 и 830); но отъ всего этого мѣста поэмы вѣдетъ уже позднѣйшей эпохой, когда Греки отъ Египтянъ заимствовали употребленіе полотняныхъ панцырей (Нер. III. 47). Кромѣ того нѣкоторые герои носятъ звѣриныя шкуры, Агамемнонь — лъвиную, Менелай и Александръ — барсовую.

Гераклъ также постоянно на памятникахъ является въ львиной шкурѣ.

Для защиты ногъ служили поножи (*κνημίδες*), закрывавшія голень отъ лодыжекъ до колѣнъ. Онѣ дѣлались изъ бронзы, прилегали плотно къ ногѣ и сзади на икрахъ скрѣплялись особаго рода пряжками (*ἐπισφύριον*), которыя иногда были серебряныя. Чтобы устранить давленіе на ногу, внутренняя сторона дѣлалась изъ кожи или какого нибудь мягкаго матеріала. Рис. 472. изображаетъ поножи, найденныя въ Помпеяхъ; отъ нихъ не могли отличиться особенно и поножи героическаго времени, такъ какъ ту-же форму

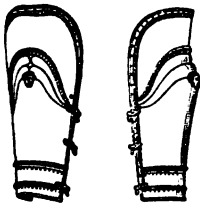

Рис. 472. Поножи, по бронз. помп. оригиналамъ.

Рис. 473. Воинъ, надѣвающий поножи, по рис. на древне-греческой вазѣ.

имѣють и поножи на болѣе древнихъ вазахъ (рис. 473., ср. рис. 470.). На рис. 473. мы встрѣчаемъ особаго рода обвязки вокругъ лодыжекъ.¹⁾

Главнымъ оборонительнымъ оружіемъ служилъ щитъ (*ἀσπίς*). Онъ былъ двухъ родовъ: а) небольшой, круглый (*ἀ. εὐκνικλος*), во всѣ стороны ровный (*ἀ. πάντοσ' ἔϊση*), не болѣе 3—4 футовъ въ діаметрѣ, какъ это можно заключить по болѣе древнимъ произведеніямъ пластики; или б) большой, закрывавшій отъ подбородка до пяты (*ἀ. ποδηνεκής*) всего воина (*ἀ. ἀμφιβρότη*) и по преимуществу называвшійся *σάκος*. Наружная сторона щитовъ дѣлалась выпуклою и снабжалась на срединѣ такъ наз. пупомъ (*ὀμφαλός*). Щиты состояли изъ нѣсколькихъ слоевъ воловьихъ кожъ (такъ у Эанта щитъ состоялъ изъ семи воловьихъ кожъ, *σ. ἑπταβόειον*), накрытыхъ съ наружной стороны бронзовымъ листомъ; отсюда щитъ и называется

¹⁾ Очевидно, что это совсѣмъ не то, что упоминаемья Гомеромъ *ἐπισφύρια*, какъ думаетъ напр. Конеръ (*Das Leben der Gr. u. Röm.* стр. 288. 4-е изд.).

блестящимъ (*ἀ. φαεινή, σάκος αλόλον*). Окружность щита въ видахъ прочности окаймлялась металлическимъ ободомъ, а наружная выпуклая металлическая сторона снабжалась гвоздями (отсюда *ἀσπίς ὀμφαλόεσσα*). Щитъ носили на перевязи (*τελαμών*), перекинутой черезъ плечи; кромѣ того внутренняя сторона его снабжалась двумя скобками (*κανόνες*, атт. *πόρπανες*), въ которыя продѣвалась лѣвая рука, и тѣмъ достигалась возможность легко двигать щитомъ на право и на лѣво, въ чемъ и состояла главная задача война. — Самый легкій щитъ былъ такъ называемый *λαισήιον* (Ил. V. 453).

Рис. 474. Шлемъ греческій историческаго времени, по изображенію на вазахъ.

Рис. 475. Шлемъ греческій историческаго времени, по изображенію на вазахъ.

Рис. 476. Панцирь тугой, безъ сгибовъ (*θώραξ στάδιος*), по статуѣ въ Геркулатахъ.

Оружіе въ героическое время приготавливалось большею частью изъ мѣди (*χαλκός*) или можетъ быть изъ бронзы, а иногда изъ желѣза (именно мечи, острія копій, ножи), о которомъ тоже, хотя изрѣдка, упоминается. Матеріаломъ для оборонительнаго оружія служила постоянно, и въ позднѣйшее время, бронза.

Позднѣйшій періодъ. Что касается до копій, то и въ историческое время они были различной длины; такъ напр. въ войскѣ Ксенофонта легковооруженные носили по нѣскольку дротиковъ длиною около 5 фут. (*ἀκόντιον*), съ ремнемъ (*ἀρχύλη*, лат. *amentum*), прикрѣпленнымъ по срединѣ. При бросаніи воинъ накручивалъ сложенный вдвое ремень на копье и потомъ, продѣвши оба передніе пальца правой руки въ оставшуюся петлю ремня (*δάκτυλοι διηρχυλωμένοι*, Ов. Met. XII. 321: *inserit amento digitos*), съ размаху пускалъ копье, которому такимъ образомъ сообщалось не только прямолинейное, но вмѣстѣ и спиральное движеніе, какъ при теперешнихъ нарѣзныхъ ружьяхъ. Копья тяжеловооруженныхъ (*δόρυ, λόγχη*) обыкновенно имѣли въ длину около 8 футовъ; остріе ихъ было

длиною ок. 7 пальцевъ. Самыми же длинными были копья (*σάρισσαι*) у тяжеловооруженныхъ въ македонской фалангѣ. Въ первое время они были въ 16, а потомъ въ 14 греческихъ локтей (т. е. 24 и 21 футъ), при чемъ 4 локтя приходились на часть копья, обхватываемую руками, и заднюю противобѣсную часть (*σῆκωμα*). Во время атаки воинъ бралъ сариссу лѣвой рукой впереди, а правой ближе къ заднему концу, и держалъ ее такимъ образомъ на 10 локтей передъ собою; сариссы каждаго изъ слѣдующихъ рядовъ, чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ меньше на два локтя выдавались

Рис. 477. Менелай со змѣей на щитѣ, по изображенію на вазахъ.

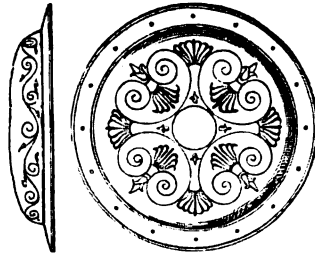

Рис. 478. Круглый греческій щитъ (*ἀσπίς, clipeus*), спереди и въ профиль, по изображенію на вазахъ.

впереди фаланги; сариссы пятого ряда выдавались уже только на два локтя. Воины остальныхъ 11 рядовъ (если фаланга состояла изъ 16) держали свои копья въ наклонномъ положеніи надъ плечами переднихъ товарищей¹⁾. Короче были копья македонской конницы.

Что касается до меча, то Ифигратъ (извѣстный аеинскій военный организаторъ 414—350 г.) ввелъ для пелтастовъ болѣе длинный

¹⁾ Въ описаніи слѣдуемъ Полибію (XXVIII. 12 и 13). Греческій локоть мы не можемъ, какъ это дѣлаютъ нѣмецкіе ученые Кехли и Рюстовъ, принимать просто за футъ, потому что Полибій ясно приравниваетъ 2 греч. локтя къ тремъ римскимъ футамъ (тамъ же гл. 13. § 6. „ἵστανται μὲν οὖν ἐν τρισὶ ποσὶ μετὰ τῶν βέλων καὶ ῥομφαίων“). Здѣсь нѣтъ того затрудненія, которому эти ученые хотѣли помочь своимъ предположеніемъ; во первыхъ, фалангиты обѣими руками держали копья, во вторыхъ, они не дѣлали никакихъ движеній и поворотовъ. Также о Халибахъ говоритъ Ксенофонтъ (Anab. IV. 7, 16), что ихъ копья были 15 локтей. Наше мнѣніе объ этомъ изложено въ Zeitschrift f. d. österr. Gymnasien, 1873 стр. 747 и слѣд.

мечъ, оставивъ прежній у голлитовъ. — Часто упоминается еще такъ наз. лакедемонскій мечъ (*μάχαρα*); острая сторона клинка этого меча была нѣсколько вогнута, тупая же сторона дѣлалась широкою и прямою. Этимъ мечомъ можно было только рубить, а не колоть, какъ вообще древними мечами. Ножны его, какъ кажется, были прямыя.

Палица въ историческое время не встрѣчается въ Греціи, развѣ только въ видѣ исключенія, напр. какъ вооруженіе тѣлохранителей Пизистрата (*κορυμφόροι*, Гер. I. 59); но мы находимъ ее еще въ войскѣ Ксеркса и потомъ опять въ большомъ употре-

Рис. 479. Фракійскій щитъ съ выемкой (*πέλιτη*, pelta), съ античнаго барельефа.

Рис. 480. Боевая колесница героическаго времени, по изображенію на южно-итал. вазѣ.

бленіи въ средніе вѣка. Также нѣтъ сѣкиры; на произведеніяхъ пластическаго искусства ею вооружены только Амазонки и Персы (въ средніе вѣка она опять въ употребленіи). Лукъ, хотя и занялъ почетное мѣсто въ вооруженіи историческаго времени, но особенно широкаго употребленія не получилъ (исключая наемныхъ легковооруженныхъ войскъ). Въ войскѣ Александра лучники составляли особый родъ войска; особенно искусными лучниками считались Критяне, а изъ варваровъ Скионы и Парояне. Праща была въ употребленіи только у нѣкоторыхъ греческихъ племенъ, именно: у Акарнянъ, Ахеянъ и жителей острововъ Рода и Мела. Интересныя свѣдѣнія о ловкости греческихъ пращниковъ сообщаетъ Т. Ливій (XXXVIII. 29). Для бросанія изъ пращи, кромѣ круглыхъ голышей, обыкновенно употреблялись куски свинца (*μολυβδίσ*), нѣсколько меньше куриного яйца, имѣвшіе на себѣ извѣстнаго рода клейма. (Объ этомъ подробнѣе при римскомъ вооруженіи стр. 550.)

Что касается до оборонительнаго оружія, то шлемъ (*κράνος*) въ историческое время не подвергся существеннымъ переиѣнамъ, но много выигралъ со стороны отдѣлки, которая часто бывала въ

высшей степени изящна. Налобникъ, нащечники и назатыльникъ покрывались изображеніями выпуклой работы. Гребень (*κῆννος*), который часто дугообразно спускался назадъ до самой шеи, украшался султаномъ изъ конскихъ волосъ, иногда и цѣлыми хвостами разноцвѣтныхъ перьевъ; иногда онъ бывалъ даже тройной.

Шлемы всевозможныхъ формъ встрѣчаемъ на вазахъ, монетахъ, статуяхъ Аѳины, Ареса и т. д. Рис. 474. представляетъ шлемъ съ дугообразно спускающимся назадъ гребнемъ и роскошнымъ султаномъ, съ козырькомъ, нащечниками и назатыльникомъ; рис.

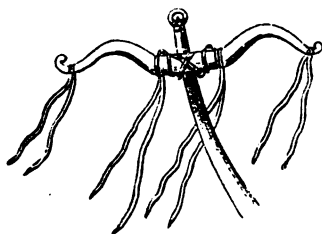

Рис. 481. Ярмо греч. колесницы (*ζυγόν*), по магнесійск. барельефу.

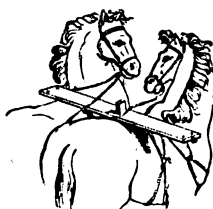

Рис. 482. Болѣ легкая запряжка, по рисунку въ Помпеяхъ.

475. представляетъ шлемъ съ тройнымъ богато украшеннымъ гребнемъ и приподнятыми нащечниками.

Панцырь историческаго времени былъ легче и болѣе искусной работы, чѣмъ въ героическія времена; онъ спускается ниже и защищаетъ всю нижнюю часть туловища; обѣ половины, изъ которыхъ онъ и теперь состоитъ, въ видахъ болѣе удобнаго надѣванія, соединены съ правой стороны особаго рода крючками (*γίγυλμοι*). Панцырь носили, какъ и у Римлянъ, полководцы и болѣе важные офицеры. Изображеніе его мы находимъ на статуѣ Бальба въ Геркуланѣ (рис. 476.). Старинную митру теперь замѣнили плетенки изъ ремней въ нѣсколько слоевъ; ими же защищались плечи и руки. Иногда панцырь дѣлался изъ кожи и выкладывался бронзовыми листами (онъ назывался *σπολάς*; ср. рис. 471.), или покрывался металлическими или костяными чешуйками. Отсюда названіе такого панцыря чешуйчатый, *θώραξ λεπίδατος*, или, если чешуя имѣла форму змѣиныхъ чешуй, — змѣйчатый, *θώραξ φολιδάτος*.

Полотняный панцырь (*θώραξ λινοῦς*), о которомъ мы упомянули на стр. 534., вошелъ въ употребленіе у Грековъ только во времена Иѳикрата. Ксенофонтъ знаетъ его только у Ассиріянъ и Халибовъ (Сугор. VI. 4, 2; Анаб. 7, 15) и у персидскихъ влад-

никовъ (Anab. I. 8, 9, *ἰππεῖς λευκοδάρακες*). Изображеніе этихъ частей вооруженія мы представимъ при описаніи вооруженія Римлянъ, такъ какъ относящіяся сюда памятники дошли до насъ только изъ римскаго времени.

Щитъ, какъ видно изъ рисунковъ на вазахъ, и въ историческое время удержалъ свою древнюю форму. Изображенія на щитахъ, начало которыхъ мы видимъ и прежде (такъ напр. на щитѣ

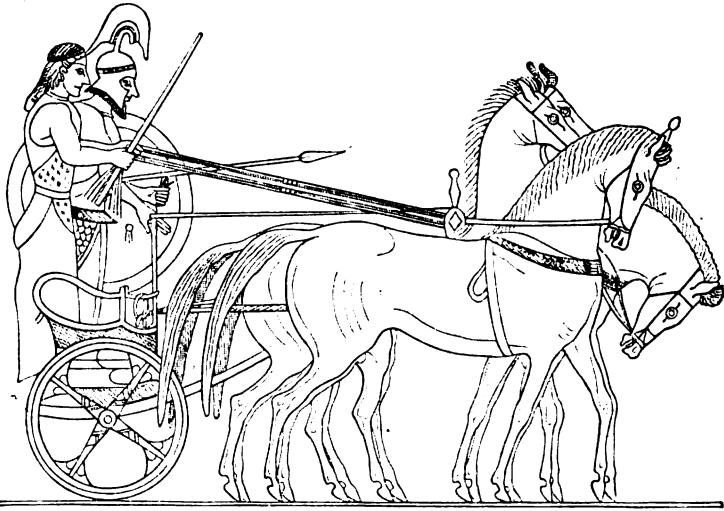

Рис. 483. Боевая колесница, запряженная четвернею, по рис. на южно-итал. вазѣ.

Идоменея изображенъ пѣтухъ, на щитѣ Тидея — кабанъ, Полиника — левъ, Менелая — змѣя, см. рис. 477.), получили теперь большее значеніе и почти всегда служатъ для отличія воина и указанія его происхожденія. Отсюда послѣ персидскихъ войнъ развился обычай обозначать щиты начальными буквами (такъ на щитахъ Сикіонцевъ стоитъ Σ , на мессенскихъ M , на лакедемонскихъ V — старая форма λ) и даже девизами войнковъ. Обыкновенный щитъ греческихъ гоплитовъ историческаго времени (*ἀσπίς*, *clipeus*) виденъ на рис. 478.

Возникшая послѣ персидскихъ войнъ легковооруженная пѣхота имѣла щитъ меньшаго размѣра, такъ наз. *πέλιτη* (*pelta*), длиною въ 2 фута, деревянный, или сплетенный изъ ивовыхъ прутьевъ (отсюда *ἀσπίς οἰσὶνήη*) и обтянутый кожей. Этотъ щитъ, какъ и самый родъ вооруженнаго имъ войска, говорятъ, оракійскаго происхожденія. Форму давали ему различную; чаще всего встрѣ-

чается этотъ щитъ съ двойной серповидной выемкой сверху (*pelta lunata*, Verg. I. 490; см. рис. 479., а также Herod. VII. 75); на памятникахъ, представляющихъ Амазонокъ, онъ имѣетъ овальную форму съ небольшою выемкой съ боку.

Въ древнѣйшее время герой выѣзжалъ на бой на легкой легкой колесницѣ, имѣя при себѣ возницу (*ἡνίοχος*), правившаго лошадыми. Такая колесница называлась *ἄρμα* или *δίφρος* (что собств. означаетъ кузовъ, мѣсто для сидѣнія во всякаго рода колесницѣ). Съ развитіемъ военнаго искусства Греки перестали употреблять въ битвахъ колесницу; она оставалась въ употребленіи только у варварскихъ народовъ, какъ напр. у Персовъ, которые, какъ извѣстно изъ Анабазиса Ксенофонта, имѣли въ своемъ войскѣ колесницы вооруженныя косами (*ἄρματα δρεπανηφόρα*). Впрочемъ въ гипподромѣ при ристаніяхъ древняя легкая колесница съ небольшими измѣненіями употреблялась до самыхъ позднихъ временъ и перешла отсюда и въ римскій циркъ. — Боевая колесница была на двухъ колесахъ (*τροχός*) около 30" въ діаметрѣ; послѣднія надѣвались на ось (*ἄξων*) ок. 7 футовъ длины; на оси лежалъ кузовъ около 5 ф. ширины; отъ оси впередъ шло дышло (*θύμος*). Колесо имѣло 8 спиць (по атт. *κνήμαι*), по двѣ выходящихъ изъ ступицы (*πλήμνη*) къ четыремъ косякамъ, а на окружности металлическій ободъ (*ἐπίσωτρον*). На вазахъ вездѣ видны только 4 спицы, какъ напр. на рис. 480., который сдѣланъ по вазѣ, найденной въ Сатикулѣ въ Кампаніи (нын. S. Agata) и согласенъ съ тѣмъ представленіемъ о колесницѣ, какое мы получаемъ изъ поэмъ Гомера. Кузовъ колесницы (*δίφρος*) состоялъ изъ дощатаго дна и периль (*ἐπίδιφροιάς*, у Аттиковъ *περίφραγμα*, *τάξδιον*), которыя, достигая до колѣнъ стоящему на колесницѣ, шли съ боковъ и полукругомъ спереди; задняя же часть колесницы оставалась открыта. Перила часто состояли изъ вертикальныхъ столбиковъ, переплетенныхъ гибкими прутьями (отсюда эпитетъ *εὐπλεκτος*, прекрасно сплетенный), а вверху соединялись ободомъ (*ἄντυξ*) изъ согнутаго дерева (напр. изъ толстыхъ прутьевъ дикой смоковницы, Ил. XXI. 38), часто далеко выдающимся назадъ (какъ это видно на рис. 480.); иногда кузовъ состоялъ изъ одного лишь обода, соединеннаго посредствомъ вертикальныхъ столбиковъ со дномъ колесницы. Въ передней части колесницы выдавался въ видѣ скобы еще другой ободъ, къ которому возница привязывалъ при случаѣ возжи (*ἐξ ἄντυρος ἤνία τεῖναι*). На такой колесницѣ можно было только стоять, такъ какъ сидѣнья въ ней не было. Къ переднему

концу дышла прикрѣплялось ремнями (и шеворнемъ) ярмо (*ζυρόν*), состоявшее изъ двухъ дугъ, соединенныхъ перекладинкою; дуги эти шли черезъ шею дышельныхъ коней и держались при помощи крѣпкихъ ремней (*λέπιδνον*, атт. *ξεύγλαι*), обхватывавшихъ грудь коня. Рис. 481. представляетъ ярмо, хоть и поздняго времени, но въ цѣломъ согласующееся съ описаніемъ, сдѣланнымъ по стихотвореніямъ Гомера. Другой болѣе легкой способъ упряжки представляетъ рис. 482., по изображенію, найденному въ Помпеяхъ.

Главное отличіе способа древней запряжки отъ нашей состоитъ въ томъ, что лошади тащили колесницу не за постромки, а только за дышло при помощи ярма, какъ это и теперь еще можно встрѣтить въ упряжи воловъ, и кромѣ того тѣмъ, что кони не были соединены между собой (Ил. XXIII. 393). Поэтому мы часто и видимъ у Гомера такой случай, что дышло ломается и лошади разбѣгаются.

Оба коня, идущіе при дышлѣ, называются подъяремными (*ζύγιοι*), въ отличіе отъ тѣхъ, которые бѣжали съ боку на привязи (на случай замѣны, если падалъ коренной) и назывались пристяжными (*παρόφοροι* у Гомера; поздн. атт. *σειραίοι*, *παράσειροι*). Боковыхъ коней при каждой колесницѣ обыкновенно бывало по одному (только при колесницѣ Гектора упоминаются два, Ил. VIII. 184); онъ соединялся оглавью съ сосѣднимъ кореннымъ конемъ посредствомъ ремня. Рис. 483. представляетъ боевую колесницу, запряженную четверней. Способъ запряжки здѣсь особенно интересенъ въ томъ отношеніи, что возжи проходятъ черезъ отверстіе какого то столбика, укрѣпленнаго вертикально въ дышло противъ спины лошадей; этотъ же столбикъ соединенъ съ передней частью колесницы, вѣроятно для того, чтобы послѣдняя не могла опрокидываться назадъ. Для взнуздыванія лошадей употребляли узду (*χαλινός*).

Конныхъ сраженій Гомеръ не знаетъ, хотя ѣзда верхомъ въ тѣ времена была извѣстна (Ил. XV. 679 и слѣд., Од. V. 371). Когда впервые Греками въ бою была употреблена конница, трудно рѣшить, но едвали раньше персидскихъ войскъ, именно до битвы марафонской и платейской. Приспособленіе коня для ѣзды верхомъ было гораздо проще нашего; сѣдла не было, а только потникъ (*ἐπίπλιον*), привязанный подпругою (*ἔποχον*); не было ни стремянъ, ни подковъ. Для защиты отъ стрѣлъ и копій лошади имѣли металлическія бляхи и панцыри на лбу (*προμετωπίδιον*, на лобникъ), на груди (*προστερνίδιον*, нагрудникъ) и на бокахъ (*παραπλευρίδια*, набедренники).

Вооруженіе Римлянъ.

87. Изъ оборонительнаго оружія мы прежде всего остано-
вимся на шлемѣ. Онъ обыкновенно назывался у Римлянъ *galea*,
что собственно значить головная покрывка изъ кожи (ср. *κυνέη*);
но это названіе осталось въ употребленіи и послѣ того, какъ со
времени Камилла стали дѣлать вмѣсто кожаныхъ шлемовъ металли-
ческіе, собственное названіе которыхъ есть *cassis*.

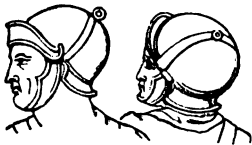

Рис. 484. Шлемы римскихъ
воиновъ, по барельефамъ
на Траяновой колоннѣ.

Рис. 486. Шлемъ зна-
меноносца, съ Трая-
новой колонны.

Рис. 485. Шлемы центу-
ріоновъ, съ триумфальной
арки Траяна (позже Кон-
стантина).

Самый простой видъ римскихъ шлемовъ мы встрѣчаемъ на
изображеніяхъ Траяновой колонны (рис. 484.). Этотъ шлемъ со-
стоитъ изъ гладкой, круглой шапки, покрывающей голову и укрѣ-
пленной посрединѣ металлическимъ обручикомъ, идущимъ отъ од-
ного уха къ другому черезъ темя головы. Къ краямъ этой шапки
прикрѣплены двѣ пластинки, одна, подвижная, для защиты лба,
другая для защиты затылка, а съ обоихъ боковъ два нащечника
(*bucculae*, *παρὰσπίδες*) для защиты висковъ (ср. также рис. 466.).
Въ гребень такого шлема обыкновенно втыкались три длинныхъ (въ 1
локоть) черныхъ или красныхъ пера, что будто бы увеличивало ростъ
воина и придавало ему болѣе грозный видъ (Polyb. VI. 23, 13).
Болѣе украшались (въ императорскія времена) шлемы центурио-
новъ; они имѣли посеребренный гребень и въ немъ султанъ изъ
согнутыхъ перьевъ (*crista*, рис. 485.), а иногда изъ чернаго, бѣлаго
или обращеннаго въ красный цвѣтъ конскаго волоса (*iuba*); кромѣ
того козырьки и назатыльники здѣсь были нѣсколько шире. Шлемы
полководцевъ и императоровъ отличались искусною работою, въ
особенности изящными рельефами. На время похода на шлемы

надѣвались кожаные чехлы. Кромѣ того должно замѣтить, что у знаменосцевъ времянъ имперіи шлемы часто бывали обтянуты шкурой какого нибудь звѣря, напр. льва, медвѣдя и т. п. (*galea pellibus tecta*, рис. 486.).

Самымъ обыкновеннымъ панциремъ (*logica*) во времена имперіи представляется намъ панцирь на рис. 487. и 488., снятыхъ съ барельефовъ Траяновой колонны. Онъ состоялъ, кромѣ двухъ металлическихъ листовъ (передняго для защиты груди и задняго

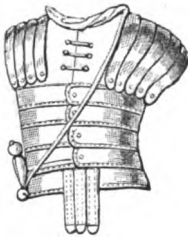

Рис. 487. Панцирь обыкновенный, по барельефу на Траяновой колоннѣ.

Рис. 488. Такой-же панцирь, по барельефу на той-же колоннѣ.

Рис. 489. Чешуйчатый панцирь, по барельефу на Траяновой колоннѣ.

для прикрытія лопатокъ) изъ гибкихъ металлическихъ поясовъ (*laminae*), обхватывавшихъ оба плеча и среднюю часть туловища, и сложенныхъ такимъ образомъ, что они поддавались разнымъ движеніямъ тѣла (см. рис. 488.).

Высшіе офицеры и преторіанцы употребляли такъ наз. чешуйчатые панцири. Последніе дѣлались изъ тонкихъ металлическихъ или костяныхъ пластинокъ, прикрѣпленныхъ на кожѣ или прочномъ подотнѣ. Такой чешуйчатый панцирь (*logica squamata*, *θώραξ λεπίδατος*) представляетъ рис. 489.; здѣсь же мы видимъ, что на нижнемъ краю его есть особаго рода кожаные подвѣски для защиты паховъ (*πτέρυγες*, *fimbriae?*, см. стр. 534.). Отъ сходства такихъ чешуй съ чешуей змѣи Греки называли такой панцирь *θώραξ φοιδάτος* (*φοιδάτες* = чешуи у змѣй, *λεπίδες* = у рыбъ), а Римляне — *lorica squamata*, *squamosa*. Такой панцирь мы встрѣчаемъ на колоннѣ Антонина (рис. 490.). Особый видъ представляетъ такъ наз. перьяной панцирь (*log. plumata*), который вмѣсто чешуй состоялъ изъ металлическихъ пластинокъ въ формѣ перьевъ (см. рис. 491.).

Въ Помпеяхъ былъ найденъ панцырь (рис. 492. а), сдѣланный изъ костяныхъ пластинокъ не укрѣпленныхъ на кожаной или полотняной подкладкѣ, а соединенныхъ между собой металлическими крючками; при этомъ ряды пластинокъ расположены такъ, что верхній прикрываетъ собой дырочки и крючки нижняго (это видно на томъ-же рисункѣ вправо (b), гдѣ представленъ въ увеличенномъ видѣ способъ соединенія пластинокъ). Кажется, что этотъ

Рис. 491. Перяной панцырь, по барельеу на триумфальной аркѣ Константина.

Рис. 490. Змѣино-чешуйчатый (φολιδωτός) панцырь, по барельеу на Антониновой колоннѣ.

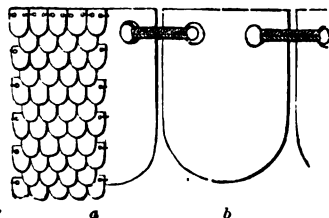

Рис. 492. Панцырь изъ костяныхъ чешуй, скрѣпленныхъ металлическими крючками, по оригиналу, найденному въ Помпеяхъ.

панцырь Римляне называли *lorica hamis sarta, concerta*, если только эти названія не относились къ кольчугѣ, столь употребительной въ средніе вѣка и состоявшей изъ множества соединенныхъ своими звеньями цѣпочекъ; Греки такой панцырь называли *θώραξ ἀλυσιδωτός*. На рис. 493. представленъ такой панцырь съ колонны Антонина. По свидѣтельству Полибія (VI. 23), во времена республики имъ бывали вооружены болѣе богатые гастаты (*hastati*).

Далѣе коснемся полотнянаго панцыря, *lorica lintea* (*θώραξ λινοῦς*), рѣдко употреблявшагося Римлянами, но распространеннаго во времена Ификрата въ Греціи и самаго обыкновеннаго на Востоку. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ слоевъ льняной или какой нибудь другой матеріи, пропитанной уксусомъ и солью, что сообщало ему прочность, и хотя онъ прилегалъ къ тѣлу, тѣмъ не менѣе оставался твердымъ и неподатливымъ. На рис. 494. видимъ такой панцырь съ колонны Траяна; тамъ и на Антониновой колоннѣ онъ встрѣчается особенно часто. Тугой (несгибающійся) панцырь (см. стр. 536) употребляли только военачальники и императоры, и то во время

праздниковъ, а не на войнѣ. Такіе панцири мы замѣчаемъ на дошедшихъ до насъ статуяхъ императоровъ; они имѣютъ многочисленныя и роскошно сдѣланныя изображенія мифическаго характера, напр. голову Горгоны, какъ это видно на рис. 496. Эти панцири назывались эгидами (*alyís, aegis*). — Самый простой видъ латы былъ нагрудникъ, *pectorale* (*καρδιόφυλαξ*, Polyb. VI. 23), небольшая, около падени въ діаметрѣ кираса. Во времена республики она составляла вооруженіе болѣе бѣдныхъ гастатовъ.

Рис. 493. Кольчуга, по барельефу на Антониновой колоннѣ.

Рис. 494. Полотняный панцирь, по барельефу на Траяновой колоннѣ.

Рис. 495. Сарматскій всадникъ въ чешуйчатыхъ латахъ (*cataphractus*), съ Траяновой колонны.

Въ заключеніе упомянемъ еще о чешуйчатыхъ латахъ, упоминаемыхъ римскими писателями, какъ о вооруженіи сарматскихъ, персидскихъ и парфянскихъ всадниковъ. Ими были защищены не только самъ всадникъ, но и его конь, какъ это можно видѣть на рис. 495. Вооруженный такимъ образомъ всадникъ назывался *cataphractus* (*κατάφρακτος*). Ср. Liv. XXXVII. 40, Tac. Hist. I. 17.

Поножи (*oscreae*) римскіе воины времени республики имѣли только на правой ногѣ (въ отличіе отъ греческихъ воиновъ, прикрывавшихъ поножами обѣ ноги), которую собственно только и нужно было защищать при наступленіи, такъ какъ лѣвая была достаточно безопасна за щитомъ. Поножи всадниковъ были изъ болѣе мягкаго матеріала, кожаные. Во время имперіи регулярное римское войско, кажется, не употребляло поножей, а вмѣсто нихъ кожаные напояники; нижняя часть ногъ до лодыжекъ и выше прикрывалась обувью, обмотанною прочнымъ ремнемъ. (Этотъ родъ обуви назывался *caligae*. См. стр. 237).

Римскій щитъ въ древнѣйшія времена былъ плоскій, четырехугольный. Затѣмъ во времена республики встрѣчаемъ большой

четыреугольный, въ 4 ф. длины и $2\frac{1}{2}$ ширины, полуцилиндрической щитъ (scutum, *θυρεός*, рис. 497.) съ выпуклостью на срединѣ (umbo), дававшая возможность отражать самые сильные удары (камней, сариссъ и т. п.). Онъ состоялъ изъ двухъ слоевъ дерева, обтянутыхъ кожей, и по краямъ (верхнему и нижнему) былъ окаванъ; на внутренней сторонѣ имѣлъ двѣ скобы для держанія (ansae). Украшенія на немъ — вѣнки кругомъ выпуклости или перуны — были накладныя, изъ металла, или только нарисованныя.

Рис. 496. Эгида (aegis), но древней римской статуѣ.

Рис. 498. Круглый щитъ (pugio), употреблявшійся легковооруженными и всадниками.

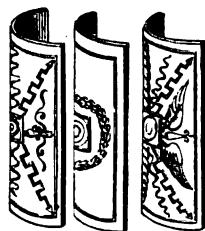

Рис. 497. Три римскихъ щита (scuta), съ Траяновой колонны.

Такого рода щитъ вошелъ въ употребленіе со временъ Камилла. До того времени первый рядъ римской фаланги былъ вооруженъ тяжелымъ греческимъ щитомъ (*ἀσπίς*, clipeus, clipeum), о которомъ мы уже говорили на стр. 540. Легковооруженные (velites) и всадники имѣли болѣе легкой круглый щитъ (pugio), состоявшій изъ металлическаго рѣшетчатого остова, обтянутаго кожей и имѣвшаго 3 фута въ діаметрѣ (рис. 498.). Вспомогательныя легковооруженныя войска Иберійцевъ имѣли короткій легкой щитъ, носившій названіе setra. Кроме того на памятникахъ (аркахъ и колоннахъ) видимъ выпуклыя и шестиугольныя щиты, но не можемъ сказать, кто ими бывалъ вооруженъ, и когда они вошли въ употребленіе. Въ походахъ пѣхотинцы носили щиты на перевязи за спиной, а всадники привѣшивали ихъ съ боку къ подпругѣ лошади.

Къ наступательному оружію Римлянъ прежде всего относится копье (hasta). Было нѣсколько родовъ этого оружія; но вообще римское копье ничѣмъ существеннымъ не отличалось отъ греческаго (*ἔγχος*). Оно состояло изъ бронзоваго или желѣзнаго острія

(*cuspis*, формы удлиненной, или сердцевидной, или съ выемками на обѣихъ сторонахъ), древка (*hastile*) и металлическаго заостреннаго нижняго наконечника (*spiculum*), который, если сламывалось остріе, тоже можно было употреблять въ дѣло.

Другимъ важнымъ наступательнымъ оружіемъ было метательное копье или дротикъ (*pilum*). Оно съ теченіемъ времени подверглось многимъ перемѣнамъ. Въ древнѣйшее время оно было длинное и тяжелое и служило вооруженіемъ триаріевъ, но по своей тяжести употреблялось очень успѣшно только при дѣйствіи изъ-за окоповъ и стѣнъ, а не въ открытомъ бою. Со времени войнъ съ Пирромъ, какъ кажется, *pilum* начали дѣлать болѣе легкимъ, которымъ во 2^ю пуническую войну и были вооружены гастаты и принципы, тогда какъ старинное тяжелое *pilum* осталось въ употребленіи при защитѣ крѣпостей (*pilum murale*). *Pilum* состояло изъ четырехграннаго желѣзнаго прута, верхній конецъ котораго былъ снабженъ крючкомъ и заостренъ, а нижній представлялъ разщепъ или короткую трубку, которою этотъ пруть насаживался на равной длины древко и прикрѣплялся къ нему гайками или гвоздями. Такое копье, пробивъ непріятельскій щитъ, должно было засѣсть въ немъ; эта цѣль, какъ видно изъ Полибія (Polyb. VI. 22), достигалась тѣмъ, что остріе, которымъ оканчивалась металлическая часть копья, было тонкое и длинное, и потому, какъ только пробивались щиты, отъ тяжести древка легко гнулось. Марій (Plut. Mar. 25) замѣнилъ желѣзныи нижній гвоздь, служившій для скрѣпленія древка съ желѣзнымъ прутомъ, деревяннымъ, который при ударѣ въ непріятельскій щитъ легко ломался, и конецъ древка, свободно ходя въ разщепѣ, способствовалъ изгибанію металлической части орудія. Той-же цѣли Кесарь гораздо легче и вѣрнѣе достигалъ тѣмъ, что металлическую часть, за исключеніемъ самаго острія, дѣлалъ изъ слабо прокованнаго желѣза, такъ что, какъ только *pilum* пробивало непріятельскій щитъ, оно легко гнулось около древка и не могло быть вытащено. Кесарь часто описываетъ такое дѣйствіе метательнаго копья.

Метательныя копья временъ Кесаря были въ 6 ф. длины — въ 3 ф. древко и въ 3 ф. металлическая часть. Относительно позднѣйшаго времени (не представляющаго существенныхъ отличій) мы можемъ судить по двумъ экземплярамъ, найденнымъ около Майнца. Металлическая четырехгранная часть ихъ кончается массивнымъ пирамидальнымъ остриемъ, а съ другого конца расплющена (на 3 дюйма ширины) и засажена въ древко, и прикрѣплена гвоздями и желѣзнымъ кольцомъ. Длина металлической части 2 ф. безъ расплющины, кото-

рая имѣть 10 дюймовъ. Упоминаемая Кесаремъ *tragula* была не что иное какъ метательное копьё, обмотанное ремнемъ (*amentum*) и первоначально употреблявшееся Галлами и Келтиберами.

Во времена послѣднихъ императоровъ было въ употребленіи болѣе легкое метательное копьё, такъ наз. *spiculum*, въ $5\frac{1}{2}$ ф. длины, причёмъ на трехгранную металлическую часть приходилось отъ 9 дюймовъ до 1 ф. Еще легче было *vericulum* (др. *verutum*), въ $3\frac{1}{2}$ ф. длины, съ металлическимъ остриемъ въ 5 дюймовъ.

До войнъ съ Ганнибаломъ (со временъ Камилла?) пѣхота была вооружена длиннымъ рѣзущимъ галльскимъ мечемъ (*gladius*); но со времени каннской битвы, когда Римляне увидѣли ужасное дѣйствіе испанскаго или келтиберійскаго обоюдоостраго колющаго меча, послѣдній вошелъ въ употребленіе. На рис. 499. виденъ такой мечъ, найденный въ Помпеяхъ; онъ въ де-

Рис. 499. Римскій мечъ въ ножнахъ, по помпейскому оригиналу.

Рис. 500. Трибунъ съ мечемъ за поясомъ, по капитолийскому рельефу.

ревянныхъ ножнахъ, обитыхъ жестью съ бронзовыми гвоздиками или пуговками; самый мечъ отпущенъ на обѣ стороны съ острымъ концомъ для колотья; длина его 2 ф. Рукоятка (*capulus*) искусно сдѣлана на подобіе бараньей головы и не имѣетъ ни чашки, ни щечекъ (тога, въ отличіе отъ греческаго меча, ср. стр. 529); да эти части, такъ какъ мечъ прежде всего былъ колющее орудіе, скорѣе служили бы помѣхой, чѣмъ защитой для руки. Воинъ носилъ мечъ на перевязи (*balteus*), проходящей отъ лѣваго плеча къ правому боку (на лѣвомъ ему мѣшалъ бы щитъ), какъ объ этомъ говоритъ Полибій и какъ можно видѣть на памятникахъ (ср. рис. 489., 491., 493.). Офицеры, мечи которыхъ несомнѣнно отличались искусно сдѣланными рукоятками (иногда изъ дорогаго матеріала: слоновой кости, золота, серебра) и ножнами, носили ихъ за поясомъ (*cingulum* и *singulum*) съ лѣвой стороны (см. рис. 500.).

Во времена имперіи воины кромѣ меча имѣли еще узкій кинжалъ, который носили сзади при бедрѣ; онъ назывался, какъ кажется, *clunabulum* (и *clunaculum*), изображеніе его на рис. 488. Въ этотъ періодъ упоминается также длинный, отъ бедрѣ до самой земли спускающійся обоюдоострый мечъ, такъ наз. *spatha*. Онъ встрѣчается иногда на памятникахъ, но въ римскомъ войскѣ вообще не употреблялся.

Лукъ (*arcus*) и стрѣлы (*sagitta*) не составляли оружія римскихъ войскъ. Они являются послѣ Марія, но только въ вспомогательныхъ войскахъ, конныхъ и пѣшихъ, а именно у балеарскихъ и критскихъ лучниковъ, которые съ этого времени прикомандировыв-

Рис. 501. Конный лучникъ (*hippotoxota*), съ колонны Антонина.

Рис. 502. Пращникъ (*funditor*), съ Траяновой колонны.

вались къ пѣхотѣ, и у конныхъ лучниковъ (*hippotoxota*) азіатскихъ союзниковъ, у такъ назыв. катафрактовъ (ср. рис. 495.), которые присоединялись къ римской конницѣ. Конныхъ стрѣлковъ въ римскомъ вооруженіи мы видимъ на колоннѣ Антонина (рис. 501).

Пращники (*funditores*) упоминаются уже въ древнѣйшемъ военномъ устройствѣ Рима подъ именемъ *accensi velati* (въ томъ-же классѣ, гдѣ плотники, кузнецы, трубачи и т. п., см. стр. 568), но постоянной частью войска, какъ и стрѣлки изъ лука, они сдѣлались только послѣ пуническихъ войнъ. Самыми искусными между ними считались балеарскіе (ср. также стр. 538). Одежда ихъ состояла изъ тунки и плаща (*sagum*); въ правой рукѣ была праща (*funda*), а лѣвой они поддерживали плащъ съ камешками и свинцовыми пулями для метанія (рис. 502.). На случай обороны они иногда имѣли короткій мечъ и небольшой щитъ.

Матеріаломъ для метанія имъ служили, какъ уже сказано, или камни (*lapides missiles*), или свинцовыя яйцевидныя пули

(glandes). Много такихъ пулъ найдено около Энны въ Сициліи, а также въ Италіи у Асколи (Asculum Picenum) въ рѣчномъ ложѣ „Fiume di Castello“ изъ временъ союзнической войны (90—88) и войны съ рабами (73—71), и около Перузїи (Perusia) изъ временъ гражданской войны (40 г.). Чрезвычайно интересны иногда надписи на нихъ, какъ напр.: FRICAS ROM(am), или Fricas Picentes, FERI POMP(ejum); PERIST(is) SER(vi), FERI CASSIUM (одинъ изъ римскихъ военачальниковъ противъ рабовъ) V(indicamus) IVSTA и т. д.

Устройство греческаго войска.

88. Устройство войска въ *героическія времена*, съ которымъ мы знакомимся по частымъ описаніямъ сраженій у Гомера, хотя и стоитъ на низкой ступени развитія, но находится далеко не въ первобытномъ состояніи; напротивъ видно, что для достиженія этой ступени требовалось не мало времени. Уже одно вооруженіе, о которомъ мы подробно говорили выше, довольно ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Но мы знаемъ больше: въ этомъ вѣкѣ уже существуетъ нѣчто въ родѣ воинской повинности, и извѣстно освобожденіе отъ нея по жребію, если положеніе дѣлъ не требовало поголовнаго ополченія. Извѣстны и союзы, если собственная сила была недостаточна; приобретаемые обѣщаніями разныхъ выгодъ, союзники (*ἑπικουροί*) во время войны получали все необходимое, а по окончаніи участвовали въ добычѣ. Иногда на помощь воюющимъ посылались только одни богатыри.

Князья отдѣльныхъ племенъ были — вмѣстѣ съ тѣмъ и предводители ихъ на войнѣ. Такъ какъ они считались потомками самыхъ боговъ, то подчиненные безпрекословно исполняли ихъ приказанія, а въ случаѣ нужды принуждались къ повиновенію и тѣлесными наказаніями. Превосходя своихъ подчиненныхъ и силою тѣлесною и богатымъ вооруженіемъ, вожди старались доказать это превосходство на военныхъ поединкахъ, предпринимаемыхъ ими охотнѣе всего на боевыхъ колесницахъ. Стоя на колесницѣ со своимъ возницей (см. рис. 483), они выѣзжали изъ толпы своихъ воиновъ и, выбравъ противника въ рядахъ непріятельскихъ, начинали бой съ колесницы, но чаще соскакивали на землю и бросали копья; если это не рѣшало битвы, богатырь спѣшилъ ошеломить противника тяжелымъ камнемъ и повергнуть его на

землю, или бросался на него съ мечемъ. Къ побѣжденному обыкновенно бѣжали на помощь вооруженные друзья, къ побѣдителю также (если только бой не былъ единоборствомъ, и гибель одного изъ соперниковъ по условію не рѣшала дѣла между враждующими сторонами), и такимъ образомъ начинался кровопролитный бой цѣлыхъ рядовъ.

Соменувшись въ тѣсные ряды (*φάλαγγες*), объ устройствѣ которыхъ Гомеръ конечно не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей, кромѣ того, что храбрѣйшіе стояли впереди и сзади, а менѣе храбрые въ срединѣ, противники сходились другъ съ другомъ и дрались въ рукопашную (*ἀρχέμαχοι*). Впрочемъ нѣкоторыя племена, неискусные въ рукопашномъ боѣ, предпочитали бой луками и пращами (см. стр. 531).

О какой нибудь сложной тактикѣ еще нѣтъ и рѣчи. Отдѣльныя племена сражаются, какъ имъ кажется наиболѣе удобнымъ, и съ тою частью непріятеля, съ которою встрѣтятся лицомъ къ лицу. Въ сраженіи всѣ средства, всякія уловки, всякая военная хитрость позволительны, лишь бы только вели къ цѣли. Князья и предводители передъ битвою и во время битвы одушевляютъ своихъ ратниковъ рѣчами — и приглашаютъ къ порядку, если кто либо до окончанія битвы вздумаетъ снять доспѣхи (*ἔναρα σολᾶν*) съ убитаго противника.

Крѣпостей еще не умѣютъ брать и высокія стѣны представляютъ для нихъ непреоборимыя твердыни. Нападенія на менѣе значительныя, низкія укрѣпленія, какъ напр. Троянъ на ахейскій лагерь, окруженный стѣнами, башнями и рвомъ, производится безъ всякаго искусства. Наступающіе, соскочивъ съ колесницъ, въ пяти мѣстахъ бросаются къ укрѣпленіямъ лагера и стараются вырвать и повалить частоколь; но Ахеяне мѣшаютъ имъ, бросая копы и камни.

89. Указанія, дошедшія до насъ о *военномъ дѣлѣ въ Атикѣ* до персидскихъ войнъ, довольно рѣдки. Можемъ только сказать то, что оно было тѣсно связано съ филлами (до Клеомена было ихъ четыре) и ихъ подраздѣленіями (12 фратріями или триттіями и 48 навкратіями). Такое положеніе оставалось до самаго Солона, который постановилъ, что самыя богатые должны составлять первые три класса всѣхъ филъ и на войну выставлять тяжеловооруженныхъ, четвертый же классъ (*θῆτες*), въ случаѣ надобности, долженъ былъ выставлять легковооруженныхъ.

Военная служба продолжалась отъ 18 до 60-лѣтняго возраста; первые два года проходили въ обученіи военному дѣлу.

Устройство военнаго дѣла въ Аѣинахъ было измѣнено Клисееномъ, который раздѣлилъ гражданъ на 10 филъ (100 демовъ) и каждую филу на 5 навкратій. Во время мараѣонскаго сраженія каждая навкратія имѣла въ бою по 200 вооруженныхъ пѣхотинцевъ, слѣд. фила по 1000. Относительно конницы хотя и встрѣчаются извѣстія, что до Клисеена каждая навкратія выставяла по 2 всадника, слѣд. всѣ 96, а по конституціи Клисеена число всадниковъ должно было доходить до 100 (по 2 отъ 50 навкратій); но ни въ мараѣонскомъ сраженіи, ни въ прежнихъ битвахъ о ней совсѣмъ не упоминается, такъ что можно думать, что ея или вовсе не было, или по крайней мѣрѣ она въ сраженіи еще не участвовала.

Предводителями войска въ самыя древнія времена были по всему вѣроятію цари, а потомъ архонты; когда же архонтовъ стали выбирать ежегодно по 9, то предводителемъ былъ архонтъ-воевода (*πολέμαρχος*). По конституціи Клисеена каждая фила выбирала по одному полководцу (*στρατηγός*), которые во время войны начальствовали надъ войскомъ поочереди. Въ сраженіи мараѣонскомъ архонтъ-воевода въ военномъ совѣтѣ имѣлъ одиннадцатый голосъ и начальствовалъ надъ правымъ флангомъ.

Послѣ персидскихъ войнъ филы (10, учрежденныхъ Клисееномъ) навсегда остаются главнымъ основаніемъ для набора аѣинскихъ войскъ. Первые три класса, какъ и прежде, выставяютъ въ поле тяжеловооруженныхъ, а самые богатые изъ нихъ — всадниковъ. Изъ четвертаго класса, въ случаѣ надобности, набираются стрѣлки. Если же предстоитъ необходимость, чтобы эти послѣдніе исполняли службу тяжеловооруженныхъ, государство даетъ имъ вооруженіе.

Достигши 18-лѣтняго возраста, каждый Аѣинянинъ произносилъ гражданскій обѣтъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и военной присягой; его вносили въ военный списокъ (*ληξιαρχικόν*) атической политической общины (дема); послѣ чего онъ два года обучался военному дѣлу, неся службу въ пограничныхъ крѣпостяхъ, построенныхъ по окончаніи персидскихъ войнъ (см. стр. 299). По истеченіи этого срока онъ отпускался и на извѣстное число лѣтъ опредѣлялся въ войско, назначенное для походовъ. Если нужно было предпринять какой нибудь походъ, и требовалось значительное войско, то въ дѣйствующую армію обыкновенно назначались старшіе изъ нихъ по годамъ зачисленія ихъ на военную службу. А такъ какъ эти годы обозначались именами архонтовъ эпонимовъ, то такая мобилизація называлась *ἐν τοῖς ἐπωνύμοις*. Въ этомъ случаѣ

каждая фила выставляла неопредѣленное число воиновъ, то большее, то меньшее. Если же для похода не требовалось значительнаго войска, то мобилизація производилась просто посредствомъ „выбора“ (*ἐν τοῖς μέρεσι*): предводитель по своему усмотрѣнію выбиралъ изъ извѣстныхъ классовъ нужное для похода число воиновъ.

Всѣ прочіе граждане, подлежащіе военной службѣ, но не вошедшіе въ дѣйствующія войска, составляли гарнизонъ въ Аѳинахъ, который, смотря по надобности, могъ быть усиленъ гражданами, отбывшими воинскую повинность (выше 60 лѣтъ) и молодежью, недостигшей еще военнаго возраста, или даже метойегами и иностранцами. Отъ военной службы кромѣ больныхъ и неспособныхъ освобождались члены совѣта, сборщики податей, актеры и хоревты (см. стр. 457).

Военныя силы Атики въ началѣ пелопоннеской войны доходили до 29.000 гоплитовъ, изъ нихъ 13.000 вполнѣ годныхъ для активной службы; впоследствии эта цифра понизилась до 5000 и даже до 3000.

О раздѣленіи войска въ тактическомъ отношеніи изъ этого времени намъ ничего неизвѣстно.

Атигическая конница послѣ персидскихъ войнъ возрасла до 300 человекъ, а вскорѣ (послѣ 455 г.) и до 600 ч. Въ началѣ пелопоннеской войны считалось уже до 1000 всадниковъ въ полномъ вооруженіи и 200 легкихъ конныхъ лучниковъ (сомнительно, чтобы эти послѣдніе состояли изъ аѳинскихъ гражданъ). Изъ 1000 всадниковъ на каждую филу приходилось по 100 человекъ; изъ нихъ 60, а изъ всѣхъ филъ слѣд. 600 назначались для активной службы. Всадникъ получалъ отъ общины на содержаніе слуги и двухъ лошадей ежедневно около драхмы (ежегодно въ Атигѣ на конницу расходовалось до 40 талантовъ); кромѣ того каждый всадникъ до выступленія въ походъ получалъ извѣстную сумму (*κατάστασις*) на экипировку и т. п.

Во время пелопоннеской войны при осадѣ Потидеи по предложенію Перикла уплачивалось гоплитамъ ежедневно каждому по 2 драхмы (вмѣстѣ и на прислугу).

Начальство и управленіе надъ гоплитами Аѳиняне поручали 10 ежегодно избираемымъ стратегамъ и 10 таксіархамъ; начальство надъ конницей двумъ гиппархамъ и 10 филархамъ. Во время пелопоннеской войны обыкновенно только три стратега отправлялись въ походъ (между тѣмъ какъ въ мараонскомъ сраженіи всѣ 10 стратеговъ налицо, и они смѣняють другъ друга въ командо-

ваніи войскомъ); остальные оставались дома и завѣдывали здѣсь гарнизонами и военнымъ управленіемъ. Въ позднѣйшія времена, когда вошли въ употребленіе наемныя войска, эти должности сдѣлались номинальными, такъ какъ наемными силами предводительствовали не стратеги, избираемые народомъ, а популярныя вербовщики наемниковъ (какъ напр. Ификратъ, Тимофей, Хабрій и др.).

90. Наемныя войска появляются въ Греціи первоначально въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было предпринимать походы на болѣе продолжительное время, какъ напр. въ экспедиціяхъ Брасида или Аэинянъ въ Сицилію. — Эти экспедиціи доказали, что войска, набираемыя изъ гражданъ, для продолжительныхъ походовъ были не вполне удовлетворительны. Рѣшительный переворотъ въ этомъ отношеніи имѣлъ походъ Кира Младшаго противъ Артаксеркса, въ которомъ принимали участіе до 13.000 греческихъ наемниковъ. Большая часть ихъ послѣ неудавшагося похода была нанята греческими государствами, утомленными войной и участвовала въ беотійской и коринеской войнѣ (395—387). Въ это-же время между предводителями наемниковъ является Ификратъ, знаменитый военный организаторъ.

Первоначально государства нанимали легкую пѣхоту, какъ-то еракійскихъ и аркадскихъ пелтастовъ, родійскихъ пращниковъ и критскихъ стрѣлковъ; но со времени экспедиціи Кира противъ Артаксеркса греческія республики стали нанимать и тяжеловооруженныхъ, но только на короткіе сроки, между тѣмъ какъ правители Фессалии и Македоніи содержали полчища такихъ наемныхъ войскъ постоянно. Такъ Ясонъ, тиранъ Феръ, до 371 г. имѣлъ постоянно такого войска 6000 человекъ; то же дѣлалъ и Филиппъ Македонскій, вслѣдствіе чего онъ столько разъ одерживалъ верхъ надъ войсками греческихъ общинъ.

Въ случаѣ, если какой нибудь владѣтель (или государство) желалъ нанять себѣ войско, то онъ старался для этой цѣли привлечь на свою сторону нѣсколько жадныхъ до денегъ офицеровъ, извѣстныхъ уже по всей Греціи, и эти то офицеры на данныя деньги вербовали воиновъ (обыкновенно бѣдныхъ гражданъ), которыхъ и приводили къ нанимателю. Собрать такимъ образомъ одну сотню (*λόχος*), офицеръ-наемщикъ являлся съ нею въ назначенное мѣсто и обыкновенно дѣлался ея начальникомъ, *λοχαγός*; а если у него былъ помощникъ, то онъ назывался *ὑπολοχαγός*; вербовщикъ наемнаго отряда, состоящаго изъ нѣсколькихъ сотенъ, назывался уже предводителемъ (*στρατηγός*), а помощникъ его *ὑποστρατηγός*.

Такимъ образомъ сотня (*λόχος*) служила основаніемъ раздѣленія въ тактическомъ отношеніи. Нѣсколько такихъ сотенъ составляли отрядъ, во главѣ котораго стоялъ стратегъ. Въ войскѣ Кира отрядъ Проксена состоялъ изъ 15 сотенъ, отрядъ Менона и Клеарха каждый изъ 10 сотенъ, отрядъ же Ксенія изъ 40 сотенъ. Каждый лохъ или сотня дѣлилась на двѣ полусотни (*πεντηκοστής*, начальникъ ея *πεντηκοστήφ*) по 50 человекъ въ каждой, или на 4 четверти сотни (*ἐνωμοτία*, начальникъ ея *ἐνωμοτάρχης*) по 25 человекъ въ каждой.

Понятно, что дисциплина въ войскѣ, такимъ образомъ составленномъ, не могла быть строга, особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что иногда, въ случаѣ надобности, наемное войско само выбирало себѣ начальниковъ. Изъ разсказа Ксенофонта видно, что въ войскѣ наемниковъ Кира Младшаго господствовало управленіе, похожее на правленіе какой либо демократически устроенной общины со всею обстановкою, вытекающей изъ права народнаго собранія.

Жалованье наемникамъ выдавалось частью деньгами (*μισθός*), частью жизненными припасами (*σιτηρέσιον*, *σιτάρχεια*, *σίτος*) и доходило, считая то и другое стоящимъ отъ 2—3 оболовъ, до 4 оболовъ, или драхмы, ежедневно. Въ войскѣ Кира гоплиты получали по 1 даріку въ мѣсяць (т. е. по 20 драхмъ, см. стр. 386); но на эти деньги солдатъ уже самъ долженъ былъ приобретать себѣ не только жизненные припасы, но и оружіе и одежду. Лохаги получали обыкновенно вдвое, стратеги четверо, всадники иногда вдвое, а иногда и втрое болѣе противъ простыхъ гоплитовъ.

Отсюда видно, что это жалованье было не слишкомъ большое (хотя по тогдашней стоимости 20 драхмъ равнялись приблизительно нашимъ 25 руб.), въ особенности, если сообразить, что все необходимое для гоплита вооруженіе стоило по меньшей мѣрѣ 150 драхмъ, и что гоплитъ кромѣ того долженъ былъ обыкновенно держать слугу. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что наемники занимались всякаго рода грабежомъ.

Жизненные припасы доставлялись за деньги или жителями данной страны (*ἀγορὰν παρέχειν*), или — при болѣе продолжительныхъ походахъ большаго войска — многочисленными маркитантами и продавцами (*ὁ ἀγοραῖος ὄχλος*) хлѣба, вина и т. п.

Главную силу греческаго войска составляли тяжеловооруженные гоплиты (*ὀπλίται*); вооруженіе ихъ, о коемъ мы упомянули выше (на стр. 536—539), было вообще легче, чѣмъ въ преж-

нія времена, въ особенности что касается шлемовъ, панцирей и щитовъ. Легковооруженная пѣхота, которую въ 5мъ стол. до Р. Хр. употребляли только въ рѣдкихъ случаяхъ, сдѣлалась необходимою частью каждаго греческаго войска со времени похода Кира Младшаго и была усовершенствована Иерикратомъ. Легковооруженные были двухъ родовъ: одни были вооружены метальнымъ копьемъ (стр. 536), шлемомъ (жестянымъ, съ войлочною подкладкою), кожаными (а не металлическими) поножами (ср. стр. 236) и небольшимъ деревяннымъ, обтянутымъ кожей щитомъ, *πέλιτη* (см. стр. 540), отъ котораго они и назывались пелтастами (*πελτασταί*, *πελτοφόροι*); другіе не имѣли ни щита, ни шлема и пр., и назывались просто безоружными (*γυμνήτες*, *γυμνοί*, *φιλοί*); къ послѣднимъ принадлежали копейщики (*ἀκοντισταί*), лучники (*τοξόται*) и пращники (*σφενδονῆται*). Ихъ вербовали изъ такихъ племенъ, которыя отличались въ томъ или другомъ отношеніи; такъ лучниковъ нанимали въ Критѣ, пращниковъ въ Родосѣ и въ Фессаліи, пелтастовъ во Фракіи и т. д. Стрѣлы лучниковъ хватали на 100 шаговъ, пули пращниковъ относительно нѣсколько далѣе, копья аконтистовъ на 30—40 шаговъ.

Конница и въ эту эпоху не имѣла въ греческомъ войскѣ большаго значенія. Даже если то, что Ксенофонтъ (Anab. III. 2. 18—19) говоритъ о ней, сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ на половину преувеличено, тѣмъ не менѣе вѣрно (и *Ἑλληνικά* Ксенофонта представляютъ доказательство тому, см. напр. VI. 4, 11), что напр. спартанская конница находилась въ крайне жалкомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не поднялъ ея Агесилай. Но и лучшая конница этого времени, какова была аттическая, беотійская и ессалійская, не въ состояніи была вступить въ бой съ строевою пѣхотою, а тѣмъ болѣе съ отличной персидской конницей. О конской сбруѣ мы сказали выше на стр. 542; что же касается до вооруженія всадниковъ, то они надѣвали шлемъ, панцирь и особаго рода поножи изъ твердой кожи (щитовъ обыкновенно не имѣли); для нападенія имѣли небольшое и легкое копье (Xen. Hell. III. 4, 14) и мечъ.

91. Основаніе строя составляли (напр. у Ксенофонта) ряды (*στίχος*), каждый по восьми человекъ, стоящихъ одинъ за другимъ, изъ коихъ передній, глава ряда (*ἡγούμενος*, *λοχαγός* въ болѣе тѣсномъ смыслѣ), и задній (*οὐραγός*) играли самую важную роль. Четыре такіе ряда, стоящіе другъ подлѣ друга, образовывали такъ наз. эномотію (лакедемонскую, *ἐνομοτία*); у Ксенофонта двѣнадц-

пять такихъ рядовъ составляли лохъ (*λόχος*), а известное число лоховъ составляли строй, или фалангу (*φάλαγξ*).

Для нагляднаго представленія мы построили на рис. 503. фалангу изъ шести лоховъ. Передовые воины всѣхъ 72 рядовъ (6×12) составляютъ голову, или фронтъ фаланги (*μέτωπον*, *στόμα*, ab), а всѣ задніе члены рядовъ составляютъ хвостъ фаланги (*οὐρά*, cd); разстояніе между ab и cd называется при этомъ построении длиною (*μῆκος*), а разстояніе между ac и bd глубиною

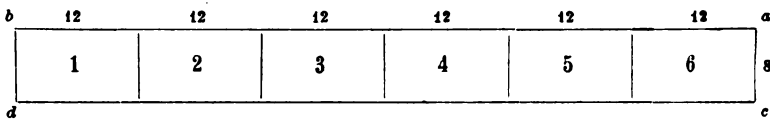

Рис. 503.

строю (*βάθος*). Глубина Ксенофоновой фаланги была обыкновенно въ 8 человекъ, *εἰς, ἐπ' ὀκτώ* (какъ глубина и афинской фаланги при Танагрѣ въ 424 г., при Сиракузахъ въ 415 г. и др.); иногда она была въ 12, и только рѣдко, въ видѣ исключенія, въ 25 и даже 50 человекъ. Македонская фаланга имѣла глубину въ 16 человекъ (см. стр. 537). По мѣсту, занимаемому отдѣльными лохами, 3^и и 4^и лохи составляли центръ (*τὸ μέσον*), 1 и 2 лохъ правое крыло (*τὸ δεξιὸν κέρας*), а 5 и 6 лѣвое крыло фаланги (*τὸ ἐξώνυμον κέρας*); такимъ образомъ ac и bd представляютъ двѣ стороны или бока (*πλευραὶ, τὰ πλάγια*) фаланги. Самое почетное, но въ то-же время и самое опасное мѣсто было при ac (такъ какъ правая сторона не была прикрыта щитомъ); здѣсь приходилось ставить самые храбрые лохи. — Легковооруженную пѣхоту Ксенофонтъ располагалъ по обѣимъ флангамъ, а отчасти и спереди передъ центромъ фаланги.

Смотря по тому, сколько футовъ пространства отводилось для отдѣльнаго солдата въ фалангѣ, различалось 1) построение свободное или походное (*πορευτικὸν διάστημα*), при которомъ каждый солдатъ имѣлъ по 6 греч. футовъ ($7\frac{1}{2}$, рус. фут.) свободнаго пространства (считая разстояніе отъ копья одного солдата до копья его сосѣда, и отъ груди передняго до груди за нимъ стоявшаго), 2) построение сомкнутое или боевое (*πύκνωσις, ἐναγώνιος πύκνωσις*), гдѣ тѣ-же размѣры равнялись только 4 греч. фут. (5 рус.), и наконецъ 3) построение тѣсно сплоченное (*συνασπισμός*), при

которомъ щитъ одного солдата почти касался щита другого солдата. Боевой строй легковооруженной пѣхоты никогда не былъ тѣснѣе и могъ имѣть только половину глубины строя тяжеловооруженной пѣхоты.

Строй, обозначенный на рис. 503., *ἐπὶ φάλαγγος*, равно какъ и сомкнутый строй употреблялись обыкновенно въ битвѣ.

При походѣ боевой строй переходилъ въ маршевой и двигался колонною по дохамъ, *ἐπὶ κέρως, κατὰ κέρως*, такъ, что дохи располагались одинъ за другимъ (напр. вправо) и образовывалось построение, обозначенное на рис. 504., фронтъ котораго составляетъ *a'b'*; или (если это было возможно) дѣлали только поворотъ или на право (*παρὰ δόρυ*), при чемъ прежній правый бокъ *ас* составлялъ фронтъ колонны, или на лѣво (*παρ' ἀσπίδα*), такъ что лѣвый бокъ *bd* составлялъ фронтъ, а *ас* хвостъ фаланги. Обратными поворотами вправо или влѣво изъ колонны легко образовывалась опять боевая линія (*παράγειν τοὺς ἐπὶ κέρως πορευομένους λόχους εἰς μέτρον*).

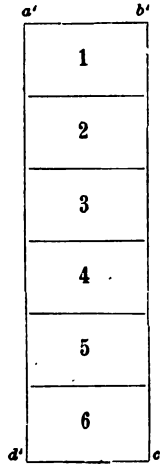

Рис. 504.

Если войско было многочисленно и почва ровная, то оно на походѣ шло двумя и даже четырьмя колоннами (*πορεία διφάλαγγια — τετραφάλαγγια*), чтѣ было, конечно, выгоднѣе.

При одноколонномъ походѣ днемъ конница, а (если имѣлись) также лучники образовывали обыкновенно передній отрядъ (авангардъ) и задній отрядъ (арьергардъ); ночью же шла впереди тяжеловооруженная пѣхота. На нѣкоторомъ разстояніи предъ главными силами шель передній сторожевой отрядъ, состоявшій или изъ конницы или изъ тяжеловооруженной пѣхоты.

Предметъ наибольшей заботливости во время похода составлялъ обозъ (*τὰ σκεύη*). Число прислуги и нестроевой команды (*ὄχλος*) было во время продолжительныхъ походовъ греческаго войска весьма значительно. Въ войскѣ Кира (которымъ внослѣдствіе командовалъ Ксенофонтъ) оно доходило по меньшей мѣрѣ до той-же цыфры, какъ и число настоящаго войска. Въ этомъ числѣ были служители (*ὑπηρέτης*) и щитоносцы (*ὑπασπιστής*) тяжелой пѣхоты, которые не только должны были заботиться о жиз-

ненныхъ припасахъ, но иногда помогали носить щиты и другое оружіе. Для перевозки припасовъ, снарядовъ, сосудовъ, палатокъ и др. потребностей нужно было много упряжнаго и вьючнаго скота (*ὑποζύγια*), повозокъ и прислуги. Кромѣ того тутъ находилось много убойнаго скота, для котораго, равно какъ и для предъидущаго, нужно было возить запасы корма. Вся эта толпа распадалась на нѣсколько отдѣловъ (смотря по отрядамъ войска, къ коимъ она принадлежала) и состояла подъ управленіемъ особыхъ начальниковъ (*ἄρχοντες τῶν σκευοφόρων*); она двигалась, подлѣ отдѣльныхъ частей войска, то спереди его, то посрединѣ, и вообще, какъ было удобнѣе.

При отступленіи на равнинѣ употреблялось построение четырехугольникомъ равностороннимъ (*πλαίσιον ἰσόπλευρον*) или продолговатымъ (*πλαίσιον ἐτερόμηκες*), въ срединѣ котораго помѣщались обозъ, прислуга и нестроевыя команды. Дневные переходы, смотря по встрѣчавшимся препятствіямъ, были то больше, то меньше. Самый большій дневной переходъ, который совершали Греки подъ предводительствомъ Ксенофонта, составлялъ 150 стадій ($3\frac{3}{4}$ геогр. мили); если находился вблизи непріятель, то отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 миль.

Объ устройствѣ аттической конницы въ эпоху до пол. 4 ст. (о другихъ эпохахъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній) слѣдуетъ замѣтить, что основаніемъ ему служило дѣленіе на филы, изъ которыхъ каждая поставляла 100 всадниковъ (ср. стр. 554); изъ нихъ для активной службы назначалось ок. 60. Конница выстраивалась въ бою по обоимъ флангамъ пѣхоты и состояла подъ предводительствомъ обоихъ гиппарховъ. Всадники каждой филы строились въ 4 ряда, по 16 всадниковъ въ глубину, или въ 8 рядовъ, по 8 всадниковъ въ глубину.

Приступъ происходилъ ровною линіею, которая образовывалась только во время самого приступа тѣмъ, что вторая (задняя) половина филы, сдѣлавши поворотъ налѣво, занимала промежутокъ между этою и ближайшею филою. Часто предъ самимъ непріятелемъ конница дѣлала внезапный поворотъ, и если непріятель пу- скался ее преслѣдовать, легкая пѣхота ударяла ему въ бокъ.

Походъ конницы происходилъ, если почва была ровная, широкимъ строемъ, даже цѣлою гиппархіею (5ю филами въ рядѣ); въ противномъ случаѣ — филами или колоннами въ четыре и даже двѣ лошади (*ἀγωγὴ εἰς κέρας*). Чтобы обмануть непріятеля на счетъ численности конницы, принимали въ ея строй иногда также конныхъ служителей (*ἰπποκόμοι*), которые въ другое время ѣхали вѣдъ строя.

Авангардъ состоялъ у Афинянъ изъ легкой конницы (*ὑπηρεταί*); для развѣдокъ употреблялась легкая конница, вооруженная луками (*ἰπποτοξόται*).

Въ продолжительныхъ походахъ всадники слѣзали съ лошадей; ночью и въ виду непріятеля это дѣлалось только поочередно.

Въ устройствѣ лагеря (*στρατοπεδεία*) Греки не выказывали такой предусмотрительности, какъ Римляне. Лагерь обыкновенно даже не укрѣплялся; выбиралось только мѣсто, защищенное уже самою природою. То обстоятельство, что Греки во всякомъ данномъ случаѣ руководствовались удобствами мѣстности, имѣло, по словамъ Полибія (VI. 42), и ту дурную сторону, что они не могли выработать опредѣленной формы или типа для лагеря. Въ избранной мѣстности разбивались въ извѣстномъ порядкѣ палатки (*σκηνή*) и покрывались шкурами (*διφθέρα*); предъ палатками каждаго отряда было мѣсто для оружія (называвшееся сокращенно *τὰ ὄπλα*). Передъ лагеремъ и внутри разставлялись караулы, которые ночью 3 (позднѣ 4) раза смѣнялись (*φυλακή*) и руководились особыми паролями (*σύνθημα*). Сигналы давались рогомъ (*κέρας*, въ лагерѣ?) и трубою (*σάλπιγξ*, въ сраженіи).

Большую опредѣленностью отличалось устройство лагеря у Спартанцевъ. Ихъ лагеря всегда имѣли форму правильнаго круга, въ коемъ каждая мора (см. стр. 563) имѣла свое опредѣленное мѣсто, гдѣ разбивала свои палатки, оставляя предъ ними свободную и довольно обширную площадь для упражненій. Изъ лагеря никто не смѣлъ удаляться безъ важной причины, о которой онъ и долженъ былъ заявлять своему начальнику. Вблизи царя въ государственной палаткѣ (*ἡ δαμοσία*, подраз. *σκηνή*) располагались полемархи и остальная свита, какъ-то: гадатели, лекари, музыканты и др. (*οἱ περὶ δαμοσίαν* = свита главнаго стана, главный станъ, Xen. Resp. Lac. XIII. 7).

Каждый день утромъ происходили военныя упражненія; за ними слѣдовалъ завтракъ и смѣнялись караулы. Остальную часть дня проводили въ отдыхѣ и забавахъ. Вечеромъ обѣдали; потомъ совершались молитвы. Всѣми внутренними дѣлами лагерной жизни завѣдывалъ первый полемархъ.

92. Военное устройство Спартанцевъ, о которомъ намъ остается говорить, основывалось первоначально на раздѣленіи города Спарты (гдѣ и жила вся спартанская аристократія) на 5 общинъ (*κῶμαι*). Всѣ спартанскіе граждане обязаны были отправлять воен-

ную службу внѣ границъ страны (*ἐμφορευοί*) отъ 20 до 60 года, и въ случаѣ похода эфоры опредѣляли, какіе классы должны были принять въ немъ участіе (*φρουράν φαίνειν*, объявлять походъ и фр. *ἐξάγειν*, выступать), назначая обыкновенно всѣхъ лицъ извѣстныхъ возрастовъ, начиная отъ 20 лѣтъ (*ἀφ' ἡβης*). Отряды, принимавшіе участіе въ походѣ, были то меньше, то больше; они всегда распались, согласно пяти общинамъ, на 5 лоховъ (*λόχος*), которые были конечно гораздо больше, чѣмъ тѣ лохи, съ коими мы познакомились при наемномъ войскѣ (стр. 556), и заключали въ себѣ каждый до 1000 тяжелооруженныхъ и еще болѣе. Какъ дѣлились первоначально лохи, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Геродотъ, правда, упоминаетъ о томъ, что Ликургъ раздѣлил ихъ на эмотіи, триакады и сисситіи, но не говоритъ подробно о взаимномъ отношеніи этихъ составныхъ частей.

Кажется, что спартанская община первоначально не допускала періоиковъ къ военной службѣ. Впослѣдствіи, при большихъ походахъ, напр. во время мессенскихъ и персидскихъ войнъ, помощь періоиковъ сдѣлалась конечно необходимою. Такъ въ платейской битвѣ сражалось 5000 періоиковъ наряду съ такимъ-же числомъ Спартанцевъ. Они служили; подобно Спартанцамъ, тяжелооруженными и числились въ ихъ лохахъ, но строились отдѣльно отъ нихъ. Илоты сопровождали тяжелооруженныхъ Спартанцевъ и періоиковъ въ качествѣ слугъ (*θεράποντες*) и щитоносцевъ (*ὕπασπισται*); но въ платейской битвѣ они составляли также легкую пѣхоту (*μάχιμοι ψιλοί*), и ихъ было тамъ (по извѣстію Геродота) 40 тысячъ, такъ что періоики имѣли по одному, а Спартанцы по семи слугъ.

Главными предводителями спартанскаго войска были оба царя; вопросъ, кто изъ нихъ долженъ былъ въ данномъ случаѣ отправиться въ походъ, рѣшался гражданами. Подробности о прочихъ военныхъ начальникахъ намъ неизвѣстны.

Спартанцы сражались копьемъ и мечемъ въ тѣсныхъ рядахъ, которые при ихъ извѣстной храбрости были неглубоки, и мѣрнымъ шагомъ двигались на непріятеля подъ аккомпаниментъ музыки (кларнетовъ) и пѣнія (*παῖδ' ἐμβατήριος*, при атакѣ — *μέλος Καστόρειον*). Къ рядамъ Спартанцевъ (которыхъ было четыре, иногда три и даже два) тѣсно примыкали ряды илотовъ. При нападѣніи, когда стремительнымъ натискомъ и дѣйствіемъ копій прорывались первые ряды непріятелей и начинался бой мечемъ, дѣломъ илотовъ было отчасти добывать упавшихъ и раненыхъ непріятелей, отчасти

убирать съ поля сраженія раненныхъ и убитыхъ господъ (откуда они назывались *ἐρουκτῆρες*, охранители). Въ мирное время илоты при войскѣ находились въ качествѣ простыхъ рабочихъ и прислуги.

Послѣ персидскихъ войнъ, въ особенности же послѣ третьей мессенской войны (465—455), вслѣдствіе гибельнаго землетрясенія (въ которомъ множество Спартанцевъ погибло) и бунтовъ илотовъ военное устройство Спартанцевъ значительно измѣнилось. Всѣ граждане были раздѣлены на 6 моръ (*μόραι*), во главѣ которыхъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время стояли полемархи (*πολέμαρχος*); мора состояла изъ 4 лоховъ (*λόχος*, баталіонъ, числомъ ок. 500 человекъ), находившихся подъ начальствомъ 4 лохаговъ; лохъ дѣлился на 8 пентекостій съ 8 пентекостями (*πεντηκοστήρ*, пятидесятникъ); пентекостія въ свою очередь распадалась на 4 эномотіи (*ἐνωμοτία*), во главѣ которыхъ стояли 4 эномотарха.

Первый лохъ каждой моры заключалъ въ себѣ воиновъ младшаго возраста и назначался для активной службы. Второй лохъ составляли воины старшаго возраста, и только чрезъ присоединеніе къ нему періойковъ, которые, какъ кажется, были причислены къ 6 морамъ сообразно 6 округамъ, число его доходило до 500; онъ составлялъ резервный отрядъ. Третій лохъ заключалъ Спартанцевъ старше 60 лѣтъ, а четвертый — тѣхъ, которые были моложе 20 лѣтъ; оба послѣдніе не были обязаны отправлять военную службу внѣ предѣловъ государства, но составляли гарнизоны въ укрѣпленныхъ пунктахъ, впрочемъ немногочисленные, такъ что въ случаѣ нужды они усиливались періойками и илотами. Кромѣ того въ спартанскомъ войскѣ находился еще отрядъ или лохъ Скиритовъ, полунезависимаго племени, населявшаго сѣверо-восточныя горы; онъ составлялъ легкую пѣхоту, которую Спартанцы употребляли какъ передовую стражу въ походахъ, а въ сраженіи на лѣвомъ крылѣ.

Въ походахъ участвовало обыкновенно только нѣсколько лоховъ, напр. четыре первые лоха только четырехъ моръ, или же всѣ первые лохи 6 моръ, и только рѣдко отправлялись въ походъ оба первые лоха всѣхъ моръ (слѣд. 12 лоховъ).

Если предводительствовалъ царь, то его сопровождалъ всегда также конный конвой (300) въ видѣ особаго лоха. Полемархъ всегда отправлялся на войну, даже если и одинъ только лохъ его моры участвовалъ въ походѣ.

Конное войско Спартанцевъ имѣло, какъ мы уже выше замѣ-

тили, самое ничтожное значеніе въ Греціи. Служба на конѣ (лошади доставлялись болѣе богатыми гражданами) отправлялась такими людьми, которые вовсе не годились для службы тяжеловооруженныхъ (Хер. Нел. VI. 4, 10—11) да и не были достаточно знакомы съ верховой ѣздой. Только въ 4 стол. упоминаются особые начальники конницы (*ἵπκαρισταί*) при каждой морѣ, подъ командою ея полемарха.

Вслѣдствіе постоянныхъ войнъ число Спартанцевъ въ такой степени уменьшалось, что для заграничныхъ экспедицій понадобилось брать все больше и больше періойковъ и даже илотовъ, и прибѣгать къ помощи союзниковъ и наемныхъ войскъ. Такъ въ битвѣ при Леветрахъ сражалось только 600 Спартанцевъ. Во времена Аристотеля всѣхъ спартанскихъ гражданъ-воиновъ было, говорятъ, только 1000.

93. Последнимъ замѣчательнымъ военнымъ сраженіемъ въ періодъ независимости греч. республикъ была битва противъ Филиппа Македонскаго при Хероней (въ 338 г.), въ которой греческое войско потерпѣло поражение отъ лучше устроеннаго македонскаго войска. Съ тѣхъ поръ македонское военное устройство, созданное Филиппомъ и усовершенствованное Александромъ, получаетъ преобладающее значеніе въ Греціи.

Войско Филиппа состояло изъ 30.000 пѣхоты и 3000 конницы. Пѣхотинцы дѣлились на фалангитовъ (*φάλαγγιται*, тяжеловооруженные), щитносцевъ (*ὀπασπισταί*) и стрѣлковъ (частью копейщиковъ, *ἀκοντισταί*, частью лучниковъ, *τοξόται*).

Изъ простыхъ гражданъ (не аристократовъ) шести македонскихъ областей набиралась тяжелая пѣхота, среднимъ числомъ по 4000 человекъ въ каждый изъ 6 полковъ. Полкъ или фаланга (*φάλαγξ, τάξις*) раздѣлялся на 4 хилиархія (*χιλιαρχία* отъ 700 до 1000), хилиархія на 4 баталіона (*σύνταγμα*) и баталіонъ на 4 тетрархія (*τετραρχία*).

Вооруженіе фалангитовъ составляли: кожаный, обитый металломъ нагрудникъ (*σπολάς* или *στολάς*), круглый щитъ, круглая войлочная шляпа (*κασσία*, см. стр. 229), легкіе наголенники (введенные Ификратомъ), короткій мечъ и длинное копье, *сарисса* (см. стр. 537).

Щитносцы были вооружены легче (приблизительно такъ же, какъ пелтасты Ификрата) и вмѣсто сариссы имѣли короткій дротикъ. Назначаясь для активной службы, они были постоянно

наготовѣ; число ихъ доходило до 6000. Филиппъ дѣлалъ ими быстрые набѣги и нападалъ въ распλοхъ на непріятелей; они назывались также царскою пѣхотною дружиною (*πεζέταιροι*, ср. Dem. II. 17 и IV. 21 слѣд.).

Стрѣлковъ было въ македонскомъ войскѣ при Филиппѣ около 2000; это были, какъ кажется, большею частью наемники, по преимуществу копейщики изъ Фракіи (*Αργῖνες*).

Македонская конница усовершенствовалась и увеличилась благодаря особенной заботливости о ней Филиппа. Всадники набирались изъ аристократическаго сословія, которое по мѣсту жительства раздѣлено было на нѣсколько (15) округовъ, изъ коихъ каждый доставлялъ одинъ эскадронъ (*ἔλη*, отъ 150—250) конницы. Одинъ эскадронъ составленъ былъ изъ самой знатной молодежи, которая во время мира служила при дворѣ, а на войнѣ сопровождала царя въ качествѣ тѣлохранителей (*έταιροι, ἄρχηα*). Конница имѣла тяжелое вооруженіе (какъ напр. аттическая) и снабжена была короткими копьями (*δόρυ, ξυστόν*). Кромѣ тяжелой конницы была еще легкая, состоявшая изъ такъ наз. сариссоносцевъ (*σαρισσοφόροι*), которые снабжены были длиннымъ (но болѣе легкимъ) копьемъ пѣхоты; число ихъ равнялось приблизительно одной трети тяжелой конницы.

Основную тактическую единицу македонскаго строя представляетъ батальонъ (*σύνταγμα*, соотвѣтствующій рим. манипулу и нашей ротѣ). Построеніе фаланги происходитъ хиліархіями глубиною въ 12—16 человекъ (ср. стр. 537). Впрочемъ македонское войско отличалось не столько особенными искусными движеніями, сколько ловкостью въ употребленіи оружія и крѣпостью (во время походовъ), чему не мало содѣйствовало самое его вооруженіе.

Военный походъ Александра противъ Персіи былъ для македонскаго и вообще для греческаго войска великою шеолою. Кромѣ половины македонскаго войска (другую половину Александръ оставилъ дома въ виду возможнаго возстанія Грековъ), онъ взялъ съ собою вспомогательныя войска союзниковъ (греческихъ общинъ), между коими было 1500 человекъ отличной ессалійской конницы и много наемнаго войска (334 г.), пополнявшася во время самаго похода неоднократными вербовками (*καταλέγειν*) и наймомъ многочисленныхъ охотниковъ (*ξυλλογή*). Послѣ пятилѣтняго похода Александръ, находясь въ Сузахъ и Экбатанахъ (въ 331 и 300 г.), предпринялъ, въ виду предстоящей необходимости дальнѣйшихъ

войнъ, реорганизацію своей арміи, состоявшую въ устройствѣ возможно большаго числа легкой конницы, легкой пѣхоты и стрѣлковъ; по этой причинѣ онъ пополнялъ ряды союзническаго и наемнаго войска всадниками, набираемыми изъ туземныхъ азіатскихъ племенъ; наконецъ даже соединилъ пѣхоту этихъ племенъ съ пѣхотою македонскою въ одинъ большой отрядъ. Проходя молчаніемъ нѣкоторыя тактическія особенности, которыми отличается исторія этого похода, такъ какъ перечисленіе ихъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко, мы упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ только о жалованіи солдатъ и объ обозѣ. Жалованье, которое получали македонскіе солдаты, было довольно большое. Тяжеловооруженный македонскій солдатъ получалъ 10 статовъ въ мѣсяцъ, простой наемный солдатъ 30 драхмъ; но были наемники и съ двойнымъ жалованьемъ въ 60 драхмъ. Начальники получали по 8 драхмъ въ день. Кромѣ того солдаты часто получали большіе подарки изъ военной добычи. Такъ въ Вавилонѣ Александръ роздалъ всадникамъ по 6, союзникамъ по 5, фалангитамъ по 2 мины, а наемнымъ солдатамъ каждому двумѣсячное жалованье. Что за столь многочисленнымъ войскомъ слѣдовало большой обозъ, разумѣется само собою. Уже одна перевозка (кожаныхъ) палатокъ и шестовъ требовала большаго числа повозокъ; но еще больше повозокъ нужно было для перевозки съѣстныхъ припасовъ, фуража и военныхъ машинъ; кромѣ того за войскомъ слѣдовало огромное число нестроевой команды, маркитантовъ, женъ и дѣтей солдатъ.

О способѣ осады, равно какъ и о военныхъ орудіяхъ мы поговоримъ болѣе подробно ниже, въ статьѣ объ устройствѣ римскаго войска, и то главнымъ образомъ по той причинѣ, что у Грековъ въ эпоху процвѣтанія искусствъ и политической свободы, для насъ столь важную, ни крѣпостное дѣло, ни военныя орудія не достигли той степени совершенства, на какой они стояли послѣ Александра Великаго.

За то тѣмъ болѣе усовершенствованій встрѣчаемъ мы въстройкѣ укрѣпленій и въ военныхъ орудіяхъ Римлянъ, учителями которыхъ и въ этомъ отношеніи были Греки, особенно послѣ пуническихъ войнъ.

Устройство римскаго войска.

94. По древнѣйшему римскому преданію, римскій легионъ (legio отъ legere) состоялъ первоначально изъ 300 всадниковъ и 3000 пѣхотинцевъ.

Всадники (celeres) были изъ самыхъ знатныхъ патриційскихъ семей и составляли 3 сотни (centuriae), по 10 взводовъ (turmae) въ каждой, имѣя во главѣ начальника (tribunus celerum).

Болѣе точныя свѣдѣнія о войскѣ римской общины относятся ко времени нѣсколькими столѣтіями позднѣе, когда римскіе граждане, число которыхъ между тѣмъ весьма увеличилось, получили новое военное устройство, приписываемое обыкновенно царю Сервію Туллію. По этому устройству всѣ граждане раздѣлены на классы (classes) сообразно ихъ имуществу (census), изъ которыхъ каждый долженъ былъ выставять известное число вооруженныхъ воиновъ.

Классъ самыхъ богатыхъ гражданъ (патриціевъ и плебеевъ), раздѣленный на 18 центурій, выставялъ 18 сотенъ, т. е. 1800 всадниковъ. Остальные зажиточные граждане раздѣлены были на 5 классовъ слѣдующимъ образомъ:

Къ 1му классу, который составлялъ 80 центурій, принадлежали имѣвшіе состоянія на 100.000 ассовъ и болѣе; они должны были являться на войну со шлемомъ, круглымъ щитомъ (clipeus), поножами и панцыремъ.

Ко 2му классу, составлявшему 20 центурій, принадлежали имѣвшіе не менѣе 75.000 ассовъ; вооруженіе ихъ составляли: шлемъ, длинный щитъ и поножи.

Къ 3ему классу, изъ 20 центурій, принадлежали имѣвшіе не менѣе 50.000 ассовъ; ихъ вооруженіе: шлемъ, длинный щитъ и поножи.

Къ 4му классу, изъ 20 цент., принадлежали имѣвшіе не менѣе 25.000 ассовъ; вооруженіемъ имъ служилъ длинный щитъ.

Къ 5му классу, изъ 20 цент., принадлежали имѣвшіе не менѣе 12.000 ассовъ; они являлись безъ вооруженія.

Наступательное оружіе первыхъ 3 классовъ составляли мечъ и копье (hasta), 4го — копье и дротикъ (hasta et verutum, по Ливію); 5й классъ употреблялъ пращи.

Итакъ всей римской пѣхоты въ то время было 168 центурій, 16.800 человекъ, т. е. 4 легиона по 4200 человекъ; въ томъ

числѣ два легіона молодыхъ солдатъ (iuniores, отъ 17—45 лѣтъ), которые должны были нести военную службу внѣ предѣловъ страны, и два легіона старыхъ солдатъ (seniores, отъ 46—60 лѣтъ), которые обязаны были отправлять военную службу внутри государства (въ качествѣ гарнизоновъ). Каждый легіонъ состоялъ изъ 2000 тяжеловооруженныхъ перваго класса, изъ 500 втораго, и изъ стольких-же третьяго класса, затѣмъ изъ 500 легковооруженныхъ четвертаго и 700 пятаго класса.

Въ строю стояли вооруженные солдаты только первыхъ четырехъ классовъ (кромѣ конницы, которая составляла правое и лѣвое крыло); легковооруженная пѣхота пятаго класса (velati) употреблялась въ качествѣ застрѣльщиковъ (rogarii), занимавшихъ до начала сраженія мѣсто передъ фронтомъ, но послѣ отступавшихъ за строй. Къ пятому классу принадлежали еще 3 центурии плотниковъ и кузнецовъ (fabri), трубачи (tubicines и cornicines) и 2 центурии невооруженныхъ резервныхъ солдатъ (accensi velati); все это были люди неосѣдлые, не имѣвшіе никакой поземельной собственности (proletarii, capite censi, aerarii).

Такъ какъ каждый гражданинъ долженъ былъ на свой счетъ приобрѣтать себѣ не только вооруженіе, но и съѣстные припасы во время войны, то Римляне старались о томъ, чтобы походы не были продолжительны, и, какъ только цѣль была достигнута, войско тотчасъ распускалось.

Съ введеніемъ (послѣ 406 г. до Р. Хр.) Камилломъ новаго военнаго устройства исчезъ имущественный ценсъ для поступленія въ тотъ или другой родъ войска и на первомъ планѣ стали возрастъ и тѣлесныя способности воина. Легіонъ сталъ дѣлиться по возрасту на три класса и состоялъ (теперь) изъ 1200 гастатовъ (hastati), 1200 принциповъ (principes) и 600 триаріевъ (triarii); въ тактическомъ отношеніи каждый классъ дѣлился на 10 манипуловъ по двѣ центурии. Мѣсто прежняго иррегулярнаго отряда такъ наз. рораріевъ (rogarii) заняли при каждомъ легіонѣ легковооруженные велиты (velites), числомъ 1200. Три манипула составляли одну когорту въ 300 человекъ (120 гаст., 120 принц., 60 триар.), а послѣ пуническихъ войнъ отъ 400—600 человекъ. Легковооруженные набирались изъ самыхъ молодыхъ и (по замѣчанію Полибія) самыхъ бѣдныхъ юношей; вооруженіе ихъ составляли: мечъ, легкое копье (hasta velitaris), круглый щитъ (parma, см. стр. 547) и кожаный шлемъ (galea). Гастаты (копейщики) были старше и имѣли полное вооруженіе, именно: большой щитъ (scutum), металличе-

скій нагрудникъ въ пядь въ квадратѣ (*pectorale*, *кардіофулаξ*, стр. 546), или панцирь кожаный либо (у болѣе богатыхъ) кольчатый и чешуйчатый (см. стр. 545), мечъ (иберійскій, см. стр. 549) и два дротика (см. стр. 548). Точно такъ-же вооружены были принципы и триарин, съ тѣмъ лишь различіемъ, что вмѣсто дротиковъ имѣли тяжелыя копья.

Военную службу обязывались исполнять римскіе граждане, какъ и прежде, отъ 16 до 60 лѣтъ, — до 45 лѣтъ (*iuniores*) полевую, до 60 лѣтъ (*seniores*, *legiones urbanae*) гарнизонную. Впрочемъ въ теченіе полевой службы солдатъ не обязывался участвовать болѣе чѣмъ въ 16—20 походахъ или битвахъ, всадники не болѣе какъ въ 10. При Августѣ срокъ военной службы продолжался (безъ перерыва) 16 лѣтъ (*stipendia*), позднѣе постоянно 20 и даже 25 лѣтъ.

Наборъ (*delectus*) происходилъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ призыва, сдѣланнаго консулами (или преторами), всѣ подлежащіе воинской повинности граждане должны были явиться (въ противномъ случаѣ они теряли права гражданства и продавались въ рабство) въ извѣстное время въ Капитолій, въ позднѣйшее же время на Марсово поле. Изъ каждой изъ 35 трибъ набирались (иногда просто по жребію) 480 человекъ для двухъ консульскихъ армій (состоявшихъ изъ 2 легіоновъ по 4200 человекъ). Нужные 1200 всадниковъ (по 300 для каждаго легіона) выбирались цензорами изъ 18 всадническихъ центурій. Кромѣ того какъ въ пѣхоту, такъ и въ конницу поступали охотники. Въ чрезвычайные критическіе моменты производился на-скоро экстренный наборъ (*milites tumultuarii scribuntur*, Liv. XXXV. 2, и др.).

Шесть военныхъ трибуновъ, командовавшіе поочередно, каждый 2 мѣсяца, избирались (еще до набора) народомъ въ комиціяхъ (*comitiati*, съ 359 года, по Ливію VII. 5; прежде назначали ихъ консулы, а до консуловъ цари); только сверхкомплектные трибуны (когда отправлялось въ походъ больше войска) были назначаемы консулами. Трибуны въ свою очередь избирали способныхъ центуріоновъ, по 60 для каждаго легіона. Присягу (*sacramentum*) давали прежде всего трибуны; затѣмъ въ присутствіи трибуна (съ 216 года) давалъ общую присягу каждый легіонъ отдѣльно (*sacramento adigebantur*), а именно такъ, что одинъ изъ военновъ громко произносилъ формулу присяги, которая гласила, что онъ всѣми силами будетъ стараться исполнять приказанія начальниковъ, что онъ будетъ дѣйствовать неустрашимо и не оставитъ строя иначе какъ для того, чтобы взять оружіе или убить врага и спасти

друга (Liv. XXII. 38); послѣ того выступали солдаты по одиночкѣ и словами „idem in me“ обязывались исполнять присягу (sacramento dicebat). Присяга возобновлялась предъ каждымъ (военнымъ) походомъ и, смотря по обстоятельствамъ, видоизмѣнялась.

Еъ этому гражданскому войску присоединялось войско союзниковъ (socii) изъ подчиненныхъ Риму италійскихъ народовъ и племенъ, а послѣ пуническихъ войнъ (впервые во 2ую пуническую войну, Liv. XXIV. 49) также вспомогательные отряды (cohortes auxiliares) изъ другихъ вѣ-италійскихъ покоренныхъ народовъ.

Союзники (и вмѣстѣ съ ними такъ наз. латинскія колоніи) выставляли, по Полибію, тоже 4 легіона, которые были однако нѣсколько многочисленнѣе (всего около 20 тысячъ), и кромѣ того до 4 тысячъ (или же только 1200?) конницы, чтѣ продолжалось до 86 г. до Р. Хр. Еъ каждой консульской арміи прикомандировывались два союзническихъ легіона (они назывались alae, потому что въ строю и въ лагерѣ [см. рис. 518.] занимали мѣсто на флангахъ), каждый въ 10 когортъ по 420 человекъ. Во главѣ такого легіона стояло 6 начальниковъ (praefecti socium), командовавшихъ поочередно, каждый 2 мѣсяца; ихъ избирали консулы изъ числа римскихъ гражданъ. Начальники когортъ (praefectus cohortis) были избираемы вѣроятно тоже консулами, но изъ союзниковъ; когорта дѣлилась, какъ кажется, на 6 центурій. Конница состояла изъ 6 отрядовъ (называвшихся тоже alae) по 300—500 всадниковъ.

Когда послѣ войнъ, веденныхъ во 2 стол. до Р. Хр. противъ Антиоха, стала проникать въ Римъ восточная роскошь, тогда стали исчезать прежняя храбрость и твердость, считавшіяся нѣкогда лучшимъ украшеніемъ свободнаго римскаго гражданина, такъ что большая часть римскихъ гражданъ стала уклоняться отъ военной службы; а такъ какъ новыя войны требовали болѣе многочисленной арміи, то пришлось прибѣгать къ тому безымѣнному классу, который прежде былъ исключенъ изъ почетной службы служить отечеству мечемъ. Поэтому наименьшій ценсъ былъ пониженъ до 4000 ассовъ, а въ началѣ 1го столѣтія (во время гражданскихъ войнъ) не обращали уже на ценсъ никакого вниманія, и войско набиралось при помощи особыхъ вербовщиковъ (conquistores) по всей Италіи изъ людей бѣдныхъ, которые и безъ того, привлекаемые жалованьемъ и надеждою на добычу, въ качествѣ охотниковъ стекались подъ знамена популярныхъ полководцевъ.

Въ связи съ этимъ находится и внутренняя реорганизація

военнаго устройства, приписываемая въ особенности *Марію*. Такъ какъ теперь вооружало солдатъ государство, то и было введено одинаковое для всѣхъ вооруженіе (мечъ, дротикъ и пр.); отличалось только легкое вооруженіе отъ тяжелаго. Такимъ образомъ устранено различіе между прежними четырьмя классами (*hastati*, *principes*, *triarii* и *velites*). Кромѣ того раздѣленіе на манипулы замѣнилось раздѣленіемъ легіона на 10 когортъ по 400—500 человекъ въ каждой.

Кромѣ одинаковаго вооруженія стали обращать вниманіе и на одинаковый ростъ, для котораго требовалось 5 стопъ и 10 пальцевъ (римскихъ, см. стр. 399). Постоянныя войны уже не позволяли послѣ каждаго похода распускать воиновъ домой, какъ это бывало прежде; такимъ образомъ явилось нѣчто въ родѣ постоянныхъ армій нашего времени. Воиновъ старались нанимать на нѣсколько лѣтъ впередъ, а по прошествіи этого срока удерживали ихъ возвышеніемъ жалованья, на что оторванные отъ семьи и привыкшіе къ безпкойной жизни, эти новаго рода солдаты (*evocati*) съ удовольствіемъ соглашались. Тогда стали различаться легіоны изъ солдатъ, уже служившихъ (*legiones veteranae*), и легіоны новобранцевъ (*legiones tironum*). По истеченіи срока службы отставные солдаты награждались обыкновенно участками государственной земли, и то нерѣдко въ ущербъ бѣднымъ провинціаламъ.

Вмѣстѣ съ пѣхотою была переустроена и конница. Самый большій контингентъ ея доставляли провинціи; римскіе граждане занимали въ ней почти одни лишь офицерскія мѣста. Конница представляла нѣсколько самостоятельныхъ отрядовъ (*alae*) въ 300—400 чел., состоявшихъ изъ турмъ (*turmae*) въ 30—40 чел.; послѣднія дѣлились на декуріи. Съ этою реорганизаціею войска тѣсно связана была и перемѣна въ тактическомъ построеніи; но объ этомъ будетъ сказано ниже (стр. 579).

Послѣ пуническихъ войнъ возникли вспомогательныя войска (*auxilia*, *milites*, или *cohortes auxiliares*); это были пѣшія войска, имѣвшія каждое свое народное вооруженіе. Большинство ихъ составляли лучники и пращники (см. стр. 550). Они служили за плату или бесплатно и не присоединялись къ легіонамъ подобно прежнимъ союзникамъ (*socii*), которые, получивъ 86 г. право гражданства, не составляли отдѣльныхъ полковъ, а слились воедино съ остальнымъ римскимъ войскомъ. Изъ почетной стражи главнаго предводителя, *cohors praetoria*, которая первоначально состояла изъ старыхъ воиновъ, продолжавшихъ службу за болѣе высокое

жалованье и принадлежавшихъ къ знатымъ семьямъ, возникла впоследствии императорская лейбъ-гвардія (*milites praetoriani*); о ней будетъ сказано на своемъ мѣстѣ.

95. Во времена имперіи были три рода войска: а) регулярное войско, находившееся въ провинціяхъ подъ начальствомъ императорскихъ намѣстниковъ; б) войско въ Римѣ, подчиненное тремъ префектамъ (*praefecti*); оно состояло изъ гордыхъ, пользовавшихся особенными привилегіями преторіанцевъ, изъ городского гарнизона (*cohortes urbanae*) и полицейской стражи (*cohortes vigilum*); в) вспомогательныя войска (*auxilia*).

Рис. 505. Римскій пѣхотный солдатъ со щитомъ (*scutatus*), по изображенію на Траяновой колоннѣ

Рис. 506. Центуріонъ римскаго легіона, по изображенію на аркѣ Константина.

Рис. 507. Императоръ Траянъ и два намѣстника (*legati*), по изображенію на Траяновой колоннѣ.

Послѣ смерти Августа римская имперія имѣла 25 легіоновъ (до 150 тысячъ человѣкъ), во 2 половинѣ 1 стол. по Р. Хр. — 30. Раздѣленіе легіона на когорты, о которомъ мы упомянули выше (стр. 568), оставалось постоянно, съ тою только разницею, что каждая первая когорта легіона имѣла вдвое больше солдатъ, чѣмъ каждая изъ остальныхъ, т. е. 1110 пѣхотинцевъ и 132 всадника, тогда какъ въ остальныхъ было по 555 пѣхотинцевъ и по 66 всадниковъ; но во главѣ легіона стоялъ уже не трибунъ (чередовавшійся въ командованіи съ своими коллегами, см. стр. 569), а намѣстникъ главнаго военачальника (*legatus*), обыкновенно бывшій преторъ, принадлежавшій къ сенаторскому сословію; званіе трибуна сдѣлалось только титулярнымъ и нерѣдко давалось императорами молодымъ людямъ изъ знатныхъ семействъ. Каждый легіонъ имѣлъ 60 центуріоновъ (*centuriones*, сотники); изъ нихъ центуріоны первой когорты (занимавшей въ строю первое мѣсто) пользовались

наибольшимъ почетомъ; самый старшій изъ этихъ, называвшійся *primus pilus*, *primipilus*, окончивъ военную службу, получалъ титулъ *primipilaris* (ср. *vir consularis*, *praetorius*), достоинство всадника и нужное для этого имѣніе въ 400.000 сест. Мѣсто центуріона заступалъ подчиненный ему *optio*, выбираемый центуріономъ.

Лейбъ-гвардія преторіанцевъ состояла при Тиберіи изъ 9, при Вителліи изъ 16, а позднѣе изъ 10 когортъ, каждая изъ 1000 человекъ и 10 центурій. Тиберій построилъ для нея къ сѣверу отъ Рима за холмовыми воротами (*porta Collina*) обширныя казармы (*castra praetoria*, въ видѣ продолговатаго четырехугольника со сторонами

Рис. 508. Отставной воинъ (*evocatus*), по римскому надгробному памятнику.

Рис. 509. Всадникъ вспомогательнаго войска, по изображенію на Антониновой колоннѣ.

1550 × 1243 футовъ), гдѣ большая часть этой стражи жила вмѣстѣ, тогда какъ прежде она поселялась въ домахъ обывателей. Нѣкоторыя части ея находились также въ окрестностяхъ Рима и въ другихъ италійскихъ городахъ, въ которыхъ проводили время императоры, какъ напр. въ Тибурѣ, Албѣ, Неаполѣ. Главный начальникъ императорской гвардіи былъ *praefectus praetorio*, за нимъ слѣдовали начальники когортъ — трибуны, сотни — (какъ и при регулярномъ войскѣ) центуріонъ и его помощникъ (*optio*). Служба въ этомъ войскѣ была почетнѣе и выгоднѣе; она продолжалась только 16 лѣтъ при бѣльшемъ жалованьи и болѣе богатомъ вооруженіи. Императорская гвардія продолжала существовать до импер. Константина, который уничтожилъ это войско и разрушилъ казармы, гдѣ оно помѣщалось.

Городской гарнизонъ состоялъ первоначально изъ 3, а со

время Вителлія изъ 4 когорты (cohortes urbanae), каждая въ 1000 (позднѣе въ 1500) человекъ. Но такъ какъ когорты преторіанцевъ составляли вмѣстѣ и городской гарнизонъ, то и городской гарнизонъ причислялся къ нимъ какъ X. XI. XII. XIII. когорты. Преимущество городского гарнизона предъ регулярнымъ войскомъ состояло въ ббльшемъ жалованьи.

Полицейская стража состояла изъ 7 когорты (cohortes vigillum, vigiles nocturni) по 1000 человекъ подъ начальствомъ префекта (praefectus vigilum), трибуновъ и т. д. Устройство ея принадлежитъ Августу, который въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ было нужно, построилъ 7 казармъ (stationes), такъ что одной когортѣ приходилось наблюдать за двумя кварталами (regio) города. Для этой

Рис. 510. Всадникъ легионаго войска (eques legionarius), по изображенію на Антониновой колоннѣ.

Рис. 511. Знаменосецъ (vexillarius) римской конницы, по изображенію на столбѣ Антонина.

цѣли онѣ имѣли въ каждомъ кварталѣ сторожевыя стоянки (excubitorium). Полиція исполняла также обязанности пожарной команды, откуда народъ и называлъ ее sparteoli (корзинщики). По рангу они стояли ниже регулярнаго войска; ихъ набирали также изъ вольноотпущенниковъ, но послѣднихъ скоро награждали правами гражданства; наконецъ прослужившіе здѣсь извѣстный срокъ могли быть опредѣлены въ регулярныя войска.

Еъ вспомогательнымъ войскамъ (auxilia) принадлежали всѣ войска, расположенныя въ провинціяхъ въ качествѣ гарнизоновъ, за исключеніемъ легионовъ; въ числѣ ихъ находилось также много гражданъ. Когорты этихъ войскъ, превосходившихъ обыкновенно своею численностью легионное войско, были или пятисотенныя (quingenariae), или тысячныя (milliariae). Во главѣ когорты стоялъ

префектъ или трибунъ. Конница прикомандировывалась обыкновенно къ когортамъ, отъ чего послѣднія назывались *cohortes equitatae* (когорты имѣющія конницу). Она всегда составляла приблизительно четвертую часть пѣхоты; такъ напр. тысячная когорта имѣла 240 всадниковъ и 760 пѣхотинцевъ и т. д. По своему вооруженію эти всадники назывались или *legionarii* (*legionum*), когда они имѣли римское вооруженіе, или *auxiliares* (*alarii*) по преимуществу, когда имѣли свое національное вооруженіе (лукъ или копье).

Рис. 512. Знаменосецъ когорты (*signifer*), по изображенію на столбѣ Траяна.

Рис. 513. Орелъ (*aquila*), знакъ римскаго легіона, по бронзовому оригиналу.

Рис. 515. Знамя съ изображеніемъ дракона (*draco*), съ колонны Траяна.

Рис. 514. Легіонный знаменосецъ (*aquilifer*), по изображенію на столбѣ Траяна.

Воины, которые и по истеченіи 20-лѣтней службы продолжали оставаться при войскѣ, образовывали при легіонѣ особую когорту (*vexillarii*), которая освобождалась отъ обыкновенной службы, имѣла свое особое знамя (*vexillum*) и своего начальника (въ отличіе отъ *legata legio*), а въ случаѣ надобности принимала участіе даже въ сраженіи. Эти солдаты получали, какъ уже сказано выше, большее жалованье и по чину стояли не много ниже центурионовъ.

Для нагляднаго представленія мы помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изображеній воиновъ императорскаго времени. Рис. 505. представляетъ простаго рядоваго пѣхотинца, одѣтаго въ короткую туннику и вооруженнаго листовымъ панциремъ (см. стр. 544), щитомъ и шлемомъ; плащъ его изъ темной грубой шерсти (*sagum*), скрѣпленный на плечѣхъ или на груди застежкой, снимался предъ нача-

домъ сраженія и при работѣ. Зимомъ онъ надѣвалъ лацерну или пенулу (см. стр. 222). Что въ сѣверныхъ странахъ были въ употребленіи также нѣкотораго рода брюки, мы замѣтили уже выше (на стр. 224) и видимъ также на рис. 506., представляющемъ центуріона въ богатомъ шлемѣ, чешуйчатомъ панцырѣ и съ тростью (*vitis*), которую носилъ каждый центуріонъ въ знакъ своей карательной власти. Верхняя одежда офицеровъ была такая-же, какъ и у простаго солдата, только изъ болѣе мягкой матеріи; военачальникъ носилъ пурпуровый плащъ (*paludamentum*). На рис. 507. мы видимъ императора Траяна, одѣтаго въ этотъ плащъ. Рис. 508., снятый съ надгробнаго памятника, представляетъ отставнаго солдата Аврелія Юліана; на лѣвой сторонѣ у него мечъ; въ правой рукѣ онъ держитъ палку, а въ лѣвой свитокъ, быть можетъ дипломъ, подтверждающій окончаніе имъ первой службы и поступленіе его на вторичную. На рис. 509. представленъ всадникъ вспомогательнаго войска, одѣтый въ тунику и въ чешуйчатый панцырь, съ круглымъ щитомъ (*parma*) въ лѣвой и съ копьемъ въ правой рукѣ. Уже выше (рис. 501.) помѣщено изображеніе коннаго вспомогательнаго лучника. Всадникъ, вооруженный подобно рядовому пѣхотинцу (за исключеніемъ *scutum*), представленъ, какъ намъ кажется, на рис. 510.

96. Сказавъ о тѣхъ частяхъ войска, которыя назначались для боя и для похода, мы въ заключеніе упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ еще о тѣхъ членахъ его, которые, сопровождая войско и вообще исполняя при немъ разныя службы, въ самомъ бою не принимали никакого участія. Въ этомъ отношеніи прежде всего должно упомянуть о знаменосцахъ.

Военнымъ знаменемъ (*signum militare*) въ древнѣйшія времена служила, какъ передаютъ, охапка сѣна, прикрѣпленная къ копыю. Во времена, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, встрѣчается уже знамя въ собств. см. (*vexillum*), т. е. четырехугольный кусокъ бѣлой, красной или пурпуровой матеріи, прикрѣпленный къ какому нибудь шесту при помощи перекладины. Такимъ знакомъ впоследствии была снабжена каждая центурія; конница даже не имѣла другого знамени, употребляя *vexillum* какъ значекъ каждой отдѣльной турмы (рис. 511.). Знаменемъ когорты было такъ наз. *signum*, состоявшее въ шестѣ, украшенномъ сверху фигурами звѣрей (волка, слона, коня, вепря), раскрытою ладонью или вѣнкомъ; ниже на шестѣ было прикрѣплено нѣсколько круглыхъ металлическихъ дощечекъ съ изображеніями полководцевъ и императоровъ;

затѣмъ металлическія изображенія стѣнныхъ и другихъ вѣнговъ и металлическихъ таблички съ номеромъ когорты и т. д. Знаменосецъ когорты назывался *signifer* (рис. 512.) по преимуществу. Знаменемъ легіона со временъ Маріа служилъ бронзовый орелъ (*aquila*), позднѣе серебряный, а (при императорахъ) также золотой, который, обыкновенно безъ всякихъ украшеній, прикрѣплялся къ шести съ раскрытыми, какъ-бы для полета, крыльями (рис. 513.) и иногда съ громовою стрѣлою въ когтяхъ. Легіонный знаменосецъ (*aquilifer*, рис. 514.) въ боевомъ строю стоялъ съ нимъ въ первомъ ряду, и центуріонъ первой центуріи (*centurio primipili, primipilus*) присматривалъ за нимъ. Какъ знамя для воина нашего времени, такъ орелъ для римскаго солдата былъ самымъ дорогимъ предметомъ, предметомъ величайшаго благоговѣнія; его онъ долженъ былъ защищать до послѣднихъ силъ; потеря знамени считалась самымъ постыднымъ дѣломъ. Поэтому случалось нерѣдко, что военачальникъ, будучи не въ состояніи разбить непріятельскій строй или взять крѣпость, бросалъ орла въ толпу непріятелей или на стѣны укрѣпленія, чтобы такимъ образомъ воодушевить войско мужествомъ къ отнятію его обратно. При пораженіи, чтобъ знамя не досталось непріятелямъ, знаменосецъ закапывалъ его въ землю, или бросался вмѣстѣ съ нимъ въ недоступныя мѣста (какъ разсказывается объ одномъ знаменосцѣ въ сраженіи въ тевтобургскомъ лѣсу).

Подобно легіоннымъ когортамъ, имѣли свое *signum* и когорты преторіанцевъ, а также центуріи полицейской стражи (*vigiles*). На надгробныхъ памятникахъ императорскаго времени встрѣчаются также военныя знамена варваровъ, изъ коихъ знамя съ изображеніемъ дракона (*draco*, рис. 515.), происхожденія парскаго, во 2 стол. по Р. Хр. было принято въ число знаменъ когортъ (какъ свидѣтельствуеъ *Vegetius*, *Mil. II. 7, 13* и *II. 13*, по словамъ котораго воинъ, носившій это знамя, назывался *draconarius*), хотя на колоннѣ Траяна оно виднѣется только среди варваровъ. Голова этой фигуры была изъ серебра, остальное тѣло или изъ разноцвѣтныхъ кусковъ ткани, или изъ кусковъ кожи. Вѣтеръ, проникая чрезъ, открытую часть внутрь, надувалъ фигуру и приводилъ ее въ движеніе, и, выходя затѣмъ чрезъ небольшое отверстіе въ хвостѣ, издавалъ, какъ передаютъ, шипящій звукъ.

Главный императорскій штандартъ, устроенный императоромъ Константиномъ, было *labarum* (происхожденія по всей вѣроятности галльскаго); это было большое и убранный *vexillum*, укра-

шенное вытканными изображеніями императоровъ и ихъ дѣтей, а сверху на шестѣ съ золотымъ вѣнкомъ, въ которомъ была вставлена монограмма имени Христа. Лавага, встрѣчающіяся на монетахъ Константина и другихъ христіанскихъ императоровъ, не имѣютъ названныхъ (вытканныхъ) изображеній, а только упомянутую монограмму. О важности этого штандарта свидѣтельствуетъ то, что для охраны его установлена была почетная стража изъ 50 отборныхъ воиновъ.

Трубачи назывались по родамъ инструментовъ: *tubicines*, которые трубою (*tuba*, см. стр. 471 и рис. 375.) давали знакъ для наступленія и для отступленія; *cornicines*, которые рогомъ (*cornu*, рис. 418.) давали знакъ для похода; *bucinatores*, дававшіе согнутою трубою (*bucina*) знакъ для смѣны стражи и созывавшіе солдатъ въ собраніе (*classicum canere*); *liticines* были трубачи конницы (см. стр. 472). Военной музыке, играющей во время походовъ, древніе не знали.

Къ каждому военному отряду въ провинціяхъ въ послѣдній періодъ республики были прикомандированы когорты ремесленниковъ, оружейниковъ (*fabri*), стоявшія подъ управленіемъ особаго начальника (*praefectus fabrum*). Подобнымъ образомъ при каждомъ отрядѣ находились поставщики провіанта (*frumentarii*), подчиненные центуриону; они первоначально шли впереди войска (Caes. V. G. VIII. 35) и снабжали его съѣстными припасами; впоследствии, когда хлѣбъ доставляли провинціи и общины, они исполняли еще и другія службы, полицейскую, шпіонскую и т. д. Кромѣ того при войскѣ было еще много другихъ чиновниковъ и служителей, какъ-то: счетоводы, кассиры (*tabularii, arcarii*), магазинные смотрители (*horrearii*), раздаватели хлѣба (*mensores frumenti*), тюремные смотрители (*carcerarii*), жертвоприносители (*victimarii*), жертвогадатели (*haruspices*), шпіоны (*speculatores*) и др. Наконецъ при войскѣ находилось много офицерской прислуги (*agasones, calones*), а во время походовъ также много маршантовъ (*lixae*) и т. п.

97. Боеваго или наступательнаго строя древніе различали пять видовъ. Первый видъ представлялъ строй, упирающійся обоими боками или по крайней мѣрѣ однимъ въ рѣку, озеро, гору или въ укрѣпленное мѣсто; наступленіе въ этомъ случаѣ происходило фронтомъ. Другого вида былъ строй косой, раздѣленный на два крыла, при чемъ атака происходила эшелонами или правымъ, или лѣвымъ крыломъ. Третій строй былъ изогнутый, дугообразный (*sinuata acies*), раздѣленный на два крыла и центръ.

Четвертый, который употреблялся чаще всего въ походѣ, когда угрожалъ непріятель, состоялъ въ томъ, что войско фронтомъ наступало косо противъ бока непріятели, затѣмъ, обогнувъ послѣдній, становилось ровнымъ строемъ, но подъ острымъ угломъ противъ него и нападало на одно крыло. Пятый видъ строя представлялъ такъ наз. клинъ (*cuneus*), который составлялся обыкновенно только изъ одной части всего войска на подобіе $\wedge$ или также на подобіе сплюснутаго полумѣсяца — (*κύντωμα μηννοειδές*, какъ называетъ его Полибій, по словамъ котораго этотъ строй былъ употребленъ Ганнибаломъ въ битвѣ при Каннахъ, III. 113, 8; ср. Liv. XXII. 47) и имѣлъ цѣлью прорвать непріятельскіе ряды; наступленіе начиналъ центръ и оба крыла въ случаѣ надобности слѣдовали за нимъ. Непріятель въ этомъ случаѣ принималъ обратное положеніе $\vee$ (называвшееся *forfex*, клещи), такъ что оба крыла наступали косо впередъ, а центръ слѣдовалъ.

Расположеніе солдатъ въ строю было въ разныя времена различно. По свидѣтельству Ливія (VIII. 8), войско въ древнѣйшія времена строилось на подобіе македонской фаланги (сравн. стр. 537); легионъ образовывалъ одну непрерывную линію (о глубинѣ ея нигдѣ не упоминается, такъ что нѣкоторые опредѣляютъ ее въ 6, другіе въ 7, 10 и 12 человекъ; сообразно съ глубиною измѣнялась конечно и ширина строя). Конница и легковооруженные пѣхотинцы располагались по флангамъ, а въ началѣ боя передъ фронтомъ. Впослѣдствіи, вѣроятно при Камиллѣ или только ок. 340 г. до Р. Хр. (Liv. *ibid.*), вошло въ употребленіе построеніе манипулами, которые образовывали три ряда (*acies triplex*), сообразно раздѣленію войска на три рода. Въ этомъ случаѣ легионъ, состоя изъ 30 манипуловъ¹⁾, строился такъ: манипулы гастатовъ и принциповъ, имѣя каждый по 120 человекъ и 40 легковооруженныхъ (*velites*), становились рядами по 20 человекъ въ ширину и по 8 въ глубину, манипулы же триаріевъ, имѣя по 60 человекъ и 40 легковооруженныхъ, становились рядами по 5 человекъ въ глубину. По Полибію (XVIII. 13) ширина каждаго манипула въ тѣсномъ строю равнялась 60 футамъ (такъ какъ разстояніе между каждымъ солдатомъ равнялось 3 футамъ), въ боевомъ же строю — 120 футамъ; слѣдовательно глубина манипуловъ

¹⁾ Ливій въ вышеприведенномъ мѣстѣ упоминаетъ о 45 манипулахъ, такъ что по его свидѣтельству въ каждомъ ряду легиона находилось по 15 манипуловъ; но это, кажется, ошибка, такъ какъ по всѣмъ другимъ извѣстіямъ каждый рядъ легиона состоитъ только изъ 10 манипуловъ.

гастатовъ и принциповъ въ тѣсномъ строю равнялась 24, а въ боевомъ — 48 футамъ; глубина манипуловъ триариевъ была конечно меньше. Между каждымъ изъ этихъ манипуловъ оставлялись промежутки, и при томъ такъ, что промежутки втораго ряда приходились прямо противъ манипуловъ перваго, а промежутки третьяго противъ манипуловъ втораго. Это дѣлалось съ тою цѣлю, чтобы во время битвы манипулы перваго ряда, въ случаѣ необходимости, могли уступить во второй рядъ, а манипулы втораго — въ третій (Ливій тамъ-же). Какъ велико было разстояніе между отдѣльными рядами, т. е. между гастатами, принципами и триаріями, объ этомъ нигдѣ ничего не говорится.

Такое построение, называвшееся *quincunx*, мы можемъ наглядно представить себѣ слѣдующимъ образомъ:

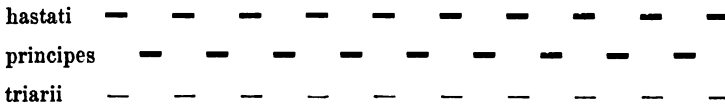

Рис. 516. Построение легіона манипулами.

Но и этотъ строй по манипуламъ въ концѣ 2 стол. до Р. Хр. (когда легіонъ былъ раздѣленъ на 10 когортъ по три манипула) былъ замѣненъ другимъ — по когортамъ, образовывавшимъ первоначально одинъ рядъ, впоследствии (такъ-же какъ и при построении манипулами) три ряда, такъ что въ первомъ ряду (*acies prima*) стояли четыре когорты, во второмъ и третьемъ (*ac. secunda, tertia*) по три. Построение это видно на рис. 517.

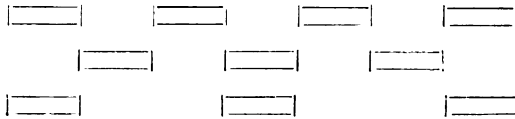

Рис. 517. Построение легіона когортами (*acies triplex*).

Во времена Кесаря уже не было различія (см. стр. 571) между названными тремя главными родами пѣхоты. Когорта, имѣвшая 500—600 человекъ, строилась фронтомъ въ 50—60, а глубиною въ 10 человекъ; длина пространства, занимаемаго ею, равнялась по словамъ Полибія (а такъ безъ сомнѣнія было и впоследствии), считающаго для каждаго тяжелооруженнаго солдата въ сомкнутомъ строю по 3, въ сраженіи же (гдѣ нужно болѣе мѣста для движенія щитомъ и мечемъ) по 6 футовъ, 180 и 360

футамъ, глубина же всегда 30 футамъ. Разстояніе одной когорты отъ другой и одного ряда когорты отъ другого равнялось длинѣ одной когорты, за исключеніемъ третьяго ряда, гдѣ когорты находились на большемъ разстояніи одна отъ другой. Конница при этомъ построеніи пѣхоты стояла на флангахъ боеваго строя или позади его.

Наступленіе начинала или конница, или легковооруженная пѣхота, иногда прямо первый рядъ строя. Если послѣдній не имѣлъ успѣха, то подходилъ второй рядъ и, пополнивъ промежутки между когортами перваго ряда, образовывалъ вмѣстѣ съ послѣдними одну сплошную линію, и бой возобновлялся; или же, когда угрожала опасность одному изъ боковъ перваго ряда, помощь направлялась туда. Если же наконецъ и это не помогало, то принималъ участіе въ бою третій рядъ, составлявшій собственно резервъ, занявшій между тѣмъ уже мѣсто втораго ряда и пропустившій назадъ первый рядъ. Если же и это не наноситъ непріятелю рѣшительнаго удара, вступаетъ въ дѣло конница (если только не была она уже прежде употреблена), или повторяется наступленіе первымъ рядомъ, который успѣлъ между тѣмъ отдохнуть, или составляется елинь; а когда и это не помогаетъ, происходитъ отступленіе, при чемъ боевой строй (*agmen quadratum*) дѣлаетъ поворотъ или прямо назадъ, имѣя въ центрѣ обозъ, а спереди и позади конницу, или въ бокъ, направо ли или налево, имѣя обозъ въ промежуткахъ между отдѣльными когортами (см. рис. 517.). Само собою разумѣется, что отступленіе столь широкимъ строемъ (ок. 470 футовъ) не всегда было возможно; еще рѣже можно было отступать четырехугольникомъ (*orbis*), требовавшимъ ровной и непересѣченной мѣстности, каковы были напр. Нумидія, Сирія. Послѣднее построеніе представляло большія выгоды тогда, когда приходилось имѣть дѣло съ непріятелемъ, располагавшимъ многочисленною конницею, какъ Нумидяне и Паряне.

Впрочемъ Кесарь (и послѣдующіе полководцы), кромѣ трехрядоваго строя, употреблялъ въ дѣло и двухрядовой и четырехрядовой строй. Двухрядовой (*acies duplex*) былъ въ употребленіи, когда нуженъ былъ длинный фронтъ (*Caes. B. G. III. 24—26*), въ особенности же, когда можно было поставить въ центрѣ вспомогательныя войска, или же, когда военачальникъ не нуждался въ послѣднемъ, напр. если онъ хотѣлъ быстро ударить на непріятеля и рѣшить сраженіе (при чемъ конечно резервныя войска были ему не нужны), какъ это сдѣлалъ напр. Кесарь при Дир-

рахи (В. С. III. 67). Строй въ четыре ряда употреблялся Кесаремъ въ тѣхъ случаяхъ, когда при ожесточенномъ бою во фронтѣ можно было ожидать нападенія въ боги и попытки окружить его; третій рядъ (первый резервный отрядъ, *cohortes subsidiariae*) служить въ этомъ случаѣ для рѣшенія наступательнаго боя, четвертый для защиты фланговъ; по этой причинѣ онъ и не стоитъ за третьимъ рядомъ, но рядомъ съ нимъ, то по одной, то по обѣимъ сторонамъ, и по своей численности слабѣе другихъ рядовъ. Примѣръ такого построения представляетъ фарсальская битва. Наконецъ въ одномъ строю одинъ флангъ можетъ имѣть болѣе рядовъ, чѣмъ другой, смотря по тому, гдѣ можно ожидать болѣе сильнаго нападенія.

Наступательный бой римской пѣхоты (Кесаря) начинался съ того, что она, занимая возвышенное мѣсто (склонъ холма, *locus superior*), ожидала непріятеля, стоявшаго въ равнинѣ, и, когда послѣдній приближался на 10—20 шаговъ, то, бросивъ копья и достигнувъ такимъ образомъ большей свободы движеній, вступала въ бой мечемъ. Въ другихъ случаяхъ когорты подступали сначала шагомъ (*signa inferre*), потомъ бѣгомъ (*concursum*) шаговъ на 10—20 на встрѣчу непріятелю; затѣмъ первый рядъ, бросивъ копья (*pilorum emissio*), обнажалъ мечи и бросался на непріятеля (*impetus gladiatorum*); тогда начинался по всему фронту бой мечемъ, а остальные ряды черезъ головы солдатъ перваго ряда бросали въ непріятеля копья. Когда первый рядъ уставалъ отъ боя, уступалъ мѣсто второму, который смѣнялъ его, и бой продолжался подобнымъ образомъ далѣе.

Относительно храбрости солдатъ мы замѣчаемъ между прежнимъ построениемъ манипулами и между построениемъ когортами, употреблявшимся Кесаремъ, ту разницу, что въ первомъ самыя храбрыя и самыя надежныя солдаты стояли въ третьихъ рядахъ, между тѣмъ какъ въ послѣднемъ, наоборотъ, отборныя когорты и самыя храбрыя офицеры занимаютъ первые ряды.

Императоры (начиная съ Августа) вводили все новыя и новыя тактическія измѣненія въ боевомъ строю, руководясь требованіями военной практики, такъ что наконецъ входили въ употребленіе даже древнія сомкнутыя фаланги.

98. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о походѣ и поговоримъ подробнѣе о лагеряхъ. Римское войско шло въ походѣ обыкновенно длинной колонной (*agmen*), которую составляли: передовой отрядъ (*primus agmen*, авангардъ), затѣмъ главное войско (*agmen*

legionum), за которымъ тянулся обозъ (impedimenta), и наконецъ задній отрядъ (agmen extremum, novissimum, аррьергардъ). Конница частію находилась въ челѣ, частію прикрывала обозъ. Если неприятель находился вблизи, то войско шло тремя колоннами за

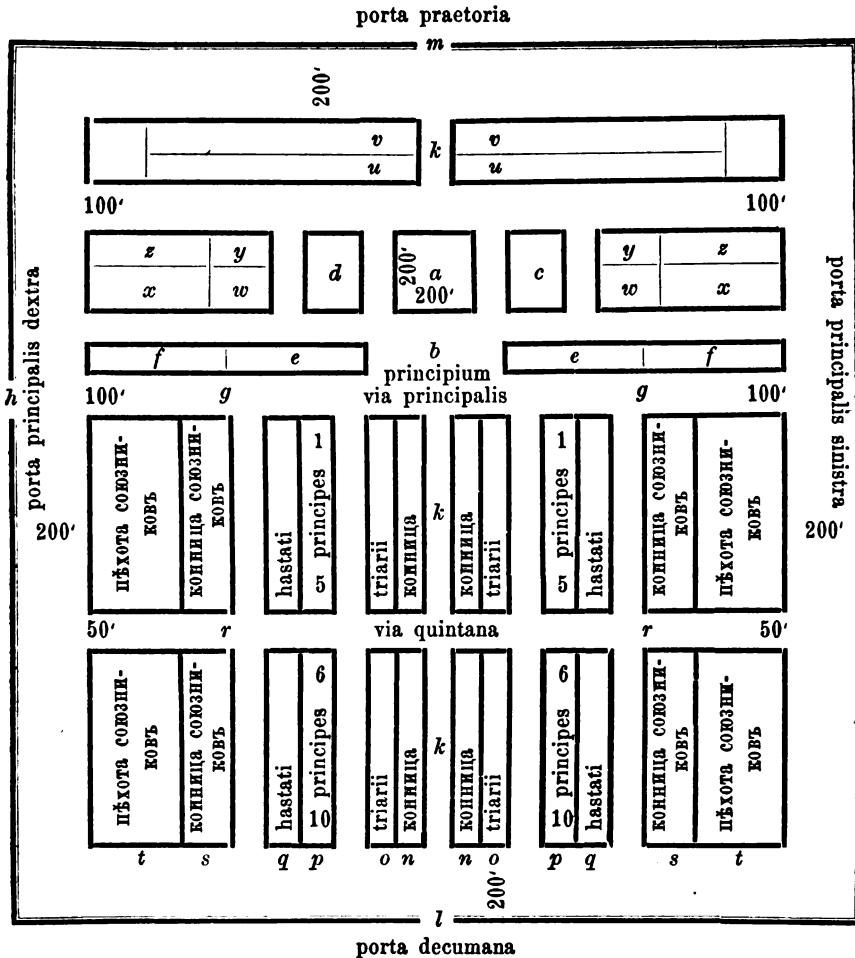

Рис. 518. Лагерь римскаго консульскаго войска, по описанію Полибія.

обозомъ и выходило изъ-за него впередъ только тогда, когда наступала битва и нужно было построиться въ боевой порядокъ. О томъ, въ какомъ порядкѣ происходило отступленіе, мы уже говорили выше, на стр. 581. Въ походѣ римскій солдатъ въ древнѣйшія времена (до Кесаря) кромѣ оружія носилъ нѣсколько па-

лисадниковыхъ кольевъ, лопату, топоръ, а въ короткихъ походахъ даже зерновой хлѣбъ на нѣсколько дней; большія тяжести, какъ-то: палатки съ необходимыми кольями и шестами, ручныя мельницы (такъ какъ солдаты должны были молотъ для себя хлѣбъ сами), а также багажъ офицеровъ перевозились на вьючныхъ животныхъ (*jumenta sarcinaria*), а въ императорскія времена и на телѣгахъ. Войско проходило въ день обыкновенно 20.000 шаговъ, т. е. 4 географ. мили. Находясь въ походѣ, оно никогда не ночевало иначе, какъ устройвъ прежде лагерь (*castra*, поздн. *mansio*); а если нужно было оставаться въ какомъ нибудь мѣстѣ болѣе продолжительное время, устраивался постоянный лагерь (*c. stativa*), болѣе удобный и безопасный, называвшійся по своему устройству или лѣтнимъ (*c. aestiva*), или зимнимъ (*c. hiberna*). Самою главною задачею полководца было прискаты удобное для лагеря мѣсто. Съ этою цѣлью онъ отправлялъ трибуна съ отрядомъ войска впередъ осмотрѣть страну. Отыскавъ мѣстность, пригодную для лагеря, какъ напр. склонъ какого нибудь холма, имѣющій воду, топливо и пищу для скота, трибунъ сообщалъ объ этомъ полководцу, и затѣмъ по рѣшенію военачальника разбивали въ такомъ мѣстѣ лагерь. Объ устройствѣ лагеря мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія изъ Полибія (VI. 27—32), описавшаго лагерь консульской арміи (изъ двухъ легионовъ съ надлежащимъ числомъ союзниковъ) во время 2й пунической войны; другое описаніе устройства лагеря, относящагося ко временамъ Траяна, принадлежитъ Гигину. Изъ этихъ описаній видно, что устройство самаго лагеря не измѣнялось, а измѣнялось лишь расположеніе въ немъ войска; поэтому мы представимъ здѣсь описаніе римскаго лагеря по Полибію, а ниже прибавимъ нѣсколько словъ объ измѣненіяхъ, которымъ онъ подвергся во времена имперіи.

Въ древнія времена мѣсто, избранное для лагеря, которое должно было быть священнымъ, измѣрялось авгуромъ; впослѣдствіи авгура замѣнилъ особый мѣрильщикъ (*mētator*, *agrimensor*, *castra metari*) вмѣстѣ съ своими помощниками. Форма лагеря былъ квадратъ, впослѣдствіи (по Гигину) продолговатый четырехугольникъ, длина котораго была одною третью больше ширины. Прежде всего отмѣчалось мѣсто для палатки военачальника (*praetorium*, такъ какъ консулы первоначально назывались *praetores*); оно представляло квадратъ со сторонами въ длину 200 футовъ (рис. 518. а). Передъ нимъ оставлялось свободное мѣсто, носившее названіе *principiū* (b); здѣсь стояли жертвенники, ораторская каеэдра

(tribunal) военачальника и военныя знамена; здѣсь же происходилъ судъ и, въ случаѣ надобности, собиралось войско. Направо отъ преторія находилась палатка квестора (quaestorium, c), налѣво палатка обоихъ легатовъ (forum, d). По обѣимъ сторонамъ принципія отводились мѣста для палатокъ 12 трибуновъ (которыхъ въ каждомъ легионѣ было шесть, e e) и для столькихъ-же начальниковъ союзныхъ войскъ (praefecti, f f). Передъ этими палатками проходила чрезъ лагерь улица шириною въ 100 футовъ (via principalis, g g, потому что при ней находились палатки начальниковъ, principes, называвшіяся principia); она оканчивалась съ обѣихъ сторонъ воротами (portae principales), изъ которыхъ однѣ назывались правыми (porta princ. dextra, h), другія лѣвыми (porta princ. sinistra, i). Другая улица, которая была на половину уже первой и пересѣкала ее, шла отъ заднихъ воротъ (porta decumana, l) ¹⁾ мимо преторія къ переднимъ воротамъ (porta praetoria, m) и называлась via praetoria (k k k). Задними воротами войско входило въ лагерь и здѣсь въ обычномъ порядкѣ располагалось на мѣстахъ, обозначенныхъ шестью или коньями, и разбивало палатки, начиная отъ преторія и офицерскихъ палатокъ.

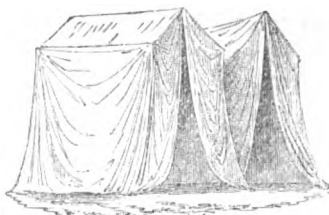

Рис. 519. Римскія палатки (tabernacula), по барельефу на колоннѣ Антонина.

По обѣимъ сторонамъ преторской дороги занимала мѣста конница, а возлѣ нея triarii; противъ послѣднихъ на нѣкоторомъ разстояніи располагались principes, а возлѣ этихъ hastati. На обѣихъ флангахъ стояла конница и пѣхота союзниковъ. Промежутки между отдѣльными рядами палатокъ (равно какъ и сами эти ряды) назывались strigae. Одна центурія помѣщалась въ 10 (манипуль въ 20) палаткахъ (tabernaculum); изъ нихъ каждая занимала пространство шириною въ 10, а длиною въ 24 фута, и дѣлилась на двѣ части, изъ которыхъ одна служила жилищемъ и мѣстомъ ночлега для 10 солдатъ (contubernium, но изъ нихъ 2 всегда стояли на караулѣ), а другая, ббльшая, мѣстомъ склада для оружія, провіанта, багажа и для упряж-

¹⁾ Полибій называетъ эту сторону фронтомъ (μέτωπον), не смотря на то, что она обращена отъ непріятели; причина этого по всей вѣроятности та, что въ эту сторону и обращался авгуръ, когда опредѣлялъ мѣсто для лагеря.

наго скота, принадлежащаго декуріи. Остовъ палатокъ былъ деревянный, съ двускатною дощатою крышею и обтягивался грубымъ полотномъ или кожами (*pellis*, отсюда: *sub pellibus durare*). Рис. 519. представляетъ намъ двѣ римскія палатки, хотя изъ временъ болѣе позднихъ. Но въ суровомъ сѣверномъ климатѣ такія палатки не доставляли зимою достаточной охраны, и вмѣсто нихъ приходилось строить хижины крытыя соломой (*casae stramineae*). Палатки преторіанцевъ и всадниковъ были болѣе большихъ размѣровъ.

На противоположной сторонѣ преторіи предъ преторскими воротами располагались отборная пѣхота (*pedites extraordinarii*, *vv*) и конница (*equites extraordinarii*, *u u*, *coh. extraordinariae*); по обѣимъ же сторонамъ стояли составлявшіе свиту полководца отряды союзнической пѣхоты и конницы (*ἀπόλεκτοι*, *delecti*, Liv. XLII. 58, *x*, *w*); въ тѣхъ-же мѣстахъ находились добровольцы изъ отслужившихъ свой срокъ конныхъ (*y*) и пѣшихъ (*z*) солдатъ (*evocati*, см. стр. 571).

Палатки отстояли отъ вала на 200 футовъ. Окопы, которые, смотря по обстоятельствамъ, были различны ¹⁾, производило войско такимъ образомъ, что въ одно время были заняты легіонные солдаты укрѣпленіемъ передней и задней сторонъ, а союзники укрѣпленіемъ обѣихъ боковыхъ. Когда лагерь устраивался на болѣе продолжительное время и можно было ожидать нападеній со стороны непріятеля, ровъ (*fossa*) дѣлался глубже и шире (отъ 9 до 19 футовъ) со стѣнами покатыми (*fastigata*) или отвѣсными (*latera directa*), а насыпь (*agger*) выше и шире (до 13 и до 12 футовъ); затѣмъ на насыпи устраивался палисадъ (*valli*) изъ частокола и плетней (*loricae ex stratibus textae*) въ видѣ защиты (*pluteus*, *lorica*) насыпи отъ непріятельскихъ стрѣлъ. Наконецъ, если насыпь была довольно широка, на ней устраивались въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой деревянныя башни, чтобы легче можно было отражать атаки непріятеля; иногда эти башни были на столько близки одна къ другой, что можно было соединить ихъ посредствомъ мостовъ (*Caes. B. G. VIII. 9*).

Легковооруженные (*velites*, пока они находились при римскомъ войскѣ) располагались близъ окоповъ и ночью у воротъ, составляя стражу (*procubitores*). Обозъ, къ которому принадле-

¹⁾ Стѣны ихъ были чаще всего покатыя (*fossa fastigata*); иногда одна стѣна была покатая, а другая отвѣсная (*f. punica*), или же обѣ отвѣсныя (*fossa lateribus directis*).

жали также конюхи (*agasones*) всадниковъ и высшихъ офицеровъ и вся остальная лагерная прислуга (*salones*), помѣщался отчасти между палатками трибуновъ, квестора, легатовъ и стражи, отчасти также, въ особенности повозки, между стѣнами лагерьа. Маркитанты (*lixae, mercatores*) имѣли свои мѣста предъ задними воротами (*p. decumana*).

Времени для устройства лагерьа, какъ можно предполагать, требовалось отъ 3 до 5 часовъ.

Устройство лагерьа въ существенномъ оставалось то-же и въ позднѣйшія времена; видоизмѣнилось лишь внутреннее расположение войска. Именно, когда исчезло различіе въ вооруженіи и

Рис. 520. Остатки отъ укрѣпленнаго римскаго лагерьа въ долилѣ рѣки Тимока въ Сербіи.

всѣ части легіона были одинаково сильны (за исключеніемъ первой когорты, которая имѣла вдвое болѣе людей), то и мѣста ихъ въ лагерьѣ были одинаково просторны; къ тому же легіонное войско въ императорскія времена располагалось не въ срединѣ лагерьа, а по возможности близко къ окопамъ, будучи отдѣлено отъ остальнаго лагерьа четырьмя, со сторонами лагерьа параллельными улицами (*viae sagulares*), тогда какъ многочисленныя вспомогательныя войска (*auxilia*) изъ варваровъ (прежніе легіоны союзниковъ, *socii*, съ тѣхъ поръ, какъ вся Италія получила права гражданства, сдѣлались римскимъ легіонамъ равными и при Августѣ слились съ ними вмѣстѣ) для безопасности помѣщались внутри лагерьа. — Въ центрѣ лагерьа, между улицами *principalis* и *quintana*, а не, какъ прежде, вблизи преторскихъ воротъ, стояло роскошнѣйшее и болѣе, чѣмъ во времена республики, *praetorium*; рядомъ съ нимъ

стояли съ одной стороны палатки императорской свиты (*comites imperatoris*), съ другой — палатки чиновниковъ (*officiales imperatoris*); далѣе съ обѣихъ сторонъ помѣщалась конная и пѣшая императорская гвардія (*cohortes praetoriae, equites praetoriani*). Предъ преторіемъ простиралась передняя площадь (*forum* и *grota*), на которой находилось и происходило то-же, что на презнемъ *principium*; позади преторія была другая площадь, служившая рынкомъ, а далѣе за преторіемъ, предъ самыми задними воротами (*porta decumana*), находилось *quaestorium*; отсюда и ворота назывались *p. quaestoria*. Въ квесторской палаткѣ имѣли мѣстопробываніе чужіе посланники и заложники; тамъ-же хранилась и военная добыча. По обѣимъ сторонамъ принципій (*principia*) располагались палатки легатовъ и трибуновъ двумя рядами (*scamnum*); затѣмъ кромѣ нѣкоторыхъ военныхъ отрядовъ палатки ремесленниковъ (служившія вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ склада для оружія и прочихъ военныхъ принадлежностей, *fabri*), военный госпиталь (*valetudinarium*, *Caes. B. G. VI. 36*) и мѣсто для леченія больного скота (*veterinarium*). Лагерь дѣлился на три части, которыя носили названія: *praetentura*, передняя часть отъ преторскихъ воротъ до главной улицы; *latera praetorii*, средняя часть по обѣимъ сторонамъ главнаго стана между улицами *principalis* и *quintana*; *retentura*, задняя часть отъ улицы *quintana* до заднихъ воротъ (*p. decumana*). Если лагерь былъ обширный, то дѣлались ворота также по направленію улицы *quintana*.

Если лагерь долженъ былъ служить мѣстопробываніемъ для постоянного гарнизона, то стѣны и башни строились изъ камня, притомъ часто двойныя. Такіе лагери устраивались на границахъ Германіи, именно на Рейнѣ, на границахъ Испаніи и т. д., а такъ какъ по причинѣ торговли поселялись подлѣ нихъ и другіе жители, то они съ теченіемъ времени обратились въ значительные города. Во времена позднѣйшихъ императоровъ стали возникать такія военныя колоніи также на востокѣ въ Мизіи (нын. Сербія и дунайская Болгарія) и Даціи (Трансильванія и Валахія). Въ долинѣ рѣки Тимока (*Timachus, Timacus*) въ восточной Сербіи сохранились до сихъ поръ остатки укрѣпленнаго римскаго лагеря (рис. 520.). Онъ представляетъ собою неправильный квадратъ, короткія стороны котораго имѣютъ въ длину 460 и 427, а долгія 597 и 594 метра. По угламъ внѣшнихъ стѣнъ стоятъ большія круглыя башни съ діаметромъ въ 56 метровъ и со стѣнами въ 7 метровъ толщины; кромѣ нихъ въ нѣкоторомъ разстояніи поды-

маются меньшія башни по всеѣмъ сторонамъ стѣнъ. Внутри на разстояніи 33 метровъ отъ внѣшнихъ стѣнъ простирается подобный же, стѣнами и башнями укрѣпленный квадратъ, по срединѣ котораго находятся развалины огромнаго зданія на пространствѣ 25 × 40 метровъ.

Служба и жизнь въ лагерѣ. Самую важную часть лагерной службы составляли караулы. Во времена Полибія въ описанномъ имъ лагерѣ эту службу исполняли главнымъ образомъ *hastati* и *principes*, изъ коихъ двѣ центуріи постоянно стояли на стражѣ у преторія; остальные же 18 центурій исполняли эту службу у палатокъ трибуновъ, по 3 для каждаго трибуна (трибуновъ въ каждомъ легіонѣ было 6). Трибунскіе караулы состояли изъ 8 человекъ (изъ нихъ 4 стояли предъ палаткою и 4 позади, около конюшни); такимъ образомъ каждый день и каждую ночь (одна смѣна продолжалась тогда 12 часовъ) стояло на караулѣ 96 человекъ и очередь каждой изъ трехъ центурій (которыя имѣли кромѣ велитовъ и триаріевъ еще болѣе 100 человекъ) приходилась только въ четвертый день (Polyb. VI. 33). Центуріи триаріевъ доставляли стражу къ каждой сосѣдней турмѣ конницы (см. рис. 518), главнымъ образомъ для того, чтобы лошади не получили вреда и, порвавъ ремни, не произвели внезапнаго безпорядка и замѣшательства; кромѣ того ежедневно стояла на стражѣ около преторія одна центурія триаріевъ (тамъ-же). Передъ лагеремъ, именно передъ воротами были на стражѣ легковооруженные. Смѣны стражи происходили одновременно по знаку, данному трубою; послѣ чего офицеры и трибуны, иногда также военачальники сами ходили дозоромъ. Еще во времена Полибія стражи смѣнялись только одинъ разъ; позднѣе дневная стража смѣнялась 2, а ночная 4 раза (*vigilia prima, secunda* и т. д.).

По утру являлись трибуны (и легаты) къ главному полководцу и получали отъ него дневные приказы; отъ нихъ узнавали приказъ центуріоны, а отъ послѣднихъ декуріоны. Къ вечеру военачальникъ назначалъ пароль, который писался на дощечкѣ и назывался *tessera* (только при императорахъ онъ давался устно, *signum*); паролемъ служило обыкновенно имя какого нибудь бога, какъ: *Hercules, Venus, Apollo*, или другое знаменательное слово, какъ: *victoria, palma, triumphus, virtus* и т. п. Кромѣ карауловъ много времени занимали и военныя упражненія; наконецъ простой солдатъ долженъ былъ исполнять еще много служебныхъ работъ, какъ-то: носить воду, дрова, готовить кушанья, ходить за лошадьми,

смотрѣть за упряжью, убирать палатки, чистить оружіе, починять одежду и т. п. Поэтому и случалось, что воины, чтобы избавиться отъ подобныхъ тягостныхъ послугъ, спѣшили подкупить офицеровъ и получали отпускъ, такъ что обыкновенно четвертая часть солдатъ (если только это дозволяли обстоятельства) находилась внѣ лагеря, или же, оставаясь въ лагерѣ, въ ущербъ другимъ была свободна отъ работъ по службѣ. Многіе центуріоны злоупотребляли этимъ правомъ и вымогали отъ солдатъ взятки. При императорѣ Отонѣ эти беспорядки были прекращены, и центуріоны съ тѣхъ поръ получали годовую прибавку изъ государственной казны.

Во времена императоровъ войско употреблялось иногда и для построекъ крѣпостей, дорогъ, водопроводовъ, мостовъ, гаваней и другихъ государственныхъ работъ.

99. Въ древнѣйшія времена, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, войско, какъ состоявшее изъ однихъ лишь зажиточныхъ гражданъ, не получало отъ общины никакого жалованья, за исключеніемъ нѣкотораго вознагражденія, дававшегося иногда изъ военной добычи. Только въ 406 г. до Р. Хр., во время веентской войны, впервые упоминается о выдачѣ жалованья (*stipendium*) солдатамъ; но это жалованье выдавалось сразу за весь походъ, такъ что, если походъ продолжался полгода или менѣе, то жалованье выдавалось за полгода; если же походъ продолжался долѣе, цѣлый годъ, то жалованье выдавалось годовое (*stipendium semestre, stipendium annuum*). Годовое жалованье составляло первоначально 200 тяжелыхъ ассовъ (см. стр. 390), позднѣе, когда цѣнность мѣдной монеты понизилась (см. стр. 391), 1200 ассовъ (равныхъ по своей цѣнности прежней суммѣ); объ этомъ свидѣтельствуетъ Полибій, говоря, что жалованье солдата за одинъ день составляетъ 2 обола = $3\frac{1}{2}$ асса (ок. 8 коп., по древней цѣнности), жалованье центуріона 4 обола (16 коп.), а всадника одну драхму (6 оболовъ, 24 коп.). Изъ этихъ денегъ государство вычитало все, что оно издерживало на содержаніе, одежду и оружіе. Союзники, которымъ римская община не платила жалованья, получали отъ нея все нужное бесплатно. Для пропитанія пѣшіхъ солдатъ получали (по Полибію) не болѣе $\frac{2}{3}$ аттического медимна, т. е. 4 модія (см. стр. 397) пшеницы на мѣсяць, конный солдатъ 12 модіевъ пшеницы (такъ какъ онъ долженъ былъ кормить также слугу) и 42 модія ячменя (для лошади). Изъ союзниковъ пѣшіе получали

столько-же, что и легионные солдаты, всадники 8 модіевъ пшеницы и 30 модіевъ ячменя.

Послѣ междоусобныхъ войнъ жалованье солдатъ значительно увеличилось. При Кесарѣ оно составляло 225 денаріевъ (или 3.600 ассовъ, такъ какъ ассъ равнялся 16 унціальнымъ ассамъ; на наши деньги 48 р. 80 коп.) и выдавалось въ три четырехмѣсячные срока (*stipendia*), каждый разъ по 75 денаріевъ. Изъ этого дѣлался вычетъ (около 36 денаріевъ) на хлѣбъ (ежемесячно 4 модія пшеницы, модій по $\frac{3}{4}$ ден.), на одежду и оружіе; но этотъ вычетъ хорошо покрывался подарками изъ добычи и денежными наградами, даваемыми полководцемъ. О жалованьи офицерскомъ во времена Кесаря мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній; кажется однако, что жалованье центуріоновъ было вдвое, а трибуновъ четверо больше, нежели простаго солдата.

При Августѣ и Тиберіи жалованье солдатъ осталось то-же самое (10 ассовъ въ день), не смотря на то, что солдаты домогались возвышенія его на 1 денарій, т. е. 16 ассовъ (ср. *Tac. Ann.* I. 17 и 16); такъ было и при слѣдующихъ императорахъ, только Домиціанъ увеличилъ его на цѣлую треть (на 3 „золотыхъ“, по Светонію, *Dom.* 7, т. е. на 75 денаріевъ, см. стр. 394). Съ тѣхъ поръ не происходило никакой перемѣны. Солдаты императорской гвардіи получали въ годъ по 720 денаріевъ, слѣд. по 2 ден. въ день. Городской гарнизонъ (*cohortes urbanae*) также получалъ ббльшее жалованье, чѣмъ легионное войско, по 1 денарію въ день. Объ офицерскомъ жалованьи и въ это время мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній; тѣмъ не менѣе кажется, что и въ этихъ родахъ войска центуріонъ получалъ вдвое больше, а трибунъ четверо больше простаго солдата. При 30 легионахъ регулярнаго войска во времена имперіи жалованье однихъ лишь простыхъ солдатъ составляло, по вычисленію Марквардта, болѣе 46 милліоновъ денаріевъ въ годъ.

Для пропитанія и въ императорскія времена давалась солдату опредѣленная мѣра пшеницы, но также (при позднѣйшихъ императорахъ) уже готовый хлѣбъ или сухари (*buccellatum*), жиръ (*laridum*), соль, сыръ, уксусъ (который пили, смѣшивая его съ водою, *posca*), масло, а также вино. Всѣ эти съѣстные припасы и напитки доставляли провинціи, въ которыхъ легионы стояли гарнизонамъ.

Санитарная часть, о которой должно сказать здѣсь нѣсколько словъ, не стояла въ древности на высокой ступени совершенства,

какъ можно судить уже по тому, что сказано выше (на стр. 360) о врачебномъ искусствѣ. Во времена императоровъ когорты преторианцевъ и полицейской стражи имѣли по одному врачу; что касается до остальнаго войска, то одинъ врачъ едва приходился на цѣлый легионъ. Правда, каждый врачъ имѣлъ къ услугамъ рабовъ и вольноотпущенниковъ, которые были иногда знакомы съ начатками врачебнаго искусства (перевязкой ранъ и т. п.); но все это было недостаточно. Точно такъ-же не удовлетворяли санитарнымъ потребностямъ и военные госпитали (*valetudinarium*), такъ какъ они были весьма немногочисленны.

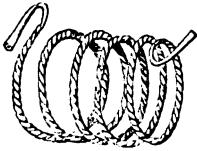

Рис. 522. Наручень (*armilla*), по бронзовому оригиналу.

Рис. 521. Побѣдный памятникъ (*troracum*), по рим. монетѣ изъ императорскихъ временъ.

Рис. 523. Нашейникъ (*torquis*), по бронзовому оригиналу.

100. Остается сказать о дисциплинѣ, наказаніяхъ и наградахъ. За дисциплиною наблюдали трибуны и центурионы, между союзническими войсками — префекты. Полибий упоминаетъ о проступкахъ, которые наказывались смертию; это были: оставленіе караульнаго поста или неявка въ карауль (въ особенности въ ночное время), воровство, ложное свидѣтельство противъ товарища, трусость или бѣгство предъ непріателемъ и оставленіе оружія, или повтореніе проступка солдатомъ послѣ того, какъ онъ уже былъ наказанъ за тотъ-же проступокъ 4 раза. Обыкновенною смертною казнью въ то время было убіеніе палками (*ξυλοκοπία*, *fustuarium supplicium*). Трибунъ дотрогивался палкою до провинившагося, а остальные солдаты били его палками (иногда и камнями), пока тотъ не умиралъ. Но если бы онъ по какому либо случаю и избѣжалъ смерти, ему нельзя было жить въ средѣ римскихъ гражданъ, такъ

какъ онъ считался опальнымъ, и никто не смѣлъ давать ему пищи и принимать въ свой домъ. Проступки цѣлыхъ манипуловъ и даже легионовъ наказывались такимъ образомъ, что смертной казни палками подвергался каждый десятый, избираемый изъ всего числа отряда по жребію (Liv. II. 59); остальные же солдаты въ теченіе опредѣленнаго времени не смѣли жить внутри лагеря, но могли жить только внѣ его предъ окопами, и не получали (подобно остальнымъ) въ паекъ пшеницы, а получали ячмень. За менѣе значительные проступки наказывалъ центуріонъ палкою, или солдатъ лишался части жалованья, или же перемѣщался въ другой отрядъ (офицеръ понижался чиномъ). Право надъ жизнью и смер-

Рис. 524. Римскій центуріонъ, украшенный почетными военными знаками отличія, по барельефу на надгробномъ памятникѣ.

Рис. 526. Рожки (corniculi) на шлемахъ, какъ знакъ отличія на войнѣ.

Рис. 525. Римскій центуріонъ, украшенный эалерами, по барельефу на надгр. памятникѣ.

тью принадлежало во время войны главному военачальнику, въ провинціяхъ намѣстникамъ (въ рукахъ которыхъ находилось какъ гражданское, такъ и военное управленіе). При императорахъ высшую власть въ уголовныхъ дѣлахъ имѣлъ въ Римѣ praefectus praetorio, а въ провинціяхъ намѣстники по непосредственному распоряженію императора. Уголовный судъ надъ офицерами принадлежалъ только императорамъ.

Награды, дававшіяся (обыкновенно 1 марта) заслуженнымъ солдатамъ, состояли въ поземельныхъ участкахъ или въ деньгахъ. Со временъ Августа денежная награда отслужившаго преторіанца составляла сумму въ 20, рядоваго солдата — въ 12 тысячъ сестерціевъ, при Калигулѣ только половину, но въ концѣ 2 стол. опять прежнюю сумму. Ветеранамъ вспомогательныхъ войскъ удѣлялось право гражданства со всѣми соединенными съ нимъ выгодами;

дипломъ этотъ вырѣзывался на мѣдной дощечкѣ, которая затѣмъ хранилась на Капитоліи. Полководцамъ ставили на Капитоліи побѣдные памятники (trophaea, τρόφαια)¹⁾, которые дѣлались не только изъ непріятельскаго оружія, какъ это было первоначально, но также изъ мрамора и мѣди. Въ особенности украшались такими искусственными знаками обѣ стороны главнаго прохода триумфальныхъ арокъ. Видъ трофея, повидимому парезанскаго, представляетъ намъ рис. 521. Другая награда, которую получалъ военачальникъ, былъ триумфъ; но о немъ будетъ рѣчь впереди. Награды, даваемыя солдатамъ во время военной службы и за отличные подвиги храбрости, были: часть военной добычи (напр. взятаго въ плѣнъ скота),

Рис. 528. Лошадь, украшенная фалерами, по изображенію на глиняной вазѣ.

Рис. 527. Всадническое украшеніе, фалеры (phalerae), по ант. оригиналу.

Рис. 529. Триумфальный вѣнокъ (corona triumphalis), по изображенію на рѣзномъ камнѣ.

похвала, произнесенная полководцемъ въ присутствіи всего войска, бблшій окладъ жалованья или удвоеніе его, именно хлѣба (duplarii, duplicarii; Liv. II. 59 и VII. 37), высшій чинъ, наконецъ особыя знаки отличія, какъ-то: древко (можетъ быть искусно сдѣланное) безъ острія (hasta pura), одноцвѣтныя и двудвѣтныя маленькія знамена (vexillum) на серебряныхъ палочкахъ. Въ концѣ республики и во время имперіи награды чаще всего походили на наши медали и ордена, которыя солдаты могли носить лишь при

¹⁾ Мѣсто, гдѣ непріатели были обращены въ бѣгство, Греки означали памятникомъ этого бѣгства (τρόφαιον), ставя сверху на кучѣ слесенныхъ камней столбъ (τρ. στῆλαι) и вѣшая на него (иногда просто на стволъ какого нибудь дерева) взятое въ плѣнъ непріятельское оружіе. Римляне, подражая этому греческому обычаю, ставили взятые въ плѣнъ доспѣхи обыкновенно на Капитоліи. Говорятъ, что первый, кто это сдѣлалъ, былъ Gn. Domitius Ahenobarbus въ 121 г.

болѣ торжественныхъ случаяхъ; таковы были: золотые и серебряные наручи (*armillae*, рис. 522.), бронзовые и золотыя шейныя кольца (*torques*, рис. 523.), которыя, однако, римскими солдатами не носились на шеѣ, какъ напр. Галлами, Пароянами и др., но вмѣстѣ съ золотыми и серебряными медаліонами (*phalerae*), украшенными изображеніями императоровъ и т. д., вѣшались сверху надъ панциремъ на грудь, какъ это видно изъ рис. 524. и 525. На этихъ же рисункахъ мы видимъ кромѣ того ленты (*lemniscus*, *λημνίσκος*), которыми украшены волосы на затылкѣ; онѣ по греческому обычаю прикрѣплялись для украшенія къ побѣднымъ подаркамъ и наградамъ и къ вѣнкамъ, иногда же давались

Рис. 530. Гражданскій вѣнокъ, по помпейской картинѣ.

Рис. 532. Корабельный вѣнокъ, по бронзовымъ монетамъ.

Рис. 531. Стѣнной вѣнокъ, по аят. бабельскому.

и сами по себѣ. Какъ знакъ отличія упоминаются иногда также такъ наз. серебряные рожки (*corniculum*), которые прикрѣплялись къ шлемамъ. Такіе шлемы изображены, кажется, на рис. 526.; см. въ особ. шлемъ направо, сдѣланный по помпейской картинѣ. Всадникамъ давались по Полибію (VI. 39) дорогія фалеры (бляхи) (рис. 527.), которыми они украшали голову либо шею коня (рис. 528.), или привѣшивали ихъ на подпругный ремень, какъ видно изъ рисунковъ 510. и 511., помѣщенныхъ выше на стр. 574.

Самую высшую наградою служили вѣнки (*coronae*). Первое мѣсто между ними занималъ такъ наз. триумфальный вѣнокъ (*corona triumphalis*), которымъ побѣдоносный полководецъ украшался при триумфѣ, а впоследствии и при другихъ празднествахъ, какъ напр. въ театрѣ, въ циркѣ. Со временъ Кесаря этотъ вѣнокъ сдѣлался знакомъ отличія императоровъ вообще. Онъ сплетался изъ лавровыхъ вѣтвей безъ ягодъ, скрѣплялся и украшался на затылкѣ лентами (рис. 529.). Отъ него отличался такой-же формы вѣнокъ, сдѣланный изъ золота, который, по причинѣ его тяжести (*Juven. X. 41*), держало надъ головою побѣдителя другое лицо,

какъ видно изъ ниже помѣщеннаго рис. 543., гдѣ художникъ вмѣсто этого служителя представилъ крылатую Викторію. Случалось также, что благодарные города и провинціи по причинѣ побѣды присылали побѣдоноснымъ предводителямъ золотые вѣнки (*coronae provinciales*), которые они оставляли въ капитолійскомъ храмѣ. Триумфальному вѣнку уступалъ миртовый вѣнокъ (*corona myrtea, ovalis*), который давался военачальнику, получившему только овацію,

Рис. 533. Вѣнокъ, украшенный лентою (*lemniscus, taenia*), по картинѣ въ гробницѣ (пирамидѣ) Цестія.

а не триумфъ. Такое-же значеніе, какъ триумфальный, имѣлъ осадный вѣнокъ (*corona obsidionalis*), который въ знакъ благодарности осажденное непріателемъ войско давало тому военачальнику, который пришелъ ему на помощь и освободилъ его; такъ какъ этотъ вѣнокъ свивался изъ травы и цвѣтовъ, находившихся на мѣстѣ подъ рукою, то онъ назывался также травянымъ (*corona graminea*).

Вѣнки, даваемые офицерамъ и даже простымъ солдатамъ, были слѣ-

дующіе: гражданскій вѣнокъ (*corona civica*) изъ дубовыхъ листьевъ съ желудями, который получалъ солдатъ отъ товарища, спасеннаго имъ въ битвѣ (въ позднѣйшія времена вручалъ его самъ императоръ); рис. 530., сдѣланный по помпѣйской картинѣ, представляетъ молодого воина съ этимъ вѣнкомъ на головѣ. Стѣнной вѣнокъ (*corona muralis*), дававшійся тому, кто первый взлѣзал на стѣну непріятельскаго города, дѣлался изъ золота и имѣлъ подобіе стѣнъ, какъ видно изъ рис. 531., представляющаго богиню Кибелу, какъ охранительницу городовъ. Лагерный вѣнокъ (*corona castrensis, vallaris*), сдѣланный тоже изъ золота на подобіе палисады (*valli*), получалъ тотъ, кто первый взшелъ на валъ непріятельскаго лагеря. Корабельный вѣнокъ (*corona rostrata, navalis, classica*) состоялъ изъ толстыхъ золотыхъ шиповъ, представлявшихъ клювы кораблей (*rostra*, ср. рис. 365.). Имъ награждались предводители флота, которые уничтожили непріятельскій флотъ, а можетъ быть также тѣ изъ воиновъ, кто взлѣзалъ прежде всѣхъ на непріятельскій корабль. Рис. 532. представляетъ намъ этотъ вѣнокъ по бронзовой монетѣ, носящей изображеніе предводителя Августова флота — Агриппы.

Какъ уже выше сказано, вѣнки украшались также лентами

(Iemnisci); такіе вѣнки считались почетнѣе. Эти ленты были первоначально мочальныя; позднѣе онѣ дѣлались изъ разноцвѣтной шерсти, а наконецъ даже изъ тонкихъ пластинокъ золота и серебра. Рис. 533. представляетъ богиню побѣды, держащую въ правой рукѣ вѣнокъ, украшенный лентами (corona Iemniscata), а въ лѣвой одну лишь ленту.

101. Во времена республики почести тріумфа удостоивались за величайшія воинскія заслуги, и при томъ только самыя

Рис. 534. Трубачи и воины, несущіе военную добычу, по Константиновой (а) и Траяновой (b) тріумфальной аркѣ.

важные сановники, какъ диктаторы, консулы и преторы, если они подъ своимъ предводительствомъ (ductu et auspiciis suis) одерживали рѣшительную побѣду въ назначенной имъ сенатомъ области и расширяли границы государства.

Побѣдоносный полководецъ обыкновенно подавалъ сенату просьбу о тріумфѣ и долженъ былъ съ войскомъ ожидать предъ воротами столицы, пока сенатъ, собравшись въ одномъ изъ храмовъ (обычн. въ храмѣ Беллоны), постановлялъ свое рѣшеніе. Въ древнія времена, говорятъ, спрашивали и мнѣніе войска. Если оказывалось, что полководецъ почему нибудь не заслуживалъ тріумфа, то ему или совсѣмъ отказывали въ этой чести или назначали ее въ менѣе торжественной формѣ, т. наз. „ovatio“. Въ такомъ случаѣ полководецъ могъ перенести дѣло на рѣшеніе народа, который и подвергалъ его новому обсужденію въ комиціяхъ по трибамъ. Здѣсь же, въ этихъ трибутныхъ комиціяхъ, народъ могъ и отмѣнить уже дозволенный сенатомъ тріумфъ.

Въ случаѣ благопріятнаго исхода дѣла сенатъ давалъ полководцу на все время тріумфа (который иногда продолжался нѣсколько дней) верховную власть въ стѣнахъ города, и слѣд. право съ вооруженнымъ войскомъ вступить въ столицу. Это постановленіе народъ утверждалъ въ комиціяхъ по центуріямъ.

Торжественное шествіе устраивалось на Марсовомъ полѣ предъ тріумфальными воротами (*porta triumphalis*), около Помпеева театра. Здѣсь полководца, который до сихъ поръ не осмѣливался вступить въ городъ, встрѣчали высшіе сановники государства и весь сенатъ. Потомъ шествіе направлялось въ городъ. Во главѣ находились сановники (предъ ними шли дикторы для наблюденія

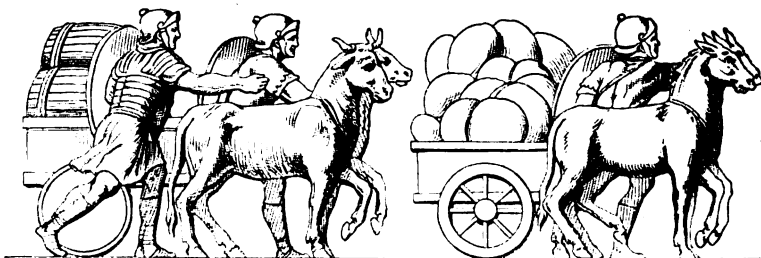

Рис. 535. Воины, везущіе военную добычу, съ тріумфальной арки Септімія Севера.

за порядкомъ), сенаторы и важнѣйшіе граждане съ масличными вѣнками на головахъ и въ торжественныхъ одеждахъ; за ними шли трубачи (*tubicines et cornicines*), а тамъ ужъ тянулся необозримый рядъ повозокъ и носилокъ съ военной добычей (рис. 534. и 535.). Какова бывала эта добыча, мы можемъ узнать изъ слѣдующихъ извѣстій, сообщаемыхъ Ливіемъ (XXXIV. 52) относительно тріумфа Фламинія, послѣ войны въ Македоніи и Греціи, въ 194 г. Въ первый день несли оружіе, а также мѣдныя и мраморныя статуи; на второй золото и серебро въ слиткахъ, въ издѣліяхъ и въ монетѣ. Серебра въ слиткахъ было 18.000 фунтовъ и 270 ф. въ издѣліяхъ (вазахъ дорогой художественной работы); кромѣ того 10 серебряныхъ щитовъ. Въ монетѣ серебра было 84.000 аттическихъ тетрадрахмовъ. Золота 3704 ф. и 14.514 Филипповскихъ монетъ. На третій день несли 114 золотыхъ вѣнговъ, полученныхъ Фламиніемъ отъ греч. городовъ. Въ тріумфѣ Сципіона (189 г. до Р. Хр.), послѣ его побѣды надъ Антиохомъ, въ Римъ ввезли серебра въ слиткахъ 137.420 ф., тетрадрахмовъ аттическихъ 224.000, цистофоровъ 331.000, Филиппов-

скихъ монетъ 140.000; серебряныхъ сосудовъ чеканной работы 1400, золотыхъ сосудовъ 1224 ф., 234 золотые вѣнка и 1231 кусокъ слоновой кости! На рис. 536., съ триумфальной арки Тита (см. выше стр. 164), изображено шествіе съ іерусалимской добычею. Здѣсь мы видимъ жертвенный алтарь съ чашами и трубами и седмисвѣщный свѣтильникъ. Чиновники въ тогахъ, съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ, сопровождаютъ драгоценную добычу.

Рис. 536. Добыча, взятая изъ іерусалимскаго храма, по барельефу на триумфальной аркѣ Тита.

Вмѣстѣ съ добычей на поднятыхъ древкахъ несли списки (titulus) завоеванныхъ городовъ, убитыхъ непріятелей и добычи (рис. 537. и 536.); тутъ же были изображены на доскахъ или вырѣзаны на деревѣ и слоновой кости завоеванныя страны, выигранныя сраженія, а также символическія фигуры рѣкъ (рис. 538.) и горъ завоеванныхъ странъ (Ovid. A. A. I. 214 сл., ср. Tac. Ann. II. 41) и т. п. Далѣе гнали, иногда въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, жертвенныхъ бѣлыхъ быковъ (при знаменитыхъ триумфахъ они бывали изъ долины рѣки Клитумна); рога ихъ были позолочены, на спинѣ дорогіе покровы, головы въ вѣнкахъ и лентахъ. При нихъ шли жрецъ (пора) и рѣзникъ (cultrarius) со своими помощниками (victimarii, рис. 542. b). За ними, а иногда и предъ ними, тянулась мрачная вереница человѣческихъ жертвъ. То были связанные плѣнники¹⁾, во главѣ которыхъ иногда находились ихъ цари

¹⁾ Иногда впрочемъ только gentes simulatae (Scriptt. H. A. Gallieni duo 8).

и князья (рис. 542. а); они служили теперь предметомъ насмѣшекъ и потѣхи римской черни; съ форума ихъ отводили въ темницу (см. рис. 73, 5), гдѣ нѣкоторыхъ изъ обреченныхъ на смерть нерѣдко тотчасъ-же убивали.

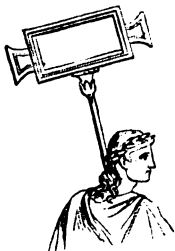

Рис. 537. Дощечка съ надписью, несомая на древкѣ, съ триумфальной арки Тита.

Рис. 539. Ликторъ въ торжественной одеждѣ, по алчичному барельефу въ Веронѣ.

За тѣмъ открывалась самая торжественная часть процессіи — двигалась колесница самого триумфатора. Около нея шли толпы

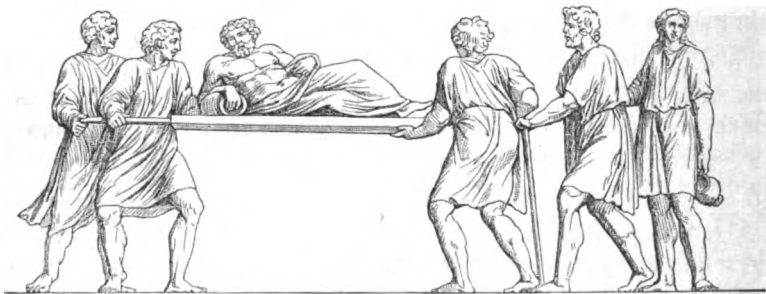

Рис. 538. Аллегорическое изображеніе рѣки Иордана, съ триумфальной арки Тита.

ликторовъ въ пурпуровыхъ туникахъ и плащахъ (paludati, рис. 539.) ¹⁾ со связками прутьевъ (fasces), въ лаврахъ и пурпуровыхъ лентахъ,

¹⁾ Въ другихъ случаяхъ они „togati.“ Скажемъ здѣсь о нихъ нѣсколько словъ. Они были служителями важнѣйшихъ чиновниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ (до конца республики) исполнителями смертныхъ судебныхъ приговоровъ. Дикта-

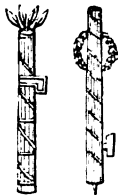
трубачи и музыканты, въ особ. китаристы, въ старинныхъ ¹⁾ костюмахъ (этрусскаго покроя), съ золотыми лентами на головахъ, исполнявшіе побѣдныя пѣсни въ честь побѣдителя. За ними шли служители съ кадилъницами, распространявшими благоуханіе кругомъ тріумфатора. Онъ стоялъ на колесницѣ (рис. 543.) ²⁾, запраторъ

имѣлъ 24 ликтора, начальникъ конницы — 6, консулъ — 12 и столько же другіе чиновники съ консульскими полномочіями, преторъ — 6, столько же пропреторъ и всякій чиновникъ съ правами претора (оламинъ Юпитера и Весталки по одному). Въ знакъ карательной власти того лица, котораго сопровождали ликторы, они имѣли связки березовыхъ или вязовыхъ прутьевъ (*fascēs*) съ воткнутой въ нихъ сѣкирой (*securis*) и розгой (*virga*), какъ видно на рис. 540. (а), сдѣланномъ по римскому барельефу.

Но въ Римѣ (изъ уваженія къ верховнымъ правамъ народа), по закону П. Валерія Публикола, только одинъ изъ консуловъ имѣлъ право носить сѣкиру въ связкахъ; между тѣмъ какъ въ столицы и въ провинціяхъ, гдѣ они имѣли

а

б

Рис. 540. Ликторскія связки съ розгой и сѣкирой (а), украшенныя лавров. вѣтками (б).

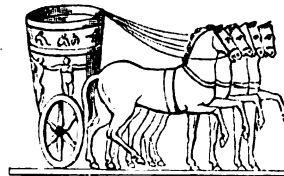

Рис. 541. Тріумфальная колесница, по монетѣ императора Веспасіана.

власть надъ жизнью и смертью солдатъ и негражданъ, они носили связки съ сѣкирами. Да въ Римѣ ликторы были скорѣй почетной свитой сановника, сопровождавшей его всюду и расчищавшей (*summovere*) предъ нимъ дорогу на улицахъ. При встрѣчѣ двухъ сановниковъ ликторы менѣ важнаго опускали связки съ лѣваго плеча къ землѣ (*fascēs submittebant*) и оставляли ихъ въ такомъ положеніи, пока тотъ проходилъ. Лавровыя вѣтви или обвивались вокругъ связокъ, или же въ видѣ вѣнча надѣвались на нихъ (*fascēs laureatī*, рис. 540. б).

¹⁾ Такія торжественныя одежды, равно какъ и другія украшенія дѣлались и выдавались на время тріумфовъ государствомъ (*triumphorum instrumentum*, Suet. Aug. 84).

²⁾ Колесница была изъ слоеной кости (отсюда *carrus eburneus*) съ дорогой рѣзбой и позолотой; имѣла круглую форму и была вся закрыта, и никогда, какъ ристалищныя колесницы, не была открыта сзади. Внутри было мѣсто только для одного (но не всегда, ср. Tac. Ann. II. 41). Тріумфаторъ стоялъ въ ней, закрытый ею по грудь. Рис. 541. представляетъ такую колесницу по монетѣ Веспасіана.

женной четырьмя бѣлыми конями (а иногда и слонами), одѣтый въ пальмовую тунику (см. стр. 210) и вышитую золотомъ пурпуровую тогу (*toga picta*, стр. 219); эта одежда предъ тѣмъ снималась со статуи Юпитера капитолийскаго ¹⁾, чтобы такимъ образомъ тріумфаторъ дѣлался подобнымъ великому божеству. Въ правой рукѣ онъ держалъ жезлъ изъ слоновой кости, украшенный сверху золотымъ орломъ, въ лѣвой пальмовую вѣтвь, на головѣ былъ лавровый вѣнокъ; кромѣ того государственный рабъ (*servus publicus*) держалъ надъ нимъ другой большой и тяжелый золотой вѣнокъ (*corona triumphalis*). На памятникахъ художники обыкновенно изображали въ

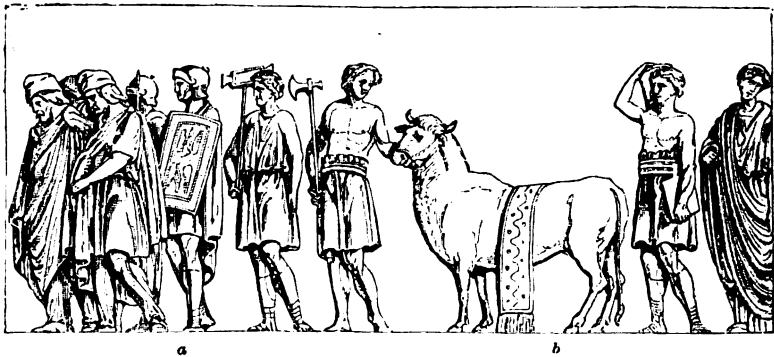

Рис. 542. Паряніскіе князья, идущіе въ тріумфъ (а) вмѣстѣ съ украшеною жертвою, по тріумф. аркѣ Тита въ Римѣ.

этой роли окрыленную богиню побѣды (какъ и на нашемъ рисункѣ), а богиню Рима — ведущую тріумфальныхъ коней.

По старому обычаю, тріумфатора сопровождали сыновья и родственники-мужчины на коняхъ, возлѣ колесницы, а иногда и верхомъ на коняхъ, везущихъ колесницу; такъ напр. при тріумфѣ Августа (*Suet. Tib. 6*) Тиберій сидѣлъ на лѣвомъ пристяжномъ, а Марцеллъ на правомъ. Дѣти иногда ѣхали и на колесницѣ вмѣстѣ съ отцемъ (*Tac. Ann. II. 41*). Кромѣ того при колесницѣ шли легаты, трибуны и вообще высшіе офицеры побѣжденнаго войска, а за ними рядами солдаты пѣшіе и конные въ парадныхъ одеждахъ, въ вѣнкахъ, во всѣхъ военныхъ украшеніяхъ и отличіяхъ, это имѣлъ послѣдній. Народъ, наполнявшій украшенныя хвойными вѣтвями и вѣнками улицы, портики и нарочно устроен-

¹⁾ Со времени императора Гордіана III эти одежды стали обращаться въ собственность тріумфатора.

ные подмостки, встрѣчали тріумфатора рукоплесканіями и осыпая путь его дождемъ цвѣтовъ, а войско восторженно кричало „Io-іо triumphе!“ (Ov. Trist. IV. 2, 49 сл.) и пѣло военныя пѣсни, иногда впрочемъ не совсѣмъ лестныя, въ насмѣшку сложенныя про кого нибудь изъ высшихъ офицеровъ и даже про самого тріумфатора (Suet. D. Jul. 49 и 51). Процессія двигалась съ Марсова поля около цирка Фламинія чрезъ древнія ворота Ромулова Рима (porta Carmentalis, къ югу отъ Капитолія) къ великому цирку (Circus maximus); а отсюда, обошедъ восточную сторону Палатина, священной

Рис. 543. Тріумфальный вѣздъ императора Тита, по тріумфальной аркѣ его-же въ Римѣ.

дорогой на форумъ, откуда плѣнниковъ, какъ было сказано, отводили въ темницу, гдѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ иногда тотчасъ-же убивали. Затѣмъ процессія подымалась на Капитолій. Здѣсь тріумфаторъ, вошедши въ храмъ, слагалъ вѣнокъ предъ статуей Юпитера, и выше-описаннымъ образомъ (стр. 426 и слѣд.) приносилъ верховному богу благодарственную гекатомбу. Послѣ того на капитолійской площади устраивалось большое пиршество¹⁾ (epulum, или большее grandium); въ немъ участвовали, за исключеніемъ консуловъ (этикетъ не допускалъ, чтобъ первые сановники государства уступали на пиршествѣ первое мѣсто тріумфатору, который въ тотъ день стоялъ выше ихъ), не только всѣ чиновники и жрецы (имѣвшіе право присутствовать въ подобныхъ случаяхъ, Suet. Aug. 35, Gell. N. A. XII. 8), но и весь народъ (конечно не на

¹⁾ По Плинію (Н. Н. IX. 55, § 171) на тріумфальныхъ пиршествахъ Кесаря истреблялось только дорогихъ муренъ (см. стр. 264) — 6000!

капитолійской площади, а въ другихъ мѣстахъ). Солдаты получали денежныя награды, иногда очень значительныя, напр. по 400 сестерціевъ, по 25, по 100 денаріевъ и болѣе того, центуріоны всегда вдвое, а всадники втрое противъ рядовыхъ.

Кесарь, а послѣ него другіе императоры давали подарки и римскому народу; такъ послѣ понтійскаго триумфа Кесаремъ было роздано 150ти тысячамъ гражданъ каждому по 10 мѣръ (modius) хлѣба, по 10 ф. масла и по 400 сест.(ок. 20 р.); кромѣ того имъ были уплачены квартирныя за всѣхъ, кто платилъ въ Римѣ не болѣе 2000, а въ остальной Италіи до 500 сест. (т. е. 100 и 25 р.).

Торжество этимъ не оканчивалось; оставалось потѣшить римскій народъ зрѣлищами — самая дорогая сторона триумфальныхъ празднествъ. Зрѣлища были самыя разнообразныя: театральныя, которыя иногда давались одновременно во всѣхъ 14 кварталахъ столицы (Suet. D. Jul. 38), травля звѣрей, гладіаторскіе бои, а въ позднѣйшее время навмахіи и состязанія атлетовъ.

Стеченіе народа на эти празднества было громадное, особенно во времена имперіи. По словамъ Светонія (D. Jul. 39), во время празднествъ, которыя слѣдовали за четырьмя триумфами Кесаря, совершенными въ продолженіе одного мѣсяца, иногородные жили въ наскоро устроенныхъ по улицамъ палаткахъ, и отъ происшедшей отъ того тѣсноты на улицахъ столицы погибло много народа, между прочимъ два сенатора.

Менѣе торжественной и великолѣпной наградой побѣдителя была „ovatio“. Эта почеть давалась сенаторомъ или тѣмъ вождемъ, которые по своему положенію въ государственной іерархіи не имѣли права на триумфъ, или и полномочнымъ полководцамъ, но не удовлетворявшимъ всѣмъ условіямъ триумфа (см. стр. 597), или когда непріятель былъ покоренъ безъ битвы, или, наконецъ, когда побѣжденный непріятель былъ не такого свойства, чтобъ придавать особенное значеніе побѣдѣ надъ нимъ (напр. рабы, пираты).

Различіе триумфа отъ оваціи состояло въ слѣдующемъ. Побѣдитель въѣзжалъ въ городъ не въ колесницѣ, а на конѣ (въ древнее время шелъ пѣшкомъ), одѣтый въ окаймленную пурпуромъ тогу (toга praetexta), безъ жезла и съ миртовымъ вѣнкомъ (вм. лавроваго) на головѣ. Въ процессіи не участвовали непременно сенаторы; музыка не была такъ великолѣпна, какъ въ триумфѣ; не было ни трубачей, ни китаристовъ, а только кларнетисты. Жертва предъ главнымъ храмомъ на Капитоліи состояла изъ овецъ, откуда и производили Римляне названіе ovatio.

Полководецъ, недовольный присужденіемъ ему только оваціи, имѣлъ право предъ оваціей совершить триумфальное шествіе на Албанскую гору (Mons Albanus, нын. monte Cavo), 3 мили на югъ отъ Рима, гдѣ находился храмъ Юпитера, покровителя Лаціи (Iur. Latiaris), самый уважаемый въ Италиі, послѣ капитолійскаго. Здѣсь, какъ кажется, побѣдитель могъ принести жертву со всѣмъ великолѣпіемъ и со всей торжественной обстановкой, какія только позволяли ему средства.

Во времена имперіи право на триумфъ принадлежало исключительно императорамъ, такъ какъ они имѣли верховное предводительство надъ войскомъ, и всѣ военныя распоряженія шли отъ ихъ имени. Они сами вѣзжали въ триумфальной процессіи (даже если и не участвовали въ походѣ); на долю же побѣдоносныхъ должководцевъ оставались только такъ называемыя триумфаторскія отличія (ornamenta, insignia triumphalia, triumphalia), т. е. или право вѣхать въ городъ въ колесницѣ, похожей на триумфальную, въ одеждѣ и отличіяхъ триумфатора, или — что было гораздо почетнѣе — въ память ихъ подвиговъ ставились статуи и воздвигались триумфальныя арки. — Почетныя столбы, какъ Траяновъ и Антониновъ, воздвигались только императорамъ, въ память триумфа или въ замѣну послѣдняго.

Военныя машины.

102. Устройство военныхъ машинъ Римляне заимствовали отъ Грековъ, послѣ того какъ во время второй пунической войны (при осадѣ Сиракузъ) они на опытѣ увидѣли пользу ихъ. Греція, гдѣ во времена Александра и его преемниковъ производство машинъ достигло особеннаго развитія, долго снабжала Римлянъ этими издѣліями; даже во время Кесаря иногда машины готовыми привозились изъ Греціи. Между мастерами особенно извѣстенъ Полидъ (работалъ для Филиппа Македонскаго при осадѣ послѣднимъ Перинеа) и его ученики Діадъ и Хайрей; первый составилъ даже сочиненіе по этому предмету.

Всѣ военныя машины могутъ быть раздѣлены на два ряда: осадныя и метательныя. ¹⁾

¹⁾ Къ сожалѣнію мы не имѣемъ изображеній ихъ, исключая нѣсколькихъ, и то не ясныхъ, на колоннахъ Антонина, Траяна и аркѣ Севера, изъ которыхъ тремя мы воспользовались здѣсь. Впрочемъ Кёchly и Rüstow сдѣлали попытку

Осаждаемый городъ прежде всего окружали ровомъ и валомъ (fossa et vallo), засыпали ровъ подъ городскими стѣнами, и затѣмъ или внезапно дѣлали приступъ (orruignare) и при помощи лѣстницъ всходили на стѣны, или же, по невозможности штурма или неудачѣ его, приступали къ правильной осадѣ (obsidere). На приступъ воины шли, образуя надъ собою кровлю изъ щитовъ, сдѣланныхъ на подобіе верхняго покрыва черепахи (отсюда и названіе *testudo*, *χελώνη*, черепаха), при чемъ передніе и крайніе ряды держали щиты предъ собою, а средніе надъ собою. Рис. 544.

Рис. 544. Кровля изъ щитовъ (*testudo*), по барельефу на колоннѣ Аптонана.

Рис. 545. Стѣнобитный таранъ (*aries*), по барельефу на колоннѣ Траяна.

представляетъ приступъ къ одному германскому городу подъ прикрытіемъ такой черепахи, хотя на барельефѣ это вышло не совсемъ отчетливо. Когда стѣны осаждаемаго города были невысоки, лѣстницъ не употребляли, а всходили на стѣны при помощи такъ наз. покатои черепахи (*testudo fastigata*), какъ это описываетъ Ливій XLIV. 9 при взятіи Гераклеи (въ прежней Писріи македонской). Въ этомъ случаѣ первый рядъ солдатъ держалъ щиты надъ головами; слѣдующій рядъ, нѣсколько наклонясь, держалъ щиты тоже надъ головой, прислоня ихъ къ щитамъ переднихъ товарищей; третій рядъ дѣлалъ тоже самое, но наклонялся уже болѣе втораго и т. д. до послѣдняго ряда, который уже стоялъ на колѣняхъ, а щиты его заднимъ концемъ касались земли. По такому помосту взбѣгали на стѣну другіе воины и, прогнавъ защитниковъ, овладѣвали городомъ.

Въ случаѣ правильной осады главную роль играла стѣнобитная машина — таранъ (*aries*, *κρίος*, *θук. ἐμβολή*). Это было увѣсистое

теоретической реконструкціи ихъ по древнимъ извѣстіямъ, и такимъ образомъ облегчили намъ представленіе о нихъ.

бревно съ желѣзнымъ наконечникомъ въ формѣ бараньей головы.¹⁾ Первоначально воины притаскивали его на своихъ плечахъ и ударили въ стѣну. Въ такомъ видѣ варвары употребляли его и въ позднѣйшее время (см. рис. 545.), когда Римляне ввели уже нѣкоторыя полезныя приспособленія (*machina arietaria*). Эти приспособленія состояли въ томъ, что таранъ въ центрѣ тяжести подвѣшивался на цѣпи къ подставкѣ, раскачивался и съ большой силой ударялъ о стѣну. Для безопасности прислуги онъ помѣщался подъ кровлей, называвшейся таранной черепахой (*testudo arietaria*, *χελώνη κριόφορος*, *κριόδοχη*), которая на колесахъ подвозилась къ стѣнамъ (рис. 546.); эта кровля обыкновенно была въ 30 локтей ширины, въ 40 длины и 20 и болѣе высоты; она состояла изъ нѣсколькихъ этажей. Для безопасности отъ огня (осажденные старались зажечь эту машину при помощи расплавленного свинца, смолы и стрѣлъ, обвернутыхъ наклей и зажженныхъ) кровля, обыкновенно деревянная, обтягивалась кожами и другими невоспламеняемыми матеріями.

Рис. 546. Таранъ подъ таранной черепахой (*testudo arietaria*), съ триумфальной арки Септимія Севера.

Другая стѣнобитная машина — буравъ (*terebra*, *τρούπανον*); онъ отличался отъ тарана тѣмъ, что на концѣ имѣлъ массивное желѣзное острие и употреблялся для того, чтобы произвести въ стѣнѣ только пробоину, а не проломъ, какъ тараномъ. Такъ какъ онъ направлялся противъ одной точки, то не раскачивался на цѣпи, а двигался назадъ и впередъ въ желобовидномъ ложѣ.

Третья машина была стѣноразрушительная коса или багоръ (*falx muralis*). Она также насаживалась на бревно и подъ кровлей приводилась въ стѣнамъ. Ею вырывали камни изъ стѣны.

Когда стѣны города были слишкомъ прочны и высоки, чтобы дѣйствовать на нихъ вышеописанными машинами, осаждающіе прибѣгали къ подвижнымъ осаднымъ башнямъ (*turres ambulatoriae*, *mobiles*, *πύργοι φορητοί*). Но для приближенія ихъ къ стѣнамъ, осаждающіе предварительно должны были устраивать насыпь (*agger*) отъ своего лагеря къ осаждаемому городу. Для прикрытія

¹⁾ Иногда таранъ состоялъ и изъ нѣсколькихъ концами соединенныхъ одно съ другимъ бревенъ, такъ что верѣде простирался въ длину до 180 футовъ.

солдаты при этихъ работахъ служили — саперныя черепахи, защитныя сараи и крытые ходы.

Саперныя черепахи (*χελώνη χωστρίς*) дѣлались ниже осадныхъ черепахъ, прикрывавшихъ таранъ, съ болѣе плоской крышей, доходившею до земли. Онѣ тоже двигались на колесахъ и имѣли цѣлью защищать саперъ отъ непріятельскихъ стрѣлъ. Защитныя сараи (*vineae, ἄμπελοι*) имѣли стѣны изъ тычинокъ, проплетенныхъ хворостомъ; для большей безопасности эти сараи покрывались кожами и мокрымъ тряпьемъ. Они имѣли около 16 футовъ длины, 7 ширины, 8 высоты и, при своей легкости, переносились солдатами. Ими прикрывались воины не только при саперныхъ работахъ, но и идя на приступъ къ стѣнамъ.

Крытые ходы (*porticus, στοαί, στοῖδια*) были тоже, что и саперныя черепахи, но открыты спереди, такъ какъ они стояли обыкновенно за другими болѣе большими машинами, за башнями, таранами, и служили для безопаснаго сообщенія лагеря съ послѣдними.

Когда насыпь была готова, устраивались осадныя башни; ихъ войско или имѣло при себѣ, или, въ случаѣ неожиданной надобности, привозило изъ ближайшихъ военныхъ складовъ и мастерскихъ. Основаніе башни составлялъ четырехъ-угольный деревянный вѣнецъ, въ короткихъ сторонахъ котораго было по одному бревну, въ продольныхъ въ каждой по 2 бревна; между этими послѣдними устанавливались катки, на которыхъ должна была двигаться башня.

На первый четырехъ-угольный вѣнецъ укрѣплялись, стоя нѣсколько наклонно внутрь, балки, которыя вверху были связаны новымъ вѣнцомъ, но уже меньшимъ сравнительно съ нижнимъ. Такихъ звѣнцевъ или этажей башни (*tabulata, στέρη*, отсюда и *turres contabulatae*) бывало до десяти, и они, чѣмъ далѣе вверхъ, тѣмъ были и ниже и уже, такъ что при 50—150 футовой вышины башня имѣла въ основаніи отъ 90 до 250 футовъ. Она была закрыта по крайней мѣрѣ съ 3хъ сторонъ и снабжена бойницами для стрѣльбы, особенно въ верхней части, гдѣ тоже помѣщались метательныя машины. — Когда башня посредствомъ подъемной машины на каткахъ придвинута была къ стѣнѣ, — надъ чѣмъ, смотря по величинѣ башни, трудились отъ 60 до 150 человекъ, прикрываясь защитными сараями (*vineae*), — въ нижней части ея начиналъ работать таранъ, потрясая основанія стѣны; и если по обстоятельствамъ дѣла можно было начать атаку, то съ средней части башни, которая была обыкновенно выше стѣны, бросался на стѣну подъемный

мость (pons, sambuca, *ἐπιβάθρα, σαμβύκη*), и войны устремлялись по нему на стѣны. Такіе мосты составляли необходимость при каждой башнѣ и состояли изъ деревяннаго переплета, который послѣ опущенія на непріятельскую стѣну быстро настилали.

Когда не было надобности переправлять много воиновъ на непріятельскую стѣну, то на нее поднимали при помощи подъемнаго рычага (tolleno, *κόραξ*) ящикъ съ нѣсколькими воинами.

Метательныя орудія древнихъ (*οἱ καταπέλται, tormenta*) частью стрѣляли прямо (*ὄργανα εὐθύτονα*), частью дугою (*ὄ. παλίντονα*). Одни были стрѣлометныя (*καταπέλται ὀξυβελεῖς, catapultae*), другія каменометныя (*λιθοβόλοι, πετροβόλοι, ballistae*).

Стрѣлометныя орудія состояли изъ большого лука или самострѣла; главный брусъ его (*πλινθίον, capitulum*) съ желобобразнымъ ложемъ (*σύριγγξ, syringx*) для стрѣлы располагался горизонтально на подставкахъ; въ передней части (*βάσις*) укрѣплялись двѣ дуги или крыла (*ἀγκῶνες, braccia*), которыя въ заднихъ своихъ концахъ соединялись тетивой, бѣгающей по желобовидному ложу для стрѣлы; эта тетива натягивалась назадъ посредствомъ крючка и при опущеніи быстро толкала стрѣлы. Небольшія стрѣлометныя, вслѣдствіе своей формы, назывались скорпіонами (*σκόρπιος, scorpio*). Тетива, толкающая стрѣлы, дѣлалась изъ кишекъ, а веревки, при помощи которыхъ натягивали обѣ дуги самострѣла, изъ волосъ какого нибудь животнаго, изъ конскихъ и даже женскихъ волосъ, напитанныхъ масломъ.

Стрѣлы, бросаемыя такой машиной, были длиной отъ 36 до 72 греч. пальцевъ, и отъ $\frac{1}{2}$ до 4 фунтовъ вѣсу. Величина и вѣсъ машины находились въ соразмѣрности со стрѣлами: машина въ 40 килограммовъ вѣсу пускала 36ти дюймовыя стрѣлы, машина въ 175 килогр. вѣсу — 60ти дюймовыя стрѣлы и т. д. Прислуги для самой небольшой машины требовалось не менѣе двухъ человѣкъ. Дальность полета стрѣлы была до 400 метровъ, что конечно никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ современными снарядами.

Каменометныя представляютъ нѣкоторую аналогію съ современными тяжелыми орудіями. Онѣ также посылали въ непріятеля самыя массивныя снаряды, но не горизонтально, а подъ угломъ 45° (какъ современныя мортиры); поэтому передняя часть ихъ помѣщалась на прочной подставкѣ, между тѣмъ какъ задняя опускалась на землю; или на дно фуры, на которой помѣщенъ былъ снарядъ. Самыми обывновенными каменометными были тѣ, кото-

рмя представляли собой большую пращу; у нихъ была тетива достаточно широкая для того, чтобы охватить камень.

Каменометни, смотря по величинѣ камней, назывались также *ballistae talentariae* (пятидесяти-фунтовая, самая обыкновенная), *centenariae* (стофунтовая) и т. д. до 360фунтовыхъ.

Приблизительная дальность полета снарядовъ этихъ орудій была отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ стадій (отъ 280 до 465 метровъ).

Всѣ эти машины были вообще очень тяжелы, и перевозка ихъ соединялась съ большими трудностями. Такъ напр. Юсифъ Флавій (В. J. IV. 9) говоритъ о таранѣ, для перевозки котораго требовалось 300 воловъ.

Для обороны осажденные также употребляли разные снаряды, стараясь уничтожить усилія непріятеля. Такими снарядами были багры или вилы (*furgae*) для отбрасыванія приставляемыхъ къ стѣнамъ лѣстницъ, клещи (*forfices, lupi*) для встаскиванія ихъ на стѣну; арканы, которые накидывали на таранъ и старались встаскить послѣдній на стѣны; серпы, которыми перерѣзывали канаты, на которыхъ двигался таранъ и т. п.; если все это не удавалось, то на стѣны опускали мѣшки съ шерстью и т. п., чтобы умѣрить дѣйствіе таранныхъ ударовъ.

Если, не смотря на подобныя активныя предосторожности, все таки можно было опасаться пролома, то на томъ мѣстѣ за стѣной старались построить новую стѣну. Если непріятель велъ подкопы (*cuniculus*), то старались замѣтить ихъ направленіе и вели контрмины (см. Liv. XXXVI. 25 и XXXVIII. 7), гдѣ иногда происходила подземная схватка. Подкопами же уничтожали насыпи, которыя непріятель дѣлалъ для движенія своихъ осадныхъ башенъ. Противъ каменометенъ и стрѣлометенъ изъ-за стѣнныхъ зубцовъ осажденные дѣйствовали такими-же снарядами.

VIII. Погребальные обычаи и обряды.

Греческія похороны.

103. Забота объ устройствѣ приличнаго погребенія покойнику и уваженіе къ его могилѣ были одною изъ священнѣйшихъ обязанностей, которую налагало на Грековъ не только ихъ тонкое врожденное чувство, но и вѣра въ спокойствіе покойника по смерти, если только тѣло его было предано подобающему погребенію; наконецъ къ этому побуждалъ ихъ и страхъ передъ богами, которые карали за несоблюденіе погребальныхъ обрядовъ. Потому то уже въ древнѣйшихъ явленіяхъ греческой жизни мы встрѣчаемъ съ одной стороны заботу о приличномъ погребеніи, съ другой — добросовѣстное и старательное попеченіе о тѣлѣ покойника. Такъ предъ поединкомъ (Ил. VII. 83) Гекторъ ставитъ условіемъ, чтобы его тѣло, если онъ будетъ пораженъ, было выдано родственникамъ для приличнаго погребенія; равнымъ образомъ, умирая, онъ проситъ Ахилла (Ил. XXII. 338 сл.), чтобы тотъ не отдавалъ тѣла его собакамъ на растерзаніе, но отдалъ бы родственникамъ, которые оплакали бы его и похоронили. Поэтому долгъ обязывалъ — брать мертвыя тѣла, чтобы только они не были захвачены и опозорены непріателемъ, въ случаѣ необходимости съ бою (см. бой за трупъ Патрокла, Ил. XVII. 4 и сл.); старый Пріамъ съ опасностью для своей жизни привозитъ домой изъ непріятельскаго лагера отъ Ахилла дорогой ему трупъ сына Гектора. Самая жестокая судьба по понятіямъ Грековъ постигала покойника и для родныхъ его было величайшимъ горемъ, если трупъ оставался непогребеннымъ, что въ особенности бывало въ давнія времена въ битвахъ; впоследствии, по крайней мѣрѣ въ битвахъ между Греками (за исключеніемъ рѣдкихъ примѣровъ особаго озлобленія), трупы возвращались взаимно въ обмѣнъ, иногда даже по договору (*ὑπόσπονδοι*). На обязанности полководцевъ лежало прежде всего позаботиться о погребеніи труповъ; нерадѣніе объ этомъ влекло за собою жестокія наказанія (см. случай въ битвѣ при Аргинусахъ въ 406 г. у Ксен. Hell. I. 6 и 7). Даже когда Греку случайно попадался трупъ неизвѣстнаго человѣка, напр. убитаго разбойниками или выброшеннаго волнами на берегъ человѣка, онъ былъ обязанъ, во избѣжаніе грѣха, прилично похоронить его;

если же почему либо нельзя было этого сдѣлать, онъ долженъ былъ по крайней мѣрѣ посыпать трупъ нѣсколькими горстями земли и такимъ образомъ символически совершить погребеніе. Лишь тотъ, кто измѣнилъ своему отечеству или совершилъ тяжкое преступленіе, лишался почетнаго погребенія, и тѣло его выбрасывалось; кончившіе жизнь самоубійствомъ — хоронились тихо безъ всякаго торжества. Поэтому вѣнцомъ счастливой земной жизни для чловѣка считалось, по словамъ Платона, „быть погребеннымъ своими потомками прилично и торжественно“ (Нирр. М. р. 291 d).

Въ древнѣйшую эпоху, изображенную поэмами Гомера, существовали слѣдующіе обычаи. Если кто-либо умиралъ спокойно дома отъ болѣзни — по возрѣніямъ той эпохи отъ кроткихъ стрѣлъ Аполлона или Артемиды — родные закрывали ему ротъ и глаза (*στόμα συνερεῖσαι, ὀφθαλμοὺς καθελεῖν*. Од. XI. 426, Ил. XI. 453), тѣло же обмывали и намазывали (благовоннымъ) масломъ (Ил. XXIV. 582). Если же трупъ былъ привезенъ съ поля битвы, то масло наливали и въ раны; это дѣлалось по всей вѣроятности для того, чтобы на долѣе сохранить тѣло отъ разложенія. Затѣмъ весь трупъ, кромѣ головы, завертывали въ полотно, клали на парадный одръ (*κλίνη*), ногами къ дверямъ (Ил. XIX. 212, *ἀνὰ πρόθυρον τετραμμένος*), какъ бы въ знакъ того, что покойникъ готовится покинуть жилище. Затѣмъ начинали голоситъ (*θρήνοι, ὄλοφυρμοί*)¹⁾. Какъ это совершалось, мы узнаемъ всего лучше изъ описанія смерти Гектора (Ил. XXIV. 720 сл.). Пѣвцы затянули жалобныя пѣсни (*αἰδοὶ θρήνων ἕξαρχοί*), затѣмъ началось причитаніе сунруги Андромахи, державшей въ рукахъ голову Гектора, сопровождаемое всхлипываньемъ троянскихъ женщинъ; послѣ нея причитаетъ мать Гекуба и наконецъ Гелена.

Выраженія скорби были различны и иногда переступали границу умѣренности: такъ воздерживались на нѣсколько дней отъ пищи, посыпали головы пепломъ и прахомъ, остригали себѣ волосы и клали ихъ на трупъ, женщины даже раздирали себѣ лица, шею и грудь. Надѣвать въ знакъ скорби темныя платья и тогда уже было въ обычаѣ (Ил. XXIV. 94). Трупъ оставался нѣсколько

¹⁾ У Новогрековъ *μυρολογία*. Этотъ древній обычай понятнѣ сохранился у нѣкоторыхъ Славянъ, напр. у Черногорцевъ, гдѣ онъ носитъ названіе поканіе, и женщины-плакальщицы называются — покайнице. Обычное у нихъ же царапанье лица было воспрещено только новымъ законодательствомъ. У Русскихъ — плачь, причитанье.

дней непогребеннымъ, такъ трупъ Гектора девять (Ил. XXIV. 664), Ахиллеса — семнадцать (Од. XXIV. 63), при чемъ повторялось оплакиванье; затѣмъ покойника вновь намазывали масломъ, одѣвали въ самое богатое платье, выносили на одрѣ на костеръ и тамъ сожигали. Въ огонь бросали горючія вещества, какъ-то масло, жиръ звѣрей и медъ (Од. XXIV. 68), а въ честь умершаго — многіе предметы, нѣкогда ему дорогіе. Въ честь героевъ, павшихъ въ битвѣ, иногда убивали при кострѣ и сожигали взятыхъ въ плѣнъ непріятелей (Ил. XXI. 28). Пока костеръ горѣлъ, другъ покойника, взывая къ душѣ его, возливалъ вино на огонь, а когда костеръ начиналъ потухать, всѣ присутствовавшіе гасили его виномъ; отсысывали кости, очищали ихъ виномъ, обертывали жиромъ, клали въ богатую пепельницу и, обложивъ ее пурпуровой одеждой и дорогими коврами, хоронили въ обложенномъ камнями склепѣ (*θάπτειν, ταφύειν*). Погребальная церемонія оканчивалась играми (Ил. XXIII. 258 сл.; Од. XXIV. 85) и тризнами (Ил. XXIV. 665 и 802).

Нужно, однако, замѣтить, что тутъ описаны похороны царей и лицъ владѣтельныхъ, и что бѣднѣйшихъ, какъ само собою разумѣется, хоронили съ меньшимъ почетомъ и торжествомъ.

Въ Атикѣ въ древнѣйшую эпоху трупы просто зарывали въ землю, а мѣсто засѣвали; но въ позднѣйшее время похороны стали болѣе великолѣпны и торжественны, такъ что Солонъ нашелъ нужнымъ устранить предписанными въ законахъ обрядами нѣкоторыя злоупотребленія и излишества. Обычный обрядовый порядокъ состоялъ въ слѣдующемъ (Luc. de luctu 10). Умершему прежде всего клали въ ротъ монету (*ὄβολός*), какъ провозную плату (*ναῦλον, κατιτήριον, δανάκη*) для Харона. Когда возникъ обычай этотъ — не извѣстно, но едвали раньше, чѣмъ въ восьмомъ стол. до Р. Хр., ибо у Гомера нигдѣ о немъ не упоминается. Затѣмъ ближайшими родственниками, преимущественно женщинами, совершалось омовеніе трупа, смазываніе его масломъ (или благовонной мазью) и облеченіе въ бѣлыя одежды; потомъ украшали трупъ повязками (*ταυρία*) и вѣнками сообразно времени года, преимущественно сельдереемъ (*σέλινον*), выставляли на второй день, обычнымъ способомъ, въ передней части дома (внѣ Атики, кажется, также передъ домомъ), ногами къ наружной двери (*πρόθεσις, προτίθεσθαι*). Такую весьма интересную сцену представляетъ намъ рис. 547. съ вазы, найденной въ южно-италійской гробницѣ близъ Ruvo (по формѣ сходной съ амфорой, рис. 207. а) и нынѣ укра-

шающей неапольскій музей. Мы видимъ тутъ юнаго Офельта (Архемора), сына немейскаго царя Ликурга, который, по недо-
 смотру няни Гисипилы, былъ умерщвленъ змѣю въ лѣсу. Онъ
 положенъ на красивомъ ложѣ; подъ головой у него богатые по-
 душки; тѣло плотно завернуто въ пурпуровую матерію; женщина,
 одѣтая въ темный траурный пеплъ (вѣроятно, сама Гисипила),
 прикрѣпляетъ лѣвой рукой украшеніе на шею мальчика, правую
 же кладетъ вѣнокъ (миртовый или сельдерейный) на его голову,
 уже украшенную цвѣтами. Другая женщина держитъ надъ его голо-
 вою зонтикъ, а за нею стоитъ юноша съ кратеромъ въ рукахъ;

Рис. 547. Выставка (*πρόθεσις*) трупа Архемора, по рисунку на южно-италийской вазѣ.

на другой сторонѣ подходятъ къ ложу воспитатель (*παιδαγωγός*) съ лирой и два служителя, изъ которыхъ старшій одѣтъ въ хи-
 тонъ, хламиду и андромиды, а младшій — только въ хитонъ и
 андромиды, — первый несетъ сѣтчатый кошелекъ съ монетами, кото-
 рыя клались съ труномъ въ гробницу, второй какую то игрушку,
 повѣшенную на дентѣ; на головахъ у обоихъ служителей на низ-
 кихъ жертвенныхъ столикахъ стоятъ кувшины, двушковые чаши
 (*κάνθαρος*), жертвенныя миски и роговые кубки (ср. стр. 182 и
 183.). Вся эта утварь, равно какъ вышеупомянутый кратеръ и
 лира назначались юному Архемору въ дорогу его на тотъ свѣтъ;
 такое-же назначеніе имѣли красивый сосудъ (*λήκυθος*) подъ ложею,
 изъ котораго намазывали трунъ, и большая позолоченная ваза съ
 крышкою, украшенною орломъ, стоящая посрединѣ между обоими
 служителями. ¹⁾ На эту *πρόθεσις* собирались въ домъ скорби род-

¹⁾ Изъ представленнаго тутъ рисунка, правда, не видно всего, что вклю-
 чено въ текстъ; поэтому спѣшаемъ напомнить, что мы предлагаемъ описаніе по

ственники и знакомые усопшаго, и женщины-родственницы причитали надъ нимъ; женщинамъ же не-родственницамъ и имѣвшимъ менѣе шестидесяти лѣтъ причитанье было запрещено закономъ Солона; равнымъ образомъ запрещалось излишнее проявленіе печали обезображиваніемъ тѣла, какъ было въ обычай (см. выше) въ старину. Втеченіе двухъ дней, когда трупъ оставался въ домѣ, въ преддверіи стоялъ глиняный сосудъ (*ἀρδάνιον*) съ водою, взятый у сосѣда, чтобы очищались тѣ, которые выходили изъ дома, оскверненнаго мертвецомъ. На третій день, раннимъ утромъ, если можно даже предъ восходомъ солнца, чтобы не осквернить священное свѣтило (но никакъ не во тмѣ, ибо подобное погребеніе въ свою очередь считалось позорнымъ), выступала похоронная процессія (*ἐκφορά*, выносъ). Впереди шель хоръ пѣвцовъ (*θρηνηδοί*), поющихъ погребальныя пѣсни (*θρήνοι, ἐπιθήδεια, ἔλεγχοι*) подъ аккомпаниментъ кларнетовъ (иногда и цѣлаго хора флейтщицъ, *καρίναι*), а за ними родственники — въ темномъ траурномъ платьѣ (*ἐν πενθίμοις*) съ подстриженными волосами, что и было главнымъ знакомъ траура — и всѣ прочіе, пожелавшіе присоединиться къ процессіи. Затѣмъ несли трупъ на тѣхъ-же носилкахъ, на которыхъ онъ былъ выставленъ, домашніе рабы или, если покойникъ былъ почетнымъ гражданиномъ, юноши и сограждане; такъ напр. Демонакса несли философы (Luc. Dem. 67); въ позднѣйшія времена были особо представленные къ тому люди (*νεκροφόροι, κλιμακηφόροι*). За трупомъ слѣдовали родственницы.

Еладбище (общее, *πολύανδριον*) въ нѣкоторыхъ дорійскихъ земляхъ находилось внутри городовъ и селеній, какъ напр. въ Спартѣ, Мегарѣ, Тарентѣ; иногда служили кладбищами собственные сады или поля¹⁾. Рано, впрочемъ, стали хоронить покойниковъ за городскими воротами вблизи дорогъ (какъ у Римлянъ); такъ дѣлалось напр. въ Сикіонѣ, въ Аеинахъ. Въ послѣднемъ городѣ хоронили подлѣ дороги къ Фалерейской гавани, къ югу отъ стараго города (за Итонскими воротами), далѣе за гробовыми воротами

собственнымъ запискамъ, сдѣланнымъ въ неапольскомъ музеѣ объ этой весьма замѣчательной вазѣ, украшенной 71 изображеніемъ. Зонтикъ, распущенный надъ мертвецомъ, имѣеть, кажется, назначеніе не допускать проникнуть солнечному лучу, который могъ бы оскверниться отъ мертвеца, выставленнаго влѣкъ дома.

¹⁾ Только убитыхъ молніею (*λεροὶ νεκροί*) хоронили на томъ-же мѣстѣ, гдѣ ихъ застигала смерть.

(*Ἡραία πόλις*?), на сѣверной сторонѣ города, къ востоку отъ дороги къ Ахарнамъ¹⁾; кромѣ того также (но позже, какъ кажется, въ 4 стол.) на западѣ отъ Дишила, нѣсколько южнѣе отъ дороги, ведущей къ Элевсину (см. стр. 153.). Относительно многочисленности гробницъ внѣ греческихъ городовъ см. Хер. Нелл. III. 2, 14—15.

Здѣсь мертвеца или (согласно стародавнему обычаю, о которомъ мы упоминали выше) сожигали, а пепель клали въ деревянную или глиняную урну (*λάρναξ, σορός, ληνός, πύελος, θροίτη*), — такъ обыкновенно дѣлалось въ Спартѣ и Сикіонѣ, — или же погребали (*θάπτειν*) его то въ простую могилу, то въ склепъ (*θήκη, τάφος*), въ саркофагѣ или безъ саркофага; притомъ клали въ гробницу — кромѣ любимыхъ покойникомъ предметовъ, какъ-то: оружія, украшеній, призовъ на состязаніяхъ, игрушекъ — также различную утварь, о которой мы упомянули выше (стр. 189 слѣд.). Наконецъ, послѣ воселищанія „*εὐψύχει*“ (почивай въ мирѣ!), участники погребальной процессіи разставались съ покойникомъ.

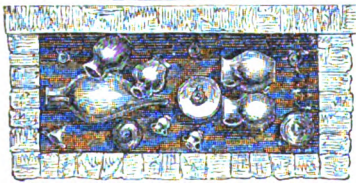
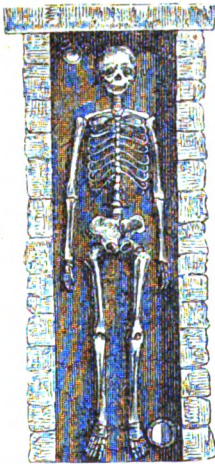

Рис. 548. Склепъ, открытый на островѣ Хилидроміи.

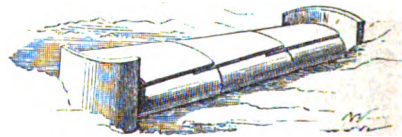

Рис. 549. Гробъ изъ жженой глины съ досками, открытый въ Атикѣ.

Рис. 548. представляетъ намъ одну изъ многочисленныхъ греческихъ могилъ, открытыхъ на островѣ Хилидроміи. Она сдѣлана изъ известняковаго камня, неглубоко въ землѣ, и трунъ въ ней положенъ прямо безъ гроба; подлѣ трупа двѣ малыя чаши и

¹⁾ Такъ могила Фукидида находилась предъ мелитскими воротами (близъ нын. астрономической обсерваторіи), Софоклова — на дорогѣ къ Декелей, Исократова — близъ Киносарга и т. д.; до вѣмѣнь Солона хоронили и подлѣ домовъ, какъ можно видѣть въ такъ наз. „скалистомъ городѣ“ на югозападѣ отъ Акрополя.

двѣ монеты. Въ ногахъ скелета найденъ меньшій склепъ, сдѣланный изъ подобнаго же камня и въ немъ складъ всякаго рода утвари, какъ-то: жертвенныя миски, кувшины и другая утварь для питья изъ жженой глины и зеркало изъ бронзы.

Глиняный гробъ, крытый тремя большими скоробленными досками, представляетъ намъ рис. 549. Подобныхъ гробовъ находится множество, преимущественно въ Атикѣ; предметы, найденные въ нихъ (подобные тѣмъ, о которыхъ мы только что упомянули) хранятся въ аѳинскихъ коллекціяхъ.

Послѣдняя форма погребенія сдѣлалась общою съ началомъ христіанства. О гробницахъ и памятникахъ мы сказали уже выше на стр. 150—156; здѣсь только замѣтимъ, что, кромѣ имени покойника, надписи содержали данныя о его жизни, наставленія живымъ, а также проклятіе тѣмъ, кто осмѣлился бы посягнуть на памятникъ. Гробница оставалась собственностью семьи, и никто чужой не могъ быть въ ней похороненъ. Если случалось, что чей нибудь трущъ — утонувшаго ли на морѣ или погибшаго въ битвѣ — не былъ найденъ, то устраивалось символическое погребеніе (*κενοτάφιον*); но объ этомъ скажемъ послѣ.

Рис. 550. Электра, несущая возліаніе на могилу Агамемнона, по рис. на вазѣ.

Отъ могилы родственники отправлялись въ домъ покойнаго на похоронный обѣдъ (*περίδειπνον*). На третій день справлялись надъ могилой поминки (*τρῖτα*), на девятый день тагъ называемыя девятины (*ἐνάτα*), главное жертвоприношеніе за покойника, а въ тридцатый (въ Спартѣ уже въ двѣнадцатый) день заканчивалось подобнымъ же жертвоприношеніемъ (*τριακάδες*) время траура. Въ теченіе всего этого времени носившіе трауръ воздерживались отъ всякихъ забавъ и увеселеній, обрѣзывали себѣ волосы (рис. 550.) и надѣвали черныя одежды (*μέλαν ἱμάτιον*, въ Аргосѣ бѣлыя). Поминки состояли отчасти изъ возліанія (*χοαί*), т. е. смѣси воды, вина и масла ¹⁾, или меда и молока (*μελίκρατον*), которою поливали могилу, отчасти изъ жертвъ сожженія, кровавыхъ (*αἱμακονοῖαι*) или безкровныхъ; для первыхъ брали овецъ (до Солона и крупный скоть), которыхъ убивали надъ могилой, кровь же сливали въ яму, мясо разрѣзывали, сожигали и зарывали на мѣстѣ; для вто-

¹⁾ Антигона Сомокла, 431 *χοαί τρισπονδοί*.

рыхъ — различное печенье и кушанья, нарочно для этого приготовленные, которые клались на могилу. Этимъ, однако, не оканчивались заботы объ умершемъ; его могила, особенно если она находилась на частной собственности, обсаживалась кипарисами и различными цвѣтами, какъ-то: мальвами, асфодилью, и обращалась въ садъ, гдѣ въ извѣстные дни праздновалась память покойника, преимущественно въ день его рожденія (*γενέσια*) и въ день смерти, а также въ день общаго поминовенія мертвыхъ (*εμμέσεια, νεκύσια*) 5го боэдроміона (конецъ сентября). Мы имѣемъ также примѣры, что наслѣдникамъ въ завѣщаніи предписывались

Рис. 551. Поминовеніе, по рисунку на аеинскомъ лекнеѣ.

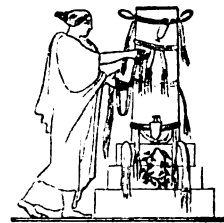

Рис. 552. Поминовеніе, по рисунку на аеин. лекнеѣ.

заупокойныя жертвоприношенія, и даже назначались суммы, на доходы съ которыхъ наслѣдники должны были совершать опредѣленные жертвоприношенія.

Такие обряды (*ἐναγίσματα, ἐναγίξιν*) представляютъ намъ помѣщенные здѣсь рисунки, сдѣланные по изображеніямъ на погребальныхъ сосудахъ (*λήκυθοι*), найденныхъ въ аеинскихъ гробницахъ; на первомъ (рис. 551.) можно видѣть въ серединѣ надгробный столбъ, обвернутый (голубою) лентой и заканчивающійся наверху пестрыми лапчатовидными листьями; справа приближается женщина, несущая на большомъ блюдѣ кувшинъ, обвернутый (голубою) лентой; слѣва другая женщина, несущая въ лѣвой рукѣ подобное же мелкое блюдо, въ правой же — низкую корзину (вѣроятно съ печеньемъ и фруктами), украшенную лентой. Второе изображеніе (рис. 552.) представляетъ намъ женщину, которая украшаетъ подобный же надгробный памятникъ (красными) лентами и на нихъ привѣшиваетъ маленькіе кувшинчики, поставивъ бѣлый со священнымъ масломъ на ступенькѣ памятника, гдѣ также лежитъ еще плюшевой вѣнокъ, которымъ она собирается украсить верхушку колонны.

Нужно упомянуть еще о торжественныхъ общихъ похоронахъ, которыхъ Аѳиняне удостоивали воиновъ, павшихъ въ бою за отечество. Описаніе такого торжества, совершавшагося (по старому обычаю, уцѣлѣвшему отъ эпохи Солоновой) въ Аѳинахъ зимою 430 г. до Р. Хр., сообщаетъ намъ Фукидидъ въ слѣдующихъ словахъ (II. 34): „Кости павшихъ въ бою выставляются въ теченіе трехъ дней въ палаткѣ, и каждый приноситъ своему какой нибудь даръ по желанію; и когда совершается погребеніе, каждая фила везетъ кости своихъ умершихъ соплеменниковъ на особой колесницѣ въ кипарисовомъ гробѣ. Однѣ носилки со всеми приспособленіями, но пустыя (отсюда *κενοτάφιον*), назначаются для тѣхъ, чьи останки для погребенія найдены не были. Сопровождаетъ процессію, кто желаетъ изъ гражданъ и иностранцевъ; при похоронахъ присутствуютъ и причитаютъ женщины-родственницы. Затѣмъ кладутъ останки въ общую могилу въ прекраснѣйшемъ аѳинскомъ предмѣстїи (т. е. Керамейкѣ); тутъ всегда хоронятъ павшихъ въ бою, за исключеніемъ мараѳонскихъ воиновъ, которые за свою особую доблесть похоронены на полѣ битвы¹⁾. Послѣ ихъ погребенія мужъ, выбранный городомъ, котораго все признаютъ человѣкомъ умнымъ и достойнымъ уваженія, произноситъ надъ ними приличную похвальную рѣчь.“ Потомъ (какъ видно изъ Демосеена, *pro cor.* § 288) нѣкоторые отцы и братья похороненныхъ, выбранные отъ города, устраивали общій похоронный обѣдъ (*περίδειπνον*) на счетъ города. Надгробная рѣчь (*ἐπιτάφιος*), вошедшая въ обычай при такихъ общихъ и торжественныхъ похоронахъ (при частныхъ ея не было) со времени персидскихъ войнъ, удержалась въ теченіе многихъ столѣтій и произносилась и въ мирное время въ память героевъ, почивающихъ въ Керамейкѣ. Во времена Цицерона въ обычаѣ была при этомъ торжествѣ надгробная рѣчь изъ Платонова діалога „Менексенъ“.

Рядомъ съ упомянутыми здѣсь погребальными обрядами и обычаями существовали въ различныхъ греческихъ областяхъ еще разные другіе обычаи, о которыхъ, въ виду ихъ разнообразія и неособенной важности, мы умолчимъ, приведя лишь въ заключеніе описаніе похоронъ спартанскихъ царей, которые, какъ потомки Геракла и слѣдовательно герои, имѣли право на особенно торжественныя похороны. У Геродота (VI. 58) мы читаемъ: „Верховные

¹⁾ Такъ-же, впрочемъ, по свидѣтельству Геродота (IX. 85), поступили и съ воинами, павшими при Платеѣ.

оповѣщаютъ объ этомъ событіи (т. е. смерти царя) по всей Лаконской странѣ, женщины же, ходя по городу, бьютъ въ котлы.¹⁾ Затѣмъ, изъ каждаго дома два свободные человѣка, мужчина и женщина, должны надѣть на себя трауръ (что дѣлалось такъ, какъ указано на стр. 615); кто этого не дѣлалъ, на тѣхъ налагали тяжелыя наказанія . . . . Изъ всей Лаконіи, кромѣ Спартіатовъ, должно было явиться на погребеніе извѣстное число періойковъ. Когда же они, илоты и Спартіаты вмѣстѣ съ женами соберутся въ одномъ мѣстѣ въ огромномъ числѣ, то они бьются съ ожесточеніемъ и предаются безмѣрной горести, утверждая о каждомъ царѣ, умершемъ послѣднимъ, что онъ былъ наилучшій. Если же умираетъ кто изъ царей на войнѣ, то дѣлаютъ его статую и выносятъ ее на хорошо убранномъ ложѣ.²⁾ Когда похоронять царя, не бываетъ въ теченіе десяти дней никакого собранія на площади, не засѣдаетъ совѣтъ выборныхъ, но втеченіе всѣхъ этихъ дней носятъ трауръ.⁴

Римскія похороны.

104. Какъ у Грековъ, такъ и у Римлянъ похороны считались священною обязанностію живыхъ (отсюда выраженія: *justa, debita facere, ferre*; сравн. греч. *τὰ δίκαια, νόμιμα, νομιζόμενα, προσήκοντα*), чему содѣйствовала также всеобщая вѣра въ печальную участь, ожидающую въ аду людей непогребенныхъ, такъ что, если кто не совершилъ похоронъ или допустилъ въ нихъ какую либо неправильность, то онъ долженъ былъ за это ежегодно передъ жатвой приносить, какъ очистительную жертву, барашка либо поросенка (*porca praesidanea*); то же самое долженъ былъ дѣлать и тотъ, кто, нашедши случайно покойника, не похоронилъ его, или по крайней мѣрѣ не посмывалъ троекратно землю.

Когда послѣднимъ поцѣлуемъ ближайшіе родственники разстались съ любимымъ человѣкомъ (*extremum spiritum ore excipere*), закрыли ему глаза и ротъ (*oculos premere*) и, какъ бы въ подтвержденіе, что покойникъ дѣйствительно мертвъ, нѣсколько разъ громко произнесли его имя (*conclamare*), и затѣмъ совершили послѣднее прощаніе (*extremum vale*): тогда наступали приготовле-

¹⁾ Пугая злыхъ духовъ.

²⁾ Съ этою цѣлью тѣло царя, для перевозки изъ чужбины на родину, клалось въ медъ или обливалось воскомъ. (Хер. Hell. V. 3, 19; Plut. Ages. 40).

нія къ погребенію, которыя, смотря по состоянію умершаго, были различны: у бѣдныхъ просты, какъ и самая процессія, а у богатыхъ чрезвычайно пышны.

Трупъ омывали теплою водою и одѣтый клали на носилки (*sandaripa*), въ прикрѣпленный къ нимъ гробъ (*capulus, λάρναξ*); затѣмъ ночью носильщики (*vesperones, vespillones*) при свѣтѣ фонарей и факеловъ (*ad faces et cereos*) относили его на общее, отведенное для бѣдныхъ кладбище (въ Римѣ оно находилось за эсквилинскими воротами, на мѣстѣ, называемомъ *Puticulae*) и тамъ или сожигали, или зарывали въ землю (*funus translaticium*, обыкновенныя, простыя похороны). Также скромно совершались похороны маленькихъ дѣтей (*acerba funera, Verg. Aen. VI. 429*).

Чтобы и менѣе зажиточные легче могли нести похоронныя издержки, составлялись общества или братства (какъ это дѣлается мѣстами и теперь, въ Италіи же повсюду), отъ которыхъ умершему члену (*sodalis*) выплачивалась на устройство похоронъ приличная сумма (*funeraticum*).

Если умирала особа патриційскаго рода или высокаго сана, обряды были очень сложны. Вслѣдъ за омовеніемъ трупъ умащали благовонными мазями и облекали въ тогу, а иногда снабжали знаками прежняго сана, затѣмъ выставляли на парадномъ одрѣ (*lectus funebris*) въ атриіи, ногами къ наружной двери. Устройство погребенія поручалось за опредѣленную плату (*funus locari*) обыкновенно распорядителямъ похоронъ (*libitinarii*, въ храмѣ богини смерти, *Venus Libitina* или *Libitina*), которые имѣли къ услугамъ патиралицковъ (*pollinctores*), носильщиковъ и могильщиковъ, плакальщицъ (*praeficae*) и всю остальную нужную прислугу, равно какъ и складъ всякихъ погребальныхъ принадлежностей, подобно современнымъ устроителямъ похоронныхъ церемоній. Подлѣ покойника лежали почетныя вѣнки, полученные имъ на состязаніяхъ и на войнѣ, монеты ¹⁾ и цвѣты; предъ ложемъ стояли кадильницы (*acerra, turibulum*), а въ преддверіи дома, въ знакѣ траура, втыкали вѣтви темнозеленыхъ деревьевъ, преимущественно кипарисовъ (*funeris, feralis cypressus*), отчасти какъ символъ смерти, отчасти какъ знакъ предостереженія противъ оскверненія, въ особенности для жрецовъ. Послѣ семидневной выставки (которая,

¹⁾ Какъ видно изъ римскихъ могилъ, было и у Римлянъ въ обычаѣ давать покойникамъ монету для Харона еще до начала пуническихъ войнъ.

какъ само собою разумѣется, дѣлалась только въ знатныхъ домахъ), на восьмой день совершалась похоронная церемонія.

Если по опредѣленію сената совершались почетныя похороны знатнаго человѣка на счетъ казны (*funus publicum, funus censorium*, потому что во время республики всѣми предпріятіями общественными завѣдывали ценсоры), то, какъ кажется, всегда до полудня, глашатаями дѣлалось оповѣщеніе (отсюда *funus indictivum*) народу, для привлеченія его къ церемоніи, а именно слѣдующими словами: *Ollus Quiris leto datus. Exsequias, quibus est commodum, ire iam tempus est. Ollus ex aedibus effertur.* (Тотъ гражданинъ похищенъ смертію. На похороны, кому возможно, идти уже пора. Его выносить изъ дому). Съ такими похоронами обыкновенно были соединены игры. Когда собралась публика, распорядители (*dissignatores*), имѣя подъ рукою одного или нѣсколькихъ ликторовъ и официальныхъ прислужниковъ (*lictiores, accensi*), устраивали торжественную процессію на подобіе той, которая устраивалась въ циркъ (стр. 489) или по случаю триумфа.

Во главѣ процессіи шли музыканты (*siticines*), число которыхъ законъ XII таблицъ ограничивалъ десятью, съ трубами, кларнетами и рожками (*tubae, tibiae, cornua*); затѣмъ наемныя плакальщицы, которыя подъ звуки кларнетовъ (*Cic. Legg. II. 24*) заунывнымъ голосомъ пѣли похвалы (*neniae, mortualia*) покойнику; этотъ обычай держался до пуническихъ войнъ, когда наконецъ, вслѣдствіе нелѣпости и грубости этихъ жалобныхъ пѣсень, онъ мало по малу прекратился. За плакальщицами слѣдовалъ хоръ мимистовъ, которые не только произносили назидательныя рѣчи и подходящія къ случаю мѣста изъ трагическихъ поэтовъ, но также, для рѣзкаго контраста настоящему трауру, притомъ въ формѣ, оскорбляющей наше современное чувство, танцовали, одѣтые въ маски сатировъ, веселые танцы, а одинъ изъ нихъ (вѣроятно, первый актеръ, *archimimus*) даже представлялъ фигуру и манеры покойника (см. въ особ. *Suet. Vesp. 19*).

Музыканты и актеры были одѣты въ роскошныя одежды. При погребеніи напр. Кесаря, они были одѣты въ платья, „взятые ими изъ триумфальнаго склада“ (*Suet. Div. Jul. 84*).

Потомъ слѣдовала самая блестящая часть процессіи. Восковныя маски, изображающія лица предковъ (*imagines maiorum*), вынимались изъ шкафовъ въ атриумъ, гдѣ до тѣхъ поръ онѣ находились, и надѣвались на лица нанятыхъ для этой цѣли людей (обыкновенно актеровъ), которые были одѣты въ платья и снаб-

жены отличіями, принадлежавшими покойнику. Такимъ образомъ ѣхали ценсоры, консулы, преторы минувшихъ вѣковъ, какъ будто вставшіе изъ гробовъ и явившіеся сопровождать своего потомка на вѣчный покой, каждый сидя на своей колесницѣ (*tensa*), предъ которою выступали ликторы. Великолѣпные подобной процессіи мы можемъ себѣ представить, если вспомнимъ, что при погребеніи изъ старопатриційской семьи, на которое и побочныя вѣтви для торжества высылали свои *imagines*, набирались нерѣдко цѣлыя сотни колесницъ съ предками. Такъ при похоронахъ Марцелла ихъ было не менѣе 600; но несмѣтное число ихъ было при похоронахъ Августа, когда, по свидѣтельству Діона Кассія (LVI. 34), везли не только предковъ его и остальныхъ родственниковъ (за исключеніемъ Кесаря, который причисленъ былъ къ полубогамъ), но и прочихъ Римлянъ, которые, начиная отъ Ромула (!), чѣмъ нибудь прославились. Если покойникъ прославилъ себя военными подвигами, то предъ нимъ несли изображенія завоеванныхъ странъ и городовъ (какъ при триумфахъ), предъ которыми тоже шли ликторы съ опущенными пучками прутьевъ (*fascēs*).

Покойникъ лежалъ въ прямомъ положеніи и въ полномъ облаченіи (т. е. въ тогѣ съ пурпуровой каймою, либо, если онъ былъ ценсоромъ, въ тогѣ, которая вся была пурпуроваго цвѣта), на носилкахъ изъ слоновой кости (*lectus, lectica, feretrum*), роскошно убранныхъ и покрытыхъ пурпуромъ, а если былъ въ гробу (что было въ обычаѣ у позднѣйшихъ императоровъ), то на немъ ставилась восковая фигура покойника (*Tac. Ann. III. 6 proposita toto effigies*). Несли покойника либо сыновья, либо ближайшіе родственники, либо рабы, только что отпущенные на волю по завѣщанію и въ знакъ этого имѣющіе на головахъ войлочные шляпы (*pileus*); въ нѣкоторыхъ же случаяхъ несли всадники, сенаторы и чиновники. За гробомъ шли (*funus prosequi*) друзья и знакомые обоюга пола, не сдерживая громкихъ жалобъ (*planctus mulierum*)¹⁾ и бросая цвѣты, ленты и остриженные волосы; сыновья слѣдовали съ покрытыми головами, дочери безъ покрывалъ съ распущенными волосами (*passis crinibus*), чиновники безъ знаковъ отличія, матроны безъ всякихъ украшеній, всѣ въ темныхъ платьяхъ (отсюда выраженія: *pullati proceres, atrata plebes*). Только въ позднѣйшую эпоху императоровъ бѣлое платье

¹⁾ Неумѣренныя проявленія скорби упоминаются и при римскихъ похоронахъ, какъ-то царапаніе груди, лица (хотя послѣднее было запрещено закономъ XII таблицъ: *mulieres genas ne radunto*).

сдѣлалось траурнымъ у матронъ. Дальнѣйшими знаками траура были разрываніе на себѣ одежды, сложеніе съ себя роскошныхъ одеждъ, прекращеніе бритвы и стрижки волосъ, воздержаніе отъ пировъ, купанья, театровъ и т. п.

Когда процессія достигала форума, она останавливалась предъ каедрой (*rostra*); носилки съ покойникомъ опускались на землю, изображенія предковъ снимались съ колесницъ и размѣщались вокругъ на сдѣлалицахъ изъ слоновой кости. Хотя намъ можетъ казаться смѣшною эта фантастическая сцена, тѣмъ не менѣе очевидецъ и серьезный свидѣтель замѣтилъ: „трудно, чтобы молодой человекъ, стремящійся къ славѣ и добру, видѣлъ болѣе прекрасное зрѣлище“ (*Polyb. VI. 53, 9*). Когда остальная публика, насколько хватало мѣста, установилась кругомъ, выступалъ сынъ покойника или близкій родственникъ (если похороны устраивались на счетъ правительства, то ораторъ, выбранный сенатомъ) на каедру и произносилъ похвальное слово умершему (*laudatio funebris*), — стародавній обычай римскій, удержавшійся до позднѣйшихъ временъ. Ораторъ упоминалъ и о заслугахъ предковъ, которыхъ *imagines* находились налицо, начиная отъ древнѣйшихъ, при чемъ, въ ущербъ исторической истинѣ, дѣло представлялось въ болѣе свѣтлыхъ краскахъ (*Cic. Brutus 16, Liv. VIII. 40*). Такія публичные похвальные слова приходилось иногда, хотя очень рѣдко, произносить и женщинамъ. — Съ форума процессія отправлялась въ вышеозначенномъ порядкѣ къ мѣсту погребенія, которое находилось за городомъ ¹⁾ и при томъ или на собственной землѣ, или за воротами близъ главной дороги, для того чтобы проходящіе, имѣя передъ глазами памятники и читая надписи на нихъ, какъ можно чаще вспоминали погребенныхъ.

Подобно греческимъ кенотафіямъ (стр. 619) устраивались и для отсутствующихъ покойниковъ почетныя могилы (*tumuli honorarii*, *Suet. Claud. 1*); и если нельзя было доставить останки ихъ въ Римъ, устраивалось погребеніе надъ изображеніемъ умершаго (отсюда *funus imaginarium, funus imagini ductum*, символическое погребеніе, *Jul. Capit. Pertinax 15; Ael. Spart. Alex. Sev. 7*).

Древнѣйшій способъ погребенія въ Римѣ и въ Италіи вообще былъ сходенъ съ нашимъ: тѣло клали въ гробъ (*сарулюс*, *арса*, также *solium* и *loculus*) обыкновенно деревянный, нерѣдко также каменный (см. напр. саркофагъ Сципіоновъ стр. 157), и

¹⁾ О мѣстѣ погребенія императоровъ см. стр. 160.

предавали землѣ (*humatio*), изъ которой оно возникло, и покрывали ею (*Cic. Legg. II. 22, 56*). Такъ обыкновенно погребались дѣти и большинство бѣдныхъ во все время; нѣкоторые же семейства продолжали погребать умершихъ уже и тогда, когда сожженіе давно вошло въ общее употребленіе; такъ напр. Сулла (*Cic. Legg. II. 22*) былъ первый изъ рода Корнеліевъ патриційской вѣтви, котораго тѣло было сожжено согласно его желанію. Въ позднѣйшее время имперіи возвращались къ древнѣйшему обычаю, пока наконецъ съ распространеніемъ христіанства сожиганіе труповъ исчезло совершенно.

Посредствомъ сожженія, тѣло, по мнѣнію древнихъ, приносилось въ жертву богамъ, а душа возносилась къ небу, откуда вышла. При торжественныхъ похоронахъ сожженіе было въ обычаѣ въ послѣдніе вѣка республики и въ первые — имперіи. Когда процессія достигала мѣста сожженія (*ustrinum* и *ustrina*), которое принадлежало или семьѣ и находилось близъ могилы, или городу и было слѣдовательно общественнымъ (*ustrina publica*) и доступнымъ также для людей менѣе состоятельныхъ, тогда друзья поднимали носилки съ покойникомъ и клали его на костеръ (*rogus, pyra*), иногда значительно высокой, сдѣланный на подобіе жертвенника (отсюда *ara sepulcra*, *Verg. Aen. VI. 177*) изъ дерева и другого горючаго матеріала, оплетенный темнозелеными вѣтвями, либо обставленный кипарисами. Умершему оставлялись платье и всё украшенія, оружіе, утварь и пр., которыя были ему всего дороже при жизни; кромѣ того присутствующіе бросали на костеръ различные дары: платье, ковры, ладонь, благовонныя мази и съѣдобные предметы. Наконецъ, отворотивъ лице, костеръ зажигали ближайшіе родные, и плакальщицы начинали еще разъ жалобное причитанье (*conclamatio*). Иногда, во время горѣнія костра, происходили гладіаторскія игры; но обыкновенно онѣ совершались послѣ похоронъ (см. стр. 511). Когда огонь погасалъ, горячій пепелъ тушили водой (въ позднѣйшее время иногда также виномъ), и родственники, умывъ руки (и сбросивъ обувь), собирали изъ простывшаго пепла (*bustum*) кости въ полу траурнаго платья (*ossilegium*), взывая при этомъ къ духу умершаго (*manes*); затѣмъ высушивъ ихъ на вѣтру, складывали (*condere*) въ урны (*urna* или *olla ossuaria, cineraria*) изъ глины, стекла, мрамора и другихъ камней, иногда изъ бронзы, серебра и золота, и ставили ихъ въ нишу (*columbar*, см. стр. 157) гробницы (*componere — compositi, conditi, siti*). Рис. 553. представляетъ намъ стеклянную урну, вставленную въ свинцовый сосудъ; нѣсколько такихъ сосудовъ найдено въ

гробницѣ Неволен Тихи (см. стр. 157). На рисункѣ 554. представлено изображеніе глиняной урны, какихъ много донныѣ напдается въ общихъ гробницахъ (см. стр. 157); на крышкѣ (*operculum*) изъ женой глины начертано имя лица (*Flavia Gemina*), пенель котораго содержится въ сосудѣ ¹⁾. Наконецъ желали праху мирнаго успокоенія (*Ave anima candida*, или: *terra tibi levis sit*, или: *molliter subent ossa*), и родственники, въ знакъ очищенія окрошенные священною водою, послѣ словъ „*ilicet*“ (можно расхотиться), расхотились по домамъ. Если трупъ не сожгали, то его клали со всею обстановкою, съ носилками и гробомъ (*sarcophagomъ*) либо безъ нихъ, въ могилу или въ склепъ. Рис. 555. пред-

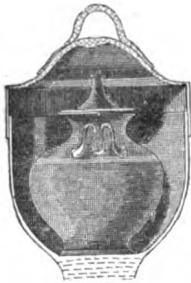

Рис. 553. Стекланная урна, изъ гробницы Неволен Тихи въ Помпеяхъ.

Рис. 554. Урна изъ женой глины, изъ римской гробницы.

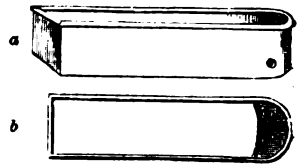

Рис. 555. Гробъ изъ женой глины, по античному оригиналу.

ставляетъ нижнюю часть гроба изъ женой глины сбоку (а) и съ перспективой внутрь (b), гдѣ обозначено мѣсто, приподнятое для головы. Черезъ дыровидныя отверстія вливались въ гробъ благовонныя жидкости.

Послѣ погребенія (въ древнѣйшую эпоху, вѣроятно, тутъ-же на могилѣ) на девятый день, когда были совершены на могилѣ жертвоприношенія, въ домѣ умершаго устраивалось пиръшество (*sepa novemdialis* или *silicernium*), и этимъ днемъ оканчивалось

¹⁾ Въ этихъ урнахъ кости найдены были (*Overbeck Romp. II. 30*) въ растворѣ изъ воды, вина и масла; о прибавленія къ подобному раствору благовонныхъ жидкостей и мазей свидѣтельствуютъ мѣста изъ *Ov. Fasti III. 561* и *Tibull. I. 3, 7*, и такой-же греческій обычай (см. стр. 613). Потому-то намъ представляется бездоказательнымъ мнѣніе Марквардта V. 379, что просушка пепла продолжалась долго и что вслѣдствіе этого погребеніе оставовъ совершалось лишь по истеченіи нѣсколькихъ дней послѣ сожженія.

время траура. Кромѣ этого чрезъ нѣкоторое время устраивалось второе, болѣе великолѣпное пиршество (*sena feralis*, первоначально, можетъ быть, тоже что *feriae denicales*, для очищенія всей семьи), народъ угощался на форумѣ, обыкновенно впрочемъ надѣляли его мясомъ (*visceratio*) или деньгами, и давались гладіаторскія игры (*ludi funebres*).

Въ годовщину смерти (или рожденія) совершали поминки мертвыхъ жертвоприношеніями на могилахъ (*parentalia*) и зажиганіемъ множества огней (*Suet. Aug. 98*). Приносили въ жертву обыкновенно овецъ, клали на могилы кушанья (яйца, хлѣбъ, соль, вино и особливо бобы) и цвѣты (*escae et rosae*), и поливали ихъ благо-

Рис. 556. Костеръ обоготворенія, по монетѣ Каракаллы.

Рис. 557. Орелъ, уносящій обоготвореннаго на небо, по Титовой колоннѣ.

вонными жидкостями или молокомъ, масломъ и медомъ, что называлось *profusiones* (сравни греч. *χοαί*, стр. 617), и устраивали или на могилахъ (см. стр. 159) или дома въ семьяхъ, среди друзей, пиршества.

Въ заключеніе упомянемъ еще объ обрядѣ обоготворенія (*consecratio*, *ἀποθέωσις*, *ἀπαθανάτισις*, *ἀφιέρωσις*). Почестъ эта впервые воздана была Кесарю, по опредѣленію сената, а затѣмъ многимъ императорамъ и императрицамъ до Константина. Судя по описанію Геродіана (IV. 2), это дѣлалось такъ. Когда тѣло обычнымъ порядкомъ было сожжено и погребено, клали восковое изображеніе покойника, какъ будто тяжко больнаго, на пышное ложе, и въ теченіе семи дней его навѣщали врачи и сенаторы въ темныхъ тогахъ и знатныя дамы въ бѣлыхъ¹⁾ стѣлахъ; затѣмъ, какъ бы уже умершаго, его выносили на форумъ и тутъ надѣ-

¹⁾ Бѣлый цвѣтъ сдѣлался выраженіемъ траура у женщинъ во времена послѣднихъ императоровъ.

нимъ совершались жалобныя пѣснопѣнія; потомъ относили его въ торжественной процессіи на Марсово поле. Здѣсь ставили костеръ или жертвенникъ, въ видѣ нѣкотораго маяка, въ нѣсколько этажей, внутри наполненный сухими щепками, а извнѣ какъ можно великолѣпнѣе украшенный коврами, статуями, картинами и цвѣтами (рис. 556.). Во второмъ этажѣ помѣщалась упомянутая восковая фигура вмѣстѣ съ ложемъ и посыналась ѳиміамомъ и другими благовоніями. Затѣмъ объѣзжали костеръ всадники на красивыхъ лошадяхъ и процессія, подобная той, которую мы видѣли на стр. 622 и 623, представляющая бывшихъ императоровъ и бывшихъ полководцевъ. Всѣ эти лица и многіе другіе изъ знатной публики окружали жертвенникъ большимъ кругомъ, и (обыкновенно) наслѣдникъ престола поджигалъ его, при чемъ изъ самаго верхняго этажа вылеталъ орелъ, унося, по народному вѣрованію (Suet. Aug. 100) ¹⁾, душу на небо. То и другое наглядно представляютъ намъ рисунки 556. и 557., первый, сдѣланный по монетѣ Каракаллы съ надписью „Consecratio“, второй — по барельефу на коробовомъ сводѣ триумфальной арки императора Тита.

---

¹⁾ Что это именно было причиною того, что выпускали орла, не подлежитъ сомнѣнію. Такой обрядъ существовалъ и прежде, когда еще собственно обоготворенія не было, какъ напр. при погребеніи Августа, какъ говоритъ Діонъ Кассій (LVI. 42): *καὶ ἡ μὲν (πυρὰ) ἀνελίσσεται, ἀετὸς δὲ τις ἐξ ἀφ' αὐτῆς ἀφεθείς ἀνίστατο ὡς καὶ δὴ τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἐς τὸν οὐρανὸν ἀναφέρειων.* — Первое изображеніе орла находимъ на сводѣ триумфальной арки Тита.

I. Γρετσικήν указатель.

A.

ἄβαξ 6, 256, 295.
 ἀγῆμα 565.
 ἀγκύλη 536.
 ἀγκύραι 409.
 ἀγκῶνες 167, 464, 609.
 ἀγορά 71; περι ἀγορὰν πλή-
 θουσιν 202, ἀγορὰν παρ-
 ἔχειν 556.
 ἀγοραῖος (δ ἄ. ὄχλος) 556.
 ἀγοραστής 321.
 Ἀγριαῖνες 565.
 ἀγρῆμος 454.
 ἀγχειν 475.
 ἀγχιέμαχοι 552.
 ἀγωγή εἰς κέρασ 560.
 ἀγῶν ἱππικός 479.
 ἀγῶνες ἀλεκτρονίων και
 ὄρνυων 256; ἄ. γυμνι-
 κοί 473; ἄ. μουσικῆς 295.
 ἀγωνισταί 457.
 ἀγωνιστική 297.
 ἀγασσοῦται 459.
 ἄδοντον 18.
 ἀετός 10.
 ἀέτωμα 10.
 ἄξυμος (ἄρτος) 250.
 ἀθάση 136.
 Ἀθηναῖ Νίκη 13.
 ἀθλητική 297.
 ἀθλοθέται 452.
 αἰγίλων 136.
 αἰγίς 546.
 αἰθαλόεν (μέγαρον) 100.
 αἰθουσα 99.
 αἰθουσι (οἶνος) 247.
 αἰμακονορία 617.
 αἰματία 254.
 αἰνύματα 254.

αἰολοθώρηξ 533.
 αἰτεῖν χορόν 456.
 αἰχμή 529.
 αἰώρα 295.
 αἰώρημα 460.
 Ἀκαδημία 61.
 Ἀκκώ 292.
 ἀκόλουθοι 821.
 ἄκοντες 529.
 ἀκόντιον 536.
 ἀκοντισμός 298, 478.
 ἀκοντισταί 557, 564.
 ἀκράτισμα 248.
 ἄκρατος 247, 248.
 ἀκροάματα 271.
 ἀκροχειρισμός 479.
 ἀκρωτήριον 11.
 ἀκτῆ 247.
 ἀκωκή 529.
 ἀλάβαστρον 181.
 ἄλεισον 183.
 ἀλειφροῦσαι 298.
 ἀλεκτρονίων ἀγῶνες 258.
 Ἀλέξανδρος (βροσοῦς) 257.
 ἄλες ἡδυσμένοι 251.
 ἀλνθησις 476.
 ἀλλᾶς 250.
 ἄλμα 298, 477.
 ἄλμη 250, 266.
 ἄλοβα (λερά ἄ.) 421.
 ἀλτήρες 477.
 ἀλύται 474.
 ἄλφι, ἄλφιστα 247, 249.
 ἀλφιτοποιία 348.
 Ἄλφιστῶ 292.
 ἄμαξα 333.
 ἀμαξίδες 293.
 ἀμαξίτοι 87.
 ἀμυρολίαν 534.
 ἀμόργηνα 225.

ἄμπελοι (βοσκ.) 608.
 ἄμπυξ 239.
 ἀμυστι πίνειν 252.
 ἀμψιδρόμια 292.
 ἀμψιδάλαμος 101.
 ἀμψιδέατρον 49.
 ἀμψιδουροι (οἰκίαι ἄ.) 105.
 ἀμψικέφαλος (κλίση ἄ.) 170.
 ἀμψικύπελλον (δέπας ἄ.)
 183.
 ἀμψιμάσχαλος (χιτών ἄ.)
 206.
 ἀμψιπρόστυλος (ναός ἄ.) 18.
 ἀμφορεύς 179, 395, 897.
 ἀναβαθμοί 105.
 ἀναβάλλεσθαι ἐπι δεξιά
 212.
 ἀναβάτης 481.
 ἀνάγλυφα 242.
 ἀναθέσθαι (въ нгрѣ въ
 вѣмешекъ) 255.
 ἀνάθημα 416.
 ἀνάθηματα δαιτός 246.
 ἀνάκλιτρον 170.
 ἀνατρέπειν (въ борбѣ) 475.
 ἀνδράποδον 320, 326.
 ἀνδρείκειον 243.
 ἀνδρών 101.
 ἀνδραοντίς 104.
 ἀνελίττειν 366.
 ἀνθράκια 105, 185.
 ἀντικομητής 297.
 ἄντυξ 541.
 ἀξίλη 531.
 ἄξων 541.
 αἰοδός 246, 612.
 ἄορ 529.
 ἄορτήφ 529.
 ἀπαγορεύειν (въ борбѣ)
 479.

ἀπαθανάτις 627.
 ἀπατοῦρα 292.
 ἀπελεύθεροι 324.
 ἀπίη 338.
 ἀπνευστί πίνειν 252.
 ἀποβάτης 481.
 ἀποδιδρασκίνδα 293.
 ἀποδυτήριον 61.
 ἀποθέωσις 627.
 ἀποθήκη 101.
 ἀπολυμαίνεσθαι 415.
 ἀπολείπειν 285.
 ἀπόλεψις 285.
 ἀπόλεκτοι 564, 586.
 ἀπομαγδαλλία, -ίς 249.
 ἀπονίξιν 249.
 ἀπονίψασθαι 250.
 ἀποξέσθαι 68, 298.
 ἀπόπατος 106.
 ἀπόρραξις 298.
 ἀποστασίον (δική) 324.
 ἀποτριάει (ἔνθ βορηδῆ) 476.
 ἀποτροπαῖοι (θεοὶ ἄ.) 421.
 ἀποφορά 321.
 ἀποχειροβλάτοι 346.
 ἀρβύλαι 235.
 ἀργυροκόποι 347.
 ἀργυρότοξος 530.
 ἀργυρωνητοί 320.
 ἀράνιον 615.
 ἀρητήρ 422.
 ἀρίστεν 56.
 ἀριστον 245, 248.
 ἄρμα 541.
 ἄροτρον 138.
 ἄρουρα 397.
 ἀρτιάξιν (ἡγρᾶ) 293.
 ἀροτοποιία 348.
 ἄροτος 247, 249.
 ἀρύταινα 182, 188, 275.
 ἀρχαιονόμος 423.
 ἀρχιτέκτονες 347.
 ἄρχοντες τῶν σκευοφόρων 560.
 ἄρχων τῆς πόσεως 252.
 ἀσάμινθοι 188.
 ἀσάνδιον 406.
 ἀσάρατος (οἶκος ἄ.) 129.
 ἀσβολος 243.
 ἀσκάτης 170.
 ἀσκαύλης 469.
 ἀσκός 181.
 ἄσματα 498.
 ἀσπιδοπηγοί 347.
 ἀσπίς 535, 536, 540, 547;
 ἄ. οἰσύνῃ 540; παρ' ἀσ-
 πίδα 559.
 ἀσπίδα (-ί) 284.
 ἀστράβη 334.
 ἀστράγαλος 9, 256.

ἀστρονομία 800.
 ἄτρακτος 227.
 ἄττικὸν σημεῖον 407.
 ἄττικουργίς (βάσις ἄ.) 7.
 ἀυθέφης 185.
 αὐλαία 43, 105.
 αὐλειος θύρα 101.
 αὐλή 98, 99, 101, 108.
 αὐλήσις (ψιλή ἄ.) 296.
 αὐλητική 296.
 αὐλοποιοί 347.
 αὐλός 208, 466—468, 529;
 ἄ. ἔλυμος 467; ἄ. πολύτη-
 τος 468.
 αὐλοτρυπαί 347.
 αὐλωδική 296.
 αὐλώπις τρυφάλεια 532.
 αὐτόγγυον (ἄροτρον) 138.
 αὐτόπυρος (ἄροτος) 250.
 αὐτοχόωνος (σάλος) 477.
 ἄφεις 53, 56.
 ἀφή 61, 298.
 ἀφιέωσις 627.
 ἄφλαστον 407.
 ἄφροδίτη (ἑροσοῦς) 257.
 ἀφή 250.
 ἀφύσσειν 246.
 ἀχίτων 209.
 ἀχράδες 146.
 ἀχρηφος (δακτύλιος) 241.
 ἀψίς 78.

B.

βάθος 558.
 βαθύζωνος 209.
 βαθύκολπος 209.
 βακτηρία 244.
 βαλαναγρα 105.
 βαλανεῖον 61, 278, 276.
 βαλανεύς 274.
 βαλβίς 477.
 βάναυσος 346.
 βάριβιτον 464.
 βαρύνιτον 464.
 βασιλεύς (τῆς πόσεως) 252.
 βασιλεύς (ἡρεμῆ) 424.
 βασιλική (στοῦ β.) 78.
 βασιλινδα 293.
 βασιλινδα 293.
 βάσις 7, 609; β. ἄττικουρ-
 γίς 7.
 βατήρ 477.
 βαυκαλήματα 292.
 βαυκαλις 182.
 βαυκίδες 286.
 βαφα 254.
 βαφεῖς 348.
 βελόνη 232.
 βέλος 530.
 βήμα 80.
 βιβλιοκάπηλοι 369.

βιβλίον 366.
 βίδει 302.
 βίκος 179.
 βόθρος 419.
 βολίς 409.
 βόλος 256.
 βομβίνιον 225.
 βομβύλιος 180.
 βόμβυξ 466.
 βότρους 247.
 βοῦα 302.
 βουάγωγ 302.
 βουκράνιον 30.
 βουτετήριον 80.
 βουλετικόν 39, 459.
 βουλή 80.
 βουτεροσηδόν 295.
 βρόμος 136.
 βρουτέιον 460.
 βύβλος 294, 363.
 βυκάνη 472.
 βυρσοδέψαι 348.
 βυρσοσ 224.
 βωμός 23, 422.

Γ.

γαμῆν ἐκ τῶν ὁμοίων 284.
 γαμικόν (δείκνον γ.) 248.
 γαμοδία 285.
 γάρον 266.
 γεισιποδες 105.
 γείσον 9.
 Γελλῶ 292.
 γελατοποιοί 257.
 γενέθλιον (δείκνον γ.) 248.
 γενέσια 618.
 γέρονος 460.
 γέφυρα 87.
 γεωγραφία 300.
 γεωμετρία 300.
 γῆ κεραμίτις 188.
 γῆ κιμωλία 275.
 Γῆρας (κομ. Ἀριστοῦ.) 462.
 γῆς περίοδοι 300.
 γίγγλυμοι 539.
 γλαφυρή (φόμιγξ) 465.
 γλυφίς 8, 530.
 γλώσσα (ἡμετερε) 466.
 γλωττοποιοί 347.
 γναφεῖς 348.
 γνώμων 202.
 Γοργῶ 292.
 γραμμα 400.
 γραμματεῖς 301.
 γραμματιδίον 249.
 γραμματική 294.
 γραμμῆ (ἑρα γ.) 255.
 γραφαὶ οἰκημάτων 104.
 γραφεῖον, γραφίον 294, 363.

γραφή 300.
 γραῶν μῦθοι 293.
 γράφοι 254.
 γράψ (сочудъ) 184.
 γυάλα 532, 533.
 γυῆς 139.
 γυμνάζεσθαι 298.
 γυμνασίαρχος 297.
 γυμνάσιον 61, 297.
 γυμνασταί 296.
 γυμναστική 294.
 γυμνήτες 557.
 γυμνοί 557.
 γυναικάντις 104, 304, 309.

Δ.

δάδες 195, 196.
 δαίς 245.
 δαιτρός 246.
 δάκτυλος (μῦτρα) 396, 397.
 δακτύλιον ἐπάλλαξις (μῦτρα)
 257.
 δαμοσία 561; οἱ περὶ δ. 561.
 δαναήκη 613.
 δαρεϊκός 337.
 δείγμα 92.
 δείλη (περὶ δείλην) 201.
 δεῖπνον 245, 249, 259, 275;
 δ. ἀπὸ σπυρίδος 248; τὸ
 ἐντελὲς δ. 249.
 δεκάτη 292, 372.
 δεκατῶναι 372.
 δεκτίον δίπτυχον 291.
 δέκτοι 294.
 δέμνια 170.
 δέπας 183.
 δεσπότης 230.
 δεταί 196.
 δευτεράγωνιστής 457.
 δεύτεροι τράπεζαι 249.
 δημοδοινία 420.
 δημοσίαι 322.
 διαζώματα 38.
 διάθουρα 101.
 διαμασίγασις 302.
 διαξάλειναι 227.
 διάστημα πορευτικόν 558.
 διάυλος 475.
 διαφανῆ (εἴματα δ.) 225.
 διαφράγματα 410.
 δίβαφος 226.
 διδασκαλίον 293.
 διδόναι χορὸν 456.
 δίδραχμον 386, 388.
 διηγκυλωμένοι (δάκτυλοι δ.)
 536.
 διήρης στέγος 105.
 δίκη ἀποστασίον 324.
 δικλίδες (θύραι) 93.

Διονύσια 455.
 δίπλαξ (χλαῖνα) 215.
 διπλή στοά 78.
 διπλοῖ ναοί 17.
 διπλοῖδιον 208, 220.
 διπλοῖς 215.
 δίπτερος (ναός) 15.
 δίπτυχον 294.
 διακοβολία 298, 477.
 διακοβόλος 476.
 δίσκος (верхъ лампы) 197.
 διαφαλαγγία (πορεία) 559.
 διαφθέραι (для письма) 294,
 366; 561.
 δίφρος 167, 333, 541; δ.
 ὀκλαδίας 167.
 διαφροφόροι 453.
 δίχαλκον 388.
 διαῖβον 386, 388.
 δμῶς 320.
 δόλιγος 475.
 δόλων 408.
 δόμος 99.
 δόναξ 530.
 δορός 181.
 δόρα (ον) 245.
 δῶρον 529, 536, 565; παρὰ δ.
 559.
 δορυάλωτοι 320.
 δορυφόρος 500.
 δοῦλος 319, 324, 326; δ.
 στιγματίας 323.
 δοχμή 396.
 δραγάματα 186.
 δραχμή 384, 388.
 δραπανηφόρα (ἄρματα) 541.
 δροίτη 616.
 δραμαίφιον ἡμαρ 292.
 δρόμοι (въ гимназiи) 61, 62.
 δρόμος (въ гншподромѣ) 54.
 δρόμος (δῶγ) 298, 478.
 δρόμος ἵππων τελείων 479.
 δροσῶν 405.
 δρασημία 420.
 δῶμα 99.
 δωμάτιον 101.
 δῶρον 396.

Ε.

ἐγγύη, ἐγγύησις 284.
 ἐγκοιλία 406.
 ἐγκύκλιος παιδεία 300, 318.
 ἐγγος 529, 547.
 ἐδνα 283.
 ἐδραῖοι τεχνίται 316.
 ἐδώλια 40.
 εἰκόσοροι (νήες) 404.
 εἰκοστή 372.

εἰκοστολόγοι 372.
 εἰκὼν 152.
 εἰλαπλήνη 246.
 εἴματα διαφανῆ 225.
 εἰρενες 303.
 Ἐκάτη προθυριδία 102.
 ἐκατόμβη 418.
 ἐκατόμπεδον 15.
 ἐκατόμυλοι 85.
 ἐκατόντοροι (νήες) 454.
 ἐκβάλλειν 459.
 ἐκεχειρία 452.
 ἐκκύλημα 459.
 ἐκπέπειν, ἐκπεμφίς 236.
 ἐκπίπτειν (ὀβῆ ἀκτερεῖ) 459.
 ἐκπώματα ὑάλινα, λιθοκόλλ-
 λητα, γυροκόλλητα 193.
 ἐκτεῦς 396.
 ἔκτυπα 342.
 ἐκπορά (архнт.) 7; (въ-
 постъ) 615.
 ἐλαίη 247.
 ἐλαιοθέσιον 61.
 ἔλαιον τεθνωμένον 243; ἐ.
 ἐκ γάλακτος 250.
 ἔλαφος (сочудъ) 184.
 ἔλεγχοι 615.
 ἐλεύθερος 320.
 ἐλικτήρες 239.
 ἐλκεσίπεπλοι 214.
 ἐλκερίτωνα 208.
 Ἐλλανοδίκαι 473.
 ἔλληδανοί 136.
 ἔλλμενιον 372.
 ἔλλμενισταί 372.
 ἔλλόβια 239.
 ἔλλυγνον 197.
 ἔλυμα 138.
 ἔλυμος (ἀνλός ἐ.) 467.
 ἐμβάδες 235, 462.
 ἐμβάται 236.
 ἐμβατήριος (παίαν) 562.
 ἐμβολή 606.
 ἐμβολον 53, 407.
 ἐμπνευστά (ὄργανα ἐ.) 463.
 ἐμπορος 372.
 Ἐμπουσα 292.
 ἐμπρομαντία 421.
 ἐμπροφροί 562.
 ἐναγίλειν 420, 618.
 ἐναγίσματα 420, 618.
 ἐναγώνιος (νόμος ἐ.) 473.
 ἐναγώνιος (πύκνωσις ἐ.) 558.
 ἔναρα 552.
 ἔνατα 617.
 ἐνδρομίδες 236.
 ἐνδύματα 205.
 ἐνευναῖα στρώματα 171.
 Ἐνεάκρονος 285.
 ἐνοπρον 242.

ἔντασις (αρχιτ.) 5.
 ἐντέμνυν 420.
 ἔντομα 420.
 ἐνωμοτάρχης 556.
 ἐνωμοτία 556, 557, 563.
 ἐνώτια 239.
 ἐξαίρειν (ακτερα) 459.
 ἐξαπόδοις 397.
 ἐξέδρα 101.
 ἐξειλεῖν (свѣтоубъ) 366.
 ἐξήρεις (νήες) 406.
 ἐξωμοδοποιοὶ 347.
 ἐξωμῖς (χιτῶν ἐ.) 207.
 ἐξώστρα 459.
 ἐπαίκλια 251.
 ἐπάλλαξις δακτύλων (πтра)
 257.
 ἔπαλιξις 84.
 ἐπιβάθρα 609.
 ἐπιβάται 411.
 ἐπίβλημα 171, 205.
 ἐπιγύνοιον 464.
 ἐπιδείξεις 300.
 ἐπίδειπνα 251.
 ἐπιδιφορέας 541.
 ἐπιδόσηια 251.
 ἐπιδόρηποι τράπεζαι 251.
 ἐπιδορήσιματα 251.
 ἐπίδημα 151.
 ἐπιθυμιάτορες 423.
 ἐπικήδεια 615.
 ἐπίκουροι 551.
 ἐπίκουρος (Απόλλων ἐ.) 19.
 ἐπίκρανον (капитель) 6.
 ἐπίκραιον 403.
 ἐπιμεληταὶ 454.
 ἐπίσειστος (κόμη) 461.
 ἐπισκήνια 42.
 ἐπισκυρος 293.
 ἐπιστέφεσθαι 246.
 ἐπιστήμη 346.
 ἐπιστύλιον 8.
 ἐπισφύριον 535.
 ἐπίσωτρον 541.
 ἐπιτάφιος 619.
 ἐπίτονοι 409.
 ἐπίτροπος 321.
 ἐπιφορήματα 247, 251.
 ἐπιχεῖν 182.
 ἐπιχυσίς 182.
 ἐποιχεσθαι (ιστόν) 227.
 ἐπόπτης 411, 454.
 ἔποχον 542.
 ἐπάγγλωσσος (φόρμιγξ) 465.
 ἐπωμῖς (χιτῶν ἐ.) 207.
 ἐπωνυμιοὶ (ἐν τοῖς ἐ.) 553.
 ἐπωτίδες 408.
 ἔρανος 246, 248.
 ἐργαστήριον 321.
 ἐργολάβοι 347.

ἐργῶναι 347.
 ἐρέβινθοι 247.
 ἐρέται 409.
 ἐρετμά 403, 409.
 ἔρια ξαίνειν 227.
 ἐρί(γ)δουπος 99.
 ἐριθοὶ 320.
 Ἐρμαῖ 21.
 ἔρματα 239, 404.
 Ἐρμηῖς προπύλαιος 102.
 ἐρμητήρες 563.
 ἐσθῆς μετρία 214.
 ἔσπερος 201.
 ἐστία 432.
 ἐστίασις 420.
 ἐσχάρα 422, 432.
 ἐσχάρια 105, 185.
 ἐταῖροι 565.
 ἑτερομάσχαλος (χιτῶν ἐ.) 206.
 ἑτερόμηκες (πλαίσιον) 560.
 εὐζανοὶ 209.
 εὐκοσμία 293.
 εὐναί 404.
 εὐπλόκαμοι 232.
 εὐραφῆς (δορός) 181.
 Εὐριπίδης (δρσοκῆ) 257.
 εὐφημεῖτε 420.
 εὐψύχει 616.
 ἐφηβείον 61.
 ἐφηβική 298.
 ἐφηβικόν 459.
 ἐφηβος 61, 214, 297; ἐ.
 (δρσοκῆ) 259.
 ἐρίππιον 542.
 ἔχειν ἐντὸς τὴν χεῖρα 212.
 ἔχεται 139.
 ἔχινος (αρχιτ.) 6.
 ἔφημα οἴνου 253.

Z.

ζεά, ζειά 136, 305.
 ζέον ὕδωρ 275.
 ζεῦγλαι 542.
 ζεύγος 333.
 Ζεὺς ἔρκειος 102; Ζ. ζε-
 νιος 334; Ζ. τέλειος 285;
 Ζ. ὕψιστος 80.
 ζήσεας 252.
 ζύγιοι 542.
 ζυγίται 410.
 ζυγόν 234, 406, 410, 464, 542.
 ζύγωμα 464.
 ζυμῆτης (ἄρτος ζ.) 250.
 ζῶμα 534.
 ζῶναι 38.
 ζῶνη 208.
 ζῶνιον 208.
 ζωστήρ 533.
 ζωφόρος 8.

H.

ἦβη (ἀφ' ἧ.) 562.
 ἠγούμενος 557.
 ἠδμός 187, 203.
 ἠλακάτη 227.
 ἠλεκτρον 386.
 ἠλικία 297.
 ἠμέρα κουρεῶτις 292.
 ἠμιδαρεικόν 387.
 ἠμίονος (сочудѣ) 184.
 ἠμισβόλιον 386, 388.
 ἠνιοποιοὶ 347.
 ἠνιοχος 541.
 Ἡρα τελεία 285.
 Ἡράκλεια λουτρά 275.
 Ἡραὶ πύλαι 616.
 ἠρῶα 154.
 ἠχέιον 464.

Θ.

θαλαμῖται 410.
 θάλαμοι ὑψόφοροι 100.
 θάλαμος 99, 100, 101.
 θαλλοφόροι 453.
 θάπτειν 613, 616.
 θαυμαστοποιοὶ 257.
 θέατρον (τό ἐν Διονύσου
 θ.) 37.
 θεατρῶνης 459.
 θέειον 415.
 Θεοὶ ἀποτρόπαιοι 421; θ.
 κτήσιοι (πάσιοι) 102; θ.
 πατρῶοι 102; θ. σωτη-
 ρες 421.
 θεολογεῖον 460.
 θεομορία 419.
 θεὸς ἐπὶ μηχανῆς 460.
 θεράπεινα 321.
 θεράπων 291, 321, 326, 562;
 οἰνηρὸς θ. 252.
 θεοστριον 224.
 θερμαντήρ 186.
 θέρμος (κῆρα βῆσα) 400.
 θεωροὶ 472.
 θήκη 616.
 θησαυροὶ 97.
 θησαῖον 14.
 θῆτες 230, 552.
 θοῖνη γαμικῆ 285.
 θολία 230.
 θόλος 97, 99, 274.
 θρανεῖται 410.
 θρηγῶν 612, 615.
 θρηνηφοδοὶ 615.
 θρηγῆς 168.
 θρήγμος 8.
 θροῖδαξ 250.
 θρόνος 167.

θραυλλίς 197.
 θυῖα, θυῖον 175.
 θυμέλη 41.
 θυός 416.
 θυοσκός 420.
 θυρά αἴλιος 101; θ. κη-
 παία 102; θ. μέσανλος
 (μέτανλος) 102, 104.
 θυραί 105, θ. διακίδες 98.
 θυρεός 547.
 θυρίδες 106.
 θυραίν 101.
 θυραφείον 101.
 θυραφός 105.
 θυσία ξενή 422.
 θυτήριον 23.
 θυωρός τράπεζα 22.
 θυωράκιον 409.
 θυωρακοποιοί 347.
 θώραξ (θώρηξ) 532, 533,
 θ. αλυσιδωτός 545; θ.
 λεπιδωτός 539, 544; θ.
 λινοῦς 539, 545; θ. φολι-
 δωτός 539, 544.

I.

*Ιαχχος 454.
 ιατρείον 362.
 ιατροί δημοσίοι 362.
 ιερά ἄλσβα 421.
 ιερά γραμμή 255.
 ιερά τράπεζα 22.
 ιερεύειν 418.
 ιερέυς 422.
 ιεροὶ λόγοι 455.
 ιεροκήρυκες 428.
 ιερομηγία 452.
 ιερονίκαι 474.
 ιεροσκοπός 429.
 ιεροφόροι 424.
 ικέται 416.
 ικρίωμα 406.
 ἰλαχος 301.
 ἰλη 301, 565.
 ἰμαντελιγμός 255.
 ἰμάτιον 212, 462; μέλαν I.
 617.
 ἰματοφορίδες 177.
 ἰός 530.
 ἰοχάικα 530.
 ἰππαριστοί 564.
 ἰπποδρομία 480.
 ἰππόδρομος 53.
 ἰπποκόμοι 560.
 ἵππος κέλης 480.
 ἰπποτοξόται 561.
 ἴσον ἴσω 252.
 ἰσούλευρον (πλαίσιον) 560.
 ἰστία μεγάλα 408.

ἰστίον 408.
 ἰστὸν ἐποιχεσθαι 227.
 ἰστός 227, 403; I. ἀπάτειος
 409; I. μέγας 408.
 ἰσῶνες 101.
 ἰσχάδες 251.

K.

κάδος 180, 395.
 καθάρμοι 415.
 καθέλειν ὀφθαλμούς 612.
 καλαθίς 195.
 κάλαθος 195, 227.
 καλαμὶς 244.
 κάλαμος 295.
 καλεῖν 248.
 καλλιερεῖν 421.
 κάλοι 409.
 καλοκάγαθια 296, 301.
 καλόπους 348.
 κάλις 180.
 κάλυμμα 229.
 κάλυπτρα 229.
 κάλυγξ 6.
 καλωδίων 54.
 κάλιως πρυμνητής 404.
 κάμαξ 137.
 κάμινος 185, 274.
 κάμπη 475.
 κάμπτηρ 54.
 κάμψον 56.
 κανδύτινες 177.
 κανηφόροι 195, 453.
 κάνθαρος 183, 614.
 κανόνες 536.
 κανοῦν 195.
 κανών (κελθοκῆ) 227.
 καπηλεία 372.
 κάπηλοι βιβλίων 369.
 καπνοδόκη 105.
 κάππαρα 250.
 καρβατίνα 235.
 καρδιούφυλαξ 546, 569.
 καρηκομόντες 231.
 καρῖναι 615.
 καργήσιον 183, 408.
 Καστόρειον (μέλος K.) 562.
 καταβανκαλήσεις 292.
 κατάβλημα 409.
 καταβλητική 298.
 καταγάγιον 334; κ. δημό-
 σιον 334.
 κατατύξ 531, 532.
 καταλέγειν (βοΐσκο) 565.
 κατάλυσις 334.
 καταπειρατήρ 409.
 καταπέλται 609.
 κατάστασις 554.
 κατάστρωμα 406.

κατατομαί 38.
 καταφορά 477.
 κατάφρακτος 546.
 κατιτήριον 613.
 κάτοπτρον 242.
 κανσία 229, 564.
 καψιδρωτίον 244.
 κέγγρος 136.
 κειραίαι 171.
 κενούφαλος 232.
 κελουστής 411.
 κέλης (ἵππος, πῶλος) 480.
 κενωτάφιον 156, 618.
 κέντρον 258.
 κερამεῖς 347.
 κεραιμίτις (γῆ) 188.
 κέραμος 184.
 κέρως 183, 472, 558, 561;
 κατά κ. 559; ἐ. κέρως
 559.
 κεραιαυλὴς 472.
 κεράτινος φωσφόρος 200.
 κεράτιον 400, 401.
 κερουνοσκοπεῖον 460.
 κερκίδες 39.
 κεφάλαιον 6.
 κηπαία θύρα 102.
 κηρα 294.
 κήρυκες 423.
 κηρωτοποιοί 347.
 κίθαρα, κίθαρις 465.
 κίθαριξεν 465.
 κίθαρισις (ψιλή κ.) 296.
 κίθαριστής (ἐν κίθαριστοῦ)
 295.
 κίθαριστική 296.
 κίθαροδική 296.
 κίμαλία γῆ 276.
 κινήματα 498.
 κιονόκρανον 6.
 κιδός οἶνος 253.
 κισσύβιον 183.
 κίχλη 250.
 κίων 5, 152.
 κλέα ἀνδρῶν 246.
 κλεψύδρα 202.
 κληίδες 403.
 κλιμακες 39.
 κλιμακηφόροι 615.
 κλιμακίδες 409.
 κλίνη 170, 612; κ. ἀμφικέ-
 φαλος 170.
 κλινίδιον 292.
 κλινοποιοί 321, 347.
 κλιντήρ 167.
 κλοσή 167.
 κλισμός 167.
 κλοῖός 323.
 κλυτότοξος 530.
 κλωός 323.

κλωστήρ 227.
 κνέφαλον 171.
 κνήμαι 541.
 κνημίδες 535.
 κνίσση 418.
 κνώδων 529.
 κόθορνος 236, 461.
 κοίλον 38, 406.
 κοιτών 101.
 κολεός 529.
 κόλλαβοι, κόλλοπες 461.
 κολοβός 222.
 κόλποι 208.
 κόλπωμα 461.
 κολυμβήθρα 188.
 κολιανή 150.
 κόμη επίσειστος 461.
 κομμώτρια 321.
 κολιά 275.
 κονίαμα 104.
 κόνης 298.
 κοιναστήριον 61.
 κονίστρα 41.
 κοντοί 409.
 κοπίδες 254.
 κοπρών 106.
 κόπτειν (τ. θύραν) 105.
 κόρα 293.
 κόραξ 105, 409, 609.
 κορδυβαλλῶδες πέδον 104.
 κορινθιοσυργή χαλκώματα 347.
 κοροκόσμια 293.
 κορόνη 531.
 κορυνηφόροι 538.
 κόρυς 531.
 κορυφαίος 458.
 κόσκινον 286.
 κοσμητής 297.
 κότινος 474.
 κότταβος 254.
 κοτύλη 182, 395, 396.
 κότυλος 182.
 κουρέιον 232.
 κουρεῖς 232.
 κουρεῶτις (ἡμέρα) 292.
 κράββατος 170.
 κράνος 531, 538.
 κρατήρ 182, 246.
 κρεαπῶλαι 348.
 κρηδέμων 229.
 κρηπίς 23, 150, 234.
 κρητήρ см. κρατήρ.
 κριβανίτης (ἄρτος κ.) 250.
 κριθῆ 136.
 κριός 606.
 κριτική 300.
 κροκίδες 213.
 κροκατός 215.
 κρόμμον 247.

κροσσοί 227.
 κρόταλον 470.
 κρούειν 105.
 κρουρός 275.
 κρούπαλα 471.
 κρούπεξα 471.
 κρουπέγια 471.
 κροῦσμα 464.
 κρούσματα 470.
 κρουπέγια 303.
 κρωβύλος 231.
 κρασσός 180.
 κτεῖς 244.
 κτήσιοι (θεοί) 102.
 κύαθος 182, 246, 395, 396.
 κύμοι 247.
 κυβεία 255, 256.
 κυβεργήτης 404.
 κυβιστῶν (εἰς μαχαίρας) 258.
 κύβοι 256.
 κυδῶνιον 147.
 κύκλιος 322.
 κύλιξ 183.
 κύλισις 476.
 κύματιον 9.
 κύμβαλον 470.
 κύμβαχος 531.
 κύμβη, κυμβίον 183.
 κύμινον 251.
 κυνέη 531, 543.
 κύνες (ИГРΑЛЬНЫЕ КАМЕШКИ) 255.
 κυνή 228.
 Κυνοσάργης 61.
 κύρτος 195.
 κύρτωμα μνηοειδές 579.
 κυφών 323.
 κύων (δροςοξέ) 257.
 κώδεια 203.
 κώδων 467.
 κώεα 171.
 κώθων 180.
 κωλήγες τεταριχευμένοι 250.
 κῶμαι 561.
 κωμασταί 253.
 κῶμος 270.
 κῶνος 539.
 κῶον 256.
 κῶπη 529.
 κωρνεῖον 61, 299.
 κωρνοβολία 299.
 κωρνομαχία 299.
 κῶρνος 61, 298.
 κωφὸν πρόσωπον 457.

Λ.

λαβαί 475.
 λάιγγνος 180.
 λάγγνος 180.

λαγός 250.
 λασιγιον 536.
 λάικος 106.
 Λαμία 292.
 λαμπαδηδρομία 196, 297, 453.
 λαμπάς 196, 453; λ. ἀφ' ἑκπῶν 297.
 λαμπτήρες 195, 196.
 λαφραξ 176, 616, 621.
 λάσανον 184.
 λαταγεῖν κοττάβους 254.
 λάταγες 254.
 λάτρον 273.
 λάγανα 250.
 λέβης 182, 184, 246.
 λείγρειν ἄλα 251.
 λεκάνη 188.
 λεξιαρχικόν 553.
 λέπαδνον 542.
 λεπτόν 387, 388.
 λέσχη 77.
 λευκοθώρακες ἑκπεῖς 540.
 λευκόιον 146.
 λευκός οἶνος 253.
 λευκός χρυσός 386.
 λήκυθος 180, 614, 618.
 λημνίσκος 595.
 Λήγνα 456.
 ληρός 616.
 λίγεια (φόρμυξ) 465.
 λιθίδια 293.
 λιθοβόλοι 609.
 λιθοκόλλητα (ἐκπώματα) 193.
 λιθολόγοι 347.
 λιθοξοί 347.
 λίθος χυτή (στεκλιο) 193; λ. πρατήρ 322.
 λιθόστρωτον 104, 128.
 λιθουργοί 347.
 λιμητηρ 186.
 λίκνον 292.
 λιμῆν 191.
 λινοθώραξ 534.
 λίττων 472.
 λοβοί 421.
 λογεῖον 41, 42.
 λογισμοί 300.
 λογιστική 300.
 λόγγη 536.
 λουτήρες 188, 274.
 λουτήρια 188.
 λουτρα Ἡράκλεια 275.
 λουτρόν 61, 298.
 λοφνίς 196.
 λοφοποιοί 347.
 λῶφος 531.
 λοχαγός 555, 557.
 λόχος 555, 556, 558, 562, 563.

οιοζτων 209.
 οιστός 530.
 οκλαδίας (διφρος δ.) 167.
 ολμος 187.
 ολόκανστον = ολοκαύτωμα 420.
 ολοφυρμοί 612.
 ὄλη 181.
 ὄμφαλός 274, 366, 535.
 ὄνομαθεσία 292.
 ὄξυβαφα κενά 254.
 ὄξυβελείς (καταπέλται δ.) 609.
 ὄπη 105.
 ὄπισθόδομος 12, 15.
 ὄπισθοσφενδόνη 239.
 ὄπλα 561.
 ὄπλιται 556.
 ὄπλιτης δρόμος 298, 475.
 ὄπλομαχία 298.
 ὄπτάνιον 104.
 ὄργανα εὐθύτονα 609; δ. κατατεινόμενα 463; δ. παλίντονα 609.
 ὄργυα 396, 397.
 ὄρθοπέπια 300.
 ὄρθοστάδιος (χιτών δ.) 209.
 ὄρθρος βαθύς 202.
 ὄρη 180.
 ὄρμη 239.
 ὄροφοί ἐνεπίπεδοι 104.
 ὄρτυγαν ἀγῶνες 258.
 ὄρησις 498.
 ὄρηστοδιδάσκαλος 456.
 ὄρηστρα 41.
 ὄστρακον 146.
 οὐλοχῦται 419.
 οὐρά 558.
 οὐραγός 557.
 οὐράλαγος 529.
 ὄφης (сосудъ) 184; (укра-
 шение) 240.
 ὄφθαλμοί 408.
 ὄφθαλμοῦς καθελεῖν 612.
 ὄχυνός 532, 534.
 ὄχημα 333.
 ὄχλος 559; (ὁ ἀγοραῖος δ.) 556.
 ὄψων 249.
 ὄφοποιῦκά σκευή 184.

Π.

παγκράτιον 478.
 παϊάν, παϊών 250, 416;
 π. ἐμβατήριος 562.
 παίγνια 293.
 παιδαγωγός 293, 321, 614.
 παιδεία ἐγκύλιος, 300, 318.
 παιδίσκη 321.

παιδονόμος 301.
 παιδοτρίβια 296.
 παῖς 321, 326.
 παλαισμοσύνη 298.
 παλαιστή 396, 397.
 παλαιστρα 60, 293, 296,
 298, 475.
 πάλη 298; π. ὄρθια, ὄρθή 475.
 παλίντονα τόξα 580.
 Παναθηναῖα 452.
 πανδοκίον 332, 334.
 πάπυρος 363.
 παράβλημα 409.
 παραγαγαθίδες 532, 543.
 παραδρομίδες 62, 63, 68.
 παράμεσος 241.
 παρανύμφιος 285.
 παραπέτασμα 43, 105.
 παραπλευρίδια 542.
 παρασάγγης 397.
 παράσειροι 542.
 παράσημον 408.
 παρασκήνια 42.
 παραστάς 101; ἐν παρα-
 στάσιν 11, 12, 14.
 παραχῦται 275.
 παρηγοροί 542.
 πάροδος 41.
 παρρηφί 227.
 παστάς 101.
 πατρῶιοι θεοί 102.
 πατάλιον 255.
 πέδα 323.
 πέδα χρυσαῖ 240.
 πέδιλα 234.
 πεζέταιροι 565.
 πείριως 333.
 πείσματα 404.
 πέλεθρον 396.
 πέλεκυς 531.
 πελτασταί 557.
 πέκτη 549, 557.
 πελοφόροι 557.
 πεμπάζεσθαι 295.
 πένθημα (ἐν πενθίμοις) 615.
 πεντάδραχμον 386.
 πένταθλον 298, 302, 476.
 πεντάλιθα 293.
 πενταλιθίζειν 257.
 πεντηκόντοροι (νῆες) 404.
 πεντηκοστή 372.
 πεντηκοστήρ 556, 564.
 πεντηκοστολόγοι 372.
 πεντηκοστός 556.
 πενήρεις 405.
 πεντάβολον 386.
 πεπαιδευμένος 299.
 πέπλον, πέπλος 214, 288,
 453.

περγαμήνη 295.
 περιαντός 43.
 περιβάλλειν (διφθέρως) 366.
 περιβόλος 23.
 περιβλήματα 205.
 περιδειπνον 617, 619.
 περιδέραια 240.
 περιθειώσις 415.
 περικόπτειν (свѣтотъ) 366.
 περίοδοι γῆς 300.
 περίπολοι 299.
 περίπτερος ναός 13.
 περιφφάντηριον 415, 426.
 περισκελίδες 240.
 περίστροφμα 171.
 περιστύλιον, περίστυλον 101,
 110.
 περιστύλος ναός (οἶκος) 13.
 περίστωα 101.
 περισφύρια 240.
 περίσφραγμα 541.
 περόνια 240, 533.
 περσοί 255.
 πέτασος 229.
 πετροβόλοι 609.
 πεττία 255.
 ηἰδάλιον 404, 407.
 ηἰκίς 464.
 ηἰκίον ἄροτρον 138.
 ηἰληξ 532.
 ηἰλοπατίδες 235.
 ηἰνήκη 232.
 ηἰηχός 396, 397, 464, 529.
 πίθος 178.
 πῖλος 228.
 πιλωτόν 228.
 πίνακες 294, 300.
 πινάκιον 198, 294.
 πίνειν ἀμυστί (ἀπνευστί),
 π. πρὸς βίαν 252.
 πλάγια 558.
 πлагιαυλος 466.
 πλαῖσιον 560.
 πλακοῦντες 251.
 πλαστίγγες 255.
 πλαταγῆ 293.
 πλέθρον 396, 397.
 πλευραί 558.
 πληκτρον 258, 464.
 πλήμνη 541.
 πλινθεταιί 347.
 πλινθιον 609.
 πλίνθος 7.
 πλινθουργοί 347.
 πλυγείς 185.
 ποδεῖον 237.
 ποδήρης (χιτών π.) 207, 462.
 ποδοκακῆ 323.
 ποικίλη (στοά π.) 78.
 ποικιλόγαρις (φύρμιγξ) 465.

ποικιλταί 347.
 ποικιλτική 227.
 πόλεις (ἡγεῖρα) 255.
 πολέμαχος 553, 563.
 πόλος 202.
 πολυάνδριον 615.
 πολύπτυχοι δέλτοι 294.
 πολύτρητος αὐλός 468.
 πολυφόρος οἶνος 252.
 πορεία διαφαλαγγία 559.
 πορευτικὸν διάστημα 558.
 πόρκης 529.
 πόρπακες 536.
 ποσίγη 293, 315.
 ποτήρ 183.
 ποτήριον 183; π. ἀγαθοῦ
 δαίμονος 250; π. υγιείας
 250.
 πούς 396, 397, 404.
 πράμνεος οἶνος 253.
 πρανής 256.
 πρατήρ λίθος 822.
 προβάσκάνια 293.
 προγάμια 285.
 προγαστριδίων 461.
 προδεικται 257.
 πρόδομος 12, 99, 101.
 προεδρία 15, 324, 459.
 πρόθεσις 613, 614.
 πρόθυρον 99, 101, 112.
 προῖξ 284.
 προμεταπίδιον 542.
 πρόναος 12.
 προπίνειν 251; φιλοτησίας
 π. 252.
 προπυγείον 65.
 προπούλαιον 24; -αία 101.
 προσκεφάλαιον 172.
 προσκηνοῖν 41.
 προστάς 101.
 πρῆστεινίδιον 461, 542.
 πρόστυλος (ναός) 13; π.
 περιπτερος 74.
 προσοπίειν 460.
 προσοποιοί 461.
 πρόσοπον 460; κωφὸν π.
 457.
 προτέλεια 285.
 προτίθεσθαι 613.
 πρότονοι 403, 409.
 πρότροπος (οἶνος) 253.
 πρόχους 182, 246.
 πρύμνα 404, 406.
 πρυμνήσια 404.
 πρυμνητής κάλως 404.
 πρυτανεῖον 81.
 πρυτάνεις 81.
 πρῶρα 406.
 πρῶταγωνιστής 457.
 πρῶται τράπεζαι 249.

πρατεῖραι 303.
 πτερίναι 244.
 πτερόν 18, 15.
 πτέρυγες 534, 543.
 πτέρυξ 529.
 πτέρωμα 15.
 πνυμαχία 478.
 πνυγή 478.
 πνυγούσιος 396.
 πνυγών 396.
 πύελος 188, 616.
 πύκνωσις ἐναγώνιος 558.
 πύλη 85.
 πυλῖς 85.
 πυλών 101.
 πύξ 478.
 πύξια 294.
 πύξος 170.
 πύρανοι 105.
 πύργοι φορητοί 607.
 πύργος 120, 256.
 πυρεῖον 195.
 πυριατήριον 61, 67.
 πυρρή ελληνική 67.
 πύρρον 247.
 πυρός 186.
 πυρόβιχη 302.
 πύρων βαθύς 282.
 πῶλοι 480.
 πῶμα 530.

P.

ράβδος 6, 226.
 ράβδουχοι 459, 474.
 ράφανος 250.
 ρήγεια 171.
 ριπίδες 244.
 ροα, ροία 147, 247.
 ρόπτρον 105.
 ρύμματα 275.
 ρυμός 541.
 ρυτόν 183.
 ραπογραφία 126.

Σ.

σάκος 535.
 σακχυράνται 848.
 σάλπιγξ 471, 561.
 σαμβική 466, 609.
 σάνδαλον 234.
 σανίδες 406.
 σάρισσαι 537.
 σαρισσοφόροι 565.
 σαυρατήρ 529.
 σειραῖοι 542.
 σεῖστρον 471.
 σελίδιον 364.
 σέλιον 613.

σελίς 364.
 σήκωμα 537.
 σήμα 54.
 σημεῖα 154, 369.
 σησαμῖται 251.
 σηταίνιος (ἄρτος σ.) 250.
 σιδεῦναι 302.
 σίδη 802.
 σίλλυβος 366.
 σινδῶν 225.
 σίπαροι 409.
 σίραιον 253.
 σιτάρεια 556.
 σιτηρέσιον 556.
 σῖτος 247, 249, 556.
 σκαλμοί 408.
 σκάμμα 477.
 Σκαπτή ὕλη 886.
 σκάφη 292.
 σκενή 559; σ. κρεμαστά
 409; σ. σιτοπούκα και
 δφοπούκα 184.
 σκευσοιοί 461.
 σκευσοφάρα 560.
 σκηγή 41, 254, 561.
 σκήπτρον 244.
 σκιά 248.
 σκιάδειον 244.
 σκιαδηφόροι 453.
 σκίμπους 170, 172.
 σκιραφεία 256.
 σκολιά 254.
 σκόρπιος 609.
 σκυτία 7.
 σκύρον 298.
 σκυτεῖς 348.
 σκυτοδέφαι 848.
 σκυτοτομία 848.
 σκυτοτομοί 848.
 σκύφος 183.
 σμῆγμα 275.
 σολος 477.
 σορός 616.
 σπάραγμα 292.
 σπένδειν 417.
 σπενῦδε 56.
 σπιθαμή 396, 397.
 σπυλάς (στολάς) 539, 564.
 σπονδαύλης 417.
 σπονδή 246, 250, 417.
 σπυρίς 195; δεικνον ἀπὸ
 σπυρίδος 248.
 σταγόνες 9.
 στάδιον 53; (μέτρα) 396,
 398; (ὄγκος) 474.
 σταθμός 402.
 στάμνος 179.
 στασιᾶται 507.
 στατήρ 387.
 στέγη 608.

στέγος διήρες 105.
 στείρα 406.
 στεφάνη 239, 532.
 στήλαι 151.
 στηλίς 407.
 Στησίχορος (δρσοкоъ) 257.
 στιβάς 171.
 στιγματίας (δοῦλος) 323.
 στίξιν 369.
 στίμι(ς) 243.
 στίχος 557.
 στυγγίς 275, 280.
 στοά 47, 53, 77, 608; σ.
 βασιλείος (βασιλική) 78;
 σ. διπλή 78; σ. μακρά
 78; σ. ποιίλη 78.
 στοῖδια 608.
 στοιχείον 202.
 στολάς (σπολάς) 564.
 στολή 211; σ. χρυσοπάστος
 462.
 στόμα 197, 558; σ. συνε-
 ρεῖσαι 612.
 στρατηγός 553, 555.
 στρατοπεδεία 561.
 στρεπτίνδα 293.
 στρόμβος 293.
 στροφεῖον 409, 460.
 στρόφιον 208.
 στρώματα ἐνευναῖα, ὑπαν-
 χένια 171.
 στρατήρ 406.
 στυλος 5, 294.
 στύραξ 529.
 σύκον 247.
 συλᾶν 552.
 συμβολή 248.
 σύμβολον 334, 458.
 συμποσίαρχος 252.
 συμπόσιον 248, 251.
 συνασπισμός 558.
 συννερεῖσαι στόμα 612.
 σύνδημα 561.
 συνοικία 105.
 σύνταγμα 564, 565.
 συνωρίς 480.
 σύριγξ 469, 609.
 σύρμα 462.
 συσσίτια 248, 253.
 σφαῖρα 293, 298, 479; σ.
 οὐρανία 298.
 σφαιρίεις 303.
 σφαιριστήριον 61, 298.
 σφαιριστικός 298.
 σφαιρίστρα 298.
 σφένδαμνος 170.
 σφενδάνη 55, 56, 239, 473,
 531.
 σφενδονήται 557.
 Σφήκες (κομ. Αρκετο*) 462.

σφόνδυλοι (αρχιτ.) 8.
 σφραγίς 241, 334, 363.
 σχέδη 365.
 σχιστός (χιτών σ.) 206.
 σχοινία ἀγκύρεια 409.
 σχοινοστρόφος 347.
 σχοινοβάται 336.
 σχοῖνος (κῆρα) 397.
 σχοινοφιλίνδα 293.
 σωτήρες (θεοὶ σ.) 421.
 σωτήριον 362.
 σωφρονιστῆς 297.

T.

ταινία 9, 22, 232, 613.
 τάλαντον 383, 386, 388, 400,
 402.
 τάλαιος 227; τ. πλεκτός 195.
 ταλασιουργικοί οἶκοι 101.
 ταμία, ταμίας 321.
 ταμεία 101.
 τάξεις 473, 564.
 τάπης 171.
 ταραξίπτος 54.
 ταριχεύματα 250.
 ταρίχη 250.
 τάρχος 265.
 τάρχιον 541.
 ταρχύνει 613.
 τάρφος 616.
 τέθριππον 479.
 τεθνωμένος (ἔλαιον τ.) 243.
 τέκτονες 347.
 τελαμών 11, 529, 536.
 τελεστήριον (μέγαρον τ.) 18,
 455.
 τελεται 415.
 τέλη 372.
 τελώναι 372.
 τέμενος 3.
 τέμμα 56.
 τεταρτημόριον 386.
 τετραδραχμιον 386.
 τετραγώνων ἰμάτιον 212.
 τετραρχία 564.
 τετρήρεις 405.
 τετραβολον 388.
 τετρωμένοι πλακοῦντες 251.
 τέχνη 346.
 τεχνίται (ἔδραῖοι τ.) 346, (οἱ
 περὶ τῶν Διόνυσον τ.) 457.
 τήβεννα, τηβεννίς 215.
 τηγανίτης (ἄρτος) 250.
 τηγανον 187.
 τηλία 256.
 τιθήνη 291, 292.
 τίτη 292, 321; τιτῶν μῦ-
 θοι 293.
 τοξοθήκη 530.
 τόξον 529.
 τοξόται 557, 564.
 τραγήματα 249, 251.
 τραπέξα θυωρός 22.
 τραπέξα ἱερά 22.
 τραπέξαι (надгробныя до-
 скы) 152, (мебель) 174,
 250; τ. δευτεραί 249; τ.
 ἐπιδόρπιοι 251; τ. πρῶ-
 ται 249; τὰ ἀμφὶ τραπέ-
 ξας 184.
 τραπεζοκόμος 249.
 τραπεζοποιός 249.
 τραχηλίξιν 475.
 τρήμα 410, 466.
 τριαγμός 476.
 τριακάς 617.
 τριακόντοροι (νήες) 404.
 τριάξαι 476.
 τρίβαν 214, 302.
 τριβάνιον 214.
 τρίγλυφοι 8
 τρίγανον 466.
 τρίγωνος (περιακτος τ.) 43.
 τρίδραχμιον 386, 388.
 τριημιβάβλιον 386.
 τριηραυλὴς 411.
 τριήρεις 405.
 τρίμμα 253, 275.
 τρίποδες 184, 250, 417; τρι-
 πόδων ὁδός 458.
 τρις ἕξ 256.
 τρίτα 617.
 τριταγωνιστής 457.
 τριτημόριον 386.
 τριττία 428.
 τριώβολον 386, 388.
 τρόπα 257, 293, 315.
 τρόπαιον 594.
 τρόπις 405.
 τροποὶ δεγματίνοι 403.
 τροφή 292.
 τροφός 291, 321.
 τρώχιλος 7.
 τροχός 257, 293, 541, τ.
 κεράμιος 188.
 τρωήλης 187.
 τρώπανον 607.
 τρωπήματα 203, 466.
 τρωφάλεια 532.
 τυλεῖον 171.
 τύμβος 150.
 τύμβανον (αρχιτ.) 11, (μυζ-
 ηκτρ.) 470.
 τυρός 247.

T.

τύλος 193.
 ύδαρης οἶνος 252.
 ύδα 250.

ὕδραγωγία 95.
 ὕδραυλος 469.
 ὕδρια 180.
 ὕδροφόρος 321.
 ὕδωρ πρὸς τὸ αὐτὸ ὕ. εἰ-
 πείν) 202.
 ὕδωρ ζέον 275.
 ὕδωρ κατὰ χειρὸς ἐδόθη
 249.
 ὑμέναιος 283, 285.
 ὕνις 139.
 ὑπαιθρος (ναὸς ὑ,) 19.
 ὑπαλείφειν 243.
 ὑπασπιστής 559, 562, 564.
 ὑπανχένια στρώματα 171.
 ὑπερον 187.
 ὑπερερλή 333.
 ὑπερῶιον, ὑπερῶον 100, 105.
 ὑπηρέται 459, 559, 561.
 ὑπόβλημα 409.
 ὑπογειον 106.
 ὑπογράφειν 243.
 ὑπόδημα 234; ὕ. κοιλόν
 235.
 ὑπόζωμα 407.
 ὑποθυμίδες 239.
 ὑποκείμεσμα 411.
 ὑποκοσμηταί 297.
 ὑποκρατήριον 182.
 ὑποκριταί 457.
 ὑπολογαγός 555.
 ὑπολύειν 248.
 ὑπολύριον 464.
 ὑποπόδιον 168.
 ὑποσκελίξειν 475.
 ὑποσκηνίον 42.
 ὑπόσπονδοι 611.
 ὑποστρατηγός 555.
 ὑπόστρωμα 171.
 ὑποτραχήλιον 6.
 ὑποχεῖν 182.
 ὑπτία 256.
 ὑσπληγῆ 54.
 ὑφάνται 347.
 ὑψίζωνος (χιτῶν) 208.
 ὑψόροφος (θάλαμος) 100.
 Φ.
 φαινινδα 298.
 φαινόλης (raenula) 223.
 φακή 136.
 φάλαγγες 552.
 φαλαγγίται 564.
 φάλαγξ 558, 564; ἐπι φά-
 λαγος 559.

φανή 196.
 φανος 196.
 φαρέτρα 530.
 φάργαον 529.
 φαιδίτια 253.
 φενάκη 232.
 φέρειν ψήφον 255.
 φερνή 284.
 φθοῖδες 386.
 φιάλη 183.
 φιλοτησίας προπίνειν 252.
 φιμός 256.
 φιλός 197.
 φορβεία 469.
 φορεαφόροι 334.
 φορέιον 334.
 φόρμιγξ 302, 465.
 φορμιζέιν 465.
 φορταγωγοί 411.
 φράτορες 292.
 φρατρία 292.
 φρουράν φαίνειν 562; φ.
 ξάγειν 562.
 φρύγερρον 286.
 φῦκος 243
 φυλακαί 202, 561.
 φυλλοτρώγες 248.
 φωριμός 176.
 φωσφόρος κεράτινος 200.
 φωταγωγοί 105.

X.

χαῖρε 252.
 χαλαστραῖον 275.
 χαλινός 407, 542.
 χαλκίς 347.
 χαλκή μνία 293.
 χαλκισμός 255.
 χαλκοχίτωνες 533.
 χαλκοῦς 387, 388, 400.
 χαλκώματα κορινθιοσυγῆ
 347.
 χαμεῦνία 171.
 χαραξ 255.
 χαλίδες 238.
 χειριδωτός (χιτῶν χ.) 208.
 χειρόμακτρον 249.
 χέλυσμα 405.
 χελώνη (военная машина)
 606; χ. κρισφόρος 607;
 χ. χωστρίς 608.
 χερνυ 246.
 χηλός 176.
 χηνίσκος 407.

χιλιαρχία 564.
 χιλοφόρος ναὸς 412.
 χιον 256.
 χιτων 206—208; στρεπτός
 χ. 533.
 χιτῶν ποδήρης 207, 462.
 χιτῶνες κατάσκευτοι 226.
 χλαίνα 171, 214.
 χλανδοποιοί 347.
 χλαμνδοσυροί 347.
 χλαμύς 213, 462; χ. χρυσό-
 παστος 462.
 χοαί 617.
 χοῖνιξ 395, 396.
 χοραύλης 467.
 χορδοτόνον 464.
 χορηγία 456.
 χορηγός 456.
 χοροδιδάσκαλος 456.
 χορὸν αἰτεῖν, διδόνα 456.
 χουῖς 182, 395, 396.
 χοίματα ἀμβροσίωμα 251.
 χρυσηλάκατος 288.
 χρυσοκόλλητα (ἐκπώματα)
 193.
 χρυσοπάστος (χλαμύς, στο-
 λή) 462.
 χρυσός λευκός 386.
 χρυσοῦς 388.
 χρυσοχοί 347.
 χυτή λίθος (стекло) 193.
 χυτρα 184, 196.
 χυτρεῖς 347.
 χυτροπόπος 184.
 χῶμα 53, 55, 87, 150.

Ψ.

ψέλια 240.
 ψευδισόδομον 83.
 ψευδοδίπτερος 16.
 ψευδοπερίπτερος 15.
 ψήφος 255, 295.
 ψιάδιον 171.
 ψιλή ἀλλησις, κιδάρισις 296.
 ψιλοί 557, 562.
 ψιμύθιον 243.
 ψυκτήρ 182.
 ψυχρολουτεῖν 274.

Ω.

ὠδεῖον 44.
 ὠτογλυφίς 244.

II. Латинскій указатель.

- A.
- abacus 6, 7, 175, 312.
 abdicere (о вѣщихъ птн-цахъ) 446.
 abdomen 268.
 ablutio 363.
 Acatus (корабль) 412.
 accensi 622.
 accensi velati 550, 568.
 accipenser 265.
 acentata (vasa a.) 197.
 acerra 433, 621.
 acetabulum 188, 397, 398.
 acies duplex 581; a. prima, и т. д. 580; a. quadruplex 581; a. sinuata 578; a. triplex 579.
 acta diurna (populi) 311.
 actor 350; a. mimi 496; a. primarum partium 503; a. secundarum partium 496.
 actus 399, 400.
 acu pictae vestes 226.
 acus 197; a. crinalis 233, 239.
 addicere (о вѣщихъ птн-цахъ) 446.
 adhiberi in auspiciu 444.
 adiectio (архит.) 5.
 adire (libros Sibyllinos) 440.
 aditus 42.
 admissionales 323.
 admissiones 344; ab officio admissionum 323.
 admittere (о вѣщихъ птн-цахъ) 446.
 ador 136, 258.
 adoratio 427.
 adversaria 362.
 aediculae 431.
 aegis 546.
- Aelius (pons Ae.) 91.
 aequipondium 462.
 aerarîi 438, 568.
 aerarium 81, 311, 393; ae. publicum 81; ae. sanctius 393.
 aerugo nobilis 192.
 aes Deliacum 317; aes rude, aes signatum 388; aes thermarum 278.
 africanarum venatio 492, 525.
 agasones 578, 587.
 ager publicus 434.
 agere in crucem 339.
 agger 88, 586, 607.
 agina 402.
 agitatores 498.
 agmen 582; a. extremum 583; a. legionum; 583 a. novissimum 583; a. quadratum 581; a. primum 582.
 agnomen 310.
 agon Capitolinus 523.
 ahena 186.
 alabastrum 181, 378.
 alae (войска) 570, 571; a. (дома) 114, 123.
 alarii 575.
 albarii 353.
 albogalerus 436, 437.
 albulae calidae 282.
 aleatoria (tabula a.) 256.
 alec 236, 338.
 alexandrinum (opus a.) 128.
 alites 446.
 allassontes (calices a.) 191.
 allium 258.
 altar 432.
 alticinctus 209.
 aluta 237.
 alvearia 186.
- alveus 256.
 ambulationes 68, 70.
 amentum 536, 549.
 amictus 205.
 amphimallia 356.
 amphitheatrica (charta) 364.
 amphitheatrum 49; a. castrense 52.
 amphora 179, 355, 397, 398.
 ampulla 181, 280.
 anagnostae 337.
 ancilia 449.
 ancilabris 168, 426, 434.
 ancorae 409.
 ancoralia 409.
 Andraemon (комъ) 488.
 anesum, anethum 269.
 anguilla 265.
 angusticlavia (tunica a.) 210.
 Anio novus 86, 95, 97; A. vetus 96.
 annales 313; a. maximi 486.
 ansa 93, 197, 402, 546.
 antae 12; templum in antis 11.
 anteambulatio 344.
 anteambulationes 323, 344.
 anterides 94.
 antica (pars a.) 28.
 anuli 6, 234.
 anulus 363; a. pronubus 304; a. signatorius, sigillarius 363.
 apalare 187.
 apex 448.
 apium 270.
 aplustre 407.
 apodyterium 68.
 apogaea 119.
 apophoreta 270.
 aqua Appia 96; a. Claudia 86; a. Marcia 96; a. Tepula 96; a. Virgo 97.

aquae Aureliae 283; a. Clusinae 283; a. Herculis 283; a. Mattiacae 283; a. Tibilitanae 283.
 aquaeductus 95.
 aquila (архит.) 10; (знамя) 577.
 aquilifer 577.
 ara 432; a. Juventatis 317; a. sepulcri 625.
 aratrum 138.
 arbiter bibendi 271.
 arbustum 137.
 arca 177, 624; ex arca solvere 382.
 arcarii 353, 578.
 arcera 330.
 archiatri 360.
 archimagirus 260.
 archimimus 496, 622.
 architectus 352.
 arculus 180.
 arcus 550; a. Titi 163; a. triumphales 162.
 area 75.
 arena 50.
 areolae 149.
 argentarii 381; a. vascularii 354.
 argentum (pueri ab argento) 335.
 argentum escarium 354; a. potorium 354.
 argilla 355.
 aries 407, 606.
 arma lusoria 520.
 armaria 177, 367.
 armariarii 353.
 armillae 240, 595.
 ars fullonia 356.
 artopticus (panis) 270.
 arundo 365, 469.
 Arvales (fratres A.) 450.
 as 394; as libralis 390.
 asparagi 268.
 aspergillum 433.
 asseres 328.
 assertor libertatis 341.
 assum vitulinum 267.
 astragalus 9.
 asylum 438.
 atellana 495.
 atlantes 11.
 atramentarium 865.
 atramentum 124; a. librarium 365.
 atrata plebes 623.
 atria duo in lautuniis 107.
 atriensis 116, 336.
 atrium 106; a. corinthium

108; a. displuviatum 108; a. Libertatis 81, 367; a. publicum 107; a. regium 107; a. sutorium 357; a. tetrastylum 108; a. testudinatum 108; a. tuscanicum 108; a. Vestae 74.
 attagen 266.
 attingere forum 317.
 auctoramentum 513.
 auguraculum 27.
 augures 434, 443, 445.
 auguria 446.
 Augusta (charta) 364.
 Augustaales sodales 450, 451.
 Augustalia 485.
 aulaeum 47.
 aureus 393.
 auriculam tangere 309.
 auricularii (medici a.) 360.
 auriga 488.
 auriscalprum 244.
 auspicia 447.
 auspicium (in auspicium adhiberi, in auspicio esse) 444.
 auspicium maximum 446.
 authepsa 185.
 auxilia 571, 572, 574, 587.
 auxiliares 575.
 ave domine, ave rex 344.
 aves augurales 446.
 aviaria 267.
 avis dira 447.
 avium vivaria 267.
 axamenta 448.

B.

baculus 244.
 balinea 117.
 ballistae 609, 610.
 balnea 276; b. meritoria 277.
 balnearis (sella) 76.
 balneatores 335.
 balneatoria (instrumenta) 280.
 balteus 50, 51, 549.
 barbam promittere 233.
 basilica см. БАЗИЛИКА; b. Julia 79; b. Ulpia 80.
 basterna 329.
 bellaria 259.
 bene te (tibi) 271.
 bes 401.
 bestiarii 524.
 beta 258.
 bibere (graeco more b.) 252, 271.

bibliopolae 369.
 bibliotheca 117, 367; b. Ulpia 368.
 bicesis 401.
 bidenis 139, 446.
 bidental 446.
 bigae 490.
 bigatus (denarius b.) 392.
 bipennis 433.
 bisellium 67, 170.
 blatta 226.
 boleti 268.
 bombycinae vestes 225.
 botulus 268.
 bovia 135.
 brabeum 488.
 braccae 224.
 braccia 609.
 brachiale 240, 515.
 brassica 268.
 bubulcus 138.
 bucellatum 591.
 bucina 472, 578.
 bucinatores 578.
 Bucco 495.
 bucculae 543.
 bulla 310.
 bura, buris 139.
 burricchi 332.
 bustum 625.
 butyrum 269.
 buxus gradata 149.
 byssus 224.

C.

caccabi 187.
 caduceus 390.
 cadus 180.
 caelatura 353.
 caepe 258.
 caeruleum 124.
 calamariae (thecae c.) 365.
 calamister (-trum) 232, 244.
 calamus 365.
 calathus 195.
 calatores 435.
 calceolarii 357.
 calceoli 237.
 calceus 236; c. patricius 237; c. senatorius 237.
 calculi 312.
 calculum dare 273.
 calda 186, 259, 272.
 caldarium 66, 71.
 calices allassontes 193; c. cristallini 194; c. versicolores 194; c. vitrei 193.
 caligae 546.

- caligarii 357.
 calix 183.
 calones 578, 587.
 camilla 435.
 camillus 427, 435.
 campus sceleratus 440.
 canum 271.
 canaliculus 8.
 candelabrum 198.
 candelae 200.
 canis (бросокъ) 257.
 canistrum 195.
 cantharus 183, 190.
 canticum 496.
 cantores 335.
 capillamentum 233.
 capis 433.
 capistrum 469.
 capital esto 444.
 capite censi 568.
 capitellum 6.
 capitolina palmata 219.
 capitulum (архит.) 6; —
 (вож.) 609.
 capo 267.
 capreoli 107.
 capsa 177, 367.
 capsarius 68, 280, 314.
 capsellae 177.
 carpus (хузовъ повозки)
 332.
 capulus 549, 621, 624.
 caput 430; c. cenae 259.
 caracalla 221.
 carcerarii 578.
 carcer Mamertinus 74; c.
 Mam. inferior 97.
 carceres 53, 490.
 carchesium 183.
 cardo 112.
 cardui 268.
 careum 270.
 carina 405.
 carinarii, см. cerinarii.
 caroenum 272.
 carpentarii 359.
 carpentum 330; c. funebre
 331; c. pompaticum 331.
 captor 260.
 carruca, carrucha 330, 331;
 c. dormitoria 331.
 carrus 330.
 cartibulum 175.
 casae stramineae 586.
 caseus 269.
 Casnar 495.
 cassis 543.
 castaneae tostae 269.
 castella 95.
 Castorum (templum) 74.
 castra 584; c. lecticarium
 329; c. praetoria 573;
 c. stativa 584.
 cataphractus 546.
 catapultae 609.
 cataracta 96.
 catasta 325.
 catellae 240.
 catenatus 339.
 caterva 503.
 cathedra 168.
 catillus 119.
 catinum 188.
 cauponae 333.
 caupones 333.
 causia 229, 505; c. ferru-
 ginea 229.
 caustica (spuma c.) 234.
 cavaedium 110, 143.
 cavea 38, 45, 46, 50; c.
 ima 46; c. media 46, 504;
 c. prima 50; c. summa
 46, 505.
 cavernae 406.
 cavum aedium, см. cavae-
 dium.
 celeres 567.
 celetizontes 488.
 cella 5, 12, 155; c. ostiaria
 113; c. penaria 116; c.
 tepidaria 70.
 cellae familiares, familiari-
 cae 119; c. oleariae 135;
 c. vinariae 135.
 cellarii 336.
 cena 223, 248, 259; c. adi-
 tialis 260, 434; c. feralis
 627; c. novemdialis 626;
 c. nuptialis 308; c. recta
 260.
 cenacula meritoria 118.
 cenaculum 110, 119, 120.
 cenae funebres 159.
 cenatio 144.
 census 567.
 centumpondium 401.
 centunculus 509.
 centuria 399, 567.
 centurio 572; c. primi pili
 577.
 centussis 401.
 cereae 362.
 cereae (candelae c.) 200.
 cerevisia 271.
 cerinarii 356.
 certamen graecum 492; c.
 Neroneum 493; c. quin-
 quennale 485.
 cerussa 124, 243.
 cervical 172.
 cesticulus 180.
 ceira 547.
 ciccr fervens, tepidum 268.
 charta 364; ch. pergamena
 295.
 chirurgi 360.
 choraules 509.
 chors 135.
 chrysocolla 124.
 chytra 184.
 cinctorium 549.
 cinctus gabinus 217, 431.
 cineraria 157.
 cingulum 208, 307, 549.
 cinniflones 335.
 cinnamomum 270.
 circulus 188.
 circumcidere (святость,
 книгу) 366.
 circus 53, 56; c. maximus
 58, 603.
 cisiarii 359.
 cisiium 330, 333.
 cistophori 394.
 citrus medica 147.
 clabulare, см. clavulare.
 classes 567.
 classarii 412.
 classicum cancre 578.
 clava 316.
 clavulare vehiculum 330.
 clavus 210, 226.
 clibanitus panis 270.
 clientes 342, 343.
 clipeatae imagines 115, 126.
 clipeum = clipeus 67, 540,
 547, 567.
 clitella 334.
 cloaca maxima 93.
 cloacae 93.
 clunabulum (clunaculum)
 550.
 coactiliarii 357.
 Coae vestes 225.
 coccineae vestes 226.
 cochleae 259, 265.
 cochlear 187.
 cochlearia 265.
 oculi 187.
 codex accepti et expensi
 381; c. rationum 382.
 codicilli 362.
 coelestia auspicia 446.
 coemptio 305.
 cognomen 310.
 cohors praetoria 571, 588.
 cohortes auxiliares 570,
 571; c. equitatae 575;
 c. subsidiariae 582; c.
 urbanae 572, 574, 591;

- c. vigillum 572, 574; c. extraordinariae 586.
 collegia 375, 434, 487; c. negotiatorum 376; c. opificum 350.
 collegium pistorum 358; c. textorum panni 227.
 colliciarum imbrices 108; c. tigna 107.
 collis hortorum 96.
 colobium 222.
 coloratores 353.
 Colosseum 51.
 colum, c. nivarium 187.
 columbarium 157, 410.
 columna 5, 370; c. bellica 449; c. cochlys 161; c. composita 29.
 columnae (столбцы) 364; c. delphinorum 57; c. rostratae 161.
 colus 308.
 coma calamistrata 233.
 commissatio 270.
 comites 344; c. imperatoris 588.
 comitia 82; c. calata 434, 437, 439, 443; c. tributa 434.
 comitiati (tribuni) 569.
 commentaculum 437.
 commentarii pontificum 436.
 comoedia см. комедія.
 comoedus 271, 318.
 compeditus 339.
 compitalia 431, 497.
 compluvium 107.
 componere 625.
 conclamare 620.
 conclamatio 625.
 Concordia (храмъ) 28, 30, 81.
 concursus 582.
 condere 625.
 condire 270.
 conditura 270.
 confarreatio 305.
 conger 265.
 congius 397, 398.
 conisterium 71.
 connubium 306.
 conopium 173.
 conquisitores 570.
 consecratio 436, 627, 628.
 constratum 406.
 consualia 485.
 consularis (locus c.) 174.
 contignationes 120.
 controversia 318.
 contubernium 306, 326, 585.
 conventio in manum mariti 305.
 cooptatio 434; см. кооптация.
 copones 333.
 coquus 260.
 corbes 433.
 coriarii 357.
 Cornelia (charta) 364.
 cornicen 472.
 cornicines 568, 578, 598.
 corniculum 595.
 cornu (сосудъ) 183; c. (муз. INSTR.) 472, 578.
 cornua 174, 464, 622.
 corona (архит.) 9.
 corona castrensis, civica, classica, graminea, muralis, myrtea, navalis, obsidionalis, ovalis, rostrata, vallaris 596; c. lemniscata 597; c. triumphalis 595, 602.
 coronae 595; c. provinciales 596.
 coronae convivales (longae, plectiles, sutiles) 238 — 239; c. festinatae 148.
 corpora lenunciariorum 375; c. pistorum 358; c. suariorum 376.
 corrigiae 237.
 cors 135.
 cortex 179.
 corymbion 233.
 cosmetae 335.
 costae 406.
 cothurnus, см. котурнь.
 cotoneum (malum) 147.
 cotula, cotyla 182.
 covinus 330, 331.
 crater 182.
 crates 90, 139.
 craticula 187.
 credit 382.
 crepidae 234.
 crepido 88.
 creta figularis 355.
 cretula 363.
 cribrum 187.
 crista 543.
 cristallini (calices c.) 194.
 crocinum 281.
 crocota 509.
 crocotarii 356.
 crotalum 470.
 crustae 124, 177, 193.
 crustularii 270.
 crustulum 270, 313.
 crux 339.
 crypta 116.
 cryptoporticus 79, 144.
 cubicularii 260, 328, 336.
 cubiculum 114, 116.
 cubitus 399.
 cucullio 223.
 cucullus 223, 230.
 cucumae 187.
 cucumeres 268.
 cucurbita 268.
 culcita 172.
 culeus 181, 398.
 culicare conopium 173.
 culina 116.
 culleus, см. culeus.
 cultrarius 434, 599.
 cultri 433.
 cunei (въ театрѣ) 39, 46.
 cuneus (строй) 579.
 cuniculus 610.
 Cunina 310.
 cupae 179, 181, 355.
 cuppedinarii 359.
 cupressus feralis, funebris 621.
 curia 76, 82, 351, 449; c. Hostilia 74, 81; c. Julia 74; см. курия.
 curio 82, 449; c. maximus 449.
 curriculum ova 57.
 currus arcuatus 330; c. eburneus 601.
 cursus 316; c. publicus 332.
 cuspid 548.
 custodia sepulcri 159.
 custos 313, 314.
 cyathus 182, 397, 398.
 cybium 264.
 cydoneum (malum) 271.
 cylindrus 139.
 cymbalum 470.
 cymbium 183.
 cyzicenus oecus 143.

D.

- dactylithecae 242.
 dalmatica 222.
 damnati (ad bestias d.) 525.
 dapes saliares 448.
 dare iugulum 521.
 datatim ludere 279.
 deambulationes 149.
 debet 382.
 debita facere, ferre 620.
 decastylos 16.
 decempeda 399, 400.

decemviri sacris faciundis 434.
 decretum augurum 444.
 decuriae 327.
 decuriones 76, 327.
 decursio 492.
 decussis 401, 445.
 deducitur in forum 317.
 deductio 308, 344; d. consulum 482.
 deferre ad augures 444.
 defrutum 253, 272.
 delecti 586.
 delectus 569.
 delphicae mensae 176.
 delphinorum columnae 57.
 demensum 338.
 demere soles 236.
 denarius 391, 395.
 dentale 189.
 denticuli (архит.) 10.
 dentificium 244.
 descensiones 71.
 destrictarium 68.
 destringere 68.
 desultores 492.
 deunx 401.
 deus ex machina 460.
 deversorium 332.
 dextans 401.
 Dia Dea 450.
 diaeta 116; d. horti 145.
 dictata magistri 313.
 dicta vernilia 326.
 dies februatus 450; d. lustricus 310; d. nominum 310.
 dies fasti, nefasti 436.
 diffarreatio 306.
 digitus 398, 399.
 dii consentes 74; d. domestici 430; d. patrii 430, 441; d. peregrini 441.
 diloris (tunica d.) 210.
 dilutum (vinum d.) 271.
 dimachaeri 518.
 dimyxos 197.
 diptycha 362.
 dira avis 447.
 diribitor 82, 260.
 diribitorium 82.
 discus (блюдо) 188; (верхъ лампы) 197.
 dispensator 111, 336.
 dissignatores 506, 622.
 distinguere 369.
 diverbium 496.
 divortium 306.
 doctores (гладіаторовъ) 512.

dodecastylos 16.
 dodrans 401.
 dolia 178, 355.
 dolon 408.
 domina 309.
 dominus factionis 487.
 domiseda 310.
 domo solvere 382.
 domus flaminia 437.
 dormitoria 116.
 Dorsennus 495.
 draco 577.
 draconarius 577.
 drachma 395, 401.
 ductilis (scena d.) 43.
 duella 313, 401.
 dulcia 270.
 dulciarii pistores 260, 270.
 duplarii, duplicarii 594.
 dupondius 394, 395, 400.
 duracinae uvae 269.
 dux gregis 503.

E.

eburneae litterarum formae 312.
 edere ludos 485.
 editor muneris 520.
 educari in gremio matris 309, 311.
 Edusa 310.
 echinus 265.
 elaeothesium 68, 71.
 ellychnium 197.
 elops 265.
 emblemata 193.
 embolium 496.
 emere per aes et libram 388.
 emissaria 94.
 emissio pilorum 582.
 emporetica (charta) 364.
 emporium 375.
 emptus de lapide 322.
 ephemerides 382.
 epidipnides 259.
 epistylum 8.
 epulae geniales 308.
 epulum 603; e. Jovis 443.
 eques legionarius 574.
 equilia 135.
 equiria 485.
 equitatio 316.
 equites extraordinarii 586; e. praetoriani 588.
 ergastulum 138.
 essedarii 359, 519.
 essedum 330.

euripus 263.
 evocati 571, 586.
 evolvere librum 366.
 examen 402.
 exauguratio 445.
 excipere notis 369.
 excipere ore extremum spiritum 620.
 excubitorium 574.
 exedrae 62, 117.
 exodium 495, 496.
 exomis 207.
 expulsim ludere 279, 298.
 extispices 426, 429.

F.

fabarii 359.
 fabri 568, 578, 588; f. aerrarii 353; f. argentarii 353; f. aurarii 354; f. intestinarii 353; f. tignarii 352.
 fabulae salticae 498.
 factiones 487, 507.
 falx 139; f. muralis 607; f. vinitoria 139.
 familia 310, 326, 512; f. rustica 133, 326; f. urbana 326.
 familiaris (pars) 430.
 famulus 326.
 Fanniana (charta) 364.
 far 136, 258, 305.
 farcinus 268.
 fasces 111, 600; f. laureati 601.
 fascia 9, 172, 233, 491; f. pedulis 237; f. cruralis 357.
 fascinum 310.
 fatui (-uae) 435.
 fauces 109, 115.
 fautores 507.
 favete linguis 425.
 fax 196.
 februa 450.
 feliciter 308.
 feminalia 238, 357.
 femur (архит.) 8.
 fenestrae clathratae 121.
 fercula 248, 259, 489.
 feretrum 623.
 feriae denicales 627.
 ferramentarii 359.
 ferula 313.
 Fescennina 308.
 Fescennini versus 308.
 fetiales 484, 448.

fibulae 90, 242.
 ficedula 266.
 ficticia vina 272.
 fictores 434.
 fidicines 435.
 figere in crucem 339.
 figlina 354.
 figuli 354.
 fimbriae 227, 544.
 fissum 430.
 fistucae 90.
 fistula 469.
 flabellum 244.
 flamen 430, 449; f. Augustalis 451; f. Claudialis 451; f. Dialis 305, 318, 437; f. Flavalis 451; f. Julianus 451; f. Martialis 437; f. Quirinalis 437.
 flamines 329, 434, 437; f. maiores 438; f. minores 438.
 flaminica 438.
 flammearii 356.
 flammeum 230, 307, 438.
 flatuarii 353.
 Florae ludi 483.
 Floralia 485.
 flos (апрт.) 7.
 focus 185.
 focus 67, 185, 432.
 foedus 449.
 foenilia 135.
 fontes surgentes 139.
 fora 375; f. venalia 77.
 fordicalia 449.
 fores 112.
 forfex 232, 579, 610.
 formae litterarum 312.
 fornacalia 449.
 fornix 76.
 Fortuna virginalis 307; f. virilis 15.
 foruli 177.
 forum 71, 585, 588; f. Augusti 76; f. boarium 32, 77; f. Nerae 76; f. oli-torium 77, 258; f. romanum 72; f. suarium 77; Trajani 76; f. transitorium 76; f. Vespasiani 76; f. vinarium 377.
 fossa 586, 606.
 fratres Arvales 450.
 fricatores 360.
 frigidarium 66, 68, 70, 270.
 fritillus 256.
 frontale 239.
 frontes (у ерррр) 366.

frumentarii 578; negotiatores f. 376.
 frumenti mensores 578.
 fucus 243.
 fugitivus 339.
 fulgur conditum 446.
 fullones 227, 357.
 fullonica 227.
 fulmina sinistra 446.
 funalia cerea 200.
 funambuli 336, 503.
 funda 55, 550.
 funditores 550.
 funeraticum 621.
 funes ancoreales 409.
 fungi 268.
 funus censorium 622; f. imaginarium 624; f. publicum 622; f. translaticium 621.
 fur 339.
 furca 339, 610.
 furfurosus (panis f.) 270.
 furnaceus (panis f.) 270.
 fuscina 515.
 fusores 353.
 fustuarium supplicium 592.
 fustis 339.
 fusus 303.
 futis 183.

G.

galbinae vestes 226.
 galea 543, 568.
 galerus 228, 233, 514.
 Galli (гладаторы) 513.
 ganeae 333.
 garum 260, 266.
 gaulus 183.
 gausapa 175, 356.
 gemmae caelatae 242; g. sculptae 242.
 genius loci 431.
 gens 310.
 gentilicium nomen 310.
 gestatio 144, 149.
 gillo 182.
 gladiatores, см. гладаторы; g. equestres 519.
 gladiatoria munera 511.
 gladiatorum impetus 582.
 gladius 549.
 glandes missiles 551.
 glareas 88.
 glirarium 267.
 glis 267.
 glutinare 368.
 grabatus 170.
 gradus 40.

graeco more bibere 252, 271.
 graecostasis 74, 81.
 grammaticus 313, 318.
 granarium 135.
 graphiariae thecae 365.
 gremium (in gremio matris educari) 309, 311.
 grex 503.
 groma 588.
 gubernaculum 407..
 gustatio 259, 265.
 guttae 9.
 gutturnium 182.
 guttus 182, 433.
 gypsare 179.
 gypsarii 353.

H.

habenae 339.
 habitus citharoedicus 221.
 hamae 356, 545.
 harpagones 412.
 harpastum 280.
 haruspices 426, 429, 578.
 haruspicina 429.
 hasta 567, 547; h. pura 594; h. velitatis 568.
 hastati 568, 571, 585.
 hastile 548.
 hastilia iacere 316.
 Hebdomades 367.
 helices (апрт.) 7.
 heliocaminus 145.
 hemicyclium 170, 204.
 hemina 397, 398.
 hemisphaerium 204.
 heptaclinon 174.
 heredium 399, 400.
 Heroon Caesaris 74.
 hexaclinon 174.
 hexaphoron 328.
 hexastylus 16.
 hieratica (charta) 364.
 hillae 268.
 hippotoxota 550.
 hirneae 187.
 histriones 350, 503.
 holoserica (vestis h.) 225.
 homicidium 337.
 hoplomachi 519.
 hordeaceus (panis h.) 270.
 hordeum 136.
 horrea 135, 375.
 horrearum 578.
 hortator 411.
 hospitalia (цена) 42.
 hostiae 425.
 hostilis (pars h.) 430.

humatio 625.
 hydromeli 271.
 hypaethroae ambulationes
 68, 70.
 hypocaustis 55.
 hypocaustum 55, 130, 144.
 hypogaea 119.

I.

ianthinum 226.
 iatraliptae 360.
 Iguvianae (tabulae I.) 445.
 ilicet 428, 626.
 ima cavea 46.
 imagines clipeatae 115,
 126; i. maiorum 114,
 622, 623.
 imbrices 108.
 immolare 426.
 impedimenta 583.
 imperator (имп) 273.
 impetrata (signa) 445.
 impetus gladiatorum 582.
 impluvium 117.
 impomenta 259.
 inauguratio 439, 445.
 inaures 240.
 Incitatus (комъ) 488.
 incitega 193.
 index 366.
 indicum 124.
 indusium 210.
 indutus 205.
 infecteres 356.
 inferre signa 582.
 infula 425, 435.
 infundibulum 187, 197.
 ingenui 311.
 inquilini 119.
 inscriptores 353.
 insigne 408.
 insignia pueritiae 316;
 triumphalia 605.
 instita 172, 312.
 institores 350.
 instrumenta balneatoria
 280.
 instrumentum triumphorum
 601.
 insula 105, 111, 119, 131.
 interpungere 369.
 interula (tunica interior)
 210.
 irpex 139.
 itinera (въ театрѣ) 42.

J.

iacere hastilia 316.
 iactus 256; i. venereus 257.
 ianitor 113, 327.
 ianna 112.
 iecur anseris 267.
 ientaculum 259.
 io-io triumphae! 603.
 iuba 543.
 iugerum 399.
 iugulum dare итд. 521.
 iugum 402.
 iumenta sarcinaria 584.
 iuniores 568, 569.
 Juno 391.
 Jupiter Ultor 33; J. La-
 tiaris 605.
 ius anuli aurei 241; i. to-
 gae 219.
 iusta facere 620.

L.

labarum 577.
 labrum 66, 71, 138.
 lacerna 222.
 lacertus 264.
 lacinia 213.
 laconicum 33, 67, 71.
 lactarii 260, 270.
 lactuca 259; l. capitata 268.
 lactentes (hostiae) 425.
 laculata vestis 226.
 lacunae 367.
 lacunarium 127, 353.
 lacus 95.
 laena 223, 437.
 lagoena 180.
 laminae 175, 544.
 lana arborea 356.
 lanarii 355, 356.
 lances 188, 402.
 lancula 402.
 lanificae 310.
 lanii 358.
 laniones 358.
 lanista 512, 517.
 lapathus 268.
 lapidarii 352.
 lapides missiles 550.
 lapis (de lapide emptus)
 322.
 lapis piperinus 378; l. spe-
 cularis 121, 328; l. ti-
 burtinus 378.
 laquearia 127, 353.
 laquearii 513.
 lararium 124, 431.

lardum (laridum) 591.
 lares 114, 316, 431.
 latera directa 586; l. prae-
 torii 588.
 laterarii 352.
 lateres 352.
 laterna 200.
 laticlavus (tunica l.) 210.
 latifundia 326.
 latrina 116, 122.
 latrones 273.
 latrunculi (ad l. ludere)
 273.
 laudatio funebris 624.
 Laureolus 497.
 lavatores 357.
 lavatrina 65, 116, 276.
 lebes 182, 184.
 lectarii 353.
 lectica 328, 623.
 lecticarii 328.
 lecticula lucubratoria 172,
 328.
 lectisterniator 260.
 lectisternium 435, 442.
 lector 271, 337.
 lectus 116, 172, 623; l. cu-
 bicularis 134; l. funebris
 621; l. genialis 114; l.
 imus 173; l. lucubrato-
 rius 172; l. medius 173;
 l. punicanus 173; l. sum-
 mus 173; l. tricliniaris
 172, 173.
 legatio libera 331.
 legatus 572.
 legio 567.
 legionarii 575.
 legiones tironum 571; l.
 urbanae 569; l. vetera-
 nae 571.
 legumina 258.
 leguminarii 359.
 lemnicus 595, 597.
 lens 136.
 lepas 264.
 leporarium 267.
 Levana 310.
 lex Julia Papiria 389; l.
 Petronia 337, 512.
 libarii 270.
 libatio 426.
 libellus 520.
 liber 366.
 liberalia 316.
 liberos natos profiteri 311.
 Libertatis atrium 81, 367.
 libertinus 342.
 libertus 341, 342.

- Libitina 621.
 libitinarii 621.
 libra 400, 402.
 librare pium 147.
 librarii 337, 368, 369.
 libri augurales 443; l. pontificii 436.
 libripens 305.
 librum evolvere и пр. 366.
 libum 427.
 Liburnae 412.
 lictor 622.
 ligo 139.
 ligula 187, 402.
 limariae piscinae 70, 95.
 limen 113; l. superum 113.
 limes 430.
 lintea 280.
 linteones 356.
 litare 426.
 liticines 578.
 litterae praeformatae 312; l. quadratae 369.
 litterarius ludus 312.
 litterati servi 337, 339.
 litterator 312, 318.
 litteratus 313.
 litura 362, 364.
 lituus 443, 472.
 Liviana (charta) 364.
 lixae 578, 587.
 loculamenta 177.
 oculi 157.
 oculus 624.
 locus consularis 174.
 locus imus, medius, summus 173; l. superior 582.
 lomentum 281.
 longurii 90.
 lora 227, 272, 339.
 lorica 544, 586; l. lintea 545.
 lotores 357.
 lucerna 196.
 luctatio 316.
 lucubratorius (lectus l.) 172.
 ludere ad latrunculos 273; l. datim и пр. 279—280.
 ludi annui 484; l. Apollinares 441, 485; l. Cereales 485; l. Cereris 441; l. Florae 483; l. funebres 627; l. gladiatorii 49, 485, 512; l. graeci 274; l. Magni 485; l. Megalenses 485, 489; l. ordinarii 484; l. plebei 485; l. p. in circo 443; l. Romani 485, 489; l. saecu-
 lares 441; l. stativi 441, 484; l. Taurii 59; l. votivi 484.
 ludio 503.
 ludos edere 485; l. spectare e quatuordecim 504.
 ludus dacicus 512; l. duodecim scriptorum 273; l. gallicus 512; l. latruncolorum 273; l. litterarius 312; l. magnus 512; l. matutinus 512; l. Troiae 492.
 lunula 237.
 Lupercal 450.
 Lupercalia 450.
 Luperci 450.
 lupini 268.
 lupus (рыба) 265; (орудие) 610.
 lura 181.
 lustratio 310.
 lustrum 428.
 lutea 366.
 luteae vestes 226.
 lutum 366; l. venetum 281.
 lychnuchus 199; l. pensilis 197.
 lychnus 198; l. pensilis 197.
 lyra, см. лира.
 lyristes 271.
- M.
- Maccus 495.
 macellarii 359.
 macellum 258.
 macerari (о льнѣ) 356.
 machina arietaria 607.
 macta est 426.
 maena 264.
 maenianum 38, 119.
 magadis 464.
 magister 382, 440, 448, 450, 451, 512; m. bibendi 271; m. ludi 312.
 maior (старший) 310.
 malleus 113, 356, 433.
 malum Armeniacum, cotoneum, Persicum, praecox, punicum 147, amerinum 147.
 malus 408.
 malva 268.
 mamertinum vinum 272.
 Mamertinus carcer 74.
 manceps 382.
 mancipium 326.
 mandrae 273.
 manes 625.
 mangones 325.
 manica 238, 515, 518, 519.
 manicata (tunica m.) 208, 221.
 manipulus, см. манипуль.
 manni, mannuli 332.
 mansio 332, 448, 534.
 mantele 261.
 mantelium 261.
 manumissio 341.
 manus ferreae 412.
 mappa 261.
 margarita 240.
 margo 88.
 maritare 137.
 marmorarii 352; m. subaedani 353.
 matella 183.
 matellio 183.
 mater familias 306; m. Magna 442, 482, 485.
 materia directa 90.
 matrimi 435.
 matrimonium 305.
 Matronalia 482.
 Mausoleum Hadrianum 160.
 media cavea, см. cavea.
 medicae 360.
 medici 360.
 medicinae 361.
 Megalesia 442, 483.
 mel 269.
 melimela 147.
 melitites 272.
 melopepones 268.
 membranae 366.
 mensa 175.
 mensae secundae 259.
 mensores frumenti 578.
 meracius bibere 271.
 mercatores 587.
 merenda 259.
 meridiani 516.
 meritoria (cenacula m.) 118.
 merula 266.
 merum bibere 271.
 meta 54, 57, 119.
 metari castra 584.
 metator 584.
 micare (игра) 257.
 miliariae (porticus) 134.
 miliarium (milliarium) 89, 399.
 milites auxiliares 571; m. classici (classarii) 412; m. praetoriani 572; m. tumultuarii 569.
 milium 136.
 mille passus 399.
 miliariae (legiones) 574.

mimographi 496.
 mimus 371, 495, 496.
 Minerval 314.
 minium 124, 243.
 minor (мождмиѣ) 310.
 mirmillones 518.
 missiles lapides 550.
 missus 259, 491.
 mistarius 182.
 mitella 230.
 mitra 228, 230.
 modius 396—398.
 mola salsa 264, 426.
 molae 118.
 moletrina 118, 187.
 molitores 358.
 moneta 391.
 monilia 240.
 monoloris (tunica m.) 210.
 monolychnis 197.
 monomyxos 197.
 monopodia 175.
 mora 257; 549.
 morio 335, 496.
 mortarium 187.
 mortualia 622.
 mugilis 264.
 mulleus 237.
 mullus barbatus, minor 264.
 mulsum 259, 272.
 mundus (panis) 270.
 munera 95; m. gladiatoria 511.
 munerarius 520.
 muraena 264.
 murex 226, 265.
 muria 266, 438.
 murmillones 518.
 murrhea (murrhina) vasa 194.
 musicus 318.
 mustum 272.
 mutare calceos 237.
 mutuli 9.
 myropolae 281.

N.

nani, nanae 335.
 napi 268.
 nardinum 281.
 nassa 195.
 nasus 197.
 natatio 70, 274, 280, 316.
 naumachi 527.
 naumachiae 52, 59, 527.
 naumachiarum 527.
 nautae 411.

naves longae 411; n. onerariae 412; n. speculatoriae 412; n. turritae 412.
 negotiatores 376—378.
 neniae 622.
 neurobatae 386, 508.
 nidi 370.
 nobilitas 310, 343.
 nodus 216.
 nomen bibere 271.
 nomenclator 328.
 nomen gentilicium 310.
 nominalia 310.
 nominum dies 310.
 nonussis 400.
 nota 180.
 notae Tironianae 369.
 notarii 317, 369.
 notati 339.
 notis excipere 369.
 novacula 232.
 novae (sub novis) 74.
 nuces relinquere 315.
 nuncupatio votorum 451.
 Nundina 310.
 nundinae 310.
 nuntiatio 444.
 nuntii 335.
 nupta 284.
 nutrix 314.
 nymphaea 95.

O.

oblative (signa obl.) 446, 447.
 oblinere 179, 362.
 obolus 395, 401.
 obsidere 606.
 obsignare 363.
 obsonator 260.
 obturaculum 179.
 occa 139.
 ocreae 546.
 octastylus 16.
 octophoron 328.
 ocularii (medici o.) 360.
 odeum см. одеонъ.
 oecus 116, 117; oe. cyzicenus 143.
 offa pultis 447.
 offectores 356.
 officia clientum 344.
 officiales imperatoris 588.
 officinae 357; o. pistoriae 358.
 olearii 359.
 oleum 269.

olivae 269.
 oliveta 187.
 ollae 157, 187; o. extares 433; o. cinerariae, ossuariae 625.
 olus 258, 268.
 opera togata 344.
 operculum 626.
 opertorium 172.
 opificum collegia 350.
 opisthographa 364.
 oppidum 57.
 oppugnare 606.
 optio 573.
 opus alexandrinum 128; o. doliare 355; o. figlinum 355; o. musivum 128; o. quadratarium 128; o. sectile 128; o. signium 127; o. vermiculatum 128.
 orarium 244.
 oratores 318.
 orbea (доски стола) 175.
 orbis (у войска) 581.
 orca 180.
 ordinarii (servi o.) 327, 336.
 organon hydraulicum 469.
 oribatae 503.
 origanum 280.
 ornamenta triumphalia 605.
 ornatrices 335.
 ornithones 267.
 oscines 446.
 ossilegium 625.
 ostenta 436.
 ostiarius 116, 327.
 ostium 111, 112.
 ostreae 265.
 ova curriculum 57.
 ovatio 597, 604.
 ovile 82, 135.

P.

paedagogus 314, 336.
 paenula 222, 223, 338.
 paenularii 227, 357.
 paganicae (pilae) 279.
 paginae 365.
 palla 139.
 palimpsestus 364.
 palla 219, 221; p. gallica 221.
 palladium 76.
 palliatus 215.
 pallium 212.
 palma et brabeum 488.
 palmulae 269.

- palmus 398, 399.
 paludamentum 222, 223, 576.
 paludati 600.
 palus 279.
 panicum 136.
 panis 270.
 pantominus 498, 507.
 Pappus 495.
 papyrus 863.
 paragauda 210.
 parasitus 496.
 parentalia 627.
 par impar 315.
 parietarii 352.
 parma 547, 568, 576.
 paropsis 188.
 pascua 138.
 passis crinibus 623.
 pastio villatica 136.
 passum 272.
 passus 399.
 patagium 210.
 patellae 187, 264.
 pater familias 430; p. fiduciarius 317; p. patratius 440.
 patera 183, 433.
 patibulum 339.
 patina ostrearum 265.
 patinae 187.
 patria potestas 311, 317.
 patrimi 435.
 patronus 343.
 pavimentarii 352.
 pavementum sectile 128; p. tessellatum 128; p. testaceum 128.
 pecten 244, 265, 355, 464.
 pectinata (tecta p.) 121.
 pectis 464.
 pectorale 569.
 peculium 336, 338.
 pecunia 388.
 pedestria (auspicia) 447.
 pedisequus 328; p. puerorum 314.
 pedites extraordinarii 586.
 pelles 586.
 pelliculare 270.
 peloris 265.
 pelta 540; p. lunata 541.
 penates 430.
 pensilis (lychnus) 197.
 penteloris 210.
 penuria cella 116.
 penus Vestae 438, 483.
 perdix 266.
 perfusores 335.
 pergamena (charta p.) 295.
 pergraecari 271.
 pergula 119, 312.
 periactus 43.
 peristylum 106, 110, 115.
 perna 268.
 pero 237.
 perpendiculum 409.
 persona 508.
 personae tragicae 461.
 pes 398, 899; p. constrictus, quadratus 399.
 pessuli 113.
 petasio, petaso 268.
 petauristae 336.
 petaurum 336.
 petorritum 330, 331.
 petroselinum 270.
 phalerae 595.
 phasianus 266.
 Philippii numi aurei 387.
 philypae 363.
 Phoebi vada 282.
 phoenicopterus 266.
 phrygiae vestes 226.
 phrygiones 356.
 Picentes panes 270.
 pictores parietarii 353.
 pila (мачъ) 279, 315; p. trigonalis 279.
 pilae Mattiacaе 234.
 pilae (столбы) 65, 370.
 pileatus 325.
 pilentum 330, 331.
 pileus, pileum 228, 230, 341, 483, 623.
 pilicrepus 279.
 pilorum emissio 582.
 pilum 548; p. murale 548.
 pilus (primus p.) 573.
 pinacotheca 117.
 pingere 368.
 pinna 84.
 pirum 147.
 piscatores 359.
 piscina 110, 115, 265; p. calida 66, 144; p. limaria 70, 95.
 pistillum 187.
 pistores 260.
 pistoriae officinae 358.
 pistrinum 118, 135, 339, 358.
 Pistris 408.
 pittacium 180.
 placentarii 270.
 plagae 328.
 plagulae 215, 328.
 planctus mulierum 623.
 planipes 509.
 planus 266.
 plaustraratum 139.
 plastrum 330.
 plectrum 464.
 plostrum 330.
 ploxenium 332.
 plumarii 356.
 pluteus 91, 173, 586.
 poculum 183.
 podium 50, 486.
 pollice presso, verso 521.
 pollinctores 621.
 polymitarii 356.
 polymyxos 197.
 pomaria 147.
 pomarii 359.
 pompa circensis 489.
 pompaticum (carpentum) 331.
 pons 609.
 pons Aelii 91; p. subli-cius 90, 435.
 pontifex maximus 305.
 pontifices 91, 434, 436.
 popa 333, 425, 434, 599.
 popinae 256, 333.
 populus 342.
 porca praecidanea 620.
 porcelli 270.
 porcellus lactens 267.
 porrigere iugulum 521.
 porrum capitatum 258; p. sectile 268.
 porta Carmentalis 603; p. Collina 440, 573.
 porta decumana 585, 587; p. libitinensis 53; p. pom-pae 57; p. praetoria 585; p. principalis 585; p. quaestoria 588; p. triumphalis 58, 598.
 porticus 77, 110, 116, 608; p. Octaviae 34; p. stadiatae 62, 68.
 portenta 436.
 portus Augusti 375; p. vinararius 377.
 posca 272, 591.
 postes 113.
 postica pars 25.
 posticum 12, 116.
 postscenium 42, 47.
 potestas patria 311, 317.
 Potina 310.
 pоторia gemmata 193.
 praebere iugulum 521.
 praebium 310.
 praecinctiones 38.
 praedia rustica 134.
 praefectus aerarii 311; p. cohortis 570; p. fabrum

578; p. praetorio 573; p. socium 570; p. vigilum 574.
 praefecti 572, 585.
 praeficae 621.
 praeformatae litterae 312.
 praefurnium 65, 71.
 praemia maiora 488.
 praenomen 310.
 praescriptum 312.
 praesul 448.
 praetentura 588.
 praetextati 504.
 praetexta (toga p.) 219, 316, 444; (tunica p.) 210.
 praetor, см. преторъ.
 praetoria castra 573.
 praetoriani milites 572.
 praetorio praefectus 573.
 praetorium 584, 587.
 prandium 248, 259, 272, 278, 603.
 prasinæ pilae 279; p. vestes 226.
 precatio 425.
 premere oculos 620.
 presso pollice 521.
 primipilaris 573.
 primipilus (primus pilus) 573, 577.
 principes 568, 571, 585.
 principium 584, 585.
 pristis 408.
 procoetones 116.
 procubitores 586.
 procurare prodigia 430.
 procurator 336, 512.
 prodigia 436.
 profusiones 627.
 proiectura (архт.) 7.
 proletarii 568.
 prologus 496.
 prolusio 520.
 promittere barbam 233.
 promulsis 259.
 promus 336.
 pronuba 307.
 pronubus anulus 304.
 propinare 271.
 propnigeum 144.
 prora 406.
 proscenium 41, 47.
 prosequi funus 623.
 prostylos 30.
 provocatores 519.
 psaltria 335.
 pseudisodomum 83.
 puberes 306.
 pubertas 316.
 publicanorum societates 382.

puer 326.
 pueri ab argento, p. ab auro escario, p. symphoniaci 335.
 pugilatio 316.
 pugillares cerae 362; p. membranei 862.
 pullarius 447.
 pullata turba 225.
 pullati proceres 623.
 pulpitum 41, 47.
 puls 255.
 pulvinar 489.
 pulvinaria 442.
 pulvinus 149, 172, 505.
 pumex 366.
 pumiliones 385.
 pupi 314.
 puppis 406.
 purpura 226.
 purpurarii 356.
 purpurissum 124.
 puteal 122, 446.
 puteus 95.
 Puteulae 621.
 pyra 625.
 pyrrihica, см. пирриха.

Q.

quadrantal 397.
 quadrans 277, 390, 394, 395, 399, 400, 401.
 quadratarium opus 128.
 quadratum incusum 387.
 quadrigae 489.
 quadrigatus (denarius q.) 392.
 quaestorium 585, 588.
 quartarius 397, 398.
 quinarius 392, 395.
 quincunx 401, 580.
 quincussis 389.
 quindecimviri sacris faciundis 440.
 quingenariae (cohortes q.) 574.
 quinquatrus 482.

R.

raeda 330, 331; r. meritoria 332.
 raedarii 359.
 rapa 268.
 raptim ludere 280.
 reda, см. raeda.
 redemptores 352, 378.

redigere ad incitas 273.
 redimiculum 228.
 referre ad augures 444.
 regia 74, 435.
 regifugium 437.
 regina sacrorum 437.
 regio 574.
 regula (архт.) 9.
 reliquiae 259.
 remancipatio 306.
 remiges 409.
 remissio (sine r.) 521.
 remus 409.
 renuntii 335.
 repagula 113.
 repetere res 449.
 repositorium 188, 264.
 repotia 308.
 repudium 306.
 responsum augurum 444.
 retentura 588.
 retiarum 514, 515, 518, 522.
 revocare (въ театрѣ) 506.
 revolvere librum 366.
 rex bibendi 271; r. sacrificulus 434, 436; r. sacrorum 329, 436.

rhythm 183.
 rhetor 314, 318.
 rhombus 264.
 rica 230.
 ricinium 280, 509.
 ritus romanus, graecus 441.
 roborarium 136.
 rogos 625.
 rorarii 568.
 ros marinus 144.
 rostra 624; r. vetera 74.
 rostrum 407, 596.
 rubrica 124.
 rudis 512.
 rumex 268.
 rutrum 139.

S.

sacellum 82.
 sacerdotes 434; s. populi Romani 445; s. arvorum 450.
 sacra 443.
 sacra gentilicia 430, 434; s. popularia 434; s. privata 430; s. publica 425.
 sacra via 75.
 sacramentum 569.
 sacrarium 124.
 sagarii 357.
 sagitta 550.

- sagum 217, 222, 223, 550, 575.
 saitica (charta) 364.
 salarii 359.
 salii 434, 447, 448.
 salinae 377.
 salinum 188.
 saltare (tragoediam, Cyclo-
 па и т. д.) 498.
 saltus 138, 316, 399, 400.
 salutatio 328; s. matutina
 344.
 salve 111.
 sambuca (муз. INSTR.) 466;
 (воен. машина) 609.
 sambucistriae 335.
 Samnites (гладиаторы) 513,
 517.
 sanctius aerarium 393.
 sandalia 286.
 sandapila 621.
 sapa 253, 272.
 sapa 281.
 sarcinatrices 228, 357.
 sarissa 564.
 sarracum 330.
 sartago 187.
 sartores 357.
 Saturnalia 483.
 scabellum 169, 471, 498.
 scaeprum 245.
 scaeva 523.
 scalae 39, 409.
 scalprum librarium 565.
 scamnum 169, 170; (въ
 лагерь) 588.
 scandula 122.
 scaphium 183, 204.
 scapus 198.
 scena см. сцена; s. ductilis
 43; s. versilis 43.
 scheda 365.
 schoenobatae 336.
 Schola Xantha 74.
 scholae 66, 314, 351.
 scientia trivialis 312.
 scimpodium 172.
 scipio 245.
 scirpea 330.
 scirpus 200.
 scissor 260.
 scomber 266.
 scopae 201.
 scorpio 609.
 scotia (архит.) 7.
 scribae 337.
 scribuntur milites tumultu-
 arii 569.
 scrinia 177, 367.
 scriptores 353.
 scriptulum 401.
 scripulum 399, 401.
 sculponeae 237, 338.
 scurra 496.
 scutatus 572.
 scutum 518, 547, 568, 576.
 scyphus 183.
 sebacei 200.
 secespitaе 426, 433.
 sectores 352.
 secundae mensae 259.
 secundus, secundarius (pa-
 nis s.) 270.
 secures 433, 601.
 secutores 518, 522.
 seiuages 489.
 selibra 401.
 sella 167, 168; s. balnearis
 70, 170; s. curulis 169;
 s. gestatoria 328; s. fer-
 toria 328.
 semaureus 395.
 semis 390, 395, 399, 401.
 semissis 390, 394, 395.
 semodius 397, 398.
 semuncia 313, 401.
 senaculum 74, 81.
 senatorius (calceus) 237.
 senio 256.
 seniores 568, 569.
 sepiola 264.
 septa 81; s. marmorea 82.
 septemviri epulones 434,
 442.
 septunx 401.
 sepulcri custodia 159.
 sepulcrum 157.
 sera 113.
 seriae 179.
 sericum 225.
 serrarii 352.
 serta 432.
 servare (приготовлять
 впрокъ фрукты) 270.
 servare de coelo (ex coelo)
 446.
 servi 319, 326; s. litterati
 387; s. ordinarii 327,
 336; s. vulgares 327.
 servus publicus 602.
 rescuncia 401.
 sestertius 392, 395.
 sextans 390, 399, 400, 401.
 sextarius 332, 395, 397, 398.
 sextula 313, 401.
 sica 515.
 sicilicus 313, 399, 400, 401.
 sigilla 355.
 sigillaria 484.
 sigillaricius (anulus) 363.
 siglae 369.
 sigma 174.
 signa ex diris 447.
 signa inferre 582.
 signifer 577.
 signum (opus s.) 127.
 signum 576, 577, 589; s.
 militare 576.
 sil 124.
 silex 88.
 silicernium 626.
 siliginarii pistores 260.
 siligineus panis 270.
 siliqua 401.
 sima (архит.) 9.
 simpulum 132, 433, 436.
 simpvium 433.
 sinciput 268.
 sinuata acies 578.
 sinus 216.
 siparium 47.
 sistrum 471.
 sitella 180.
 siticines 622.
 situlus (situla) 180.
 smegma 281.
 soccus 236, 509.
 societates 375; s. publica-
 norum 382.
 socii 570, 571.
 sodales Augustales 450,
 451; s. Titii 382.
 sodalis 621.
 sodalitates 450.
 solaria 119, 204; s. viato-
 ria 204.
 soleae 236.
 solearii 357.
 solium 69, 168, 624; s. Ve-
 neris 169.
 solvere domo, ex arca sua
 382.
 sortes 273.
 spadicarii 356.
 sparteoli 574.
 spartium 260.
 spatha 550.
 spectare ludos e quatuor-
 decim 504.
 specularia 110, 148.
 speculariores 578.
 speculum 242.
 specus 95.
 speusticus (panis s.) 270.
 sphaeristerium 316, ср.
 σφαιριστήριον.
 spiculum 549.
 spina 55, 57, 491.
 spira 7.
 splenia 339.

spoliarium 50, 522, 523.
 spondaules 427.
 spongia 200.
 sponsalia 304.
 sponsio 449.
 sponsors 304.
 sponsus (sponsa) 304.
 sporta 195.
 sportella 260.
 sportula 260, 345.
 spuma Batava 234.
 stabula 332.
 stadium 399; см. стадіи.
 stalagmium 240.
 statera 402.
 stationes 574.
 stativa (castra) 584.
 stibadia 174.
 stigmati 339.
 stilus 362, 363.
 stipendium 388, 569, 590, 591.
 stipes 279.
 stirps 310.
 stiva 139.
 stola 211; s. matronalis 309.
 stragulae (vestes) 172.
 strena 197, 482.
 stria 6.
 strigae 585.
 strigilis 275, 280, 390.
 structor 260, 352.
 stupidus 496.
 stuppa 200.
 stupparius (malleus) 356.
 stylobata 31.
 suasoria 318.
 suber (obturaculum) 179.
 subcinerarius (panis s.) 270.
 sublicae 90.
 submittere fasces 601.
 subsellium 170.
 subserica (vestis s.) 225.
 suburbanum 135.
 succidanea (hostia s.) 426.
 sudarium 244.
 sudatorium 67.
 sudatrix (toga) 224.
 suffibulum 439.
 suilla 135.
 sumen porcae 268.
 summa cavea, см. cavea.
 summovere 601.
 suovetaurilia 428.
 superficies 198.
 supparum 210, 409.
 supplicatio 442.
 supplicium fustuarium 592.
 suppus 256.

suscipere (дѣтъ) 310.
 suspensura 66, 130.
 sutor cerdo 357.
 sutores 357.
 sutrinae 357.
 syngraphae 382.
 synthesis 224.
 syrinx 609.

T.

tabellarii 335, 363.
 tabellae 362.
 taberna 159, 312, 332.
 tabernaculum 585.
 tabernae, см. ТАВЕРН; t. argentariae 75; t. lanienae 358; t. librariae 369; t. macellariae 358; t. medicorum 361; t. vinariae 333.
 tablinum 106, 109, 115.
 tabula aleatoria 256.
 tabulae 109, 117, 127; t. dotales 307; t. Iguvianae 445; t. nuptiales 307; t. matrimoniales 307.
 tabularii 578.
 tabularium 81.
 tabulatum 119, 120, 135, 608.
 tachygraphi 369.
 taedae 196.
 taeniae 233.
 talassio 308.
 talentum 383, 386, 400.
 tali 256, 273.
 Taurii ludi 59.
 tectores 353.
 tectorium (in udo t.) 124.
 tectum 122.
 tegulae 108, 352.
 tela (vestes de t.) 356.
 telamones 11.
 templum 27, 445; t. Caestorum 74.
 tensae 489, 623.
 tepidarium 66, 67, 69, 280.
 terebra 607.
 tessellarii 352.
 tessellatum (pavimentum) 128.
 tessera 180, 589; t. hospitalis 334.
 tesserae 256, 273, 505; t. gladiatoriae 512.
 testaceum (pavimentum) 128.

testudo 606; t. arietaria 607; t. fastigata 606.
 testum 187.
 tetrapharmacum 268.
 tetrastylus 16.
 textores 227, 356.
 textrinae 227.
 thecae 177; t. calamariae 365.
 thermae, см. термы; t. Antoninianae 69.
 thermopolia 333.
 Thresces (гладіаторы) 513, 515, 518.
 thuia cupressioides 175.
 thynnus 266.
 tibia 467, 622; t. curva 467; t. dextra 468; t. incentiva 468; t. longa 467; t. multiforabilis 468; t. obliqua 466; t. phrygia 467; t. sinistra 468; t. succentiva 468.
 tibiae geminae 467; t. pares, impares 468.
 tibialia 238, 357.
 tibicen 427, 435.
 tigilli 107.
 tigna colliciarum 107; t. sesquipedalia 90.
 tignarii (-gnuarii) 352.
 tirocinium fori 317.
 tirones 307.
 Tironianae notae 369.
 tironum legiones 571.
 Titii sodales 382.
 titulus 114, 325, 366, 599.
 toga 215; t. densa 224; t. fusa 216, 218; t. ima 216; t. libera 219; t. palmata 219; t. picta 210, 219, 602; t. pinguis 224; t. praetexta 219, 307, 316, 435, 604; t. pulla 225; t. rasa 224; t. restricta 218; t. sordida 225; t. virilis 219, 316, 317.
 togatus 215, 344, 600.
 tolleno 609.
 tollere (дѣтъ) 310; t. in crucem 339.
 tomaculum 268.
 tonstrinae 232.
 tophis 378.
 topia 126.
 topiarius 149.
 toralia 178.
 torcularia 135.
 tormentum 407, 609.
 tornatores 357.

torquis 595.
 torus 7, 172.
 trabea 223, 444.
 trabeculae 107.
 trabes 107; t. bipedales 90.
 tractor 280.
 tragula 549.
 transtrum 406, 410.
 trapezophora 176, 191.
 tressis 400.
 triarii 568, 571, 585.
 tribulum 139.
 tribunal 78, 504, 585.
 tribunus 81, 469; t. celerum 567.
 tribuni comitiati, rufuli 469.
 tricessis 401.
 tricliniarcha 260.
 triclinium 116, 143, 173.
 tridens 407.
 triens 399, 400, 401.
 trifolinum (vinum t.) 272.
 trigae 489.
 trigon (-onaria) 279.
 trigonalis (pila) 279.
 tripudium 448; t. solistimum 447.
 triremis 405.
 triticum 136.
 triumphus, см. триумфъ.
 triumphalia (ornamenta) 605.
 triumphorum instrumentum 601.
 triumphviri epulones 442; t. monetales 391.
 trivialis scientia 312.
 Troiae ludus 492.
 tropaeum 594.
 trua, trulla 187.
 tuba 448, 471, 578, 622.
 tubera 268.
 tubi 66.
 tubicines 568, 578, 598.
 tubilustrum 482.
 tubuli 66.
 tugurium 131.
 Tullianum 97.
 tumuli honorarii 624.
 tumultuarii milites 569.
 tundere (жечь) 356.
 tunica 206, 209; t. angusticlavia 210; t. interior 210; t. laticlavia 210; t. manicata 208, 221; t. palliolata 220; t. palmata 210, 219; t. patagiata 210; t. praetexta 210; t. recta 209, 316.

tunicatus 209.
 tunico-pallium 220.
 turba pullata 225; t. salutatrix 344; t. togata 344.
 turdus 266.
 turibulum 493, 621.
 turmae 567, 571.
 turres 120; t. ambulatoriae, mobiles 607; t. contabulatae 608.
 turricula 256.
 turtur 266.
 tutela 407.
 tutulus 293, 498.
 tympanum 330, 470.

U.

umbella 244.
 umbilici 366.
 umbo 216, 546.
 umbra 248.
 umbraculum 244.
 uncia 377, 401.
 unctores 67, 335.
 unctorium 68.
 uncus 522.
 unguentarii 281.
 unio 240.
 urbanae cohortes 572, 574; u. legiones 569; u. villae 134.
 urceolus 180.
 urceus aquarius 180.
 urna 180, 397, 398; u. ossuaria, cineraria 625.
 ustrina, ustrinum 625.
 usus 305.
 uter 181.
 utricularius 469.
 uvae 269.
 uxor 306.
 uxorem ducere 308.

V.

Vagitana 310.
 vale (extremum v.) 620.
 valetudinarium 588, 592.
 valli 586, 596.
 valvae 112; v. regiae (на щепѣ) 42.
 vappa 272.
 vas corinthium 192; v. vinarium 180.
 vasa acentata 191; v. caelata 193; v. coquinaria 185; v. mensalia 185; v.

diatreta 354; v. gemmis distincta 193; v. murrhea (murrhina) 194; v. pura 193; v. unguentaria 243.
 vates 448.
 vectis 316.
 vehiculum clabulare (clabulare) 330.
 velati 568; v. accensi 550, 568.
 velites 519, 547, 568, 571, 579, 586.
 velum 45, 328, 408; v. cucullare 113.
 venalia fora 77.
 venationes 49, 516, 524—526; v. africanarum 492, 525.
 venatores 524.
 vendere sub corona 325.
 ventilatio 520.
 Venus (Бросокъ) 257; V. Libitina 621.
 vericulum 549.
 vermiculatum opus 128.
 vernaculi 326.
 vernae 326.
 versicolores calices 194.
 versicoloria vestimenta 226.
 versilis scena 43.
 verso pollice 521.
 versura 43.
 versus 364.
 vertere stilum 362.
 veru 187.
 verutum 549, 567.
 vesperones 621.
 vespillones 621.
 Vesta 438; virgines Vestae 438.
 Vestales (virgines V.) 438.
 Vestalia 483.
 vestes rudes 356; v. stragulae 172.
 vestiarii 227, 357.
 vestibulum 111, 144.
 vestifici 228.
 vestimentum clausum 205, 220; v. versicolorium 226.
 vestis bombycina 225; v. cenatoria 224; v. citharoedica 221; v. laculata 226.
 vestispicae 228.
 veteranae (legiones) 571.
 veteres (sub veteribus) 72, 74, 75.
 veterinarium 588.
 vexillarii 575.

- vexillum 351, 575, 576, 577, 594.
 via Appia 87.
 viae (архит.) 9.
 via Flaminia 88; v. Labicana 86; v. lata 82; v. Praenestina 86; v. praetoria 585; v. principalis 585; v. quintana 588; v. sacra 75; v. sagularis 587; v. Valeria 88.
 vicarii 336.
 victimae 425.
 victimarii 484, 578, 599.
 victoriatu 392.
 vicus frumentarius 375; v. materiarius 375; v. sandalarius 370; v. vitarius 375.
 vigiles 577; v. nocturni 574.
 vigiliae 208, 589.
 vigilum cohortes 572, 574.
 villa publica 82; v. rustica 134; v. suburbana 135; v. urbana 134, 139; ср. ВЕЛЛА.
 villica, villicus 195, 198.
 vinariae cellae 135.
 vinarii 359.
 vinarium vas 180.
 vindicta 341.
 vinea 137; (воен.) 608.
 vinetum 137.
 vinum, см. ВИНО; v. doliare 377.
 violaceum 226.
 violarii 356.
 virga 113, 339, 601.
 virgines Vestales 438.
 Virgo Vestalis maxima 440.
 Virgo (вода) 96.
 viridarium 110, 117.
 visceratio 627.
 vitio creatus 444.
 vitis 575.
 vitium 444.
 vitrearii 354.
 vitrei calices 193.
 vittae 425, 435; v. laneae 308.
 vivaria avium 267; v. ostrarum 265; v. piscium 265.
 vocatores 335.
 volemum (pirum v.) 147.
 Volucer (волк) 488.
 volumen 366.
 volutae 6.
 vomer 139.
 vomitoria 52.
 vulgares (servi v.) 327.
 vulnerarii 360.

 X.
 Xantha (schola X.) 74.
 xysta 62.
 xystici 62.
 xystus 144, 149.

 Z.
 zingiber 270.
 zona 307.
 zotheca 116, 145.
 zythum 271.

III. Русскій указатель.

А.

абакъ, см. abacus.
абрикось 147.
абсида 18, 78.
авангардъ 561.
авансцена 41.
авгуріи, см. auguria.
авгуры 443—447.
авспиціи 446—447.
Агнапта портикъ 53.
агора 71, 80.
Агриппа 33, 96; термы Агриппы 68.
азартная игра 255.
айва 147.
аясть 266.
Академія 61, 141.
аграфоторъ 182.
акробаты 336, 503.
актеръ 35, 271, 318, 456, 457, 462, 503; а. мимовъ 496; а. пантомимовъ 499, 500, 504.
акційскія игры 492.
акціонерныя общества 375, 382.
алебастръ 191.
алтари 22, 37, 41, 151, 422, 432, 433; алтарь домашнихъ боговъ 114; а. Зевса 99, 102; см. жертвенники.
альковы 116.
альсѣтская вода 97.
амбары 135, 375.
амулетъ 240, 310.
амонтеатръ 49—52; а. Флавіевъ 51, 511, 516.
амфора 119, 179, 190, 193, 395, 397.
анисъ 269.

анатуріи 292.

апелъсинъ 147.

Аполлонъ 102, 231, 440; культъ Аполлона въ Римѣ 441; храмъ А. 3, 15, 19.

апоееоза, см. обоготвореніе.
Аппіева дорога 56, 59, 69, 87, 157, 158, 159, 332.

Аппій Клавдій 87, 93, 95, 96, 97.

апсида 18, 78.

аптека 361.

арбузы 148, 268.

Арвальскіе братья 450.

арена 50, 55.

арифметика 300.

арка 76, 86, 95, 161, 162; а. Константина 164; а. Септимія Севера 75, 81, 164; а. Тита 163; а. Траяна 164.

артишоки 268.

арфа 466.

архивъ 81, 109, 317.

архитектуры римской (частной) исторія 131.

архитравъ 6, 8, 9.

Асклепиевы жрецы 361.

ассигновки 382.

ассъ 390, 391.

астрономія 300.

атака 560, 581.

ателлана 495.

атлеты 62, 63, 71, 297, 485.

атрій 106, 108, 114, 122, 133.

Аѳина 137, 287, 407; А. Подіада 17; статуя Аѳины 15, 21, 25; храмъ А. 14.

Б.

бабки 256, 273.

база (колонны) 7.

базилика 47, 77, 78—80; б. Порція Катона 74, 80; б. Юлія 74, 79; б. Эмилија Павла 74.

байскія воды 282.

балконъ 119.

балоны 279.

бани 61, 63, 99, 117, 273, 274, 276; греческія б. 61, 99, 273, 274; женскія б. 65, 68; мужскія б. 65; публичныя б. 275, 276; римскія б. 63, 117, 276.

банки, баночки 180, 193.

банкирскія книги 381.

банкирство 380.

банкиры 381.

банная плата 277.

банный звонокъ 278.

банныя принадлежности 280.

банщикъ 274, 275.

бани жаркая б.; б. потовая 66, 67; б. умѣреннотеплая 66, 67; б. холодная 66, 68, 280.

барбитонъ 464.

башмаки 235, 236.

башня 84, 86; осадныя башни 607, 608.

безкровныя жертвы 416, 417, 429.

безмень 402.

библіотека 64, 71, 76, 77; греческія бібліотеки 371; римскія б. 117, 337, 367.

библіотекари 337.

биссось (матерія) 224.

благовонныя мазм, масла 243, 251.
 блюда 187.
 бобы 136, 268.
 боги домашніе 124, 430;
 б. отцовскіе 102; боги охранители 431.
 богослуженіе 5, 414, 451.
 боевой строй 578.
 боевыя колесницы 541.
 бои пѣтуховъ и перепеловъ 258.
 бои, см. состязанія, игры, сраженія.
 бойцы, см. гладиаторы.
 борьба 298, 316, 475.
 бочка 178, 181.
 бракъ греч. 283; рим. 305.
 браслеты 240.
 бритве 232.
 бронза 192.
 бронзовыя издѣлія 347, 353.
 бросаніе диска 298, 316, 477; б. копья 298, 316, 478.
 брѣвья 224, 576.
 буки 292.
 булавки 244.
 булла 240, 310, 316.
 будочникъ 260.
 бумага 294, 364; торгъ бумагою 380.
 бумажныя фабрики 363.
 буравъ 607.
 бутылки 180, 191.
 бѣгъ 298, 316, 474, 475;
 б. съ флаками 297, 453.
 бѣлѣда 243, 288.
 бѣлье 280.
 бѣсты 114, 115.

В.

вазы 188—194; этрусскія вазы 191.
 ваканціи 312, 314.
 валильная глина 275.
 валильщики 227, 348, 356.
 ванны 65, 66, 188, 274, 298.
 ввозъ 373, 376.
 ведиты, см. velites.
 Венера 83; медичейская В. 142; храмъ Венеры въ Помпеяхъ 34.
 вербовка 565, 570.
 вертель 187, 247.
 вероѣ 92, 411.
 верхній этажъ 100, 105.
 верховный жрецъ 305; см. pontifex maximus.
 верша 195.

вилла Гадриана 141; вилла Гордиановъ 143; в. Манилія 140; в. Плинія Мл. 143; в. Поллія 140; в. Цицерона 140.
 виллы 134, 139, 282.
 вино греч. 247, 253; в. римское 271, 272.
 виноградная лоза 137.
 виноградникъ 137, 138.
 виноградъ 269.
 виноторговля 377.
 виночершій 246, 321, 423.
 витой столбъ 76, 161.
 вѣдучки 91.
 власть отца 317.
 вода дождевая 107, 108.
 вода (въ баняхъ) 66.
 водоемъ 70, 95, 110, 115.
 водометъ 95, 110, 117, 122, 149.
 водоотводные каналы 95.
 водопроводъ 70, 86, 95—97, 98.
 водоспускъ 96.
 водосточные желоба 108.
 водосточные каналы 94.
 водочистительные резервуары 95.
 воды 275, 282.
 военачальникъ, см. полководецъ.
 военное дѣло 529.
 военные музык. инструменты 471.
 военные дороги 87; в. машины 605.
 военный талецъ 302.
 воздѣлія 246, 250, 417, 617.
 войлочники 357.
 войско греч. 551; в. макед. 564; в. римское 567, 572; в. спартанское 561.
 волосы (уборка волосъ) 231—234, 238, 239, 307.
 волтижеръ 492.
 волынка 469.
 вольноотпущенникъ 324, 341, 342.
 вооруженіе Грековъ 529; в. Римлянъ 543.
 воронка 187, 193.
 ворота 85, 86, 98; львиная вор. 83, 85; тиринская в. 85; торжественная в. 57; триумфальная в. 58, 162; царскія ворота (на сценѣ) 42.
 воскуреніе 416, 417.
 воспитаніе у Грековъ 291

сл. у Римлянъ 310 сл., въ Спартѣ 301.
 врачебное искусство 291, 297, 359—362.
 врачи 360, 362.
 всадники греч. 554, 560; вс. макед. 565; вс. рим. 567.
 всеожженіе 420.
 вспомогательныя войска 565, 571, 572, 574.
 вуаль 229, 230.
 входные билеты (въ театрѣ) 458.
 вывозъ 374.
 вывѣски 333, 352.
 выставка товаровъ 92.
 выставные столики 175.
 вышиванье 227.
 вышиватели 356.
 вѣтеръ 244.
 вѣнки 238, 251, 271; в. какъ военныя награды 595, 596.
 вѣсы 400, 401, 402.
 вѣшалки 177.
 вѣялка 136.

Г.

гавань 91, 372, 375; хенхрейская г. 92; мевонская г. 92; остійская гавань (Кладвія) 93.
 гавсана 263; 175, 356.
 гаданіе 421, 429—430.
 гадательныя жертвы 420.
 галерея (въ храмѣ) 19;
 картинная г. 64, 71, 117;
 см. портякъ.
 Галлы (гладиаторы) 518.
 гардеробная 61, 65, 68.
 гардеробщикъ 275.
 гастаты, см. hastati.
 гвардія 573.
 гекатомба 418, 420, 428.
 геммы 242.
 географія 300.
 геометрія 300, 318.
 гераклейскія воды 275.
 Геркулесъ 442.
 Гермезъ 102.
 гермы 21, 161.
 Гестія 102.
 гимназіонъ 206, 212.
 гимназія 60, 61, 65, 297, 301; эвесская г. 63.
 гимназисты 301.
 гимнасиархія 297.
 гимнасиархъ 297, 301.

гимнастика у Грековъ 60, 294, 296; у Римлянъ 65, 279, 316.
 гимнастическія состязанія въ Римѣ 492, въ Афинахъ 452.
 гимнъ, см. хвалебная пѣснь.
 гиппархъ 554.
 гипподромъ 53, 149, 479—480.
 гири 401, 402; ручныя г. 279, 477.
 гладиаторскія игры 49, 74, 82, 485, 509 сл.
 гладиаторскія шлемы 512.
 гладиаторы 50, 512, 517.
 глашатай 423, 425.
 глина гончарная 188.
 гномонъ 202.
 гобой 466—468.
 годъ (новый годъ) 197, 482.
 голуби 267.
 голубки (заплатолискія) 129, 142.
 голубятня 138.
 гонокъ (лодокъ) 453.
 гонимый 370.
 гонимое ремесло 354, 355.
 гонимый кругъ 188, 267.
 гонимый 119.
 гонимы 347, 354.
 гошпиталь 534, 554, 556.
 городскія стѣны 84.
 городъ (форма, основаніе города) 84.
 горохъ 136, 268.
 горчица 270.
 горшокъ 184, 187.
 горѣлки (игра) 293, 315.
 госпиталь 592.
 гостепримство 334.
 гостиница 65, 101, 117.
 гостинецъ 249, 270.
 гостиница 68, 332, 334.
 грамматика 300, 318.
 грамота 294, 312.
 гранатъ (гранатное яблоко) 146, 147, 247.
 графинъ, -ничъ 188.
 грабенки 244.
 гребцы 410.
 гремушки 470.
 гробы 250, 268.
 гробница Августа 160; гр. Назоновъ 157; гр. Неволенъ Тихи 157, 159; гр. Сципионовъ 157.
 гробницы греч. 150, 177; рим. 156, фамильныя, общія гр. 157.

гробы 617, 626.
 группы 146, 147, 247.
 губка для чищенія 200.

Д.

далматка 222.
 дарейль, дарейль 387.
 двери 101, 102, 104, 105, 112; дв. храмовъ 23, 30.
 двойной бѣгъ 56, 475.
 двойной портикъ 15.
 двойной храмъ 12, 14.
 дворецъ Пріама 99.
 дворцы въ Римѣ 193.
 дворъ 98, 101, 103, 104, 135; дв. храмовъ 34, 35; заѣзжий дворъ 334.
 двукрылый храмъ 15.
 двуперстный храмъ 12.
 декорация (сцены) 42—43.
 дельфинъ (въ гипподромѣ) 54; дельфинъ (въ циркѣ) 57—58, 491.
 денарій 391, 392.
 деньги греч. 383, рим. 388.
 деревенское жилище 103, 134.
 десертъ 247, 251, 252, 259.
 дикіе звѣри 50, 136, 525.
 Диплонъ, Диплмъ 85.
 диптеръ 15, 16.
 диптихи 362.
 дискъ 298, 316, 477.
 дисциплина въ войскѣ 592.
 диоръ, см. *dioros*.
 диссарреация 306.
 дичь 136.
 Дианы культъ въ Римѣ 441.
 Диогеновъ фонарь 156.
 діонисіи 455.
 Дионисъ 35, 41, 137, 183, 457.
 домашніе боги 114, 124, 430.
 домашнія птицы 266.
 домашняя прислуга 321, 327.
 домашняя утварь 166, 347, 353.
 домъ Аетеона въ Помпеяхъ 116; греческій д. 98, 130; наемный домъ, см. *insula*; общественный д. 82; д. Одиссея 98; д. Паксы въ Помпеяхъ 111, 117, 131; римскій 106, 130; домъ трагическаго поэта въ

Помпеяхъ 121, 128; постройка домовъ 102, 131—133, 347, 352; цѣна домамъ 133.
 дорійская колонна 5.
 дорійскій стиль 8, 13.
 дорійскій хитонъ 206.
 дорога Аппія Клавдія, см. Аппіева дорога; священная д. 75, 87.
 дороги греческія 87, 98; римскія 87, 95.
 дощечки письменныя 294, 313; д. счетныя 295, 312.
 драгоценныя камни 128, 133, 193.
 драма 36, 493; сатирическія драмы 456.
 драхма 384, 385, 386, 394, 400.
 дротикъ греч. 536, рим. 548.
 духи 243, 275, 281.
 духовые инструменты 466—468.
 душа 275.
 дѣтскія игры 293, 314, 315.
 дядька 293, 321.

Е, см. Э.

Ж.

жалованье солдатъ 556, 566, 590; см. плата.
 жаровня 106, 185.
 жатва 136.
 жгутъ (игра въ ж.) 293.
 жезлъ 245.
 желоба водосточныя 108.
 желѣзныя издѣлія 380.
 желѣзо 373, 379.
 жемчугъ 134, 239, 240.
 жемчужное кольцо 9, 10.
 жемчугъ греч. 283, рим. 304, 306.
 жескія бани 65; ж. комнаты 100, 101, 114; ж. работы 287, 309.
 женщина въ греч. домѣ 286—288; ж. въ рим. домѣ 309; ж. въ Спартѣ 283, 289; положеніе женщины у Грековъ 283, у Римлянъ 304, 308.
 жерновыя камни 8, 119.
 жертвенная утварь 30, 433.
 жертвенники 22, 23, 422,

- 430, 432—433; см. алтари.
жертвенникъ Гестин 102.
жертвенный пирогъ 427, 428.
жертвенный пиръ 5, 418, 419, 420.
жертвенный царь 436.
жертвенныя животныя 417, 425, 428.
жертвогадатели 426, 429—430.
жертвоприноситель греч. 420, рим. 425, 434, 437.
жертвоприношенія 5, 285, 307, 316; ж. греческія 414 сл., ж. римскія 425; ж. общественныя 425, ж. частныя 430.
жертвы безкровныя 416, 417, 429; ж. гадательныя 420; ж. клятвенныя 421; ж. кровавыя 417—420, 425—429; ж. сожженія 416, 417; ж. умилостивительныя 422, ж. чело-вѣческія 422, 429.
живопись 117, 124, 300; роды живописи 126, 128.
жилице 93, 166; ж. Боговъ 3, 26, 27; деревенское ж. 103, 134; ж. рабовъ 135.
житница 135.
жмурки (игра) 293.
жонглёрскіе фокусы 257.
жрецъ Квирина 438; ж. Марса 438; ж. Юпитера 437; см. *Flamen Dialis*.
жрецы греч. 422—424, римскіе 434—451; ж. Августа 451.
жрица Юноны 438.
жрицы 423, 438—439.
- З.
- забавы**, см. игры; застольныя забавы 246, 253, 254, 271, 273.
забрало 513.
завивальныя щипцы 244.
завивка волосъ 232, 244.
завятки (колонны) 6, 7.
заводы 321, 346, 350.
завтрагъ 245, 248, 259, 272.
загадки 254.
завдвижки 113; см. засовы 98.
- заключеніе мира, договора** 448, 449.
закуска 248, 259, 265, 272.
зала 110, 116, 117; женская з. 100, 101, 114; мужская з. 99, 100, 101.
замокъ 105, 113.
занавѣсь 43, 47, 105, 108, 109, 110, 113, 115.
занятія женщины греч. 287, рим. 309; з. рабовъ греч. 321, рим. 327, 335; см. ремесла.
запоры 86, 113.
запряжка лошадей 542.
запѣстья 240.
засовы 98; см. задвижки.
застежки 240, 242, 533.
застольныя забавы, см. забавы.
застрѣльщики 568.
заѣзжій дворъ 334.
звонокъ банный 278.
звѣри 50, 136, 525.
звѣринцы 135, 136, 267.
звѣринныя травы, см. травы.
звѣроборцы 524.
Зевсъ (статуя) 21—22; алтарь Зевса 99, 102; храмъ Зевса въ Афинахъ 15, въ Олимпіи 19, 22.
зеленой рынокъ 77.
землѣдѣліе 135, 349.
землѣдѣльческія орудія 138.
землѣдѣльческое братство 450.
зеркала 127, 242.
знаки военные 576.
знаки отличія авгуровъ 443.
знамена 576.
знаменія предвѣщательныя 444, 445—447.
знаменоносцы 576.
золото 133, 193, 379, 383, 386.
золотой домъ Нерона 51, 133.
золотошвенъ 356.
золотыхъ дѣлъ мастера греч. 347; рим. 354, 357, 358.
золотыя деньги греч. 386, рим. 393.
зонтикъ 244, 505.
зубцы 84, 86.
зубы 10, 244.
- И.
- игра азартная** 255; и. въ бабки 256, 273; и. въ кости 255, 271, 273; и. съ мѣшкомъ 61, 299; и. въ мячъ 61, 68, 71, 279, 298, 315; и. въ орѣшки 315; и. въ царя 293, 315.
игрушка 293, 307, 314.
игры 293, 321 (см. также игра и состязанія); гладиаторскія игры 49, 74, 82, 485, 509 сл.; греческія и. 485; дѣтскія и. 293, 314, 315; застольныя игры, см. забавы; исемійскія игры 431; музыкальныя и. 485, 528; немейскія и. 481; общественныя и. 484; олимпійскія и. 472—480, пиеійскія и. 481; плебейскія и. 69, 485; римскія и. 483, 484 сл.; театральныя и. греч. 36, 37, 456 сл., рим. 47, 493 сл.; игры въ термакъ 278, 279; и. въ циркѣ 486.
издѣлія, см. торговля.
игра 266.
излюминація 200.
илоты 562.
имена рабовъ 338.
имплувій 107, 114, 122.
имѣнія въ деревнѣ 135, 321.
имя 310.
инвагурація 439, 445.
инструменты музыкальныя 463.
искусственныя вина 272.
исемійскія игры 431.
іонійская колонна 6.
іонійскій стиль 9, 10, 15, 17.
- К.
- кабинетъ** 109, 145.
каблуки 236.
кабриолеты 330.
кавсіа 229, 564.
кадальщикъ 423.
казармы 573, 574.
календаръ 486.
калитка 85.
каменъ 193, 242.
каменная живопись 128.
каменометри 609.

камешки 347, 352.
 камень 104, 378.
 камердинеры 260, 328.
 камни драгоценные 128, 133, 193; к. рѣзные 242.
 каналы 93, 94, 95, 98.
 канатные плясуны 336, 503.
 канделябры 196, 198.
 канефоры 195, 208, 453.
 капитель 6, 7, 29.
 капитолійскій планъ 48.
 капитолійское состязаніе 528.
 кашинонъ 223, 230.
 капли (guttae) 9, 11.
 каракалла (одежда) 221;
 терми Каракаллы 69.
 караулъ 561, 569.
 кареты 331.
 каретники 359.
 каріатиды 11, 17, 208.
 карлики 149, 335.
 Карнен 254.
 карнизъ 9, 10.
 картинная галлерей 64, 71, 117.
 картины 67, 115, 122—124, 127.
 картошка кушаній (обѣда) 260.
 карты (географическія) 300.
 карцеры 54, 56—58; см. carcere.
 кассетоны 33, 127.
 кассовыя книги 381.
 касташеты 470.
 катокъ 139.
 качель 293.
 каша 249, 258.
 каштанъ 147, 251, 269.
 каедрa 74, 168.
 кварталы насѣнные 119.
 квесторы 81, 358.
 квинарій 392.
 кенотафій 156, 619.
 керкиды 39, 505.
 киплопскія стѣны 88, 86.
 киль (корабля) 405.
 Киносаргъ 61.
 кирки 139.
 кирпичики 347, 352.
 кирпичъ 104, 108, 122, 352, 378.
 кноара 465.
 князь 182, 271, 395, 397;
 см. *κνῆρος* и *суаthus*.
 Кладій 87, 93, 95, 96, 97.
 кладбище 159, 615.

кладовая 99, 101, 104, 114, 116.
 клакеры 507.
 кларнетъ 466, 509.
 клеймо 323, 339.
 клейменные рабы 339.
 клемендра 202.
 клинъ (строй войска) 579.
 клины (въ театрѣ) 39, 56, 505.
 клиенты 114, 342.
 клубы 487.
 клювъ корабля 407.
 ключики 321, 336.
 ключъ 105, 113.
 клятва 421, 553, 569.
 клятвенныя жертвы 421.
 книги 365, 366, 368; баккирскія кн. 381; книги поитомковъ 436; Сивиллины кн. 440, 441; цѣна книгъ 370.
 книгопродавцы 369.
 книжная торговля 369, 371.
 книжное дѣло у Грековъ 371, у Римлянъ 862.
 ковры 40, 109, 171, 173, 379.
 когорта 568; см. *cohortes*.
 кожа (торговля кожей) 379.
 кожевники 348, 357.
 колбаса 250, 268.
 колеръ 124.
 колесницы греч. 333, рим. 329; боевыя к. 541; погребальныя к. 331; ристалищныя к. 480; триумфальныя 601.
 Колизей 51.
 коллегіи жрецовъ 434.
 колобій 222.
 колодезь 95, 97, 106, 122, 135.
 колодезные постройки 97.
 колонна дорійская 7, 29; ионійская 6, 29, коринтская 7, 29, римская 29, этруская 29; см. столбъ.
 колосъ родосскій 92.
 колотушка 105, 113.
 колумбелъ 292.
 кольца 240, 241; к. какъ архит. украшенія 6, 9.
 кольца для привязыванія кораблей 98.
 кольцо у дверей 113.
 кольнопреклоненіе 416, 425.
 команда нестроевая 566; к. пожарная 574.

комедія въ Римѣ 493.
 комитіи, см. *comitia*.
 комическія маски 461, 462.
 комнатные рабы 336, см. камердинеры.
 комнаты греч. дома 99—101, 103, 104; к. рим. дома 114, 116—117.
 комплувій 107, 114.
 конница греч. 554, 557, 560; македонская 565; рим. 570, 571; спартанская 563; легкая конница 561, 565.
 конарреация 305.
 конфекты 270.
 конюшни 101, 104, 135.
 копье греч. 529, 536, рим. 547; копье металлическое (дротинъ) 548.
 корабли 71, 117, 403.
 коренья 270.
 корзинка 195, 246, 248, 260, 292.
 корма 406, 407.
 кормилица 291, 292, 321.
 корпорація 301; см. общества.
 коробовой сводъ 31, 67, 97.
 коробочки 177, 243.
 коровникъ 135.
 коровы 136.
 корона (зданія) 9, 10, 11.
 коронка 239.
 корридоръ (въ театрѣ) 88, 39, 46; (въ домѣ) 99, 101, 109, 110, 115.
 корридоры въ гимназіи 61, 63; крытые к. 62, 64.
 косметическіе предметы 275, 281.
 костеръ 625.
 кости (игра въ кости) 255, 271, 273.
 костюмъ актеровъ 460—463, 509.
 косяки (дверные) 99, 113.
 котлы 184, 186.
 коттабъ 254.
 котурны 236, 461, 509.
 краски 124; к. надстолиція 11; см. цвѣтъ.
 краснорѣчіе 318, 319.
 крашеніе матерій 348, 356.
 кратеръ 182, 190.
 кресла 234—235.
 кресло 167, 168, 169.
 крестъ 339.
 кровать 170, 171.
 кропило 415.

кроншпица 425.
 круглые храмы 16.
 круглопапертный храмъ 13, 20.
 кружки 182, 190.
 крыло (дома) 114, (храма) 13.
 крыша (храмовъ) 10, 18, 46, 47; (домовъ) 104, 107, 119, 121, 147.
 ксиссты 61, 62, 63, 68, 149.
 кубы (игральные) 256.
 кубшникъ 180.
 кублецы 359, 568.
 кубовъ 330, 332, 333.
 кублы 257, 293, 307, 314.
 кукуруза 136.
 кубачный бой 302, 316, 478—479.
 культъ чужихъ божествъ въ Римѣ 441.
 кушакъ 274—278.
 куполь 32, 67.
 кура 136, 267.
 курія 82.
 курія Гостилія 74, 81.
 курюмъ 82, 449.
 курятникъ 138, 267.
 кушмистеръ 260.
 кухня 104, 110, 116, 130, 138, 175.
 кухонная посуда 184, 355.
 кушакъ Грековъ 245, 249; Римлянъ 258; Спартакцевъ 254.
 кушетки 171, 174.

L.

лавки 68, 74, 77, 101, 104, 111, 118, 119, 122, 175, 281, 351; мѣбельныя лавки 75, 76.
 лагерь греч. 561, рим. 584 сл.
 лажен 328.
 лабожства 249, 259, 270.
 лампадаріи 199.
 лампы 67, 135, 196, 355.
 ларя 176.
 лары 114, 124, 431; см. лагев.
 латы, см. панцырь.
 лацерна 221, 222, 576.
 легионъ 567, 568.
 легкая конница 561, 565.
 легковооруженная пѣхота греч. 540, 552, 553, 557; рим. 563.
 лейбъ-гвардія 572, 573.
 лейбъ-медики 361.

лекарн, см. врачи.
 лекарства 361, 362.
 лекномъ 180.
 лексіархъ 458.
 лектистеріи 441, 442.
 ленеи 35, 456.
 ленты 595; см. повязка.
 лентъ 356.
 лепта 387.
 леска 77.
 Лябововъ обрубъ 446.
 Лякей 61.
 ликторы 113, 434, 506, 600—601, 623.
 лира 463—464.
 Лисиврата памятникъ 8, 156.
 литургія 297, 456.
 ликомство 381.
 лицей 141, см. Лякей.
 ложе греч. 170, рим. 172.
 ложи въ театрѣ и цркъ 46, 57.
 ложка 187, 249.
 ложки (колонны) 6.
 лоза (виноградная) 137.
 Лолліи Павлинны уборъ 241.
 ломовая телега 330.
 лотерея 273.
 лотъ (корабельный снарядъ) 409.
 лохань 182, 188, 246.
 лохъ 556, 562, 563.
 лошади 136, 138; ристалищныя лошади 487.
 лукъ греч. 529, 538; рим. 550.
 Луперки 450.
 лучникъ 557.
 львиныя ворота 83, 85.
 лестницы (въ театрѣ) 38, 39, 45; (въ домѣ) 105, 110, 119.
 людская 135.

M.

Мавзолей 91, 155.
 магада (муз. INSTR.) 464.
 магазины 65, 93, см. также лавки.
 мазальи 61, 63; см. пастральи.
 мази благовонныя 243, 251.
 Максентіевъ цркъ, 56, 58, 59.
 мальва 250, 268.
 манипуль 565, 568.
 маркитанты 566, 578, 587.

Марсово поле 33, 60, 77, 81, 82, 91, 528.
 маски 460—462, 503, 509, 622.
 маслина 137, 138.
 масличныя ягоды 247, 250, 251, 254, 269.
 масло 250, 269, 281, 298, 377; благовонное масло 243, 251.
 маслобойни 135.
 мастерскія 101, 321, 351.
 матерія 224.
 материалъ обуви 357, оружія 536, сосудовъ 188; строительный м. 373, 377.
 матраць 171, 172.
 матронадіи 309.
 матроски 411.
 машины военныя 605, театральныя 42, 460.
 мачта 408.
 маяки 92.
 мебель 166, 170, 353.
 медимъ 396.
 медъ 269, 270, 271, 272; (торговля медомъ) 377.
 мельники 358.
 мельница 135, 339, ручная м. 99, 118, 187.
 Меркурій (культъ М.) 441.
 мета 54, 55, 57, 480.
 метательное копье, см. дротикъ.
 метопы (архит.) 8, 11, 30.
 метрическая книга 292, 311.
 мечъ греч. 529, 537; рим. 549; м. гладиаторовъ 515; м. лакедемонскій 538.
 мильные камни 21, 89.
 мѣля римская 399.
 мѣмика 499.
 мѣмистъ 257, 271, 622.
 мѣмическій актеръ 509.
 мѣмъ 496—497.
 мина 384, 386, 400.
 минеральныя воды 282.
 мирмиллоны 518.
 мирра 194, 251, 253, 272.
 миръ святой 423, 452.
 миски 193.
 мистеріи 454.
 митра 228.
 могила 150, 624.
 модій 397.
 мозаика 104, 114, 115, 117, 123, 129.
 молитва 414, 415, 425, 431.

молоко 247.
 молокомо 136, 139.
 монета, см. деньги.
 моноптеръ 82, 76.
 мореплаваніе 91, 413.
 морскія сраженія 60, 527.
 морское купанье 282.
 мостовая 76, 89.
 мосты 89—91.
 мость Кесаря черезъ Рейвъ 90; подземный м. 609.
 мраморъ 14, 132, 133, 378.
 мужскія бани 65; мужская зала 99, 100, 101.
 Музейонъ 80.
 музыка 246, 251, 294, 295, 302, 318, 463.
 музыкальные инструменты 463—473; изготовители муз. инструментовъ 347.
 музыкальныя игры въ Римѣ 485, 528.
 музыкальныя состязанія 44, 295, 452, 493, 528.
 музыканты 41, 116, 335, 417, 424, 435, 509, 622.
 мука 247, 249.
 мукомольное ремесло 348, 358.
 мулы 136, 184, 332, 333.
 мусть 253, 268, 271.
 мыло 275, 281.
 мѣдники 347, 353.
 мѣдныя деньги 387, 388, 393.
 мѣдъ 373, 379.
 мѣдальныя лавки 75, 76.
 мѣры вѣса (греческія) 400, (римскія) 400—401; м. длины греч. 396, рим. 398—399; м. емкости греч. 395, рим. 397; м. плоскости греч. 397, рим. 399.
 мѣста въ театрѣ 40, 504; присутственныя мѣста 80—81.
 мѣста для зрителей 38, 45, 55, 74; м. для женщинъ 50.
 мѣхъ (для вина) 181.
 мѣха (торговля мѣхами) 379.
 мѣшокъ (игра съ мѣшкомъ) 61, 298, 299.
 мѣшечная зала 61, 63, 299.
 мясники 348, 358.
 мясной рынокъ 258.

мясныя кушанья 250.
 мясо 247, 250, 258.
 мячевая зала 61, 63, 68, 71, 144, 293, 316.
 мячъ (игра въ мячъ) 61, 68, 71, 279, 293, 298, 315.

Н.

наблюденія авгуровъ 445.
 наборъ войска 554, 569, 570.
 навмахія 59, 60, 526—527.
 награды военныя 593; п. жрецовъ 423, 424, 428; п. клиентовъ 344; п. побѣдителей въ состязаніяхъ 55, 58, 474, 512, 521, 528; п. постовъ 458; п. рабовъ 324, 341; п. учениковъ 314.
 надгробная рѣчь 619.
 надгробныя памятники 153, 154.
 надзоръ въ театрѣ 506.
 надстолпіе 5, 8, 9, 10, 11, 29, 30.
 наемныя войска 555.
 наемныя квартиры 119.
 наказанія военныя 592; н. Вестадокъ 440; н. рабовъ 323, 338.
 набобникъ 239.
 напитки 245, 247, 258, 271.
 нареченіе имени 292, 310.
 наручи 515.
 наступленіе 560, 581.
 натиральня 68, 275, 280; см. мазальня.
 натиральщика 67, 280, 335, 621.
 начальники когорть 570; н. копницы 564, 567, союзныхъ легионовъ 570; см. полководецъ.
 наѣзники 53, 488.
 небесныя знаменія 446.
 невольники, см. рабы.
 невѣста 283, 284, 304, 306, 307.
 немецкія игры 481.
 нестроявая команда 566.
 ниши (въ храмѣ) 33, (въ гробницахъ) 157, 158.
 новобранцы 303, 317, 571.
 поворожденное дитя 291, 292, 301, 310.
 новый годъ 197, 482.
 номенклаторъ 328.

носилки греч. 334; рим. 328, 489.
 носъ (корабля) 406, 407, 408.
 няня 292, 293, 311, 313, 321.

О.

обоготвореніе 627.
 обозъ 559, 566.
 оболь 384, 395, 400.
 оборона 610.
 образованіе 299, 300.
 обрученіе 284, 304.
 обряды свадебные 285, 307—308; обряды при жертвоприношеніяхъ 417, 418—419, 426—431.
 обувь 234.
 общегреческіе праздники 472—481.
 общества 158, 450, 487, 512.
 общества акціонеровъ 375, 382.
 обѣденная зала 114; см. столовая.
 обѣденная софа 172.
 обѣдъ 245, 248, 259; поминальный обѣдъ 159, 619.
 овощи 146, 148, 247, 250, 258, 268, 270.
 овощной (зеленой) рынокъ 77, 258.
 овцы 136.
 овчаря 82, 135.
 огородныя растенія 136.
 ограда 82.
 ограда гипподрома 53, стадионъ 56; храма греч. 23, рим. 34.
 огурцы 148, 268.
 одежда 205 сл.; од. актеровъ 462—463, 508—509; одежда жрецовъ 424; о. рабовъ 338; о. спартапскихъ мальчиковъ 302.
 одеонъ (одейонъ) 44, 47, 103, 528.
 Одиссеевъ домъ 98.
 одноколка 330.
 одѣло 171, 172.
 ожерелье 240.
 окна 18, 34, 67, 80, 100, 105, 108, 110, 120, 121.
 олимпійскія празднества (игры) 472—480.
 слово 373, 379.

- описеодомъ 12, 15.
ораторская кафедра 74, 80, 624.
органъ (муз. INSTR.) 469.
орденъ архитектурный, см. стиль.
оркестръ 41, 46.
орудія земледѣльческія 138.
орудія метательныя 609;
о. осадныя 605 сл.; см. машины.
оружейники 347, 359.
оружіе гладіаторовъ 513.
оружіе греч. 529, рим. 543.
орѣхи 251, 270, 315.
осада 606.
осадныя башни 607, 608.
осадныя орудія 605—610.
освѣщеніе 195.
Остія 93.
отапливаніе дома 105, 130.
открытый храмъ 4, 19.
отступники 382.
откупъ пошлины 380, 382.
отпущеніе на волю 341.
отпущенники, см. вольноотпущенники.
отхожее мѣсто 106, 110, 116.
отцовская власть 317.
отцовскіе боги 102.
охотники 565, 569.
очагъ 100, 105, 106, 114, 130, 430.
очистительная жертва 310.
очищеніе 415.
- II
- палатки 561, 585, 586.
палестра 53, 60, 293, 296, 316, 475.
палица 531, 538.
палка 244, 339, 341.
палла, см. palla.
палуба 406.
памятники греч. 150, 153; рим. 156, 161; почетные пам. 156, 161; побѣдные пам. 594.
памятникъ Лисикрата 8, 156.
панасеенъ 25, 44, 215, 452—454.
панасеенскія амѣоры 190.
панегрионъ 55, 302, 478.
пантомимистъ 504.
пантомимъ 498, 504.
панцырь греч. 532, 539; рим. 544—546.
пансеонъ (Агриппы) 33, 63, 76, 127.
паперть, см. притворъ.
паширусъ 294, 363, (торговля пап.) 379.
парасангъ 397.
паразиты 248.
парики 282, 233.
паркъ 118, 133, 135, 147, 149.
парики 148.
пароль 589.
паруса 408.
парфюмеры 281.
Парсеонъ 6, 9, 12, 14, 15, 21, 26.
паспортъ 334.
пасты 275, 281.
патроль 111, 343.
паханіе полей 136, 139.
паштеты 187.
педагогъ 313, 314, 336.
педономъ 301.
пекари 119, 258, 260, 358.
пекарное ремесло 348, 358.
пекарня 118.
пектида, см. *πηκτίς*.
пелтасты 540, 557.
пелаты 114, 124, 430.
пентаголь, см. *πένταθλον*.
пентекостія 563.
пенула 223, 338, 576.
пеплосъ 25, 214, 453.
пергаментъ 295, 362, 365, 379.
перевесла 136.
передія 111, 116.
перемѣна сцены 42, 47.
перемѣны блюда 249, 259.
перепелы (или перепеловъ) 258.
переписка книги 268.
периполы храмовъ 23, 34.
периды (въ театрѣ) 50, 51; (на мостахъ) 91.
периптеръ 13, 14, 15, 32.
перистиль 65, 101, 103, 106, 110, 115, 133, 147.
періактъ 43.
періоды 346, 562.
перо 295, 365.
перстень 241, 304.
перчатки 238.
песочная 61, 63.
пестъ 187.
петасъ 229, 280, 301.
печать 114, 241, 334.
печенья 259, 270.
печки 105, 130, 185, 268.
печь 118, 130.
пикники 246, 248, 252.
пилулы 281.
пинакотека, см. картинная галлерей.
Пирей (гавань) 92.
пирогъ 250; свадебный пирогъ 305.
пирожное 251, 270.
пирриха 302; мнѣологическая п. 501.
пиршество, см. пиръ; номинальное пиршество 626, 627; триумфальное п. 603.
пиръ 117, 127, 245, 248, 259, 261, 434; жертвенный п. 5, 418, 419, 420, 428; свадебный п. 283, 285, 308.
писецъ 337.
письменные 335.
письменные приборы 365.
письменные дощечки 294, 313.
письмо 294, 312, 318, 363, 364.
письмоводитель 301, 337.
письмоосцы 335.
питье 247, 248, 251, 270, 271.
пнѣйскія игры (состязанія) 481.
плаванье 316.
Плавтovy комедія 258.
планъ капитолійскій 48.
плата астерамъ 503; п. за входъ въ бани 277; п. за ученіе 294, 297, 300, 312; см. жалованье.
платокъ 229, 230, 244.
платформы храмовъ 31, 35.
плащъ 171, 212, 222, 302.
плебейскія игры 59, 485.
плеетръ 464.
плеоръ 396, 397.
плотина 87, 88, 92.
плотники 347, 352, 563.
площадь 71, 80, 375; императорскія площади 76.
плутъ 138.
плѣнные 320, 325, 511, 523, 527.
плясуны 335, 336, 503.
плющъ 149, 238.
Плуксъ 80.
побѣдители въ состязаніяхъ 55, 58, 474, 512, 521, 528.
побѣдная повязка, лента 22, 595.

побѣдныя памятки 594.
 поваренный приборъ 185.
 поваръ 249, 258, 260.
 повозки греч. 333, рим. 329.
 повязка 6, 232, 233, 239;
 побѣдная повязка 22; см. лента.
 погребальная колесница 331.
 погребеніе 624; см. похороны.
 погребъ 105, 114, 119, 135.
 погромашка 471.
 подарки богамъ 416, 417;
 см. приношенія.
 подарки триумфаторовъ 604.
 подарки учителю 314.
 подковы 610.
 поднось 264.
 подошвы 188, 234.
 подрядчикъ 347, 353.
 подушка 172.
 пожарная команда 574.
 поздравленіе 344.
 покой, см. комнаты.
 покровъ Аенны, см. пепелось.
 покровы головные 228.
 покрывало 172, 284, 307.
 покупка рабовъ 322.
 полеводство 137.
 полевныя работы 198.
 полемархъ 563.
 полицейская стража 572, 574, 578.
 полководецъ греч. 553, 554, 555; рим. 567, 569;
 см. начальники.
 полкъ, см. фаланга, легионъ.
 полось 202.
 полотенице 249.
 полотно 224, 379.
 полъ 65, 104, 114, 115.
 помники 159, 617, 627.
 помость мозаическій 123.
 помощники жрецовъ 423.
 помѣстья, см. имѣнія.
 попожи греч. 535, рим. 546.
 попѣвники 91, 434, 435, 436.
 попойка 243, 251, 270.
 порогъ 99, 113.
 портикъ 12, 16, 47, 62, 69, 72, 75, 76, 77, 99, 115, 141; п. Агнпта

53; двойной п. 15, 78;
 п. Октавіи 34, 77; жм-вописный п. 141.
 портные 347, 357.
 портфель 367.
 посохъ 245.
 постель 171, 172.
 постоялый дворъ 332.
 построеніе греч. войска 558, рим. войска 579 сл.
 постройка дожовъ 347, 352.
 постройки богослужебныя 3.
 постъ 455.
 посуда домашняя 177 сл., п. кухонная 185; изгот-вленіе посуды 347, 353, 354; торговля посудой 374, 380.
 потовая баня 61, 66, 67, 71, 274, 282.
 похвальное слово умершему 624.
 похлебка черная 254.
 походъ 559, 560, 582.
 похоронная процессія 615, 622.
 похоронный объѣдъ 617, 619.
 похороны греч. 611, рим. 620; п. общія 619; п. спартанскихъ царей 619.
 почетныя памятки 156, 161.
 почетныя столбы 161.
 почта 332.
 пошлины 373; откупъ пошлинъ 380, 382.
 поясъ (fascia) 9; (ζωστήρ) 533.
 поясы (διαζώματα) 88, 46.
 попись (ζώνη) 208, 307.
 праздники греч. 451, рим. 482.
 праща греч. 531, 533; рим. 550.
 пращники 550, 557.
 предводитель 553, 562; см. полководецъ.
 преддверье 101, 102, 111.
 предлозіе 99.
 предзнаменованія 421, 444, 445—447.
 предсказатель, см. прорицатель.
 предхраміе 15.
 предъ-дмя 310.

преслѣдователи, см. сеситогес.
 прессы 185.
 претекста, см. praetexta.
 преторіанцы 572, 573.
 преторъ 81, 341, 506.
 приборы освѣщенія 195;
 письменныя приборы 365;
 поваренныя приб. 185.
 привратникъ 101, 105, 118, 327.
 придакое 283, 284.
 приношенія богамъ 4, 12;
 см. подарки.
 приправы 247, 269.
 прислуга 116, 321, 327, 335.
 приступъ 606.
 присутственныя мѣста 80.
 присага 421, 553, 569.
 пританей 81.
 притворъ храма 12.
 притыранье 243.
 прическа 231; см. волосы.
 Приамовъ дворець 99.
 приемъ въ гимназію 301.
 продажа рабовъ 322.
 промыслы 345.
 промышленныя продукты 373, 379.
 Прописанъ 13, 24—26.
 прорицатель 421.
 просо 136.
 простилъ 13, 30.
 простыня 171.
 прото-іонійскія формы 6.
 процессія панаеонейская 453.
 процессія въ цркъ 489;
 триумфальная процессія 598 сл.
 прыганье 61, 64, 298, 316, 476—477.
 прыжокъ 477.
 прыденье, прыжа 227, 287, 309.
 прыжки 242; см. застежки.
 прыности 253, 271.
 прылка, прыслица 227, 307.
 прыжи 227.
 псевдодиптеръ 16.
 псевдопериптеръ 15, 29, 31.
 птица 136, 266.
 птицагадаище 27.
 птицагадаиія 444, 416—447.
 птицагадатели, см. авгуры.
 птичьи знаменія 446, 447.
 публика въ аментеатрѣ

516, п. въ театрѣ 36—39, 458—459, 504—507; п. въ циркѣ 486, 487.
пурпуръ 226.
пурпуровыя матерія 379.
путеводы 91.
путешествіе 332, 334.
пучки прутьевъ, см. fasces.
пчеловодство 186.
пшеница 136, 376.
пытка 323.
пѣвецъ 246, 271, 335, 424.
пѣніе 246, 251, 254, 295, 318.
пѣтухи (бои пѣтуховъ) 258.
пѣхота легковооруженная 536, 557; римская пѣхота 567, 568; тяжело-вооруженная п. 564.
пэанъ, см. παιάν.
пальцы 227.
пятиборье 298, 476; см. *πένταθλον*.

Р.

работа за плату 345, 348; полевая работа 138.
рабство у Грековъ 319; у Римлянъ 324, 335.
рабы 101, 112, 114, 135, 138; государственныя рабы 322; грамотныя р. 337; рабы ремесленники 321; награды рабовъ 324, 341; покупка и продажа рабовъ 322; торговля рабами 322, 325.
разводъ 285, 306.
раздѣвальные 61, 68, 275, 280; см. гардеробная.
разсольдъ 250, 266.
рагушки 259, 265.
рапира 512, 513.
расписываніе вазъ 188, 189; р. комнатъ 104, 124—126.
распорядители похор. 621.
распорядитель пира 252, 260, 271.
распорядитель въ гимназій 297.
распятіе на крестѣ 339.
режиссеръ 457.
резервуаръ 95, 117; см. водоемъ; водочистительный рез. 96.
ремесленники 346, 349, 578; рабы рем. 321.

ремесла греч. 321, 347; рим. 352.
ретіаріи, см. retiarii.
реторика 300, 314.
реторы 300, 314, 318.
римско-дорійскій стиль 30.
рисованіе 300.
ристаллище 53, 56, 59.
ристалличныя колесницы 480, р. лошади 487.
рѣстанія греч. 452—453, 479—481; рим. 486—492.
рогъ (музык. INSTR.) 472, (сосудъ) 183.
родосскій колоссъ 92.
рожденіе (день р.) 248, 618.
рожь 136.
роза 146, 148, 238, 251, 272.
розага 313, 339.
рубашка 206, 533.
рукодѣліе 287, 288, 309.
румяны 243, 288.
рыба 247, 250, 259, 264; ввозъ рыбы 373.
рыбаки 359.
рынки 77, 322.
рѣзной помостъ 128.
рѣзные камни 242.
рядъ, см. рынки.

С.

садоводство 146, 149.
садъ 102, 110, 117, 133, 144, 145; садъ Алкиноа 146.
сады греч. 146, рим. 147—149; сады Кесаревы 60; фруктовые сады 147.
сажень 396.
салатъ 250, 259, 268.
салин 447.
салюетка 249, 261.
Самниты (гладіаторы) 517.
самоваръ 185, 186.
самозокъ 253, 272.
самострѣлъ 609.
сандалин 234.
санитарное дѣло 591.
саперныя работы 608.
сапоги 236—237.
сапожники 321, 348, 357.
сарай въ гипподромѣ 53, 54; въ домѣ 99; въ циркѣ 56; см. sarcerae; защитныя сарай 608.
саркофаги 157, 616.
сатирическія драмы 456.

сатурналин 145, 256, 315, 483.
сбруя 542.
свадебный пирогъ 286, 305; св. пиръ 283, 285, 308.
свадебныя пѣсни 308, 383.
свадьба греч. 285, рим. 307.
свирѣль 469.
святки 365, 366.
сводъ 31, 86, 87, 91, 95, 96, 97, 127; коробовой сводъ 31, 67, 97; стрѣльчатый св. 31, 70.
свѣтильникъ 196.
свѣчи 200.
святая святыхъ 18.
святилище 5, 12, 17, 18, 19, 27; см. также храмъ.
святой миръ 423, 452.
священная дорога 75, 87.
секстарій, см. sextarius.
сельдерей 238, 251, 270.
сельское хозяйство 135, 137.
сенакуль, см. senaculum.
Септимія Севера арка 75.
серебро 192, 379, 383, 385.
серебряники 347, 353, 354.
серебряныя деньги 384, 391, 393.
серьги 239, 240.
сестерцій 392, 393.
Сивиллины книги 440—442.
Сивиллы храмъ 34.
сидѣнья въ стадіи 55, въ театрѣ 38, 40; въ циркѣ 57.
симпосіархъ 252.
симпосіонъ 251.
синдонъ 225.
сиптоесисъ 224.
скиринга 469.
сиситій Спартанцевъ 303.
скатерть 175, 249, 261.
скачки, см. рѣстанія.
складчина 271.
скотъ 136; торговля скотомъ 376.
скребища 275, 280, 298.
слесари 359.
служанки 100, 101.
служба военная у Грековъ 552, 553, у Римлянъ 569, 571.
смирительный домъ 138, 339.

снаряды театральные 459, 460.
 снасти (корабельныя) 409.
 совершеннѣе 816.
 совѣтъ (*βουλή*) 80.
 совѣщанія гражданъ 71, 77, 82.
 сожженіе мертвыхъ 613, 625.
 солеварни 377.
 соль 247, 261, 269; торго-
 вля солью 373, 377.
 соляныя копи 377.
 состязаніе 60, 296.
 состязаніе капитолійское 528.
 состязанія, какъ воспита-
 тельное средство 296—
 298; см. гимнастика.
 состязанія атлетовъ 279,
 492; с. въ гипподромѣ
 473, 479—480; с. въ ста-
 діи 473—479; с. глади-
 торовъ 516—524; гимна-
 стическія состязанія въ
 Афинахъ 452, въ Римѣ
 492; музыкальныя с. 44,
 295, 452, 493, 528; см.
 также игры.
 сосуды 177—184; изгото-
 вленіе сосудовъ 188; ма-
 териалъ для сосудовъ
 188, 191, 192; стеклян-
 ные сосуды 193; см. по-
 суды.
 соусы 266.
 соенсты 300.
 софы 172, 173; обѣденныя
 (столовыя) софы 116, 172,
 173.
 соха 138.
 союзники 551, 570.
 спальные комнаты 100, 101,
 110, 116, 119, 122, 174;
 спальная комната Теле-
 маха 99.
 списки гражданъ 81, 317;
 см. ценсоровъ 311.
 списокъ военный 553.
 списокъ кушаньямъ 249,
 260.
 сраженія на корабляхъ 60,
 526—527.
 стадія 53, 55, 62, 70, 473
 —479; ст. въ Афинахъ
 56, въ Аэродисіи 56, въ
 Кибирѣ 56; мессенская
 стадія 55, римская ст.
 60.
 стадія (мѣра) 396, 399.

стаканы 193.
 станокъ (ткацкій) 227.
 статоръ 387.
 статистъ 457.
 статуя Афини 15, 21, ст.
 Зевса 21—22, Юпитера
 28.
 стекло 121, 191, 193.
 стеклянные сосуды 193.
 стеклянные издѣлія 380.
 стекольщики 364.
 стержень (колонны) 5, 6,
 8, 29.
 стиль дорійскій 9, 13, ио-
 нійскій 9, 10, 15, 17;
 еоринскій 10; римско-
 дорійскій 30; сложный 29.
 стирка платья 287.
 столбы 151, 161; столбъ
 Аптомина 162, Траяна
 161; вѣтой ст. 76, 161.
 стола 211, 219, 222, 225.
 столовая посуда 185; стол.
 софа 172.
 столовыя 101, 110, 116,
 127, 143.
 столъ 174—176; жертвен-
 ный столъ 23, 168, 426,
 434; общій столъ, см.
 синситин.
 столары 321, 347, 353.
 стопа (мѣра) 396, 397, 399.
 стражи 202, 203.
 стратегъ 554.
 стрижка водось 231, 232.
 строй (боевой) греч. 557,
 559; македонскій 565;
 рим. 568, 578.
 строительный матеріалъ
 373, 377.
 строительные мастера гре-
 ческіе 347, рим. 352.
 стручковые плоды 247, 250,
 258, 268, 270, 373.
 стрѣла 530.
 стрѣлка 202.
 стрѣлки 550, 564, 565.
 стрѣлометн 609.
 стрѣльчатый сводъ 31, 70.
 ступля 167—170.
 стѣнная живопись 124—
 126.
 стѣны 83; городскія ст.
 84; киклонскія ст. 83,
 86; помпейскія ст. 84.
 суда 403.
 судебныя палаты 76.
 судуки 176.
 сухари 270.

сферистерій, см. мячевая
 зала.
 сцена 41, 46.
 сценическое устройство
 508.
 счетныя дощечки 295, 312.
 счетныя книги 382.
 счетоводцы 337.
 счетъ 294, 295, 312, 318.
 съѣстные припасы 247.
 сыръ 247, 251, 254, 269.
 сѣдо 334.
 сѣкира 531.
 сѣтка 282, 289.
 сѣченіе дѣтей 302.

Т.

таблицы 106, 109, 115, 123.
 таверны, см. лавки.
 тазъ 182.
 талантъ 383, 386, 400.
 талисманъ 293; см. аму-
 леть.
 табуричь 470.
 таможи 93.
 танецъ 246, 251, 271, 318;
 военный т. 302; мими-
 ческій 498 сл.; танецъ
 салиевъ 448.
 таранъ (стѣлбѣтннн) 606.
 тарелки 183.
 театральная публіка, см.
 публіка.
 театральная репетиція 123,
 463.
 театральныя игры греч.
 456—463, рим. 493; т.
 машины 42, 460; т. мар-
 ки 505.
 театральное общество 457.
 театръ греч. 35—43, рим.
 44—48.
 театръ алабандскій 36, ас-
 пендскій 45, 46, 48, аеин-
 скій 26, 37, 40; т. Бальба
 48; т. геркуландскій 45;
 т. Діонисовъ 26, 40; т.
 мантинейскій 36, мега-
 лопольскій 38; помпей-
 скій 39; т. Помпея въ
 Римѣ 47; т. въ Сегестѣ
 38, 43.
 теламоны 67.
 телеги 330.
 теплицы 148.
 теплыя воды 275, 282.
 термы 60, 63, 277; пом-
 пейскія т. 65—67.

термы Агринны 68, 97, 277; т. Диоклетіана 69, Каракаллы 69—71, Тита 68.
 терракотта 197.
 тетрастиль 143.
 тимпанъ 470.
 тиринскія ворота 85, стѣлы 88.
 Тита термы 68.
 Тиція 450.
 твани 347—348.
 ткацкій станокъ 310.
 ткачи греч. 347, рим. 356.
 ткашь 100, 104, 114, 227, 287, 309.
 тога 206, 215; см. toga.
 токари 357, 358.
 топка 130.
 торжественная процессія 87.
 торжественныя ворота 58.
 торговля у Грековъ 372, у Римлянъ 374.
 торговля рабами 322, 325.
 тость 251, 252, 271.
 травля авѣрей 49, 50, 492, 516, 524—526.
 трагедія 35, 36, 42, 456, 493.
 трагическія маски 460.
 трагитры 333.
 трауръ 230, 233, 612, 617, 627.
 Траянъ арка 164, площадь 76, столбъ 161.
 трузубецъ гладиаторовъ 513, 515.
 треножникъ 184.
 трибонъ 214.
 трибуналь 78, 81, 504.
 трибуны 81, 317.
 трибуны военные 569, 573, 575.
 триглицъ 8, 11.
 тригонъ 466.
 триклиній, см. triclinium.
 Трималхиона пиръ 261.
 трирема 406.
 Тритонъ 86.
 триархъ, см. triarii.
 триера, 406.
 триумфальное шествіе 598.
 триумфальныя арки 162, тр. ворота 58, 162, 598; тр. колесницы 601.
 триумфальный вѣнокъ 595.
 триумфъ 597.
 тротуаръ 88, 89, 144.
 тропеи, см. tropaea.

труба (музык. инструментъ) 471—472.
 трубачи 568, 578.
 трубы 66, 95, 105, 130.
 туалетные предметы 238.
 тунель 88, 94.
 туника, см. tunica.
 турма, см. turma.
 тускульскій колодезь 97.
 туфли 234, 236.
 тѣлохранители 538, 565.
 тюрма 74, 76, 97.
 тяжелооруженная пѣхота греч. 536, 552, 553, 556; макед. 564.

У.

убавкиванья 292.
 уборка волосъ 231.
 уборка хлѣба 136.
 уборы 241.
 украшенія 238.
 уксусъ 269, 272.
 улица 89.
 умилостивительныя жертвы 422.
 унци 400, 401.
 управляющій имѣніемъ 135, 138, 321.
 упряжка 542.
 урны 157, 616, 625.
 устрицы 247, 265.
 усмиоленіе 317.
 утварь домашняя 166, 347, 353; у. жертвенная 30, 433; у. храмовая 12, 22.
 утиральникъ 275.
 ухочиства 244.
 учебныя предметы 294.
 учебный годъ 314.
 учитель 296, 311, 313, 319.

Ф.

фабриканты 346.
 фазанъ 266.
 факелы 196.
 фалага 552, 557, 564; см. строй.
 фарсъ 495, 496.
 фейдтинъ 253.
 фехтованье 279, 298, 512.
 фехтмейстеръ 512, 517.
 феніалы 448, 449.
 фенгалійскія ворота 85.
 фенгалы 503; см. фокусники.

Фидій 14, 19.
 философы 300.
 финилъ 197.
 фиалка 146, 238, 251, 272.
 фиолетовый цвѣтъ 226.
 Фламиніева дорога 157.
 Фламиніевъ цркъ 59.
 Фламиніе Юпитера 306, 318, 437.
 Фламинны 437, 438.
 Флейта 466.
 Флигели дома 114, 116, 123; ф. театра 42.
 Флигель храма 18.
 Флотъ (римскій) 412.
 фокусники 257, 271, 336.
 фонарь 200; Диогеновъ ф. 156.
 фортинга 246, 295, 466.
 форумъ 72, 75; римскій ф. 72—74, 81; помпейскій ф. 76; см. также площадь и forum.
 Фратрии 292.
 Фризеры 335.
 Фризь 8, 10, 11, 80.
 Фронтоны храма 11.
 Фруктовые сады 147.
 Фрукты 146, 247, 259, 268.
 Фунтъ рим. 400.
 Футлары 177, 365, 366.

Х.

халкунтъ 387.
 харчевни 256.
 хвалобная пѣснь 416.
 хитонъ 206, 208.
 хирурги 360.
 хлайна 214, 215.
 хламида 213, 301.
 хлопчатая бумага 356.
 хлѣбная торговля 373, 376.
 хлѣбныя растенія 136.
 хлѣбъ 118, 247, 249, 250, 270.
 хлѣвы 99, 101.
 хозяйственныя постройки 135.
 хозяйство 135, 187, 287, 309.
 хоравлъ 467, 509.
 хоревты 456.
 хорегія 456.
 хорегъ 456, 457.
 хоръ 456, 458.
 храмовая утварь 12, 22.
 храмовые служители 423.
 храмъ Антонина и Фау-

стины 80, 74; х. Аполлона-Вспомогателя 19; х. Аполлона въ Дельфахъ 3; х. Аполлона Дидимскаго 15; х. Артемиды въ Магнесіи 16, въ Эфесѣ 15; х. Аеродиты въ Аеродисіи 16, въ Пасѣ 3; х. Аенны Дѣвы 14; х. Аены въ Аеннахъ 3, 17, въ Иліонѣ 3; х. Вакха на Теосѣ 17; х. Венеры и Ромы 32, 48, 79, 142; х. Веспасіана 30, 74, 81; х. Весты 32, 83, 34, 74; х. Викторіи 48; х. всѣхъ боговъ (Пантеонъ) 33; х. Геркулеса Побѣдителя 32; х. Геры на Охѣ 4; х. Зевса въ Аеннахъ 15, въ Олимпіи 19—20, 22; х. Кастора и Поллукса 74; х. Кесарей Гайи и Луціи 16, 81; х. Кесаря 74; х. Ники въ Аеннахъ 25; х. Посейдона въ Охестѣ 4, въ Пестѣ 19; храмъ Сатурна 30, 74, 81; х. въ Селивунтѣ 13, 16; х. Сивиллы 34; х. Согласія 28, 30, 74, 81; х. Фортуны въ Пренестѣ 85, въ Римѣ 15, 307; х. Фееса 14, 823; х. въ Элевсінѣ 12, 18; х. Юпитера капитолійскаго 28; х. Юпитера Мстителя 33; х. Юпитера и Юноны 34, 868.

храмы греческіе 3—27; х. римскіе 27—35.

храмы двойные 12, 14, 17; х. двухкрылые 15, х. двухнапертные 12; храмы съ колоннадою впереди 13, 30; х. съ колоннадою съ двухъ сторонъ 18; х. круглые 16, кругонапертные 18, 20, открытыя 4, 19.

Ц.

царь жертвенный 436; ц. цира 253, 271.

цвѣтники 148, 149.

цвѣтоводство 146, 148, 149.

цвѣтъ платья 225—226.

целла, см. святилище.

цена, см. сена.

цежсоры 81, 811, 818.

центурионъ 569.

центуриа 567.

цеки 350.

цимбалы 470.

цишны 161.

циркъ 56—59; ц. константинопольскій 56; ц. Максентія 56, 59; ц. Нерона 59; ц. Фламинія 59; игры въ циркѣ 486, звѣринныя трагедіи въ циркѣ 524.

цистерна 106.

цитроль 147.

цигрь 175.

цыплята (священные) 447.

цырюльники 232.

цырюльня 232.

цѣдилки 187.

цѣлебныя воды 275, 282.

цѣна винамъ 377; ц. домамъ 183; ц. книгамъ 370; ц. рабамъ 322, 325; ц. пшеницы 376.

цѣпи 92.

цѣпочки (шейныя) 239, 240.

Ч.

чанъ 274.

часовенки 23, 124, 431.

часы водяныя 86, 202, 204; ч. солнечныя 202, 203; дорожныя ч. 204.

чаши 182, 183.

чашники 246.

чеканка 353.

челнокъ 227.

челядь 326.

чердакъ 135.

черепаша осадная 606; ч. саперная 608.

черешницы 108.

черепоконія 265.

черешня 147.

черная поклебка Спартаццевъ 254.

чернила 295, 365.

чернилица 295, 365.

четь-нечеть (игра) 293, 315.

чечевица 136.

чистота комнатъ и мебели 200, 201; ч. одежды 227, 287.

чтеніе 294, 312, 318.

чтецы 271, 337.

чужія божества въ Римѣ 441—442.

Ш.

шайка 183, 275.

шапка 228, 357, 436.

шаферь 285.

шахматы 255, 273.

швей 357.

шелкъ 225, 356.

шерсть 136, 224, 355.

шесть, см. процессія.

шитье 238.

шкафы 67, 114, 115, 177.

школа 293, 312, 318.

школы гладиаторовъ 512.

школьное обученіе 293, 294, 318.

шлейкъ 212.

шлемъ греч. 531, 533; рим. 543; шлемы гладиаторовъ 513—514.

шляпа 228, 341, 357.

шляпочники, см. войлочники.

шпильки 231, 232, 233, 239, 244.

шорники 347, 359.

шоссе 87, 88, 332.

штадартъ 577.

штукатурка 67, 104, 124.

шуты 257, 335.

Щ.

щелокъ 275.

щелочъ 281.

щетки 201.

щипцы завивальныя 232, 244.

щитомосцы 562, 564.

щитъ греч. 535, 540; рим. 546; щ. гладиаторовъ 514.

Ъ.

ѣзда верхомъ 316, 333.

ѣзда въ экипажахъ 329, 332, 333.

Э.

эврипъ (euripus) 263.

эгида, см. aegis.

эдепскія воды 276.

эдилы 81, 276.

эвнидисты 336.

экипажи 329.

экономка 185, 188.
 эксавгурація 445.
 эседры 62, 63, 65, 68, 69,
 117.
 элевсиніи 454—455.
 эманципація 317.
 эндромиды 286.
 энсавстика 125.
 эномотія 508.
 эпистиль, см. архитравъ.
 Эрехейонъ 7, 16, 17, 208.
 эскадронъ 565.
 Эскулапъ 442.
 этажъ (верхній) 71, 100,
 105, 110, 119, 120.
 этнографія 300.
 этруская колонна 29.
 этрусскія вазы 191.

эсебархъ 301.
 эсебейонъ 61, 63.
 эсебы 214, 297.
 эссеская гимназія 63.
 эхиль 6.
 Ю.
 югеръ 399.
 Юнона 28, 84, 82, 391, 438.
 Юпитеръ 28, 33, 34, 392,
 437, 443.
 Я.
 яблоки 147, 247.
 яйца 259; (ova cingiculo-
 rum) 57, 58, 491.

якори 409.
 яитаръ 191.
 ярымчекъ 180.
 ярусъ 38, 50, 95.
 ячмень 136.
 ящери 176—177.
 ящери Гекаты 102; я. Кип-
 села 177.

Ѳ.

вермопильскія воды 276.
 весавры 97.
 Фесеионъ (такъ наз. храмъ
 Фесея) 14, 323.
 анмела 39, 41, 46.
 Фраки (гладіаторы) 518.

Поправки и главнѣйшія опечатки.

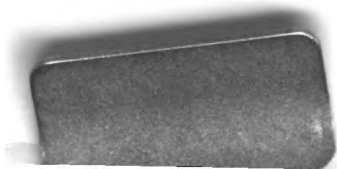
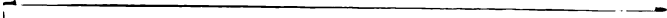
Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
7	6 сверху	палочками	плитами
31	1 —	вырочемъ	впрочемъ
41	12 —	дощатымъ поломъ	дощатый полъ
43	8 снизу	пирамида	призма
52	9 сверху	80 г.	81 г.
86	7 снизу	Кирры	Кирра
87	15 сверху	Oed. Туг. 787	Oed. Туг. 733
101	11 снизу	мѣсто	вмѣсто
109	6 сверху	между атріемъ и перистилемъ	въ атрій и перистиль
136	2 —	формамъ	фермамъ
140	17 —	Ov. Am. III. 126	Ov. Ars am. III. 126
144	20 —	propnigeum	propnigeum, t,
154	10 —	(при рисункѣ) Фрасиклен	Фрасиклен
177	11 снизу	loculamenta foruli	loculamenta, foruli
184	11 —	сосуда	посуда
187	12 —	прекрасные	прекрасныя
188	1 —	краснымъ	чернымъ
194	6 сверху	10 футовъ	10 дюймовъ
194	8 —	и представляющая	, представляющимъ
210	13 снизу	(при рисункѣ) тинѣ	картинѣ
224	18 —	льняной	шерстяной
246	11 сверху	Од. I. 73	Од. VIII. 73
248	2 снизу	13	31
263	2 сверху	въ зрѣнѣ	въ зрѣнѣ
264	3 снизу	5000 сест.	8000 сест.
279	въ заглавіи	украшенія	упражненія
292	2 сверху	это	этого
296	5 снизу	<i>уринастаи</i>	<i>уринастаи</i>
306	2 сверху	но иногда	но никогда
334	19 —	носившія	носившая
353	13 снизу	fiaturarii	fiaturarii
353	3—2 —	до вынутія	до вынутія
356	12 сверху	segarii	seginarii
368	9—10 —	Въ это время мы находимъ нѣ- кую коллекцію книгъ еще и	Послѣ того мы находимъ эту коллекцію книгъ уже
373	4 снизу	нѣкоторыхъ	нѣкоторыхъ другихъ
376	14 сверху	милліоновъ	милліоновъ мѣръ
389	3 —	былъ	быкъ,
393	8 —	бывшимъ	бывшихъ
397	1 —	акнимъ	Таенимъ

Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
402	9 снизу	привѣшивались гири	предметы привѣшивались
404	9 сверху	<i>προμηθης</i>	<i>προμηθης</i>
414	10 сверху	утомлены	УТОМЛЕНЫ
421	13 снизу	вспуhalo	сопротивлялось
421	17 —	пригодными	ПРИГОДНЫМИ ЖИВОТНЫМИ
421	16—17 —	выпустить: животными	
435	1 сверху	tubicines	tubicines
436	8 —	пригодятся	приходятся
442	10 снизу	по закону	обыкновенно
447	11 —	но только	ТОЛЬКО
457	8 сверху	<i>προταγωνιστής</i>	<i>προταγωνιστής</i>
458	17—18 —	<i>τριπόδων</i>	<i>τριπόδων</i>
499	2 снизу	опредѣлена	опредѣленна,
502	5 —	наказалось, что	казалось, что один
563	12 сверху	пентекостами	пентекостерами
575	10—11 снизу	въ отличіе отъ <i>legata legio</i>	но не <i>legata legio</i>
588	18 сверху	прибавить: Для большаго удобства между когортами 1—5 и 5—10 находилась еще <i>via quintana</i> , такъ называвшаяся по пятимъ когортамъ, при ней лежавшимъ.	но не <i>legata legio</i>
599	5 сверху	чашами	чашей
605	14 —	долководцевъ	полководцевъ
609	14 —	<i>σὺργυῆ</i>	<i>σὺργυῆ</i>

DE
71
•V4417

MAR 11 1974

